

АНАТОМИЯ И ФИЗИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ: ИСТОКИ ИНТЕГРАЛИЗМА

Недавно ушедший в историю XX в. смело можно назвать веком революций. Он начался с революций в искусстве и науке. После Первой мировой войны весь мир был охвачен великими революционными потрясениями, эпицентром которых стала Россия, поставившая перед собой высокую цель радикального преобразования социального строя всей планеты и дорого заплатившая за социалистический эксперимент. После Второй мировой войны прокатилась вторая волна революций — социалистических и национально-освободительных, перекроивших политическую карту мира. Заключительным аккордом самого кровопролитного в истории столетия стала третья волна переворотов в Советском Союзе и большинстве социалистических стран. Трудно дать однозначную оценку этих переворотов — то ли это революции, открывающие новые просторы социального прогресса, то ли контрреволюции — качественный скачок в прошлое, попытка вернуться в давно прошедшие времена как реакция на забегание вперед, то ли вторая запоздалая стадия революции, о которой пишет Питирим Сорокин в заключительной части настоящей книги. В любом случае, составные механизмы и последствия этих контрпереворотов в основном аналогичны тем, которые исследованы Питиримом Сорокиным применительно к революции. Ознакомление с предлагаемым вниманию читателей трудом поможет лучше понять анатомию и физиологию современных социальных переворотов — как революций, так и контрреволюций.

Нельзя сказать, что этот выдающийся труд был написан беспристрастным исследователем. С юношеских лет — с церковно-учительской школы с. Хреново Костромской губернии, из которой он был исключен в 1906 г. вместе со своим другом Николаем Кондратьевым после первого ареста, — Питирим Сорокин был революционером; он остался им на всю жизнь — сперва революционером в политической жизни, затем революционером в науке. Он прошел сквозь горнило русских революций 1917 г. в качестве одного из самых активных их участников и был приговорен к расстрелу. Благодаря высылке из Советской России он сумел избежать участи Николая Кондратьева и тысяч

других выдающихся ученых, репрессированных в 30-е годы, и в полной мере развернул свой талант, оставив нам огромное научное наследие, пока еще недостаточно осознанное учение, которое сам он называл интегрализмом, и которое, как все более становится очевидным, имеет шанс в XXI в. прийти на смену как либерализму, так и марксизму.

Понятно, что Питирим Сорокин не мог быть беспристрастным в исследовании и описании потрясений и трагических последствий русских революций, но в то же время, как сложившийся исследователь, крупный ученый, он дает всесторонний и глубочайший анализ этих событий в жизни общества — их причин и предпосылок, деформации поведения людей, деградации населения, раскола в социальной структуре, радикальных перемен в управлении, в экономических процессах, в духовной жизни общества. С пристрастием он характеризует и то, что позднее назовет «законом социального иллюзионизма» — разительное расхождение между идеалами и лозунгами революций и их реальными результатами и плодами.

Одновременно эта книга является свидетельством революционного переворота в мировоззрении самого автора. Позднее, на склоне лет, в автобиографическом романе «Долгий путь» Питирим Сорокин так описывает этот переворот: «Революция 1917 года разбила вдребезги мои взгляды на мир, вместе с характерными для них позитивистской философией и социологией, утилитарной системой ценностей, концепцией исторического прогресса, как прогрессивных изменений, эволюции к лучшему обществу, культуре, человеку. Вместо развития просвещенной, нравственно благородной, эстетически утонченной и творческой гуманности война и революция разбудили в человеке зверя и вывели на арену истории, наряду с благородным мудрым и созидательным меньшинством, гигантское число иррациональных человекоподобных животных, слепо убивающих друг друга, разрушающих все великие ценности, ниспровергающих бессмертные достижения человеческого гения и поклоняющихся вульгарности в ее худших формах»¹. Короткий, но поучительный опыт участия в революции потребовал пересмотра взглядов: «В это время я испытал на себе и видел слишком много ненависти, лицемерия, слепоты, зверств и массовых убийств, чтобы сохранить в неприкосновенности восторженное и бодрое мироощущение, и именно эти исторические обстоятельства... начали процесс переоценки моих ценностей, перестройки моих взглядов и изменения меня как личности... К концу 1920-х годов этот болезненный, но радостный процесс в основном завершился. Его результатом стало то, что я называю интегральной системой философии, социологии, психологии, этики и личностных ценностей... В своей завершенной форме

¹ Сорокин П. А. Долгий путь: Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991. С. 166–167.

основные принципы “интегрализма” систематически изложены в книгах, написанных за последние тридцать лет»². Таков итог этой эволюции взглядов великого мыслителя, подведенный им самим в книге, опубликованной в 1963 г. Можно полагать, что сам интегрализм станет ядром революционного переворота в обществоведении начала XXI в.³ Тем более интересно и поучительно познакомиться с первым фундаментальным трудом, в котором заложены основы этого перспективного учения.

Российская наука, да и система образования в период крушения завершающих свой жизненный цикл индустриальных парадигм активно ищут и жадно впитывают новые источники знаний, а также хотят понять суть происходящих в мире радикальных изменений и найти пути более надежного их предвидения, пути развития мировой и локальных цивилизаций, судеб России в этом кипящем котле перемен. Надежным ориентиром в этом поиске может служить опыт наших великих предшественников, среди которых одно из первых мест заслуженно принадлежит Питириму Сорокину. Проходивший в феврале 2001 г. в Москве, Санкт-Петербурге и Сыктывкаре Международный научный симпозиум, посвященный 110-летию со дня рождения П. Сорокина⁴, показал готовность современной российской мысли воспринять его идеи в качестве одного из краеугольных камней научного мировоззрения, адекватного реалиям XXI в. Не случайно так широко стали издаваться произведения великого мыслителя, прежде недоступные советскому читателю. Мы надеемся, что публикация «Социологии революции» внесет весомый вклад в этот прогрессивный процесс и будет весьма полезной не только для ученых и преподавателей, студентов и научной молодежи, но и для политиков и общественных деятелей, чье вопиющее невежество в области социальной динамики и теории революций стало причиной трагических для СССР и России ошибок.

Ю. В. Яковец, проф., д. э. н., академик РАН,
президент Международного института
Питирима Сорокина – Николая Кондратьева

² Сорокин П. А. Указ. соч. С. 167.

³ См.: Яковец Ю. В. Великое прозрение Питирима Сорокина и глобальные тенденции, трансформации общества в XXI веке. М.: МФК, 1999; Яковец Ю. В. Русский циклизм: новое видение прошлого и будущего. The Edwin Mellen Press: Lewiston-Queenston-Lampeter, 1999. Гл. 8; Яковец Ю. В. Эпохальные инновации XXI века. М.: Экономика, 2004 (раздел 6.6.2).

⁴ Возвращение Питирима Сорокина. М.: МФК-МОНФ, 2000; Return of Pitirim Sorokin. PSNRI, 2001.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современные исследователи и мыслители справедливо относят экономическое наследие Н. Д. Кондратьева и социологическое учение П. А. Сорокина к выдающимся достижениям человеческой мысли XX столетия. По сути, эти ученые впервые создали теоретическую базу цикличности общественного прогресса, охватывая и прорыв в новую постиндустриальную эпоху прогрессивных сдвигов. Их имена хорошо известны во многих странах мира, но, к сожалению, не на своей родине. Пришло время воздать должное выдающимся экономическим открытиям — долговременной цикличности Н. Д. Кондратьева и социологическому учению Питирима Сорокина, которое также приоткрыло внутреннюю сущность социологических циклограмм в жизнедеятельности обществ с различным социально-экономическим и политическим устройством. Уже в ту пору происходило идейное слияние различных ветвей обществознания и гуманитарных наук, образуя единый блок научной мысли будущего как прочного фундамента для развития прогнозирования и планирования народного хозяйства стран с разнообразным общественным устройством и присущими им циклическими (импульсными) свойствами движения. Собственно, в этом и было заключено одно из принципиальных открытий двух выдающихся русских мыслителей, оказавших тем самым активное воздействие на жизнь и прогресс человеческой цивилизации, материальную и духовную культуру своего времени.

Питирим Александрович Сорокин родился 21 января / 6 февраля 1889 г. в селе Турья Яренского уезда Вологодской губернии (ныне республика Коми). Его отец, Сорокин Александр Прокопьевич, русский по национальности, был мастером золотых, серебряных и чеканных дел. Мать будущего ученого — Пелагея Васильевна — была зырянкой (представительницей народа коми), происходила из крестьян.

П. Сорокин рано лишился родителей и уже с десятилетнего возраста, вместе со старшим братом Василием (1885–1918), стал зарабатывать на жизнь, путешествуя по селам и расписывая церкви. Начальную школу юный Питирим посещал нерегулярно, в основном в селлах, где ему приходилось работать. В 1901 г. он начал учиться в церковно-приходской школе в селе Гам Яренского уезда и успешно прошел четырехлетний курс обучения за три года.

В дальнейшем Питирим Сорокин продолжал свое образование в учительской семинарии села Хреново Костромской губернии (1904–1906), на Черняевских общеобразовательных курсах в Санкт-Петербурге (1907–1909), в Психоневрологическом институте Санкт-Петербурга (1909–1910) и на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета (1911–1914). После окончания университета он должен был отправиться за границу для подготовки к защите магистерской диссертации, но начавшаяся война, а затем революция помешали осуществлению этих планов.

Годы учебы стали для П. Сорокина и периодом активной политической деятельности. В 1906 г. он вступил в партию социалистов-революционеров (эсеров) и уже в декабре этого года был арестован за революционную агитацию. Проведя три с половиной месяца в тюрьме, Питирим Сорокин под псевдонимом «Товарищ Иван» уже на нелегальном положении продолжал действовать как агитатор от партии эсеров.

В марте 1917 г. вышел первый номер эсеровской газеты «Дело народа», в которой П. Сорокин был одним из соредакторов. В это же время он занимался подготовкой созыва Всероссийской крестьянской конференции и организацией издания правоэсеровской газеты «Воля народа». В июле 1917 г. П. Сорокин становится секретарем министра-председателя Временного правительства А. Ф. Керенского, осенью того же года избирается членом Совета Комитета народной борьбы с контрреволюцией и членом Временного Совета Российской республики (совещательного органа при Временном правительстве).

После октябрьского переворота 1917 г. П. Сорокин как активный член партии эсеров оказался в оппозиции к новой власти. Как депутат Учредительного собрания от Вологодского губернского округа, как лидер правых эсеров в ноябре–декабре 1917 г. он работает в Союзе защиты Учредительного собрания. Открытый конфликт с большевиками привел к аресту П. Сорокина (в январе 1918 г.). После освобождения в марте того же года политик переезжает в Москву для работы в Союзе возрождения России и Союзе защиты родины и свободы. Лето 1918 г. он провел в родном Яренском уезде, ведя агитацию среди местного населения против большевиков.

Осень 1918 г. стала завершающим этапом в деятельности Сорокина-политика. После восстановления власти большевиков в Вологодской губернии он снова перешел на нелегальное положение. Спасаясь от преследований, Сорокин пишет открытое письмо с отказом от членства в партии эсеров и решением отойти от политической деятельности. Письмо было опубликовано в газете «Правда» 20 ноября 1918 г. и получило высокую оценку лидера большевиков В. И. Ленина. В работе «Ценные признания Питирима Сорокина» Ленин называет письмо «чрезвычайно

интересным “человеческим документом”», который в то же время «является крупным политическим актом».

Завершение политической карьеры позволило Питириму Сорокину активизировать деятельность на научном поприще. В конце 1918 г. он приезжает в Петроград и восстанавливается преподавателем юридического факультета университета. В 1919 г. П. Сорокин выступает одним из организаторов кафедры социологии на отделении общественных наук того же университета, избирается профессором социологии в Сельскохозяйственной академии и Институте народного хозяйства. В следующем году совместно с академиком И. П. Павловым организует Общество объективных исследований человеческого поведения. В начале 1920-х годов ученый совмещает преподавательскую деятельность с работой в Институте мозга, в Историческом и Социологическом институтах.

Очередной конфликт с советской властью, приведший к принудительной эмиграции П. Сорокина, произошел в начале 1922 г. Поводом стал повышенный интерес ученого к причинам массового голода в стране в 1921–1922 гг. и особенно подготовка им рукописи книги «Голод как фактор». Вначале П. Сорокину было запрещено заниматься преподавательской деятельностью, а в сентябре 1922 г. он был выслан за пределы РСФСР.

По приглашению президента Чехословакии Т. Масарика Питирим Сорокин вместе с женой (Елена Петровна Сорокина (1894–1975), ботаник-цитолог), переезжает в Прагу. В Чехословакии ученый провел год, работая в Русском университете, редактируя журнал «Крестьянская Россия»; в это же время им написан ряд научных и публицистических работ, подготовлена рукопись монографии «Социология революции» на русском языке.

В октябре 1923 г. П. Сорокин получил из США приглашение выступить в нескольких университетах с лекциями о русской революции. Турне состоялось в начале 1924 г., после чего он был избран профессором университета Миннесоты и работал в этой должности до 1930 г.

28 октября 1930 г. ученый избирается профессором социологии Гарвардского университета. Уже в следующем году П. Сорокин организует в этом учебном заведении кафедру социологии, а чуть позже и социологический факультет, которым руководил до 1942 г.

Заслуги Питирима Сорокина как ученого-социолога были высоко оценены международной научной общественностью. В 1935 г. он был избран вице-президентом, а в 1937 г. — президентом Международного института социологии. В феврале 1949 г. П. Сорокин стал организатором «Гарвардского научного центра по изучению творческого альтруизма». В октябре 1961 г. ученый становится президентом 1-го Международного конгресса

по сравнительным исследованиям цивилизаций (Зальцбург, Австрия), в 1965 г. — президентом Американской социологической ассоциации.

Умер Питирим Сорокин 10 февраля 1968 года в г. Винчестере (США), оставив большое научное наследие. Анализ этого наследия свидетельствует о широком диапазоне интересов ученого, его эрудиции во многих отраслях знаний, врожденной пылкости ума.

Ранние работы П. Сорокина, датированные 1910–1912 гг., в основном были посвящены изучению быта народов русского Севера, особенностей их мировоззрения, другим социологическим проблемам сурового северного края, приходившегося ученому малой родиной. В эти же годы Питирим Сорокин в своих публикациях начинает обращаться к проблемам социологии как науки, к отдельным аспектам социологических проблем (вопросам преступности, самоубийств, смертной казни, брака и разводов, религии, роли партий в обществе и т. д.).

Как отмечал сам П. Сорокин, на его раннее социологическое мировоззрение большое влияние оказали русские и зарубежные мыслители — Н. К. Михайловский, П. Л. Лавров, Е. В. ДеРоберти, Л. П. Петражицкий, М. М. Ковалевский, М. И. Ростовцев, П. А. Кропоткин, Г. Тард, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, М. Вебер, Р. Штаммлер, К. Маркс, В. Парето и другие. Не случайно многие работы П. Сорокина в дореволюционный период были посвящены популяризации взглядов этих ученых. Особенно много внимания молодой ученый уделял анализу творчества французского социолога Эмиля Дюркгейма (1858–1917). Дюркгеймовской теории религии П. Сорокин посвятил две статьи, опубликованные в 1914 г.

Российский период в научных исследованиях Питирима Сорокина ознаменовался созданием позитивистской модели социологии, в основе которой лежит понимание поведения человека как совокупности движущих и сведенных к ним вербальных и эмоциональных реакций на влияние внешней среды. Ученый стал одним из основателей теорий социальной стратификации и социальной мобильности.

Теория социальной стратификации определяет систему признаков социального расслоения общества, связывая ее с такими признаками, как образование, бытовые условия, род занятий, доходы, психология и другими. В соответствии с этими признаками, согласно теории социальной стратификации, общество делится на «высшие», «средние» и «низшие» группы. Подчеркивая большую роль способностей и усилий в сфере образования человека, теория социальной стратификации связывает с этими признаками стабильность общества и реальную возможность его развития без классовой борьбы.

Понятие «социальная мобильность» означает любое перемещение людей в обществе. В зависимости от характера перемещения различа-

ют горизонтальную и вертикальную мобильность. Под горизонтальной мобильностью понимают в основном территориальное перемещение (изменение места жительства, работы, а также специальности); под вертикальной мобильностью – переход из одной социальной группы в другую.

Согласно теории социальной мобильности, классы – это группы людей, которые различаются между собой лишь социальными функциями. Поэтому классы в капиталистическом обществе становятся «открытыми», границы между ними являются условными и мобильными. Стирание отличий между классами, классовое сотрудничество – вот главная идея данной теории.

П. Сорокину принадлежит исследование социальной структуры общества, обобщение и критический анализ мировых концепций социальной стратификации населения. Он критикует теории маститых ученых-социологов, в частности О. Конта, А. Тойнби и других.

Большой вклад Питирим Сорокин внес в формулирование и конкретизацию предмета и метода общей социологии как особой общественной науки. Решение методологических вопросов ученый органически увязывал с исследованием сложных и противоречивых проблем текущего момента, их осмыслением в контексте глобальных тенденций общественного развития. Именно глубинное исследование социальных процессов в различных конкретно-исторических условиях позволило П. Сорокину стать автором теории «больших социологических волн», подобно теории «больших экономических волн» его современника Николая Кондратьева.

Ранний американский период в творчестве П. Сорокина характеризовался углубленными разработками основных положений теории социальной стратификации и социальной мобильности. В 1925 г. ученый издает книгу «Социология революции», к написанию которой приступил еще в 1922 г. Книга имела большой успех и была переведена на японский, чешский и немецкий языки.

Основным лейтмотивом указанного сочинения является исследование социальной природы революции как общественного явления, круто изменяющего ход развития той или иной страны. Обобщив опыт революций разных стран и эпох, П. Сорокин выделил несколько ключевых причин возникновения революционных ситуаций: голод, подавление импульсов собственности и свободы, подавление инстинкта самосохранения и других человеческих инстинктов. Катализатором, ускоряющим возникновение революционной ситуации, ученый считает дезорганизацию власти и социального контроля.

Для американского периода жизни П. Сорокина характерным было утверждение в новом мировоззрении, отход от бихевиоризма в социо-

логии, изучающего поведение человека как систему «реакций» на внешние «стимулы», и поворот в исследованиях к системе интегрированных ценностей — уровня образования, культуры, стремления к знаниям. Этот третий, культурологический, период его творчества был наиболее плодотворным.

Ученый пишет свое фундаментальное четырехтомное исследование «Социальная и культурная динамика» и издает его в Нью-Йорке в 1937–1941 гг. На основе обширных данных автор констатировал, что все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживали в то время серьезный кризис. П. Сорокин считал, что современное ему общество как бы находилось между двумя эпохами: «умирающей чувственной культурой нашего лучезарного вчера и грядущей идеациональной культурой создаваемого завтра».

В противовес господствовавшему в то время мнению ученых в «Социальной и культурной динамике» и ряде других работ того периода доказывал, что войны и революции не исчезают, а напротив, достигнув в XX в. беспрецедентного уровня, станут неизбежными и более грозными, чем когда бы то ни было ранее, что демократия приходит в упадок, уступая место деспотизму во всех его проявлениях, что творческие силы западной культуры увядают и отмирают.

Отрицая оптимистические диагнозы, преобладавшие в то время, Питирим Сорокин утверждал, что кризис общества имеет не обычный, а экстраординарный характер. Основная проблема, считал он, состоит не в противостоянии демократии и тоталитаризма, свободы и деспотии, капитализма и коммунизма, пацифизма и милитаризма, интернационализма и национализма, а также ни в одной из текущих политических или экономических проблем. Решение этих противоречий не уничтожит глубинную природу кризиса, поскольку его истоки лежат в иной плоскости. Отвергнув все существовавшие диагнозы и рецепты лечения кризиса, старательно изучив ситуацию в искусстве, этике, праве, науке, философии, религии, их идеациональную, идеалистическую и чувственную формы, П. Сорокин делает вывод о том, что кризис являет собой лишь разрушение чувственной формы западного общества и культуры, после которого наступит новая интеграция.

Таким образом, П. Сорокин переходит от психологических к социокультурным, образовательным, этическим характеристикам социальных систем. Он приходит к выводу, что совокупная культура не является единым интегрированным целым, а являет собой конгломерат большого количества различных социальных культурных систем и образований.

Завершив работу над четырехтомником, ученый задумал его сокращенную версию, рассчитанную на широкий круг читателей. Эта книга

под названием «Кризис нашего времени» вышла в свет в 1941 г. Она была написана выразительным, ярким языком и стала самой популярной книгой Питирима Сорокина.

В дальнейшем автор продолжал фундаментальные социологические исследования в разных сферах социологии, утверждая новое мировоззрение, способное изменить человеческое поведение, в первую очередь – качественные свойства личности и общества. Особый упор был сделан исследователем на развитие системы интегрированных ценностей – уровня образования и духовной жизни.

Среди наиболее масштабных трудов П. Сорокина, созданных в последние два десятилетия его жизни и посвященных теоретическим исследованиям в области социологии, можно выделить такие работы: «Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии» (1947), «Причуды и недостатки современной социологии и смежных наук» (1956), «Современные социологические теории» (1966).

Значительное место в творчестве ученого в 1950-е гг. занимала тема кризиса и альтруистической любви. Об этом свидетельствуют и названия целого ряда его работ: «Социальная философия в век кризиса» (1950), «Альтруистическая любовь» (1950), «Изыскания в области альтруистической любви и поведения» (1950), «Пути и могущество любви» (1954), «Американская сексуальная революция» (1957), «Власть и нравственность» (1959). В этих работах почтенный ученый-социолог призывал общественность, в первую очередь молодежь, покончить с соблазнами «чувственной» западной культуры, осознать всю ошибочность выбранного пути развития и вернуться в сфере нравственности к принципам идеациональности.

Творческое наследие Питирима Сорокина впечатляет. Он является автором более пятидесяти книг, огромного количества статей, заметок и рецензий. Его сочинения переведены почти на все языки мира. Досадное исключение составляет лишь русский язык, на котором труды великого ученого начали выходить лишь в 90-е гг. XX в. Настоящее издание призвано восполнить этот недостаток и продолжить ряд публикаций трудов П. Сорокина на его родине.

Вниманию читателя предлагается сочинение Питирима Сорокина «Социология революции». Книга была задумана еще в годы гражданской войны, но к написанию ее ученый приступил лишь в 1922–1923 гг. в Праге. Позднее текст был апробирован в США, когда П. Сорокин прочел несколько курсов по теме монографии в ряде американских университетов. В свет труд вышел в 1925 г. (на английском языке).

Книга написана очень эмоционально, с использованием в отдельных местах ненаучной терминологии для усиления чувственного воспри-

ятия материала. Такая манера изложения дает свой результат: читатель либо сразу соглашается с автором, либо ощущает желание вступить с ним в обстоятельную полемику.

Сочинение состоит из шести очерков. В первых четырех подробно анализируются социальные последствия революции, ее влияние на различные сферы личной и общественной жизни. Пятый посвящен анализу того, как в процессе революции создается иллюзия ее неизбежности, благородства целей и гениальности вождей. В шестом очерке рассматриваются причины самой революции.

Ученый начинает свои очерки с критики господствовавшего в XVIII в. рационалистического подхода к анализу поведения и психологии человека. Если рационалисты видели зло лишь во внешней среде, то П. Сорокин рассматривал человека как вместилище не только добродетельных, но и противоположных импульсов. Он отмечает, что природные инстинкты, генетически унаследованные черты, «стихийное слепое» следование толпе начинают занимать все более видное место в поведении по сравнению с разумом.

В стабильных условиях внешней среды разнонаправленные стимулы взаимно уравновешиваются и «извержение вулкана» не происходит. В изменяющихся внешних условиях приспособление происходит через рефлексы: условные и безусловные. При этом безусловные рефлексы объективно являются более сильными.

Во время революции, которую можно рассматривать как особую разновидность поведения масс, происходит ущемление безусловных рефлексов у большого количества людей. Революционная мутация поведения людей, по мнению П. Сорокина, отличается тремя основными признаками: массовостью, быстротой и резкостью смены настроений.

Специфический характер революционной мутации по-разному проявляется на первом и втором этапах революции. На первом этапе ущемление безусловных рефлексов приводит к отмиранию условных, которые ранее тормозили эти безусловные рефлексы. Далее развивается процесс биологизации поведения: он характеризуется доминированием нервного возбуждения, импульсивностью и несистематичностью поведения индивидов. Завершается первый этап революционной деформации поведения проявлением и укреплением новых условных рефлексов, «которые не тормозят, а помогают удовлетворению ущемленных безусловных рефлексов». Эти новые условные рефлексы особенно рельефно проявляются в речевых реакциях революционного времени (речах, брошюрах, листовках и т. д.).

Второй этап революционной деформации — это торможение «вырвавшихся на волю» безусловных рефлексов по причинам истощения энер-

гии в результате чрезмерно активных действий и появление контрреволюции в виде давления одних безусловных рефлексов на другие, одних ущемленных индивидов на других. После прохождения пика революционной активности наступает апатия. Далее идет возрождение угасших условных тормозов, но не само по себе, а как результат применения террора, т.е. сильных безусловных стимулов. Общество проходит ускоренный курс принудительного «морального, религиозного и правового воспитания».

Постепенно на смену жестким безусловным стимулам приходят условные тормозящие рефлексы, «социологизация» начинает доминировать над «биологизацией». При этом угасание революционной активности происходит не плавно, а зигзагообразно, так что возможны рецидивы «болезни», если формирование новых условных рефлексов происходит медленнее, чем ослабление террора.

Анализируя деформацию отдельных групп условных рефлексов (процесс угасания ненужных, зарождение новых, их последующее отмирание и возрождение старых тормозов), П. Сорокин делает вывод о том, что такой анализ дает возможность выделить черты сходства и различия целого ряда революций.

Неизбежным результатом революционной мутации поведения и отмирания условных рефлексов, по мнению автора, выступает примитивизация и дезорганизация психической жизни общества: распространение рефлекса подражания, неспособность правильно воспринимать окружающую среду, отрыв от реальности, преобладание «прямого» метода мышления и действия, мания величия, исчезновение личной ответственности и замена ее коллективной.

Опираясь на физиологическое объяснение процесса угасания условного рефлекса (как разрыва связи между анализатором и рабочей частью нервной системы), П. Сорокин ставит знак равенства между революцией и деградацией общества (моральной, правовой, психической).

Конкретными последствиями изменения поведения людей во время революций П. Сорокин называет деформацию у них речевых, трудовых, половых рефлексов, рефлексов собственности, реакций повиновения и властвования, религиозных, морально-правовых, эстетических и других форм социального поведения. Все это, по мнению ученого, приводит к деформации психики членов революционного общества.

Лейтмотивом второго очерка является положение П. Сорокина о том, что, помимо деформации поведения, революция изменяет биологический состав населения, а также активно влияет на процессы рождаемости, смертности, количество браков и разводов. Совокупность этих изменений, отмечает автор, сводится к тому, что революция уменьшает

количество населения и задерживает его прирост в результате уменьшения рождаемости. При этом кривая смертности поднимается достаточно резко.

П. Сорокин считает, что революция убивает «лучшие» по своим наследственным свойствам элементы населения и способствует выживанию «худших» элементов. Убивая наиболее здоровых, трудоспособных, талантливых, морально устойчивых членов общества, революция убивает и носителей этих наследственных свойств, производителей соответствующего потомства. В результате вырождается и деградирует нация. Этому же способствует и ухудшение в результате революции жизнеспособности и здоровья выживающей части общества.

Количество лучшей части населения страны уменьшается в годы революции еще и по причине массовой эмиграции из страны интеллектуальной элиты, не согласной с революционными преобразованиями. Некоторые из них уезжают добровольно, другие — высылаются из страны новой властью. Оставшаяся в стране часть элиты вынуждена работать на износ, быстро угасает и часто не оставляет после себя достойного потомства.

Количество браков во время революции может возрасти в результате растормаживания половых рефлексов и при условии, когда жить и бороться за свою жизнь женатому легче, чем холостому. При этом такие браки, как правило, бывают бездетными, а по своей непрочности и кратковременности превращаются в «легальную форму случайных половых связей».

На практических примерах П. Сорокин пытается доказать, что все вышеуказанные эффекты революций, при равенстве прочих условий, проявляются тем рельефнее, чем кровавее, длительнее и острее сами революции. В неглубоких революциях, отмечает автор, они будут почти незаметными.

Третий очерк посвящен анализу изменения структуры социального агрегата в периоды революций. Под указанным агрегатом П. Сорокин понимает общество в целом, которое, по его мнению, распадается не прямо на индивидов, а на целый ряд групп: религиозных, семейных, профессиональных, имущественных, партийных и т. д. Причем П. Сорокин считает, что конкретный индивид может одновременно принадлежать не к одной, а к нескольким из указанных групп. Совокупность тех групп, к которым принадлежит индивид и место, которое он занимает в каждой из них, ученый называет «системой социальных координат», определяющих положение индивида в «социальном пространстве», его социальный вес, социальную физиономию и характер поведения.

П. Сорокин отмечает, что в любом обществе постоянно происходит циркуляция индивидов из одной группы в другую, т. е. их перемеще-

ние в системе социальных координат. Следствием указанных процессов является колебание объемов (числа членов) таких групп или слоев общества. Иногда бывает так, что ряд индивидов, ушедших из некоторых групп, не вливается в существующие, а образует новую группу (например, новую партию).

В нормальных условиях, пишет ученый, все эти процессы совершаются организованно, по определенной системе, без резких скачков и катаклизмов. Совершенно иная картина наблюдается в первый период революции, когда вся циркуляция принимает анархический характер. Внутренние связи в отдельных социальных группах резко ослабевают, линии социального расслоения стираются, парализуются механизмы, ранее регулировавшие циркуляцию и перегруппировки. На более поздних этапах революции происходит воссоздание структуры агрегата, намечаются контуры расслоения на группы, но уже на новой основе, причем, по мнению ученого, новая структура не всегда радикально отличается от «старого режима».

В революционный период возникают отличия и в процессах изменений объемов групп, их состава и циркуляции от аналогичных процессов в нормальное время. В частности, указанные процессы совершаются гораздо быстрее, захватывают большее количество лиц, усиливается амплитуда колебания объемов групп, изменяется механизм отбора индивидов в ту или иную группу. П. Сорокин приходит к выводу, что члены общества, меняя места в системе социальных координат, должны соответственно менять и свое поведение. При этом особенности поведения человека, его уверенность в себе и отношения с другими членами общества П. Сорокин тесно увязывает с очень важным моментом. Дело в том, что один и тот же индивид одновременно является членом разных групп, и очень многое зависит от того, в каких отношениях между собой пребывают данные группы. Если эти группы антагонистичны друг другу и дают своим членам противоречивые директивы поведения, то и поведение индивида будет противоречиво, непоследовательно, полно колебаний. В случае согласованности действий групп «Я» индивида будет цельным, совесть — спокойной, сознание долга и обязанностей — лишенным колебаний и противоречий. Особенность революционного времени состоит в том, что в этот период намного сложнее достичь согласованности групп.

Очерк четвертый посвящен изменениям в социальных процессах в революционный период. Такие изменения, по мнению П. Сорокина, прежде всего происходят в сфере управления экономикой и духовной жизнью общества. Ученый выделяет два противоположных типа общества: централизованно-деспотическое и демократическое. В основу данной классификации был положен способ регулирования взаимоотношений

между членами общества. Ученый отмечает, что в чистом виде каждый из этих типов в истории человечества практически не существовал.

Во время революции, пишет П. Сорокин, характер общественной организации резко меняется, причем не только по отношению к дореволюционному периоду, но и на разных этапах революционного процесса. Неурегулированный анархический автономизм первых моментов революции сменяется деспотическим этатизмом, который ослабевает лишь с затуханием революционного напряжения. Эти колебания происходят тем резче, чем глубже и насильственнее революция. На примере многих революций, имевших место в истории человечества, Питирим Сорокин доказывает, что со всякой глубокой революцией неразрывно связан институт диктатуры, причем не имеет значения единоличная ли это диктатура или коллективная — она означает наличие власти, не связанной никакими ограничениями, имеющей право поступать как ей угодно, пренебрегать какими угодно правами.

В экономической сфере революция, как правило, также имеет серьезные негативные последствия. В частности, отмечает П. Сорокин, она отвлекает силы людей от борьбы с природой на борьбу друг с другом, ослабляет трудовые рефлексy, убивает уверенность в неприкосновенности собственности, ослабляет уравнительными попытками стимул личной заинтересованности. Результатом этого оказывается падение объемов производства, общее обеднение, и, в конце концов, дезорганизация всей экономической жизни общества.

Ученый доказывает, что чем кровавее, длительнее и глубже революция, тем сильнее проявляются указанные последствия. И наоборот, если революция очень краткая и малокровная, они могут быть ничтожны. П. Сорокин резко критикует тех, кто видит в революции лучшее средство борьбы с нищетой, неравенством, эксплуатацией и другими социальными бедствиями. Он сравнивает такую позицию с предложением тушить пожар керосином.

Выступая в целом убежденным противником любых революций, П. Сорокин вместе с тем указывает на некоторые положительные моменты революционного процесса. В частности, по его мнению, революция играет роль реактива, помогающего отличить «псевдознания» и «псевдоопыт» от подлинных знаний и опыта. В этом смысле ученый отводит революции селекционно-экзаменаторскую роль. Благодаря этой роли в революционную эпоху происходит ускоренная переоценка всех ценностей, огромные сдвиги в области идеологии и мировоззрения общества, крушение ранее популярных теорий. Одновременно сама революция учит многому и в ряде моментов ведет к обогащению и углублению опыта.

Однако, замечает ученый, эти положительные влияния революции аннулируются множеством неблагоприятных условий, наносящих серьезный ущерб количеству и качеству опыта, которым располагало дореволюционное общество. Главный же вред революции, по мнению П. Сорокина, состоит в том, что она количественно разрушает и качественно ухудшает образовательно-просветительский аппарат общества, дезорганизует его работу и продуктивность.

Пятый очерк, имеющий название «Иллюзии революции», посвящен революционному «тартюфству» — проблеме соотношения обещаний, даваемых накануне или в начале революции, и степени их фактического выполнения. На примере русской революции П. Сорокин показывает, как обещанная свобода обернулась диктаторским деспотизмом власти, имущественная обеспеченность — общим катастрофическим обеднением, мир и антимилитаризм — жесточайшей гражданской войной и т. д. В этой связи ученый отмечает, что любой политик должен отвечать не только за свои желания и рецепты, но и за те результаты, которые активно получают из его деятельности.

П. Сорокин далее доказывает, что отрицательный результат дают все глубокие революции, независимо от того, была ли заменена революционная власть контрреволюционной или нет. Сохранение власти в руках лиц и групп, выдвинутых революцией, отнюдь не мешает (и даже способствует) при данной же власти получению результатов, противоположных революционным обещаниям.

Заключительная часть «Социологии революции» посвящена причинам возникновения революций. Основной такой причиной П. Сорокин называет ущемление главных инстинктов у значительной части общества, невозможность минимально необходимого их удовлетворения, независимо от причин такого ущемления. Эта причина, в свою очередь, состоит из множества более мелких причин, которые, в зависимости от времени и места, могут быть самыми разными.

С точки зрения физиологии, П. Сорокин объясняет указанную причину тем, что ущемленный рефлекс начинает давить прежде всего на ряд условных рефлексов, мешающих его удовлетворению. В результате множество тормозных условных рефлексов гаснет, поведение человека начинает биологизироваться. Если власть и группы порядка не в состоянии усилить тормоза, наступает революция поведения ущемленных лиц.

На примере возникновения целого ряда революций П. Сорокин аргументированно доказывает, что их причиной в значительной (а иногда и в решающей) степени были голод, ущемление инстинкта собственности, инстинкта индивидуального и группового самосохранения, полового инстинкта, рефлекса свободы, самореализации и т. д. Конечно, отмечает

автор, формальным поводом начала революции всегда является конкретное событие, часто довольно незначительное. И оно никогда не стало бы катализатором революционного процесса, не будь последний уже подготовлен ущемлением целого ряда инстинктов и интересов.

Для наступления революции, пишет далее П. Сорокин, необходимо не только массовое ущемление основных инстинктов, но и наличие неумелого и недостаточного торможения революционного взрыва. Под последним ученый понимает неспособность власти противостоять давлению ущемленных интересов, ослабить причины такого ущемления, разделить «ущемленные» группы на части и противопоставить их друг другу, а также дать выход ущемленным инстинктам в неревolutionционной форме.

Способность власти противостоять революционным событиям, отмечается в исследовании, в значительной степени зависит от персонального состава властных структур. Автор приводит слова В. Парето о том, что «правительство из глубоких ученых едва ли не худшее и наиболее импотентное из всех правительств». Поэтому, отмечает П. Сорокин, во время революций власть неизбежно переходит от таких интеллигентных кругов к людям действия и к массам, мало думающим, но не страдающим отсутствием решительности и энергии. Их лидерство сохраняется до тех пор, пока они не израсходуют свою энергию, либо пока не встретят достойную по силе контрреволюцию.

Появление самой контрреволюции П. Сорокин также увязывает с ущемлением инстинктов масс. Дело в том, что первая стадия революции не только не уничтожает этого ущемления, но и во многом усиливает его. Поведение масс, отныне управляемое лишь стихией безусловных рефлексов, становится анархическим. В результате перед людьми возникает дилемма: или погибнуть, продолжая революционный разгул, или найти новые выходы.

Ущемленные инстинкты приводят массы к необходимости торможения безудержного разгула многих инстинктов и восстановления угасших тормозящих условных рефлексов. Путем трагического опыта они приходят к осознанию, что многое из того, что раньше они считали «предрасудком» и от чего «освободились», является в действительности рядом условий, необходимых для нормальной совместной жизни, для существования и развития общества.

Питирим Сорокин завершает свое исследование выводом о том, что общество, пытающееся решить свои проблемы путем революции, платит за это вымиранием значительной и во многом лучшей части своих членов. Только заплатив эту дань, оно, если не погибает совершенно, получает возможность существовать и жить дальше. Причем возврат к нор-

И. Ф. КУРАС, И. И. ЛУКИНОВ, Т. И. ДЕРЕВЯНКИН

мальной жизни, подчеркивает ученый, происходит не путем полного отрыва от своего прошлого, а наоборот, путем возвращения к большей части своих устоев, институтов и традиций. Если общество не способно вступить на этот обратный путь, то революция заканчивается гибелью этого общества.

И. Ф. Курас, вице-президент Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины

И. И. Лукинов, директор Института экономики НАН Украины, академик НАН Украины

Т. И. Деревянкин, ведущий научный сотрудник отдела экономической истории Объединенного института экономики НАН Украины, кандидат экономических наук

СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Эта книга написана в Чехословацкой республике. Изгнанный из России Советским правительством, я нашел в ней братский приют. Считаю своим долгом принести мою глубокую благодарность Великому Чешскому Народу и Правительству Чехословацкой Республики в лице глубокоочтимого Президента, профессора Т. Г. Масарика, министра-председателя А. Швегла, министров д-ра Э. Бенеша и д-ра В. Гирсы.

Не могу не выразить моей признательности за исключительно внимательное отношение ко всем русским д-ру Алисе Масарик, д-ру К. П. Крамаржу, сенатору Клофачу и многим другим лицам. Они, как и весь чешский народ, в эти тяжелые для России годы проявили столь редкую заботу о русских и оказали такую громадную помощь, которые поистине являются исключительными в истории, которые не могут быть и не будут забыты русскими.

*Horní erno ice u Prahy
Октябрь 1923 г.*

ВВЕДЕНИЕ

1

После ряда лет мирного «органического» развития, история человечества снова вошла в «критический период»^{1*}. Революция, ненавидимая одними и восторженно приветствуемая другими, наконец, разразилась. Одни страны уже пылают в ее пламени, другие стоят перед этой опасностью. Кто может сказать, как широко разольется пожар революции? Кто вполне уверен в том, что если не сегодня, то завтра ее ураган не снесет и его дом? *Ignoramus*^{2*}. Но зато мы можем знать, *что она такое*.

Мы живем в ее стихии. Мы можем наблюдать, анализировать и изучать ее, подобно всякому естествоиспытателю. Если ученый бессилен предотвратить Революцию, то, по крайней мере, он должен пользоваться современными, исключительно благоприятными условиями ее изучения. Это важно теоретически... Это важно и практически: более глубокое познание Революции может помочь выработке и более целесообразного практического отношения к ней...

В течение пяти лет автор данной работы жил в стихии Великой Русской Революции. Пять лет он изо дня в день наблюдал ее. Итогом этого наблюдения и изучения и явилась данная работа. Она представляет не идеографическое^{3*} описание Русской Революции, а попытку социологического анализа явлений, типичных для серьезных и глубоких революций вообще.

Историк заинтересован в точном описании данного исторического явления как такового, во всей его конкретной индивидуальности и неповторимой единичности. Задача социолога существенно иная: при изучении любой категории социальных явлений для него важны лишь те черты, которые являются общими для явлений этого типа, когда бы и где бы они ни происходили. «Битва при *Танненберге*^{4*} принадлежит ведению истории, *битва* при Танненберге — ведению социологии; *Берлинский университет* — истории, *Берлинский университет* — социологии», — правильно говорит Зомбарт¹. Русская Революция со всеми ее особенностями — дело историка. Русская Революция как тип

¹ *Sombart W. Soziologie. Berlin, 1923. S. 7. [Примечания, обозначенные цифрами, под*

революции вообще – предмет анализа социолога. Правда, мы часто слышим возражение: «История человечества не повторяется». Но ведь не повторяется и история Земли, Солнечной системы и доступной нам части космоса. Не повторяются с полной тождественностью организмы, клетки и даже элементы последних. Мешает ли это, однако, повторению в этом неповторяющемся процессе множества явлений, описываемых законами физики, химии и биологии? Разве H_2 и O не давало бесчисленное количество раз воду на Земле, несмотря на неповторяющуюся историю последней? Разве не повторялись здесь множество раз обратная пропорциональность объема газа давлению, явления, описываемые законами Ньютона, Авогадро – Жерара, Менделя и т. д. ?

Тем самым я хочу сказать, что *неповторяющийся в целом исторический процесс соткан из повторяющихся элементов.*

То же самое справедливо и по отношению к истории человечества.

И здесь «сходные причины в сходных условиях производят сходные следствия». Война и мир, голод и обогащение, завоевание и раскрепощение, рост и упадок религии, власть меньшинства и большинства и т. д. – все эти явления, взятые в качестве «независимых переменных» (или причин), много раз повторялись во времени и в пространстве. При всем различии условий, в которых они повторялись, основное сходство явлений одного и того же рода, например войн, где бы и когда бы они ни происходили, не могло быть целиком уничтожено варьирующимися условиями. В силу этого в большей или меньшей степени должны были повторяться и «функции» (или следствия) таких однородных «независимых переменных».

Старая теория Экклезиаста, заброшенная социологами, увлекшимися отысканием мнимых «исторических законов развития», была не так далека от истины^{5*}.

Ошибка многих теоретиков «повторения» состояла лишь в том, что они искали «повторений» не там, где их следует искать. Они даны не в сложных и грандиозных событиях истории, а в явлениях элементарных, будничных, из комбинаций которых слагаются и на которые разлагаются эти события². При таком подходе непрерывное творчество истории становится не столь уж бесконечно разнообразным. Она ста-

строкой – прим. П. Сорокина. Примечания, обозначенные цифрами со звездочкой – составителя, даются в конце книги.]

² Подробное обоснование теории повторения см. в третьем томе моей «Системы социологии», подготовленном к печати. См. также: Ross E. Foundations of Sociology. New York, 1920. P. 75–76, 61; Тард Г. Социальные законы. СПб., 1906. Гл. I;

новится похожей на автора, без усталости пишущего все новые и новые драмы, трагедии и комедии, с новыми действующими лицами, с новой обстановкой, но... с сюжетами, много раз уже фигурировавшими в предыдущих произведениях этого неутомимого и плодовитого творца. Подобно «исписавшемуся писателю» история, при всем своем творческом богатстве, невольно «повторяется».

Все сказанное относится и к «трагикомедии», называемой «Революцией». На исторической сцене она шла и идет довольно часто. При этом каждая постановка не похожа на другую. Различны условия времени и места, различны декорации и актеры, костюмы и грим, монологи, диалоги и хор толпы, число актов и размах «исторически-театральных эффектов». И, тем не менее, во всем этом несходстве повторяется множество сходств: при всем различии декораций, актеров и т. д. разыгрывается одна и та же пьеса, что и дает основание называть разные ее постановки одним и тем же названием «Революция».

Все это дедуктивно следует из вышесказанного. Это же читатель увидит и из дальнейшего.

2

Спросим себя теперь: *что же нужно понимать под Революцией?*

Определений ей существует великое множество. Наибольшее место среди них занимают определения, абсолютно негодные. Сюда относятся, с одной стороны, определения «шоколадно-сладкие», с другой — «укусно-горькие». Под ними я разумею те дефиниции, которые имеют дело не с реальными революциями, в той форме, в какой они даны в истории, а с чистыми фикциями, продуктом собственного воображения авторов таких определений. «В наше время о революции можно говорить лишь там, где сумма свобод увеличивается», — читаем мы, например, у Бернштейна³. «Обычно принято называть русский октябрьский переворот революцией, — читаем мы у другого автора, — но пытки и революция — явления несовместимые. Там, где пытки — бытовое явление, там только реакция. Одна реакция»⁴.

Эти концепции революции могут служить примером «приторно-шоколадных», чисто фиктивных определений революции. Почему? Да хотя бы потому, как увидит ниже читатель, что огромное большинство

Novisow J. Consicence et volanté sociales. Paris, 1897. P.96–97; *Bauer A.* Essai sur les Révolutions. Paris, 1908. P.1–8; *Мауф Г.* Закономерность общественной жизни. М., 1899.

³ Дни. № 17.

революций (если не все) в течение самого революционного периода и в периоды послереволюционные фактически, а не на словах, не только не увеличивали «сумму свобод населения», а неизменно ограничивали, часто доводя ее до нуля. Следует ли отсюда, что ряд античных революций, революции средневековые, Великая Французская Революция или Русская Революция наших лет не являются революциями?

Революция и пытки, ответим мы второму автору, не только не представляют собой явлений несовместимых, но, наоборот, любой подлинно глубокий революционный период всегда отмечен колоссальным ростом убийств, садизма, зверства, пыток, истязаний и т. д., намного превышающих нормы неревolutionного времени (см. ниже). Следует ли отсюда, что Русская или Французская, Английская или Гуситская революции^{6*} перестают быть революциями? Эти примеры показывают всю фиктивность и произвольность подобного понимания революции. Авторы таких концепций – Дон-Кихоты революции, не желающие видеть прозаическую девицу из Тобосо или таз цирюльника, а видящие вместо них прекрасную Дульсинею Тобосскую и чудесный шлем рыцаря.

Если такой метод допустим в других областях поведения, то он абсолютно недопустим в области науки, обязанной изучать мир сущего таким, каким он дан.

Некоторые из подобного рода иллюзионистов пытаются найти выход из этих противоречий, указывая на то, что все эти «отрицательные» явления не относятся к существу революции, а представляют собой некий случайно привходящий элемент или проявления не «революции», а «реакции».

И в этой аргументации скрыт тот же иллюзионизм, смешанный с мистицизмом.

Если подавляющее большинство революций сопровождается неизменно такими же «отрицательными» явлениями (пытками, уменьшением свобод, обеднением, одичанием и т. д.), то какое основание имеется у нас для того, чтобы называть эти явления «случайным элементом»? Никакого, кроме *credo quia absurdum*^{7*}, с которым науке не по пути. Называть их «случайным элементом Революции» можно с таким же основанием, с каким понижение ртутного столбика – «случайным элементом» понижения температуры. Ссылка на «реакцию»? Иллюзионисты «шоколадно-сладкого» типа, употребляя этот термин, едва ли отдадут себе полный отчет во всем его огромном значении. Для них, пожалуй, неожиданным будет заявление, что *любой революционный период, как целое, неизбежно состоит из двух частей, неразрывно связанных друг с другом и неотделимых одна от другой, как неотделима голова живого человека от его туловища.*

«Реакция» не есть явление, выходящее за пределы революции, а неизбежная часть самого революционного периода — его вторая половина. Диктатура Робеспьера или Ленина, Кроуверля или Яна Жижки означала не конец революции, а ее разгар. Между тем, эти диктатуры знаменовали вступление революции во второй ее период — период «реакции», или «торможения», — а не знаменовали конец революции. Только тогда, когда кончается «реакция», когда общество входит в период нормального органического развития, только тогда революция может считаться оконченной. Вот почему иллюзионисты, жалуясь на «реакцию», не понимают, что тем самым они поносят революцию во второй ее стадии, столь же неотделимой от существа революции, как и первая ее стадия.

Схематически эта мысль может быть выражена так:

Нормальный период	Революционный период		Нормальный период
	1-я стадия	2-я стадия («реакция»)	

Все сказанное об иллюзионистах «сладко-шоколадного типа», с соответствующими изменениями, применимо и к иллюзионистам «уксусно-горького» типа. Видя в революции «исчадие ада», «дело сатаны» и т. д., они так же далеки от понимания подлинной сути революции, как и первые.

Восхваляя «реакцию», они не понимают, что вопреки себе восхваляют революцию, отвергаемую ими, но только не в первой, а во второй ее стадии.

Сказанного достаточно, чтобы понять, почему все подобные концепции революции абсолютно непригодны.

Другие определения Революции более научны. «Революция» — это изменение конституции общества, реализуемое путем насилия⁵. Das Wesen der Revolution besteht in einem plötzlichen, un stetigen Übergang von einem Politischen Gesamtzustand zu einem anderen, insbesondere von einer Rechtsordnung des öffentlichen Lebens zu einem anderen... in einer plötzlichen Verschiebung der Machtverteilung^{6/8*}. Против подобных определений возразить нечего, кроме того, что они... слишком формальны и далеко не исчерпывают такого сложного явления, как Революция.

Я не намерен прибавлять ко всем этим определениям еще одно дополнительное. Социальные науки слишком злоупотребляют опреде-

⁴ Там же.

⁵ Bauer A. Essai sur les Révolutions. P. 11, 16.

⁶ Vierkandt A. Zur Theorie der Revolution // Schmoller's Jahrbuch für Gesetzgebung. 46 Jahrgang. Heft 2. 1922. S. 19–20.

лениями, чаще всего не давая по существу ничего, кроме чисто словесных формулировок.

Я поступлю иначе — так, как часто поступают естествоиспытатели. Я просто возьму и буду изучать ряд революций разных времен и народов: русские революции 1917–1923, 1905 гг., XVII в., Французские революции — 1870–1871, 1848, 1789 гг., Германскую 1848 г. (революцию 1918 г. не беру, ибо она еще не закончена), Английскую революцию XVII в., ряд средневековых революций, ряд античных революций, Египетскую, Персидскую (при Кобаде) и другие крупные революции. Это изучение покажет фактически основные черты того, что зовется Революцией. В стороне оставляю лишь такие «революции», которые, подобно Чешской 1918 г. или Американской XVIII в., представляют собой не столько борьбу одной части данного общества с другой, сколько борьбу данного общества с иным, гетерогенным для него обществом. Такие революции представляют собой скорее войну одного общества с другим и существенно отличаются от «революций» настоящих, происходящих внутри одного и того же общества. Вот почему я исключаю их из коллекции изучаемых мною революций.

И в этих последних мое внимание больше всего приковано к революциям глубоким и «великим», потому что на них всего резче выявляются свойства революций. В ряду их наибольшее внимание отводится мной происходящей на наших глазах «Русской революции». Она заслуживает этого внимания и потому, что по своей глубине и размаху является одной из самых великих революций, и потому, что я имел возможность изучать ее непосредственно, и потому, что она проливает свет на многие стороны прошлых революций. Последние два обстоятельства, с моей точки зрения, особенно ценны: в противоположность распространенному мнению «о суде истории», согласно которому принято считать, что «издали виднее», что «спустя ряд поколений можно лучше судить об исторических событиях», что «не столько настоящее помогает понимать прошлое, сколько наоборот, только через прошлое можно понять и осветить настоящее», — я придерживаюсь мнения противоположного. Не потомки, а современники исторических событий с их непосредственным опытом (а не косвенным, основанным на случайно сохранившихся документах), с их ежедневным и адекватным восприятием явлений (а не опосредствованным, отрывочным, случайным и искаженным конструированием их), являются лучшими знатоками, наблюдателями и судьями. Это станет еще более бесспорным, если эти современники могут расширить круг личного наблюдения наблюдением массовым, статистическим учетом и другими научными методами корректировки своего непосредственного опыта. При таких условиях

они несравненно более гарантированы от ошибок историка, изучающего события «издали», по редким и случайным данным, до него доходящим.

В естествознании непосредственный опыт давно уже признан более предпочтительным, чем косвенный: прошлое давно уже объясняется посредством производимого эксперимента или наблюдения данного времени. В социальных науках, увы, это еще не вполне усвоено. Здесь недостаточно еще понята вся ценность методологического правила: объяснять не столько прошлым настоящее, сколько через наблюдение и изучение процессов настоящего пытаться понимать многое из прошлого.

В силу этих соображений становится вполне понятным, почему наибольшее внимание я уделяю Русской революции. Ее прямое наблюдение помогает ориентироваться в других революциях, происходящие в ней процессы дают руководящие указания при анализе процессов последних.

Изучаемая таким образом коллекция революций действительно обнаруживает ряд сходств и однообразных закономерностей, в совокупности составляющих явление Революции.

Каковы эти процессы и сходства, читатель увидит из книги. Скажу только, что приведенные определения Революции учитывают лишь очень немногие, и едва ли даже самые главные черты и процессы, из которых состоит последняя.

Революция – это прежде всего определенное изменение поведения членов общества, с одной стороны; их психики и идеологии, убеждений и верований, морали и оценок, – с другой. Каков характер этих изменений – ответ дается в первом очерке.

Революция означает, далее, изменение биологического состава населения, характера селекции, процессов рождаемости, смертности и брачности. Этой проблеме посвящен второй очерк.

Революция, в-третьих, означает деформацию морфологической структуры социального агрегата. Этому посвящен третий очерк.

Наконец, революция знаменует изменение основных социальных процессов. Этому посвящен четвертый очерк.

Пятый очерк дает краткое резюме произведенного нами анализа, своего рода «философию революции».

Шестой посвящен анализу причин революции.

Наконец, в виде приложения я присоединяю к книге очерк, посвященный этатизму^{9*}, который развертывает подробный ряд тезисов, очерченных в самой книге...

Таково вкратце содержание данной работы.

Отношение к революции чрезвычайно субъективно. Поэтому исследователь должен быть сугубо объективным. Абсолютно это не достижение, но в меру сил должно быть выполнено.

Явления Революции чрезвычайно эффектны, экзотичны и романтичны. Поэтому исследователь должен быть особенно прозаичным. Он должен подходить к ее исследованию с методами и заданиями натуралиста. Не порицание или похвала, не апофеоз или оплевывание революции являются целью данной работы, а изучение революции такой, какова она есть на самом деле.

В этих целях каждое формулируемое положение я стараюсь подтвердить соответствующими ссылками на факты. Конечно, в целях краткости я даю лишь минимум доказательств, отсылая за дальнейшими к цитируемым источникам. Лишь в порядке исключения я изредка отступаю от точки зрения исследователя и позволяю себе «оценочные суждения» моралиста. Но они столь резко отделены от описательных суждений, что не введут никого в заблуждение. В отличие от последних, они ни для кого не обязательны...

Таковы вкратце основные методологические приемы, которыми я руководствовался.

3

Подлинная природа Революции совсем не похожа на те романтически-иллюзионистические представления о ней, которые столь часто складываются у безусловных ее апологетов. Многие черты Революции, указываемые в данной работе, вероятно, покажутся им оскорбительными, искажающими «ее прекрасный лик». Естественно поэтому ожидать, что в моей книге они найдут «реакционный» дух. Что ж, я охотно иду навстречу такому обвинению и готов принять на себя ярлык «реакционера», но... весьма своеобразного. Из книги читатель увидит, что революции исследуемого мною типа — плохой метод улучшения материального и духовного благосостояния масс. Обещая на словах множество великих ценностей, на деле, фактически, они приводят к противоположным результатам. Не социализируют, а биологизируют людей, не увеличивают, а уменьшают сумму свобод, не улучшают, а ухудшают материальное и духовное состояние трудовых и низших масс населения, не раскрепощают, а закрепощают их, наказывают не только и не столько те привилегированные классы, которые своим паразитизмом, своим распутством, бездарностью и забвением социальных обязанностей заслуживают если не наказания, то низвержения со своих командных постов, сколько наказывают те миллионы «труждающихся и обре-

мененных»^{10*}, которые в припадке отчаяния мнят найти в революции свое спасение и конец своим бедствиям.

Если с объективной точки зрения «завоевания революции» таковы, — а они именно таковы, — то во имя Человека, его прав, его процветания, его свободы, во имя материальных и духовных интересов трудовых классов я считаю не только своим правом, но обязанностью воздерживаться от идолопоклонства пред Революцией. Среди многочисленных бэконовских *idola* есть и «идол Революции»^{11*}. В ряду многих идолопоклонников и догматиков, приносящих живого человека в жертву разным «божкам», одно из первых мест занимают идолопоклонники Революции... Этому «идолу» уже принесены в жертву миллионы людей, и все еще мало! Его почитатели продолжают требовать все новые и новые гекатомбы^{12*}. Не пора ли отказаться от таких человеческих жертвоприношений молочу Революции! Памятуя о том, что «не человек для субботы, а суббота для человека»^{13*}, во имя Человека я отказываюсь от поклонения этому идолу. Если я не могу предотвратить этих гекатомб, ибо революция — стихия, то могу воздержаться от славословия и благословения несчастной Трагедии Революции. Как всякая тяжелая болезнь, Революция бывает неизбежным результатом многих причин. Но неизбежность болезни не обязывает меня хвалить и одобрять ее. Если такое воззрение есть «реакция», то я охотно принимаю на себя кличку «реакционера».

С чисто практической точки зрения революционный метод лечения общественных зол так дорог, что «завоевания революции» ни в коем случае не оправдывают «расходов». Поэтому он и в этом отношении непригоден.

Наконец, изучая историю человеческого прогресса, я давно уже убедился в том, что главные и подлинные завоевания на этом пути были результатом подлинного знания, мира, солидарности, взаимопомощи и любви, а не ненависти, зверства и дикой борьбы, — явлений, неизбежно связанных со всякой глубокой революцией. «Бог не в громе и буре, а в тихом ветре», — так формулируется эта истина в Библии^{14*}. Вот почему в ответ на призывы и славословия Революции мне хочется сказать словами Евангелия: «Отче мой! Да минует их чаша сия!»^{15*} Правда, в применении к неглубоким революциям, не сопровождаемым огромной гражданской войной, все эти опасности в значительной мере как будто уменьшаются. Низвергнуть власть и дегенерировавшую аристократию, мешающую развитию общества, ценой небольших жертв и усилий на первый взгляд кажется делом практически целесообразным. Если бы дело обстояло так, то мне нечего было бы возразить на это. Я не защитник и не поклонник бездарной, паразитарной и выродившейся аристо-

кратии. Но, увы, революции — говоря языком медицины — похожи на «болезни атипические», ход и развитие которых врач не в состоянии предсказать. Иногда, начав с незначительного симптома, не внушающего никаких опасений, они неожиданно осложняются и кончаются смертельным исходом. То же самое можно сказать и о революции. Кто может быть вполне уверен, что, зажигая маленький костер революции, он не кладет начало огромному пожару, который охватит все общество, испепелит не только дворцы, но и хижины рабочих, уничтожит не только «депотов», но и... самих зажигателей вместе с тысячами невинных лиц? — Никто! Поэтому в таких вопросах особенно необходимо «семь раз отмерить, прежде чем один раз отрезать».

Это особенно следует помнить сейчас, когда воздух полон горячего материала, когда порядок — необходимое условие прогресса — колеблется, когда стихия революции захлестнула ряд обществ и грозит другим. Человечество сейчас, быть может, более чем когда бы то ни было, нуждается в порядке. Даже худой порядок лучше беспорядка, как «худой мир лучше доброй ссоры». Вместо революционных путей и экспериментов есть другие пути улучшения социальных условий и проведения смелых реформ. Эти пути сводятся к следующему канону (canons) социальной реконструкции.

1. Никакая реформа не должна насилловать человеческую природу и противоречить основным ее инстинктам. Русский коммунизм, как и большинство революционных опытов, пример обратного.

2. Любая реформа должна считаться с реальными условиями. Большинство революционных реформ представляют собой грубое нарушение этого условия.

3. Практическому осуществлению реформы должно предшествовать внимательное изучение положения дел и конкретных условий. Революции полностью игнорируют и это условие.

4. Реформационный опыт должен быть испробован сначала в малом масштабе и только тогда, когда в этом малом масштабе он даст положительные результаты, возможен переход к опытам в большом масштабе. Революции, конечно, игнорируют это условие.

5. Реформы должны проводиться только легальными и конституционными методами, элемент насилия должен в них отсутствовать или допустим в совершенно ничтожном размере. Революции — полное отрицание этого правила⁷.

Несоблюдение этих правил обрекает всякую попытку реформы на большую или меньшую неудачу. Пора бы это усвоить. Но, увы, эти пра-

⁷ Об этом каноне см. : *Ross E. Foundations of Sociology. Ch. XLV.*

вила, соблюдаемые при постройке моста или при улучшении породы и условий существования коров, почему-то признаются излишними при реконструкции человеческого общества. Невежда здесь делается смелым революционным реформатором, учет реальных условий и изучение положения становятся «буржуазным предрассудком», требование осторожности и предварительного опыта в малом масштабе — трусостью и нечестностью, ненасильственный метод — «реакционностью», «дух разрушающий» *eo ipso*^{16*} признается «духом созидающим»^{17*}. Мудрено ли поэтому, что за такую «смелость» платятся жизнью тысячи людей. Наблюдая такие явления, какой-нибудь житель другой планеты поистине мог бы подумать, что коровы на Земле ценятся выше людей, ибо с ними обращаются бережнее, чем с последними, и они не приносятся в жертву резным идолам с такой щедростью, с какой люди закаляются *ad maiorem gloriam*^{18*} идола Революции. Таков один из примеров «разумности» поведения людей. Поистине не знаешь, плакать или смеяться при виде такой «разумности».

В заключение (ввиду того, что теперь, вместо оценки аргументов по существу, люди склонны оценивать их по паспорту человека) позволю себе прибавить, что эта книга принадлежит человеку, у которого революция не отняла ни богатства, ни почестей, ни привилегий, ибо у него их не было и до революции. Поэтому ссылка на буржуазное происхождение и озлобленность обиженного революцией человека в отношении автора не применима.

Петроград 1922 г.

Прага, август 1923 г.

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

ИЗМЕНЕНИЕ ПОВЕДЕНИЯ ЛЮДЕЙ В ЭПОХИ РЕВОЛЮЦИЙ

§ 1. Общие положения, касающиеся механизма поведения людей

Чем больше мы изучаем человека, его поведение и психологию, тем сильнее убеждаемся в том, что он ничуть не похож на того «пай-мальчика», каким рисовали его рационалисты XVIII века и позднейшего времени.

«Человек — существо, управляемое разумом, добродетельное по природе, совершенно мирное, лишённое злобы, полное альтруизма, всегда мыслящее и поступающее согласно логике разума, всецело подчиненное сознанию, руководствующееся только рациональными и справедливыми мотивами» и т. д. — вот основные черты концепции рационалистов. Если в нем и есть недостатки, добавляли они, то они вызваны несовершенством общественного строя и недостаточностью просвещения. Стоит уничтожить невежество и предрассудки, устранить недостатки социальной организации — и человек вновь станет совершенным, каким он вышел из рук природы... Зло не в нем, а вне его — такова иная редакция той же мысли. «Измените социальную среду — и исчезнут бедность и преступления, война и порок, несправедливость и невежество»...

Наша эпоха нанесла этой концепции страшные, почти непоправимые удары. Мировая бойня, революции, продолжающиеся в наши дни волнения и антагонизмы показали нам человека в совершенно ином виде, ничуть не похожим на этого рационалистического «пай-мальчика». Перед нами выступил человек-стихия, а не только разумное существо, носитель злобы, жестокости и зверства, а не только мира, альтруизма и сострадания, существо слепое, а не только сознательно-зрячее, сила хищная и разрушительная, а не только кроткая и созидательная.

Выявились, конечно, и рационалистические черты, но они совершенно были затенены свойствами противоположными.

В свете этих событий становится невозможным принятие очерченного оптимистически-рационалистического взгляда.

В том же направлении, еще до войны и революции, с конца XIX века, менялись и научные взгляды во всех дисциплинах, имеющих дело с проблемами познания природы и поведения человека. В годы войны и послевоенные — этот уклон еще более усилился.

Во-первых, биология, в отделе о наследственности, в лице Гальтона—Пирсона и других, показала и показывает нам громадное значение наследственности не только в области физических, но и в сфере психических свойств человека. Значение фактора наследственности, по сравнению с фактором среды и воспитания, теперь начинает оцениваться значительно выше, чем раньше¹. Этим был нанесен и наносится первый удар рационалистическому воззрению на человека.

Во-вторых, развитие учения о *тропизмах* и *таксисах* (Ж. Леб и другие)^{1*} показало, что они играют громадную роль и в поведении людей².

В-третьих, развивающееся на наших глазах учение о *внутренней секреции* показало, особенно в связи с опытами Штейнаха, Воронова и других, огромную зависимость всего нашего поведения и психических переживаний от характера и деятельности органов внутренней секреции, устройство коих опять-таки мало зависит от сознания³.

Не менее разрушительными для рационализма были и исследования психологов самых разных направлений. Уже Ланге, Петражицкий, Рибо и другие достаточно четко подчеркнули роль чувств и эмоций в психологии и поведении человека⁴.

¹ См. сводку теорий и фактов в книге: *Starch D. Educational Psychology*. New York, 1919, а также последние работы Лотси, Schallmayer'a, Johannsen'а и Ch. Richet.

² См.: *Loeb J. La nature chimique de la vie // Revue philosophique*. 1921, Decembre.

³ Помимо множества работ на эту тему см. «Очерки физиологии духа» Ю. Васильева (Пг., 1923), пытающегося установить связь между внутренней секрецией и характером духовного творчества и переживаний, и *Berman L. The glands regulating personality*. 1921.

⁴ «Эмоции, — заключает Ланге, — не только играют роль важнейших факторов в жизни отдельной личности, но они вообще самые могущественные из известных нам прирожденных сил. Каждая страница в истории отдельных лиц и народов доказывает их непреодолимую власть. Бури страстей погубили больше человеческих жизней, опустошили больше стран, чем ураганы, их поток разрушил больше городов — чем наводнения» (*Ланге Н. Н. Душевные движения*. 1896. С. 14).

«Слепая вера в “силу идеи”, — подтверждает Рибо, — представляет на прак-

З. Фрейд, его школа и ряд других психологов, вроде Жане, выдвинули на сцену громадную роль «подсознательного» и «бессознательного»⁵. С другой стороны, Торндайк, Мак-Даугалл и другие показали нам наличие, разнообразие и громадную детерминирующую силу прирожденных рефлексов у человека. В ряду этих инстинктов оказались не только аграрный или социальный инстинкт, но и комбативно-драчливый, не только родительский, но и охотничий — вместе с инстинктом самоутверждения, инстинктом подчинения себе других людей и т. д.⁶ Словом, человек оказался носителем не только мирных, спокойных и добродетельно-социальных импульсов, но и противоположных им. Со своей стороны, бихевиористы и сторонники русской объективной школы в изучении поведения людей⁷ еще сильнее выдвинули роль прирожденных или безусловных рефлексов, выявив полную зависимость от них «условных» и сознательных форм поведения.

Не остались в стороне и социологи. Л. Уорд и С. Паттен выявили огромную роль страдания и удовольствия в поведении человека и в социальной жизни⁸. «Trattato di sociologie generale» В. Парето, показавшего основную роль подсознательных чувств (*residui*) в поведении людей и подчиненную роль разума и сознания (*derivazioni*)^{2*}, полное

тике неистощимый источник иллюзий и заблуждений. Идея, если она не более чем идея, бессильна: она действует только тогда, когда она прочувствована... Можно основательно и глубоко изучить “Критику практического разума” И. Канта, испещрить ее блистательными комментариями, не прибавив ровно ничего к свой практической нравственности, имеющей совершенно другое происхождение» (*Рибо Т. Психология чувств. СПб., 1898. С. 25*). См.: *Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. СПб., 1907.*

⁵ См.: *Фрейд З. О психоанализе. М., 1911*, а также множество других его работ и работ его учеников.

⁶ См.: *Thorndike E. L. The Original Nature of Man; McDougall W. Introduction to the Social Psychology. New York, 1929; Patrick G. T. W. The Psychology of Social Reconstruction. Boston, 1920.*

⁷ См.: *Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных. М.; Пг., 1923; Бехтерев В. М. Общие основы рефлексологии. Пг., 1918; Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. Пг., 1921. См. ниже-указанные работы Watson'a, Meyer'a и других американских бихевиористов.*

⁸ См.: *Ward L. Pure Sociology. Paris, 1906; Ward L. Dynamic Sociology. New York, 1883; Patten S. N. The theory of social forces // Supplement to the Annals of the American Academia of Political and Social Science. 1896, January.*

несходство «логики чувств», управляющей поведением людей, и логики разума, в значительной мере лишь оформляющей приказы первой, переполненность поведения людей «актами нелогическими» — эта работа Парето особенно четко выявила воззрение на человека как на существо «нелогичное», «нерациональное», переполненное опять-таки импульсами не только мирными и социабельными, но и злостными, буйными, жестокими и дикими⁹.

С другой стороны, социология в лице Тарда, Росса, Лебона, Михайловского, Сигеле, Гиддингса, Хейса, Росси и других показала нам громадную роль внушения и подражания, стихийно слепое поведение толпы и масс¹⁰. Вместе с этим в курсах социологии в отделе «социальных сил и факторов поведения» инстинкты и слепые импульсы начинают занимать все более и более видное место.

Наконец, та же тенденция с конца XIX века проявилась и в философии. «Бессознательное» Гартмана, «воля к власти» и «сверхчеловек» Ницше, «интуиция» Бергсона, роль ее в построении англо-американских неореалистов и плюралистов — все это симптомы того же порядка.

Если мирное состояние до войны позволяло недооценивать эту революцию во взглядах на природу и поведение человека, то теперь, после событий последних 8–10 лет, в современной атмосфере, начиненной бомбами и стихиями, после буйства и безумства миллионов людей, эта новая концепция гораздо острее привлекает наше внимание.

Яснее, чем раньше, становится иллюзорность рационалистического понимания природы человека, преувеличенной кажется роль его «идей», «разума» и «логической природы», недооцененной роль слепых биологических импульсов и чересчур оптимистической — теория «прирожденной добродетельности человека».

Человек представляет собой носителя разных прирожденных рефлексов¹¹, не только кротких и социабельных, но хищных и злостных.

⁹ См.: *Pareto V. Trattato di sociologie generale. Firenze, 1916. Vol. I–II.*

¹⁰ См.: *Giddings Ф. Г. Основания социологии. М., 1898; Hayes E. C. Introduction to the Study of Sociology. New York; London, 1920; Ross E. The Foundations of Sociology. New York, 1920; Болдуин Дж. Духовное развитие детского индивидуума и человеческого рода. М., 1911–1912. Т. 1–2; Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892; Михайловский Н. К. Герои и толпа, и т. д.*

¹¹ Термины «прирожденный» или «безусловный рефлекс», «инстинкт», «прирожденный импульс» я употребляю как равнозначные, ибо принципиальной разницы между ними нет.

«The real man is restless, aggressive and aspiring»^{12/3*}. Его инстинкты заставляют его хотеть не только мира, но и драки, не только покоя, но и буйства, не только самопожертвования, но и убийства, не только справедливости, но и удовлетворения страстей, не только работы, но и лени. Они же принуждают его не только быть независимым, но в то же время подчиняться другим или властвовать над ними, не только любить одних, но и ненавидеть других, не только иметь необходимое, но и иметь не меньше, и даже больше других (инстинкт драчливости, стадности, собственности, соперничества, самовыявления, любви к приключениям, инстинкт бродяжничества, властвования и т. п.).

Я уж не говорю о том, что человек хочет быть сытым, одетым, удовлетворять свои половые аппетиты и т. д. Словом, человек по количеству и качеству своих биологических инстинктов-рефлексов представляет собою бомбу, начиненную множеством сил и тенденций, способную взорваться и явить картину дикого буйства. Он, говоря словами Паскаля, похож на ангела, под которым кроется дьявол^{4*}. Если мы не видим этого буйного дьявола постоянно, то только потому, что долгий путь исторического развития и жестокой исторической дрессировки до некоторой степени «утряс» и взаимно «уравновесил» инстинкты, с одной стороны, привел их в соответствие со стимулами среды и с поведением сочеловеков — с другой, наложил на них известные тормоза и повязки, прививаемые путем воспитания и носящие название правовых, моральных, религиозных, конвенциональных и других форм «социального контроля» — с третьей; наконец, создал известные, социально безвредные каналы, через которые они могут выявляться и удовлетворяться без диких и безумно зверских форм беснования («сублимирование и канализация инстинктов» в социально безвредные формы: спорт, конкуренцию и т. д.). Благодаря всему этому, поведение человека представляет собой известное «равновесие». Он становится похожим на дикого жеребенка, сотнями и тысячами условных и безусловных связей (между стимулами и организмом) со всех сторон пригвожденного к тысячам взаимно тормозящих стимулов, мешающих ему двигаться и бесноваться свободно.

Отсюда — нормальное и довольно мирное обычное поведение человека, равновесие его психики и поступков, взаимосогласованность и взаимоприспособленность (конечно, относительная) актов одних людей с актами других. Отсюда — регулярность поведения людей, относительный общественный мир и порядок, частое и видимое проявление

¹² Patrick G. T. W. Op. cit. P.111.

ние поступков социабельных, заторможенное и ослабленное выявление импульсов ненависти и злобы, дикой борьбы и антисоциабельности. Сам процесс соблюдения этого социального «равновесия» в поведении, благодаря повторению и привычке, укрепляет его, делает равновесие более устойчивым, как бы сдерживает огонь вулкана все более и более толстой корой «культурной лавы».

Но стоит условиям среды измениться так, чтобы один-два или ряд основных инстинктов не могли удовлетворяться в достаточной мере, чтобы они начали «ущемляться», как все «равновесие» поведения человека расстраивается и терпит крушение. «Ущемленные» рефлексы начинают давить на другие, эти — на следующие, происходит взрыв и наступает «извержение вулкана». Кора социальных форм поведения лопается и разрывается, огонь биологических импульсов прорывается наружу, и вместо культурного *socius*'а вы видите дикое животное, беснующегося дьявола, совершенно не похожего на знакомое вам культурное существо. Мирный человек делается убийцей, пацифист — милитаристом, честный — вором, целомудренный — развратником. Такие трансформации с отдельными лицами совершаются постоянно. Они дают почву для бытия в любом обществе полицейски-охранительного аппарата и уголовных судов с виселицами и тюрьмами, представляющих своего рода организацию для тушения взрывов и пожаров в поведении людей.

Когда же условия среды изменяются так, что вызывают ущемление основных инстинктов у множества лиц, тогда мы получаем массовую дезорганизацию поведения, массовый взрыв и социальное землетрясение, носящее название бунта, мятежа, смуты, революции...

Таково, в самых общих чертах, происхождение революций и их общая основная причина.

Да будет позволено сейчас остановиться на развитии и уяснении этих положений, набросанных пока скорее в художественных, чем в научных терминах. В интересах дела и точности я вынужден сделать отступление и напомнить читателю несколько основных положений, установленных современной наукой о поведении животных и людей, без которых все дальнейшее будет мало понятно.

Отсылая за подробностями и доказательствами этих положений к нижеуказанным работам, я здесь просто сжато их сформулирую.

1. Еще Спенсер подчеркнул, что жизнь есть непрерывное приспособление внутренних отношений (организма) к внешним (к среде). Вне этого непрерывного приспособления организм, как некоторое целостное единство, не может сохранять свою целостность, т. е. жизнь.

2. Это приспособление к среде или равновесие с ней достигается путем актов организма, посредством определенного реагирования на стимулы среды или их комплексы в виде данной обстановки.

3. Среди этих актов у человека различаются акты двоякого рода по характеру их связи со средой и ее стимулами: 1) акты (= рефлексy = инстинкты = реакции) наследственные, прирожденные или безусловные; здесь связь между определенными стимулами или обстановкой дана вместе с организмом, а не приобретена (например, связь между уколом и отдергиванием руки); 2) акты (реакции, рефлексy), приобретенные, условные, где связь между стимулом и определенной формой реагирования на него воспитана, «привита» индивиду в течение его личной жизни (например, связь между стимулами в виде «креста» и актом «крестного знаменья», между видом знакомого и реакцией снятия шапки и т. д.). Первые – результат филогенетического развития, вторые – онтогенетического^{5*}. Они отличаются друг от друга и многими другими чертами: а) различен нервный механизм их выполнения; б) прирожденные или безусловные акты более шаблонны и менее вариabельны, чем приобретенные или условные; в) первые нельзя уничтожить, можно только иначе канализировать, задержать или ускорить их выявление; условные рефлексy в принципе можно привить и отвить: подобно одежде – их можно надеть и снять или заменить один «костюм» условных рефлексов другим.

4. Безусловные рефлексy выполняют основные функции приспособления к среде и сохранения жизни (группы рефлексов питания, самосохранения, размножения и т. п.). Условные – только добавочно корректируют первые, делая поведение человека более гибким и позволяя ему искуснее и тоньше маневрировать в ответ на изменения среды.

При постоянной среде это было бы излишне. При изменчивой и сложной среде, в которой жил и живет человек, одни безусловные рефлексy недостаточны: они слишком негибки и неуклюжи. Для выполнения этого недостатка у высших животных, особенно у человека, появилось громадное число условных рефлексов, облегчающих задачу приспособления к сложным и изменчивым условиям.

5. Условные рефлексy прививаются в конечном счете только на почве безусловных путем совпадения во времени действий безусловно-го и условного стимула. Наследственные рефлексy – их основа и пункт подкрепления. Без первых не могут существовать последние. Больше того – если действие условного стимула несколько раз не «подкрепляется» безусловным (например, зажигание электрической лампочки,

ставшее условным стимулом для реакции слюноотделения у собаки, не сопровождается подачей пищи), то условный рефлекс гаснет (слюноотделение на условный стимул света прекращается).

6. Из предыдущего следует, что *детерминирующая поведение людей сила безусловных стимулов-рефлексов гораздо больше, чем детерминирующая сила условных стимулов-рефлексов*. Первые представляют собой пар, толкающий человека-машину и в то же время определяющий общее направление поведения. Вторые — лишь подчиненные агенты, задачей которых служит техническое выполнение этих директив, их детальная разработка и осуществление применительно к обстоятельствам. Безусловные пищевые или половые стимулы приказывают организму выполнить акты утоления голода или половые рефлексы, условные лишь определяют детали наилучшего выполнения этого приказа в зависимости от конкретной обстановки.

7. Сообразно с этим все поведение человека состоит из ряда безусловных рефлексов, на каждом и вокруг каждого из коих выросли многие условные рефлексы. Первые представляют собой подобие ствола и основных ветвей дерева, вторые — мелкие побеги и листья, выросшие на них и прикрывающие их «голую» форму.

8. Безусловных рефлексов в поведении человека много. Общепринятой классификации их еще нет. Из существующих классификаций одни выделяют лишь основные группы безусловных рефлексов в виде группы рефлексов: пищевых, индивидуально- и группозащитных и половых, рассматривая все другие как усложнение этих рефлексов и их разновидности¹³.

Другие дают несравненно более детальную таблицу наследственных инстинктов¹⁴.

¹³ Примером могут служить «Биологические основания сравнительной психологии» В. Вагнера (СПб., 1913. Т. II).

¹⁴ Примерами могут служить классификации Торндайка, Эллвуда, Мак-Даугалла и особенно Патрика, выделяющего следующие инстинкты: конструктивно-го труда, любопытства, манипуляций, собственности, индивидуального обладания, приобретения и собирания, драчливости, стадности, соперничества, лояльности, преданности, отцовской склонности и материнского поведения, инстинкт мышления, изобретения, организации, устройства жилища, домашний, бродяжнический, охотничий, любви к переменам и приключениям, лидерства, властвования, подчинения, тщеславия и самовыявления (*Patrick G. T. W. Op. cit. P. 67*). Сторонниками детальной классификации инс-

Не давая здесь классификацию инстинктов-рефлексов, наиболее верную с нашей точки зрения, констатируем лишь, что их много (что не исключает объединения их в небольшое число основных групп), что *они разнородны, часто противоположны друг другу и не исчерпываются одними рефлексами социального характера, а включают в себя и такие акты, как рефлексы драчливости, самовыявления или индивидуальности (по терминологии Н. К. Михайловского¹⁵), властвования, захвата и т. д. В этом смысле человек является своего рода «coincidentia oppositorum»^{6*}.*

9. Что касается условных рефлексов, то они бесчисленны по своей конкретной форме у человека. Огромное большинство актов, называемых в обществе религиозными, правовыми, моральными, конвенциональными, эстетическими, вплоть до актов письма и речи — представляют собой условные реакции на условные стимулы. Акты крестного знамения, покаяния, причащения, судебного ритуала, вежливости, приличий, соблюдения моды и т. п., вплоть до нашей речи, оценок тех или иных явлений как красивых или безобразных, нравственных или безнравственных и т. д. — все это условные рефлексы, выросшие или воспитанные на стволе ряда безусловных рефлексов. С первого дня жизни они разными путями прививаются к человеку и в итоге у него устанавливается *определенная условная связь между определенными условными стимулами или обстановкой как комплексом последних (например, определенными лицами: «отцом», «начальником», «знакомым»; определенным местом или зданием: церковью, кладбищем, кабаком; определенным временем: днем Пасхи, воскресеньем, именинами; рядом явлений: звоном, криком; определенной обстановкой: фабрики, судебного заседания, церковной службы, поля битвы и т. д.) и между определенными способами реагирования на них (акты молитвы в церкви, вставания во фронт перед генералом, пляски на балу и т. д.)*.

Условные реакции можно классифицировать *по степени сложности*. Есть условные рефлексы 1-го порядка, привитые прямо на безусловных, 2-го порядка, привитые или воспитанные на рефлексах 1-го порядка, 3-го

тинктов и их множества являются также академик И. П. Павлов, выделяющий, в частности, особый «рефлекс свободы», Л. Петражицкий и В. Парето. См.: *Павлов И. П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных. С. 209–210, 193–194 и passim; о других главнейших классификациях см.: *Parmelee M.* The Science of Human Behavior. New York, 1913. Ch. XIII; *Сорокин П. А.* Система социологии. Пг., 1920. Т. I. С. 87–88.

¹⁵ См.: *Михайловский Н. К.* Борьба за индивидуальность.

порядка — основанные на предыдущих, 4-го, 5-го и т. д. порядков. Чем выше порядок условного рефлекса, тем он вариабельнее, более хрупок, легче гаснет и исчезает. Изменение безусловного рефлекса, над которым возвышается соответствующая пирамида условных рефлексов, влечет их общее колебание (подобно колебанию верхних этажей при колебании фундамента), угасание условного рефлекса 1-го порядка ведет к разрушению всех рефлексов высшего порядка, на нем основанных¹⁶.

10. *Субъективным компонентом этих объективных актов служит наличие у человека соответствующих убеждений или правил поведения*, называемых религиозными, нравственными и т. д. «Не лги», «плати долги», «к обеду надевай фрак», «уступай место дамам», «молись Богу» и т. д. — это субъективное проявление соответствующих условных рефлексов. Изменение или исчезновение последних означает изменение или исчезновение и соответствующих убеждений. Иными словами, изменение условных рефлексов сопровождается надлежащим изменением этого субъективного мира «правил и убеждений».

11. Отношения разных безусловных рефлексов друг к другу, условных — друг к другу, и первых ко вторым распадаются на три основных типа. 1) Когда ряд стимулов, в «поле влияния» которых находится человек, толкает его к совершению одних и тех же актов, мы имеем случай *солидарного* или, по Шеррингтону, «аллелированного»^{7*} отношения их друг к другу¹⁷. Например, стимулы голода + холода + *socius*'а, предлагающего хлеб и мясо, толкают голодного человека в одном и том же направлении и дают пример солидарного взаимоотношения. При отсутствии противоположных стимулов, под влиянием указанных, человек решительно и без колебаний примется за еду. Ясными и решительными будут его мнения и убеждения относительно надлежащего поведения. 2) Когда стимулы, в «поле влияния» которых оказывается человек, требуют от него реакций противоположных, взаимоисключающих, мы имеем случай *антагонистического или тормозящего отношения разных стимулов-рефлексов друг к другу*. Примеры: половой детерминатор (в виде ряда стимулов, возбуждающих сладострастие) толкает человека к «греху», ряд других

¹⁶ См.: *Ленц А. К.* Методика и область применения условных рефлексов в исследовании высшей нервной («психической») деятельности // Журнал психиатрии и неврологии. 1922. № 1; *Иванов-Смоленский Г. А.* Условные рефлексы в психиатрии // Там же.

¹⁷ См.: *Шеррингтон Ч.* Ассоциация спинно-мозговых рефлексов // Успехи биологии. 1912. С. 25–27.

стимулов (требования морали, религии, боязнь наказания и т. д.) запрещают, тормозят «грехопадение». Детерминатор самосохранения толкает солдата бежать с поля битвы, ряд других — тормозят бегство. Если убеждения человека — субъективный компонент его рефлексов, то несовместимость последних ведет, в таких случаях, к противоречиям и в мире его убеждений. Они тоже становятся конфликтными. Наступает положение: «и хочется и колется», «хочу, а вслед за тем: не смею»^{7а*}. Когда разные стимулы толкают человека к разным, но совместимым актам, мы имеем случай их *нейтрального взаимоотношения* и соответствующих реакций друг на друга. В чистом виде этот случай, однако, сравнительно редок.

12. Реальная среда, в которой живет и действует человек, состоит из такого множества различных стимулов, что одна часть их почти всегда оказывается антагонистом другой. Поэтому случай антагонизма разных стимулов-рефлексов — самый обычный для поведения человека. Наш организм как аппарат, пригодный для совершения самых различных актов (половых, пищевых, защитных и т. д.), представляет собой непрестанное «поле битвы» разных стимулов, стремящихся сделать его орудием выполнения своих реакций, превратить его из «чека на предъявителя» в свой «именной чек». Каждый момент поведения человека — равнодействующая бесчисленных «дуэлей» разных стимулов-рефлексов, происходящих в нем.

13. Из этой «дуэли» победителем выходят сильнейшие стимулы-рефлексы, слабейшие же гаснут или не выполняются. Когда сила «дуэлянтов» равна — победу получает или *tertius gaudens*^{8*}, или человек начинает вести себя непоследовательно, противоречиво, становится нерешительным Гамлетом и часто... гибнет. Такая же непоследовательность, нелогичность и противоречие наблюдается в таких случаях и в мире идеологий и убеждений. Сейчас, под влиянием одного стимула-победителя человек доказывает, что « $a = b$ » (смертная казнь недопустима или война — преступление). Завтра, под влиянием нового стимула-победителя он доказывает: « a не есть b » (смертная казнь буржуев, контрреволюционеров разрешается, война во имя Бога, справедливости, «Интернационала» и т. д. — похвальна). Такие акты — не исключения, а норма в поведении людей, и обычное представление о логической природе человека — сильно преувеличено¹⁸.

14. *Так как безусловные рефлексы гораздо сильнее условных, взятых в чистом виде, то, как общее правило, из дуэли тех и других обычно выходят победителя*

¹⁸ См. об этом: *Pareto V. Op. cit. Vol. I—II.*

ми первые. Условные рефлексы, тормозящие безусловные (если только первые не подкрепляются каким-либо другим безусловным рефлексом), «гаснут», исчезают, перестают выполняться.

15. Угасание условных рефлексов, тормозивших безусловный, означает освобождение последнего от пут и цепей, связывавших его активность и свободное проявление. Исчезновение каждого условного тормозного рефлекса похоже на обрывание веревки, прикреплявшей человека к определенному пункту (условному стимулу) и не дававшей ему свободы движений. Угасание всех таких условных связей напоминает освобождение человека от множества пут, которыми была ограничена свобода проявления его безусловных импульсов. В таком случае действия человека начинают определяться только безусловными стимулами и их рефлексами¹⁹.

Таковы те положения, которые нужно было напомнить читателю. Из совокупности их следует, что поведение человека — явление исключительно сложное, что оно определяется в огромной своей части характером безусловных стимулов и рефлексов, что равновесие самого поведения достигается путем взаимоограничения и сложной борьбы разных стимулов и рефлексов друг с другом.

§ 2. Общая характеристика деформации поведения во время революции

Поведение людей меняется и в обычное время. Чем же в таком случае отличаются «революционные мутации» поведения?

Тремя основными признаками: 1) *массовостью*, 2) *быстротой и резкостью* и 3) *специфическим характером*.

Изменение безусловных и условных рефлексов в обычное время носит *индивидуально-раздробленный и взаимно несогласованный характер*.

¹⁹ Развитие и подтверждение всех этих положений см.: *Павлов И. П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных. Пг., 1923; *Бехтерев В. М.* Общие основания рефлексологии. Пг., 1918 и ряд диссертаций (Дерябина, Ленца, Орбели, Цитовича, Бабкина, Зеленого, Протопова, Фролова и др.) из лаборатории Павлова и Бехтерева. См. также: *Meyer M.* Psychology of the other one. 1921; *Watson J.* Psychology from the Standpoint of a Behaviorist. 1921; *Kempf E.* Automatic Function and the Personality; *Smith S., Guthrie E.* General Psychology in Terms of Behavior. Washington, 1921; *Weiss A.*

С количественно-объемной точки зрения он не захватывает сразу большого числа индивидов. Ряд лиц, не кравших доселе, могут украсть, покорные — могут оказать сопротивление властям и т. д. Но их акты не находят резонанса в поведении других членов общества.

Совсем иную картину мы видим при «революционных мутациях». С *объемно-пространственной стороны мутация здесь захватывает огромные зоны населения данного агрегата. У массы лиц ряд условных рефлексов гаснет* (например, рефлекс повиновения властям, уважения к собственности, привычного выполнения своей работы и т. д.), к массе лиц прививаются новые реакции, у массы лиц деформируются многие акты.

Таков первый *формальный признак «революционной деформации поведения»*.

Вторым формальным признаком служит *быстрота, или темп изменения поведения*. Медленное массовое изменение поведения — обычное явление всех «нормальных» периодов социальной жизни. То, что характеризует «революционную деформацию» — это относительная быстрота и тем самым ее резкость. Говоря языком физики, *скорость протекания во времени процессов изменения поведения здесь несравненно большая*.

В течение одного или нескольких месяцев поведение меняется радикально, скорость изменения достигает максимума и становится «бешеной». Отбивка множества рефлексов и прививка других, на которую раньше нужны были годы и десятилетия, теперь происходит в течение недель и месяцев²⁰.

Рабы, вчера еще беспрекословно повиновавшиеся господину, сегодня теряют все рефлексы повиновения, арестуют и убивают его. Граждане, несколько дней тому назад еще не думавшие о сопротивлении властям, сегодня нападают на них. Крестьяне, неделю тому назад не помышлявшие посягать на чужие имения, теперь атакуют поместья. Мирный и добросердечный человек вдруг становится жестоким и кровожадным убийцей.

О речевых и субвокальных рефлексах нечего и говорить. Они меняются поистине с магической быстротой. В течение нескольких дней

Relation between Structural and Behavior Psychology // The Psychological Review. 1917. № 4. Подробный список литературы см. в моей «Системе социологии» (т. 1) и в книге «Голод как фактор».

²⁰ «Окруженное ужасными опасностями Собрание прожило столетие в три года», — правильно замечает Мадлен о французской революции (*Мадлен Л. Французская революция*. Берлин, 1922. Т. II. С. 208).

или недель монархист становится республиканцем, идеолог собственности — социалистом, верующий — атеистом. Как будто какой-то электрический ток проходит по членам общества и ведет к моментальному «угасанию», «отскакиванию» множества рефлексов, соблюдавшихся десятилетиями; и наоборот — к моментальной «прививке» множества новых норм поведения: религиозных, правовых, эстетических, моральных, политических, профессиональных и т. д.

Чернорабочий принимается за писание декретов и берет на себя функции управления, т. е. радикально меняет свои профессиональные акты. металлист становится судьей, крестьянин — полководцем, подчиненный — повелителем; и наоборот: министр — рабочим, «буржуй» — скромным служащим.

Та же быстрая изменчивость характеризует и все течение революционного процесса. Он весь — движение и изменчивость, неустойчивость и смена.

Охваченные бешеным водопадом революции индивиды срываются с насиженных мест, бросаются от одной профессии к другой, пропускаются через ряд партий, групп, верований, словом, — меняют один «костюм рефлексов» на другой.

Обратной стороной этого факта, как увидим ниже, служит факт интенсивнейшей циркуляции и быстрых социальных перегруппировок в периоды революции. Неустойчивость и изменчивость поведения ведет здесь к неустойчивости и к постоянным колебаниям строения общества. Таков второй формальный признак «революционной мутации» поведения. Перейдем теперь к третьему.

Характеристика этой стороны несравненно сложнее. Попытаемся все же ее сделать. Как выше было указано, основные «пружины» поведения людей составляют прежде всего «безусловные стимулы», а основной «уток» первого состоит из совокупности безусловных рефлексов. Условные рефлексы — «надстройка» над последними, опирающаяся на них и прививаемая к ним.

Мы видели, что отношение их друг к другу бывает солидарным и антагонистическим. Когда основные безусловные рефлексы выполняются или, говоря субъективным языком, когда основные биологические потребности удовлетворяются в данных условиях, при наличии данных условных рефлексов, последние могут благополучно сосуществовать с первыми — безусловными. Когда же какой-либо из основных безусловных рефлексов «ущемлен» (если воспользоваться терминологией Фрейда), не может выполняться, а соответствующая «безусловная пот-

ребность» удовлетворяться (например, потребность питания, половая, индивидуально- или группозащитная или сразу многие из них), и когда ряд условных рефлексов служит «тормозом», мешающим их выполнению (например, религиозные рефлексы в виде требований поста и запрета есть скоромное мешают удовлетворению голода, или правовые рефлексы в форме запрета посягать на чужую собственность или нарушать правила целомудрия мешают захвату богатств другого или удовлетворению половых импульсов и т. д.), то между «ущемленным» безусловным и «тормозящими» его условными рефлексами начинается острый конфликт. *Он тем острее, чем сильнее ущемляется первый. Он начинает давить на все тормозящие условные рефлексы; чем далее – тем более, и в этой «дуэли» один из соперников должен быть разбит.* Совмещение их становится невозможным.

Если «дуэль» происходит между безусловным и чисто условными рефлексами, без поддержки их каким-либо другим безусловным рефлексом, то такая «дуэль» почти всегда кончается победой первого²¹.

Условные рефлексы в чистом виде слабее безусловных. Нажима последних они редко выдерживают, а потому – при конфликтах – «отскакивают», «отвиваются», «гаснут», т. е. перестают выполняться. Там, где

²¹ В книге «Голод как фактор»^{9*} я даю следующий примерный индекс сравнительной силы разных безусловных и условных рефлексов.

Если детерминирующую поведение силу абсолютного голодания нормального организма в течение 48–70 часов принять за 100, то сравнительная сила других детерминаторов и их рефлексов будет колебаться в таких пределах:

- 1) безусловных рефлексов индивидуального самосохранения от неминуемой смертельной опасности – 100–150;
- 2) безусловных рефлексов индивидуального самосохранения от опасности косвенной, не смертельной – 30–80;
- 3) безусловных рефлексов групповой защиты жизни и жизненных интересов наиболее близких лиц (членов семьи, ближайших друзей и т. д.) – 90–140;
- 4) безусловных рефлексов защиты отдаленной группы ближних (государства, церкви, партии и т. д.) – 20–80;
- 5) безусловных половых рефлексов – 50–100;
- 6) совокупности различных условных рефлексов (правовых, моральных, религиозных, эстетических и т. д.), взятых в чистом виде, без поддержки их каким-либо безусловным рефлексом – 5–20.

Обоснование и способ выведения этих примерных index'ов изложены в книге «Голод как фактор».

с первого взгляда кажется дело обратным, например в случаях «голодовок» в тюрьмах, принесения себя в жертву из-за «долга» (религиозного, партийного, патриотического и т. д.), где как будто бы рядом условных рефлексов депрессируются безусловные, — более внимательный анализ дает иные результаты, а именно: в подобных случаях мы обычно имеем не конфликт какого-либо безусловного рефлекса с *чистыми* условными, а конфликт первого со вторыми, *подкрепляемыми каким-либо тоже безусловным рефлексом*; условные скрывают его, «обволакивают», но сила их держится во втором. Отсюда — их победа. Не будь за ними их «безусловного» союзника — этой победы не было бы.

Наивно думать, что человек, поставленный между двумя силами, например, между силой безусловного рефлекса индивидуального самосохранения от смертельной опасности и силой чистого условного рефлекса (например, чистым сознанием долга, без подкрепления его другим безусловным рефлексом), пойдет по пути, требуемому вторым детерминатором. *Таких чудес, как правило, не бывает*²².

Такой вывод следует из того, что безусловные рефлексы — наследственные, они, как результаты филогенезиса, «ввинчены в самый организм», не могут быть, пока он жив, от него отвиты (иначе — смерть)

²² Конкретной иллюстрацией этому может служить поведение русской армии после Февральской революции 1917 г. Временное правительство, введя идеальные свободы, уничтожив репрессии, в частности смертную казнь, надеялось управлять поведением граждан игрой на одних «высоких мотивах», т. е. условных рефлексах (напоминанием «долга перед родиной и революцией», «защитой завоеваний революции», апелляцией к моральным и социальным ценностям и т. п.); этим же путем «главноуговаривания» оно надеялось побудить солдат идти в бой — против пушек и смерти, держать их долго в окопах — в холоде, голоде, среди вшей, тифа и всяческих лишений. Нужно ли удивляться банкротству такой благородной, но наивной политики. «Свободные граждане» очень быстро стали «пьяными илотами»^{10*}, а «революционная армия» — сбродом бандитов, дезертиров и грабителей. Это было иным изданием куропаткинской стратегии и политики^{11*}: «они нас пушками, а мы их иконами» (хотя бы и революционными). Только противопоставив смерти от неприятеля смерть сзади за дезертирство и неисполнение приказов, только выставив против ряда безусловных рефлексов другие — столь же сильные, — можно достичь успехов в управлении поведением масс. Иначе — как было всегда — «ворона будет клевать жертвенный пирог, а собака лизать жертвенные снеси, низшие захватят места высших и не будет

и появились давным-давно. Условные же рефлексy — результат индивидуального приобретения, они легко прививаются и отвиваются, они появляются очень поздно; прививаются только на почве безусловных рефлексов и без «подкрепления» их гаснут сами. Тем легче гаснут они при конфликте с безусловными — их основой, их корнем и стволом, на котором они живут и которым держатся. Запомним это.

Теперь примем во внимание (пока на веру, ниже это будет доказано), что основными причинами массовых «революционных деформаций» поведения и тем самым революций (см. ниже главу о причинах революций) всегда были такие обстоятельства, которые вызывали сильнейшее ущемление какого-либо безусловного рефлекса или ряда безусловных рефлексов у массы лиц (например, рост голода и нужды; война как детерминатор, ущемлявший рефлексy самосохранения лица, и особенно неудачная война, вместе с первыми ущемлявшая и рефлексy группового самосохранения). Ущемленный или ущемленные безусловные рефлексy начинали давить на все контрафрнные условные рефлексy. Итогом этого, согласно сказанному, может быть лишь отпадение, или угасание последних в поведении масс. С другой стороны, как выше было указано, у человека безусловные рефлексy редко выступают в голом виде. «Человек есть существо, мотивирующее хорошими словами большинство своих поступков, вплоть до самых пакостных»^{14*}. Подавляющее большинство наших актов мы «тудрим», «одеваем» в «красивый» костюм мнoжества условных рефлексов, особенно речевых.

ни у кого собственности» («Законы Ману»)^{12*}. Так и случилось. Подтверждение от обратного дает «политика» большевиков. Несмотря на ненависть огромной части населения — они держатся уже пять лет. Несмотря на полное нежелание народа сражаться — они достигли ряда успехов. Почему? Потому что сзади красноармейца стоял пулемет, а к виску граждан был приставлен револьвер террора. Эти «детерминаторы», возбуждающие рефлексy самосохранения, оказались куда действеннее, чем высокие мотивы. Граждане повинуются, армейцы — шли и идут на врага. Нельзя управлять огромной массой людей игрой на одних условных рефлексax. Такого общества еще не бывало и нет. Сказанное делает понятным наивность и многих современных рецептов спасения России, полагающих оздоровить и возродить ее только с помощью «религиозного сознания» (например, евразийцы^{13*}), вкоренения идеи «патриотизма» и т. п. Все это хорошо и кое-какое значение имеет, но — при наличии за ними безусловных рефлексов, «одеждой» которых они и будут. Без этого они будут столь же действительны, как и «революционное главноуправление».

В отличие от животных человек редко совершает убийство без соответствующей речевой благородной мотивировки («во имя Бога», «прогресса», «Аллаха», «справедливости», «спасения души», «демократии», «завоеваний революции», «социализма», «республики», «братства», «равенства», «свободы», «счастья народа» и т. д.), редко ограбит ближнего без той же «пудры», редко совершит половой акт без соответствующей «романтики» и нежно-сложных аксессуаров, редко вырвет кусок изо рта своего ближнего, или один народ пойдет войной на другой без надлежащей симфонии множества «облагораживающих» условных рефлексов.

Наличие сознания и мышления у человека делает неизбежным для него «вуалирование» безусловных рефлексов множеством условных, особенно речевых. Плохо это или хорошо — но факт таков²³.

Если дело обстоит так, то отсюда следует, что *наряду с депрессированием и ослаблением множества контрарных условных рефлексов под напором «ущемленных безусловных рефлексов» последние должны вызывать появление, укрепление и развитие таких условных рефлексов, которые — в данной конкретной обстановке — не только не тормозят выполнение первых, но всячески благоприятствуют — «одобряют», «оправдывают», «мотивируют» — максимальное их осуществление, или «удовлетворение соответствующих безусловных потребностей».*

Сказанное дает общее представление о том, в каком направлении происходит деформация поведения в революционные периоды.

В конкретном виде — она бесконечно разнородна и разнообразна. Описывать ее пестроту — нет возможности да и надобности. Но сущность ее намечается ясно. Как само явление революции, взятое в целом, имеет две основные фазы — подъема и падения, — так и в *революционной мутации поведения также намечаются две основные стадии — подъема и понижения революционной волны*. Деформация поведения людей в обеих фазах резко различна и потому необходимо отдельно указать основные черты изменения в той и другой стадии.

В чем же она состоит в первой фазе? *Во-первых, в угасании — депрессировании и ослаблении — множества условных рефлексов, контрарных при данных обстоятельствах ущемленным безусловным рефлексам масс, т. е. мешающих их реализации и удовлетворению соответствующих потребностей*²⁴.

²³ Подробнее об этом см.: *Pareto V. Trattato. Vol. I—II* (особенно vol. I). См. также: *Wallas G. Human nature in politics. New York, 1909; Лебон Г. Психология социализма. СПб., 1908. С. 4–5, 16–17.*

²⁴ В первую очередь, вместе с речевыми рефлексами, тормозящими ущемленные безусловные рефлексы, отпадают те условные рефлексы, которые более

Во-вторых, революционная деформация состоит в «биологизации» *всего поведения масс, как следствие этого «угасания»*. Чем большее число тормозящих условных рефлексов угасает, тем сильнее это биологизирование, превращение человека-socius'a в человека-животное. Угасание всех антагонистических безусловным условных рефлексов означает отпадение множества тормозов, обуздывавших и сдерживавших полное проявление первых. С отпадением этих «тормозов» (в форме тормозящих религиозных, нравственно-правовых, эстетических, конвенциональных и других условных рефлексов, объявляемых революцией «предрассудками») безусловные рефлексы оказываются вполне свободными. Ничто, кроме них самих, больше не «стесняет» их. Они могут проявляться в полной мере. А поэтому *человек и его поведение становится в таких условиях функцией почти исключительно безусловных раздражителей и соответствующих им безусловных рефлексов*.

Но мало того. *Эта биологизация здесь достигает своего высшего напряжения в силу дополнительных условий революционной среды*. Безусловные рефлексы должны здесь проявляться в самых крайних, в самых «садиических» формах не только потому, что они освобождены от тормозящих условных рефлексов, но и потому, что революционный комплекс раздражителей *в виде борьбы как основной формы деятельности в период революции* интенсивнейшим образом возбуждает, стимулирует и доводит их до

всего тормозят последние. Но вместе с ними угасает множество других, прямо и косвенно с ними связанных. Мы видели, что у человека только условные рефлексы первого порядка (*a*) прямо привиты на безусловных. Огромное число рефлексов второго порядка (*b*) привито на предыдущих (на *a*), рефлексы третьего порядка (*c*) воспитаны на *b*, четвертого (*d*) — на *c* и т. д.

Коль скоро значительная часть рефлексов первого порядка (*a*) в результате «дуэли» гибнет, то их угасание влечет за собой гибель и всех других рефлексов (*b, c, d, f* и т. д.) высших порядков, основанных и воспитанных на рефлексах первого порядка. Их «угасание» похоже на изъятие из сложного карточного домика нижних карт или фундамента. Отнимите последние — и вся постройка развалится. То же и тут. Вот почему ошибочно думать, что при таком угасании условных рефлексов в результате «дуэли» с рефлексами безусловными дело сводится к «развинчиванию» двух-трех рефлексов. Нет! Угасает множество последних, вплоть до ряда нейтральных, отдаленно связанных с первыми. Огромная часть «социального костюма человека» (условных рефлексов высшего порядка), лишенная своей опоры (условных рефлексов первого порядка), отпадает, сваливается и обнажает голую ткань безусловных рефлексов.

«белого каления»²⁵. Чем острее и длительнее борьба, тем это «накаливание» будет резче.

В результате исчезновения условных тормозов поведения и выхода из-под контроля импульсов безусловных *на этой стадии*, как правильно утверждает проф. В. Савич (в докладе, сделанном им в Институте Лесгафта), *доминируют «процессы нервного возбуждения»*. «В результате чего поведение масс приобретает лихорадочный, возбужденный, бешено дикий характер. Он весь импульсивен, взбудоражен... не систематичен... эмоционален... полон «ажитации»^{15*}, огромного натиска и энергии». Люди, подобно лодке в бурю, несутся с огромной энергией, «без руля и без ветрил»^{16*} условных детерминаторов поведения, подгоняемые ураганом «накаленных» и разбушевавшихся безусловных рефлексов. Отсюда — стихийность и огромная разрушительная активность людей в первый период революции... Отсюда же — громадная активность освобожденных от тормозов, разбушевавшихся безусловных импульсов.

Такова вторая основная черта революционной деформации поведения.

Третьей ее чертой *служит появление и укрепление новых условных рефлексов, таких, которые не тормозят, а помогают удовлетворению ущемленных безусловных рефлексов*. Выше я уже указал, что у человека безусловные рефлексы редко выступают в «голом виде», без того, чтобы он не «завуалировал», не «окутал» их пышными одеждами условных рефлексов, особенно речевых. Давление ущемленных безусловных рефлексов не только гасит и «отвинчивает» тормозящие условные реакции, но изменяет одни и вызывает к жизни другие условные рефлексы, «благословляющие»

²⁵ Это явление хорошо подметил Ч. Эллууд. «В революциях всегда есть тенденция возврата к чисто животной деятельности, вследствие разрушений бывших привычек. Итогом может быть полное извращение социальной жизни в сторону варварства и животности, ибо борьба, как одна из самых примитивных форм деятельности, стимулирует все низшие центры активности... Она освобождает примитивные инстинкты человека, контролируемые с таким трудом цивилизацией. Насилие редко может быть применимо прямо в высшей стадии цивилизации без уничтожения целей, для которых оно предназначено. Его применение начинает процесс одичания, разрушительный для высших ценностей (условных стимулов поведения. — П. С.), с помощью которых человек так медленно научился управлять своим поведением» (*Ellwood Ch. Introduction to Social Psychology. 1917. Ch. VIII*). См. также: *Ross E. Foundations of Sociology. Ch. XLV; Лебон Г. Цит. соч., passim.*

и помогающие разгулу «ущемленных» безусловных импульсов. Первые служат теми «крыльями», на которых безусловные рефлексy взлетают ввысь, внешне преображаются из чисто животных импульсов в благородные и на вид величайшие ценности, помогают и актерам и зрителям принимать их не за ту животную прозу, которой они являются на самом деле, а за высочайшую поэзию «Добра, Правды, Справедливости и Красоты». Они «оправдывают» эти импульсы. Они одевают их в прекрасный костюм. Акты убийства и грабежа, на которые толкают биологические импульсы, они «преображают» в акты «борьбы за Свободу, Равенство и Братство»; стремление завладеть чужим добром — они гримируют в явления «общественно-святой реквизиции», половую распущенность — в «освобождение людей от суеверий», моральный цинизм — в великий «прогресс», зверский садизм — в «революционный героизм», разрушение ценностей — в «созидание и построение идеального общества» и т. д.

Такова их роль. Особенно ярко она проявляется в «речевых реакциях» во времена революций: в речах, брошюрах, листовках, газетах и в «субвокальных реакциях» — убеждениях и идеологии человека²⁶.

Все такие условные рефлексy не только не исчезают, но наоборот — множатся и крепнут. Но, как сказано, они не только не мешают «биологизации» поведения, а напротив, усиливают ее, ибо они не тормозят безусловные импульсы (как угасшие условные рефлексy), а только «вуалируют», «гримируют» их и тем самым содействуют их размаху и разливу.

Таковы вкратце основные черты «революционной мутации» поведения на первой стадии, вытекающие из существа дела. Они даны во всех

²⁶ Пусть не подумает читатель, что это «гримирование» происходит только в революционные эпохи. Это обычное явление в жизни людей. Примером может служить хотя бы поведение людей при посадке в переполненный трамвай или поезд. Пока человек не занял места — к чему толкают его импульсы, — его речевые и субвокальные рефлексy, состоящие на службе у этих импульсов, принимают определенный характер; «разум» начинает усиленно доказывать: «Подвиньтесь, господа! Есть же место. Какая невоспитанная публика. Только о себе и думают». Первый акт заканчивается: человек занял место. Теперь в трамвае лезут другие люди. Речевые субвокальные рефлексy делают поворот на 180 градусов, и человек начинает доказывать: «Да куда вы лезете! Видите, что нет места! Набиты, как сельди в бочке» и т. д. Эта комедия в двух актах постоянно повторяется в «Жизни человека», она проявляется ежедневно в различных областях поведения.

революциях, хотя конкретные их формы и могут чрезвычайно варьироваться в зависимости от множества условий времени и места.

Очертим теперь деформацию поведения *во второй стадии* революции, в период ее упадка.

В итоге дикой игры расторможенных безусловных рефлексов наступает «анархия». Они начинают антагонизировать друг с другом, ущемлять один другого, одни люди — других. Всякое приспособление к жизни и сама жизнь становится трудной, почти невозможной, — поэтому некоторые общества погибают. Другие выживают, но — как? Ущемленные друг другом и одними людьми у других безусловные рефлексы начинают давить и ограничивать друг друга. Начинается «торможение» их — период «контрреволюции». К тому же результату ведет и *истощение энергии*, вызванное исключительно буйной прежней активностью. За несколько месяцев или за один-два-три года люди истощаются, организм их слабеет, становится вялым, вялыми становятся и безусловные рефлексы. В этом процессе на этой почве появляются сначала сильно действующие безусловные тормозные стимулы, затем к ним присоединяются условные тормозные, в итоге — *весь этот период, в противоположность первому, отмечен резкой печатью «торможения» и возрождения угасших условных тормозов*. Разбушевавшиеся безусловные рефлексы берутся в «ежовые рукавицы», в «огонь и железо» и начинают «обуздываться». Так как на предыдущей фазе они доходят до состояния «белого каления», то для их обуздания необходимы столь же исключительные средства. Они обычно и появляются в виде «белого» или «красного» террора.

Наряду с этим происходит и прививка надлежащих условных тормозных рефлексов, главным образом — старых, угасших, но отчасти и новых. В первый момент обуздание производится с помощью огня и железа, зверских и чисто механических мер, т. е. сильных безусловных стимулов. Непосредственным результатом такого торможения, с одной стороны, и истощения энергии — с другой, является состояние «оцепенения» и «апатии» — увертюра ко второму периоду революции.

Огромная масса людей, еще вчера находившихся в состоянии безумной «ажитации», теперь связывается по рукам и ногам. На ее «свободы» (слова, печати, действия и т. д.) накладывается veto^{17*}, надевается намордник, а на общество — смирительная рубаша, стихию безусловных импульсов вводят в берега (иногда убивающие само общество, а не только его «ажитацию»). *Общество оказывается «закованным», связанным, оцепеневшим. На смену ажитации приходит тишина, ослепление, инерция*

и апатия, на смену «возбуждения» – «торможение» и вялость, на место безумной импульсивности – утомленность и пассивность.

Иногда это «торможение» производится руками «красных» усмирителей (Кромвель, Робеспьер, Ленин), иногда – «белых» (Кавеньяк во время революции 1848 года, Врангель и другие), но объективная роль и тех и других в данном отношении однородна: все они, сами того не осознавая, совершают одно и то же дело «контрреволюции» – торможения «анархии» или дело «реакции».

Вслед за этой стадией усмирения «сумасшедшего» общества идет *стадия некоторого «пробуждения» от оцепенения, сопровождаемого прививкой условных тормозящих рефлексов.* Последние, подобно живой ткани, постепенно обволакивают собою (под повязками механических тормозов террора и других сильных безусловных тормозов) безусловные рефлексы; чем далее – тем сильнее и, таким образом, *постепенно начинают заменять механические – «сильнодействующие» – бинты и тормоза террора и насилия.*

Чем скорее и энергичнее идет это воспитание условных тормозов, тем быстрее отпадают «механические» тормоза. Сплошь и рядом здесь случаются «перебои». Иногда «смирительная рубашка» с общества снимается раньше, чем тормозные условные рефлексы привьются и окрепнут. Тогда происходит новая вспышка «революционной активности», освобожденной от «сильнодействующих бинтов террора».

Эти вспышки ведут к новому усиленному механическому торможению, т. е. к рецидиву террора и подобных ему мер «укрощения». Последнее снова быстро ведет к оцепенению и к прививке тормозных рефлексов, до их достаточного укрепления. Только в этом случае механические тормоза окончательно снимаются с общества и революция может считаться законченной. Вне этого условия они могут сделаться «бытовым явлением».

Изучение ряда революций показывает, что *таких «фецидивов» в стадии отлива революции может быть несколько.* Революционная температура падает не по прямой, а по зигзагообразной, ломанной линии, с понижениями и повышениями.

Такова основная черта революционной мутации поведения во второй стадии революции.

Наряду с этим основным процессом на обеих стадиях происходит другой, более частный. На первой стадии революции расторможение рефлексов у одной части общества (восставших) ведет к торможению многих рефлексов у другой части (против которой восстают); на вто-

рой стадии — часто происходит обратный процесс. Но это уже деталь, которую в данной работе мы описывать не будем. Она ничуть не покрывает и не заслоняет очерченных основных процессов расторможения в первый период, оцепенения и торможения во второй.

Из сказанного следует, что в противоположность первой стадии здесь 1) *биологическое ядро поведения начинает одеваться в костюм условных тормозных рефлексов, угасших в предыдущем периоде*. Происходит «реставрация», или «регенерация» огромного большинства их, частью в старой, частью в видоизмененной форме. 2) Тем самым здесь *начинают доминировать процессы торможения над возбуждением, «социализация» над «биологизацией», тормозная реакция над возбуждающей акцией*. 3) Резко изменяются и «мотивирующе-пудрящие» условные рефлексы, созданные в предыдущий период. Так как здесь происходит не разлив, а торможение биологических импульсов, то и «*возбуждающие*» условные рефлексы *становятся излишними и ненужными*. Если безусловные рефлексы обуздываются, то тем легче и сильнее «обуздываются» эти «крылья», эти «пособники» и подстрекатели последних. *Лишенные основы, они быстро никнут и гаснут, вытесняемые «тормозными» условными рефлексами*. Это особенно четко *проявляется в речевых и субвокальных реакциях*. Лозунги, идеологии, принципы, программы, оценки, верования и убеждения, эпидемически распространявшиеся на первой стадии революции, заражавшие массы и имевшие громаднейший успех, — теперь теряют его, «дискредитируются», вызывают отрицательное к себе отношение — ненависть, иронию, презрение, издевательство. Новые боги, еще недавно столь обожаемые, теперь сбрасываются с пьедестала и на него возводятся старые — в старой же или модернизированной форме. Короче говоря, *налицо «реакция» в области речевых и субвокальных рефлексов*. То же самое происходит и в других областях условных рефлексов.

Сказанное, конечно, дает лишь основную схему, не исключаящую отклонений, вариаций, второстепенных черт, — но основную суть «революционной мутации» оно очерчивает.

Перейдем теперь к подтверждению и конкретизации сказанного. Рассмотрим подробнее характер деформации отдельных групп рефлексов.

Изучение их деформации еще больше убедит нас в правильности сказанного. Оно, далее, покажет нам правильность положения «история повторяется», вскроет черты сходства и различия разных революций и ряд деталей, не уместяющихся в общей характеристике, данной выше.

§ 3. Деформация «речевых» рефлексов

Речь человека (устная и письменная) представляет собой особую форму условных рефлексов (speech-reactions). «Речевые рефлексы» интересны во многих отношениях. Они чрезвычайно гибки и многообразны по своему содержанию. Они являются показателями устремлений индивида, вскрывающими те стимулы, под действием коих он находится. В них обычно дается равнодействующая состояния организма и тех стимулов, которые детерминируют его поведение. В этом смысле речевые рефлексы чрезвычайно сложны и представляют собой условные рефлексы наивысших порядков. Всякое значительное изменение условий и стимулов и всякое изменение рефлексов, их сложная игра и смена тотчас же проявляется в речевых рефлексах. В этом смысле они являются своего рода «термометром» состояния организма и окружающей его среды. Правда, это «термометр» своеобразный. Он показывает игру импульсов, особенно безусловных, в «приукрашенной», «облагороженной» и «заваулированной» форме.

В чистом виде последние выглядят прозаически, порой неэстетично. Речевые рефлексы дают этим импульсам «крылья» для взлета, красоту для ослепления и блеска, благородство — для необычайного энтузиазма и фанатизма. Они «обосновывают», «мотивируют», дают идеально заманчивые оправдания самым прозаически-животным импульсам и преподносят их нам самим и другим людям в великолепной форме «добра, красоты, истины, прогресса, справедливости, бога, счастья людей» и т. д.

Из очерченной природы речевых рефлексов ясно, что они в *первую очередь деформируются при революциях*. Еще до революции этот «термометр», в виде роста речевых реакций недовольства и успеха их прививки к массе людей, отмечает рост «ущемленных» условий, с одной стороны, служит предвестником «взрыва» других рефлексов, с другой, и сам является фактором расторможения их — с третьей. «Недовольные речи», агитация, подрыв основ «ущемляющего строя», рост «оппозиционности» — в газетах, памфлетах, брошюрах и на митингах, — распространение и прививка «освободительных идеологий» (энциклопедистов, Руссо и Вольтера во Франции, гуситства в Чехии, Уиклефа, лоллардов и индепендентов^{18*} в Англии, марксизма, социализма и радикализма в Европе и т. д.) — все это проявляется еще до революции.

Начало ее характеризуется *«расторжением» речевых рефлексов — и с количественной и с качественной стороны*. «Язык людей развязывается». Его «перестают держать за зубами». Он получает свободу (то же самое

применимо и к письменным речевым реакциям). Начинаются речи, речи и без конца речи. Митинги и собрания, заседания и демонстрации. Широкая река газет, брошюр, листовок, плакатов, афиш — затопляет страну... Словом, количественно речевые рефлексы увеличиваются.

Растормаживаются они и «качественно». «Свобода слова и печати» — обычное и неизменное требование революций. Язык, молчавший раньше или не затрагивавший многих «святынь», теперь начинает «поносить», «бичевать», «обличать» все условия, ущемлявшие ныне освобождающиеся рефлексы. Он начинает призывать к низвержению этих тормозов и стимулировать их разрушение; а вслед за ними — в силу того, что они связаны с другими, условными тормозами, — и других «богов и святынь» (религию, церковь, собственность, мораль и т. д.) *«Долой!»* — вот монотонное резюме этих бесчисленных призывов. Призывы к «умеренности», «самоограничению» здесь не имеют успеха. Идеологии, тормозящие эту «неограниченную свободу» ущемленных appetitов, не находят отзвука. Идеологии же такого рода свободы и призывы к ней, в наивном или рафинированном виде «благословляющие» низвержение всех тормозов (власти, церкви, религии, собственности, семьи, брака и т. д.), «пудрящие и облагораживающие» («во имя равенства», «Бога», «Интернационала») захват, грабеж, насилие, убийство, месть и другие безусловные стимулы — прививаются с быстротой эпидемий и обретают тысячи adeptов.

Такова «деформация речевых реакций» в первый период революции.

Второй этап — *период количественного и качественного торможения речевых реакций.* И здесь они идут впереди других. «Торможение» их — предвестник торможения других рефлексов и симптом перехода революции во вторую тормозящую стадию — независимо от того, «белой» или «красной» властью это торможение производится. На язык надевается узда. Масса газет закрывается. «Свобода печати» ограничивается. «Свобода слова» аннулируется. Митинги запрещаются. Агитация преследуется. За нарушение — кара, начиная с тюрьмы и кончая гильотиной или расстрелом. При таких «тормозах» люди начинают держать язык за зубами. Море речевых рефлексов высыхает. Вместо разнузданности речи наступает период «шептограмм». Воцаряется молчание...

Успех «растормаживающих идеологий» первого периода проходит. Их место начинают занимать идеологии, лейтмотивом которых становится лозунг: «Порядок и Торможение».

С наступлением нормальной жизни исподволь возвращается «способность речи». Сначала она нечленораздельна, похожа на мычание («эзопов язык»), потом делается более отчетливой, но во многом усту-

пает «вакханалии языка» первого периода революции. Иногда, когда язык слишком «развязывается», снова начинается «торможение». Таких колебаний может быть несколько в продолжение одной революции.

Такова суть деформации речевых рефлексов в период революции.

Наряду с этим основным процессом происходят и другие. 1. *Появляется множество новых терминов для выражения новых переживаний.* 2. *Каждый период имеет свои любимые и преследуемые слова. Как правило, любимое слово первого периода становится ненавидимым во второй период, и наоборот.* 3. *То же самое относится и к идеологиям, движение коих рассмотрим ниже.* 4. *В каждый период словесная вакханалия охватывает «победителя», а тормозящее молчание – «побежденного». Каждая сторона тормозит другую.*

Подтвердим сказанное справками из истории.

Египетская революция (1600–2000 гг. до Р. Х.)

Речевое воздержание в нормальное время считалось в Египте праведным делом. Недаром в «Книге Мертвых» в качестве дел, угодных Осирису, значится: «Я не говорил лишних слов». Эта добродетель, как видно из нижеприведенных слов современника тех событий Ипувера, во время революции исчезла. Язык растормозился. «Шума достаточно в годы шума... нет конца шуму. О, если бы затих шум на земле», — отмечает он в своей скорбной поэтической летописи египетской революции. «Рабыни не стесняются в речах, а когда их госпожи говорят — это им не нравится»²⁷.

Рим

Такую же расторможенность языка мы наблюдаем и здесь во время революций, участвовавших к концу периода республики, начиная с эпохи Гракхов. С этого периода начинается непрерывное «митингование», появляется и растет митингующий хлебный плебс, выделяются профессионалы речевых рефлексов — ораторы, политика начинает делаться на площадях, возникают «растормаживающие» — уравнильно-освободительно-радикально-социалистические идеологии и лозунги. И наоборот — в периоды «усмирения», повторявшиеся несколько раз, происходит усиленное «торможение». «Пестрый уличный сброд никогда не переживал такой отличной поры, не имел таких веселых сходов. Имя всем этим маленьким великим людям — легион. Демагогия совер-

²⁷ Викентьев В. Революция в древнем Египте // Новый Восток. 1922. № 1. С. 290;

Тураев Б. А. Древний Египет. Пг., 1922. С. 120–121.

шенно превратилась в ремесло». Толпа все время на форуме. Агитация — громадна. Вместе с тем, «уже раздались те многозначительные слова, что только бедняк может быть представителем бедняков и что должна быть диктатура бедноты»²⁸. Лозунги: «Долой тормоза» (Сенат, патрициат, аристократию, богатых, собственность, семью, старых богов и т. д.), с одной стороны, кассирование долгов, передел земли — с другой, призыв к *equatio pecuniae et bonorum equatio*^{19*} т. д. — широкой волной разливаются по стране. «В грандиозном социальном движении в эту эпоху не было недостатка в элементах, увлекавшихся самыми крайними социалистическими и разрушительными идеями»²⁹.

В эпоху подавления, например при Сулле и позже, «безмолвный ужас давил всю страну и нельзя было услышать ни одного свободно выраженного мнения»³⁰.

Греция

То же самое явление мы видим и в греческих революциях VII—VI вв. до Р. X. (в Афинах, Милете, Митилене, на Самосе, в Аргосе, Мегаре, Сиракузах и т. д.), в 427 г. — в Керкире, в 412 г. — на Самосе, в 370 г. — в Аргосе, а равно и в революциях, предводительствуемых Агисом IV, Клеоменом III, Набисом и т. д. Достаточно прочесть хотя бы описание Керкирской революции Фукидида, чтобы увидеть это³¹.

Бесконечные и дикие буйства здесь предварялись и сопровождались тем же «буйством» языка, который тормозился в моменты отлива революций.

То же самое явление мы видим, например, до, во время и после *Крестьянского восстания в Англии в 1381 г.* Незадолго до восстания появились: «растормаживающая» проповедь Уиклефа и его учеников, распространение «Видения Петра Пахаря»^{20*}, агитация Джона Болла и лоллардов. «Лолларды росли, как молодые побеги из корня дерева и наполняли всю страну». В речевых рефлексах подрывается собственность, догмы цер-

²⁸ Моммзен Т. Римская история. М., 1887. Т. III. С. 260, 81 и др.

²⁹ Пельман Р. История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910. С. 514–521, 533, 503–582; Пельман Р. Ранний Христианский коммунизм. Казань, 1921. Подробности см.: Ферреро Г. Величие и падение Рима. М., 1915–1916. Т. I–III; Дику В. Histoire des Romains. Paris, 1885. Vol. V; Ростовцев М. И. Рождение Римской Империи. Пг., 1918.

³⁰ Моммзен Т. Римская история. М., 1887. Т. II. С. 347.

³¹ Фукидид. История. Т. III. С. 82–85; подробности см.: Пельман Р. Цит. соч.

кви, привилегии сословий («... когда Адам пахал, а Ева пряла, кто дворянином был тогда?»), основы государственной власти. «Проповедовали, что собственность — дар благодати божьей, что грешники лишаются благодати, дающей собственность» и т. д.³² После усмирения восстания приходит обычное «торможение».

То же самое — в *Чешской революции XV в.* Ей предшествует опять-таки «растормаживающая» проповедь гуситства, «колебавшая самые основы католической церкви, отвергавшая повиновение Папе и все церковные учреждения, божественность которых нельзя подкрепить священным писанием». К этому исподволь присоединялись критика и отвержение массы других социальных «тормозящих ценностей» (власти, сословий), в период гуситских войн приведшие к порицанию собственности... даже семьи. (Табориты, и среди других сект — голые адамиты^{21*}, провозглашавшие даже общность жен.) Во второй стадии, после войн Яна Жижки и Прокопа, мы видим и «торможение» речевых рефлексов — количественное и качественное³³.

Нечто подобное видим и в *Нидерландской революции XVI в.* Причем здесь в периоды торможения «язык каждого пленника завинчивался в железное кольцо и прижигался горячим железом»³⁴. Чуть ослаблялось торможение — поднимался ропот.

Не иначе обстояло дело и в *Английской революции XVII в.* Перед революцией «в высших классах недовольство (политикой Карла I) обнаружилось уклонением от двора и свободой мыслей (т. е. речевых рефлексов), дотоль неслыханной». Еще сильнее то же самое проявилось в низах.

Расторможение языка началось и шло crescendo. Идет небывалый урожай «растормаживающих» памфлетов в 1636 г. (Прейн, Бортон, Лильберн и др.), развязывается язык в парламенте и на улицах, критика смелее, «свобода слова», «вольномудство» и крайние учения рас-

³² Вебер Г. Всеобщая история. СПб., 1894. Т. 8. С. 43–48. Подробности см.: Оман Ч.

Великое крестьянское восстание в Англии. М., 1897; Ковалевский М. М. Экономический рост Европы. М., 1900. Т. II; Петрушевский Д. М. Восстание Уота Тайлера. М., 1915; Грин Дж. Краткая история английского народа. СПб., 1897. Вып. 1. С. 277–285.

³³ Вебер Г. Цит. соч. С. 205–207. Подробности см.: Ли Ч. История инквизиции. СПб., 1911. Т. 1–2; Denis E. Huss et la guerre des Hussits. Paris, 1878; Palacky F. Geschichte von Böhmen. Prag, 1851; Каутский К. От Платона до анабаптистов // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907. Т. 1.

³⁴ Мотлей Д. История Нидерландской революции. СПб., 1866. Т. 2. С. 57, 218.

тут. Речи крайних индипендентов, отвергавших аристократию и власть монарха не только в церкви, но и в государстве, требовавших равенства прав и распределения богатств находили живейший отклик. «Вольнодумцам нравились такие речи, им хотелось довести революцию до крайних пределов»³⁵.

Дальше — больше. «В низших слоях обнаружилось кипучее волнение умов; по всем предметам стали требовать неслыханных реформ». «Их самоуверенность и повелительный язык равнялся их невежеству и незначительности... Потребованные к суду, они говорили, что не верят в законность самих судей... В церквях они бросались к кафедрам и прогоняли с нее (умеренного) проповедника». Идеологии рационализма, эгалитаризма, коммунизма, республиканизма закружились ураганом. Началось «митингование», посыпался дождь растормаживающих памфлетов. В них писалось: «Закон есть печать хитрого порабощения», «Тюрьмы — святилище богатых и место мучений для бедных». Религиозное растормаживание иллюстрируют слова солдата: «If I choose to worship that pinpoint, what is that to you»^{22*}. «Боже праведный! — пишет современник о проповедях анабаптистов^{23*}. — Сколько ужасных возмутительных криков, разрушений, убийств, пожаров. Слушая их, я думал об ответе Спасителя апостолам: “Вы не знаете, каким духом исполнены ваши сердца”»³⁶.

В театрах шли пьесы, осмеивавшие католичество, а вслед за тем начавшие осмеивать и самих реформаторов, так что «реформаторское духовенство принуждено было само принять меры против этого из боязни, как бы не быть и самому унесенным антирелигиозным движением»³⁷.

«Низвергать, низвергать и низвергать — вот все, что было в умах и сердцах людей», — так характеризовал положение дел сам Кромвель в своей речи в парламенте в 1654 г.³⁸

Со второй стадии, с момента единовластия Кромвеля, началось и торможение, в виде арестов Лильберна, других памфлетистов, непокорных членов парламента; в виде подавления свободы слова и печати.

³⁵ Гизо Ф. История английской революции. СПб., 1886. Т. I. С. 62–63. Т. 2. С. 2–3.

См. также: Gardiner S. History of the Great Civil War. New York, 1886–1891. Vol. 1–2; Gardiner S. History of the Commonwealth and Protectorate. London, 1903. Vol. 1–2; Gardiner S. O. Cromwell. 1899.

³⁶ Гизо Ф. Цит. соч. Т. II. Ч. 1. С. 96–97. Т. 3. С. 7, 63–64.

³⁷ Кабанес О., Насс Л. Революционный невроз. СПб., 1906. С. 294.

³⁸ Гизо Ф. Цит. соч. Т. III. С. 109.

Право печатания книг дается лишь четырем городам. Вводится строжайшая цензура. «Ни один журнал, ни одно периодическое издание не могло выходить без разрешения правительства, типографщики должны были представлять залогов. Подвергали суду и наказанию не только сочинителей, но и со всякого, купившего возмутительное сочинение, брали штрафы». Запрещаются митинги и собрания. Закрываются театры, изымаются из обращения все разносчики и уличные певцы, глава семьи обязывается держать взаперти детей и слуг, кроме немногих часов и т. д. Словом — полное торможение; в итоге — «все уступило, все смолкло». Пришло оцепенение. Потом уже началось снова пробуждение в виде памфлетов и нападок на Кромвеля, но до конца своей жизни он удачно тормозил новое «развязывание языка»³⁹.

Великая французская революция

И здесь в высших классах расторможение речевых рефлексов началось еще задолго до революции (энциклопедисты, Руссо, Вольтер и другие с их проповедью рационализма, космополитизма, геоцентризма, республиканизма, атеизма, прав человека, с их критикой тормозящих «суеверий»).

С началом революции «море речевых рефлексов разливается» и приобретает бешеный характер. Начинаются бесконечные митинги, рост клубов, брошюр, газет и т. д. Число якобинских клубов к началу 1791 г. достигает уже 227, через три месяца их 345, к концу Конституанты^{24*} — 406. Расторможение ясно и в наказах, и в «Декларации прав человека», и в газетах, и в речах, и в театральном представлении. Все старые тормоза — власть, король, тираны, аристократия, церковь, религия, семья — осмеиваются и критикуются. Число революционных пьес и «стихов» растет без конца. Их содержание — «апофеоз свободы, республики и равенства», с одной стороны, потакание всевозможным биологическим импульсам — с другой, растормаживание от суеверий — власти, церкви, семьи, собственности и т. д. — с третьей. Все эти пьесы: «Современное равенство», «День 10 августа», «Бюзо», «Кальвадосский царь», «Республиканская вдова», «Любовная гильотина», «Последний суд царей», «Карл XI», «Муж-духовник», «Еще кюре», «Свадьба Ж.-Ж. Руссо», «Взятие Бастилии», «Дружба и братство» и т. д. — все они довольно монотонно перепевают эти мотивы, все они наполнены в изобилии лозунгами

³⁹ *Гизо Ф.* Цит. соч. Т. I. С. XXIV. Т. II. С. 51–52, 123, 176; *Gardiner S.* History of the Commonwealth and Protectorate. Vol. 4. Ch. XLII.

«Долой оковы», «Да исчезнут тираны, цари, попы, аристократы», «Пойдем и уничтожим ненавистные цепи» и т. д. То же самое и в бесчисленных стихах, начиная с «Марсельезы» и кончая стихоплетениями Лагарпа, Мариуса Шенье и других.

Тем же переполнены и газеты, в особенности самые популярные, вроде «Друга народа» Марата и «Отца Дюшена». Сам язык их — «ядреный», чересчур крепкий, полусальный, полубредовый. «Из-под пера Марата вечно вырываются одни и те же слова: подлецы, злодеи, дьяволы». Призывы «Долой!» — неизменны. Требования голов — постоянны. Ж. Мишле подсчитал, что число их у Марата не более и не менее, как 270 000 голов. «Отец Дюшен» потакает растормаживанию всего⁴⁰.

Словом, буйство языка безгранично во всех отношениях.

Наряду с этим явлением, как и в других революциях, происходит и другое: язык меняется по существу. Вводится масса новых терминов или изменяется смысл старых (budget, club, motion, constitution, aristocratie, revolutioner, lauterner, septembreseur, guillotine, redicide, sans-cullote), новые выражения и шутки («сунуть голову в окно», «чихнуть в мешок» = гильотинировать), запрещается ряд слов (например, обращение на «вы», monsieur), делаются обязательными другие («ты», citoyen, и т. п.). Словом — целая революция языка...⁴¹

С момента диктатуры якобинцев начинается одностороннее торможение. Антиякобинские речевые рефлексы преследуются. «Памела», «Друг законов», «Свадьба Фигаро» и даже пьесы Мольера без переделок не разрешаются к постановке. Вводится цензура театра, газет, речей. Происходит сильнейшее обуздание антиякобинского языка. После термидора^{25*} этот язык развязывается⁴², но зато тормозятся якобинские речевые реакции.

При директории торможение ширится и углубляется, в особенности после восстаний, вроде фрюктидорского^{26*}. Клубы закрываются, газе-

⁴⁰ Например, отменяется ввозная пошлина на вино. Он пишет: «Наконец-то, наших ребят, любящих малость выпить, не будут разорять; вместо “мерзавчика” теперь можно хватить и “сороковку”. Какая радость!» И идет, по обычаю, добавление трехэтажного выражения.

⁴¹ *Кабанес О., Насс Л.* Цит. соч. С. 250–310; *Олар Ф. В. А.* Ораторы революции; *Мадлен Л.* Французская революция. Т. 1. С. 14, 25–26; *Taine H.* Les Origines de la France contemporaine. Т. 1–3. История французской революции Ж. Мишле, Ж. Жореса и др.

⁴² «Задушенная при тиране (Робеспьере) печать мстила. Она множилась... наряду с газетами появился целый дождь брошюр, нападавших на охвостье Робеспьера» (*Мадлен Л.* Цит. соч. Т. 2. С. 156–157).

ты тоже, вводятся разрешительный порядок, залоги, штрафы, аресты, контролируется театр и т. д.⁴³ При Наполеоне, как известно, этот процесс пошел дальше и привел почти к полному уничтожению свободы устного и печатного слова⁴⁴.

Революция 1848 г. во Франции

То же самое явление: с начала революции бесконечные митинги и рост клубов, число коих достигает 700. «Существовали сотни клубов, в которых каждый говорил то, что ему приходило на ум, каждый высказывал свои мечты и строил проекты. Стены были покрыты громадными афишами. Каждый день появлялись новые газеты, которые как бы хотели внушить страх своими громкими или грозными названиями, например: «Le Père Duchene», «La Commune de Paris», «Le Tribun de peuple», «La Voix des clubs», «La Voix de Femmes», «La Peuple», «L'Ami du Peuple»^{27*} и т. д.

По обычаю, — бесконечные празднества, иллюминации и демонстрации. В клубах «осыпали лестью пролетариев, называя их «народ, непогрешимый народ». «Газеты соперничали друг с другом насильственным тоном статей». «Казалось, какое-то безумие охватило все общество». «Каждый день происходили все более и более угрожающие манифестации. Газеты предавались все более и более страстной полемике, (и все) возбуждали к восстанию, к гражданской войне». То же неизменное «долгой» по адресу всех тормозов, и «да здравствует» — по адресу «свободы» (расторможение).

После восстания 22–25 июня^{28*} начинается резкое торможение, осуществляемое Кавеньяком. Масса газет закрывается. Вводится залог в 24 000 франков (вызвавший реплику Ламмене: «Мы не достаточно богаты: бедные — молчать»), усиливаются репрессии, клубы закрываются, собрания — так же. Общий клич: «Порядок!» Позже — снова видим некоторое расторможение, но после 13 июня 1849 г. Наполеон приказывает: «Прекратить агитацию, успокоить добрых и заставить терпеть злых». Законами 15 мая 1850 г. и другими «речевые рефлексy» берутся в «ежовые рукавицы» (контроль печати, школы, церкви, закрытие газет, клубов и т. д.)⁴⁵.

⁴³ *Мадлен Л.* Цит. соч. С. 294. См. также соответствующие места в работах

Тэна, Гьера, Жореса, в «Политической истории Французской революции»
Ф. В. А. Олара (СПб., 1920) и др.

⁴⁴ См.: *Тарле Е.* Печать во Франции при Наполеоне. Пг., 1922.

⁴⁵ *Грегуар Л.* История Франции в XIX веке. М., 1896. Т. 3. С. 21–52, 140–141, 446–450.

Сходное монотонно повторяется и во время *Германской революции 1848 года*.

«Весной и летом 1848 г. в Берлине... каждый день приносил с собой новые собрания и плакаты. Клубы и газеты росли, как грибы. Свобода мнений и союзов была осуществлена...» «Власти старались положить этой свободе пределы, однако, пришлось вооружиться на некоторое время терпением: пока еще не было возможности удовлетворить их фанатическую жажду порядка».

В Австрии «в домартовское время оппозиционной прессы совершенно не было». С началом революции «разом выросла новая пресса. Большинство органов имело революционный характер. Невинные журнальчики превратились в радикальные политические журналы. В общей сложности в Вене появилось до 220 политических газет. Многие из них говорили грубым и вульгарным языком» и т. д.

К концу 1848 г. началось торможение. 12 ноября в Берлине «все клубы и союзы были распущены, демократические газеты закрыты, войска срывали все плакаты, воцарилась военная диктатура»⁴⁶. А там пошли обыски, аресты и обычная коллекция тормозных стимулов.

То же самое происходит во время *Французской революции 1871 г.*

Уже в 1868 г. «оппозиция в палатах увеличилась, пресса стала смелее». Давление на нее слабее. «*La Lanterne*» Рошфора^{29*} имеет необычайный успех. Речи в 1869 г. столь смелы, что даже Делеклюз порицал их.

После Седана^{30*} расторможение сразу делает громадный успех. Общий крик — «Низложение!» «Свобода прессы, собраний, афиш была безгранична». Бесконечные манифестации. Рост экстремизма во всех отношениях, приводящий к Коммуне^{31*}.

Но Коммуна же начинает и торможение. Антикоммунистическая печать закрывается. Лиссагаре заявил: «Мы требуем прекращения без фраз всех газет, враждебных Коммуне». С падением ее — торможение падает на антишьеровские газеты, а затем — после расправы — и все газеты вводятся в «рамки»⁴⁷.

В точности такое же явление повторилось в *Русской революции 1905–1906 гг., и повторяется сейчас, в революции 1917–1923 гг.*

⁴⁶ Блос В. Германская революция. История движения 1848 года в Германии. СПб., 1907. С. 269, 220, 392–393.

⁴⁷ Греггар Л. Цит. соч. Т. 4. С. 185, 260, 373, 425; Лиссагаре П. О. История Парижской коммуны. СПб., 1906. С. 320, 417–431.

Уже в конце 1916 г. «развязывание» языков и в Государственной Думе (речи Милокова, Керенского, Чхеидзе, Шульгина и других^{32*}), и в частных собраниях, и на улице, и в прессе — началось. Чем ближе к концу февраля 1917 г., тем сильнее. С 27 февраля 1917 г. «расторможение» делает громадный скачок вверх⁴⁸. Бесперывные митинги — всюду и везде, в домах, в казармах, в Государственной Думе, на улицах, в учреждениях...

Тон всех газет (вплоть до «Нового Времени») сразу меняется. В течение одной-двух недель появляется множество газет, одна другой левее. Стены города заклеились бесчисленными афишами. Расходование бумаги на воззвания и прокламации сразу повысилось в несколько раз. В один день монархические «речевые рефлексы» заменились республиканскими.

Уже в первой декларации Временного правительства были провозглашены все свободы^{33*}. Далее сразу же пошло растормаживание и освобождение солдат от воинской дисциплины с призывами, равносильными призывам убивать офицеров, не подчиняться приказам, кончать войну; к гражданам посыпались призывы вылавливать и убивать полицейских. Дальше — больше. Как из рога изобилия хлынули речи о 6–8-часовом рабочем дне, о ненужности утомительной работы; к крестьянам полетели воззвания забирать помещичьи земли, громить усадьбы, ко всем и вся — гимн о свободе, неограниченной и бесконечной свободе. Изредка еще раздавались лозунги: «Рабочие — к станкам, солдаты — к оружию, крестьяне — подождите», но все это было каплей в море.

Расторможение прогрессировало: скоро появились речи о низвержении капитализма и буржуазии, о «социализации» всего и вся, о раскрепощении от буржуазных семейных предрассудков, о «религии — опиуме народа»^{34*}, о предательстве Временного правительства и соглашательских Советах, беспомощно пытавшихся теперь тормозить «углубление революции». В итоге — все речевые тормоза отпали. «Язык очутился в условиях полной свободы» и болтал то, что приказывали безусловные импульсы.

Песни, стихи, театральные пьесы, рассказы и т. д. приобрели соответствующий характер. Их основной мотив — «Долой!» и «Да здравствует свобода!»

⁴⁸ См. уже опубликованные мемуары («Дни» Шульгина, «История второй русской революции» Милокова, «Записки о русской революции» Суханова) и особенно газеты тех дней.

Пришли большевики. В первые недели после октябрьского переворота и они еще не могли тормозить. Но в 1918 г. торможение началось. Все некоммунистические газеты были закрыты. Некоммунистические собрания, митинги и общества — ликвидированы. Посыпались аресты, обыски и... первые расстрелы. Торможение приняло хотя и односторонний, но неограниченный характер. За слово протеста — арест и избивание, за антисоветскую прокламацию — расстрел, за неразрешенное собрание — «к стенке».

В конце 1918 г. все смолкло. Язык страны оцепенел, кроме языка самих коммунистов. В 1919–1921 гг. вся страна, кроме 600 000 коммунистов, «лишилась языка». Ни одной коммунистической газеты, ни одной свободной речи, ни одной книги, изданной без благословения цензуры, ни одной визитной карточки, напечатанной без разрешения комиссара. Лишь шепотком, подозрительно осмотрев стены, два-три близких человека осмеливались сообщать друг другу «шептограммы». И то не всегда.

Вместе с тем резко изменилась и терминология. Появилось множество новых слов и выражений: «совдеп», «нарком», «чека», «наробраз», «совнархоз», «замкомпрод», «товарищ», «комбед». Наложено запрещение на некоторые прежние слова: «господа», «милостивый государь» и т. п. Другие приобрели специфическое значение: «к стенке», «пустить в расход», «ликвидировать» (расстрелять), «буржуйка» (железная печка), «хановоз» (автомобиль) и т. д.⁴⁹ Словом, и здесь повторилось то же, что было и при других революциях.

С началом «нэпа», во второй половине 1921 и в начале 1922 г., тормоза немного ослабли. К людям начала возвращаться способность «нечленораздельной речи». Они пытались сказать что-то оппозиционное. Появились два-три журнала, вышло несколько книг с признаком оппозиционности^{35*}. Они успешно раскупались. Слово «товарищ» стало встречать отпор. Публика начала чуть-чуть смелеть. Но... в середине 1922 г. журналы были закрыты, «мычавшие» лица — арестованы, часть выслана, кое-кто расстрелян и... Россия снова замолчала, перейдя на «шептограммы»... Молчит и по сие время, когда я пишу эти строки... Торможение «речи» 99,5% населения продолжается. Мудрые правители учат его пословице: «Слово — серебро, молчание — золото». Зато сами заливаются вовсю.

Дальше будет то же, что было и во время других революций. Или исподволь тормоза ослабнут, и население снова получит «умеренную

⁴⁹ См.: Горнфельд А. Г. Новые слова и словечки. Пг., 1922.

свободу речи», далекую от вакханалий первого периода революции, или — при резком падении большевиков — будет временная полная заторможенность всех коммунистических, социалистических, революционных, атеистических, радикальных речевых рефлексов, взрыв мстительных речей по адресу большевиков, а затем — после нескольких подобных перебоев — рефлексы войдут в нормальное русло, близкое к тому, в каком они текли до революции.

Итог нашего обзора — «история повторяется».

Другой итог его — полное подтверждение выставленных общих положений. В разных координатах времени и пространства мы видим одно и то же⁵⁰. Ниже будет показано, что даже содержание речевых рефлексов во всех революциях довольно однообразно.

Основное различие революций в этом отношении состоит лишь в том, что растормаживаются не одни и те же группы речевых рефлексов (язык «бичует» не одни и те же тормозные устои) и далеко не одинаково идет процесс расторможения: в одних революциях он останавливается на определенной меже, в других — идет дальше, пока не испепелит и не сбросит в грязь все «тормозные ценности».

Например, в революциях 1848 г. он мало затронул «тормоза», обуздывающие половые рефлексы; легко задел и тормоза, удерживающие людей от захвата и присвоения чужой собственности. То же самое в значительной мере относится и к Английской революции XVII в. В Русской же революции 1917–1923 гг. и Великой французской расторможение речевых рефлексов пошло несравненно дальше; оно снесло тормоза, удерживающие людей от «поношения», «бичевания» и насмешек над «святостью семьи и брака», над недопустимостью насильственного захвата чужой собственности и даже самим институтом собственности и т. д.

Чем глубже революция, тем дальше идет этот процесс. Зато тем суровее, грубее, беспощаднее бывает и торможение. Ревнителю «безграничной свободы»

⁵⁰ Для полноты я мог бы увеличить эту коллекцию революций многими другими: китайскими, персидскими, мусульманскими и т. д. Но я считаю это излишним. Пусть читатель изучит с этой точки зрения хотя бы коммунистическую революцию маздакистов в Персии (при Кобаде) или множество революций в исламских халифатах (восстание коптов, коммунистов-бабекистов, рабов, измаилитов, карматов, ваххабитов и т. д.)^{36*} — итог он получит тот же самый. См.: *Malcolm J. The History of Persia. London, 1829. Vol. I. P. 100–106. Vol. II. P. 344, 353; Мюллер А. История Ислама от основания до позднейшего времени. СПб., 1895. Т. I. С. 161, 176, 182–192, 278–280, 216–217, 240, 193–196, 237–239.*

речевых рефлексов должны знать, что своими действиями они подготавливают безграничное же торможение «свободы слова».

Чем дальше разбег — тем сильнее отскок. Чем сильнее расторможение — тем сильнее торможение. «Действие равно противодействию». И наоборот, чем сильнее было механическое торможение «свободы слова» до революции, тем сильнее и глубже бывает расторможение, тем необузданнее зерно неограниченной свободы речевых рефлексов.

Сейчас мы рассмотрели эти явления только с формальной стороны. Ниже мы рассмотрим их с точки зрения «содержания» самих речевых «субвокальных» рефлексов: идей, мнений, оценок, убеждений и идеологий. Мы увидим, что и в этом отношении есть своя закономерность.

§ 4. Деформация реакций повиновения и властвования

В ряду многочисленных актов человека имеется особая группа реакций, которую можно назвать, с одной стороны, *рефлексами повиновения*, с другой — *рефлексами властвования*. Сущность первых состоит в том, что на данный стимул или комплекс стимулов (например, на приказ полицейского, судьи, губернатора, министра, отданный в надлежащей обстановке, обычно указываемой законом) индивид отвечает рядом реакций повиновения, приводящих этот приказ в исполнение. И наоборот, лицо, находящееся в положении «властителя» (т. е. опять-таки в среде определенных реагентов в виде «официального поста», «надлежащей обстановки»), при наличии определенных стимулов, соответствующих тому, что называется «обстановкой при исполнении служебных обязанностей» — выполняет последние в виде «реакции властвования», отдачи повелений, требующих исполнения. Реакции того и другого рода есть почти у каждого человека. Они не ограничиваются отношениями государственного властвования и подчинения, но имеют место во взаимоотношениях властвующих и подчиненных множества негосударственных групп: членов семьи, церкви, политической партии, профессионального союза, акционерной компании, членов какого-либо общества и т. д.

У любого населения в нормальном состоянии есть сложнейшая сеть таких взаимоотношений. Определенность и устойчивость выполнения этих реакций членами агрегата образует то, что носит название «порядка».

Являются ли такие рефлексы только условными или имеется и группа безусловных рефлексов этого рода — я не решаюсь сказать. Есть лица, определенно настаивающие на наличии «инстинктов» или «без-

условных рефлексов» этого рода⁵¹. Есть лица, отрицающие их «безусловность». Не будем здесь обсуждать, кто из них прав. Констатируем лишь, что *огромное большинство этих реакций имеет «условный характер»* (т. е. связь между стимулом, например, видом полицейского или листом бумаги за соответствующей подписью и с печатью и надлежащей реакцией повиновения или властвования воспитана, а не наследственна).

В нормальное время эти реакции повиновения выполняются огромным большинством граждан. С другой стороны, четко и без колебаний выполняются и реакции властвования.

С приходом революции картина резко меняется. Всякая государственно-политическая революция в первой своей стадии характеризуется прежде всего угасанием громадного количества реакций повиновения у значительной части граждан. Условные связи между стимулами повиновения в лице «агентов власти» (полицейского, короля), их актов и символов, с одной стороны, и соответствующими реакциями повиновения со стороны граждан, с другой, — разрываются. На привычный стимул повиновения не следует реакция послушания, как было раньше.

С другой стороны, *угасает много реакций властвования и у «властителей»*. В обстановке стимулов, прежде вызывавших у них безапелляционные и решительные акты «властвования», теперь они их не совершают, или реагируют вяло, с колебаниями и нерешительностью. Связи стимулов и реакций оказываются порванными и здесь...

В итоге — вся сложная цепь обмена этих реакций расстраивается и государственный порядок исчезает. Когда рефлекс повиновения и властвования угасают *только во взаимоотношениях между гражданами и агентами государственной власти*, не задевая таких же рефлексов во взаимоотношениях других негосударственных групп (детей и отца — в семье, верующих — в церкви, рабочего и предпринимателя — в экономической сфере, ученика и учителя — в школе, членов профессиональных советов и лидеров — в профессиональном союзе, негра и работодателя, подчиненной и властвующей национальности: например индусов и англичан и т. д.), мы имеем *революцию неглубокую, чисто «политическую»* (например, революцию 1848 года). Когда же это угасание имеет место и в последних группах — революция становится более глубокой; тем более глубокой, чем большее количество групп ею затрагивается, чем большее число реакций повиновения и властвования «отвинчивается».

⁵¹ См., например: Patrick G. T. W. Op. cit. P. 63.

Остановимся кратко на характере и последовательности процесса угасания рефлексов этого рода.

1. Угасание рефлексов повиновения начинается обычно еще до революции. Выражается это в случаях отдельных нарушений порядка, мятежей и неповиновения отдельным агентам власти, мешающих совершению того, что требуется ущемленными рефлексами. Это — первые сигналы грядущей бури.

2. Если от ущемления страдают огромные массы, если власть не умеет «канализировать» ущемленные рефлексы и плохо «подкрепляет» рефлексы повиновения тормозящими стимулами — процесс расторможения быстро распространяется вширь и вглубь.

«Развинчивание» быстро охватывает огромные массы. Вслед за полицейским перестанут вызывать повиновение губернатор, министр, король. Падение последнего вызывает полное крушение рефлексов повиновения ко всем агентам бывшей государственной власти.

3. И не только к ним. Так как большинство других рефлексов повиновения воспитывалось в связи с повиновением государственной власти или даже на рефлексах повиновения к последней, то угасание их ведет к большему или меньшему угасанию реакций повиновения ко всем «властям», связанным с ней. Чем теснее была эта связь, чем больше светили светом короля власти церкви, привилегированных, богачей и т. д. — тем сильнее будет это угасание. Вот почему в странах с одним основным «центром власти» падение последней тащит в бездну и другие авторитеты. В странах же «self-government», со многими независимыми центрами власти, крушение рефлексов повиновения к государственной власти может не затрагивать серьезно реакций повиновения к последним. Падение авторитета короля здесь может не сопровождаться падением авторитета церковных, семейных, сословных и других «властей», ибо реакции повиновения к ним воспитывались независимо друг от друга.

4. Если угасание не встречает серьезных тормозов, оно, вдобавок стимулируемое актами борьбы, прогрессирует и доходит до конца, приводя к «анархии». Наступает этап своеволия, неограниченного проявления «рефлексов свободы». Вслед за низложенной властью быстро приходит очередь и сбросившей ее оппозиции, если она пытается тормотить «своеволие», но не в силах организовать это торможение. То же самое ждет ее преемников при той же тактике. Каждый из них силен лишь тогда, когда потакает «расторможению». В итоге жизнь становится бесконечно трудной, почти невозможной. Общество или начинает гибнуть, или начинается новая прививка рефлексов повиновения.

5. Она достигается лишь путем введения сильнейших, безусловных тормозов: беспощадного террора, военных судов и тому подобных стимулов, сопровождаемых другими более мягкими мерами: агитацией, пропагандой, внушением, подражанием и т. д. Чем сильнее было расторможение, тем более беспощадными становятся эти меры. Вводятся они или «белыми», или «красными» диктаторами. Под жесткими бинтами этих мер быстро восстанавливаются угасшие рефлексыв повиновения одних и властвования других. В этой стадии может быть несколько «перебоев». В итоге — рефлексыв входят в берега, и революция кончается.

Такова общая схема. В зависимости от ряда условий здесь есть разные вариации, но мы не будем подробно останавливаться на них.

Из сказанного ясно, что террор и диктатура — неизбежные результаты революции. Кто хочет последней — должен хотеть и первые. Кто углубляет «революцию», тот тем самым подготавливает неограниченный разгул террора и диктатуры.

Проиллюстрируем сказанное на одном-двух примерах.

Начнем с *Русской революции*.

Уже в 1916 г. появились первые симптомы угасания рефлексыв повиновения. Субъективно это сказалось в потере авторитета власти, объективно — в явлениях хлебных и солдатских бунтов. В январе—феврале 1917 г. процесс пошел дальше. Мы видели выступления рабочих на улицах, первые схватки и первые массовые проявления неповиновения. Полицейских не слушали, солдаты и казаки перестали повиноваться офицерам. Машина властвования оказалась бездейственной. Отдельные части ее работали вяло. 26–27 февраля — переворот. В два-три дня угасание рефлексыв повиновения царской власти распространилось вширь, на все главные города России, и вглубь — с полицейского до царя. Царь пал. В России все другие власти «светили его светом»; рефлексыв повиновения к ним воспитывались в массах на почве рефлексыв повиновения царю. Последние были рефлексывами 1-го порядка, первые — 2-го, 3-го и т. д. порядков, воспитанные на этих рефлексывах повиновения к царской власти. Крушение их было изъятием нижнего этажа сложного здания рефлексыв повиновения. Естественно, оно не могло не повлечь за собою в бездну и все другие авторитеты. Так и случилось. Вслед за угасанием рефлексыв повиновения к царю и его агентам быстро погасли рефлексыв повиновения солдат офицерам и генералам, рабочих — руководителям фабрик и предпринимателям, крестьян — дворянам, помещикам, представителям городского и земского самоуправления, вообще подчиненных — властвующим. Пока Государственная Дума растормаживала

рефлексы повиновения царской власти, она была в фаворе у масс. Как только, после падения первой, она попыталась тормозить неистовое своеволие — авторитет ее пал в две-три недели. Наследником ее стало Временное правительство. Но и его весна была коротка. В первые недели оно ничего не тормозило, а только распускало «вожжи». Как только оно попыталось это сделать, даже словесно, — оказалось, что никакого авторитета у него нет. Уже 21 апреля разразился первый кризис и отставка Милюкова, в мае—июне произошли последующие кризисы, в июле — восстание, чрез три месяца — низвержение.

То же самое случилось и с первым (социалистическим, но не большевистским) «Советом Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов». Он был популярен, когда «потакал» расторможению. Как только он попытался тормозить — быстро стал терять всякий авторитет и разделил судьбу Временного правительства.

Тот же процесс мы наблюдали и на политических партиях. *Порядок и скорость падения их авторитета был пропорционален степени близости их к царской власти и степени торможения ими разбушевавшихся импульсов масс.* Одновременно с падением царской власти погиб авторитет всех монархических партий, затем в один-два дня исчез авторитет партии октябристов и ее лидеров (Родзянко, Гучкова и других), в две-три недели пал авторитет кадет, вслед за ними пришла очередь плехановцев, трудовиков и всех «социал-соглашателей»: социал-демократов меньшевиков и социалистов-революционеров. Очерченный порядок падения их авторитета вполне соответствует указанной пропорциональности.

На смену должны были прийти большевики, дававшие полный простор своеволию масс, *ничего не тормозившие, благословлявшие разнузданность всякого рода и дававшие ей идеальные облагораживающие словесные одежды.* Рабочим они говорили: берите фабрики, уничтожайте буржуев; крестьянам: громите усадьбы, захватывайте земли; солдатам: бросайте войну, убивайте офицеров; всем и вся: никого не слушайтесь, экспроприруйте, грабьте и убивайте буржуев, капиталистов, дворян, всех, кого хотите, «углубляйте революции, проявляйте своеволие».

Успех большевиков был неизбежен.

Их противники, начиная с «Советов» первого созыва и кончая Временным правительством, не имели сильной воли, не умели и не могли «затормозить» это бешеное расторможение рефлексов повиновения.

Смертная казнь была отменена. Серьезные репрессии считались недопустимыми как проявление реакции. Простой арест почитался «контрреволюционным актом». Единственные тормоза, поставленные

Советами и Временным правительством, состояли в «уговаривании», в воззваниях, в апелляции к совести, к «революционному сознанию», к «защите революции и родины». Вдобавок, и они были двусмысленны; не столько тормозили, сколько растормаживали. Солдатам говорили, с одной стороны: защищайте страну и слушайте командиров, с другой — призывали к миру, рисовали войну как козни империалистов и ежеминутно твердили о реакционности командного состава. То же самое было во всех словесных выступлениях первого Совета и Временного правительства. В целях краткости проиллюстрирую сказанное лишь на примере угасания рефлексов повиновения солдат командному составу. Падение царской власти было ударом, разбившим рефлекс повиновения генералам и офицерам, воспитанные на рефлексах повиновения царю. Далее: 1) утомление от войны, 2) ущемленные войной безусловные рефлекс самосохранения, 3) большевистская «растормаживающая» агитация — все это толкало солдат «кончать войну», идти домой и не слушаться офицеров и генералов, приказывающих сражаться. Что же было противопоставлено этим могучим стимулам? — Одни «речевые реакции», и то двусмысленного характера, скорее «растормаживающие», чем «тормозившие» эти могучие биологические импульсы.

Примером может служить содержание газеты «Фронт», издававшейся для солдат. В 29 ее номерах были: 1) 14 статей, доказывавших, что война нужна одним «буржум», 2) призывы кончать войну, 3) статьи, осмеивающие национализм и прославлявшие «Интернационал», 4) множество резолюций, обличавших «контрреволюционность начальников», 5) пять статей, подрывавших дисциплину, 6) протесты против постановления Министерства внутренних дел, 7) вообще — «Долой!»

Начиная со знаменитого «Приказа № 1», провоцировавшего избивание офицеров солдатами^{37*}, в том же роде были и другие устные и печатные «речевые рефлекс».

Нужно было быть очень наивным идеалистом, чтобы такими «тормозами» удержать развал армии, повиновение, дисциплину и боеспособность. Деникин прав, говоря, что «агитация революционной демократии беспощадно поражала самую сущность военного строя, его вечные неизменные основы: дисциплину, единоначалие и аполитичность». Революционные речи и воззвания «солдатская масса воспринимала как освобождение от стеснительного регламента службы, быта и чинопочитания». «Свобода — и кончено». В итоге «нарушение дисциплины и неуважительное отношение к начальству усилилось». Метко отмечает он далее и роль рефлекса самосохранения. «Быть может, со всем

этим словесным морем и можно было бы еще бороться, если бы не одно явление, парализовавшее все усилия командного состава — это охватившее солдатскую массу животное чувство самосохранения». «Оно было всегда (верно, ибо это безусловный рефлекс. — П. С.), но таилось (тормозилось. — П. С.) и сдерживалось примером исполнения долга, стыдом, страхом и принуждением. Когда все эти элементы (т. е. частью безусловные, частью условные тормоза) отпали, когда вдобавок явился целый арсенал понятий (революционная агитация), оправдывавших шкурничество и дававших ему идейное обоснование, армия жить далее не могла. Это чувство опрокинуло все усилия командного состава, все нравственные начала и весь военный строй». При таких условиях остановить развал «главноуговаривателям» было невозможно. (По приведенному выше индексу, детерминирующая сила речевых рефлексов, близкая к 5 или 10 имела против себя около $100+50+10=160$, т. е. была бесконечно меньшей.)

«Какими словами заставишь идти людей на смерть, когда у них все чувства заслонило одно чувство самосохранения?» В итоге «расплавленная стихия вышла из берегов окончательно. Офицеров убивали, жгли, топили, разрывали... Потом — миллионы дезертиров... Потом Тарнополь, Калуга, Казань... Как смерч пронеслись грабежи, убийства, насилия, пожары по Галиции и другим губерниям. Это сделал солдат»⁵².

То же *mutatis mutandis*^{38*} произошло и с другими авторитетами и властями. Всюду и везде наблюдалось это «биологизирование» и расторможение. Лишь авторитет тех, кто всячески подстрекал это расторможение, оправдывал и благословлял его, т. е. большевиков, мог выигрывать и выигрывал. Они шли «по течению», своеволие подчиненных ничуть не тормозили, а лишь направляли и канализировали его по адресу «буржуев». Этим подстрекательством к разгрому и убийству, плюс подачками они привязывали массы к себе и образовали с ними «единое товарищество на крови и преступлениях».

И они победили.

После победы, в первое время, они опять-таки не тормозили разбушевавшуюся стихию. Потом это пришлось делать и им. Но и здесь они следовали тому же методу: тормозили одних путем предоставления полной свободы ущемленным импульсам других. К этому присоединились агитация, пропаганда и привилегии наиболее активным «преториан-

⁵² Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. Т. 1. Вып. 1. С. 44, 63–64;

Вып. 2. С. 91–93, 145–146, 104.

цам» большевизма (право безнаказанного грабежа, насилия, паек в голодное время и т. д.). Таким путем был создан «кулак», на жизнь и на смерть связанный с большевиками.

Создана была «Чека». Через «Чека» стали тормозить и других, в том числе и солдат. Приставив револьвер к виску гражданина, установив пулемет сзади солдат, беспощадно расстреливая, арестовывая, конфискуя — такими методами они начали прививку «угасших рефлексов повиновения».

Как только большевики перешли к стадии торможения — началось угасание реакций повиновения и по их адресу: начались восстания крестьян и рабочих (в Тамбове, Ярославле, на Дону, на Волге и т. д.). Но большевики уже имели «аппарат торможения» и подавили восстания. Первая плотина была поставлена. Восстания происходили и дальше, но снова подавлялись. В итоге к 1919–1920 гг. наступило «оцепенение» общества. Реакции неповиновения были сломлены путем беспощадных тормозящих стимулов.

Армия, не хотевшая воевать, поставленная в поле таких детерминаторов, послушно пошла на войну, граждане, протестовавшие против малейшего ограничения их свободы, принуждены были смириться с полной ее потерей. Рефлексы повиновения советской власти не за совесть, а за страх стали прививаться, приказы — исполняются, повинности и налоги — осуществляются. Словом, восстановление угасших рефлексов повиновения во взаимоотношениях подданных и органов государственной власти осуществилось.

Правда, это восстановление в отношении большевиков не прочно. Смирительная рубашка, надетая ими на общество, столь тесна, что она ущемляет ряд других основных биологических рефлексов, она не только тормозит неограниченное проявление их, но душит само общество, мешает ему жить. Поэтому можно ждать нового взрыва «неповиновения», если «смирительная рубашка» не будет сделана более просторной.

Русская революция характеризуется, однако, расторможением рефлексов повиновения не только по адресу государственной власти, но и *по адресу множества негосударственных властей и авторитетов*. В 1918–1920 гг. мы имели расторможение рефлексов повиновения у многих членов церкви по адресу церковных властей, членов семьи — детей — по адресу родителей, рабочих — по адресу предпринимателей и руководителей предприятия, прислуги — по адресу их «господ», учащихся — по адресу учителей, массы — по адресу «интеллигенции» и «буржуев» вообще.

В России, где все авторитеты светили светом «царской власти», реакция повиновения к другим «властям» воспитывалась на почве повиновения первой — иначе и быть не могло. Множество авторитетов и групп, подрывавших царскую власть, не знали, подрывая ее, они подрывают и свою власть; толкая ее в бездну — толкают и себя туда же. Так и случилось.

Наступило царство полного своеволия. «Порядок» исчез. Авторитеты угасали. Каждый делал, что ему заблагорассудится...

С 1920–1921 гг. и здесь наступил поворот. Ряд «авторитетов» стал восстанавливаться, частью на почве возрождения реакции повиновения Советской власти, в силу тех же тормозов «револьвера» и террора, частью на почве противоположной: на почве ненависти к большевикам.

Идеи и идеологии, отличные от коммунизма и интернационализма, эта ненависть делает заразительными; носителей и организаторов таких идей и ассоциаций — авторитетными. С этого времени начинают оживать рефлексy повиновения рабочих — инженерам и предпринимателям, верующих — церковной власти, учеников — учителям, детей — родителям и т. д. Сейчас этот процесс ясно наметился. Но не везде и не в полной еще мере.

За шесть лет русская революция совершила свой круг. По объему и интенсивности расторможения рефлексy повиновения она одна из самых глубоких революций, известных в истории. Не приходится удивляться тому, что процесс их восстановления идет так медленно, мучительно и жестоко. И здесь «действие равно противодействию», чем сильнее угасание, тем мучительнее оживление угасших рефлексy повиновения.

Аналогичный процесс происходил и при всех других революциях. Различие их в этом отношении лишь в глубине и объеме угасания рефлексy повиновения, а не в качестве. О *Египетской революции* читаем: «Ни одно должностное лицо не на своем месте. Население точно вспугнутое стадо без пастыря. Чиновники убиты, судьи — бегут и разогнаны по стране...» «Змея (символ власти фараона) вынута из своего гнезда... Тайны фараонов Верхнего и Нижнего Египта разглашены... Законы судной палаты выброшены и люди топчут их ногами, неимущие нарушают их на улицах...»

Так как в Египте все авторитеты и власти исходили от власти фараона, светили его светом, то легко понять, что здесь крушение власти фараона должно было вести к исчезновению и всех других «авторитетов». Расторможение должно было быть грандиозным. Так, по-види-

мому, и случилось. «Прежние рабы стали господами рабов... Дети князей выбрасываются на улицы и разбиваются об стены...» Отец убивает сына, сын — отца, брат — брата. Жрецы потеряли авторитет. «Нет более у Египта ни одного устоя, нет более Египта. Все погибло», — с отчаянием восклицает Ипувер⁵³.

Он же указывает и на стадию оцепенения. «Люди бродят по земле, как сонная рыба... Страна предоставлена собственной усталости, как скошенный лен».

Мы не знаем, долго ли тянулась эта анархия, но знаем, что в конце концов и здесь пришла стадия торможения и восстановления рефлексов повиновения.

Не иначе обстояло дело и в *греческо-римских революциях*. Здесь, особенно в Риме конца республики, эта смена процессов угасания и возрождения рефлексов повиновения повторялась несколько раз. Возьмите для примера описание Керкирской революции у Фукидида. Из него ясно глубокое и разностороннее расторможение очерчиваемых рефлексов повиновения. «Смерть предстала во всех видах, — пишет Фукидид. — Отец убивал сына, людей отрывали от святынь и убивали возле них, убивали всех, кто казался врагом, некоторые были убиты из личной вражды, кредиторы — должниками... Родственное чувство стало менее прочным... Верность скрепляли... совместным совершением преступлений» и т. д.⁵⁴ Словом, мы видим полное крушение всех авторитетов и рефлексов повиновения по их адресу, анархию, биологизацию и после них — то же воспитание угасших реакций повиновения теми же жестокими средствами.

Сходное происходило и в других греческих революциях⁵⁵.

Выступление Гракхов на сцену знаменует начало угасания рефлексов повиновения к государственной власти в лице Сената и других законных органов последней в Риме. «Простолюдины стали требовать, чтобы консул чтит самодержавный народ в каждом уличном оборванце»⁵⁶. Ослаблялись реакции повиновения у народа и властвования — у прогнившей власти.

Гракх своей деятельностью усилил это расторможение. В итоге мы видим рост неповиновения, демагогии («расторможения»), переход

⁵³ Викентьев В. Цит. соч. С. 279–300; Тураев Б. А. Древний Египет. С. 70–71.

⁵⁴ Фукидид. История. Т. III. С. 81–85.

⁵⁵ Их описание см. в работах К. Белоха, Б. Низе, Г. Бузольта, Р. Пельмана и др.

⁵⁶ Моммзен Т. Римская история. Т. II. С. 71–73.

к насилию, крови и торможение «кровавыми мерами». «Спущенные Гракхом с цепи демоны революции пожрали и его самого». Дальше — больше. Расторможение ширится и углубляется. «Трусость и неповиновение ослабили все связи общественного строя».

«Система управления стала отличаться озлоблением и переходила в терроризм... насилия и жестокости стали давать особое право на уважение...» Правосудие — падает. Идут громадные восстания рабов... Грабежи — стали нормой... Демагогия — сущностью политики. Религия — падает. Авторитет мужа и *pater familias*^{39*} — также. «Если раньше, — пишет Варрон, — отец прощал мальчика, то теперь право этого прощения перешло к мальчику... Теперь не повинуются никакому закону», — резюмирует он кратко положение дел...

Зато и торможение принимает исключительно зверский характер.

Подчиненные перестали слушаться властвующих, дети — родителей, рабы — господ, союзники — римлян, жена — мужа, бедные — богатых, незнатные — знатных. Убивали, грабили, восставали, насильничали, кто как хотел. Из области права решение вопросов перенесено было в область войны, на острие меча. На смену этим стадиям угасания приходили стадии торможения такими мерами, что «безмолвный ужас давил всю страну и нельзя было услышать ни одного свободно выраженного мнения»⁵⁷.

А смена обоих периодов со времен Гракхов до времен Августа, как известно, происходила несколько раз⁵⁸.

В *Русской революции XVII в.* «было необычайное своеволие в народе и шатость в умах... В общем кружении голов все хотели быть выше своего звания: рабы — господами, чернь — дворянами, дворяне — вельможами»⁵⁹. Пал авторитет царя, церкви, вельмож, святынь и т. д. Зато и торможение было достаточно жестоким и кровавым.

Сходное происходило и при *всех средневековых революциях*, начиная с Жакерии^{40*} и кончая восстаниями городских коммун.

«Народ, — пишет современник Чешской революции, — подобно Люциферу в древности, не хотел подчиняться никому, не хотел повиноваться ни папе, ни королю». Позже некоторое повиновение удалось установить Яну Жижке путем беспощадных мер. После его смерти —

⁵⁷ Моммзен Т. Римская история. Т. II. С. 374. Т. III. С. 35.

⁵⁸ Фактический ход процессов и событий см. в указанных работах Т. Моммзена, Р. Пельмана, Г. Ферреро, М. И. Ростовцева и др.

⁵⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1853. Т. XII. С. 79–80.

опять «никакого признака авторитета». Прошел ряд лет, истощивших энергию чехов, прежде чем рефлекс повиновения — железом и кровью, — после битвы при Липанах^{41*}, были восстановлены⁶⁰.

Не иначе обстояло дело и в *Английской революции XVII в.* Здесь, однако, угасание рефлексов повиновения в силу привычки английского народа к самоуправлению, ввиду многих центров власти, относительно независимых друг от друга, — не радиовало очень широко по адресу негосударственных властей и авторитетов. Но в области повиновения государственным властям угасание пошло (как обычно бывает) дальше, чем хотели первые зачинщики революции и борьбы с королем.

И здесь мы видим сначала угасание реакций повиновения к отдельным агентам государственной власти и церкви (Лоду, Страффорду и другим вельможам), потом — к самому королю, потом к парламенту, когда он перешел к торможению, потом — к самой армии и Кромвелю. Процесс экстремизируется и доходит до своего логического конца — до поглощения всех революционных авторитетов и реставрации. Исподволь «все страсти, все надежды, все мечты стали обнаруживаться и развиваться. В народе и армии обнаружилось кипучее волнение умов; по всем предметам стали требовать неслыханных реформ. Со всех сторон поднялись реформаторы. Они не останавливались ни перед законом, ни перед фактом». «Низвергать, низвергать и низвергать», — так характеризует этот период сам лорд-протектор^{61/42*}.

Со времени Кромвеля-диктатора начинается прививка угасших рефлексов повиновения. «Оставшись один, он крепко натянул пружины власти». С помощью армии он заставляет повиноваться население, с помощью одной части армии подавляет неповиновение другой, через институт генерал-майоров, через казни, аресты, штрафы, конфискации и другие меры он приучает народ к послушанию, подавляет заговоры и восстания и к концу своей жизни... укрощает взбунтовавшееся общество, подготовив почву для... повиновения народа Стюартам»⁶².

Во *Французской революции 1789 г.* сначала имело место угасание рефлексов повиновения по адресу отдельных представителей королевской власти (рост разбойничества, грабежей и т. д.) Торможение — слабо.

⁶⁰ Denis E. Huss et la querre des Hussits. Paris, 1878. P. 286, 340, 478.

⁶¹ Гизо Ф. Цит. соч. Т. 3. Ч. 1. С. 96–97, 109.

⁶² Фактический ход процесса и его чрезвычайно любопытные детали, на которых я здесь не могу останавливаться, см. в работах Ф. Гизо и S. Gardiner'a «History of the Great Civil War» и «History of the Commonwealth and Protectorate».

У власти — ослабление рефлексов властвования. Людовик «не умел хотеть» и «не знал, чего он хочет». Аристократия была заражена вольнодумством и, по словам Мале дю Пана, «благодаря светскости, эпикуреизму и изнеженности... была расслабленной». Старый порядок — «отсутствие энергии»⁶³.

Со времени созыва Генеральных Штатов^{43*} процесс угасания повиновения идет *crescendo*^{44*}; то же самое происходит и с реакциями властвования. Власть показывает себя импотентной при голосовании 4 мая, в зале для игры в мяч, в церкви Св. Людовика, 24, 28 июня и 12 июля в отношении солдат^{45*}. Ее неудачные попытки торможения лишь сильнее раздражают рефлексы неповиновения. После взятия Бастилии у Людовика «не было больше ни закона, ни власти»; провинция приходит к выводу, что дозволенное в Париже позволено и вне его, что чиновники должны быть устранены, замки — 40 000 Бастилий — взяты приступом, словом — угасание рефлексов повиновения становится общим. В итоге, по словам Бальи, «все умели командовать, и никто — повиноваться... каждый округ считал себя сувереном»⁶⁴.

Быстро угасают рефлексы повиновения королю с его «осторожно, осторожно», феодалам, аристократии и духовенству. Учредительное собрание, в первый период подстрекавшее это расторможение, — популярно, но очень быстро, с момента попыток торможения стихии, как и другие центры торможения (коммуны 1789 г.), теряет авторитет и «легко захлестывается бунтом». Уже в октябре 1789 г. «революция начала отстранять подлинных людей 1789 г., чтобы затем их пожрать»⁶⁵.

На сцену выходят жирондисты^{46*}. Они очень быстро гибнут. Приходят якобинцы^{47*}, всячески поощрявшие полное своеволие масс, ничего не тормозившие и благословлявшие убийство, грабеж, резню и т. д. Они, как и большевики, лишь умело направляют страсти по адресу своих врагов и их достоинства. Как и большевики, они образуют «товарищество на крови». С их приходом начинается стадия прививки рефлексов повиновения. С помощью масс они сначала приучают к повино-

⁶³ *Мадлен Л.* Французская революция. Т. I. С. 45, 49.

⁶⁴ Там же. Т. I. С. 86–95, 108, 111–113.

⁶⁵ Там же. С. 137. Недаром Мирабо, умирая, говорил: «Меня так возмущает мысль, что я принял участие только в грандиозном разрушении». Сказанное об «отстранении подлинных людей 1789 г.» относится также к Барнаву, Верньо, Бриссо, Дантону и Демулену: все они были популярны пока развинчивали торозные рефлексы (см.: там же. С. 216).

вению «аристократов», затем с помощью своего кулака — других противников и сам народ. Их методы: террор, диктатура, революционный трибунал, убийства, аресты, конфискации, заложники и т. д., словом — обычные «революционные бандажии».

Наступает стадия оцепенелости. 1793 и 1794 гг. (до термидора) страшны своим молчанием. «Можно слышать, как летит муха»⁶⁶. После термидора — снова некоторое оживление и угасание рефлексов повиновения.

Новое торможение идет после дней жерминаля, прериала, вандемьера и фрюктидора^{48*}. «Депутаты осуждены, аристократы лишены прав, печать порабощена, священники сосланы, эмигранты расстреляны, царит лицемерный террор»⁶⁷. «Нация кажется истощенной, как обезумевший истощен кровопусканиями, ваннами, голодом. За горячим жаром последовал упадок сил»⁶⁸.

В дальнейшем вспышки восстаний повторялись еще несколько раз, но они легко подавлялись. Наполеон окончательно довершил дело прививки угасших рефлексов повиновения и ввел их в норму. Попутно совершалась прививка рефлексов повиновения и к другим — негосударственным властям: церкви, главам семейств, новой буржуазии, новой аристократии и т. д.

Тот же процесс повторяется в истории *Германской революции 1848 г.* Здесь первые требования очень скромны. Угасания рефлексов повиновения к королю еще нет. Позже «требования идут намного дальше завоеваний 18 марта»^{49*}. Начинают требовать уничтожения налогов, монастырей, привилегий, бедности и т. д. Процесс не успевает развиваться до конца. Государственная власть находит силы остановить его. 12 ноября вводится военная диктатура, и «сила революции исчезла. Крестьяне чувствовали себя удовлетворенными, а рабочие погрузились в равнодушие»⁶⁹.

В ходе *Французской революции 1848 г.* падает король, быстро теряет симпатии и Временное правительство. Процесс экстремизируется. Красная республика начинает угрожать трехцветной. Рефлексы повиновения по адресу Временного правительства и Учредительного собрания начинают угасать (движение 17 марта, 16 апреля и 15 мая^{50*}). Наступает «анархия», т. е. полное безначалие.

⁶⁶ *Мадлен Л.* Французская революция. Т. II. С. 156–157.

⁶⁷ Там же. С. 296.

⁶⁸ *Мишле Ж.* Указ. соч. С. 48–58, 254, 158. См. также работы И. Тэна и Ж. Жореса.

⁶⁹ *Блос В.* Цит. соч. С. 94, 160, 392–394, 408.

«Армия находилась в состоянии анархии. Солдаты бросали оружие и расходились по домам. В городе царило смятение и беспокойство. Рабочие перестали работать. Никто никого не слушал. Процесс шел crescendo до восстания 22–25 июня^{51*}. После его подавления Кавеньяк начал усиленно прививать рефлексыв повиновения путем расправы и жестоких репрессий. После отсутствия всякой узды последовал излшек узды»⁷⁰. Наполеон III в первые годы своей Империи довершил это «воспитание».

То же самое повторилось в 1871 г. И здесь вначале «полиция отсутствовала». «Всякое доверие к иерархии исчезло... Устроены были суды (правительством Национальной Обороны) для суда над мятежными действиями, но они оправдывали всех преступников, потому что судьи недостаточно верили в законность права» (угасание рефлексов властвования). Быстро гаснут рефлексыв повиновения и к правительству Национальной Обороны. Воцаряется общее безначалие, в результате чего власть переходит к Коммуне. Но и ее весьма мало слушаются... «Самый ничтожный поручик не желает принимать от других приказов, а желает давать их всем... Среди солдат царило полное отсутствие дисциплины и большая распущенность»⁷¹. Коммуна приступила к торможению путем убийств и ограничения всяких свобод. Но эта задача была выполнена уже версальцами с помощью обычных методов террора и усмирения.

Мы пробежали ряд революций и видели, что выставленные нами положения в них повторяются. Две указанные стадии в каждой из них просматриваются вполне отчетливо. Угасание и новая прививка рефлексов повиновения — несомненны. Методы последней одни и те же: кровь и железо. Различие разных революций в обеих стадиях не качественное, а количественное. Кто надевает эту смирительную рубашку — Кавеньяк или Робеспьер, Ленин или белый генерал — это деталь, случайность, по существу малозначительная. Те и другие делают одно и то же дело, диктуемое необходимостью... С момента торможения революция входит в стадию «реакции». Авторами ее являются все те, кто умышленно или по недоумию содействует угасанию рефлексов повиновения в предыдущий период, кто работает в пользу насильственного свержения авторитетов, кто проповедует «полную свободу». Свалив власть и распустив вожжи, такие лица, сами того не желая, толкают революцию к крайностям, в результате чего многие из них сами

⁷⁰ Грегур Л. История Франции в XIX веке. Т. 3.

⁷¹ Там же. Т. 4. С. 226, 361. См. также: Лиссагаге П. История Парижской Коммуны.

же и гибнут. Английская, французская и русская революции пожрали большинство тех, кто их хотел, кто их ждал и трудился над их осуществлением. Отсюда вывод: кто не хочет этой смирительной рубашки, тот должен очень осторожно поступать в деле «подрыва авторитета власти». Прежде чем это делать, он должен очень серьезно подумать о том, как далеко пойдет процесс «угасания» и не приведет ли он к анархии, а через нее – к убийственной смирительной рубашке?

§ 5. Деформация трудовых рефлексов

Среди рефлексов человека есть особая группа «рефлексов труда». Эти рефлексы побуждают человека совершать ряд актов, необходимых для добывания средств существования. Выполнение таких рефлексов, когда они безвредны, не монотонны и не утомительны, когда они представляют собой то, что американцы называют *creative workmanship*^{52*}, не вызывает отрицательной реакции⁷². Человек их не избегает. Над любимой работой он может работать не 8, а 10, 16 часов. Отличны от них те рефлексы труда (*toil*), которые вызывают реакции отрицательные, и число таких «трудовых реакций» в поведении человека весьма значительно. Необходимость добывания средств существования заставляет совершать их. Не только эта необходимость. Если почему-либо сильные стимулы необходимости (голода, холода, принуждения, морали, права и т. д.) отпадают или ослабевают, то человек стремится освободиться от такого «труда»⁷³. В нормальной жизни большинство людей воспитываются к выполнению таких работ самыми различными путями. Наказанием, принуждением, примером, наградами, моральными, правовыми, религиозными и т. д. стимулами людям прививается

⁷² Правильно говорит на этот счет G. Patrick: «Man is by nature a craftsman, but not a toiler. It is in this kind of activity that man finds his real life. This initiative, the exercise of genius, this foresight and daring, this instinctive effort to aim fame and fortune – is it work or play? Anyway it is his life. In this essentially human activity a man is happy because he lives»^{53*} (*Patrick G. The Psychology of Social Reconstruction*. P. 127–128).

⁷³ В этом смысле верно, что «человек по природе склонен к лени... Ему не нравится монотонность регулярной работы и требуемое ею умственное усилие... Диках, мало заботящихся о завтрашнем дне, только необходимость или принуждение заставляет трудиться» (*Westermarck E. The Origin and Development of the Moral Ideas*. London, 1908. Vol. I. P. 268–269).

ряд условных рефлексов, приучающих их «в поте лица есть свой хлеб» и тормозящих реакции лености...

Наступление революции знаменует резкое изменение поведения людей в этой области.

В первый период ее оно заключается в отпадении условных «тормозов» лености.

Благодаря разным причинам — отвлечению сил на взаимную борьбу, отнимающую энергию и отучающую (как и война) от мирного труда — понижению способности предвидения и заботы о будущем, вере в то, что революция всех накормит, возможности поживиться чужим добром, существованию раннее накопленных запасов, соответствующей агитации и т. д. (см. ниже главу о причинах революций) — огромное большинство этих тормозящих «леность» условных рефлексов (нередко объявляемых революцией «буржуазными предрассудками») отпадает. Освобожденная от этих тисков естественная тенденция избегать выполнения актов труда — сразу же оказывается без тормозов и пут. Отсюда — *рост лености, количественное и качественное угасание трудовых рефлексов, с одной стороны, рост желания жить за счет труда других, иначе говоря, рост паразитизма, — с другой. Таковы обычные функции первой стадии революции.* Социальным результатом такой деформации является снижение производительности труда революционного общества, проедание его старых запасов, расстройство народного хозяйства, обнищание и голод.

Прославляя «труд» в своих речевых рефлексах, революция на первой стадии делает людей лентяями, трутнями, паразитами, т. е. объективно как раз отучает от труда.

Когда приходят эти неизбежные следствия роста лености, *наступает вторая стадия — стадия новой прививки угасших трудовых рефлексов или обуздание лености.*

Голод, холод, нужда, вызываемые революцией, теперь вступают в свои права. Это они заставляли и учили трудиться первобытного человека⁷⁴.

Если условные «тормоза лености» угасли и стали бездейственными, то на сцену выступают эти жестокие стимулы труда и ставят революци-

⁷⁴ «Ленивы ли дикари или трудолюбивы — зависит от того, легко или трудно они могут обеспечить средства к жизни» (*Westermarck E.* Op. cit. P. 268–269). См. также: *Бюхер К.* Возникновение народного хозяйства. СПб., 1907. Т. I. С. 15, 18, 24. Подробное исследование этой проблемы было сделано мною в уничтоженной советской властью книге «Голод как фактор».

онному обществу ультиматум: *трудиться или... вымирать от голода, холода и нужды.*

Общество или вымирает, или принимает ультиматум. Эти «учителя» приучают его к работе — и косвенно, и прямо — через власть общества, все равно какую — белую или красную. С беспощадностью рабовладельцев она начинает принуждать к каторжному труду «свободных людей, низвергших рабство». И люди начинают снова трудиться. Но не по 8 часов, а по 16, не в меру сил, а сверх меры. Ибо... беспощаден бич смерти и голода: его ударов не может не слушаться никакое революционное общество.

В итоге всякая глубокая революция, начатая во имя восьми или шестичасового рабочего дня, объективно дает как раз обратное: не уменьшение, а увеличение продолжительности рабочего дня, трудности и неприятности самой работы... Такова еще одна «ирония истории».

Пробежимся по ее страницам для подтверждения этих общих теорем.

Русская революция 1917–1923 гг.

С самого же начала революции выяснилось угасание трудовых рефлексов, особенно в городах. Требование восьмичасового рабочего дня и его введение, даже на предприятиях, работавших на войну, — первое подтверждение сказанного. Фактически и восьмичасовой рабочий день не соблюдался: рабочие вместо того, чтобы работать, «митинговали» и проводили время за разговорами. Участились стачки. Общее настроение их было таково, что «теперь свобода, а раз свобода — то пусть буржуи работают». Не стало ни рабочей дисциплины, ни прилежания, ни внимания, никто никого не слушал. Любая попытка технически руководящего персонала навести порядок, например, дать выговор неисправному, уволить лентяя и т. д. — рассматривалась, как «контрреволюция». Призыв «рабочие — к станкам» был гласом вопиющего в пустыне. Указания на то, что именно сейчас, ввиду революции и войны, нужно усилить производство — встречали единодушный отпор со стороны масс и социалистов⁷⁵.

Так началось угасание трудовых рефлексов и разрушение народного хозяйства России. Этот процесс перекинулся на другие слои населения,

⁷⁵ Вспомним хотя бы ту резко отрицательную реакцию, которую вызвало заявление социал-демократа П. П. Маслова, что сейчас (в 1917 г.) нельзя вводить восьмичасовой рабочий день, ввиду войны и интересов революции. См.: *Маслов П. П.* Мировая социальная проблема. Чита, 1921. Гл. 1.

а несколько позже — и на крестьянство. Помещики и землевладельцы вынуждены были бросить свои хозяйства и земли, ввиду их захвата крестьянами; фабриканты, инженеры и директора предприятий — ввиду угроз со стороны рабочих и их протестов по поводу любой попытки упорядочения работы; крестьяне — ввиду неопределенности положения захваченной ими земли, — ввиду бесцельности работы, плоды которой отбирали коммунисты. Октябрьская революция довершила этот процесс прямой демагогией, благословлявшей леность пролетариата, введением шестичасового рабочего дня на ряде предприятий. Правда, большевики пытались почти сразу же принудительно заставить работать физически «буржуев» («трудовые лагеря», трудовые повинности для «буржуев»), но и из этого, кроме вымирания последних, не могло получиться никаких серьезных результатов.

Уже в конце 1917 г. работа страны стала угасать. В 1918 и 1919 гг. этот процесс продолжался. Трудовые рефлексy пали не только количественно, но и качественно: работа стала небрежной, невнимательной, неинтенсивной. Работа, раньше выполнявшаяся одним работником за день, теперь требовала 2–3 дней. Призывы «работать во имя революции», «для общей пользы», «для своей рабоче-крестьянской власти» и т. п. — не действовали. Масса «лодырничала», о чем свидетельствуют следующие данные.

Колоссально возросли прогулы, представление о чем дают такие цифры: из рабочего времени прогулы и неявки на работу составляли в:

1920 —	1 треть года	40,6%	(13,7 рабочих дней из 24,6 в месяц)
	2 треть —»—	33,2%	
	3 треть —»—	23,5%	
1922 —	1 треть [года]	25,3%	
	2 треть —»—	45,9%	

В спичечной промышленности один рабочий выработывал в год ящиков спичек:

<i>Годы</i>	<i>Кол-во ящиков</i>	<i>%</i>
1913	187	100
1914	207	111
1915	158	82
1917	152	81
1918	113	60
1919	85	45

1920	65	35
1921	75	40

Один рабочий добывал в год торфа (%) и угля (%):

<i>Годы</i>	<i>Торф</i>	<i>Уголь</i>
1916	100	100
1917	72,9	65,7
1918	55,6	45,7
1919	52,3	34,3

По данным коммуниста Струмилина, валовая производительность фабричного рабочего изменилась следующим образом:

1913 —	100,0
1914 —	101,5
1915 —	125,8
1916 —	127,5
1917 —	85,5
1918 —	44,0
1919 —	20,2
1920 —	24,3
1921 —	29,6 ⁷⁶

Коммунист Кактынь дает следующую сводную таблицу движения производительности труда одного рабочего⁷⁷:

Годовая продукция одного рабочего в пудах

<i>Промышленность</i>	<i>Годы</i>			
	<i>1913</i>	<i>1920</i>	<i>1921</i>	<i>1922</i>
Каменно-угольная	9165	2348	2893	4212
Нефтяная	15460	—	14510	13150
Металлопромышленность (в золот. руб.)	1988	342	415	685
Хлопчатобумажная пряжа	43	5	—	23,6
Льняная	48	16	30	32

⁷⁶ Прокопович С. Н. Очерки хозяйства Советской России. Берлин, 1923. С. 23–27.

⁷⁷ Экономическое строительство. 1923. № 2. С. 35.

Словом, производительность труда за 1918–20 гг. упала до 30% доменной нормы⁷⁸.

На первом же съезде Советов Народного Хозяйства коммунисты точно квалифицировали это падение рефлексов труда:

«Мне смешно, — говорит один из них, — когда говорят о буржуазном саботаже... Мы имеем саботаж народный, пролетарский». Другой называет это «эпидемией неосознанного саботажа»⁷⁹. «Рабочие только “числились” на фабриках или “посещали” их, но почти на них не работали»⁸⁰.

Под видом «субботников» и т. п. форм 6–8-часовой рабочий день заменился фактически 10–14-часовым. Власть, недавно еще поощрявшая «право на леность», теперь в силу необходимости беспощадно (и идиотски нерационально) начинает принуждать население работать... За уклонение и нарушение декретов о трудовой повинности устанавливается беспощадная кара. Вводятся в игру самые грубые, но сильнодействующие зверские стимулы⁸¹. Наряду с ними сама жизнь в виде голода, холода и других стимулов заставляет население работать изо всех сил и сверх силы.

Люди вынуждены работать по 16–18 часов в день, чтобы хоть как-то просуществовать. Недавнее *dolce far niente*^{54*} забывается. Если раньше протестовали против 9-часовой работы, то теперь вынуждены работать без протеста вдвое больше. Так горький опыт жизни напоминает вечное «в поте лица твоего будешь есть хлеб твой»^{55*} обществу, забывшему эту заповедь.

Благодаря этому возрождению трудовых рефлексов развал народного хозяйства России с 1921 г. несколько замедляется, и кое-где обнару-

⁷⁸ Прокопович С. Н. Цит. соч. С. 27.

⁷⁹ Профессиональный вестник. 1918. № 7–8. С. 7.

⁸⁰ Прокопович С. Н. Цит. соч. С. 23.

⁸¹ Речевая идеология этой принудительной прививки дана была Л. Троцким на 3-м съезде профессиональных союзов в 1920 г.: «Мы идем к принудительному труду для каждого работника. Это основа социализма. Труд принудительный означает труд, где каждый работник занимает место, указанное ему органом власти... Это и есть понятие трудовой повинности. Этим самым мы признаем право государства отправлять каждого работника или работницу на то место, где они нужны для исполнения хозяйственных задач... Тем самым мы признаем право государства карать рабочего и работника (за неисполнение)... Милитаризация труда является неизбежной» и т. д. (см.: Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов 6–13 апреля 1920 г. Стенографический отчет. М., 1921). Такова эта идеология каторжного труда, называемая «социалистической».

живаются даже признаки улучшения. Конечно, это возрождение совершается с огромным трудом. Тенденция паразитизма предыдущего периода дает о себе знать в сотне явлений; вместо производительного труда люди в 1921–1923 гг. стараются обеспечить свое существование мошенничеством, спекуляцией, хищничеством. Отсюда — невероятное развитие этих явлений в России. Чуть ли не все население городов сейчас превратилось в спекулянтов. Тем не менее, возрождение трудовых рефлексов началось. Не будь убийственной системы коммунизма, разорения и нелепейших мер регулирования труда со стороны Советской власти, этот процесс шел бы гораздо быстрее. Революция начинает замыкать свой круг: угасив в первый период трудовые рефлексy, она с 1921 г. начала вновь возрождать их, напомнив русскому населению вечный закон: «не трудящийся да не ест»^{56*}.

Аналогичное явление мы видим и в других революциях.

«Нил разливается, но никто не пашет для него, — читаем в хронике Ипувера о *Египетской революции*. — Никто больше не плывет на север в Библи за кедрями и маслом. Их не доставляют больше... Неджесы (городской пролетариат) раньше никогда не выдавшие дня, жалкие батраки, лившие воду наземь, т. е. орошавшие поля от зари до зари, теперь “ходят без помехи” и “встречают день без боязни”».

Работа прекратилась. В итоге — начался голод. «От голода и ужаса стон по всей стране вперемежку с рыданиями». «Люди лишены одежды, колосьев, масла». «Сколько раньше засевалось зерна и сколько теперь? Но и эта малость погибает на корню за недостатком рук для уборки... Приходится питаться лупином, дуррой^{57*} и злаками, вырывая их изо рта свиней. Пряностей и масла нет и в помине. Поля не обрабатываются. Новые здания не возводятся. Ничто новое не творится, а только перераспределяется старое».

Наблюдательный Ипувер ясно отмечает и тенденцию паразитизма, выросшую у низших классов, живущих в первый период революции захватом и проеданием старых запасов и богатств, с одной стороны, с другой — вводящих трудовую повинность для «буржуев» в форме принудительных работ для них. «Царские склады и зерно Египта стали общим достоянием» (национализированы). «Люди зажиточные охвачены печалью, а неимущие ликут. Бедняки стали богачами, а владельцы собственности — неимущими». Для бывших богачей и аристократов введены принудительные работы, они сделаны рабами. «Князья находятся в запасном магазине (концентрационном лагере), прежние рабы стали господами рабов», «знатные — исполняют чужие поручения, оде-

вавшиеся в виссон подвергаются побоям, благородные дамы страдают как рабыни»⁸² и т. д. Словом, мы видим в основном картину, весьма знакомую лицам, жившим в России в годы революции, несмотря на то, что обе революции разделяет период в 3000 лет с лишним.

Та же картина много раз повторялась и в многочисленных *Греческих революциях* с VII по II в. до Р.Х. И здесь первые периоды отмечены паразитизмом, захватом чужих богатств, их проеданием, введением принудительных работ для богачей, ростом лениности и праздности масс, укреплением привычки жить за чужой счет⁸³. Вследствие всего этого наступали нищета и голод, снова заставлявшие приниматься за работу, за изнурительный и непосильный труд.

Еще ярче это явление повторялось в длительно-революционный период Рима, *начиная с эпохи Гракхов и кончая падением республики*. Именно в этот период выступает на сцену римский ленивый, праздный и паразитарный плебс, требующий дарового хлеба и зрелищ — *panem et circenses* (ко времени Цезаря число лиц, получающих даровой паек от государства в Риме достигло — с членами семьи — 600 000 человек). С этого момента начинается рост захватов, грабежей, переделов и других легких путей добывания средств существования; с этого времени наступает падение труда и производительности в Италии, рост рабства, появляются полчища грабителей, корыстолюбие, спекуляция, жадность, праздность — словом, все признаки угасания трудовых рефлексов. С этого времени демос превращается в «праздную грубую толпу», в «ленивый хлебный плебс», паразитарно живущий за счет ограбляемого мира, превращенного в «добычу Римского народа». С этого же времени начинается обеднение и развал народного хозяйства. Революция «вызвала огромный финансовый кризис... повсеместное обеднение и обезлюдение... В промежутки между битвой при Пидне^{58*} до Гая

⁸² *Викентьев В.* Цит. соч. С. 284–300; *Тураев Б. А.* Цит. соч. С. 70–72.

⁸³ «Дележ стал прямо-таки постоянным учреждением в Афинах. На многих праздниках демос пиришествовал и распределял между собою по жребию остатки жертв на общественный счет. Алчность доходила до того, что державный народ непосредственно распределял конфискованное на суде имущество граждан». Сами Афины превратились в колонию 20 000 граждан, паразитарно живущих за счет обираемых союзников и народов и т. д. Чем чаще повторялись революции — тем эта тенденция становилась сильнее. Особенно ярко все указанные черты выражены в комедиях Аристофана. Фактические подробности см. в цитированных трудах Р. Пельмана, Б. Низе, Г. Бузольта, К. Белоба.

Граакха было воздвигнуто немало строений, а после 122 года — почти ничего»⁸⁴.

Только со времени Цезаря, и особенно Августа, начинается улучшение и возрождение трудовых рефлексов⁸⁵.

Не иначе обстояло дело и во времена позднейших крупных революций, например, жакерий во Франции, в Англии и Германии, во время гуситской революции⁸⁶, русской смуты XVII века, и других.

Всюду и всегда указанная нами деформация со всеми ее чертами повторялась стереотипно⁸⁷.

То же самое повторилось и в ходе *Английской революции XVII в.* С развитием гражданской войны «страна была жестоко поражена в своих материальных интересах. Повсеместная и беспорядочная война разоряла города и села, уничтожала насущные средства народа, разрушала его промышленность. Финансовые меры парламента, злоупотребления вводили неурядицу; исчезла всякая безопасность в текущих запасах и в трудах для будущего». Наряду с этим видим рост грабежей, воровства и других способов легкой наживы... Наступает падение *трудовых рефлексов*, и «страна становится добычей уныния»⁸⁸.

«Всюду были заметны признаки обеднения»⁸⁹ и т. д. Только к концу кромвелевского протектората и с начала реставрации начинается четкое возрождение трудовых реакций.

⁸⁴ Моммзен Т. Цит. соч. Т. 2. С. 399–400, 403–404, 134, 46; Т. 3. С. 446–447.

⁸⁵ Подробности всего этого см. в указанных работах Г. Ферреро, Дюруи, М. И. Ростовцева, Л. Фридендера. См. также: *Сальвиоли И.* Капитализм в античном мире. 1922. *Waltzing J. P.* Étude historique sur le corporation professionnelles chez les Romains // *Memoires couronnés* Бельгийской королевской Академии. Louvain, 1896. Vol. I–II; *Bunner P. Ю.* Очерки истории Римской империи. М., 1908.

⁸⁶ Гуситская революция очень скоро «вызвала индифферентизм к труду, лень, а затем бедность и нужду» (*Denis E.* Op. cit. P. 289).

⁸⁷ О французской Жакерии и ее итогах см.: *Levasseur P.* Histoire des classes ouvrières. 1904. Vol. 1. P. 508–509, 522–523; *Ковалевский М. М.* Экономической рост Европы. М., 1900. Т. II; об английской революции см. указ. работы Ч. Омана, Д. М. Петрушевского, М. М. Ковалевского; о гуситской революции — работы Э. Дени и Ф. Палацко; о революции в Германии см.: *Kaser K.* Politische und Soziale Bewegungen im deutschen Burgertum zu Beginn des 16 Jahrhunderts. 1899, S. 106.

⁸⁸ *Гизо Ф.* Цит. соч. Т. I. С. XIII–XIV.

⁸⁹ *Ковалевский М. М.* От прямого народоправства к представительному. Т. II. С. 178; *Роджерс Дж.* История земледелия и цен в Англии. Т. 5. С. 205, 623. Т. 6. С. 54, 286.

Что то же самое — причем в наиболее резкой форме — имело место и во время *Великой французской революции* — нет надобности описывать.

П. Левассер кратко резюмирует положение дел, говоря: «Революция всегда является критическим периодом в отношении труда: она уничтожает капиталы, расстраивает потребление и парализует производство: в 1789 году это особенно ясно выявилось».

С началом революции страна трудится все меньше, с развитием ее — перестает работать совсем. Растут захваты и грабежи. Эти явления усиливаются борьбой, промышленным кризисом и безработицей. В широких массах, особенно в городах, растет паразитизм. «Рабочие не занимались никакой полезной работой... Продуктивность их труда в общественных работах была ничтожной. Нищенство сделало ужасающий прогресс в стране». Дальше — голод, болезни, нужда и страшное обнищание. Эти стимулы снова заставляют людей приняться за труд. Это и видим: во-первых, в мерах правительства, зверски принуждавших распутившееся население работать (закон Ле Шапелье^{59*}, запрещение стачек, регламентация труда, уничтожение его свободы, введение обязательной трудовой повинности, закон о максимуме, каравший тюремным заключением и даже смертной казнью рабочих, отказавшихся работать у хозяев, и приказывавший принудительно отправлять их на работы, обращать в батраков и т. д.), во-вторых — в возрождении изнурительного труда самого населения, вызывавшемся угрозой голодной смерти. Эти явления, начавшиеся уже в 1791 г., продолжались в эпоху Директорий^{60*} и Наполеона, пока угасшие рефлексы труда не были восстановлены⁹⁰.

В силу вольных или невольных причин тот же факт повторился в *революции 1830 года* и во время *восстаний 1831–1834 гг.* «Революция усилила промышленный кризис. Дела приостановились. Рабочие были без работы. Организованные общественные работы не привели к увеличению производительности труда. Требование сокращения рабочего дня и повышения тарифа — дальнейшие симптомы того же порядка. Голод и... подавление восстаний оружием — быстро прервали процесс угасания рефлексов труда»⁹¹.

Гораздо более четко этот процесс выявился во *Французской революции 1848 года*. С началом революции рефлексы труда у рабочих стали быстро угасать. Они «не хотели теперь работать более 8 или 9 часов». Установ-

⁹⁰ См.: *Levasseur P. Histoire des classes ouvrières. Vol. 1. P. 57, 61–62; Тагле Е. Крестьяне и рабочие в эпоху французской революции. СПб., 1922. Гл. 4.*

⁹¹ *Levasseur P. Op. cit. Vol. 2. P. 1–6.*

ление 10-часового рабочего дня вместо 12-часового — их уже не удовлетворяет. С открытием национальных мастерских^{61*} начинается бегство сюда из частных мастерских, ибо здесь можно получать 1 франк 50 сантимов и... не работать. «Рабочие вели праздную жизнь и тем не менее получали плату; многие трудились только для виду; многие смеялись над правительством, платившим им, чтобы заставить их гулять целый день». Благодаря возможности лентяйничать, «толпа рабочих в национальных мастерских постоянно увеличивалась; к концу мая их было не менее 115 000 человек, не считая 5000 желающих». То же самое происходило и в других городах. Положение дел ярко резюмирует В. Гюго, который пишет: «Некогда нам мозолили глаза бездельники роскоши; сегодня мы видим перед собой бездельников нужды. Во время монархии существовали люди, ничего не делавшие, но неужели у республики будут свои лентяи?»⁹²

Дальше — обычная история: углубление кризиса, рост расходов на эти мастерские, ухудшение финансов, голод, закрытие национальных мастерских, восстание и... возрождение трудовых рефлексов под влиянием голода, наказаний и смирительных мер Кавеньяка и Наполеона (введение 12-часового рабочего дня)⁹³.

Не иначе по существу обстояло дело в *Германской и Австрийской революциях 1848 года*. И здесь мы видим те же требования сокращения рабочего дня, те же стремления устроиться на государственный счет, тот же рост лени, трату времени на митинги, болтовню, пьянство и т. д., наконец, то же явление, что и во Франции, с национальными мастерскими. В Вене на организованных общественных работах «многие стали бездельничать». «Начался прилив желающих стать на работы (из частных мастерских). Число их дошло до 50 000 человек. Всякая попытка заставить их серьезно работать встречала отпор». Апелляция к высоким мотивам «свободы», «революции», «общего блага», во имя которых рабочие должны были работать, оставалась безответной. В итоге — то же обнищание, следствием чего явились «сильные лекарства» для лечения угасавших трудовых рефлексов⁹⁴.

Сначала из-за осады, а потом гражданской войны и революции сходный процесс начался, но был прерван и в *Парижской революции 1871 года*.

⁹² См.: *Грегар Л.* Цит. соч. Т. 3. С. 13–17, 30–32, 109–110.

⁹³ Там же. С. 25–28, 135; см. также: *Levasseur P.* Op. cit. Vol. III. P. 383–384, livre 5.

⁹⁴ *Блос В.* Цит. соч. С. 201–202, 221–222, 310–311; *Hartmann O.* Die Volkserhebung der Jahre 1848 und 1849 in Deutschland. Berlin, 1900.

С момента торжества Коммуны происходит резкое угасание трудовых рефлексов, начавшееся еще раньше. Рядом декретов и мер в начале своей деятельности (запрещением ночного труда, безвозмездным пособием безработным, отменой вычетов и штрафов, отменой квартирной платы, отсрочкой уплаты долгов, национализацией предприятий и т. д.) Коммуна понизила трудовую дисциплину. Начавшаяся гражданская война окончательно сделала ее невозможной. Отсюда — результат: «Все работы прекратились, нищета стала всеобщей... В городе не замечалось и следа промышленной или какой-либо деятельности. Значительное число лавок и магазинов были закрыты, остальные оставались без покупателей». В итоге — голод, болезни и обычные следствия подобного положения дел⁹⁵. Со времени падения Коммуны начинается быстрое возрождение трудовых рефлексов у парижского населения.

Из приведенного обзора видно, что в той или иной мере, в зависимости от глубины и продолжительности революции, всякая революция производит очерченную деформацию трудовых рефлексов.

Распевая дифирамбы производительному труду, она отучает от него трудящихся. Порицая праздность — она умножает число праздных. Бичуя спекуляцию и паразитизм за счет других — толкает людей к этому паразитизму.

Правда, революция ликвидирует бывший праздный класс общества, прямо и косвенно заставляет его приняться за работу. Но — увы! — это только капля в море, не покрывающая результаты противоположного характера. На место одного лентяя она плодит сотни, вместо одного паразита, спекулянта, махинатора — создает десятки. Вот почему эта сторона дела ничуть не компенсирует указанную.

Так снова и снова повторяется в истории «урок» людям: одним — праздным — говорящий, что своим паразитизмом они вызывают справедливое негодование и бурю революции, которая сожжет и уничтожит их или их потомков; другим — обремененным трудом — что меньше всего кроваво-революционным путем можно облегчить бремя труда. Этот метод — не годен. Попытки применения его неизменно влекли, влекут и будут влечь за собой жестокое возмездие на голову общества, к нему прибегнувшего.

⁹⁵ *Грегар Л.* Цит. соч. Т. 4. С. 352–357, 409–410, 307–308; *Лиссагафе П. О.* Цит. соч. С. 259–261.

§ 6. Деформация рефлексов собственности

В ряду безусловных рефлексов человека имеется группа рефлексов, состоящих, с одной стороны, в актах захвата, владения, пользования и распоряжения рядом объектов, необходимых для жизни, с другой — в актах защиты их от посягательств со стороны других людей. Эту группу безусловных рефлексов можно назвать рефлексами собственности. В элементарном виде они даны уже в мире животных и даже растительных организмов⁹⁶.

У человека эти безусловные рефлексы собственности обросли множеством условных. Одной из основных функций последних является «канализация» и оформление проявления первых, с одной стороны (как, где, когда, в каких пределах они могут осуществляться, где граница «моего» и «чужого» и т. д.), с другой — торможение и ограничение безграничного осуществления безусловных рефлексов собственности. Условные тормозящие рефлексы препятствуют посягательству на «чужую собственность», удерживают от актов ее захвата и присвоения.

В совокупности все эти группы рефлексов собственности определяют поведение каждого из нас в сфере «имущественных» отношений. Если я свободно беру и кладу в карман «мои» часы, лежащие на столе, и не трогаю вещей «чужих», если я спокойно вырываю овощи с «моей»

⁹⁶ «Собственность есть факт естественный, существующий ранее всякой юридической организации. Она получает от последней лишь ту санкцию, через которую существующие факты признаются и кодифицируются. Среди разных теорий о праве собственности наиболее слабой, по мнению всех, является теория создания собственности законом. Собственность есть следствие тенденции, тем более инстинктивной, что она берет свое начало в самом организме человека, в форме его деятельности, в его чувстве социальности», — правильно говорит Р. Петруччи. Далее он убедительно показывает, что акты захвата, присвоения и владения нужными объектами внешнего для организма мира, составляющие существо института собственности, наблюдаются и в мире животных и даже растений: всякий организм, пока он живет, не может не захватывать и не присваивать себе часть объектов внешнего мира (в виде пищи, питья, почвы, воздуха, света, тепла, «жилища» и т. д.). Без этого его жизнь была бы невозможной (*Petrucchi R. Les origines naturelles de la propriété. Leipzig, 1905. Ch. I—II*). О наличии у человека безусловных рефлексов собственности см.: *Thorndike E. L. The Original Nature of Man. New York, 1920; McDougall W. Introduction to Social Psychology; Patrick G. The Psychology of Social Reconstruction. Boston, 1920.*

гряды и не трогаю с соседней, «принадлежащей» другому, если, заплатив деньги, я «присваиваю» себе книгу из магазина, которую без выполнения актов уплаты я не присваивал, — то такое поведение есть результат комбинации моих безусловных рефлексов собственности, оформляемых, канализируемых и тормозимых привитыми мне условными рефлексами...

Экономическая и гражданско-правовая организация общества и соответствующие правовые нормы являются по сути результатом такого поведения его членов, с одной стороны, с другой — представляют собой его описание и оформление.

В нормальное время рефлексы собственности устойчивы у большинства членов общества. В революционное время они значительно деформируются. В одних революциях — очень резко, в других — слабо. В первом случае мы имеем тип так называемой «социальной революции»; во втором — политической, религиозной или другой, но не «социальной».

В чем состоит деформация рефлексов собственности в эпохи революций? Ряд революций ставили своей задачей уничтожение их. Многие думают, что задача настоящих «социальных революций» к этому и сводится. Нужно ли говорить, что все это наивно-идеалистический вздор и частное проявление закона «социального иллюзионизма» (о котором см. ниже). Безусловные рефлексы собственности, неразрывно связанные с самой жизнью организма, уничтожены быть не могут. Можно лишь иначе «канализировать» их путем изменения соответствующих условных рефлексов — и только. Можно, например, попытаться удовлетворять их в формах так называемой «коллективной», а не «индивидуальной» собственности. Это действительно пытались сделать многие революции. К этому сводятся стремления социализма и коммунизма. Но легко видеть, что подобная «коммунизация» собственности не есть уничтожение самих рефлексов индивидуальной апроприации. Они остаются, и здесь в конечном счете потреблять и апроприировать «блага» будет индивидуальный организм, а не какой-то «коллективный» организм в виде коллективного рта и желудка. В некоторых особых случаях, как увидим ниже, рефлексы индивидуальной собственности масс могут легче удовлетворяться при условии «коллективной собственности на средства и орудия производства». В таких условиях может устанавливаться «институт коллективной собственности». Но он, как и сам социализм, ничуть не уничтожает рефлексы индивидуальной собственности, а только иначе канализирует их проявление. Во-вторых, как мы сейчас увидим, революция, часто выставляя лозунг «коллективизации» собст-

венности, никогда его не осуществляла фактически. В-третьих, то же самое можно сказать и о принципе имущественного уравнивания, нередко выставлявшемся революциями. Революции в первой своей стадии «уравнивали» имущества, но не в смысле установления прочного и длительного порядка, где каждому предоставлялась бы одинаковая доля материальных благ, а в смысле простого захвата и раздела богатств членов общества, общего объединения и равенства в нищете, очень быстро сменяемого процессом новой имущественной дифференциации, с гипертрофическим проявлением эгоистической жадности, корыстолюбия и всех отрицательных сторон рефлексов собственности.

Красивые слова об уничтожении частной собственности, всеобщем довольстве, имущественном равенстве и т. д. были и оставались простой словесной пудрой, увлекательной ширмой, за которой и под которой объективно происходили совершенно иные процессы, ничего общего с ним не имеющие⁹⁷.

С объективной точки зрения деформация рефлексов собственности на первой стадии революции состоит в следующем: *а) в отпадении тормозящих захват чужой собственности условно-собственнических рефлексов у лиц бедных, с «ущемленными» и неудовлетворенными собственническими рефлексами; б) в силу этого – в интенсивнейшем проявлении у них безусловных рефлексов собственности (в форме захвата чужого достояния), прежде тормозимых отпавшими теперь условными рефлексами; в) у лиц богатых – в угасании и ослаблении рефлексов защиты своей собственности от посягательств других.*

В итоге такой деформации разражаются громадные процессы захвата бедными достояния богачей (земли, капиталов и т. д.), достояния одних – другими, – в форме грабежа, реквизиций, «национализаций», «уравнивания». Граница, отделяющая «свое» от «чужого», пропадает. Люди, с угасшими тормозными рефлексами собственности, толкаемые ущемленными безусловными импульсами апроприации, бешено, стихийно начинают «утолять» последние. Где раньше они воздерживались от грабежа чужого, теперь – не воздерживаются. Происходит «черный передел» в буйных формах. «Грабь награбленное», «Да здравствует экспроприация эксплуататоров» и т. д. Те, у кого отбирают иму-

⁹⁷ И. Тэн прав, когда он пишет: «Каковы бы ни были великие лозунги Liberté, Fraternité, Egalité^{62*}, которыми революция украшает себя, она по своему существу есть простое перераспределение собственности; в этом состоит ее внутренняя опора, ее постоянная сила, ее первый двигатель и исторический смысл» (*Taine H. La Revolution. Vol. I. P. 38*).

щество, часто оказываются людьми с ослабленными рефлексами собственности.

Этот процесс (как увидим ниже, в особой главе) сопровождается *широким разливом всякого рода речевых и субвокальных рефлексов* (идей, идеологий, убеждений, мировоззрений), *проповедующих «равенство», «обобществление», «имущественное уравнивание», обличающих собственность, корыстолюбие богатых, благословляющих экспроприацию, «коммунизацию» и т. д., словом — идеологии уравнилельно-коммунистического типа.* Они быстро развиваются, успешно заражают массы с ущемленными рефлексами собственности и стимулируют их на акты захвата, «уравнивания», передела.

Вслед за этим периодом наступает второй, противоположный. Он имеет разные вариации в зависимости от того, доходит ли революция до конца или прерывается в своем развитии. Но сущность его одна и та же в обоих случаях. *Она состоит в новой и интенсивной прививке угасших тормозных рефлексов собственности, в прививке актов воздержания от захвата и присвоения «чужого достояния».*

Причина наступления этой стадии заключается в общем обеднении, голоде, нищете, к которым приводит необузданность первого периода, падение производительности труда, прекращение интенсивной работы и другие следствия разгрома, грабежа, национализации и реквизиций первого периода, с одной стороны, с другой — утоление ущемленных рефлексов собственности у наиболее энергичной части «коммунизаторов» и «уравнителей». Последние теперь заинтересованы в охране своего достояния, первые — в избавлении от бед, к которым привела необузданная вакханалия не тормозимых рефлексов собственности предыдущей стадии.

Если прежние богачи одерживают верх и прерывают «углубление революции» — эта прививка совершается ими и их словами. Когда же революция доходит до конца, когда богатства разграбляются и делятся всякого рода «коммунизаторами», когда их не остается, когда делить уже нечего, кроме захваченного «национализаторами» достояния, когда новый передел может грозить только им, — тогда прививка тормозных рефлексов совершается ими, ставшими теперь представителями «новой буржуазии», новыми, свежими и ревностными собственниками. Они поддерживаются теми группами, которые от революции экономически кое-что получили и до некоторой степени утомили ущемленные прежде имущественные рефлекссы.

В обоих случаях «грабить награбленное» теперь воспрещается. Вся-

кие акты посягательства строго наказываются. Устанавливаются сильнейшие тормозные стимулы: штрафы, аресты, тюрьма, смертная казнь. Общество лечат «огнем и железом». На разбушевавшиеся импульсы собственности накладывается узда. В итоге — после ряда перебоев — стихия вводится в берега. Оживает старое изречение: *beati possidentes*^{63*}. Собственность вновь становится священной. Новые собственники, в отличие от старых, зубами и когтями защищают теперь свое достояние. Из «коммунизаторов» они превращаются в самых горячих защитников собственности.

В области идеологий и речевых рефлексов этот период характеризуется падением популярности уравнилельных и коммунистических учений первого периода революции. Они теряют кредит доверия и популярность. Оживают и крепнут идеологии противоположные, в разных формах оправдывающие «священное право собственности»...

Такова сущность деформации в этой области рефлексов. Не во всех революциях она одинаково проявляется, но все они — хотя бы и в слабой мере — имеют эту тенденцию и выявляют ее. Перейдем к фактам.

Русская революция 1917–1923 гг.

Уже перед революцией разгромы магазинов, рынков и т. п. явления, с одной стороны, с другой — рост популярности социалистических идеологий, с третьей — ряд национализаций и ограничений права собственности со стороны государства (под влиянием войны и требований «военного социализма»^{64*}) свидетельствовали о начавшемся угасании рефлексов собственности. С началом революции это угасание стало катастрофическим. Рабочие стали захватывать предприятия, крестьяне — громить помещичьи усадьбы, апроприировать скот, мебель, земли, возрос процент имущественных преступлений и т. д. Через 2–3 месяца этот процесс стал стихийным. Со времени Октябрьской революции он был легализован. Законом 1918 г. все частновладельческие земли были конфискованы, фабрики — реквизированы, капиталы и дома — также; граница между «своим» и «чужим» исчезла. Сначала отнимали достояние у богатых: рабочие — у капиталистов, крестьяне — у помещиков, дворники — у богатых жильцов, солдаты — у офицеров, коммунисты и матросы — у всех. Потом, когда богатства были поделены, начались реквизиции хлеба, скота, масла, молока и одежды у крестьян; люди с потухшими тормозными рефлексами собственности, главным образом коммунисты и матросы, реквизировали у всякого все, что могли: съестные припасы, золотые вещи, картины, книги, квартиры, все, вплоть до последней пары

белья и серебряной ложки. Словом, у массы лиц тормозные реакции потухли. У других — богатых — рефлексy защиты своей собственности оказались очень слабыми. Они отдали почти все без сопротивления.

Это их угасание видно и из уголовной статистики имущественных преступлений. В 1918 г. в Петрограде было 327 000 воров (22% населения), кравших в форме лишней хлебной карточки продовольствие. В Москве их было 1 000 000 (70% населения)⁹⁸.

Если преступность Москвы в 1914 году возьмем за 100, то в 1918 году

кражи выразятся цифрой	315
вооруженные грабежи	28500
простой грабеж	800
мошенничество	370
присвоение	170 ⁹⁹

На железных дорогах расхищение багажа увеличилось в 1920 г. в 150 раз по сравнению с мирным временем¹⁰⁰.

Не лучше дело обстоит и в 1922 г. По данным Советской Рабоче-Крестьянской Инспекции за 1922 г., на железных дорогах похищено: 2 640 000 пудов продовольствия, 7 826 000 пудов топлива, 65 000 пудов мануфактуры, обуви, кожи, мехов, 680 000 пудов сырья, 196 000 пудов разных ценных предметов — всего похищено 11 400 000 пудов на сумму 50 000 000 золотых рублей, составляющих 22% всего бюджета Комиссариата путей сообщения.

Эти официальные цифры — лишь слабая тень того, что было на самом деле. Но и они довольно красноречиво свидетельствуют о том, как сильно развинтились «тормозные» рефлексy собственности, с одной стороны, и во что объективно вылилась «коммунизация» — с другой.

Все это происходило под аккомпанемент звучных речевых рефлексов, таких как «имущественное равенство», «коммунизм», «уничтожение эксплуатации труда капиталом», «во имя справедливости», «общего блага» и массы подобных лозунгов.

Соответствовала ли им действительность? — Ничуть. Сами коммунисты точно характеризуют положение. Вместо национализации и общих интересов при захвате фабрик рабочими, по словам коммуниста Осин-

⁹⁸ Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1920–1921. Вып. III–V; Красная Москва. 1917–1920. М., 1920. С. 53.

⁹⁹ Красная Москва (глава о преступности).

¹⁰⁰ Известия ВЦИК, 20 октября 1921 г.

ского, «развились мелкобуржуазные, собственнические взгляды на предприятия»¹⁰¹. Каждая группа рабочих захватывала фабрику и смотрела на себя как на ее собственников, расхищала и делила, что можно, между собой¹⁰².

То же самое имело место и среди крестьянства. «Крестьянская масса не знает социализма, и не хочет знать ничего, кроме даровой прирезки земли, — говорил уже в конце 1918 г. коммунист Мещеряков, — ее мелкобуржуазные предрассудки вылезают наружу совершенно неприкрыто»¹⁰³.

«Деревня (после захвата помещичьих земель) к социализму оказалась равнодушной: она решительно отвергла “коммунию”», — с печалью констатирует Осинский. То же самое авторитетно подтверждает и Ленин¹⁰⁴.

Далее, вместо общей сытости пришло массовое обеднение. Вместо имущественного равенства — уже в конце 1918 г. — были установлены десятки разных пайков, начиная с роскошного «совнаркомовского» пайка (с икрой, фруктами, вином и т. д.) и кончая голодным пайком «клади зубы на полку». Тогда же для оплаты труда введены были 34 различные тарифные ставки. В 1919 г. на съезде коммунистов была вынесена резолюция, одобрявшая не только материальные привилегии коммунистов по сравнению с некоммунистами, но и лучшее вознаграждение «ответственных коммунистов» по сравнению с неотчетливыми.

В то время, как большинство умирало от голода, другие грабили, что могли, имели салон-вагоны, автомобили, несколько любовниц — все, вплоть до тропических фруктов, мехов, тонких духов и бриллиантов. Во имя коммунизма сдирали обручальные кольца, одежду и сапоги с расстрелянных и надевали их на себя или пускали в продажу.

Вместо уничтожения рефлексов собственности у «коммунизаторов» возникла лишь отвратительная необузданная жадность присвоения всего с живых и мертвых, всеми способами и мерами...

Таков был первый этап революции.

К 1920 г. все было «поделено», все былые богатства исчезли. Больше делить стало нечего, ибо не стало буржуев. Пришла всеобщая бедность и голод. Власть стала «реквизировать» крестьян.

¹⁰¹ Осинский Н. Строительство социализма. М., 1918. С. 36.

¹⁰² См.: Вестник Труда. 1920. № 3. С. 91.

¹⁰³ Мещеряков Н. Л. О сельскохозяйственных коммунах. 1918. С. 11–12, 17, 25.

¹⁰⁴ См. его «Речь на VIII Всероссийском Съезде Советов». 1921. С. 29–31.

Началось отбирание у них хлеба и скота — всего, что можно было отобрать. Теперь начали «ущемляться» рефлекс собственности у крестьян. Итогом стали крестьянские восстания как акты защиты своего достоинства от посягательств власти. Они ширились и росли. Перекинулись на города, на солдат и матросов, которым больше не приходилось «коммунизировать» буржуев за их отсутствием. Вместе с этим многие из «коммунизаторов», кое-что награбив, теперь хотели бы сберечь для себя награбленное. «Коммунизм» им был больше не нужен.

Следствием всего этого явилось антикоммунистическое движение, достигшее апогея в марте 1921 г. в Кронштадтском восстании^{65*}. «Кронштадтские матросы», еще два года назад бывшие самыми рьяными коммунистами, теперь выставили программу «Советы без коммунистов». Поистине знаменательная трансформация!

Итогом всего этого стала «новая экономическая политика», состоящая в декоммунизации, в возрождении капитализма, фактической частной собственности, — словом, в восстановлении угасших тормозных рефлексов собственности и ее охраны у новых собственников. За два года — 1921–1923 — этот процесс отчетливо выявился как в фактах, так и в декретах Советской власти. Главными из них были: декрет о праве концессий, о денационализации фабрик, заводов и домов, о признании фактической частной собственности, о праве иметь неограниченную сумму денег, о восстановлении права наследования¹⁰⁵, о бессрочном индивидуальном пользовании и владении землей и т. д. Словом, к данному моменту в экономической области от коммунизма ничего не осталось, кроме... азиатского произвола Советской власти.

В фактической же жизни за два года восстановление рефлексов собственности и всех отрицательных сторон капитализма (без его положительных) достигло геркулесовых размеров. Лихорадочный ажиотаж, спекуляция, мошенничество, сумасшедшая жажда обогащения, чудовищный контраст между роскошной жизнью коммунистов и «нэпманов» — с одной стороны, и миллионы умирающих от голода людей — с другой, беспощадные расстрелы воров и грабителей, посягающих на чужое достояние, колоссальные капиталы, скопленные «вождями коммуниз-

¹⁰⁵ «Какой смысл ограничивать право наследования имущества 10 000 золотых рублей, — пишет г. Преображенский, комиссар финансов. — Разве лучше для страны и ее хозяйства, если нэпманы будут прожигать свои доходы в кафе, игорных притонах и т. д., вместо того, чтобы, скажем, строить собственные дома» (Правда. 1923. № 177).

ма», их вхождение в качестве пайщиков и директоров во все главные тресты и акционерные компании¹⁰⁶, бесстыдное присвоение себе их прибыли, оплачиваемой за счет государства, беспощадная эксплуатация рабочих, расхищение фонда государства и т. д. — и все это воскресло снова, но, увы, в бесконечно худшей, чем раньше, форме.

Вместе с тем и в массе, в особенности в крестьянстве, «индивидуально-собственническая» стихия разлилась небывалым образом. Она проявляется прежде всего в стихийном выходе их из общины на индивидуальные участки — хутора и отруба, — столь сильным, что власть декретом за октябрь 1922 г. принуждена была легализовать его. Русский крестьянин-общинник превратился теперь в мелкого буржуа (собственника-индивидуалиста).

Словом, «коммунистическая революция» в итоге дала появление и рост рефлексов индивидуальной собственности в размерах, раньше России неизвестных. (См. ниже о влиянии революции на экономическую жизнь.)

Сейчас реставрация угасших тормозных рефлексов собственности может считаться уже совершившейся. Верховной заповедью снова стало «*beati possidentes*». Но эти новые «*possidentes*», вышедшие из рядов «разрушителей собственности», имеют несравненно более сильные рефлексы собственности, чем бывшие богачи. Они, в отличие от последних, будут всеми силами защищать «свою собственность» и не позволят ее «национализировать».

Параллельно с этим процессом прививки угасших рефлексов собственности происходят сдвиги и в области идеологии. Яркий пример дают прежде всего сами коммунисты. Достаточно для этого сравнить их речи, брошюры, газеты и книги 1917–1919 и 1921–1923 гг. Они диаметрально противоположны — и то, что называлось «хорошим» в первый период (национализация, карточная система, имущественное равен-

¹⁰⁶ По исследованию самих же левых коммунистов оказалось, что самыми богатыми людьми, получающими огромную прибыль, являются Троцкий, Зиновьев, Радек, Каменев, Красин, Дзержинский и т. д. См. также в «Красной Газете» за 1922 г. статью «Куст Троцкого», пренаивно описывающую, что акционерная компания с директором и пайщиком Троцким дала за 1921 г. несколько миллионов золотых рублей прибыли. Каменев является теперь главой компании, содержащей игорные дома и притопы. Зиновьев и Радек, по исследованию контрольной комиссии III Интернационала, не могли дать отчета в израсходовании трех миллионов золотых рублей и т. д.

ство, коллективное управление, необходимость полного уничтожения частной собственности, грабеж буржуев, ставка на рабочих и т. д.), во второй период оценивается отрицательно. Теперь от старой коммунистической фразеологии осталось очень мало. Среди же населения к 1921 г. все коммунистические лозунги, столь популярные недавно, утратили всякий кредит доверия. Они стали предметом ненависти и презрения. Социализм и коммунизм потеряли всякое обаяние.

Стала расти популярность теорий и идеологий антикоммунистических и антисоциалистических, идеализирующих и оправдывающих капитализм, частную собственность, индивидуализм, личную инициативу, личные мотивы и т. д.

Словом, и здесь круг замыкается.

Место идеологий, стимулировавших захват чужого, «коммунизацию» и «национализацию», теперь заняли идеологии, прямо и косвенно одобряющие частную собственность и заповеди: «не укради», «не трогай чужого», «не посягай на священное достояние и собственность других людей».

Таков в основных чертах процесс деформации рефлексов собственности, совершившийся в течение русской коммунистической революции. Ни коммунизма, ни имущественного равенства, ни общего благосостояния, ни уничтожения частной собственности и капитализма он не дал, а только разорил страну, поменял людей местами в имущественной пирамиде и усилил рефлекс собственности согласно той схеме, которая была очерчена выше¹⁰⁷.

Сходный процесс мы видим и в других революциях. Разница их лишь в резкости выявления этих деформаций.

Египетская революция. «На дорогах подстерегают, чтобы разграбить ношу путника, — читаем у Ипувера. — То, что на нем, отнимается... Привратники говорят: “пойдем грабить...” Бедняки стали богачами,

¹⁰⁷ Подробная картина — изо дня в день — всего этого процесса может быть прослежена по советским газетам («Известия», «Правда», «Экономическая жизнь»). См. также: речь Ленина «О продналоге»; *Далин Д. Ю.* После войн и революций. Берлин, 1922; *Маслов С.* Россия после четырех лет революции. Париж, 1922. Т. 1–2; *Сорокин П. А.* Современное состояние России. Прага, 1923; *Милюков П. Н.* История второй русской революции. София, 1921–1923. Т. 1–3; *Суханов Н. Н.* Записки о русской революции. Берлин; Пб., 1922–1923. Кн. 1–7; «Народное хозяйство» за 1921 и 1922 гг. (официальное издание); Экономический Вестник. № 1; статью С. Н. Прокоповича в официальном сборнике «О земле». Вып. 1–2; Экономист. 1922. № 1–5.

а владельцы собственности — неимущими; тот, кто вымалывал для себя подонки, теперь владеет чашей, наполненной до краев» и т. д. У имущего «нет тени» (т. е. дома), нигде преклонить голову. «Князья голодают... Благородные дамы ходят голодные и они говорят: “Ах, если бы у нас было что поесть”. Они в рубищах... Золото и ляпис-лазурь, серебро и малахит, сердолик и бронза висят на шеях у рабынь... Царские склады стали общим достоянием» и т. д.¹⁰⁸

Из этих штрихов видно: массовое угасание тормозящих рефлексов собственности, захват чужого достояния, «национализация», ничуть не уничтожившая неравенства, т. е. те же черты, которые мы видим и в русской революции.

Не иначе обстояло дело и в *Греческих революциях* VII—II вв. до Р. Х. И здесь «все выделявшиеся своими богатствами умерщвлялись, дома и поля, жены и дети их отдавались нищим, илотам и всякому сброду, храмы подвергались разграблению»¹⁰⁹. Конфискации, реквизиции, массовый грабеж, национализации и т. д. — обычные спутники этих революций. Говоря словами Фукидида, «людей больше не удерживал (от этих действий) ни страх перед богами, ни человеческие законы»¹¹⁰.

То же самое и в *римских революциях* конца республики. И Гракхи, и Марий, и Сулла, и Антоний, и Красс, и Помпей, и Цезарь, и Август — все они и их сторонники превратили право собственности в фикцию. Грабежи, захваты, конфискации, реквизиции и т. д. были колоссальны (один Сулла конфисковал и раздал своим сторонникам, например, более 120 000 земельных участков). Разбои, грабежи и кражи достигли грандиознейших размеров и привели даже к основанию мощных государств пиратов.

«В столице и в менее заселенных местах Италии грабежи совершались ежедневно. Грабили все... Развилась небывалая жадность и погоня за богатствами, подкуп, мошенничество и т. д. Бедность... считалась единственным наихудшим позором и преступлением; за деньги государственный человек продавал государство, гражданин — свободу, за деньги отдавалась знатная дама, подделка документов и клятвопреступление были так распространены, что клятва называлась “почвой для долгов”». И вместе со всем этим, несмотря на все переделы и национализации —

¹⁰⁸ Вукентьев В. Цит. соч.

¹⁰⁹ *Fustel de Coulanges N. D.* La cité antique. Paris, 1905; *Niese B.* Geschichte. 2 Teil. S. 596–597. 3 Teil. S. 42–43; *Buzold G.* Op. cit. Bd. III. T. 1. S. 560–582.

¹¹⁰ *Фукидид.* История. Т. II. С. 21–22, 47–53; Т. III. С. 81–85.

«в распределение состояний вкралось страшнейшее неравенство». Рим превратился в «республику миллионеров и нищих»¹¹¹.

Передаю слово Р. Пельману, подводящему итог всех античных революций следующими словами: «В Греции (и Риме) в продолжение нескольких веков велась борьба, девизом которой было равенство, справедливость, братство... Неистовые взрывы ненависти и мстительности, грабежи, разбои, дикая разнузданность — таковы были явления, которыми сопровождалась попытка практического осуществления экономического и социального уравнивания. Наряду с правомерным озлоблением, вызываемым нищетой и эксплуатацией, беспрестанно обнаруживалась алчность к имуществу ближнего, которого изгоняли для того, чтобы самому и притом только самому — занять его место... Поэтому не случайно в последние века греческой истории почти всегда, когда равенство было лозунгом... стремление индивидуума стоять выше других принимало грубейшие формы тирании. В этой последней характерно воплощалась алчность масс. Лица, выигрывавшие от революции, не обнаруживали того духа солидарности и справедливости, на которую претендовала социальная демократия. Нигде не оказалось ни следа... равенства и братства... Чуть только достигалась ближайшая цель социальной революции, т. е. более или менее значительное число ее участников овладевало капиталом и земельными участками, как вскоре обнаруживалось, что... не самоотверженная преданность идее общности, а личные интересы влекли их к борьбе. А эти интересы требовали, чтобы отдельное лицо удерживало то, что было приобретено им при общем грабеже. Теперь эти люди скорее имели основание бояться сатурналий революционной фазы. Так как от нового переворота они не могли уже выиграть, а лишь потерять, то им нечего уже было драпироваться в пролетарски-революционное облачение... Они обыкновенно становились реакционными, как в экономическом, так и в политическом отношениях. Новые собственники мало смущались тем, что возле них снова возникли неравенство и бедность... О новом переделе они не желали и слышать, как только сами становились собственниками... Поэтому братство вряд ли длилось значительно дольше, чем пока не была побеждена враждебная партия и не был закончен грабеж»¹¹².

¹¹¹ *Моммзен Т.* Цит. соч. Т. III. С. 68, 453, 461; *Фриндлендер Л.* Картины из бытовой жизни Рима. СПб., 1914. С. 21.

¹¹² *Пельман Р.* История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910. С. 469–

Едва ли нужно приводить цитаты и свидетельства, говорящие, что не иначе происходило дело и в ходе других революций в разных странах и в разное время...

Возьмите *Персидскую революцию* при Кобаде или смуты при Ормузде III — и вы увидите захват, передел, общий грабеж и «национализацию» не только имущества богачей и вообще чужого имущества, но даже... жен в Моздакской революции¹¹³.

Приглядитесь к многочисленным революциям в мире ислама: хариджитов, алидов, карматов, измаилитов, коптов, коммунистов-бабекистов, вахабитов^{66*} и т. д. — всюду вы увидите те же картины и те же процессы¹¹⁴.

Перенесемся в Японию. И здесь, например в революциях XV в., мы имеем те же «жакерии и прагерии^{115/67*}».

А средневековые революции, вплоть до коммунистических? Разве *Гуситская революция* в Чехии не началась с захвата богатств церкви, духовенства, немцев и знати, а потом и достояния других народов?

Разве и здесь все это не происходило под аккомпанемент коммунистических идеологий и не сопровождалось образованием коммунистического государства таборитов и многочисленных коммунистических сект: николаитов, беггардов, адамитов и т. д.? «Если все люди имеют равные права, почему богатство распределяется неравномерно? Имейте веру, и все остальное приложится, ибо богатство и земля не даны ли Богом своим верным детям?» «Взять добро другого, — учили проповедники, — не грех, а поступок, приятный Богу». Таковы были идеологии начала революции. В соответствии с ними — брали, национализировали и уравнивали имущество богатых, церкви, немцев и т. д., дошли до основания коммунистических сект и общин, провозглашавших даже общность жен. «Жадность — корень всего зла», — так комментирует современник всю эту возвышенную «коммунизацию»¹¹⁶.

Но надолго ли все это было? По мере обогащения путем грабежа и захвата, идеология коммунизма стала падать и рефлексы собственно-

470, 494–498, 503–582. Подробнее см. в указанных работах Г. Ферреро, М. И. Ростовцева, В. Дюруи, Б. Низе, Г. Бузольта, О. Зека и др.

¹¹³ См.: *Malkolm J. The History of Persia*. London, 1829. Vol. I. P. 100, 106, 120. Vol. II. P. 344, 353.

¹¹⁴ См.: *Мюллер А. История Ислама от основания до позднейших времен*. СПб., 1895. Т. II. С. 33, 29, 161, 178, 182, 187–192, 195–196, 237–239, 278–281.

¹¹⁵ См.: *De la Mazelierre. Japon. Histoire et civilization*. Paris, 1907. Vol. II. P. 389.

¹¹⁶ *Denis E. Op. cit.* P. 287.

сти возрождаться. Табориты «скоро уничтожали адамитов и открыли частной собственности путь в свое общество. И эта последняя с присущим ей образом мыслей — с завистью и жадностью — тем быстрее вытеснила коммунизм и братские отношения, чем скорее росло благосостояние и богатство таборитов — плод их непрерывных грабежей. Равенство средств существования начало исчезать. В Таборе можно было найти бедных и богатых, и последние становились все менее склонными уделить первым от своего излишка»¹¹⁷.

Следующий разговор крестьянина со священником рисует суть дела. «Это справедливо, — говорит крестьянин, — что сеньоры нас больше не будут давить и богатства будут равными. — Но понравится ли тебе, — спрашивает священник, — если твой батрак войдет в твой дом и захочет быть равным тебе? — Конечно, нет. — А почему? — Это невозможно; пожалуй, ты прав, лучше действительно следовать старому обычаю и лучше, если низшие будут подчиняться высшим»¹¹⁸.

«Революционеры забыли свои обещания и оказались более жадными, чем старые властители. Те, кто кричали, что все блага должны быть общими, исключили своих товарищей из всякого дележа. Богатства, которые были порицаемы, когда принадлежали католикам, они теперь присвоили себе. Они обещали абсолютно свободное пользование лесами, водами и лугами и они же лишили народ всякой свободы пользования и довели его до рабства»¹¹⁹.

Тот же процесс повторялся во французской и английской жакериях (в смысле захвата чужой собственности, освобождения от имущественных обязательств и т. д.), в средневековых революциях, вплоть до коммунистических революций в Мюнстере и Мюльгаузене^{120/68*}.

Колоссальное ограбление ирландцев, почти поголовно лишенных

¹¹⁷ *Каутский К.* От Платона до анабаптистов // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907. Ч. 1. С. 198.

¹¹⁸ *Denis E.* Op. cit. P. 287–288.

¹¹⁹ *Ibid.* P. 348–349.

¹²⁰ Например, в Новом Иерусалиме Иоанна Лейденского лидеры коммунистической революции, захватив богатства, львиную их долю присвоили себе и даже во время голода не обнаруживали никакого желания делиться с голодавшей массой (*Каутский К.* Цит. соч. С. 384). О поведении масс во время жакерий см. указ. работы Ч. Омана и Д. М. Петрушевского, а также: *Ковалевский М. М.* Экономический рост Европы. М., 1903. Т. III; *Levasseur P.* Histoire des classes ouvrières. Vol. II. P. 134.

всех своих земель и богатств (2 500 000 акров), рост краж и грабежей, массовый захват и конфискация имуществ роялистов кромвельянами и роялистами — у противников, многочисленные реквизиции у мирного населения и множество других нарушений чужой собственности в первый период английской революции, с одной стороны. Торможение таких актов во второй ее период, с другой — достаточно известны, чтобы останавливаться на этом¹²¹.

Подтвердились лишний раз жадность и корыстолюбие победителей-революционеров, которые, став членами парламента, стяжали себе печальную славу¹²².

Не было недостатка и в коммунистических идеологиях¹²³ (диггеры, люди пятой монархии^{70*} и т. д.).

Ясна и тенденция восстановления тормозных рефлексов собственности во второй период¹²⁴.

Нет надобности говорить и об отсутствии имущественного равен-

¹²¹ См.: *Gardiner S. History of the Commonwealth and Protectorate. Vol. IV. P. 82–84.*

Vol. II. P. 22, 200. Vol. I, 39; Гизо Ф. Цит. соч. Т. I. С. XI–XII, XXII–XXIII, 192–194. Т. III. С. 113.

¹²² *Гизо Ф. Цит. соч. Т. II. Ч. I. С. 78–79.*

¹²³ Вот пример воззваний того времени: «All landlords were thieves and murderers, — читаем мы в манифесте Эверарда. — It was now time for the English to free themselves from the landlords. Break in pieces quickly the band of particular property... and give they free consent to make the earth a common treasure»^{69*} и т. д. (*Gardiner S. Op. cit. Vol. I. P. 43*).

¹²⁴ Ее ясно выражает в своей речи в парламенте в 1654 г. Кромвель: «Дворянин, джентльмен, фермер, земледелец — вот настоящее ядро нации... Уравнители хотели сравнять все звания, все имущества, все собственности, хотели сделать одинаково богатыми и жильца, и хозяина дома. Но хотя бы они и успели в этом, подобное положение дел не могло быть продолжительно: совершив свое дело, эти же люди стали бы прославлять и защищать собственность и имущество, а между тем произвели бы много зла своими принципами, потому что тут есть слова, приятные беднякам и негодяям». 22 января 1655 г. он говорил: «Если уж суждено республике страдать, то пусть она лучше страдает от богатых, чем от бедных, ибо когда угнетают бедные, сказал Соломон, тогда они подобны буре, которая истребляет все и ничего за собою не оставляет». Соответственно с этим, как известно, в этот период стали усиленно преследоваться всякие коммунистические движения, частные грабежи, кражи и т. д. (*Гизо Ф. Цит. соч. Т. III. С. 108, 127–128*).

ства. В итоге революции имущественное неравенство скорее возросло, чем уменьшилось¹²⁵.

Сходное имело место в смысле развинчивания рефлексов собственности, роста разбоев, грабежей и в русской революции 1603–1612 гг., в движениях Разина, Пугачева и других восстаниях и оборванных революциях¹²⁶.

В несравненно большем масштабе тот же процесс происходил и во время *Великой французской революции*... Здесь уже перед революцией началось угасание тормозных условных рефлексов собственности (восстания 1785–1789 гг., ограбление лавок, складов, амбаров, рост краж, грабежей и т. д.¹²⁷).

С началом революции тормоза моментально отскакивают. Начинается массовый захват земель, замков, богатств, легализованный и нелегализованный грабеж. Процесс идет crescendo. Сначала грабят богатых и аристократов, потом — особенно со времени диктатуры якобинцев — начинается грабеж и бедных. Разражаются во имя *liberté, égalité, fraternité* бесконечные конфискации, реквизиции, национализации, захват, грабеж, спекуляции, мошенничество. Неприкосновенность чужой частной собственности на деле превращается в фикцию. Параллельно под разными формами растут и всякого рода эгалитарно-коммунистические теории¹²⁸. Захватывают, кто что может. Несмотря на общее объединение, никакого имущественного равенства нет. Самые горячие революционеры грабят и присваивают себе огромные состояния.

«На этом-то и строят свои громадные состояния ловкие террористы; этим объясняется происхождение их колоссальных богатств,

¹²⁵ См. об этом: *Бернштейн Э.* Коммунистические и демократо-социалистические течения в Английской революции XVII века // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907. Ч. 2. С. 64–263.

¹²⁶ См.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 11 и 12; *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. Пг., 1917. С. 249–250; *Фирсов Н. Н.* Крестьянские волнения до XIX века // Великая реформа (юбилейное издание). Т. 2.

¹²⁷ См. *Taine H.* Les Origines de la France contemporaine. 1889: L'ancien régime. P. 200–213, 280–298; *Кропоткин П. А.* Великая французская революция. М., 1919. С. 23, 39–41; *Афанасьев Г. Е.* Исторические и экономические статьи. Киев, 1908. Т. 1. С. 402, 398, 434–435.

¹²⁸ См.: *Taine H.* Les Origines de la France contemporaine. Vol. II. P. 1–199; La Revolution. Vol. III. P. 69–159; *Кареев Н. И.* История Западной Европы в новое время. СПб., 1913. Т. III. С. 146–288; *Tocqueville A.* L'ancien régime et revolution. P. 234–243.

которыми мирно пользуются после Термидора эти заведомые негодяи, бывшие каждый в своем кантоне маленькими Робеспьерами, эти патриоты, которые теперь строят вокруг Орлеана дворцы, которые в Валансьене, разграбив общественную и частную собственность, владеют домами и имуществом эмигрантов»¹²⁹.

По окончании «дележки» приходит второй период: закрепления награбленного и оживления угасших рефлексов собственности. Издается декрет, провозглашающий священную неприкосновенность собственности. Начинается энергичное подавление посягательств на нее, подавляются социалистически-коммунистические движения (Бабефа и другие), всем обществом овладевает корыстный ажиотаж, хищничество, алчность богатства и материальных ценностей, появляются «нэпманы», новая «спекулятивно-биологическая буржуазия», за деньги — отдаются женщины, честь, совесть, за деньги можно купить и продать все¹³⁰.

Завершением этого процесса является, с одной стороны, Code Napoleon^{71*} с его исключительно ярко выраженным принципом священности, неприкосновенности и усиленной защиты института частной собственности, а с другой — кровавые, массовые и беспощадные репрессии, которые Наполеон обрушил на грабителей и разбойников, дела которых решались военными судами.

В меньшем размере, но те же тенденции проявились в *революциях 1830 г. и 1848 г. во Франции и 1848 г. — в Германии*.

Правда, здесь, особенно в Германской революции, процессы ретормаживания этих рефлексов были не глубоки (даже при восстаниях выставлялся лозунг «собственность священна»), тем не менее, факты захвата земель, замков, освобождение от ряда имущественных обяза-

¹²⁹ *Taine H.* Les Origines de la France contemporaine. Vol. III. P. 289–379, 360–364.

См. также: *Мишле Ж.* Директория. Т. I. С. 19–80 и соответствующие места у Мадлена, Ж. Жореса, П. А. Кропоткина.

¹³⁰ Из революционеров Баррас владел — Гробуа, Барер — замком Клиши, Тальен — дворцом Шальо, Мерлен — Монвалерионом. «Только в одном Комитете III г. можно найти 13 графов (равенство!), 5 будущих баронов, 7 будущих сенаторов империи, 6 будущих государственных советников, в Конвенте можно встретить от будущего герцога Отрандо до будущего князя Мерлена, пятьдесят «уравнителей», которые по истечении 15 лет будут владеть титулами, гербами, вышитыми мундирами, экипажами, майоратами, замками и дворцами. Фуше умрет с имуществом в 15 миллионов» и т. д. (*Мадлен Л.* Цит. соч. Т. 2. С. 168–169, 163–165, 245, 314). См.: *Мишле Ж.* Цит. соч. С. 71–72, 80, 110–112, 158, 254; *Вандаль А.* Возвышение Наполеона. СПб., 1905, а также указ. работы П. А. Кропоткина и Ж. Жореса.

тельств, захват чужого движимого имущества, разнообразное ограничение права собственности, особенно богатых — все это имело место. Если оно не было глубоко, то только потому, что эти революции были прерваны и заторможены в начале их развития.

Наконец, что это расторможение, и очень сильное, имело место в Парижской Коммунистической революции в 1871 г., в русской революции 1905 г. (аграрное движение и т. д.), в Венгерской — 1918–1919 гг. и даже в Германской революции 1918 г. — не требует доказательств.

Из сделанного обзора мы видим, что 1) наши положения о деформации рефлексов собственности вполне подтверждаются; 2) цель имущественного уравнивания, выставлявшаяся многими революциями, ни одной из них не достигалась; 3) тем более не удавалось ни одной революции уничтожить или ослабить рефлекс индивидуальной собственности; 4) все революции во второй стадии не ослабляли, а раздували эти рефлекс до отвратительных размеров, гипертрофировали корыстную алчность, жадность, хищничество, словом, — не социализировали человека, а делали его эгоистически-зоологическим собственником, причем, тем сильнее, чем более коммунистической была революция; 5) прекрасные лозунги и слова, во имя которых и под покровом которых совершаются революционные процессы в области собственности, представляют собой лишь красивую маскировку для простого захвата чужого достояния в свою пользу, частный симптом освобождения рефлексов собственности от тормозов и оправдание их животной жадности. Объективное поведение людей ничуть не соответствует им; 6) это значит, что насильственная революция и подлинная социализация людей, насильственная революция и ослабление или уничтожение эгоистических рефлексов собственности — абсолютно несовместимы. Тушить революциями последние равносильно тушению пожара керосином, оздоровлению человека путем сдирания с него кожи.

Не мешает об этом серьезно подумать тем, кто видит в революции средство для социализации людей и их рефлексов собственности.

§ 7. Деформация половых рефлексов

Половые рефлекс образуют одну из наиболее важных групп рефлексов в поведении людей. В основе своей они принадлежат к безусловным (наследственным) рефлексам. Это безусловное ядро у человека обрастает множеством условных (приобретенных) «одежд». В нормальные периоды общества неограниченное проявление поло-

вых рефлексов (или безудержное удовлетворение полового аппетита) тормозится множеством безусловных и условных стимулов. Примерами их служат: смертная казнь и другие тяжкие наказания за недозволенную половую связь¹³¹.

Другие виды наказаний: общественное порицание, позор, потеря чести, религиозные эпитимии, с одной стороны, с другой стороны — правовые, моральные и конвенциональные рефлексы, устанавливаемые путем воспитания и «изнутри» тормозящие половые импульсы.

В своей совокупности эти стимулы представляют собой «узду», вводящую удовлетворение сексуальных импульсов в определенные каналы, указываемые нормами права и морали данного общества.

Революция, объявляя многих из таких тормозов «суевериями» и «буржуазными предрассудками», тем самым очень часто разрушает их... К тому же результату ведет она и прямо — изменением норм семейно-брачного права. Этому же благоприятствует и дикая революционная борьба, непосредственно стимулирующая половые центры, причем иногда ее влияние усиливается и чрезмерным потреблением крепких спиртных напитков¹³².

¹³¹ См. соответствующие статьи в Библии, «Законах Ману», «Законах Хаммурапи» и других древних правовых кодексах. См. также: *Сорокин П. А.* Преступление и кара. СПб., 1914. С. 365–366; *Westermarck E.* History of the human Marriage; *Westermarck E.* The origin and development of the Moral Ideas. London, 1908. Vol. I–II (ch. «Adultery»).

¹³² Например, на душу населения приходилось спиртного:

	в Саксонии	во Франции	
1846	3,52	1870	2,29
1847	3,20	1871	2,77
1848	4,28	1872	2,09
1849	4,89		
1850	4,40		
1851	3,42		

Во время русской революции страсть к спиртным напиткам была столь огромна, что когда массы дорывались до винных погребов, то не отходили от них, даже когда в них начинали стрелять. В октябре 1917 г. недели две на этой почве в городах шла настоящая война. В Зимнем Дворце масса лиц утонула в вине и погибла. В 1919–1923 гг. по всей России шло колоссальное курение «самогона». Все меры борьбы с ним бессильны. Самым действенным видом взятки был спирт. С его помощью можно творить чудеса.

Угасание этих тормозящих рефлексов означает уничтожение «узды», сдерживавшей необузданность половых импульсов. Отсюда — *рост половой вольности как функция многих глубоких революций.*

Революции поверхностные, однако, могут не влечь за собой такого результата.

Мало того... Кровавая борьба, как основная деятельность в периоды революции, ведет не только к количественному росту половой вольности, но весьма часто *придает ей характер садизма, удовлетворения полового аппетита с мучением и пыткой жертв.* Садизм половой весьма близок к садизму победителя, мстящего своему врагу. Они в значительной степени могут замещать и стимулировать друг друга. Вот почему беспощадная борьба во время революции не может не оказывать своего влияния на половую деятельность человека и в указанном направлении.

Так как половые рефлексы *менее вариабельны, чем многие другие, то их деформация в процессе революции наступает обычно позднее деформации других рефлексов* (например, речевых, рефлексов повиновения, трудовых и т. д.), *зато обуздание их совершается медленнее и труднее, чем нормализация других рефлексов.* Часто, когда последние уже введены в нормальное русло, половые рефлексы оказываются еще не обузданными, продолжающими свое «буйство»... Они отстают от многих рефлексов как в своем расторможении, так и в своем затормаживании. Таков результат, даваемый изучением ряда революций.

Перейдем к фактам.

Русская революция 1917–1923 гг.

Первым симптомом роста половой вольности здесь служат соответствующие речевые рефлексы (речи, статьи, агитация, книги и т. д.) большевиков. В речах и брошюрах г-жи Коллонтай, Лилиной-Зиновьевой, г. Полетаева — помощника Комиссара Народного Просвещения — и многих других лидеров большевизма, вплоть до Луначарского и Ленина, не говоря уже о простых большевиках, брак и семья квалифицировались как буржуазное суеверие, как проявление «собственных инстинктов» капитализма¹³³. Факт беременности двух

¹³³ См., например, брошюру А. М. Коллонтай «Новая мораль» (СПб., 1919)

и ответ Ленина, напечатанный в журнале «Под знаменем марксизма» (№ 2–3) на мою статью в «Экономисте» (1922, № 1)^{72*}, указывавшую на рост половой вольности как следствие революции. Осыпая меня всевозможными ругательствами, Ленин квалифицирует этот рост как ценное завоевание революции,

15-летних гимназисток был квалифицирован комиссаром просвещения, Лилиной-Зиновьевой, как вполне законное удовлетворение их половых и материнских потребностей. Это воззрение проводилось и проводится в «Союзах коммунистической молодежи», среди учащихся, где половая вольность не только не тормозится, а скорее поощряется. Эта проповедь «полового раскрепощения» кое-где (в Саратове, например, и в других местах) дошла даже до пропаганды обобществления женщин^{73*}. Словом, характер речевых рефлексов, прививаемых населению, служит первым симптомом роста половой вольности.

Вторым — более важным симптомом — служит *изменение законов о браке и разводе*. Декрет от 20 декабря 1917 г. ввел такую свободу развода, что брак может быть расторгнут просто по заявлению одного из супругов. Этот декрет дает полную возможность сегодня жениться, через день разойтись и вступить в новый брак, короче говоря, представляет собой способ легализации всех случайных половых связей. О том же свидетельствует и изменение законов об *аборте*. Аборт из наказуемого деяния был сделан ненаказуемым. Сверх того, он разрешается по столь многим поводам, что не представляет никакого труда получить разрешение на аборт всякому желающему.

Третьим симптомом роста половой вольности служит *само движение разводов за годы революции*. Статистика говорит о небывалом повышении разводов, с одной стороны, об исключительно короткой продолжительности брачных союзов — с другой, о природе советского брака как легальной форме нелегальных и случайных половых связей — с третьей.

А все это, вместе взятое, свидетельствует об отпадении «узды», сдерживавшей половую вольность.

Рост числа разводов мы видим сразу же после опубликования декрета 20 декабря 1917 г. В Москве, в первые месяцы после его появления, разводы бешено растут, затем, когда главная масса разводов совершается — они обнаруживают тенденцию к снижению, но с 1920 г., насколько мне известно, снова поднимаются и остаются на исключительно высоком уровне. Вот цифры разводов за 1918 г. в Москве:

Январь —	98
Февраль —	384
Март —	384

как раскрепощение 50% населения от великих буржуазных пут, от лицемерия, обмана и т. д.

Апрель —	1053
Май —	980
Июнь —	804
Июль —	611
Август —	507
Сентябрь —	343
Октябрь —	436
Ноябрь —	384 ¹³⁴

В Петрограде в 1920 г. число разводов было равно 92,2 на 10 000 существующих браков, или 1 развод на каждые 16 заключаемых браков. Этот коэффициент — исключительно высокий и неизвестный раньше Петрограду.

Причем из 100 расторгнутых браков:

- 51,1% были продолжительностью менее 1 года,
- 17,8% — от 1 до 2 лет,
- 8,2% — от 3 до 4 лет,
- 32,9% — свыше 4 лет.

Из этих 51,1% расторгнутых браков:

- 11% были продолжительностью менее 1 месяца,
- 22% — 2 месяца,
- 25% — 6 месяцев,
- 43% — свыше 6 месяцев¹³⁵.

В провинциальных городах дело обстоит еще хуже.

В 1921 и 1922 гг. 1 развод приходился:

- в Полтаве на каждые 4,9 заключенных браков,
- в Николаеве — на 3,9,
- в городах Запорожской, Екатеринославской, Кременчугской и Подольской губерний — на 3,8¹³⁶.

Учитывая, что раньше в России 1 развод приходился на 470 заключаемых браков (в городах он был несколько выше), легко понять всю катастрофичность сдвига в этой области за годы революции¹³⁷.

¹³⁴ *Гойхбарг А. Г.* Еще о браках и разводах // Пролетарская революция и право. 1919. № 2–4; 1918. № 5–6. Точных цифр за 1919–1922 г. я сейчас не помню, поэтому не привожу их.

¹³⁵ Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1921. Вып. V. С. 27.

¹³⁶ Бюллетень Центрального Статистического Управления Украины. 1922. № 7. С. 29; № 2. С. 50.

¹³⁷ [См. «Примечания и дополнения». С. 413.]

Другими бесспорными симптомами «разнуздания» половых рефлексов являются многочисленные факты, доступные непосредственному наблюдению.

Почти с самого же начала революции народ заплясал в буквальном смысле слова. Начались бесконечные «танцульки»: танцульки с концертом, с митингами, танцульки после докладов, танцульки во время голода, тифа, расстрелов... Танцуют и по сие время. Вместе с танцульками — примитивно грубый флирт и... любовные объятия¹³⁸.

В полицейских участках, пишет сама «Правда» (21 июня 1923 г.), «в отделении для арестованных уборные общие для обоих полов. Как только воры увидят, что женщина идет в уборную, они направляются туда и насилуют ее».

Половая распущенность молодого поколения приобрела невероятные размеры, особенно среди коммунистической молодежи. Всякая узда здесь отпала. Большое количество 12–13-летних мальчиков и девочек в городах живут половой жизнью. Светские браки между ними, особенно в городах, стали обычным «бытовым явлением».

Некоторое представление — но и то слабое — дают хотя бы следующие цифры дефлорированных девочек, освидетельствованных в 1919 г. в «Центральном Распределительном Пункте» в Петрограде, откуда они распределялись по детским колониям, приютам и детским домам. Из всех девочек до 16 лет 96,7% оказались дефлорированными. Даже среди девочек до 10 лет процент дефлорированных был выше 10¹³⁹.

«Разврат среди малолетних, — пишет одна коммунистка, — растление детей, грандиозный процент венериков, разбитые жизни, исковерканные судьбы — вот результаты того тупика, в который вы зашли»¹⁴⁰.

Мудрено ли поэтому, что дети из колоний, приютов и т. д. не только жили и живут половой жизнью, но оказались в огромной своей части зараженными венерическими болезнями. На тысяче ежедневных фак-

¹³⁸ «Танцуют до упаду, до самозабвения, с каким-то сладострастием. Молодежь собирает свои скудные запасы, нанимает зал и танцует, танцует до седьмого пота.

Часто на улице девица с кавалером на снегу пируэты выделяет» (Дни. № 89).

¹³⁹ Беру эти скудные данные из неопубликованных отчетов этого Распределительного Пункта. В 1919–1922 гг. я специально занимался изучением состояния детей и учащихся в Петрограде и собрал — через учителей, воспитателей, чиновников, знакомых с некоторыми из комиссариатов — много материала, который коммунистами не опубликован, но за точность которого я ручаюсь.

¹⁴⁰ Цитирую по газете «Дни». № 202.

тов всякий внимательный наблюдатель может констатировать этот рост половой вольности.

То же самое, *mutatis mutandis*^{74*}, относится и к взрослому населению.

«Что делается в семьях? — пишет та же коммунистка. — Неправильно понятая свобода чувства зачастую переходит в разнузданность инстинктов. Заурядным явлением стал рабочий, живущий одновременно с двумя-тремя работницами, и работница, имеющая несколько мужей. Приязанности меняются как перчатки»¹⁴¹.

Причем, любопытно было наблюдать изо дня в день это расторможение половых рефлексов с начала революции. Уже в первые ее месяцы поведение проституток на улицах Петрограда стало гораздо бесстыднее.

Революционный лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» стал их лозунгом в профессиональном смысле слова. Половые акты совершались чуть ли не на улице. Дальше процесс начал шириться и углубляться. Со времени «военного коммунизма» уличная проституция исчезла (ибо стала бесцельна), зато она вошла внутрь домов и семейств. Девочки и женщины стали *открыто жить с теми, кто их кормил* (матросами, комиссарами и т. д.). Появились даже специальные термины — «содкомы» и «совбары» («содержанки комиссаров» и «советские барышни») — для обозначения обширного класса таких любовниц¹⁴².

Браки и разводы — учащались. Семейные союзы стали распадаться. Моральное сознание в этой области — ослабляться. На помощь пришла соответствующая проповедь «полового раскрепощения» людей. Процесс захватил детей и молодежь; в итоге — та катастрофическая половая разнузданность, о которой свидетельствуют приведенные данные и все вышесказанное¹⁴³. С переходом к «новой экономической политике» «проституция» сразу же выявилась. Сейчас улицы Петрограда и Москвы кишат проститутками. Еще больше их имеется в «скрытом виде» — служащих, машинисток и т. д., прирабатывающих себе на хлеб

¹⁴¹ Газета «Дни». № 202.

¹⁴² Нередко агенты власти для спасения кого-либо от смерти или ареста требовали от хлопотавших женщин соответствующей «награды». Шантаж на этой почве приобрел широкий размах.

¹⁴³ См. бытовые картинки, ярко описанные в рассказах коммунистического писателя Б. Пильняка (особенно его «Голый год» и «Былье»). См. также беллетристические произведения Яковлева, Козырева, Никитина, Вересаева и других писателей, живущих в Советской России и печатающихся в коммунистических журналах вроде «Красной Нови» и т. д.

насущенный проституированием. За деньги стали продажными ласки гораздо большего круга женщин¹⁴⁴. Словом, рост половой вольности достиг грандиозных размеров¹⁴⁵.

За последние год-полтора намечаются и некоторые симптомы ограничения этой разнузданности, например, в деревнях женщины для прочности брака начали требовать помимо брачного договора в Совете и церковного венчания. Практика накладывает кое-какие ограничения на беспредельную свободу разводов; намечаются новеллы, ограничивающие сам декрет о разводах, растет неодобрительное отношение к вольной половой жизни, возрождается половой стыд и т. д. Но процесс еще резко не выявился. Вероятно, нужно будет еще ряд лет, чтобы возродить отпавшие тормоза половой вольности.

Наряду с этим количественным ростом половой вольности довольно резко проявились *половой садизм и половые извращения*.

Начиная со зверских изнасилований женского батальона в дни Октябрьской революции большевиками^{75*}, в течение этих лет, особенно в областях, охваченных гражданской войной, просто изнасилования и изнасилования, сопровождаемые садизмом, мучениями жертв, издевательствами над ними и половыми органами (вырезание женских грудей, ущемление мужских органов тискаами, вырывание их, набивание в них травы, соломы, палок, прокалывание ножом и т. д.) — были не очень редким явлением; во всяком случае, несравненно более частыми, чем раньше.

¹⁴⁴ См. циркуляр Народного Комиссара Семашко, официально констатирующий это небывалое развитие проституции (Дни. №№ 186, 194, 193; Руль. № 777).

¹⁴⁵ Увеличилось и число аборт. «Известия» пишут: «Год от году количество аборт. растет». В одной Москве ежемесячно рабочим и небогатым людям дается Московским Отделом здравоохранения до 800 разрешений на аборт. Сюда не входит огромное число аборт., выполняемых без разрешения. Во всех родильных домах Москвы ежедневное число рожениц колеблется от 800 до 1000. Учитывая, что каждая роженица лежит около 7 дней, легко понять громадный процент легальных аборт., поразительно поднявшихся за годы революции (Цитирую по газете «Руль». № 764).

«Известия» пишут: «Притонами разврата мы догнали довоенное время. Может быть, даже превысили довоенную норму». Кошмарны картины, рисуемые коммунистическими газетами Севастополя («Красный Маяк») и Одессы («Одесские Известия»). См.: Руль. № 777.

Вместе с тем, надо полагать, что разнообразные половые извращения также возросли в значительной мере. Лично мне пришлось убедиться в этом в Петрограде по делу «клуба и общества гомосексуалистов». Власти предложили «Институту Мозга» исследовать их комиссией, созданной из представителей института (в лице академика Бехтерева, профессоров Протопопова, Мясоедова, меня и других), и по полученным материалам узнали о существовании обширнейшей организации гомосексуалистов, насчитывающей больше 100 членов. Ряд других фактов заставляет думать, что это явление не единично. Словом, русская революция вполне подтверждает выставленные нами положения.

Русская революция 1905–1906 гг.

В меньшей мере, но тот же факт повышения половой вольности имел место и здесь. Он выражался в десятках разных симптомов. Во-первых, в ряде явлений, подобных нижеследующему: «Во время октябрьских беспорядков (1905 г.) в Одессе хулиганы открыто на улицах, среди белого дня растлевали девушек, насиловали их “до смерти” по нескольку человек подряд, распарывали беременным женщинам животы» и т. д. 9 декабря в Москве толпа буквально раздела на улице двух курсисток¹⁴⁶. Таких фактов газеты того времени печатали немало.

Помимо этих отдельных фактов, разнуздание половых рефлексов, особенно у молодого поколения, выявилось тогда в ряде более общих явлений. Во-первых, в появлении разнузданно-половых обществ и кружков, получивших специальное название «Огарки», во-вторых, в росте так называемых «афинских вечеров» в среде интеллигенции; в-третьих — в появлении на сцене «полового вопроса» и соответствующей литературы. В 1906–1907 гг. «половой вопрос» вместе с половыми излишествами — в речах, газетах, книгах, — сделался центральным пунктом общественного внимания и разговоров. Вся эта картина нашла свое отражение в художественных произведениях того времени, произведших сенсацию. «Санин» и «У последней черты» Арцыбашева, «Огарки» Скитальца, «Навыи чары» Сологуба, «Яма» Куприна, «Ярь» Городецкого, эротические рассказы Кузмина, Каменского, Гиппиус, Нагродской, эротические стихи Бальмонта, Брюсова и других — вот что тогда занимало умы и в то же время отражало действительность. Эротизм, проповедь свободной любви, дискуссии по половому вопросу заливали собой жур-

¹⁴⁶ Новое Время. 1905, 11 декабря (примечание переводчика в книге: *Кабанес О., Насс Л. Революционный невроз. СПб., 1906. С. 19).*

фиксы гостиных, собрания религиозно-философских обществ, страницы газет, журналов и брошюр.

Словом, повышение половой вольности в эту революцию — факт, не подлежащий сомнению, констатированный современниками и документами той эпохи.

Французская революция 1870–1871 гг.

Ряд фактов дает основание полагать, что и здесь в известной степени разнудание половых рефлексов (усиленное войной, но ослабленное голодом) имело место. Об этом говорит, во-первых, статистика проституции Парижа. Число проституток было:

1868 — 5938
 1869 — 5768
 1870 — 6372
 1871 — ?
 1872 — 6007¹⁴⁷

Число их, как видим, в 1870 г. возросло. Правда, Коммуна постановила: «*Suppression du Trafic odieux des marchands d'hommes*»^{76*}, но это постановление, по словам Lecour'a, осталось лишь «*déclarations emphatique*»^{77*}, ибо в то же время полицейские «*bureaux des mœurs*»^{78*}, как противоречащие «*liberté de la femme*»^{79*}, были закрыты. В итоге — зло возросло гораздо сильнее, чем раньше¹⁴⁸.

О том же свидетельствует статистика внебрачных рождений Франции, показывающая их систематическое повышение с 1871 г. по 1873 г.

На 100 рожденных детей было внебрачных:

	1871	1872	1873	1874	1875	1876
Во Франции	7,15	7,21	7,46	7,26	7,03	6,96
В Пруссии	7,77	7,05	7,65	7,15	7,38	7,36 ¹⁴⁹

1870–1872 гг. были годами расторможения половых рефлексов, посему в 1871–1873 гг. они должны были дать повышение внебрачных рождений. С 1873 г. торможение половых рефлексов восстанавливается,

¹⁴⁷ Oettingen A. Moralstatistik. 1882. S. 203.

¹⁴⁸ Lecour C. J. La Prostitution à Paris et à Londres. 1872. P. 326.

¹⁴⁹ Oettingen A. Op. cit. Anhang (табл. 36); Levasseur P. E. La population française. Paris, 1891. Vol. II. P. 32.

падает и кривая внебрачных рождений. В Пруссии, находившейся, как и Франция, в состоянии войны, но не имевшей революции, как видим, такого движения не замечается.

Обратимся к заявленным требованиям «разделения стола и ложа» (*la séparation de coups*) и развода супругов (*les divorces*). Рассматривая диаграмму, приводимую Левассером, мы видим, что число их (*demandes d'assistance judiciaire*^{80*}) в 1869 г. по сравнению с 1870 г. резко падает с 6000 с лишним до 3600, с 1870 по 1872 гг. идет непрерывный и резкий подъем: 3600 в 1870 г., около 4400 в 1871 г., около — 6100 в 1872 г., далее в 1873 г. подъема нет, в 1874 г. число их падает до 5700¹⁵⁰.

Эти данные, вместе с описаниями историков и современников, довольно рельефно отмечающими рост половой вольности во время революции и Коммуны, дают основание полагать, что и здесь наше утверждение верно¹⁵¹.

Революция 1848 года

Во Франции «преступления против нравственности» (*attentats aux mœurs*), которых до сих пор были 100–200 ежегодно, в 1848–1849 гг. поднялись до 280–505.

«В Саксонии внебрачные рождения по сравнению со средней величиной за 10 предшествующих лет, были на 14–15% выше»¹⁵².

Принимая внебрачные рождения 1847 г. за 1000, в 1849–1850 гг. мы имеем повышение во всех странах, по которым прошла революция. С 1850–1851 гг. волна идет книзу. Это видно из нижеследующих цифр:

Годы	Франция	Бавария	Саксония	Ганновер	Пруссия	Вюртемберг
1847	1000	1000	1000	1000	1000	1000
1848	1042	895	932	996	919	1018
1849	1092	1126	1135	1230	1239	1383
1850	1088	1140	1129	1220	1312	1284
1851	1104	1131	1107	1192	1304	1195 ¹⁵³

¹⁵⁰ *Levasseur P. E. La population française. Vol. II. P. 90.*

¹⁵¹ См., например: *Греуар Л.* Цит. соч. Т.4. С. 410; *Лиссагаре П. О.* Цит. соч. С. 328; «Дневник братьев Гонкур» и др.

¹⁵² *Oettingen A.* Op. cit. S. 240.

¹⁵³ *Ibid.* S. 76, 311. 1847 год был годом голода и кризиса; отсюда — падение рождений в 1847 г. Зачатия 1848–1849 гг. могли сказаться лишь в 1849 и 1850, что

В ряде стран это расторможение сказалось и на движении разводов и отлучения от стола и ложа. В Саксонии на 100 браков приходилось разводов в:

1845 — 2,16
 1846 — 2,43
 1847 — 2,04
 1848 — 2,50
 1849 — 2,27¹⁵⁴

То же наблюдается и во Франции, где с 1847 по 1848 гг. кривая их падает, а с 1848 по 1850 гг. — поднимается:

с 1837 по 1840 гг. на 1000 браков их приходится 2,1
 с 1841 по 1845 — 2,7
 с 1846 по 1850 — 2,8

Равным образом, число *подкидышей* в революционные годы и ближайшие к ним также значительно повышается; это мы видим во Франции в 1830–1831 и 1849–1850 гг., в Австрии — в 1848–1850 гг.¹⁵⁵ Все эти данные говорят определенно, что революция 1848–1849 гг. во всех охваченных ею странах сопровождалась ростом половой вольности.

Великая французская революция

Здесь это «разнуздание» было огромным. Начиная с 1790–1791 гг., оно шло *crescendo* и только во время Первой империи было заторможено.

Об этом говорит, во-первых, декрет о разводе 20 сентября 1792 г., предоставивший, с одной стороны, полную свободу развода (как и русский декрет 20 декабря 1917 г.), с другой — понизивший брачный возраст до 13 лет для женщин и до 15 лет для мужчин¹⁵⁶. Во-вторых — громадный рост разводов. В течение первых 20 месяцев после издания декрета было 5994 развода, а в VI г. число их превысило число браков. В-третьих — колоссальный рост *подкидышей*. Число брошенных внебрачных детей,

мы и видим. Во Франции время с 1848 по 1851 гг. — время непрекращавшихся волнений, закончившихся *coup d'état* Наполеона^{81*}. Тот же результат мы получаем из цифр, указывающих процент внебрачных рождений. См. таблицу на с. 312 у Эттингена.

¹⁵⁴ *Oettingen A.* Op. cit. S. 154.

¹⁵⁵ *Ibid.* S. 331–335.

¹⁵⁶ *Levasseur P. E.* La population française. Vol. II. P. 67.

не превышавшее в 1790 г. 23 000 в X г. превысило 63 000¹⁵⁷. В-четвертых — колоссальный рост проституции за годы революции. До революции 1789 г. число проституток в Париже не превышало 20 000. За годы революции это число превысило 30 000. «Во время этой революции беспорядки и бесстыдства, произведенные в Париже проституцией, превзошли все, что может быть наиболее гнусного в этом отношении»¹⁵⁸.

В-пятых, прямые наблюдения современников. «13–14-летние дети вели себя так, что их слова и поступки в прежние времена были бы скандальными и для 20-летнего человека». «Узда половых инстинктов была ослаблена. Летом, в очередях, разыгрывались сцены человеческой животности и парижского озорства. Девки открыто занимались своим ремеслом. Издали слышался их разнузданный смех; в тени бульваров место для них было удобное; многие из них принесли свои матрацы и открыто предаются всякой мерзости... Мужчины... бросаются на женщин и обнимают их одну за другой...» «Сцены, происходящие в толпе (например, 5 октября) мало благопристойны»¹⁵⁹.

Не требуют описания оргии и сатурналии при празднествах «Свободы», «Богини Разума», больших выступлениях толпы и т. д.

После Термидора «молодежь разнуздывается и распущенность становится модной». «Наслаждению предавались, забывая обо всем». «Моды эксцентричны». «Античность в моде». Рядом с санюлотами^{82*} появляются «безрубашечницы». «Надо снять очень мало с женщин, чтобы они походили на Венеру Медицейскую». И иностранцы, и газеты констатируют полную «разнузданность нравов». «Семья разрушена». «Семейный котел опрокинут». «Женщины переходят из рук в руки». «Женятся последовательно на нескольких сестрах, даже на матерях жен». В низах — «Содом и Гоморра». «Непристойные книги — любимое чтение наших девочек», — пишут газеты. «Все приходят к выводу, что нет больше моральных устоев». Как и в России — народ безумно пляшет. «Танцуют» — без конца. «Танцуют всюду — в Кармах, где на стенах можно еще видеть кровь 116 расстрелянных священников, на кладбищах Сульпиция», в домах и на площадях и т. д.¹⁶⁰

Даже в тюрьмах — царство Эроса. Сами тюрьмы получили название

¹⁵⁷ *Tain H.* Les origines de la France contemporaine. Paris, 1885. Vol. III. P. 108.

¹⁵⁸ *Levasseur P. E.* La population française. Vol. II. P. 431–432; *Parent-Duchatelet A.* De la prostitution dans la ville de Paris. Paris, 1857. Vol. I. P. 521.

¹⁵⁹ *Tain H.* Les origines de la France contemporaine. Vol. III. P. 108, 499.

¹⁶⁰ *Мадлен Л.* Цит. соч. Т. II. С. 105–106, 280–285, 155, 289–290, 166–167.

«любовных». «Было без особого договора принято не обращать более внимания на законы общественных приличий. Беззастенчиво раздавались поцелуи, удовлетворялись самые горячие призывы»... «Ищут земного рая, и сама ночь перед казнью превращается подчас в ночь свадебных любовных восторгов». В итоге — масса женщин из тюрем вышли беременными¹⁶¹. Словом, расторможение половых рефлексов полное.

При этом налицо громадный рост *полового садизма*. Примерами его могут служить факты вроде нижеследующих: цветочнице в Пале-Рояле толпа «запахала во влагище сноп соломы, а потом ее голую привязали к столбу, к которому прибили ее ноги гвоздями, наконец ей отрезали обе груди и подожгли солому»¹⁶².

В Марселе семь или восемь женщин были обнажены и им с гнусной жестокостью сожгли низ живота¹⁶³. В больнице Сальпетриер^{83*} перебили 30 женщин, «насилуя одновременно, как живых, так и мертвых»; в сиротском отделении «растлили массу маленьких детей». «Не поддаются описанию возмутительные по распутству сцены, происходившие при убийстве принцессы Ламбаль. У нее вырезали груди, потом вспороли живот и вытащили все внутренности. Один из убийц, вырезав половые органы, устроил себе из них искусственные усы». Развивается эпидемия обнажения женщин, битья розгами, с «хватанием за самые нежные части тела, с удовлетворением грязных инстинктов зверства и разврата»¹⁶⁴. По мнению некоторых авторитетов, с этого именно времени «женщины высших и средних классов начали сшивать свои сорочки между ног». И после Термидора «садизм утончает наслаждение». Устраивают балы и танцульки, «на которых любимым зрелищем является изображение казни на гильотине». Любят танцевать в местах казни со следами крови казненных и расстрелянных и т. д.¹⁶⁵

Было бы бесполезно приводить дальнейшие подобные факты. Дос-

¹⁶¹ Кабанес О., *Насс Л.* Революционный невроз. СПб., 1906. С. 130–132; Мишле Ж.

История XIX века. Директория. СПб., 1882. Т. I. С. 49, 110–113, 254. См. так же: Мадлен Л. Цит. соч. Т. 2; Таин Н. *Les origines de la France contemporaine*.

Vol. II–V; Вандаль А. Возвышение Наполеона. СПб., 1905.

¹⁶² Кабанес О., *Насс Л.* Революционный невроз. С. 30.

¹⁶³ Мишле Ж. Цит. соч. С. 259.

¹⁶⁴ Мадлен Л. Цит. соч. Т. II. С. 166–167.

¹⁶⁵ Кабанес О., *Насс Л.* Революционный невроз. С. 30–68; см. также: Сигеле С. Преступная толпа. СПб., 1898; Lasser. *La perversion sadique*. 1898, и указанные работы по истории Французской революции.

таточно лишь сказать, что недостатка в них не было. Все, наиболее гнусное и отвратительное, что может изобрести человек-зверь, все это имело место во время революции в размерах, безгранично превышающих нереволуционное время.

Русская революция XVII века

Современник Авраамий Палицын пишет: «Сердце трепещет от воспоминания злодейств: там, где стыла теплая кровь, где лежали трупы убиенных, там гнусное любострастие искало одра для своих мерзостных наслаждений. Святых юных инокинь обнажали и позорили. Были жены, прельщаемые иноплеменниками и развратом». «Красных же жен и девиц на много блуд взимаху и тако во многом сквернении нечиста умираху». «В объядение и пьянство велико и в блуд впадохом», и т. д.¹⁶⁶

То же происходило и во время *Нидерландской революции*, начавшейся в 1566 г. При общем расторможении половых рефлексов и здесь при массовых убийствах «некоторых щадили, чтобы они глядели, как насилюют их жен и дочерей. Совершались чудеса зверства. Ни очаг, ни церковь не считались священными»¹⁶⁷.

По-видимому, в очень слабой мере, но все же некоторый рост половой вольности имел место и в *Английской революции XVII века*, что помимо прямых свидетельств, указывается и теми исключительно строгими мерами торможения и поднятия моральности, которые начали вводиться к концу протектората Кромвеля¹⁶⁸.

Нет надобности говорить, что в жакериях, особенно во *французской, германской и чешской*, и вообще во весь «смутный» период XIV – начала XV вв. во Франции, конца XV – начала XVI вв. в Германии и в период чешской революции – это расторможение, вместе с садизмом, имело место.

¹⁶⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1897. Т. XI. С. 190–191; Т. XII. С. 79–80, 311.

¹⁶⁷ Мотлей Дж. История Нидерландской революции. СПб., 1886. Т. 2. С. 403.

¹⁶⁸ См.: Гизо Ф. Цит. соч. Т. 1. С. 22, 12–13; Gardiner S. History of the Commonwealth and Protectorate. London, 1903. Vol. II. Ch. XL. Вообще в Английской революции XVII века расторможение многих групп рефлексов гораздо слабее, чем в других революциях. По-видимому, это объясняется несравненно большей прочностью самих тормозных рефлексов у англосаксов. Можно предположить, что эта прочность не только результат воспитания, но и наследственная, ибо, как у отдельного человека, так и у целых групп прочность ряда рефлексов не одинакова. То же наблюдается и у животных, согласно опытам И. П. Павлова.

В чешской революции дело, как известно, дошло до того, что ряд сект — адамиты, николаиты^{84*} и другие публично провозгласили общность жен, ходили нагими и т. д.¹⁶⁹

Сходное наблюдалось и в коммунистическом «Новом Иерусалиме» Иоанна Лейденского.

Положение дел в революционной Франции конца XIV — начала XV вв. кратко описывается современником. «Unde cedes, rapine et nicendia, et hucusque spoliacionis ecclesiarum, violationis virginum, et quidquid rabies sacra — cenica excogitare potuisset, fuerat subsequenta» и т. д.^{170/85*}

В революционный период Италии XIII—XIV вв. «паломников грабили и убивали, монахинь насиловали, и не у кого было искать защиты». Во Флоренции, по словам современника, «нравственная распущенность не знала границ. Святость брака ставилась ни во что; богачи, ничем не стесняясь, покупали жен у бедных; это было таким обыкновенным явлением, что считалось чем-то вроде дозволенных законом торговых сделок»¹⁷¹.

Римские революции

Здесь, начиная с Гракхов, «развод, который когда-то был в Риме неслыханным делом, сделался повседневным явлением». Даже образцовый семьянин Метелл Македонский говорил, что брак — «общественное бремя, которое, конечно, тяжело, но от которого патриот не должен уклоняться по чувству долга... Если бы могли это сделать, то, конечно, каждый из нас сложил бы это бремя с себя. Но природа устроила так, что и с женами неудобно жить, и обойтись без них нельзя»¹⁷². «Женщины почувствовали себя освобожденными не от одной опеки отцов или мужей. Любовные дела всевозможных разборов постоянно занимали всех. Балетные танцовщицы (*mimae*) могли поспорить с современными нам балеринами по разнообразию и виртуозности своего промысла. Но им существенный подрыв делал промысел дам аристократического круга. Любовные связи стали таким зауярым явлением в самых знат-

¹⁶⁹ Вебер Г. Всеобщая история. Т. 8. С. 190–191, 243; Каутский К. Цит. соч. С. 190–191. «Все связи дружбы и семьи были разорваны...» «Ни собственности, ни семьи; имущество и женщины — все было общим. Невозможно в печати воспроизвести те детали, которые дают на этот счет Эней Сильвий и Лаврентий из Бржезова» (*Denis E. Huss et la guerres Hussites. Paris, 1878. P. 267–268*).

¹⁷⁰ Lévassieur P. E. Histoire des classes ouvrières. 1900. Vol. I. P. 522–527.

¹⁷¹ Вебер Г. Цит. соч. Т. 8. С. 378.

¹⁷² Моммзен Т. Цит. соч. Т. II. С. 412.

ных семьях, что только необычайный скандал мог сделать их предметом особых сплетен...»¹⁷³

«Газовые ткани, которые более обнажали, чем прикрывали формы тела, и шелковые одежды стали заменять старинное шерстяное платье не только у женщин, но и у мужчин»¹⁷⁴. «Бывало, домохозяйка вращала рукой веретено, а в то же время не теряла из виду и горшка на очаге, — с горечью пишет современник Варрон, — теперь же дочь выпрашивает себе у отца фунт драгоценных камней, а жена у мужа четверик жемчуга. Бывало, в брачную ночь мужчина был безмолвен и смущен, теперь же женщина отдается первому красивому кучеру... Теперь за путешествующей дамой следует на виллу изящная толпа греческой лакейской сволочи и целая капелла». «Все добродетели исчезли, — зато царствуют богохульство, вероломство и сладострастие»¹⁷⁵.

Нет надобности приводить дальнейшие свидетельства историков. Рост половой разнuzданности, оргий, маскулинизация и эмансипация женщин и феминизация мужчин, изменение брачного законодательства в сторону «освобождения» от брачного рабства женщин, половые извращения, падение святости брака и прочности семьи и т. д. — все это достаточно бесспорно установлено. И все это происходило как раз в революционный период, начинающийся примерно с Гракхов и кончающийся Августом. Словом, правильность нашей теории мы видим и здесь.

То же самое происходило и в *греческих революциях*, особенно ясно проявляясь в III — начале II вв., когда эти революции стали частыми.

Есть указания на этот рост половой вольности и в папирусе Ипувера. «Припомаженные и принаряженные новоиспеченные кавалеры и дамы сходились вместе, чтобы “восхвалять богиню Мерт”, другими словами, чтобы петь и веселиться»¹⁷⁶.

Возьмем великую *персидскую революцию маздакистов*, при Кобаде. Она, как известно, привела к прямому объявлению «коммунизации женщин» и осуществлению на практике этого постановления¹⁷⁷.

Сделанный обзор, полагаю, достаточен, чтобы признать наши положения правильными.

В революциях глубоких и крупных, вовлекающих в борьбу народные

¹⁷³ Моммзен Т. Цит. соч. Т. III. С. 462–463.

¹⁷⁴ Там же. Т. II. С. 411.

¹⁷⁵ Там же. Т. III. С. 537–538.

¹⁷⁶ Вихентьев В. Цит. соч. С. 293.

¹⁷⁷ Malcolm J. Op. cit. Vol. I. P. 100, 106, 120; Vol. II. P. 334, 354.

массы, это разнуздание половых рефлексов приобретает резкий и массовый характер. В революциях неглубоких — оно ограничивается слоями активно сражающихся революционеров. Помимо глубины самой революции, величина разнузданности зависит и от степени наследственной и воспитанной прочности тормозных условных рефлексов. У народа с прочными тормозами, как у английского, она даже при длительной революции не достигает больших размеров; у народов с менее прочными тормозами (например, у русских и французов) — она принимает катастрофический характер. Но это различие в величине, а не в сущности. Последняя же тут и там состоит в тенденции ослабления тормозов половой вольности и в росте последней. Разнуздывая людей во многих отношениях, революция стремится «освободить» их и в этом.

Предоставляю апологетам революции петь ей дифирамбы и за этот вид «раскрепощения» людей. Лично я воздерживаюсь от участия в таком дифирамбе.

§ 8. Деформация так называемых религиозных, морально-правовых, конвенциональных, эстетических и других форм социального поведения

Подавляющее большинство этих форм поведения представляет собой комплексы условных рефлексов высшего порядка. Это следует из того, что они не наследственны, а привиты индивиду окружавшей и окружающей его средой. Часть из них воспитана прямо на безусловных рефлексах, часть — на условных рефлексах низших степеней, в свою очередь привитых к первым. Каждая группа безусловных рефлексов у человека обрастает множеством условных рефлексов. Половые рефлексы окутаны рядом условных «одежд», указывающих, когда, где, при каких условиях и в каких формах они могут удовлетворяться и когда нет. Из совокупности таких рефлексов и образуется содержание морально-правовых и религиозных норм, регулирующих «половое» поведение и образующих «брачный кодекс морали и права».

Вещное и имущественное право представляет собой описание и корректирование имеющихся у членов общества «рефлексов собственности» с наросшими на них условными рефлексами этого рода.

Морально-правовые и религиозные нормы — не убий, чти отца твоего и мать твою, люби ближнего, не лги, защищай свое отечество и церковь, трудись и т. п., вплоть до детальных норм судопроизводства и судоговорения, регламентирующих поведение судьи, свидетеля, под-

судимого — представляют собой усложнение ряда групп безусловных рефлексов: индивидуальной самозащиты (родительские и т. п. рефлексы), групповой самозащиты и других.

Совокупность религиозных и морально-правовых рефлексов в этом смысле является «усложнением» безусловных рефлексов, на которых она базируется. Так как первые указывают способы выявления последних, то в этом смысле они могут быть названы их «одеждой». Так как в религиозно-правовых, моральных, эстетических и других условных рефлексах находят свое выражение все безусловные рефлексы — в этом смысле первые являются «равнодействующей» последних. Если первые представляют собой «усложнение» безусловных рефлексов, то отсюда следует, что *главную детерминирующую силу они получают от вторых*. Без них они были бы похожи на машину без пара. Но известно, что одежда, однажды сшитая и надетая, может стеснять и в значительной степени регулировать движения организма, ее надевшего; машина, однажды созданная, определяет, как будет работать пар; точно так же и эти условные рефлексы, некогда появившись, могут в большей или меньшей степени рикошетом влиять на безусловные рефлексы, «корректировать» и «регулировать» их. В этом смысле они являются «регулятором» последних, или фактором, *корректирующим* их выявление.

Эту задачу они достигают двумя способами. В одних случаях они *стимулируют человека к совершению ряда актов*: «помогай ближнему», «молись», «люби Бога», «почитай родителей», «будь вежлив», «повиныйся властям», «уступай дамам место», «к обеду надевай фрак» и т. д. В других случаях они *тормозят, удерживают людей от совершения ряда актов*: «не убий», «не прелюбы сотвори», «не укради», «не лги», «не будь грубым», «не ешь с ножа» и т. д.

Главная их функция, в общем, состоит в такой гармонизации поведения людей, при которой, в данных условиях, *индивид и группа имели бы максимум шансов на выживание и развитие*.

Эти общие положения делают понятным характер их деформации в эпоху революции. Она должна состоять прежде всего в *угасании тех из них, которые так или иначе «сдерживают» и «обуздывают» ущемленные безусловные рефлексы, особенно сильно возбуждаемые борьбой и рядом стимулов революционной обстановки*.

Возросшее давление последних¹⁷⁸ разрывает пути условных тормозов и способствует их угасанию.

¹⁷⁸ О том, почему это происходит, см. ниже в главе о причинах революции.

Поведение человека «оголяется». Это значит, что в первой своей стадии революция неизбежно ведет к «деморализации».

Если в сложной машине один винтик соскочит со своего места — вся работа машины расстраивается. То же самое происходит и в сложном механизме человеческого поведения.

Отпадение условных тормозов, прекращение их корректирующей роли и гипертрофическое проявление каких-нибудь безусловных рефлексов начинает «заедать» и «затирать» другие рефлексы, и чем дальше — тем больше. Налаженный механизм поведения и взаимоотношений между людьми совершенно расстраивается, итогом чего служит сильнейшее ущемление ряда других рефлексов, а следствием этого — или гибель общества или увеличение давления последних в сторону восстановления старого порядка и равновесия поведения. Результатом последнего служит *наступление стадии новой и усиленной прививки отпавших тормозов — моральных, правовых, религиозных и других рефлексов в стереотипно-старой или видоизмененной форме*. Начинается усиленный процесс быстрого восстановления последних с помощью «сильнейших стимулов». Кто не слушается власти — тому смертная казнь. Кто не работает — тот не ест. Кто крадет — расплачивается жизнью или тяжчайшим наказанием. Кто плохо исполняет свои обязанности — изгоняется. Кто убивает — того самого убивают без пощады и т. д. Таким образом, *вторая стадия революции, не закончившейся гибелью общества, представляет собой процесс возрождения религии, права, морали и других угасших рефлексов — рефлексов «регулирующих и корректирующих»*.

Что это так — мы уже видели при рассмотрении отдельных групп рефлексов (половых, речевых, собственности, труда и т. д.). Чтобы не повторять вышесказанного, приведем лишь дополнения, сжато рисующие колоссальный размах этого процесса.

Первая стадия революции

Во-первых, *гаснут те религиозно-морально-правовые рефлексы, которые тормозят убийства и посягательство на здоровье и телесную неприкосновенность*. Говоря языком уголовного права, колоссально возрастают преступления против личности. Заповедь «не убий» перестает соблюдаться и признаваться. Там, где проходит Революция, дорога устилается трупами, искалеченными людьми, покрывается потоками крови. Ценность человеческой жизни низводится до нуля. Все это делается, конечно, не просто, а непременно *ad majorem gloriam*^{86*} Революции, под покровом звучных слов вроде «Прогресса», «Человечества», «Братства», «Равен-

ства», «Свободы», «Коммунизма», «Интернационала» и прочих хороших лозунгов, предназначенных для оправдания этих массовых преступлений революции. Правда, есть еще немало людей, с точки зрения которых убийство людей в одиночку — плохо, а оптом — хорошо; без аккомпанемента «хороших слов» — преступление, а в сопровождении их — «подвиг». Потому-то эти люди и склонны массовые гекатомбы революции считать чем-то высокодобродетельным. Оставим им это утешение, ибо не наша задача — читать им нравоучительные проповеди. Скажем лишь, что и они, при всех их иллюзиях, *не могут сделать акт убийства, т. е. лишения жизни другого, — не убийством*. А нам только это и нужно констатировать здесь¹⁷⁹.

С этой реально-натуралистической (а попутно скажем, и с подлинно-моральной, свободной от всякого тартюфства и лицемерия) точки зрения, революционные годы дают обильнейший урожай убийств, совершаемых с пытками, истязаниями и с невероятной жестокостью. Это так хорошо известно, что нет надобности приводить данные и подтверждения¹⁸⁰.

Уголовная статистика России не знает, чтобы за три года было убито около 2 млн русских граждан русскими же гражданами. То же самое можно сказать и обо всех других революциях. При подсчете всех лиц, насильственно лишенных жизни, революционные годы в каждой стране дадут громадные экстраординарные подъемы кривой убийств, далеко превосходящие самые криминальные годы неревolutionного периода. С учетом жестокости и садизма, с какими совершаются убийства, революционные годы опять-таки имеют право на «первую награду».

¹⁷⁹ К числу таких «иллюзионистов» принадлежат и те уголовные статистики, которые при подсчете убийств в революционные годы почему-то считают только те случайные единичные убийства, которые формально дошли до суда, и не считают те тысячи и десятки тысяч, которые совершаются по приказу или без приказа «красной» и «белой» власти, при борьбе на баррикадах, на полях сражений, при поголовном избиении пленных, убийства и избиение в тюрьмах, из-за угла и т. д. Поистине своеобразный способ статистического подсчета. Впрочем, предоставим им заниматься этими фикциями. Мы интересуемся не ими, а актами убийства, лишения жизни другого в реально-натуралистическом смысле слова. Словесный аккомпанемент не мешает нам всякий подобный акт признать убийством, а не чем-либо другим.

¹⁸⁰ Некоторые данные см. в следующем очерке — «Влияние революции на биологический состав населения».

Людей убивают с исключительной жестокостью. Кровь опьяняет. Просыпается звериное наслаждение. Трупы убитых, части их тела, головы насаживаются на пики, несутся по городу (вспомним, например, казнь Монтроза, убийство де Лоне, Фулона и других), показываются всем, подносятся к лицу близких им лиц и т. д.

Уголовная хроника России уже давно не знала убийств путем зажимания половых органов в тиски, путем привязывания жертвы к двум согнутым деревьям и медленного разрывания на части при их выпрямлении, путем закапывания живых в землю, путем снятия кожи с живого, отрезания ушей, носа, рук, ног, протыкания глаз и т. д. Все это мы наблюдали в русской революции со стороны и «красных» и «белых»¹⁸¹. Варварство, садизм и средневековые с рафинированными пытками жертвы и близких ей лиц — воскресло. Нужно написать большую книгу об этих пытках и убийствах, чтобы человек, не наблюдавший все эти явления изо дня в день, мог представить себе весь их трагический ужас...¹⁸²

¹⁸¹ Ряд фактов см. в брошюре М. Горького о русском крестьянстве^{87*}, «Социалистическом вестнике» (№ 5–6), «Днях» (№ 117). «Типы, подобные Комарову, убившему “ради удовольствия” свыше 30 человек, не были единичными» (Дни. № 188–189).

¹⁸² Вот небольшая иллюстрация. «Я даже подсчитал, — говорит русский писатель И. Шмелев устами одного из своих героев, — что только в *одном* Крыму за *три* месяца! — человеческого мяса, расстрелянного без суда, *без суда!* — восемь тысяч вагонов, поездов триста. Сто сорок тысяч тонн свежего человеческого мяса, молодого мяса! Сто двадцать тысяч голов! Человеческих! У меня и количество крови высчитано... альбулиновый завод можно было бы наладить для... экспорта в Европу, если торговля с ней коммунистов наладится... Какой вклад в историю социализма! Странная вещь: коммунисты-теоретики, словокройщики, ни одного гвоздочка для жизни не сделали, ни одной слезки человеческой не утерли, хоть на устах всегда только и заботы что о человеческом счастье, — а какая кровавенькая секира! Вот оно великое Воскресенье... всем! А другие народы взирают с любопытством, что из этого “великого” дела выйдет. Боятся прервать такой-то опыт прививки социализма к полтора-два миллионам! Два миллиона человеческих “лягушек” искромсали: и груди вырезали, и на плечи “звездочки” сажали, и над ретирадами затылки из наганов дробили, и стены в подвалах мозгами мазали... Это ли не “опыт”! А иностранные зрители ожидают результатов, и пока что торговлишкой перекидываются... Тоже, должно быть, во имя “гуманности”!» — с обоснованным сарказмом замечает справедливо негодующий русский писатель (*Шмелев И. Солнце мертвых // Окно*)^{88*}.

И за что убивали? — Ни за что. Мыслимо ли было в дореволюционное время приговорить к смерти за... слово против царя, за исповедание своей религии, за написанную прокламацию или докладную записку, адресованную самой же власти, о печальном состоянии промышленности, или просто за оппозиционный образ мыслей, ни в чем не проявившийся, за невзнос подати, за слово несогласия с рядовым агентом власти. — Конечно, нет. Что-либо отдаленно похожее на это было абсолютно невозможно и немислимо. За убийство и покушение на царя, на князей, на высших сановников — и то не всегда — казнили, но, конечно, не более одного-двух главных виновников. За все остальные преступления наказывали тюрьмой, в крайнем случае — каторгой. Лиц несовершеннолетних не казнили совсем¹⁸³. Теперь все эти казни за «ничто» стали фактом. Расстреливали детей и взрослых, пачками десятками и тысячами¹⁸⁴.

Мыслимо ли было, чтобы за вину одного человека были расстреляны сотни людей, абсолютно никакого отношения к данному лицу и делу не имеющие? Конечно, нет. За эти годы это стало фактом. За покушение

¹⁸³ См. «Русское уголовное уложение». Всего казнено было в среднем за год:

1881–1885 — 15,4

1886–1890 — 18,0

1891–1895 — 9,6

1896–1900 — 15,6

В дальнейшем в связи с революцией 1905–1906 гг. казни сразу делают громадный скачок, понижаясь после ее ликвидации.

В 1906 г. казнено 547 человек,

1907 1139

1908 1346

1909 717

1910 129

1911 73

1912 126

(см.: *Гернет М. Н.* Смертная казнь. М., 1913. С. 75–76).

В 1917–1921 гг. было казнено с обеих сторон не менее 1 000 000 (не считая прямых жертв гражданской войны, павших в боях). Эти цифры комментариен не требуют.

¹⁸⁴ Например, за одно кронштадтское восстание 1921 г. после его усмирения было казнено более 5000 матросов. После взятия Крыма большевики в течение трех месяцев под руководством Бела Куна — венгерского комиссара — расстреляли не менее 50 000 (по другим источникам 120 000) человек на юге России и т. д.

на Ленина было расстреляно более 3000 человек, сидевших в тюрьмах по всей России^{89*}. Институт «коллективной мести» и «заложничества» вошел в жизнь и стал нормой. То же самое — хотя и в меньшем масштабе — наблюдалось и в областях, занятых «белыми».

Я не смог бы закончить эту главу, если бы стал перечислять хотя бы важнейшие случаи той «стихии убийств», которая бушевала и бушует еще сейчас по необъятным русским просторам¹⁸⁵. За шесть лет революция воздвигла себе памятник из трупов 2–2,5 млн человек, насильственно лишенных жизни (жертвы эпидемий, голода и т. п. не входят в число этих «трофеев» революции).

Не слишком ли пышен этот памятник? Не слишком ли много жертв давится триумфальной колесницей Великой Революции? — Пусть на это ответят ее «трубадуры».

То же самое происходило и при других революциях. Разница лишь в количестве. «Святая Гильотина», реки Франции, ее тюремные застенки и т. д. могут засвидетельствовать, что людей топили и убивали с меньшей жалостью, чем котят. Сентябрьские убийства^{90*}, более 3000 человек, унесенных гильотиной за два года в одном Париже, и 17000 во всей Франции, 2000 человек, уничтоженных в один прием в Леоне, 282 — в Тулоне, 120 — в Марселе, 332 — в Оранже, 1800 расстрелянных Карье в каменоломнях, 300 000 погибших в Вандее, тысячи и десятки тысяч французов, убитых французами же в других местах, зверства шуанов^{91*}, роялистов, «отрядов Иегуды» — все это известно. Известна и садистская жестокость, сопровождавшая эти боины¹⁸⁶.

То же самое повторялось и во время других революций.

«Надо гильотинировать, чтобы тебя не гильотинировали», — таково, по словам Барраса, положение, создаваемое революцией.

«Убийства, убийства и без конца убийства», — вот краткое резюме греческих и римских, египетских и китайских, персидских и турецких, средневековых и более поздних революций, вплоть до русской и германской в лето от Р.Х. 1917–1923. «Смерть предстала во всех видах... Отец убивал сына, людей отрывали от святынь и убивали подле них»¹⁸⁷.

¹⁸⁵ Достаточно сопоставить следующие цифры. За пять лет с 1901 по 1905 гг.

в России было казнено всего 93 человека, а за один май 1923 г., когда полоса массового террора уже кончилась, казнено 2372 человека! Одно это сопоставление рисует положение дел достаточно ярко.

¹⁸⁶ См.: *Тертеаих М. Histoire de la Terreur. 1792–1794. Paris, 1862–1881. Vol. 1–8.*

¹⁸⁷ *Фукидид. История. Т. III. С. 81–85.*

«Человека убивают рядом с его братом... Как может человек убивать своего брата! Брат восстал на брата, и отец относится к собственному детищу, как к врагу...» «Людей убивают всюду... Смерти вдосталь в стране. Крокодилы уже пересыщены добычей»¹⁸⁸, — эти описания Фукидидом Керкирской революции и Ипувером — Египетской — могут служить в этом отношении картиной всех революций.

В Гуситской революции на людей устраивалась охота. Тысячами бросали людей в шахты. И войска Сигизмунда, и «Ангела смерти» — Яна Жижки убийственным вихрем пронеслись по стране и «убивали всех чехов»¹⁸⁹.

И. Тэн совершенно прав, когда он называет революцию крокодилом, пожирающим сначала жирных и толстых, потом — тощих и бедных, наконец, самих убийц — лидеров и вождей революции¹⁹⁰.

Все это ясно показывает, в какой степени тормозные религиозно-правовые и моральные рефлексy угасают во время революции не только у революционеров, но и у всего революционного общества.

Революция — не только фактор криминализирующий, но эссенция и квинтэссенция самой кровавой и жестокой преступности.

Нет надобности после всего сказанного обращаться к уголовной статистике, учитывающей лишь случайную часть этих убийств. Покажет ли она их повышение или понижение — от этого картина ничуть не изменится.

Если она в некоторых случаях, как, например, в США во время гражданской войны, во Франции в 1830, 1848 и 1870 гг., покажет понижение, это будет обозначать лишь тот факт, что импульсы к убийству нашли свое удовлетворение в формах массового легального убийства, как верно указал А. Корне¹⁹¹. Нужно быть совсем дураком, чтобы во время революций (а также войны), удовлетворять свою страсть к убийству в «нелегальных» формах. Любой мало-мальски умный человек непременно будет делать это в «легальных» формах: сделается комиссаром, чекистом, солдатом одной из сторон и будет убивать, грабить и насиловать сторонников другой стороны «легально», «по декрету или ордеру», «по приказу начальства». Так бывает всегда, так случилось и в русской революции. Огромная часть уголовных преступников

¹⁸⁸ Викентьев В. Цит. соч. С. 285.

¹⁸⁹ Denis E. Op. cit. P. 233, 247, 248, 259, 268–269.

¹⁹⁰ Taine H. Révolution. Vol. III, préface.

¹⁹¹ Corne A. Essai sur la criminalité // Journal des économistes. 1868, Janvier.

вошла в ряды чекистов и действовала вполне законно. Что это предположение о поглощении «легальными» массовыми преступлениями преступлений индивидуальных верно, подтверждается и тем, что по окончании революции, с исчезновением возможности «легальных» убийств, возросшая склонность к насилию сразу же дает себя знать в резком повышении криминальных убийств. Во Франции они резко возросли в период с 1849–1852 по 1873 гг.¹⁹² То же самое наблюдалось и в США.

Вот почему такие случаи ничуть не опровергают сказанное. Но фактически и они очень редки. В большинстве революций и социальных кризисов уголовная статистика, оставляющая в стороне указанные десятки и сотни тысяч убийств, показывает чрезмерный рост «уголовных убийств». Например, в Москве в 1918 г. помимо революционных убийств число обычных убийств по сравнению с 1914 г. было выше в 11 раз, покушений на убийство — в 16 раз¹⁹³. Присоедините сюда бесконечное число всевозможных банд, убивающих направо и налево, десятками и сотнями, вырезание целых сел и городов¹⁹⁴, и вы получите лишь некоторое отдаленное представление о колоссальном росте даже тех убийств, которые регистрируются уголовной статистикой.

В меньшем масштабе, но то же самое повторилось и в Венгерской революции 1918–1920 гг. и началось в остановленной Германской революции.

И то же самое видим мы в период Римских революций, в Египетской революции, в Италии XIII–XIV вв., во время жакерии и революции конца XIV — начала XV вв. во Франции, во время религиозных революций XVI в. там же, в Германии конца XV — начала XVI вв., в русской смуте XVII в., в английской, гуситской и нидерландской революциях, в революционные годы Италии XIX в., во Франции в 1788–1801 гг., в Индии во время революций XVII в., в Индокитае и т. д. Не буду приводить данные, а просто отошлю за ними к указанным ниже работам¹⁹⁵.

¹⁹² *Levasseur P. E.* La population française. Vol. II. P. 442–445; *Corne A.* Op. cit.

¹⁹³ Красная Москва. 1917–1920 гг. Издание Московского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов. М., 1920 (статья о преступности).

¹⁹⁴ Ряд фактов подобного рода приведен в статье Колосова в «Былом», № 21.

¹⁹⁵ Подтверждения см.: *Моммзен Т.* Цит. соч. Т. II. С. 138–139, 150, 160, 229, 334–336; Т. III. С. 68 (Моммзен приводит данные о колоссальном росте пиратства, бандитизма, убийств, грабежей и т. д.); *Викентьев В.* Цит. соч.; *Вебер Г.* Цит. соч. Т. VIII. С. 25–27, 29, 242, 271, 302, 317; *Levasseur P. E.* Histoire des classes ouvrière. Vol. I. P. 503, 522–527; Vol. II. P. 55; *Мотлей Дж.* Цит. соч. С. 67, 164–165; *Карам-*

Может быть, найдутся люди, которые будут утешать себя тем, что убивают только «аристократию», «богачей», «буржуев», а не простой трудовой народ. Такое предположение — совершенная иллюзия. «Мелкие торговцы, ремесленники, служащие снабжали Фукье и Сансона 2/3 их “клиентов”»¹⁹⁶. Кто, как не крестьяне, гибли в Вандее? Из тех двух миллионов, что убиты в русской революции, «буржуи» и «аристократы» составляют ничтожную часть. Огромная часть жертв приходится на долю крестьян и рабочих¹⁹⁷. Много ли «аристократов» погибло в революциях 1830, 1848, 1871 гг.? Короче говоря, — такая иллюзия не имеет под собой никакой почвы. Верно, что революции пожирают вначале «жирных», но очень быстро они переходят к пожиранию «тощих» и уничтожают их в громадных размерах.

Само собой разумеется, что угасание морально-правовых и религиозных рефлексов, удерживающих от убийства, *сопровождается угасанием и соответствующих «субвокальных» рефлексов, т. е. религиозно-морально-правового сознания недопустимости, греховности и преступности убийств. Это сознание — гаснет.* Соответствующие заповеди или исчезают, или заменяются противоположными. Из «души» индивида как бы вынимается граммофонная пластинка с заповедью «не убий» и заменяется новой,

зин Н. М. История государства Российского. Т. XI, XII; *Denis E.* Op. cit. P. 189, 233, 247, 259, 268–269. См. также: *Richard G.* Les crises sociales et les conditions de la criminalité // L'année sociologique, 1899; *Сорокин П. А.* Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1914 (глава о колебании кар). *G. Ricard* прав, когда он пишет: «La société organise spontanément ou consciemment la resistance aux tendances criminelles, quand elle est à l'état normal, c'est-à-dire à l'état de developpement lent, harmonique et regulier; elle détermine l'apparition de la criminalite quand elle est à l'état de crise. Tout crise affectuant profondément la discipline religieuse et politique d'un peuple: formé en son état social un processus criminell identique»^{92*}, — именно процесс кровавой и массовой преступности, идущей на убыль с момента ослабления социального кризиса (*Richard G.* Op. cit. P. 17, 30).

¹⁹⁶ *Мадлен Л.* Цит. соч. Т. II. С. 155. По словам И. Тэна, из 12 000 изученных им казненных 7545 принадлежало к рабочим, ремесленникам и к мелкой буржуазии. По Л. Блану, из 2755 изученных им гильотинированных лишь 650. То есть 23% принадлежало к зажиточным группам.

¹⁹⁷ Из изученных Мельгуновым жертв террора в Москве 1286 человек относятся к трудовой интеллигенции, крестьян было 962, простых обывателей — 486, прислуги — 118, солдат и матросов — 28, мнимых и настоящих преступных элементов — 438, буржуазии — 22, священников — 19 (См.: Дни. № 210).

с надписью «убий». В этом сознании убийство из греха и преступления вдруг превращается в добродетель.

Об этом говорят прежде всего революционные гимны вроде «Карманьолы», «Са іга»^{93*} и других песен и гимнов революции. Они — сплошной призыв к убийству:

На попов, на собак — на богатых,
 Да на злого вампира-царя!
 Бей, губи их, злодеев проклятых —
 И взойдет новой жизни заря^{94*}, —

вот образец этой революционной «морали убийства». Все противники становятся «нечистой кровью», проливать которую не только не грех, а великая заслуга.

Возникают культы «Ангела истребителя», «Святой Гильотины» и «святых расстрелов Че-Ка», убийство начинает вызывать не моральное отвращение, а наслаждение.

Вот примеры:

«Христос, уничтожь этих еретиков, этих осквернителей морали, не допусти этих бешеных собак, этих волков разорвать твоих агнцев», — такова одна из молитв времен Чешской революции¹⁹⁸.

После убийств 10 августа 1789 г. один честный ремесленник говорил: «Провидение мне сегодня хорошо помогло: я убил трех швейцарцев». После убийства де Лоне и инвалидов «женщины и дети плясали вокруг трупов, издавая возгласы сожаления, что голов не тысяча» и т. д.¹⁹⁹

Слова якобинца Ошара, написанные им другу после избиения 209 жертв, типичны в этом отношении: «Какое наслаждение испытал бы ты, если бы видел осуществление национальной справедливости над 209 мерзавцами! Что за зрелище, достойное свободы! Дело пойдет!» «Пойдемте к подножию великого алтаря (гильотины), — восклицает Амар в Конвенте, — смотреть, как справляется красная месса!» «Сущность республики, — резюмирует Сен-Жюст, — заключается в уничтожении всего того, что ей противоречит. Виновны все, кто опирается на аристократию, виновны те, кто не хочет добродетели; виновны те, кто не хочет террора!» Марат каждый день во имя морали требует «убийств, убийств и убийств!»

¹⁹⁸ Denis E. Op. cit. P. 201.

¹⁹⁹ Мадлен Л. Цит. соч. Т. I. С. 109–110, 316.

Кутон, требуя в Конвенте усиления казней, аргументирует: «Всякое промедление — преступление; всякая формальность — общая опасность: время, необходимое для наказания врагов, не должно быть больше времени, необходимого для их опознания». Не нужно ни свидетелей, ни защитников, нужно выносить массовые приговоры.

Того же самого, но уже позже — после Термидора, — требуют и роялисты устами Антрега, желающего быть «Маратом королевской власти» и требующего 400 000 голов патриотов.

Вот каково это моральное сознание во время революции. Вот образцы морали, диктуемой человекоподобными антропоидами, утратившими моральные рефлексы.

То же самое в течение шести лет слышали мы из уст большевиков. Садистские убийства Че-Ка они превозносят, как великую добродетель, особо ревностных убийц награждают орденами и богатствами, Дзержинского провозглашают «святым человеком»...²⁰⁰

Иначе и быть не может у людей с угасшими морально-правовыми и религиозными рефлексами. Когда они вновь возродятся у них, они,

²⁰⁰ Обоснование этой «морали» абсолютного цинизма см. в книге Троцкого «Терроризм и коммунизм», в книге одного из главнейших чекистов Лациса «Два года борьбы на внутреннем фронте» и особенно в речи Троцкого 18 июля 1923 г., обращенной к молодым революционерам. Троцкий провозгласил, что «у революционера не должно быть никаких моральных препятствий для применения неограниченного и беспощадного насилия». Поэтому атеизм, материализм и аморализм должны составлять основные принципы его мировоззрения. См.: Правда, 24 июля 1923 г.

Отсюда вытекает практический совет всем убийцам: никогда не следует убивать просто, без «хороших слов», а следует всегда убивать в сопровождении звучных слов, вроде «Свободы», «Счастья человечества», «Освобождения народа», «Братства», «Равенства», «Коммунизма», «Интернационала» и т. п. В этом случае есть много шансов не только на оправдание судом, но даже на зачисление в разряд «великих освободителей человечества». Действуя так, бесстрашный и ловкий убийца может сделать хорошую карьеру и, наверное, уж найдется ряд «свободомыслящих», которые увидят в нем добродетельного героя.

Вот пример такого свободомыслия: «Кто убивает во имя свободы, тот может быть революционером», — так вещает газета «Дни» (№ 185). Странно лишь, что она порицает террор коммунистов и убийства головорезов. Ведь Дзержинский убивает «во имя свободы и блага человечества», а преступникам ничего не стоит сослаться на «свободу».

подобно французским террористам год спустя после конца террора, «не в состоянии будут понять, как они могли это сделать»²⁰¹. «Люди обезумели», — кратко отмечает Барер.

Во время революций все дорого, кроме человеческой жизни. Она дешевет до нуля и разрушается без суда и следствия, без свидетелей и защиты. Нет хлеба — зато в изобилии человеческое мясо, которым подчас и «причащает» Святая Революция «свободный и счастливый народ».

Не только морально-правовые и религиозные рефлексy, тормозящие убийство, но временами даже более сильные рефлексy, удерживающие от *людоедства*, гаснут в эпохи революций. Россия с XV в. знала много жесточайших голодовок. Но только во время двух из них людоедство принимало массовый характер: в 1601–1603 и в 1921–1922 гг., т. е. в годы социальных смут и революций²⁰². Начиная с XV в., один только фактор голода был бы не в состоянии угасить рефлексy, удерживавшие от пожирания *homo sapiens*. Но когда к давлению голода присоединялись деморализация и озверение, производимые революцией, эти тормозные рефлексy временами угасали, и люди начинали пожирать себе подобных.

«Отцы и матери (во время смуты XVII в.) ели детей, дети — родителей, хозяева — гостей; человеческое мясо продавалось на рынках, путешественники боялись останавливаться в гостиницах», — такова картина этого людоедства. То же самое, но едва ли не в большем масштабе, повторилось и в 1921–1922 гг. Людоедство приняло громадные размеры. Съедены были не один, не десять, а сотни и даже тысячи человек. Продажа человеческого мяса тоже практиковалась. Убийства с целью людоедства были частыми²⁰³. Повторяю, начиная с XV в., Россия много раз жестоко голодала, но людоедства не было или оно было исключительно редким случаем. По «методу разницы», рост людоедства во время этих

²⁰¹ Мадлен. Цит. соч. Т. II. С. 92.

²⁰² Как в России, так и на Западе, во времена голода, случавшегося ранее XIV–XV вв., людоедство было довольно частым явлением. Но с того времени рефлексy, тормозящие каннибализм, настолько окрепли, что последний стал исключительно редким явлением во время голодовок. Подробно об этом см. в моей книге «Голод как фактор».

²⁰³ См., например, сообщения большевистских газет: «Красная Газета» (31 декабря 1921 г.), «Правда» (5 января, 10 февраля, 26 марта, 22 мая 1922 г.), «Известия» (29 января 1922 г.) и др.

Фотографии людоедов см. в ряде изданий, например, в сборнике «О голоде» (Под редакцией К. Н. Георгиевского. Харьков, 1922).

революций, помимо голода, приходится отнести за счет «освобождающей революции». Это подтверждается и фактами садистского питья крови и съедания тел убитых во время революций в Европе, уже давно вышедшей из полосы каннибализма. Подобные факты, по некоторым свидетельствам, имели место во французской революции (например, принуждение пить кровь убитых «за здоровье нации»; предложение отведать сердце герцогини Ламбаль, чтобы «доказать зубами истинный патриотизм»; Лекиньо, желающий отведать вкус крови, и т. п.²⁰⁴). Во время Нидерландской революции «в Веере хирург вырезал сердце у пленника, прибил его на корме корабля и приглашал горожан грызть его, что многие делали с диким удовольствием»²⁰⁵. Подобные же, вероятно, факты имел в виду и Платон, когда говорил, что противники во время революционных периодов желают не только овладеть имуществом, но загрызть и съесть друг друга...

Подобные факты, при всей их исключительности и редкости, указывают на тенденцию «морального отупения», к которому ведет революция. К счастью, в наше время эти рефлексы стойки, и только в редких и исключительно голодных революциях они гаснут, да и то у меньшинства населения.

Но эти редкие факты говорят о следующем: если революции удастся погасить, — пусть хотя бы изредка — даже эти рефлексы, тормозящие людоедство, наиболее сильно «ввинченные» в организм, то что же говорить о других тормозных рефлексах религиозно-морального характера, *удерживающих от нанесения вреда здоровью человека, физического насилия над ним, битья, ранения и сечения его, причинения физической боли, изнасилования и ряда других преступлений против личности.*

Если бессильными оказываются тормоза убийства, а временами даже людоедства, то ясно, что *рефлекс, тормозящие эти преступления, гаснут и «развинчиваются» еще сильнее и легче.* Отсюда понятен и не нуждается в доказательстве *колоссальный рост этих актов насилия, нанесения тяжких телесных повреждений, изнасилования и других преступлений против телесной целостности и здоровья личности в революционном обществе.*

Акты битья людей прикладами ружей, палками, розгами, разнообразные телесные наказания и т. д. широкой рекой разливаются в среде революционного населения, входят в обиход и становятся нормой. Телесное воздействие становится наилучшим «воспитательным» сред-

²⁰⁴ Кабанес О., Насс Л. Цит. соч. С. 31, 46–47; Мадлен. Цит. соч. Т. II. С. 82–92.

²⁰⁵ Мотлей Дж. Цит. соч. Т. II. С. 343–344.

ством. Временами разражается целая эпидемия бичеваний и телесных воздействий, как это было во французской революции²⁰⁶.

Как далеко это огрубение зашло в русской революции, видно из того, что на педагогических съездах 1920–1923 гг. серьезно обсуждался вопрос о введении телесных наказаний в школе как необходимого воспитательного средства. Фактически они и без того вошли в жизнь: в семью и школу, и в другие учреждения. О массовых избиениях при арестах, о массовом сечении и порке розгами подозрительных лиц в «белых» и «красных» областях, о зверском «рукоприкладстве» в армиях для поддержания дисциплины и т. д. — излишне говорить. Все это расцвело за эти годы в невиданных масштабах.

Наряду с такими мерами телесного воздействия практикуются и другие, более изощренные. Примером их может служить «*пытка голодом*», ведущая к тому же разрушительному результату. Введение «классового пайка» русской революцией, в результате чего люди «третьей категории» обречены были на медленную голодную смерть, когда, говоря словами Зиновьева, им давалась ничтожная порция хлеба (1/16, 1/8, 1/32 фунта) лишь для того, «чтобы, нюхая его, они не забывали запах хлеба», умышленное морение голодом в тюрьмах, концентрационных лагерях и т. д. — все это получило огромное распространение за эти годы. То же может быть сказано и о *холоде, грязи, сырости, темноте, непосильных работах, лишении заключенных свежего воздуха и т. п. невыносимых условиях жизни, в которые одна сторона сознательно ставила другую*²⁰⁷. Человек, пробывший в таких лагерях несколько месяцев, или умирал или выходил «тенью», калекой на всю жизнь. Прибавьте к этому уже настоящие средневековые пытки: «пробковую комнату» в Чека, куда сажали преступников и где они умирали медленной смертью от удушья, вбивание гвоздей под ногти, разрезание ножом, поджаривание на огне, окутывание мокрой простыней и битье «без синяков», угрозы расстрелом, принуждение быть зрителем расстрела других, изнасилования женщин и т. п.²⁰⁸

²⁰⁶ См.: Кабанес О., Насс Л. Цит. соч. Гл. 4.

²⁰⁷ Вот всего лишь две иллюстрации. «Социал-демократа Трейгера большевики посадили в ящик-клетушку без окон вместе с сумасшедшим китайцем-убийцей...» «При полицейском дознании пытаются и истязают открыто и бесстыдно... До суда одевают кандалы. Отсылают здоровых людей в камеры сумасшедших; помещают политических в палаты для заразных» и т. д. (Дни. № 117; Социалистический вестник. № 5–6)^{95*}.

²⁰⁸ Отдельные факты см. в книгах: «Чека» (издание партии социалистов-рево-

Повторяю: я никогда не закончил бы этой главы, если бы стал перечислять хотя бы отдельные важнейшие факты преступлений против телесной неприкосновенности человека в русской и других революциях. Скажу просто: урожай их грандиозен.

То же самое может быть сказано и о преступлениях против «свободы личности». Морально-религиозные рефлексy, удерживающие от посягательств на «свободу» другого, гаснут еще сильнее. Об этом говорят простые и ясные данные о количестве арестованных и лишенных свободы во время революции. Тюремь не только переполняются, но их обычно не хватает. Приходится превращать в тюрьмы монастыри, замки, школы, церкви, устраивать специальные концентрационные лагеря²⁰⁹.

Людей арестуют сразу сотнями и тысячами. За эти годы в России не так велик процент тех лиц, которые не были бы ни разу арестованы, во всяком случае, он в несколько десятков раз меньше, чем раньше.

То же самое было и при других революциях. *Всякие Habeas corpus Act'ы*^{96*}, «гарантии неприкосновенности и свободы человека» – отменяются. Людей арестуют не только по простому подозрению, опирающемуся на какой-либо факт, но просто ни за что. Для ареста не требуется никаких формальностей. Достаточно первому агенту власти вздумать вас арестовать – и готово: арест произведен. Достаточно вашей физиономии не понравиться – и вашей свободе конец. Здесь не арестующим приходится доказывать виновность арестованного, а арестованным свою невиновность, что, как известно, составляет задачу весьма трудную.

Арестуют в домах, устраивают огромные облавы на улицах, на рынках, в кинемо, в театрах, церквях, школах, арестуют сразу сотни и тысячи «свободных граждан». Самый далекий от всякой политики человек, выйдя из дому, не мог быть уверенным, что он в него вернется, а не очутится в Чека или в ином злачном месте. Нормой власти становится:

люционеров), «Кремль за решеткой» и в особенности фотографии и специальные разоблачения, которые делали «белые» о работе «Чека» после захвата Харькова, Киева и других городов, и «красные» о работе «контрразведки» «белых» после занятия «белых» городов.

²⁰⁹ Например, в феврале 1923 г. в одних лишь московских тюрьмах только политических заключенных было 15 290 человек. 60% из них были рабочие и крестьяне, 40% – интеллигенты. В предыдущие годы число арестованных было еще больше (Дни. № 194). Во Франции перед 9 термидора находилось в тюрьмах около 400 000 арестантов (*Taine H. Op. cit. Vol. III. P. 283*).

«хватай, тащи, и не пушай всех. Лучше арестовать и месяц продержать тысячу явно невинных лиц, чем упустить одного виновного». Пусть не подумает читатель, что я преувеличиваю. Фраза абсолютно адекватна содержанию... Все революционное общество, кроме первых моментов революции, может считать себя арестованным. Оно оказывается сразу «на усиленном, чрезвычайном, военном и осадном положении». Место обычных судов занимают «революционные трибуналы», не связанные никакими формальностями права, действующие по своему усмотрению и «революционной совести», т. е. полной бессовестности.

Революция, выставляя лозунг свободы, реально занимается тем, что уничтожает ее. Слова Эро де Сешеля: «Наступает время набросить покрывало на статую свободы», — оказываются трагически верными в применении к любой революции²¹⁰.

Не лучше и ближайшие результаты революции (см. ниже, очерк 4). [К чему они приводят? Вместо свободы — к деспотизму и тирании в Греции, диктатуре Цезаря, Августа, Тиберия и Нерона в Риме²¹¹, к тирании Маздака, Кобада и олигархов в Персии, Карла V, Наполеона I и Наполеона III во Франции, Кромвеля и Стюартов в Англии, Хорти — в Венгрии, большевиков и грядущего деспота (неизбежного) — в России и т. д. Будем объективны: тирания этих деспотов послереволюционного периода все же мягче, чем тирания деспотов периода революционного: свободы при первой все-таки больше, чем при второй, но... она не очень похожа на ту «свободу», во имя которой совершается революция, и по своему объему значительно уже, чем свобода дореволюционного периода²¹². Такова та «свобода», которую фактически приносит революция. Как видим, история умеет довольно зло иронизировать над

²¹⁰ Чистой фикцией поэтому является утверждение Олара, что якобинцам была чужда теория насилия. Что же, когда они тысячами казнили, арестовывали, изгоняли и т. д., — они не осуществляли насилие? Поистине иногда у таких «обожателей революции» ум заходит за разум и они начинают высказывать явные нелепицы.

²¹¹ «Когда (во времена Гракха) толпе дозволили вмешаться в дела управления, а у Сената вырвали из рук орудие власти — тогда для народной свободы настал конец, а Рим дожил не до владычества демократии, а монархии» (*Моммзен Т.* Цит. соч. Т. II. С. 96). Это — увы! — повторялось много раз.

²¹² Ряд верных замечаний на этот счет см. в книге: *Лебон Г.* Психология социализма. СПб., 1908. С. 369–370, 539. Ниже мы увидим, что свобода действий, самоуправления и автономия индивида также страшно ограничиваются революцией.

людьми. Большим шутником поэтому приходится признавать того, кто приписывает революции «раскрепощающие и освободительные функции»²¹³].

То же самое может быть сказано и о *правах личности на свободу слова, мысли, религии, печати, собраний и т. д.* Если право на жизнь, как мы видели, аннулируется революцией, то тем более сводятся к нулю эти права. Морально-правовые и религиозные рефлексы, удерживавшие от посягательств на эти блага, гаснут. Биологизированные революцией люди без колебаний переступают границы и перестают уважать все эти права. В первый фазис революции революционеры затыкают рот противникам и накладывают на них печать полного молчания. Во второй период то же самое делают их противники-победители. В целом же — все общество деградирует в этом отношении. Свобода слова, печати, собраний, мысли и т. д. — исчезают. В каждый момент революции говорят, собираются, печатают только победители на данный момент. Вся оппозиция, все несогласные с ними, т. е. 9/10 общества, принуждены молчать. Не только за открытое высказывание, но за простое подозрение никак не выраженного несогласия следует беспощадная кара. «Подозрительность ко всякому мнению... подслушанные речи... подмеченные слезы... сосчитанные вздохи... выслеженное молчание... полиция у семейного очага... везде шпионство и доносы...», — вот картина революции²¹⁴. [Вся долгая и упорная работа нормального периода истории, приучающая людей к взаимной терпимости, прививающая им рефлекс уважения к мнению и верованиям других людей, — сразу уничтожается. Вместо свободы мы видим деспотическое самодурство одних и вынужденное рабство других. Русская революция и в этом отношении типична и доводит эти черты до предела. Через несколько недель после победы большевиков газеты были закрыты раз и навсегда. С 1918 г. в России печатаются лишь газеты коммунистов. Очень скоро были лик-

²¹³ Причем, лишаются свободы не только и не столько аристократические классы, но не в меньшей мере и трудовые слои населения. Пройдитесь по тюрьмам России, по тюрьмам Франции в 1789–1800 гг., посмотрите, кем они набиты, и вы увидите, что на 90% они наполнены рабочими и крестьянами. То же самое было и в других революциях. Поэтому пусть не утешают себя трубадуры революции мыслью, что в революционное время лишаются свободы только аристократия и буржуазия.

²¹⁴ *Лебон Г.* Психология социализма. СПб., 1908. С. 539.

видированы почти все частные издательства. Стали печататься только книги, получившие одобрение власти. Введена была цензура, по сравнению с которой цензура царского периода была царством свободы. Митинги некоммунистов — не допускались. За всякое оппозиционное слово — следовал арест или расстрел. То же самое было проведено в школах и в системе преподавания. В 1920 г. официальный декрет, подписанный комиссаром Ротштейном, объявил, что «свобода научной мысли, как и все остальные свободы, есть буржуазный предрассудок», что лица, которые ведут преподавание не в духе коммунизма и марксизма, — исключаются из школы; студенты, не согласные с догмой коммунизма, — тоже. Начались аресты, высылки и другие наказания за «ненадлежащий образ мыслей». То же самое проявилось и по отношению к религиозным верованиям. И кто же все это произвел? Лица, которые до Октябрьской революции признавали и требовали «полной свободы слова, печати, собраний, союзов» и возмущались на любую ничтожную попытку их ограничения. Революция погасила у них все эти рефлексы и они стали деспотами из деспотов. Едва ли приходится сомневаться в том, что после падения этой власти новая власть будет делать то же самое по адресу коммунистов. Общество в целом оказывается ограбленным в своей свободе. Таков итог всех революций.]

«Свободу надо установить насильем и необходимо установить деспотизм свободы, чтобы раздавить деспотизм королей», — сказал когда-то Марат. Увы, свобода и деспотизм свободы — несовместимы, а потому революция давала лишь деспотизм произвола, а не свободу. Последняя, по более верному замечанию Монталамбера, «может жить лишь под тем условием, если убьет свою мать, убьет революцию». Только после ликвидации последней, с вступлением общества в полосу нормальной, неревolutionционной жизни, исподволь начинают оживать погашенные революцией морально-правовые рефлексы, удерживающие от произвола и посягательств на мысли, чувства, верования, слова и права других лиц.

[В этом, как и в других рассмотренных случаях, революция убивает свободу, а не создает ее; способствует деградации человека, а не его совершенствованию; порождает колоссальный рост преступлений против свободы и других прав людей, а не уменьшает их.]

Сказанное, *mutatis mutandis*, может быть повторено и по отношению к *имущественным правам человека*. Угасают тормозные религиозные и морально-правовые рефлексы, удерживающие от посягательств на имущественные блага других лиц. Это мы уже видели, когда речь шла о деформации рефлексов собственности. Иными словами, *революция ведет*

к колоссальному росту грабежей, разбоев, краж, мошенничества, взяточничества, подлогов, обманов и других имущественных преступлений²¹⁵.

Они становятся массовыми, общими и неисчислимыми. Огромно количество лиц, у которых угасли указанные тормозящие рефлексy, которых охватывает корыстная жадность, толкающая их, опять-таки, под покровом громких слов, к всяческому захвату чужих богатств и чужого имущества. Назовем ли мы эти акты «преступлениями» или нет — это не важно; а важно и несомненно то, что число их колоссально возрастает.

Факты были приведены выше. Я мог бы их увеличить до бесконечности, но, полагаю, что это излишне: они известны и бесспорны.

Революции объективно ведут к росту великой корысти и жадности. Взятничество начинает процветать, как никогда. Продажность — также. Происходит разлив самых низменных, самых эгоистических поступков. Правда, многие наивные люди, гипнотизируемые велико-

²¹⁵ Вот краткие дополнения к приведенным выше фактам. Во время *Египетской революции*: грабят на дороге, на крыше дома, в доме и т. д. (*Викентьев В.* Цит. соч.).

В ходе *Керкирской революции*: массовый грабеж, должники убивают кредиторов, «большинство соглашается скорее, чтобы их называли ловкими плутами, чем честными простаками; последнего названия стыдятся, первому — радуются... Таким образом, вследствие смут явилось полное извращение нравов» (*Фукидид.* История. Т. III. С. 81–85).

В *Риме* «и богачи и бедняки сходились в одинаковой подкупности, деморализации, в одинаковом поползновении вести борьбу против собственности». Массовое пиратство, массовый грабеж, небывалая спекуляция, подлоги и мошенничество, всеобщее взяточничество (*Моммзен Т.* Цит. соч. Т. II. С. 99, 137–138, 158, 211, 253, 316–317, 143, 349–350; Т. III. С. 15, 29, 68, 79, 461, 464, 568).

Во время *жакефри во Франции* (так же как и во время крестьянских восстаний в Англии, Чехии, и Германии) — небывалый бандитизм. «Шайки соединялись в громадные отряды. Они грабили, разоряли, жгли селения и города, которые не откупались от грабежа контрибуциями». О, le miserable temps pour n'ober sortir des villes! — восклицает один современник. Cedés, rapine et nicendia, — отмечает другой^{97*} (*Вебер Г.* Цит. соч. Т. VIII. С. 27–29; *Levasseur P. E.* Histoire des classes ouvrière. Vol. I. P. 522–523; Vol. II. P. 55).

Во время *крестьянского восстания в Англии* «крепостные и крестьяне... разрушали и грабили дома, опустошали владения дворян, ломали изгороди, жгли крепостные акты»... В Лондоне «ограбили и разрушили дома и дворцы вельмож» и т. д. (*Вебер Г.* Цит. соч. Т. VIII. С. 44–45). В Чехии период *гуситских войн* — это «длинный ряд осад, убийств и грабежей» (*Denis E.* Op. cit. P. 240, 287).

лепными речевыми рефлексамии революции, судят о действительности по ним, и только по ним. Но давно уже было сказано: «важны не слова, а дела». Дела же, т. е. фактические поступки актеров и статистов революционной трагедии, совершенно противоположны их словам. Это становится вполне очевидным во второй фазе революции, по окончании дележки. Тогда, как мы видели, корысть выступает на сцену без всяких масок и «хороших слов»... Все общество во главе с бывшими «коммунизаторами», вспоминает заповедь «Beati possidentes!» и начинает лихо-радожно гнаться за деньгами и материальными благами.

Что такое же угасание тормозных религиозно-правовых рефлексов происходит и в области *сексуального поведения* — мы видели выше. И здесь, говоря языком уголовного права, *преступления против общественного приличия и нравственности растут колоссально.*

В *революциях Италии XIII в.* «нравы огрубели, грабежи и буйство были ежедневными явлениями, хищнические шайки ходили по римской области, по улицам Рима и буйствовали безнаказанно» и т. д. (Вебер Г. Цит. соч. Т. VIII. С. 317).

В *Английской революции XVII в.* «по мере продолжения революции слабело уважение к правам. Ложь, насилие и алчность быстро росли между людьми. По дорогам, вокруг городов размножались воры и разбойники; они ходили шайками и припутывали политические страсти к своим злодеяниям». Грабили, брали взятки, проявляли алчность и их противники — члены парламента и т. д. (Гизо Ф. Цит. соч. Т. I. С. 12–14; Т. 3. С. 22–23).

Колоссальный рост грабежей и других имущественных преступлений во время Французской революции — известен.

Часть цифр, говорящих об их росте во время Русской революции, приведена выше. Достаточно сказать, что Россия едва ли когда знала такой рост краж, мошенничеств, подлогов, взяточничества и других имущественных преступлений. «У нас взятки на каждом шагу», — авторитетно заявил Ленин^{98*}. Зло достигло таких размеров, что в 1921–1923 г. была во главе с Дзержинским образована специальная комиссия по борьбе со взяточничеством: расстреляли много людей, но толку мало (См.: Правда, 22 октября 1921 г.; Красная газета, 15–16 апреля 1921 г.).

Детская преступность, по сравнению с дореволюционным временем, повысилась в Петрограде в 7,4 раза. То же самое — и по всей России (см.: Аронович Г. Детская преступность // Психиатрия и неврология. 1922. № 1). «Растет число таких преступлений, как воровство и грабежи». «Они принимают стихийные размеры» (Маховник, 27 июля 1921 г.; Известия, 12 февраля 1922 г.). Прибавьте к этому мошенничество с пайками и ордерами, массовые злоупотребления

То же самое происходит в области *социального служения и исполнения общественных обязанностей*. Начиная с крестьянина, переставшего платить подати, с рабочего — переставшего добросовестно трудиться, и кончая судьей, чиновником, полицейским и другими лицами, — все начинают выполнять свои социальные обязанности плохо²¹⁶.

Только там, где дело идет о проявлении зверских рефлексов — в актах бойни, сражения — там они выполняются. Но это понятно: хорошие разбойники всегда были храбрыми бойцами, смелыми налетчиками и отчаянными противниками при защите своей жизни.

с «натур-премиями» и т. д., и тогда вы будете иметь хоть какое-то представление о грандиознейшем росте криминальности в России за годы революции.
²¹⁶ Вот некоторые подтверждения. «В Риме — большинство граждан никуда не годилось. Дисциплина солдат — пала. Добиться приговора над влиятельными людьми было невозможно... Многие из сенаторов никуда не годились... За деньги государственный человек продавал государство... гражданин — свободу. Подделка документов и клятвopеступление были распространены чрезмерно. Честь была забыта: тот, кто отказывался от подкупа, считался не честным человеком, а личным врагом... Присяжные игнорировали свои обязанности и бражничали. Должность офицеров и шар присяжного стали продажными. Власть — насквозь прогнила, бесконечно спекулировала и т. д. Словом, кровь должна была броситься в лицо всякого честного римлянина, если бы он вгляделся в страшно быстрый упадок нации (*Моммзен Т.* Цит. соч. Т. II. С. 72–73, 195, 211; Т. III. С. 79, 76, 461).

В Англии — «злоупотребления и незаконные сделки рождались и множились, и парламент — неограниченный властитель богатства и участи государства — скоро прослыл вертепом неправосудия и разврата». Кромвель, в разговоре с Уайтлоком, характеризовал парламент еще более сильными словами (*Гизо Ф.* Цит. соч. Т. III. С. 31, 22–23).

Коррупция должностных лиц, начиная с Мирабо, Дантона, Тальена и переходя к меньшим чиновникам революционной власти, особенно в эпоху Конверта и Директории, — известна. «Нет такого отдела управления, куда бы не проникла безнравственность и подкупность», — так гласит официальный отчет комиссии по деморализации (*Мадлен Л.* Цит. соч. Т. II. С. 314).

Про должностных лиц русского советского правительства лучше не говорить. Ни в одном правительстве нет столь огромного количества взяточников, воров, беспринципных негодяев, строящих на крови людей свое богатство, под предлогом высоких идеалов совершающих архихищнические дела — как в советском правительстве, начиная с «лидеров мировой револю-

«Общественные интересы», «общее благо» — на устах у всей революции. И в то же время менее чем когда-либо люди склонны выполнять свои обязанности для этого общего блага. Подтверждение этому в области трудовых рефлексов мы видели выше. О том же говорят взяточничество, продажность, лень и недобросовестность должностных лиц в эпоху революции.

То же самое приходится сказать и об остальных морально-правовых поступках. Даже такие, казалось бы, особенно прочно «ввинченные» рефлексы, как *привязанность членов семьи друг к другу, как воздержание от причинения вреда супругу, отцу, детям — даже эти рефлексы гаснут*. Революция обрывает даже и эти связи семейного альтруизма и солидарности²¹⁷.

ции» — Зиновьева, Радека, Красина, Троцкого, — и кончая последним агентом Че-Ка. Например, взяточничество должностных лиц было столь громадным, что с 1 ноября 1922 г. по 1 мая 1923 г. центральной комиссией по борьбе со взяточничеством было возбуждено 4800 дел, закончившихся осуждением и приговором 61 человека к расстрелу, 629 человек к лишению свободы от 5 до 10 лет, остальных к тюрьме от 6 месяцев до 3 лет (Дни, № 175).

²¹⁷ Вот краткие свидетельства:

«Брат восстал на брата и отец относится к собственному детищу, как к врагу. Человек смотрит на своего сына, как на недруга», — пишет Ипувер о Египетской революции. «Верность скрепляли не божеским законом, а совместными преступлениями». «Отец убивал сына. Родственное чувство стало менее прочной связью, чем партийное товарищество», — пишет Фукидид о Керкирской революции. То же самое повторилось и в римских революциях. Сципион, узнав о смерти своего родственника Гракха, сказал: «Так пусть погибнет всякий, кто совершает такие дела». Столь же отрицательно относилась к нему и его мать. Сципион, в свою очередь, был убит сторонниками Гракхов. О том же говорит убийство Цицерона Августом и т. д.

В Нидерландской революции «не раз видели людей, которые хладнокровно помогали вешать своих родных братьев».

В Русской революции XVII в. «люди сделались хуже зверей: оставляли семейства и жен, чтобы не делиться с ними куском хлеба. Матери душили своих детей».

Во Французской революции примером может служить взаимоотношения Бурбонов и Филиппа Эгалитэ. Общую картину рисует популярнейшая тогда пьеса «Республиканский супруг», где муж доносит на жену революционному комитету и добивается ее казни.

Всюду здесь, как и в русской революции, члены семьи часто оказывались по разным сторонам баррикады и убивали друг друга. См.: *Викентьев В.* Цит. соч.

Словом, какую бы область морально-правового поведения мы не взяли — вывод получается один и тот же: *деморализация и угасание всех морально-правовых тормозных рефлексов*²¹⁸.

Естественно, эта деморализация актов поведения сопровождается *деморализацией морального и правового сознания масс* (изменением «субвокальных рефлексов»).

Старое моральное сознание, как указывалось выше, тускнеет и быстро выветривается. Происходит «переоценка моральных ценностей», ведущая или к полному нигилизму, к смердяковскому «все дозволено», или к диаметрально противоположным моральным оценкам, представляющим собою «облагораживание» животных импульсов. Положение дел кратко, выразительно и верно рисует Фукидид на основе наблюдения Керкирской революции. Вот отрывки из него: «Обычное значение названий заменили личным мнением, безрассудная дерзость стала называться мужеством, предусмотрительная медлительность — трусостью, рассудительность — обличием труса, внимательность ко всему — неспособностью к делу, безумная решительность — за свойство настоящего мужа, осторожное обдумывание — за предлог уклонения, кто вечно недоволен — заслуживает веры, кто ему возражает — тот человек подозрительный. Кто затеял коварный замысел и имеет удачу, тот умный, а кто разгадал это — еще умнее, кто же сумел обойтись без того и другого — предатель и трус. Восхваляли того, кто умеет сделать дурное раньше другого... Родственное чувство стало менее прочной связью, чем партийное товарищество, требовавшее риска без оговорок. Верность скрепляли не божескими законами, а совместным преступлением. Отомстить за обиду считалось важнее, чем претерпеть ее... Клятвы не соблюдались... Большинство соглашается скорее, чтобы их называли ловкими плутами, чем честными простаками; последнего названия

С. 285; *Фукидид. История. Т. III. С. 81–85; Моммзен Т. Цит. соч. Т. II. С. 97; Мотлей Дж. Цит. соч. Т. II. 343–344; Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. XI. С. 67; Кабанес О., Насс Л. Цит. соч. С. 290–291.*

²¹⁸ Слова Ф. Гизо о влиянии английской революции применимы ко всякой другой: «В этом всеобщем и повсеместном беспорядке среди злоупотреблений силой и среди крайностей всякому недоброму чувству открывались виды на успех. Людью энергичными овладевала ненависть и мстительность; люди слабые предавались робости и подлости... ложь, насилие, алчность, малодушие во всех видах росли быстро между людьми, замешанными в борьбу». Остальная масса «теряла понятие о правах и обязанностях, о справедливости и добродетели или сохраняла их в смутном виде» (*Гизо Ф. Цит. соч. Т. I. С. XII–XIII*).

стыдятся, первому — радуются... Таким образом, вследствие смут явилось извращение нравов» и т. д.²¹⁹

Эта картина верно и типично передает характер деформации нравственно-правового сознания в эпохи революции. Дело вкуса — квалифицировать это изменение положительно или отрицательно. Дело исследователя — констатировать его несомненность и бесспорность.

Наконец, то же самое мы видим в области *узкорелигиозных рефлексов*. Представляя собой, как и морально-правовые рефлексы, формы поведения, удерживающие от актов социально-злостных, и стимулирующие к актам социально солидарным²²⁰, религиозные рефлексы, в силу указанных причин, также гаснут в первый период революции. Угасание это начинается еще раньше и служит симптомом грядущих потрясений.

Это выражается в падении авторитета религии, в ее преследовании, в росте атеизма и религиозного безразличия. Число лиц, посещающих богослужения, выполняющих обряды и верующих в догматы религии, падает, число лиц, освободившихся от «религиозного опиума» — увеличивается.

Наряду с этим происходит другой процесс: вместо угасших верований и религиозных рефлексов появляются и прививаются новые, но такие, которые не тормозят, а благословляют те акты убийства, грабежа, насилия и т. п., к которым толкают разбушевавшиеся биологические импульсы.

Такова суть деформации религиозных рефлексов в первый период революции.

Это ясно отмечают современники Египетской революции: «Попраны предначертания богов»... «Люди открыто хвастаются своим неверием». «Перестали воскурять фимиамы, приносить в жертву тучных быков, совершаются святотатства, выбрасываются тела мертвых из гробниц», словом — полный религиозный кризис²²¹.

То же самое видим и в Риме. «Политическая и социальная революция должны были разрушить прежний религиозный строй. Старые

²¹⁹ Фукидид. История. Т. III. С. 81–85.

²²⁰ Об этой роли религии см.: *Durkheim E.* Les formes élémentaires de la vie religieuse. Paris, 1912; *Ellwood Ch. A.* Reconstruction of Religion. New York, 1922; *Fustel de Coulanges N. D.* La cité antique. Paris, 1905; *Сорокин П. А.* Социологическая теория религии // Заветы. 1914. № 3; см. также главы, посвященные религии, в книгах: *Hayes E. C.* Introduction to the study of sociology. New York; London, 1920; *Ross E. A.* Social control. A survey of the foundations of order. New York, 1904.

²²¹ См.: *Викентьев В.* Цит. соч. С. 298–299; *Тураев Б. А.* Цит. соч. С. 70–71.

итальянские народные верования исчезают. Над развалинами старинной религии появляются неверие, государственная религия, эллинизм, суеверие, раскол и восточная религия с мистицизмом»²²².

Крестьянское восстание в Англии сопровождалось религиозной революцией, начатой Джоном Уиклифом, лоллардами и Джоном Боллом. То же явление повторилось накануне и во время Английской революции XVII в.

Не иначе обстояло дело и с гуситской революцией, предшествуемой и сопровождаемой падением авторитета католической церкви, ростом гуситства, дальнейшей эволюцией его, экстремизацией и разделением на утраквистов, таборитов и ряд крайних сект²²³.

Аналогичная история имела место перед и во время Крестьянской войны в Германии (реформация) и ряда гражданских смут и войн во Франции XV–XVI вв. (эпоха религиозных войн). Об угасании религиозных рефлексов перед Французской революцией и в первый ее период, о преследовании духовенства, попытках установить «Култ Разума»^{99*} и т. д. достаточно известно²²⁴.

То же самое повторилось в 1848 и 1870–1871 гг. во Франции. Сходное имело место в русских революциях 1905 и 1917–1923 гг.²²⁵

В России перед революцией православная церковь была дискредитирована в глазах множества лиц. 9/10 интеллигенции были явными или скрытыми атеистами; быть верующим значило быть суеверным и отсталым. Это расторможение религиозных рефлексов пошло особенно быстро с момента революции. С этого времени оно перекинулось на широкие слои крестьянства и рабочих. Атеизм делал огромные успехи. С Октябрьской революции 1917 г. началось открытое преследование религии и ее служителей, интенсивнейшая пропаганда атеизма и «коммунистической религии». В 1917–1918 гг. она имела успех. Заразила многих. Религиозные рефлексы и верования угасали на глазах. Преследование церкви и религии властью продолжалось и усиливалось. Осо-

²²² Моммзен Т. Цит. соч. Т. I. С. 860–865. Т. II. С. 419. Т. III (глава о религии); Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. Пг., 1918. С. 3–4.

²²³ См.: Ли Ч. История инквизиции в средние века. СПб., 1911. Т. I–II; а также указанные работы Ф. Палацко и Э. Дени.

²²⁴ Подробнее см.: Кабанес О., Насс Л. Цит. соч. (глава: «Бог и Революция»).

²²⁵ Для полноты картины можно было бы указать на аналогичные явления в персидской революции при Кобаде, на ряд турецких революций, на ряд революций Ислама, начиная с революции самого Магомета и т. д.

бенно жестокий характер оно приобрело в 1922–1923 гг. Но уже с 1920 г. в народных массах намечился обратный поворот – симптом начинающегося возрождения религиозных рефлексов (об этом см. ниже).

Отсюда мы видим, что религиозные рефлексы деформируются в том же направлении, что и морально-правовые. Учитывая, что основная роль тех и других состоит в создании, расширении и укреплении солидарных связей между членами общества, мы не будем удивляться угасанию их в периоды революции, по существу представляющей собой разрыв солидарно-социальных связей и отношений. Было бы чудом, если бы такого угасания не было.

Мы рассмотрели разнообразные группы правовых, моральных и религиозных рефлексов и видели, что все они деформируются в одном и том же направлении – в направлении угасания и ослабления тех из них, которые тормозят разгул биологических импульсов. Такое угасание означает «одичание», «биологизирование» и «примитивизацию» человека. Правда, на место угасших рефлексов прививаются новые; но как раз не тормозящие, а благословляющие и одобряющие биологические импульсы. Поэтому они не уничтожают «биологизацию», а скорее – усиливают ее. Они – «красивые перчатки», не удерживающие руку от убийства, как угасшие рефлексy, а напротив – побуждающие к нему, прикрывая кровь и грязь святыми словами и лозунгами.

Второй период революции

Если общество, ставшее игралищем биологических импульсов, не гибнет в анархии, то рано или поздно наступает второй период революции, знаменующий *начало возрождения и новой прививки угасших правовых, моральных и религиозных рефлексов и соответствующего религиозно-морально-правового сознания*. Временами они возвращаются в конкретных формах, весьма близких к бывшим, временами – в отличных по внешнему виду, но в обоих случаях они сходны с угасшими в главном и основном: в их *тормозящей роли и функциях*.

Если раньше тормозящий рефлекс имел конкретную форму «не убий, ибо так заповедал Бог», а теперь – «не убий, ибо таково требование прогресса и социализма», то при различии второй части этих заповедей основная сущность их первой части одна и та же. То же самое, *mutatis mutandis*, применимо и ко всем другим случаям.

Начинается жесточайший период ускоренного воспитания угасших рефлексов права, морали и религии. Быстрота требует появления и действия самых сильных стимулов. Их мы и видим в действительности. Оди-

чавшее революционное общество в 2–5–10 лет принуждено проходить курс «морального, правового и религиозного воспитания», для которого человечеству в свое время нужны были десятилетия и столетия...

За убийством следует беспощадное убийство. За кражу, разбой и грабеж — то же... Половые рефлексы — исподволь вводятся в норму. Устанавливается скромная, но все же большая свобода слова, печати и т. д. Вводятся кое-какие гарантии против необузданного деспотизма власти. Наряду с этим начинается проповедь и пропаганда морали и права. Начинается и быстро набирает темп возрождение религии, возвращение к старым формам приличий, конвенциональных манер и быта. Словом, общество начинает быстро одеваться в костюм угасших морально-правовых и религиозных рефлексов. Биологическая нагота его уменьшается. С ее уменьшением жизнь исподволь нормализуется, нормализация, в свою очередь, содействует возрождению и укреплению морально-правовых и религиозных рефлексов. Укрепление их делает менее необходимыми зверские стимулы и репрессии²²⁶. Конечно, этот

²²⁶ Частичной, но яркой иллюстрацией этого служит хотя бы число смертных казней, поднимающееся в первые годы после революции или в первые годы прививки угасших тормозов и систематически падающее по мере их воспитания и нормализации социальной жизни. Для Франции это отметил проф. Э. Гарсон. Так, консульство Наполеона начинается 605 смертными приговорами (1803 г. — начало серьезного торможения), к 1813 г. число их падает до 325. Реставрация — дальнейший резкий шаг по пути торможения после падения Наполеона — начинается с 514 смертных приговоров в 1816 г. Дальше количество их снижается до 91. В 1831 г. число их снова возрастает до 108, а к 1847 г. снижается до 65. После подавления восстания 1848 г. сотни лиц были расстреляны, а в 1870 г. (до революции) было лишь 11 смертных приговоров.

Не менее показательны цифры смертных приговоров до и после революции 1905–1906 гг. в России. В пятилетие 1901–1905 гг. казнено было всего 93 человека. В 1906–1908 гг., в годы торможения, как мы видели, число казней резко увеличивается.

В 1906 г. было казнено 547 человек,

1907 — 1139

1908 — 1340

Далее эти показатели резко снижаются:

1909 — 717

1910 — 129

1911 — 73

процесс совершается не без перебоев, движение его в каждом отдельном случае очень сложно и извилисто, число жертв этого возрождения угасших рефлексов — громадно, но общая суть его такова...

Кто начинает эту прививку — революционная или контрреволюционная власть — это деталь, случайность, не имеющая значения. Было бы долго подробно рисовать детали этого процесса. Позволю себе отослать читателя к изучению эпох конца революции и ближайших к ним. Изучая время Цезаря, Августа и его преемников в Риме, эпоху ликвидации Жакерии во Франции, крестьянских восстаний в Германии и Англии, эпоху «пражских компактатов» и последующие годы гуситской революции, время протектората Кромвеля и реставрации Стюартов в Англии, время Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича в России, период Деректории и Наполеона во Франции, время Кавеньяка и первые годы президентства и империи Наполеона III, время Тьера и первых лет после 1871 г., период Витте—Столыпина после революции 1905 г., наконец, 1922–1923 гг. в России²²⁷ — изучая эти годы, читатель найдет полное подтверждение указанных черт второго периода. При всех конкретных различиях актеров и сцен этих эпох — пьеса в них

См.: *Сорокин П. А.* Преступление и кара. С. 428–429; *Гернет М. Н.* Смертная казнь. С. 75–76.

²²⁷ Множество симптомов в России 1921–1922 гг. указывает на вступление ее населения в эту стадию. [Во-первых, необычайно сильное возрождение религиозности населения. Вопреки бешеной пропаганде атеизма коммунистами, усилению преследований и расстрелов священников и верующих, — религиозное чувство народа и его привязанность к православной церкви — интенсивно растут. Интеллигенция из атеистической стала верующей и мистически настроенной. Усилились репрессии за грабежи, убийства, кражи и взятки. Возрождаются трудовые рефлексы. Со стороны населения начинается реакция против половой вольности. Необычайно развились и развиваются рефлексы частной собственности, не только в смысле алчного захвата чужого достояния, процветавшего и раньше, но и в смысле воздержания от такого захвата. Наблюдаются симптомы оказания взаимопомощи. Усиливается недовольство неограниченной тиранией власти, ее цинизмом, аморальностью и полным бесправием населения. Раздаются требования прав и законных свобод и т. д. Если бы политика власти была немного умнее — движение этого процесса возрождения выявилося бы гораздо интенсивнее и быстрее. Но и то, что имеется, говорит о том, что первый — «разнуздывающий период» — русской революции пройден, и русский народ вступил во вторую стадию революции.]

играется одна и та же. Ее можно назвать «Возрождением и воспитанием угасших морально-правовых и религиозных рефлексов». Таков повторяющийся «круговорот истории».

§ 9. Деформация психики членов революционного общества

В предыдущих разделах мы видели, что деформация поведения, вызываемая революцией, в первой стадии знаменует его примитивизацию и приближение его к типу поведения животных. Для человека, знакомого с психологией и с рефлексологией, этого факта достаточно, чтобы определить, в каком направлении меняется психика революционного общества. Всякое угасание условного рефлекса физиологически означает *уничтожение проторенной соединительной связи («замыкания») в сером веществе больших полушарий мозга, образованной при воспитании условного рефлекса*. Нервная дуга последнего, как известно, состоит из трех основных частей: 1) *анализаторской, или рецепторной части дуги условного рефлекса* (например, при восприятии световых раздражений она состоит из глаза, зрительного нерва, зрительных проводников и зрительного центра в коре головного мозга); 2) *замыкательного аппарата* в корковом веществе больших полушарий, соединяющего конец анализаторской части с третьим звеном дуги условного рефлекса; 3) *двигательно-рабочей части – эффектора*, оканчивающегося в мышце или железе и управляющего их деятельностью²²⁸.

Без *замыкательного аппарата* возбуждение с анализатора на двигательную часть нервной дуги при условных рефлексах не может быть передано. Воспитание условного рефлекса и означает образование этого замыкания между внешним миром, вызывающим возбуждение анализатора-рецептора, и двигательной частью нервной системы, вызывающей реакцию организма на условный стимул. Угасание условного рефлекса означает *разрыв этой связи между анализатором и рабочей частью нервной системы*²²⁹. А это, в свою очередь, означает, что всякое воспи-

²²⁸ Только благодаря замыканию зрительное раздражение – например, созерцание витрины гастрономического магазина голодным или вид соблазнительной картины – может передаться в соответствующие двигательные части нервной системы и вызвать работу «слюнной железы» или «половое возбуждение». Не будь замыкания, т. е. установления условного рефлекса, эти стимулы были бы «индифферентными» и не вызвали бы таких реакций.

²²⁹ Подробности см. в указанных выше работах И. П. Павлова, В. М. Бехтерева, Дж. Уотсона и др.

тание условного рефлекса представляет собой установление новой, добавочной связи между внешним миром и организмом, лучшее знание первого и лучшее приспособление к нему, с одной стороны, и усложнение, централизацию и интегрирование работы нервной системы, — с другой. Всякое угасание условного рефлекса означает разрыв, уничтожение бывшей связи между миром и организмом, — с одной стороны, с другой — упрощение, примитивизацию и децентрализацию деятельности и строения коркового вещества и всей нервной системы.

Если такое угасание охватывает множество условных рефлексов, это означает «зарастание» проторенных путей в полушариях, уничтожение замыканий, превращение организма в аппарат, управляемый лишь безусловными стимулами и рефлексами, и разрыв связи между нервными центрами, уменьшение интегрирующей роли нервной системы²³⁰, превращение всего организма в *membra disjecta*^{100*}, где нет высшего правительственного центра, а есть лишь ряд «местных властей» — отдельных нервных центров, действующих без единого плана и объединения, каждый по своему произволу.

Отсюда ясно, что *такая «примитивизация» механизма нервной системы при угасании условных рефлексов не может не вести к «примитивизации» всей психической жизни и деятельности.*

К такому же выводу мы придем, если посмотрим на этот процесс и с другой точки зрения. Рост условных рефлексов означает установление все новых и новых связей между организмом и средой, установление все новых и новых «замыканий» в сером веществе мозга; в силу этого — взаимосцепление их, взаимообуславливание и взаимоторможение. Серое корковое вещество становится подобием сложнейшей телефонно-телеграфной станции, куда стекаются одновременно множество телефонограмм и телеграмм, получаемых через разные анализаторы из внешнего мира. Эти разные, временами противоречивые телеграммы здесь «разбираются», часть их тормозит друг друга, и организм дает свой ответ лишь после оценки всей их совокупности. Процесс этого «разбора и оценки» требует времени и энергии. На обычном языке он носит название «мышления» или «деятельности сознания и разума». Чем большее число условных рефлексов прививается, — тем большее число «телеграмм» сюда стекается, тем сильнее они тормозят друг друга, тем сложнее и труднее делается их «разбор», тем больше времени и энергии от организма он требует, тем на более долгий срок откладывает-

²³⁰ См.: *Sherrington Ch. S. The Integrative Action of the Nervous System. New York, 1906.*

ся действие, т. е. ответный акт организма. На субъективном языке это означает: *чем интенсивнее и серьезнее происходит процесс мышления и обдумывания, тем больше времени он требует для принятия определенного сознательного решения*. Теперь читателю будет понятно определение процесса мышления как «заторможенного рефлекса» или «заторможенного волевого процесса, не превратившегося в действие». Где этой заторможенности нет, как в безусловных рефlekсах и привычно автоматических актах, — там ответ организма на раздражение следует немедленно и автоматически, без всякого мышления. Где же есть мышление («как поступить», «как решить то-то и то-то»), — там есть и торможение: там организм не отвечает сразу на стимулы; в корковом веществе идет тяжелый «разбор» всех «за» и «против» — тем более длительный и глубокий, чем сложнее, многочисленнее и противоречивее «телеграммы», приносимые анализаторами нервной системы и вступающие в связь друг с другом через «соединительно-замыкательные» пути условных рефlekсов. Иногда этот «разбор» (например, при решении сложной научной проблемы) тянется месяцами и годами. Субъективно этот процесс мы переживаем как процесс мышления. *Чем серьезнее и сложнее обстановка, сознаваемая нами — тем глубже мы мыслим. Чем глубже мыслим — т. е. учитываем все обстоятельства, все многочисленные «за» и «против», тем больше требуется для этого времени, тем большая часть энергии уходит на эту внутреннюю работу, тем сильнее торможение, проявляющееся в откладывании действия, в его осторожности, непрямолинейности, временами — в гамлетовской нерешительности, даже во внешнем бездействии*. Что это так — теперь подтверждено рядом бесспорных экспериментов. Эти эксперименты показывают: чем сложнее умственная задача, задаваемая экспериментатором испытуемому, 1) тем сильнее запаздывает его двигательный ответ, иначе говоря, тем больше времени уходит на «разбор» «за» и «против» в корковом веществе больших полушарий, 2) тем мускульно-двигательная сила этого ответа на аппарате слабее; это означает, что тем больше энергии уходит на процессы «внутреннего торможения» (мышления) и тем менее остается ее на внешние движения²³¹.

²³¹ См.: *Корнилов К. Н.* Учение о реакциях человека с психологической точки зрения («Реактология»). М., 1922; *Мейман Э.* Интеллигентность и воля. [М.], 1917.

Ниже мы увидим колоссальное значение этих фактов для понимания многих явлений революции, в частности для понимания того, почему правящие слои и лица, занимающиеся умственным трудом, если они наследственно закрыты и не обновляются притоком новых сил, в конце концов становятся «безвольны-

Отсюда ясна антимония «мышления» и «действия». Предельный символ первого, как правильно показано в «Мыслителе» Родена или на древнерусских иконах, это — *полный покой, полное торможение*. Предельный образец максимальной решительности действий — это «прямое действие», «автоматический рефлекс», не знающий никаких сомнений и колебаний, это поведение животных, состоящее только из рефлексов в узком смысле слова и автоматических актов.

Теперь понятно, почему угасание множества условных рефлексов не в фигуральном, а в буквальном смысле этого слова означает физиологически и психически *примитивизацию всей душевной деятельности человека, приближение механизма работы его нервной системы, а вместе с ней и всей психической жизни к типу дикаря и животных, т. е. типу рефлекторных (в узком смысле слова) автоматических актов. Эта «примитивизация», это «упрощение» и «деградация» всей душевной деятельности и составляет основную черту деформации психики революционного общества в сторону приближения ее к психике дикаря и животных.*

Но это еще не все.

У животных и первобытного человека безусловные и условные рефлексy, — при сравнительной несложности и малочисленности последних — составляют в своей совокупности не сложную, но в длительном потоке времени достаточно приспособленную к среде систему, позволяющую им правильно воспринимать (анализировать) среду и адекватно реагировать на ее раздражения.

У человека, *при одностороннем угасании рефлексов*, нервный аппарат становится похожим на сложную машину, у которой вдруг ослабли винты и гайки и порвались многие соединительные связи, скреплявшие ее части друг с другом и прикреплявшие ее к фундаменту. Благодаря этому, вся машина начинает работать вкривь и вкось, с трением и перебоями.

Система анализаторов начинает доставлять в нервный центр искаженные телеграммы действительности, последний начинает плохо «корректировать» и гармонизировать их друг с другом; в силу этого ответные реакции организма становятся малоадекватными. Происходит «отрыв от действительности» и ухудшение приспособительных реакций.

Это расстройство правильного функционирования нервной системы, сопровождаемое дезорганизацией психической деятельности, составляет вторую черту деформации психики революционного общества. Голод, холод, нужда, ужасы —

ми», малоспособными к действию, и почему, напротив, народные низы, занимающиеся мускульным трудом, очень энергичны и решительны в действиях.

обычные спутники революции, — еще более усиливают эту черту. Из этих двух черт вытекают и ими объясняются все детали психологии революционного общества. Теперь перейдем к их рассмотрению.

1. В области *познавательных переживаний*: ощущений, восприятия, внимания, представления, ассоциаций и комбинирования идей «примитивизация» и «дезорганизация» душевной жизни сказываются в следующих явлениях:

А) В том, что *революционное общество начинает воспринимать мир и среду односторонне и искаженно*. Этот факт сказывается в тысячах явлений. Обществу начинают мерещиться сотни заговоров там, где их нет. Оно вменяет в вину тягчайшие преступления лицам, которые к ним непричастны. Оно видит врагов в группах, которые ничуть не помышляют о его гибели, и друзей там, где действительно творится дело разрушения общества. Оно усматривает пользу от ряда явлений, объективно ведущих к вреду, и наоборот и т. д.²³²

Тот же факт сказывается и в том, что революционное общество даже не обнаруживает желания хорошо исследовать эту действительность. Возьмите революционный суд: даже там, где идет дело о жизни и смерти, он не находит нужным выслушивать ни свидетелей, ни защитников, ни устраивать состязательный процесс, ни соблюдать других условий, гарантирующих правильное познание поступков обвиняемых и обоснованность приговора. Все это заменяется нормой: «Приговаривай к смерти, а там пусть Бог разбирает, кто прав, кто виноват».

Ниже мы увидим ряд и других фактов.

²³² Можно было бы привести сотни фактов, подтверждающих эти положения...

«Атмосфера мнимых заговоров» пропитывает любую революцию. Вспомним «Pacte de fa-mine» во время французской революции, убийство Флесселя, де Лоне, разгром домов Анрио и Ревельона, обвинения жирондистов в союзе с эмигрантами, эбертистов^{101*} и даже Дантона — в пособничестве Питту и Кобургу, — преступлениях, в которых они были абсолютно неповинны, и т. д. См.: *Мадлен Л.* Цит. соч. Т. II. С. 57–58.

У нас — убийства Кокошкина и Шингарева, обвинения царя в намерении открыть фронт германцам, обвинения множества лиц — социалистов — в совместном заговоре с «корниловцами», «калединцами» и т. д., не соответствующие действительности, обвинения Рябушинского и капиталистов в организации голода, разгром торговцев, купцов, приказчиков и др. за якобы умышленное создание голода и т. д.

Та же самая черта сказывается и в том, что революционное общество начинает чрезвычайно остро воспринимать одни явления, которые раньше не привлекли бы его внимания, и становится «тупым» к другим явлениям, в нормальном состоянии воспринимавшимся остро и заставлявшим концентрировать на себе внимание общества.

Разрушается хозяйство, растут смертность, голод, холод, болезни и эпидемии... Общество в первый период революции беззаботно игнорирует эти явления и занимается усиленной борьбой против... офицерских погон, срыванием гербов, слежкой за формой обращения граждан друг к другу (господин, товарищ, «вы» или «ты») и т. п. детскими бирюльками. Нет ткани на одежду. Это не мешает тысячи аршин тратить на флаги. Раньше всякая смертная казнь была «событием». Теперь — бесконечные казни вызывают очень тупую реакцию. Раньше вид умершего, страданий и горя останавливал на себе внимание. Теперь «даже смерть оставляет в лучшем случае равнодушной»²³³.

Раньше пожар одного дома или признак какого-либо разрушения водопровода, моста, здания и т. п. вызывал колоссальную тревогу. Теперь разрушаются целые города, села, горят фабрики и заводы — и это не вызывает никакой особенной тревоги. Об этом мало думают и быстро забывают. Словом, происходит колоссальное сужение способности восприятия общества: оно становится очень чутким к узкому — и объективно неважному — кругу явлений и... совершенно тупым ко всему остальному. Кроме узкой полосы первой оно не видит, не слышит, не обоняет и не осязает другие явления. Они не входят в «поле его сознания», и общество становится неспособным оценить их значение.

В) Наряду с этим неверным восприятием явлений у *революционного общества деформируются процессы течения представлений и идей, процессы их ассоциации и связывания.*

Леви-Брюль показал, что основным законом, управляющим мышлением первобытных людей является закон «соучастия» (*loi de participation*)²³⁴, а не законы нашей логики разума: закон тождества, противоречия и т. д. Суть первого состоит в связывании и допущении «причинной связи» по простому признаку рядоположенности явлений в пространстве, во времени или сходству их по какому-нибудь внешнему

²³³ «Во Франции, где великим культом был всегда культ мертвых, смерть больше не пользуется правом ни на уважение, ни на внимание» (*Мадлен Л.* Цит. соч. Т. II. С. 289).

²³⁴ *Levy-Brühl L.* Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures. Paris, 1912.

и случайному признаку. Для дикаря не существует ни законов тождества, ни противоречия, ни других основных законов логики.

То же самое мы видим и в революционном обществе. Его мышление начинает управляться тем же «законом соучастия». Примеры: все носившие очки, или сравнительно сносно одетые в нашей революции принимались за «буржуев» и «врагов народа». Достаточно было большевикам назвать «корниловцами», «колчаковцами» и «монархистами» всех социалистов-небольшевиков, чтобы в сознании широких масс произошло отождествление этих разнородных групп, борющихся друг с другом не на жизнь, а на смерть. Достаточно было состоять членом какой-нибудь коллегии, например, профессорской, два или три члена которой арестованы, или жить в одном доме или квартире с подозрительным человеком, или очутиться в театре, где ловят «контрреволюционера», или вашей фамилии оказаться в записной книге какого-нибудь арестованного, или заседать с ним в одной комиссии, или выйти на рынок, чтобы продать последние штаны, — чтобы вас арестовали или даже расстреляли без дальнейших разговоров. Случайной пространственной, профессиональной, временной, внешней связи достаточно, чтобы отождествить вас с «контрреволюционером» или спекулянтом, создать презумпцию заговора и расстрелять, хотя бы по всем другим признакам для нормального мышления было очевидно, что этого отождествления никак нельзя допустить... Не буду приводить тысячи других фактов того же рода. Как русская, так и другие революции изобилуют ими и ясно показывают управление мышления революционного общества примитивным законом соучастия²³⁵.

Логика революционного мышления — сплошное нарушение закона противоречия.

«Граждане! Всем членам Конвента должна быть гарантирована свобода. Теперь, когда вы свободны в своих обсуждениях, я не требую от вас немедленного обвинения против 22 членов, но Конвент должен декретировать их арест», — эта речь Кутона от 2 июня 1793 г. представ-

²³⁵ Частным случаем и проявлением того же закона соучастия служит и факт «коллективной ответственности» во время революций. Если в семье есть один «враг народа» — то по закону соучастия все члены семьи отождествляются с ним. Если вы имеете дворянское происхождение, — то все дворяне становятся «врагами», хотя бы многие из них годы провели в тюрьмах за революционную работу. И наоборот, если уголовный убийца вместе с революционерами готов резать буржуев, то он отождествляется с «идейными борцами за свободу» по этому простому признаку и т. д.

ляет собой пример такой нелогичности. Не странно ли для обычной логики разума — воспевать гимн Свободе и во имя Свободы отправлять на тот свет всех несогласных? Не странно ли проповедовать братство — и в то же время это братство демонстрировать гильотиной и растрелами, не удивительно ли, с логической точки зрения, проповедовать неограниченное изъявление воли народа и в то же время не давать народу никакой возможности свободно эту волю выразить и беспощадно подавлять всякое свободно выраженное несогласие? Не кажется ли непоследовательным провозглашать недопустимость смертной казни, обвинять противников в ее применении, в подавлении свободы, в применении насилий, и в то же время доказывать необходимость и применять смертную казнь, насилия и т. д. в безудержной мере. А все действия и логика революционеров в эпоху революции именно таковы.

Возьмите речи ораторов Конвента, возьмите любой номер большевистской газеты — и вы найдете таких нарушений основных законов логики в неограниченном количестве. Эта непоследовательность на протяжении времени проявляется еще сильнее. До созыва Учредительного собрания большевики агитировали за его созыв и полную власть. В день открытия разогнали его и стали доказывать буржуазность и ненужность Учредительного собрания вообще и всей системы парламентаризма. До января 1918 г. доказывали справедливость «всеобщего, равного, тайного и прямого голосования». После января — устарелость и контрреволюционность этой формулы. То же самое случилось и со свободой слова, печати и собраний. Еще ярче это произошло с необходимостью коллективного управления, коммунизма и национализаций. В 1918–1920 гг. усиленно доказывали пользу и необходимость их, с 1921 г. — наоборот, стали проповедовать вред национализаций, необходимость капиталистических предприятий и единоличного управления. Понадобились бы сотни страниц, чтобы привести документы, статьи и речи в эпоху революции, в которых логик найдет бездну материала для примеров нелогичности. Вся логика мышления революционного времени — есть логика нелогичности²³⁶.

²³⁶ Вот один из тысячи примеров. В 1918 г. большевики, в том числе и Преображенский, издали декрет, ограничивавший наследственную передачу имущества размером 10 000 золотых рублей. В пользу декрета приводились десятки мотивов, доказывавших его целесообразность, справедливость, необходимость и т. д. А теперь г. Преображенский вот что пишет: «Какой смысл ограничивать право передачи по наследству имущества размером 10 000 золо-

Наряду с этой чертой *механизм ассоциаций, комбинирования представлений и идей революционного общества обнаруживает и другие сходства с примитивным обществом.*

Он *примитивно беспорядочен, непоследователен и неустойчив.* Сегодня такое-то явление квалифицируется как «преступление», завтра — как «добродетель», сегодня «враги народа» ассоциируются с «монархистами», завтра — с «либералами», послезавтра — с «социалистами», через день — с «коммунистами», а через несколько дней — с «анархистами». Сегодня — «Государственная Дума» и «жирондисты» — «спасители», завтра — «палачи народа». Сегодня такие-то группы борются друг с другом, завтра — обнимаются. В мелочах эти черты выступают еще ярче. «Поле сознания» общества похоже на растревоженный муравейник, где беспорядочно толкуются многочисленные представления и идеи, ассоциируются и диссоциируются без плана и последовательности, бессистемно и беспорядочно, образуя комбинации самые нелепые и архиабсурдные с точки зрения обычной логики.

С) *Деформируются процессы воспроизведения и памяти.* Революционное общество — до известной степени — «теряет память», способность «запоминания и воспроизведения». Оно вдруг забывает все свои традиции, верования, идеи и отрывается от прошлого. Как бы волшебным ножом от него отрезаются все его исторические воспоминания, весь умственный багаж прошлого, накопленный веками и составляющий его «я»; оно забывает свое лицо, свое имя, свои национальные традиции, свои заветы и исторические черты. «Интернационализация» революционного общества — другое имя, обозначающее тот же факт. Лик общества искажается и денационализируется. Тот же факт «беспамятства» виден и в мелочах. Как скоро забываются обществом былые заслуги или преступления тех или иных лиц и групп. 27 февраля, 1 марта русские массы благодарят Государственную Думу за ее великую освободительную роль. В конце марта они проклинают ее. Прошлые заслуги были

тых рублей? Разве лучше для страны и ее хозяйства, если нэпманы будут прожигать свои доходы в кафе, притонах и т. п., вместо того, чтобы, скажем, строить дома?» В 1918 г. доказывали: *a* есть *b*, в 1923 г. доказывают: *a* не есть *b*.

И так всюду. В 1917–1920 гг. гнали капитал в три шеи, а в 1923 г. Троцкий на XII съезде РКП говорил: «Если бы была возможность притока капитала, то неужели же мы не пошли бы навстречу целиком и не предоставили бы капиталистам широкое поле и высокие барыши» (*Троцкий Л. Основные вопросы промышленности. М., 1923*).

забыты. То же самое случилось с Временным правительством и партиями социалистов. 5–10 июля 1917 г. они проклинали большевиков за восстание 3–5 июля. Через месяц это «преступление» было забыто. В отношениях отдельных лиц друг с другом эта черта проявляется еще ярче. Многолетние связи обрываются, память об услугах и долгой борьбе — забывается и бледнеет... вчера друзья — сегодня враги...

2. *Тот же процесс дезорганизации и примитивизма выступает и в сфере чувственно-эмоциональных переживаний революционного общества.*

«Чувственно-эмоциональный тон» общественной техники становится удивительно импульсивным, неустойчиво-беспорядочным. Отчаяние и радость, взрывы ненависти и восторга, подавленности и безудержного веселья, обожания и презрения, мести и великодушия лихорадочно сменяют друг друга. Сегодня масса вас приветствует, — завтра разрывает на куски. Сегодня Лафайет, Робеспьер, Керенский, Милюков, Чернов и другие — «идолы», завтра — «предатели».

«Как будто какая-то лихорадка овладела народом», — пишут современники о Чешской революции. «Ученые того времени не знали, как объяснить это явление и приписывали его влиянию звезд»²³⁷. Народ обезумел, отмечают современники французской революции. То же самое может быть сказано и о других революциях.

Некоторые исследователи подчеркивают импульсивность чувственно-эмоциональной жизни дикарей. Ту же черту мы видим и в революционном обществе. За настроение толпы здесь трудно поручиться. Оно часто кардинально меняется на протяжении нескольких дней, часов и минут. Если толпа радуется — то радуется, как пьяная, если обожает — то до упоения, если ненавидит — то до зверства. Ровного чувственно-эмоционального тона она не знает. Бесконечные манифестации, празднества и пляски, «Праздники Разума», «Свободы» и т. д. — с одной стороны, взрывы ярости, ненависти и гнева, злобы и страха, с другой, — все это заполняет собой первый фазис революции и говорит об исключительной неустойчивости и импульсивности. Чувства и страсти бурлят, кипят, толкутся «без руля и без ветрил», возбуждаемые и управляемые одним ветром случайных обстоятельств. Малейший повод, какая-нибудь фраза в статье или правительственном акте выводит массу из себя; столь же ничтожное обстоятельство — вызывает ее восторг. Если толпа вообще неустойчива, то толпа революции — исключительно на в этом отношении.

²³⁷ Denis E. Op. cit. P. 219.

Во вторую половину революции, в силу усталости, истощения, голода и бедствия, это буйное состояние сменяется пассивностью, подавленностью и безразличием. Общество из буйного помешанного становится «тихопомешанным», мрачным и апатичным. «Приходит в себя» после припадка.

Принимать эту энергию разъяренного быка за волю — значит делать громадную ошибку...

Во второй период революции с иссяканием энергии и торможением это сразу и проявляется. Общество становится совершенно «безвольным» и «бесхарактерным». Оно делается неспособным к какому бы то ни было активному усилию. С ним можно делать что угодно. На этой-то полной волевой вялости и расцветают пышно роскошные цветы красной или белой диктатуры и тирании. Она бьет общество беспощадно, оскорбляет, мучает, терзает и хлещет его «в нос и в рыло»^{102*}, и... общество покорно сносит эти удары. У него не находится даже энергии для громкого протеста. Оно — «точно скошенный лен», говоря словами Ипувера.

Таковы схематически изменения в отдельных областях душевных переживаний²³⁸.

Перейдем теперь к характеристике деформации общей душевной жизни революционного общества.

Она еще отчетливее демонстрирует указанные черты примитивизма и дезорганизации, являющиеся результатом внезапного угасания многих условных рефлексов.

1. Уже давно рядом исследователей было отмечено громадное распространение рефлексов подражания в эпохи революций²³⁹.

Явление подражания с бихевиористской точки зрения представляет собой не что иное, как *простой рефлекс*. Совершение определенного акта достаточно, чтобы он, будучи воспринятым, вызвал реактивный акт, состоящий в его повторении. Нервная дуга такого рефлекса, как правило, чрезвычайно проста. Раздражения, воспринятые рецепторами, идут до ближайшего нервного центра или до центра его в коре боль-

²³⁸ Ряд верных наблюдений см. в: Galéot A. -L. La psychologie révolutionnaire. Paris, 1923; Vierkandt A. Zur Theorie der Revolution // Schmoller's Jahrbuch für Gesetzgebung. 46 Jahrgang, Heft 2, 1922.

²³⁹ См.: Сиггел С. Преступная толпа. СПб.; Кабанес О., Насс Л. Цит. соч. Гл. 1; Тард Г. Преступления толпы. Казань, 1893; Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. Пг., 1922.

ших полушарий, и оттуда через двигательные нервы сразу передаются на рабочие органы, выполняющие реакцию повторения акта-стимула... Такие рефлексy подражания совершаются тем легче, чем сильнее диссоциированы различные части коры головного мозга, чем меньше в них проторено «соединительных замыкательных путей», иначе говоря, чем меньше воспитано или чем больше угасло условных рефлексов. Этим объясняется, почему дети и дикари более подражательны, чем взрослые и культурные люди; почему прогрессивные паралитики, с диссоциированным головным мозгом²⁴⁰, чрезвычайно подвержены подражательности, почему, наконец, толпа, находящаяся в условиях, вызывающих «усыпление высших центров сознания», — подражательна²⁴¹.

Поскольку в революции угасает огромное количество условных рефлексов, то отсюда понятно, что роль рефлексов подражания должна значительно повыситься в психологических переживаниях и поведении революционной массы.

Так оно и есть. После работ Тарда, Михайловского, Сигеле, Бехтерева, Кабанеса, Гиддингса, Болдуина, Росси, Хейса, Росса, Элвуда и ряда других социологов нет надобности приводить факты. В исследованиях психологии толпы и ее подражательности главные факты и примеры, как известно, берутся именно из революций.

То же самое мы наблюдали за эти годы и в России. Роль рефлексов подражания колоссально возросла в поведении масс. Они стали «сомнамбулами». «Акционный стимул, в виде действия или речевого рефлекса, данный оратором, — повторялся толпой; напечатанный в газете — повторялся по стране; брошенный лидером коммунистов — подхватывался его стадом. И особенно характерно то, что тысячи ораторов в своих речах стереотипно повторяли термины и выражения их лидеров, часто не понимая их смысла, коверкая иностранные слова и произнося в целом речи, представлявшие собой набор фраз без смысла и содержания, но состоящие из выражений, стереотипно повторявших «образцы».

Акционный стимул убийства или разгрома магазинов, данный одним, толкал к убийству и разгрому сотни и тысячи. Паника, страх и бегство, или, наоборот, храбрость и решительность, проявленные одним, увлекали за собой и остальных солдат или граждан. Население представляло собой массу, по которой непрерывно пробегали волны подражатель-

²⁴⁰ См. докторскую диссертацию А. Ленца на эту тему и статью И. П. Павлова.

²⁴¹ См. соответствующие главы в книгах: *Hayes E. C. Introduction to the study of sociology.* New York; London, 1921; *Ross E. A. Foundations of Sociology.* New York, 1920; *Гиддингс Ф.* Основы социологии. 1898.

ности. Про детей и молодое поколение не нужно и говорить: они стали исключительно подражательными. Как бы ни было нелепо какое-нибудь мнение, как бы ни было чудовищно какое-нибудь действие, оно, выполненное четко и решительно, всегда находило огромное число подражателей. Общество превратилось в огромное загипнотизированное существо, которое можно было толкнуть на самые неожиданные действия, внушить ему самые нелепые бредни²⁴².

То же самое было и во время других революций.

Этот рост рефлексов подражательности служит ярким показателем примитивизации душевной жизни революционного общества.

Со второй стадии революции, с началом прививки угасших условных рефлексов, река подражательности мелеет.

2. Вторым общим фактом дезорганизации и примитивизации всей душевной жизни служит явление неспособности революционного общества правильно воспринимать окружающую его обстановку, отрыв от реальности и исключительный иллюзионизм...

Часть фактов этого рода приведена выше. Теперь обратимся к фактам более общим и более ярким.

Для дикаря, ребенка и психически больного граница между реальным и фантастическим, возможным и утопическим, — очень прозрачна и неопределенна. Где кончается первое и где начинается второе — им трудно установить. За пределами небольшого круга их обычной будничной среды начинается мир смешения «реального» со «сказочным», фантастики с действительностью. Само различие «естественного» и «сверхъестественного» им чуждо и неизвестно²⁴³.

То же самое мы видим и в революционном населении. Его представления о мире, о среде и характере совершающихся процессов, его понимание и оценка того или иного явления представляют собой полное искажение действительности. Невозможное ему кажется вполне возможным, и наоборот, гибельное — спасительным, иллюзия — реальностью. Оно начинает жить не в мире реального, а в мире фантастики. Оно начинает «бредить» и галлюцинировать.

А) Первым общим проявлением этих черт служит то, что может быть названо *законом революционного иллюзионизма и наивного суеверия*. Общество, вступающее в революцию, верит в возможность осуществления самых несбыточных фантазий и самых утопических целей. Оно

²⁴² Факты см. в книге В. М. Бехтерева «Коллективная рефлексология» (гл. 5–12).

²⁴³ См. об этом: *Durkheim E. Les formes élémentaires de la vie religieuse*. Paris, 1912.

выдвигает великие лозунги и верит в их реализацию. «Полная справедливость», «наступление рая на земле», «всеобщее довольство и счастье», «пришествие Христа на землю», «наступление 1000-летнего царства», «пришествие пятой монархии Христа», «Egalité, Fraternité, Liberté», «Декларация прав человека», «всеобщий мир», «Интернационал», «мировая революция», «коммунизм», «душевное и телесное блаженство» и т. д. — вот лишь некоторые из многочисленных целей и лозунгов, выдвигавшихся революциями. Последние гарантируют их осуществимость. Массы — в первой фазе революции — верят в их реализацию. Ни тени сомнения у них нет. Вопрос «возможно ли это?» — не встает перед ними. Они зачарованы этими великими иллюзиями²⁴⁴. Загипнотизированные, они не видят того, что реально происходит вокруг них.

Вокруг творятся зверства и убийства — они твердят о начавшемся осуществлении братства. Усиливаются голод и нищета — они этого не видят и верят, что завтра революция даст не только сытость, но райское блаженство всем и вся. Разрушается народное хозяйство, пустеют поля, перестают дымиться фабрики, растет дороговизна, — они ничуть не беспокоятся об этом: «Это простая случайность, завтра же революционный гений произведет чудеса». Повсюду идет внешняя и внутренняя война — массы усматривают в этом начало создания вечного и универсального мира. В реальном мире идет рост небывалого неравенства: большинство лишается всяких прав, меньшинство — диктаторы — становятся неограниченными деспотами — массы продолжают видеть в этом реализацию равенства. Кругом растет моральный развал, вакханалия садизма и жестокости — для масс это подъем морали.

²⁴⁴ «Men's mind had so far drifted from one encourage of use and wont that to some of them every counsel of perfection seemed capable of immediate realization»^{103*}, — эта характеристика революционной психологии в Англии может считаться правильной в применении ко всем революциям (*Gardiner S. History of the Commonwealth and Protectorate. London, 1903. Vol. I. P. 29*).

«Открывается новая эра: теперь не будет больше ни скандалов, ни преступлений, ни лени, ни вероломства. Не будет ни рангов, ни отличий, собственность будет уничтожена, человечество будет освобождено от труда, нищеты и голода. Не будет ни ученых, ни невежд, и блеск вечной истины будет в глазах у всех... Злые забудут злые дела», — такова одна из иллюзий Чешской революции, которую принимали за нечто такое, что можно сразу же осуществить (*Denis E. Op. cit. P. 266*).

То же самое в иных формах встречаем и во времена других революций.

С 1920 г. европейское общество вступило в полосу «реакций» (фактически — оздоровления) — в России продолжали ждать со дня на день взрыва мировой революции, как во время Английской революции «люди пятой монархии» ждали ее пришествия, в средневековых революциях — 1000-летнего царства Христа и т. д.

Словом, перед нами общество, потерявшее всякое чувство реальности и живущее в мире иллюзий и фантазмов. Эти примеры повторяются во всех революциях. Варьируют лишь конкретные детали.

Только после страшных ударов действительности во второй период революции народ «просыпается», «приходит в себя» и, как очнувшийся безумный, начинает понимать весь ужас реальной обстановки. Только теперь он освобождается от иллюзий и начинает осознавать действительность.

В) Это же явление иллюзионизма и отрыва от действительности ярко проявляется и в *успехе крайних теорий*. С подъемом революции и по мере угасания условных рефлексов происходит и рост популярности *экстремистских идеологий*. Идеология «левее всякого здравого смысла» имеет максимальные шансы на успех. В непрерывных революциях она обычно очень скоро побеждает все умеренные (жирондистские, кадетские, социал-соглашательские и т. п.) идеологии. Чем утопичнее программа, чем она неосуществимее и чем большие блаженства обещает массам, тем больше шансов она имеет на успех, тем скорее завоевывает популярность и признание. Как грибы, начинают множиться такие идеологии, одна левее и утопичнее другой. Начинается состязание в «экстремизме левее здравого смысла». И массы идут обычно за той идеологией, которая обещает наиболее неосуществимые «кисельные берега и молочные реки». Их психология такова, что они ничуть не сомневаются в том, что завтра эти реки потекут. То, что в нормальном состоянии общества принято было бы за утопию чудака, фантазию поэта или бред сумасшедшего, принимается за осуществимый план действий. Общество с упорством маньяка и энергией сумасшедшего принимается за постройку моста на луну. Препятствия? — Их для него не существует, как нет их и для безумного. Если нужно опрокинуть мир — ему ничего не стоит это сделать, если нужно изменить движение планет — достаточно издать декрет. Оно верит в свое всемогущество, верит в реальное осуществление плана, как верит в свои вымыслы малое дитя. В этом факте, обычном для всех революций, указанная черта примитивизации и дезорганизации выступает вполне отчетливо. Лишь опять-таки исключительно тяжелые удары действительности при непрерывной революции — исподволь приводят

общество в себя. Во второй период революции начинается «тяжелое похмелье». Этот экстремистский иллюзионизм мало-помалу начинает таять. Появляется скепсис, потом разочарование, потом прямое дискредитирование всех крайних теорий. Обаяние их исчезает. С глаз общества спадает пелена, и оно видит реальное «разбитое корыто». Приходит — не без колебаний и перебоев — стадия отрицания и ненависти к экстремистским теориям, столь популярным еще недавно. Идеология общества делает резкий крен в обратную сторону...

3. Третьим общим проявлением того же факта служит *«прямой метод мышления и действия» в революционные эпохи.*

Рост и усложнение условных рефлексов означает рост и усложнение *извилистых* путей при достижении поставленных целей. Ту же мысль особенно четко выявил Л. Уорд²⁴⁵, показав, что совершенствование разума означает замену прямых и часто непригодных путей к поставленным целям путями косвенными, окольными, более сложными. Совершенствование разума и цивилизации означает движение в этом направлении. «Примитивизация» — движение в обратную сторону.

Если дело обстоит так, то понятно, почему угасание множества условных рефлексов в революции должно влечь за собой усиленное применение методов «прямого действия и прямого мышления» вместо косвенно-окольных и почему этот последний факт означает «примитивизацию» и регресс психики. Это мы видим во всех революциях. Это мы видим даже в самом названии революционного метода — «l'action directe»^{104*}. Название строго адекватное, только вряд ли его сторонники подумали серьезно о всем его значении. Проф. Элвуд и проф. Росс совершенно правы, когда говорят: «Методы достижения целей в революции суть методы наиболее характерные для самых низших стадий цивилизации: они нерелекторны, крайне прямы и жестоки»²⁴⁶. Это — методы дикого быка, пытающегося прямо лбом пробить стену, методы, состоящие в простом применении грубой силы, в вере в универсальную пригодность физического насилия. Аксиома «мудрости» методов революционного мышления и действия проста и несложна:

Бей, руби их, злодеев проклятых...
И взойдет новой жизни заря.

²⁴⁵ См.: Уорд Л. Психические факторы цивилизации. М., 1897.

²⁴⁶ Ellwood Ch. A. Introduction to Social Psychology. 1917. Ch. VIII; Ross E. A. Foundations of Sociology. New York, 1920. Ch. XLV.

Чем больше голов будет отрублено — тем скорее придет обетованная земля. Чем больше насилия и террора — тем достовернее наступит царство Братства, Равенства и Свободы, Коммунизма и Социализма. «Чем больше разрушения — тем лучше, ибо «Дух разрушающий есть и Дух созидающий»^{105*}... Поведение людей становится идентичным поведению крыловского Медведя, по «прямому методу» принявшегося гнать дуги. Результат, как известно, был неважным. «Дуги гнут с терпением и не вдрут». Иначе — получается только одно разрушение.

В этом — весь «закон и пророки революции». Это мы и видим в дикой и бессмысленной стихии насилия и разрушения, приходящей с революцией. Разрушается все и вся: люди и культурные ценности, поля и фабрики, села и города, музеи и библиотеки, происходит какая-то вакханалия уничтожения в большинстве случаев даже того, что нужно самой разрушающей массе. Освобожденные от тормозов основные импульсы человека развивают в нем бешеную силу и дикую энергию. Убеждения, доказательства, призывы не разрушать — бесполезны. Сорвавшийся с цепи человек делается ураганом, сеющим вокруг себя бессмысленную гибель, смерть и разрушение²⁴⁷. Повсюду налицо настоящее «прямое действие».

Таково же и мышление, как мы уже видели... Десяток «прямых лозунгов» делается ключами, открывающими все тайны Сезама. Пара-другая тощих и жалких мыслишек (например, классовая борьба, национализация, диктатура пролетариата и архипримитивный материализм в Русской революции) делается началом и концом всякой мудрости и знания. Все иное и несогласное — не допускается. Более сложные построения объявляются контрреволюцией. Основным аргументом для доказательства истины становится... дубина: тюрьма, арест, высылка, расстрел. Всякое сомнение в правильности «революционной догмы» квалифицируется как преступление. Место серьезной работы мысли занимает революционный сектантский догматизм, более нетерпимый, чем инквизиция. Словом, и здесь та же самая «примитивизация», доходящая до крайних пределов.

4. Четвертым проявлением тех же черт служит «*манья величия*», охватывающая революционные массы и их вождей. Возьмите революционные речи, брошюры, статьи: каждый ничтожный шаг, делаемый рево-

²⁴⁷ Эта страсть к разрушению в 1918–1921 гг. в России отчетливо проявлялась даже в обычном поведении детей школьного возраста. Педагоги констатировали у них «какую-то эпидемию разрушения». В школах без всякой цели дети ломали парты, шкафы, окна, замки, двери, изрезали стены и т. д.

люционерями, они преподносят как «открытие» новой эры, «новой страницы истории», как что-то абсолютно новое и исключительно важное в истории человечества. Потому-то многие революции, как Английская, Французская и Русская, переменили летосчисление и начинали отсчет времени с первого года революционного сдвига, меняли календарь, праздники и святых, вставляя на место старых — новых революционных угодников. Потому же они меняли названия улиц, городов, областей, еще при жизни называя их своими именами. Себя самих они считают, говоря на жаргоне русской революции, «передовым авангардом» человечества, сверхчеловеками, титанами, непогрешимыми святыми, по сравнению с которыми другие люди — «грешники» и что-то мизерное.

Свергли правительство — это значит «открыли новую эру». Победили кучку контрреволюционеров — опять «открыли новую эру». Распределили богатства каких-нибудь богачей — «открыли новую эру». Уменьшили на час рабочий день — опять «новая эра». О самых простых явлениях говорится в превысоком стиле. То, что здоровому человеку может казаться смешным, — им кажется геройски-титаническим. Сами массы в собственных глазах и особенно вожди кажутся себе «гигантами». Газетный репортер превращается в «великого трибуна», самый посредственный конторщик — в «великого организатора», посредственный публицист — в «великого мыслителя». Отсюда — из этой мании величия — «революционная поза», ложноклассические жесты, величественные речи с апелляцией к Богу, к римским героям или «героям предыдущих революций». Отсюда — пышные празднества революции, ее демонстрации, манифестации и мистерии. Перед вами — не нормальные люди, а какие-то актеры, играющие одну из трагедий ложноклассицистов.

5. Те же примитивизация и дезорганизация душевной жизни проявляются в факте *исчезновения личной ответственности и в замене ее ответственностью коллективной, представляющей, как известно, явление, обычное среди примитивных групп*. За преступления одного здесь наказываются сотни и тысячи лиц, не имеющих к нему никакого отношения («заложники», «круговая порука», «массовый террор», наказание целых городов и сел, целых социальных слоев и групп).

6. Наконец, дезорганизация душевной жизни, вызываемая революцией, сказывается в *значительном росте душевных заболеваний и психических расстройств* (см. ниже, очерк второй).

Сказанного достаточно, чтобы признать правильность положений о примитивизации и дезорганизации психической жизни революцион-

ного общества, как факте и как неизбежном результате угасания условных рефлексов. Из этой черты вытекают и другие свойства революционной психологии, на которых я не буду сейчас останавливаться²⁴⁸.

Этим и закончим очерк первый, характеризующий деформацию поведения и психики в эпохи революций...

Основные черты ее ясны и нет надобности повторять их. Они рисуют картину, существенно отличающуюся от «романтически-фантастических» представлений о благотворном влиянии революции. Выводы их гласят: *кто хочет «биологизирования» людей, кто хочет приближения их поведения к типу поведения животных, – тот должен и может готовить революцию и углублять ее. Кто хочет, чтобы пришла гибель общества или стадия «торможения» кровью и железом, стадия удушающей смирительной рубашки, неизбежно следующая за стадией «освобождения», – тот может желать насильственной революции. Кто хочет разрушения, вакханалии убийств, жестокостей, зверства, правовой, моральной и психической деградации общества – тот может желать насильственной революции. Ибо – революция все это приносит. Кто этого не хочет – тот не может не отвергать революции.*

²⁴⁸ О некоторых из этих свойств см. в указанных работах Galéot, Vierkandt'a, Кабанеса, И. Тэна (глава о психологии якобинства).

ОЧЕРК ВТОРОЙ

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИИ НА СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ, ЕГО СМЕРТНОСТЬ, РОЖДАЕМОСТЬ И БРАЧНОСТЬ

Помимо деформации поведения, революция изменяет биологический состав революционного населения, с одной стороны, с другой — процессы рождаемости, смертности и брачности последнего.

Совокупность этих изменений вкратце сводится к следующему:

1. Революция уменьшает количество населения и задерживает его прирост.

2. Революция обычно ведет к повышению кривой смертности, к понижению кривой рождаемости и в большинстве случаев (но не всегда) к повышению кривой брачности. Если кривая рождаемости падает мало, то кривая смертности поднимается резко, так что в итоге естественный прирост населения неизменно уменьшается.

3. Революция представляет орудие селекции «шиворот-навыворот». Она убивает «лучшие» по своим наследственным свойствам элементы населения и способствует выживанию «худших» элементов. В ней гибнут, главным образом, люди биологически наиболее здоровые, энергетически — трудоспособные; психически — самые волевые, талантливые и умственно-развитые; морально — наиболее устойчивые, обладающие прочными нравственными рефлексами.

4. Убивая их, в их лице революция убивает и носителей этих наследственных свойств, производителей соответствующего потомства, а следовательно, она ухудшает «биологически наследственный фонд положительных свойств народа», способствует его деградации и вырождению.

5. К тому же самому результату она ведет и посредством ухудшения жизнеспособности и здоровья выживающих элементов населения.

Все эти эффекты революции, при равенстве прочих условий, тем резче выявляются, чем революция кровавее, длительнее и острее. В неглубоких революциях они будут почти незаметными.

Дадим краткие пояснения и подтверждения этим положениям.

§ 1. Революция уменьшает население количественно

Это положение не требует подробных доказательств. Настоящая революция сопровождается обычно гражданской войной. Последняя, как и всякая война, усиленно пожирала людей. К тому же самому результату революция ведет и другими путями: снижением рождаемости, повышением смертности от эпидемий, нищеты, голода и других факторов, являющихся обычными спутниками, родителями или детищами революции.

Подтверждения. Население Советских республик с 1917 по 1922 г. убыло за эти пять лет революции на 15–16 миллионов. Революция поглотила не только естественный прирост населения, но сверх того и эти 15–16 миллионов¹.

Во время революции 1870–1871 гг. за три месяца было убито и расстреляно около 17000 федератов и 878 версальцев^{1*}, ранено около 10–12 тысяч федералистов и 6454 версальца. Общее число убитых с обеих сторон исчисляется в «25 000 французов, убитых французами же», не считая косвенных жертв гражданской войны².

Во время Парижской революции 1848 г. в ходе одного только восстания 26 июня было убито не менее 1000 человек³, если же подсчитать косвенные потери по всей Франции, то число жертв окажется, конечно, несравненно большим.

За время Французской революции 1789 г., по общему признанию, население городов резко убыло. Тур потерял одну треть жителей, Бордо — одну десятую, Ренн — одну восьмую, Лион — больше 80 000 человек и т. д. Вандейская война унесла около 300–400 тыс. человек.

¹ По официальной статистике население, живущее на территории современных советских республик с 1914 по 1920 г. убыло на 18–19 миллионов. 1921–1922 гг. унесли еще 2–2,5 миллиона. Вычитая из этих 21–22 миллионов 3 млн жертв мировой войны, 2 млн эмигрантов, мы и получаем указанную цифру. См.: Труды Центрального Статистического управления. М., 1922. Вып. 3. С. 4; Экономист. 1922. № 4–5. С. 44. [См. «Примечания и дополнения». С. 413–415].

² *Грегуар Л.* Цит. соч. Т. IV. С. 427–428.

³ Там же. Т. III. С. 111, 132, 119, 129.

По отчетам префектов в 37 департаментах население убыло, в 9 осталось каким и было, и лишь в 12 наметилось увеличение. По признанию огромного числа историков, революция и войны Наполеона — детище первой — унесли около двух миллионов человеческих жизней. По данным Juglar'a и Raudot, с 1789 по 1801 г. погибло 1 400 000 человек⁴. То же самое явление, хотя и в меньшей мере, мы видим и в Английской революции XVII века. Несколько лет гражданской войны и здесь привели к тому же результату. Отдельные же эпизоды революции, вроде поголовного избиения населения Дроггеда, Уэксфорда, избиения 100 тыс. или (по другим сведениям) 200 тыс. ирландцев в 1651 г.⁵, очевидно, в сильной степени увеличили общее число жертв революции. Нужно ли говорить о тех громадных, исчисляемых десятками тысяч человек, опустошениях населения, которое произвела Гуситская революция и ее войны (под руководством Яна Жижки, Прокопа и других), обессилившие население Чехии и количественно, и качественно⁶.

Возьмите далее французскую Жакерию XIV в. и последовавшие за ней многочисленные восстания («майотенов», «кабошинов» и др.), трепавшие Францию с незначительными перерывами в течение нескольких десятилетий второй половины XIV и начала XV вв. Они, вместе с их результатом — эпидемией чумы, — уменьшили ее население на одну треть⁷.

То же самое может быть сказано и о крестьянском восстании Уота Тайлера в Англии, крестьянских восстаниях в Германии конца XV и XVI вв. — все они прямо и косвенно, совместно с голодом, чумой и дру-

⁴ Мишле Ж. История 19 в. Т. I. Директория. СПб., 1882. С. 133; *Levasseur P. E. La population française*. Paris, 1891. Vol. III. P. 506–507; *Levasseur P. E. Histoire des classes ouvrières de 1789 à 1870*. Paris, 1904. Vol. I. P. 276–277; *Taine H. Les origines de la France contemporaine*. Paris, 1889. Vol. VIII. Хотя Левассер и склонен признать, что убыль населения городов была компенсирована приростом населения деревень, но его тезис не нашел поддержки у большинства специалистов (F. de Flax, Juglar, Raudot, Taine и др.).

⁵ См.: *Fuso Ф.* Цит. соч. Т. I. С. 34; *Gardiner S. R. History of the Commonwealth and Protectorate*. Vol. IV. P. 82–84.

⁶ См. цит. соч. Э. Дени и Ф. Палацкого.

⁷ *Levasseur P. E. Histoire des classes ouvrières*. Vol. I. P. 521–533. «La Jacquerie, — говорит он, — n'eut d'autre effet que depeupler plusieurs compagnes»^{2*}. Париж, имевший в начале XIII в. более 200 000 жителей, теперь казался покинутым городом. Более 24 000 домов опустело. В Провансе из 3200 ремесленников осталось 30, в Салле из 500 домов — 35, в Руссильоне из 80 — 30 и т. д.

гими эпидемиями, унесли жизни десятков тысяч людей. Ко всем им применимы слова историка: «Крестьяне свирепствовали, убивали рыцарей мучительной смертью, их жен и детей. Дворяне гнались за ними, убивали их тысячам; селения были выжжены, поля покрыты трупами»⁸.

То же происходило и во время Нидерландской революции XVI в., где погибло около одной трети населения, и во время русской смуты XVII в. и т. д. Не иначе обстояло дело и в революциях Древней Греции и Рима.

Революционный период Рима, начавшийся со времен Гракхов и включающий в себя гражданские войны Суллы и Мария, первого и второго триумvirата^{3*}, с их громадным истреблением противников, привел к почти полному уничтожению италиков-самнитов и этрусков^{4*} и к огромной убыли коренного населения Рима и Италии. Общее число жертв намного превосходит 300 000 человек⁹.

«Латинское племя в Италии вымирало ужасным образом». Страна обезлюдела. «В виде возмездия Италия получила пролетариат из рабов и вольноотпущенников из Малой Азии, Сирии и Египта. Но в большей части Италии не было даже такой замены чистых элементов нечистыми, и население воочию убавлялось»¹⁰.

То же самое повторилось в III–IV веках по Р.Х. во времена постоянных смут и непрекращавшейся анархии.

Аналогичная же судьба постигла и греческие социальные агрегаты в периоды революции. Бесконечные убийства и здесь очень быстро и значительно уменьшали население. Когда же во II в. до Р.Х. революции (Агиса IV, Клеомена III, Набиса и др.) стали перманентными, то их прямым и косвенным результатом стало то ужасное обезлюдение Греции, которое описал нам Полибий¹¹.

Обратимся к революциям громадных агрегатов — таких, как, например, Китай. Здесь при огромном населении цифры убыли приобретают колоссальные размеры, исчисляемые десятками миллионов. Например, гражданская война 766–781 гг. уменьшила его население с 53 до 2 млн человек, восстание тайпинов — с 334 до 260 млн и т. д. ^{12/5*}

⁸ Вебер Г. Цит. соч. Т. 8. С. 25–26.

⁹ См.: Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. Пг., 1918. С. 41–42, 29, 100–101; Моммзен Т. Цит. соч. Т. II. С. 404.

¹⁰ Там же. С. 463–464.

¹¹ См.: Fahlbeck P. La décadance et la chute des peuples // Bulletin de l'Institut International de statistique. Vol. XV, livre II.

¹² Статистические данные убыли населения во время восстания тайпинов, дунган

О такой же громадной смертности во время Египетской революции свидетельствует и Ипувер: «Смерти вдосталь в стране... Всюду можно найти человека, закапывающего в землю своего брата... Покров мумии вопиет еще прежде, чем человек к нему приблизится... Умирает так много людей, что негде хоронить. Много мертвых погребается в реке (кидается в воду)... Смертности, кроме голода, убийств, гражданской резни и войн на все фронты, способствует чума, свирепствующая по всей стране»¹³.

Нет необходимости приводить дальнейшие факты. Не будет большим преувеличением, если в заключение скажем, что число прямых и косвенных жертв революций, восстаний и мятежей уступает количеству жертв международных войн и столкновений, но составляет значительную величину по сравнению с ними. Смерть пожинает обильную жатву в обоих случаях борьбы человечества «за право и справедливость». Часть этой жатвы она получает не столько путем прямых убийств, сколько путем повышения смертности и снижения рождаемости населения революционного общества. Обратимся к этой стороне дела.

§ 2. Движение смертности, рождаемости и брачности во время революций

Повышение смертности, падение брачности и рождаемости гражданского населения в годы войны — обычное явление. Смертность начинает повышаться вскоре после начала войны и снижается после ее окончания. Брачность снижается с началом войны и резко — обычно выше нормы — поднимается после ее окончания, когда реализуются задержанные войной браки. Через год-два она приближается к довоенной норме. Падение рождаемости обнаруживается спустя 9-10 месяцев после начала войны, а спустя 9-10 месяцев после ее окончания она резко повышается, чтобы снова снизиться до довоенной нормы через год или два¹⁴.

и др. см. в: *Parker E. H. China Past and Present. London, 1903. P. 26–27; Steinmetz R. Die Philosophie des Kriges. Leipzig, 1907. S. 60.*

¹³ *Викентьев В.* Цит. соч. С. 295.

¹⁴ Эти явления наблюдались во время Прусско-датской войны 1864 г., Прусско-австрийской 1866 г., во время Наполеоновских войн, Крымской войны, Франко-прусской 1870–1871 гг., Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Сербско-болгарской 1886 г., Балканской 1912–1913 гг., Русско-японской 1904–1906 гг., во

Так как гражданская война есть та же война, то сходным должно быть и ее влияние на движение смертности и рождаемости.

К этому же результату ведут голод, эпидемии, нужда, ослабление жизнеспособности населения, неразрывно связанные с глубокими революциями.

Фактическая проверка действительно подтверждает, что в годы революции смертность обычно повышается, а рождаемость падает. Если же падение последней незначительно, то замедление прироста населения достигается соответствующим повышением смертности.

Что же касается брачности, то ее движение иногда отклоняется от очерченной схемы.

Если гражданская война не отрывает солдат надолго и на далекое расстояние, если революция сильно растормаживает половые рефлексы и усиливает половую вольность, если она создает такие условия, при которых жить и бороться за свою жизнь женатому легче, чем холостому (как в России за эти годы: благодаря разделению труда между супругами, им было легче бороться за жизнь), если, вдобавок, революция, нуждающаяся в «пушечном мясе», покровительствует брачности и дает те или иные преимущества вступающим в брак (несколько аршин материи на приданое, улучшенный паек, как в России) — там брачность может подняться в самые годы революции. Это мы и видим в России. Где этих условий нет, там она падает в годы революции (как и в годы войны) и поднимается по окончании гражданской борьбы.

Но зато в первом случае браки будут бездетными и сами они, по своей непрочности, случайности, кратковременности и легкости разрыва, превратятся в «легальную форму случайных половых связей», без потомства, быстро возникающих и быстро разрывающихся. Данные статистики разводов и ничтожная продолжительность «революционных браков», упомянутая выше, свидетельствуют именно об этом.

Таково влияние революции на «естественное движение населения».

Теперь приведем данные.

Начнем с *Русской революции*.

Представление о естественном движении населения дают следующие цифры (общих данных по всей РСФСР, к сожалению нет):

время Гражданской войны в США, в Мировой войне 1914–1918 гг. Статистические данные см. в моей статье «Влияние войны на состав и движение населения» (Экономист. 1922. № 1); там же указаны источники.

Повышение смертности

На 1000 человек умирало:

<i>Губернии</i>	<i>в 1914 г.</i>	<i>в 1920 г.</i>
Костромская	27,6	49,6
Московская	26,8	40,8
Нижегородская	29,1	33,8
Орловская	268,8	30,4
Пензенская	30,0	40,8
Рязанская	22,3	27,2
Тверская	25,7	27,0
Смоленская	28,3	33,4 ¹⁵

Здесь взяты губернии, которые не были ареной острой гражданской войны; но и в них, как видим, смертность резко возросла. В губерниях же, где эта война шла, увеличение смертности за годы революции еще значительнее.

То же самое следует сказать и о рождаемости. За годы революции, вплоть до окончания гражданской войны в 1920 г., она резко снизилась. После 1920 г. она должна была бы подняться, но голод, нищета, эпидемии, террор и т. п. условия в большинстве мест России, кроме ее столиц, продолжали понижать рождаемость и повышать или держать на высоком уровне смертность. Нижеследующие цифры подтверждают сказанное.

Понижение рождаемости

На 1000 населения рождалось:

<i>Губернии</i>	<i>в 1911 г.</i>	<i>в 1920 г.</i>
Новгородская	41,0	24,0
Смоленская	62	29,7
Тверская	43,3	20,1
Московская	41,5	24,5
Костромская	46,4	33,2
Нижегородская	47,9	24,9
Вятская	52,7	10,2
Пермская	55,1	19,0
Пензенская	64,8	28,0

¹⁵ Статистический ежегодник России. М., 1918. С. 93; Труды Центрального Статистического Управления. М., 1921. Т. I. Вып. 3. С. 4.

Рязанская	43,4	25,4
Орловская	47,3	24,2 ¹⁶

Коэффициент рождаемости во всей России за весь XIX и начало XX века колебался между 40 и 52 на 1000 человек населения¹⁷. За годы революции он не поднимался выше 30 на 1000.

Мудрено ли поэтому, что за годы революции в России, отличавшейся большой рождаемостью и быстрым приростом населения (на 1000 человек естественной прирост был за XIX столетие и в начале XX от 12,0 до 18,1), рождаемость не покрывала смертности.

Это видно из следующих данных. На 1000 населения в 1920 году приходилось:

<i>Губернии</i>	<i>Рождений</i>	<i>Смертей</i>	<i>Разница</i>
Череповецкая	24,0	29,6	– 5,6
Новгородская	24,0	26,3	– 1,3
Смоленская	29,7	33,4	– 3,7
Тверская	26,1	27,0	– 0,9
Московская	24,5	40,8	– 13,3
Иваново-Вознесенская	32,8	46,3	– 13,5
Костромская	33,2	49,6	– 1,4
Нижегородская	24,9	33,8	– 8,9
Вятская	16,2	24,1	– 7,9
Пермская	19,0	26,0	– 7,0
Пензенская	28,0	40,6	– 2,8
Рязанская	26,4	27,2	– 1,8
Орловская	24,2	30,4	– 12,2 ¹⁸

В Николаевской губернии разница между смертностью и рождаемостью изменялась с 1914 г. следующим образом:

<i>Годы:</i>	<i>Избыток рождений +</i> <i>Избыток смертей –</i>
1914	+ 5981
1915	+ 2762
1916	+ 1828
1917	+ 1822

¹⁶ Статистический ежегодник России за 1913 г. С. 1–2; Труды Центрального Статистического Управления. Вып. 3. С. 4.

¹⁷ Энциклопедический словарь Брокгауза–Ефрона. Т. 40. С. 628–629.

¹⁸ Труды Центрального Статистического Управления. Вып. 3. С. 4.

1918	+ 1399
1919	– 4698
1920	– 1977 ¹⁹

По разным городам Украины статистика убыли населения за 1921 г. такова:

<i>Годы:</i>	<i>Избыток рождений + Избыток смертей –</i>
Херсон, Алешки	– 1987
Полтава	– 1646
Лубны	– 1192
Гадяч	+ 27
Зеньков	– 82
Кобеляки	+ 81
Константиноград	– 44
Лохвица	+ 96
Миргород	– 151
Ромны	– 103
Севастополь (март–июль 1922)	– 1064
Города Запорожской губ.	– 34

Города в губерниях:

Екатеринославской, Запорожской, Кременчугской, Подольской (за первую четверть 1922 г.)	– 8772
Царицынская губ. (за 1-ю пол. 1922 г. на 1000 человек)	– 67
Екатеринославская губ. (апрель–май 1922 г.)	– 6025
Одесса (за 1-ю пол. 1922 г. на 1000 человек)	– 85 ²⁰
Елисаветград (на 1000 человек в 1922 г.)	– 91 ²¹

Что касается, наконец, местностей, постигнутых голодом в 1921–1922 гг., то картина вымирания их видна из следующих цифр: население Татарской республики с 1920 по 1922 гг. уменьшилось на 470 000 человек, т. е. на 20%, население Башкирии – на 33%, Уральской области – на

¹⁹ Бюллетень Центрального Статистического Управления Украины. 1922. № 9. С. 29.

²⁰ Там же. № 9. С. 37; № 7. С. 29; № 11. С. 50.

²¹ Дни. № 166.

25%, Керченского уезда — на 33%, Пугачевского уезда Самарской губернии — на 50%, Херсона — на 60% и т. д.²²

Возьмем, наконец, статистику столиц. Из нее видно, как из года в год с начала войны изменялись смертность, рождаемость и брачность. С 1920–1921 гг. здесь наблюдается улучшение, но оно, к сожалению, не типично для всей страны. Жизнь в столицах начала улучшаться за счет остальной России; в большинстве же регионов РСФСР этого улучшения не произошло или произошло ухудшение.

На 1000 населения приходилось:

Годы	Браков		Рождений		Смертей	
	в Петрограде	в Москве	в Петрограде	в Москве	в Петрограде	в Москве
1912	6,5	5,8 (за 1910–1913)	27,6	28,9 (за 1911–1913)	22,6	23,1 (за 1910–1914)
1913	6,3		26,4		21,4	
1914	6,0	5,5	25,0	31,0	21,5	
1915	5,0	4,1	22,5	27,0	22,8	22,1
1916	4,7	3,9	19,1	22,9	23,2	20,2
1917	8,5	5,3	17,8	19,6	25,2	21,2
1918	9,2	7,5	15,5	14,8	43,7	28,0
1919	20,7	17,4	13,8	17,5	72,6	45,1
1920	27,7	19,6	21,8	21,9	50,6	46,2
1921	26,7	—	36,0	—	27,8	— ²³

Из этих цифр видно, что революция гораздо сильнее мировой войны повысила смертность, понизила рождаемость и, в отличие от войны, — сильнейшим образом повысила брачность. Но до 1920 г. браки были бесплодны. Лишь с 1920–1921 гг., когда в столицах намечалось улучшение за счет всей России, смертность понизилась, рождаемость, задерживаемая в течение ряда лет, дала рекордную цифру (резко упавшую, насколько мне известно, в 1922–1923 гг.), и брачность обнаружила тенденцию к понижению, отчетливо проявившуюся

²² Известия ВЦИК. № 214, 5 ноября.

²³ Материалы по статистике Петрограда. 1921. Вып. V. С. 19; Красная Москва. 1917–1920 гг. М., 1920. С. 66, 64, 69.

юся в 1922 г.²⁴ Таково в сжатом виде влияние русской революции на движение населения.

Лишь с началом заката революции добыча Смерти начинает уменьшаться, а добыча Жизни — возрастать.

Нечто подобное должно было происходить и происходит во время других революций.

Эти эффекты тем резче обнаруживались, чем крупнее был масштаб самой революции.

ФРАНЦИЯ

Революция 1870–1871 гг.

<i>Годы</i>	<i>Прирост на 1000 человек:</i>
1868	+ 1,6
1869	+ 2,2
1870	– 2,8
1871	– 12,2
1872	+ 4,9
1873	+ 2,8
1874	+ 4,8 ²⁵

Я отлично знаю, что эти цифры отражают прежде всего влияние Франко-прусской войны. Но в них отразилось и влияние революции, действовавшей в том же направлении, что и война. Это особенно ясно на движении населения департамента Сены.

Революция 1848–1849 гг.

Влияние этой революции было завуалировано огромным неурожаем 1847 г. и хорошим урожаем 1848–1849 гг. Тем не менее, на приросте населения оно отразилось вполне определенно.

Прирост на 1000 человек населения:

<i>Годы</i>	<i>Прирост населения</i>
1846	4,1
1847	1,6
1848	2,9

²⁴ Данных за 1922 г. я сейчас не имею, но, будучи в России, я это понижение наблюдал воочию. [См. «Примечания и дополнения». С. 415–416.]

²⁵ *Levasseur P. E. La population française. Vol. II. P. 6–11.*

1849	0,3
1850	6,3
1851	4,8
1852	4,3 ²⁶

Революция 1789 и следующих годов

Точных данных о движении населения за годы великой революции нет. Но есть цифры, рисующие его до революции и в конце ее.

На 1000 человек населения в конце царствования Людовика XVI приходилось 38–39 рождений, в 1800 г. — 33,1; браков — 8 и больше, в 1800 г. — 7,3; смертей — около 30, в 1800 г. — 27,8; в 1801 г. — 28,0; в 1802 г. — 31,9; в 1803 г. — 32,4²⁷.

Если брачность и смертность до и в конце революции мало изменились, то рождаемость снизилась. Исторические данные, приводимые И. Тэнном, свидетельствуют о колоссальном росте смертности за годы революции и падении рождаемости — особенно в городах, бывших ареной революции.

Германская революция 1848–1849 гг.

По словам А. Эттингена, «эти годы характеризуются внезапным уменьшением прироста населения».

Коэффициенты последнего для Пруссии были таковы:

<i>Годы</i>	
1817–1828	1,71
1888–1840	1,36
1840–1846	1,27
1846–1849	0,45

С 1850 г. снова наступает повышение²⁸.

Русская революция 1905–1906 гг.

Прирост на 1000 человек населения:

<i>Годы</i>	<i>Прирост</i>
1903	18,1

²⁶ *Levasseur P. E.* La population française. P. 6–11.

²⁷ *Ibid.* P. 6–11. Vol. III. P. 509.

²⁸ *Oettingen A.* Moralstatistik. S. 273–274.

1904	19,6
1905	13,1
1906	17,1
1907	18,7

На этих цифрах отразилось и влияние Русско-японской войны 1904–1905 гг. Но не только ее. Сказалась и революция 1905 г.

Относительно древних революций мы не располагаем статистическими данными. Зато о самых крупных из них, сопровождавшихся гражданскими войнами, мы имеем свидетельства современников, достаточно четко рисующие суть дела.

О колоссальной смертности в *Египетской революции* свидетельство Ипувера было приведено выше. То же самое, как мы видели, имело место и в китайских революциях.

Выше были приведены свидетельства и о громадной смертности в Риме в эпоху длительных перманентных революций и смут конца периода республики. Историки и современники говорят нам и о падении рождаемости. «Прежде обильное рождение детей составляло гордость женщины, — читаем мы у Варрона, — теперь же, когда муж желает иметь детей, она отвечает: “Разве ты не знаешь, что сказал Энний: лучше трижды подвергнуться опасности в битве, чем однажды родить?”»²⁹

Этим громадным падением рождаемости объясняются многочисленные попытки государственных властителей того времени стимулировать повышение рождаемости. Уже Гракх назначил вознаграждение тому, «у кого были законные дети». Цезарь отводит специальные земли тем, кто имел трех детей, лишает женщин моложе 46 лет, не имеющих детей, некоторых прав, дает ряд привилегий и преимуществ лицам, имеющим потомство. Известны, далее, *Lex Julia*, *Lex Julia et Papia Poppaea*, *Lex Julia de maritandis ordinibus*^{6*} и ряд других законов Августа, направленных на повышение упавшей рождаемости. Войны и длительная череда непрерывных революций «обесплодили население»³⁰.

Сходное имело место и в Греции. Рост ее населения прекратился в конце III в до Р.Х. Рождаемость резко снизилась. Началось обезлюдение, столь ярко нарисованное Полибием.

²⁹ Моммзен Т. Цит. соч. Т. III. С. 537–538.

³⁰ Подробности см. у Г. Ферреро, Т. Моммзена, О. Зеека, М. И. Ростовцева, Дюруи и др.

Это же время в истории Греции является эпохой острейших и кровавых революций, с небольшими перерывами длившихся в течение всего этого периода (революции Агиса IV, Клеомена III, Набиса, Килона и т. д.).

Внешние войны и внутренние революции и там и здесь привели к одному и тому же результату.

Мы не знаем, повышалась или понижалась брачность в эти эпохи, но знаем, что брак стал менее прочным, разводы возросли, половая распущенность также, словом, было то же самое, что мы сейчас видим в России. Едва ли иным было естественное движение населения и при других крупных и длительных революциях, вовлекавших в борьбу обширные слои народных масс. О громадном росте смертности и падении рождаемости в эпоху жакерий, революции и междоусобных смут во Франции во второй половине XIV – начале XV вв. свидетельства были приведены выше. То же самое приходится сказать о волнениях и о гражданской войне, связанной с религиозной революцией во Франции второй половины XVI в.

Результатом их было снова обезлюдение. «Les guerres de religiose ont été une periode de decadence... Les compagnes... se depeuplèrent»^{7*}. «Население Франции, мало-помалу оправившееся от потерь Столетней войны^{8*}, снова уменьшилось». Из 1500 семейств в Провансе в 1576 г. двадцать лет спустя осталось не более 500. То же было и в других городах³¹.

Не иначе обстояло дело во время крестьянских войн и революций в Германии в XVI в., во время Гуситской революции³², во время русской революции XVII в. («могилы, как горы, везде возвышались», — пишет современник тех событий Авраамий Палицын³³).

Едва ли иначе обстояло дело и при других глубоких и кровавых революциях. Только мирные общественные движения или мелкие революции, не сопровождаемые серьезной гражданской войной, могут не оказать очерченного влияния на движение населения. Революции же глубокие без этого не обходятся. Окончательный итог их один и тот же: замедление движения населения. Одни из них достигают этого одно-

³¹ *Levasseur P. E. Histoire des classes ouvrières de 1789 à 1870. Vol. II. P. 55–56.*

³² «Народонаселение колоссально уменьшалось» и «революционные войны страшно ослабили нацию». Города обезлюдели, деревни также. От «нищеты и голода смертность была ужасающей» (*Denis E. Op. cit. P. 255, 263, 328, 477–478*).

³³ *Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. XII. С. 78–80.*

временным падением рождаемости и повышением смертности, другие могут не понижать значительно первую, зато неизбежно повышают вторую. Конечный результат один: обильное жертвоприношение человеческих жизней Царице-Смерти.

§ 3. Революция как орудие «отрицательной селекции» и ухудшения биологически-расовых свойств народа

Революция изменяет состав населения не только количественно, но — что особенно важно — и качественно.

Современные войны, в отличие от древних, уничтожают «лучшую» часть населения и благоприятствуют выживанию и размножению его «худшей» части: менее здоровой, менее трудоспособной, менее талантливой, волевой и т. д.³⁴

То же самое в еще большей степени может быть сказано о всякой революции, сопровождаемой гражданской войной и кровавыми схватками. Она представляет собой машину смерти, нарочито уничтожающую с обеих сторон самые здоровые и трудоспособные, самые выдающиеся, одаренные, волевые и умственно квалифицированные элементы населения. Процент их гибели в гражданских войнах гораздо выше, чем простых, рядовых элементов.

Здесь усилия обеих воюющих сторон направлены в первую очередь на то, чтобы уничтожать лидеров и выдающихся людей противного лагеря. Сначала одна сторона уничтожает лучшие элементы своих противников, потом другая: в итоге — страна лишается самых выдающихся лиц того и другого лагеря. Как и в обычной войне, борющиеся армии здесь состояются из лиц, наиболее здоровых и трудоспособных (ибо слабые и больные не идут в армию), наиболее смелых, волевых, энергичных, наиболее стойких по своим убеждениям и моральным рефлекс-

³⁴ См. об этом мою статью «О влиянии войны на состав населения, его свойства и общественную организацию» (Экономист. 1922. № 1), а также: *Vaccaro M.* Les Bases sociologiques du Droit et de l'Etat. Paris, 1898; *Nowikow J.* Les luttes entre sociétés humaines et leur phases successives. Paris, 1896; *Nicolai G. F.* Die Biologie des Krieges. Zürich, 1919; *Jourdan D. S.* La moisson humaine // Revue internationale de sociologie. 1911. О влиянии последней войны в этом отношении см.: *Döring.* Великая война и естественное движение населения // Вестник статистики. 1920. № 5–8; *Darwin L.* On the statistical enquires needed after the war in connection with eugenics // Journal of the Royal Statistical Society. 1916, March.

сам, наконец, наиболее умственно развитых. «Серые люди», без воли и инициативы, равнодушные ко всему, кроме собственного благополучия, больные, малоразвитые, стараются обычно стать подальше от борьбы, не выдвигаются на видные места, не протестуют, остаются в тени, поэтому гибнут в меньшем размере. Процент гибели «лучших» гораздо больше, чем процент гибели «второстепенных».

К тому же результату ведут революции и косвенно. Обнищание страны, голод и лишения, сопровождающие их, всего сильнее падают на «интеллигенцию» — класс людей, живущих умственным трудом. Плохо приспособленный к тяжелой физической работе и физическим лишениям, этот слой в таких условиях оказывается беспомощным. Спрос на его работу падает, вознаграждение — также.

Кроме того, нервная система *intellectuels* реагирует гораздо интенсивнее на «ужасы революционной борьбы», чем нервная система работников физического труда. Эти обстоятельства благоприятствуют усиленному вымиранию «интеллигенции», делают понятным более высокий процент их смертности по сравнению со смертностью умственно неквалифицированной массы, в особенности представителей мускульного труда.

Этому же результату содействует и политическая эмиграция в эпохи революций, часто удаляющая из страны элементы населения, весьма ценные и выдающиеся. Остракизм в античном мире^{9*}, политическая эмиграция средневековых итальянских государств, выселение «еретиков» из Испании, гугенотов из Франции, политическая эмиграция последних веков, в том числе и вызванная революциями XVIII—XX вв., унесли немало первосортного человеческого материала из стран эмиграции. Если среди эмигрирующих бывают элементы отжившие, то не забудем, что среди них были и такие люди, как Фемистокл и Аристид, Платон и самая лучшая кровь Испании, Данте, Шатобриан, де Мэстр, Лафайет, Луи Блан, Мадзини и многие-многие другие. Можно по-разному оценивать их роль, но нельзя не признать их «незаурядности». То же самое можно сказать и обо всей массе политической эмиграции «белого» и «красного» лагеря. Общий уровень ее в общем и целом выше, чем уровень оставшейся массы. Потому-то она и эмигрирует или высылается из страны, что не желает примириться, что имеет волю, что опасна для победителя.

При таких условиях понятно, почему революция убивает «мозг, волю и совесть страны», почему она опустошает лучшие элементы населения с обеих борющихся сторон, почему она представляет собой орудие отрицательной селекции.

«Дайте лучших», — гласил римский принцип призыва солдат на службу. «Дайте лучших на смерть или на изгнание», — гласит и лозунг революции. *Parcere subjectas et debellare superbos*^{10*}, — эти слова в особенности применимы к революционной борьбе.

Но это еще не все... В лице «лучших» гибнут и лучшие «семена», носители лучших наследственных свойств народа. Эти последние не будут переданы потомству или будут переданы в меньшей мере. В последующих поколениях будут размножаться не семена погибших первосортных «сынов земли», а семена «второсортных людей». «Биологически наследственный фонд» народа от этого беднеет, ухудшается, деградирует. Ибо «каковы семена — такова и жатва». От второсортных производителей нельзя ждать первосортного потомства. Революция в этом смысле похожа на огородника, вырывающего с гряды лучшие растения и оставляющего размножаться сорную траву — человеческий материал второго и третьего сорта.

Это тем более имеет значение, что главными действующими лицами в эпохи революций оказываются возрастные группы сравнительно молодые, далеко не исчерпавшие своей производительно-половой способности. Gowin показал, что средний возраст лидеров революционных и реформационных эпох редко превышает 40 лет³⁵.

«По векселям войны главные платежи приходится платить позже», — сказал Б. Франклин. Тем паче это применимо к кровавым революциям. Они опустошают не только лучшую кровь современников, но и общий «биологически-наследственный расовый фонд народа», — его будущие поколения. Они способствуют его качественной деградации и служат одним из факторов его декадентства. И тем сильнее, чем революционная борьба кровавее, ожесточеннее и богаче по числу жертв.

Ухудшая наследственно-расовые качества народа, они тем самым благоприятствуют ухудшению его творчества, замедлению прогресса, деградации всей его социальной организации. Ибо каковы люди — таково и общество. Из плохих, по наследственным своим качествам, людей никакие хорошие конституции не создадут совершенного общества. И наоборот, наследственно-одаренные люди сумеют создать удовлетворительное общество без всяких «идеальных деклараций и конституций».

Указанные следствия имеет всякая революция, сопровождаемая кровавой борьбой. Конечно, если жертвы последней невелики, эти эффек-

³⁵ *Gowin B. Correlation between Reformatory Epochs and the Leadership of Young Men. 1909.*

ты будут незначительными. Если же революция длительна и кровава — она может иметь роковое значение для будущих судеб народа: она может стать той раной, которая ведет к могиле — к историческому закату революционной страны.

Наконец, к ухудшению биологических свойств народа революция ведет и тем, что она ослабляет здоровье и нервную систему выживших людей. Последние, будучи второсортным материалом, деградируют еще больше благодаря голоду, холоду, нищете, ненормальной и ужасной обстановке, эпидемиям и болезням — обычным спутникам кровавых революций.

В такой среде организмы выживших еще более ослабляются. Особенно это применимо к зачатым и рожденным в эпоху таких революций, с одной стороны, и к молодому поколению, — с другой. Они платят своим здоровьем и деградацией за грехи отцов, за «завоевания революции», за все ее преступления и подвиги.

Подтвердим сказанное фактами.

Русская революция

1. В то время как общая убыль населения за эти годы равна 13,6%, убыль мужских возрастных слоев от 15 до 60 лет, т. е. наиболее здоровой и трудоспособной части населения, равна 28%³⁶.

2. Погибли преимущественно мужчины, а не женщины. Вместо 996 женщин на 1000 мужчин, как это было до войны, теперь приходится 1250 женщин³⁷.

3. Более развитое и одаренное население европейской России, строившее Россию, потеряло 1/7 часть, население азиатской России — только 1/30³⁸.

4. С обеих сторон погибли преимущественно морально чистые элементы, лица с устойчивыми моральными рефлексами и сильным сознанием долга. Они не скрывали своих убеждений и не меняли их, как это делали люди беспринципные; они протестовали и боролись, шли на опасные места — и погибали. Вместе с тем, в условиях зверской борьбы, лжи, мошенничества и цинизма они не крали, не мошенничали, не насильничали — и потому голодали, таяли биологически и... вымирали. Совсем иначе чувствовали себя лица морально-дефективные и цинич-

³⁶ Экономист. 1922. № 4–5 (статья А. Л. Рафаловича).

³⁷ См.: Статистический ежегодник России за 1913 г. С. 60 и Ежегодники за 1918–1920.

³⁸ Труды Центрального Статистического Управления. М., 1921. Т. I. Вып. 3.

ные. В мутной воде революции они чувствовали себя великолепно: по мере надобности меняли убеждения, зверствовали, занимали видные посты и жили прекрасно. Поведение первого типа людей в условиях революции способствовало их вымиранию, поведение второго типа — выживанию. Процент гибели первых (с красной и белой стороны) был значительно выше процента гибели лиц аморальных.

5. Погибли преимущественно лица умственно квалифицированные. В обычной войне в армии процент гибели офицерства бывает выше, чем солдат. Это тем более имеет значение в гражданской войне. Почти все кадровое русское офицерство погибло еще в мировой войне. С начала революции процент гибели офицерства резко повысился. В первые же дни революции сотни и тысячи офицеров были убиты солдатами. Позже чуть не все офицерство легло костями на полях гражданской войны. «Офицеров убивали, жгли, топили, разрывали, молотками пробивали головы»³⁹. Офицерство же, начиная с «унтеров и фельдфебелей» — это «мозг армии», ее душа и культурная аристократия, это особенно относится к русскому офицерству времен революции, вышедшему из народных, а не аристократических слоев. Возьмите далее лиц с университетским образованием. Если в Англии, по подсчетам Гальтона, их приходилось около 2000 на каждый миллион населения, то в России их приходилось не более 500 на один миллион. Погибло же их не 8000 на 16 миллионов (500х16) жертв революции, а во много раз больше: 20–30 тысяч — такова минимальная цифра гибели людей этого рода, т. е. их погибло в 3–4 раза больше, чем умственно неквалифицированных людей.

То же самое произошло и с народными учителями, процент гибели коих был гораздо выше, чем процент смертности населения.

Смертность профессуры за 1918–1922 гг. была в шесть раз выше смертности мирного времени и вдвое выше смертности остального населения Петрограда в 1918–1922 гг.

Выдающиеся же ученые, писатели, художники, эти уникамы нации, погибли в еще большем проценте. За годы 1917–1923 гг. мы лишились громадного числа этих уникамов.

Умерли или убиты: академики Анучин, Шахматов, Тураев, Лаппо-Данилевский, Марков, Овсяннико-Куликовский, Фаминцын, Арсеньев, Шимкевич, Иностранцев; крупнейшие ученые Палладин, Белелюбский, Туган-Барановский, Лопатин, Таганцев, Догель, Покровский, Хвостов,

³⁹ См.: *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. I. Вып. II. С. 104.

Е. Трубецкой, Введенский, Б. Кистяковский, Розин, Лазаревский; Л. Андреев, Блок и многие другие.

Смертность их была ужасающая. И без того бедная культурными силами Россия за годы революции стала нищей. «Мозг и совесть страны» вымерли и продолжают вымирать...

То же самое следует сказать и о людях с энергией и сильной волей, подобных генералу Корнилову, Духонину, Алексееву, митрополиту Вениамину, большевику Володарскому, эсэрам Гоцу, Тимофееву и другим.

Почти все сколько-нибудь сильное и волевое, осмеливавшееся поднимать борьбу против большевиков, истреблено ими. Та же судьба ждет и выдающихся большевиков после их падения. *Élites* с той и другой стороны истребляются *ad majorem gloriam*^{11*} революции и контрреволюции.

Наконец, в силу специфических условий революции остающиеся в живых *élites* страшно быстро изнашиваются и сгорают в напряженно-лихорадочной работе (Ленин – пример) или косвенно убиваются в тюрьмах, ссылках и в убийственной атмосфере террора, насилия и голода.

Учтите все это, прибавьте к этому эмиграцию, и тогда вы поймете, что лучшая кровь нации, ее мозг и совесть, погибли или выброшены за пределы России. Революция требует огромных жертв и производит убийственную антиевгеническую селекцию.

Учтите теперь влияние этого урона в связи с наследственностью, потерю лучших «семян» в лице погибших – и тогда ясна будет огромная величина этой жертвы.

Но мало того. Революция сильнейшим образом способствовала и деградации выживших, особенно молодого поколения.

Эта деградация заметна уже сейчас и проявляется в целом ряде симптомов. Во-первых, значительно уменьшился вес новорожденных. Исследования профессоров Личкуса и Валицкого показали, что вес новорожденных в 1918–1921 гг. значительно ниже веса новорожденных мирного времени.

Во-вторых, возрос процент мертворожденных⁴⁰.

В-третьих, снизилась жизнеспособность новорожденных: процент их смертности в первые дни после рождения возрос по сравнению с мирным временем.

В-четвертых, рост молодого поколения задержан и уменьшен (влияние отсутствия витаминов роста). 2000 исследованных институтом Лес-

⁴⁰ См.: Врачебное дело, 1 февраля 1921 г. (статья Личкуса и Валицкого).

гафта детей Петрограда дают следующие цифры. Они, кстати говоря, указывают на весь ужас «детских домов», устроенных коммунистами, ибо показатели «интернов», т. е. детей, живущих в этих «домах», «колониях» и «приютах», хуже показателей «экстернов», т. е. детей, живущих у родителей.

<i>Дети 1921–1922 гг.</i>			<i>Дети Петрограда мирного времени</i>	
<i>Возраст</i>	<i>Интерны</i>	<i>Экстерны</i>	<i>Приют принца Ольденбургского</i>	<i>Данные д-ра Боровского, исследовавшего детей беднейших слоев Петрограда в мирное время</i>
7	105,9	112,0	—	118,0
8	112,8	115,8	—	118,5
9	117,4	122,5	—	122,9
10	121,8	126,6	132,0	126,8
11	126,0	129,5	133,4	130,4
12	131,8	134,5	138,2 ⁴¹	132,1

Сходная картина наблюдается и во всей России. Это понижение воочию видно на Красной армии. Рост ее солдат ниже роста солдат довоенного времени.

Исследование тех же 2000 детей показало ряд других дефектов в их организме: в строении костяка, в объеме грудной клетки, в лимфатическом аппарате и т. д.

Из исследованных в Москве в 1923 г. Московским Здравотделом 2120 школьников, лишь 1000 оказались здоровыми, 637 имели болезни внутренних органов, 286 — туберкулез, 442 — неправильное телосложение, 123 — болезни кожи, 134 — болезни глаз, 50 — болезни уха, 1 — сифилис⁴². Ужасы революции, голод, холод и лишения наложили свою трагическую печать на организм молодого поколения, на зачатых и рожденных в грехе революции.

В-пятых, половая разнузданность и гражданская война колоссально повысили процент венерических заболеваний и сифилиса среди населения. По самым уменьшенным расчетам процент их повысился в 6–7 раз по сравнению с мирным временем. По более вероятному подсчету, повышение еще значительнее. Около 3–5% детей рождаются

⁴¹ *Вяземский Н. В.* Изменения организма в период формирования (возрасты от 10 до 20 лет). СПб., 1901. Т. 1. С. 66.

⁴² Известия, 21 августа 1923 г.

ся наследственными сифилитиками, в населении им заражено от 10 до 20%. Есть места, где процент сифилитиков и венериков достигает 50–60% всего населения. На Харьковском съезде работников здравоохранения 16 февраля 1923 г. было констатировано, что «во всех губерниях Украины наблюдаются массовые заболевания сифилисом. В Волчанском уезде две волости сплошь заражены этой болезнью. В Купянском уезде в двух волостях сифилитики составляют 60% населения»⁴³. А на происходившем в мае 1923 г. съезде венерологов было констатировано особенно сильное распространено сифилиса и гонореи среди детей до 15 лет, и рост их в Красной армии даже по сравнению с 1920 г. (доклады д-ров Тапельсона и Федоровского).

То же самое следует сказать и о туберкулезе. Процент туберкулезных также повысился колоссально. Сейчас от него умирают больше, чем от холеры и тифа⁴⁴.

Огромный процент населения переболел тифом. По данным профессора Тарасевича, одним сыпным тифом в 1919–1920 гг. переболело не менее 20% населения⁴⁵.

Прибавьте к этому тифы: брюшной, возвратный, пятнистый. Все они продолжают бешено носиться по России. Присоедините сюда холеру, испанку, цингу, сонную болезнь, дизентерию, малярию, всевозможные формы простудных заболеваний, ураганом проносящихся по стране⁴⁶, и десятки других болезней — и тогда вы поймете, что не только 7, а 77 казней египетских обрушилось на население России.

Наконец, резко возросла душевная заболеваемость населения от кошмаров революции, голода и других ее «спутников». Психические же расстройства, особенно в голодных районах, приняли массовый характер⁴⁷.

⁴³ Дни. № 193; Руль. № 777.

⁴⁴ См.: Дни. № 103. Например, среди смоленских металлистов процент туберкулезных оказался равным 41%, среди печатников — 43%, среди рабочих химического производства — 50% и т. д. Такие цифры были неизвестны раньше России (московская газета «Труд»; цитирую по газетам «Дни». № 185 и «Руль». № 768).

⁴⁵ *Тарасевич Л.* Эпидемии последних лет в России // *Общественный врач.* № 1. С. 48.

⁴⁶ См.: *Врачебное дело.* 1922 (статья проф. Данилевского).

⁴⁷ См.: *Горовой-Шалтан В. А.* К вопросу о душевной заболеваемости населения при современных условиях // *Психиатрия, неврология и экспериментальная психология.* 1922. № 2. С. 34; *Осипов В. П.* О душевных заболеваниях и душевной заболеваемости в Петрограде // *Известия Комиссариата здравоохранения Петрог-*

Сказанного, полагаю, достаточно, чтобы признать доказанными все предыдущие положения применительно к Русской революции. Она произвела ужасающее — количественное и качественное — опустошение и ухудшение населения России. Она заложила основы последующей его дегенерации.

В свете этих данных многое уясняется и в прошлой истории. Влияние других революций, в силу тех же причин, сходно с очерченным. Разница между ними лишь в величине урона, но не в сущности. «Умались люди», — читаем у старца Онху и Ипувера, современников Египетской революции. «Нигде, нигде не стало египтян». «Все гибнет». «Народ уязвлен и растлен в самом своем корне». «Народ стал подобен надломленной трости»⁴⁸. В этих фразах современников отмечается та же черта революционного отбора «шиворот-навыворот». Отмечается и деградация выживших. Из-за голода и других бедствий люди так деградировали, что «нельзя отличить живых от мертвых. Люди бродят по земле как сонная рыба». Робкие «ничего не различают на земле», другие сами кидаются в пасть крокодилам, «уже пресыщенным добычей». Великий и малый говорят: «Мне хотелось бы умереть». Народ — «точно скошенный лен». Голод, чума, взаимная резня убивают и ослабляют население⁴⁹.

Влияние Римских революций конца республики достаточно известно. Они качественно опустошили Рим едва ли не больше, чем Пунические войны^{12*}. Восстание италиков-крестьян «по количеству жертв может идти в сравнение только с Пуническими войнами, и кончилось оно после того, как наиболее энергичные, сознательные и культурные италики погибли почти все». Гражданские междоусобицы во времена Гракхов, гражданские войны Суллы и Мария, первого и второго триумвиратов опустошили остатки «лучших» потомков тех, кто строил Рим. В этих схватках погибли прежде всего сами *élites*: Гракхи, Спартак, Л. Друз, Катилила, Помпей, Марк Антоний, Цезарь, Меммий, Цицерон, Серторий и т. д. Кроме них погибла почти вся лучшая кровь нации. «Сулла и солдаты взяли Рим и покончили с главарями противников». С победой Мария «начались массовые преследования и избиения (противников) и в связи с этим — море гнусности и предательства». «Немед-

радской Трудовой Коммуны. 1919. № 7–12. См. также: Известия, 12 февраля 1922; Петроградская Правда, 10 марта 1922; Красная Газета, 31 января 1922 и др.

⁴⁸ Викентьев В. Цит. соч. С. 283, 290, 294, 300; Тураев Б. А. Древний Египет. Пг., 1922. С. 60–61.

⁴⁹ Викентьев В. Цит. соч. С. 295.

ленно, — говорит современник тех событий Аппиан, — во все стороны бросились сычки для истребления и розыска сенаторов и всадников; их истребляли без конца». С новой победой Суллы последовали новые гекатомбы. Под одним Римом «легли костями десятки тысяч лучших сынов Италии». Следующий эпизод характеризует хладнокровность истребления. Во время заседания Сената 3 ноября 82 года стали доноситься стоны убиваемых. Сенаторы смутились. Сулла, не прерывая речи, спокойно заметил: «*Nos agannus. P. c., seditiosi panculi meo iussu occidentur*» (Будем продолжать, сенаторы, там по моему приказу избивают небольшое количество мятежников), а было их только... 8000. То же самое повторялось и в борьбе первого и второго триумвиратов. «В эпоху Цезаря существовало не более 15-16 патрицианских родов». За патрициями угасли роды нобилей, всадников и римских правящих семейств. Кровь и раса древних римлян погибла. Место ее заняли вольноотпущенники, рабы, варвары и «развращенные люди всех национальностей». В итоге «все лучшее, самостоятельное, инициативное, гордое своим великим прошлым было уничтожено, частью бесконечно унижено», частью — эмигрировало. Лучший биологический фонд народа был уничтожен, а потому... «творческая Италия... начала увядать и никнуть». Новые люди (из рабов и варваров) не способны были возродить жизнь страны⁵⁰. Начался закат Рима. Два века он еще агонизировал, но с третьего века звезда Рима стала меркнуть и привела к гибели.

Аналогичное явление имело место и в *греческих революциях*. В революциях VI и V вв. до Р.Х. «повсюду тираны вместе с насилием проводили одну и ту же политику: их правилом было уничтожение выдающихся голов». С падением тиранов — гибли они сами и их выдающиеся сторонники⁵¹.

⁵⁰ *Ростовцев М. И.* Рождение Римской империи. С. 28, 17–19, 41–42. «Со времени Ганнибала прошло немногим более столетия. Кровь должна была броситься в лицо всякого честного римлянина, если бы он вгляделся в страшно быстрый упадок нации. Большинство граждан никуда не годилось» (*Моммзен Т.* Цит. соч. Т. III. С. 422–423, 463–464, 75–76). «Вольноотпущенники и варвары, продвигаясь к богатству и высоким постам, не имели ни желаний, ни способностей сохранить высокую классическую культуру. Таким образом угасла одна из самых блестящих цивилизаций» (*Fahlbeck P.* La décadance et la chute des peuples // *Bulletin de l'Institut International de statistique*. Vol. XV, livre 2. P. 370). См.: *Ферреро Г.* Величие и падение Рима. М., 1916. Т. I–III; *Seeck O.* Geschichte des Unterganges der antiken Welt; *Васильев Н.* Вопрос о падении Западной Римской империи. Казань, 1921.

⁵¹ *Fustel de Coulanges N. D.* La cité antique. Paris, 1905. P. 324.

То же самое повторялось в революциях 427, 412, 370 гг. и позже, в I и II вв. до Р.Х. «Все, выделявшиеся из массы, умерщвлялись»⁵². «Множество выдающихся граждан убивается или отправляется в ссылку»⁵³.

Итог тот же: обеднение и ухудшение биологического фонда Греции, деградация, а вместе с ней — и начало заката. И здесь в борьбе гибли первостепенные *élites* (Поликрат, Гиппий, Гиппарх, Эфиальт, Клеон, Алкивиад, Сократ и другие, множество других — высылалось из страны), с одной стороны, с другой — «лучшие из нации».

Сходное повторялось при позднейших революциях, как в Европе, так и в других странах. Одной из причин быстрого увядания свежих арабских народов и халифатов, выступивших столь блестяще на сцену под знаменем Ислама, были непрерывные внешние войны и внутренние революции, в течение 2-3 веков истощившее население и его лучшую часть⁵⁴.

Не иной результат имели кровавые революции Итальянских республик средневековья, потери коих отчасти компенсировались притоком «свежей крови» множества новых народов, непрерывно приливавших в Италию. К тому же результату привели многочисленные жакерии и революции во Франции в XIV—XV вв. В итоге произошло колоссальное падение, обнищание и одичание Франции в XVI в.⁵⁵

Чрезвычайно поучительна с этой точки зрения и Чешская гуситская революция и последовавшие за ней войны. На протяжении нескольких лет гражданской резни и войн, выдающиеся лидеры католиков, таборитов и утраквистов (Микулаш Желивский, Ян из Садло, Ян Гус, Ян Жижка, Прокоп-Большой и Прокоп-Малый и др.), непобедимые, грозные «воины Божьи» Яна Жижки и Прокопа погибли; первосортный материал был истреблен, осталась «слякоть». Гибель чешского государства после поражения при Белой Горе^{14*} была подготовлена и стала неизбежной⁵⁶.

⁵² Пельман Р. История античного коммунизма и социализма. С. 479–480.

⁵³ Niese B. Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten. Gotha. 1899. 2 Teil. S. 563–564.

⁵⁴ См.: Мюллер А. История Ислама от основания до позднейшего времени. СПб., 1895. Т. I–IV.

⁵⁵ Сжатую характеристику см.: Levasseur P. E. Histoire des classes ouvrières de 1789 à 1870. Vol. I. P. 515–516: «Les gens de métier épuisés et appauvris par la lutte, étaient rentrés dans le silence»^{13*}. То же самое случилось и с крестьянством.

⁵⁶ Уже в битве при Вышеграде погибли почти все потомки древних знаменитых и выдающихся родов. В позднейших гражданских войнах «аристократия рож-

Тот же отбор «шиворот-навыворот», хотя и не в очень большом масштабе, имел место и в *Английской революции XVII в.* Не говоря уже об Ирландии, население которой было опустошено качественно и количественно, среди самих англичан и шотландцев за годы революции гибель выдающихся лиц среди роялистов и их противников была весьма значительной. Можно по-разному оценивать таких лиц, как Страффорд, Лод, Монтроз, Кэпль, Гамильтон, Локкьер, Дерби и другие, с одной стороны, и таких, как Гемпден, Блейк и сам Кромвель, быстро сгоревшие в революции, — с другой, можно порицать или хвалить наиболее выдающихся республиканцев и роялистов, но что они были незаурядными фигурами и что большинство их погибло — это не подлежит сомнению.

О *Французской революции 1789 г.* говорить не приходится. В течение 10–15 лет погибли почти все выдающиеся роялисты, жирондисты, якобинцы. Мирабо, Кондорсе, Бриссо, Гюадэ, Дантон, Марат, Робеспьер, Демулен, Лавуазье, Бабеф, Шенье, Эбер и другие — все они съели друг друга. Второстепенные же роялисты, якобинцы и умеренные сохранились. В терроре и в революционных войнах погибла лучшая кровь нации. Революция убила главным образом мужчин⁵⁷.

Революция и ее войны унесли главным образом: 1) трудоспособные слои населения в возрасте 20–28 лет и 2) наиболее волевые и незаурядные элементы.

В течение 10–15 лет нация была истощена. На месте грозных солдат революции ввиду их отвлечения на фронт стал плодиться второстепенный материал. Ватерлоо^{15*} подвело итог этому отбору: с потомками второстепенного материала, рожденными в ужасе и голоде революции, гениальный полководец не мог победить. Налицо здесь то же развитие сифилиса и венерических болезней, деградация выживавших от голода, эпидемий и других революционных условий.

Известно далее, что после революционных и наполеоновских войн рост французских новобранцев между 1816 и 1836 гг. значительно сни-

дения, богатства и таланта была истреблена или изгнана». При последней битве при Липанах погибли остальные 16 000 «воинов Божьих». «Чехия — победила Чехию». Но ценой полного истощения Чехии. Окончательная гибель Чехии произошла позже, после Белой Горы, «но это время было подготовлено и объясняется потерями революционной эпохи» (*Denis E. Op. cit.* P. 265, 263, 328, 347–348, 431–434, 437, 478).

⁵⁷ См. наблюдения лорда Малмсбери и других современников, дневники которых цитирует И. Тэн (цит. соч. Т. VIII).

зился (данные Ланьо, Boudin'a, Виллерме, Фуассака и Брока), с другой стороны, увеличился процент бракуемых новобранцев, обладавших недоразвитием и «телесными недостатками всякого рода».

Например, в 1831–1835 гг. из 10 000 молодых людей негодными по росту были 875, в 1856–1860 гг. — 613. Из 10 000 в 1831–1836 гг. были годные лишь 6357, в 1856–1860 гг. — 6705. Эти новобранцы родились в последние годы империи. Сходное замечается и раньше среди новобранцев, родившихся во вторую половину революции⁵⁸.

Именно с этих лет революции начинается «деградация» французского населения (снижение роста, плодовитости и т. д.). То же самое, *mutatis mutandis*^{16*}, может быть сказано о революциях 1830, 1848 и 1870 гг. Их опустошения были не столь обширны, но в том же направлении. Среди убитых и сосланных лиц того и другого лагеря было немало выдающихся по ряду качеств лиц. Все же население революциями было ослаблено и деградировано в той или иной мере. Потомство, рожденное в Париже в 1871–1872 гг. было столь дефектно, что получило даже специальное название «детей осады и революции» (*les enfants de siege et de la Revolution*).

Процент мертворожденных в Париже также повысился. На 10 000 новорожденных их было в департаменте Сены:

1867–1868 гг.	—	698
1869–1870	—	760
1871–1872	—	766
1873–1874	—	694 ⁵⁹

Рост сифилиса и половых заболеваний также имел место. 1848–1849 гг. дают максимальные цифры сифилитиков во Франции в течение 1845–1854 гг.

Среди *filles insoumises*^{17*}

Годы	Одна сифилитичка приходилась на:
1847	6,5
1848	5,6

⁵⁸ *Boudin*. De l'accroissement de la taille et des conditions d'aptitude militaire // *Memoire de la Societe d'antropologie*. 1 serie. Vol. II, 7 mai, 1863; *Villermé L.*

Memoire sur la taille de l'homme en France // *Annales d'hygiene publique et medecine légale*. 1-er serie. Paris, 1829. Vol. 1.

⁵⁹ *Oettingen A.* Op. cit. S. 703.

Одна сифилитичка на:

Годы	В пригородах	В Париже	Среду filles isolées ^{18*}
1847	57 девушек	154	351
1848	37 девушек	125	181 ⁶⁰

Один русский писатель (Шульгин) назвал войну и революцию явлениями «вшивыми». Из всего выше сказанного мы видим, что революция — явление алкогольное, сексуально-распутное, тифоидно-холерное и убийственное. Теперь мы видим, что сверх того, она явление сифилитичное.

Констатировано и повышение душевной заболеваемости. В этом отношении 1830–1831, 1848–1849 и 1872–1873 гг. дают резкое повышение случаев Paralyse; «ни в каком году не оказывается такого роста их, как в 1830–1831 (прирост с 9 до 14%), в 1848–1849 (подъем с 27 до 34%) и в 1872–1876 гг., вследствие событий 1870–1871 гг. (подъем на 37%)⁶¹.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что влияние русской революции типично. Она особенно ярко выявила эти явления отрицательной селекции, деградации населения и ухудшения наследственного биологического фонда страны, которые присущи всякой кровавой революции. Разница их в этом отношении лишь количественная, а не качественная. Чем глубже, длительнее и кровавее революция — тем ее опустошающее влияние проявляется резче. Да иначе и быть не может, ибо сходные причины в сходных условиях вызывают сходные следствия.

История повторяется.

Практический вывод из сказанного таков: кто хочет вымирания своего народа, падения рождаемости, ухудшения расового фонда своей нации, гибели его лучших элементов, деградации выживших, чумы, холеры, тифа, сифилиса, душевных расстройств, словом, кто хочет способствовать дегенерации своей нации, тот может и должен готовить насильственную революцию, углублять и расширять ее. Такой способ — один из лучших для достижения указанных эффектов. Кто их не хочет, тот может стоять лишь на пути реформ, а не кровавых революций.

Caveant consules!^{19*}

⁶⁰ Oettingen A. Op. cit. S. 698.

⁶¹ Ibid. S. 681.

ОЧЕРК ТРЕТИЙ

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНОГО АГРЕГАТА В ПЕРИОДЫ РЕВОЛЮЦИЙ

§ 1. Общие положения, касающиеся структуры социального агрегата

Население любого социального агрегата распадается не прямо на индивидов, а на целый ряд групп — религиозных, семейных, объемно-правовых и т. д., — являющихся как бы посредниками между социальным агрегатом и индивидом¹. Они представляют собою как бы ткани и органы, из совокупности которых состоит социальный агрегат.

Оборотной стороной этого расслоения социального агрегата на группы или слои служит факт принадлежности индивида не к одной, а ко многим группам, друг с другом не совпадающим и друг друга не покрывающим. *Совокупность тех групп, к которым индивид принадлежит, и место, которое он в каждой из них занимает, можно назвать «системой социальных координат», определяющих его положение в «социальном пространстве», его социальный вес, социальную физиономию и характер поведения.*

Состав членов каждой из этих групп или слоев агрегата не один и тот же, а с течением времени меняется. Одни индивиды выбывают из состава членов данной группы и переходят в другую (из одной партии, семьи, религии, имущественного слоя, профессии и т. д. — в другую партию, семью, церковь, профессию). На место выбывших членов группы прибы-

¹ В интересах краткости проблема структуры социального агрегата здесь очерчивается в самих общих и не совсем точных чертах. В тех же целях я вынужден временами пользоваться такими терминами, как «организм», «орган» и т. п. Подробный анализ строения социального агрегата и всех проблем, связанных с ним, читатель найдет во втором томе моей «Системы социологии».

вают новые. Это значит, что в любом агрегате происходит циркуляция индивидов из группы в группу, перемещение их в системе социальных координат, изменение состава членов каждой «ткани», или «органа» социального агрегата.

Каждая из групп похожа на пруд, в который вливается ручей, приносящий свежих членов из других прудов и вытекает ручей, уносящий бывших членов в другие группы; а все группы, вместе взятые, составляют то, что можно назвать общей структурой социального агрегата.

Так как при такой циркуляции далеко не всегда число членов, выбывших из данной группы или слоя, равно числу членов, вновь вошедших туда, то следствием этого является колебание объемов (числа членов) таких групп или слоев агрегата. Объем тех из них, куда в данный момент вливается большое число индивидов, увеличивается и разбухает, объем других, откуда индивиды усиленно уходят, уменьшается и съезживается. Иногда дело доходит до того, что из данной группы (например, партии) уходят все ее члены, вследствие этого группа совсем исчезает, объем ее падает до нуля. Иногда бывает так, что некоторые индивиды, ушедшие из тех или иных групп, не вливаются в существующие, а образуют новую группу, не имевшую места раньше (например, новую партию).

Следует, однако, сказать, что в нормальных условиях все эти процессы совершаются организованно, по определенной системе, без резких скачков и катаклизмов. И циркуляция индивидов, и колебание объемов групп совершаются постепенно и сравнительно медленно, хотя и с разной скоростью в разных агрегатах.

Это происходит потому, что в каждом агрегате имеется сложный механизм, регулирующий перемещение индивидов в «социальном пространстве», их размещение по разным группам или разным слоям одной и той же группы, их «отбор» и «подбор» для той или иной группы, а тем самым регулирующий и процессы колебания объемов последних (см. ниже).

Благодаря наличию и функционированию такого «механизма размещения», очерченные процессы перемещения индивидов и колебания объемов групп в нормальное время совершаются ровно, постепенно и без резких скачков. Они, как правило, не уничтожают упругости, постоянства, устойчивости и четкости структуры социального агрегата. Как процессы кровообращения и обмена веществ нормального организма не уничтожают однообразия и постоянства его морфологического строения и формы, так и процессы нормальной циркуляции индивидов и нормального колебания объемов разных групп агрегата не мешают ему сохранять один и тот же «морфологический тип», одну и ту же структуру, один и тот же социально-архитектурный стиль.

Эти вводные замечания были необходимы, чтобы понять характер тех изменений в структуре социального агрегата, которым он подвергается в периоды революции.

Перейдем к ним.

§ 2. Деформация структуры агрегатов в периоды революции

Революция означает не только деформацию поведения индивидов и изменение состава населения, но и резкую трансформацию структуры социального агрегата в указанном значении этого слова.

Спрашивается: 1) *чем же характеризуется революционная деформация структуры агрегата?* 2) *чем отличаются процессы колебания объемов групп, изменения их состава и циркуляция в революционный период от этих процессов в нормальное время?*

Начнем с первого вопроса, как введения ко второму. Выше я подчеркнул, что в нормальном состоянии структура агрегата, несмотря на эти процессы, — постоянна, устойчива и сохраняет свою форму. Равным образом устойчиво функционирует и механизм, регулирующий размещение и отбор индивидов для той или иной группы и их циркуляцию. Совершенно другую картину мы видим в первый период революции. Подобно расслабленному или парализованному и разлагающемуся организму, структура социального агрегата вдруг становится расслабленной, бесформенной и разваливающейся. Наступает «мутъ». Линии социального расслоения вдруг стираются, механизм, регулировавший циркуляцию и перегруппировки, парализуется. Он перестает действовать. А поэтому — вся циркуляция принимает «анархический» характер. Тормозов нет, а потому индивиды потоком революции срываются с мест и несутся «куда глаза глядят», без плана, без системы, вне обычных «кровеносных и лимфатических» путей. Перед нами разбросанный муравейник: без стилия, формы и порядка, разлагающийся труп, с беспорядочно кишасщими клетками, кочующими из органа в орган, просверливающими ткани и вместе с этим уничтожающими обычное строение социального организма.

Второй период революции — период воссоздания новой структуры агрегата. «Муть» мало-помалу проходит. Намечаются контуры расслоения на группы. Возрождается механизм отбора и циркуляции, придающий им определенную систему, порядок и устанавливающий тормоза. К концу этого периода воссоздание в основных чертах завершается. Перед нами — агрегат, снова имеющий форму, тип и упругость. Вопреки

распространенному мнению, не следует думать, что новая структура радикально отличается от «старого режима». Напротив, она очень похожа на старую: различны только жильцы в разных комнатах этого по существу старого здания; новы вывески, да кое-какие переделки, и только.

Такова в общих чертах суть деформации социальной структуры в период революции.

Теперь перейдем к ответу на второй вопрос, который сделает вполне ясным только что сказанное.

Отличие революционного периода от нормального времени в этой области заключается в следующем.

1. *Процессы изменения состава членов групп и циркуляции индивидов в первый период революции совершаются гораздо быстрее и захватывают огромное количество лиц.*

2. *Амплитуда колебания объемов групп здесь гораздо шире и резче.*

3. *Процессы образования новых сложных групп идут с гораздо большей скоростью.*

4. *Отличен механизм, регулирующий отбор, размещение в группы и циркуляцию индивидов, а потому иные результаты получаются в итоге его действий в области размещения индивидов в «системе социальных координат».*

5. *Во второй период революции мы замечаем «возврат к старому», выражающийся: а) в обратной циркуляции и тенденции возвращения перемещенных индивидов в дореволюционное положение, б) в уменьшении амплитуды колебания объемов групп, в) в восстановлении старого механизма отбора и размещения индивидов, г) в приближении структуры агрегата к дореволюционному типу (хотя и не совпадая с ним полностью).*

6. *Если верно, что положение индивида в системе социальных координат определяет его социальную физиономию, его «душу» и поведение, то усиленное перемещение индивидов в социальном пространстве должно сопровождаться и усиленной «перегруппировкой душ». Члены агрегата, меняя места в системе социальных координат, должны, соответственно, менять и свои «души», – свое поведение.*

Перейдем к комментированию этих положений.

§ 3. Изменение состава групп, скорость, массовость и характер циркуляции

Скорость изменения состава групп можно измерять скоростью социального перемещения индивидов и количеством перемещенных лиц. Скорость перемещения, или циркуляции, можно измерять длиной «социального пространства», пройденного индивидом в опреде-

ленное время. В тех группировках, где существует последовательность ступеней прохождения «с низу на верх» (например, от низшего чина до высшего, от писца до министра, от бедняка до миллиардера), пройденное социальное пространство, или скорость циркуляции, может изменяться количеством ступеней, на которые индивид поднялся (при восхождении) или спустился (при движении вниз) за такой-то период времени. В других группировках, где такой «табели о рангах» или градации нет, скорость циркуляции может быть измеряема количеством переходов (включений и выключений) индивида из группы в группу (из одной партии в другую, из одной семьи в другую, из одной религии в другие и т. д.).

Массовость циркуляции, или количество перемещенных лиц, может быть измеряема количеством лиц, сдвинутых со своих мест или переменивших свое положение в системе социальных координат. Измеряемая таким образом скорость и массовость «циркуляции» революционного периода несравненно больше скорости и массовости неревolutionного времени в том же агрегате. А потому изменения состава групп социального агрегата во время революции происходят гораздо быстрее и интенсивнее.

Перейдем к доказательству этих положений на примерах изменения состава ряда групп.

Начнем с изменения состава и циркуляций в области *профессиональной, объемно-правовой* (управляющих и управляемых) и *имущественной группировок*.

Во всех этих группировках процессы изменения состава и циркуляции индивидов от одной профессии к другой, от одного слоя в объемно-правовой и имущественной пирамиде к другому в первый период революции делаются более быстрыми и массовыми². Индивиды как бы моментально взлетают из низов имущественной или объемно-правовой пирамиды на верхи, перескакивая сразу ряд ступеней, и наоборот — падают сверху вниз с той же катастрофической быстротой и внезапностью. То же самое наблюдается и в перемене профессий: за год-два индивид меняет несколько профессий самых разных и даже противоположных. В нормальное время во всех этих переменах, подъемах и падениях есть постепенность: индивид исподволь из бедняка становится богатым, из мелкого чиновника — чиновником более высокого ранга, не

² Для сравнения всегда следует брать один и тот же агрегат в нормальный и революционный период, а не разные агрегаты.

столь быстро и резко меняет профессии. Кроме стран с сильной циркуляцией, вроде США, значительные изменения во всех этих отношениях в большинстве агрегатов совершаются только в течение нескольких поколений³.

Во времена революций — картина иная. Невозможное в нормальное время становится возможным.

Перейдем к проверке этих положений.

Начнем с *русской революции*.

Представление обо всем сказанном дают следующие факты. С помощью моих учеников я в 1921–1922 гг. произвел анкетное исследование социальной циркуляции в Петрограде за годы революции. Обследованию было подвергнуто 1113 человек. Основные итоги таковы. Каждый из 1113 человек с 1917 по 1921 гг. переменял свою основную профессию один или много раз. Подсчитав число всех перемен профессии всех этих лиц и разделив полученную цифру на 1113, я получил число 5, указывающее среднее число перемен профессий за 3,5 года. Не только для Петрограда, но даже для Америки такой коэффициент профессиональной циркуляции и изменения состава профессиональных групп высок. Сходное обнаружилось и в области объемно-правового и имущественного положения этих лиц. Все оказались сдвинутыми со своих старых позиций. Большинство — обеднело, небольшая часть — стала

³ См. об этом: *Сорокин П. А. Система социологии. Т. 2. Гл. V. О. Аммон доказал для Карлсруэ, что из сельских пришельцев в первом поколении лишь 14% входит в средний класс и 4% — в состав чиновников; во втором поколении уже 49% их сыновей входит в средний класс, а в состав чиновничества — 10%, в третьем поколении последняя цифра повышается уже до 25%* (*Ammon O. Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen. Jena, 1895. S. 143–144*). С другой стороны, P. Mombert, исследовав 1653 человек, допущенных к *Badischen juristischen Prüfung*, являвшихся кандидатами на занятие высших государственных и общественных постов, и 6373 *Lehrerseminaristen*^{1*}, ясно показал ту же постепенность подъема снизу вверх (см.: *Mombert P. Zur Frage der Klassenbildung // Kölner Vierteljahrshefte für Sozialwissenschaften. Heft 3*).

«Теоретически, — говорит Г. Майр, — человек представляется вполне свободным в выборе своей профессии, тем не менее, сын земледельца обыкновенно становится земледельцем же, сын промышленника — промышленником» (*Майр Г. Закономерность общественной жизни. М., 1899. С. 132*). К аналогичному выводу приходит и F. Chessa в своей монографии «*La trasmissione ereditaria della professioni*» (Torino, 1912). Соответствующий материал см. во втором томе моей «Системы социологии».

сравнительно более богатой. «Социальный ранг» их также изменялся, и очень резко. Представление об этой резкости и скорости изменений дают хотя бы две анкеты. Сенатор и товарищ министра до революции за 3,5 года прошел следующие профессионально-имущественно-объемно-правовые позиции: голодающий огородник, арестант, заключенный в лагерь, торговец порошками от тараканов, конторщик в кооперативной лавке, переписчик на машинке в Академии наук, преподаватель в агрономической школе, член правления сельскохозяйственного общества, фотограф.

Семнадцатилетний деревенский парень, каким он был до революции, с 1917 по 1921 гг. был: красноармейцем, рабочим на заводе, партийным агитатором, арестованным и приговоренным к смерти (белыми), членом заводского комитета, заведующим финансами в уездном городе, красным офицером, студентом, членом Губ. Комитета РКП, председателем губернской Чеки, членом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, красным прокурором.

Быть может, другие лица имели не столь много перемен, как эти двое, однако, все они имели их больше, чем в нормальное время. Именно во время революций —

Судьба играет человеком...
 То вознесет его высоко,
 То бросит в бездну...

Такова картина революционной циркуляции при микроскопическом анализе. Это малая капля того, что в громадном масштабе совершалось со всем населением России. Суть дела вкратце сводится к следующему.

С начала революции, в особенности после октябрьского большевистского переворота, произошел профессиональный, имущественный и объемно-правовой катаклизм. 27 февраля и в первые дни марта 1917 г. все бывшие властители царского периода, вплоть до полицейских, и первенствующее сословие, в виде дворянства, были сброшены с верхов объемно-правовой пирамиды, из управителей стали полуправными и бесправными илотами. На их место поднялись частью представители средних классов и торгово-промышленного слоя, частью — из низов пирамиды — представители рабочих и крестьян, частью из обделенных народностей России — евреев, латышей и др. (Временное правительство и Первый Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов). Состав командующего класса — социально и этнографически — стал совершенно новым. К концу октября произошел новый

взрыв, сбросивший новый командующий класс «на низы», окончательно похоронивший дворянство и поднявший новый пласт рабочих, солдат, люмпен-пролетариев и деревенскую бедноту на верхи — с одной стороны, с другой — еврейские элементы, латышей и авантюристов всех стран (Раковский, Варга, Садуль, Радек, Ротштейн и др.), в огромной пропорции заполнивших «командующие слои». «Кто был ничем, тот стал всем», и наоборот новыми «дворянами» стали коммунисты, беднота и подонки общества, выступившие заодно с ними.

То же самое произошло и в области имущественной группировки. Благодаря «национализациям» и «коммунизациям» почти все богачи стали бедняками, а часть бедняков — богачами. Наряду с этим процессом перемещения произошло общее обеднение и уменьшение имущественной дифференциации.

Сходный катаклизм произошел и в области профессионального расслоения. Множество представителей мускульного труда — рабочие и крестьяне — хлынули в область профессий умственного труда в качестве комиссаров, правителей, пропагандистов, управляющих фабриками и заводами и т. д.; и наоборот — интеллигенция, учителя, профессора, студенты, организаторы, руководители предприятий (предприниматели, директора, инженеры и т. д.) и бывшие властители — были вынуждены заниматься физическим трудом: стали рабочими на фабриках, сторожами, землеробами, дроворубами, портовыми грузчиками, вокзальными носильщиками, служащими в столовых, кооперативах, огородниками и т. д. Те и другие, по словам Зиновьева, «меняли профессию чуть ли не каждый месяц»⁴. Словом, во всех этих отношениях произошло землетрясение, перевернувшее социальные пласты наоборот и кардинально изменившее состав групп: командующих и управляемых, привилегированных и обездоленных, богатых и бедных и, наконец, состав разных профессиональных групп.

Такова суть первого периода революции.

С 1921 г. начался процесс обратной циркуляции. Массовое перемещение индивидов оказалось неудачным. Наряду с лицами, сброшенными с верхов имущественной и объемно-правовой пирамиды ввиду их негодности и поднятыми на «верхи» ввиду их способностей, метла революции выкинула сверху массу лиц, вполне способных занимать места в верхних слоях и, наоборот, — подняла туда массу индивидов, не имевших ни способностей, ни навыков для соответствующего рода деятель-

⁴ XI съезд Российской Коммунистической партии. М., 1922. С. 23.

ности. Когда разрушительный период кончился, и с 1921–1922 гг. пришлось приступить к созиданию, это сразу и выявилось. Неоправданно сброшенные властители, «богачи» и «организаторы», начали снова карабкаться наверх, «прирожденные рабы», «бедняки» и лица, пригодные лишь для мускульной работы, стали съезжать вниз. В армии — места генералов, штабные и командные должности стали занимать бывшие царские генералы и офицеры, до того сидевшие в тюрьмах или служившие в белых армиях (генералы Брусилов, Клембовский, Достовалов, Борисов, Верховский, Лебедев, Слащев и другие). Масса революционных командиров, за исключением немногих «прирожденных стратегов», была уволена в отставку или переведена на низшие должности.

То же самое произошло и в других отраслях управления. В 1922–1923 гг. в большинстве из них все высшие руководящие посты, кроме постов самих народных комиссаров и одного-двух членов коллегии, уже были заняты «спецами», т. е. бывшими министрами (Некрасов, Куллер, Покровский и другие), старыми бюрократами, чиновниками, профессорами и т. д. В государственных трестах, в Советах Народного Хозяйства верховные органы до 1921 г. заняты были почти исключительно рабочими, с 1921–22 гг. в правлениях трестов было два рабочих и один «буржуазный спец», в конце 1922 и в 1923 гг. число рабочих еще более уменьшилось. По анкетам 1923 г. из исследованных 1306 руководителей предприятий только 39% были рабочими по своей прежней деятельности, остальные 61% были не рабочими по происхождению. Среди них основную массу составляют бывшие владельцы и руководители предприятий⁵.

Три-четыре года назад картина была совершенно иной. Этот подъем «бывших людей» и спуск «выскочек» продолжается и сейчас. Даже в Чека в 1921–1922 гг. вошло немало деятелей старой царской охраны и жандармского управления (например, Комиссаров и др.). Сходное происходит в имущественной и профессиональной группировках. «Новая буржуазия» в значительной мере начинает составляться из старой. Старый кулак в деревне, торговец в городе, предприниматель и спекулянт, перерядившись в одежду «нэпмана» и «красного купца», снова лезут наверх. В профессиональной плоскости «воронежский битюг», занявший место Цицерона, и Цицерон, превращенный в битюга, — снова возвращаются в прежнее положение. Словом, обратная циркуляция выявилась, тенденция «возвращения в дореволюционное состояние» — очевидна и в значительной части уже реализована.

⁵ Последние Новости. № 972.

Социальные группы начинают заполняться старыми дореволюционными жильцами. «Кто был ничем — опять становится ничем», «кто был всем» — опять стремится занять старое место. Конечно, определенная часть перенесенных на новые места в первый период революции, особенно евреев, застрянет там и «разбавит» собою старые элементы, но только часть. Таков круг революции и ее *corsi* и *ricorsi*^{2*}. Сейчас (1923 г.) этот круг завершается. За шесть лет произошли процессы резкого изменения состава членов социальных групп, восходящей и нисходящей «циркуляции», на которое в обычное время нужны были бы если не столетия, то десятилетия.

То же самое в иной форме происходило и в области других группировок.

Из приведенных выше данных о движении разводов (см. параграф о деформации половых рефлексов) следует вывод, что более быстрый и массовый характер приобрела и междусемейная циркуляция индивидов.

Не иначе обстояло дело и с партийной группировкой.

Масса лиц за 5–6 лет в стране с неразвитой партийной жизнью успела пройти через ряд партий — от монархизма до коммунизма — и возвратилась к исходному внепартийному бытию. Словом, и в этой области скорость и массовость циркуляции (и изменений состава партий) были исключительными.

Не иначе обстояло дело и с межгосударственной циркуляцией (не в смысле территориального перехода границы, а в смысле принадлежности к определенному государству). Десятки лет граждане России, за исключением небольшого числа эмигрантов, оставались подданными этого государства. С начала революции сотни тысяч и даже миллионы лиц волей или неволей оказались подданными других государств: Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Грузии, Польши, Украины, Румынии, многие — два миллиона эмигрантов — оказались вообще без подданства: они стали «абонентами» Лиги Наций, людьми «без отечества». Причем значительная часть лиц меняла свое подданство несколько раз: из гражданин Российского государства вдруг становилась гражданами Грузии, а из последних — гражданами РСФСР и т. д.

Такую же картину представляет собой и межрелигиозная циркуляция. Масса верующих с начала революции стала атеистами, часть начала переходить из православия к евангельским христианам, часть — к католикам, часть — к другим сектам. С 1922 г. из православной церкви, возглавляемой патриархом Тихоном, выделились: «Живая церковь», «Церковное возрождение», «Древле-Апостольская церковь»^{3*}. Началась

добавочная циркуляция между этими религиозными группами. С 1921–1922 г. ясно наметился и обратный процесс: традиционно атеистическая русская интеллигенция стала делаться религиозной, мистической и потянулась в лоно православной церкви; то же наметилось среди тех, кто с начала революция стал атеистом и вышел из состава церкви; та же тенденция выявилась и среди народа — крестьян и рабочих. Все они вновь стали входить в лоно православия. Престиж православной церкви вырос; гонения на ее служителей и преследование религии властью не только не ослабили церковь, не только не сократили числа ее деятельных членов, но создали вокруг нее ореол, усилили ее притягательную силу и вызвали возрождение православия.

Таким образом, и здесь за 6 лет революции масса лиц прошла через ряд религиозных и атеистических группировок, что в обычное время не имело места.

Не представляет исключения и территориальная циркуляция.

Несмотря на разрушение железных дорог, затруднявшее передвижение, все же можно утверждать, что за эти годы население России было гораздо менее «оседлым», чем раньше. Революция подняла с насиженных мест огромные пласты населения, раньше не думавшего о перемене своего оседлого образа жизни, бросала и продолжает бросать их с места на место по безбрежной Российской равнине. В 1917–1918 гг. сотни тысяч людей потянулись из голодных городов в деревни⁶, затем с началом гражданской войны огромные армии стали колесить от Владивостока до Польши, от Архангельска до Крыма и Персии; затем голод 1921–1922 гг. погнал миллионы голодных из голодных областей в другие. Легкая нажива, опасность погромов, возможность грабежа, мошенничества и спекуляции сняли с местечек тысячи евреев и перебросили их в столицы. Миллионы людей потеряли свой дом, стали российскими «перекати-поле», которых революция гоняла с места на место, вплоть до Константинополя, Варшавы, Туниса, Европы, Азии, Америки и Африки. Вместо оседлой России перед нами был растревоженный муравейник с кишачими муравьями.

⁶ Например, 1 февраля 1917 г. население Москвы равнялось 2 017 000 человек, 26 августа 1920 г. всего было 1 028 000 чел. Перед революцией в Петрограде было 2 420 000 жителей, в 1918 г. — 1 469 000, в 1919 г. — 900 000, в 1920 г. — 740 000 (см.: Красная Москва. 1917–1920. М., 1920; Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1921. Вып. V). Всего из городов ушло за 1918–1920 гг. около 8 млн человек (За пять лет. 1917–1922. М., 1922. С. 295).

С 1921–1922 гг., с момента окончания гражданской войны и здесь наметилась тенденция «оседания». Демобилизованные солдаты вернулись домой. Граждане, убежавшие из центров и городов, потянулись туда обратно, население столиц и городов стало расти. Население городов возросло с 15 730 490 человек в 1920 г. до 16 330 274 в 1923 г. Население Москвы, равнявшееся в 1920 г. 1 028 000 человек, увеличилось до 1 542 874 в 1923 г.; население Петрограда с 740 000 до 1 067 3287.

Вместо «Руси на телегах, на конях, бредущей пешком», какой она была в первый период революции, мы видим Русь — «больного Илью Муромца, сиднем сидящего на одном месте».

То же самое может быть сказано и о множестве других циркуляций между всевозможными научными, художественными, литературными и другими группами, союзами и ассоциациями. Везде положение их членов и самих групп менялось много раз.

Сходное мы видим и в других революциях. О росте скорости и массовости изменения состава групп и имущественной, объемно-правовой, профессиональной и государственной циркуляции в *Египетской революции* говорит следующее наблюдение Ипувера. «Не имевший собственности — теперь состоятельный человек. Бедняки стали богачами, а владельцы собственности — неимущими. Бывший владелец одеяний ходит в лохмотьях, а тот, кто никогда для себя не ткал, имеет теперь полотно; тот, кто не делал для себя лодки, теперь владелец судна; не имевший хлеба, владеет закромами, его амбар переполнен чужим достоянием. А богачи — голодают. Прежде состоятельный человек теперь проводит ночь томимый жаждой; благородные дамы ходят голодные и говорят: “Ах, если бы у нас было что поесть”» и т. д.

Из этих штрихов ясен огромный имущественный катаклизм.

«Прежние рабы, — описывает Ипувер объемно-правовую циркуляцию, — стали господами рабов, а господа — рабами. Дети князей выбрасываются на улицу и разбиваются о стены. Ни одно старое должностное лицо не на месте» и т. д.

Сходное произошло и в области профессиональной циркуляции. «Строители пирамид сделались земледельцами, а князья выполняют тяжелые принудительные работы, жалкие неджесы, ставшие аристократами, теперь бездельничают. Вчерашний раб — сегодняшней правитель — покоится на роскошном ложе» и т. д.

⁷ Экономический вестник. № 2. С. 207–209.

Из слов о вторжении иноземных племен следует, что изменилось и подданство многих завоеванных египтян. Кроме того, происходила интенсивная религиозная циркуляция. «Земля перевернулась, как круг горшечника», — резюмирует Ипувер общую картину⁸.

Из нее мы видим, что за короткий промежуток времени произошли: изменение состава групп и колоссальная циркуляция, перевернувшая все вверх дном.

Не иначе обстояло дело и в *Риме* в революционный период конца республики. Он характеризуется интенсивнейшей перегонкой индивидов из богачей в бедняки, из рабов в слой властителей, из одних профессиональных групп в другие, из одной религии в другую, из лона одной семьи — в лоно другой, из одной партии — в иную и т. д. Римский агрегат был похож на кипящий котел с бешено циркулирующими частицами воды. Победа каждого из диктаторов, начиная с Гракха (Мария, Суллы, Антония, Помпея, Цезаря, Августа и т. д.), означает смену одного катаклизма другим, резкое изменение состава большинства социальных групп, низвержение одного социального слоя и приход к власти другого: «кто был ничем, тот становился всем», и наоборот. Скорость и массовость циркуляции видны хотя бы из того, что за время революционного периода состав правящего класса кардинально изменялся несколько раз.

Патрицианская аристократия очень быстро исчезла в процессе революции. Ко времени Цезаря осталось не более 15 патрицианских родов. Место ее было занято всадническим сословием. Но ненадолго. В результате последующих переворотов богатые роды быстро сделались бедняками, и наоборот — ловкие бедняки быстро сделались богачами. Поэтому смена богачей происходила в чрезвычайно ускоренном темпе. Наряду с этим выступили на сцену рабы, вольноотпущенники, евреи⁹, пролетариат, преступники и международный сброд.

Каждая борющаяся сторона стремилась опереться на них, а потому должна была платить за поддержку раздачей должностей и богатств,

⁸ См.: *Викентьев В.* Цит. соч.

⁹ Влияние евреев за время революции сильно возросло. По словам одного современника, «для наместника бывает опасным слишком вмешиваться в дела евреев своей провинции, так как по возвращении в Рим ему предстоит быть освидетанным столичной чернью. Еврейство являлось теперь деятельным зародышем космополитизма и национального разложения и вследствие этого было полноправным членом Цезарева государства» (*Моммзен Т.* Цит. соч. Т. III. С. 480–481). То же самое повторялось в английской, французской и русской революциях.

освобождением от зависимости и назначением на высокие посты. Благодаря этому состав правящего класса стал все сильнее и сильнее пополняться выходцами из этих слоев, ко времени Цезаря и Августа почти целиком заполнивших «командующие классы». Вольноотпущенникам при Августе была дана почти исключительная привилегия занимать места всех высших и низших служащих в канцеляриях, конторах, бюро контроля и т. д. «Ближайшими к Августу людьми... были опять-таки его личные рабы и вольноотпущенники»¹⁰.

Тот же факт имел место и при других революциях: в жакериях Франции, в Парижской революции, во время крестьянских восстаний в Германии, Англии, в гуситской революции¹¹, в русской смуте XVII в.

Всюду первый период революции характеризуется социальным обвалом: знать мгновенно сталкивается на низы, богачей грабят, быстро выдвигаются новые властители и лидеры из низших классов, меняется состав командующих и имущих слоев (У. Тайлер, Дж. Болл, Листер, вожди крестьянских восстаний во Франции и в Германии, Э. Марсель, майотены^{4*}, лидеры рабочих, мясники, кабошины^{5*}, Я. Жижка, Я. Гус, Микулаш Желивский, Прокоп, табориты и сироты и ближайшие сподвижники всех этих лидеров).

С момента подавления или естественного завершения революции начинается «обратная циркуляция»: после подавления восстания У. Тайлера, французской Жакерии, Крестьянской войны в Германии, после Пражских компактатов, окончания русской смуты наверх снова выплывают представители старых командующих и буржуазных слоев, в большей или меньшей степени разбавленные «новичками».

Нет надобности говорить, что в эти периоды революции наряду с имущественной и объемно-правовой циркуляцией происходили столь же интенсивно и другие циркуляции: межгосударственные, семейные,

¹⁰ *Ростовцев М. И.* Рождение Римской Империи. С. 134–136; см. указанные выше работы Т. Моммзена, В. Дюруи, особенно О. Зеека, Р. Fahlbeck'a и Н. А. Васильева. См. также: *Bouglé C.* La démocratie devant la science. Paris, 1923; *Sensini G.* Teoria dell'equilibrio di composizione delle classi sociali // *Revista Italiana di Sociologia.* 1913, sept. – oct.; и особенно *Pareto V.* Op. cit. Vol. II.

¹¹ «Теперь, – пишет современник гуситской революции, – в Праге управляет не группа лиц, управлявших раньше. Теперь наиболее знатные по рождению, богатству и талантам либо казнены, либо изгнаны. Портные, плотники, рабочие всякого родаполнили Совет; там есть даже иностранцы и крестьяне, пришедшие неведомо откуда» (*Denis E.* Op. cit. P. 330).

профессиональные, религиозные и т. д. Во всех этих отношениях индивиды революционных агрегатов чрезвычайно быстро меняли свое положение в системе социальных координат¹².

То же самое видим и в *Английской революции*. Первый этап ее состоял в массовом низвержении высшей аристократии (кавалеров и высшего слоя англиканской церковной иерархии с королем во главе) и массовом подъеме ближайших к ним слоев, раньше имевших незначительное влияние в командующих классах. Второй этап — в сползании этих слоев вниз и в возвышении «средних и частью низших классов во главе с Кромвелем. «Главные землевладельцы, богатые граждане, именитые люди теперь удалялись от общественных дел, не участвовали в административных комитетах, в местных судах; власть переходила в руки людей низшего сословия, жадно хватавшихся за нее, способных действовать энергично, но не умеющих удержать ее в руках. Они с жадностью наслаждались удовольствием повелевать, властвовать, считать себя и называть избранныками Божиими»¹³.

Протекторат Кромвеля, роспуск Долгого парламента^{6*}, уничтожение палаты лордов и т. д. — вот основные вехи, указывающие этот второй «обвал». За ним начался третий, в виде многочисленных попыток еще более низких слоев (уравнителей, милленариев, мистиков, диггеров^{7*}) свалить власть Кромвеля и средних слоев, на которые он опирался. Но этот «взрыв» бал подавлен Кромвелем, в 1653–1656 гг. резко выступившим против них. С конца его протектората начинается обратная циркуляция, выразившаяся в резком разрыве Кромвеля с крайними группами, представлявшими интересы низов (см. его речь в парламенте 22 января 1655 г., ответ Фику и т. д.), в разгоне Бербонского парламента^{8*}, в заигрывании со слоями более высокими, в привлечении их в командующие классы и т. д.¹⁴

Этот процесс обратной циркуляции завершается реставрацией. «Королевская власть была восстановлена не одна: вместе с королем в правлении государства заняли прежнее место бывшие собственни-

¹² Подробности см. в указанных выше работах. Для Франции см. специальную монографию: *Kolabinska M. La circulation des élites en France depuis la fin XI siècle jusqu'à la Grande Revolution. Lausanne, 1912.*

¹³ *Гизо Ф.* Цит. соч. Т. I. С. 133.

¹⁴ «Кромвель соединился с ними и таким образом совершенно изменил свое положение: из демократа стал аристократом, из революционера — консерватором» (*Гизо Ф.* Цит. соч. Т. III. С. 65).

ки, сельское дворянство, все знатные граждане, которых республика и Кромвель отстранили от общих дел. Восстановилась и епископская церковь»¹⁵.

Сходная циркуляция происходила и в области других группировок: религиозной, партийной, профессиональной, государственной, территориальной и т. д. «Жар революции» подогревал «котел социального агрегата» и заставлял его элементы циркулировать быстрее и в больших массах, чем обычно.

Еще рельефнее эти процессы происходили во время *Великой французской революции*. Первое массовое перемещение здесь совершается в течение 4-5 месяцев. 14 августа 1789 г. знаменует низвержение всей аристократии и высшего духовенства с командующих позиций и замену его представителями третьего сословия, «бывшего ничем и становящегося всем» (по словам аббата Сийеса)^{9*}. В это же время перемещаются на более высокую ступень крестьяне, освобождающиеся от феодальной зависимости и повинностей. Законодательное Собрание и Конвент означают дальнейшие этапы процесса массового перемещения в объемно-правовой пирамиде. Люди 1789 г. и жирондисты оттесняются с верхов низшими слоями: выходцами из интеллигентного пролетариата, рабочих, крестьян, преступников и подонков общества. Они персонально начинают занимать сословные места в администрации, из них составляются грозные комитеты якобинцев, они составляют главную массу клубов и секций, определяющих политику. Отдельные представители этих слоев за 2-3 года пробегают колоссальное «социальное пространство», становясь из рядовых юристов, ветеринаров, актеров, портных, столяров, неизвестных офицеров, рабочих, крестьян, газетчиков и т. д. лицами, занимающими самые высокие посты и имеющими право распоряжаться жизнью и смертью многих людей. Сходное происходит и в имущественной пирамиде. Уничтожение привилегий, конфискация имуществ, захваты, грабежи, эмиграция и т. д. разорили бывших богачей и привилегированных и сбросили их на низы. Все эти явления вместе с приобретениями национального имущества, захватами, грабежами, спекуляцией и т. д. обогатили массу новых лиц, создали группу больших и малых «разжиревших революционеров».

Массовые циркуляции в религиозной группировке, переход многих людей от веры в безверие, из «неприсяжной церкви» в «присяжную», из

¹⁵ *Гизо Ф.* Цит. соч. Т. I. С. LI–LII.

одной секты в другую, от культа суеверия к «культу разума» и т. д. — происходили с не меньшей быстротой, чем другие циркуляции.

Рост межсемейной циркуляции мы уже видели выше (в параграфе о половых рефlekсах). Усиление процесса вольной и невольной перемены подданства (в силу эмиграции, отделения ряда местностей от Франции и Парижа, завоеваний новых областей и т. д.) не требует доказательств. То же самое может быть сказано о территориальной циркуляции, равно как и о других.

В эпоху Директории и в первые годы консульства Наполеона начинается процесс обратной циркуляции во всех этих группировках. Он завершается в эпоху реставрации возвращением множества лиц в «первобытное состояние» с разбавлением их «цепкими новичками».

То же самое происходит во время революции 1848 г. во Франции, Германии и Австрии, во время революции 1870–1871 гг. во Франции, революции 1905 г. в России, 1918 г. в Венгрии и Германии (где процесс обратной циркуляции еще не закончен), с тем, правда, различием, что революции эти, кроме Парижской 1871 г. и русской 1917 г., были неглубокими, поэтому и массовая циркуляция была также довольно поверхностной, ограничившись преимущественно объемно-правовым перемещением индивидов.

На основании сказанного тезисы о скорости и массовости циркуляции и быстрой перемены состава групп становятся ясными и едва ли оспоримыми.

Таково первое отличие циркуляции и перегруппировок, происходящих во время революции, от того, как они совершаются в обычное время.

Отличаясь по актерам, обстановке и другим конкретным мелочам, все революции играют в этом отношении одну и ту же пьесу, с тем однако различием, что в одних революциях она состоит только из двух частей, а в других — растягивается на 4–6 актов.

§ 4. Изменение объемов социальных групп

Неизбежным результатом исключительно быстрой, массовой и нерегулируемой циркуляции в первый период революции является исключительно быстрое и резкое колебание объемов (числа членов) групп, на которые распадаются агрегаты. Они становятся похожими на пузыри, то раздувающиеся сверх меры, благодаря стихийному притоку новых членов, то сжимающиеся до ничтожной величины, иногда до нуля, в результате их столь же стихийного выхода из группы. Наряду с этим коле-

банием и исчезновением возникают и новые группы. Следствием таких перегруппировок служит факт перемещения границ социального расчленения, а тем самым, изменение и обесформление «морфологической структуры» социального агрегата¹⁶.

Таким образом, в периоды революции мы видим не только изменение состава групп, но и их объемов, их числа, их взаимных пропорций, а тем самым, и всего морфологического строения населения как коллективного единства.

Поясним сказанное рядом фактов.

Русская революция. Возьмем профессионально-производственные группы. Период с 1917 по 1921 гг. в этой области характеризуется, прежде всего, почти полным уничтожением профессиональных групп: 1) предпринимателей – хозяев предприятий, 2) торговцев¹⁷, 3) исключительным уменьшением объема групп индустриальных рабочих (численность их сократилась до 46%) – диктатура пролетариата привела чуть ли не к исчезновению пролетариата¹⁸, 4) исключительной гипертрофией объема чиновников – «советских служащих» (почти 30% населения превратилось в чиновников и агентов власти)¹⁹. Среди них исключительно возросли группы, контролируемые по сравнению с исполнительными:

¹⁶ Общую теорию этих явлений см. во втором томе моей «Системы социологии».

¹⁷ Благодаря национализации торговли и промышленности, магазинов, фабрик, заводов, мастерских, домов, товаров, капиталов, они исчезли, иными словами – объемы этих групп сократились почти до нуля.

¹⁸ *Прокопович С. Н.* Очерки хозяйства Советской России. Берлин, 1923. С. 27.

¹⁹ По переписи 1920 г. в населении Москвы «советские служащие» составляли 50 с лишним процентов, а остальные 50% обслуживали их: столица России стала городом чиновников. То же самое имело место и в других городах. Возрос их процент и в деревнях. См.: Красная Москва. М., 1920; Красная газета (статья Ларина «Веселая арифметика»). До войны на 100 человек населения приходилось 1,5 чиновников и дворян (Статистический ежегодник России за 1908 г. С. 76). Теперь число одних только советских служащих колоссально возросло. Если судить о их численности по количеству лиц, состоящих на содержании у государства, то получаем такие цифры:

в 1918–1919 гг. было 12 млн чиновников	
1910–1920	23
1920–1921	35

35 млн чиновников на 130 млн населения составляет 27% всего населения (вместо 1,5% до войны). Эти цифры ясно свидетельствуют о том, до какой сте-

та же перепись Москвы выявила, что на двух чиновников-исполнителей приходится один-два или даже три (в некоторых комиссариатах) контролера, 5) некоторым увеличением объема земледельческих профессий, 6) полным уничтожением и уменьшением объема многих свободных и либеральных профессий (адвокатов и т. д.), 7) наконец, уменьшением профессиональной дифференциации вообще, ибо огромное число лиц, особенно представителей интеллигентных профессий, вынуждены были стать «энциклопедистами», т. е. обслуживать своими силами все свои потребности: шить, варить, стирать, возить бревна, колоть дрова, копать огороды, мести улицы, таскать тяжести и т. д.

Из этих явлений ясны: огромное изменение карты профессионального расслоения населения, передвижка границ между существующими профессиями, разбухание объемов одних профессий и уменьшение объемов других, смешение профессий и уменьшение профессиональной дифференциации.

С конца 1921–1922 г. начинается обратный процесс: вновь появляется и растет группа предпринимателей и торговцев, резко — вдвое, втрое и вчетверо — уменьшается число чиновников («сокращение штатов»), начинают возрождаться либеральные профессии, идет книзу профессиональный «энциклопедизм» и вновь растет профессиональная дифференциация и специализация²⁰.

пени разбухла эта группа; они же свидетельствуют о том, как вместо уничтожения бюрократии и государственного аппарата коммунисты создали небывалый бюрократизм и всеопекающее государство-Левиафан (Данные взяты из книги: *Прокатович С. Н.* Цит. соч. С. 121).

²⁰ По данным статистического отдела Московского Совета, с 1920 по 1923 г. число предпринимателей в Москве увеличилось на 600%, бухгалтеров, конторщиков и счетоводов — на 400%, инженеров, архитекторов и техников, не состоящих на государственной службе, — на 350%, служащих в частной торговле — на 318%. Количество «нэпманов» возросло в 15 раз по сравнению с остальным населением, число служащих — в 7 раз (цит. по: *Дни. 1923. № 245*). С другой стороны, продолжается «сокращение штатов», т. е. чиновников. Например, за 1922 г. в Народном комиссариате путей сообщения к 1 июля произведено сокращение на 25%, к 1 января 1924 г. предполагается сократить количество чиновников еще на 20%. Но и при всех сокращениях число чиновников центрального управления НКПС по отношению к общему количеству рабочих в НКПС превышает в три раза цифры 1915 г. (в 1915 г. соотношение их было 1:90, в мае 1923 г. — 3:90). См.: *Дни. № 248*.

Подобный процесс происходил и в области имущественной дифференциации. В течение революции резко менялся не только состав жильцов разных слоев имущественной пирамиды, но и форма последней, количество слоев и величина каждого из них. 1917–1920 гг. — это годы общего обеднения, падения имущественной дифференциации или понижения имущественной пирамиды²¹.

Богатства частных лиц были конфискованы. Благодаря этому одним ударом верхняя половина пирамида была отсечена. Но и в более низких слоях ее произошло дальнейшее уравнивание. Это видно хотя бы из падения экономической дифференциации среди рабочих и в крестьянстве. По тарифным ставкам 1918 г. самый высокий заработок квалифицированного рабочего относился к наименьшему заработку черноработого как 175:100. Этого соотношения он, по декрету, не мог превышать. По 24 губерниям Советской России было крестьянских дворов:

	<i>без посева</i>	<i>мелких, с посевом от 0 до 4 десятин</i>	<i>средних, с посевом от 4 до 8 десятин</i>	<i>крупных, с посевом более 8 десятин</i>
1918	11,4%	59,1%	21,6%	7,9%
1919	6,5%	74,0%	16,4%	3,1%

Сократился процент безлошадных и многолошадных и увеличился процент однолошадных²².

Из этих данных видно всеобщее обеднение и сплющивание имущественной пирамиды²³. Революция произвела экономическое уравнивание,

²¹ В 1913 г. на одного человека народный доход составлял в год 101 р. 35 коп.

в 1921 г. 38 р. 60 коп.

Месячный заработок рабочего до войны был 22 р.

в 1918 г. 8 р. 99 коп.

в 1919 г. 6 р. 77 коп.

в 1920 г. 7 р. 12 коп.

в 1921 г. 6 р. 95 коп.

в 1922 (1-я половина) 8 р. 22 коп.

(Проккопович С. Н. Цит. соч. С. 135).

²² О земле. Сборник статей о прошлом и будущем сельскохозяйственного строительства. М., 1921. Вып. 1. С. 25, 34 (статьи А. Хрящевой и Б. Книповича); Проккопович С. Н. Цит. соч. С. 29–30.

²³ В эпохи экономического обеднения это имущественное уравнивание — обычное явление. Эпохи хозяйственного подъема, напротив, характеризуются рос-

но не путем обогащения бедняков, а путем обеднения богачей и всеобщего обнищания. Это, конечно, не помешало обогащению небольшого числа властителей и близких к ним лиц. Но это — частное явление, не компенсирующее общее разорение. В итоге, вместо пирамиды, мы получим своего рода трапецию с небольшим шпилем наверху.

С 1921 г. начинается обратный процесс роста имущественной дифференциации с тенденцией — пока еще слабо выраженной — подъема национального дохода. И в городе, и в деревне хозяйственно сильные элементы, — благодаря своему труду или же путем спекуляции, мошенничества, легальных захватов — снова начинают выделяться, снова возникает чрезвычайный контраст между бедностью и богатством. На фоне разоренной страны в 1922–1923 гг. этот контраст, особенно в городах, принимает самые резкие формы: здесь вы видите рядом роскошь столиц Европы, с одной стороны, и людей, умирающих от голода, — с другой. В деревне снова начинают выделяться «кулаки» и «беднота», растут относительно крупные и беспосевные хозяйства и уменьшается количество средних. Словом, разрушенная имущественная пирамида опять воскресает, и тем быстрее будет воскресать, чем быстрее пойдет процесс подъема народного хозяйства.

За шесть лет революции произошли процессы, в нормальное время требующие десятилетия.

Столь же резкими были перегруппировки и в области объемно-правовой пирамиды. И здесь изменился не только состав «привилегированных» и «обделенных», «правящих» и «подчиненных» слоев пирамиды, но и форма последней, численность и величина отдельных ее слоев. Из верхов пирамиды исчезли дворяне, крупные помещики, почетные граждане, крупные бюрократы и именитые купцы. Место их заняли новые чиновники и новая аристократия, но в иной пропорции.

До революции численность потомственных дворян была около 300 тыс. человек. За годы революции число коммунистов, заменивших их на привилегированных местах, было в 1920–1921 гг. — 600 тыс., в 1922 г. — 420 тыс., в 1923 г. — 372 тыс. человек. До революции число чиновников вместе с дворянами не превышало 3 млн человек, за годы с 1918–1920 гг. численность их колебалась от 12 до 35 млн. Эти примеры показывают изменение величин разных слоев объемно-правовой пирамиды. Если, как делали это коммунисты, называть чиновников и представителей

том имущественной дифференциации; пирамида становится более крутой и высокой. См.: *Сорокин П. А. Система социологии. Т. 2. С. 406–407.*

привилегированных сословий «паразитами», то революция, вместо дезинфекции, размножила их число до небывалых размеров.

Изменилось строение пирамиды и в средних слоях. До революции не было бесправных лиц, ограничен был и произвол власти, начиная с царя. Жизнь каждого была гарантирована, и имелись в довольно широких пределах права гражданина и человека и на неприкосновенность личности и имущества, свободу слова и печати, союзов и собраний. Со времени октябрьской революции картина резко изменилась. По объему прав контраст между новыми привилегированными и остальным населением бесконечно усилился: права и привилегии первых фактически были неограниченны, вторых — сведены к нулю. «Гражданин» Советской республики превратился в улитку, которую могла раздавить и давила нога первого попавшегося комиссара. Вместо пирамиды прав и привилегий получилась ровная плоскость равенства и бесправия одних и неограниченного самодурства других. С 1922 г. и здесь начинается тенденция воссоздания пирамиды. И юридически, и фактически объем прав населения начинает расти; с другой стороны — начинает ограничиваться и вводиться в рамки самодурство новой аристократии и правящего слоя. Колоссально сокращается число чиновников, снижается численность членов коммунистической партии, меняется, как мы видели, состав правящего слоя. Понадобится не много лет, чтобы пирамида окончательно восстановилась, независимо от того, будет ли реставрация монархии или нет. В том и другом случае разница будет лишь в вывесках да в составе лиц, а не в сущности.

Мы видели выше, что произошли крупные перегруппировки и в сфере государственной территории и населения. Первая сократилась на 710 666 кв. верст, число подданных сократилось на 28 млн 571 тыс. человек, ставших гражданами других государств²⁴.

Еще резче та же черта видна на партийной группировке. К началу революции были следующие значительные партии: 1) монархистов, 2) октябристов, 3) торгово-промышленников, 4) кадет, 5) трудовиков, 6) социал-демократов и 7) социалистов-революционеров. В первые же недели революции первые три партии сошли почти на нет, зато с легкостью надувного пузыря стало расти число членов социалистических партий, особенно социалистов-революционеров. Из небольшой подпольной группы она за один-два месяца выросла до размеров партии, насчитывающей в своих рядах больше миллиона членов. На выборах

²⁴ Статистический ежегодник России. 1918–1920. М., 1921. Вып. 1. С. 1–7.

в органы самоуправления летом 1917 г. она получила больше половины всех голосов. Партия коммунистов в марте 1917 г. еще не существовала как массовая, но к лету уже настолько выросла, что пыталась совершить июльский переворот. С августа начинается ее колоссальный рост и падение популярности социалистических партий. В октябре перегруппировка уже столь значительна, что коммунисты почти без борьбы устраивают октябрьский переворот. Все несоциалистические партии исчезают, социалистические — теряют своих членов, численность коммунистов растет. В 1918–1921 гг. все остальные партии сходят на нет, остатки их уходят в подполье, на сцене остаются только коммунисты. С 1921–1922 гг. начинается их упадок и в то же время происходит окончательная ликвидация других партий. На их месте намечаются новые, в новых формах и с новым содержанием: идет организация и возрождение новой монархической, новой республиканской партии и новой «партии беспартийных». Эти штрихи показывают, с какой кинематографической быстротой шел этот процесс партийных перегруппировок, происходили колебания их объемов. То же самое может быть сказано и о других элементарных группировках.

Громадное колебание объемов групп, их численности и расположения в социальном агрегате, столь ясное в русской революции в первый ее период, имело место, в той или иной форме, и в других революциях.

Возьмите *Великую французскую революцию*. В течение одного-двух лет все морфологическое строение населения Франции обесформливается и резко меняется. Верхний слой объемно-правовой и имущественной пирамиды, в виде 270 тыс. представителей привилегированных сословий, 130 епископов, 120–140 тысяч клириков — отсекается. Эти места, как мы видели, занимаются выходцами из других слоев, но трудно допустить, чтобы число их было равно этому числу «привилегированных» старого режима. Еще труднее допустить, чтобы форма имущественной и объемно-правовой пирамиды, число слоев в ней и величина каждого из них остались прежними. Если мы не можем привести точные цифровые данные, то знаем наверное, что здесь произошли огромные изменения. 2 992 538 140 ливров — величина богатства церкви, находившегося в обладании 120–140 тыс. клириков, расплылись и распределились совершенно иначе. Общая имущественная дифференциация уменьшилась. Положение крестьянства относительно улучшилось, этот огромный пласт населения относительно поднялся и в имущественном, и в объемно-правовом отношении; положение других слоев, в особенности рабочих, ухудшилось. И в объемно-правовом,

и в имущественном отношении в общем и целом произошло «сплющивание» пирамиды; это не помешало, однако, появлению узкого шпиля над обедневшим и обесправленным населением, — шпиля, состоявшего из небольшого числа вновь возвысившихся лиц. Не иначе обстояло дело и с объемами других групп. Объем государства Франция — число ее подданных и территория, подчиненная французской государственной власти, сжавшись в первое время, на деле колоссально расширился. В два-три года резко изменились объемы партийно-политических групп: роялистов, фельянов, жирондистов, якобинцев, анархистов-коммунистов. Такие же огромные передвижки произошли и в объемах религиозной и профессиональной группировок и в количестве административных делений государства (на департаменты и т. п.).

Словом, старое строение французского социального агрегата изменилось колоссально и менялось столь быстро, что период с 1789 по 1795 гг. может быть назван периодом «обесформления» и «мути», когда трудно было найти четкие и ясные линии. Лишь с начала XIX столетия начинает ясно выступать новая Франция, снова становятся четкими очертания пирамиды объемно-правовых и имущественных группировок, границы религиозного, партийного, профессионального и другого рода расслоения.

Аналогичные явления происходили и во время *Английской революции XVII в.* (менялись объемы групп: религиозных, объемно-правовых, государственных и государственно-административных, имущественных, профессиональных, партийных и т. д.), в русской революции XVII в., в ряде средневековых революций и, наконец, — в античных революциях.

При отсутствии и недостаточности цифровых данных, указывающих величину этих колебаний, имеющиеся исторические свидетельства дают все-таки полное основание утверждать, что и здесь происходили те же самые процессы, которые очерчены выше.

§ 5. «Диссоциация» ненормальных кумулятивных групп и образование новых

Социальные группировки, на которые распадается население, можно делить на простые и сложные (кумулятивные). Под первыми я разумею совокупность лиц, объединенных в одно солидарное целое каким-либо основным сходством или одной социальной связью (например, сходством религии, профессии, партии или величиной богатства). Под вторым я разумею совокупность лиц, объединенных в одно целое двумя

или большим числом таких простых социальных связей. Примером таких сложных социальных групп может служить, например, социальный класс как совокупность лиц, сходных между собою по объему прав, профессий, по степени «близости» друг к другу, по имущественному положению; территориально-языковая группа как совокупность лиц, занимающих одну территорию, имеющих один язык; каста и т. д. Конкретно таких кумулятивных групп имеется огромное количество²⁵.

Изучая строение этих сложных групп, можно выделить среди них «нормальные» и «ненормальные» кумулятивные группы. Дело в том, что не все простые связи одинаково легко вступают в кумуляцию друг с другом и не все они дают одинаково прочные соединения. Например, признак «богатства» легко вступает в соединение с признаками «привилегированности» и трудно — с признаком «обделенности». Поэтому кумулятивные группы «богатых привилегированных», «бедных обделенных» встречаются часто (нормально), они устойчивы, не легко разлагаются, тогда как кумулятивные группы «бедных привилегированных», «богатых обделенных» встречаются редко (не нормальны), если же и встречаются, то оказываются неустойчивыми и легко разлагаются.

То же самое может быть сказано, например, о кумулятивных группах, состоящих из лиц «профессионально выполняющих особенно важные для жизни агрегата функции — привилегированных в правах», «ведущих паразитарный образ жизни — обделенных в правах». Они нормальны. Противоположные соединения (паразиты привилегированные), напротив, встречаются реже, а если и встречаются, то легко разлагаются. Первые сочетания в этих примерах можно назвать «нормальными кумуляциями», вторые — «ненормальными, неустойчивыми, обреченными на диссоциацию». Появление в каком-либо населении таких «ненормальных кумулятивных групп» — симптом близости «реакции перемещения», т. е. диссоциации этой ненормальной кумуляции и образования на ее месте новой нормальной кумулятивной группы.

В главе о причинах революции мы увидим, что предреволюционное время характеризуется особенно сильным развитием таких «ненормальных кумулятивных групп». Исподволь образуясь, как образуются нарывы в теле, они «до операции» могут существовать какое-то время. Революционная эпоха характеризуется быстрым уничтожением таких ненормальных, в указанном смысле слова, кумулятивных групп, иначе говоря, — быстрой «реакцией перемещения». К этому в значительной

²⁵ Учение о кумулятивных группах см. во втором томе моей «Системы социологии»^{10*}.

степени и сводится «очистительная» работа революции. Проиллюстрирую сказанное двумя-тремя фактами.

Какую картину мы видим в Риме перед началом революционного периода (перед выступлением Гракхов)?

1) Аристократию, более бедную, чем народившаяся буржуазия (всадники^{11*}), но более привилегированную по объему прав, чем последняя, и закрывающую двери для «новых людей» в командующие классы.

2) Аристократию, переставшую выполнять общественно-полезные функции, дегенерировавшую и в значительной степени паразитарную, но привилегированную²⁶.

3) Буржуазию более богатую, чем разорившаяся аристократия, но обделенную по объему прав сравнительно с первой. Наличие этих «ненормальных» кумуляций было достаточно, чтобы между ними началась борьба²⁷.

Она и началась. «Реакция перемещения» наметилась уже во время Гая Гракха, давшего ряд новых привилегий буржуазии (всадникам), начинающей теперь играть роль, почти равную Сенаторам²⁸.

Если бы само всадническое сословие оказалось на высоте, быть может, дело и ограничилось бы «буржуазной революцией»: диссоциацией группы старой аристократии (привилегированных паразитов, более бедных) и группы новой буржуазии (более богатых, обделенных в правах) и образованием на их месте нормальных групп: «более богатых и социально полезных привилегированных» и «менее богатых обделенных». Но всадники-богачи оказались не менее бездарными, чем нобилитет²⁹. Сверх того, в борьбу, начатую нобилитетом и всадниками, оказались вовлеченными представители многих других классов — пролетариев, крестьян и рабочих, а потому — революция пошла дальше. Понадобилось целое столетие борьбы с колоссальными перегруппи-

²⁶ Со 151 г. до Р.Х. «новые люди» устраниются и не допускаются на высшие посты.

«Политическая карьера самой аристократии теперь начиналась не в военном лагере, а в прихожих влиятельных людей». Аристократия сгнила, стала паразитарной, не обнаруживала ни прежней доблести, ни прежней жертвенности, ни сурового долга, ни умения управлять. «Она была негодной политически и нравственно» (*Моммзен Т.* Цит. соч. Т. II. С. 69–75, 132–134, 158).

²⁷ «Между людьми знатного происхождения существовала враждебная антипатия» (там же. С. 112–113).

²⁸ Там же. С. 112–113.

²⁹ Там же. С. 73, 211.

ровками, уничтожившими в значительной мере обоих противников, чтобы ко времени Цезаря и Августа произошло образование совершенно новых нормальных кумулятивных групп; богачи того времени стали привилегированными, привилегированные (чиновная аристократия) — богачами, каким бы путем ни были добыты эти привилегии и богатство. Несмотря на все перипетии революции, ее итог свелся к тому же результату: образованию «нормальных» групп на месте «ненормальных».

Сходную картину видим перед и во время *Английской революции XVII в.* Здесь перед революцией «в последнее столетие в относительной силе различных классов общества произошли большие перемены, а между тем в правлении не было сделано соответствующих перемен». Привилегии лордов и придворной аристократии были огромными, несмотря на то, что «палата депутатов была теперь втрое богаче палаты лордов. У горожан, у провинциального дворянства, у фермеров и мелкопоместных собственников не было влияния на государственные дела, сообразно с их значением в государстве. Они выросли, но не повысились. Отсюда этот гордый и могучий дух честолюбия. Демократия стремилась к возвышению и прокладывала себе дорогу через ряды ослабевшей аристократии»³⁰.

Это значит, что помимо других «ненормальных» кумулятивных групп, здесь налицо были: 1) «привилегированные аристократы — более бедные», 2) «обделенные — более богатые» (буржуазия и другие слои, представленные в парламенте). Началась диссоциация этих групп в форме борьбы их друг с другом; в процессе революции они распались, и в итоге ее заместились, особенно к 1688 г.^{12*}, «нормальными» кумуляциями. В этой реакции перемещения и состояла одна из работ, выполненных революцией.

Не иначе обстояло дело и во время *Французской революции*. До революции мы имеем: 1) разбогатевшее третье сословие — «энергичное, интеллигентное, честолюбивое и настойчивое», по объему прав, однако, являющееся «ничем»; 2) дворянство, систематически разорявшееся и теперь более бедное, чем буржуазия, дегенерировавшее, ведущее паразитарный образ жизни, но пользующееся огромными правами и привилегиями³¹. То же самое может быть сказано и о верхах духовенства.

³⁰ Гизо Ф. Цит. соч. Т. I. С. IX.

³¹ Характеристику «привилегированных» и «буржуазии» см.: Тэн И. Происхождение общественного строя современной Франции. Т. I. Гл. V; Мадлен Л. Цит. соч. Т. I. Гл. III.

Такое положение дел не могло долго продолжаться. Либо «дворянский меч» должен был добыть себе власть и стать снова полезным обществу, либо золото буржуазии должно было притянуть себе привилегии и превратить третье сословие из «ничто» во «все».

Случилось последнее. Буржуазия «неравенством была доведена до бешенства. Она ненавидит дворян и стремится к свободе для того, чтобы добиться власти»³². «Чванство (буржуазии) создало революцию, свобода была лишь предлогом», — красочно, но точно сформулировал эту же мысль Наполеон. Началась борьба между этими группами. Как всегда, в нее были втянуты другие классы и другие группы. Борьба развернулась в революцию. В сложной картине революционных драм, трагедий и комедий указанная «реакция перемещения» составляла один из основных процессов революции. В итоге ее эти ненормальные группы были диссоциированы и на их месте образовались новые «нормальные»: «богатые привилегированные», «бедные обделенные», независимо от того, какими путями были добыты привилегии и богатства.

То же самое произошло и в *русской революции 1905 г. и в революции 1917 г.* Кумулятивная группа «благородного дворянства», монополизировавшая привилегии и власть, во второй половине XIX в. систематически беднела. Земля — основное богатство дворянства — уходила из его рук. К началу XX в. оно было более бедным, чем образовавшаяся торгово-промышленная буржуазия. Но по объему прав и привилегий оно было по-прежнему в исключительном положении. Обе группы — дворянство и торгово-промышленная буржуазия — стали «ненормальными», не говоря уже о других социальных группах. Русско-японская война дала толчок «реакции перемещения», вылившейся в революцию 1905 г. Она окончилась уменьшением привилегий дворянства и ростом прав и влияния торгово-промышленников (Государственная Дума, Гучковы, Коноваловы, Рябушинские и т. д.), шедших в ногу с рядом других социальных групп. Однако «реакция перемещения» не была вполне закончена. Не будь войны, она, вероятно, закончилась бы в «эволюционном порядке». Из года в год с 1905 по 1914 гг. влияние дворянства падало, торгово-промышленных групп — росло. Война обострила борьбу между ними. Торгово-промышленная группа выступила во главе оппозиции против дворянской власти, показавшей свою неспособность, но не желавшей уступать позиции. Началась революция, в первой стадии которой была выполнена указанная «реакция перемещения». Дво-

³² Мадлен Л. Цит. соч. Т. I. С. 37–43.

рянство было ликвидировано, власть Временного правительства была в сильной степени властью торгово-промышленной группы (Терещенко, Коновалов, Бурьшкин и другие). Но исключительные условия вовлекли в борьбу другие классы, желавшие реализации своих интересов, отличающихся от интересов и дворянства, и буржуазии. Революция пошла дальше и вышла за пределы борьбы дворянства и торгово-промышленной буржуазии. Однако, несмотря на это углубление, основной объективный результат ее, ясный уже и теперь, состоит именно в указанной «реакции перемещения». Дворянство, как ненормальная группа, исчезло. Если отдельные члены его вновь поднимаются в ранг «привилегированных», то не в качестве членов паразитарного дворянства, а в качестве активных людей, правдой и неправдой энергично добывающих состояние и выполняющих активную работу. В этой роли они, вместе со старой и новой буржуазией из коммунистов, начинают образовывать новую нормальную группу «богатых привилегированных», предназначенную для заполнения командных позиций. «Обедневшие дворяне» низведены на низы и предназначены для вхождения в группу «бедных обделенных». Таков основной итог русской коммунистической революции. Ее баланс и здесь оказался верным. Ей неважно, злато ли привлечет привилегии, или население привилегированных или непривилегированных слоев само добудет себе злато; важно лишь, чтобы на месте «ненормальной» группы была «нормальная». Эту цель она достигает, а как и какими путями, — ей нет до этого дела.

Эти примеры показывают, что я разумею под «реакцией перемещения», интенсивно происходящей в годы революции. Конечно, разложение ненормальных кумулятивных групп революцией не ограничивается перечисленными группами «богатых обделенных» и «бедных привилегированных». Наряду с ними имеется и множество других ненормальных групп, подвергающихся той же участи. Перечисление их не входит в мою задачу: это вопрос факта в каждой данной революции. Каждая из них разрезает такие «опухоли» в теле социального агрегата и уничтожает нарывы. Правда, при этом часто, чтобы вынуть занозу, разрезается и заражается весь организм, хирургический нож революции обычно режет без толку и наносит огромные раны, непростительные для всякого грамотного хирурга, но... только романтики могут требовать от революции знания и выучки. Мудрено от слепой стихии требовать какого-либо искусства. На то она и революция, чтобы быть «коновалом». Сказанное об уничтожении ненормальных групп лишний раз показывает дальнейшую работу революции в деле изменения структуры агрегата.

§ 6. Изменение механизма отбора и размещения индивидов в агрегате

Если перегруппировка и циркуляция в эпохи революции совершаются иначе, чем в обычное время, то значит меняется и тот механизм социального агрегата, который регулирует отбор, циркуляцию и размещение индивидов в социальном пространстве, т. е. в системе группировки и в разных слоях одной и той же группировки³³.

При громадном конкретном разнообразии этого механизма в разных агрегатах задача его сводится к тому, чтобы размещение индивидов осуществлялось более или менее по формуле: «каждому по его проявленным способностям, особенно прирожденным», — к формуле, долго и резко нарушать которую не может безнаказанно ни один агрегат. В противном случае «пирожник начинает тачать сапоги», воронежский битюг выполнять функции скаковой лошади, прирожденный раб — функции властителя; все социальные функции начинают выполняться плохо, агрегат заболевает и начинается кризис.

Кроме эпох декаданса и предреволюционных периодов, когда такая картина действительно наблюдается (см. ниже главу о причинах революции), в нормальное время во всяком социальном агрегате этот механизм работает более или менее сносно. Состоя из ряда тормозящих условий (с одной стороны, требования экзаменов, обучения, того или иного проявления пригодности для данной роли и т. д., с другой — из ряда благоприятствующих условий, презюмирующих пригодность и не совсем таких уж глупых, какими они кажутся с первого взгляда: происхождение из талантливого рода, имущественная обеспеченность, рекомендации и т. д.), он в нормальные времена в общем и целом довольно сносно «просеивает» годных и отделяет их от «негодных», размещая их не идеально, конечно, но... и не так уж плохо³⁴.

³³ Под этим механизмом я, говоря словами О. Аммона, разумею «Die Einrichtungen welche dazu dienen sollen die Individuen "auszulesen" und jedes auf den Platz zu bringen, den es vermöge seiner Veranlagung am besten ausfüllen kann»^{13*}. Этот механизм состоит из двойного рода условий и приспособлений: одни имеют своей задачей затруднять подъем негодных индивидов, мешать ему, другие — благоприятствуют возвышению талантливых и пригодных индивидов. См.: *Ammon O. Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen*. Jena, 1895. S. 52–53; подробнее см. во втором томе моей «Системы социологии» и ниже — главу о причинах революции.

³⁴ Подробнее обо всем этом см.: *Сорокин П. А. Система социологии*. Т. II. Гл. II–V.

Эта картина резко меняется в предреволюционные и особенно в революционные периоды. Порча механизма в предреволюционные эпохи ведет к тому, что во время революции он перестает действовать и заменяется принципиально иным. За рядом исключений, новый механизм отбора и размещения, устанавливающийся в первый период революции работает вопреки правилу «каждому по его способностям». На двух-трех примерах проиллюстрирую сказанное.

Во-первых, резкое крушение старого механизма впрямь до установления нового представляет своего рода прорыв отбирающего решета, позволяющий массе лиц через образовавшуюся огромную дыру проскакивать в совершенно не подходящие для них места, закрытые раньше. Такую картину мы и наблюдаем в начале революции. Сотни и тысячи лиц самозванно и самочинно захватывают ряд функций без какого бы то ни было экзамена и испытания их способностей. Один делается губернатором, другой — комиссаром, третий — министром, четвертый — мэром города, пятый — директором фабрики и т. д. Все это в таких условиях возможно и все это происходит. Случайная речь, понравившаяся толпе, или энергия при убийстве «врагов народа», или какое-нибудь подобное обстоятельство заменяют собой серьезное испытание способностей, неизбежное в нормальное время. Достаточно учесть эти условия, чтобы понять, как много авантюристов и «сапожников в роли пирожников» неизбежно должно быть в первый период революции.

Возьмите, например, характер профессионального отбора в эпохи революции. В нормальное время для вхождения в любую профессию, а тем паче — в высококвалифицированные профессии, — требуется выявление профессиональной пригодности и опытности; индивид готовится к своей роли и подвергается ряду испытаний: проходит курс обучения, приобретает практический стаж, сдает экзамены, выполняет ряд работ и т. д. Без такой подготовки и испытания он не может приобрести большую часть профессий и преуспеть в них. Мы не поручаем строить паровоз первому встречному, учить детей — любому гражданину, быть судьей — любому прохожему. В революции это условие за очень небольшими исключениями отпадает. Место профессиональной принадлежности специально в области квалифицированных профессий занимает «революционный диплом», «преданность революции и заслуги перед нею». Нереволюционность, напротив, служит признаком непригодности ко всякой ответственной работе. Я не преувеличиваю. С самого начала русской революции мы наблюдали эту картину.

Все власть имеющие лица, вплоть до полицейских, были сразу смещены с их мест, хотя среди них было немало отличных профессионалов своего дела. И наоборот, все «революционеры» и сочувствующие революции были назначены на профессиональные роли, к которым они были совершенно не подготовлены и о которых не имели ни малейшего представления. Максимум революционности считался патентом, гарантирующим универсальную пригодность к любой профессии.

Еще резче сказалось это после октябрьской революции. Размещение, произведенное ею, не только в области управления, но и в области хозяйственной деятельности, было прямым нарушением здравого смысла. Инженеры, опытные организаторы и руководители предприятий сознательно изгонялись с фабрик и заводов под предлогом чистки предприятий от «паразитов» и «классовых врагов». «Присутствие инженера на заводе считалось соглашательством с буржуазией, нарушением принципа диктатуры пролетариата»³⁵. «Нам надо беспощадно довершить чистку всех решающих органов экономической власти от участия наших классовых врагов, не оставляя их в этих органах ни под каким видом, ни по каким соображениям», — такова была руководящая точка зрения коммунистов в формулировке коммуниста А. Кактыня³⁶.

При такой постановке дела неудивительно, что во главе предприятий ставились рабочие, не умевшие подписать своего имени, не имевшие никакого представления о хозяйственной деятельности. С 1921 г. началась чистка «негодных» элементов. Но она еще далеко не закончена. Представление о состоянии дел дают результаты анкеты 1922 г. Из исследованных 168 руководителей фабрик и промышленных предприятий оказалось лиц:

с высшим образованием	13%
со средним	24%
с низшим	63%

По своей прежней деятельности около 70% из них были простыми крестьянами, рабочими и конторскими служащими, не имевшими никакой подготовки для своей теперешней роли. Из 169 человек было только 6 инженеров³⁷.

Результаты анкеты 1923 г., на которую ответили 1306 руководителей

³⁵ Прокопович С. Н. Цит. соч. С. 38.

³⁶ Сборник журнала «Народное хозяйство». М., 1918. Кн. 1. С. 19.

³⁷ Экономическая жизнь. 1922. № 208; Прокопович С. Н. Цит. соч. С. 40–41.

предприятий, рисуют картину дальнейшей «чистки». Здесь по образовательному цензу лиц:

с высшим образованием было	22,1%,
со средним	24,9%
с низшим	52,5% ³⁸

Причем из них даже теперь по оценке самих коммунистов лиц, вполне годных для своего места, было лишь 61%, малопригодных — 30,3% и совсем непригодных — 8,7%. Если так было в 1922 и 1923 гг., когда огромная чистка руководящего персонала от негодных элементов уже была произведена, то легко понять, каков был образовательный ценз и подготовка руководителей промышленности в 1918–1921 гг.!

«Во главе промышленных предприятий ставились революционные эфемериды из эмигрантов, старых партийных работников, журналистов и т. п. лиц, в деле ничего не понимавших и создававших только “многолюдное безлюдье”»³⁹.

Один из коммунистов, Гастев, так охарактеризовал создавшееся положение дел: «Портной был поставлен во главе громадного металлургического завода, художник — во главе текстильного производства. При таком аппарате думать, что мы можем что-либо сделать, могут только люди богемы, а не люди, которые занимаются государственными задачами. Довольно, пора прекратить эту богему, этот бесконечный митинг»⁴⁰.

То же самое мы видим и в других областях. Например, еще летом 1923 г. на заседании коллегии народного комиссариата юстиции комиссар юстиции Курский отметил, «что 80% народных судей не имеют элементарного представления о юриспруденции; такое же положение констатировано среди прокурорского надзора и судебных следователей»⁴¹.

Эти данные свидетельствуют о том, до какой степени нелепо работал революционный механизм отбора и размещения, доводя до абсурда дефекты предреволюционного механизма, нарушая в корне принцип «каждому по его способностям». Форды и Карнеги могут быть среди крестьян и рабочих, но они не могут создаваться росчерком пера власти. Они выдвигаются, благодаря проявлению своих организаторских талантов, а не благодаря своей «революционности», они подготовили-

³⁸ Данные газеты «Известия» (цит. по: Последние новости. 1923. № 972, 23 июня).

³⁹ Прокопович С. Н. Цит. соч. С. 38.

⁴⁰ Труды I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. М., 1918. С. 71–73.

⁴¹ Дни. № 243.

ваются к своей роли, приобретают и накапливают опыт, преодолевают препятствия, а не механически и не мгновенно делаются из портных руководителями металлургических заводов.

Легко понять, что такое нелепое размещение было одним из факторов дезорганизации промышленности и расстройтва народного хозяйства. Когда это расстройство достигло крайних пределов, завопили в 1920–1921 гг. и сами коммунисты. Началась «чистка» второго периода революции, т. е. восстановление более нормального механизма социального отбора и размещения индивидов, признание принципа «профессиональной подготовки и пригодности», приближение к норме «каждому по его способностям». Началось упомянутое выше увольнение негодных элементов и приглашение «буржуазных специалистов» на их места. Одна из очередных «ошибок» была осознана. Негодность массы хороших коммунистов к выполнению занятых ими должностей была так велика, что в марте 1922 г. Ленин приветствовал даже надвигающийся финансовый кризис как средство «почистить» и «выбросить» массу бесталанных коммунистов с занятых ими хозяйственных мест. Этот кризис, говорил он, «может быть даже полезным: он почистит коммунистов из всяких государственных трестов. Только надо будет не забыть этого сделать. Так что... можно будет из кризиса извлечь пользу и почистить не так, как чистит центральный комитет коммунистической партии, а прочистить как следует всех ответственных коммунистов в хозяйственных учреждениях»⁴².

То же самое наблюдалось и наблюдается и в других профессиях. Хороших педагогов, студентов и крупнейших профессоров-некоммунистов изгоняли, а на место их сажали «красных учителей, красных студентов и красных профессоров», не имевших никакой подготовки, никакого опыта, никаких знаний. Здесь, как и в других профессиях, размещение производилось не по профессиональной пригодности и подготовке, а по принципу преданности Советской власти и коммунизму. Недостатки предреволюционного периода, когда преданность царской власти нередко также заменяла профессиональную пригодность, были доведены до абсурда в первый период революции. Как тогда дворянское происхождение часто предпочиталось принципу проявленных способностей, так и теперь пролетарское происхождение в еще большей степени доминировало над вторым принципом. Как тогда лиц, оппозиционно настроенных, бывших, однако, отличными профессионалами, устранили или

⁴² См.: XI съезд Российской Коммунистической партии. М., 1922. С. 26.

не давали им ходу, так и теперь, но в еще большей степени, оппозиционность к коммунизму вела к устранению, увольнению множества прекрасных специалистов, к аресту, расстрелу или к заключению в концентрационные лагеря, где они должны были таскать бревна, выполнять совершенно неподходящую для них работу и бесплодно тратить свои силы и способности. Как в то время «протекция» играла большую роль, так и теперь — в еще большей мере — хорошие отношения и близость к власти открывали все пути самым бездарным лицам. Как тогда взятки и подарки, лакейство и угодничество часто помогали возвышению индивидов, так и теперь — в еще большей мере — они играли основную роль.

Было бы напрасной тратой времени и сил приводить дальнейшие факты. Сказанное рисует картину ясно и дает представление о никуда не годном функционировании изменившегося механизма отбора и размещения индивидов в социальном пространстве в первый период революции.

Этим я, конечно, не хочу сказать, что при такой массовой переборке среди «проскочивших» не было ни одного человека, вполне пригодного для своей роли, или что, наоборот, среди выкинутых сверху не было лиц, которые вполне этого заслуживали. Было бы просто невероятно, если бы таких исключений не было; но они были именно исключениями, — а в русской революции очень редкими, — а не правилом. Если это не было видно в первый разрушительный период революции, то отчетливо выявилось во второй — созидательный. С его приходом сразу же началась упомянутая выше «обратная циркуляция», обратный подъем без основания выброшенных сверху и обратное «сползание» множества «выскачков», поднявшихся наверх без наличия соответствующих способностей⁴³.

То же самое явление четко просматривается и в других революциях. Возьмите *Парижскую революцию 1870–1871 гг.* Как состав «Центрального Комитета 20-ти секций», так и состав Коммуны состоял «из лиц, совершенно неизвестных населению». — «Что это за люди?» — восклицали многие, прочитав подписи⁴⁴. На правящие места были выдвинуты

⁴³ Этот процесс чистки продолжается и по сей день. В телеграмме от 16 июня 1923 г. читаем: «Совет труда и обороны предложил советам народных хозяйств произвести коренную реорганизацию промышленных советов и назначить в последние исключительно лиц, занимавших раньше в крупных промышленных предприятиях ответственные должности» (Дни. № 192).

⁴⁴ *Грегуар Л.* Цит. соч. Т. IV. С. 311, 322–330.

лица, неподготовленные к ним, принадлежавшие к совершенно иным профессиям (красильщики, механики, аптекари, рабочие и т. п.)⁴⁵. Мудрено ли поэтому, что власть, состоявшая из таких людей, была совершенно не способна справиться со своими задачами. «С первой же недели коммуна оказалась слабой и легкомысленной, лишенной военного плана, не способной разобраться в трудных задачах момента», — говорят сами ее члены⁴⁶. Если бы не было даже подавления Коммуны, нет сомнения, что с восстановлением нормальной работы механизма отбора большинство этих выскочек было бы сброшено обратно.

Во время *революции 1848 г. во Франции* Временное правительство провозглашается и составляется совершенно случайно из случайных лиц⁴⁷. Механизм отбора был разрушен, и через образовавшуюся дыру попадают наверх первые случайные лица, никогда функции властвования не выполнявшие. То же самое случилось и на более низких постах. «На место префектов и субпрефектов были назначены комиссары и их помощники» (из революционеров). Среди них оказалось много не только неспособных лиц, но просто негодяев. Критерием пригодности

⁴⁵ Более 56 членов (из номинальных 90) подвергалось раньше тюремному заключению или изгнанию. Они приносили с собою весь гнев, все раздражение, всю страсть, свойственные людям озлобленным. За ними волновалась толпа политической, научной и литературной богемы, болтунов кафе, откладывавших на завтра осуществление своих грандиозных работ. Ж. Валлес описывает их так: «Из стола харчевни они устраивают себе трибуну и там под газом говорят книги; вечера проходят, дни идут, они наговорили 30 глав и не написали и пятнадцати страниц» (*Грегуар Л.* Цит. соч. Т. IV. С. 342; *Лиссагаре П.* Цит. соч. С. 178–179).

⁴⁶ *Лиссагаре П.* Цит. соч. С. 214. «Исполнительная комиссия не умела распоряжаться. Центральный Комитет не хотел подчиняться». Во главе были неспособные люди, выскочки, «неудовлетворительный состав и недостаточность познаний становились с каждым днем очевиднее». Такова характеристика этих коммунистов, которую мы слышим из уст одного из них (там же. С. 230; см. далее всю гл. XVIII, рисующую bestолковость организации общественных учреждений).

⁴⁷ «По какому праву? — отвечает Ламартин на вопрос о праве этого правительства. — По праву крови, пожара, пожирающего наши здания, нации без вождей, народа без руководителей. По праву самых преданных и мужественных граждан». Что это, как не поэтическое переложение римского: *res nullius primo occupandi cedit!*^{14*} (*Грегуар Л.* Цит. соч. Т. III. С. 5).

был признак революционности»⁴⁸. Мудрено ли поэтому, что такое правительство в сильной степени способствовало дезорганизации Франции⁴⁹. Этот плохой отбор и размещение очень быстро дают себя знать: уже в 1848–1849 гг. значительное количество «выскачек» не избирается и съезжает вниз, в 1850–1851 гг. идет дальнейшая чистка, кончающаяся *coup d'état*^{15*}. После переворота мы видим усиление значения «деловитости», размещение по признаку пригодности, рост значения «спецов», словом — знакомую картину.

Благодаря тому же расстройству механизма отбора, масса непригодных элементов проскакивает в командные слои и во время *Германской революции 1848 г.* «На сцену выдвигалась масса сумасбродных голов, которые хотели воспользоваться движением для своих любимых коньков. Были, например, господа, которым уничтожение обычая снимать шляпу при приветствии представлялось много важнее, чем ожидаемая конституция»⁵⁰. Во Франкфуртском парламенте — бесконечное словоблудие и неумение действовать⁵¹. Журналистов видим в роли военачальников, поэтов — в роли экономистов, словом, — «сапожников в роли пирожников». Мудрено ли, что в течение одного-двух лет обратный отбор выкинул много выскачек и поднял вновь большое количество неосновательно сброшенных лиц.

До Термидора во время *Великой французской революции* шло массовое изгнание лиц, занимавших эти позиции раньше. С Термидора идет обратная волна. Сразу же после него возвращаются в Конвент 73 изгнанных депутата, потом 10 жирондистов. Дальше процесс идет еще интенсивнее: Конституция III года^{16*} возвращается к ограничительному имущественному цензу. Якобинцы все более и более сбрасываются сверху. При дополнительных выборах по «декрету двух третей» «из урн выходили очень умеренные бывшие члены Конституанты^{17*}, бывшие фельяны^{18*} или же люди, враждебные падающему строю»⁵². Еще резче сказало это при выборах в жерминале V года, когда проходят роялисты,

⁴⁸ *Грегуар Л.* Цит. соч. С. 35. «Республиканцы 1848 г. требовали удаления со всех должностей лиц, не доказавших своей приверженности к республике участием в заговорах или тайных обществах».

⁴⁹ Там же. С. 10.

⁵⁰ *Блос В.* Германская революция. СПб., 1907. С. 110.

⁵¹ Например, на одно первое чтение «основных прав» вначале было намечено 292 заседания. Это время было сокращено, но не достаточно (там же. С. 268–269).

⁵² *Мадлен.* Цит. соч. Т. II. С. 198.

в числе них — бывшие министры Людовика XVI (Флери), агенты Людовика XVIII (Коломес), белые террористы (генерал Вильо), умеренные буржуа и консерваторы. Дальше процесс продолжается при Наполеоне и завершается реставрацией. То же самое происходило в профессиональной, религиозной и других группировках. Механизм отбора и размещения, наряду с пригодными и ценными индивидами пропустивший наверх много непригодных лиц в первый период революции и сбросивший вниз наряду с теми, кто этого заслуживал, лиц, пригодных властвовать, во второй период революции начинает работать серьезнее и производит ту же чистку, которую мы видели и в русской революции. Со второго периода революции принцип «специальной подготовки», «профессиональной пригодности», «деловитости» начинает играть все более и более серьезную роль. При Наполеоне он стал основным, ибо огромное большинство его сподвижников выбиралось именно по этому признаку. В силу этого во второй период происходит весьма резкое изменение размещения лиц по сравнению с первым периодом революции.

Тот же процесс происходит и в *Английской революции*, и хотя здесь аппарат отбора не был столь сильно расстроен, как в русской революции, все же это расстройство имело место.

С углублением революции с командных позиций сбрасываются не только роялисты, но и множество отличных специалистов своего дела. Выбывает множество членов Долгого парламента: из 506 его членов в 1649 г. остается не более 100, и то... лиц с развитыми лакейскими способностями.

После казни короля и позже отпадают даже такие лица, как республиканцы-левеллеры. Из 41 члена Государственного Совета 22 отказываются принять присягу и выбывают. Увольняется масса прекрасных судей, сотни должностных лиц из числа чиновников и олдерменов. Кульминационным пунктом неудачного отбора служит Бербонский парламент, состоявший из лиц, малоработоспособных и непригодных для своей роли (1653)⁵³. С этого момента машина социального отбора начинает нормализоваться, что мы и видим уже по деловому составу the Protector's Council^{19*}, составленном согласно The Instrument of Government^{20*}. «The members of the new Council were of the type of the men usually rise to ascendancy after a revolution has run its course — men of practical efficiency opposed to further changes in the state, and, above

⁵³ Гизо Ф. Цит. соч. Т. III. С. 65–57; Gardiner S. History of the Commonwealth and Protectorate. London, 1903. Vol. I. P. 5–9; Vol. II. Ch. XXVI–XXVII.

all, to anything savoring of fanaticism. Such men are usually content to devote themselves to the task to carrying on government without taking into account the theories on which any specie government is founded. Such were the instruments of Napoleon, and such too were the councilors of Oliver»^{21*}, — правильно замечает Gardiner⁵⁴. Этот процесс улучшения работы механизма размещения и отбора продолжается и дальше.

Не то же ли видим мы и в других революциях? Разве длительная Гуситская революция не привела во второй период к обратной циркуляции умеренных элементов — вельмож и калликсуинцев — выброшенных в первый период революции сверху? Разве многие из неудачливых таборитов и сирот не были сброшены обратно вниз после «пражских компактатов» 1433 г. ?^{55/22*} Разве и здесь принцип «деловых людей» не ясно выделяется в этот момент? А чем кончились Жакерия и долгие смуты XIV и XV вв. во Франции? — Усилением королевской власти, окружившей себя отличными специалистами и деловыми людьми, создавшими великую Францию. Чем кончилась русская смута? — Ростом царской власти, обратным подъемом множества низверженных, низвержением множества поднявшихся, усилением «делового начала» при отборе, торжеством «спецов» в виде роста значения профессионалов-бюрократов и приказного начала⁵⁶.

Каков был итог римских революций? — Цезарь и Август, окруженные опять-таки «деловыми людьми», набираемыми из разных слоев общества, вплоть до рабов и вольноотпущенников.

Подводя итог этого беглого обзора, следует признать правильность наших положений об изменении механизма отбора и размещения индивидов. Русская революция и в этом отношении типична. Это сходство не исключает, конечно, различия революций в ряде деталей: в величине дезорганизации механизма отбора, процентной доле лиц, неудачно размещенных в первый и второй периоды революций, в быстроте темпа дезорганизации аппарата отбора и его восстановления, в проценте «выскочек», вполне подходящих к новой для них функции и т. д. Но это все — частные различия, ничуть не уничтожающие указанного основного сходства.

Очерченное изменение механизма распределения и отбора индивидов в период революции можно проследить и иначе, путем рассмотре-

⁵⁴ Gardiner S. Op. cit. Vol. III. P. 3.

⁵⁵ Denis E. Op. cit. P. 330, 348, 469–473.

⁵⁶ Ключевский В. О. Курс русской истории. 1918. Т. III. С. 198–271; Платонов С. Ф.

Лекции по русской истории. Пг., 1917. С. 355–356, 361.

ния тех «психологических типов», которые он пропускает на верхи объемно-правовой и имущественной пирамиды, с одной стороны, и оставляет или низводит на низы — с другой.

И в этом отношении революционный отбор резко отличается от отбора нормального времени. Основные их отличия, если говорить вкратце, состоят в следующем.

Так как основная задача первого периода революции заключается в разрушении, а основная деятельность — в борьбе и связанных с нею интригах, то в этот период на первые роли неизбежно выступают энергичные люди с доминирующими разрушительными, а не созидательными импульсами; люди с узким кругозором, не умеющие и не желающие видеть те бедствия, которые происходят вследствие беспредельного разрушения, люди «одной идеи», экстремисты, неуравновешенные маньяки и фанатики, с раздутым и неудовлетворенным самолюбием, полные эмоций ненависти и злобы, с одной стороны, бессердечные и равнодушные к чужим страданиям — с другой, словом, люди со слабо развитыми тормозными рефлексам, люди, вопреки обилию хороших слов, малосоциабельные. Люди мирные, сострадательные, привыкшие созидать, а не разрушать, имеющие здравый рассудок и достаточно широкий кругозор, чтобы понимать опасности беспредельного разрушения, привыкшие взвешивать свои поступки и быть разумно осторожными, с сильными тормозами, люди уравновешенные и не зараженные экстремизмом — такого типа люди не имеют шансов на возвышение в первый период революции. Они остаются в тени, низводятся на низы и оказываются в страдательном положении.

Вот почему неудивительно, что первый — восходящий — период революции поднимает на верхи всякого рода авантюристов, маньяков, полуненормальных, самолюбивых и т. п. жертв неуравновешенной психики, вместе с преступниками, убийцами, проститутками и подонками общества, обладающими теми же чертами, принадлежащими к тому же психологическому типу.

Мадлен прав, говоря: «В эпоху кризиса все, что есть темного в нации, поднимается на ее поверхность — “белая пена”, “красная пена”»⁵⁷. Эта группа, занимающая доминирующее положение в первый период революции, в следующий ее период начинает вытесняться, уступая место людям второго и третьего типа.

⁵⁷ Мадлен Л. Цит. соч. Т. I. С. 9.

Так как, с другой стороны, революция — это война, то, как и всякая война, она не может не выдвигать в первые ряды профессионалов этого дела. Поскольку вопросы справедливости и истины начинают решаться физической силой, поскольку «оружие критики» заменяется «критикой оружием», то рост власти военных — будут ли ими Цезарь или Август, Кромвель или Дюмурье, Ян Жижка, Прокоп, Наполеон, Монк или Врангель, Мак-Магон, Людендорф, У Пей Фу или Чжан Цзо-линь — неизбежен. Революция, столь презрительно третирующая военщину и милитаризм, сама является их квинтэссенцией и сама готовит — неизбежно готовит — диктатуру военщины. Выдвижение на первые роли руководителей «критики оружием» — необходимая функция всякой революции.

Если вопросы начинают решаться насилием, то становится неизбежностью «вмешательство людей военного знания и военной силы в политическую революцию»⁵⁸. Так было в Риме, так повторялось и всегда. Они же обычно и убивают свою мать — революцию — и на ее трупе возводят себе трон диктатора или императора (Цезарь, Август, Кромвель, Бонапарт и др.)⁵⁹.

Третьим психологическим типом, поднимаемым революцией, являются талантливые в маневрировании циники или «циники-комбинаторы», циники — крупные жулики, держащие нос по ветру, хорошо чующие погоду, готовые переменить свои убеждения и взгляды в любой нужный момент, не признающие ничего святого, кроме собственного благополучия.

Среди них нередко бывают талантливейшие специалисты своего дела. При таких свойствах большинство представителей данного типа благополучно проходят все стадии и реставрации революции. Однажды поднявшись на верхи, они остаются там навсегда. Искусно меняя свои взгляды, ловко маневрируя, обнаруживая талант в выполнении ряда

⁵⁸ Моммзен Т. Цит. соч. Т. II. С. 160.

⁵⁹ Вот почему я не могу не удивляться многим демократам, пацифистам и анти-милитаристам, являющимся в то же время горячими поборниками глубоких революций. То есть. квинтэссенции антидемократизма, милитаризма, диктатуры, власти военщины и т. д. Их мозг, подобно божьему, представляет, по-видимому, своего рода *mysterium magnum*. Правда, они часто говорят: мы хотим революции, но без этих явлений. Увы, нельзя хотеть дождя без воды, зимы без морозов. Тот, кто хочет первого, хочет и второго, поэтому тот, кто хочет революции, не может не хотеть и ее сущности и ее неизбежных последствий. «Любишь кататься — люби и саночки возить».

функций, необходимых любой власти, эти «комбинаторы» подвергаются меньшему риску, чем представители других типов. Обычно люди этого типа вместе с военными оказываются ближайшими наследниками, а иногда и могильщиками революционных героев первого типа...

Примерами лиц первого типа могут служить: Ленин⁶⁰, Сталин, Троцкий, Зиновьев, Лацис, Радек, Кедров, Дзержинский и десятки тысяч русских коммунистов, вышедших из разных слоев: из преступников, бандитов, рабочих и крестьян, промотавшихся аристократов и буржуазии, неудачливых журналистов, литераторов и интеллигентов. Значительная часть их прошла через тюрьмы и каторгу, что не могло не отразиться на их нервах, чем и объясняются те каторжные методы и тот каторжный режим, которые они ввели вместо обещанного земного рая⁶¹.

Бела Кун и его сподвижники — в Венгерской революции, К. Либкнехт, Р. Люксембург и другие немецкие коммунисты — в Германской революции 1918 г., большая часть членов Парижской коммуны, Г. Струве, Геккер, Бакунин, Блюм и другие — в германской революции 1848 г., Бланки и бланкисты во французской революции 1848 г., Марат, Эбер, Робеспьер, Сен-Жюст, Дантон, Кутон, Карно, Бабеф и множество якобинцев во французской революции, лидеры «людей пятой монархии»^{23*} и крайних сект в Английской революции, адамиты, пиккардисты^{24*} и множество таборитов — в гуситском движении, Уот Тайлер, вожди Жакерии и крестьянских восстаний, люди, подобные Катилине, масса демагогов периода римских революций — все это люди первого типа, отмеченные печатью указанных черт.

Марий, Цинна, Серторий, Антоний, Помпей, Цезарь, Август, Ян Жижка, Прокоп Большой, Кромвель, Ферфакс, Монк, Дюмурье, Наполеон, Врангель, Кавеньяк, Мак-Магон, Брусилов, Слащев, Буденный, Тухачевский, Фрунзе, Каменев и т. д. — образцы людей второго типа.

Красин, Стеклов, Некрасов, Кутлер, лидеры «сменовеховства», «живой церкви», буржуа, ставшие коммунистами, и коммунисты, перекрасившиеся из красного цвета в розовый, и все эти Гредескулы, Святловские, Елистратовы, Кирдецовы, Иорданские и тысячи других в русской революции; Талебран, Тальен, Мерлен, Баррас, Фуше, Сийес, Камбасарес и сотни других лиц во Французской революции, десятки «перевер-

⁶⁰ Его болезнь медицински подтверждает этот прогноз.

⁶¹ Отсюда практический вывод: не целесообразно избирать на командные посты после низвержения старого режима много страдавших «борцов за свободу». Они неизбежно неуравновешенны и не годны для выполнения функций управления.

тышей» вроде Г. Милдмея и М. Уайтокера — в Английской революции — образцы людей третьего типа.

От авантюристов и фанатических идеалистов — к военным диктаторам и талантливым циническим комбинаторам — такова линия развития революции в ее фазах. Только с момента вхождения революции в русло мирной жизни люди иного психологического типа начинают восходить в командные слои.

Как ни неприятны, быть может, люди второго и третьего типа, все же приходится предпочесть их людям первого типа: цинические комбинаторы, по крайней мере, умеют жить сами и дают жить другим, тогда как непримиримые революционеры-сектанты и сами не умеют жить и не дают жить другим. Революционный и контрреволюционный фанатизм страшнее цинизма — такова горькая истина, преподносимая историей.

§ 7. Изменение поведения и психологии перемещенных лиц

Место, занимаемое индивидом в системе социальных координат, — факт, далеко не безразличный для его поведения. Характер социальных групп, к которым индивид принадлежал и принадлежит, и место (рядового члена, лидера), занимаемое индивидом в каждой группе, оказывает решающее влияние на его психологию и поведение. Каковы будут эти группы и каково будет место, занимаемое нами в той или иной из этих групп, — таковым будет и наше поведение. Если эти группы будут в антагонизме друг с другом и будут давать своим членам директивы поведения, противоречащие друг другу, то и в нашем «я» будут противоречия, борьба разных «я», отражающих в субъективном мире объективный факт антагонизма разных социальных групп, к которым мы принадлежим. Наше поведение в этом случае будет противоречиво, непоследовательно, полно колебаний. В нашей психике будет происходить столкновение несовместимых обязанностей и стремлений. В поведении и психических переживаниях мы будем похожи на шар, толкаемый рядом социальных групп в противоположные стороны. Если, напротив, все группы, к которым мы принадлежим, будут солидарны друг с другом, будут давать своим членам директивы поведения, толкающие их в одном и том же направлении, то наше «я» будет цельным и единым, совесть — спокойной, сознание долга и обязанностей — лишенным колебаний и противоречий. Наше поведение в этом случае будет последовательным, решительным и уверенным. Мы будем похожи на шар, толкаемый рядом социальных групп в одном и том же направлении.

Не трудно понять, почему существует такая зависимость между положением индивида в системе социальных групп и его поведением. Факт вольной или невольной принадлежности к той или иной группе (религиозной, партийной, семейной, государственной, имущественной и т. д.) влечет за собой давление этой группы на поведение ее членов и необходимость исполнения последними ряда актов и обязанностей (семейных, государственных, профессиональных, религиозных и т. д.), вытекающих из принадлежности к группе. Являясь членом определенной семьи, человек не может не выполнять ряда актов родителя, сына и т. д., неизбежно связанных с его принадлежностью к данной семье. Будучи гражданином данного государства, членом определенной религиозной конфессии и представителем той или иной профессии, я не могу не выполнять ряда актов, представляющих собой осуществление моих прав и обязанностей как подданного государства, члена православной церкви или представителя такой-то профессии. Между мной и группами, к которым я принадлежу, имеются как бы электрические провода, передающие мне те токи, которые исходят из этих групп, «дергают» меня и заставляют реагировать в той или иной форме в ответ на эти токи.

Наше поведение, рассматриваемое с этой точки зрения, представляет в огромной своей части не что иное, как совокупность реакций на «стимулы» и «директивы», исходящие из этих групп. То же самое можно сказать и о нашем «Я». Это большое «Я» состоит как бы из множества отдельных маленьких «я»: члена семьи, представителя профессии, человека определенного вероисповедания, члена партии и т. д., являющихся отражением разных групп, к которым мы принадлежим, каждое из коих занимает в нашей душе свой кусочек, имеет свою «сферу влияния». С учетом всего этого будет понятным утверждение: при равенстве прочих условий поведение индивида представляет собой равнодействующую давления тех групп, вольным или невольным абонентом которых он состоял и состоит⁶².

Если верны предыдущие положения, то из них следует вывод, гласящий: *с изменением положения индивида в системе социальных координат должны меняться как его поведение, так и его маленькие «я» – различные душевные*

⁶² Доказательства этих положений см. во втором томе моей «Системы социологии». С психологической точки зрения, явление множественности душевных группировок в одном индивиде, их солидарности и конфликтов довольно верно освещается школой З. Фрейда. См., например: *Фрейд З. О психоанализе*. М., 1911. С. 16–17, 25–26, 50 и др.

фрунтровки, составляющие его единое «Я». Человек, бывший в группе бедняков и обделенных, занимавшийся, например, мускульной работой грузчика, этот человек, перешедший в группу богатых и привилегированных, перебивший профессию грузчика на профессию министра, неизбежно будет иным человеком. Иначе — он не удержится на этом месте. Если раньше он имел интересы, психику, образ жизни и поведение пролетария, то теперь он будет иметь психику, поведение, интересы и образ жизни господина. Из него при таком переходе как бы вынимаются маленькие «я» бедняка, обделенного и грузчика, — и вкладываются на их место «я» богача, привилегированного и министра. Если такой трансформации не произойдет — человек не удержится на своей новой позиции: или сам убежит, или будет выброшен. Отсюда понятно, почему любое правительство, из какой бы среды ни вышли его представители, хотя бы из архипролетарской, неизбежно будет иметь свои интересы, психологию, поведение, отличные от интересов, поведения и психики управляемых⁶³.

Поскольку во время революции происходит массовое перемещение индивидов в системе социальных координат, то отсюда следует, что оно не может не сопровождаться массовой трансформацией поведения и «душ» перемещенных лиц. Образно говоря, революция означает не только массовое перемещение лиц, но и массовое изменение «форм поведения» и «душ». В первый период революции, когда, как мы видели, старая система координат обесформливается, а новая структура агрегата еще не сформировалась, такое же «обесформление», такая же муть наступает и в «душах» людей. Исчезают старые воззрения, убеждения, формы и нормы поведения. Новые еще не успевают кристаллизироваться. Перемещенные индивиды, у которых исчезли их старые «я», но не вложены еще новые «души», становятся похожими на «обделенных», «растерянных» лиц, потерявших устойчивость поведения и не знающих своего места. Из socius'ов, как мы видели выше, они становятся биологическими особями. Психика их дезорганизуется и становится примитивной. Тормозные рефлексы угасают. Пропасть между дозволенным и недозволенным исчезает. Сознание прав и обязанностей затушевывается. Подобно сомнамбулам «обездушенные» индивиды, не управляемые более директивами из групп, к которым они принадлежали (ибо дезорганизовались сами группы), совершают многое, что при «старых душах» они считали недопустимым и отвратительным. Все это мы видели выше. Первый период революции кончается. Взбаламученное социальное море начинает оседать,

⁶³ Сорокин П. А. Система социологии. Т. 2. С. 452–453.

«муть» — уменьшается, все яснее и яснее кристаллизуется система социального агрегата и оформляется его структура. Параллельно происходит процесс «кристаллизации» «душ» индивидов и их поведения. У кого социальные позиции остались прежними, у тех происходит восстановление старых «я» и старых форм поведения. Тот, кто оказался перемещенным, мало-помалу осваивается со своим положением, со своей новой ролью и исподволь получает ту «душу» и ту форму поведения, которые соответствуют его новому положению в системе социальных координат. Не приходится поэтому удивляться, когда мы видим бывшего монархиста в роли ярого коммуниста, и наоборот — бывшего пролетария, возмущавшегося раньше преследованиями рабочих, теперь, в роли комиссара, расстреливающего пролетариев и запрещающего их стачки, т. е. делающего то же самое, что раньше делал на его месте губернатор или полицейский; бывшего защитника свободы слова, печати, союзов и т. д., теперь в роли председателя совета депутатов, объявляющего все «свободы» — предрассудком и контрреволюцией, т. е. выполняющего функции исправника и пристава; бывшего противника смертной казни или войны теперь в роли чекиста или военного комиссара уничтожающего людей оптом и проповедующего «беспощадную войну». Изменяются, соответственно, их образ жизни, их манеры, жесты, речевые рефлексy, желания, убеждения, вкусы и психика. То же самое следует сказать и о тех, кто оказался перемещенным сверху вниз.

Такие явления массовых трансформаций поведения и «душ», резко бросающиеся в глаза в каждой революции, с учетом сказанного становятся не только понятными, но буквально неизбежными. Ключ к объяснению таких явлений лежит не в «подлости» этих лиц, а в самом факте их перемещения в социальном агрегате и в очерченной выше общей деформации поведения во время революции. Приведем конкретные факты, иллюстрирующие это общее явление. Кто в 1918–1922 гг. стоял во главе карательных отрядов, уничтожавших целые деревни и пачками расстреливавших крестьян за неуплату налогов, за непокорность власти, за ее громкое порицание? В большинстве случаев — бывшие рабочие и бывшие крестьяне, прежде возмущавшиеся бесконечно более мягкими мерами успокоения крестьян, применявшимися царским правительством. Теперь, в новой своей роли, они беспощадно карали «бунтовщиков». Это ли не разительная перемена! В чем же дело? В том, что они переместились из положения рабочих в положение полицейских и властвующих. Это перемещение сопровождалось «трансформацией» их «душ» и поведения. Они получили ту же «душу», которую раньше имели их предшес-

твенники, занимавшие это место, а потому в своей новой роли они делают то же самое, что делали до них начальники полиции и карательных отрядов, только гораздо грубее и беспощаднее последних.

Кто в 1918–1923 гг. преследовал свободу стачек рабочих, объявлял их недопустимыми, объяснял агитацией врагов «революционного отечества» и плодом «иностранных денег»?⁶⁴ — Бывшие рабочие и революционеры, раньше (до занятия правительственных постов) горячо защищавшие свободу стачек, смеявшиеся, когда правительство объясняло их результатом подкупа рабочих иностранными деньгами или результатом злой агитации. Теперь, заняв позицию старого правительства, они «надели на себя» его «костюм поведения», впитали его «душу», его воззрения, его психологию и логику (только в чрезвычайно ухудшенном виде). Что проповедовали Ленин, Троцкий, Зиновьев и прочие лидеры большевизма в своих речах, статьях и книгах до того, как они заняли посты министров и верховных властителей? — Свободу слова, печати, союзов, собраний, всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право, гарантии волеизъявления народа, необходимость отмены смертной казни, прекращение войны и т. д. Что стали они проповедовать и делать, переместившись из положения простых агитаторов и журналистов в положение министров и верховных правителей? — Абсолютно противоположное и вместе с тем то же самое, что проповедовало и делало царское правительство, но опять-таки в чрезвычайно ухудшенном виде. Старые «души» оказались из них вынутыми и вместо них вложены были ухудшенные «души» неограниченных деспотов и полицейских. Скажут: для такой пропаганды и действий большевистской власти были свои причины, они были вызваны необходимостью. Но ведь и у всякой власти также есть свои причины: никакая власть не делает такие акты ради одного удовольствия, а делает их в силу той же самой необходимости.

Я бы никогда не закончил, если бы стал перечислять хотя бы главные

⁶⁴ Ряд прокламаций большевистской власти (например, к бастующим рабочим Трубногo завода в Петрограде в 1921 г.) был в этом отношении точной копией прокламаций царского правительства, с тем лишь различием, что большевики прокламировали более беспощадные наказания за забастовку, чем старое правительство, вместо «жидовских и японских денег» применительно к обстоятельствам поставили «антантовские деньги», вместо «революционных смутьянов: эсеров, социал-демократов и прочих жидомасонствующих» поставили: «контрреволюционных смутьянов: эсеров, социал-демократов, колчаковцев, белогвардейцев и прочей антантовской сволочи». Вот и все различие.

факты подобной массовой перемены «душ» и «костюма поведения», имевшие место в ходе русской революции. Она полна ими, и всякий, наблюдавший ее, может указать сколько угодно подобных фактов.

Массовая перестановка лиц повлекла за собой и массовое перемещение «душ». Каждый, кто прочно занял новое положение в системе социальных координат, получил «душу» и «костюм поведения» тех, кто занимал это место раньше⁶⁵.

Нетрудно указать сотни таких же трансформаций и «перемены душ» — как индивидуальных, так и массовых, — происходивших во времена других революций. Ограничусь несколькими примерами.

Одним из основных требований революционеров XIX в., свергавших старую власть, было требование всевозможных свобод и обвинение свергаемого режима в тирании. Что же получалось, когда сами революционеры становились властью? В первые дни революции — прокламирование неограниченных свобод, затем, как мы уже видели, ограничение или полное аннулирование их. Осев на новых позициях, они вскоре начинали копировать старую власть.

Члены Центрального Комитета Парижской Коммуны 1871 г. до водворения на правительственные места были апологетами всевозможных свобод, противниками смертной казни и т. д. ⁶⁶ Через месяц-полтора поведение их кардинально меняется. Все газеты, неудобные им, закрываются, гарантии неприкосновенности личности аннулируются, вводится военный суд, свобода слова, печати и все прочие свободы уничтожаются, масса явно невинных заложников расстреливается⁶⁷.

⁶⁵ Причем сплошь и рядом эта перемена поведения и психики оказывается детальным копированием поведения и психики низвергнутых предшественников. Например, красные курсанты РСФСР начали буквально копировать привычки старого офицерства. «У них замечается уклон в сторону мелкобуржуазной идеологии и перенятия привычек старой офицерской касты», — так характеризуют суть дела сами коммунисты (речь Шубина на конференции военной школы, напечатанная в «Военном вестнике» за 1923 г., цит. по: Дни. № 243). То же самое в большей или меньшей степени наблюдается всюду, вплоть до ГПУ, ставшего старой «охранкой».

⁶⁶ Еще 20 марта 1871 г. в «Journal Officiel» они с негодованием отвергают обвинения в противоположном и с гордостью заявляют: «Мы не подписали ни одного смертного приговора, национальная гвардия не принимала участия ни в одной казни» (Парижская Коммуна. Акты и документы. Пг., 1920. С. 17).

⁶⁷ См., например, постановление от 17 мая 1871 г.: «Прочь жалость, говорим мы,

Словом, налицо — полное отрицание всех своих предыдущих заявлений и полное воспроизведение всех критиковавшихся ими черт низвергнутого правительства или Версальской власти. Опять-таки скажут: эти меры были введены под влиянием необходимости. — Конечно. Но всякое правительство вводит их не без необходимости, и основная необходимость состоит в том, что любой, кто занимает место власти, неизбежно наследует и основные черты ее поведения и психики. Иначе — он будет сброшен⁶⁸. Разве не то же самое произошло с Иорданом, Каппом, Гельдом, Фребелем, Бауэрами и другими в Германской революции 1848 г., выступившими революционерами, а затем, после того, как заняли иные позиции, ставшие опорой порядка?⁶⁹

Теперь обратимся к деятелям Великой французской революции. Против чего протестовали якобинцы до своего возвышения? Против тирании, деспотизма, *lettre de cachet*^{25*}, политического преследования и других притеснений свободы. Чего они хотели? Свободы, волеизъявления народа, республики, реализации принципов «Декларации прав человека» и т. д. Чем они стали — на словах и на деле — со времени своего возвышения? — Полной противоположностью. Уважали волю народа и давали ей выживаться? — Нет. Это очень ярко проявилось уже в прениях 27 декабря 1792 г. при решении участи короля. Когда в Соборании Сальв предложил для решения обратиться к воле народа и узнать ее, «Робеспьер страстно возражал против этого». «Добродетель, — признался он, — осуществляется на земле меньшинством». Сен-Жюст сделал еще более важное признание: «Обращение к народу... не значит ли это восстановление монархии?»⁷⁰

прочь милость, прочь пощада» (там же. С. 124–129). А вот отрывок из постановления 6 апреля 1871 г., на основании которого были введены военные суды: «Ввиду неотлагательной необходимости Коммуна постановляет: десять заложников должны быть расстреляны в наказание за убийства, совершенные версальцами...» (там же. С. 126).

⁶⁸ Это мы видим и в наши дни. Теперь в ряде европейских стран чуть ли не нормой стало начинать политическую деятельность крайним социалистом и постепенно поднимаясь на верха, становиться более умеренным, а войдя в состав правительства, — превращаться в ручного социалиста-буржуа (Клемансо, Вивиани, Эберт, германские социал-демократические министры и т. д.).

⁶⁹ Блос В. Германская революция. История движения 1848 года в Германии. СПб., 1907. С. 224, 247, 262, 277, 379, 320–321, 341.

⁷⁰ Мадлен Л. Цит. соч. Т. II. С. 31.

Этим все сказано: когда воля народа совпадает с их волей — они готовы ссылаться на нее, когда не совпадает, тогда придумываются сотни «идеологий», как в данном случае — об «избранном меньшинстве», и воля народа попирается. Разве не то же самое, но в более мягкой форме, делал старый режим, поносимый ими? Не была ли сплошным отрицанием их предыдущих принципов вся их деятельность и все их речи со времени «восшествия на престол»? Вооруженной силой разгоняя собрания, выгоняя неугодных им членов из Законодательного Собрания, лишая прав, применяя голую силу, уничтожив все свободы и гарантии, доведя террор до пределов — они стали полным отрицанием самих себя и точной копией самых жестоких деспотов-самодуров. Это ли не полная «перемена душ» и поведения? При внимательном изучении этой «трансформации» можно иногда обнаружить поразительные детали. Старый режим фальсифицировал результаты выборов, они — фальсифицируют их в квадрате. Старый режим пытался обеспечить себе большинство насилием и махинациями. Они делают то же самое, например, постановляя, что члены Конвента должны быть избраны из их числа. Не они ли еще недавно протестовали против veto короля? Став членами Директории^{26*} (как, например, Ларевельер), они теперь хотят это veto для себя. Нужно ли, далее, указывать на других членов Директории, на участников Термидора, на «разжиревших» революционеров, которые по мере своего «разжирения», обогащения и восхождения соответственно меняли свои убеждения и поведение: раньше они проповедовали равенство, теперь жадно хватают титулы маркизов, графов, герцогов и баронов, раньше они низвергали монархию, теперь становятся ее министрами. Это отдельные факты. Но не полна ли ими вся история революции? Не произошло ли то же самое с сотнями тысяч лиц, перемещенных в социальном пространстве?

Не иначе обстояло дело и в Англии во время революции, начиная с самого Кромвеля. Читая его речи и рассматривая поступки, мы сквозь сеть многочисленных обращений к Богу видим, как с переменой социальной позиции меняется его поведение и его «душа». Не он ли возвел на эшафот короля за нежелание последнего считаться с волей народа, за неуважение к парламенту, за нарушение свобод и религиозные притеснения? Что же он делает, когда сам становится на место короля? Неугодные ему парламенты разгоняет, с волей народа не церемонится, вместо «Звездной Палаты» создает «Совет Протектора», вместо республики ведет дело к провозглашению себя королем, произвольно устанавливает налоги, произвольно арестует и казнит; словом, Кромвель-

революционер и Кромвель-протектор — две разные личности с двумя разными «душами»⁷¹. То же самое применимо и к сотням других лиц, поднявшихся на верхи. Они переняли поведение и «души» своих предшественников. «Step by step the Government of the Commonwealth was to accommodate itself to its true position, and to rule by means which every one of its members would have condemned if they had been employed by Charles or Strafford»^{27*}, — правильно говорит историк⁷². Карл и его сподвижники нарушали конституцию; сподвижники Кромвеля, протестовавшие против этого раньше, теперь нарушают ее в десять раз больше и т. д. Словом, заняв места старых властителей, бывшие революционеры перенимают и их «души». Не это ли случилось и с религиозными группами? До своего превращения в привилегированную церковь индепенденты боролись за свободу совести, а епископальная церковь не желала признавать ее. После перемещения их роли переменялись: бывшие ревнители религиозной свободы стали ее гонителями, а бывшие гонители — ее сторонниками.

Не полная ли свобода толкования и проповеди слова Божия была основным требованием гуситов до их перемещения на позицию властителей? Сколько раз специальные договоры подписывались ими на этот счет. Но как только табориты и утраквисты^{29*} очутились у власти — кар-

⁷¹ В разговоре с Е. Salamy, на возражение того против единоличной власти как незаконной и неприменимой, Кромвель теперь говорит: «Незаконная? — Да, незаконная. Но почему она неприменима?» Salamy отвечает: «Потому что противна желанию нации, ибо девять десятых будет против вас». — «Но если я обезоружу девять и вручу шпагу десятому, разве тогда дело не будет сделано?» (Гизо Ф. Цит. соч. Т. III. С. 29). Разве не Кромвель прежде защищал право парламента низвергать короля и казнить его? В 1654 г. он же, разгоняя неугодный ему парламент, говорит: «С вашей стороны не признавать этой (Кромвеля) печати, заседать здесь и не признавать власти (Кромвеля), силой которой вы здесь заседаете... это преступление, какое только может совершить человек против Божьего Провидения» (там же. С. 116). Читая эти слова Кромвеля, невольно думаешь, что их произносит Карл I, который действительно много раз говорил то же самое и почти в тех же выражениях.

⁷² Gardiner S. History of the Commonwealth and Protectorate. 1903. Vol. 1. P. 55. Недаром авторы «The Hunting of the Foxes» правильно отмечают: «The old King's person and the old lords are but removed, and a new king (Cromwell) and new lords with the Commons are in one House and so we are under a more absolute arbitrary monarchy than before»^{28*} (ibid. P. 33).

тина меняется. Ян Жижка поголовно уничтожает адамитов и членов других сект за их толкования слова Божия, объявляет и ведет беспощадную войну против всех инаковерующих. То же самое делают в Праге и утраквисты. Они организуют массовую инквизицию, арестовывают и убивают всех инаковерующих. До своего возвышения чешские революционеры бичевали богачей и поносили собственность. Теперь, захватив чужие богатства, они обращают их в личное достояние и превращаются в пылких защитников частной собственности. Не они ли раньше протестовали против угнетения и грабежа народа? Став властителями, они грабят его сильнее, притесняют беспощаднее, чем старые владыки⁷³.

Словом, сообразно переменам их положения происходит и перемена их поведения.

Эта массовая трансформация поведения и «душ» перемещенных индивидов, конечно, не исчерпывается приведенными примерами. Она происходит во время всех революций; она является универсально многообразной, охватывающей в том или ином отношении всех и вся. Каждый из них, осев на новых позициях, меняет одни стороны поведения, одни «души» — убеждения, верования, вкусы, оценки — на новые, соответствующие его новому положению⁷⁴. Бедняк, ставший богачом, теряет «душу» бедняка и получает «душу» богача; бывший раб, ставший властелином, одевает «костюм поведения» последнего; преследуемый ревнитель свободы, ставший правителем, надевает цепи на своих противников и становится жандармом.

Эта трансформация тем резче, чем больше контраст между старым и новым положением. Лишь одно длительное социальное воспитание, частая перемена профессий в нормальной (как США), богатой и разносторонней стране и подлинно глубокая моральность могут смягчить эту трансформацию. Если же ничего этого не было и нет, то она неизбежно оказывается резкой, бьющей в глаза во всякой стране в периоды революции^{30*}.

⁷³ Denis E. Op. cit. P. 278–283, 294–295, 348–349.

⁷⁴ Как яркий пример обратного изменения «души» укажу на русского товарища Министра Внутренних дел при царе, энергично боровшегося раньше с забастовками. Перемещенный за годы революции в положение простого рабочего, он горячо возмущался запрещением стачек большевиками!

ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ

ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ПЕРИОДЫ РЕВОЛЮЦИЙ

§ 1. Изменения в области процессов управления

Рассмотрим теперь главнейшие изменения социальных процессов, происходящие в революционном обществе. Начнем с изменения процессов управления или процессов политических. Подходя к вопросу с точки зрения того механизма, который регулирует поведение и взаимоотношения членов агрегата, мы можем представить два противоположных типа общества.

1. *Общество, в котором поведение его членов и их взаимоотношения регулируются не ими самими, не их свободной волей и соглашением, а регулируются властью, сверху, в обязательном принудительном порядке.* Здесь объем регулирующих функций власти и ее прав огромен, ее вмешательство — беспредельно. Она сверху предписывает, что должен делать индивид, какой работой заниматься, жениться или не жениться, как верить, как думать, как одеваться, что есть и т. д. Члены общества здесь похожи на манекенов, приводимых в движение властью. А власть похожа на центральную, единственную в обществе динамо-машину, приводящую в движение этих манекенов и регулирующую их действия.

Объем свободы, автономии поведения и самоуправления граждан ничтожен во всех областях социальных взаимоотношений: экономических, семейных, профессиональных, религиозных, интеллектуальных и т. д. Нет никаких границ, за пределы которых власть не могла бы переступить и за пределами которых не могла бы вмешиваться. *Тип общества с таким централизованно-принудительным механизмом управления и регулирования поведения граждан можно назвать централизованно-деспотическим, или этатическим.*

2. Противоположностью ему служит *тип общества, где поведение и взаимоотношения членов общества регулируются ими самими, их волей и соглаше-*

ниями, где объем их автономии и свободы – огромен и где напротив, – объем прав, вмешательства и регулирующих функций власти – ничтожен. В такого типа обществах ничто принудительно не навязывается правительством членам общества. Не оно предписывает, а сам индивид выбирает религию, воззрения, идеологию и профессию; не власть, а сам индивид решает, нужно ли ему жениться или нет, какие экономические соглашения заключить, что производить, как и сколько, как одеваться, что есть и пить, что читать, где жить и т. д. Здесь, наряду с небольшой правительственной динамо-машиной, в каждом индивиде имеется как бы особая «динамо-машина», которая приводит его в движение и регулирует его поведение. *Такой тип общества можно назвать автономно-самоуправляющимся, или демократическим.*

В чистом виде каждый из этих типов общества едва ли когда-нибудь существовал в истории. Но разные общества прошлого и настоящего времени имели и имеют характер то более близкий к первому типу, то более близкий ко второму.

Спрашивается: *в каком направлении деформируется организация общества во время революций? В сторону этатизма или автономизма?* Ответ на этот вопрос гласит: *1) В первые моменты революции организация общества деформируется в сторону неурегулируемого анархического автономизма. 2) Оно быстро сменяется деформацией противоположного характера, приводящей к деспотическому этатизму, намного превосходящему деспотизм дореволюционного периода.*

3) Только с окончанием революции этот этатизм-деспотизм, порожденный ею, начинает падать. Эти колебания происходят тем резче, чем глубже и насильственнее революция.

До сих пор огромное множество людей думает, что революция – это свобода. Для них эти термины звучат как синонимы. Нужно ли говорить, что такое верование совершенно необоснованно, если не разуместь под свободным обществом деспотически-этатический тип, а под свободой поведения – поведение манекена, приводимого в движение властью.

Революция, кроме ее первого полуанархического периода, это: *1) уменьшение автономии, прав и свободы граждан, 2) это рост вмешательства, опеки, прав и регулирующих функций власти, иными словами – рост деспотического этатизма за счет свободного автономизма.* К такому выводу придет каждый, кто будет объективно изучать регулирующую организацию общества, поведение граждан и власти в эпохи революции и не будет судить о положении дел по одним революционным «речевым рефлексам», воспевающим свободу.

В частной жизни мы научились уже судить о людях не по их словам, а по делам. Этот принцип, к сожалению, не вполне еще проник в область социальных наук и в суждения, касающиеся исторических событий. Да, революция богата лозунгами и гимнами свободы и очень бедна соответствующими им делами. Она похожа на ловкого шулера, хорошими словами маскирующего не совсем хорошие дела. Многие, соглашаясь с тем, что во время самой революции объем свободы и автономия граждан падают, утешают себя тем, что зато по окончании революции он увеличивается, усматривая в этом заслугу последней. Да, после конца революции кривая деспотизма-этатизма действительно падает по сравнению с ее уровнем во время революции. Но этот-то факт и говорит о том, что революция и автономное самоуправление — вещи несовместимые, что они исключают друг друга, что рост автономизма после революции совершается не благодаря, а вопреки последней. Трудно поэтому видеть в этом заслугу революции. Затем, напрасно думают, что послереволюционный автономизм гораздо шире дореволюционного. Автономность, самоуправление и свобода римского общества во время Цезаря, Августа и преемников последнего были скорее меньшими, чем большими по сравнению с дореволюционным¹, догракховским состоянием римского общества. Режим тиранов, установившийся после революций в Греции, трудно считать менее деспотическим, чем режим, предшествовавший революции. Франция вышла из революции XIV—XV вв. гораздо более централизованной и менее автономной, чем была прежде. С этого именно времени королевская власть стала неограниченной. Чехия вышла из революции гораздо более деспотической, ее население — несравненно более бесправным и закрепощенным, чем в дореволюционный период. То же самое случилось после русской смуты XVII в., закончившейся усилением царской власти, ликвидацией органов самоуправления, ростом централизма, бюрократизма и деспотизма. Трудно назвать более свободным режим реставрации (время Карла II и Якова II) в Англии, или время Наполеона I, превратившего Францию в «казарму», или режим Наполеона III — продукт революции 1848 г., или режим адмирала Хорти и баварских монархистов после Венгерской и Баварской революций 1918–1919 гг. Если кое-где — и то при революциях неглубоких — этот послереволюционный режим был не менее «автономным», чем дореволюционный, то он не

¹ В итоге революций «для народной свободы настал конец, а Рим дожил не до владычества демократии, а — монархии» (*Моммзен Т.* Цит. соч. Т. II. С. 96). Это — увы! — почти всегда повторялось.

очень существенно превосходил его в этом отношении. Нередко, как мы уже отмечали, первый был менее широким, чем второй. Вот почему и это распространенное мнение, состоящее в том, что плоды свободы революция приносит позже, я не могу признать правильным.

Во-первых, это не так; во-вторых, если бы это и было так, то заслуга принадлежала бы не революции, а мирной работе населения, покончившего с революцией; в-третьих, страны, вроде Англии, не знавшие революций в течение ряда столетий (с XVII по XX вв.), не только не теряли свобод, но расширяли их гораздо быстрее, чем любое из обществ, потрясавшихся революцией. Это лишний раз говорит о том, что указанное распространенное мнение совершенно неверно.

Перейдем теперь к подтверждению тезиса об изменении социальной организации в сторону этатического деспотизма в периоды революции. Оно неизбежно потому, что *основными факторами подъема кривой этатического этатизма являются: 1) война, 2) усиление голода и нищеты масс при наличии имущественной дифференциации*. С этой точки зрения, этатизм, вызываемый войной, можно назвать (следуя терминологии русских коммунистов) *военным социализмом*; этатизм, вызываемый голодом — *«голодным социализмом»*. Указанная роль войны была блестяще очерчена еще Г. Спенсером²; «этатизирующая» роль голода была изучена мной³. Так как глубокая революция — это синоним худшей из войн: войны гражданской, и в то же время синоним роста нужды, голода и нищеты масс, то становится вполне понятным, почему организация революционного общества трансформируется в сторону этатического деспотизма. Неизбежность расширения функций власти следует из того, что революции означают периоды исключительно интенсивного разрушения старого режима, перемещения людей и собственности, изменения всей социальной структуры и социальных процессов. Очевидно, без чрезвычайного расширения функций и деятельности власти столь огромные изменения происходить не могут. Последняя требует первых и волей-неволей заставляет всякое революционное правительство быть энергичным, сильным, насильственным и требует его вмешательства во все сферы

² См.: Спенсер Г. Основания социологии. СПб., 1898. Т. I—II (главы о военном и промышленном типе общества). См. также: Сорокин П. А. Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию (Экономист. 1922. № 1); Сорокин П. А. Война и милитаризация общества (Артельное дело. 1922. № 1–4).

³ См. мою книгу «Голод как фактор» (гл. X: Голод и социально-экономическая организация).

социальной жизни. Даже в области *экономической деятельности и экономических взаимоотношений, где, казалось бы, вмешательство менее всего может иметь место, мы его видим в периоды революций. Это par excellence^{1*} — периоды «принудительного этатического хозяйства» (Zwangswirtschaft^{2*}).*

Мы видели выше, что в греческих и римских революциях право собственности фактически сводится на нет. Другие имущественные права — также. Договоры и обязательства аннулируются. Отношения производства, распределения и обмена начинают регулироваться властью. Вводится ряд правительственных монополий, продовольственное дело начинает сосредотачиваться в руках власти. Область личной автономии граждан в регулировке этих взаимоотношений — сокращается, иногда до нуля.

Эти явления мы видим в деятельности революционных правительств в Греции и Риме (тиранов VI—V вв., в революциях IV в., в деятельности Агиса, Клеомена, Набиса, в деятельности Гракхов, Мария, Суллы, Друза, Красса, Помпея, Цезаря, Антония и Августа) независимо от того, являлись ли они диктатурой богачей или бедняков. Вся разница между той и другой диктатурой состояла лишь в тех группах, у которых они отнимали достояние; но каждое из революционных правительств бесцеремонно реквизирировало и расширяло свои функции в этом отношении беспредельно.

Сходную картину мы видим и позже в крупных революциях. Возьмите ли вы революции Средневековья: французские XIV—XV вв., гуситскую, русскую XVII в., германские, например, руководимые Т. Мюнценом и Иоанном Лейденским, — всюду здесь в разных формах проявляется тот же факт расширения произвола и вмешательства власти в сферу экономических взаимоотношений членов общества.

Организация настоящих коммунистических агрегатов в Мюнстере и Мюльгаузене, с «обобществлением» средств производства и предметов потребления, с уничтожением частной собственности — служит бесспорным доказательством сказанного. То же самое, как известно, имело место и в гуситской революции. Декретом 26 июля 1420 г. имущество эмигрантов-немцев, духовенства, всех противников гуситства, а также и всех богатых людей, было конфисковано. В Таборе и у таборитов частная собственность была уничтожена. Ряд сект — адамиты и другие — обобществили не только имущество, но и женщин. У крестьян безжалостно отнимали все, что они имели. Словом, частная автономия здесь была совершенно уничтожена⁴.

⁴ См.: Denis E. Op. cit. P. 228, 261–262, 281–287, 330.

Не иначе обстояло дело и в Английской революции. Доказательством тому служат: 1) произвольные массовые конфискации, производившиеся революционным правительством и достигшие в Ирландии колоссальных размеров, 2) усиленная борьба с торговцами на почве борьбы с голодом: таксация цен, платы, прибылей и регулировка обмена и распределения, 3) произвольное налогообложение, взимание штрафов и пени, 4) принудительные займы у City и богачей, 5) ряд монополий, введенных правительством⁵.

Колоссальные конфискации земель и имущества эмигрантов и лиц, неугодных якобинцам, национализация церковного имущества, огромные «реквизиции» хлеба, скота, белья, обуви и прочей движимости (например, в Марселе Баррас заставил 20 тыс. человек отдать по две рубашки, в Лионе Фуше конфисковал всю обувь частных лиц и т. д.), декреты вроде декрета от 10 ноября о реквизиции всех свиней у частных лиц, таксация заработной платы и цен на продукты, карточная система, принудительные трудовые повинности, принудительная вербовка рабочих, закон о максимуме 4 мая и 30 сентября 1792 г., декреты 19–20 августа, 27, 11, 29 сентября, 2 октября, 24 ноября 1793 г., 28 января 1794 г., произвольные невыносимые налоги и поборы, — все это и множество других мер свидетельствуют о росте этатизма в экономической области во время *Французской революции*⁶. Провозглашение неприкосновенности частной собственности осталось на бумаге. То же самое, в иных формах, повторилось во время революции 1848 г., о чем красноречиво свидетельствует один только факт учреждения национальных мастерских, не говоря уж о попытках власти взять в свои руки регулирование многих экономических отношений.

Безграничное расширение экономически-регулирующих функций власти во время Парижской Коммуны, в Германской, Венгерской

⁵ «Секвестр и конфискации производились против побежденных самым невыносимым и возмутительным образом... по произволу, так что никто не знал, каково его положение и какова будет его участь». Масса лиц «облагалась подавляющими, взимаемыми насильственно», «на народ налагались огромные налоги» и т. д. (*Гизо Ф.* Цит. соч. Т. I. Гл. XXIII. Т. II. С. 221–222; *Gardiner S.* History of the Commonwealth and Protectorate. 1903. Vol. I. P. 24, 49, 251–252, 311–312; Vol. II. P. 22, 187, 200; Vol. III. P. 322, 328–330, 254).

⁶ См.: *Hake F. von.* Zusammenbruch und Aufstieg des Französischen Wirtschaftsleben 1789–1799. München. 1923, S. 96–97, 109–111. «Überhaupt gibt es während dieser Schreckenzeit in niemand, der auch nur etwas Besitz, der eine Stunde seines Lebens und seines Besitzes sicher wäre»^{3*} (S. 120).

и особенно Русской революции 1917–1922 гг. — не требует подтверждения⁷.

Юридическое уничтожение частной собственности, универсальная национализация земель, фабрик и движимого имущества, безграничные реквизиции и конфискации, полная централизация и монополизация всего производства, распределения и потребления в руках власти и ее органов, уничтожение частной торговли, уничтожение свободы труда и выбора профессий, уничтожение наследования, введение трудовых повинностей, превращение всего населения в государственных рабов, работающих по указанию государственной власти — все эти факты русской революции (а также баварской и венгерской) представляют собой лишь полное выражение обычных тенденций революции, в других революциях редко получавших столь крайнее и резкое проявление.

Кажущийся столь исключительным «русский опыт» коммунизации и построения коммунистического общества был не чем иным, как доведением этатического деспотизма (или *Zwangswirtschaft*) до его крайних пределов. Так как основные причины, война и голод, вызывающие рост этатизма, приняли в России исключительные размеры (семь лет мировой и гражданской войны, плюс страшное обнищание), то неудивительно, что кривая этатизма, под именем «коммунизма» (позже самим Лениным стыдливо названным «военным коммунизмом») поднялась исключительно высоко. В свете этих положений приходится изумляться той наивности, которую многие проявили, увидев в предельном деспотическом этатизме прообраз какого-то нового и более совершенного общества. Надо быть поистине наивным или невежественным человеком, чтобы делать такие оценки.

Если даже в области экономических отношений мы видим большее или меньшее усиление этатизма, то что же говорить о других областях поведения и взаимоотношений. Здесь рост деспотического этатизма бесспорен и ярко бьет в глаза в каждой революции. Это мы отчасти уже видели выше, в главе об изменении моральных и других форм поведения.

«Диктатура» — вот институт, неразрывно связанный со всякой глубокой революцией. Независимо от того, имеем ли мы диктатуру «белых» или «красных», единоличную или коллективную — она означает нали-

⁷ Характерно, что с ростом беспорядков в Германии в августе—сентябре 1923 г.

стала расти и кривая этатизма. Правительство Штресемана с его принудительным займом, учетом валюты и ценностей, с огромными регулирующими заданиями — частный случай этого общего явления.

чие власти, не связанной никакими ограничениями, имеющей право поступать как ей угодно, делать — что желательно, преступать какие угодно права. Так фактически и обстоит дело. Будут ли революционно-диктаторской властью тираны Греции, диктаторы и триумвиры Рима, Э. Марсель и Кабош, Ян Жижка и Прокоп, Иоанн Лейденский или Т. Мюнцер, Кромвель или якобинцы, Бланки, Л. Блан, Коссидьер, Парижская Коммуна или русские коммунисты — все они юридически и особенно фактически начинают накладывать свою тяжелую лапу на все население, не стесняясь законами и правами.

Нормальные законы и гарантии неприкосновенности личности и ее свобод — падают. Место их занимают «военные положения» и исключительные суды (Чека, революционные трибуналы и военные суды), без всяких формальностей уничтожающие людей сотнями, тысячами бросающие их в тюрьмы, сводящие на нет какие бы то ни было гарантии.

*Свобода слова, печати, союзов, собраний — сводится на нет (мы видели выше). Свобода религии, даже в религиозных революциях, как в Англии и Чехии, — становится фикцией. Свобода преподавания, воспитания и обучения — также. Свобода передвижения — запрещается. Словом, какую бы область поведения и взаимоотношений вы ни взяли — всюду вмешательство, опека и принудительное давление власти колоссально возрастает, автономия всех граждан, кроме клиентов и сторонников власти — сокращается. Гражданин связывается по рукам и ногам. Из автономного субъекта прав он делается простым объектом воздействия диктаторской власти. То же самое следует из факта *централизации всей власти в руках диктатора*, Комитета общественного спасения, «The Council of the State»^{4*} или Центрального Комитета Российской Коммунистической Партии. Все функции власти: законодательная, исполнительная и судебная сосредотачиваются в руках одного человека или небольшой группы лиц. Ждать «умеренности и справедливости власти» в таких условиях не приходится.*

О том же громадном росте этатизма говорит и *милитаризация всей общественной жизни в периоды революции, сопровождаемых гражданскими войнами*. Все общество превращается в казарму, народ — в армию, власть — в неограниченного полководца, делающего с народом, что ей угодно.

Все эти громадные симптомы делают бесспорным наш тезис. Фактов, подтверждающих эти положения столь много, они так легко могут быть указаны, что достаточно двух-трех примеров из истории крупнейших революций. Беру *Английскую революцию*.

1) Вместо *нормальной власти в лице House of Commons, House of Lords*^{5*} и короля *вся власть сосредоточивается в руках сначала небольшой группы лиц,*

потом – одного Кромвеля. «Cromwell, Ireton and Harrison ruled The Council of Officers, and The Council of Officers ruled the State»^{6*}, – так кратко формулируют положение дел авторы «The Hunting of the Foxes». Позже – централизация и неограниченность власти, сосредоточившейся в руках Кромвеля, достигают зенита. 2) Суд? – «Для поддержания жестокой политической тирании необходима была тирания судебная. Республиканский парламент пользовался ею без зазрения совести». Против солдат – военные суды, против оппозиции – исключительные суды. Против всех – аресты, ссылки и заточения – безо всякого суда. «Парламент поражал людей ужасом и рубил головы выдающимся». «Когда неподкупные судьи отказывались осуждать, Кромвель оскорблял, отставлял, сажал в тюрьмы адвокатов и судей с наглостью, беспримерной в самые худшие времена». Царит система неопределенных произвольных приговоров, столь типичная для революций (судить по «революционной совести», а не по нормам закона).

3) «С первых шагов революционное правительство довело почти до крайних пределов *политическую тиранию*. Кто не с ним – не может занимать должности. Все противники республики были поставлены в положение каких-то илотов, лишенных всяких политических прав».

4) *Свобода печати – аннулируется*. Вводятся цензура и другие меры воздействия на печать, далеко оставляющие позади время Карла I.

5) *Религиозная свобода?* Уж она-то, казалось, должна быть. Но... «та самая партия, те самые люди, которые полстолетия с удивительным постоянством ратовали за религиозную свободу, сделавшись властителями, решительно исключили из всякой свободы три обширных класса: католиков, сторонников епископальной церкви и свободомыслящих». Их преследовали, сажали в тюрьмы, лишали должностей, конфисковывали их имущество, приговаривали к смерти.

6) *Самоуправление и уважение воли народа?* О, оно прекрасно доказывается многочисленными разгонами парламентов и неугодных власти членов Лондонского City, изгнанием выборных лорд-майоров и олдерменов^{7*}, исключением всех неугодных власти должностных лиц, введением института милиции и генерал-майоров, предназначенных опекать население, доносить и подавлять всякую оппозицию, «поступавших с монархической Англией, как с народом завоеванным и побежденным».

7) *Свобода собраний, союзов и передвижений* доказывается массовыми арестами, закрытием и запрещением сходок, театров, увеселительных зрелищ, разносчиков и уличных певцов, ограничениями свободы пере-

движения, изгнаниями и запрещениями жить в Лондоне и ряде других мест, приказами родителям держать слуг и детей дома, кроме немногих часов, разрешениями хватать и сажать в тюрьму всякого подозрительного человека и т. д.

8) *Свобода воспитания и мысли*, помимо запретительных законов о печати, отлично иллюстрируется «чисткой университетов»: изгнанием неугодных ректоров и профессоров и назначением на их место своих сторонников⁸.

Все эти факты говорят ясно, в какой мере кривая деспотизма и эгатизма возросла в Английской революции — добродетельнейшей из революций⁹.

Черты «военного и голодного социализма», или эгатизма, ясно видны и в *Чешской революции*.

1) Страна превратилась в военную казарму с беспощадной дисциплиной.

2) Религия очень скоро стала принудительно регулируемой: католики, свободномыслящие, табориты — испытывают на себе давление со стороны утраквистов, утраквисты — со стороны таборитов, и все инаковерующие — преследуются и убиваются. Начав с провозглашения свободы религии, «Ян Жижка и его сподвижники отказывались от всякого мира с теми, кто не разделял их веру». То же самое в Праге делали и утраквисты. «Учредили настоящую инквизицию: в каждом городе 50 человек, известных правове́рием, разыскивали и следили за всеми инаковерующими, не подчинявшимися догмам утраквизма. Они имели право заключать их в тюрьму и передавать в руки власти».

3) Воспитание — принудительно регулируется.

4) Свобода мысли, слова и писания — аннулируется.

5) Вместо суда — произвол.

6) В Таборе принудительно регулируется одежда, игры, пища, занятия и т. д.

⁸ Гизо Ф. Цит. соч. Т. I. С. XXII–XXXII, XI–XII, 125–126, 134, 270. Т. II. С. 135, 51–52, 123. Т. III. С. 19, 31, 35, 150–151, 147–160; Gardiner S. History of the Commonwealth and Protectorate. Vol. I–IV.

⁹ «Они (революционное правительство) обещали свободу, а на деле были тиранами», — заключает Гизо (цит. соч. Т. I. С. XIX). «It is never possible for men of the sword to rear the temple of recovered freedom. Honestly as both military and political leaders desired to establish popular government, they found themselves in vicious circle from which there was no escape»^{8*}, — пишет Гардинер (op. cit. Vol. I).

7) Полное пренебрежение к избирателям и замена народной воли — голой силой¹⁰.

Еще в более резкой форме этот рост деспотизма выступает во *Французской революции*. И здесь:

- 1) Сосредоточение всякой власти в руках кучки лиц и Робеспьера.
- 2) Огромная централизация, завершившая централизацию старого режима¹¹.
- 3) Полное уничтожение свободы слова, печати, союзов и собраний, кроме как для сторонников власти.
- 4) Милитаризация всей страны.
- 5) Уничтожение всяких гарантий прав и безопасности личности.
- 6) Замена судов — исключительными трибуналами.
- 7) Преследование религиозной свободы¹².
- 8) Преследование инакомыслящих.
- 9) Уничтожение самоуправления, полное пренебрежение к воле народа и избирателей (разгон и казнь членов Национального Собранин, Конвента, органов самоуправления и т. д.).
- 10) Подавление свободы мысли.
- 11) Стеснение свободы передвижения и т. д. — все это известно и бесспорно.

Эро де Сешель был прав, предлагая «набросить покрывало на стацию свободы». Оно и было наброшено. «Вмешательство революционной власти во все области частной жизни, давление, производимое ею на труд, обмен и собственность, на семью и воспитание, на религию, нравы и чувства — такова программа и практика якобинцев»¹³.

В худшие времена старого режима едва ли тирания достигала того уровня, на который она поднялась во время революции; едва ли население когда-либо имело меньше прав в отношении власти, а правительство — более неограниченным, чем это было при революционной диктатуре.

В еще более резкой форме это явление выразилось в *Русской революции*. Полное бесправие всего населения и неограниченный деспотизм

¹⁰ Denis E. Op. cit. P. 222, 239, 261, 265–266, 278–279, 281–283.

¹¹ См.: *Tocqueville A. de. L'Ancien Régime et Revolution. 1877. P. 234–247. Кн. II. Кн. III (гл. 3); Taine H. La Revolution. 1885. Vol. III: Le Programme Jacobin. P. 69–159.*

¹² «Мы — Конвент, мы властны изменить религию», — таково было убеждение властителей.

¹³ *Taine H. La Revolution. 1885. Vol. III. P. 120–121. Кн. II (гл. 1–2).*

кучки большевиков с их клиентами — такова краткая и точная формула положения дел за 1918–1922 гг.

1) Вся власть централизуется в руках пяти-шести лиц — членов Политического Бюро РКП^{9*}.

2) Абсолютное уничтожение свободы слова, печати, собраний, союзов.

3) Уничтожение судов и законов. Замена их произволом Чека и революционных трибуналов.

4) Полная потеря каких бы то ни было прав, вплоть до права на жизнь.

5) Ликвидация религиозной свободы.

6) Уничтожение всякой свободы мысли, несогласной с догмой коммунизма.

7) Уничтожение всяких действительных выборов и органов самоуправления.

8) Аресты, расстрелы и высылки всех несогласных с властью и ее догмами.

9) Уничтожение всех имущественных прав.

10) Уничтожение свободы передвижения.

11) Принудительная — прямая и косвенная — регулировка: пищи, одежды, жилища, форм деятельности, характера воспитания и обучения детей, профессий, часов сна и бодрствования и т. д.

Словом, — абсолютный деспотизм власти, полная централизация, всесторонняя опека и регулировка — с одной стороны, полное бесправие, превращение субъектов права в объект, лиц — в манекенов, людей — в вещи — с другой.

Такова картина «свободы», которую демонстрирует Русская революция.

Я не буду приводить подтверждений из истории других революций. Смею лишь заверить, что все эти черты — в большей или меньшей степени — присущи каждой из них¹⁴.

¹⁴ Положения, выраженные в декретах 12 марта 1848 г. комиссарами революционного правительства, типичны для характера деятельности любой революционной власти. Вот они:

«Каковы ваши полномочия? — писалось там. — Они безграничны. Как агенты революционной власти вы также революционеры... Вы зависите только от вашей совести... На вас возлагается обязанность руководить всем... Никаких сделок, никаких уступок». Еще резче ту же мысль выражал Луи Блан. См.: *Грегуд Л.* Цит. соч. Т. III. С. 37–38.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод: если не разумеешь под свободой свободу египетского раба, строившего пирамиды, свободу населения деспотий Востока, свободу самодурства диктатора и бесправия населения, то никакой другой свободы революционные времена не дают. Они централизуют, а не децентрализуют политический аппарат власти, усиливают тиранию, деспотизм и этатизм, а не ослабляют их, уменьшают, а не увеличивают объем прав, автономий, свободы и самоуправления граждан. Вот почему лозунги насильственной «революции» и «свободы» для меня звучат не как синонимы, а как вещи несоместимые. Всякий, кто желает глубокой и насильственной революции, тем самым содействует — хочет он или не хочет этого — росту тирании и «набрасывает покрывало на статую свободы». Лишь с момента ликвидации революции это покрывало начинает сползать обратно. С этой точки зрения прав был Флобер, сказавший в «Воспитании чувств», что «в каждом непримиримом революционере таится прирожденный жан-дарм». Это звучит парадоксально, но верно.

§ 2. Изменения экономических процессов

1) Первая черта изменения экономических процессов в революционное время состоит в росте этатизма или в уменьшении автономии граждан в области экономических взаимоотношений. Эта черта только что была рассмотрена.

Характер других изменений легко предвидеть. Революция, отвлекая силы людей от борьбы с природой на борьбу друг с другом, ослабляя трудовые рефлексы, убивая своими эксцессами и грабежами уверенность в прочности обладания богатством, ослабляя своими уравнительными попытками стимул личной заинтересованности, с одной стороны, и усиливая лень, давая за нее премии — с другой, наконец, разрушая города и села, опустошая нивы и мастерские, — неизбежно ведет:

Парижская Коммуна 1871 г. «могла держаться только при помощи сильного давления на врагов. Правление ее превратилось в настоящую тиранию. Члены Коммуны не могли выносить ни малейшей критики и подавляли все независимые голоса. Они старались внушить страх и наполняли тюрьмы подозрительными лицами и заложниками. Затем, когда наступил решительный час, они старались всеми силами обеспечить себе месть. Их газеты не переставали требовать самых кровавых репрессалий» (*Грегар Л.* Цит. соч. Т. V. С. 411).

2) к падению производства в стране, к общему обеднению, тем самым к разрушению и дезорганизации всей экономической жизни общества. Таков основной результат ее влияния. Наряду с ним имеются второстепенные:

3) революция, в первом фазисе, часто уменьшает имущественную дифференциацию и приближает население к равенству в нищете,

4) во второй период – усиливает экономическое неравенство, причем нередко до пределов, превосходящих дореволюционный период;

5) как мы видели выше, интенсивно перемещает богачей в бедняки и обратно;

6) чем кровавее, длительнее и глубже революция, тем эти эффекты резче. Если революция очень краткая и малокровная, то они могут быть ничтожными.

Таковы те объективные результаты, к которым вместо обещаемой всеобщей сытости, «кисельных берегов и молочных рек» ведет революция. Эти результаты очень четко выявились в Русской революции 1917–1922 гг.

Об этом говорят нижеследующие цифры. Валовая производительность русской промышленности в пределах современной Советской России (без Сибири и Туркестана) в миллионах золотых рублей, по большевистской статистике, составляла (в процентном отношении к 1912 г.):

в 1912 г.	6059,2	100%
1920	835,8	13,8
1921	370,0	14,4
1922	965,5	16,9 ¹⁵

Народный доход на одного человека составлял:

1913	100 руб. 35 коп.	100%
1916–1917	85 руб. 60 коп.	84,5%
1921	38 руб. 60 коп.	38,1% ¹⁶

Продукция остальных видов промышленности к продукции 1913 г., принимаемой за 100%, относится так:

Виды промышленности	1913	1918	1919	1920	1921	1922
Каменноугольная	100	42	29	27	31	34

¹⁵ На новых путях. Итоги новой экономической политики за 1921–1922 гг. 1922. Вып. III. С. 178–188.

¹⁶ Прокопович С. Н. Цит. соч. С. 119.

<i>Виды промышленности</i>	1913	1918	1919	1920	1921	1922
Металлургическая	100	12,2	2,6	2,4	3,0	3,9
Нефтяная	100	44	49	41	42	49
Добыча железной руды	100	0,2	0,0	1,6	1,6	2,2
Текстильная (льняная пряжа)	100	75	45	33	25	46
Шерстяная	100	—	19	23	17	27
Хлопчатобумажная	100	—	6,2	6	7,4	17
Сахарная	100	24	6	5	7	— ¹⁷

Сельское хозяйство «процветало» не хуже. Это видно из площади посева и величины урожая.

Посевная площадь в пределах РСФСР в млн десятин была:

<i>1909–1913 (средняя)</i>	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922	1923
83,5	88,5	85,1	78,2	78,2	—	—	62,3	54,9	9,2 ¹⁸	59,3
Урожай ржи с десятины (в пудах) 53,9	53,1	72,3	60,1	49,7	44,1	38,3	33,7	—	—	—
Урожай озимой пшеницы с десяти- ны (в пудах) 62,3	65,4	87,1	71,7	57,7	47,6	34,3	32,7	—	—	—
Урожай яровой пше- ницы с десятины (в пудах) 50,7	39	64,4	45,7	44,4	36,0	35,5	28,5	—	— ¹⁹	

В итоге этого расстройство земледелия Россия, вывозившая до войны за границу 650 000 000 пудов, в 1921–1922 гг. дошла до людоедства на почве голода. Вместо «курицы в супе» революция накормила русский народ бифштексами из мяса... собственного ребенка.

¹⁷ Экономическое строительство. М., 1923. № 2. С. 34.

¹⁸ Экономическая жизнь. № 163.

¹⁹ Кондратьев Н. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции.

Сходное происходило и с другими сельскохозяйственными культурами.

<i>Лен</i>	1914	1916	1920	1921	1922	1923
Площадь (тыс. десятин)	1311	945,5	321,1	292,3	347,1	—
Сбор (тыс. пудов)	24083	14722	4500	5500	—	—
<i>Хлопок</i>	1915		1916		1922	
Площадь (тыс. десятин)	520		578		52	
Сбор	15 млн		600–700 тыс.			
<i>Табак</i>	1916	1918	1920	1921	1922	1923
Площадь (тыс. десятин) (предположительно)	6750	2967	537	231	?	1800
Сбор (тыс. пудов) (предположительно)	69,00	28,28	7,66	2,76	5,9	16
<i>Сахарная свекла</i>	1914		1922		1923	
Площадь (тыс. десятин) (предположительно)	683,4		159,2		232,3	
Сбор (тысяча 12-пудовых берковцев)	75666		9130		?20	

Животноводство пало на 40–50% по сравнению с довоенными годами.

Транспорт разрушен так же. В дореволюционное время Россия имела 19 000 паровозов и 437 000 вагонов, теперь — 7000 паровозов и 195 000 вагонов, и то не вполне исправных. Среднесуточная погрузка в 1913 г. составляла 31 000 вагонов, в 1923 г. — 11 600 вагонов²¹. За годы революции разрушено 3650 железнодорожных мостов и около 20% станционных зданий.

Финансы государства находятся в умопомрачительном состоянии. Количество бумажных денег в миллиардах рублей было:

на 1 января 1917	9,2
1918	27,3

М., 1922. Данные о посевной площади за 1921–1922 гг. приведены по «Отчету Народного Комиссариата Земледелия за 1922 г.».

²⁰ Экономическая жизнь. № 172. 1923. 2 августа.

²¹ Известия. № 186. 1923. 21 августа.

1919	61,3
1920	225,0
1921	1168,6
1922	17539,5
май 1923	6076000,0

Обесценивание их шло так. Принимая цены 1913 г. за 1, индекс цен за годы революции возрастает следующим образом:

1 января	1917	3,8
	1918	23,3
	1919	230,0
	1920	2136,0
	1921	26500,0
	1922	182753,0
	1923	19775000,0 ²²

В переводе на товарные рубли вся эта бумажная масса стоила бы (в млрд руб.):

	1921	1922	1923		1921	1922	1923
Январь	44	96	101	Июль	37	69	—
Февраль	44	67	106	Август	43	94	—
Март	37	54	116	Сентябрь	56	128	—
Апрель	40	42	104	Октябрь	71	144	—
Май	49	35	114	Ноябрь	80	117	—
Июнь	42	51	—	Декабрь	96	106	—

Заработная плата рабочих, опять-таки по данным большевиков, при «диктатуре пролетариата», считая пайки, одежду, жилище и все прочее — была равна:

в 1913–1917	22 руб. в месяц
1918	8,99
1919	6,77
1920	7,12
1921	6,95
1922	8,22 ²³

²² Цит. по книге С. Н. Прокоповича (с. 209); Экономический вестник. № 235. С. 174.

²³ Экономическая жизнь. 1922. № 264; Прокопович С. Н. Цит. соч. С. 135.

Фактически она была еще ниже²⁴. Из этих данных ясно «благотельное» влияние революции. Четыре года мировой войны были бесконечно менее разрушительными, чем четыре года революции. В итоги их — общая нищета, голод... людоедство... вымирание русского народа. Но, быть может, этой ценой достигнуто имущественное равенство? уничтожение частной собственности? обобществление средств и орудий производства? уничтожение эксплуатации и армии безработных?

Увы, — нет! В первый период «военного коммунизма» (1918–1920 гг.), исключая самих коммунистических вождей, действительно произошло уравнивание в нищете. Богатства были разграблены. Благодаря нормированию заработной платы и отбиранию всех излишков, имущественная дифференциация, как мы видели, уменьшилась даже среди крестьян и рабочих. Но, увы, — не надолго! В 1921–1922 гг. даже коммунисты поняли разрушительное влияние «коммунизма», доведшее народное хозяйство до полного развала. Отсюда — лозунг: «Назад к капитализму!» С 1921 г., после введения «новой экономической политики», т. е. возвращения к капитализму, разрешения частной торговли, денационализации предприятий, разрешения концессий, допущения частной собственности, начался и рост имущественной дифференциации. Уже в 1922–1923 гг. он привел к большим контрастам в имущественном отношении, чем контраст между уровнем жизни американского миллиардера и уровнем жизни американского рабочего. С одной стороны, мы видим массу людей, умирающих от голода, доведенных до людоедства, и ужасающую нищету, с другой — верхи власти, спецов и новую буржуазию, ведущих роскошный образ жизни, не отказывающих себе ни в чем. Уравнительная работа первого периода была сведена на нет.

²⁴ По другим официальным данным, в 1922–1923 гг. заработная плата рабочих составляла:

в октябре 1922	1 руб. 65 коп.
ноябре	1 руб. 16,1 коп.
декабре	1 руб. 19,7 коп.
январе 1923	1 руб. 16,1 коп.
феврале	1 руб. 44 коп.
апреле	1 руб. 38 коп.
мае	1 руб. 26 коп.

См.: «Труд» от 6 октября, 10 ноября, 12 декабря 1922 г., 5 января, 8 февраля, 3 марта, 6 мая 1923 г.; *Шварц С.* Государственный минимум заработной платы // Социалистический вестник. 1923, 1 июля.

Вместо уничтожения частной собственности в этот период (1921–1922 гг.) мы имеем ее фактическое и юридическое признание. Вдобавок — небывалый рост собственнической стихии, захлестнувшей весь коммунизм и принявшей зоологический оттенок. К 1923 г. из национализированных средств и орудий производства, домов и земли, торговли и банков — в руках государства осталась лишь крупная индустрия. Коммунизация развалила и ее. Дефицит ее рос и растет, поэтому в 1923 г. началась ее декоммунизация и денационализация²⁵. В итоге — вся коммунизаторская работа революции также была сведена на нет.

Не лучше обстоит дело и с эксплуатацией. Во-первых, никакая эксплуатация капиталистического строя не может конкурировать с той эксплуатацией «государственного рабства», которая производилась властью в период военного коммунизма, заставляя население фактически работать по 14–16 часов, власть могла давать ему за это лишь 8 рублей в месяц. Людей эксплуатировали так, как не эксплуатирует хороший извозчик свою лошадь.

Поэтому первый период революции был отмечен колоссальным ростом эксплуатации трудовых классов. Переход от него к «новой экономической политике» был облегчением эксплуатации. Но... по сравнению с дореволюционным состоянием эта эксплуатация безмерно возросла. Вместо 8–10 часов работы теперь работают 10–12–14 часов. Вместо старой заработной платы — получают ее треть или четверть или одну десятую. Вместо гигиенических условий — работают в невозможной обстановке. Старое законодательство о защите труда аннулировано, новое — значит лишь на бумаге.

Армии безработных? Сейчас уже (1923 г.) она насчитывает более 1 000 000 человек, буквально обреченных на голод, ибо от государства они ничего не получают, кроме ничтожных грошей, а при общем развале промышленности найти работу не могут.

²⁵ Развал этой крупной индустрии, «ее огромная задолженность, превысившая за 5 месяцев 1923 г. 85 млн золотых рублей, постоянное уменьшение производственной программы, отсутствие перспективы по возрождению и восстановлению нашей крупной промышленности... заставляют нас в интересах страны перейти к денационализации ряда промышленных предприятий первостепенного значения», — таков, по словам председателя Высшего Совета Народного Хозяйства народного комиссара Рыкова, сказанным им в июне 1923 г., итог коммунизации. Последняя цитадель коммунизма, таким образом, разрушается самими же коммунистами (цит. по: Дни. № 205).

Итог — ясен. Предоставляю рыцарям революции воспевать ей дифирамбы. Я лично не вижу никаких оснований для этого.

Какую картину в этом отношении дают другие революции? Быть может, не столь ужасную, как русская, но однородную с ней. *Ни одна из них не может похвастаться тем, что улучшила и повысила производительность страны, повысила уровень жизни трудовых классов, прочно укрепила имущественное равенство, уменьшила эксплуатацию, покончила с безработицей и институтом частной собственности.*

Венгерская и Германская революции 1918? О влиянии первой нам красноречиво рассказывает один из ее вождей, профессор Е. Варга, бывший президентом Венгерского Высшего Совета Народного Хозяйства²⁶. Картина — та же, что и в русской революции, только более мягкая, ибо опыт коммунистической революции здесь был скоро ликвидирован. Германская революция была «мелкобуржуазной» и неглубокой, поэтому ее разрушительные эффекты были небольшими; кроме того, они во многом объясняются условиями Версальского мира.

Роль *Парижской революции 1870–1871 гг.* — известна. Она еще более ухудшила и без того скверное экономическое положение парижского населения и Франции. Голод, болезни, вымирание — прекращение всякой промышленной и торговой деятельности... безработица — таковы ее результаты²⁷.

Роль *революции 1848 г.* была однородной. Попытавшись вначале помочь рабочим путем организации Национальных мастерских, — она не справилась со своей задачей. Другими своими мерами она еще более дезорганизовала народное хозяйство, усилила нужду, безработицу и эксплуатацию²⁸.

Не иначе обстояло дело и в *Германской революции 1848 г.* В Берлине «улицы поросли травой, дома обезлюдели, лавки полны товаров, но

²⁶ См.: Varga E. Die wirtschaftspolitischen Probleme der proletarischen Diktature. Wien, 1921.

²⁷ См.: Грегуар Л. Цит. соч. Т. IV. С. 307–308, 317, 409–410.

²⁸ «Революция уничтожила кредит. Расходы внезапно увеличились. Доходы должны были уменьшиться». «Деньги, — писал Гарнье-Пажес, — исчезают из казначейства, как вода из открытой шлюзы. Через неделю нам грозит банкротство... «На бирже 5-процентные бумаги продавались 23 февраля по 116 франков 10 сантимов, 7 марта курс их снизился до 89 франков, а вскоре он пал до 55 франков». Устанавливается принудительный курс и вводятся новые налоги в 45 сантимов. «Народ терпел недостаток в хлебе; не существовало ни креди-

нет покупателей. Трудолюбивые граждане не находят работы, не имеют заработка, ремесленник впадает в нищету».

В итоге ее разве одни крестьяне ничего не потеряли, а скорее кое-что приобрели. «Рабочие же были обмануты во всех своих ожиданиях. Скудная милостыня в виде государственных и общественных работ не могла, конечно, улучшить материальное положение рабочих масс» и т. д.²⁹

При пролетарской ли или при буржуазной революции — все равно — революция бьет прежде всего и сильнее всего самый революционный рабочий класс.

«Революция 1830 г. усилила торговый кризис. Дела совсем приостановились. Рабочие были без работы»³⁰.

О влиянии *Французской революции 1789 г.* — не приходится и говорить. Оно известно и очень сходно с влиянием русской революции. Общее обеднение (менее затронувшее крестьян), кризис промышленный, финансовый и торговый, обесценивание денег, безработица, голод, вымирание, с 1793 г. рост имущественной дифференциации, разлив собственнической стихии, опять голод и т. д. — все это известно и бесспорно. Причем и здесь «рабочие и ремесленники — главная жертва революции: ремесленник потерял работу, у него отняли все права: союза, стачек и голосования.

та, ни торговли, ни промышленности». Росла безработица (*Грегуар Л.* Цит. соч. Т. III. С. 25–29). Влияние революционного 1848 г. на производство видно из следующих цифр:

	1847	1848	1849	1850
Сбор хлеба (в млн гектолитров)	97,6	88	91	88
Нефтяная промышленность (млн тонн)	5153	4000	4049	4434
Производство чугуна	592	472	414	406
Производство железа и стали	390	283	252	257
Производство сахара (млн квинталей ^{10*})	523,7	481,0	500,7	597,6
Производство хлопка и льна (тыс. кг)	47191	44759	63903	59272
Объем внешней торговли (млн франков)	2339	1644	2291	2555

«Никогда с начала XIX века Франция не проходила через ряд годов, более беспокойных и менее благоприятных для развития промышленности, чем 1848–1851» (*Levasseur E.* Histoire des classes ouvrières. 1904. Vol. II. P. 454–464; livre V).

²⁹ Блос В. Цит. соч. С. 326, 403–404, 280–281.

³⁰ *Levasseur E.* Histoire des classes ouvrières. Vol. II. P. 5.

«Все было в корне разрушено, — пишет сам Ларевельер, — от разбитых дорог до погасших очагов, от странноприимных домов до раздвоенных умов, от пустой казны до развращенных сердец»³¹.

«Ein trostloses Chaos in den Finanzen, dazu einem kostspieligen Krieg, traurige Agrarverhältnisse, Handekrisen, Lebensmittelnot, Teuerung, und das Land noch rauchend von Blute der Erschlagenen»^{11*}, — такова картина³². 100 бумажных ливров с 1789 г. до 1796 гг. упали до 3,7, после чего были выпущены мандаты, которые покатались вниз с той же быстротой³³. Причем и здесь «через конфискацию имуществ духовенства и аристократии революционное законодательство стремилось к социальному нивелированию. Оно не было достигнуто ни в малейшей степени. Произошла только перегруппировка (Unschichtung). Очень быстро возникли новые громадные состояния»³⁴.

Если позже Франция поправились экономически, то в сильной степени благодаря военному грабежу всей Европы и других стран.

Картину того же рода дает Англия в период революции. Гражданская война и рост армии пожирала доходы страны, расстраивали промышленность, торговлю, финансы, усиливали нужду и голод. Финансы республиканской власти находятся в плачевном состоянии. Расходы в 1651 г. возросли до 2 750 000 фунтов стерлингов, т. е. в три раза превзошли бюджет Карла I в 1635 г. Доходы — резко сократились. Отсюда — постоянный громадный дефицит. А потому: рост налогов, конфискация имуществ и богатств, акцизы, вплоть до продажи картин и даже соборов для пополнения казны. В связи с этим — расстройство народного хозяйства, общее обеднение, голод (1649 и др. гг.) и нужда³⁵.

Итоги революции: «Интересы демоса не были приняты английской революцией в расчет; религиозно-политический переворот содействовал лишь упрочению положения земельных собственников»³⁶. «Положение

³¹ Мадлен Л. Цит. соч. Т. II. С. 164–165, 219. См.: *Levasseur E. Histoire des classes ouvrières*. Vol. I, livre I и p. 288–290; *Тарле Е. В.* Рабочий класс во Франции в эпоху революции. СПб., 1909. Т. I–II, а также работы И. Тэна, Ж. Мишле, А. де Токвиля и других авторов.

³² *Hake F. von. Zusammenbruch und Aufstieg des Französischen Wirtschaftsleben 1789–1799*. München. 1923, S. 78.

³³ *Ibid.* S. 248–249; там же см. диаграммы.

³⁴ *Ibid.* S. 246.

³⁵ *Гизо Ф.* Цит. соч. Т. I. С. XIII.

³⁶ *Ковалевский М. М.* От прямого народовластия к представительному. Т. II. С. 393.

беднейших классов до конца XVII столетия было постоянно плачевным». «В 1696 г. бедные и нищие составляли четверть всего населения»³⁷.

Ту же картину дает *Французская революция конца XIV – начала XV века*. Общее разрушение... голод... смерть... и т. д. вплоть до знакомого: «les metiers de Paris perdirent d'un seul coup leurs privilèges les plus chers, leurs droits les plus anciens et leurs chefs les plus écautes»^{38/12*}.

В итоге *Гуситской революции* «победители-чехи не приобрели никаких важных результатов для своей национальной и общественной жизни»³⁹.

Уже к 1485–1486 гг. «нищета стала ужасной. Былое благосостояние совершенно исчезло. Иностранцы купцы не осмеливались больше проникать в страну, ставшую добычей диких страстей. Ряд городов – в развалинах. Копи – покинуты. Прага управляла теперь нищими и обезлюдевшими городами. В деревнях нищета была еще ужаснее. Исчезла всякая безопасность. Друзья и враги, немцы и чехи, утраквисты и табориты сжигали деревни, уничтожали посевы, требовали налогов. Когда крестьянин отдавал последнее су одним, приходили новые солдаты, обвинявшие его в мире с неприятелем, и приходилось снова подкупать их, снова давать деньги – иначе смерть... Видные страдали всего более». В итоге крестьяне покидали руины деревень, бежали в леса, в города, но и здесь гибли, ибо не могли найти ни работы, ни пропитания.

В начале революции провозгласили имущественное уравнение, в Таборе уничтожили частную собственность. «Результатом обобществления благ стали: индифферентизм, леность, а вскоре – нищета и бедность». Очень скоро поэтому начинается возврат к собственности: первый шаг состоял в том, что «решили лишь ограничить собственность, а не уничтожать ее» (гуситский «нэп»). За ним последовал второй и третий, и кончилось дело «простым перемещением конфискованных богатств», причем «только знать и богачи воспользовались им. Из несметной массы богатств, грубо брошенных в обращение, лишь ничтожная часть попала в руки крестьян и рабочих», да и эта часть позже ушла из их рук. Кончилось все это полным восстановлением частной собственности, колоссальным ростом имущественного и всякого

³⁷ Бернштейн Э. Коммунистические и демократо-социалистические течения в Английской революции XVII в. // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907. Т. II. С. 239–241.

³⁸ Levasseur E. Histoire des classes ouvrières. Vol. I. P. 518.

³⁹ Вебер Г. Цит. соч. Т. 8. С. 273.

прочего неравенства, обеднением и закрепощением крестьянства феодалами и новой знатью⁴⁰.

В Риме, «когда разразилась революция — положение финансов значительно ухудшилось». «Страшный взрыв революционных восстаний подорвал финансы». Наступило колоссальное обеднение. В 105 г. «во всем гражданстве едва наберется 2000 зажиточных семейств». «Положение свободных пролетариев было немного более сносным, чем положение невольников». Крестьянство разоряется. Свободное мелкое земледелие падает. Колоссально увеличивается количество рабов, в число которых «массами попадают свободные провинциальные жители»⁴¹. И все это — несмотря на безграничный грабеж покоренных стран и эксплуатацию провинций⁴². Вместе с тем все это ничуть не помешало громадному росту имущественной дифференциации, превратившей Рим, ко времени Цезаря, в «республику миллионеров и нищих»⁴³.

Я уже цитировал Ипувера и Онху, описывающих катастрофическое обнищание, вымирание, голод и развал всего хозяйства Египта в эпоху революции.

Таким образом, и здесь «история повторяется». Основные результаты революций разных времен и народов одни и те же.

Факторы их ясны и кратко указаны в начале параграфа. Ими служат:

1) Отвлечение сил и людей от производительной работы и борьбы с природой на борьбу друг с другом.

2) Колоссальная разрушительная работа, неразрывно связанная с революционной борьбой: города и села, нивы и фабрики, здания и жилища, средства и орудия производства — весь основной капитал общества беспощадно разрушается в пылу гражданской войны.

3) Огромные траты на армию, бюрократию и войны.

4) Отсутствие всякой безопасности и уверенности в прочности обладания своим имуществом и результатами труда, убивающее всякий стимул к усиленной производительной работе.

5) Угасание рефлексов труда и рост лености, вызываемые революцией.

6) Грабежи, беспредельные конфискации, реквизиции, национализации и уравнительная политика революции опять-таки неизбежно ведут к уничтожению стимулов усиленного труда и накопления.

⁴⁰ Denis E. Op. cit. P. 263, 240, 284–285, 288.

⁴¹ Моммзен Т. Цит. соч. Т. II. С. 134–137, 223.

⁴² Там же. С. 387, 388–393.

⁴³ Там же. Т. III. С. 453–459, 461. Т. II. С. 404–409.

7) Когда же они приводят к фактическому уничтожению частной собственности, к универсальной коммунизации средств производства и предметов потребления, к широкому проведению принципа имущественного равенства, — как это было в русской и венгерской революциях этих лет, в гуситской и маздакистской, — тогда падение производительности труда в стране принимает прямо катастрофический характер. Такая социализация и подобного рода уравнивание, в конечном счете, представляют собой систему привилегий за леность и премий за бесталанность, с одной стороны, и систему штрафов за энергичный труд и наказаний за предприимчивость, с другой. Раз все получают одинаковую долю благ, то ленивый, имея гарантию на получение своей доли, становится еще более ленивым; трудолюбивые и предприимчивые, лишённые возможности извлечь хоть какую-то выгоду из своего труда и инициативы, неизбежно перестают тратить лишнюю энергию и работать в пользу лентяев. Происходит уравнивание всей страны под труд последнего лентяя. Производство падает, приходит нищета. Стараясь уничтожить минусы частнособственнического уклада, революция в таких случаях похожа на того хозяина, который вместе с яйцами убивает и курицу, несущую их.

Это мы и видели в русской и венгерской революциях.

Как только у крестьян стали отнимать все, кроме прожиточного минимума, они сократили свои запашки до размеров этого минимума. Как только уравнивали заработную плату всех рабочих (разница между высшей и низшей ставкой была равна отношению 175 к 100), трудолюбивые и энергичные рабочие перестали работать и стали бездельничать. «Какой смысл работать зря». И наоборот, как только с 1921 г. этот принцип равенства был уничтожен, введены были премии за продуктивность и почтучная оплата — продуктивность труда на оставшихся предприятиях сразу поднялась.

Конечно, если бы люди были ангелами и так же горячо работали бы во имя «категорического императива», как и во имя личных интересов, такого результата могло бы не получиться. Но мы видели: люди очень далеки от ангелов; лишённые личных стимулов, они перестают работать. Так было во всех революциях (гуситской, в Национальных мастерских, в Парижской Коммуне и т. д.), пытавшихся установить радикальное экономическое равенство и произвести социализацию. В меньшей мере то же явление происходило во всех революциях, ибо эта тенденция «этатизации» и «уравнивания» в той или иной мере свойственна им всем.

8) К тому же обеднению рост «этатизации» при революциях ведет и иными путями. Во-первых, благодаря замене принципа конкуренции принципом государственной монополии, во-вторых, благодаря замене инициативного предпринимателя, подгоняемого стимулами выгоды и риска, чиновником государства, бюрократом, лишенным этих стимулов (ибо его жалование фиксировано) и далеко не всегда подготовленным, а тем более имеющим таланты для ведения подобных дел. «Казенное» отношение чиновника заменяет энергичнейшую деятельность предпринимателя, лавры мертвой монополии — стимулирующую конкуренцию, бюрократизм — талантливость, случайное назначение на данный пост — природное призвание, формализм, с бесконечным числом официальных «входящих» и «исходящих» «доношений», «отношений», «разрешений», «инстанций», «совещаний», «комиссий, подкомиссий и секций» — быструю, решающую волю индивида.

Нужно ли доказывать, что такая замена, за очень небольшими исключениями, неизбежно влечет за собой падение производства, рутину, застой, китайщину, ухудшает производство, удорожает его и ведет к обеднению страны⁴⁴.

⁴⁴ «Регламентация вызывает новые регламентации: создание новых должностей распорядительных агентов, большое развитие чиновничества и увеличение сословия должностных лиц. Инициатива подавляется. Регламентация доходит до мелочей, бюрократизм — до геркулесовых столпов», — правильно говорит Г.Лебон (Психология социализма. СПб., 1908. С. 222).

В итоге — сплошь и рядом бумаги исписывается на бóльшую цену, чем стоит сама вещь.

«Один администратор управляет, три администратора ищут лучших методов управления, пять администраторов спорят о противоположных программах, семь — болтают. Совет администраторов — это собрание в одном месте людей, из которых одни приходят часом позже других, и обязаны уйти на час раньше последних. Они обычно встречаются лишь на лестнице. Есть, правда, среди них члены, приходящие и уходящие аккуратно, но это те, которые лучше бы сделали, если бы не являлись совсем» (*De Leener. La primauté de l'individu // Revue de l'Institut de Sociologie. 1922. P. 429.*) [См. также: *Kahn O. H. Reflexions of a financier. 1922.*]

Все эти минусы этатизма блестяще подтвердились на фактах русской революции. Какие предприятия здесь были всего более убыточными? — Этатизированные. Где всего хуже шла работа? — На них. Где был безграничный бюрократизм? — Здесь же. Чтобы получить фунт гвоздей, надо было потратить вре-

9) Во время революции все эти минусы этатизма усиливаются в десятки раз, благодаря неудачному подбору и абсолютной неподготовленности «новоиспеченных руководителей» (см. выше), сплошь и рядом не имеющих ни малейшего представления о своей деятельности.

10) Наконец, к тому же результату этатизм ведет и в силу огромной армии самого чиновничества. В России, как мы видели, процент его достиг почти трети всего населения, в Австрии в 1918–1919 гг. — 1/6 населения. Причем на одного администратора приходится столько же, а то и вдвое больше «контролеров» и «наблюдателей». Такая орава чиновников представляет собой огромный балласт бесполезных трутней, проедающих то, что добывается другими слоями населения.

Этих причин более чем достаточно, чтобы понять, почему революция, и особенно социальная, ведет к нищете и голоду. Они же показывают, особенно после русско-венгерского опыта, что гипертрофированный этатизм и насильственно-радикальное экономическое уравнивание хороши на бумаге и... очень нехороши на деле, по крайней мере, пока люди не станут ангелами.

Не мешает об этом серьезно подумать социалистам, коммунистам и другим ревнителям гипертрофированного этатизма. Этот рецепт врачевания социальных болезней совсем не то, за что его выдают. Так, по крайней мере, говорит русский опыт и десятки других, бывших раньше в истории человечества. Впрочем, я не имею ни малейшего желания убеждать «неверующих», находящихся под давлением своих страстей. Кто не верит — пусть проделает опыт универсальной этатизации: тогда наверняка поверит, но, быть может, будет уже поздно.

[Сказанное объясняет также, почему мне неловко становится, когда я слышу мнения многих, усматривающих в революции лучшее средство борьбы с нищетой, неравенством, эксплуатацией и другими социальными бедствиями. *Такой рецепт столь же разумен, как совет тушить пожар керосином.*]

мни на получение разрешения от десятка органов, бумаги на переписку, износить подошвы в 10–20–50–100 раз больше, чем стоят гвозди. Человек, не выдавший всего этого лично, — не в состоянии представить ужаснейшей картины этого бюрократизма, бесталанности и проволочек, которую мы видели в России. Мудрено ли, что все это заставило самих коммунистов покончить со всей этой нелепейшей из нелепых систем.

См. ряд фактов в книге: *Маслов П.* Мировая социальная проблема. Чита, 1921.

§ 3. Изменения в духовной жизни общества

I

Общие изменения в психологии революционного общества были очерчены выше. Опишем теперь, какие трансформации испытывает прежде всего та система, которая может быть названа «просветительно-образовательной» системой общества, или системой воспитания приспособительных условных рефлексов.

Школы, книги, лекции, лаборатории, газеты, журналы и т. д. — это социальные институты, выполняющие *функции накопления, распространения и углубления человеческого опыта*. С их помощью опыт одних поколений передается другим поколениям, знания одних людей приобретаются другими. Через эту систему циркулируют знания, идеи и верования в агрегате.

Как обстоит с ними дело во время революции? Какое влияние она оказывает на всю эту просветительно-образовательную систему?

Влияние революции в этом отношении, во-первых, состоит в том, что революция играет *роль реактива, помогающего отличить «псевдознания» и «псевдоопыт» от подлинного знания и опыта*.

Умственный багаж как отдельного человека, так и всего общества состоит не только и не столько из подлинных «знаний», соответствующих действительности, логически правильных и подтвержденных опытом. Под именем «знаний» и «научных положений» часто выступают теории, суждения, мнения и верования — ложные, не соответствующие действительности, не основанные на опыте, — но принимаемые за «истину» как отдельным человеком, так и большими группами людей. До первого сурового «экзамена» действительности они могут существовать и приниматься за непреложные истины. Такова, например, большая часть политических и социальных идеологий, рисующих новый совершенный строй общества и указывающих «несомненные» средства его осуществления. Столкнувшись с действительностью, они сплошь и рядом экзамена не выдерживают: революция, пытаясь реализовать их и приводя к результатам, противоположным предполагавшимся, — показывает экспериментально их ложность, утопизм, метафизический и псевдоопытный характер. Их ложность становится ясной, научность — развенчанной, из «знаний» они переходят в разряд «псевдознания». Наряду с этим, многие положения, считавшиеся раньше «суевериями», благодаря тому же *experimentum crucis*^{13*} революции, неожиданно оказываются оправданными и верными.

Нет надобности говорить о том, что *эта «селекционно-экзаменаторская» роль революции может быть только приветствуема*. Благодаря ей именно в революционные эпохи начинается усиленная «переоценка всех ценностей», происходят огромные сдвиги в области идеологии и мировоззрения, катастрофическое крушение теорий, бывших популярными, и оживление других, считавшихся «суевериями». Во-вторых, *сама революция, представляя собой колоссальную и прямую, а не косвенно-книжную «школу жизни», убедительно учит многому и в ряде отношений ведет к обогащению и углублению опыта*. Этим объясняется ряд открытий и новых изобретений, совершаемых иногда в периоды и под влиянием революции.

К сожалению, однако, оба эти влияния революции аннулируются множеством неблагоприятных условий, в итоге не только поглощающих указанные «плюсы», но и *наносящих серьезный ущерб количеству и качеству опыта, которым общество располагало до революции*.

Мы видели, как революция дезорганизует и примитивизирует нервную систему и умственный аппарат членов общества. При таких условиях «новаторская» и «селекционная» роль революции в этой области не дает тех результатов, которые она могла бы дать при наличии здоровой нервной системы и здорового душевного механизма. Вот почему революция от одной идеологической крайности ведет к другой, на место одного «псевдоопыта» ставит новый «псевдоопыт», противоположный первому, вместо одного «суеверия» вызывает другое. Этому же результату содействует *исключительный догматизм, нетерпимость и подавление свободы мысли в периоды революции*. Диктаторствующие революционеры: Робеспьер и Ленин, Кромвель, Ян Жижка и другие — это самые узкие, самые нетерпимые догматики, самые фанатичные «революционные попы» — прямые наследники испанских инквизиторов.

Главный же вред, причиняемый революцией, состоит в том, что *она количественно разрушает и качественно ухудшает образовательно-просветительный аппарат общества, дезорганизует его работу и снижает его продуктивность*.

Принято думать, что революция увеличивает число школ — низших и высших, число институтов, лабораторий, книг, улучшает преподавание, содействует прогрессу науки и т. д. Поскольку дело касается революционного периода и глубоких революций, это утверждение придется признать в корне *неверным*. Нижеследующее покажет это.

Подтвердим кратко каждый из этих тезисов на ряде фактов. Начнем с «селекционной» роли революции.

До русской революции в русском обществе были чрезвычайно популярны идеологии и теории марксизма, социализма, коммунизма, эгалитаризма и революционизма. «Уничтожение частной собственности», «обобществление средств и орудий производства», «диктатура пролетариата», «полное уравнивание имуществ», «классовая борьба», «низвержение царизма, замена его республиканским строем», «уничтожение религии», «вредность национализма и спасительность интернационализма» и т. д. — все это принималось за несомненную истину, за патентованные пути, гарантирующие осуществление идеального строя, всеобщей сытости и счастья, братства, равенства, свободы и земногорая.

Пришла революция. Идеологии начали осуществляться, патентованные рецепты были применены. И что же? — Получилось нечто неожиданное. Наступило ухудшение во всех отношениях: ни сытости, ни равенства, ни свободы, ни братства, ни уничтожения эксплуатации — ничего. Не в теории, а буквально на своих боках, не косвенно, а путем личного опыта население проверило истинность этих идеологий и псевдонаучных построений. Проверило и... трагической ценой убедилось в их ложности. Отсюда — наблюдающееся сейчас в России всеобщее отвращение к идеологиям этого рода, полное дискредитирование их в глазах населения, и наоборот — рост положительной оценки предпринимательства, частной собственности, национализма, религии, даже более положительная оценка старого режима, в котором наряду с отрицательными сторонами видят сейчас немало и положительных⁴⁵.

Этот пример показывает селекционную роль революции в области знаний и опыта. Революционный опыт многое перевернул «вверх дном».

А разве не то же самое наблюдаем мы во Франции после практического осуществления идей коммунизма в 1871 г.? Разве разгром Коммуны не был разгромом идеологии коммунизма для современников этой революции? Разве после революции 1848 г. и в Германии, и во Франции не произошло аналогичных же сдвигов в области социально-политических воззрений, вплоть до республики? Разве 5 434 226 голосов,

⁴⁵ Подробнее см.: *Сорокин П. А. Современное состояние России. Прага, 1923.*

⁴⁶ Причем «замечено было, что наиболее социалистические департаменты доставили наибольшее число голосов принцу Наполеону» (*Грегар Л. Цит. соч. Т. II. С. 168; см. также: Levasseur E. Histoire des classes ouvrières. Vol. II. P. 468.*)

То же самое, кстати говоря, имело место и в нынешней Италии: главными очагами фашизма стали места наибольшего распространения и популярности коммунизма.

полученных Наполеоном III из 7 327 345 при выборах в президенты⁴⁶, и 7 839 000 «да», одобрявших *сюр д'э́та́т*^{47*} при 466 000 «нет», — не есть выражение этого громадного разочарования в идеологиях, еще недавно бывших «святыми»?

Великая французская революция в шесть-семь лет уничтожила все обаяние просветительской философии XVIII в.: Вольтера, Руссо, энциклопедистов с их идеями рационализма, геометризма, эгалитаризма, этатизма, свободы, материализма, республиканства и т. д. Властителями дум стали: католическая церковь, Шатобриан, Ж. де Местр и другие лица, кардинально противоположные философам XVIII в.

Аналогичное было в последние годы Английской революции и в ближайшие годы после нее. Сходное имело место и при других революциях.

Наряду с такой селекционной ролью революция — эта трагическая школа жизни — содействует новаторству и обогащению общества новым опытом в ряде областей бытия.

Исключительность событий выводит из спячки самые ленивые умы и заставляет их «шевелить мозгами», пробуждает интерес, знакомит с массой новых явлений, расширяет умственный кругозор и ведет к «открытиям». Население России за эти годы «на своих боках» ознакомилось со множеством явлений, относящихся к государственной жизни (формы правления, система выборов, конституция, etc), к экономической сфере (производство, собственность, регулирование, денежное обращение, валюты, концессии и т. д.) и другим сторонам бытия. Усвоена масса новых понятий, осознана необходимость образования, появился реализм, некоторая практичность, понятной стала связь судьбы индивида с судьбой всего общества и т. д. В науках, особенно социальных, события произвели огромные изменения. Многие из положений, принимавшихся до сих пор без спора (например, идеи прогресса, рациональной природы человека, законов развития; множество законов политической экономии и т. д.) теперь стали спорными. В связи с этим появились кое-какие новые концепции. Лавуазье, Лагранж, Лаплас, Вольней, Ламарк — вот имена, связанные с эпохой Французской революции. «Все было жизнь и движение, лекции импровизировались и интересовали всех»⁴⁷.

Роберт Бойль, Джон Уоллис, Томас Гоббс, Кристофер Рен, Сет Уорд — вот имена людей, работавших во время Английской революции. Оживление в Оксфорде и Кембридже, новые социальные и религиозные

⁴⁷ Мишле Ж. Цит. соч. С. 125.

концепции, открытия в области естественных наук, если не реализованные, то придуманные во время и под влиянием революционных событий — таковы проявления «новаторской» мысли во время Английской революции⁴⁸.

Но, как сказано, все это, за исключением немногих индивидуальных открытий, аннулируется другими разрушительными влияниями революции.

Дезорганизованная нервная система общества не умеет делать правильные выводы из этой «селекционной работы». Из одной крайности она бросается в другую и дает в итоге также искаженные продукты духовного творчества. Если до революции она обоготворяла одни теории со всеми их недостатками, то теперь отвергает в них и то ценное, что было и есть. Если раньше общество поклонялось гипертрофированному «материализму», «социализму», «коммунизму», «республиканизму» и «революционизму», то теперь оно бросается в противоположную крайность и начинает столь же односторонне и слепо верить «мистицизму», «капитализму», «монархизму», «примитивизму», «консерватизму» и т. д. В русской революции мы видели и видим, с одной стороны, необузданный, невежественный и дикий утопизм коммунистов, зачеркивающих всю науку, весь опыт достижений всех поколений, отвергающих устами многих даже «буржуазную» химию, физику, арифметику и пытающихся создать «пролетарскую» химию, физику и математику; с другой стороны, мы наблюдаем возрождение и известный успех идеологий неограниченной монархии, социального строя XVI—XVII вв. (крайняя группа монархистов), гипертрофированного мистицизма (Лосский, Бердяев, Карсавин, Ильин, Новгородцев, евразийцы), отрицание Запада и западной культуры, экстремизм правого толка, сверхмерное восхваление частной собственности или догматическое повторение трафаретных либерально-бесформенных старых воззрений («Дни», «Последние Новости»). Во всем этом нет «чувства меры», осторожного различения истинного от ложного в каждой концепции. Наряду с коммунистическим — «реакционный утопизм» скрывается и в мелочах: создавая, например, ряд учреждений за границей вроде Русского Университета^{15*}, буквально копируют, до деталей, организацию университетов до 1914 г. и гордятся этим, забывая о колоссальных переменах, произошедших за эти годы, требующих изменений применительно к изменившимся обстоятельствам. Эта «изло-

⁴⁸ Gardiner S. Op. cit. Vol. IV. Ch. XLI.

манность», этот «красный и белый экстремистский утопизм» красной нитью проходит через всю духовную жизнь и творчество русского населения за эти годы.

Мало благоприятствует духовному развитию и *догматизм* революционной эпохи, обнаруживаемый обеими сторонами. «Свобода научного мышления – буржуазный предрассудок, а потому все профессора и преподаватели социальных наук должны согласовывать свои лекции с учением коммунизма и марксизма. Несогласные – лишаются права преподавать и увольняются с занимаемых ими должностей», – так гласил декрет 1921 г., подписанный комиссаром Ротштейном. Он приведен был в исполнение. То же самое было проведено во всех школах, на всех публичных лекциях и митингах; то же самое осуществлено было закрытием всех газет, кроме правительственных, запрещением печатать все книги, несогласные с догмой коммунизма и не одобренные правительственной цензурой. Излишне говорить, какой результат такой догматизм оказывает на мир опыта и знания. Критики (*conditio sine qua non*^{16*} роста знаний) – не существует. Население обречено духовно питаться той невежественной дрянью, которую власть преподносит ему. Упадок мысли, роста и распространения знаний в таких условиях неизбежен. Тот же догматизм наблюдается и в других, например, эмигрантских кругах, но противоположного характера. Здесь все, что не подходит к эмигрантской психологии и идеологии, – также отвергается: но не по существу, а просто потому, что оно в чем-то не сходится с господствующими здесь воззрениями. Догматизму «слева» соответствует догматизм «справа».

Набрасывая эти картины русской революции, я по существу охарактеризовал и другие революции. Тот же экстремизм, отсутствие чувства меры, неумение и нежелание истину отделить от лжи, умственная изломанность, бросание из крайности в крайность, догматизм и отсутствие свободы мысли и критики – явление общее для всех крупных и глубоких революций. Вот почему и здесь, благодаря этим условиям, указанные плюсы революции аннулируются.

При глубоких революциях они аннулируются с избытком *расстройством просветительно-культурной организации агрегата*.

Благодаря борьбе и обнищанию, голоду и нужде, догматизму и нетерпимости школы всех родов начинают закрываться, разваливаться, издание книг и газет (кроме узкореволуционных, менее всего дающих знания и больше всего возбуждающих эмоции и искажающих действительность) сокращается; состав учителей, преподавателей и воспитателей

народа начинает искусственно — и большей частью в худшую сторону — изменяться: хорошие, но неугодные власти лица исключаются, неподготовленные лакеи — включаются; то же самое следует сказать и о самих учащих.

Плохо оплачиваемые учителя начинают вымирать или бежать со своих голодных мест на более сытые; к этому присоединяется отсутствие книг, пособий и других вспомогательных средств обучения.

В таких условиях народное образование и просвещение в конце концов деградируют — и тем сильнее, чем глубже и дольше революция.

Такой вывод заставляет сделать прежде всего русская революция. Наивные, невежественные или недобросовестные лица много писали о громадных заслугах Советской власти в области народного просвещения. Нужно ли говорить, что все это вздор. Нижеследующие официальные данные служат ярким тому подтверждением.

<i>Годы</i>	<i>Расходы на народное образование по Министерству Народного Просвещения</i>	<i>Общий бюджет государства</i>	<i>Увеличение бюджета государства (принимая 1903 г. за 100)</i>	<i>Увеличение расходов по МНП (принимая 1903 г. за 100)</i>
1903	39 353 000 зол.руб.	1 883 000 000	100	100
1904	42 433 000	1 906 000 000	101	107
1905	42 836 000	1 925 000 000	102	108
1906	43 989 000	2 061 000 000	109	112
1907	45 653 000	2 196 000 000	111	116
1908	53 043 000	2 387 800 000	127	139
1909	64 262 000	2 451 400 000	130	163
1910	79 840 000	2 473 100 000	131	203
1911	97 883 000	2 536 000 000	135	249
1912	118 147 000	2 271 800 000	145	300
1913	142 736 000	3 012 000 000	160	363
1914	161 630 000	3 302 000 000 (без военных расходов)	175	410
1916	195 623 000	?	?	499
1917	214 221 000	?	?	544
1918	Не более 50 000 000	?	?	126
1919	Не более 40 000 000	?	?	100

Годы	Расходы на народное образование по Министерству Народного Просвещения	Общий бюджет государства	Увеличение бюджета государства (принимая 1903 г. за 100)	Увеличение расходов по МНП (принимая 1903 г. за 100)
1920	Не более 38 000 000	?	99	100
1923	36 000 000	1 700 000	99	91 ⁴⁹

Если принять во внимание, что до революции на народное образование тратили значительные суммы и другие министерства (в 1914 г. общий расход всех министерств был близок к 280–300 млн золотых руб.⁵⁰), плюс — огромный расход на образование земских и городских учреждений, в 1914 г. близкий к 360 млн руб., то красноречивость таблицы будет еще больше. Из нее ясно, как колоссально упали расходы государства на народное образование — и абсолютно и относительно по отношению ко всему государственному бюджету, — начиная с 1918 г. Детей школьного возраста, обучавшихся в школах было:

в 1906 г.	около 60 %
1914	70 %
1922	38 % ⁵¹

⁴⁹ Статистический ежегодник России. СПб., 1914. XII отд. С. 16–17. Данные за 1916–1920 гг. см.: *Маслов П.* Цит. соч. Данные за 1923 г. взяты из доклада Луначарского (Известия, 26 декабря 1922; число преувеличено).

Приведенные в таблице данные за 1918–1920 гг. получены следующим образом:

Было израсходовано на народное образование

в 1918 г.	3 074 343 000	сов. руб.
1919	17 249 374 000	
1920	114 366 070 000	

Если принять падение покупательной способности рубля

к 1 января	1918 г.	в 28,3 раза
1	1919	230,0
1	1920	3136,0
1	1921	26500,0
1	1922	182753,0 —

то, беря половину каждого из этих коэффициентов к середине года, мы получим цифры, даже меньшие указанных в таблице. Индексы приведены в книге:

Преображенский Е. А. Причины падения курса нашего рубля. М., 1922. С. 36–48.

⁵⁰ См. роспись государственных расходов на 1914 г.

⁵¹ Доклад А. В. Луначарского // Известия. 1922, 26 декабря.

	<i>Число начальных школ</i>	<i>Число учеников</i>
1912	101 547	6 697 385
1922	55 000	4 750 000 ⁵²

Из этих цифр, где данные 1922 г. преувеличены, всякий читатель может видеть «просветительную» роль революции.

И начальная, и средняя, и высшая школы на 70 % разрушены за годы революции... Вместо «ликвидации безграмотности» получилась «ликвидация грамотности». Весь шум, поднятый большевиками, был сплошной недобросовестной рекламой. Здания школ разрушены. Нет учебников, бумаги и перьев. Учителя, не получая ничего, частью вымерли, частью – превратились в батраков, даже в проституток (учительницы), часть счастливых перешла на другую службу⁵³.

Из высших школ были выброшены, расстреляны и высланы лучшие профессора и студенты, вместо них были назначены профессорами невежественные коммунисты, а студентами – коммунистическая молодежь⁵⁴.

Не иначе обстояло дело с газетами и книгами. Тираж всех газет РСФСР в 1921–1922 гг. был не больше тиража одного «Русского Слова» до революции. Столь же резко сократилось число издаваемых и особенно покупаемых книг за годы революции, не говоря уже об их качестве⁵⁵. В 1923 г. из общего числа грамотных крестьян не читают никаких газет 89%; через все волисполкомы по всей РСФСР за первое полугодие 1923 г. из 100 млн крестьян подписалось на газеты только 1683 человека⁵⁶.

Словом, с какой бы стороны мы ни подошли к вопросу, получаем один и тот же вывод: разрушение, разрушение и разрушение. Революция в этом отношении (как и в других) отбросила Россию лет на 50–60 назад.

⁵² Статистический ежегодник за 1913 г. С. 112–113; Известия. № 293.

⁵³ См. указ. доклад Луначарского, рисующий ужасную картину существования школы и учителей.

⁵⁴ Подробности см.: *Сорокин П. А.* Современное состояние России. Прага, 1923.

Критерием при приеме в учебные заведения в 1922–1923 гг. становится не уровень знаний и способностей, а коммунистическая благонадежность. Для всех некоммунистов в 1922–1923 гг. двери школы были официально закрыты. Трудно признать такую «селекцию» разумной.

⁵⁵ См.: На чужой стороне. Берлин, 1923. Сб. 1 (статья В. Розенберга).

⁵⁶ Дни. № 250. [См. «Примечания и дополнения». С. 416.]

В какой мере разрушительная роль русской революции типична для других революций? Я думаю, что другие глубокие революции отличаются лишь величиной разрушения, а не качеством.

Подобно русской, *Великая французская революция* была также богата пышными обещаниями и прекрасными пожеланиями в области народного образования. Но рассуждения и декреты не суть еще акты. При Первой республике вследствие отсутствия средств было закрыто больше школ, чем открыто новых. В начале Консулата^{17*} большинство Генеральных Советов и префектов констатировали, что народное образование чрезвычайно пострадало и находится в самом безотрадном состоянии. В официальном отчете 1793 г. читаем: «Le mal est a son comble. Les colleges sont déserts. La jeunesse languit depuis quatre ans dans l'oisivité»^{18*}. В официальном докладе Грегуар говорит: «Все разрушено. Осталось только 20 агонизирующих колледжей. Из 800 дистриктов лишь 67 имеют начальные школы»⁵⁷. Из этих штрихов ясна разрушительная роль Великой французской революции в деле народного просвещения. Рассматривая число школ, число учащихся, число грамотных рекрутов, число лиц, получивших звание baccalauréat és-lettres, bacc és sciences, licencie et doctorat en droit и en medicine^{19*}, мы видим, как в 1848–1850 и 1869–1871 гг. это число падает или рост их замедляется⁵⁸. Эти данные говорят о том, что не иной была и роль революций 1848–1850 и 1870–1871 гг.

Я боюсь утверждать определенно, что таков же был эффект Английской революции, ибо в моем распоряжении нет цифровых данных ни pro, ни contra, но полагаю, что допущение дезорганизующего влияния ее на просвещение широких масс в той или иной мере не будет противоречить истине.

Едва ли нужно говорить о громадной дезорганизующей роли революционных периодов, подобных длинным и кровавым смутам России XVII в., Франции XIV–XV вв. и др.

В римский революционный период и под его влиянием «творческая Италия, не дойдя до высших ступеней оригинального творчества, начала упадать и никнуть». «Творчество иссякло в области точных наук». «Везде живет рутинка». Приходит волна мистицизма, начинается рост суеверий, оживление восточных идеологий и культов (Иеговы, Митры, Изиды и т. д.), возрождение жречества. Сама система народного образо-

⁵⁷ *Levasseur E.* La population française. Vol. II. P. 480; *Levasseur E.* Histoire des classes ouvrières. 1904. Vol. I. P. 76, 93, 100.

⁵⁸ Цифры и диаграммы см.: *Levasseur E.* La population française. Vol. II. P. 484, 503, 508.

вания изменяется. Место действительных знаний заменяется стремлением изящно говорить, знать цитаты, поэзию и т. п. внешние атрибуты просвещения⁵⁹. Пример русской революции заставляет полагать, что не могло быть иначе и во всех других кровавых революциях, если учитывать умственное состояние не отдельных единиц, а широких народных масс.

Конечно, в революции массы могли воспринимать отдельные новые лозунги и понятия (*Filioque*^{20*}, догмы протестантизма или индепенентов, революционные понятия и т. д.), но... едва ли последние могут быть названы подлинным знанием, едва ли они во всей их сложности воспринимались массами, и, наконец, едва ли эти голые лозунги могут составлять значительную часть опытного умственного багажа людей.

Вместе с тем, нужно указать и на то, что в прошлом, когда общества не имели столь сложной культурно-просветительной системы школ, институтов, лабораторий, книг, журналов, лекций и т. д., какую имеют современные общества, дезорганизующая роль революции могла быть гораздо меньшей. Чем проще какой-либо институт, тем легче он сохраняется при всех социальных конвульсиях. Там нечего было разрушать революции. В наши времена — картина иная. Сложная культурно-образовательная система современного общества требует заботливости, соизмерения ее частей, изменения планомерного, а не мгновенного. Иначе, расстроенная в одной части, подобно сложной машине, она начинает расстраиваться и в других. Революция не знает этой постепенности и осторожности. Она ломает сразу и решительно. Мудрено ли поэтому, что в итоге исчезают не только дефекты этой системы, но разрушается и она сама. Вот почему глубокая революция, вместо просвещения народа, ведет к усилению его невежества, приостанавливает рост образования, задерживает и тормозит подлинно научное творчество, рост и расширение богатства подлинного человеческого опыта. Ее плюсы, увы, поглощаются целиком минусами. России, в которой до войны и революции образование и духовное творчество стало развиваться громадными темпами, где в 1910–1917 гг. всеобщая грамотность была на 3/4 осуществлена, теперь придется ждать много лет, прежде чем она сможет вернуться к довоенному и дореволюционному состоянию.

⁵⁹ *Ростовцев М. И.* Рождение Римской империи. С. 101–102, 109; *Ростовцев М. И.* Закат античной цивилизации // *Русская мысль*. 1922. Кн. VI–VII, VIII–IX; *Моммзен Т.* Цит. соч. Т. I. С. 860–865. Т. II. С. 419. Т. III (гл. о религии и духовном состоянии).

II

Перейдем теперь к характеристике изменений, относящихся к содержанию идеологий и настроений общества в период революции.

Если верно положение: «желание — отец мысли», т. е. основные импульсы человека обуславливают характер его идеологии и убеждений (речевых и субвокальных рефлексов), то легко предвидеть направление тех сдвигов в идеологии, которые происходят в первый и второй периоды революций.

Оно состоит в том, что в *первый период революции обществом овладевают те идеологии и настроения, которые поносят и бичуют условия (лица, институты, учреждения), ущемляющие инстинкты общества, в той или иной форме одобряют и стимулируют освобождение от них и всех тех явлений, которые с этими условиями связаны.* Если у массы ущемлены бедностью и голодом инстинкты собственности и пищевые инстинкты, — то успехом пользуются те идеологии, которые порицают собственность и богатство и стимулируют их захват и дележ. Если ущемлены инстинкты свободы (деспотизмом) или индивидуальной безопасности (казнями, войной и т. д.), то популярными становятся идеологии и настроения, бичующие эти ущемляющие условия и стимулирующие их уничтожение. При этом бичеванию подвергаются не только непосредственно ущемляющие условия, но и те, которые с ними, хотя бы косвенно, связаны. Если, например, инстинкты общества ущемлены войной или правительством, то все лица и учреждения, имеющие к ним касательство и находящиеся в хороших отношениях с ними, также вызывают ненависть масс; все идеологии, порицающие их, тоже становятся популярными. Здесь в большом масштабе происходит то, что в масштабе мелком совершается ежедневно: «друг моего друга — мой друг», «враги наших врагов — наши друзья».

Такова общая черта этих сдвигов. В какой конкретной форме выступают такого рода идеологии, — это зависит от множества конкретных условий времени и места. В одном случае такие «освобождающие» идеологии могут выступить в форме проповеди «чистого слова Божия» и будут порицать ущемляющие условия на основании Евангелия, в другом — на основании Корана, в третьем — путем ссылок на «Капитал» и «Коммунистический манифест» Маркса, в четвертом — на основании слов Вольтера, Руссо, Толстого. Но все это — деталь, своего рода «соус», под которым преподносятся массы теории, бичующие ущемление и призывающие их к низвержению ущемляющих лиц, институтов и условий. Они лихорадочно распространяются не благодаря их логике, основательности и истинности суждений, а благодаря бичеванию

«ущемления» и стимулированию соответствующих поступков. Будь та или иная теория архинелепейшей с научной точки зрения, но если она удовлетворяет указанному условию, она будет принята как высшее слово истины. И наоборот, самое научное и обоснованное мнение не приобретет популярности, если оно противоречит инстинктам масс.

Такого рода «нелогичность» человека мы видим ежедневно; в массовом масштабе видели ее во время войны и послевоенные годы во всех воюющих странах, особенно отчетливо видим ее в периоды революций.

Сказанное объясняет, почему перед гуситской и многими средневековыми революциями быстро прививались учения Танхельма, Петра Брюнсенского, Генриха Лозанского, Арнольда Брешианского, Лионских бедняков, катаров, патаренов, Уиклифа и лоллардов, Джона Болла, Яна Гуса, Мюнцера, милленариев^{21*} и других реформаторов, порицавших католическую церковь, ущемлявшую инстинкты масс, ее богатства, ее распутство, призывавших к неплатежу десятины, к отобранию богатств церкви или к возвращению ее к «евангельской бедности», к уничтожению привилегий феодалов и знати, к освобождению от тяжелых повинностей (например, «Видение Петра Пахаря») и т. д. Сказанное объясняет, почему перед Английской революцией и при ее начале колоссальный успех имели памфлеты Прейна, Бортона, Бествика, Лильберна, идеологии левеллеров и индепендентов, бичевавшие ущемлявшие условия того времени (Епископальную церковь, Звездную палату, короля и т. д.); почему со второй половины XVIII в. «просветительская философия» с ее освободительными идеями энциклопедистов, Руссо, Вольтера и других заражает французское общество; почему кровавожадные статьи Марата, «ядренные» писания отца Дюшена^{22*} и др. имели небывалую популярность в первый период революции; почему социалистически-коммунистические идеологии Р. Оуэна, Сен-Симона и сен-симонистов, Кабэ, Леру, Прудона, Лассалья, Маркса и т. д. — широкой волной разливались перед и в первый период революций XIX века. В разных формах и под разными «соусами» они бичевали то, что ущемляло революционные массы, и призывали к тому, на что их толкали ущемленные инстинкты. «Соусы» — разные, но указанная суть их одна и та же.

Так обстоит дело перед революцией и в ее начале.

Во второй ее половине дело значительно меняется, причем характер изменения зависит от того, прервано или не прервано было развитие и углубление революции, успела ли она развиться до своих естественных глубин и испепелить себя самое или нет.

В главе о причинах революции мы увидим, что все глубокие революции, осуществляя «рецепты опасения», даваемые этими «освободительными» идеологиями, приводят *не к уменьшению ущемления инстинктов, а к его усилению*. Массы попадают «из огня да в полымя». То, от чего они ждали улучшения жизни, дает им ухудшение, от чего ждали сытости — дает голод, от чего ждали свободы — дает неограниченный деспотизм. Отсюда — *естественный и неизбежный поворот в идеологии и убеждениях масс в силу того же положения: «желание (инстинкт) — отец мысли»*. Как «ущемляющие условия» старого режима вели к небывалому росту успеха идеологий революционных, бичевавших эти явления, так теперь еще более «ущемляющие условия» революции ведут к небывалому успеху идеологий и настроений «контрреволюционных», поворачивают общественное сознание на 180° и заставляют «поклониться тому, что сжигали, и сжигать то, чему поклонялись»^{23*}. Отсюда, — *при завершенных революциях, — падение успеха идеологий первого периода революции («с' est la faute de Rousseau, с' est la faute de Voltaire!»^{24*}), рост отрицательного отношения к ним и наряду с этим — колоссальный успех идеологий, бичующих ущемляющие условия революции и призывающие к их уничтожению*.

Такова эта «человеческая комедия» в двух актах, разыгрывающаяся при каждой завершенной революции. Такова «логичность» человеческого поведения и прочность «святых убеждений».

Если революция не завершилась и была прервана, если осуществление лозунгов революционных идеологий не успело вызвать колоссального ущемления и выявить на опыте свое банкротство — такого сдвига может и не быть или он будет более мягким, частичным и незаметным. В этот второй период отрицательные оценки в силу связи распространяются («радируют») с одиозных революционных явлений на другие, с ними связанные, хотя бы сами по себе они и не были одиозными; и наоборот...

Такова основная закономерность колебания идеологий и настроений в периоды революций и ее ближайшие причины. Она объясняет и включает в себя все главнейшие черты этих сдвигов, является своего рода алгебраической формулой, в которой изменения религиозных воззрений, политических симпатий и антипатий, социально-правовых убеждений, моральных и других оценок, эстетических вкусов и других форм речевых и субвокальных рефлексов данного времени и места представляют собой простые арифметические величины.

Сама революция в предреволюционный и в первый ее период расценивается массами как благо; во второй ее период она начинает расцениваться как зло или, в лучшем случае — перестает вызывать какие бы то

ни было восторги масс, кроме небольшого числа «революционных дел мастеров». В Риме, во время Гуситской революции и других революций Средневековья, Английской, Французской 1789 г., Германской 1848 г., Французской 1871 г., Русской и Венгерской революций последних лет — второй их период был максимально «контрреволюционным». Среди современников революции, испытавших ее «прелести», она теряет всякое обаяние. Недаром И. Тэн правильно замечает, что идеализация Французской революции началась лишь тогда, когда исчезло современное ей поколение. То же самое применимо и к другим революциям.

Если революционные идеологии первого периода пропагандировали идеи примитивно-арифметического эгалитаризма, то во второй период они теряют кредит доверия. Если революция провозглашала уничтожение частной собственности, то во второй период коммунистические идеологии теряют популярность. Если в первый период революции были боготворимы крайние ее партии (табориты, тысячелетники, люди пятой монархии, якобинцы в 1789 г., коммунисты и социалисты в революциях XIX в.), то во второй период они теряют все симпатии масс и становятся для них ненавистными. Если революция в период подъема проповедовала и покровительствовала определенным течениям философской и религиозной мысли (например, материализму, геометризму, культу Разума и т. д.), определенным эстетическим школам, определенного типа произведениям искусства, то во второй период, в силу их тесной связи с революцией, они теряют притягательную силу, дискредитируются и заменяются другими, часто противоположными. Шатобриан и де Местр занимают место Руссо и Вольтера, мистицизм — место материализма, идеологии консерватизма — место идеологий радикальных. «Левиафан» Гоббса приходит на место идеологий, отрицающих государство, аполитичный профессионализм — на место идеологии революционной политики, новые школы — на место революционных и т. д.

Если в предреволюционный и в первый период революции поносились: старый режим, религия и церковь, старые аристократы, старый быт и традиции, то во второй ее период происходит рост симпатий к дореволюционному режиму, подъем религиозности, рост сочувствия ко всему, что беспощадно преследовалось и оскорблялось в первый период.

Отсюда — реставрация старого режима, оживление и возрождение Епископальной церкви в Англии, католической религии во Франции и других явлений, казалось, безвозвратно похороненных революцией. «Мертвецы» неожиданно воскресают более живыми, чем они были до революции.

Такова схематически суть этого сдвига⁶⁰. В деталях он не так прямолинеен; здесь имеются полутени и полутона, но сущность их всех вполне соответствует этой схеме.

«Обществом овладевает реакционное настроение», — такова обычная формулировка этой мысли. Овладевает реакция не в смысле принудительного навязывания кучкой реакционеров, а в смысле изменения общего настроения общества. «Реакция» приходит не потому, что к ней принуждают властители-«реакционеры», а потому и появляются «реакционеры» у власти, что «реакционным» становится население. Эта «реакция» по своей природе означает не нечто абсолютно отрицательное, в отличие от абсолютно-положительной революционности, как часто думают, а неизбежное и часто правильное корректирование ошибок революции приобретенным опытом, целесообразно-приспособительный порыв общества спасти себя самого от той гибели, к которой его привел первый период революции. Она — похмелье после пьяного буйства. Как ни тяжело это похмелье, все же оно менее губительно, чем дальнейшее беспробудное пьянство с убийствами, драками и дикими скандалами. Через похмелье приходят к трезвой жизни, перманентное же пьянство приводит к каторге, сумасшедшему дому или к канаве под забором, а оттуда — в «мертвецкую» истории. Так бывает с отдельными лицами, так происходит и с целыми народами.

Сказанное объясняет всю конкретную картину изменений идеологии и настроений русского общества за эти годы. Очертим их несколько подробнее. На этом примере яснее станут предыдущие общие положения.

До революции и в первый ее период *социалистически-коммунистические идеологии*, главным образом марксизм, были чрезвычайно популярны в русском обществе. К 1921 г. картина резко изменилась. Всякая популярность коммунизма, а в связи с ним и социализма исчезла. Больше того: слова «коммуния» и «социализм» стали ругательными и ненавистными. Имена Маркса и других лидеров социализма-коммунизма сделались одиозными. Многочисленные памятники, воздвигнутые им, стали тайно от власти разрушать или подвергать ряду издевательств⁶¹.

⁶⁰ В интересах краткости я не привожу исторических фактов, подробно рисующих и подтверждающих очерчиваемую картину; читатель легко может проверить эти положения путем изучения отдельных революций с этой точки зрения.

⁶¹ Например, в Одессе измазали весь рот и бороду Маркса пшенной кашей (которой очень долго питали население) и написали: «Ешь сам!»

Коммунистические книги и газеты перестали читаться. Численность членов коммунистической партии с 600 000 человек в 1920 г. снизилась до 372 000 в 1923 г.⁶² Словом, произошло кардинально резкое изменение массовой идеологии. Теперь Россия представляет собой самую антисоциалистическую и антикоммунистическую страну в мире.

Обратной стороной этого явления служит *изменение отношения к институту частной собственности и к фигуре предпринимателя-капиталиста*. В России в частной собственности до революции видели источник всех зол, в предпринимателе-капиталисте — «паразита», «эксплуататора», «буржуя». Теперь картина иная. Частная собственность рассматривается как положительный институт. В ней видят сейчас «альфу и омегу» спасения. «Буржуй» из «паразита» превратился в «организатора народного хозяйства», в человека, выполняющего важные социальные функции. «Без буржуя не проживешь», — так говорит сейчас народ.

Национализм и национальное чувство в России до революции были чрезвычайно слабыми. Быть может, Россия была наименее национально настроенной страной во всем мире. Национализм рассматривали как нечто нехорошее, даже постыдное. Идеологии «интернационализма» и «Интернационала», напротив, пользовались громадной популярностью. В первый период революции популярность последних возросла еще более. С 1920 г. намечился перелом. Теперь все идеологии «интернационализма» и «Интернационала» совершенно дискредитированы. Самые слова эти в России стали ругательными. Все слои общества охватило глубочайшее национальное чувство. «Национализм», «национальные начала и традиции», «национальный принцип» — таковы самые популярные лозунги в данное время в России.

«Интернационалисты», превратив Россию в проходной двор, где все «русское» топталось каблуками интернациональных авантюристов, оскорбляя ежедневно все национальные ценности, разорив Россию, продавая ее оптом и в розницу бывшим друзьям и врагам, доведя ее до гибели, естественно, должны были вызвать и вызвали, в виде спасительной реакции, небывалый рост национальных чувств в русском обществе.

То же самое случилось, как мы видели, и в *области религии*. Былой атеизм и равнодушное отношение к церкви с 1921 г. сменилось небывалым религиозным подъемом. То же следует сказать и об *оценке многих*

⁶² См.: Итоги партийной работы (Издание Российской Коммунистической партии). М., 1923.

сторон старого режима, вплоть до царя. Если раньше она была совершенно отрицательной ко всем его сторонам, то теперь заменилась обратной; скорее переоценивающей его в положительном смысле. Немного найдется людей, которые не признавали бы старый режим бесконечно лучшим, чем современный режим, установленный большевиками. Немного найдется людей, которые теперь, как и в дореволюционный период, видят в нем только одни отрицательные черты. И очень много имеется людей, которые сейчас видят в нем чуть ли не совершеннейший режим из возможных. Этим объясняется рост монархических настроений среди русского населения.

То же самое относится и к ряду других идеологических явлений. Масса старых бытовых черт, раньше не ценимых, теперь начинают бережно культивироваться как святыня.

Индивидуализм, раньше вызывавший отрицательное к себе отношение благодаря его противопоставлению социализму и коллективизму, теперь, наоборот, стал боевым популярнейшим лозунгом,

Материализм, как воззрение, раньше имевшее успех и усиленно насаждавшееся большевиками, заменился увлечением идеалистическими и даже мистическими течениями мысли.

«Кубизм», «футуризм», *супер-футуризм*^{25*} и другие крайние школы в искусстве, с начала революции вступившие в союз с большевизмом, теперь также потеряли популярность и заменяются другими течениями, резко противоположными им. *Оценка русских социально-политических идеологов и деятелей также кардинально меняется.* Если раньше всех радикально-социалистических и революционных писателей относили в разряд «освободителей народа» и лиц положительных, а всех консервативных писателей и деятелей — в разряд вредных «козлиц», то теперь появилась и растет скорее обратная тенденция (например, оценка Столыпина, Леонтьева и других). И так — во всем⁶³.

Из сказанного легко видеть полную правильность нашей теоремы на примере русской революции. Конкретный характер этих сдвигов — разный в разных революциях, но основная их сущность одна и та же, описанная на предыдущих страницах. «История повторяется» и здесь. Учитывая приведенные выше причины таких сдвигов, легко понять, что иначе и быть не может.

⁶³ Подробности см. в моей книге «Современное состояние России».

ОЧЕРК ПЯТЫЙ

Иллюзии революции

«Тартюфство» имело и имеет большой успех в частной и общественной жизни. Тысячи Тартюфов^{1*} ежедневно и ежечасно маскируют свои довольно отвратительные дела блестящими словами и другими красивыми «условными одеждами»... И не без успеха... О них судят сплошь и рядом не по их делам, а по их словам. В итоге — социальный паразит часто получает репутацию «общественного героя», бесполезный крикун и демагог — ореол «борца за свободу», человек, презирающей физической труд и настоящих тружеников, но делающий на этом карьеру, — славу «защитника трудовых классов», субъект морально распущенный, но искусно выдающий эту распущенность за «борьбу с отсталыми предрассудками», — популярность «прогрессивного человека»... «Тартюфство» — огромное, еще не исследованное социальное явление. Оно было в прошлом. Оно есть. Оно будет.

Быть может, никогда так резко оно не проявляется, как в эпоху революции. *Последняя, в известной степени, может быть названа Великим Тартюфом.* Почему? Потому что едва ли какой-либо Тартюф приписывает себе столь много добродетелей, как Революция, и делает столь же мало, как она. [Даже у мольеровского Тартюфа расхождение между словами и делами было гораздо меньшим, чем у Революции и множества ее деятелей первого и второго периода. Революция — великий Тартюф еще и потому, что она с поразительной гениальностью умеет маскировать свои прозаические и ужасные дела великими словами и заставить людей судить о ней не по делам, а по словам.] Мало Тартюфов так гениально лжет, как революция. [Мало найдется людей, которые так много обещают, как революция, и так мало делают по исполнению этих обещаний... Ложь, хвастовство и цинизм множества Тартюфов рано или поздно вскрываются. Ложь, хвастовство и цинизм Революции — гениальны.] Она более успешно, чем кто бы то ни было, творит легенду: преступления и зверства возводит в подвиг, пигмеев — делает гигантами, болтунов — героями, аморальных лиц — святыми, паразитов — освобо-

дителями. [И именно на периодах революции особенно легко констатировать «пудрящую роль» «речевых рефлексов» и их подчиненность инстинктам, их «лакейство» перед ними. Подобно приживальщикам и льстецам сильных мира сего они занимаются лишь тем, что шьют «пышные уборы», маскирующие мало привлекательные дела. Vanitas vanitatum!^{2*} Изучая эту роль «слов» в Революции, еще раз убеждаешься в правильности положения: «важны не слова, а дела», и еще раз вспоминаешь евангельский завет: «не всякий, глаголяй ми: Господи! Господи! внидет в Царствие Отца Моего, но творяй волю Его...»^{3*} Таковы те выводы, к которым приходишь, сопоставляя обещания и слова революция, с одной стороны, исполнения и дела ее — с другой...]

Быть может, сказанное звучит резко, но — увы! — оно правильно.

Все предыдущее говорит об этой правильности. Дополним теперь картину сопоставлением «слов» и «векселей» Революции с ее делами и уплатой по последним. Вольно или невольно она всегда оказывалась «банкротом» и «неисправным должником».

Начнем с *русской революции*.

Сопоставим лист ее обещаний и исполнений.

<i>Обещания и слова русской революции</i>	<i>Исполнения и дела ее¹</i>
1. Разрушение социальной пирамиды неравенства — и имущественного, и правового, — уничтожение класса эксплуататоров и эксплуатации	1. Простая перегруппировка лиц из слоя в слой. Возрождение пирамиды неравенства еще более высокой и крутой, чем была раньше. Небывалая эксплуатация всего населения коммунистической властью, ее агентами, преторианцами и клиентами, далеко превзошедшая эксплуатацию богачей и аристократии старого режима. Теперь — огромная эксплуатация населения теми же правительственными кругами, плюс круги новой, хищной, спекулятивной и зоологической буржуазии. Небывалый голод на низах и роскошь наверху. Бесправность населения и неограниченный деспотизм, неограниченные привилегии правящих

¹ Подробное подтверждение каждого тезиса см. в выше приведенных данных и в моей книге «Современное состояние России». [См. настоящее издание, с. 446–538.]

<i>Обещания и слова русской революции</i>	<i>Исполнения и дела ее</i>
2. Имущественная обеспеченность и сытость	2. Общее катастрофическое обеднение. Израсходование и проедание всего того, что было создано предыдущими поколениями. Грандиозный голод. Три миллиона умерших от голодной смерти. Людоедство и бифштексы из человеческого мяса. Разрушение всего народного хозяйства
3. Свобода	3. Полный безграничный диктаторский деспотизм власти. Всесторонняя опека населения. Превращение людей в «объект», в манекенов. Уничтожение свободы слова, печати, союзов, собраний, выборов, органов самоуправления, свободы труда, выбора профессий, словом — свобода египетского раба
4. Свобода еще	4. Десятки тысяч расстрелянных. Из них не менее 2/3 падает на рабочих, крестьян и трудовую интеллигенцию ² . Переполненные тюрьмы и т. д.
5. «Мир» и антимилитаризм	5. Три года жесточайшей гражданской войны после того, как другие народы уже кончили воевать. Превращение всей страны в одну казарму. Мобилизация армии, превосходящей армию царского времени ³ . Милитаризация всей социальной жизни от фабрик и заводов до школ
6. Уничтожение капитализма, частной собственности и создание коммунистического общества	6. Создание «государственно-рабского» общества, разрушившего страну, отказ от него, обратное возвращение к частной собственности, небывалый разлив частнособственнических импульсов и возврат к самым хищным и примитивным формам капитализма
7. Автономия народов	7. Небывалая централизация. Сосредоточение всей власти в руках Политического бюро РКП. Сокращение децентрализации старого режима
8. Улучшение здоровья и всех сторон жизни населения и трудовых классов	8. Вымирание 15–16 млн трудового населения за годы революции от голода, эпидемий, зверств и т. д. Стихийные эпидемии всех сортов. Огромное ухудшение здоровья. Небывалая нищета и нужда

² См. подсчеты С. Мельгунова в его статье «Голова Медузы» (Дни. № 210).

³ См. цифры и диаграммы в кн. Троцкого «Этапы революции». 1922.

<i>Обещания и слова русской революции</i>	<i>Исполнения и дела ее</i>
9. Моральное улучшение человека	9. Огромная моральная деградация и криминализация. Превращение <i>socius</i> 'а в животное. Рост биологизации людей над их социализацией
10. «Диктатура пролетариата»	10. «Диктатура авантюристов всех стран», разбавленная худшими элементами пролетариата, в огромном большинстве снова сползающими сверху вниз. Огромное уменьшение и деклассирование самого пролетариата. Ухудшение его положения во всех отношениях
11. Просвещение народа	11. Ликвидация грамотности, рост безграмотности, разрушение школ и всего просветительно-образовательного аппарата страны
12. Уничтожение религиозности	12. Небывалый рост религиозности
13. Раскрепощение свободы мысли	13. Полная нетерпимость коммунистических «попов», полный догматизм коммунистической «церкви» и преследование всех инакомыслящих более беспощадное, чем преследование средневековой инквизиции
14. Окончательное дискредитирование старого режима	14. Возрождение под влиянием революции симпатий и положительного отношения к нему
15. Пропаганда материализма	15. Рост мистицизма и идеализма

Я мог бы продолжать этот список еще очень долго. Но думаю, довольно. Сопоставьте обе рубрики, и Вы увидите, насколько правильны мои положения о тартюфстве, цинизме и лжи революции. Эти результаты тем более важны, что русская революция — не прервана. У власти находятся все те же крайние революционеры. Все изменения произведены их руками: сваливать вину не на кого... Правда, руководители революции могут сказать: «Это получилось помимо нас, мы желали другого». Но любой политик должен отвечать не только за свои желания и рецепты, но и за те результаты, которые объективно получаются из его деятельности и рецептов. Инженер несет ответственность не только за свой проект, но и за то, что из его осуществления получается. Это, во-первых. Во-вторых, самая элементарная этика требует, чтобы человек обанкротившийся признал свое банкротство, освободил место для более

достойных и способных лиц, и, наконец, чтобы после и во имя банкротства он не убивал сотнями и тысячами людей ради одного цепляния за власть. Этого, увы, мы не видим ни в нашей, ни в других революциях. В-третьих, цинизм и ложь особенно будут ясными, если читатель возьмет в руки газеты («Правду», «Известия», «Красную газету» и другие) и писания большевиков в 1917–1919 гг. и в 1922–1923 гг. Они — кардинально противоположны. То, что там хвалилось и признавалось необходимым во имя интересов революции и коммунизма, теперь признается ими же отрицательным и наоборот... «Мы ошибались», — говорит Ленин. Но говорить так после миллионов жертв, принесенных на алтарь этих принципов, слишком мало. Кассир, кончающей с собой после растраты 1000 рублей чужих денег, банкир, прибегающий к самоубийству после банкротства, командир, застреливающийся после проигранной битвы — бесконечно честнее, чем эти великие банкроты революции. Говорить «мы ошибались» и в то же время продолжать свои новые эксперименты и во имя новых ошибок морить страну голодом, продолжать массовые расстрелы, аресты и издевательства, отнимать у голодных последний кусок хлеба и вывозить его за границу для того, чтобы иметь деньги на оплату себя самих и своих клиентов, грабить страну и копить свою личную собственность, лгать, лгать и лгать без конца, пускаться на самые бесчестные интриги, авантюры и злодейства ради удержания своей власти, беспощадно угнетать рабочих, расстреливать крестьян и в то же время продолжать заграничным рабочим и трудящимся говорить «великие слова» — не есть ли это беспринципность, возведенная в принцип, цинизм — возведенный в систему, ложь — ставшая нормой!

Увы, это бесспорно. Это прямо подтверждается и моралью самих революционеров, далеко «опередившей» мораль отцов-иезуитов. Те додумались только до положения: «Цель оправдывает средства». А Троцкий на пятилетнем юбилее Коммунистического Свердловского университета 18 июня 1923 г. преподавал молодому поколению такие моральные нормы: «Революционер есть тот, кто не боится взрывать и применять беспощадное насилие». В этих действиях революционер должен быть ограничен «только внешними препятствиями, а не внутренними... В объективной обстановке, товарищи, и без того слишком много трений, чтобы подлинный революционер мог позволить себе роскошь помножать объективные препятствия и трения субъективными... Поэтому воспитание революционера есть прежде всего уничтожение всех субъективных препятствий (религии, морали, права и т. д. — П. С.), мешающих беспощадному насилию». Вот почему «мы считаем необхо-

димым условием теоретического воспитания революционера атеизм как неотъемлемый элемент материализма»⁴.

Эта проповедь морали цинизма не требует комментария. Она лишь формулирует то, что делалось и делается русскими коммунистами.

Основные результаты других революций уже были очерчены. Остановимся здесь лишь на дополнительных данных, еще ярче рисующих «иллюзии» революции, с одной стороны, ее своеобразное отношение к провозглашенным принципам — с другой, и фактическое их исполнение — с третьей.

Великая французская революция

<i>Провозглашено</i>	<i>Что получилось</i>
1. «Все люди от рождения равны и должны пользоваться равными правами», — провозглашено было в «Декларации прав человека» в 1789 г.	1. В Конституции 1790 г. все граждане разделены на активных и пассивных (не имеющих права голоса). Уже законом 22 декабря 1789 г. вводится это деление. Основа ограничения — имущественный ценз. Сверх того среди самых активных граждан избранными могут быть лишь граждане, платящие налог, равный одной марке серебра. Это «равенство» в Конституциях 1791 и последующих годов еще резче нарушается. Во имя этого «равенства» массы населения ставятся «вне закона» и лишаются каких бы то ни было прав, тогда как другие — сами властители — присваивают себе <i>jus vitae ac necis</i> ^{4*} над населением и т. д.
2. <i>Liberté</i> ^{5*} .	2. Мы уже видели эту «свободу». Она осуществилась в неограниченном деспотизме диктаторов и в полной бесправности населения
3. <i>Liberté du Travail</i> ^{6*} .	3. Закон Ле Шапелье ^{7*} и последующие законы, с одной стороны, и практика обязательных трудовых повинностей для рабочих и крестьян, с другой, — красноречиво говорят об этой «свободе труда»
4. <i>Fraternité</i> ^{8*} .	4. Практика «Святой Гильотины» и массовых убийств, расстрелов и утоплений, произведенных во имя <i>Fraternité</i>

⁴ Правда, 24 июня 1923.

<i>Провозглашено</i>	<i>Что получилось</i>
5. 22 мая 1790 г. провозглашается: «Французская нация отказывается от всяких войн с целью завоевания»	5. Завоевание Бельгии, Голландии, Рейна, а потом большинства стран Европы
6. «Воля народа — высший закон»	6. Уничтожение этой воли и всяких свободных выборов. Когда Робеспьер не уверен в этой воле, он провозглашает: «Добродетель на земле всегда осуществляется меньшинством». Народное утверждение приговора о казни короля отклоняется 424 голосами против 483, ибо, по словам Сен-Жюста, «обращение к народу грозит восстановлением монархии». Позже — знаменательный декрет о 2/3 членов Конвента, которые, зная, что их не переизберут, принудительно навязывают себя народу, и т. д., словом, — попираание этой воли на каждом шагу
7. В 1789 г. провозглашается равенство граждан перед налогами	7. В 1791 г. оно аннулируется
8. Провозглашается 19 ноября в декрете: «Франция идет на помощь всем народам, желающим обрести свои свободы». Наполеон 27 апреля 1796 г. в воззвании пишет: «Народ Италии! Французская армия разбила ваши оковы» и т. д.	8. Под этой пышной оболочкой кроется и осуществляется следующее: «Директория, страдающая от бедности, непрестанно жаждала денег». Наполеону она пишет: «Нельзя ли захватить Casa Santa и неисчислимые сокровища... Их оценивают в 10 млн фунтов стерлингов. Этим Вы совершили бы самую замечательную финансовую операцию». Наполеон, под аккомпанемент пышных слов о свободе и т. д., грабил Италию и одну республику за другой... Такова подлинная природа этих актов «освобождения» и их настоящие мотивы
9. Сытость	9. Голод масс. «На улицах большое число несчастных, без сапог, без одежды, ищущих в мусорных кучах всяких отбросов, лишь бы утолить испытываемый голод» и т. д.
10. Царство Добродетели и Разума	10. Исключительная преступность, разнузданность, царство «революционного догматизма» и нетерпимости, инквизиция «революционных попов» и т. д.
11. Равенство, бескорыстность и братство самих революционеров...	11. Баррас, захвативший Гробуа и укравший громадные деньги, Бурсо — Брюнц, Мерлен — Монтвалерию, Тальен — Шальо, Барер — Клини, и сотни других якобинцев, грабивших всех и вся, скупавших за бесценок и без конкурентов замки и имения и т. д.

<i>Провозглашено</i>	<i>Что получилось</i>
	Масса графов, баронов, сенаторов империи, ее государственных советников, герцогов, людей с гербами и вышитыми мундирами – вышедших из якобинских ревнителей равенства и братства – отлично показывают и равенство, и братство, и бескорыстность и прочие добродетели «освободителей»
12. Свобода и «долгой тиранов и королей».	12. «Божьею милостью император Наполеон I», а за ним Бурбоны

Эти примеры, которые опять-таки можно без конца увеличить, ясно говорят, в какой мере революция уплатила свои векселя, что она говорила и что сделала.

Революция 1848 года во Франции

<i>Провозглашено</i>	<i>Получилось</i>
«Временное Правительство Французской республики обязуется гарантировать существование рабочих с помощью труда». «Парижский народ открывает новую эру». «Уничтожение эксплуатации человека человеком». «Революция положит конец долгим и несправедливым страданиям рабочих». «Воля народа», «Республика», «Свобода» и т. д.	1) Бойня рабочих. 2) Голод. 3) Рост эксплуатации. «Импровизированные вожди нового правительства во имя братства, равенства и свободы возбуждали самые радужные надежды, давали самые преувеличенные обещания. Иллюзия не долго длилась. Вместо обновленного общества, вместо обещанного золотого века Франция представляла собой самое плачевное зрелище. Самая несчастная анархия царил в мире идей и фактов, в народе и правительстве, в провинции и столице. Народ терпел недостаток в хлебе, не существовало ни кредита, ни торговли, ни промышленности» ⁵ . Любая партия, особенно крайняя, если голосование народа не в ее пользу, пытается аннулировать его и добиться своего силой. Свободы нет. Вместо республики – Наполеон III и т. д.

⁵ Грегюар Л. Цит. соч. Т. III. С. 135.

Революция 1871 года

<i>Обещано и провозглашено</i>	<i>Получилось</i>
<p>«Сегодня Париж открыл книгу истории на пустой странице и начертал на ней свое могущественное имя» (Прокламация Центрального Комитета). Свобода выборов и всемерное уважение воли народа. В Манифесте Коммуны от 19 апреля 1871 г. обещают: «Полную общинную автономию, неприкосновенность прав и каждому французу свободное отправление обязанностей, выборы путем избрания или конкуренции. Право контроля над всеми должностными лицами и право отставлять их. Абсолютная гарантия индивидуальной свободы совести и свободы труда» и т. д.</p>	<p>«На крестьян и жителей мелких городов коммунары смотрели как на лиц, не способных управлять собственными местными делами. Республика и не думала освободить их от строгого надзора префектов». Вместо автономии провинции, которые с точки зрения правительства Коммуны были ретроградны, попытались подчинить их себе силой. «Якобинцы вновь появились под маской свободы, а местная автономия аннулировалась центральным деспотизмом». Вместо всеобщей гласности и прозрачности всех своих действий уже 29 марта «заседания Коммуны объявляются закрытыми» (вот и контролируй!). Вместо свободы мысли, печати и т. д. — все газеты, негодные Коммуне, закрываются, инакомыслящие — преследуются, неприкосновенность личности — аннулируется. Вместо обещанного земного рая — «25 000 французов убитых французами же, сожжение многих памятников, унижение родины перед чужеземцами, республика, опирающаяся только на честное слово старика (Тьера), уничтожение всех надежд на политическое и социальное обновление страны, возбуждение слепой ненависти между классами — таковы были результаты двухмесячной гражданской войны»⁶</p>

То же самое происходило и во время *Английской революции*. «Революционеры обещали свободу, а на деле дали тиранию. Они обещали соединение и торжество протестантизма, а вместо того вели войну с протестантской страной».

И далее здесь: вместо роста прав и вольностей народа — их ограничение, вместо уничтожения произвола — его рост, вместо уважения воли народа — полное игнорирование и систематическое ее нарушение и т. д. Мудрено ли поэтому, что вместо провозглашенной республики, уничтожения королевской власти и палаты лордов, монархия явилась снова, палата лордов — тоже, а республика погибла бесславно⁷.

⁶ Грегуар Л. Цит. соч. Т. IV. С. 349, 428.

⁷ «Нам говорят, — кричал майор Бек 2 февраля 1658 г., — не восстанавливайте короля и палаты лордов, потому что Бог презрел их. Отдаю вам назад ваши

Ухудшение экономического положения масс и других сторон их жизни мы видели выше.

Пропасть между обещаниями и векселями революции, с одной стороны, и ее делами — с другой — и здесь оказалась громадной.

Гуситская революция

<i>Обещано и провозглашено</i>	<i>Получилось</i>
1. Свобода религии	1. Колоссальная нетерпимость и беспощадное преследование всех инаковерующих
2. Равенство	2. Отсутствие равенства
3. Освобождение от повинностей и многое другое. «Табориты мечтали о полной трансформации общества. Они сделали чистую доску и на руинах феодализма пытались строить новый мир». Милленарии верили в то, что откроется новая эра, «когда не будет ни преступлений, ни лжи, ни злоупотреблений». Все будут абсолютно равны. Исчезнет собственность. Не будет ни богатых, ни бедных, ни ученых, ни невежд, ни знатных, ни незнатных; исчезнут даже различия ума, сердца и пола. Человечество будет освобождено от необходимости трудиться, от нищеты и голода и т. д.	3. Рост закрепощения масс 4. Полное разорение страны 5. Голод, убийства, эпидемии, чума и все «семь казней египетских» 6. Разгул страстей Народ проиграл. Страна проиграла. Выиграла лишь знать. «Власть новых господ была тяжелее и безжалостнее, чем старых». Народ потерял все права на управление. «Вожди таборитов... изменили своим принципам. Они проповедовали свободу, а на деле лишь заменили старых господ. Они дали народу лишь призрак освобождения. Крестьяне и рабочие впали в нищету. Страна покрылась руинами. Еще сильнее была потеря веры и иллюзий, разочарование в освободителях. Элита, вместо того, чтобы быть представительным собранием народа, — стала представительным собранием одних феодалов. «Повсюду проникали неравенство и привилегии». Классовые контрасты возросли, барьеры между классами стали непреодолимыми». Крестьяне и рабочие потеряли все свои права и впали в рабство, жена была отдана во власть мужа, сестра — брата. В итоге революции в XVI в. «в Чехии не было больше ни короля, ни народа, а были лишь господа и рабы». «Темная ночь пала над Чехией», еще более стусившаяся после Белой горы и порабощения страны немцами ⁸ .

слова: Бог так же презрел и республику. Была ли пролита хоть капля крови, когда ее выбросили вон? Право, еще никогда не бывало, чтобы республика, умирая, произвела так мало шума».

⁸ Denis E. Op. cit. P. 263, 266, 288, 294, 349, 469–478.

Я не буду продолжать эту «очную ставку» слов и дел революции, ее обещаний и исполнений. Могу лишь сказать, что другие глубокие революции дают тот же результат. И важно здесь вот что: этот результат наиболее тяжелым оказывается именно для «низших», трудовых классов. Важно и другое: этот отрицательный результат дают все глубокие революции, независимо от того, была ли заменена революционная власть контрреволюционной или нет. И русская, и Великая французская, и английская, и гуситская революции не были прерванными. Они развивались до конца. Власть здесь сохранялась в руках лиц и групп, выдвинутых революцией, а не ее противниками. И, однако, мы видим, что это условие ничуть не мешает, а скорее способствует при данной же власти наступлению результатов, противоположных обещаниям и словам революции. Уста революции говорят одно, а руки делают другое, сегодня она возвещает одно, а завтра или сегодня же попирает свои обещания и декларации. Так было и так есть. И ни один революционер, не отрицая фактов, не может сослаться в свое оправдание на то, что им, мол, «помешали водворить рай, низвергнув их с трона». Для самых крупных революций эта ссылка не годится. Никто не мешал ни таборитам, ни якобинцам, ни Долгому парламенту, ни Кромвелю, ни русским коммунистам устроить обещанный рай, кроме... «необходимой силы вещей». Если, давая свои обещания, они их не учитывали, значит они были утопистами и легкомысленными людьми, поджигавшими дом, не опасаясь пожара. [Таких безумцев сажают в сумасшедший дом.] Если они учитывали «силу вещей», надеялись их победить и не победили, это опять говорит не в их пользу. Если же, разжигая пожар, они знали, что сила вещей их сломит, и от пожара будут только жертвы и развалины, то таких «поджигателей» сажают в тюрьму даже за поджог просто амбара, а не только целой страны с тысячами жертв.

Я — не прокурор и пишу это не для предания суду «поджигателей», а для того лишь, чтобы показать всю иллюзорность аргументации «неисправимых революционеров», подобных бездарным и слишком снисходительным к себе людям, вечно видящим источник неудач и вину не в себе и в революционерах, а в других людях и побочных обстоятельствах. [И прерванные и не прерванные глубокие революции — учит история — полны иллюзий, лжи, тартюфства, цинизма и «вместо хлеба дают камень». Быть может, такая квалификация покажется оскорбительной многим поклонникам революции, которые представляют собой разновидность самых слепых идолопоклонников. Но... для меня нет идолов, в том числе и «идола революции». Памятуя о том, что «не человек

для субботы, а суббота для человека»^{9*}, я беру ее такой, какова она есть. Если она — Великий Тартюф на деле — такой я и показываю ее. Если же вдобавок этот Тартюф в то же время является прожорливым Молохом, похравшим и пожирающим людей немногим меньше, чем кровный брат этого Молоха — Война, — то не является ли обязанностью всех и каждого предупредить других людей: «Берегитесь этого Молоха, он требует немало жертв. Обещает много, но не дает ничего... кроме пышных слов и иллюзий, требуя за них слишком тяжелую плату».

Эти строки — простое предупреждение, хотя я и знаю, что «речевые рефлексы» (в том числи и эти) вообще мало весомы. Они становятся значительными лишь тогда, когда человек или общество проверит их «на своей шкуре». Нужно испытать революцию на деле, смотреть в ее лицо изо дня в день, побывать в ее лапах — тогда и только тогда возможно познать ее подлинное лицо и все ее подлинные черты, указанные выше. Дальность расстояния — во времени или пространстве — при благосклонном участии многочисленных присяжных революции, слишком «мудрых» историков и особенно ущемленных инстинктов — вела и ведет к искажению этих подлинных черт, к превращению «грязной девицы из Тобосо» в «прекрасную Дульсинею», дикого зверя — в сверхчеловека, фактор регресса — в великий прогресс.

Пробыв пять лет в лапах революции, лично не потеряв в ней ничего — ни богатств, ни социальных привилегий — ничего... кроме близких друзей и множества иллюзий, я тем не менее не имею теперь никакой охоты заниматься такими искажающими трансформациями.

Во имя человека и особенно интересов трудовых классов я позволяю себе идола называть идолом, Тартюфа — Тартюфом. Мой личный опыт и факты истории — за меня. Иллюзионизм идолопоклонников революции не вызывает во мне уважения.

Этим и объясняется моя «святотатственная дерзость».

ОЧЕРК ШЕСТОЙ

ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИЙ

§ 1. Основные причины революций

Анализ причин революции всего лучше начать с тех причин, которые вызывают революционную деформацию поведения индивидов. Если меняется поведение членов общества в указанном направлении, то неизбежно меняется и вся социальная жизнь, ибо она складывается из поведения и взаимодействия членов общества.

Какие же причины вызывают массовую и исключительно быструю деформацию поведения?

Вопрос о причинах, поставленный в общей форме, всегда неясен и несколько отдаёт метафизикой. Под причинами в данном случае я разумею *совокупность тех условий, которые составляют ближайшее и непосредственно предшествующее революции звено причинной цепи, уходящей в целом в бесконечность прошлого и теряющейся в бесконечности будущего*. Ответим сразу же на этот вопрос. Каковы бы конкретно ни были условия, из которых складывается общая, основная и вечная причина революций, она всегда состоит в росте «ущемления» главных инстинктов у значительной части общества, в невозможности их минимально-необходимого удовлетворения, чем бы и кем бы такой рост «ущемления» ни вызывался.

Иными словами, она состоит в усилении препятствий, мешающих жить этой части агрегата, в росте неприспособленности их к существующим условиям.

Такова та суммарная причина революций, которая складывается из множества мелких и даже ничтожных, различных по времени и месту причин.

Если *потребность питания* (или пищевые рефлексы) значительной части населения, в силу каких бы то ни было причин, ущемляется голодом — то налицо оказывается одна из причин волнений и революций.

Если *рефлексы индивидуального самосохранения* ущемляются произволь-

ными казнями, массовыми убийствами или кровавой войной, то налицо другая причина смут и революций.

Если *рефлексы группового самосохранения* (членов семьи, близких, единоверцев, единопартийцев и т. п.) ущемляются оскорблением святынь этой группы, издевательством над ней, ее членами, их арестами, ссылками, казнями и т. д. — налицо третья причина мятежей и революций.

Если *потребность в жилище, одежде, тепле* и т. п. не удовлетворяется в минимальном размере, то перед нами еще одна порция горючего материала для пышного костра революции.

Если *рефлексы половые* вместе с их разновидностями — ревностью, желанием обладать любимым субъектом только самому — ущемляются у обширной группы членов: невозможностью их удовлетворения, изнасилованиями, развращением их жен и дочерей, принудительными браками или разводами и т. д. — налицо пятая причина революций.

Если *инстинкты собственности* у массы лиц «ущемляются» их бедностью, отсутствием всякой собственности при наличии огромных богатств у других лиц, налицо шестая причина революций.

Если *инстинкт самовыражения и собственного достоинства* (selfexpression, по Россу, или «индивидуальности», по Михайловскому) у массы лиц «ущемляется» оскорблениями, недооценкой, постоянным и несправедливым игнорированием их заслуг и достижений, с одной стороны, и завышенной оценкой менее достойных лиц — с другой, то налицо еще одна причина революций.

Если у многих членов общества их *инстинкты драчливости, борьбы и конкуренции, творческой работы, разнообразия и приключений и «рефлексы свободы»* (в смысле свободы действий и слов или беспрепятственного проявления своих прирожденных склонностей) ущемляются чересчур мирным состоянием, однообразной монотонной средой, работой, которая не волнует ни ума, ни сердца, бесконечными преградами, мешающими передвигаться, говорить, думать и делать что нравится, то налицо еще целый ряд условий, благоприятствующих революции, налицо еще несколько групп, которые встретят ее возгласами «Осанна!»

Этот перечень не исчерпывающий; он только указывает основные рубрики инстинктов, из-за ущемления которых происходит катастрофический взрыв революции, и — вместе с тем — те социальные группы «ущемленных», руками которых старый порядок будет низвергнут и стяг революции водружен.

Для наступления революции необходимо или исключительно сильное «ущемление» самых важных инстинктов, или ущемление целого

ряда последних. Конкретные исторические революции почти всегда представляют собою второй случай. Далее, как было сказано, для наступления революции необходимо, чтобы «ущемление» охватывало *если не подавляющее большинство, то, во всяком случае, значительную часть членов общества*. Ущемление у небольшой части общества существует всегда и ведет к единичным нарушениям порядка, носящим название «преступлений». Когда же это ущемление становится массовым, оно ведет к массовому нарушению и низвержению порядка, к актам, которые тождественны тем, которые — будучи малочисленными — называются преступлениями, а когда становятся массовыми, меняют свою квалификацию и из «преступлений» превращаются в «революцию».

Рост ущемления, как и все в мире, понятие относительное. Бедность или богатство человека измеряются не только тем, что он сейчас имеет, но и тем, что он имел раньше, и тем, что имеют другие. Сегодняшний полумиллионер, вчера обладавший несколькими миллионами, чувствует себя обедневшим и даже бедным по сравнению с прежним своим положением и по сравнению с миллиардерами. Рабочий, получающий 200 долларов в месяц — бедняк в богатой Америке и богач в нищей России. То же самое можно сказать и об усилении или ослаблении «ущемленности». *«Ущемление» усиливается не только тогда, когда трудности удовлетворения того или иного инстинкта растут, но и тогда, когда не возрастая или даже уменьшаясь, они уменьшаются не так быстро, как у других лиц и групп*. При виде изысканного и роскошного стола у других человек — даже совершенно сытый — чувствует себя относительно голодным и «ущемленным» в своих пищевых запросах. Имея приличный и чистый костюм или достаточно удобное жилище, человек при виде модного шикарного платья чувствует себя плохо одетым, оказавшись в роскошных апартаментах, находит свою квартиру скромной и недостаточно удобной. Происходит опять ущемление соответствующих импульсов¹. Человек, имеющий широкий круг прав, чувствует себя ущемленным в своих правах, наблюдая еще большие привилегии у других.

Эти примеры поясняют мою мысль и делают понятным, почему в ряде случаев перед революцией «ущемление» инстинктов у многих лиц росло не потому, что оно возросло абсолютно, а потому, что оно

¹ «We are developing new types of destitutes — the authmobileless, the yachtless; the Newport-cottegeless. The subtlest luxuries become necessities and their less is bitterly resented»^{1*}, — метко замечает Дж. Патрик о новых американских «бедняках и ущемленных» (*Patrick G. Op. cit. P. 133*). См. также: *Weyl W. The New Democracy. P. 246*.

уменьшилось у других лиц или групп того же общества, потому что *увеличилась имущественная, правовая и другая дифференциация и неравенство*. Эту относительную ущербленность следует постоянно иметь в виду.

Такова вечная и основная причина революций. Но для наступления и, особенно, успешного развития последних она недостаточна. Необходимо еще, чтобы совокупность социальных групп, защищающих порядков, и совокупность средств, находящихся в их распоряжении, были бы недостаточными для подавления усилившихся попыток низвержения существующего строя. Когда возросшей революционной силе ущемленных инстинктов эти группы могут противопоставить возросшую силу торможения и тем уравновесить рост давления последней, революции может не быть. Мы получим тогда лишь ряд подавленных сепаратных мятежей — и только. Когда же группа порядка не в состоянии проявить это усиленное торможение и тем самым уравновесить возросшее давление ущемленных инстинктов, — мы получаем революцию. Итак, 1) *рост ущемления главных инстинктов*, 2) *массовый характер этого ущемления*, 3) *бессилие групп порядка уравновесить пропорционально усиленным торможением возросшее давление ущемленных рефлексов* — таковы необходимые и достаточные условия наступления революций.

§ 2. Почему ущемление рефлексов ведет к революциям

Почему рост ущемления основных инстинктов у массы лиц ведет к массовой революционной деформации поведения?

Потому что «ущемленные» основные рефлексы неизбежно будут толкать людей искать какой-то выход из создавшегося положения, как ищет его любой организм, оказавшийся в непригодной для него среде. Результатом ущемления (например, пищевых рефлексов — голодом) будет рост недовольства, появление чувства, что жить невозможно. Старые формы поведения оказываются теперь непригодными. Приходится искать новые. Ущемленный рефлекс начинает давить прежде всего на ряд условных рефлексов, мешающих его удовлетворению, — например, ущемленный голодом рефлекс питания начинает давить на условные тормоза, удерживающие от актов кражи («не кради»), нищенства, грабежа, от актов употребления в пищу скоромного во время поста и от множества других, которые в сытом состоянии считались недопустимыми. В итоге этого давления множество подобного рода тормозных условных рефлексов начинает угасать.

Никогда не кравший человек становится вором и грабителем; сты-

дившийся протянуть руку за милостыней теперь ее протягивает; верующий перестает соблюдать посты; подчинявшийся нормам права теперь их нарушает; бывший аристократ, подавив в себе чувство стыда, берет пару брюк и идет на рынок их продавать; человек, стыдившийся некогда есть на улице, теперь, получив кусок хлеба, ест его где угодно; презиравший раньше тех или иных людей теперь из-за куска хлеба покорно «бьет им челом» и т. д.² Словом, первым итогом этого ущемления становится разрыв и угасание большинства условных рефлексов, мешающих его удовлетворению. Это означает уже громадное изменение поведения. Угасание условных рефлексов означает освобождение ущемленного наследственного рефлекса от множества пут, т. е. знаменует его разнуздание. В то же время это угасание представляет собой ослабление ряда условных тормозов, удерживающих от совершения злостных актов кражи, грабежа, насилия, святотатства и т. д. Поведение человека начинает биологизироваться. Мало того, освободившийся от пут условных рефлексов ущемленный инстинкт начинает теперь давить на другие инстинкты. Равновесие их взаимоотношений исчезает. Под давлением первого сдвигаются с места вторые. Изменение их силы и выявления ведет к разрыву ряда новых условных рефлексов, сдерживавших и канализировавших проявление первых. Это означает дальнейшую биологизацию и ослабление тормозов, удерживавших от антисоциальных актов, дальнейшее нарушение равновесия поведения. Если власть и группы порядка не в состоянии соответственно усилить тормоза — поведение ущемленных лиц претерпевает революцию; культурные одежды условных форм поведения быстро спадают и вместо *socius*'а мы видим разнузданного зверя. А если изменилось поведение массы лиц, то тем самым наступает развал общественного порядка и происходит очерченное выше изменение процессов социальной жизни, т. е. начинаются волнения, смуты и революция.

§ 3. Ущемление рефлексов питания и революция

Теорема о росте ущемления основных инстинктов как об основной причине революций может быть доказана разными способами, начиная с экспериментов и кончая данными статистики и истории.

² См. мою книгу «Голод как фактор», где подробно показана громадная деформация поведения под влиянием голода и угасания всех противоречащих ему условных рефлексов^{2*}.

В интересах краткости я не буду здесь останавливаться на подробном исследовании функциональной связи между движением кривой мятежей и революций, с одной стороны, и движением кривой ущемления всех основных инстинктов — с другой. Я поступлю иначе. Возьму одну из самых сильных групп рефлексов, а именно — рефлексы питания, и постараюсь более или менее подробно показать функциональную связь между их ущемлением и революциями. После этого я могу ограничиться лишь краткими указаниями на другие явления, подтверждающие указанную теорему... В совокупности они будут вполне убедительными и понятными. Читатель сам легко может их проверить и развить. Рост ущемления пищевых рефлексов происходит двумя путями: 1) путем ухудшения существовавшего пищевого режима масс, конечным пределом коего является физиологически недостаточное питание и абсолютное голодание; 2) путем улучшения пищевого режима одних слоев общества, опережающего улучшение пищевого режима других слоев и усиливающего, таким образом, контраст между ними (социально-относительное голодание).

Рост ущемления пищевых рефлексов низших слоев общества происходит и в том, и другом случае. Сообразно с этим, если наша теорема верна, мы должны наблюдать рост имущественных преступлений (краж и т. д.) как единичных нарушений порядка и угасания условных рефлексов, и рост волнений и революций как массовых явлений того же рода всякий раз, когда питание масс ухудшается абсолютно, ухудшается относительно и, особенно, когда при абсолютном понижении количества и качества пищи широких слоев населения, роскошь и богатство, а следовательно, и питание высших слоев не понижается, а повышается (иначе говоря, растет имущественное неравенство).

Перейдем к проверке этой функциональной связи. Начнем с движения имущественных преступлений.

1) Первым подтверждением этой функциональной связи служит контингент тех социальных слоев, которые поставляют основную массу преступников против собственности. Ими являются в огромной своей части бедные социальные слои. Имушие в области этих преступлений составляют гораздо меньший процент. Исследованиями Вассермана, Тарновского, Всесвятского и других это положение установлено вполне определенно. Так, например, в Австрии на каждые 100 тыс. рабочих было осуждено за кражу 480 человек, капиталисты и живущие на пенсию дали на то же число только 45 осужденных. «Типичными преступлениями рабочего класса, — говорит М. Н. Гернет, — являются похищение

чужого имущества и телесные повреждения. Из общего числа осужденных рабочих-ремесленников 52% были осуждены за кражу, а среди фабричных рабочих — 42%». Без комментариев связь этих явлений — бедности, т. е. более ущемленных пищевых рефлексов у бедных, чем у богатых, и повышенного уровня краж — понятна после сказанного³.

2) Вторым подтверждением служит так называемый «календарь преступников». «Преступления против собственности (во Франции) составляют максимум в декабре и январе — в те месяцы, когда бедные сильнее всего страдают от лишений и нужды», — говорит Левассер⁴. В других странах — в Англии, Германии, России, Сербии, Болгарии, Бельгии — из года в год максимум преступлений против собственности тоже приходится на зимние месяцы, когда бедняку труднее добывать пищу, а минимум — на лето и осень, когда это делать легче. Это явление, установленное Левассером, Майром, Фойницким, Эттингеном, Тарновским, Гернетом и другими, снова определенно подтверждает наш тезис⁵.

3) Третьей категорией фактов, еще рельефнее говорящих о том же, служит факт повышения преступлений против собственности в земледельческих странах в годы неурожая и дороговизны, когда эффекты последних не компенсируются импортом и иными путями, и факт повышения преступлений в годы промышленных кризисов в странах индустриальных, т. е. и там и тут — в годы роста ущемления пищевых рефлексов. Эти явления достоверно установлены моральной статистикой. Изучив движение преступлений во Франции с 1838 по 1886 г., Левассер приходит к выводу: «Урожаи оказывают значительное влияние на движение преступлений, по крайней мере, в те времена, когда богатств было меньше и когда импорт не умерял подъем кривой преступности. Нарушения законов увеличиваются во времена неурожая

³ Гернет М. Н. Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. М., 1914. С. 391–392. «В Италии в 1889 г. бедные составляли 77,58% общего числа преступников; имеющие минимум необходимого — 13,34%, зажиточные — 6,12%, богатые — 2,3%. В Австрии в 1896 г. необеспеченные составляли 86,7% преступников, малообеспеченные — 13%, обеспеченные — 0,3%. В Пруссии в 1905 г. 77% общего числа преступников составляли бедняки. В Швейцарии необеспеченные составляют 81,8% преступников, средние — 9,7%, обеспеченные — 5% (см.: Жижиленко А. А. Преступность и ее факторы. Пг., 1922. С. 62).

⁴ Levasseur E. La population française. Paris, 1891. Vol. II. P. 456–457.

⁵ См.: Гернет М. Н. Цит. соч. С. 380–383; Oettingen A. Op. cit. S. 488–490 (там же — сводка мнений, данные и диаграммы); Жижиленко А. А. Цит. соч. Гл. III.

хлебов, так как нужда, усиливающаяся в такие периоды, толкает к кражам. Это особенно видно в 1847 и 1854 гг., являющихся годами плохого урожая»⁶. К такому же выводу пришел Г. Майр, сопоставляя годовые колебания цен на хлеб и числа преступлений в Баварии с 1836 по 1861 гг.⁷ То же самое для всей Германии с 1882 по 1898 гг. констатировал Берг, для Сербии (сопоставляя цены на кукурузу и движение преступлений против собственности) – Вадлер, для Италии – Форназари ди Верче, для Англии – Туган-Барановский, для России – Тарновский, Людеров, Трайнин, Гуревич, Гернет, Чарыхов и другие⁸.

Так, в Калужской губернии (губернии земледельческой и потребляющей) «годы подъема хлебных цен – 1881, 1892 и 1907 – так же, как и годы падения цен – 1883, 1888, 1894–1895, 1900–1901 – всегда сопровождались соответствующими изменениями в том же или следующем году кривой преступности. По Калужской губернии числа осужденных за кражи... параллельны с ценами на хлеб и нуждою населения в собственном хлебе... Грабежи и разбой подчинены этому же закону»⁹. Такая же связь была установлена Тарновским для Петроградской губернии, Трайниным – для Московской, Гуревичем – для Нижегородской, Тарновским – для пяти губерний. «Так, в 1880–1881 гг. хлеб сильно подорожал, и число возникших дел о краже и насильственных похищениях поднялось на 20% выше среднего. Вместе с падением цен на рожь в 1885–1890 гг. снизилась и преступность»¹⁰. Указанная связь между ухудшением питания масс и увеличением числа преступлений против собственности (а отчасти и против личности) в странах индустриальных, согласно сказанному, должна проявляться в годы промышленных кризисов, когда растёт армия безработных, доходы рабочих падают, стало быть, и питание их ухудшается. Наблюдается ли она в действительности? – Да, наблюдается. Беру для примера Англию, в частности, ее про-

⁶ *Levasseur E.* Op. cit. Vol. II. P. 442.

⁷ *Mayr G.* Statistik und Gesellschaftslehre. Berlin, 1917. Bd. III.

⁸ См.: *Oettingen A.* Op. cit. S. 486–488; *Ван-Кан Ж.* Экономические факторы преступности. М., 1915; *Donger W. A.* Criminality and Economic Conditions; *Aschaffenburg G.* Crime and its Repression. Boston, 1913; *Чарыхов Х. М.* Учение о факторах преступности. Социологическая школа в науке уголовного права. М., 1910; *Туган-Барановский М. И.* Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь. СПб., 1894. С. 158 и гл. IV, VII, IX.

⁹ *Гернет М. Н.* Цит. соч. С. 386–387.

¹⁰ Там же. С. 387–390.

мышленные районы. Исследование М. И. Туган-Барановского показывает, что в годы благополучия преступность снижается, в годы кризисов — возрастает. «Промышленный застой начала 40-х гг. вызывает особенно сильное увеличение числа преступлений»¹¹. То же самое отмечается в годы 1825, 1826, 1827 (кризис), в 1847–1848 (кризис, застой); позже максимум преступности наблюдается в 1854, 1857 и 1863 гг. (первые два года — годы кризисов, а в 1863 г. хлопковый голод достиг своего максимума); дальнейшее усиление преступности мы находим во второй половине 70-х гг., — в период промышленной депрессии. Сказанное достаточно определенно подтверждает нашу теорему.

4) Наконец, она подтверждается прямо и бесспорно резким подъемом кривой преступности в годы действительно массового голодания. Эти годы, *ceteris paribus*, являются особенно «преступными» годами, т. е. годами, когда голод депрессирует все задерживающие его утоление условные рефлексy, в результате чего люди *en masse*^{3*} совершают акты правонарушения, резко растет число краж и грабежей, образуются целые банды грабителей и разбойников, нападающие на тех, кто имеет продовольствие и деньги. Это наблюдалось во время голода в древности, Средневековье и в Новое время, вплоть до голода 1921–1923 гг. в России¹². Приведенные данные вполне подтверждают функциональную связь, указанную выше. Когда голодают немногие — это дает единичные преступления на почве голода. Когда начинают голодать массы — это вызывает массовое притяжение к пищевым скопам и массовые попытки их захвата; а так как владельцы богатств обычно мешают этому и защищают свое достояние, так как и государственная власть чаще всего делает то же самое, то отсюда становится неизбежной борьба голодных с сытыми, бедноты с богачами и властью, охраняющей права и достояние последних. Эти явления и составляют то, что носит название — в зависимости от масштаба борьбы — волнений, бунтов, восстаний и революций.

Таково механическое объяснение связи голода, или ущемления пищевых рефлексов, и общественных волнений. Из него следуют и те условия, которые необходимы для того, чтобы голод вызвал эти явления.

Основные из этих условий суть следующие:

1) Наличие значительного ухудшения (относительного или дефицитного) питания масс;

¹¹ Туган-Барановский М. И. Промышленные кризисы в современной Англии. С. 261, 267, 300 и гл. IV, VII, IX (см. диаграммы № 3, 7, 11).

¹² Факты см. в моей книге «Голод как фактор».

а) значение имеет не только ухудшение питания масс и превращение его из недефицитного в дефицитное, но и всякое значительное ухудшение пищевого режима с более высокого уровня на более низкий, хотя бы этот низкий уровень и не был дефицитным голоданием;

б) громадное значение имеет, далее, быстрота и резкость этого понижения и ухудшения питания масс. При равенстве прочих условий, чем резче и быстрее совершается это понижение, тем сильнее и быстрее происходит ущемление пищевых рефлексов, следовательно, общественные волнения будут вероятнее. И психологически и физиологически в этом случае реакция организма будет более бурной;

с) в связи с этим условием находится третье — их производное. Ущемление имеет свою границу, перейдя которую оно ведет уже не к усиленной борьбе за жизнь, а к полной апатии, поэтому наиболее активных действий от голодающих (относительно или дефицитно) масс можно ждать тогда, когда голод велик, но не чрезмерен. При абсолютном голодании такими моментами максимума активности будут первые 1-2-3 дня; при относительном голодании — наиболее резкие моменты его дальнейшего ухудшения до того момента, когда дефицит становится столь громадным, что организм лишается энергии, необходимой для совершения активных действий и превращается, по сути дела, в «живой труп»¹³.

Таково первое условие и связанные с ним релевантные обстоятельства.

2) Вторым необходимым условием для начала волнений является наличие в данном обществе имущественной дифференциации, или слоя богачей, обладающих пищевыми запасами и их эквивалентами в виде богатств всякого рода. Если нет этой дифференциации, если все бедны, если нет скопов продовольствия и их эквивалентов (богатств) в пределах области, охваченной голодом, то нет пищевого магнита, некого атаковать и нечего захватывать.

¹³ «Организм, утерев значительную часть своего существа, уже не думает об активных мерах для улучшения своего положения. Голод действует подобно наркозу; вслед за начальным возбуждением организма — бурной реакцией — следует период угнетения-апатии. Такие крайне истощенные голодные не только нерешительны, но они поражают своим смирением, покорностью судьбе, отличаются низкопоклонничеством и лестью» (*Вальдман В. А.* К вопросу о клинике голодания // Юбилейный сборник в честь 25-летия врачебно-научной деятельности (1894–1919) проф. И. И. Грекова. Пг., 1921. С. 441).

И наоборот, чем сильнее имущественная дифференциация, чем большие скопы сосредоточены в руках определенных лиц и групп, тем сильнее магнит, тем интенсивнее притягивает он голодные человеческие «опилки»: тяготение человеческих масс и стремление их к захвату богатств будут тем интенсивнее, чем больше имущественная пропасть между богатыми и бедными, сытыми и голодными. Таково второе необходимое условие.

3) Третьим само собой разумеющимся условием является невозможность или большая трудность покрытия продовольственного дефицита иными способами.

Таковы основные условия, необходимые для того, чтобы массовый голод привел к массовым волнениям, восстаниям, бунтам и революциям.

Дополнительными условиями, благоприятствующими такому эффекту, служит множество обстоятельств.

1) Степень и объем добровольной помощи голодным со стороны власти и богачей. Чем она больше, тем меньше вероятность восстания.

2) Характер условных рефлексов населения и степень их прочности. Если эти рефлексы в течение ряда поколений были такими, что часто не могли помешать захватам, нарушениям прав собственности и прав личности (а соответствующие им убеждения тоже дозволяли и одобряли это), то они по сути дела не являются тормозами, удерживающими людей от захватов, нападений и насилий, и чем они слабее, тем легче произойдут волнения под влиянием голода. Если же, наоборот, в народе воспитано чувство уважения к чужому достоянию, если он приучен к воздержанию от нарушений чужих имущественных и личных прав, то голоду нужно сначала преодолеть силу сопротивления этих рефлексов и, только подавив их, он может вызвать волнения.

Спрашивается теперь: всегда ли массовый голод приводит к волнениям, если имеются указанные выше необходимые и содействующие началу восстаний второстепенные условия: отсутствие добровольной помощи со стороны богачей и власти, наличие у населения соответствующих рефлексов и т. д.?

Всегда, за исключением тех случаев, когда давление голода нейтрализуется другими, столь же могучими детерминаторами.

Мне не раз приходилось экспериментировать с голодными собаками. Я клал перед ними кусок хлеба или мяса, и они жадно набрасывались на него. После этого я снова клал кусок, но брал палку и запрещал собаке его трогать. Если она его трогала, то получала сильный удар, и после двух-трех таких «уроков» усваивала, что лежащий перед нею

кусок трогать нельзя, поскольку палка — налицо. То же самое и с человеком. Поставьте перед голодным аппетитный бифштекс, и — если нет никаких тормозов — он его с удовольствием съест; но если приставить к его виску револьвер и пригрозить, что как только он прикоснется к находящемуся перед ним «магниту», прогремит выстрел, то, естественно, он к нему не притронется. При наличии таких нешуточных тормозов, акты захвата продовольствия со стороны голодных масс могут быть заторможены.

Как бы ни был силен голод, но если к виску голодающих приставлен револьвер, т. е. введено военное или осадное положение, отдан приказ о расстреле на месте при любой попытке захвата, то бунты и волнения могут быть заторможены. Эффект голода будет нейтрализован другим «сильно действующим» средством.

Вот почему во время некоторых сильнейших голодовок в России, на Западе, в Индии, когда условия, необходимые для возникновения волнений, были налицо, они все-таки не возникали или не принимали значительных масштабов.

Как видим, дело обстоит не так просто, как это часто изображают сторонники двух противоположных мнений. Сторонники одной из этих точек зрения говорят, что голод всегда ведет к волнениям. Неверно, — приходится отвечать им на основании всего выше изложенного. Если ухудшение питания совершается исподволь и медленно, если в обществе нет резкой имущественной дифференциации, или если имеются более легкие способы удовлетворения голода, если вдобавок к этому богачи, общество и власть делают все, что в их силах, для облегчения голода, если правительственный аппарат крепок, то волнений может и не быть.

Но следует ли отсюда, что правы те, кто утверждает, будто голод не ведет к восстаниям и волнениям, что восстают только сравнительно сытые? Такое мнение высказывают как историки (А. В. Романович-Славягинский, М. М. Ковалевский, отчасти Е. В. Тарле и другие), так и некоторые биологи (Л. А. Тарасевич, В. М. Бехтерев), которые в известной мере отрицают функциональную связь между голодом и восстаниями.

«Давно замечено, — пишет М. М. Ковалевский, — что революционные движения, хотя и вызываются избытком общественных бедствий, загораются обыкновенно не в моменты наибольшей приниженности, а наоборот, в периоды сравнительного подъема благосостояния масс. Вся история может служить иллюстрацией этой мысли. Положение крестьянства при Людовике XVI было, разумеется, несравненно лучше,

чем в последние годы царствования Людовика XIV. Это не приблизило, однако, на столетие французского переворота. Самосознание, возникающее одновременно с материальной обеспеченностью, открывает глаза крестьянству на возможность улучшить свое положение новыми коллективными усилиями»¹⁴. Сходным же образом думают Тарасевич, Бехтерев, Тарле, Романович-Словатинский, Вальдман и др.

Утверждение М. М. Ковалевского, как и выше названных авторов, содержит только один правильный пункт, гласящий, что сильное дефицитное голодание масс, приводящее к крайнему истощению, не сопровождается волнениями и революциями. Выше я уже указывал на это обстоятельство. Но из него вовсе не следует, что «революционные движения загораются... в моменты сравнительного подъема благосостояния масс», т. е. в моменты, когда их пищевой режим улучшается. Это положение спорно и доказать его, думается, было бы очень трудно.

Целый ряд фактов повседневной жизни и исторических событий свидетельствует о том, что крупные социальные движения начинаются именно в моменты снижения уже устоявшегося уровня питания масс, а не в моменты его повышения. Исключением являются только такие ухудшения, когда имевшийся до них уровень питания был крайне дефицитным и истощил население до крайности.

Таковы вкратце условия, при которых ухудшение питания масс (относительное и дефицитное голодание) ведет к волнениям и революциям.

Очертив эту связь между голодом и волнениями, попытаемся теперь подтвердить ее.

1) Первой группой многочисленных и часто повторяющихся фактов, легко доступных наблюдению и проверке, прямо говорящих об этой связи, *служат проявления недовольства, начиная с ропота и кончая бунтами, в небольших социальных агрегатах* (в пансионах, столовых, общежитиях, в продовольственных очередях, ресторанах, трактирах, среди солдат, рабочих и других лиц, живущих на готовых харчах и получающих определенный «рацион», и т. д.) — проявления, которыми почти всегда сопровождается ухудшение их питания. Мне, вопреки мнению М. М. Ковалевского, неизвестны факты, когда такие группы реагировали бы ропотом, бранью, битьем посуды, мордобоем и другими формами «бунта» на улучшение их рациона, обеда, пайка, «харчей» и продовольственных выдач. Напротив, всякое увеличение количества и улучшение

¹⁴ Ковалевский М. М. Экономический рост Европы. М., 1900. Т. II. С. 525–526.

качества таких выдач вызывает реакцию в виде чувства удовольствия, благодарности, радости и т. п.

Зато при снижении кривой количества и качества пищи реакция «недовольства», «протеста», «возмущения» обычна. Кто не слышал и не знает о «продовольственных бунтах» в учебных заведениях (духовных семинариях, пансионах, студенческих столовых), приютах, богадельнях, на фабриках, в армии и т. д., вспыхивавших в ответ на ухудшение питания. Сотни таких фактов имели место в русских «государственных столовых» за эти годы, когда и без того дрянная их пища становилась еще хуже; при выдаче пайков, когда их величина уменьшалась или ухудшалось их качество и т. д., и т. д.¹⁵ Уменьшение количества и снижение качества пищи, получаемой соответствующей группой людей, во всех этих случаях влекло и влечет за собой маленькие бунты, волнения, иногда — революции, заканчивающиеся «ниспровержением» «существующего продовольственного строя», его властей и агентов, битьем посуды и разгромом помещений, иногда избиением действительных или мнимых виновников ухудшения.

Во всех такого рода событиях отчетливо проявляется указанная связь между ухудшением питания и возникновением волнений и революций. Нужно ли говорить, что они представляют собой уменьшенную копию крупных социальных волнений? Допустим, что вместо 50 перед нами 500 тысяч человек, у которых уменьшается количество пищи и снижается ее качество, — и тогда вместо «бури в стакане воды» (в приюте, общежитии, богадельне) мы увидим бурю, уже более солидную, представляющую собой общественное событие (в виде грандиозного митинга, массовой демонстрации под лозунгом «Хлеба!» или в виде разгрома хлебных лавок, базаров, продовольственных складов и т. п.).

Одного указания на такие факты достаточно, чтобы признать сформулированное выше основное положение доказанным.

2) Второй разряд фактов, подтверждающих эту теорему, предоставляет история, позволяющая сопоставить даты и места крупных волнений с характером движения кривой питания масс. Хотя исторические доказательства (вопреки обычному мнению историков) — самые

¹⁵ Я лично наблюдал десятки и сотни таких протестов и волнений в «Доме ученых» в феврале—апреле 1921 г., когда выдачи пайков резко сократились, в 1918–1919 гг. в столовой Университета и Бестужевских курсов, в продовольственной лавке рабфаковцев и студентов Петроградского университета, etc. ^{4*}

неточные и неудовлетворительные (ибо здесь всегда имеется ряд иксов, и чем древнее эпоха, тем их больше; данные, свидетельства и описания всегда приблизительны), однако, для проверки наиболее фундаментальных процессов пригодны и они. Если на основании этого материала нельзя точно определить, на сколько калорий снизилось питание, например, английских рабочих в 40-е гг. XIX в. или французских крестьян и горожан в 1788–1789 гг., то все же можно вполне определенно сказать, улучшилось оно или ухудшилось, т. е. усилилось или ослабло «ущемление пищевых рефлексов».

Перейдем теперь к проверке нашей теоремы.

Древний Восток

При всей неразработанности истории Древнего Востока в ней все же зафиксированы случаи возникновения волнений на почве недостатка продуктов питания. В Египте, пишет Масперо, «небольшие бунты случались нередко и всегда вызывались нуждой и голодом. Большая часть платы состоит здесь в хлебе, пшене, масле, порциях пищи, которые начальники работ обыкновенно раздают с первого числа каждого месяца и которых должно хватить до первого числа следующего месяца». «В первые дни семья наедается досыта, но уже в середине месяца порции уменьшаются и начинается ропот; в продолжение последней недели наступает настоящая голодовка, и это отзывается на самой работе. Если справиться в официальных записях, которые вели на местах работ писцы, то окажется, что ближе к концу каждого месяца происходили общие забастовки, вызываемые голодом и слабосилием рабочих»¹⁶.

Было бы интересно проследить связь между колебаниями бедности и волнений в истории Египта. Но, к сожалению, у нас нет необходимых для этого данных. Можно только утверждать, что отдельные эпохи смут и волнений совпадают с периодами обнищания страны. Так, время после XII династии было одним из самых бедственных в Египте¹⁷. В это время «в экономическом отношении страна быстро клонилась к упадку», «общее шаткое положение вещей подорвало ее сельское хозяйство и промышленность»¹⁸. Эта же эпоха была и временем величайших

¹⁶ Масперо Г. Древняя история. СПб., 1903. С. 25–28; Тураев Б. А. Древний Египет. Пг., 1922. С. 120–121.

¹⁷ Тураев Б. А. Цит. соч. С. 70.

¹⁸ Брэстед Д. История древнего Египта. М., 1915. Т. 1. С. 224.

социальных революций и смут, о которых дают представление записи современников тех лет — старцев Онху и Ипувера.

Такие же совпадения имеются и в другие эпохи, например, при Эхнатоне¹⁹, после XIX династии²⁰, при Рамзесе III²¹ и после него, во времена правления XXI–XXIV династий^{22/5*}.

Греция

Здесь связь обеднения массы населения, а следовательно, и ухудшения ее питания с ростом волнений и революций проявляется в том, что начиная с рубежа VII–VI в. до Р.Х., знаменующего собой аграрную революцию, обезземеливание крестьянства, ухудшение материального положения масс, появление богатых групп и рост имущественной дифференциации, начинаются и социальные революции со всеми их жестокостями и насилиями. Эксплуатация крестьянской массы достигает крайней степени. В Афинах, например, крестьяне должны были довольствоваться 1/6 долей урожая, отдавая 5/6 в пользу землевладельца. Просуществовать на 1/6 часть урожая было невозможно. Массы обрекались на голодное и полуголодное существование. С этого же времени начинаются и революции. Появляется партия пролетариата («кулаков», по терминологии того времени), начинается беспощадная борьба сытых и голодных. «У массы населения сознание безысходной социальной нищеты должно было уступить место другому настроению. Все общественные классы, кроме привилегированного, были охвачены революционным порывом. Разгораются ужасные страсти и преступные инстинкты»²³. Вспыхивает Мегарское восстание (ок. 640 г.)^{6*}, происходившее, по словам современника, под лозунгом: «Сперва ищи пропитание, добродетели же — когда у тебя уже есть на что жить». Бедняки набрасываются на богачей, разражаются неистовства, противники готовы «съесть друг друга живьем»²⁴.

Позже, с некоторыми перерывами, бедность масс и имущественные контрасты не уменьшались, а в общем возрастали. «Демократия не уничтожила нищеты; напротив она сделала ее более чувствительной...» Численность бедняков росла непрерывно. Росли и волнения, борьба

¹⁹ *Брэстед Д.* Цит. соч. Т. II. С. 33, 84.

²⁰ Там же. С. 156.

²¹ Там же. С. 179–181.

²² Там же. С. 200–208, 218, 231–232.

²³ *Пельман Р.* История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910. С. 353.

²⁴ Там же. С. 358–359.

партий обострялась, становилась все более и более жестокой, перевороты учащались²⁵.

В это время «даже в демократических Афинах простолюдин одевался не лучше раба. Жизнь массы населения находилась на весьма низком уровне. Поденная плата, равнявшаяся трем оболам^{7*} (в V в. до Р.Х.), была недостаточна для прокормления семьи, несмотря даже на нетребовательность южан». Позже, хотя среднее вознаграждение за квалифицированный труд поднялось до 1½ и 2–2½ драхм^{8*}, «покупательная способность денег снизилась, так что это повышение заработной платы вряд ли может быть признано симптомом увеличения доходов низших классов народа». В Аттике, по подсчетам Г. Майра, минимум, необходимый для существования четырех человек, в конце IV в. до Р.Х. равнялся 525 драхмам, так что заработная плата, равнявшаяся 11/2 драхмам в IV в. и 1 драхме в V в., оказывалась ниже этого минимума, необходимого для существования. В других местах дело обстояло еще хуже. Положение усугубляла к тому же и война, которая шла в течение 55 лет²⁶.

Мудрено ли, что при таком дефиците продовольствия социальные конвульсии в обществе становятся весьма частыми, в известной мере перманентными. «Бедность порождает гражданскую войну и преступление», — писал Аристотель, резюмируя свои наблюдения над положением вещей²⁷. «Пролетарий этих времен — прирожденный революционер»²⁸. «Бедность и имущественное неравенство становятся побудительными мотивами, вызывающими непрерывные революции», — говорит Пельман²⁹. Социальная борьба V в., согласно Фукидиду, порождалась «желанием отделаться от бедности, которую долго приходилось терпеть, и страстным желанием овладеть чужим имуществом»³⁰. Революция следует за революцией: в 427 г. — в Керкире, в 412 г. — на Самосе, в 370 г. — в Аргосе и т.д., с отбиранием имущества богачей, с захватом земель, «социализациями», бесчисленными убийствами и насилиями³¹.

²⁵ Пельман Р. Цит. соч. С. 397–399 и гл. XII.

²⁶ Там же. С. 370–372, 375, 376.

²⁷ Аристотель. Политика. II, III, 7, 1265b.

²⁸ Пельман Р. История античного коммунизма и социализма. С. 451.

²⁹ Там же. С. 452.

³⁰ См.: *Drumann K.W.A. Die Arbeiter und Kommunisten in Griechenland und Rom.* Königsberg, 1860, § 17, 46.

³¹ Пельман Р. Цит. соч. С. 455–456; Пельман Р. Очерки греческой истории и источниковедения. СПб., 1908. Т. I. С. 149–150.

Известно, что Афины после Персидской войны в течение 30-летнего мира жили сравнительно благополучно³². В этот период не было крупных волнений и переворотов. Но вот — разражается Пелопоннесская война^{9*}. Начинает увеличиваться нужда. Сокращаются государственные подачки. Массы населения нищают. К концу войны все продовольствие (в блокируемых Афинах) иссякает, и люди начинают умирать с голоду³³. И что же мы видим? Видим, как с ростом бедности и голода начинаются и конвульсии афинского общества. Внутренняя борьба обостряется, переворот следует за переворотом. Таковы, не говоря о мелких переворотах, революции 411 и 409 гг. Вслед за ними происходят социальные перевороты, руководимые Критием, Фераменом и «тридцатью тиранами»^{10*}, которых быстро свергают, — словом, голодный агрегат начинает почти непрерывно биться в сильнейших революционных конвульсиях³⁴, кровь льется потоками, жестокость доходит до чудовищных размеров, гражданская война — до максимума. По причине такого же обнищания в этот период происходят революции в Керкире и Аргосе³⁵.

В Спарте особенно резкое обеднение и рост имущественной дифференциации выявляются в середине III в. до Р.Х. К этому времени «большинство ее граждан обеднело, и так как они не могли осуществлять свои гражданские права, должности и общее управление сосредоточились в руках кучки людей. Число спартанцев, имевших недвижимую собственность и богатства, было не более ста человек; таким образом, громадные состояния сосредоточились в руках немногих»³⁶. В этот же именно период мы встречаемся здесь с острейшими социальными революциями и переворотами (Агиса IV [243–237] и Клеомена III [236–220 до Р.Х]), сопровождавшимися чудовищной резней, террором, конфискациями, «социализациями» и т. д.

В дальнейшем сытость Спарты не увеличивается. Войны еще более ухудшают ее положение. Вместо обогащения «многие граждане вышли из этих войн еще более разоренными, и это послужило причиной последующей борьбы и переворотов». Социальная революция стала чуть

³² См.: *Busolt G. Griechische Geschichte bis zur Schlacht des Chaeroneia*. Gotha, 1897. Bd. III. Teil I. S. 580–582, 562–565.

³³ *Ibid.* Teil II. S. 1402–1403, 1450, 1614, 1628.

³⁴ *Ibid.* S. 1456–1457.

³⁵ См.: *Фукидид*. История. Т. III. С. 81–85.

³⁶ *Niese B. Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten*. Gotha, 1899. Teil. 2. S. 296–297.

ли не перманентной. При Набисе (конец III — начало II вв.) снова повторяется старое: «множество выдающихся и имущих граждан убивается или отправляется в ссылку, их имущество тиран раздает бедным, их жен отдает своим друзьям и солдатам» и т. д. Чем дальше, тем положение становится все хуже, наряду с этим почти без перерыва продолжают и социальные катаклизмы (188 г. и др.), доведшие Спарту до полного упадка и гибели³⁷.

Конечно, указанная нами связь между революциями и обнищанием масс и усилением его голодания описана довольно суммарно, без желательной точности, но все же и такое описание, хотя и весьма приблизительно, но фиксирует эту связь. Революции начинаются со времени обеднения масс и роста имущественной дифференциации, учащаются по мере их роста и прекращаются, пожалуй, только с момента подчинения Греции Риму, когда страшное обезлюдение и мир принесли, наконец, материальную обеспеченность³⁸.

Рим

Почти то же самое мы наблюдаем и в истории Рима. В начальный ее период, когда «сплошь консервативное крестьянство, крепко державшееся за землю, безусловно господствовало на форуме, поразительным образом нет упоминаний ни о каких резких классовых противоречиях, ни о сколько-нибудь глубоких классовых конфликтах, ни о нападках на общественный строй»³⁹.

Позднее, по мере обезземеливания крестьянства, роста населения Рима и увеличения численности пролетариата^{11*}, следовательно, с подъемом кривой бедности и голода — резко начинает подниматься и кривая восстаний. А бедность была страшная. «Армия нищеты разрослась до огромных размеров». Ее составляли бедный городской пролетариат, бедные сельские пролетарии, плюс армия рабов. «При дороговизне жизни в Риме, рабочий, зарабатывавший около 3 сестерциев^{12*} в день, был жалким пролетарием. В Риме скопилась столь огромная масса того элемента, который можно назвать низшим осадком паупе-

³⁷ Niese B. Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten. S. 563–564; Teil 3. S. 42–43.

³⁸ См.: Мейер Э. Народонаселение в древности // Народонаселение. М., 1897.

³⁹ Пельман Р. История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910. С. 546–548.

ризма, — нищих и бродяг, голодной черни, словом, босяцкого пролетариата, — что о его населении отзывались, как о клоаке»⁴⁰.

Не лучше обстояло дело и вне Рима. К концу республики общее положение масс продолжало ухудшаться, имущественная дифференциация — увеличиваться. «В римском государстве не наберется и 2000 человек, владеющих каким-либо имуществом», — так охарактеризовал ситуацию трибун Л. Филипп в 104 г. до Р.Х.⁴¹

«Даже у лесных зверей имеются логовища, — говорит в своей речи Тиберий Гракх, — граждане же, сражавшиеся за честь и славу государства, не знают, где приклонить голову. У них не осталось ничего, кроме света и воздуха»⁴².

Катилина, возглавивший еще одно движение, охарактеризовал положение так: «Дома у нас нищета, вне дома — долги; печально наше нынешнее положение, еще безотраднее будущее»⁴³.

В итоге — ряд революционных конвульсий (движения и восстания Гракха, Цинны, Катилины, Целия, Долабеллы, Спартака, Сатурнина и другие), с ничтожными по времени интервалами следующих друг за другом. Это — с одной стороны. С другой — гражданские войны и развитие преступности — с третьей.

Всюду здесь в порыве «злобного отчаяния беднота становится движущей и разрушительной силой; она переживает республику и не перестает тревожить и систему цезарей»⁴⁴.

Наряду с этими «перманентными революциями», бурлящими в конце республиканского периода истории Рима, начиная со II века до Р.Х., в Италии в несметном количестве появляются шайки разбойников. «Раньше, — пишет Дионисий Галикарнасский, — не было случаев, чтобы бедные врываются в дома богачей в надежде найти там съестные припасы или же пытались похитить доставленный на рынок хлеб».

⁴⁰ Пельман Р. Цит. соч. С. 451. См. также: Сальвиоли И. Капитализм в античном мире. 1922. С. 13–18, 24, 165–170.

⁴¹ Мейер Э. Народонаселение в древности // Народонаселение. М., 1897. Подробнее об ухудшении материального положения римского населения к концу республики см.: *Fustel de Coulanges N. D.* Op. cit. Part XII; *Drumann K. W. A.* Op. cit. S. 23–24, 39–43; *Niese B.* Grundriss der Römischen Geschichte. München, 1906. S. 146–147; *Dury V.* Histoire des Romains. Paris, 1885. Vol. VII. P. 522–523.

⁴² Пельман Р. Цит. соч. С. 555–556, 563.

⁴³ Там же. С. 564.

⁴⁴ Там же. С. 555.

Теперь это стало нормой⁴⁵. Вместе с тем все чаще и чаще вспыхивают восстания рабов.

Гражданская война заливает всю страну. Ее лозунгом становится «Война дворцам и мир хижинам», – выдвинутый эннским царем рабов^{46/13*}.

Весь общественный организм бьется в судорожных конвульсиях, его клетки, испытывающие нехватку пищи, начинают поедать и истреблять друг друга. Гражданский мир полностью исчезает. То, что во всем этом «вопрос желудка» играет основную роль, помимо всего сказанного, подтверждается еще и тем, что основные требования бунтующих всегда так или иначе были связаны с вопросом о хлебе: требование раздела государственных земель, выдвинутое Спурием Кассием, аграрный и фрагментарный законы братьев Гракхов^{14*}, закон Мария о снижении цен на хлеб, лозунг «экспроприации богачей», выдвинутый в ходе целого ряда других революций, аграрные требования Сатурнина и Друза и т. д. Даже чисто политические требования были средством к завоеваниям экономическим и продовольственным. «Лозунг “Вся власть народному собранию” ставил своей ближайшей целью обеспечить суверенным гражданам дешевый, а затем и даровой хлеб за счет государства, т. е. реально либо за счет подчиненных и зависимых от Рима, либо за счет имущих, по отношению к которым все средства принуждения казались дозволенными»⁴⁷.

Что же касается самого Рима, то он со своим населением, выросшим почти до миллиона человек, был в конце республиканского периода охвачен хроническим голоданием, а потому и непрерывными волнениями. «Необходимо было беспрестанно успокаивать массы и... это успокоение откровенно признается мотивом, побудившим цезаризм признать право масс на хлеб и зрелища». Но... «никогда не удавалось добиться прочного успокоения. Буйные скопища неистовствующих народных масс и всевозможные насилия составляют постоянную рубрику в истории города. Обыкновенно возмущения масс вызывались их затруднительным экономическим положением, жалобой на высокие цены съестных припасов и озлоблением против действительных или мнимых виновников

⁴⁵ Пельман Р. Цит. соч. С. 548–549, 702.

⁴⁶ Там же. С. 549.

⁴⁷ Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. СПб., 1918. С. 10–11. Он же правильно подчеркивает, что «еще более обострилась (социальная) борьба под влиянием... вопроса продовольственного».

этих высоких цен»⁴⁸. «Римский плебс всегда был готов на беспорядки, как только опаздывал хлеб, привозимый из-за моря»⁴⁹. «Вскоре после Брундизийского соглашения^{15*} флот Помпея отрезал Италию от хлебных рынков, начался голод», а с ним и снова гражданская война⁵⁰.

«В 32 г. вследствие высокой цены на хлеб опять чуть было не начался бунт». Неурожай и голод 5–8 гг. сопровождались волнениями и бунтами, то же самое произошло в 19 г. В 52 г. «хлеба (в Риме) осталось только на пятнадцать дней, разразился бунт, и Клавдий с трудом избежал народной ярости». Нечто подобное повторилось и в 68 г.⁵¹

Начиная с Августа, в силу ряда причин в I–II вв. экономическое положение населения Рима, если не улучшается, то и не ухудшается. Этот же период является и периодом сравнительного спокойствия⁵².

В III в. снова происходит резкое ухудшение. В силу разных причин растет нищета и голод, с одной стороны, с другой — концентрация богатств и имущественная дифференциация. В это время «земля стала производить мало, и голод превратился в постоянную угрозу, промышленность пала», новых завоеваний и добычи не было, приток рабов почти прекратился, натиск варваров стал сильнее и т. д. — словом, наступило сильнейшее обеднение масс и усиление их голодания⁵³.

С этого же времени, как известно, резко поднимается кривая анархии, смут, переворотов, бандитизма, восстаний и революций, прекращавшихся лишь на короткое время и продолжавшихся в общем до падения Западной Римской империи⁵⁴.

Ту же самую картину в этот период и позже мы видим и в римских провинциях, еще не захваченных варварами. Непрерывные волнения, пролетарские социальные революции, вроде революции африканских крестьян, анархия, огромные шайки бандитов и грабителей (скама-

⁴⁸ Пельман Р. Цит. соч. С. 555–556.

⁴⁹ Фридлендер Л. Картины из бытовой истории Рима. СПб., 1914. С. 27–28; Сальвиоли И. Цит. соч. С. 166.

⁵⁰ Ростовцев М. И. Цит. соч. С. 141.

⁵¹ Waltzing J. P. Étude historique sur le corporations professionnelles chez les romains // Mémoires couronnées Бельгийской Королевской Академии. 1896. Vol. II. P. 20.

⁵² Duruy V. Histoire des Romains. Paris, 1885. Vol. VI. P. 531.

⁵³ См.: Duruy V. Op. cit. Vol. VI. Ch. XCV. P. 350–351; Niese B. Grundriss der Römischen Geschichte. München, 1906; Сальвиоли И. Цит. соч. Гл. IX.

⁵⁴ См.: Duruy. Op. cit. Vol. VI, VII; Niese B. Op. cit. P. 50–51.

ры, циркумцеллионы, багауды^{16*} и т. д.) — вот типичные явления этого периода. Голодавшие солдаты, «собрав вокруг себя голодных поселян и бродяг разных наций, положили начало скамарам, которые вступали в сражения с регулярными войсками и вели переговоры с римскими полководцами, как равные с равными»⁵⁵. По словам современника, здесь «все вооружились на взаимную гибель»⁵⁶.

Связь между голодом и волнениями и здесь выступает довольно четко. Дефицитный обмен веществ римского агрегата влечет за собой кровавые конвульсии и борьбу.

Византия

Известно, что после Юстиниана (да отчасти и при нем) внутренняя история Византии изобилует волнениями, восстаниями, большими и малыми революциями. С X века они становятся в известной мере перманентными. Не ошибемся, если в качестве одной из главных причин такой «лихорадки» назовем дефицитный обмен веществ. Необеспеченное сельское население, разоряемое бесконечными реквизициями, грабежом и податями власти, волновалось и восставало. Даже во времена Юстиниана провинции на этой почве «почти непрерывно представляли картину войны» (населения с властью и ее «продорганами») ⁵⁷. Не без этой причины вспыхнуло и знаменитое восстание 532 г. ⁵⁸

«Народные бедствия были нередким явлением», а голодовки, особенно в X, XI и XII вв., — частыми. Так, например, они были (от засу-

⁵⁵ *Thierry Am. Récits de l'histoire Romain au V siècle. 1860. P. 141–171.*

⁵⁶ См.: *Jordanes. De Gothorum origine et rebus gestis, L–LII; Salvianus. De gubernatione Dei, V.* «Порабощенные и истощенные массы поднимались в открытом восстании... Выступает образцовый тип пролетарской революции, “тяжелая поступь” марширующих пролетарских батальонов... Убивая и грабя, сжигая и опустошая, проходили мятежники по стране. Колоны^{17*} кинулись на поместья, рабы — на господ. Восставшие, встречая, например, носилки, заставляли сидящих меняться ролью с носильщиками, а рабы и зависимые принуждали господ исполнять вместо них тяжелую работу» (*Пельман Р. Ранний христианский коммунизм. Казань, 1920. С. 36–38*).

⁵⁷ *Holmes W. The age of Justinian and Theodora. London, 1907. P. 450–452.* «Сбор налогов встречал регулярное сопротивление и вызывал кровавые восстания».

⁵⁸ *Ibid. P. 453–458.* Одной из причин восстания было огромное скопление голодных беглецов с семьями (см.: *Очерки по истории Византии. СПб., 1912. Вып. II. С. 63–65*).

хи) в 1026, 1028–1029, 1032–1034, 1037, 1040, 1054, 1058–1059 и др. гг. Мудрено ли поэтому, что «революции были непрерывными». Императоры менялись, возводились и низводились чуть ли не ежегодно. «Ни один император не мог считать себя в безопасности на троне; из общего числа лиц, занимавших престол, добрая половина окончила жизнь насильственным образом»⁵⁹.

Кроме того, страна в то время, по-видимому, была перенаселена; по подсчетам Холмса, плотность ее населения в VI в. была вдвое больше, чем теперь, и равнялась 1/3 плотности населения современной Англии. При уровне развития производительных сил того времени такая плотность была избыточной и значительную часть людей обрекала на голод, а следовательно, создавала кадры участников волнений и смут⁶⁰.

Средние века

Мелкие локальные волнения, разгром лавок, вторжения в дома богачей, убийства были нередкими явлениями во время голода в Средние века. Так было, например, в Праге и Магдебурге; в «Страсбурге дело дошло до мятежа», в ряде монастырей низвергали аббатов и на их место возводили новых лиц — *virum juvenem, sed industrium et providum*^{18*}, и т. д.⁶¹

Если подобные волнения здесь не очень часты — то следует, с одной стороны, учитывать, что голодовки эти были истощающими и смертельными, а с другой, — что они тонули в общей массе средневековых волнений, перманентной борьбы, разбоев, грабежей, войн и социальных движений, начиная со всякого рода еретических и коммунальных восстаний и кончая крестовыми походами против еретиков и иноверцев, постоянно трепавшими средневековые агрегаты лихорадкой и конвульсиями.

Если мы зададимся вопросом об их причинах, то едва ли сможем согласиться с теми историками, которые сводят их к одним только религиозным верованиям⁶² (т. е. условным раздражителям, почти все-

⁵⁹ Скабалоневич Н. А. Византийское государство и церковь. СПб., 1884. С. 252–253, 134. Гл. I и III.

⁶⁰ Holmes W. Op. cit. P. 136–137, 123.

⁶¹ Curschmann F. Hungersnöte in Mittelalter. Leipzig, 1900. Bd. II. S. 53–54.

⁶² «Видеть в войнах, подобных Альбигойскому крестовому походу^{19*}, только религиозные войны, значит быть вне реальности», — правильно отмечает Парето, который, анализируя средневековые хроники, вскрывает «желудочные» причины человеческих действий (*Pareto V. Trattato di sociologia generale. Vol. I. P. 804–805*).

гда более слабым, чем безусловные) или какому-то «духу свободы», обывшему вдруг средневековые коммуны, к невежеству или, наоборот, — успехам в деле просвещения и т. д.

Привести в движение сотни тысяч людей и заставить их отправиться в Святую Землю или на юг Франции, рисковать жизнью, страдать и гибнуть, — этого не в состоянии сделать комплекс условных рефлексов, вызываемых условными же стимулами, которые называются религией. О необоснованности и бессодержательности гипотезы, согласно которой коммунальные движения были вызваны «духом свободы», недавно писалось в научной литературе⁶³. Еще менее подтверждается она такими фактами, как грабеж богачей, срывание ценностей с богатых дам, разгромы и т. п., — обычным аккомпанементом коммунальных революций⁶⁴.

Религиозные и другие условные стимулы хотя и сыграли во всем этом свою роль, но весьма скромную. Более серьезные мотивы надо искать глубже — в области безусловных раздражителей, в частности, голодном состоянии масс.

Оно в Средние века было бытовым явлением. В то время «население было бедным и плодовитым»⁶⁵. «Угнетенная невероятной бедностью народная масса», в силу ужасных условий существования, обычно голодала⁶⁶. Нередко голод имел катастрофические последствия. Чрезвычайно типична в этом отношении и самая неуравновешенность психики масс того времени, ненормальный ее характер, делавший возможными все средневековые духовные эпидемии, психозы, массовый гипноз и помешательства со всеми нелепейшими верованиями и идеологиями того времени⁶⁷. Такая психика и такое поведение типичны для голодающего общества.

⁶³ См.: *Оттокар Н. П.* Опыты по истории французских городов в Средние века. Пермь, 1919.

⁶⁴ См., например: *Лависс Э., Рамбо А.* Эпоха крестовых походов. М., 1914. Т. I. С. 403–404.

⁶⁵ Там же. Т. I. С. 8.

⁶⁶ *Ли Ч.* История инквизиции. СПб., 1911. Т. I. С. 388.

⁶⁷ Это была «впечатлительная масса, доступная самым крайним порывам, суеверная. В воображении всех невидимый мир (дьяволов, ангелов, ведьм, etc.) рисовался реальным». «Народы этой эпохи легко поддавались впечатлению минуты и доходили до иступления (шабаши, бичующие себя флагелланты^{20*}, женщины, нагими бегавшие по улицам, крестовые походы детей, ужасы инквизиции и т. д.)» (там же. С. 38, 94).

Если дефицит продуктов питания в Средние века носит хронический характер, то немудрено, что социальные организмы бьются в конвульсиях, что «война здесь является нормальным состоянием», что под разными лозунгами вспыхивают волнения, в которых не трудно усмотреть их «желудочную основу»⁶⁸, что страны превратились в «непотребный дом народов, где обитатели грызутся друг с другом» (Данте), что мира и спокойствия нет. В таких условиях их и не может быть. Конкретные лозунги, вокруг которых разворачивались движения, могли быть разными, иногда до смешного пустыми (например, спор в 1220 г. между флорентийским и пизанским посланниками из-за собаки, вызвавший войну), но было бы наивно видеть суть дела в таких внешних поводах. Не будь собаки — война или восстание вспыхнуло бы из-за «кошки», не было бы призыва освободить Святую Землю, появился бы другой; если социальный организм болен — недостатка в симптомах болезни не будет: она проявится не в одном месте, так в другом, не этим, так иным способом.

Проследим с этой точки зрения ряд важнейших социальных движений в истории Англии, Франции, Германии и России. Их связь с ухудшением экономического положения масс, а следовательно, и питания (ибо 50–80% бюджета бедняка идет на питание) проявляется довольно ясно: они разражаются в годы ухудшения и особенно много их в периоды тяжелого экономического положения.

⁶⁸ Например, призывы к неплатежу десятины и к отобранию богатств церкви в движениях, связанных с именами Танхельма, Петра Брюнсенского, Генриха Лозаннского, Арнольда Брешианского, лионских бедняков и т. д. (*Ли Ч.* Цит. соч. Т. I. С. 42–44, 46–48). Далее, «неурожаи, предшествующие 1095 г. по всей Европе, сильно содействовали тому одушевлению, которое произвели крестовые походы» (*Рошеф В. Г.* Цит. соч. С. 60). Именно XI в. отмечен рядом страшных голодовок (их было не менее одиннадцати); сильнейший голод был и перед вторым крестовым походом в 1045–1047 гг. И особенно охотно шло в поход население голодных мест (*Curschmann F.* Op. cit. S. 62–68, 51–55). С другой стороны, среди них, как и среди тех, кто участвовал в походе против альбигойцев и других еретиков, было «немало таких, которые искали случая пограбить да погулять; и всех равно привлекала добыча» (*Ли Ч.* Цит. соч. С. 95). Фактическое поведение крестоносцев красноречиво свидетельствует об этом.

Англия

Непосредственно перед «войной баронов»^{21*} дела в Англии шли все хуже и хуже... «Недовольство усилилось из-за голода 1257–1258 гг. и вскоре перешло всякие границы»⁶⁹.

Большое восстание баронов, столь богатое последствиями в истории английской конституции, по мнению Лингардта, безусловно было ускорено дороговизной 1257–1258 гг.⁷⁰

Начало XIV в. после смерти Эдуарда I (1307 г.) и во время правления Эдуарда II (1307–1327) было бурным периодом истории Англии, временем кулачного права, низложения и убийства короля, больших волнений, анархизации и бесцеремонных расправ, которые учиняли друг над другом представители враждующих партий. Эти же годы были годами голодовок и резкого повышения цен на хлеб⁷¹. По Роджерсу, средняя цена тонны хлеба (в марках) была такая: в 1271–1280 гг. — 84,50, в 1281–1290 гг. — 75,81, в 1291–1300 гг. — 90,73, в 1301–1310 гг. — 79,64; в 1311–1320 гг. она повышается сразу до 111,79, затем в 1321–1330 г. несколько снижается — до 99,90, и в дальнейшем идет на понижение: 67,75 и т. д.

Хотя в силу целого ряда причин (неизбежной неточности исторического материала, малозначительности сведений о номинальной цене на съестные припасы, если отсутствуют соответствующие данные о заработной плате и покупательской способности денег и т. д.) номинальное движение цен — неудовлетворительный критерий для оценки повышения или понижения экономического уровня социальных групп (почему я и не привожу всех соответствующих таблиц), однако, в ряде случаев, вместе с другими свидетельствами они могут иметь некоторую ценность и до известной степени служить показателями повышения или понижения кривой питания масс. Вот почему в некоторых случаях я их все-таки привожу.

Понижение экономического уровня, а следовательно, и ухудшение питания, имело место и до и во время крестьянского восстания 1381 г. Достигнутый ранее, после «Черной смерти» 1349 г.^{22*}, уровень жизни населения в конце 70-х — начале 80-х гг. стал снижаться. «Страна переживала последний период бесславной войны», которая разоряла ее в тече-

⁶⁹ Грин Д. Р. История английского народа. М., 1897. Т. I. С. 185.

⁷⁰ Рошер В. Г. Цит. соч. С. 60–61.

⁷¹ «Шесть лет (во втором десятилетии XIV в.) принадлежат к самым мрачным эпохам в истории Англии. Ряд страшных голодовок усилил бедствия» (Грин Д. Р. История английского народа. М., 1891. Т. I. С. 248).

ние десяти лет». В связи с ней находился бесконечный рост податей и обложений, падавших, главным образом, на крестьянство. «Общины беднеют», — заявляли члены парламента в 1380–1381 гг. Ухудшилось положение вилланов^{23*}, из которых лорды выколачивали штрафы и дефициты. Прибавьте к этому знаменитый poll tax 1380 года^{24*}, наибольшей тяжестью легший на беднейшие слои населения, рост безземельных и малоземельных крестьян, составивших одну треть всех несвободных крестьян, наконец, образование в городах «несчастливого слоя представителей грубого труда, вечно висевших на волоске от голодной смерти», а наряду с ними появление группы богачей и рост имущественной дифференциации⁷² — и картина обнищания, рисуемая современником, будет ясна: «Богатый радуется, бедный плачет, народу невтерпез, и страна быстро пустеет». Фруассар подчеркивает, что больше всего пострадали в этом отношении графства Кент, Эссекс, Бедфорд, «которые и стали первым очагом восстания». Итог — социальная конвулсия в виде восстания, идеологически, как всегда, «припудренная благородными лозунгами»⁷³.

Конец XV и XVI вв. (эпоха Тюдоров) характеризуется относительным благополучием, низкими ценами на хлеб (максимум — 54 марки за тонну, минимум — 30 марок), и она же во внутреннем отношении была эпохой сравнительного покоя и отсутствия волнений⁷⁴.

В годы, предшествовавшие революции 1649–1650 гг., произошло резкое снижение экономического уровня, а следовательно, и ухудшение питания масс. В эти годы «всюду были заметны признаки обеднения. Плохие урожаи 1646 и 1647 гг. повысили цену квартера пшеницы с 30 тысяч до 58 с лишним, в той же пропорции произошло повышение цен на овес, гречиху и горох. Мясо подорожало вдвое против прежнего. Заработная плата тоже увеличилась, но далеко не в равной пропорции»⁷⁵.

⁷² См.: *Грин Д. Р.* История английского народа. Т. I. С. 277, 281, 295. О богатстве знати ходили невероятные рассказы. «Хлеб настолько поднялся в цене, что за день работы невозможно было заработать пшеницы в количестве, достаточном для прокормления одного человека».

⁷³ *Оман Ч.* Великое крестьянское восстание в Англии. М., 1907. С. 6–7, 9–10, 11, 18, 25–26. *Ковалевский М. М.* Экономический рост Европы. Т. II. 589, 592, 600. *Петрушевский Д. М.* Восстание Уота Тайлера. М., 1915; *Эшли У.* Экономическая история Англии. М., 1897. С. 5, 39–43.

⁷⁴ См.: *Schmitz O.* Op. cit. S. 437–438.

⁷⁵ *Ковалевский М. М.* От прямого народовправства к представительному. Т. II. С. 178. См.: *Роджерс Дж.* История земледелия и цен. Т. V. С. 205, 623. Т. VI. С. 54, 286.

Присоедините к этому неурожай 1646–1647 гг., колоссальный рост населения, численность которого достигла к тому времени четырех миллионов человек, тогда как полвека назад, в конце царствования Елизаветы, оно не превышало (по подсчетам Роджерса) двух с половиной миллионов, «огораживания» и отнятие земли у арендаторов при Карле I, лишившее их куска хлеба, что уже и раньше вызывало бунты (например, в 1637 г.). «Нас разоряют, чтобы наделить пастбищами телят эссекских. Все осушено, а нам остается только умереть», — говорили восставшие. Наряду с этим происходило обогащение других групп и рост имущественной дифференциации. Итог — конвульсии, сначала местного значения (в 1642 г. в графстве Линкольн и других местах, а еще раньше — при Эдуарде VI, когда восставшие призывали: «Пойдемте к господам в дома, там мы найдем оружие, деньги и съестные припасы»), а затем — и всеобщая революция 1649–1650 гг. ⁷⁶

Следующей бурной эпохой в смысле внутренних волнений в истории Англии является конец XVIII в. и почти вся первая половина XIX века. Несмотря на некоторые временные затишья, в целом она представляет собой один из самых беспокойных периодов в истории Англии.

И этот же период отмечен такими явлениями, как обнищание масс, рост дороговизны, намного обгонявший рост заработков, увеличение имущественной дифференциации и резкое снижение реальной заработной платы. Вот лишь некоторые тому подтверждения: «1795 г. в Англии был одним из наиболее беспокойных. Урожай был плохой, война расстроила промышленность, народ все больше нищал, а вместе с тем проявлял и все большую склонность к беспорядкам». «Происходили митин-

Рошер пишет, что «средняя цена квартера пшеницы с 1626 по 1645 г. составляла 39,10 тысячи, в 1646 г. — 48, в 1647 — 78,8, в 1648 — 85, в 1649 — 80, в 1650 — 76» (Рошер В. Г. Цит. соч. С. 61); Т. Тук и У. Ньюмарч приводят такие цены квартера пшеницы: 1646 г. — 49,2; 1647 — 65,51/4; 1648 — 75,61/4; 1649 — 71,11/5 (Тооке Т., Ньюмарч В. Die Geschichte und Bestimmung der Preise. 1858. Bd. II. S. 797–799). См. также: Sommerlad Th. Zur Geschichte der Preise // Handwörterbuch der Staatswissenschaft. 1910. Bd. VI. S. 1167–1168. П. Левассер определяет цену гектолитра зерна в 1600–1610 гг. в 16 франков 37 сантимов (см.: Levasseur E. Le prix du blé dans divers au XIX siècle // Bulletin de l'Institut International de Statistique. Vol. XVIII. P. 111).

⁷⁶ Ковалевский М. М. От прямого народоправства к представительному. Т. II. С. 360–369; Rogers J. The Economic Interpretation of History. London, 1891. P. 174; Каутский К. От Платона до анабаптистов. С. 76.

ги под открытым небом, один из которых был по-настоящему грандиозным (в нем участвовало до 150 000 человек)». Лозунги были такие: «Мир!», «Дайте хлеба!», «Нет — голоду!» Совершенно было, как известно, нападение на королевскую карету и т. д. ⁷⁷ 1795 год является годом резкого повышения цен на хлеб. Цена за квартал пшеницы в 1791 г. была 49 шиллингов, в 1792 — 47, в 1794 — 54, а в 1795 сразу подскочила до 82⁷⁸. Это снижение уровня жизни народных масс, несмотря на некоторые колебания, приняло с начала XIX в. характер чрезвычайный. Дороговизна резко росла, повышение зарплаток значительно отставало⁷⁹. [В период с 1820 по 1850 гг. цена квартала пшеницы колебалась от 39 до 76 шиллингов⁸⁰, в период с 1830 по 1845 гг. — от 111 до 140⁸¹.] Приведенные данные по заработной плате, конечно, приблизительны. Как пока-

⁷⁷ См.: Кареев Н. И. История Западной Европы. Т. IV. С. 472–473.

⁷⁸ Tooke T., Newmarch W. Op. cit. P. 797–799. По Левассеру, за время с 1779 по 1790 гг. «средняя цена гектолитра пшеницы увеличилась на 20 и даже на 33 франка» (*Levasseur E. Le prix du blé cans divers au XIX siècle // Bulletin de l'Institut International de Statistique. Vol. XVIII. P. 112*).

⁷⁹ Это видно хотя бы из следующей таблицы:

Годы	Цена за квартал пшеницы (в шиллингах)	Средняя заработная плата за неделю (в шиллингах и пенсах)	Год	Цена за квартал пшеницы (в шиллингах)	Средняя заработная плата за неделю (в шиллингах и пенсах)
1799	76		1810	112	
1800	127		1811	108	
1801	129		1812	118	
1802	67	13 ш. 10 п.	1813	120	
1803	60		1814	85	
1804	69		1815	76	
1805	88		1816	82	5 ш. 2 п.
1806	88	10 ш. 6 п.	1817	116	4 ш. 3 п.
1807	78		1818	98	
1808	85		1819	78	
1809	106		1820	76	

⁸⁰ Tooke T., Newmarch W. Op. cit. P. 798–799.

⁸¹ Афанасьев Г. Е. Исторические и экономические статьи. Киев, 1909. Т. II, С. 454–455. «Ясно, что заработная плата не поднималась вместе с ценой на хлеб — происходило совершенно противоположное» (там же. С. 505).

зывают исследования Bowley, Wood'a и других, заработная плата в Англии в это время испытывала значительные колебания в зависимости от места и характера производства. Но главное, что в конце XVIII — начале XIX вв. она почти не повышалась даже номинально, а реально — конечно же, падала⁸². То же самое следует сказать и о первой половине XIX в.

Словом, факт обнищания масс, а следовательно, и ухудшения их питания в это время не подлежит никакому сомнению. В итоге мы видим, что английский социальный агрегат почти столетия находится в состоянии перманентного волнения и революционных конвульсий, временами несколько затихавших, но в общем не исчезающих вплоть до конца 40-х годов XIX в.⁸³

Со второй половины XIX в. начинается весьма значительное и почти неуклонное улучшение материального положения масс в Англии, а следовательно, и улучшение их питания⁸⁴.

Этот же период является и периодом относительного спокойствия и внутреннего мира. В общем и целом революционные стремления английских рабочих за это время становятся все более умеренными, а потом и вовсе исчезают, рабочий класс «обуржуазивается», место

⁸² Bowley A. Wages in the United Kingdom in the nineteenth Century. 1900. P. 32–34, 40, 70.

⁸³ Происходят восстания сельскохозяйственных рабочих, массовые поджоги хлебных складов, мельниц, целый ряд беспорядков в городах, грандиозные митинги и стачки, заговоры, образование мощных союзов, убийства и небывалая агитация, чрезмерное распространение бродяжничества и воровства, борьба за парламент, реформу 1832 года, за реформы 20-х годов, борьба против хлебных законов, чартизм^{25*} и т. д. Причем и в течение этого периода обострение борьбы происходит в годы, особенно неурожайные (после 1837–1840, 1845–1847 гг., после голода в Ирландии 1856–1856 гг.) и в годы промышленных кризисов. Помимо указанных выше работ, см.: Rosenblatt F. The Chartist movement in its Social and Economic Aspects // Columbia University Studies. New York, 1916. Vol. LXXIII. № 1; Slosson P. W. The Decline of the Chartist Movement // Ibid. № 9; Миклашевский И. Ю. История политической экономии. Юрьев, 1909. С. 298, 345–346; Джефсон Г. Платформа, ее возникновение и развитие. СПб., 1901. Т. II. 45–128, 189–194, 294–296, 370–418; Гаммедж П. История чартизма. СПб., 1907; Tilsday. Die Entstehung und die okon. Grundsätzen Chartistenbewegung. 1889; Dicey A. Law and Public Opinion in England. 1908; Уэбб С. и Б. История рабочего движения в Англии. СПб., 1899.

⁸⁴ Представление о нем дает следующий index реальной (а не номинальной) зара-

революционности занимает либерализм и реформизм. Конечно, и в то время бывали периоды относительного роста волнений, но они не приобретали острых форм и больших размеров и совпадали опять-таки с моментами роста безработицы и ухудшения материального положения, т. е. усиления относительного или дефицитного голодания. Такими были, например, волнения 1862 г., вызванные огромным ростом безработицы (по причине «хлопкового голода»), в результате чего жизненный уровень массы рабочих снизился до уровня пауперов^{26*}; таковы волнения 70-х гг., особенно 1878 г. (в Ланкашире), волнения 1885–1886 гг., когда дело дошло даже до грабежа лавок и магазинов в Лондоне; стачки, митинги, рост популярности идей анархизма и коллективизма в 1890–1893 гг. Именно эти годы были годами кризисов и безработицы⁸⁵. Но все это была сравнительно мелкая рябь, не сильно нарушавшая внутренний мир. Так продолжалось вплоть до 1917–1921 гг., когда — с ростом дороговизны — жизненный уровень рабочих Англии снизился, армия безработных стала стремительно увеличиваться⁸⁶. Имущественная же дифференциация не уменьшилась. Процент безработных среди членов тред-юнионов возрастал. Так, в 1916–1917 гг. он был равен 0,5, в 1918 г. — 0,9, в 1919 г. — 2,1, в 1920 г. — 1,1, в январе

ботной платы рабочего класса с 1850 по 1900 гг., если реальную заработную плату 1850 г. принять за 100:

Годы	Реальная заработная плата	Годы	Реальная заработная плата
1850	100	1880	134
1860	103	1890	166
1870	118	1900	183

(Wood G. H. Real Wages and the Standard of Comfort since 1850 // Journal of the Royal Statistic Society. 1909, March. P. 102–103).

⁸⁵ Подробнее об этих движениях см.: Туган-Барановский М. И. Цит. соч. 3-е изд. С. 413, 425, 427–428, 433, 435, 438–4440, 452–453.

⁸⁶ Уже в 1916 г. питание рабочих Англии ухудшилось по сравнению с довоенным временем (см.: Ferguson. The Family Budgets and Diaries of Forty Lab Class Families in War Time // Proceedings of the Royal Society of Edinburgh. Vol. XXXVII. P. 120–133); причем, как показывает Wood, ухудшение питания особенно резко коснулось бедных классов. См.: Wood F. The increase in the Cost of food of different classes of society since the outbreak of War // Journal of the Royal Statistic Society. 1916, Joule. P. 501–508.

1921 г. — 6,9, в феврале — 8,5, в марте — 10,0, в апреле — 17,6, в мае — 22,2 (не считая бастовавших горнорабочих). Общая численность безработных в апреле 1921 г. составляла 1 615 000 человек, плюс 897 000 работающих неполное время⁸⁷. Эти данные определенно говорят об усилении если не дефицитного, то относительного голодания масс, какого в таких размерах давно уже не знала Англия. И что же? Наряду с этим усилением мы видим и рост волнений и революционных конвульсий рабочего класса, тоже давно уже неизвестный Англии в таком масштабе: забастовки и стачки по своему размаху и числу участников приобрели небывалые размеры⁸⁸, рабочее движение «полевело», волнения участились, демонстрации, митинги, захваты предприятий, разгромы продовольственных лавок, магазинов и т. п. стали частым явлением, возникла коммунистическая партия, левое крыло в рабочей партии усилилось, армия сторонников «прямого действия»^{27*} увеличилась — словом, с усилением голода социальный организм Англии стал менее спокойным, начал биться в конвульсиях волнений и беспорядков. О связи этих двух явлений свидетельствуют сотни телеграмм, вроде следующих: «Лондон. 20. IV. В угольных копиях Ланкашира бастующие углекопы разграбили лавки со съестными припасами, булочные и рыбные торговые ряды. Много товаров было выброшено на улицу, откуда женщины и дети растащили их по домам. Убытки достигают нескольких миллионов фунтов»⁸⁹. Или: «В Норвиче безработные, участвовавшие в демонстрации, вошли в ратушу и заявили: “Мы должны что-нибудь иметь к Рождеству. Околевать с голоду мы не намерены. Если безработные не найдут работы — будут волнения”»⁹⁰. А сколько было острых волне-

⁸⁷ Богалепов М. И. Европа после войны. Пг., 1921. С. 23, 47. С 1921 г., в связи с кризисом, происходит снижение заработной платы (см.: Экономист. № 4–5. С. 293).

⁸⁸ Число бастовавших было:

в 1914 — 327 055 человек

в 1915 — 401 930

в 1916 — 284 396

в 1917 — 86 027

в 1918 — 1 096 000

в 1919 — 2 581 000

(Сборник статистических сведений о современном экономическом положении иностранных государств. М., 1922. С. 32).

⁸⁹ Рувль. 1921, 21 апреля.

⁹⁰ Петроградская правда. 1921, 1 февраля.

ний, заставивших правительство даже мобилизовать войска и принять военные меры во время грандиозной забастовки горнорабочих в марте—мае 1921 г.!

Поистине, сходные причины в сходных условиях вызывают сходные результаты. «Люди волнуются, а количество и качество калорий руководят ими», — так можно перефразировать изречение Боссюэ^{98*}.

Перейдем к Франции.

Франция

Жакерия 1358 г. Ухудшение положения крестьян перед 1358 г. общеизвестно. В XIII и начале XIV вв. их положение было более или менее сносным. Д'Авенель находит даже, что в XIII в. реальные доходы крестьянина и рабочего были очень высоки⁹¹. Во второй же половине XIV в. произошло резкое ухудшение.

1) «Период с 1351 по 1375 гг. был временем наибольшей дороговизны за всю эпоху феодализма: средняя цена хлеба во Франции поднялась на 9 франков за гектолитр. Эти же 25 лет царствования Иоанна Доброго и Карла Мудрого отмечены также тем, что покупательная способность денег была самой минимальной, а жизнь — наиболее дорогой»⁹².

2) Как раз в этот же период цена на хлеб совершает резкий скачок вверх. Тонна пшеницы в марках стоила в среднем: в 1276–1300 гг. — 7,79, в 1301–1325 — 96,99, в 1325–1350 — 75,04, в 1351–1375 г. — 100,80⁹³.

3) Эти обстоятельства отягчались грабежом населения и предшествующими 1358 году двумя годами полного неурожая. «Безысходное положение, в которое крестьянство попало из-за феодальной неурядицы, должно было неизбежно, помимо всякого стремления к уравниванию состояний, привести к кровавому столкновению с поместным сословием».

⁹¹ D'Avenel G. Paysans et ouvriers. Paris, 1899. P. 11–18, 28.

⁹² Ibid. P. 152. Покупательная способность драгоценных металлов по сравнению с их способностью в 90-х гг. XIX в., принимаемой за единицу, была такова:

в 1201–1225 — $4\frac{1}{3}$

1226–1300 — 4

1301–1350 — $3\frac{1}{2}$

1351–1375 — 3

1376–1400 — 4

(См.: D'Avenel G. La fortune privée. 1895. P. 37).

⁹³ Schmitz O. Die Bewegung der Warenpreise in Duetschland von 1851–1902. Berlin, 1913. S. 434–435.

После поражения при Пуатье^{29*} армия «жила систематическим грабежом населения, и в силу этого, по словам современника, земли в течение двух лет, непосредственно предшествовавших восстанию, вовсе не обрабатывались». В 1358 г., когда впервые появились жаки, «сбор винограда произведен не был, поля оставались невспаханными и незасеянными, на пастбищах не видно было ни коров, ни овец. Глаз не отдыхал при виде зеленых лугов и желтеющих нив. Всюду господствовала глубокая нищета, особенно среди сельских жителей, так как сеньоры умножали их бедствия, отнимая у них даже самое необходимое для поддержания хотя бы нищенской жизни»⁹⁴.

Налицо была и резкая имущественная дифференциация. Итог — всем известные грандиозные революционные конвульсии социального агрегата.

Под влиянием того же фактора одновременно с крестьянским восстанием в те же годы произошла революция в Париже (собрание Генеральных Штатов и движение Э.Марсея^{30*}). Не обошелся без нашей причины и мятеж панцирников в Париже, где поборы и пошлины с товаров задевали материальные интересы и низов и буржуазии^{31*}.

Еще яснее прослеживается связь между голодом и социальными волнениями в междоусобицах и смутах второго десятилетия XV столетия, в частности в гражданской войне Арманьяков и Бургиньонов и вакханалиях кабошинов^{32*} (1412–1413). Это период, мрачный во всех отношениях. Неудачи французов в ходе Столетней войны^{33*}, беспорядочное правление, сумасшествие короля и т. д. совершенно расстроили экономику страны и ухудшили положение народа⁹⁵.

Период с 40-х гг. XV до середины XVI вв. характеризуется ростом благосостояния, низкими ценами на хлеб и высокой заработной платой⁹⁶. Этот же период характеризуется и отсутствием больших волнений.

⁹⁴ Ковалевский М. М. Экономический рост Европы. М., 1900. Т. II. С. 543.

⁹⁵ С 1401 по 1440 гг. цены на хлеб снова растут. С 4 франков 65 су они поднимаются в среднем до 7 франков 20 су, а на юге Франции — до 50 франков. И именно со второго десятилетия XV в. юг Франции испытывает голод, продолжавшийся без перерыва в течение десяти с лишним лет. Голодавшие Арманьяки легко могли двинуться куда угодно, а тем более на Париж. «Это было время, когда Арманьяки и Бургиньоны по очереди лили кровь в Париже» (*D'Avenel G. Paysans et ouvriers*. P. 152–153). См.: *Coville. Les cabochiens et l'ordonnance de 1413*. 1890.

⁹⁶ *D'Avenel G. Paysans et ouvriers*. P. 14–15, 28, 154.

Следующей эпохой, особенно бурной по внутренним движениям и волнениям в истории Франции, является вторая половина XVI века. Это время отмечено такими явлениями и событиями, как религиозные войны, Варфоломеевская ночь, целый ряд восстаний в городах и селах, «Лига», парижская революция, смена династии Валуа Бурбонами и т. д.^{97*}

Спрашивается: не стоит ли и это повышение волнений в функциональной связи с ухудшением питания?

На этот вопрос следует ответить положительно. Об этом говорят прежде всего конкретные причины отдельных восстаний. Так, восстание 1548 г. в Гиени произошло из-за соляного налога, в 1568 г. в Нормандии — из-за грабежа и насилий солдат, отнимавших имущество граждан, и непомерных налогов. Аналогичные поводы были у восстаний, происходивших в 1593–1595 гг.⁹⁷

Еще более знаменательно то, что как раз именно в эту эпоху кривая цен на хлеб и продукты питания делает резкий, небывалый скачок вверх.

Тонна пшеницы в марках стоила в 1476–1500 гг. в среднем 44,80, в 1501–1525 гг. — 44,80, в 1626–1650 гг. — 78,40. Далее цена пшеницы совершает скачок и становится больше вдвое и втрое с лишним: в 1550–1575 гг. — 134,40, в 1576–1600 гг. — 224,00, а затем, в 1601–1625 гг. снова несколько снижается — до 159,60. Цена хлеба в период с 1576 по 1600 гг. — самая высокая на всем протяжении XV–XVI и первой половины XVII вв.⁹⁸

«В течение полстолетия, с 1526 по 1575 гг., средняя для всей французской территории цена на хлеб поднялась с 4 франков до 7, в затем и до

⁹⁷ Гуго К. Социализм во Франции в XVII–XVIII вв. // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907. Т. II. С. 315–321.

⁹⁸ Schmitz O. Op. cit. S. 434–436. В Париже, по Левассеру, цена за тонну пшеницы в марках росла так:

Годы	Цена
1520–1529	80,30
1530–1539	87,70
1540–1549	88,59
1550–1559	96,77
1560–1569	145,38
1570–1579	183,01
1580–1589	195,58

(Ibid. S. 434–436).

12 за гектолитр. При Генрихе III (1574–1589) и в последние 25 лет XVI в. цены в 30 и 40 франков (за гектолитр) были обычными... В 1595–1596 гг. средняя цена равнялась 43 и 47 франкам. Понятно, что это экстраординарное подорожание вызвало крайнее обнищание народа»⁹⁹.

Представление об этом росте нищеты станет еще более ясным, если учесть, что в то же самое время покупательная способность денег резко упала (ее коэффициенты по сравнению с покупательной способностью денег в конце XVIII в. таковы: 1451–1500 – 6, 1501–1525 – 5, 1526–1550 – 4, 1551–1575 – 3, 1576–1600 – 2,5¹⁰⁰), номинальная заработная плата сельскохозяйственных и промышленных рабочих также сильно понизилась. «Поденщик, который при Карле VIII (1483–1498) зарабатывал 3 франка 60 су, при Генрихе IV зарабатывал не более 1 франка 95 су. Таким образом, рабочий конца XVI в. зарабатывал на жизнь лишь половину того, что зарабатывал его дед сто лет тому назад»¹⁰¹. И у ремесленников – как у мастеров, так и у чернорабочих (*manoeuvres*) – с начала XVI века начинается снижение заработка. Поденная плата снизилась с 4 франков 80 су при Людовике XII до 2 франков 85 су при Карле IX (1560–1574). К концу XVI в. она снизилась еще больше¹⁰².

Таким образом, цены на продукты питания росли, а заработная плата и покупательная способность денег резко падали. Следовательно, питание все ухудшалось, голодание усиливалось. На свой годичный заработок рабочий мог купить в 1451–1525 гг. 46 гектолитров зерна, в 1526–1550 гг. только 25 гектолитров, в 1551–1575 гг. – 15 и, наконец, в 1575–1600 гг. – уже только 93/4 гектолитра.

«Если допустить, что рабочий или ремесленник довольствовался только сухим хлебом и холодной водой и ежедневно потреблял килограмм хлеба, что составляет около 500 литров зерна в год, то получается, что на одежду, квартиру, освещение и удовлетворение других потребностей у него оставалось средств, на которые можно было купить всего лишь 475 литров зерна. Если же он имел семью, то даже и этого хлеба у него не было... В таком случае рабочий должен был довольствоваться хлебом из овса»¹⁰³. Таков был уровень питания в эту эпоху. В итоге –

⁹⁹ *D'Avenel G. Paysans et ouvriers. P. 156–157.*

¹⁰⁰ *D'Avenel G. La fortune privée. 1895. P. 7.*

¹⁰¹ *D'Avenel G. Paysans et ouvriers. P. 28–29.*

¹⁰² *Ibid. P. 91.*

¹⁰³ *Ibid. P. 159–160.*

волнения, смуты, революция, словом — судорожные конвульсии голодающего социального агрегата.

Следующей эпохой волнений является вторая половина XVIII в., закончившаяся революцией 1789 г. Мелкие хлебные волнения, конечно, происходили и в промежутках между этими эпохами крупных волнений (например, в 1699 в Понтуазе, во время голода 1709 г. и др.), но я на них не останавливаюсь.

Восемнадцатое же столетие является веком: 1) падения покупательной способности денег, 2) снижения зарплат рабочих и крестьян, 3) подорожания хлеба и продуктов питания, 4) неурожаев и 5) небывалой роскоши привилегированных сословий. Таким образом, во Франции в XVIII в. налицо имеется, с одной стороны, ряд явлений, объективно свидетельствующих об усилении голодания и обнищания масс или об ухудшении их питания, а с другой — ряд условий, благоприятствующих волнениям. Причем, чем ближе к концу века, тем эти факторы все более и более усиливались. Наряду с этим учащались и усиливались социальные волнения, закончившиеся катаклизмом — революцией.

Теперь кратко подтвердим эти положения.

Коэффициенты покупательной способности денег были таковы:

1701–1725	2,75
1726–1750	3,00
1751–1775	2,33
1776–1790	2,00 ¹⁰⁴

Заработная плата сельских батраков, слуг, поденщиков, ремесленников и рабочих в течение XVIII в. была чрезвычайно низкой, снизившись еще больше при Людовике XVI. Если в предыдущие столетия она равнялась 3–5 франкам в день, то «в период 1751–1775 гг. поденщик получал не больше 1 франка 75 су, а при Людовике XVI и того меньше — 1 франк 64 су¹⁰⁵. Поденная плата мастера колебалась в XVII в. от 3 франков при Генрихе IV до 2 франков 30 су при Кольбере, поденная плата рабочего — от 2 франков 28 су до 1 франка 70 су. В XVIII в. мастер зарабатывал 2 франка 84 су при министерстве Флери и 2 франка 30 су в момент начала революции, рабочий соответственно — 2 франка 10 су и 1 франк 64 су перед революцией»¹⁰⁶.

¹⁰⁴ D'Avenel G. La fortune privée. P. 17.

¹⁰⁵ D'Avenel G. Paysans et ouvriers. P. 66–67.

¹⁰⁶ Ibid. P. 120–121.

«Франция 1789 г. богата, а ее крестьянин и рабочий бедны; Франция 1475 г., очевидно, была бедной, в то время как ее пролетарий был богат. Вот явление, весьма заслуживающее запоминания»¹⁰⁷.

Рост цен на хлеб в XVIII в. виден из следующей таблицы:

Годы	Цена за тонну (в марках)
1726–1750	123,20
1751–1775	148,40
1776–1790	168,00
1791–1795	125,63
1796–1800	244,52 ¹⁰⁸

Кроме того, XVIII век постоянно страдал от неурожая. «Чуть неурожай — и хлеба не хватало. В Париже в течение восьмидесяти лет 12 раз происходило сильное подорожание, голодовки же в провинции, в Лиможе, Пуату, Гиени стали явлением частым и периодическим»¹⁰⁹.

По «Les cahiers en 1789»^{35*}, питание масс рисуется в это время в таком виде: «Пища поденного рабочего — хлеб, обмакиваемый в соленую воду. Мясо ели только в последний день масленицы, в день пасхи и день именин». «Рабочие питались почти исключительно хлебом и водой, спали на соломе и жили в норе (un réduit). Условия их жизни были хуже, чем у американских дикарей»¹¹⁰. «Обедневший крестьянин походил скорее на дикаря. Одежда и жилище его были ужасны. Пища отличалась ску-

¹⁰⁷ Ibid. P. 135. См. также: *Tocqueville A. de. L'Ancien Regime et la revolution. 1877.* P. 179–180.

¹⁰⁸ *Schmitz O.* Op. cit. S. 434–436. В переводе на мясо рогатого скота заработная плата поденщика (в килограммах мяса) равнялась:

1726–1750 1,78

1751–1775 1,56

1776–1790 1,24

(*Sommerlad Th. Zur Geschichte der Preise // Handwörterbuch der Staatswissenschaft. 1910. Bd. VI. S. 1180*).

¹⁰⁹ *Афанасьев Г. Е.* Исторические и экономические статьи. Т. I. С. 70.

¹¹⁰ *D'Avenel G. Paysans et ouvriers.* P. 290. См. также: *Levasseur E. Histoire des classes ouvrières.* 1904. Vol. I; *Тарле Е. В.* Рабочий класс во Франции в эпоху революции. СПб., 1909; *Кареев Н. И.* Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. М., 1879; *Taine H. Les origines de la France contemporaine.* Paris, 1899. Vol. II: L'ancien régime. P. 199–200.

достью. Мясо ели совсем немногие — две трети населения его не употребляло»¹¹¹.

По мере ухудшения экономического положения, и в первую очередь питания масс, в XVIII в. стали усиливаться и волнения. «Неурожай 1739 г. вызвал три восстания в провинции». «В 1740 г. в Лилле произошли народные волнения из-за отсутствия зерна». «В Париже народ был готов к революции». «В 1747 г. из-за хлеба произошли значительные волнения в Тулузе», «в 1750 г. — в Берне», «в 1752 г. — трехдневное восстание в Руане и его окрестностях, в Дофине и Оверни. В одной только Нормандии восстания вспыхивали в 1725, 1737, 1739, 1752, 1765, 1766, 1767, 1768 гг. — и все из-за хлеба». «В 1770 г. — волнения в Реймсе, в 1775 г. — в Дижоне, Версале, Сен-Жермене, Париже, в 1782 г. — в Пуатье, в 1785 г. — в Провансе, в 1788–1789 гг. — в Париже и во всей Франции»¹¹². Неурожай 1752 г. вызвал волнения. «С 1765 г. урожаи становились все хуже, и в 1768–1770 гг. ситуация сложилась настолько серьезная, что в Лиможе и Оверни дело дошло до того, что народ по-настоящему бедствовал». «Увеличение цен на хлеб вызвало волнения в ряде мест Нормандии, Шампани, Иль-де-Франса и Бургундии. Всколыхнувшийся народ нападает на хлебные запасы на базарах и складах и даже грабит хлеб в амбарах у самих земледельцев. Волнения происходили в Реймсе, Дижоне, Шалоне, Монтаржи и тысяче других мест. В Руане восстание вспыхнуло 22 марта и продолжалось в течение нескольких дней, то прекращаясь, то возобновляясь снова. Буяны, не встречая никакого сопротивления, грабили лавки и хлебные склады купцов, а также амбары разных монастырей, как в городе, так и в его окрестностях»¹¹³.

Урожай 1774 г. был плохим, не лучший ожидался и в 1775 г. Вспыхнувшие весной 1775 г. беспорядки приняли весьма крупные размеры, получив даже название «мучной войны». Эту смуту пришлось подавлять силой, для чего пришлось поставить под ружье 25 000 солдат.

«С этого времени в Версале начинают расклеивать прокламации, направленные против короля и его министров. Бунты были подавлены, но они оставили глубокий след»¹¹⁴. С 1777 по 1783 гг. урожаи были

¹¹¹ Афанасьев Г. Е. Исторические и экономические статьи. Т. I. С. 65.

¹¹² *Taine H.* Les origines de la France contemporaine. Paris, 1899. Vol. II: L'ancien régime. P. 200–203.

¹¹³ Афанасьев Г. Е. Условия хлебной торговли во Франции в XVIII веке. Одесса, 1892. С. 142–143.

¹¹⁴ Крпоткин П. А. Великая французская революция. М., 1919. С. 23.

хорошими, и волнений происходило сравнительно немного. С 1784 г. начинается новая полоса неурожая, и волнения растут. В 1785 и 1786–1787 гг. произошел ряд волнений и бунтов в Севеннах, Визиле, Жеводане, Лионе, Виваре, Пуатье и других местах¹¹⁵.

В конце XVIII в. Франция становится похожей на вулкан с непрекращающимся гулом, сотрясанием почвы и мелкими, но частыми извержениями. Росли волнения, росло число браконьеров, бандитских шаяк, бродяг, нищих, разбойников, словом — формировалась армия будущей революции¹¹⁶. Эти конвульсии голодающего социального агрегата, в конце концов, поскольку голод не исчезал¹¹⁷, а привилегированные сословия богатели, должны были привести к катастрофе.

Эта катастрофа опять-таки была ускорена неурожаем 1788 г. «И вот бунты приняли широкие и угрожающие размеры... Первым поводом для движения был вопрос о хлебе»¹¹⁸.

К неурожаю присоединился еще промышленный кризис и безработица. «Безработица и дороговизна хлеба — вот два бича, от которых больше всего страдало население Парижа в 1789 г. Промышленный кризис стал остро ощущаться уже с 1787 г. К концу 1788 г. во Франции насчитывалось более 200 000 безработных. Потребление повсеместно сократилось. Зима 1788–1789 гг. была особенно тяжела для промышленности и торговли; производство сворачивалось». Вдобавок «голодный год гнал в Париж из провинции новые и новые массы безработного люда, и этот горячий материал внушал беспокойство многим наблюдателям». «На этой почве и разыгралась та стихийная вспышка, которая прекрасно характеризует страшную возбудимость нуждающейся городской массы 1789 г. и ее готовность пойти на самые решительные и немотивированные действия по любому ничтожному внешнему поводу. Этой первой вспышкой в Париже были бурные беспорядки за неделю до открытия Генеральных Штатов (в апреле 1789 г.), поведшие к разгрому домов фабрикантов Ревельона и Анрио^{36*}. Причина этого

¹¹⁵ *Афанасьев Г. Е.* Исторические и экономические статьи. Т. I. С. 402, 398.

¹¹⁶ См.: *Taine H.* Les origines de la France contemporaine. Paris, 1899. Vol. II: L'ancien régime. P. 280–298.

¹¹⁷ *Ibid.* P. 292–298.

¹¹⁸ *Кропоткин П. А.* Цит. соч. С. 39–41. «Хлебные бунты в городах с 1789 г. были явлением гораздо более частым, чем прежде. Наиболее чувствительны были затруднения циркуляции хлеба для Парижа» (*Афанасьев Г. Е.* Исторические и экономические статьи. Т. I. С. 434–435).

бунта была «исключительно в голоде, безработице, дороговизне и отсутствии хлеба»¹¹⁹.

Чем дальше, тем дело становилось хуже. «Голод свирепствовал в Париже все больше и больше. Даже плохой, желтой, горелой муки и той (около 27 июля и позже) не хватало... В ряде мест предпринимались попытки скосить зеленые хлеба»¹²⁰.

Голод усиливался — усиливались и волнения, как в провинции, так и в Париже. 8 июля — бунт безработных, 10-го — сожжение застав в Париже, 12-го Камилл Демулен уже призывает к оружию, 13-го народ направляется туда, где есть хлеб, а именно в монастырь Сен-Лазар и осаждает его с криками: «Хлеба, хлеба!», 14-го июля — взятие Бастилии¹²¹. Голод усиливался — все интенсивнее шло и «углубление» революции. «Стоял сентябрь; жатва была закончена, но хлеба не хватало. У дверей булочных громадные очереди с раннего утра, и часто после долгих часов ожидания люди уходили без хлеба». Движение 5 октября началось при криках «Хлеба!» И здесь главной причиной и главным требованием толпы был хлеб.

В 1789 и начале 1790 гг. голод усиливался *crescendo*^{37*} — *crescendo* развертывалась и революция. Но в 1790–1791 гг. ее «углубление» и «расширение» начинает замедляться и приостанавливаться. Почему? Потому что 1790 и 1791 гг. были годами относительно более благополучными, чем 1789. Кризис 1789 г. ослабел; урожаи 1790 и 1791 гг. были сносными, промышленность стала оживать, безработица уменьшилась¹²². Приостановилось или замедлилось и углубление революции. Появилась слабая надежда на введение стихии в берега. Но, увы, «с 1792 г. это временное улучшение исчезает, и Франция — особенно после начала войны с первой коалицией^{38*} — вступает в новый длительный кризис»¹²³. С этого же года кривая революции снова делает резкий скачок вверх и последняя «углубляется» до своих крайних пределов. С усилением голода человеческие «клетки» начинают поедать друг друга, ста-

¹¹⁹ *Тарле Е. В.* Рабочий класс во Франции в эпоху революции. СПб., 1909. Ч. I. С. 17–18, 51.

¹²⁰ *Кропоткин П. А.* Цит. соч. С. 46–47, 61–72.

¹²¹ Там же. С. 111, 149, 155. Гл. XV; *Афанасьев Г. Е.* Цит. соч. Т. I. С. 434–435. См. также: *Тарле Е. В.* Цит. соч. (здесь очень четко обрисованы движения рабочих и их основная причина — нужда).

¹²² См.: *Тарле Е. В.* Цит. соч. С. 116–117.

¹²³ Там же. С. 122.

рые устои разрушаются один за другим, стихия революции выходит из берегов и затопляет потоками крови всю Францию.

«По мере того, как надвигалась зима 1792–1793 гг., голод в городах принимал все более и более мрачный характер. Муниципалитеты выбивались из сил, чтобы добыть хлеб, хотя бы по четверти фунта на жителя». Одновременно с этим росло и недовольство богатыми и правящими жирондистами^{39*}. Восстание против них стало неизбежным, и 31 мая 1793 г. оно вспыхнуло. Но не накормил и Конвент — поэтому в том же 1793 г. в восьми департаментах Франции начались восстания и против него. Так как голод не прекращался, то должна была пасть и диктатура Горы^{40*}. Термидор был неизбежен¹²⁴. Во все эти годы голодные восстания не прекращаются. «21 жерминаля вспыхивает восстание в Эвре, потому что на целую неделю выдают только по 2 фунта муки на едока, за три дня перед тем выдавали всего лишь по 1½ фунта. Вспыхивают восстания в Диепе 14 и 15 прериала, потому что народу выдается всего по 3–4 унции хлеба, восстание в Вервене 9 прериала, потому что муниципалитет повысил цену с 25 до 50 су за фунт, восстание в Лилле 4 месидора по той же причине». «Два раза вспыхивали восстания в столице — в жерминале и прериале III-го года^{41*} (после уменьшения пайка с 1 фунта и до ¾ фунта). Продолжались они и после Термидора и приобрели временами крупные размеры»¹²⁵.

Наполеон сумел дать выход этим волнениям, развязав завоевательные войны. В результате революционного террора и войн численность населения Франции уменьшилась, и благодаря этому и некоторым другим обстоятельствам, «эпоха реставрации была временем относительно высокого благосостояния масс»¹²⁶. Она же была и эпохой сравнительно очень спокойной.

С конца 20-х годов снова начинается ухудшение положения и застой в промышленности¹²⁷. И снова начинаются волнения — революция 1830 года, ряд восстаний (вроде Лионского восстания 1831 г., проходившего под лозунгом: «Vivre en travaillant ou mourir en combattant»^{42*}). «Создал

¹²⁴ См.: *Кропоткин П. А.* Цит. соч. С. 327, 394, 435.

¹²⁵ *Taine H.* Op. cit. Vol. III. P. 529–532.

¹²⁶ *Кареев Н. И.* История Западной Европы. Т. IV. С. 590.

¹²⁷ Л. Блан пишет, что в 1830–1831 гг. заработок рабочих, равный раньше

4–6 франкам, снизился до 18–25 су (*Blanc L.* *Revolution française. Histoire de dix ans 1830–1840.* Paris, 1877. Vol. III. P. 48). См. также: *Levasseur E.* *Histoire des classes ouvrières.* 1904. Vol. II. P. 6–7.

ся порочный круг: недостаток работы вызывал восстания, а восстания еще более ухудшали хозяйственную жизнь». Поэтому годы 1831–1832 были «годами перманентных восстаний рабочих под лозунгом: “рабoты или хлеба!”»¹²⁸

Не без связи с голодом произошла и Февральская революция 1848 г. и июньское восстание рабочих. 1847 год был годом сильного неурожая, 1847 и 1848 гг. были, кроме того, годами промышленного кризиса. Положение и крестьян, и особенно рабочих ухудшилось. Исследование Левассера показывает, что заработная плата рабочих даже по сравнению с началом XIX в. понизилась, а не повысилась. «Почти всех рабочих задел кризис 1848 года». В ряде производств это снижение зарплаты по сравнению с уровнем 1830 г. было громадным. В то же время жизнь в Париже подорожала почти вдвое. Вместо 3000 франков теперь для того, чтобы сохранить тот же уровень жизни, что и в 1830 г., нужно было 6000 франков. «В эпоху кризиса и неурожая нищета особенно велика была в торговых и промышленных департаментах»¹²⁹.

Социальной функцией такого детерминатора явилась Февральская революция 1848 г.¹³⁰ Но, как почти и все революции, она не улучшила положения трудящихся масс, число калорий не возросло. «Более 100 000 безработных было в Париже, и промышленные департаменты оставались в том же (печальном) положении». После закрытия Национальных мастерских^{43*} рабочие оказались в безвыходном положении. Закрытие их (22 июня), начавшийся голод и его угроза вызывают июньское восстание, начавшееся на следующий день¹³¹.

Наконец, связь революции и Коммуны 1871 г. с голодом слишком известна, чтобы на ней настаивать. С кризиса 1866 г. начинается ухудшение положения рабочих, а вместе с тем и рост забастовок. Война и осада сделали положение отчаянным^{132/44*}. Революция произошла в осажденном городе, с имущественной дифференциацией, с огромным дефицитным голоданием, не имеющем никакой возможности покрыть голод иными способами.

Нечто похожее происходило позднее и в других местах. Например, в Бельгии в связи с кризисом 1884–1886 гг. «произошло силь-

¹²⁸ *Levasseur E.* Op. cit. P. 10–11.

¹²⁹ *Ibid.* P. 259, 262–264, 281, 285.

¹³⁰ См.: *Маркс К.* Классовая борьба во Франции в 1848–1850 гг. СПб., 1906. С. 32–33.

¹³¹ *Levasseur E.* Op. cit. P. 382–387.

¹³² См.: *Лукин (Антонов) Н.* Парижская коммуна. М., 1922. С. 55–56.

ное сокращение спроса на рабочие руки; оно особенно резко проявилось в 1886 г.; и этот же год отмечен огромными и кровавыми забастовками»¹³³.

То же самое мы видим и в 1919–1921 гг. Дороговизна¹³⁴, экономический кризис, падение заработной платы, рост безработных, словом — ухудшение экономического положения рабочих Франции в эти годы вызвало «полевение» рабочего класса, профсоюзов, социалистической партии, увеличение числа коммунистов и сторонников III Интернационала, рост популярности идей «прямого действия» и «социалистической революции», рост забастовок, волнений и кровавых столкновений¹³⁵.

Снова и снова мы видим, что одна и та же причина в сходных условиях вызывает сходные результаты.

Германия

Таким же образом можно было бы проверить нашу теорему и на истории Германии. В полном объеме я этого делать не буду, а остановлюсь на одном-двух революционных движениях в истории этой страны.

Очень бурной эпохой крестьянских восстаний, коммунальных движений, борьбы бедноты с богачами в городах (а также рыцарских восстаний, религиозных междоусобиц и войн) в истории Германии является конец XV века и первые 35 лет XVI столетия.

Эти же периоды, как показали исследования Лампрехта, Роджерса, Зоммерлада, отчасти Инама-Штернегга и особенно Казера, являются годами резкого подорожания на продукты питания, падения доходов трудовых масс, обременения их податями и налогами, роста бедности, а в связи с этим — и резкого ухудшения питания. Например, цены на хлеб в Саксонии были таковы:

¹³³ Denis H. Le mouvement de la population et ses conditions économique // Memoire couronnes. Бельгийская Королевская Академия. Vol. LIX. P. 8.

¹³⁴ По сравнению с индексом цен 1901–1910 гг., принятым за 100, цены во Франции росли за годы войны, достигнув максимума в сентябре 1920 г., когда индекс был равен 607,5, затем стали понемногу опускаться, понизившись до 411,9 в марте 1921 г.

¹³⁵ Число бастовавших рабочих было: в 1914 г. — 160 566 человек, в 1919 г. — 651 702 (Сборник статистических сведений о современном экономическом положении иностранных государств. М., 1922. С. 32).

Годы	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес
1455–1480	10,62	13,90	10,69	5,47
1521–1530	22,50	—	—	—
1531–1540	29,44	29,80	22,89	12,51 ¹³⁶

Заработки, наоборот, не росли, а, скорее, падали. К этому присоединился ряд неурожайных лет. «Питание крестьянина в это время было скудное. Особенно же плохо приходилось во время войн, ибо война того времени должна была кормиться войной, т. е. грабежом населения». Прибавьте к этому грабительские объезды короля, постоянные неурожайи, невыносимое налоговое бремя — и голодание населения становится бесспорным¹³⁷. «Теперь эксплуатация сделалась невыносимой, — писал Лютер. — Разве помогло бы крестьянину, если бы на его поле росло столько гульденов, сколько на нем стеблей и зерен?»¹³⁸. Между тем, имущественная разница между чернорабочим и крестьянином, с одной стороны, и буржуазией и аристократией, с другой, была чрезвычайно резкой.

Следствием такого положения вещей становится рост восстаний в конце XV и в начале XVI вв.: в 1476 г. — восстание в Бегейме, в 1491 г. — восстание «сырников», рисовавших на своих знаменах скверный ячменный хлеб с зеленым сыром (красноречивая эмблема), в 1493 г. — мятеж в Швабии, в 1500 и последующих годах — движение «башмака»^{45*}, в 1514–1515 гг. — восстание «Бедного Конрада», в 1525 г. — великое крестьянское восстание, целый ряд восстаний в 1530–1532 гг. (в Оснабрюке, Падеборне, Мюнстере и в Нижней Германии) и т. д.¹³⁹

¹³⁶ *Sommerland*. Op. cit. S. 1181.

¹³⁷ *Кулишер И. М.* Лекции по истории экономического быта. Пг., 1918. С. 98–105.

¹³⁸ *Каутский К.* От Платона до анабаптистов // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907. Ч. 1. С. 249–250, 277.

¹³⁹ Подробнее см.: *Kaser K.* Politische und soziale Bewegungen in deutschen Burgertum zu Beginn der 16. Jahrhunderts. Stuttgart, 1899; *Schoenlanck B.* Soziale Kämpfe vor dreihundert Jahren. Leipzig, 1894. В Нижней Германии много восстаний было в 1530–1532 гг. В эти же годы здесь наступила страшная дороговизна. Четверик ржи стоил летом 1529 г. 31/2 шиллинга, в 1530 г. он стоил уже 9 шиллингов, а в 1531 г. цены поднялись еще больше. В Дортмунде в 1530 г. четверик ржи стоил 51/2 шиллингов, в 1531 г. — 14 шиллингов. Плюс — «турецкий налог» в размере 10% всех доходов. В итоге — резкое увеличение числа восстаний (см.: *Каутский К.* Цит. соч. Т. 1. С. 337–341).

Еще яснее прослеживаемая нами связь выступает в волнениях 1840-х гг. в Германии и в революции 1848 г.: революция цен, индустриальный переворот, рост безработных, падение заработков, дороговизна, плюс неурожай 1846–1847 гг. «Рабочие едва оплачивали соль для своей похлебки»¹⁴⁰.

Наконец, четкое выявление этой связи дает и Германия в 1918–1923 гг. К концу войны питание германского населения резко ухудшилось. Несмотря на суррогаты, не хватало ни белков, ни жиров. Смертность мирного населения в связи с этим повысилась.

Параллельно с усилением голодания росли и волнения. Произошла революция. Голодный социальный агрегат «нереволюционного» немецкого народа стал биться в конвульсиях. С конца 1922 и в 1923 гг. положение снова стало резко ухудшаться. Недоедание и голод в это время резко усилились. Бурные беспорядки второй половины 1923 г. были ответом на этот рост голодания и бедности. В июле–октябре 1923 г. началось стремительное падение марки. Отсюда — растущие беспорядки в городах Германии, в августе–октябре достигшие громадных размеров и в данный момент, когда я пишу эти строки, грозящие перерасти в настоящую гражданскую войну.

Теперь ту же связь голода и волнений проследим на истории России.

Россия

В истории России связь голода и волнений выступает не менее ясно. Метод «сопутствующих изменений» легко ее вскрывает. Уже в древности летописцы подметили эту связь.

В 1024 г. «в Суздальской области, по словам летописца, народ умирал с голоду, волновался и производил мятежи»¹⁴¹.

В 1070 г. во время голода «убивашета многы жены и имение их отъимашета себе».

В 1230–1231 гг. «инии паки злыи человецы почаша добрых людии дома зажигати, кде чююче рожь и тко разграбливаху имение их»¹⁴².

В голод 1279 г. ятвяги^{46*} перебили отряд Владимира Васильковича,

¹⁴⁰ См.: *Блос В.* Германская революция. История движения 1848 года в Германии. СПб., 1907; *Hartmann O.* Die Volkserhebung der Jahre 1848–1849 in Deutschland. Berlin, 1900.

¹⁴¹ *Лешков В. Н.* Русский народ и государство. М., 1858. С. 453.

¹⁴² Там же. С. 455, 457.

посланный к ним с житом. «И избиты быша, жито поимаша, а людды потопиша»¹⁴³.

В 1291 г. «по случаю дороговизны произошел мятеж, и грабиша коромольницы торг».

В 1314 г. во время голода во Пскове «почали бяху грабити недобрии люди села и дворы в городе и клети на городке»¹⁴⁴.

Дано независимое переменное — голод (а) и за ним следует его функция — волнения (b).

То же самое происходит и в более поздние времена.

Экономическое положение масс к концу XVI в. значительно ухудшилось. В центральной России, по исследованию Рожкова, у малоземельного крестьянина по уплате всех податей и оброка получался дефицит в 14 денег. Он не мог свести концы с концами. Только у более обеспеченных крестьян оставался небольшой избыток. «Крестьяне старых областей беднели и разорялись. Подати и оброки были невыносимы»¹⁴⁵.

Это явление должно было привести ко взрыву и конвульсиям. Нужно было только его резкое усиление. Такое усиление и было дано страшными неурожаями 1601–1602 гг. и наступившим в 1601 г. «баснословным голодом»¹⁴⁶. В связи с ним и начались волнения. «Толпы народа для спасения себя от (голодной) смерти составляли шайки и добывали себе пропитание разбоем... Ни одна область Руси не была свободна от разбойников. Они бродили около Москвы, и против одной такой шайки Хлопка царю Борису пришлось выставить крупную военную силу, которой — и то с трудом — удалось одолеть эту толпу разбойников».

С 1601 же года появились слухи о самозванце и начинается «великая смута»¹⁴⁷. «Именно с этого голода началась, по словам современника, “беда во всей России” — наступило смутное время»¹⁴⁸. Голодающий агрегат России начинает биться в судорогах, его клетки принимаются усиленно истреблять друг друга, один правитель сменяется другим и,

¹⁴³ Лешков В. Н. Русский народ и государство. С. 470. См.: Соловьев С. М. История России. Кн. I. С. 887–888.

¹⁴⁴ Лешков В. Н. Цит. соч. С. 471–472.

¹⁴⁵ Рожков Н. А. Народное хозяйство Московской Руси во второй половине XVI в. // Дела и дни. Пг., 1920. Кн. I. С. 78–79.

¹⁴⁶ См.: Фирсов Н. Н. Исторические характеристики. Казань, 1922. С. 6–7 (Голод перед смутным временем).

¹⁴⁷ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Пг., 1917. С. 249.

¹⁴⁸ Платонов С. Ф. Московский голод 1601–1603 гг. // Артельное дело. 1921. № 9–16.

не накормив население, сбрасывается в свою очередь¹⁴⁹ — и так продолжалось до тех пор, пока не обнищала вся страна и не уменьшилась плотность населения.

Следующей эпохой, богатой волнениями, было царствование Алексея Михайловича. Положение и питание народа в то время ярко рисуется патриархом Никоном в его письме 1661 г.:

«Ты всем проповедуешь поститься, — пишет он царю, — а теперь и неведомо, кто не постится ради скудости хлебной; во многих местах и до смерти постятся, потому что есть нечего; все данями обложены тяжкими; везде плач и сокрушение; нет никого веселящегося в дни сии». В письме, написанном в 1665 г., он добавляет: «Берут людей на службу, хлеб, деньги дерут немилостиво; весь род христианский отягчил даяния сугубо, трегубо и больше — и все бесполезно»¹⁵⁰.

Неудивительно, что все это царствование полно мятежами и волнениями. Наряду с мелкими бунтами здесь было много крупных волнений. «В 1648 г. мятежи в Москве, Устюге, Козлове, Сольвычегодске, Томске и других городах; в 1649 г. приготовления к новому мятежу закладчиков в Москве, вовремя предупрежденному; в 1650 г. бунты в Новгороде и Пскове; в 1662 г. новый мятеж в Москве из-за медных денег; наконец, в 1670–1671 гг. огромный мятеж Разина»¹⁵¹.

Некоторые из этих бунтов, например, бунты в 1650 г. в Новгороде и Пскове вспыхивали непосредственно на почве голода. «Народ жаловался, что ныне, государь, и достоль стала у нас хлебная скудость, и ни единого осмака дорогой ценой на торгу и нигде купить не добудем и мы... до остатку с голоду помираем и многие, государь, православные христиане по деревням едят оловину, и сосну, и ужовину». И в 1649 г. во Пскове была «хлебная скудость и дороговизна большая»¹⁵².

Продовольственную почву имел и бунт 1643 г. из-за высоких цен на соль, и бунт 1662 г., вызванный дороговизной из-за выпуска медных денег и спекуляции.

¹⁴⁹ В 1608 г. народ ждет спасения от царя и, прежде обвиняя в своем страдании Бориса, теперь винит Василия, говоря: «Сии убо глад и меч царевна ради несчастья!» или крича: «Хлеба! Хлеба! Иначе — да здравствует Тушинский!»^{147*}» (Лешков В. Н. Цит. соч. С. 484).

¹⁵⁰ Ключевский В. О. Курс русской истории. 1918. Т. III. С. 307–308.

¹⁵¹ Там же. С. 303.

¹⁵² Курц Б. Состояние России в 1650–1655 г. по донесениям Родэса. М., 1915. С. 23–24.

Спокойствия в стране не было. Она перманентно билась в конвульсиях. Положение вещей ярко рисует современник — шведский посол Родэс в своих донесениях: «Видно, что это дело (бунт) распространяется и, кажется, как скоро огонь в одном месте потушен, сейчас же снова загорается в другом месте, как будто здесь и там лежит под холодной водой скрытый пышущий жар»¹⁵³.

Наконец, как правильно отмечают Соловьев и Платонов, не обошлось без продовольственной причины и восстание Разина. «Вследствие тяжелого экономического положения» народ бежал на Украину и на Дон. «Народа на Дону все прибывало, а средства пропитания сокращались»¹⁵⁴ (выходы отсюда были закрыты Польшей и татарами). «Этих беглых скопилось на Дону так много, что здесь возник “голод большой”»¹⁵⁵. «Лишась последнего выхода, гольтыба казацкая опрокидывается внутрь государства и поднимает с собой низшие слои населения против высших»¹⁵⁶. И здесь, как видим, недостаток калорий играл свою роль^{48*}.

При Екатерине II целый ряд крупнейших неурожаев и голодовок (1766, 1772, 1774, 1776, 1783, 1784, 1785, 1787, 1788 гг.)¹⁵⁷ и непомерное усиление эксплуатации народа привели к тому, что произошла вспышка крупных бунтов: картофельный бунт 1765 г., Московский («чумной бунт»)^{49*}, вызванный в конечном счете голоданием 1771 г., и пугачевский бунт 1773–1774 гг., плюс до сорока других крестьянских восстаний¹⁵⁸.

Связь их с голодом ясна. После неурожая 1766 г. «особенно усилились волнения помещичьих крестьян»¹⁵⁹.

¹⁵³ Курц Б. Цит. соч. С. 27.

¹⁵⁴ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. С. 365. См. также: Соловьев С. М. История России. Кн. III. С. 291–292.

¹⁵⁵ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1843. Т. IV. № 202; Фирсов Н. Н. Крестьянские волнения до XIX в. // Великая реформа [19 февраля 1861–1911]. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. М., 1911. Т. II. С. 27.

¹⁵⁶ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. С. 365; Соловьев С. М. История России. Кн. III. С. 291–292.

¹⁵⁷ Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб., 1909. Т. 1. С. 6, 22.

¹⁵⁸ Фирсов Н. Н. Исторические характеристики. Казань, 1922. С. 4.

¹⁵⁹ Там же. С. 44.

«Некоторые исследователи ставят пугачевский бунт в связь с неурожаем, охватившим восточные области России. Самый разгар этого бунта относится к осенним месяцам голодного 1774 года»¹⁶⁰.

В то же самое время происходит множество волнений среди заводских крестьян (Сиверса, Чернышева, Демидова и др.), которые «с запущенной недоимкой и пашней быстро обращались в совершенно нищих», «алчно пожираемых заводчиками»¹⁶¹.

Новая волна крестьянских волнений начинается в 1796–1797 гг. Они охватили, перекидываясь с одного места на другое, 32 губернии. В жалобах крестьян ясно указывается их причина: «Мы из сил своих вышли и ваших (помещичьих) уроков сработать не можем, потому что мы хлеба уже для пропитания не имеем, от мразу и гладу умираем, а пропитание имеем только-только, как маленькие ребята наши, ходя в мир, напросят и нас напитают»¹⁶².

С 1826 по 1861 гг. произошел целый ряд крестьянских волнений. Среди прочих их причин «экономические причины отмечены в 208 волнениях». Из них чисто «продовольственной нуждой» вызвано было 30, плюс 17 волнений в связи с переселением и голодом¹⁶³.

Крупные крестьянские волнения этого периода обнаруживают явную связь с голодом. Годами крупных голодовок и неурожаев этого периода были 1833–1834, 1847–1848, 1855¹⁶⁴. И что же мы видим? — Крупные волнения и беспорядки именно в эти годы и в местах голода.

Ряд некрупных волнений был и в следующие неурожайные годы (1867–1868, 1873, 1880 и 1891–1892), но мерами власти и общества, путем переселений и другими средствами голод удавалось смягчить или дать ему иные выходы.

Далее, начиная с 1905 г. Россия вступила в полосу неурожаев. Неурожай этого года был громадный. Он «охватил огромную площадь земель Европейской России, причем от него пострадали многие из важнейших по земледельческой культуре районы (Черноземный, Средневолжский, Заволжский), площадь полей в которых составляет 43% всех пахотных

¹⁶⁰ Ермолов А. С. Цит. соч. С. 22.

¹⁶¹ Фирсов Н. Н. Цит. соч. С. 36.

¹⁶² Там же. С. 56–58.

¹⁶³ Игнатович И. И. Крестьянские волнения // Великая реформа [19 февраля 1861–1911]. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. М., 1911. Т. III. С. 49–50.

¹⁶⁴ Ермолов А. С. Цит. соч. Ч. I. С. 43–56.

земель России». Недобор хлебов по сравнению с пятилетием, составил в Пензенской губернии 65,3%, Рязанской – 53,3%, Воронежской – 51,3%, Тульской – 49,5%, Саратовской – 48%, Тамбовской – 42%, Симбирской – 40% и т. д. ¹⁶⁵

Начались волнения, разгром помещичьих усадеб, хлебных запасов, разбор запасных хлебных магазинов, столкновения и убийства толпой земских начальников, помещиков и т. д. Это аграрное движение, вызванное голодом, совпало с общим возбуждением в городах, вызванным иными детерминаторами, в частности – войной.

Итог – революция 1905 г. Одна из главных скрытых ее причин – сокращение калорий, поступающих в организм крестьян и рабочих.

Сильнейшим был и неурожай 1906 г. Он был «исключительным по размерам охваченной им площади». Дело ухудшила еще необычайно суровая зима 1906–1907 гг. Осенью цены резко поднялись по сравнению с весной (на 20–100%). Итог тот же самый – продолжение революции в 1906–1907 гг.

Наконец, фактор голода лежал и в основе революции 1917 г. Мы на себе испытали, как с 1916 г. наше питание (особенно в городах) резко пошло на убыль ¹⁶⁶. К концу 1916 и началу 1917 г. города стали голодать.

¹⁶⁵ Там же. С. 276–278.

¹⁶⁶ Вот иллюстрации:

Потребление белка в граммах

	1913–1914	1915–1916	1916–1917
Артель механиков	131,5	119,0	113,5
Артель красильщиков	119,5	106,4	96,6
Артель ткачей	109,9	102,2	101,3
Артель женщин	99,8	81,5	79,7

Причем белки животного происхождения систематически сокращались. Потребление жиров в 1915–1916 и 1916–1917 гг. в процентах к потреблению их в 1913–1914 г.:

	1913–1914	1915–1916	1916–1917
Артель механиков	100	87	47
Артель красильщиков	100	90	65
Артель ткачей	100	76	62
Артель женщин	100	86	67

Итогом явились сначала разрозненные разгромы рынков, лавок, магазинов, рост недовольства и агитации. В январе—феврале 1917 г. в городах (благодаря слабости власти и целому ряду благоприятных обстоятельств) разразился хлебный бунт, начавшийся с остановки и опрокидывания трамваев и перешедший в опрокидывание более солидных вещей, вроде престолов и правительств. Опрокинули монархию. Но голод усиливался¹⁶⁷. Параллельно «углублялась» и революция: в октябре опрокинули Временное правительство и стали «социализировать буржуев» (значение имущественной дифференциации).

Поскольку голод усиливался и поскольку было что «социализировать», революция должна была «углубляться» и власть должна была быть в тех руках, кто поощрял эту социализацию. Перелом должен был наступить тогда, когда, во-первых, национализировать стало бы уже нечего, во-вторых, голод оставался бы не насыщенным, и в результате пришлось бы кое-кому, в частности крестьянству, не столько брать, сколько отдавать. Так оно и случилось. С 1919 г., когда все было поделено, в городах и потребляющих губерниях нужда возросла, а в производительных губерниях все излишки и даже почти все, вплоть до семян, стало отбираться, по стране прокатилась волна стихийных восстаний против Советской власти. При микроскопическом анализе этой эпохи мы видим еще более детальное проявление связи между волне-

Сократилось и потребление углеводов. См.: *Сваницкий Н.* Питание московских рабочих во время войны // Вестник статистики. 1920. № 9–12; 1921. № 1–4. С. 135–136. В 1918–1919 гг. дело еще более ухудшилось и в качественном и количественном отношении. См.: *Клепиков С. А.* Питание русского крестьянства. М., 1920. С. 12.

¹⁶⁷ Например, рабочие ударной группы в Петрограде получали суточных калорий:

Июль (1917)	1698	Январь (1918)	698
Август	1657	Февраль	554
Сентябрь	1584	Март	954
Октябрь	1393	Апрель	992
Ноябрь	1167	Май	480
Декабрь	1038		

В 1918 г. среднее число потребляемых в день калорий равнялось 1617 (плюс покупаемое на рынке); в 1919 г. — 1394 (но покупалось меньше); в 1920 г. — 1577 (*Словцов Б. И.* Государственное питание рабочих ударной группы за 1917–1920 гг. // Бюллетень отдела статистики труда. № 32).

ниями и голодом. В 1919, 1920 и 1921 гг. крестьянское движение (бандитизм, махновщина, антоновщина) обычно резко усиливалось с осени и, как правило, было гораздо сильнее зимой, чем весной и летом. Причем осенью обычно происходило взимание разверстки и продналога, заставлявшее крестьян бороться с реквизициями, грозившими им голодом — опасностью, для них, увы, не мнимой. В центрах потребляющих, в частности в городах, волнения усиливались с февраля—марта: с этого момента учащались забастовки, демонстрации и акции протеста. Обычно больше всего их было в весенние и летние месяцы, до созревания овощей и нового урожая. Причина понятна: в феврале—марте обычно заканчивались или начинали подходить к концу запасы старого урожая; нового еще не было; недовоз и перебои регулярных выдач хлеба (в силу распутицы) учащались, сам паек уменьшался; в итоге — рост волнений.

Это явление особенно резко дало себя знать в феврале—марте 1921 г. В феврале 1921 г. в Петрограде и Москве наступило резкое ухудшение продовольственного снабжения (из-за сибирского восстания и расстройств транспорта). «Экстраординарные» пайки были отменены. Все остальные пайки были сокращены на треть в течение двух-трех дней. Следствием такого положения дел стал рост забастовок, волнения, 24–27 февраля выход рабочих на улицу. Волнение росло. Власть усилила тормоза: 25 февраля вводится военное положение, 2 марта — осадное. Волнение перебрасывается в Кронштадт^{50*}. Вспыхивает настоящее восстание. Все тормоза пускаются в ход. Наряду с этим принимаются героические меры улучшить снабжение рабочих, им представляются маршрутные поезда, снимаются заградительные отряды, дается право провоза продуктов, из последних запасов им выдаются хлеб, масло, мясо и т. д. Благодаря этим мерам по уменьшению голода и усилению тормозов, в Питере удается ослабить движение. То же самое происходит и в Москве. Изолированный Кронштадт 18 марта падает. (Опять-таки отчасти, как объясняют Петриченко, Козловский и другие, потому что власть восставших не сумела быстро улучшить продовольственное снабжение Кронштадта.) Здесь связь, анализируемая нами, проступает резко и отчетливо.

Столь же ясно проступает она и в забастовочном движении. Причина забастовок видна из требований забастовщиков. Таковыми были у железнодорожников — требование «права провоза продуктов» («провизионки»), у рабочих — права провоза двухпудовой нормы хлеба и т. п. Почти все забастовки в Петрограде в 1919 г. происходили «на экономи-

ческой почве, а именно в связи с вопросами продовольствия»¹⁶⁸. Политические требования носили лишь дополнительный характер и не всегда они выдвигались. Непосредственной причиной прекращения работ являлось отсутствие хлеба. Эти более детальные сопоставления делают исследуемую нами связь еще более очевидной и бесспорной.

Подобные явления наблюдаются, особенно в наши годы, чуть ли не ежедневно. Телеграф приносит известия о них почти каждый день¹⁶⁹.

Во второй половине 1920 г. продовольственное положение Польши, в частности ее рабочих, ухудшилось. Следствие — рост волнений и забастовок с продовольственными требованиями. Такие требования правительству предъявляет, в частности, союз горнорабочих¹⁷⁰.

В Австрии «во время продовольственных беспорядков в 1921 г. в Вене рабочие, собравшись перед зданием парламента, отправились массами по улице, рассыпались по отелям, кофейням и банкам, избивая спекулянтов»¹⁷¹.

«Оренбург. 7 февраля толпа голодных в 100 человек напала на хлебные ряды базара и разгромила их»¹⁷².

Целый ряд аналогичных демонстраций, забастовок и волнений происходил в эти годы во Франции, в Англии, Германии, Италии и других странах. Постепенное улучшение продовольственных дел в ряде стран Европы сопровождается и «поправением» и «успокоением» рабочего революционного движения. Отмена хлебных карточек, когда хлеба имеется в избытке, действует гораздо сильнее в смысле успокоения волнений и «контрреволюции», чем всякая агитация или введение осадного положения.

Напротив, с ростом недоедания и голода в Германии в 1922–1923 гг. снова начинают расти забастовки, волнения, демонстрации, кровавые столкновения и попытки низвержения существующего строя.

Я не хочу тем самым сказать, что революции вызываются только «ущемлением» пищевых рефлексов и что другие факторы не играют

¹⁶⁸ Новосельский С. А. Забастовочное движение в промышленности Петрограда // Бюллетени отдела статистики труда. 1919. № 8, 15 ноября. С. 3–7.

¹⁶⁹ Например: «*Чита. 23 июня.* В Китае, в провинции Хунань, начались голодные бунты, угрожающие разрастись в национальное бедствие» (Красная газета. 1921, 5 июля).

¹⁷⁰ Robotnik. 29. X. 192051*.

¹⁷¹ Красная газета. 1921, 16 декабря.

¹⁷² Петроградская правда. 1922, 17 февраля.

роли. Конечно, играют. Но важно было на примере одного из основных рефлексов показать значение его «ущемления» в процессе возникновения волнений. Этим объясняется, почему я сконцентрировал внимание на голоде. Теперь, когда связь между голодом и волнениями выяснена, мы можем перейти к другим рефлексам и другим доказательствам нашей основной теоремы.

§ 4. Ущемление других инстинктов и революция

Сказанное о связи ущемления пищевых рефлексов и революционных взрывов с соответствующими изменениями применимо и к другим основным инстинктам. Подобно предыдущему можно проследить и констатировать связь движения кривой революции и кривой ущемления последних. Приведу несколько примеров.

1) Возьмите хотя бы *ущемление инстинкта собственности*, в вышеуказанном значении этого слова. *Всякий раз, когда в обществе усиливается ущемление рефлекса собственности его членов вследствие обеднения одних при обогащении других, и когда число таких членов растет, пропорционально возрастают и шансы революции.* В правильности этого положения мы отчасти убедились при изучении функциональной связи между голодом и революцией. Почему пролетариат — «мускульный» и «умственный» — является наиболее революционным классом в обществе? — Потому что его рефлексы собственности ущемлены сильнее, чем у других классов; он не имеет ничего или имеет очень мало; дом, в котором он живет, не его собственность, орудия его труда — чужие, настоящее его — не обеспечено, будущее — тем более, словом — «ни кола, ни двора». А кругом — огромные богатства. Этот контраст еще сильнее ущемляет его инстинкты собственности, как материнские инстинкты у бездетной женщины, не находящие удовлетворения. Отсюда — его революционность, его вечное ворочанье «на постели из гвоздей», на которую его уложила история. Его социализм, с диктатурой, с мечтой об экспроприации эксплуататоров, с имущественным равенством и коммунизацией есть прямой результат этой ущемленности рефлексов собственности. Как только у ряда пролетариев эти рефлексы — благодаря революции — удовлетворяются, весь их социализм и коммунизм, как мы видели, исчезает. Из ярых коммунизаторов и уравнилелей они превращаются в ярых собственников, в оплот порядка и священной собственности.

Из кого обычно рекрутируется основная армия революции? — Из бедняков, из лиц, которым «терять нечего, а приобрести они могут мно-

гое»; из лиц с ущемленными рефлексами собственности. «Вставай, проклятым клейменный, весь мир голодных и рабов», — вот к кому вечно адресуется революция и вот у кого она находит горячий отклик. И в греческих, и римских, египетских и персидских, в средневековых и современных революциях легионы революции рекрутировались и рекрутируются из бедноты. Это именно бедняки давали революции те многочисленные руки, которыми она совершала свое дело. О чем говорит этот факт, как не о той же связи между ущемлением инстинктов собственности и революцией.

Не видели ли и не видим ли мы связь этого ущемления рефлексов собственности и социальных волнений за последние годы обеднения масс, голода и безработицы при наличии богатства частных лиц — почти во всех европейских странах? Не заколебалась ли почва всюду? Не стали ли расти беспорядки, забастовки, волнения и успех революционно-коммунистических идеологий? Не видим ли мы и сейчас их революционную роль в самом антиреволюционном народе — в Германии, кое-как еще удерживающейся на краю пропасти?

Достаточно этих указаний, чтобы намеченная связь стала ясной.

2) Возьмите далее ущемление *инстинкта индивидуального самосохранения, имеющего своей задачей выживание индивида, и ущемление рефлекса группового самосохранения, преследующего задачу выживания социальной группы*: семьи, рода, народа, племени, государства, церкви, вообще — «группы ближних», «своего коллектива». Оба они наследственны. Оба — могут. Рост ущемления их у членов общества, особенно ущемления одновременного, нередко ведет к революциям. Ярким примером их ущемления является *неудачная война*. Война — орудие смерти. Она исключительно сильно ущемляет инстинкт индивидуального самосохранения, заставляя человека насиловать себя и подавлять этот неистребимый, протестующий инстинкт жизни. Неудачная война сверх того ущемляет и инстинкт группового самосохранения у побежденных, подвергая их риску, унижению, оскорблению и опасности исчезновения как группы... Кроме того, война готовит дорогу революции и десяткам иных путей.

Мудрено ли поэтому, что итогом такого ущемления часто бывает социальный взрыв. Ущемленные инстинкты рвут тормозные условные рефлексы, аннулируют повиновение и дисциплину, порядок и культурные формы поведения и дают в итоге одичалые орды обезумевших людей, подобных русским солдатам 1917 г. и отчасти германским 1918 г., которые делаются рабами инстинкта самосохранения, бросают войну

и дико набрасываются на власть, низвергают порядок и поднимают знамя революции...

Сказанное объясняет, почему огромный процент революций наступает в итоге или во время неудачной войны. Революции наших лет: Русская, Венгерская, Германская, Турецкая, Греческая и Болгарская — все произошли в указанных условиях^{52*}.

А русская революция 1905 г.? Турецкая, свергшая Абдул-Гамида после неудачной войны? А Французская революция 1870–1871 гг.? Разве они происходили не во время и не в результате неудачной войны? Можно пойти дальше и указать немало других революций, разразившихся в тех же условиях. Французская жакерия и революции конца XIV в. произошли в итоге бесславной войны и пленения Иоанна при Мопертюи; то же самое относится к Английскому восстанию 1381 г.; революционное брожение, являющееся прологом Английской революции, началось после неудачной войны с ковенантерами^{53*}. И разве не то же самое мы видим в Германии, Италии и других странах в конце XVIII — начале XIX вв., после того, как они потерпели поражения от революционных и наполеоновских войск? В Афинах — после неудачной для них Пелопонесской войны, в Керкире и т. д.?

Я привел в качестве примера только часть революций, разразившихся во время и в итоге неудачных войн. Но и этот краткий перечень, в связи со сказанным выше, является довольно красноречивым.

Конечно, война ведет к революции не только в силу «ущемления» указанных инстинктов, но и в силу ущемления других инстинктов — по причине роста нужды, голода, холода и т. д., однако основная революционная роль ее заключается именно в ущемлении указанных инстинктов. Поэтому люди, желающие войны и организующие ее, не должны были бы жаловаться на революционное наследие, — до известной степени, детище первой. Кто сеет ветер, не должен жаловаться на бурю. «Любишь кататься — люби и саночки возить».

Сказанное о войне может быть сказано и о *правительственном режиме полного произвола и неограниченных казней, арестов и ссылок. Он также представляет собой комплекс стимулов, сильнейшим образом ущемляющих инстинкты самосохранения индивида.* Отсутствие всяких гарантий и уверенности в своей безопасности, ущемляя рефлекс самосохранения, ведет к обычным результатам ущемления: к росту тревоги, недовольства, негодования и... к попыткам насильственного удаления «ущемляющего режима».

Косвенно такой режим «ущемляет» и инстинкты группового самосохранения, ибо у каждого арестованного и казненного есть семья, друг,

единомышленники и близкие. *Когда же этот режим ущемляет прямо эти инстинкты*, путем преследования того или иного символа группы и ее ценностей и членов (путем преследования религиозных, партийных, национальных и других групп), *то таким путем он ущемляет эти инстинкты прямо* и еще сильнее поднимает шансы революции, увеличивая кадры «ущемленных лиц». Отсюда понятно, почему такое общество всегда «беременно революцией», почему в нем почва заминирована, и при малейшем ослаблении тормозов — происходит революционный взрыв.

Эти указания на войну и режим произвола как на обстоятельства, сильнейшим образом «ущемляющие» инстинкты группового и индивидуального самосохранения, делают понятными революционизирующую роль первых, с одной стороны, и связь ущемления этих инстинктов с революцией, с другой.

3) *Не трудно также понять революционизирующую роль ущемления «других инстинктов, в частности полового*. Легенда о римской революции, вспыхнувшей якобы из-за того, что последний римский царь обесчестил одну из римских горожанок^{54*}, не так наивна и не так далека от действительности. «*Si non e vero e ben trovato*»^{55*}, — можем мы сказать об этой легенде. «Ущемляться» половые рефлексы могут разными условиями и способами: у одних — тем, что они не могут быть достаточно удовлетворены, у других — огромным развратом привилегированных, ущемлением ими «инстинкта ревности» путем оболъщения и развращения жен и дочерей низов, путем полового распутства и т. д. Роль ущемления «половых рефлексов» часто совершенно не учитывается. Она с первого взгляда не заметна, и, однако, она очень серьезна. Что это так — ясно видно из множества революционных речей и воззваний, возбуждающих гнев народа указанием на «ущемление» этой группы рефлексов. В этих речах, быть может бессознательно, прорывается и проявляется революционность этого фактора.

«Рабочие если... вы не желаете, чтобы ваши дочери служили оружием наслаждения в объятиях плутократии... опомнитесь и восстаньте»¹⁷³. Это воззвание Парижской коммуны может служить образцом таких речей и воззваний. И кто может сказать, что мотивы восстания, указанные здесь, не были зачастую одной из тех сил, которые зажигали пожар революции. Разве всякий, кто хотя бы немного знаком с историей, не знает, что одним из основных преступлений, вменяемых властью и имущим революционерами всех времен и народов, было обвинение их в разврате, распутстве, в оболъщении жен и детей низших слоев, т. е. в поступ-

¹⁷³ Грегуар. Цит. соч. Т. IV. С. 356.

ках, ущемляющих эти рефлексy. Изучите историю падения множества авторитетов и престижей — и вы убедитесь, что половое поведение последних, ущемляющее эти рефлексy масс, было одной из постоянных причин их падения. Разврат папского двора и католического духовенства второй половины Средневековья не был ли одной из главных причин того, что Римская церковь стала называться «вавилонской блудницей», потеряла авторитет, а вместе с ним и повинование себе.

Разве в той ненависти, которую католическое духовенство возбудило против себя со стороны чехов перед Гуситской революцией и со стороны населения ряда стран перед реформацией, малую роль играло половое поведение духовенства, заключавшееся в том, что «они развращались, а не морально усовершенствовали своих прихожан»¹⁷⁴, что почти все они обвинялись в разврате, держали конкубин^{56*}, заводили гарем, жили половой жизнью с матерями, сестрами, превратили монастыри в дома терпимости, уединение исповеди — в брачный альков и т. д.¹⁷⁵ Все это не могло не «ущемлять» половых рефлексов масс, не могло не вести к потере авторитета, а если авторитет какой бы то ни было власти потерян — ее существование становится беспочвенным.

Перенесемся в Россию 1916–1917 гг. Что окончательно «доконало» царский режим? — Распутинство, правильное или неправильное обвинение царицы и двора в половом распутстве¹⁷⁶. Распутинство уничтожило авторитет царя и было одним из факторов русской революции. И разве не то же самое происходило перед Французской революцией, когда такие же обвинения выдвигались против Марии Антуанетты и двора? Не видим ли мы постоянно в обычной жизни крушения многих авторитетов на почве их распутного поведения и скандалов, связанных с ним? Наконец, стоит представить себе на минуту, что в современных культурных странах власть декретировала бы для себя право на любую женщину или девушку и попробовала бы проводить этот декрет в жизнь. Нужно ли говорить, что революция была бы весьма вероятным итогом такого ущемления половых рефлексов населения. Подобный *experimentum crucis*^{57*} — одно его допущение — красноречиво говорит об указанной роли этой группы инстинктов.

¹⁷⁴ Denis E. Op. cit. P. 13–14

¹⁷⁵ Вебер Г. Цит. соч. Т. 8. С. 190–191; Ли Ч. История инквизиции. СПб., 1911.

¹⁷⁶ См. об этой роли распутинства в деле падения авторитета царя в народе и армии в статье Шульгина «Дни» (Русская мысль) и в цитированной книге А. И. Деникина.

Я не могу здесь систематически проследить роль ущемления этих рефлексов в подготовке революции (подобно тому, как прослежена была роль голода), но думаю, что этой темой стоило бы заняться: она оказалась бы несравненно более серьезной, чем думают многие. Приведенные штрихи до известной степени подтверждают это.

4) Нечто подобное можно сказать и об «ущемлении» *рефлекса свободы*¹⁷⁷.

Исключительно сильное ограничение свободы движения, передвижения и ряда действий человека (свободы слова, поступков т. д.) — ущемляет этот инстинкт. Только тогда, когда ущемление его (как и во время голода) переходит границу и ломает этот рефлекс — хотя бы временно (см. эксперименты Павлова, сломавшего путем многодневного голодания этот инстинкт у собаки) — только при таком превращении людей в биологических рабов ущемление его может не вызывать революционной реакции. До тех пор всякое приращение его ущемления усиливает сопротивление и стимулирует уничтожение ущемляющего режима. Вот почему режим «несвободы» или «деспотизма» неизбежно минирует социальную почву и вызывает или необходимость исключительно сильно тормозящих средств «железа и крови», до поры до времени способных задержать этот взрыв, сломать «рефлексы свободы», или необходимость революции.

¹⁷⁷ Следуя академику И. П. Павлову, я разумею под ним прирожденный инстинкт, толкающий к преодолению препятствий, ограничивающих свободу передвижения, свободу движения органов тела, свободу целого ряда действий. «В этом смысле рефлекс свободы есть общее свойство, общая реакция животных, один из важнейших прирожденных рефлексов. Не будь его, всякое малейшее препятствие, которое встречало бы животное на своем пути, совершенно прерывало бы течение жизни. И мы знаем хорошо, как все животные, лишенные обычной свободы, стремятся освободиться, особенно дикие, впервые плененные человеком. Но факт, столь общеизвестный, до сих пор не имел специального обоснования и не был зачисляем в систематику прирожденных рефлексов». Человек, связанный по рукам и ногам, посаженный в тюрьму или даже в «золотую клетку» рая, ограниченный в свободе передвижения, слова, ряда действий, подобно животным, инстинктивно стремится освободиться, иногда даже рискуя жизнью. Все это — проявление и усложнение этого рефлекса, указанного русским ученым и исследователем поведения. См.: *Павлов И. П.* Цит. соч. С. 203–204, там же — описание его экспериментов. См. также: *Сорокин П. А.* Система социологии. Т. I. С. 90; *Pareto V.* Trattato di sociologie generale. Vol. I. P. 556.

Эта зависимость между ростом ущемления рефлексов свободы и наступлением мятежа столь ясно проходит через историю, что нет нужды доказывать ее фактами и примерами.

То же самое может быть сказано и об ущемлении других прирожденных и приобретенных рефлексов. Быть может, роль каждого из них, особенно условных, взятых в чистом виде, не столь существенна, как перечисленных выше, составляющих необходимые условия жизни и выживания (ибо *primum vivere, deinde filosofare*^{58*}), тем не менее эта роль отнюдь не равна нулю...

5) *Возьмите, например, группу рефлексов самовыявления (selfexpression) наследственных склонностей.* Факт различия наследственных свойств у разных индивидов сейчас установлен твердо и начинает уже утилизироваться при определении и выборе профессии. Допустите, что «механизм размещения индивидов в социальном пространстве» (см. выше) испортился и в обществе индивиды начинают попадать на места и на роли, совершенно не соответствующие их наследственным способностям: «прирожденный правитель» попадает на место простого рабочего, «прирожденный Цицерон» — на место крючника, «поэт Божьей милостью» — на место бухгалтера, природный организатор — на роль портного, и наоборот.

Что получается из такого положения дел? — Сильнейшее ущемление инстинктов самовыявления каждого из этих лиц. Ни один из них не будет доволен своим положением и будет — сознательно или бессознательно — проклинать цепи, привязавшие его к постылой профессии и мечтать об их разрыве. Вместе с тем, каждый из них будет плохим работником в этой опротивевшей ему профессии. Перед нами — новая группа ущемленных лиц, жаждущих революции как «освобождения». «Прирожденный властитель», ставший рабочим, превращается в могучего конспиратора, Цицерон — в агитатора, организатор — в организатора подпольной партии, поэт — в певца революции, другие «неудачники» — в солдат ее армии; в итоге — одна из сил революции готова.

Мы предположительно допустили такое неудачное «ущемляющее» распределение индивидов в обществе, но наша гипотеза очень близка к действительности. В предреволюционное время, действительно, такое неудачное размещение индивидов имеет место. Формула: «каждому по его способностям, особенно прирожденным» в этот период не соответствует действительности ни в малейшей степени. Вот почему в такие времена особенно много лиц с ущемленным инстинктом «самовыявления», еще сильнее ущемляемым протезированием, похвалами

и искусственной славой и привилегиями, падающими на долю бездарных и «прирожденных рабов», находящихся на верхах общественной пирамиды, и их прислужников. Отсюда — оппозиционность и революционность «ущемленных» писателей и мыслителей, журналистов и поэтов, политических деятелей и профессоров, литературной и научной богемы, предпринимателей и горожан, а внизу — массы ущемленных лиц, ненавидящих свое дело, стремящихся на «верхи» и готовых кричать «Осанна» всякому избавителю, всякой критике и разрушению ущемляющего строя.

б) *Сходное может быть сказано и об ущемлении других инстинктов, в большей или меньшей степени ведущем к тому же результату.* Причем, как следует из всего контекста книги, революционизирующая роль ущемления инстинктов обычно выступает на поверхности явлений не в «голом», а в «завуалированном» виде. Налицо здесь мы видим, как будто, совершенно иные поводы революций: то введение корабельной подати, заставившей Гемпдена отказаться от всякой уплаты и тем самым дать повод для взрыва, то введение «The Prayer Book»^{59*}, то созыв или не созыв Генеральных Штатов, то борьбу из-за ответственного министерства, то борьбу из-за способа подачи голосов, то спор из-за той или иной религиозной догмы, то какое-либо иное — религиозное, политическое или какое угодно — разногласие. Думать, что эти конкретные причины сами по себе могут вызвать революцию, при отсутствии ущемления основных рефлексов у масс, было бы довольно наивно. Они являются лишь той искрой, которая попадает в пороховой погреб. Они лишь «повод» и та конкретная частная форма, в которую выливается накопившееся недовольство и революционность ущемленных инстинктов¹⁷⁸. Революционная сила их самих невелика, во всяком случае, совершенно недостаточна для вызова революционной бури¹⁷⁹. Когда же ущемление инстинктов налицо, — любое, самое пустое событие может послужить поводом для взрыва. Как у лиц, взаимно ущемляющих друг друга, самый ничтожный, случайный пустяк вызывает ссору и драку, так и тут, если ущемление инс-

¹⁷⁸ Историк Чешской революции вполне прав, говоря на этот счет следующее: «Les passions humaines ont un rôle dans toutes les transformations religieuses, mais elles se cachent, se présentent sous une forme dogmatique et theologique»^{60*} (Denis E. Op. cit. P. 32). То же самое можно сказать и о других речевых реакциях. См.: Pareto V. Op. cit., passim.

¹⁷⁹ См. в первом очерке index относительной детерминирующей силы разных рефлексов.

тинктов у масс дано, недостатка в поводах для взрыва не будет. Роль их может сыграть самое пустячное событие, но такое, которое прямо или косвенно задевает и имеет отношение к ущемлению инстинктов.

Иными словами, постановка грандиозных трагедий, драм и комедий революции на исторической сцене решается, главным образом, ущемленными безусловными рефлексам. От них зависит — быть или не быть постановке пьесы «Революция». Если они решили: «быть» — пьеса будет сыграна, и недостатка в актерах не будет. «Валентность»^{61*} безусловных импульсов несравненно больше, чем валентность совокупности условных рефлексов. Последние выступают не столько в роли сил, вызывающих революцию, сколько в роли факторов, определяющих сцену, формы, грим, костюмы и характер реплик революционной трагедии. Именно эти условные «идеологические факторы» и определяют конкретные формы, диалоги, монологи и лозунги революции. Пойдет ли она под знаменем «Святой земли», «Утраквизма», «Короля», «Социализма», «Интернационала», «Истинной веры», «Конституции», «Правового государства», «Демократии», «Республики» и т. д. — это определяется ими. Будут ли при этом любимыми авторитетами «Христос», «Ян Гус», «Руссо», «Лютер», «Маркс», «Толстой» или «К. Либкнехт», — это опять-таки зависит от них. Будут ли конкретные речи актеров рассуждениями о «Библии» и правильном толковании заветов Христа, или рассуждениями о «национализме», о «прибавочной ценности и эксплуатации капитала» — это опять определяется ими. Будут ли актеры изображать на своих знаменах и носить «чашу», «фригийский колпак», «зеленый сыр» или «черную рубаху, «пятиугольную звезду» и «красный флаг» — это опять зависит от них. Будут ли они собираться в катакомбах, в зданиях церквей, в средневековых ратушах или в зданиях современных парламентов — решается ими. Будут ли они распространять свои убеждения с помощью пергаментов и рукописей или с помощью ротационных машин — зависит опять-таки от них. Чем будут производиться эффектные сцены убийств — дубиной, топором, луком, мечом или 10-дюймовым орудием, динамитом, танками и дредноутами — это опять решают они. От них же зависит, в известной мере, как далеко зайдут акты расторможения.

Словом, роль их, главным образом, — роль факторов, определяющих конкретные формы движения. Было бы, однако, неосторожно сказать, что однажды появившись, они не играют никакой роли в качестве *causa efficiens*^{62*} революции.

Агитация, устная и печатная пропаганда, несомненно, имеют некоторое значение и содействуют кристаллизации недовольства и револю-

ционных целей. Но успех они имеют лишь тогда, когда почва подготовлена ущемлением инстинктов масс. Без этого они, как и другие условные стимулы, бессильны произвести огромный социальный взрыв, требующий более эффективных сил. Несмотря на большие средства, затраченные на монархическую пропаганду при старом режиме в России, соответствующие идеологии совершенно не имели успеха. Они противоречили ущемленным инстинктам. Напротив, идеологии социализма, коммунизма, революции эпидемически заражали население. Лозунги коммунизма имели невероятный успех с июня–июля 1917 г.

Прошло три года. Коммунисты монополизировали всю печать, прекрасно поставили агитацию и пропаганду — и что же? — Их идеологии, недавно столь популярные, не имеют теперь никакого успеха. Напротив, идеологии «контрреволюционные», вплоть до монархизма, находят живой отклик. Этот пример, повторявшийся много раз в периоды революций, ясно говорит о недостаточной силе «речевых рефлексов», взятых самостоятельно. То же самое, *mutatis mutandis*^{63*}, применимо и к другим условным рефлексам. Они — сила, главным образом оформляющая движение революционного пара; последний же заключался и заключается в ущемлении безусловных рефлексов.

§ 5. Иное доказательство того же

Если наша теорема верна, то из нее следует: 1) *что в предреволюционный период мы должны находить исключительно сильное ущемление ряда основных инстинктов масс; 2) что лицами и группами, предрасположенными к революции, в любом обществе будут такие лица и группы, у которых те или иные основные инстинкты ущемлены; 3) так как количество и ущемленных инстинктов и характер их ущемленности у разных лиц и групп не одинаковы, то, согласно теореме, это количество и качество определяет и объясняет: а) как далеко пойдет революционность каждой группы и б) какие из них и в каком порядке будут отставать от революции.* Поясню сказанное. Дореволюционный строй может ущемлять:

у одной группы ряд инстинктов —	a, b, c, d, e, f
у другой —	a, b, c, d, n
у третьей —	a, b, m, d
у четвертой —	a, f, c
у пятой —	a, n
у шестой —	a

Легко понять, что первая группа будет наиболее экстремистской и всего позже отстанет от революции, ибо труднее удовлетворить ее импульсы и уничтожить ущемление всех ее инстинктов. Каждая из последующих групп будет более умеренной в своих революционных требованиях и раньше предыдущей будет отставать от революции. Ущемление инстинкта «а» шестой группой может быть удалено всего скорее и потому она раньше всех отстанет от революции. Эта схема вытекает из теоремы и объясняет действительное положение разных групп в период революции¹⁸⁰. 4) *Наконец, если наша теорема верна, то те социальные агрегаты, постоянные условия которых ущемляют инстинкты масс сильнее, чем постоянные условия других агрегатов, должны быть более революционными, чем последние.*

Таковы выводы из нашей основной теоремы.

Верны ли они? Я думаю, да.

Дадим комментарий к 1, 2 и 3 положениям. Обратитесь к изучению условий предреволюционного периода в любом обществе, и вы ясно увидите громадное ущемление множества основных инстинктов у массы групп данного общества.

Что мы имели перед русской революцией 1917 г.?

1) Сильнейшее ущемление инстинктов индивидуального самосохранения у 15–16 миллионов мобилизованных солдат, производимое ужасающей войной, ее смертоносностью, холодом, голодом, окопами, лишениями и т. д.

2) Сильнейшее ущемление инстинктов группового самосохранения у 90% населения, вызванное неудачами войны, бездарностью власти и даже изменой ее агентов¹⁸¹.

3) Сильнейшее ущемление инстинктов пищевых, вызванное рас-

¹⁸⁰ Она же объясняет и «контрреволюционный» реставрационный радикализм разных ущемленных групп. Чем больше число инстинктов и чем сильнее революция ущемила их у разных групп, тем более экстремистскими будут эти группы в своих реставрационных стремлениях. Группа придворной знати и аристократических верхов ущемляется всего сильнее, поэтому ее реставрационные желания являются обычно самыми крайними и самыми пылкими. Группы, мало ущемленные революцией, наоборот, бывают и будут очень умеренными в своих реставрационных тенденциях: они пытаются удержать максимум «завоеваний» революции.

¹⁸¹ Вспомним речь П. Милокова в Государственной Думе о «глупости и измене», потрясшую страну^{64*}.

стройством народного хозяйства и ростом голода в городах, резко выявившимся в конце 1916 г.¹⁸²

4) Сильнейшее ущемление «инстинктов свободы» военными положениями, введением для всей России с 1914 г. военной цензуры, военными судами, произволом агентов власти и т. д.

5) Ущемление рефлексов собственности, вызванное обеднением обширных групп населения в ходе войны (рабочих, государственных чиновников, интеллигенции, части буржуазии и крестьян), с одной стороны, и обогащением небольшой кучки спекулянтов, нажившихся на войне, — с другой, ростом вмешательства власти в регулирование имущественных отношений, — с третьей (государственный контроль промышленности, твердые цены на хлеб, как всегда отстававшие от рыночных и т. д.).

6) «Ущемление» «половых рефлексов» населения распутством на верхах и «распутинством».

Не буду говорить об ущемлении других инстинктов и о бездарности власти в деле их торможения и канализации, о чем речь пойдет ниже...

Эти условия были вполне достаточны, чтобы вызвать оглушительный взрыв революции. Ее никто специально не готовил¹⁸³, но все ждали, как стихию, не зная ни дня, ни часа ее прибытия. Как стихия — она и пришла.

Какая группа была предрасположена к ней?

Да чуть ли не все 96% населения, ибо у всех те или основные инстинкты были ущемлены. Первыми выступили солдаты и рабочие¹⁸⁴, ущемленные сильнее других почти во всех своих основных инстинктах. К ним немедленно присоединились разные группы среднего класса: чиновники, интеллигенция, служащие частных, земских и городских учреждений, вплоть до торгово-промышленного класса, и крестьянство. Каждая из этих групп была так или иначе «ущемлена», а потому совсем не нашлось защитников старого режима и он пал в два-три дня, почти без всякой борьбы.

Дальше начинается интереснейшее развертывание «революционных» требований разных групп, их характер и порядок выбытия из революции.

¹⁸² См. выше «Голод и революция», а также: *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922.

¹⁸³ См. об этом «Пять дней» Мстиславского и первый том «Записок о русской революции» Н. Суханова.

¹⁸⁴ См.: *Миллюков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1.

Приведенная выше схема построена именно на фактах русской революции.

Единодушный порыв почти всего населения снес «ущемляющий старый режим». Но через одну-две недели единодушие исчезает, начинается дифференциация и разделение единой недавно массы противников старого режима как раз по числу и характеру ущемленных инстинктов. В первые же два-три дня после 27 февраля проходит первая борозда в виде дуализма «Советов» и «Временного правительства». Падение царизма, означавшее и падение дворянства, уничтожило «ущемление» торгово-промышленников привилегиями дворянства и бюрократии, уничтожило ущемление массы общественных, земских и городских деятелей, не допускавшихся раньше к высоким постам, офицеров из народа, забиваемых гвардейско-аристократическими элементами, широких кадров интеллигенции и служащих, ущемленных в рефлексам свободы, видевших источник военных неудач в старом правительстве. Все эти группы были удовлетворены, они составили теперь кадры сил, выдвинувших Временное правительство, и хотели остановить бег революции. Голод, холод, война, лишения, монотонность тяжелой работы их задевали мало, а потому их ущемленные инстинкты были до известной степени удовлетворены.

Иначе обстояло дело с солдатами, рабочими, крестьянами, с деклассированными, преступными и неприспособленными элементами. Предыдущие группы и Временное правительство вовсе не собирались кончать войну, следовательно, основное ущемление инстинктов самосохранения у солдат не было уничтожено, и потому... солдаты не могли остановиться на Феврале.

Что дала Февральская революция массам рабочих? Кроме бумажных свобод — почти ничего. Она не улучшила их экономического положения, напротив, голод усилился, монотонная работа на фабриках осталась, какой была и прежде, кругом царила та же роскошь «буржуев», мозолившая им глаза, в кругах Временного правительства им, как массе народа, отведена была очень скромная роль.

Словом, ни ущемления инстинктов пищевых, ни собственности, ни свободы, ни ряда других Февральская революция не устранила. А потому... рабочие должны были идти дальше и стремиться к устранению этих ущемленных условий, не существовавших для первых умеренных групп. То же самое можно сказать и о крестьянстве. Февральская революция обещала, но не дала ему сразу «ущемлявшие» его помещичьи земли, не облегчила, а усилила его повинности по доставке хлеба и продовольст-

вия (введение хлебной монополии Временным правительством, усиление требований хлеба и других продуктов, к октябрю — реквизиции всего хлеба, кроме семян и необходимого минимума для пропитания), не возвратила рабочих рук, взятых в виде солдат, не облегчила и не удешевила доставку предметов промышленности. А потому... крестьянство не имело основания выступать против дальнейшего углубления революции.

Еще в большей степени это относится к преступным, деклассированным и авантюристским элементам умственного и мускульного пролетариата. «Муть» углубляющейся революции была им необходима.

Так появилась эта первая трещина. В то время, как первые группы хотели задержать революцию, вторые — гнали ее дальше. А поскольку во втором лагере были рабочие, огромная армия, требовавшая мира во что бы то ни стало, хотя бы «похабного», и крестьянство, т. е. три основные силы — Октябрь был предрешен...

Он был ускорен еще и тем, что в самой первой группе скоро произошло дальнейшее раздробление. Торгово-промышленники, духовенство и офицерство, ущемленные рабочими, не слушавшими предпринимателей, народом, сократившим доходы духовенства, солдатами, убивавшими офицеров, — эти группы очень скоро отделились от других групп средней интеллигенции, которые не подвергались со стороны революции таким ущемлениям. Они перестали поддерживать Временное правительство, не умевшее тормозить бег революции, и стали концентрироваться вокруг «Ставки» Главнокомандующего. Временное правительство повисло в воздухе, не имея иной опоры, кроме небольших групп служащих и интеллигентов. С другой стороны, и Ставка была бессильна, ибо армия (солдаты) была не с ней, а против нее. Выступление Корнилова было ликвидировано тремя десятками агитаторов. Временное правительство для своей защиты сумело собрать лишь триста юнкеров и пало так же легко, как и царский режим. Пришла Октябрьская революция, т. е. углубление Февраля «ущемленными» рабочими, солдатами, крестьянами и деклассированно-криминальными элементами. В первые месяцы октябрьский переворот облегчил ущемление всех поддержавших его групп: крестьяне получили санкционирование и одобрение производимых ими земельных захватов, армия — мир и возможность вернуться домой, рабочие — право на леность, основные места на командующих позициях, право на «ущемление буржуев», получили фабрики и заводы в свои руки, подонки общества, преступники, авантюристы приобрели места в правительстве и свободу для проявления своих склонностей в форме узаконенного грабежа и убийства буржуев и контрреволюционеров.

Отсюда — сила Октября и большевиков. Прошло несколько месяцев и картина начала меняться. Крестьянству больше ничего не давали, а требовали с него все больше и больше в виде бесконечных реквизиций, поборов и грабежей. В итоге — восстание крестьян и начало их отхода от революции, сдерживавшееся опасностью возврата помещиков, старого режима и старых «ущемлений». В исходном положении очутилась и Красная армия, кроме 300–400 тыс. особо привилегированных «преторианцев» большевизма. Рабочий класс в 1919–1920 гг. тоже почувствовал ущемление от голода, трудовых повинностей, бюрократизации и тирании новой власти.

Начались восстания рабочих, красноармейцев и крестьян, в марте 1921 г. чуть-чуть не свергнувшие правительство. Путем уменьшения ряда ущемлений, отказа от коммунизма и усиления тормозов оно удержалось. Но для сохранения своего существования оно вынуждено было увеличивать численность своих преторианцев, привлекать на службу богатыми окладами часть интеллигенции («спецов»), возможностью спекуляции — часть коммерсантов. Но для содержания их власть должна была все сильнее и сильнее грабить крестьян и эксплуатировать рабочих. Такое ущемление последних в 1922–1923 гг. окончательно перебросило их во враждебный лагерь. Теперь вся опора советского правительства состоит из преторианцев, «спецов» и отчасти «нэпманов» — опора слабая, если бы страна не была утомлена войной, революцией, чрезвычайным голодом, эпидемиями, и если бы громадная территория и разбросанность населения не затрудняли его организацию. Из этого схематического очерка видно, что наши 1-е, 2-е и 3-е положения вполне подтверждаются фактами Русской революции.

Колоссальное ущемление инстинктов у крестьян, рабочих, буржуазии, низшего духовенства и интеллигентов бесспорно наблюдалось и перед началом Французской революции 1789 г.

Крестьянство было ущемлено бесконечными феодальными повинностями и налогами, сверх того — голодом 1788 г., рабочие — голодом и бедностью, буржуазия — «была доведена до бешенства» привилегиями дворян, низшее духовенство — привилегиями высшего, все — «даже привилегированные — чувствовали себя притесненными», «общество, стесненное деспотической анархией, в тисках которой оно билось, с упованием делало вывод, что теперь королевству дадут конституцию»¹⁸⁵.

¹⁸⁵ *Мадлен Л.* Цит. соч. Т. I. С. 16–18, 35–36; *Taine H.* Les origines de la France contemporaine. Vol. I; *Tocqueville A.* L'ancien regime et Revolution, passim.

Взрыв был неизбежен, и он произошел. Предрасположенным к революции оказалось большинство групп, составлявших подавляющее большинство населения. По степени революционного экстремизма и времени выхода из революции здесь замечается та же закономерность. Как только какая-либо из делавших революцию групп получает удовлетворение ущемленного инстинкта — она теряет интерес к революции; если же революция сама (в лице революционной власти) начинает ущемлять ее — она становится против этой власти.

Наиболее экстремистскими и здесь были деклассированные элементы: рабочие, преступники и авантюристы, составлявшие ядро якобинства, его главнейших и рядовых деятелей. Они, в союзе с массой других групп, были «загонщиками» революции.

Рабочие и ремесленники, сначала толкавшие ее вперед, с момента ущемления их инстинктов в виде усиления голода, роста безработицы, закона Ле Шапелье, введения такс на труд, принудительной трудовой повинности и т. д., — переходят в лагерь противников революционной власти и пытаются двигать по-своему революцию дальше (дело Бабефа), но не удачно. Крестьяне, освободившись от повинностей и увеличив свои земли — становятся равнодушными к революции; когда же она начинает ущемлять их бесконечными поборами и реквизициями — становятся врагами революционного правительства. То же самое повторяется и с духовенством, не говоря уже о третьем сословии.

И здесь, в силу общего ущемления, революционный порыв сначала был единодушным, потом, в силу разных интенсивностей и числа ущемленных рефлексов — он разделяется на разные струи. Чем дальше бежали максимально ущемленные экстремисты, тем революционный поток сильнее мелел, тем больше сзади оставалось групп, достигших нужного им избавления от ущемления, и тем сильнее революция в лице своего авангарда ущемляла эти группы и отбрасывала их назад в лагерь противников ее дальнейшего углубления и экстремизации. К концу ее — ущемление от зарвавшейся революции стало столь же общим, как и ущемление от «старого режима». В результате революционная власть потеряла опору и пала, чтобы дать место новой, давшей некоторое облегчение от убийственного ущемления революции.

То же экстраординарное ущемление рефлексов населения властью мы видим в Английской революции. Правление Карла — сплошная тирания, не оправдываемая ничем. Законы и права населения — систематически нарушаются. Обещания короля — не выполняются. Вводится большое число новых налогов и новых монополий, привилегий

(на соль, мыло, уголь, железо, вино, кожи, крахмал, табак, пиво и т. д.) и новых сборов. Народ разоряется. Королевские леса произвольно расширяются за счет частных. Оспариваются в пользу короля бесспорные права населения на имущество, на доходы с должности и т. д. Судьи и администрация развращены. Население угнетается постоями солдат. «Самоуправство со дня на день сильнее тяготело над богатыми, потому что из них можно было извлечь прибыль, и над бедными, потому что они были не опасны». «Дворянам было приказано жить в своих поместьях». Сверх всего этого мы видим религиозное принуждение населения и духовенства, цензуру и т. д.¹⁸⁶ Нужны особые способности, чтобы суметь так ущемить множество рефлексов почти всех слоев населения. Отсюда — взрыв. Дальнейшее течение процесса в отношении радикализма разных групп и времени их выхода из революции соответствует теореме 2 и 3.

Перед Чешской революцией XIV в. свобода и равенство исчезли. «Феодализм делался все более и более гнетущим; налоги более тяжелыми, повинности более многочисленными». Притеснение со стороны сеньоров росло. «У кого искать правосудия, когда обидчик стал в то же время судьей... колон перестал быть собственником своего поля... каждый день чехи чувствовали, что они все сильнее и сильнее ввергаются в рабство, развивающееся вдобавок под иностранным влиянием». Прибавьте к этому и их обеднение наряду с обогащением знати, особенно немцев и католической церкви, испорченность и разврат духовенства, и станет ясным, как возросло качественно и количественно ущемление инстинктов перед революцией¹⁸⁷.

Я не буду приводить данные о других революциях, читатель может сам проверить эти положения анализом предреволюционного состояния революционных стран с этой точки зрения.

Из сказанного следует, что число групп, «предрасположенных» к революции, при крупных революциях, большое. Они чрезвычайно разнородны и охватывают самые разнообразные виды социальных групп, начиная от профессора, обойденного в чем-либо, журналиста, обиженного редактором, intellectuals, почему-либо «ущемленных» аристократией и существующими отношениями, промотавшегося аристократа, прогоревшего богача, оскандалившегося авантюриста и кончая — умирающим от голода рабочим, вечным бунтарем-преступником и чело-

¹⁸⁶ Гизо Ф. Цит. соч. Т. I. С. 1–70.

¹⁸⁷ Denis E. Op. cit. P. 33–34.

веком, отдающим жизнь за благо других людей. Одних толкает голод и холод, других — зависть, честолюбие, месть, страх, корысть и жадность, третьих — сострадание и желание улучшить положение людей...

Но все это лишь разные формы «ущемления». В силу его Руссо и Вольтер, Ян Гус и Иероним Пражский, индипенденты и Лильберн, Маркс и Лассаль, Лавров, Михайловский, Плеханов и другие прокладывали дорогу революции и потрясали основы порядка. В силу его же проповедь крайних и умеренных «освободителей» подхватывается, падая на благоприятную почву «ущемленных» масс. В силу того же, наконец, происходит дальнейшее распыление революционных сил, их взаимная борьба и гибель революции.

Наконец, наше положение оправдывается разной революционностью города и деревни. Правильно было замечено профессором Хауес'ом, что городское население, как правило, более революционно, чем деревенское¹⁸⁸. Город чаще треплется лихорадкой революции, чем деревня. Первый начинает революцию, вторая — в конце концов, обычно «обуздывает» ее. (Свежие примеры: Россия, Бавария, Венгрия, Италия, более ранние: Парижская революция 1871 г., Великая французская революция и т. д.)

В чем же дело? — В том, что человек, его рефлексy и инстинкты менее приспособлены к современной городской жизни, чем к деревенской. Городская среда — явление относительно новое в истории человечества, особенно среда современного индустриального города. Все поведение человека в течение многих тысячелетий приспособлялось к деревенской, а не к городской среде. Очувившись в ней со старыми инстинктами — он очутился «на постели из гвоздей», к которой его инстинкты не были приспособлены.

Возьмите для примера огромный пласт городского пролетариата. Какова обстановка его жизни? Работа в закрытых помещениях, царство бездушных машин, стали и угля... Грохот и шум. Изо дня в день одна и та же работа, монотонная, механическая, на дающая ничего ни уму, ни сердцу. Где и когда инстинкты человека приспособлялись к такой среде? Могут ли они найти здесь свое удовлетворение? — Конечно, нет. Ни инстинкт творчества и изобретения, ни инстинкт разнообразия и перемены места, ни любовь к приключениям и многое другое

¹⁸⁸ См.: *Hayes E. C. Introduction to the study of sociology. New York; London, 1921. P. 62–63.*

здесь не находят удовлетворения¹⁸⁹. Прибавьте к этому, что у пролетариата нет собственности. Его существование и заработок не обеспечены. Голод и нужда — обычные спутники. Вдобавок, все эти инстинкты еще более ущемляются тем, что здесь он находит «вершины плутократических Анд и бездны беспросветной бедности»¹⁹⁰. Мудрено ли поэтому, что городской пролетариат — умственный и физический — вечно недоволен, непрерывно ищет выхода и перманентно революционен. Он не может быть не революционным. Не может не ворочаться в той клетке, в которую его посадила история. Это мы и видим¹⁹¹.

Деревня — та среда, к которой приспособлялся человек в течение тысячелетий. Быть может, она живет беднее города, зато здесь нет ущемления от имущественных контрастов. Быть может, крестьянин работает больше восьми часов, зато его работа живая, над живой природой. Труд творческий, а не механически-монотонный. Другие его инстинкты здесь также находят удовлетворение. Кроме того, разлагающих сил города здесь меньше. Вот почему деревня консервативна, была и остается оплотом порядка. Только в случаях абсолютно невозможных условий, ущемляющих ряд инстинктов (сильный голод и т. п.), она становится революционной и создает жакерии. Без них деревня не подвержена революции¹⁹². Этот факт лишней раз подтверждает правильность нашей теории о причинах революции¹⁹³.

¹⁸⁹ См.: *Сорокин П. А.* Город и деревня // Крестьянская Россия. Прага, 1923. Сб. IV. С. 4–16

¹⁹⁰ *Hayes E. C.* Op. cit. P. 63

¹⁹¹ Ущемляющий характер города и неприспособленность человека к нему доказывается и множеством других явлений: быстрой биологической изнашиваемостью людей в городах, большим процентом преступности, мертворожденных, самоубийств и болезней. См. мою статью «Город и деревня», а также: *Mayr G.* Moralstatistik mit einschluss der Kriminalstatistik. Freiburg i. B. und Leipzig, 1917. S. 108–109, 139, 274, 332–333, 504–505, 724–729.

¹⁹² См.: *Сорокин П. А.* Город и деревня. С. 17.

¹⁹³ Еще одним частичным подтверждением того же общего положения является и та исключительная роль, которую играли и играют в революции евреи. С этой их ролью мы встречаемся и в Риме, и в Средневековье, в Английской революции и во Французских революциях 1789, 1848, 1871 гг., в Германской революции 1918 г., и в Русских революциях 1905 и 1917 гг. Люди без отечества, живущие всегда в чужой обстановке, сосредоточившиеся на функциях посредничества и т. д., они представляют собой народ со многими ущемленны-

На основании сказанного мы можем признать ее правильность. Попутно я указал и ряд условий (голод, война, деспотизм, привилегии, имущественная дифференциация, половая распущенность верхов и т. д.), которые вызывают это ущемление и нарушают равновесие поведения людей.

Равным образом сказанное объясняет, из кого составляются кадры революционеров, как далеко разные группы идут в «углублении» революции, как, в каком порядке и почему из нее выходят.

§ 6. Дезорганизация торможения, дегенерация власти и революция

Для наступления революции необходимо не только массовое ущемление основных инстинктов, но, как сказано выше, *нужно еще наличие второго условия в виде недостаточного и неумелого торможения революционного взрыва, стимулируемого ущемленными инстинктами*. Под недостаточностью и неумелостью торможения я разумею неспособность власти и правящих групп: а) противопоставить усиливающемуся давлению ущемленных инстинктов — контрдавление, уравновешивающее первое; б) удалить или ослабить причины, вызывающие «ущемление»; с) разбить и разделить «ущемленные» группы на части, противопоставить их друг другу (*divide et impera*^{65*}) и тем самым ослабить противника; d) дать выход другим ущемленным инстинктам в формах не революционных.

Как бы ни был силен голод, но если к виску голодающего приставить револьвер, он не тронет пищу, находящуюся перед ним: акты, стимулируемые голодом, будут подавлены, хотя бы ценою смерти голодного от истощения. То же самое может быть сказано и о массах с ущемленными инстинктами. В любом обществе, в любой момент имеется большее или меньшее ущемление инстинктов у значительной части его членов. Если оно не ведет к волнениям и восстаниям, то происходит это благодаря торможению со стороны органов власти и неущемленной части общества. Более того, мы знаем немало случаев в истории, когда исключительно сильное массовое ущемление инстинктов не вызывало революций. Вместо революционного взрыва происходило... вымирание одних членов общества от ущемления инстинктов и сервильзация^{66*} других. В чем же дело? — В исключительно сильном и умелом тормо-

ми рефlekсами, а потому — служили и служат поставщиками огромного числа революционеров и экстремистов для революций всех стран и времен.

жении. Примерами таких обществ могут служить общества побежденные, завоеванные иноземцем-победителем. История дает их в неограниченном количестве, вплоть до Бельгии и части Франции, занятой немцами в 1914–1918 гг., до Рура, оккупированного французами и бельгийцами в 1923 г., до России, завоеванной кучкой интернациональных проходимцев и с 1921–1922 гг. ненавидимых не менее, чем ненавидели немцев в Бельгии и во Франции, чем ненавидят бельгийцев и французов — в Рурской области.

Несмотря на это ущемление, оккупанты держались и держатся и в состоянии сдерживать взрыв¹⁹⁴.

Для революции нужно не только ущемление инстинктов, но и наличие недостаточно сильного и умелого торможения со стороны власти и командующих слоев.

Видим ли мы его в предреволюционные эпохи? — Конечно.

Предреволюционные эпохи просто поражают исследователя бездарностью власти и вырождением привилегированно-командующих слоев, не способных успешно выполнять ни функции власти, ни противопоставить силе силу, ни разделить и ослабить оппозицию, ни уменьшить ущемление, ни канализировать его в формах, отличных от революции. Все предреволюционные правительства отмечены печатью какой-то «бледной немочи». Импотентность, нерешительность и колебание, неумелость, растерянность, легкомысленная беззаботность — с одной стороны, испорченность, развращенность и изнеженность, с другой, — таковы черты предреволюционных правящих классов. Ни воли, ни ума, ни хитрости. «Нет кормчего. Где он в сей день? — Или он дремлет? — Вот, мощи его не видно». «Царь обессилел и перестал служить опорой». «Змея (уреус — символ власти фараона) вынута из своего гнезда»... Таковыми словами жалуется Ипувер на бессилие и слабость фараона накануне и во время Египетской революции¹⁹⁵.

В Риме перед Гракхами и в первое время революции видим такую же дегенерацию власти, вместо мудрых, решительных и могучих *patres conscripti*^{67*} перед нами выродившийся Сенат, заискивающий, лгущий, подлаживающийся к толпе и ее вожакам. «Уже никто не осмеливается распоряжаться достоянием и кровью граждан на пользу отечества». Вместо героев — перед нами карлики, вместо великого сената —

¹⁹⁴ Об исторической роли карательного и наградного торможения см.: *Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда.* СПб., 1914. С. 67–251.

¹⁹⁵ *Викентьев В.* Цит. соч. С. 288–300.

сгнившая охлократия^{196*}, место суровых воинов и правителей занято «малодушной и безнравственной аристократической сволочью»¹⁹⁶.

Во Франции — перед Жакерией и революциями конца XIV в. королем стал Иоанн — неудачный правитель, бездарный полководец, окруженный такой же бездарностью, как и он сам.

В Англии мы имеем Карла I и его окружение, опять-таки не умеющих последовательно проводить принятую однажды линию поведения и только раздражающих население своими колебаниями и истерическими вспышками деспотизма. Правительство то арестует оппозицию, то выпускает ее; то созывает парламент, то распускает. Затеяв войну, не умеет ее вести; начав борьбу с народом, не доводит ее до конца; не способен даже защитить своих любимцев (Бэкингема, Страффорда, Лода и других). «Не чувствуется ни твердых намерений, ни могучей руки»¹⁹⁷. Вдобавок — огромная расточительность двора и безрассудная растрата денег на синекуры своим любимцам (пенсии с 18 000 фунтов стерлингов при Елизавете поднялись теперь до 120 000 фунтов, издержки королевского дома — с 45 000 до 80 000 и т. д.). Сверх того, власть систематически «ущемляет» рефлексы населения своими действиями¹⁹⁸.

Нужно быть особо бездарной властью, чтобы уметь так успешно возбуждать население против себя, и так неумело тормозить возбуждение.

То же самое можно сказать об Иоанне Безземельном и о Якове II с окружавшими их лицами.

Состояние дворянства и власти перед Французской революцией известно... Аристократия не способна защищаться в сомкнутом строю и идти на необходимые уступки... Ришелье систематически понижал стойкость характеров потомков магнатов, Людовик XIV продолжал его дело. «Ее отучили от стойкости и обрезали корни». «Благодаря светскости, эпикуреизму и изнеженности, она стала совершенно расслабленной». Вдобавок — скандальность и развращенность ее поведения, полная посредственность, модный, но легкомысленный либерализм,

¹⁹⁶ См.: Моммзен Т. Цит. соч. Т. II. С. 69–80, 132.

¹⁹⁷ Гизо Ф. Цит. соч. Т. I. С. 47.

¹⁹⁸ «Тирания Карла была если и не самой жестокой, зато самой несправедливой, какую только когда-нибудь испытала Англия. Она не могла представить в свое извинение никакой общественной необходимости и блестящего результата, а между тем ради удовлетворения неизвестных нужд оскорбляла древние права... Не обращала внимания ни на законы, ни на слова самого короля, и пускалась на всякие угнетения» (там же. С. 50–51).

«потеря веры в собственное право», чисто паразитарный образ жизни, полное непонимание обстановки. Еще в 1789–1790 гг. «дворянство улыбается и не понимает революции»¹⁹⁹.

Полезные функции, выполнявшиеся когда-то предками аристократии, теперь перестали выполняться, но привилегии сохранились. Такое положение долго длиться не может²⁰⁰.

Король — добродушный, добрый, веселый человек, но — как правильно сказал Наполеон, — «когда о короле говорят, что он добр, то значит его правление никуда не годится». Людовик «не умел хотеть. Он не знал, чего он хочет». «Его правительство, быть может, самое честное из всех, было чем угодно, но не правительством эпохи кризиса»²⁰¹.

Раньше Капетинги были освободителями, судьями и защитниками народа, теперь перестали ими быть. «Если же король не является более ни предводителем войск, ни высшем судьей и ни покровителем коммун, то кто же он?»

Вдобавок — рядом Антуанетта и лощеные придворные, хорошо знающие и Руссо и Вольтера, но лишенные воли, энергии и умения понимать обстановку.

Эта импотентность власти проявляется с самого же начала революции: 6 мая 1789 г. — при решении вопроса, как голосовать сословиям; при сцене *Jeu de raume*; при отказе третьего сословия разойтись в церкви Св. Людовика, при *lit de justice*^{69*}. Власть сначала пытается тормозить, но сразу же уступает и тем только раздражает население. И то же видим в ее поведении с солдатами 24 и 28 июня 1789 г. и т. д. Колебание, нерешительность и бестолковое раздражение пронизывает все ее действия

¹⁹⁹ *Мадлен Л.* Цит. соч. Т. I. С. 30–35; *Tocqueville A.* Op. cit., passim; *Taine H.* L'ancien Regime. Ch. I.

²⁰⁰ «Каково бы ни было известное учреждение, — правильно отмечает И. Тэн, — современники, наблюдающие за ним в течение сорока поколений, не могут считаться плохими судьями; если они уступают ему свою волю и имущество, то лишь пропорционально его услугам... Нельзя думать, чтобы человек мог быть признателен ни за что, так сказать, по ошибке, и чтобы он стал давать много привилегий без достаточных побудительных причин: он слишком себялюбив и завистлив для этого»... Раньше привилегированные оказывали эти услуги, теперь же «перестали исполнять свою должность, места их стали синекурой и привилегии — злоупотреблениями» (*Тэн И.* Происхождение современной Франции. СПб., 1907. Т. I. С. 8, 552–553).

²⁰¹ *Мадлен Л.* Цит. соч. Т. I. С. 47–54.

от начала революции до смерти Людовика. «Узда» ослабляется с самых первых моментов: «Людовик XVI (в мае—июне 1789 г.) считал себя еще королем, но он уже им не был. У него не было ни власти, ни закона»²⁰².

А разве не то же самое происходило перед началом русской революции? — Николай II — копия Людовика XVI. Александра Федоровна — копия Марии-Антуанетты. Придворные, — все эти дряхлые Горемыкины, бездарные Штюрмеры, психически больные Протопоповы, сексуально-ненормальные Вырубовы и т. д. — что все это, как не ухудшенная копия придворных Людовика XVI? Ни одного волевого и умного министра; перед нами собрание физических и психических «импотентов», бездарных правителей, изнеженных и цинических карликов²⁰³.

Стоит сравнить эту картину с тем, что было еще 30 лет назад при великом императоре Александре III, чтобы увидеть всю катастрофичность дегенерации власти и правящей среды.

Приходится удивляться не тому, что катастрофа наступила, а тому, что она наступила так поздно.

А само благородное дворянство? — Некогда, как и французское дворянство, оно выполняло важнейшие функции управления, защиты страны, суда, несло государеву службу. За это оно имело — и по праву — ряд привилегий. Но уже с конца XVIII в., — когда оно «Указом о вольности дворянства» было освобождено от обязанностей, но сохранило свои привилегии — началась его деградация. Мало-помалу оно превращалось в паразита, его привилегии — в синекуры, его претензии — в необоснованные злоупотребления. В значительной своей части оно просто проедало те богатства, которые остались от прошлого и время от времени вырывались из народных средств. Даже тогда, когда оно проявляло активность, как это было, например, в 1905–1914 гг. в лице «объединенного дворянства», оно показывало не заботу о благе государства и целой страны, а просто хищнические примитивно-эгоистические аппетиты паразитарной группы²⁰⁴.

Не приходится поэтому удивляться тому, что история позвала его на суд и ликвидировала этот нарост на теле России, не приходится

²⁰² Там же. С. 86.

²⁰³ См. «Письма императрицы Александры Федоровны», воспоминания Витте, Белецкого, Вырубовой, «Из потонувшего мира» графини Клейнмихель и другие мемуары придворных, которые сами того не желая, рисуют грандиозную картину вырождения и ничтожества.

²⁰⁴ См.: Ковалевский М. М. Чем обязана Россия объединенному дворянству. СПб., 1914.

удивляться и тому, что оно не сумело проявить почти никакой энергии в деле самозащиты, защиты старого режима и его главы — царя. Смерть русского дворянства была лишена какого бы то ни было героизма.

Аналогичное явление мы наблюдаем и во времена других революций. Сказанное подтверждает правильность нашей теоремы о второй причине революции: вырождении власти. История терпит правительства хищные, жестокие, циничные, но лишь тогда, когда эти правительства сильны, хотят властвовать, умеют править и, несмотря на все свои отрицательные черты, оказывают обществу ряд услуг.

Правительства же «добрые», но импотентные, жестокие, но паразитарные, благородные, но бесполезные — она не терпит.

Такое вырождение власти и командующих слоев, при сравнительной замкнутости последних, рано или поздно, по-видимому, становится своего рода необходимостью. Оно вызывается как биологическими, так и социальными причинами.

Биологические причины вырождения заключаются, прежде всего, в неудачном смешении крови, в результате чего потомки талантливых прирожденных властителей, какими, например, были родоначальники русского и французского дворянства, становятся малопохожими на предков и по своим полученным по наследству свойствам являются не властителями «божьей милостью», а «прирожденными рабами», не имеющими никаких талантов правителя. Такая дегенерация всегда грозит бедствиями обществу; в переходные же моменты она влечет за собой катастрофу. Положение ухудшается еще и тем, что такой же процесс, но в обратном направлении, и в силу тех же причин, бывает и с потомками бывших рабов. Их дети иногда рождаются со свойствами «прирожденных властителей».

Если бы «механизм социального размещения» работал исправно и сразу же помещал первых на место подвластных, а вторых — на место властителей — никакой бы беды и не было. Необходимый для процветания общества принцип: «каждому по его способностям, особенно прирожденным», в этом случае был бы соблюден. Но, увы, — такой эластичной циркуляции пока еще нет ни в одном обществе. В силу массы условий неудачные потомки «властителей по праву» остаются «вверху» и занимают места своих предков, то же относится и к «головастикам» из низов. Равновесие общества начинает подтачиваться с двух сторон. И в верхнем, и в нижних слоях копятя неудачные «несоответствующие жильцы»; первые не способны выполнять функцию властителей,

вторые — функции подвластных; первые дезорганизуют общественную жизнь сверху, вторые, стремясь низвергнуть бездарную власть, дезорганизуют ее снизу.

Положение дел ухудшается еще и рядом специфических условий: негодные потомки властителей, без всяких усилий очутившись наверху, в силу соблазнительных условий существования верхних слоев общества, начинают вести легкомысленную, часто порочную жизнь, и от этого вырождаются еще быстрее. Сверх того они окружают себя лицами, похожими на них самих, но совершенно непригодными для выполнения функций властвования. Как указано выше, «социальный механизм размещения индивидов» начинает работать исключительно плохо. Он начинает производить отбор правителей не по их действительным способностям, а по одной «фикции» таковых: по ничем не обоснованному предположению, что потомки «прирожденных властителей» должны быть пригодными для властвования в силу своего происхождения, в силу наследственных заслуг. Теперь такое предположение фактически совершенно не соответствует действительности.

То же самое может быть сказано и о находящихся внизу «прирожденных властителей» — потомках рабов. Чем далее, тем все более и более накапливается таких «белых ворон» в разных слоях социальной пирамиды. Во времена, предшествующие революции, этот процесс происходит еще интенсивнее.

Когда аристократия сильна и талантлива, для нее не нужны искусственные барьеры, ограждающие ее от конкуренции «новичков». Когда этих способностей нет — искусственные меры для нее, как костыли для больного, становятся необходимыми. Это мы и видим в действительности. В период декаданса, перед революцией, выродившиеся командующие слои чисто искусственными мерами закрывают доступ в свою среду и к высшим постам для всех «головастиков» снизу. Это мы видим в Риме, где со 151 г. совершенно закрывается доступ на верхи для всех «новичков»²⁰⁵.

Колабинская, исследовавшая циркуляцию *élites* во Франции со II века, констатирует, что как раз с конца XVII — начала XVIII вв. циркуляция для «головастиков» снизу наверх были страшно затруднена десятками барьеров, которыми вырождающиеся командующие слои стремились оградить себя²⁰⁶.

²⁰⁵ Моммзен Т. Цит. соч. Т. II. С. 69–75.

²⁰⁶ Kolabinska M. La circulation des élites en France. Lausanne, 1912 (периоды с 1610 по 1715 и с 1415 по 1489 гг.).

Тот же факт наблюдается и перед Английской революцией XVIII в., когда верхушка знати, во главе с королем, пыталась не только затруднить циркуляцию снизу наверх, в особенности из среды выросших средних классов, но низвести последние на низ, отстранив их от того участия в управлении, которое они уже имели (попытки короля править без парламента, нарушение вольностей народа и т. д.).

То же самое имело место перед Русской революцией 1905 г., когда дегенерированные русские командующие круги упорно не хотели допускать к участию в управлении талантливых выходцев из других групп, не желали ограничить своих прав и даже увольняли талантливых «высочек» вроде Витте.

Заслуживают здесь особенного упоминания исключительные барьеры, созданные в России против проникновения наверх евреев²⁰⁷.

Легко понять, что благодаря таким мерам, процесс накопления «негодных властителей» наверху и «головастиков» внизу еще более усиливается. Давление последних против барьеров, мешающих им проникнуть наверх, возрастает, ущемление неудачным правлением — также. Рано или поздно прорыв барьеров становится неизбежным. Неизбежность его ускоряется и усиливается наступлением трудных обстоятельств и кризисов. Происходит революционный взрыв. Перепонки и барьеры, мешающие циркуляции, сносятся одним ударом. Варварская метла революции принимается за основательную чистку зараженного социально организма. Не особенно разбирая правых и виноватых, одним ударом она выбрасывает большинство привилегированных сверху и поднимает наверх множество обитателей «социальных подвалов». Ее метод примитивно прост и элементарен. Огромная дыра прорванного селекционного решета позволяет производить массовое перемещение.

Благодаря такой неразборчивости, как мы видели выше, результаты этого примитивного перемещения оказываются совсем не целесообразными. Среди массы перемещенных наверх «головастиков» оказывается огромное количество мнимых «головастиков», не обладающих нужными способностями. И наоборот — среди массы выброшенных сверху, оказывается немало лиц, выброшенных неосновательно. Поэтому во второй

²⁰⁷ Отсюда понятно, почему особенно много «головастиков» должно было накопиться среди евреев в России, и почему, при прорыве барьеров, они оказались в таком огромном количестве и сыграли громадную роль в Русской революции. Аналогичное явление, как было указано выше, имело место и во время других революций.

период революции ей самой приходится поправлять свою работу «путем» обратной циркуляции. Она, как было показано выше, это и делает.

Если в средних и низших слоях населения было достаточно «прирожденных властителей», операция кончается сравнительно благополучно. «Головастики», поднявшись наверх, остаются там и, смешавшись с остатками не дегенерированной прежней аристократии, восстанавливают нарушенное равновесие социального организма. Излеченный такой операцией, он с течением времени выздоравливает и может жить дальше, впредь до нового накопления «белых ворон» и нового взрыва. Если же «фонд головастиков» в низах был ничтожный, если их там не было (такая возможность не исключена), тогда нечем заменить дегенерированную власть, тогда революция ведет к медленной или скорой агонии общества, к его декадансу, как это было в Риме. После гибели Патрициата, Нобилей и Всадников история здесь пыталась вербовать головастиков из «вольнотпущенников», плебса, рабов и варваров, но безуспешно. По исчерпанию их фонда началась агония, кончившаяся гибелью Западной Римской империи. Таков этот «круговорот истории» или ее «сказка про белого бычка», рассказываемая от Адама до наших дней. Из общих факторов, ведущих к такому результату, я указал лишь *неудачное смешение крови и вытекающую отсюда неудачную гибридизацию, с одной стороны, с другой, – неэластичность социальной циркуляции и расстройство механизма социального отбора и размещения индивидов.*

Но помимо их есть ряд других причин, ведущих к тому же результату. Укажу из них две.

Первая заключается в падении плодотворности и быстром вымирании замкнутых аристократических групп, не пополняемых притоком свежей крови; вторая – в атрофии их энергии и воли, наступающей в силу гипертрофического перевеса умственной работы над мускульной – перевеса, требуемого профессией властителя новых времен.

Какими причинами вызывается падение плодотворности и вымирания замкнутой аристократии — не будем здесь касаться. Просто констатируем этот факт. Приведу несколько цифровых данных. Число спартиатов во времена Ликурга было 9000, в 480 г. — 8000, в 420 г. — 6000, в 371 г. — 1200, во время Аристотеля — 1000, в 230 г. — 700, из которых только 100 настоящих. В Афинах после Херонейской битвы^{70*} пришлось сразу возвести в ранг эвпатридов 20 000 метеков^{71*} и рабов. В Риме, в позднейшую эпоху, чтобы иметь 300 сенаторов, пришлось, за отсутствием оных, возвести в это звание 177 плебеев. Ко времени Цезаря осталось лишь 15–16 патрицианских родов. Вслед за ними угасли и роды всадников.

Ко времени Клавдия угасли даже те роды, которые возвысились при Цезаре и Августе²⁰⁸.

По свидетельству К. Бюхера, выдающиеся роды средних веков редко существовали более ста лет²⁰⁹.

В Англии из 500 семейств древней знати сейчас нет ни одного, которое выжило бы до нашего времени. Их фамилии носят лица, ничего общего с ними не имеющие, а пожалованные этими фамилиями гораздо позже. С 1611 г. здесь угасло 753 баронских семейства. Пэры быстро вымирают²¹⁰.

В Аугсбурге из 51 семьи сенаторов в 1308 г. к 1538 г. осталось только 8. В Нюрнберге из 118 патрицианских родов в 1390 г. 63 угасли менее чем в сто лет. Из 381 правящего семейства в Берне в 1717 г. к 1787 г. 148 из них исчезли²¹¹.

Из 1219 семейств шведской знати 946 (77,6%) угасли в период 0–100 лет, 251 – в 100–200 лет, лишь одна семья пережила 300 лет. Из 1547 фамилий 1298 (84%) исчезли на третьем поколении²¹². По Vacher'у – «королевские расы по продолжительности жизни своих членов ниже рас народных»²¹³.

Наряду с быстрым вымиранием замкнутая аристократия обречена на бесплодие. В династии Капетингов из 118 браков между родственниками 41 были бесплодны. В династии Веттингов из 128 браков – 7 бесплодны, в Виттельбахской династии из 29 браков – 9 бесплодных, 3 – по одному ребенку²¹⁴. Процент бесплодных браков в шведской аристократии, исследованной Фальбеком, растет с каждым поколением (в первом он равен 13,72%, во втором – 63,68%), смертность растет и растет женское потомство за счет мужского²¹⁵.

²⁰⁸ Bouglé C. La démocratie devant la science. Paris, 1904. P. 81; Вольтман Л. Политическая антропология. СПб. С. 279.

²⁰⁹ Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. СПб., 1907. Т. II. С. 149.

²¹⁰ Bouglé C. Op. cit. P. 81; Doubleday T. The True Law of Population. 1853. P. 35; Galton F. Hereditary Genius. 1892. P. 125–126.

²¹¹ Furlan. La circulation des élites // Revue internationale de sociologie. 1911. P. 850–860.

²¹² Fahlbeck P. La noblesse du Suède // Bulletin de l'Institut International de statistique. 1912. Vol. XII. Livre 1. P. 173

²¹³ Vacher. La longévité dans les familles // Bulletin de l'Institut International de statistique. Vol. IX. Livre 2.

²¹⁴ Вольтман Л. Цит. соч. С. 110.

²¹⁵ Fahlbeck P. Op. cit. P. 168–181.

Ф. Гальтон показал, что браки выдающихся людей, женившихся на дочерях и наследниках старых аристократических семейств (пэров), становятся так же менее плодовитыми.

Вот цифры: на 100 браков каждого рода приходилось сыновей —

Число сыновей каждого брака	В браках, где мать была heiress ^{216*}	В браках, где мать не была heiress
0	22	2
1	16	10
2	22	14
3	22	34
4	10	20
5	6	8
6	2	8
7	0	4
И выше	0	0 ²¹⁶

Этот факт ускоренного вымирания замкнутой аристократии ведет к росту «пустоты» на верхах. Если эта «пустота» своевременно и целесообразно не заполняется свежей кровью, происходит еще более ускоренная дегенерация и вымирание верхов, а тем самым усиление необходимости «взрыва».

Вторым добавочным фактором дегенерации замкнутой аристократии служит неизбежная атрофия ее воли. Дело в следующем. Эксперименты, проведенные психологами, показывают, что чем более трудная умственная задача дается испытуемому, тем позже следует его двигательно-мышечная реакция и тем она слабее. Энергия организма в этом случае тратится на внутримозговые процессы и ее остается мало для мышечного проявления вовне. «Мыслительная деятельность и внешнее проявление движений находятся в обратном отношении друг к другу: чем более усложняется и чем более напряженным становится мыслительный процесс, тем менее интенсивным становится внешнее проявление движений».

«Напряженное мышление подсказывает такие веские аргументы в пользу самых противоречивых решений, что в итоге получается — бездействие»²¹⁷. Отсюда понятно, почему глубокое мышление сопровождается

²¹⁶ Galton F. Op. cit. P. 130–131.

²¹⁷ Корнилов К. Н. Учение о реакциях человека. М., 1922. С. 122–128 (там же — опыты и диаграммы).

ется и требует глубоко спокойной позы, почему сильно рефлектирующие люди — нерешительны, похожи на Гамлетов. Идеальным положением мыслителя является неподвижность «Мыслителя» Родена, застывших поз святых на древнерусских иконах, неподвижная фигура факира²¹⁸.

Если верна эта противоположность мышления и действия (воли)²¹⁸, глубокого рефлектирования и решительности, то из нее следует, что социальные группы, занимающиеся преимущественно интеллектуальными функциями, будут более бездеятельными, безвольными, «гамлетизированными», не способными к «прямому действию», по сравнению с группами, занимающимися мускульным трудом и «мало думающими».

Настоящий ученый, жрец, факир — забывчив и не деятелен. Он всегда Гамлет в той или иной мере; для него все — проблема. Каждый вопрос имеет сотню pro и contra. Прежде, чем решить и действовать, ему нужно «обдумать вопрос». В процессе этого обдумывания — методического, систематического и глубокого — энергия и время уходят. Для неученого — все просто. Проблем не существует. Он привык действовать прямо и все решать сразу²¹⁹. Отсюда следует: если одни замкнутые группы из поколения в поколение занимаются только или, главным образом, интеллектуальной работой, атрофия их воли и энергии действия становится неизбежной.

Если другие группы из поколения в поколение занимаются лишь мускульной работой, у них должна быть гипертрофия энергии действия и недостаток энергии мышления.

Каковы основные профессиональные функции правящей аристократии нового времени? — Чисто или почти чисто интеллектуального

²¹⁸ См.: Мейман Э. Интеллигентность и воля. М., 1919.

²¹⁹ Отсюда следует, что «человек глубокой мысли» редко может быть хорошим «человеком дела». Но зато «человек одного действия» редко будет человеком «удачного действия». Для последнего нужно некоторое равновесие ума и воли. У людей удачного действия, у гениальных организаторов мы это и находим. «Наполеон не был гением порядка интеллектуального. Он не имел мысли, которая не была бы действием, и все его действия были великими», — правильно говорит De Leener. Не менее верно он подчеркивает, что Платон был бы скверным главой государства, хороший профессор международного права был бы посредственным министром иностранных дел, и наоборот, блестящий дипломат был бы весьма посредственным представителем кафедры международного права (*De Leener. La primauté de l'individu // Revue de l'Institut de sociologie. 1922. P. 440*).

характера. Каковы социально-профессиональные функции «низов»? — Главным образом, мускульная работа.

Отсюда трагическая антиномия, в той или иной мере существующая в большинстве обществ и достигающая апогея в предреволюционные периоды. Она служит одной из причин импотенции воли и действия правящих слоев предреволюционного периода и бешеной слепой энергии, решительности и «прямоты действия» масс, которые указаны выше.

Власть «не умеет хотеть» и «не знает, чего она хочет». Она «обдумывает», «созывает совещания», без конца говорит, пытается действовать, но вяло, нерешительно, противоречиво. Так было с римским Сенатом, с Вацлавом и Сигизмундом, с Карлом I, Людовиком XVI, Николаем II и т. д.

Массы, напротив, недостаточно думают и взвешивают свои акты и их результаты, зато обнаруживают стихийную энергию и решительность. Более того, сказанное объясняет, почему власть старого режима, перехваченная «интеллигентными» группами, редко остается в их руках. Их губит интеллигентность. Вместо действия — они говорят, говорят и говорят, и говорят блестяще и прекрасно, пишут самые тонкие резолюции с «постольку-поскольку»²²⁰, всесторонне обдумывают

²²⁰ Это «постольку-поскольку», ставшее нормой в русской революции, всегда типично для интеллигентных слоев. В русской революции круги интеллигенции (социалисты-революционеры, меньшевики, кадеты и др.) несравненно больше думали о резолюциях, чем о действиях, гораздо больше тратили энергии на выработку и согласование их, чем на вторые. Родив после многих часов изнурительного труда резолюцию, — они считали дело сделанным, забывая, что резолюция — одно, а дело — это совсем другое, что «постольку-поскольку» хорошо на бумаге, но очень скверно на деле. Примером этого общего явления может служить «глубокомысленное» описание Н. Сухановым мотивов и целей знаменитого воззвания «ко всем народам». При его составлении, пишет он, «нужно было избежать двух Сцилл и двух Харибд. Во-первых, надо было соблюдать Циммервальд (вот о чем заботятся! — П. С.) и тщательно избегать оборончества и, во-вторых, надо было подойти к солдату и парализовать всякую игру на открытии фронта Советом... Эта двойственность задачи, эта противоречивость требований заставляли танцевать на лезвии под страхом сковырнуться в ту, либо другую сторону» (Суханов Н. Записки о революции. 1922. Кн. II. С. 188–200).

И такую-то резолюцию, где даже ее авторы должны «танцевать на лезвии» и не знают, как согласовать несогласуемое, публикуют как директиву поведения масс и солдату говорят сразу: «кончай войну» и «надо воевать». Быть может, в ратифицированных мозгах авторов воззвания это противоречие и было раз-

вопросы, готовят без конца план действий, время уходит, энергия тратится на «словесность» и в итоге... нуль действия.

Забытая, что в такие эпохи «действие должно быть быстрым, а бесконечный вербализм парализует его»²²¹, интеллигентные группы, становясь китайскими мандаринами, неизбежно готовят себе крах.

Так было в русской революции, где власть Советов первого созыва и Временного правительства состояла в значительной мере из представителей интеллигентных слоев. Вместо действия — они «говорили», начиная с «главноуговаривающего» главы власти, вместо дел — сочиняли бесконечное число головомных резолюций, проектов и планов действий, с неприменными оговорками «постольку-поскольку», с «двумя Сциллами и двумя Харибдами».

Мудрено ли поэтому, что они «проговорили революцию» и проявили импотентность не меньшую, чем импотентность царского правительства.

То же самое было с жирондистами — этими прототипами очерченных русских интеллигентных кругов; «жирондисты лишь писали и говорили, а левые — действовали»²²².

То же самое случилось с говорунами в Английской революции, начиная с говорунов парламента. Они говорили, а Кромвель и его солдаты действовали. Судьба первых — судьба сброшенных русских и французских интеллигентов. То же было в революциях 1848, 1870–1871 гг. и др. За исключением единиц — общая масса интеллигентов обнаруживала ту же гипертрофию вербализма, импотентность и бессилие.

Это явление выступает и в нереволуционное время²²³.

Сказанное объясняет, почему власть неизбежно переходит от таких интеллигентных кругов к людям действия и к массам, малодумаящим,

решено, но солдаты были поставлены им в невозможное положение: они не знали, чего от них требует резолюция. Она только посеяла нерешительность и колебания. Там, где требовались ясные приказы, массе преподносились резолюции с «двумя Сциллами и двумя Харибдами». Эта черта проходила через все поведение «социал-соглашателей», пока массы, не получая от них ничего, кроме подобных вещей, не повернулись к ним спиной и не сбросили их.

²²¹ *De Leener*. Op. cit. P. 141.

²²² *Мадлен Л. Цит. соч. Т. I. С. 251.*

²²³ Правительство из глубоких ученых — едва ли не худшее и наиболее импотентное из всех правительств, — правильно говорит В. Парето. Такое правительство было бы разновидностью китайского мандарината. *Suum cuique!*^{74*}

но не страдающим отсутствием решительности и энергии. Для них — нет «постольку-поскольку», «тысячи Сцилл и Харибд». Усвоив соответствующий примитивный лозунг, подсказанный им их инстинктами, они, подобно урагану, бешено ломают и сносят все на пути, пока... не встречают такую же решительность или не израсходуют всю свою энергию. «Индивидуальная и коллективная энергия масс, раньше сдерживаемая обветшавшей теперь машиной, взорвалась и в течение 10 лет развилась так, что явила миру невиданное зрелище», — эти слова о Французской революции применимы к активности масс в любом крупном перевороте.

Отсюда понятно также, почему в революции лидерами становятся люди фанатичные, однобоко думающие и не заботящиеся о бесконечных pro и contra, или военные вожди, сама профессия которых есть профессия дела и приказов, а не слов и рассуждений.

Таковы основные причины, объясняющие, с одной стороны, импотентность предреволюционной власти, с другой, — порчу механизма отбора, с третьей, — энергию масс, с четвертой, — неумелость и недостаток торможения.

Кроме этих основных причин, есть множество других, содействующих наступлению взрыва, но они или второстепенны, или входят в качестве элементов в указанные общие факторы революции, поэтому здесь можно на них не останавливаться.

§ 7. Общие причины наступления второй стадии революции, или контрреволюции

Как видно из предыдущего, вторая стадия революции, или контрреволюция — необходимое следствие первой. Основными симптомами ее наступления служат: рост процессов торможения за счет расторможения, начало возрождения угасших условных рефлексов, обратная циркуляция и приближение структуры революционного агрегата к старой структуре. Чьими руками начинаются и продолжаются эти процессы: руками ли Ленина, Кромвеля, Робеспьера, или руками Кавеньяка, Наполеона, Августа, генерала Врангеля (в революции 1848 г.) — это мелочь, совершенно не меняющая суть дела.

После всего сказанного здесь мы можем быть краткими.

Если основная причина первой стадии революции состоит в ущемлении инстинктов масс, то та же самая причина приводит и ко второй стадии. Почему?

Потому что, как мы видели из предыдущего, первая стадия глубокой революции не только не уничтожает этого ущемления, но очень скоро усиливает его. Поведение масс, отныне управляемое лишь стихией безусловных рефлексов, становится анархическим: один безусловный рефлекс начинает «заедать» и «ущемлять» другой, одни люди — других. Голод не уменьшается, а увеличивается, следовательно, пищевые рефлексы ущемляются еще сильнее. Индивидуальная безопасность не возрастает, а падает, смерть — от убийств, голода, эпидемий не понижается, а колоссально повышается, — следовательно, и рефлексы самосохранения ущемляются еще сильнее. Конфискация имущества — сначала богатей, а потом и народных масс в форме возросших реквизиций, налогов и поборов — ущемляет еще сильнее инстинкт собственности; рост полового распутства — ущемляет половые рефлексы; произвол власти — ущемляет рефлексы свободы и т. д. Словом, какую бы область основных рефлексов мы ни взяли, всюду, за очень небольшими исключениями, ущемление усиливается, а не уменьшается, и тем сильнее, чем глубже революция. В этом «первозданном хаосе» *bellum omnium contra omnes*^{75*} наступает общее ущемление основных рефлексов. Именно в такие периоды теория Гоббса, выработанная, кстати сказать, на опыте Английской революции, в известной мере оправдывается. Приспособление людей к среде и друг к другу становится еще более неудачным. Оно резюмируется в речевых рефлексах: «так жить дальше нельзя», «нужен порядок», «порядок во что бы то ни стало».

И люди, наученные горьким опытом, под влиянием неумолимых учителей — голода, холода, болезней, нужды и смерти — оказываются перед дилеммой: или вымирать и гибнуть, продолжая революционный разгул, или найти новые выходы. Ущемленные инстинкты приводят их к необходимости поисков новых приспособительных актов, к необходимости торможения безудержного разгула многих инстинктов и восстановления угасших тормозящих условных рефлексов. Путем трагического опыта они приводятся к сознанию, что многое из того, что раньше они считали «предрассудком» и от чего теперь «освободились», в действительности представляет собой ряд условий, необходимых для сносной совместной жизни, для существования и развития общества.

Желание безудержной свободы заменяется теперь желанием «порядка», тоска по «освободителю» от старого режима — тоской по «освободителю» от революции, т. е. насадителю порядка. «Порядок» и «да здравствует тот, кто его может дать» — вот общий крик второго периода революции, доминирующий и в Риме ко временам Цезаря и Авгу-

ста, и в Чехии к концу революционных войн, и в Англии — ко времени Протектората, и во Франции — ко времени возвышения Наполеона, и в 1849–1851 гг., и в 1871 г., и в России — в 1922–1923 гг.

К тому же результату ведет физическое истощение масс. Бешеная энергия, которая тратится в первом периоде революции, имеет своим следствием быстрое расходование запасов энергии человеческого организма. Эти запасы не бесконечны. Человек — не «perpetuum mobile»^{76*}. Истощение ускоряется еще голодом и нуждой, делающими невозможным пополнение громадного расходования энергии первого периода. Истощение само по себе ведет к торможению многих рефлексов. Приходит апатия, индифферентизм, своего рода сонливость масс. В этом состоянии они делаются легко доступными для «обуздания» и торможения со стороны любой энергичной группы. То, что было невозможно в первый период, теперь становится чрезвычайно легким. Население становится инертной массой, из которой можно лепить многое. Она — благоприятнейший материал для деятельности любых «обуздывателей». Так революция, толкавшая раньше к полному разнуздыванию, сама неизбежно создает условия, благоприятные для появления деспотов, тиранов и обуздания масс...

Этих двух причин: дальнейшего ущемления инстинктов и истощения энергии масс (не говоря уже о других, второстепенных) вполне достаточно для наступления «контрреволюции». Почему последняя выражается в большем или меньшем приближении всей структуры общества к старым порядкам и к старому строю? Почему формы поведения, циркуляция, объемы групп, религиозная, политическая, экономическая и бытовая стороны социальной жизни снова испытывают такую обратную деформацию?

И это понять нетрудно. Любой строй общества не случаен, а представляет собой результат многовекового приспособления людей к среде и друг к другу, итог многовековых усилий, поисков и попыток найти наилучшие возможные формы общественной организации и жизни. В любой установившейся социальной организации, как бы несовершенна она ни была с точки зрения дилетантского радикализма, всегда сконденсирован огромный реальный (а не фиктивный) опыт народа, бесчисленные поиски, усилия и эксперименты многих поколений, направленные на то, чтобы найти наилучшие формы, возможные при данных конкретных условиях. Только невежда или фантазер может думать, что этот строй, устанавливавшийся и существовавший веками,

представляет собой сплошной абсурд, сплошное недоразумение, сплошную ошибку.

«Каждый день существования любого строя представляет собой непрерывный плебисцит членов общества и, если он существует, то значит, большая часть их отвечает на вопрос молчаливым “да”», — можем сказать мы, перефразировав слова Э. Ренана. Если строй данного общества такой, а не иной, это значит, что при существовавших реальных условиях иной, более совершенный строй, был бы или труднее осуществимым, или на самом деле менее совершенным.

Предреволюционная эпоха уменьшает его совершенство, его приспособленность, делает его в ряде отношений дефектным, но конечно, не во всех. Трудно допустить, чтобы условия столь резко изменились, что весь строй общества оказался совершенно непригодным, весь опыт предыдущих поколений — лжеопытом, все социальные инстинкты — заблуждением. Дефекты — вызывают взрыв. Этот взрыв, однако, уничтожает не только дефекты общества, но и огромное число вполне пригодных институтов, учреждений, форм поведения, наилучших при данных условиях. Поэтому, когда начинается нормализация общественной жизни, естественно, она начинает отливаться в те формы, которые не утратили своего совершенства, которые уже знакомы, которые при данных условиях являются наилучшими. Ориентировочные поиски общества неизбежно приводят к этим формам. Отсюда — их реставрация. Отсюда — обратное приближение общества, пытавшегося абсолютно порвать с прошлым, к этому прошлому. Только те институты и формы быта, которые действительно изжиты, которые когда-то были целесообразными, а теперь, в силу изменившихся условий, перестали ими быть, — только они обречены на замену их новыми. Рядом с «реставрацией» мы и видим эту замену, ибо ни одна революция не кончается абсолютной реставрацией прошлого. Таков механизм и причины контрреволюции.

Но, спросят меня, если революция, вызванная ущемлением инстинктов, сама еще сильнее ущемляет их, то чем же и как же разрешается этот тупик? Если голод, войны, деспотизм и т. д. приводят к революции, а революция приводит к еще большему голоду, войнам и деспотизму, то не получается ли какой-то безвыходный трагический круг истории? Как же он развязывается?

Чрезвычайно просто и — при глубоких революциях — стереотипно-однообразно. Он не разрешается, а разрубается... Разрубается он Смертью... Этот «выход» никогда не изменяет и всегда имеется в распоряжении людей. Общество, не умеющее жить, не способное своевременно

производить целесообразные реформы и бросающееся в объятия революции, платит за эти грехи вымиранием значительной части своих членов, становится данником этой всемогущей Повелительницы...

Только заплатив эту дань, оно, если не погибает совершенно, получает некоторую возможность существовать и жить дальше, но не путем полного отрыва от своего прошлого и не путем зверской взаимной борьбы, а напротив, путем обратного возвращения к большей части своих прежних устоев, институтов и традиций (только абсолютно изжитые из последних погибают), путем мирной работы, кооперации, взаимопомощи и солидарности членов и групп общества друг с другом. Если общество не способно вступить на этот путь — революция кончается его окончательным декадансом и гибелью...

Таково решение этих «тупиков» истории.

ПРИМЕЧАНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ^{1*}

К стр. 122^{2*}: *Разводы.* — Точных статистических данных о количестве разводов в дореволюционной России не было. Известно только, что в 1885 г. среди православного населения Европейской России один развод приходился на каждые 470 браков, заключенных в том же году. Согласно данным, которые Г. фон Майр приводит в своем исследовании «Moralstatistik» (Tübingen, 1917. S. 197), в период с 1893 по 1897 гг. на тысячу браков приходилось ежегодно 1,3 развода. С этого времени до 1917 г. число разводов увеличилось, но едва ли более чем в два раза. Данные, приведенные в 1922 г. в газете «Известия», свидетельствуют о том, что на 11,2 заключенных брака приходится один развод. Согласно последним статистическим данным, опубликованным советским правительством (Народное хозяйство СССР в цифрах. М., 1924. С. 34), в 1920–1922 гг. один развод приходился на 11,7 брака, в 1923 г. — один развод на 12,9 брака, заключенных в том же году. Небольшое снижение числа разводов в 1923 г. может быть первым симптомом ограничения сексуальной свободы, наступившей в результате революции.

К стр. 184: *Уменьшение населения России за годы революции.* — Согласно Статистическому ежегоднику России за 1913 год и Статистическому ежегоднику за 1916 год, вышедшему в Москве в 1918 г., население России составляло:

на 1 января 1911 г.	167003400 человек	
на 1 января 1912 г.	171059900	—»—
на 1 января 1913 г.	174099600	—»—
на 1 января 1914 г.	ок. 178000000	—»—

В 1920 г. в Советской России проживало 131 546 045 человек, а в регионах, отделившихся от России (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве, Бессарабии, Карском пашалыке) — 28 571 000 человек, что в сумме составляет 160 117 045. Таким образом, население России за период с 1914 по 1920 гг. уменьшилось на 17 или 18 млн (см.: Статистический ежегодник России за 1918–1920 гг. С. 6–7, 2–3). Такой же результат мы получим, если вычтем 3 139 800 — численность населения регионов,

отделившихся от России после 1914 г., указанную в большевистском «Статистическом ежегоднике», — из 178 000 000 (такой была численность населения Российской империи в 1914 г.), а затем из полученного результата вычтем численность населения Советской России в 1920 г.

Примерно такие же результаты получатся, если сравнить данные переписи 1916 г. и 1920 г. Согласно этим данным, на территории Советского Союза (без Туркестана и Закавказья) проживало:

	<i>Городское население</i>	<i>Сельское население</i>	<i>Численность армии</i>	<i>Всего</i>
В 1916 г.	96,8 млн	25,163 млн	14,2 млн	136,363 млн
В 1920 г.	99,0 млн	17,620 млн	5,3 млн	121,920 млн

(См.: Перспективы развития сельского хозяйства СССР. М., 1924. С. 77–78).

Наконец, в «Трудах Центрального Статистического Управления» (Т. 1. Вып. III. С. 4–5) сообщается о том, что население только в 47 областях Советской России, в которых перепись 1920 г. проводилась более тщательно, уменьшилось с 88 000 370 человек (в 1914 г.) до 73 495 879 человек (в 1920 г.). Это дает уменьшение численности населения только в этих 47 областях в 11 504 473 человека, или на 13,6%. Все эти официальные советские данные резко противоречат цифре 135 599 015 — т. е. численности населения России (в границах нынешней Советской России) в 1914 г., предлагаемой «Статистическим ежегодником за 1918–1920 гг.» Сравнивая это число со 131 546 045 (такова численность населения Советской России в 1920 г., согласно этому Ежегоднику), мы обнаруживаем, что население страны сократилось всего на четыре миллиона человек. Это противоречие, однако, объясняется очень просто. На с. 62 составители Ежегодника откровенно признаются, что они уменьшили данные прежнего Центрального Статистического управления о численности населения России в 1914 г. на десять процентов. Таким простым способом они получили 135 млн вместо 146–147 млн и тем самым снизили сокращение численности населения с 17 или 18 млн человек до четырех миллионов. Кроме того, следует учитывать, что и численность населения России в 131 546 045 человек в 1920 г. преувеличена. Составители Ежегодника приняли население многих регионов России, где перепись населения в 1920 г. не могла быть произведена, равным численности их населения в 1916 г. Таким образом, их подсчеты дают значительно

большее число, чем реальная численность населения в 1920 г. Вышесказанное дает все основания считать, что сокращение населения России с 1914 по 1920 гг. составляет не менее 17 или 18 млн человек.

К тому же, согласно подсчетам большевиков, голод 1921–1922 гг. унес жизни примерно пяти миллионов человек. Допуская, что около двух из этих пяти миллионов были компенсированы за счет родившихся, мы получаем дополнительное сокращение населения России на три миллиона человек. В целом, за период с 1914 по 1922 гг. мы имеем сокращение численности населения России на 20 или 21 млн человек.

Из этих 20 или 21 млн около 2,5 млн составляют жертвы Мировой войны. (Из них 682 213 человек были убиты, из 3 638 271 попавших в плен не меньше половины возвратилось в Россию к моменту переписи 1920 г.; другая половина вместе с погибшими составляет 2,5 млн человек. См.: Народное хозяйство СССР. М., 1924. С. 55; книга выпущена для членов Российской Коммунистической партии.) Около двух миллионов составляют эмигранты. Если вычтем из 20 или 21 млн эти 4 или 5 млн (жертвы войны и эмигранты), то получим от 15 до 17 млн человек, являющихся жертвами Великой Русской революции.

К стр. 193: *Рождаемость, смертность и брачность.* — Статистический раздел книги «Народное хозяйство СССР» (с. 32–34) предлагает следующие данные (на тысячу человек):

<i>Годы</i>	<i>Количество браков</i>	<i>Количество рождений</i>	<i>Количество смертей</i>	<i>Увеличение или уменьшение</i>
1911–1913 ¹	8,1	44,1	27,2	+ 16,9
1920–1922 ²	11,7	33,0	33,2	– 0,2
1923 ³	12,9	42,9	22,5	+ 20,4

Данные за 1923 г. свидетельствуют о весьма значительном улучшении ситуации, но, к сожалению, показатели этого года, учитывающие только тринадцать наиболее благополучных губерний, не пострадавших серьезно ни от голода, ни от гражданской войны, нельзя рассматривать как типичные для всей России. Это предположение подтверждается результатами переписи населения 145 сел Украины, опубликованных в «Совре-

¹ Европейская Россия.

² Двадцать губерний, не пострадавших от голода.

³ Тринадцать губерний.

менной медицине» (Одесса, 1924, апрель — июнь). В 1920–1923 гг. уровень смертности в этой части России составил 33 на 1000 человек населения, а уровень рождаемости — 26. Таким образом, смертность все еще превышает рождаемость, составляя 7 человек на 1000 жителей.

К стр. 298: *Просвещение и образование в России.* — Численные данные об образовании и количестве школ и учащихся в дореволюционной России, приведенные мною в основном тексте книги, охватывают всю Российскую империю. Теперь интересно было бы сравнить, как развивалась ситуация в нынешней Советской России до и в течение революции. Некоторые статистические данные на сей счет опубликованы в «Народном хозяйстве». Хотя приведенные здесь данные не точны, они, тем не менее, довольно красноречивы.

Согласно этой официальной публикации (с. 36), в 1914 г. затраты на просвещение и образование составляли 5,7% всего бюджета, в 1922–1923 гг. они составили всего лишь 3,0%, а 1923–1924 — 3,9%. В 1913 г. Министерство народного просвещения потратило на эти цели в пределах территории нынешней Советской России 126 818 000 золотых рублей (с. 36). В 1923–1924 гг., согласно докладу Луначарского, сделанному им на сессии последнего Всероссийского съезда Советов в октябре 1924 г., Наркопрос потратил на эти же цели всего лишь около 30 000 000 золотых рублей. Согласно этому докладу, на территории нынешней Советской России в 1913 г. было 62 тыс. начальных школ, в которых обучалось 4,2 млн учащихся, в 1923 г. начальных школ было 49 тыс., а численность обучающихся в них составляла 3,7 млн человек. Короче говоря, этот доклад, так же как и данные о положении высшей школы, опубликованные в газете «Известия» (22 августа 1924 г.), внушает тревогу и свидетельствует о сильнейшей деградации сферы образования и просвещения.

О росте грамотности в старой России можно судить по проценту грамотных и неграмотных новобранцев, призываемых в армию. Данные, которые приводит по этому поводу «Народное хозяйство» (с. 51), выглядят так:

<i>Годы</i>	<i>Процент грамотных</i>	<i>Процент безграмотных</i>
1874–1883	21,98	78,2
1884–1893	30,57	69,43
1894–1903	43,75	56,25
1904–1913	69,62	37,38

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

П. СОРОКИН

О ПСЕВДОРЕВОЛЮЦИОНЕРАХ, ПРИЕМЛЮЩИХ РЕВОЛЮЦИЮ

...Суррогат чего бы то ни было всегда означает нечто плохое, низкопробное, фальшивое... Это применимо и к революционерам. Подлинный революционер – одно, псевдореволюционер – другое. Первым можно восхищаться, второй вызывает отвращение... Если ничтожные вещи – напр[имер], молоко, мыло, кофе, влекут за собой появление суррогатов, тем паче революция должна была выдвинуть «суррогаты революционеров»... И выдвинула... Последние появились и действуют. «Сколько их! Куда их гонят!»^{1*}...

Остановимся на минуту и взглянемся в черты некоторых типов этой породы в наши дни... Если взять только интеллигенцию, то среди «псевдореволюционеров», выдвинувшихся из ее среды, можно различать сейчас три отчетливых типа. Это, во-первых, *«эстето-садисты» революции*, во-вторых, *спекулянты и тартюфы революции*, в-третьих, *Бобчинские и Добчинские революции*.

Первая разновидность представлена всего ярче рядом талантливых поэтов и писателей (напр[имер], А. Белый, Маяковский, Есенин и др[угие]¹), второстепенных же представителей этой породы многое множество в разнообразных «сорабисах», «наробразах» и «пролеткультах» и т. д. Относясь с полным уважением к ним, как к личностям, и высоко ценя художественное творчество многих из них, я тем не менее должен сказать, что их *основы* притяжения революции (а не самый факт притяжения последней) вызывают во мне глубочайшее отвращение своим *презрением к живому человеку, к реальному трудовому народу, к его жизни, горю и радости, развитию и процветанию*. Почему? Потому что

¹ К этому же течению принадлежит и «Россия» К. Павлова, напечатанная в № 1 «Утренников»^{2*}.

сознательно или бессознательно — они «эстеты-садисты», а не подлинные революционеры. Их нервы вяло реагируют на раздражения нормальной жизни, презрительно трактуемой ими как «мещанство». Такая жизнь, особенно если она и физически, и духовно нормальна, скучна им. Их рафинированный эстетический садизм, как и садизм Нерона, требует сильных ощущений, а потому не мирится с благополучным «мещанством». А отсюда — подавай им, как Нерону, необычные зрелища, остро щекочущие самые вялые нервы своим размахом, экзотичностью, стихийностью, бесконечностью и остротой трагедий и комедий, горя и радости. Нерон — великий эстет — устраивал и наслаждался пожаром Рима и горящими факелами христиан, они жаждут и наслаждаются буйной и эффектной панорамой революции; благо для созерцания сами они чаще всего умеют занять безопасную позицию. Страдания народа? Гибель тысяч и тысяч? Кровь? Голод? Вымирание? Зверства? Разрушение? Деградация? — Какое им до этого дело! Было бы эффектно, была бы ширь размаха и экзотичность панорамы, а на остальное им наплевать... Остальное — «мещанство», «узость» или «контрреволюция», авторитетно скажут они и подкрасят зримую ими реальность каким-нибудь «венчиком из роз»^{3*}. Глубочайшее, органическое презрение к живому человеку, к реальному крестьянину и рабочему, рафинированный эгоизм, прикрытый мантией эстетизма и высоких слов — такова подлинная душа всех этих романтико-эстетов революции².

Не лучше их и «*духовные спекулянты и тартюфы революции*». Это те, для которых, в отличие от подлинных революционеров, революция не самоцель и не природная стихия, а средство и повод «*играть роль*», совершить духовную карьеру. Огромная часть армии этих спекулянтов вербуются из всякого сброда неудачников, обладающих огромным самолюбием, но не способных выдвинуться в нормальных условиях в силу своего ничтожества.

Пользуясь мутью социального катаклизма, они спешат дорваться до крупных ролей и часто не без успеха. Наряду с ними в эту группу входят нередко и крупные люди с непомерным аппетитом властвования.

И те и другие, подобно эстетам революции, презирают, а иногда и ненавидят подлинный народ, что несколько не мешает им «играть роль», спекулируя на бедствиях этого народа. Ярким представителем

² «Донская станция — это ленивый избяной кошмар, где бабы озверели от похоти», — вот пример восприятия ими реального народа и отношения к нему (Шагинян М. Как я была инструктором ткацкого дела).

этого типа псевдореволюционеров является у нас А.М. Горький. После сказанного не будет удивительным, что он и раньше, а особенно теперь выражает это презрение к русскому народу — *expressis verbis*^{4*}. Мне трудно передать впечатление, испытанное при чтении его статьи «Русская жестокость». Когда Наполеон на указание множества убитых на поле битвы цинически ответил: «Одна ночь Парижа покроет эту убыль», в его ответе было гораздо меньше презрения к французам, чем в этой статье Горького к русскому народу. Мы знаем немало бичующих народ и Россию статей, начиная с писем Чаадаева. Но там нет и тени этого презрения и ненависти, и адресовались они самому народу и русскому обществу. А здесь вся статья переполнена какой-то садической ненавистью к русскому мужику и написана специально для иностранцев в иностранной газете.

«Превалирующая черта русского национального характера — жестокость, жестокость специфическая», — так рекомендует революционный русский народ этот «народолюбец» и «освободитель» и даже указывает ее причину; она... (О, господи! Вот где социолог-то нашелся!)... «в чтении жизни святых — в излюбленном занятии наших крестьян». Дальше идет художественное описание фактов, где русский мужик изощренно убивал и мучил других за эти годы, рассказывается, что нигде так не тиранят и не мучат женщин и детей, как у нас в России и т. д. Словом, русский мужик может сказать «сердечное спасибо» этому «народолюбцу» за его любовь, хорошую рекомендацию другим народам и за объективизм. (Он, конечно, мог бы спросить его: почему же вы забыли упомянуть про венгерских, латышских, китайских, еврейских, немецких и др[угих] участников революции, прославившихся своей жестокостью. Почему вы забыли указать, что и революции других народов сопровождалась теми же эксцессами? И многое другое, но может ли вымирающий мужик тревожить своими вопросами такого «народолюбца», отдыхающего сейчас от трудов праведных за рубежом. Ведь это тоже было бы «русской жестокостью».) Да и наивно было бы ставить такие вопросы. Вся эта картина нужна Горькому для «фона».

Если «фон» мрачен, зато каким контрастом на этом фоне сверхживотной и сверхзверской жестокости русского народа сияет прекрасная фигура самого А.М. Горького — «великого гуманиста» (за счет представленного чудищем русского народа), «спасителя многих и многих» (проценты, ловко получаемые им за счет благословения и потакания той же жестокости)!!!

Я не удивлюсь, если на Западе Горький будет возведен в современные святые. Столь виртуозную духовную спекуляцию на революции и на

народе способны вести не многие! Мольеровский Тартюф и его махинации — сама добродетель по сравнению с таким поведением! Поистине нельзя «не позавидовать» такой способности «и невинность соблюсти, и капитал приобрести».

Мудрено ли поэтому, что настоящий революционер не может не отгородиться от таких псевдореволюционеров. Статьи «Правды» и «Известий ЦИКа» подтверждают это предположение. Избави Бог любую революцию от таких спекулянтов!

Горький только ярче других (ибо «большому кораблю — большое и плавание») выявил указанные черты презрения и ненависти к реальному народу, фальши и эгоизма, свойственные обеим группам указанных «освободителей», «благодетелей» человечества, «приемлющих революцию». Третий тип «суррогатных революционеров» нашего времени дают «сменовеховцы». Кто они? — Субъективно очень почтенные лица, заслуживающие всяческого уважения. Объективно — Бобчинские и Добчинские революции.

Состоя из посредственностей, наделенные способностью быть бесстержневыми, плюс — богатством комплиментарно-лакейского духа, они были и будут всегда у сильных мира сего «приживальщиками», которым по существу до революции нет никакого дела. Шумят они очень много. Но я не могу без улыбки читать их бахвальства, уверяющие, что это они изменили политику власти, устроили «термидор», устранили анархию и т. д. Такие заявления — подлинные «мы пахали» крыловской мухи^{5*}, лягающей и быка власти, и быка крестьянства, купившее НЭП и возможность этим «мухам» издавать журналы ценой тысяч жертв анархии и восстаний.

* * *

Таковы типы псевдореволюционеров, приемлющих революцию. Революция — страшное дело и великое таинство. Так принимать ее нельзя. Нужно или принимать ее всю, как великое таинство, пусть страшное, пусть мистическое, пусть трагически-кровавое. Так принимает ее прирожденный революционер. Или следует принимать только одно ее лицо и категорически отвергать другое. Или, наконец, совсем не принимать.

Принимать же ее так, как принимают указанные псевдореволюционеры, — это величайшее кощунство, это величайшее оскорбление и самой революции, и всех моральных ценностей человечества, гораздо худшее, чем возвращение билета на вход в царство революции.

П. СОРОКИН

ТО, ЧТО ЧАСТО ЗАБЫВАЕТСЯ...

«Люди, люди – это самое главное. Люди дороже денег. Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, так как они не продаются и не покупаются, а только веками выделяются, ну, а на века надо время».

Достоевский

§ 1

Много сейчас думают, говорят и спорят о способах возрождения России и русского народа. Сотни людей предлагают «патентованные», быстро и магически действующие рецепты. Их много и один лучше другого. Самыми ходячими являются: «Учредительное Собрание», «Республика», «Монархия», «Диктатура», «Демократические формы правления», «Капитализм», «Социализм», «Патриарх и православная вера» и т. д. Каждый из предлагающих верит сам и уверяет других в чудодейственной силе своего рецепта. «Стоит ввести его и... возрождение России автоматически выскочит».

Признаюсь, за эти годы я стал большим скептиком. Не верю больше ни в какие чудодейственные лекарства и рецепты. Не хожу не только к обычным хиромантам и магнетизерам, но и к «хиромантам», «окультистам» и «гипнотизерам» политическим. Знаю, что чудодейственных лекарств для русской болезни нет. Одними пилюлями ее не вылечишь. Вижу и другой грех этих «рецептов». Почти все они предлагают «наружные» лекарства. Хотят лечить болезнь «фасонами социального костюма». Такой «грех» — обычен для всех наших политических партий. Все они обращали главное внимание на «фасон костюма» больного, а не на самый организм последнего. Сама личность, состояние ее организма, культивирование и лечение ее недостатков «изнутри» у нас всегда было на втором плане. Говоря иначе, мы заботились всегда о передовом фасаде нашего социального здания (форма правления и т. д.), и мало занимались его внутренним строением, и особенно — его жильцами. Не думали, что от жильцов зависит чистота и благоустройство жилища. Мало думаем об этом и сейчас. Потому-то я и считаю полезным обратить внимание на эту сторону дела. «Болезнь русского народа — не столько внешняя, сколь-

ко внутренняя». Она связана с самим существом, с самой природой его членов. Раз мы хотим лечить ее — надо направить наше внимание и силы прежде всего сюда. «Фасоны костюма» русского общества значение имеют, но второстепенное и ограниченное. «Люди, люди — это самое главное». От них зависит, превратят ли они подаренный им судьбою дворец в «свинарник», или простую хижину — в чистое и благоустроенное жилище. Вот почему я полагаю необходимым концентрировать внимание на людях. Перед нами задача: *прочное возрождение России и русского народа, длительное увеличение его материального и духовного благосостояния. Спрашивается: что для этого нужно сделать* — таково конкретное задание. Попробуем его решить, избегая всяких чудесных быстродействующих рецептов. Их нет в научной медицине, нет их и в социальной медицине.

Первое положение, которое следует запомнить, гласит: устройство любого общества, совершенство его социальной жизни, духовное и материальное процветание, и, наконец, его исторические судьбы зависят прежде всего от природы, свойств и поведения членов этого общества. Из дурного материала хорошего здания не построишь. Из идиотов и мерзавцев здорового общества не создашь.

Второе положение. Природа, свойства и поведение как индивида, так и целого общества, представляют следствие двух основных причин: а) наследственности и б) среды, в которой они родились, выросли и живут.

* * *

Наши политики и социологи слишком мало внимания обращают на наследственные свойства. Они думали, что «среда» имеет решающую роль, что достаточно ее изменить, и даже не всю, а маленькую часть ее, напр[имер], политический режим или хозяйственные основы, чтобы тем самым изменились поведение и природа людей. Между тем, данные биологии, особенно последних лет, и данные социологии заставляют держаться, скорее, обратного мнения. Они гласят: *в своих свойствах, в своей одаренности или неодаренности как человек, так и целый народ, зависят прежде всего и больше всего от наследственно полученных качеств, а среда имеет лишь второстепенное значение.* Она играет роль фактора, облегчающего или тормозящего реализации этих свойств. Если у человека или целого народа нет положительных, наследственно полученных даров — никакая среда не может сделать их талантливыми или выдающимися по своим свойствам. Они неизбежно будут отставать от более одаренных

наследственно лиц и групп, *находящихся в таких же условиях*. И обратно, в дурной, тормозящей среде, наследственно одаренный Ньютон будет все же на десять голов выше, чем наследственно неодаренные люди. Отсюда понятно, почему «гениями и талантами» рождаются, а не делаются. Исследования Гальтона и его школы нам показали это. Понятно также, почему люди, напр[имер], многие члены аристократии, родившиеся и воспитывавшиеся в исключительно благоприятной обстановке, не могут подняться выше уровня посредственности: нет «наследственного пороха». И обратно, почему люди, родившиеся в самой тормозящей среде, напр[имер], Ломоносов, Карнеги, Линкольн и множество других «самородков», преодолевают «тормоза» и делаются великими. «Наследственность» их вывозит. Наконец, сказанное объясняет и факт различной одаренности различных народов и их историю. Если, по подсчетам того же Гальтона, один гений в английском населении приходится на 1 миллион людей, у древних греков он приходился на 4000 с небольшим, а у негров на много миллионов нет совсем гения, то причина этого различия лежит, главным образом, в различных наследственных свойствах этих народов, а не в среде. С этой точки зрения история любого народа есть следствие, прежде всего, того «наследственного фонда» качеств, которые он имел, и которые в нем передаются из поколения в поколение. Если они не блестящи, не ищите блеска от историй данного народа. Если в истории выдающегося народа обнаруживаются резкие изменения, напр[имер], наступает декаданс, посмотрите, не произошло ли иссякание этого «биологического фонда», не случилась ли замена «хорошей крови» «дурной», носителей положительных расовых свойств — иными, второстепенными. История декаданса Греции, Рима, ряда государств Ислама и т. д. дает подтверждение этому. И обратно, если происходит в истории народа неожиданный расцвет, — посмотрите, не улучшился ли в силу каких-либо причин состав его «биологического» фонда. Проф. Starch, подводя итоги достижениям науки в этой области, дает такие индексы сравнительной роли наследственности и среды: в свойствах любого человека или группы наследственности принадлежит 60–90%, среде 40–10%. Если эти цифры несколько и преувеличены в пользу наследственности, то не очень много. 60% мы можем принять как величину, близкую к истине. От «наследственного фонда» зависит рост, сложение, сила, здоровье и целый ряд других антропосоматических свойств народа, от него же зависят и его «духовные» качества: воля, темперамент, навыки, склонности и умственная одаренность.

Вот почему *вопрос о будущем русского народа есть прежде всего вопрос о качестве того «биологически-наследственного» фонда, которым он владел и владеет. Проблема его возрождения есть прежде всего проблема улучшения и обогащения этого «фонда».* Остановимся кратко на этом пункте.

* * *

Оглядываясь на историю русского народа и его культуры, я должен признать «биологический фонд» наших предков вполне удовлетворительным. Об этом говорит, прежде всего, самый факт создания России, занимавшей 1/6 [часть] Земли. Создать такое огромное государство, держать его части замиренными, поддерживать порядок, развивать культуру народ с бедным «биологическим фондом» не мог бы. Об этом же говорит и история русской культуры, которую, без ложной скромности, мы имеем право считать весьма большой общечеловеческой ценностью. Об этом же говорят и имена наших великих поэтов, художников, композиторов, писателей, ученых, мыслителей, среди которых немало звезд «первой величины». Короче, мы не были обделенными «пасынками истории». Больше того, если учесть тот факт, что мы щедрее других народов тратили этот «биологический фонд», и все же до 1914 г. жили, развивались и особенно быстро за конец 19 и начало 20 века³, то можно было бы быть вполне спокойным за будущее русского народа.

Годы войны и годы революции, однако, положение резко ухудшили. Они нанесли колоссальный урон, прежде всего, этому «биологическому фонду» русского народа. Не разрушение нашего хозяйства, не количественная убыль населения (21 миллион), не расстройство духовной жизни и даже не общее «одичание и озверение» народа являются главным ущербом, причиненным нам войной и революцией (все это поправимо и возместимо), а указанное истощение нашего «биологического фонда», в форме убийства его лучших носителей.

Дело в следующем. Любая длительная и тяжелая война, в особенности же гражданская, всегда уносит с поля жизни «лучших» — биологически, психически и социально — людей; наиболее здоровых, наиболее

³ Именно за это время Россия, как государство, превратилась в подлинно великую державу, финансы были приведены в блестящее состояние, промышленность встала на ноги, образование народа прогрессировало, экономическое благосостояние народа — также. Падали постепенно правовые и др[угие] ограничения. Росла кооперация и т. д.

трудоспособных; наиболее моральных, волевых, энергичных и наиболее одаренных умственно⁴. Она — орудие отбора шиворот-навыворот. Процент гибели таких «лучших» в эпохи войн и революций всегда гораздо выше, чем процент гибели «рядовых» людей, и тем выше, чем длительнее и опустошительнее война, чем глубже и кровавее революция. Они пожирают, прежде всего, наиболее выдающихся людей, каких не много среди населения. Если население России с 1914 по 1920 г. уменьшилось на 13,6%, то наиболее здоровые и трудоспособные слои от 16 до 50 лет потеряли 20%, а мужчины — 28%.

Если Азиатская Россия и население ее инородцев потеряло $\frac{1}{30}$ часть, то население Великороссии — создатель, центр и опора государства — потеряло $\frac{1}{7}$ часть. Если общая смертность населения в Петрограде и Москве поднялась в 3 раза по сравнению с нормальным временем, то смертность ученых поднялась в 5–6 раз. Если у нас лиц с университетским образованием приходилось едва ли не более 200–300 на 1 миллион населения, то погибло их не $200 \times 21 = 4200$, а в пять–шесть раз больше. «Уникумов» же нации, выдающихся ученых, поэтов, мыслителей, мы потеряли в громадном масштабе (А.С. Лаппо-Данилевский, Шахматов, Тураев, Ковалевский, Овсяннико-Куликовский, Блок, Л. Андреев, Туган-Барановский, Марков, Хвостов, Иностранцев, Е. Трубецкой и т. д., и т. д.). Словом, данные годы «обескровили» нас самым кардинальным образом в отношении наших «лучших» людей. Это было бы еще полбеда. Но беда в том, что, унеся преимущественно эти лучшие элементы, война и революция унесли в их лице «лучших производителей», носителей «лучших расовых свойств народа», его положительного «биологического фонда», «лучшие семена». Они погибли безвозвратно. Место их, в качестве «производителей», займут «второсортные люди», «худшие семена, которые в общем могут дать и худшую жатву». Это — большая беда. Она была бедой всей нашей истории. Мы были и остаемся милитарным народом, постоянно воюющим и мотовски тратящим наших лучших людей. По данным Mülhall'a, с 1828 по 1880 г. мы потеряли убитыми 664 000 человек — цифра, превосходящая все военные потери Европы за эти годы. В отдельные периоды, как, например при Петре и в наши годы, это безумное расходование нашего «биологического фонда» принимало поистине сумасшедший размах. Народ с бедным «биологическим фондом» при такой трате давно уже должен

⁴ См. доказательства этих положений в моей статье «Влияние войны на состав, свойства населения и обществ[енную] организацию» (Экономист. № I. 1922).

был бы сойти со сцены истории. И, однако, до сих пор мы держались, хотя и отставали от ряда других народов.

Объяснение этому, по-видимому, надо искать в богатстве нашего «биологического фонда». Но всему есть предел. Римляне и греки были еще богаче нас в отношении их «биологического фонда». Но безрассудное расходование «лучших» в течение их истории, особенно в период греко-персидских и Пелопонесской войн в Греции, Карфагенских войн и гражданских междоусобиц в Риме, окончательно истощили их «лучшую кровь», произошла замена первосортного человеческого материала второсортными людьми и их потомками — и блестящая звезда этих народов стала закатываться. Чем быстрее шла замена, — тем быстрее стал темп заката, закончившийся гибелью этих великих народов. Возьмите далее, хотя бы историю целого ряда государств Ислама. Свежий народ, столь блестяще выступивший на сцену истории, в течение двух-трех веков истощил себя непрерывными войнами и тем определил свою гибель.

* * *

Эти факты, число которых можно было бы увеличить большим количеством других, вместе с данными биологии, дают нам грозное предостережение. Если последние годы не истощили окончательно положительный «биологический фонд» русского народа, то *основное средство нашего возрождения должно состоять во всемерном сохранении и увеличении его путем содействия выживанию и размножению «лучших» за счет «второсортного» человеческого материала. Это — *conditio sine qua non*^{1*} возрождения. Как решить эту задачу? Разными путями. Пути обычной «евгеники», способные дать кой-какие результаты у других народов, у нас при низкой культурности в ближайшее время едва ли будут иметь серьезное значение. Евгенические же меры, основываемые на голом полицейском принуждении, напр[имер], запрещение браков чахоточных, сифилитиков, душевнобольных, запрещение иметь им детей, принудительная кастрация биологически и психически дефективных лиц с этою же целью и т. д., — все это, помимо принципиальной неприемлемости таких мер, практически никогда не давало значительных положительных результатов, в русских же условиях оно ничего, кроме вопиющего безобразия, дать не может.*

Что же остается делать? Прекратить дальнейшую массовую трату положительного нашего «биологического фонда», прекратить массо-

вый военный отбор шиворот-навыворот, непрерывно шедший в нашей истории. Мир, длительный мир, — внешний и внутренний — вот одно из самых серьезных и сильнодействующих средств улучшения нашего населения и увеличения положительного «биологического фонда».

Длительный мир означает прекращение селекции шиворот-навыворот, сохранение «лучших» и их размножение, вытеснение ими с «передовых» постов общества «второсортных» людей, а их потомством — потомства последних, словом, мир ведет к сохранению и обогащению нашего «биологического фонда» — этой альфы и омеги прогресса и расцвета любого народа. Здесь мы должны учесть рядом с приведенными выше и прямые «опыты истории». Мы удивляемся быстрому развитию, внезапному пробуждению Японии. Приняв во внимание сказанное, мы перестанем удивляться. Триста лет тому назад она была разоренной, разрушенной междоусобицами страной, более несчастной, чем мы теперь. Такой с виду она оставалась долго, с тем различием, что в ней исчезли войны. 250 лет она не воевала (период «великого мира» в эпоху сёгуната Токугавы). 250 лет она «копила» лучшие элементы и усиливала свой «биологический фонд». Срок был большой. Мудрено ли, что и результаты такой «евгеники» оказались небывальными. В 20–30 лет эти «лучшие» из дикарей стали цивилизованными, в полстолетия из неведомой, дикой страны Япония выросла в великую мирную державу, невероятно быстро развивающуюся во всех отношениях и теперь угрожающую нам на Востоке. Учтите, далее, быстрый рост Соединенных Штатов Америки, на протяжении своей истории знавших лишь две серьезные войны и то не очень кровопролитные. Учтя это, вы поймете одну из причин их расцвета. Наконец, возьмите историю конца 19-го и начала 20-го века в России. Маленькая передышка мира, данная нам историей при Александре-Миротворце, — и та сказала у нас лихорадочным развитием России в этот период во всех отношениях: в экономическом, духовном и политическом. Если бы и теперь история подарила нам 100–200 лет мирной жизни — за будущее русского народа можно быть покойным, каков бы ни был наш политический режим. Если же нас ждут новые кровавые войны во имя чего угодно, начиная с «единой и неделимой» и кончая «интернационалом», — за это будущее можно очень и очень опасаться. Еще одно-два кровопускания, подобные пережитым, и... историю России можно считать конченной. Никакие «режимы», никакая «вера», никакие «реформы» ее не спасут в этих условиях...

Рядом с этой мерой мыслимы, конечно, вспомогательные меры, следующие ту же цель улучшения нашего «биологического фонда»: ряд

мер, рекомендуемых евгеникой, содействие размножению «лучших», привлечение их даже из других стран, при условии их ассимиляции, «обрусения», умелое и не задевающее достоинства человека торможение размножения дефективных лиц и т. п., но это все будет иметь лишь второстепенное значение. Главное — «мир». Вот почему я голосовал бы за монархию (*horribile dictu*)^{2*}, если бы знал, что она даст этот «мир», и против архидемократической республики, если бы знал, что она ведет к войнам. Но этого я не знаю. Полагаю даже, что последняя вернее поведет к миру. Этим «парадоксом» подчеркиваю лишь ту мысль, что дело не в одних этих «костюмах», а в вещах иных, менее эффектных, но бесконечно более серьезных. Прежде всего — в накоплении и улучшении положительного наследственного биологического фонда русского народа. Будет он — остальное приложится. Не будет его — не спасет ничто.

§ 2

Сохранение и развитие положительного «биологического фонда» есть основное и необходимое условие возрождения любого народа, в частности России. Но, естественно, дело им не исчерпывается. Прирожденный Ньютон, родившийся и выросший в среде готтентотов, будет выдающимся готтентотом, но не будет мировым Ньютоном. Неблагоприятная среда, в виде ее невежества и косности ее тираний, может «заесть», «затормозить» развертывание прирожденных способностей, их реализацию. И обратно, соприкосновение японцев с европейской культурой позволило им воспользоваться ее достижениями, перенять и быстро превратить свои «потенциальные» силы в кинетические. Без этого благоприятного условия нужны были бы столетия, чтобы достигнуть ее современного состояния. Отсюда следует, что имеет значение и среда, но тогда, когда налицо уже есть «биологический фонд». *Третье положение, отсюда вытекающее, гласит: среда должна быть такова, чтобы она максимально благоприятствовала проявлению и развитию способностей и форм поведения каждого члена, полезных для целого, и максимально тормозила бы проявление и рост актов социально вредных.*

Когда такой среды нет — множество блестящих способностей может погибнуть «зря». Они останутся «нереализованными». В других случаях они могут быть искаженными и проявятся в нелепой или социально вредной форме. В-третьих, при отсутствии в среде тормозов, задерживающих социально вредные акты, могут разрастись последние и сильно деградировать всю социальную жизнь.

В данной формулировке теорема слишком общая и неопределенная. Необходимо ее хотя бы частично конкретизировать. Попробуем это сделать...

Максимальное благоприятствование среды разворачиванию наследственно полученных способностей означает: во-первых, *возможность полного развития индивидуальности каждого человека, во-вторых, социального использования каждой личности именно в той области, к которой она наиболее пригодна по своим наследственным свойствам.*

Первая задача сводится к тому, чтобы в среде отсутствовали тормоза, мешающие этому развитию, с другой — даны были стимулы, побуждающие индивида с первых лет его жизни к активному проявлению своей индивидуальности. Наличие тормозов будет душить, гасить, депрессировать силы и способности личности. Она не сможет тогда выявить все свои «десять талантов» и реализует только пять или один. Если это явление будет общим, то в проигрыше останется не только сама личность, но и все общество. Такими тормозами могут быть разные условия. Во-первых, экономические: нужда и голод. Они ведут к депрессированию физических и умственных способностей и сил человека. Во-вторых, общие условия социальной жизни, напр[имер], деспотизм общества или власти, преследующий развитие личности: общее невежество и косность среды, не только не снабжающей личность всеми теми средствами, которые необходимы для полного развития индивидуальности (знания, навыки, материальный минимум), но прямо подавляющие всякую личную инициативу, личный почин, личное творчество, связывающие человека по рукам и по ногам. Такое общество будет поистине обществом, убивающим и ограбляющим не только своих членов, но и себя самого. Примерами его могут служить все настоящие деспотические (не по политическим формам только, но по всей структуре социальной жизни) общества, одним из коих является РСФСР. Все, не соответствующее официальным требованиям, здесь давится, душится. Свободы проявления индивидуальности нет, людей — и особенно молодое поколение — пытаются штамповать по одному фасону, формировать по одному типу, отклонения от него не допускаются. В итоге 90% талантов не могут проявить себя. Они гибнут понапрасну, «отцветают, не расцветши». Лучший способ ограбления обществом самого себя трудно выдумать.

Вывод отсюда: *в каждом обществе, желающем процветать, должны быть удалены все тормоза, препятствующие полному развитию индивидуальности, кроме тех, которые тормозят проявление и развитие преступных и антисоци-*

альных поступков. Молодому поколению, вступающему в жизнь, должен быть предоставлен простор для выявления своих способностей и средства (материальные и духовные), снабжающие его орудиями для творчества и социально полезной деятельности.

Практически это сводится: 1) к минимальной опеке и вмешательству властей в жизнь населения, 2) к минимальной опеке старшими молодого поколения (кроме областей антисоциального поведения), 3) максимально возможному обеспечению населения и особенно молодого поколения знаниями, полезными навыками и материальными условиями (хлеб, пища, одежда, жилище), делающими для них возможным полное проявление своих способностей. Таковы «негативные» требования к среде.

* * *

Не менее важное значение имеют и «положительные» требования к ней. Они сводятся к тому, чтобы *всей своей обстановкой она ежедневно и непрерывно стимулировала максимальное проявление воли, энергии, труда, знаний, способностей (кроме антисоциальных) каждой личности, начиная с первых лет ее жизни.* Только тогда, когда человек с малых лет привык к самостоятельности, он будет самостоятельным, энергичным и инициативным в зрелости. Только тогда, когда большинство членов общества будет таким, в нем будет действительное самоуправление, действительная «свобода», действительная интенсивная духовная, политическая и экономическая жизнь. Вне таких условий — все это невозможно. Дайте обществу, состоящему из людей противоположного характера, лучшую конституцию, самые широкие свободы, простор его самостоятельности, и.... из всего этого мало что получится. Первый ветер истории, первая кучка проходимцев вырвет из его рук эти свободы, сведет на «нет» конституцию, аннулирует автономию, и оно останется при старом «разбитом корыте».

*С этой точки зрения особо важное значение имеет та человеческая среда, которая окружает личность в первые годы ее жизни*⁵.

В эти первые годы закладываются основы будущей личности, формируются ее тип и характер. Кем? — Средой, «соседями» и прежде всего *семьей*. Не семья ли является той первой фабрикой, куда поступает вновь родившийся для переработки? Не она ли первый скульптор, форми-

⁵ См. на этот счет дельные положения у Ch. H. Cooley: Social organisation, гл. III-V.

рующей биологическую особь в будущего сообщественника? Не она ли проводит первые и неизгладимые черты на «чистой доске» наследственных способностей человека? Формирующая и определяющая роль ее гораздо важнее, чем всех других школ и общественных учреждений. В последние человек поступает уже в известной мере готовым, сформированным, в семью — наоборот — мягким, как воск. В лоне последней он впервые дышит, чувствует и учится. Семья «прививает» ему первые формы поведения, навыков, привычек, знаний, убеждений, остающихся иногда на всю жизнь. *Ceteris paribus*^{3*}, какова эта мастерская формирования людей — таковым в значительной мере будет и ее товар: люди, выпускаемые на житейский базар. Плоха будет первая — неважными в общем будут и вторые.

Вот почему *вопрос об устройстве семьи для меня гораздо важнее, чем вопрос о формах правления*. При плохой организации первой и плохой наследственности невозможны ни совершенное устройство общества, ни здоровая общественная жизнь, ни совершенная политическая система. Если же при хорошей наследственности и семья будет организована надлежащим образом — будьте спокойны, такие люди сумеют создать и хорошо устроенное общество. Учитывая это, я не могу не удивляться множеству русских людей, которые «весь корень зла» или «якорь спасения» видят только в политической системе. Многие из них горячо «борются за свободу», «занимаются высокой политикой» и в то же время имеют из рук вон плохую семью, где их же дети портятся, где сами же они готовят прескверных граждан и тем самым наносят гораздо больше вреда, чем приносят пользы своей «борьбой за свободу» и «высокой политикой». Оздоровление «семейного тыла» общества имеет гораздо большее значение, чем ему придают обычно.

Великий социолог Ле Пле и его школа поняли это и доказали нам. Исследуя типы семьи у разных народов и типы их социальной организации, они вскрыли связь первых со вторыми. С точки зрения воспитательного механизма можно выделить три основных типа семьи. 1) Семья *патриархальная*, воспитывающая молодые поколения для жизни в общине или в коммуне. Здесь весь уклад семейного воспитания таков, что он давит всякую индивидуальность, всякую инициативу личности, дрессирует ее жить, «как все», думать, верить, мыслить и действовать по «обычаю», «как поступали отцы», приучает ее полагаться не на себя, не на свои знания, труд, энергию и волю, а на «общину», на «мир», на «коммуну». Заслуги личности — заслуги общины, преступления ее — вина общины. Жизнь индивида вся регламентирована, опекается

на каждом шагу, все индивидуальное — душится. Личный стимул подавляется. Из лона такой семьи выходят личности без воли, без инициативы, без самостоятельности, «серые», как все, привыкшие во всем вести себя по общей норме. Народы, имеющие такой тип семьи, — это отстающие, вялые, лениво-апатичные народы Востока, Азии и Вост[очной] Европы. При столкновении с народами, имеющими иной тип семьи, они побеждаются.

Второй тип семьи — это семья *ложноиндивидуалистическая*. Устройство ее таково, что всем своим укладом она приучает молодые поколения полагаться в жизни не на себя и не на общину, а на государство. Она готовит будущих «чиновников государства», которые должны занять одно из многочисленных мест, имеющихся в распоряжении последнего. Сообразно с этим, все воспитание здесь ведется применительно к официальным программам. Задача его — выдержать официальный экзамен, получить диплом и... «тихо и плавно качаться» в качестве чиновника. В людях при такой системе не воспитывается ни инициатива, ни подчинение авторитету. Получаются люди неустойчивые, не подлинно инициативные, а бумажные формалисты, «чиновники». И общество, имеющее такой тип семьи, общество неустойчивое. Оно будет неизбежно обществом «бюрократическим», с централизацией, с обширным объемом вмешательства власти, с разбухшим государственным аппаратом, и с поглощением личности государством. Такой тип семьи существует в большинстве европейских государств, кроме англосаксонских и скандинавских стран.

Третий тип семьи — *семья индивидуалистическая*. Ее уклад таков, что с малых лет она приучает молодые поколения полагаться только на себя, свои знания, волю и энергию. Здесь обучают детей тому, что им действительно понадобится в жизни (а не тому, что требует «община» или «государство»). Развитию индивидуальности, личной инициативе дается простор. С детьми с самых ранних лет обращаются, как со взрослыми. Признают за ними права, но требуют и исполнения обязанностей. И дети знают, что в будущей своей жизни они могут рассчитывать только на себя. Из лона такой семьи выходят индивиды сильные, инициативные, энергичные. Народы, имеющие такой тип семьи, — победители других народов. В таком обществе на первом плане личность. Государственный аппарат не поглощает общества. Бюрократизм не царствует. Всем и вся управляет общественное мнение — мнение членов общества, а не чиновничество. Такой тип семьи дан в англосаксонских и скандинавских странах. Мудрено ли поэтому, что «если превосходство

англосаксов не провозглашается открыто, то оно несомненно чувствуется всеми... На всем земном шаре мы видим гордо развивающийся английский флаг. Из Канады и Соединенных Штатов они повелевают Америкой, из Индии диктуют свою волю Азии, из Австралии господствуют над Океанией, наконец, вершат дела Европы и всего мира»⁶.

Один из основных источников такого превосходства — организация семьи индивидуалистического типа, выпускающей на житейский базар хорошо сформированных людей.

Семья русская по своему типу занимает среднюю линию между семьей патриархальной и ложноиндивидуалистической. Молодые поколения в ней воспитывались или как будущие чиновники государства, или как «общинники», члены «мира», обязанные во всем походить на него и считаться с ним. Индивидуальности и личной инициативе не давалось простора⁷.

С октябрьской революции, если не в семье, то в государстве, это подавление личности приняло безграничный характер. Всех захотели штамповать по одному образцу, индивидуализму была объявлена война, личному почину и интересу — также, самостоятельность поведения, слов, мысли и дел возведена в преступление, люди превращены в манекены, общество — в казарму. Все и вся было взято под «учет», опеку и регулировку централизованной власти. Результаты тут же сказались: полный распад всей хозяйственной жизни, разложение общества, упадок просвещения, нравов и всей духовной жизни — таков был результат коммунистического удушения личности.

Если мы хотим возродиться и стать здоровым народом, нам необходимо перестроить весь уклад семьи, как воспитателя молодых поколений, на индивидуалистический лад. Задача эта достигается не декретами, и не политическим режимом, а самостоятельностью самих граждан. Для ее достижений нет внешних препятствий. Она лежит в пределах компетенции каждого «отца» и каждой «матери».

В таком же индивидуалистическом направлении должна быть перекроена и вся социальная жизнь. Каждый институт общества должен постоянно стимулировать личный почин, личную инициативу, энергию и волю индивида. Это относится и к школе, и к партиям⁸, и ко всем обществам,

⁶ Демоген. Аристократ[ическая] раса. СПб., 1906. С. 1–4, 58–59.

⁷ Подробнее об этом см.: Сорокин П. Система социологии. Т. II. С. 115–116.

⁸ См. подробнее мою «Систему социологии». Т. II. С. 205–206. Вредные результаты современных хорошо организованных партий на Западе, с их программа-

союзам, ассоциациям, органам управления и самоуправления. Здесь не место подробно перечислять все эти институты и анализировать их механизм. Все сказанное о семье с соответственными изменениями применимо и ко всем им. Тот же принцип должен лежать в основе всей социальной жизни. *Максимальный простор полному раскрытию личности, личному почину, личному интересу (кроме чисто антисоциальных наклонностей) во всех областях поведения – в экономической и духовной – таково основное условие возрождения.* Без него мы не получим настоящих людей, а без последних – не будем иметь и настоящего общества.

Всякие рогатки в форме опеки сверху, в форме вмешательства властей в поведение населения, в форме диктатур правых и левых, в форме гипертрофического ограничения частной собственности, национализации и реквизиции – все это сейчас смертельно вредно. Когда на очереди стоит основная задача хозяйственного и духовного возрождения страны – всякое «ущемление» индивидуальности и личных стимулов «смерти подобно». Я знаю, что безграничный разлив стихий личного интереса имеет свои «тени». Но в моменты, подобные настоящим, лучше перегнуть палку в эту сторону, чем в обратную. Наш опыт и аналогичные опыты истории учат, что эпохи хозяйственного подъема народа были в то же время и периодами торжества индивидуального почина и интереса. И обратно, эпохи упадка были эпохами ущемления последних, уравнивания, передела и «обобществлений». Раз такова причинная связь – глупо ее не учитывать и безрассудно не делать из нее надлежащих выводов.

ми в 3000 метров, пытающимися дать ответ на все вопросы, были не раз уже указаны (Острогорский, Р. Михельс, Г. Моска и др.). Они превратили личность в нуль, сковали и сковывают ее по рукам и ногам. «Во имя партийной дисциплины» требуют не критиковать, не сметь свое суждение иметь, быть манекеном, подчиняющимся центру, голосовать за того, кого партия укажет, думать, как ей угодно, хвалить и порицать, что она установит и т. д. И чем лучше партия организована – тем сильнее ее давление, тем резче «вместо воспитания свободы, она приучает к рабству», и тем сильнее жизнь в партии превращается в школу рабского подчинения. В итоге массы дурнеют. Живой дух партий заменяется партийным формализмом. Идеал партии падает. Все это еще больше применимо к русским партиям. У нас этот партийный фетишизм был сильно развит. Ослабление его, рост индивидуальности и внутривнутрипартийной свободы, разрыв с партией, если она начинает связывать вас, – все это я считал бы весьма желательным.

* * *

Настаивая на максимально возможном удалении барьеров среды, стесняющих развитие личности и ее свойств, я в то же время указывал на *необходимость тормозов, препятствующих развитию преступных и явно антисоциальных тенденций*. Вред последних ясен сам собой. Правила: «не убий», «не укради», «не лги», «не насильничай», «не мошенничай» и т. д., предъявляемые к поведению людей, не суть измышления досужего ума или требования во имя каких-то трансцендентных задач, а представляют правила, необходимые для всякого здорового общежития. Общество, состоящее из убийц и прожженных мошенников, при всех его талантах, никогда не может быть процветающим и здоровым обществом. *Соблюдение, по крайней мере, минимума элементарных морально-правовых принципов есть такая же необходимость для экономического процветания общества (не говоря уже о духовном), как наличие хороших организаторов, предпринимателей и капитала.*

Всячески стимулируя развитие неантисоциальных сторон личности, среда должна тормозить наклонности преступные. Как это она может делать? Разными путями. И меньше всего полицейскими. Известное значение имеют и они. Но ограниченное. Они могут лишь бороться — и то в скромном масштабе — с последствиями болезни, а не с ее причинами. Сколько взяточников расстреливала и расстреливает Чека. И... никакого толку. Взятничество процветает.

Quid leges sine moribus?^{4*}

Требуются иные меры и иные пути. *Они состоят в том, чтобы с первых моментов появления на свет ребенка окружающая его среда, в виде семьи, товарищей, школы и всего общества, неуклонно прививала ему надлежащие формы поведения и неуклонно тормозила у него всякие антисоциальные поползновения.* Такая систематическая «дрессировка» — лучший и неизбежный учитель морали. Признавая за ребенком права, необходимо столь же строго требовать от него и исполнения обязанностей. Если этого условия среды не будет, если в ней ребенок с первых лет жизни будет воспринимать уроки лжи, насилия, убийств, шакализма — не помогут никакие репрессии и никакое «попечительное начальство».

Quid leges sine moribus. Каковы будем мы сами — такими будут и молодые поколения. Если мы хотим их видеть морально здоровыми — такими должны быть и мы сами. Без этого все разговоры — бесплодное дело. Наш коммунистический опыт — лучшее доказательство сказанного. Людей думали сотнями декретов перевоспитать в пять минут. В ход

пущены были все средства воздействия: агитация, печать, похвалы, награды, насилие, расстрелы, — словом, все, чем может располагать государство. Что же получилось? Результаты, обратные ожидаемым.

В этих целях громадное значение имеет ряд «бессознательно гениальных» институтов, имеющих в любом здоровом обществе, которые представляют весьма сложный и совершенный аппарат торможения злостных форм поведения. Среди них основное значение (*horribile dictu*) имеют *религия и церковь*. Можно быть не мистиком и признавать огромную положительную роль их в социальной жизни. Только для дилетанта-невежды этот институт — выдумка попов и средство для оправдания эксплуатации, только для них же сущность религии сводится к ее догматам и суевериям. Если бы дело обстояло так, то решительно непонятным было бы ни возникновение, ни столь долгое существование такого института: как абсолютно вредная вещь в силу естественного отбора, он давно уже должен был бы исчезнуть. И однако этого нет. Мало того. Мы видим, что страны передовые, напр[имер], Америка и Англия, не менее, а более религиозны, чем отсталые. Не буду здесь подробно доказывать, а просто укажу, что основная социальная роль религии была и есть роль сложного и весьма гибкого аппарата, тормозящего развитие антисоциальных поступков и стимулирующего поступки благожелательно-социальные. (Тезис этот убедительно обоснован такими социологами, как Фюстель де Куланж, Кидд, Дюркгейм, Бугле, Эллвуд и др.)⁹

Иначе — она была (и остается) фактором, созидающим и поддерживающим человеческую солидарность. Такая работа необходима для всякого общества. В этом «секрет» упорного существовали религий с их «суевериями» до сих пор. Отсюда понятно, почему ослабление религии обычно является симптомом разложения данного общества, почему падение религиозности сопровождалось всегда подъемом преступности (как у нас в 1917–1920 гг.), почему подъем первой ведет к подъему «чистоты нравов» (как у нас сейчас наблюдается).

Только тогда, когда сама религия и ее представители вырождаются, когда она перестает играть эту роль, когда рядом с этим она становится душителем социального творчества во всех формах, — роль ее становится отрицательной, и сама она вместе с ее представителями обречена на гибель и замену ее другой, пригодной для выполнения этой роли.

⁹ См. подробнее об этом мою «Систему соц[иологии]». Т. II. С. 196–197, 431–432.

См. также: *Ellwood G.A. Reconstruction of Religion; Spencer M. The social function of the Church. 1921.*

Только в таких случаях борьба с ней необходима. Вне их — нужна максимальная осторожность в подрывании этого института. Вне их яркая борьба с церковью равносильна поведению крыловской свиньи, подрывающей дуб, желудями которого питается и живет общество. В наше время для России борьба с церковью, отделенной от государства, серьезно оздоровевшей, есть политика неумная и социально вредная. Для торможения разлившегося моря антисоциальных явлений одухотворенная религия нам сейчас так же нужна, как капиталы для возрождения нашего хозяйства.

* * *

Таковы вкратце основные рецепты для торможения антисоциальных явлений. Вместе с предыдущими они указывают, как и в каком направлении среда должна влиять, чтобы формировать настоящих людей, способных создать настоящее общество. Эти штрихи, при всей их краткости, раскрывают картину более сложную и более трудную, требующую активных усилий со стороны любого члена общества и не ждущую «чуда» от власти, «форм правления» или «других фетишей». Но если мы хотим жить, пора расстаться с этим оптимистическим фетишизмом. Он и так довел нас до... смертельной болезни.

Довольно...

Для процветания общества нужны не только наличность «биологического фонда» и полное развитие свойств и склонностей личности, но и соответствующее размещение этих лиц в сложной пирамиде общества. Нужно, *чтобы каждая личность могла попадать* и попадала на такое место в обществе, которое соответствует ее способностям и склонностям. «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник»^{5*}. Бетховен, принужденный заниматься извозом, Ньютон в роли директора полиции, рядовой рабочий в роли Рембрандта, Бисмарк в роли поэта, акад[емик] Шахматов в роли переносчика бревен, не только не принесут никакой пользы себе и обществу, но положительно дадут вред. Их способности погибнут «зря», а навязанное им несоответствующее дело будет исполняться плохо. Между тем, при правильном распределении их, согласно их способностям, эффект будет резко иным. На месте, соответствующем его склонностям, каждый член общества даст максимум общественно полезной работы. «Каждому по его способностям», и особенно наследственным, — такова краткая формула этой мысли. Люди не равны и не одинаковы, прежде всего, по своим

наследственным свойствам. Эти последние делают их пригодными для одних функций и непригодными для других. Этого различия не может сгладить никакая среда, никакое воспитание и обучение. Вот почему нет ничего нелепее, как часто высказываемая мысль, что потенциально все люди одинаково годны для выполнения любых функций, нужно лишь дать им надлежащее воспитание. Сколько бы ни учили человека, наследственно не музыкального, музыке, теории композиции и т. д. — из него не только Баха и Бетховена, но даже простого, приличного композитора вы не получите. То же применимо и во всех подобных случаях. Общество, в котором не существует этого распределения лиц по формуле: «каждому по его способностям», и особенно по способностям наследственным, будет неизбежно больным обществом.

Таланты его членов будут гибнуть бесполезно. Сплошь и рядом они будут проявляться в искаженном, социально вредном виде. «Прирожденные Наполеоны» станут отъявленными и гениальными мошенниками, «прирожденные властители» — заговорщиками и подпольными деятелями, великие изобретатели — неудачными и несчастными пьяницами, «рабы по природе» — бездарными правителями и т. д. Вся машина общества будет работать вяло, с перебоями, с трениями и конфликтами. Воцарятся бюрократизм, мертвечина и застой. Число несчастных и недовольных будет огромно, дух мятежа и бунтов будет царить. Кровавые судороги и конвульсии станут неизбежными.

Совсем иным будет общество, удовлетворяющее формуле: «каждому по его (наследственным) способностям». Социально-полезная эффективность работы каждого члена здесь максимальна. Максимальным будет поэтому и общий прогресс общества. Все оно будет похоже на прекрасную машину, где все части хорошо пригнаны, нет трений и перебоев. Она будет работать превосходно. Члены его, попав на свои места, будут субъективно довольными. Для бунтов, мятежа, кровавых конвульсий здесь нет почвы. В таком обществе даже кровожадным склонностям человека можно найти социально полезное применение¹⁰.

Из всего сказанного следует, что все теории равенства, поскольку они исходят из принципа равной пригодности всех людей для всех функций, в том числе и функций властвования, и поскольку отсюда выводят равное право всех на занятие любого места, в том числе и места властителей, представляют сплошную нелепость, ничего, кроме вреда неспособную дать при попытках реализации.

¹⁰ См. подробности в моей «Системе социологии». Т. II. С. 176–177, 225–226, 406–407.

Такого идеального общества мы пока не знаем в истории. Но разные общества, существовавшие и существующие, приближаются к нему в разной мере: в одних «каждому по его способностям» осуществлено в большей степени, в других — в меньшей.

Раз таково идеальное задание, то спрашивается: как его осуществить? Какими путями всего лучше узнать, кто к чему пригоден? И на основании каких критериев определять одних людей к выполнению таких-то функций, других — к выполнению таких-то, третьих — к выполнению иных?

Самым естественным и надежным путем был бы путь научного исследования способностей личности и на оснований полученного биопсихического паспорта путь соответственного размещения их в обществе. К этому методу, как мы знаем, передовые общества и начинают прибегать все в большей и большей мере.

Прикладная «психотехника», разными методами исследующая личность, уже вошла в жизнь, особенно в Америке. При найме кондукторов, механиков, рабочих и т. д. целый ряд частных и общественных предприятий подвергают кандидатов психотехническому исследованию, и на основе полученных результатов принимают одних и бракуют других. В огромном масштабе этот путь был использован Соединенными Штатами Америки и в войну. Миллион с лишним людей был исследован, и на основании анализа определялись: одни в авиацию, другие — в артиллерию, третьи — в другие военные части. То же мы видим и при наборе работников в других профессиях.

Путь этот в принципе совершенно верный, кое-где и теперь уже он дает несомненные и полезные результаты. Обладай сейчас наука вполне надежными и точными методами «тестирования» личности и ее способностей, методами, гарантирующими от ошибок, — вся проблема решалась бы очень просто. Не нужно было бы ни шумихи, ни агитации, ни всей сложной процедуры, связанной с выборами или назначением того или иного лица, — вплоть до министра, президента, монарха, — на то или иное место. Вместо всего этого достаточно было бы заглянуть в «личную карточку» данного человека: она бы показала, годен или не годен он для этой роли, она же дала бы указания, к какой специальности готовить данного ребенка, на какую профессию назначить такое-то лицо и т. д.

Но, увы! — наука еще не может претендовать на такую безгрешность. Методы «анализа личности» и ее способностей (Бинэ—Симона, Джеркса, Мюнстерберга и др.) — еще очень примитивны, а для анализа сложных форм деятельности — почти не выработаны. Сколько-нибудь серъ-

езный ученый — специалист в этой области — не мог бы взять на себя ответственность за безгрешность анализа и вообще безапелляционно определять людей на основании такого «тестирования». Если же какой-нибудь невежда это делает — ничего, кроме огромного вреда, он не приносит. В силу этого приходится пока что прибегать к другим, косвенным определениям способностей человека. Указанный научный метод остается лишь в качестве подсобного.

Основным принципом для определения способностей становится принцип *фактически проявленных талантов человека в данной области деятельности*. Человек, показавший себя талантливым организатором предприятия, молодой юноша, написавший научную работу, рабочий, изобретший какую-нибудь машину, мальчик, написавший хорошую повесть, и т. д. — одним фактом удачного выполнения ими своих работ дают надежное свидетельство их способностей в соответствующих областях деятельности. Это дает основание для определения их на соответствующие места — если они сами этого желают¹¹. То же с соответствующими изменениями применимо и к другим людям. Сложнее вопрос обстоит с детьми, которым, в силу их детства, труднее выявить их специфические склонности и таланты. Но и здесь внимательный родитель, педагог, исследователь при систематическом наблюдении их поведения может довольно точно уловить их специфические способности, а, уловив, стимулировать их развертывание, развитие и выявление.

Таков вкратце доступный нам косвенный путь. Для полной и правильной утилизации его требуется ряд условий, два из которых я укажу здесь же.

Первое из них состоит в том, что *принцип формального наследования социальных функций родителя детьми, как таковой, без его фактического подтверждения, не может быть признан целесообразным*. Хотя родитель, проявивший таланты в такой-то области, имеет шансы передать их детям (что часто и имеет место, вспомним семью Бернулли, Ротшильдов и т. д.), но не всегда. В силу неудачного «смещения крови» при браке,

¹¹ Без [желания] или вопреки желанию авторитарное назначение абсолютно вредно. Поэтому величайшей бедой была бы система принудительного назначения и прикрепления людей к местам без их желания и опроса сверху, из одного центра. Каждый из нас даже сам долгое время не знает, к чему он способен, и в чем его призвание. Знать же миллионы людей и их призвание одному правительственному центру и определять деспотически их профессию сверху — не под силу даже архигениальному правительству.

менделирования и т. д. мы видим и обратное: у гениального ученого, поэта, стратега, изобретателя сын часто бывает никуда негодной посредственностью, у прирожденного властителя — «холопом», у талантливого собирателя капиталов — мотом. Оставлять таких детей в той же роли, что и их родители, значит копить «болезнь» в общественном организме, — болезнь, которая при большом количестве таких негодных для выполнения их функций «белых ворон» превращает здоровое общество в «чахоточное» и приводит его к кровавым кризисам и конвульсиям.

Высшие формы общественной деятельности начинают выполняться плохо, в низах копится достаточно много талантов, которые не могут занять предназначенные для них места, ибо они заняты неспособными потомками способных родителей. Вся общественная жизнь расстраивается. Копится недовольство, «пар мятежа», который рано или поздно и вырывается наружу в форме восстаний и революций.

Таковы основания, заставляющие отвергнуть принцип формального наследования социальных функций родителей детьми. *Никаких «закрытых» дверей, доступность всех функций способнейшим*, — такова иная редакция той же мысли. Как технически ее осуществить — здесь не место касаться. Важно подчеркнуть общий принцип. Второе условие, необходимое для правильной реализации принципа: «каждому по его способностям», это *большее или меньшее равенство исходных позиций для жизненного бега и состязания*. Выше было указано, что «талантливыми» рождаются, что «порох хорошей наследственности» нередко вывозит их обладателей и помогает им преодолевать все препятствия. Но не всегда бывает так. Неблагоприятная среда, как я указал выше, может затормозить проявление талантов¹². Ньютон, родившийся среди ашантиев^{6*}, был бы выдающимся ашантием, но без науки и среды английского общества не был бы гениальным ученым. Гениальный ребенок, родившийся без набитого кошелька у колыбели, среди нищеты и голода, далеко не всегда может пробиться. Часто он хиреет. Препятствия его убивают и обессиливают. Посредственный ребенок, оказавшийся в хороших условиях, может стать кинетически более «талантливым». Если же первый был бы поставлен в сколько-нибудь сносные условия, он на десять голов опередил бы второго, все его «десять талантов» были бы реализованы к пользе его самого и всего общества. Короче, если бы они начинали «жизненное состязание» «с одного старта», в сходных условиях, результат был бы иным. Это

¹² Герцен прав, говоря: «Сколько зародышей мрет, гложнет, не выдавши света, сколько способностей, готовностей вянут, потому что их не нужно».

значит, для настоящего определения талантов все дети должны начинать «бег» с одного места, в равных условиях. Только при таких обстоятельствах можно правильно решить: кто способнейший, только в этом случае опередивший может сказать, что он опередил по праву, «отставший» принужден будет мириться с «отставанием», ибо он отстал тоже по праву. *Только такое равенство «исходных позиций» справедливо и целесообразно.* Все другие требования «равенства» либо утопичны, либо, чаще всего, — несправедливы (ибо «лучших и способнейших» заставляют жертвовать в пользу «худших и неодаренных», равняя по низшему уровню), и сверх того — общественно вредны (ибо лучшие таланты заставляют зарывать в землю, пропадать зря, не реализоваться, отчего терпит и все общество).

Я знаю, что сейчас полное осуществление даже этого «равенства отправной позиции» недостижимо. По мере сил надо к нему, однако, стремиться. Минимум этого требования достигим и осуществлен уже и теперь, а именно: право каждого ребенка на необходимый минимум материальной и умственной его экипировки, нужной ему для «жизненного бега» и для выявления своих талантов. Каждый ребенок должен и может быть поставлен в условия, удовлетворяющие элементарным требованиям санитарии и гигиены, обеспечивающие ему физиологическую сытость, одежду и здоровую среду, с одной стороны, с другой, снабжающие его минимумом знаний, навыков, опыта, как «орудий» ждущего его «строительства жизни», как элементарной тренировки, необходимой для участия в жизненном состязании. На это может претендовать каждый ребенок. Это дать ему обязано и может любое общество. Чем разбазаривать сотни миллионов и даже миллиарды на войну, войско и многие другие непродуктивные и часто ненужные цели, будет гораздо целесообразнее десятки миллионов отпустить на это дело. Смее уверить, что такое помещение общественного капитала наиболее выгодно даже с чисто экономической точки зрения, через одно-два поколения оно принесет такие проценты, которые окупят с избытком весь расход.

Большевики, объявив бесплатное обучение, бесплатные колонии и бесплатное питание для нуждающихся детей, поступали в принципе правильно. Но, как мы знаем, они провозглашали много хорошего, дела же их были диаметрально противоположными. Их бесплатное обучение вылилось в полное уничтожение школ, «ликвидация безграмотности» — в «ликвидацию грамотности», воспитание — в подготовку преступников, обучение — в натаскивание митинговых фраз без знания таблицы умножения, колонии — в рассадник телесно и душевно исковерканных детей, питание — в мор и т. д. Необходимо не мнимое,

а настоящее выполнение этих требований. Техническую сторону дела я здесь оставляю в стороне, но замечу, что, какова бы ни была организация такого «минимума», он весь должен быть проникнут теми же принципами индивидуализации, всемерного стимулирования личного почина, интереса, самостоятельности и торможения антисоциальных склонностей. При наличии этих двух условий принцип «каждому по его способностям» может быть в известной мере реализован. А его реализация означает реализацию здорового общества, наиболее способного развиваться и быстро идти по пути прогресса при соблюдении порядка без революционных и иных судорог и конвульсий.

Итак: 1) *сохранение и усиление уцелевшего в России положительного биологического фонда*, 2) *создание общественной среды, обеспечивающей максимальное развитие способностей каждого, стимулирующей развёртывание его индивидуальных склонностей и талантов и тормозящей его порочные свойства*, 3) *размещение населения в социальной пирамиде по его способностям* – таковы три связанных друг с другом условия, необходимые для прочного возрождения России. Когда налицо этот «фундамент» – серьёзное значение получают и все «надстройки». Без первого – эффекты вторых будут недолговечными и эфемерными. Из этих общих положений вытекает целый ряд конкретных выводов, части которых я кратко коснулся выше. «Врачи социальных болезней» слишком верят в спасительность внешних, чисто механических мер врачевания в виде замены одних декретов другими, одних общественных институтов иными, одного «политического фасада» другим. И они же слишком мало обращают внимания на личность, на население, на улучшение биологических и культурно-социальных свойств последнего. Нет сомнения, что и первые имеют значение, но преимущественно там, где дело идет о разрушении препятствий, мешающих развитию (напр[имер], коммунистической власти в России). В деле же творчества и созидания новых форм общества – роль механических мер очень скромна и редко дает прочные результаты. Для хорошей игры великой и волнующей драмы, носящей название «История России», прежде всего, нужны «Божьею милостью» наследственные актеры. На их подбор, тренировку, на правильное распределение ролей, сообразно их талантам, – вот на что должно быть обращено главное внимание. Обстановка же, в которой они будут играть, хотя и имеет значение, но не такое, чтобы из-за нее забывать о первой задаче, что, к сожалению, часто у нас происходит. Без хороших актеров – декорации и «фасады» не спасут... Выправить эту однобокость – такова была задача написанных строк.

П. СОРОКИН

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИИ

Прошло только восемь лет с 1914 г. «Испепеляющие годы»^{1*}. Поистине «мало прожито, но много пережито». Испытан целый цикл исторических превращений. Пережиты самые полярные состояния общественного уклада, социальных процессов и массовых настроений... Мы знали высочайшие вершины героизма и бездонные пропасти греховности... испепеляющий восторг и смертную тоску, упоение творчества и сладострастие разрушения... Безграничную жертвенность и необузданное себялюбие... Поднимались на гребни исторических валов и падали в бездну...

Испытано все, что может испытать в течение одной жизни поколение. В течение восьми лет мы не жили, а бились в необузданной лихорадке, горели в буйном опьянении и сжигали себя в диком сладострастии.

Теперь температура падает. Пьяный угар проходит... Наступает пора нормальной жизни, а вместе с ней и необходимость трезвого учета реальной обстановки... Приходится брать в руки книгу «доходов и расходов» и подводить баланс за эти годы.

Попробуем это сделать. Проникнемся психологией самого аккуратного бухгалтера и попытаемся с его сухостью и точностью подвести итоги. Они таковы в основных чертах.

1. Изменения в численности и составе населения

Первую и самую важную графу изменений за эти годы составляет рубрика изменений в численности и качестве населения Русского государства и русского общества. Начнем с *количественной* стороны дела.

Русское государство вступило в войну с численностью подданных в 176 млн. В 1920 г. РСФСР вместе со всеми союзными советскими республиками, включая Азербайджан, Грузию, Армению и т. д., имела лишь 129 млн населения. За шесть лет Русское государство потеряло 47 млн подданных. Такова первая плата за грехи войны и революции. Кто понимает значение количества населения для судеб государства и общества, тому эта цифра говорит очень многое. Кто не понимает этого, пусть прочтет труды Ратцеля, Ковалевского, Бугле, Коста^{2*} и других социологов, тогда он кое-что поймет... Я здесь не могу заниматься комментариями на эту тему.

Эта убыль на 47 млн объясняется выделением из России ряда областей, ставших самостоятельными государствами.

Теперь спрашивается: как обстоит дело с населением той территории, которая составляет современную РСФСР и союзные с ней республики? Убыло оно или возросло?

Ответ дают следующие цифры. По переписи 1920 г. население 47 губерний Европейской России и Украины убыло с 1914 г. на 11 504 473 чел., или 13% (с 85 000 370 до 73 495 897). *Население же всех советских республик убыло на 21 млн, что на 154 млн составляет потерю в 13,6%*. Война и революция пожирала не только всех родившихся, ибо все же некоторое количество продолжало рождаться. Но они сверх этого поглотили 21 млн жертв. Нельзя сказать, чтобы аппетит этих особ был умеренным и желудок их скромным. Если бы даже они дали ряд действительных ценностей, трудно признать цену таких «завоеваний» дешевой.

Такая плата за шесть лет войны и революции^{3*} не часта в истории. Такая убыль за подобный период мне неизвестна из истории европейских стран. Она едва ли когда-либо имела место и в истории России. Только история Китая знает несколько подобных фактов. Мы можем «гордиться» таким «рекордом». Апологетам войн и революций рекомендую воспеть его в особых акафистах и гимнах — тема благодарная.

Из 21 млн на прямые жертвы *мировой войны* падает: убитыми и мертвыми от ран и болезней — 100 000 чел., пропавшими без вести и взятыми в плен (большая часть из которых вернулась) — 3 911 000 чел. (в официальных данных пропавшие без вести и взятые в плен не отделены друг от друга, поэтому привожу общую цифру) плюс ранеными 3 748 000, всего на прямые жертвы войны — не более 2–2,5 млн. Затем едва ли меньшей была цифра прямых жертв гражданской войны. Г-н Михайловский считает ее равной примерно 1 млн^{4*}. Я полагаю, что эта цифра низка и должна быть по меньшей мере удвоена. В итоге число *прямых* жертв войны и революции мы можем принять близким к 5 млн. Остальные 16 млн приходятся на долю их *косвенных жертв: на долю повышенной смертности и падения рождаемости*.

Некоторое представление о движении кривой смертности дают следующие цифры:

На 1000 чел. умирало:

<i>Годы</i>	<i>В Петрограде</i>		<i>В Москве</i>
1913	21,4	1913–1914	24,1
1914	21,5		—

1915	22,8	22,1
1916	23,2	20,1
1917	25,2	21,2
1918	43,7	28,0
1919	72,6	45,1
1920	50,6	46,2
1921 (1 пол.)	27,8	—

Этим путем, как видно отсюда, революция работала интенсивнее войны. Лишь в 1921 г., с отпадением гражданской войны и улучшением жизни в столице за счет остальной России, получилось некоторое приближение к коэффициенту нормального времени.

Тот же значительный рост смертности имел место по всей России. Это видно хотя бы из следующих цифр:

На 1000 населения умирало:		
<i>Губернии:</i>	<i>в 1914</i>	<i>в 1920</i>
Костромская	28,6	49,6
Московская	26,8	40,8
Нижегородская	29,1	33,8
Орловская	26,8	36,4
Пензенская	30,0	40,8
Рязанская	22,3	27,2
Тверская	25,7	27,0
Смоленская	28,3	33,4

Здесь фигурируют губернии, не испытавшие ни катастрофического голода, ни настоящей гражданской войны. В областях же, бывших ареной последней или подвергнувшихся ужасающему голоду, коэффициенты будут гораздо более высокими. Они доходили до 200–300 на 1000 населения. Если в столицах с 1921 г. наблюдается понижение смертности, то в голодном районе именно в 1921–1922 гг. она необычайно возросла. Война и революция с их неизбежными спутниками: голодом, эпидемиями и т. д. — «славно поработали». Если другие «завоевания» сомнительны, то несомненна богатая добыча, добытая ими в пользу Царицы Смерти... Последняя сняла и продолжает снимать обильнейшую жатву.

Рядом с этим повышением смертности мы видим и параллельное понижение рождаемости. И это — несмотря на колоссальный рост брачности за годы революции. Казалось бы, последнее обстоятельство должно было вести к подъему рождаемости. Но в ненормальных условиях революционного времени браки стали бесплодными и, как ниже

я покажу, превратились только в «легальную форму случайных половых связей» без «санкций и обязательств», без прочности и потомства. Представление о движении брачности дают следующие цифры:

На 1000 населения приходилось браков:		
<i>Годы</i>	<i>В Москве</i>	<i>В Петрограде</i>
1912		
Средняя за 1910–1914	5,8	6,5
1913	—	6,3
1914	5,5	6,0
1915	4,1	5,0
1916	3,9	4,7
1917	5,3	8,5
1918	7,5	9,2
1919	17,4	20,7
1920	19,6	27,7
1921 (1 пол.)	—	26,7

Как видно отсюда, коэффициент брачности за годы революции поднялся до небывалых размеров. Сходное происходило и во всей стране. И однако, рождаемость до 1920 г. не только не росла, а падала. Лишь в 1920 г. в столицах, где жизнь за счет всей России несколько улучшилась, получился перелом, резко проявившийся в 1921 г., когда коэффициент рождаемости превзошел даже нормальную величину. В 1921 г., однако, этот «экссесс» исчезает и кривая рождаемости снова пошла книзу. (Точный коэффициент за 2-е полугодие 1921 г. и 1-е полугодие 1922 г. я не помню сейчас, но в бытность мою в России эти цифры я имел и знаю, что со второй половины 1921 г. кривая пошла книзу.) Картину рождаемости рисуют следующие цифры:

На 1000 населения родилось:			
<i>Годы</i>	<i>В Петрограде</i>		<i>В Москве</i>
1912	26,7	1911–1913	28,9
1913	26,4		—
1914	25,0		31,0
1915	22,5		27,0
1916	19,1		22,9
1917	17,8		19,6
1918	15,5		14,8
1919	13,8		17,5
1920	21,8		21,9
1921 (1 пол.)	36,0		—

Сопоставляя эти таблицы, мы видим, что первые 2,5 года революции были годами «бесплодных» браков. Лишь с момента понижения кривой революции и возврата к нормальным условиям жизни (конец 1919 и 1920 гг.) стала расти и рождаемость, хотя и в несравненно меньшей степени, чем брачность (последняя возросла в 4 раза по сравнению с мирным временем, рождаемость же только приблизилась к обычной норме).

Та же картина имела место и по всей России. Повсюду за эти годы рождаемость не покрывала смертности. Отсюда — убыль населения. Сказанное видно из следующих данных:

В 1920 г. на 1000 населения приходилось:

<i>Губернии:</i>	<i>Рождений</i>	<i>Смертей</i>	<i>Разница</i>
Череповецкая	240	296	56
Новгородская	240	253	13
Смоленская	297	334	37
Тверская	261	270	9
Московская	245	408	163
Иваново-Возн[есенская]	328	463	135
Костромская	332	496	114
Нижегородская	249	338	89
Вятская	162	241	79
Пермская	190	260	70
Пензенская	280	408	128
Рязанская	254	272	18
Орловская	242	364	122
г. Петроград	218	506	288
г. Москва	219	462	243

В губерниях, бывших главной ареной гражданской войны и постигнутых катастрофическим голодом, эта разница гораздо выше и значительнее.

Таковы вкратце «завоевания» войны и революции в области количества населения.

Если принять экономическую ценность человека равной 32 тыс. франков, как это делают некоторые экономисты, то потеря 21 млн населения равна экономическому ущербу 672 000 000 000 франков. Не убыточно ли?

Если подойти к делу с чисто энергетической стороны и принять физическую энергию человека-машины, работающего 10 часов, рав-

ной 290 тыс. кг/м, а в год 290 тыс., перемноженное на 365, то потеря 21 млн человек (если бы они жили лишь один год), превосходит потерю 211 400 000 000 000 000 кг/м^{5*}.

Величина эта не очень большая, но все же заслуживающая внимания. Чем тешить себя и других «электрификациями», реально не осуществимыми сейчас, было бы разумнее не губить бесплодно эту доступную физическую силу, так нужную для поднятия и возрождения страны.

Если же учесть далее, что человек не только физическая машина, а носитель высших психических форм энергии, тогда потеря 21 млн «психических машин» превращается в безумное мотовство, растраченное на ветер. Наконец, не сказала ли: «человек — самоцель» и «жизнь человеческая — высшая ценность». Если это не пустые слова, то каким трагическим укором и обвинением является этот 21 млн загубленных жизней во имя мнимых «завоеваний» войны и революции. Впрочем, не будем говорить об этом: мы же условились вести лишь бухгалтерский подсчет. Посему будем спокойны, холодны и аккуратны.

Взглянем теперь на дело с иной, *качественной* точки зрения. Если отбросить в сторону всякие там моральные и прочие «буржуазные» предрассудки (как их называют коммунистические «спасители человечества»), то количественная потеря вознагражима и поправима. «Одна ночь Парижа возместит все это», — когда-то сказал Наполеон в ответ на указание на множество убитых, лежавших на поле битвы. «Ряд ночей России покроет и этот дефицит», — бухгалтерски повторим мы за ним. Но как дело обстоит с качественной стороны явления?

Мы знаем, что люди не равны. Есть гении и идиоты, здоровые и больные, герои и преступники, волевые и безвольные, старики и дети, мужчины и женщины и т. д.

Судьба любого общества зависит прежде всего от свойств его членов. Общество, состоящее из идиотов или бездарных людей, никогда не будет обществом преуспевающим. Дайте группе дьяволов великолепную конституцию, и все же этим не создадите из нее прекрасного общества. И наоборот, общество, состоящее из талантливых и волевых лиц, неминуемо создаст и более совершенные формы общежития.

Легко понять отсюда, что для исторических судеб любого общества далеко не безразличным является, какие качественные элементы в нем усилились или уменьшились в такой-то период времени. Внимательное изучение явлений расцвета и гибели целых народов показывает, что одной из основных причин их было именно резкое качественное изменение состава их населения в ту или другую сторону.

Изменения, испытанные населением России, в этом отношении типичны для всех крупных войн и революций. *Последние всегда были орудием отрицательной селекции, производящей отбор «шиворот-навыворот», т. е. убивающей лучшие элементы населения и оставляющей жить и плодиться «худшие», т. е. людей второго и третьего сорта.*

И в данном случае у нас погибли преимущественно элементы: а) *наиболее здоровые биологически*, б) *трудоспособные энергетически*, с) *более волевые, одаренные, морально и умственно развитые психологически.*

1. За эти годы из разных возрастных слоев всего более потерпели ущерб самые здоровые и трудоспособные возрастные классы. Если общий процент уменьшения населения равняется 13,6%, то возрастные слои от 15 до 60 лет уменьшились на 20%, а мужская часть этих возрастов — на 28%. Отрицательная селекция войны и революции отсюда ясна.

2. Погибли преимущественно мужчины, а не женщины. До 1914 г. на 1000 мужчин приходилось 1038 женщин, теперь — 1250. Население России «обабилось». В городах это уменьшение мужской половины еще значительнее.

3. Так как калеки и вообще лица, биологически дефективные, не берутся в армию, то процент их гибели был значительно меньшим, чем лиц здоровых.

4. Население Европейской России потеряло в войне почти одну седьмую часть, население Азиатской России — только $\frac{1}{30}$. Это значит, что война и революция унесли, главным образом, те элементы, которые строили Россию, составляли ее ядро и по своим свойствам были выше азиатских инородцев.

5. В силу той же причины в меньшей мере пострадали и лица, *морально дефективные*. Во время мировой войны они в армию не брались, следовательно, не подвергались риску гибели. За время же революции условия как раз благоприятствовали их выживанию. В условиях зверской борьбы, лжи, обмана, беспринципности и морального цинизма они чувствовали себя великолепно; занимали выгодные посты, зверствовали, мошенничали, меняли по мере надобности свои позиции и жили сытно и весело. Совсем иначе чувствовали себя элементы, морально честные. Они не могли «жульничать», воровать, злоупотреблять и насилловать. Поэтому они голодали и таяли биологически. Окружающие ужасы подавляющим образом влияли на все их жизнеощущение, нервная система их не выдерживала «раздражений» среды — и это вело к их усиленному вымиранию. В силу своей моральности они не могли так или иначе не протестовать против совершавшихся зверств, а тем более хвалить их:

это навлекало на них подозрения, преследования, наказания и смерть. Наконец, они не могли легко отказываться от исполнения их долга. В условиях войны и революции такое поведение опять-таки усиливает риск гибели таких людей. Вот почему за эти годы, и особенно за годы революции, процент гибели лиц с глубоким сознанием долга (с красной и белой стороны) был гораздо выше, чем процент гибели лиц «аморальных» (шкурников, циников, нигилистов и просто преступников)^{6*}.

6. Процент гибели лиц выдающихся, одаренных и умственно квалифицированных за эти годы опять-таки несравненно выше, чем процент гибели рядовой серой массы.

Во всякой войне, а особенно гражданской, крупные лица всегда были мишенью, которую в первую очередь стремится уничтожить другая сторона. Римский лозунг *Parcere subjectes et debellare superbos* (щадите покорных и добивайте гордых)^{7*} остается верным и по сей день. Он оправдался и в нашем опыте. В армии процент гибели офицеров за эти годы был гораздо выше, чем процент гибели солдат. Почти все наше офицерство погибло еще в мировой войне. Заменявшее его офицерство из прапорщиков также почти поголовно легло костями на полях гражданской войны. Офицерство же, начиная с «унтеров и фельдфебелей», — это «мозг армии», ее душа, выжимки и культурная аристократия.

Возьмите далее хотя бы слой умственно квалифицированных лиц с университетским образованием. По подсчетам Гальтона^{8*}, таких лиц в Англии приходится около 2000 на каждый миллион населения. В России же дай Бог, чтобы их приходилось 200 человек на один миллион. Погибло же их всего не 4000 на 21 млн, а во много раз больше. С самого начала войны мужская половина наших высших учебных заведений почти вся была мобилизована и скоро очутилась на поле битвы, где и погибла. В течение гражданской войны этот слой умственно квалифицированных лиц поредел катастрофически. 30–40 тыс. — вот минимальная цифра гибели людей этого рода, т. е. их погибло в 6–7 раз больше, чем рядовой, умственно не квалифицированной массы.

Выдающиеся же ученые, писатели, художники и т. д., эти уникалы любой нации, погибли еще в большем проценте. Мы лишились большого числа мировых и крупных ученых и поэтов (Шахматов, Инostrанцев, Тураев, Блок, Л. Андреев, Покровский, Хвостов, Палладин, Белелюбский, Туган-Барановский, А.А. Марков, Е. Трубецкой, Б. Кистяковский, Овсяннико-Куликовский, Арсеньев и т. д. и т. д.), прямо или косвенно погибших от войны и революции. Мы потеряли большую часть нашей интеллигенции, всего более страдавшей от ужасов и тягот этих

годов. Общая смертность таких слоев повысилась в 6–7 раз по сравнению с довоенным временем. Короче, и без того бедные культурными слоями за эти годы мы стали прямо нищими. «Мозг и совесть» страны вымерли в колоссальном размере и продолжают вымирать.

Прибавьте к этому то, что во всякой гражданской войне выдающиеся лица с той и другой стороны гибнут всегда в усиленном размере. Поликрат, Гиппий и Гиппарх, Эфиальт, Клеон, Алкивиад, Критий, Ферамен, Сократ, Эпаминонд, Муций Сцевола, Кориолан, М. Манлий, Гракхи, Спартак, Друз, Катилина, Помпей, Цезарь, Антоний, Лавуазье, Дантон, Кондорсе, Шенье^{9*} и т. д. и т. д., все они погибли и гибнут, в то же время рядовые «якобинец», «роялист», «жирондист»^{10*} в силу своей серости выживают и спасаются.

Наконец, присоедините к этому огромный процент выдающихся ученых, писателей, поэтов, общественных и политических деятелей, *эмигрировавших* из России или высланных из нее^{11*}; возьмите рядовой уровень политической эмиграции, всегда более высокий, чем уровень оставшейся массы, учтите вдобавок ко всему, что война и революция облагодетельствовали оставшихся многими десятками тысяч калек, раненых, больных и вообще «порченных» особей... и тогда будет понятен весь трагический смысл очерчиваемого качественного отбора.

«Дайте лучших», — гласит римский лозунг, требовавший солдат. В этом лозунге глубокая правда. Война и революция берут лучших поистине. Лучшая кровь нации погибла или выброшена за ее пределы. Остался материал второго и третьего сорта. Это ли не прогресс! Это ли не улучшение человеческой природы! Есть от чего прийти в восторг. Есть за что петь дифирамбы «освежающей» войне и «окрыляющей» революции.

Но и это не все. Бенджамин Франклин был прав, говоря: *по векселям войны* (и особенно гражданской. — П.С.) *главные платежи приходится платить не столько во время войны (и революции), сколько позже*. Убийственный *качественный урон* — капля по сравнению с дальнейшими его следствиями. В силу закона наследственности, *каковы семена — таковы и плоды, такова и жатва*. Война и революция, пожирая лучших, пожирают и их потомство. Оставляя выживать материал 2-го и 3-го сорта, они ведут к размножению второсортного материала за счет погибшего первосортного. Раз плохи семена, плоха будет и жатва. Не будь войны и революции, «худшие» были бы оттеснены на второй план погибшими «лучшими». Теперь же они занимают первые места и делаются производителями грядущих поколений. Их дети будут творцами нашей истории.

Война с революцией сыграли роль огородника, выпальвающего с гряд лучшие овощи и оставляющего размножаться сорную траву. При таком отборе она, конечно, вытеснит овощи. То же и в истории людей. Войны, и война гражданская в особенности, безжалостно выпальвающие лучших из среды народа, всегда деградировали его в биологически-расовом отношении. Это редко замечалось. Но стоит немного вдуматься в суть дела, чтобы понять роковое назначение этих фактов.

Данные биологии за последние годы особенно выдвинули роль наследственных свойств в одаренности человека или целого народа. Если среди англичан, по подсчетам Гальтона, один гений приходится на миллион населения, среди древних греков 1 гений приходится на 4 тысячи с небольшим, а среди негров нет ни одного гения, то причину этого приходится искать не столько в социальной среде, сколько в расово-наследственных свойствах народа^{12*}. По подсчетам проф. Старча, своей одаренностью или неодаренностью человек обязан наследственным свойствам от 60–90% и только от 40–10% — среде^{13*}. Великими и даровитыми рождаются, а не делаются. Благоприятная социальная среда может сыграть лишь роль содействующего фактора, а не создающего таланты. То же, *mutatis mutandis*^{14*}, применимо и к тормозящей роли неблагоприятной среды. Вот почему политика, направленная на процветание народа, прежде всего должна обратить внимание на то, чтобы основной биологический расовый фонд лучших производителей страны не уменьшался и не иссякал. Если такое иссякание получит место — его ничем не компенсируешь.

Оглядываясь на нашу историю, я принужден признать расовые свойства наших предков отличными. Волею судеб мы принуждены были постоянно воевать. Это значит — губили носителей лучших расовых свойств и все же сумели создать могучее государство и ряд великих общечеловеческих ценностей. Если бы наши предки были наследственно неодаренными — давно уже история России была бы кончена. И наоборот, не будь на нашей истории этой проклятой печати милитаризма — мы не только не отстали бы от Запада, а, быть может, уже опередили его. Но... сие не дано. Мы воевали и воюем, т. е. мотовски губим свои лучшие силы. Наступившие небольшие передышки частично позволяли несколько компенсировать ущерб.

Но всею есть предел и мера. Последние 8 лет причинили в этом отношении ущерб огромный, непоправимый. Как указано, они выкинули с пира жизни лучшие силы, носителей лучших расовых свойств, а вместе с ними лишили нас и лучшей жатвы «сынов человеческих».

Вот именно в этой плоскости роль войны и революции чревата трагическими последствиями. Она неэффективна. Это не заметно с первого взгляда, но в действительности она имеет роковой характер и проявляется лишь в ряде будущих поколений.

Здесь мы можем спокойно ответить Наполеону и всем тем «вождям», которые десятки тысяч людей бросают на смерть: «Нет, Sire, не только одна ночь Парижа, но сотня ночей не могут возместить эту гибель лучших». Они могут дать обильный урожай сорной травы, а не жатву первосортных плодов. Только длительный период мира может в известной степени поправить дело, способствуя выживанию лучших.

Урон, понесенный нами, в этом отношении несомненен. Однако, быть может, он еще не смертелен. Если в дальнейшем будет мир, внешний и внутренний, мы можем возместить до некоторой степени этот ущерб. Если же «мудрые правители» и дальше будут гнать народ на войны и революции — боюсь, что дело может принять роковой оборот, тот, который не раз имел место в истории. Звезда Греции стала закатываться как раз после персидских, пелопоннесских и гражданских войн, убивших лучших производителей. После войн с Карфагеном и гражданских Рим теряет свободу, силу натиска и через два поколения начинает свою агонию. «Лучшая кровь погибла», а рабы, вольноотпущенники и варвары, проникшие на верхи социальной пирамиды, не оказались способными продолжать дело древних создателей Римского государства. Достаточно было двух-трех веков непрерывных войн и междоусобиц, чтобы уничтожить громадную свежую нацию арабов и привести к падению большинство основанных ими государств.

Это деградирующее влияние войны и революции замечалось не раз и позже, например после Французской революции, после гражданских войн (через 3–4 поколения), после войны 1870–1871 гг. в Париже и т. д.

И наоборот. Народы, мало воюющие или долго живущие в мире, обнаруживают удивительную силу роста и расцвета. Одной из причин огромного прогресса Соединенных Штатов служит их мирная история, на протяжении столетия с лишним знавшая лишь две — и то не очень уж кровавые — войны. Мы удивляемся необычайно быстрому развитию Японии, в течение полувека ставшей из азиатской страны великой державой. Но учтя тот факт, что она в течение 250 лет не вела войн (период «великого мира») и могла копить свои лучшие элементы, не приходится этому удивляться. Раз отбора «шиворот-навыворот» не было в течение столь долгого времени, не могли не накопиться огром-

ные контингенты «лучших», что и проявилось в ее необычайном развитии, продолжающемся и по сей день.

Я не могу здесь подробно развивать эти положения. Сказанного, однако, достаточно, чтобы понять весь трагический смысл очерченных потерь, с одной стороны, с другой — величину той платы, которую приходится платить за военную славу или за фетиш революции. Будь еще два-три повторения таких войн и революций — и историю России можно считать законченной. Вот почему я не могу без глубокой горечи слушать и читать панегирики и дифирамбы революции, распеваемые ей десятками трубадуров и скоморохов. «Потише, господа, над могилами не пляшут... Еще менее допустимы канкан и пьяное орание над могилой или смертными ранами целого народа. Приводящие нас в восторг эффектные сцены революции часто стоят народу всей его истории. Будьте поскромнее и сумейте помолчать...»

Таковы вкратце основные «завоевания» войны и революции за эти годы.

* * *

Но увы, и ими дело не исчерпывается. Война и революция сильнейшим образом ухудшили и выживший второстепенный материал населения. Особенно молодое поколение, родившееся и выросшее в грехе военных и революционных судорог. Голод, болезни, эпидемии, ужасы и кошмары, сопутствующие всякой «великой» войне и «великой» революции, страшно ослабили и без того ослабленную природу выживших. Теперь уже бросаются в глаза биологические дефекты молодого поколения.

Их деградация проявляется в целом ряде симптомов. Во-первых, в том, что *значительно пал вес новорожденных*. Исследования проф. Личкуса и др. показали, что вес новорожденных в 1918–1920 гг. был значительно ниже веса нормальных годов. Во-вторых, в том, что возрос процент мертворожденных (соответствующие данные я привожу в печатающейся сейчас книге «Голод как фактор»)^{15*}.

В-третьих, в том, что пала *жизнеспособность новорожденных*: процент их смертности в первые дни жизни резко повысился по сравнению с нормальным временем.

В-четвертых, в том, что *биологическая конституция молодого поколения оставляет желать много лучшего*. Рост его задержан и уменьшен. Это видно хотя бы из следующих цифр, кстати, вскрывающих и «прелести»

коммунистических «детских домов», «детских колоний», «интернатов» и «приютов», устроенных нашей властью.

Дети 1921–1922 гг.

<i>Возраст</i>	<i>Интерны</i>	<i>Экстерны</i>	<i>Нормальное время</i>
7 лет	105,9	112	—
8	112,8	115,8	—
9	117,4	122,5	—
10	121,8	126,6	132
11	126	129,5	133,4
12	131,8	134,5	138,2

(Цифры 1921–1922 гг. дают результаты исследования 2000 детей Петрограда. Цифры нормального времени дают рост воспитанников приюта Принца Ольденбургского.)

Из этих цифр видно, что дети нормального времени выше ростом детей нашего времени; дети «интерны», т. е. содержащиеся в «детских домах», отстают от детей, живущих дома.

Столь же невеселы результаты детей и в других отношениях.

В-пятых, *громднй процент их, а именно 5%, рождаются наследственными сифилитиками.* Во всем же населении заражено им около 30%.

В-шестых, колоссально возросла *нервность населения и душевные болезни.* Абсолютно ненормальные условия, в которые поставлено было население и его нервная система во все эти годы, сверхчеловеческие ужасы, лишения и горе вывели последнюю из равновесия у всех, увеличили психозы и неврозы. Исследования проф. Осипова, Горового-Шалтана^{16*} и др. ясно вскрыли этот рост душевных заболеваний. В голодных же районах психические расстройства приняли массовый характер.

В-седьмых, прибавьте к этому *тиф, которым переболела чуть не одна треть населения, цингу, дизентерию, огромное распространение малярии, «испанки», всевозможные простудные болезни, наконец, катастрофический рост туберкулеза, сейчас уже уносящего жертв больше, чем тиф; учтите все это – и тогда поймете всю громадность биологической и нервно-мозговой дегенерации населения.* Она становится несомненной. В силу этого «второсортная» природа строителей будущей России еще более ухудшается. Раны, нанесенные войной и революцией, становятся еще опаснее и чреватее...

Когда учтешь все это, не можешь без улыбки сожаления и снисхождения слушать разглагольствования всевозможных — иностранных и сво-

их, больших и малых, — апологетов войны и революции. Одни из них, не выдавшие подлинного лица последних, делают это по детскому неразумению; другие — «эстетико-садисты», нервы которых требуют острых щекочущих сцен в силу своей извращенности; третьи, спекулирующие на революции и войне, — в силу своего эгоизма... Вдумчивый же исследователь, не довольствующийся эффектной панорамой событий, а вкладывающий персты свои в самую сущность явлений, не может не прийти к пожеланию, чтобы судьба избавила все народы от лечения своих язв методами войн и глубоких революций: «Да минует их чаша сия»^{17*}. Кто этому не верит, пусть попробует сам: тогда он на опыте убедится в правдивости сказанного.

2. Изменения в структуре социального агрегата

Все крупные общественные движения начинаются и идут под знаменем великих лозунгов: «царства Божия на земле», «Бога и веры», «братства, равенства и свободы», «водворения справедливости», «прогресса», «демократии» и т. д. Множество лиц, прямо или косвенно участвующих в них, верили и верят, что эти движения призваны «уничтожить вековую несправедливость» и осуществить эти великие идеалы. Последние являются «крыльями», на которых поднимается, ширится и взлетает общественное движение. Они — обычные спутники последнего. Они его «приукрашивают», «пудрят», «расцветчивают» для того, чтобы был возможен энтузиазм и фанатизм, героизм и безграничная вера, необходимые для успеха таких движений. Так было и бывает всегда.

Но вместе с тем *ни одно из этих движений никогда не осуществляло в сколько-нибудь серьезном масштабе выставленных идеалов*. Объективная действительность, получавшаяся в результате таких движений, всегда была далекой от выставленных лозунгов.

История зло шутила и продолжает шутить над людьми в этом отношении.

Примеры: христианство дебютировало с лозунгами «царства Божия на земле», «братства», «бесконечной любви» и «равенства», и т. д. Объективным результатом были: иерархия церкви, ад на земле, деспотизм папства, инквизиция, зверства и войны.

Реформация шла под лозунгами свободы совести, прав человека, торжества разума и т. п. Объективный результат: сожжение и преследование инаковерующих протестантами и реформаторами, войны и тьма новых суеверий, пришедших на место старых.

Французская революция провозгласила: *égalité, fraternité, liberté*^{18*}, «декларацию прав человека и гражданина», «религию разума». И никогда не было такого неравенства, зверства, деспотизма и «псевдорационального культа заблуждений», как в годы революции.

Вспомним лозунги мировой войны. Вместо них объективно получился Версальский договор^{19*}, не требующий пояснений. Не приводя других факторов, утверждаю, что это явление «иллюзионизма», расхождения «тьмы низких истин» от «возвышающего обмана»^{20*}, — явление общее, позволяющее формулировать его в форме *особого закона*, называемого мною *законом социального иллюзионизма*.

В резчайших формах он проявился и в нашей революции. Все мы помним великие лозунги февральской и октябрьской революций: «освобождение от деспотизма самодержавия», «самоуправление народа» и «автономия лиц и групп», «полная демократия», «самоопределение народов», «мир, хлеб и свобода», «низвержение капитализма», «полное равенство», «раскрепощение трудящихся классов», «власть рабочих и крестьян», «диктатура пролетариата», «коммунизм», «Интернационал», «мировая революция» и т. д. Таковы были великие лозунги, прокламированные революцией. Из одного края великой русской земли до другого проносились они, заражали миллионы, зажигали их огнем энтузиазма и фанатизма, будили и опьяняли их и возбуждали великую веру к себе и в себя. Казалось, что великий час пробил, вечножданное наступает, мир обновляется и «синяя птица» всех этих ценностей в руках...

Достаточно было двух-трех лет, чтобы слепцы из слепцов и глухие из глухих убедились в своих прекрасных иллюзиях. Они растаяли как дым... Вместо «синей птицы» в руках оказалась та же ворона, только остриженная и искалеченная... История еще раз обманула верующих иллюзионистов. Поистине «слепые веди слепых и все упали в яму». Миллионы за эти иллюзии заплатили жизнью, другие — невыносимыми страданиями, третьи — горьким похмельем, четвертые, вдохновители иллюзий, — потерей ореола вождей и спасителей человечества, падением в бездну цинической подлости, низкой преступности, в пропасть махинаций самолюбивых интриганов, тиранов и темных дельцов.

Вы хотите подтверждений сказанному? Я могу их дать в любом количестве. Ограничьсь минимумом.

Во-первых, Октябрьская революция ставила своей задачей *разрушение социальной пирамиды неравенства — и имущественного, и правового, — уничтожение класса эксплуататоров, и тем самым эксплуатируемых.*

Что же получилось? — Простая перегруппировка. В начале революции из верхних этажей пирамиды массовым образом были выкинуты старая буржуазия, аристократия и привилегированно-командующие слои. И наоборот, снизу наверх были подняты отдельные «обитатели социальных подвалов». «Кто был ничем, тот стал всем».

Но исчезла ли сама пирамида? — Ничуть. Если слепым сначала казалось, что она исчезает, то только в начале революции и только слепым. Через два-три года разрушаемая пирамида оказалась живой и здоровой. На низах снова были массы, наверху командующие властители. Последние были еще более привилегированы, чем старая власть, первые — еще более обездолены, чем раньше. При старом режиме у них все же были кое-какие права и гарантии, у власти — ряд ограничений, за которые она ни юридически, ни фактически не могла переступить... Теперь... у массы и гражданина не оказалось никаких прав, даже права на жизнь. Она превратилась в случайность, гражданин — в улитку, которую мог раздавить и давил — без разбора рабочего и крестьянского происхождения — каблук первого встречного комиссара. Власть и ее агенты были не ограничены. Они могли вмешиваться во все. Нормой стало: *quod principi placuit legis habet vigorem, princeps legibus solutus est*^{21*}. Ни законов, ни гарантий, ни прав — вот объективный результат «поравнения»...

Имущественное равенство? О, его мы наблюдали за все эти годы. Оно осуществлялось в «коммунизациях», «реквизициях» и «национализациях» вплоть до последней пары ложек и белья. Но в пользу кого и кем? Агентами власти и ее клиентами в пользу себя самих. Конечно, это не мешало иногда бросить обглоданную кость и крохи, якобы, в пользу общества и бедноты, но только крохи, и то жалкие.

Это «равенство» проявлялось далее в том, что в 1918–1920 гг. массы — интеллигентный пролетариат, рабочий класс и крестьянство умирали от голода, [живя] на 1/16 и 1/8 фунта хлеба, — верхи жили на пайке «что душа хочет». Там было все, вплоть до тропических фруктов, автомобилей и... нескольких любовниц. А теперь это «имущественное равенство» может видеть всякий экспериментально: пусть он побывает в России, посмотрит, как живут в Москве и в других местах власть имущие, их квартиры, стол, одежду, автомобили и т. д., и как там же валяются на улицах голодные и оборванные люди. Для этого достаточно просто пройти по двум-трем улицам. *Контраст нищеты и роскоши в современной России больше, чем в любой «буржуазной» стране.* Пропасть между «уровнем жизни» коммунистических и спекулятивных верхов и умирающей от голода многомиллионной массы значительно больше, чем между «уровнем жизни»

Моргана и американского рабочего. В итоге революции — и правовое и имущественное неравенство не уменьшилось, а усилилось. Пирамида стала не покатеe, а круче и острее... Трагедия «молота и наковальни» не только не оказалась преодоленной, но еще более усиленной.

Мало того. Если ряд глупых людей вздумали бы утешать себя тем, что «все же, мол, на верхи, на командующие позиции попали люди низов», то и это утешение их теперь беспочвенно. В течение 1921–1922 гг. совершалась и продолжает совершаться обратная «циркуляция»: множество рабочих и крестьян, попавших в верхи в начале революции, теперь обратно выбрасываются оттуда, и наоборот, множество лиц, выкинутых в 1917–1918 гг. из командующих позиций на низы, теперь снова поднялись в status quo ante^{22*}. В армии — наверху снова старый генералитет (брусиловы, лебедевы, слащевы и т. д.) и офицерство, разбавленное процентом «новичков». В комиссариатах, кроме членов комиссий, остальные директора и начальники департаментов — старые «спецы»; здесь немало старых министров, товарищей министров, директоров... Так дело обстоит во всех этих Госпланах, совнархозах, наркоматах.

Посмотрите далее, кто сидит в правлении трестов. Сначала были рабочие. Потом — два рабочих и один «буржуазный спец». В 1922 г. уже два, а то и все три члена правления состояли из «спецов», в число которых обычно входят бывшие хозяева данного предприятия. И так везде. «Переменная величина» революции неуклонно идет к старому пределу.

Рекомендую взглянуть и на такие ведомства, как ЧК и ГПУ. И здесь сейчас весьма значительный процент «чекистов» составляют бывшие агенты жандармского корпуса и охранного отделения, начиная с безымянных «шпигов» и кончая матерыми охранниками вроде знаменитого полковника-погромщика Комиссарова.

Во главе церковного управления власть поставила члена Союза русского народа Красницкого, а обер-прокурором стал бывший обер-прокурор Львов...^{23*}

«Все возвращается на свои места». Поистине неожиданные трюки выкидывает история, ошарашивая горячие, но невежественные головы.

А уничтожение эксплуатации? О, его испытало 97% населения на своей шкуре. «Добивались восьмичасового рабочего дня, а теперь работаем шестнадцать и получаем за это $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{4}$ фунта хлеба», — так резюмировало положение дел народное сознание. Правда, у нас юридически не было в 1918–1921 гг. капиталистов как собственников средств и орудий производства... Но зато был слой властвующих «разрушителей капитализма», безжалостно заставляющих население работать на себя и на

свои забавы, начиная с III Интернационала. Людей мучили и хлестали хуже, чем хлещет дурной извозчик изнемогающую лошадь. Из семи дней в неделю крестьянин должен был отдавать «коммунистической барщине» 3–4 дня в виде выполнения бесчисленных повинностей: «дровяной, сплавной, гужевой, подворной, оконной, строительной, хлебной, молочной, яичной» и т. д. Под видом «субботников» и «сверхурочных» работ рабочего заставляли работать по 12–14 часов. А сверх них, придя домой, он сам должен был варить, добывать и колоть дрова, копать летом на огороде, шить, убирать жилище и т. д., ибо пойти в ресторан, на рынок, в кафе он не мог за отсутствием их и неимением денег.

Энергии тратилось пропасть. Питание же состояло из $\frac{1}{8}$ – $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{2}$ фунта хлеба и жидкой каши. Весь заработок его в 1918–1920 гг. колебался от 2–5 рублей золотом, теперь он колеблется от 3 до 8 рублей.

В то же время, как и теперь, верхи жили «на славу» и копили капиталы. Они сами «не сеяли и не жали, но успешно собирали в житницы». В настоящее время 30 млн крестьян умирает с голоду, остальные задавлены тяжестью невероятных многочисленных налогов, рабочие — непосильной работой и нищенской платой (3–8 рублей золотом), а верхи и новая буржуазия, вышедшая, главным образом, из коммунистов и кругов, им близких, сколотили и сколачивают весьма солидные капиталы и кладут начало будущим банкирским домам и солидным капиталистам.

Вместо уничтожения эксплуатации революция создала в 1918–1920 гг. небывалую эксплуатацию, настоящее крепостничество в одной из худших форм, в форме государственного рабства; в 1921–1922 гг. с новой экономической политикой оно несколько смягчилось, но по-прежнему представляет эксплуатацию «буржуазного общества», усиленную во много раз.

Если есть еще люди, сомневающиеся в этом, я рекомендую им простой способ проверки: поехать в РСФСР, посмотреть лично положение дел и, особенно, сделаться рабочим. В одну-две недели неверующий поймет, прав ли я или нет.

Революцией была провозглашена *свобода*. Действительность преподнесла такую «свободу», от которой все взвыли. Поведение людей оказалось связанным и опекаемым всесторонне. Автономия их пала до нуля. Область опеки, регулирования и вмешательства власти стала беспредельной, врываясь в сферы самых интимных отношений. От рождения до могилы каждый шаг оказался регулируемым сверху. Свободы совести, слова, печати, союзов, собраний объявлены были «буржуазными пред-

рассудками». Власть стала вести «учет и контроль» и регулировать все стороны поведения и взаимоотношений. Что должен гражданин есть и пить, что делать, какой профессией заниматься, как и во что одеваться, где жить, куда ездить, чем развлекаться, что и как думать, что читать, писать, во что верить, что хвалить и порицать, чему учиться, что издавать, что говорить, что иметь и т. д. и т. д. — все было определено и регулировано. Люди обращены были в манекенов, которых дергали, но сами они не могли определить свое поведение. Я часто завидовал домашним животным: их хоть в стойле предоставляют себе самим, а граждане РСФСР не имели и этой свободы: в их «стойло» даже ночью то и дело врывались «регулирушники» и «наводили свой учет и контроль», часто кончавшийся тюрьмой или свободой смерти...

Тюрьмы были переполнены как никогда, и не столько «буржуями», сколько крестьянами и рабочими. Целыми стадами гоняли людей на сотни «повинностей». Печать свелась к уничтожению всех книг и газет, кроме правительственных, собрания — к правительственной повинности для выслушивания очередной порции коммунистического «оратора», союзы — в фикцию и т. д. Словом, получилась такая «свобода» необузданного самодурства власти и беспросветного рабства населения, что гражданин РСФСР с полным основанием мог завидовать свободе рабов. Они действительно были свободнее.

С 1921–1922 гг. стало немного легче. Но объем свободы при старом режиме по-прежнему остается желанным и недостижимым идеалом. Так обернулось дело со «свободой»...

Революция *ugbi et orbi*^{24*} провозгласила в октябре «мир». На деле же из него получилась зверская и безжалостная война, беспощадная и бессердечная, в течение трех лет после того, как остальные народы перестали воевать. Миллионы жертв, разрушенные города и села, взорванные мосты, развороченные пути, опустошенные нивы, замолкшие фабрики, кровью орошенные равнины России — свидетельства этого «мира»... Едва ли бы и сам дьявол сумел злее надсмеяться над этим «миром»...

Наконец, замолк гром пушек. Но остался по сие время милитаризм, пронизывающей всю жизнь русского общества. Даже современная демобилизованная армия больше, чем армия мирного старого режима. Она поглощает чуть не весь бюджет государства (1 200 000 000 из 1 800 000 000 по проекту 1922 г.). Вся общественно-политическая жизнь милитаризована до сокровенных глубин, вплоть до обучения и посещения собраний и лекций (так и пишется: «в порядке военной и революционной дисциплины»).

«Кто плохой воин, тот гражданином быть недостоин» — так гласили официальные плакаты. Все управление, вся психология милитаризована. Перед вами не страна, а огромная казарма...

Получившийся «мир» достоин коммунистической «свободы». В трехчленной формуле Октябрьской революции стоял наряду с «миром» и «свободой» — «хлеб»... Населению были обещаны «кисельные берега и молочные реки», сытость, довольство, «курица в супе». Вместо этого русский народ накормили... свинцовой пулей, корой, травами, глиной, жмыхами, дурандой и в качестве десерта... мясом своих детей... «И будешь ты есть плод чрева твоего, плоть сынов твоих и дочерей твоих», — сказано в Библии^{25*}. Россия же стала великим кладбищем сотен тысяч трупов, умерших от голода и разобщенных и разбросанных по ее лесам и лугам, городам и селам... Таков хлеб, которым накормила революция русский народ... Он причастился тела и крови своей в буквальном, а не в переносном значении этого слова. Совершилось поистине великое таинство. Остается воскликнуть: *Te, Deus, laudamus! Ave, Revolutio, morituri te salutant!*^{26*}

С 1921–1922 гг. питание столиц и городов несколько улучшилось за счет остальной России, зато деревенская Русь за эти годы стала голодать сильнее не только в районах, постигнутых катастрофическим голодом, но и в других областях: невероятно тяжелые налоги заставляют крестьянство продавать самое необходимое, продналог оказался не легче, а тяжелее разверстки. Крестьянин снова недоедает, во славу Интернационала, Советской власти и новой спекулятивной буржуазии.

Революция провозгласила принцип *автономии народов, областей и децентрализацию*. На бумаге она, как будто, провела свои обещания. На месте Российской империи теперь числится ряд автономных советских республик и областей. На деле же Россия сейчас централизована гораздо сильнее, чем раньше. Все эти автономные республики имеют чисто фиктивное существование и представляют простые вывески, скрывающие суть дела. Всем и вся управляет Москва, даже не Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, не Совнарком и даже не РКП, а «Политбюро Российской Коммунистической Партии» в составе пяти человек^{27*}. Сюда стянуты все провода управления и отсюда исходят все «токи» власти. Остальные — простые исполнители приказов этой пятерки. Как Французская революция, по справедливому замечанию Токвиля^{28*}, только довела до предела основные свойства старого режима, в том числе и тенденцию централизации 2-й половины XVIII века, так и русская революция довела до предела дурные стороны старого режи-

ма, в частности его деспотизм, тиранию, его бесправие, его централизацию и бюрократизацию. Если царизм не давал возможности развития земского и городского самоуправления, не признавал автономии национальностей и областей, то революция пошла еще дальше по этому пути, прикрыв свое дело архиавтономными лозунгами и вывесками.

Основным лозунгом коммунистической революции был лозунг *разрушения капитализма*. Во что же он вылился?

В разрушение средств производства и обращения, раз. В установку на место частного капитализма худшей формы последнего – капитализма государственного, два. Наконец, в попытку возрождения разрушенного частного капитализма, три. Таковы объективные итоги в этой области.

Ниже будут приведены данные, характеризующие катастрофическое разрушение всего хозяйства страны. Грандиознейшее обнищание страны и вымирание, наступившее в итоге «коммунизации», рост крестьянских восстаний, грозивших власти, заставили последнюю в 1920 г. сделать первый шаг назад: провозгласить вместо коммунизма государственный капитализм, представляющий якобы высшую форму капитализма.

Я не знаю, цинизмом или невежеством объясняются такие заверения. То, что у нас введено было под именем государственно-капиталистической системы, представляет буквальное повторение хозяйственной системы древней Ассирии-Вавилонии, древнего Египта, древней Спарты, Римской империи периода упадка (III–V вв. по Р. Х.), государства инков, Перу, иезуитов, системы, не раз имевшей место в истории древнего Китая, например, при Ван ань-Ши, древней Японии, системы, близкой к состоянию ряда государств ислама, бывшей не раз в истории Персии, Индии и т. д. (мною подготавливается на эту тему специальная монография. См. развитие этих положений в моей печатающейся книге «Голод как фактор» в главе «Голод и этатизм», а также в статьях «Влияние войны на общественную организацию» и «Влияние голода» – Экономист, № 1, 2 и 4–5 за 1922 г.)^{29*}.

Эта-то примитивная система, несравненно более древняя, чем частный капитализм, наступавшая обычно в периоды декаданса, войн и обнищания, в силу тех же условий долженствовавшая наступить и у нас, была объявлена «высшей формой капитализма» (см. речь Ленина о продналоге)^{30*}. Невежественные и трагические шутники! – остается сказать им на это.

Мудрено ли, что вместе с ней рабочие и крестьяне попали в то же положение, в каком они были всегда при такой системе: в положение рабов и крепостных Египта, рабов и илотов Греции, колонов и закрепо-

ценных ремесленников Римской империи, индейцев государства иезуитов, бесправных рабов государства инков и т. д.

Приведу для примера описание государства инков и Римской империи III в. Они представляют адекватное описание РСФСР этого периода. В Перу власть была «центром и церковной и судебной главою». Нация состояла из рабов этой власти, носивших звание солдат, работников и чиновников. Военная служба считалась обязательной для всех индейцев. Отслужившие сроки отчислялись в запас и должны были работать под надзором государства... Все жители были подчинены чиновникам («комиссарам». — *П.С.*). Церковная организация была устроена подобным же образом. Шпионы, наблюдавшие за действиями других служащих (ЧК. — *П.С.*), имели также свою организацию. Все было подчинено государственному надзору. В деревнях были чиновники, наблюдавшие за посевом, пахотой и жатвой. Когда был недостаток в дожде, государство снабжало пайком воды. Путешествующий без разрешения наказывался как бродяга; но зато для тех, кто путешествовал по служебным обязанностям (т. е. «командировкам». — *П.С.*), существовало особое учреждение, снабжавшее квартирой и всем необходимым. На обязанности десятичников лежало наблюдение над одеждой народа, чтобы носили те платья, которые им предписаны. Сверх этого контроля жизни внешней существовал еще контроль и жизни домашней. Требовалось, чтобы народ обедал и ужинал при открытых дверях так, чтобы судьи могли входить свободно (для надзора). Тех, кто дурно содержал свои дома, секли. Под этим контролем народ трудился над поддержанием столь сложной государственной организации. Высшие чины были свободны от налогов, зато земледельческий класс, за исключением находящихся на службе в армии (красноармейцев. — *П.С.*), должен был отдавать весь свой продукт, оставляя себе лишь то, что требовалось для скудного пропитания. Сверх натуральной повинности, состоявшей в обработке земель, крестьяне должны были обрабатывать земли солдат, находящихся на службе (у нас — красногвардейцев. — *П.С.*). Кроме того, должны были платить подать обувью, одеждой (у нас — продналог, льняная, гужевая, топливная и другие повинности. — *П.С.*). Участки земли, предназначенной на нужды народа, распределялись между отдельными людьми соответственно с их семейным положением. Точно так же и относительно продуктов от стад: часть их периодически подвергалась стрижке, причем шерсть делилась чиновниками (у нас — молочная, яичная, шерстяная, мясная, масляная и другие повинности. — *П.С.*). Это устройство было следствием того, что частная собственность находится в пользовании

каждого человека только по милости власти. Таким образом, личность, собственность и труд народа принадлежали всецело государству; народ переселялся из одной местности в другую по указанию власти (у нас — «переброски» Троцкого и трудовые переброски); люди были просто единицами централизованной военной машины и направлялись в течение всей жизни к наивозможно большему выполнению воли власти и наивозможно меньшему действию по своей собственной воле... Перуанцы не имели монеты; они не продавали ни одежды, ни домов, ни имений, их торговля почти не выходила за пределы простого обмена съестными припасами. (*Спенсер Г. Основания социологии*, т. II, 436).

В Римской империи III–IV вв. по Р. Х., как и у нас: 1) власть не ограничена, 2) ее вмешательство, опека и централизация безграничны, 3) частной собственности, торговли и промышленности почти нет: все занято государственно-плановым хозяйством, 4) денежной системы тоже почти нет, 5) налицо система «пайков» и карточек, 6) все население прикреплено к своим местам, 7) свободы труда нет, 8) свободы союзов также и т. д. и т. д. (См., например: *Waltzing. Étude historique sur le corporations professionnelles chez les romains*. 1896, II, 480–484 и др.; работы М.И. Ростовцева, Hirschfeld'a, Diel'a, Salvioli, Duruy и др. Подробно смотри в моих указанных выше работах).

По сравнению с этим положением государственных крепостных, положение рабочих в буржуазном обществе являлось — и с материальной, и с правовой, и с моральной стороны — недостижимым идеалом. Рядом с этим результатом неизбежно явилось и второе следствие этой наихудшей формы капитализма: дальнейшее падение производительности труда, дальнейшее обнищание и вымирание. Вообще государственно-капиталистическая система экономически неизбежно ведет к этому обнищанию и через это — к самогибели. Если в ряде обществ она могла сравнительно долго существовать, то только потому, что грабила другие народы путем войны (Липара, Спарта, Рим, ислам и т. д.) или бесчеловечно эксплуатировала трудовые слои, заставляя их работать сверх сил в пользу кучки властвующих (государство иезуитов, инков и т. д.). В итоге и наши «слепые вожди» поняли это и принуждены были сделать новый шаг назад: прокламировать новую экономическую политику, а тем самым частный капитализм. Началось усиленное заигрывание и зазывание частного капитала; сотни приманок были пущены в ход, чтобы привлечь его: и аренда, и концессия, и архиростовщические проценты, и признание долгов, и всякие гарантии, — словом, началась распродажа России оптом и в розницу с целью привлечения капитала.

Денационализировали деревню и мелкую промышленность, продолжают, упираясь, денационализировать и крупную исподволь. Нужно ли говорить, что это в течение года будет сделано? Нужно ли говорить, что все слова о непризнании «собственности» — пустые слова, пускаемые только для внешнего употребления, а затем — допуская право владения, пользования и распределения на 45 и даже 99 лет — власть тем самым признала собственность в объеме большем, чем нужно.

Граждане РСФСР, видя этот ход назад, естественно, спрашивают: «Раз так, то зачем нужно было разрушать национальное богатство, объявить низвержение капитализма, раз сами разрушители его вынуждены снова вводить и культивировать этот плод?»

Я не мистик и не ищу в истории руки Провидения, но есть нечто поистине знаменательное в той злой шутке, которую история выкинула с коммунистами: их же самих своими собственными руками она заставила возводить то, что они разрушали. Теперь они пытаются капитализм насадить всеми силами, но разбойники редко могут стать организаторами хозяйства. Изгнанный капитал, несмотря на все приманки, не идет. Поистине большего банкротства коммунизма трудно вообразить.

Но ирония истории идет дальше... Помимо сказанного, в результате коммунистической революции в России возникла и сейчас бушует небывалая собственническая стихия. До коммунизма у нас в деревне не было настоящей мелкой буржуазии, у крестьян — глубокого чувства и положительной оценки института частной собственности. Теперь то и другое налицо. Революция превратила наших общинников-крестьян в индивидуалистов-собственников. По всем областям России идет стихийное выделение крестьян на отруба и хутора. Власть бессильна сопротивляться этому, и земельный закон 22 мая 1922 г., представляющий разновидность закона П.А. Столыпина, санкционировал это. Короче, в деревне коммунистическая революция выполнила программу П.А. Столыпина, создала мелкого собственника и надолго похоронила всякие коммунизмы.

То же и в городе. Здесь объективным результатом явилось образование новой буржуазии — «нэпманов», — пока чисто спекулятивной, шакаловидной, хищной, непроеводительной, но архииндивидуалистической, полнокровной и ничего общего не имеющей со старой «импотентной» буржуазией. Выйдя, главным образом, из рядов коммунистов, сколотив капиталы путем грабежа, «национализации», «реквизиций», «коммунизаций» плюс мошенничества, обмана, спекуляций, она знает цену «хорошим словам»: «что твое — мое, что мое — мое» — таково было осуществление ею коммунизма на практике. Ее не проведешь теперь

хорошими словами, она к ним глуха и будет защищать награбленное всеми силами, «зубом и когтем». По своей психологии она архииндивидуалистична, антикоммунистична и теперь уже составляет ту плотину, о которую разбиваются все волны коммунизма... Ее число растет. 200 000 вышедших из партии коммунистов в огромной части перешли в этот слой новой буржуазии. Наконец, сама коммунистически-социалистическая идеология после опытов в стране окончательно дискредитирована. Она ненавистна. Против нее по меньшей мере 97% населения. Прибавьте к сказанному полную ликвидацию коммунистических начал в самой жизни, в форме почти полного уничтожения «коллективных хозяйств», «совхозов», «комхозов», бесплатного обучения, школ, трамваев, прекращение пайков, социального обеспечения и т. д. и т. д. — и тогда будет понятно, что коммунизм в России кончился. Его нет, если не считать им еще остающуюся в плену «национализации» развалившуюся тяжелую индустрию (и то потому, что нет охотников взять ее обратно). Стадия коммунизма пройдена, оставив по себе появление и расцвет антикоммунизма, психологию частной собственности, образование полнокровной сельской и городской буржуазии и ненависть к идеологии и системе коммунизма-социализма.

Такое же полное банкротство случилось и с диктатурой *пролетариата*. В стране, где пролетариат составлял не больше 3–4% населения, такая диктатура, если бы она и была осуществлена, могла бы быть только тиранией пролетарского меньшинства над большинством. Фактически и этого не было. В 1917–1918 гг. мы имели власть, составленную из *intellectueles*, из лиц, никогда не работавших на заводе или на поле, вышедших из среды буржуазных классов (Ленин, Троцкий, Зиновьев, Красин, Чичерин, Луначарский, Менжинский и т. д.), но опиравшихся на стихийное движение значительной части армии, крестьян и рабочих. Став во главе движения, мастерски используя усталость от войны, недовольство от ухудшения материальных условий, желание отобрать помещичьи земли, — они были вынесены наверх этими массами. Заняв верховные командующие позиции, они допустили на подчиненные места множество выходцев из крестьян, рабочих и солдат. Наученные опытом, зная непрочность своего положения, они с первых же дней захвата власти принялись за организацию армии своих преторианцев^{31*}. Создав аппарат насилия и террора в виде ЧК, тем самым они положили начало перерождению трудовых масс — в власть тирании над этими массами.

К началу 1919 г. уже произошел отлив масс от власти, начались рабочие и крестьянские восстания. Диктаторы, вместо удовлетворения мас-

совых желаний, перешли к необузданному усмирению их посредством своих преторианцев. Начался террор. Наивны те люди, которые думают, что он был направлен только против буржуазных классов. С полной готовностью нести ответственность за свои слова я утверждаю, что он не в меньшей, если не в большей степени пал на рабочих и крестьян. Так как большинство Советов, избранных в 1918 г. трудящимися, оказалось антибольшевистским (в отличие от 1917 г.), то эти Советы были разогнаны, избранные депутаты арестованы.

Рабочие собрания и митинги, проникнутые оппозиционными настроениями к правительству, закрывались, не допускались, а наиболее видные члены их арестовывались. То же произошло и с крестьянскими съездами.

Вслед за арестами пришла и полоса расстрелов, индивидуальных и массовых. Последние приняли форму настоящей войны с деревней. Села и поселки окружались военно-преторианскими частями, громились, сжигались артиллерией, а вслед за «завоеванием» их наступала массовая экзекуция в форме расстрелов «зачинщиков», в форме убийства одного из каждого десятка лиц.

Я утверждаю: огромное большинство из тех сотен тысяч, которые были расстреляны властью, состояло из рабочих и крестьян.

Позже все это вылилось в форму грандиозной гражданской войны, множества фронтов, составленных восставшими массами, и необъятного количества рабочих, крестьянских и матросских восстаний, говорящих весьма ярко о характере этой мнимой «диктатуры пролетариата». С 1919 г. власть фактически перестала быть властью трудящихся масс и стала простой тиранией, состоящей из беспринципных интеллигентов, деклассированных рабочих, уголовных преступников и разнородных авантюристов.

Западноевропейский читатель недоумевает: если так, то каким же образом такая власть могла удержаться? — недоуменно спрашивает он. Для него такое положение дела непонятно. Ему кажется, что так обстоять дело не может. Но увы! Это так.

Причины этого «странного» положения таковы.

Во-первых, из личного опыта ему должно быть известно (социология же еще устами Спенсера это показала), что небольшая, но хорошо организованная группа может управлять группой, в десятки раз ее превосходящей по числу. Отряд полицейских в 20 человек может разогнать толпу в несколько тысяч. Дисциплинированная воинская часть побеждает гораздо более численную, но плохо вооруженную и организованную

армию. Исторический пример дает герцог Альба, с 10-тысячной армией испанцев властвовавший над 3-миллионным населением Нидерландов. Армия большевистских преторианцев в несколько десятков тысяч способна была властвовать и насиловать многомиллионную массу. Это делать было тем легче, что к этому времени (1919 и позднейшие годы) пролетариата в городах почти не стало: с развалом промышленности состав его сократился в 4–5 раз. Получилась «диктатура пролетариата без пролетариата». Массовые выступления его стали невозможными. Кулак многотысячной пролетарской массы перестает существовать. Оставшаяся небольшая часть не могла быть внушительной силой.

Еще бессильнее оказалась деревня. Население России, разбросанное на $\frac{1}{6}$ части Земного шара, расплывено, очень редко и потому не в состоянии организованно выступить сразу и действовать планомерно. Это затруднялось и тем, что печать была захвачена властью, все другие органы ее были закрыты. Власть же захватила почту, телеграф, телефон, пути сообщения и общения. Присоедините сюда факт умелого обезоруживания населения в 1918 г., в силу чего оно оказалось безоружным. Учтя все это, легко понять, почему крестьянские движения вспыхивали неорганизованно, без взаимной связи, почему, несмотря на их колоссальную численность, власть легко могла подавлять их. Один и тот же отряд сегодня расправлялся с одним селом, завтра перебрасывался за десятки верст, послезавтра — на новое место и таким путем мог подавлять десятки восстаний. Армия же «усмирителей» в несколько десятков тысяч легко расправлялась со многими миллионами.

Большую роль сыграла и усталость масс вместе с голодом. Истощенные, обессиленные, утомленные пятью годами войны и революции, они не имели достаточно энергии для борьбы. Террор при этих условиях вызывал легко покорность и апатию.

С другой стороны, надо отдать должное и власти. Она проявила громадную энергию в организации карательных отрядов. Питая их сытно за счет населения, предоставляя им свободу грабить и насиловать, ежедневно гипнотизируя их своей агитацией, она спаяла их в единую, крепко сплоченную группу преторианцев и связала судьбу и благополучие последних со своей собственной судьбой.

Присоедините сюда, наконец, веками воспитанную привычку русского народа к повиновению палке, физическому насилию... и, полагаю, даже для западноевропейца указанный «странный» факт будет вполне понятен. У нас повторилось то же самое, что повторялось много раз в истории тиранов разных народов.

Власть, вынесенная в 1917 г. на плечах рабочих, солдат и крестьян, в течение полутора лет выродилась в диктатуру над рабочими и крестьянами, став из «трудовой» власти чистым деспотизмом. Сейчас ее армия преторианцев — «отряды особого назначения»^{32*} — насчитывает около 400 000 человек. Она организована. Рядом с ней создана своя бюрократия. Печать, почта, дороги — в руках правительства. Население истощено и расплыено.

Отсюда понятно, почему оно держится, несмотря на то, что 97% населения его ненавидит глубже и сильнее, чем они ненавидели старый режим. Вместо «диктатуры пролетариата» получилась диктатура авантюристов над народом и исчезновение самого пролетариата в силу разрушения и закрытия фабрик и заводов.

То же случилось и с III Интернационалом. Интернационал!.. Мировое объединение трудящихся для создания нового мира, основанного на новых началах! Таково задание. Что же имеем фактически? Во-первых, странное сужение объема лиц и групп, могущих быть его членами. I Интернационал допускал всех социалистов и даже анархистов вначале. II Интернационал — уже только социалистов, и то определенного толка, выкинув анархистов и другие группы за борт и сузив, таким образом, свой базис по сравнению с I Интернационалом. III же Интернационал еще более ограничил слои, могущие входить в его состав. Не только простые смертные — несоциалисты, не только все социалисты-некоммунисты, но даже ряд коммунистических групп не могут войти в лоно этой церкви. 99,9% населения — еретики и недостойны благодати Зиновьева-пророка и Маркса-Аллаха. Недурной Интернационал! С таким же правом тогда можно основать 4-й и 5-й Интернационалы собирателей старых каблуков или вспарывателей женских животов. Так обстоит дело с количественно-объемной точки зрения. С качественной точки зрения III Интернационал представляет собой институт, сеющий на деньги русского народа семена ненависти и зверства по Земному шару. С точки зрения его состава — это в огромной части скопление авантюристов и циников всех стран, заинтересованных в хороших синекурах и в приобретении власти, не стесняющихся в средствах, руководствующихся заповедью «все позволено», хорошими словами прикрывающими свои уголовные задания и довольно ловких в деле использования недовольства масс. Я не могу ждать спасения человечества от международного союза бандитов. По той же причине не могу ожидать его и от III Интернационала. Положительных результатов улучшения положения рабочих он дать не может, но бедствия может вызвать весьма серьезные.

Довольно...

Сказанное, полагаю, достаточно четко подтверждает: 1) правильность закона социального иллюзионизма в явлениях русской революции; 2) неисполнение ею ни одного из ее лозунгов, а осуществление результатов, противоположных им; 3) социальная пирамида русского общества осталась нетронутой. Она скорее удлинилась, чем сократилась. Переменились лишь жильцы разных этажей пирамиды, но за последние полтора года и здесь появилась реставрация: выкидывание сверху рабочих и подъем наверх «буржуев»; 4) равенство — правовое и экономическое — не увеличилось, а уменьшилось; 5) эксплуатация не ослабела, а усилилась; 6) объем свободы страшно сократился; 7) деспотизм власти возрос; 8) разрушено народное хозяйство, а не капитализм; 9) вместо создания более совершенной системы общества под именем коммунизма и государственного капитализма был введен архаический строй государственного рабства, характерный для древних деспотических организаций. *Вместо коммунистического строя происходит реставрация частнокапиталистической системы;* 10) *вместо «мира» революция дала зверскую войну, опустошившую страну и обескровившую население;* 11) *вместо «хлеба» — голод, вымирание и людоедство;* 12) *вместо коммунизма полное дискредитирование коммунизма — как системы общества и хозяйства, как идеологии и как практического идеала;* 13) *создала стихию индивидуализма, частной собственности и класс новой деревенской и городской буржуазии, совершенно иммунитетный к идеологии коммунизма и ненавидящий ее;* 14) *вместо «диктатуры пролетариата» — уничтожила пролетариат России, вместо власти трудящихся преподнесла неограниченную тиранию;* 15) *вместо Интернационала — клику авантюристов, расхищающих остатки золотого фонда России, беспринципных антропидов, сеющих ненависть, вражду и новые бедствия.* Таков сжатый бухгалтерский подсчет новых «завоеваний великой революции». Радуйтесь, господа апологеты этой прожорливой особы! Что касается меня — я возвращаю билет на вход в ее лоно и отказываюсь от чести быть ее рыцарем.

Мой «бухгалтерский» баланс «завоеваний» не только нашей революции, но и всех «великих» по пролитой крови революций привел меня к определенному итогу, гласящему: *«Величайшими эпохами реакции в истории любого народа являются эпохи глубоких революций, а величайшими реакционерами — величайшие диктаторствующие революционеры».* Все это, как и все выше- и нижеследующее, относится к кровавым революциям, и чем они кровавее, тем эти отрицательные результаты больше. К бескровным революциям все это не относится. (Книга по социологии революции, где это будет показано, мной готовится к печати.)^{33*}

Это звучит парадоксально, но верно. Все дальнейшее будет новым подтверждением сказанного.

3. Изменения в экономической области

Здесь итог ясен и краток. Мы, современники и актеры этих лет, представляем то поколение, которое в 8 лет умудрилось промотать 60–70% всего достояния, накопленного предыдущими поколениями. Мы «славно били стекла», с размахом, разухабисто, основательно. Не беда, если бы за эту «гульбу» наказание несли мы сами: мы его заслужили.

Но увы! Грех отцов ляжет грузом на плечи грядущих поколений. Им придется расплачиваться за наш бесшабашный разгул. Вот когда вещами становятся слова поэта:

И прах наш с строгостью судьи и гражданина
 Потомок оскорбит презрительным стихом.
 Насмешкой гордою обманутого сына,
 Над промотавшимся отцом^{34*}.

И оскорбит по праву... Но к делу. Оно вкратце таково.

Мы сейчас много слышим от ряда наивных или лицемерных иностранцев об улучшении экономического положения России. Если судить об этом по виду Москвы и Петрограда, изучаемому из окон отеля или со слов любезного правительственного «гида», такой вывод будет вполне естественным.

От этого он, однако, ничуть не делается верным.

Верным было и остается утверждение, гласящее: за годы революции народное хозяйство России разрушено «вдрызг». Оно продолжает разрушаться и сейчас. Введение новой экономической политики замедлило, однако, темп этого разрушения, кое-где даже дало симптомы его остановки, но только кое-где и симптомы ненадежные. Я не сомневаюсь, что предоставление свободы частной инициативе, юридическое введение частной собственности и ее правовых гарантий повлекло бы сравнительно быстрое возрождение экономической жизни страны. Но увы! Власть, давши маленький простор «личному стимулу», не дает ему развернуться, душит его и потому мешает ему дать свои положительные следствия.

Нижеследующие данные — взятые из официальной статистики — четко рисуют положение дел. (Официальная статистика в разных изданиях дает разные цифры. Привожу более вероятные.)

Сельское хозяйство

Посевная площадь по сравнению с довоенной нормой составляла:

в 1920 г. лишь	55–60%
в 1921 г.	50%
в 1922 г.	40–45%

Голод в 1922–1923 гг. не дает оптимистических надежд на ее расширение и в наступающем году.

Урожайность. Она пала и продолжает падать.

Сбор с десятины:

ржи	в 1909–1913	был	53,9 пуда
ржи	в 1920	—	33,7 пуда
озимой пшеницы	в 1909–1913	—	62,3 пуда
озимой пшеницы	в 1920	—	32,7 пуда
яровой пшеницы	в 1909–1913	—	50,7 пуда
яровой пшеницы	в 1920	—	28,5 пуда

В 1921 г. урожайность еще более пала. В 1922 г. она несколько повысилась, но ничтожно и не везде.

Мудрено ли поэтому, что вместо 7 009 331 600 пудов валового *сбора* всех зерновых хлебов и картофеля (в переводе на зерно) в 1909–1913 гг. и 4 498 507 000 пудов чистого сбора на территории современных советских республик было собрано:

в 1920 г. лишь	2,1 млрд пуд.
в 1921 г.	— 1,9 млрд пуд.
в 1922 г.	— 1,8–2 млрд пуд.

Россия, раньше вывозившая за границу 650 млн пудов, теперь голодает, вымирает и дошла до людоедства.

Сходное видим и в области *животноводства*. К 1921 г. крупный рогатый скот сократился на 50% по сравнению с довоенной нормой, молодежь — на 50–60%, число свиней — на 60%, овец — на 70%, лошадей — на 50–60%. Племенные рассадники уничтожены, производители съедены, 30% всех крестьянских хозяйств безлошадны. В голодающих областях картины еще мрачнее.

Славно поработала Октябрьская революция!

Сбор <i>льна</i> был:	в 1913 г.	31,9 млн пуд.
	в 1920 г.	2,0 млн пуд.
	в 1921 г.	1,5 млн пуд.

Сбор *хлопка* равнялся в 1916 г.: 12 млн пуд.
 в 1919 г. 4,5 млн пуд.
 в 1920 г. 3,2 млн пуд.
 в 1921 г. 1,0 или даже 0,7 млн пуд.

Свеклосахарная промышленность в еще худшем положении.

Принимая площадь посева и величину производства сахара в 1914–1915 гг. за 100, мы получаем:

	1914–1915	1918–1919	1919–1920	1920–1921
Посевная площадь	100	59,0	55,6	25,9
Производство сахара	100	19,3	4,6	5,3

В 1921–1922 гг. жизнь была также «не сладкой».

Производство *сельскохозяйственных машин* составляло:

в 1914 г. 44,8 млн руб.
 в 1920 г. 2,8 млн руб.
 в 1921 г. 2,1 млн руб.

Сбор *шерсти* составлял в *довоенное время* 6 млн пуд., в 1921 г. — 0,6–0,7 млн пуд. (3 млн пуд. по другим источникам).

Сбор *пеньки* составлял в *довоенное время* 20 млн пуд, в 1921 г. — 3 млн пуд.

Из этих цифр картина совершенно ясна.

Промышленность

Продукция *всей промышленности* равнялась в довоенное время 4,5 млрд зол. руб. в 1921 г. — 650 млн зол. руб., т. е. 15%.

Добыча *угля* равнялась в довоенное время 1,8 млрд пуд.

в 1920 г. 0,45 млрд пуд.
 в 1921 г. 0,5 млрд пуд.
 в 1-ю пол. 1922 г. 0,32 млрд пуд.

Причем, самопотребление угля на коях раньше не превышало 7–8%, теперь достигает 48%.

Добыча *нефти* в довоенное время составляла 526 млн пуд.

в 1920 и 1921 гг. 230–242 млн пуд.
 в 1-ю пол. 1922 г. 300 млн пуд.

Выплавка *чугуна* в 1914 г. была 249,4 млн пуд.

в 1921 г. 7,5 млн пуд.
 в 1-ю пол. 1922 г. 5,4 млн пуд.

Добыча *железной руды* в довоенное время составляла 550 млн пуд.
в 1921 г. 13 млн пуд.
в 1-ю пол. 1922 г. 11 млн пуд.

Добыча *меди* в 1921 г. составляла лишь 6% довоенной нормы.

В *хлопчатобумажной промышленности* в 1921 г. работало лишь 12% веретен (довоенной нормы), и то неполное время.

В 1922 г. здесь намечилось некоторое улучшение. В первое полугодие 1921 г. было произведено 119 млн аршин тканей.

Льняная промышленность в 1921 г. сократилась на 75% и вернулась к норме 50–60-х годов XIX века.

Химическая промышленность в 1922 г. составляла 15% довоенной нормы.

Добыча *золота* равнялась в довоенное время 3774 пуд.
в 1920 г. 109 пуд.
в 1921 г. около 84 пуд.

Добыча *платины* равнялась в довоенное время 299 пуд.
в 1920 г. 21 пуд.
в 1921 г. 12 пуд. 35 ф.

Транспорт тоже «налаживается»:

в довоенное время мы имели 19 000 паровозов, теперь — 7 000, в довоенное время мы имели 473 000 вагонов, теперь — 195 000.

Государственные финансы умопомрачительны.

До 1 янв. 1922 г. выпущено бумажных денег на 7 трил. руб.

к 1 мая 1922 г. на 124 трил. руб.

к 1 ноября 1922 г. на 1302 трил. руб.

С 1 октября по 31 декабря 1922 г. предполагается выпустить еще около 1800 трил. руб.

Итого за год эмиссия грозит дойти почти до 3 квадрильонов! Стабилизруется и рубль. Еще в начале сентября 1922 г. 10-рублевый золотой стоил около 25 млн сов. руб., 26 октября он стоил уже 125 млн.

В переводе на золото, однако, вся эта квадрильонная бумажная лавина стоит всего 40–100 млн зол. руб. Таково все национально-денежное богатство России. Денежная душевая норма теперь составляет около 1–2% довоенной денежной нормы!

Торговля. С введением нэпа она оживилась, но по-прежнему ничтожна по сравнению с довоенным временем. Иллюстрацию дает внешняя торговля России. Ввоз из-за границы составлял:

в довоенное время	1 139 600 000 зол. руб.
в 1921 г.	248 500 000 зол. руб.
в 1-ю пол. 1922 г.	279 200 000 зол. руб.

Вывоз за границу составлял:

в довоенное время	1 501 400 000 зол. руб.
в 1921 г.	20 200 000 зол. руб.
в 1-ю пол. 1922 г.	24 800 000 зол. руб.

Материальное положение крестьянства в 1921–1922 гг. резко ухудшилось. В голодных областях оно ужасно. Но невесело оно и в неголодных районах. Замена разверстки продналогом не облегчила положение крестьянина. Теперь с него «дерут» семь шкур в виде множества налогов и повинностей. Ободранное крестьянство снова перед нами!

Материальное положение рабочего класса видно из цифр его заработка. До войны средний месячный заработок рабочего равнялся 21 руб. 25 коп.; в 1920 г. — 2 руб. 70 коп., в 1921–1922 гг. — от 2 до 7 руб.

Прибавьте к этому рост безработной армии, сейчас уже превышающей 1 000 000 человек, абсолютно безвыходное их положение, и картина будет вполне ясной!

Опыты «коммунизации» и «государственных капитализмов» разорили страну.

Такое положение дел волей-неволей заставило коммунистов «бить отбой» и начать заманивание капитала. Отсюда — новая экономическая политика, денационализация мелкой и средней промышленности, щедрое обещание аренд, концессий, распродажа России и готовность предоставления капиталистам львиных выгод и процентов без «признания собственности», но с правом пользования, владения и распоряжения на 50 и даже 99 лет. Это у нас называется непризнанием собственности! Но увы! Капитал, который так рьяно разрушали, не идет, несмотря на все приманки. Из предприятий, предназначенных к аренде, сдано не больше 70%, причем взяты в аренду предприятия небольшие, главным образом, мельницы, хлебопекарни и т. п., не требующие вложения капиталов. Основным мотивом их аренды был мотив «снятия жира», т. е. разграбление остатков сырья, инструментов и машин арендаторами в свою пользу. Общее число рабочих на этих предприятиях очень невелико. Часть этих договоров теперь снова расторгается.

О крупных и больших концессиях, где требуется вложение капитала, пока говорить серьезно не приходится.

В итоге этой политики «назад к капитализму», введшей снова в игру выключенный стимул личного интереса, замечается некоторое оживление торговли, производительности в деревне, не постигнутой голодом, в мелкой промышленности, освобожденной от цепей национализации, но все это в размерах скромных. Бесправный режим и система производства тормозят возрождение экономики.

Что же касается крупной индустрии, пока еще не денационализированной, то она продолжает разрушаться и приносить все больший дефицит, словом — агонизирует.

Система «государственных трестов» (т. е. государственных богаделен и синекур для коммунистов и спекулянтов, где они, в качестве членов правления, получают громадные оклады, но не несут — в отличие от предпринимателя — риска, куда поэтому попало много дезорганизаторов, а не организаторов хозяйства, где нет стимула к энергичной работе, ибо оклад обеспечен, а риска нет), эта система успешно способствует этой агонизации.

Бесконечное число органов, «регулирующих» хозяйство, — Советы народного хозяйства, Совет труда и обороны, Госплан, Всерос. совет проф. союзов, Совнарком и наркоматы и т. д. с невыясненностью и столкновением их функций, с патриотизмом своего ведомства, стремящимся «подставить» ножку другому ведомству, с взаимной борьбой и антагонизмом, — все это еще сильнее ухудшает и без того безнадежное состояние национализированной тяжелой индустрии и ведет ее к вымиранию.

Этот результат становится теперь понятным и нашим «гениальным» вождям и «организаторам» развала хозяйства. Итогом его может быть лишь один выход: *денационализация, упразднение или сокращение функций всех этих государственных органов «регулирования» хозяйства, ограничение самих экономических функций государства и власти, признание собственности (не только фактическое, а и юридическое), т. е. полное возвращение к старому.*

Лично я не сомневаюсь в том, что в течение 1–1,5 года это будет иметь место, если не будет войн и катастроф.

Таким образом, и здесь мы имеем одни только потери и никаких приобретений. Одно разрушение без продуктивного, развивающего хозяйство страны творчества. Общее обнищание, голод, вымирание — словом, развал.

Едва ли после этого опыта можно повторять: «Дух разрушающий есть и дух созидующий»^{35*}.

После всех понесенных потерь и гибели хозяйства, в чем сами коммунисты вынуждены видеть спасение? — В восстановлении капитализма.

Это значит, что их выдуманные, «рациональные» рецепты по сравнению с бессознательно сложившейся, но гениальной по своей тонкости и целесообразности системой «капиталистического» общества решительно никуда не годятся. Это не значит, что последняя идеальна, а значит, что по сравнению с ходячими, выдуманными системами общества и хозяйства господ коммунистов и многих социалистов она несравненно лучше и совершеннее.

Это многим было известно раньше. Но нужно было распятие России, чтобы поняли это и много других «верующих». Было бы поистине жаль, если бы опыт не был усвоен.

Что касается России, то она его усвоила и теперь надолго гарантирована от повторения подобных экспериментов. С нее довольно... Пусть теперь попробуют это делать другие, те, кто не усвоил урока. После опыта и они поймут великолепно эту простую истину.

4. Положение власти

Здесь не место доказывать, что коммунистический строй у нас установился не случайно. Как я доказываю в ряде своих статей и работ (см. мои статьи «О влиянии войны», «О влиянии голода» в «Экономисте» за 1922 г., «Милитаризм и коммунизм» в «Артельном деле» за 1922 г., мою книгу «Голод как фактор» и особенно в приготовляемой к печати работе о «Коммунистическом обществе, его основных чертах, его опытах в прошлом, причинах и следствиях») ^{36*}, тот строй общества, который мы имеем эти годы, имел не раз место в истории разных народов, от Египта и Ассирии-Вавилонии, Спарты и Рима, Византии и ислама до строя инков, таборитов, государства иезуитов, Франции времен революции и Наполеона, Австрии Иосифа II, Пруссии Фридриха II, России Петра I Великого ^{37*} и т. д. Разной была только степень приближения этих обществ к предельному коммунистическому обществу.

Основными причинами — родителями — такого общества были всегда две причины: *война и голод* и обеднение масс при наличии имущественной дифференциации. *Чем сильнее (при прочих равных условиях) количественно и качественно поднимались «независимые переменные» войны и голода, тем резче деформировалась общественная организация в сторону так называемого коммунистического, или этатического, или государственно-капиталистического типа с полной централизацией, неограниченным объемом*

опеки, вмешательства и регулировки властью поведения и взаимоотношений граждан, с ничтожным объемом автономии поведения последних, иначе говоря, тем сильнее область публично-правовых отношений вытесняла из всей области отношений долю отношений частноправовых.

Мы на протяжении всей истории были народом милитарным, воевавшим много, часто и в большом масштабе. Мы же на протяжении нашей истории были народом голодным, не вышедшим из полосы хронических голодовок даже в XIX и XX веках.

Мудрено ли поэтому, что уровень этатизма, или коммунизма, у нас стоял всегда высоко. Он выражался в гипертрофированной централизации старого режима, в его абсолютизме и деспотизме, в отсутствии у нас автономии лиц и групп, в отсутствии «свободы и прав личности».

Мировая исключительная война с последовавшими за ней расстройством экономической жизни, недоеданием и голодом, повышением уровня этатизма, или военно-голодного коммунизма, во всех воюющих странах должны были у нас довести его до максимума. Ибо мы дольше всех воевали и понесли максимальные потери, ибо у нас сильнее всего развалилась экономика, ибо, наконец, посева войны и голода у нас пали на подготовленную всей нашей историей благоприятную почву.

Эти силы определенно поворачивали «маховое колесо» истории в сторону этатизма-коммунизма^{38*}, и последний должен был расцвести у нас пышным цветом. Он был «плоть от плоти, кость от кости» всей нашей истории, отмеченной печатью голода и войны, а следовательно, и их «функцией» — этатизмом-коммунизмом.

Так и случилось. Особенно интересно и назидательно здесь то, что начало коммунизации-этатизации и в политической, и правовой, и экономической области было положено руками царского правительства (военные положения, ограничения прав личности, права собственности, частной торговли, контроль промышленно-торговых дел, права реквизиции и национализации с 25 октября 1915 г. и т. д.^{39*}). «Рубикон» был перейден еще им. Шуйца царских министров по приказу истории делала то, что отрицала их десница.

Война и голод росли. Сильнее поворачивалось и колесо истории в сторону этатизма-коммунизма. Царское правительство не поспевало за процессом, пыталось сопротивляться и... было отшвырнуто.

Временное правительство в лице своего высшего экономического совета и министерства продовольствия продолжало линию этатизации-коммунизации. При нем, особенно в области экономической, были установлены все начала принудительного коммунизма. И здесь Вре-

менное правительство делало то, чего оно само субъективно не хотело. Большевикам ничего нового не пришлось вносить, кроме введения классового пайка да дальнейшей уравнительно предельной централизации и коммунизации. Все главное было сделано до них и без них.

Но и Временное правительство отставало. Оно, как и царское, противилось дальнейшему росту этатизации, коммунизации и поравнения. Наряду с этим, оно пыталось управлять демократически, а не деспотически, что требовалось историей.

За это «противоречие» повороту исторического колеса было отшвырнуто и оно. Власть должна была перейти к тем, кто этому повороту не противодействовал.

Такой группой стали большевики. Они «гениально примазались» к историческому процессу. Они были рупором конвульсии общества, вызывавшейся войной и голодом. И они победили... Не могли не победить. Поступи по их методу царизм — он не только не был бы сброшен, он вышел бы более сильным и абсолютным из переделки. Вынесенная «маховым колесом» истории — войной и голодом — власть большевиков в это время действительно опиралась на плечи огромных солдатских, рабочих и крестьянских масс. Она действительно была солдатско-рабоче-крестьянской властью.

Началась оргия этатизации, национализации, коммунизации... Это был ужас... разгром... гибель... Но власть шла в ногу с историей и с голодом последней, олицетворявшимся «голосом народа».

Так дело шло до 1919 г.

К этому времени все было поделено и «поравнено», вплоть до последней пары белья и столовой ложки. Старая буржуазия погибла. Имущественная дифференциация (кроме самих коммунизаторов) исчезла. Настало равенство в общей бедности.

Этот факт исчезновения имущественной дифференциации был первой «независимой переменной», толкавшей колесо истории в обратную сторону. Ибо (прошу это принять на веру) голод и нищета только при наличии имущественной дифференциации имеют своей «функцией» деформацию общественной структуры в сторону этатизма-коммунизма. (Отсюда понятно, почему все эпохи коммунизации вызывали в виде реакции декоммунизацию таких обществ, если они не погибали в этой переделке).

Бесшабашная коммунизация сама таким путем приводила к гибели «коммунизма». Этот поворот колеса выразился в росте недовольства тех же масс режимом и Советской властью. Начались бунты и восстания

рабочих, солдат и крестьян. Они росли и множились. Беспощадный террор не мог задушить и остановить их. Не будь продолжения гражданской войны — ультиматум истории, поставленный позже Советской власти, был бы поставлен раньше. Но война задерживала его и вместе с тем замедляла «вырождение власти», начавшееся с момента окончания «передела». С этого времени именно началась дегенерация «рабоче-крестьянской» власти в простую тиранию, потерявшую половину своей народной опоры. В 1920 г., наконец, кончилась и война^{40*}... отпала вторая причина, толкавшая колесо истории в сторону коммунизма. Начался обратный поворот и... началась окончательная трагедия коммунизма и советовластия.

История теперь поставила решительный ультиматум «гениально примазавшимся» проходимцам. Он гласил: «или декоммунизируйся, или будешь сброшен», как были сброшены предыдущие правительства, пытавшиеся сопротивляться повороту колеса в сторону коммунизма.

Сначала власть пыталась противиться неизбежному... Но колесо с роковой силой поворачивало обратно, поэтому бунты и мятежи — крестьянские, рабочие и матросские (Кронштадт)^{41*} — росли. Они стали угрожающими, и... власть отступила. Нашлась. Опоздай она в своем сопротивлении еще на несколько месяцев — ее судьба была бы решена...

Ультиматум был принят, и началась... декоммунизация, концессии, аренды, продналог и... новая экономическая политика. Началось отступление по всему фронту коммунизма. Начали «сжигать то, чему поклонялись, и поклоняться тому, что сжигали»^{42*}. Приступили к восстановлению капитализма, требуемого историей. За год сдали все позиции коммунизма... Теперь его нет... остался лишь его перегар и копоть...

Власть отставала и отстает от требований истории, но не очень... В этом секрет ее существования до сих пор...

Но чем дальше, тем более это отставание растет и вырождение продолжается, ибо не всякий разрушитель может быть созидателем, а затем — неудача всего коммунизма, естественно, отшатнула от власти и остатки народных масс.

Сейчас мы находимся в следующей стадии.

Мир и общая бедность энергично требуют деформации общества в сторону антиэтатизма. Нужно энергичное восстановление народного хозяйства. Нужен частный капитализм и правовой строй как его предпосылка.

Основное препятствие к этому — власть и ее тиранически-идиотская политика. Власть сама по себе уже препятствие, ибо ее преступления не забыты, ее вероломства известны, доверия к ней нет, капиталы при ней не идут, серьезная организация производства, требующая вложения капиталов, невозможна. Далее, ее тупоумная и бандитская политика «защиты своих интересов» и «своего бытия» все более и более связывает хозяйственное возрождение и разрушает остатки национальных богатств.

Власть помимо желания тормозит поворот колеса истории, стала противоречием ходу исторического процесса, а потому? А потому сейчас 97% населения ее ненавидят. А потому... эта ненависть все более и более растет. А потому... *бьет последний срок ультиматума истории: в течение 2–3 лет она должна или безоговорочно водворить капитализм, отказаться от террора, деспотизма и ввести правовой строй, или... она будет свергнута, как ее предшественники.*

Что власть изберет, я не знаю. Но знаю, что *если вновь не будет войны и будет расти сытость*, сказанное случится...^{43*} От этого не спасет ее ни 400-тысячная армия преторианцев — отрядов особого назначения, — ни армия курсантов. Знаменательно то, что и здесь уже начали загораться огоньки мятежей. Не удивлюсь, если власть — в случае отказа решительно идти на самоуничтожение — будет сброшена именно штыками этих отрядов. История умеет выкидывать злые шутки.

Если же власть категорически примет ультиматум — то и этот выход не устраняет, а только отсрочивает ее падение. Достаточно будет водвориться начаткам правового строя, появиться одной вольной газете, ослабеть террору... и на другой день власть будет забаллотирована или устранена небольшой группой заговорщиков, опирающихся на общее сочувствие народных масс. Такова трагическая дилемма, перед которой очутилась власть, дилемма, в обоих случаях сулящая ее падение. С той лишь разницей, что в первом случае мы пойдем к ее ликвидации путем, способным при достаточной гибкости власти растянуться на 4–6 лет, во втором — «революционно-анархическим» путем. Только война или какая-нибудь мировая катавасия могут спасти ее...

Такова динамика истории и ее «философия» за эти годы... Начав с «ореола рабоче-крестьянской власти», гениально-примазавшаяся группа проходимцев истории кончила дегенерацией и неслышанным позором и бесчестьем.

Россия ненавидит ее сейчас сильнее, чем старый режим в самые бесславные времена последнего. Да и за что любить ее какому бы то ни было классу! Исполнила ли она хотя бы одно из своих заманчивых обещаний?

Она дала вексель на постройку нового идеального общества. Вместо этого в крови и пожаре построила душную казарму, нищую, разбойничью, деспотическую, в которой население задыхалось и вымирало. Дано было обещание освободить трудящиеся массы от эксплуатации. Вместо этого осуществили государственное рабство, в тысячу раз превосходящее эксплуатацию частнокапиталистического общества. Прокламирована была «диктатура пролетариата». На ее месте оказалась диктатура авантюристов, вышедших из буржуазных семейств, никогда не работавших на заводе (Ленин, Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Красин, Радек и т. д. — все из буржуазных семей) и не имеющих ничего общего — ни по жизни, ни по воззрениям, ни по вкусу, ни по стремлениям — с пролетариатом. Обещано было равенство. Вместо него выросло небывалое неравенство, сверхимператорские привилегии власти и бесправие всего населения. Крестьян поманили землей и якобы дали ее им. Извините, земля помещиков была захвачена крестьянами до Октябрьской революции, а большевистское «наделение» землей сами крестьяне оценили в следующей поговорке: «Большевики нам сказали:

Земля-то ваша,
А что с нее, то наше.

Ту же мысль народ выразил и в следующей переделке «Интернационала»:

Лишь мы, работники всемирной,
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но урожаем — никогда.

Действительно, весь урожай, временами вплоть до последнего зерна, власть отбирала и отбирает. Не легче положение крестьян и сейчас. С них дерут десять шкур: надо же как нибудь добывать средства на мотовство власти, на сотни тысяч ее агентов, на роскошь заграничных послов, на поддержку сотен коммунистических газет, на III Интернационал, на подкупы, на небывалое воровство и т. д. Народу была обещана сытость. Народ получил голод и... бифштекс из ребенка. *Urbi et orbi*^{44*} провозглашено было просвещение народа. Вместо этого произошла «ликвидация грамотности» (см. ниже). Обещан был «мир». Народ получил зверскую гражданскую войну и миллион убитых. Прокламировано было экономическое развитие страны. Оно свелось к полному разгрому всего народного благосостояния. Утешали страну введением свободы.

Она выразилась в терроре, в ЧК, в сотнях тысяч расстрелянных и в полной опеке мысли, слова и действия.

Вместо духовного процветания одарили невежеством, преступностью и развратом. Вместо отстаивания национальных интересов дали раздел России и потерю ее территорий. Укрепили национальную культуру? — Сделали все, чтобы затоптать и уничтожить ее в пучине «интернационализма». Разрушали традиции, просвещение, церковь, религию, поэзию, интеллигенцию, культурные силы, семью — словом, сделали все, чтобы вытравить из истории лик России и русского народа. Их распинали всячески. Приносили в жертву всему, вплоть до Кемаль-паши и Афганистана, до армян и болгар^{45*}. В завершение всего стали продавать Россию оптом и в розницу, первому капиталисту, который согласился бы дать им несколько тысяч рублей... И так всюду... и тот же сплошной дефицит, одни голые минусы в любой области...

За что же любить такую власть? И как же ее не ненавидеть народу, на своей спине понявшему эти истины...

«Приходи хоть сам черт — и то будем рады», — так формулируется народом любовь к современным трагическим шутам истории...

Четырех лет оказалось достаточно, чтобы выявилась всему миру подлинная природа этих мнимых «вождей человечества»...

Не «герои», а просто жалкие скоморохи, сплошь измазанные кровью... человеческой кровью... человеческой...

(Пользуюсь случаем ответить кратко гг. «сменовеховцам»^{46*}. В газете «Накануне» они, после моих докладов в Берлине и Праге, принялись без меры лгать и инсинуировать по моему адресу. В частности, г. Дюшен пишет, что «четыре года раскаявшийся Сорокин держал обет молчания», что, как только попал за границу — «его прорвало» («Накануне», № 175.)

1. Сорокин в своем письме^{47*} решительно ни в чем не каялся перед Советской властью и не говорил в нем ни одного слова похвалы по ее адресу.

2. Письмо было написано не из тюрьмы, а на свободе. Тюрьма пришла позже^{48*}.

3. Г-н Ленин и большевики сделали из него «шум» — это их дело^{49*}. Я же ни словом, ни действием для этого «шума» и их лживых комментариев повода не давал. Запретить их — я не мог.

4. Все 4,5 года моего пребывания в России я не молчал, а говорил — устно и печатно — буквально то же самое, что говорил в докладах и говорю в этой книжке. Я знал, что мне за это грозит, но... говорил, ибо

видел в этом свой долг. *Вот это-то и дает мне моральное основание говорить, а не молчать за границей.* Г-н Дюшен хочет доказательств? — Их больше чем нужно. 1) Пусть он раскроет I—II тт. моей «Системы социологии», написанные и изданные в 1919–1920 гг., в годы террора. Там — в тексте и в примечаниях — он найдет черным по белому напечатанным все то, что я говорю здесь. Если же он раскроет другие мои статьи, напечатанные за эти годы в «Экономисте», в «Артельном деле», «Утренниках», «Вестнике литературы», там он найдет все, вплоть до определения «сменовеховцев» («паразиты паразитов»^{50*}). 2) Десятки аудиторий, вплоть до публичных коммунистических митингов, могут хорошо удостоверить, как я «молчал». О том же могут свидетельствовать и гг. «красные профессора» (энтели, святловские, серебряковы, боричевские т. д.). 3) Еще резче об этом «молчании» говорят десятки статей «Красной газеты», «Петроградской правды», «Известий», «Под знаменем марксизма», где гг. коммунисты, начиная с «самого» Ленина, обрушивались на меня в специальных статьях всевозможной бранью («лидер самой непримиримой части профессуры», «крепостник», «дипломированный лакей поповщины», «идеолог контрреволюционеров», «советский П. Струве» и т. д. и т. д.)^{51*}.

Очевидно, такое внимание, и такие эпитеты, и столь много специальных статей обо мне «молчанием» не могли бы быть вызваны. Почему отстранили меня от преподавания и, наконец, выслали? Тоже за молчание?

Если гг. из «Накануне», их «кормильцы» и «сродственники» немножко желают считаться с фактами, они впредь не будут повторять свой вздор. Если же они предпочитают гегелевское «тем хуже для фактов» (но *quod licet Jovi, non licet bovi*^{52*}), то пусть себе врут на здоровье. «Мели Емеля — твоя неделя». По человечеству поведение этих лакеев понятно, ибо «всякий пес должен охранять господина своего, лаять на его врагов» и тем зарабатывать себе кусок хлеба.)

Не всегда ли так бывает при кровавых революциях? Изучите внимательно подлинное лицо последних и вы увидите, что... почти всегда.

И. Тэн это хорошо понял. Мы, не понимавшие раньше, теперь поняли, после пяти лет пристального смотрения в лицо сфинкса Революции, после многих могил, после «ума холодных размышлений и сердца горестных замет».

Многие, не видевшие это лицо вблизи, еще не понимают. И, пожалуй, не поймут до тех пор, пока сами не испытают...

Тогда поймут...

5. Политическая жизнь и партийные группировки

О политической жизни в западноевропейском смысле слова говорить не приходится. Раз нет ни одной неправительственной газеты, раз нельзя устроить ни одного политического собрания, союза, общества, то, конечно, легальное проявление политической активности исключено. Нелегальное же затруднено до максимума беспощадным террором и хорошо организованным сыском.

На поверхности общественной жизни видна только коммунистическая партия, ее организация, бесчисленные митинги, ее газеты и устраиваемые ею собрания и заседания. Публика на последние сгоняется в принудительном порядке под страхом больших и малых наказаний за неявку... Выступить с критикой власти на таких собраниях — значит идти на арест. Голосовать против заранее заготовленной резолюции — значит очутиться в ЧК или ГПУ. С другой стороны, голосовать «за» резолюции коммунистов аудитория обычно не хочет. В силу этого установилась весьма оригинальная практика, объясняющая «секрет» «единогласно вынесенных» коммунистических резолюций; обычно следует вопрос: «Кто против?» Так как «против» поднять руку опасно, то собрание молчит. «Резолюция принята единогласно», — следует решение власти. Допусти тайное голосование — резолюция была бы единодушно отвергнута. Спроси председатель: «Кто за?» — не поднялось бы также ни одной руки. Но эта проформа признается вредной и потому обычно ограничиваются вопросом «кто против?»

Так фабрикуются у нас «единогласные» резолюции.

Однако не всегда так благополучно дело кончается. Аудитория иногда не выдерживает, и ее «прорывает». Находятся смельчаки, которые под общее сочувствие аудитории выступают с резкой критикой. Временами и сама аудитория «бунтует», протестует, обкладывает агентов власти крепкими словами. Изредка дело кончается стаскиванием с трибуны правительственного оратора. Понятно, такие смельчаки и аудитории платятся за это: арестом, ссылкой, а раньше... расстрелом... В последнее время такое неповиновение проявляется чаще и чаще... И в деревнях, и в городах. Не раз случались большие неприятности с самими «вождями» коммунизма. Все это заставило их стать более осторожными. Большие собрания устраиваются теперь только тогда, когда приняты меры предосторожности, т. е. когда обеспечено присутствие на собрании достаточного штата сыщиков и преторианцев власти, заставляющих собрание вести себя тихо и в случае эксцессов способных тут же вме-

паться. Население на такие меры начинает отвечать... непосещением собраний. Это явление становится массовым, несмотря на репрессии, и делает самые репрессии все более и более неприменимыми: все 100 миллионов населения не посадишь в тюрьму...

Такое удушение политической активности вызывает к жизни и другое явление: превращение самых деловых собраний в маленькие политические демонстрации, с одной стороны, с другой — рост искусства выражать лояльно самые нелояльные чувства. Аудитория изощрилась в понимании речи: простого намека достаточно, чтобы слушатели вас поняли.

Следует отметить, что публика в последнее время «смелее». Давно ли еще считалось опасным называть друг друга «господином», а не «товарищем». Теперь и в трамвае, и в собраниях вы сплошь и рядом на название «товарищ» слышите: «Какой я вам товарищ! Убирайтесь со своим “товарищем” к черту!» Слово это стало ругательно-ироническим. Еще более это относится к таким словам, как «коммунизм», «Интернационал» и т. п.

Всякий кредит партии коммунистов потерян. Ни одному благому обещанию их не верят. И обратно, все антиправительственное и антикоммунистическое ловится жадно, чутко, лихорадочно.

Всякая неудача власти, даже там, где она бьет само население, вызывает радость, злорадство, веселье. Провал в Генуе и Гааге доставил немало приятных минут^{53*}. Словом, все корни этой партии исчезли. Ниже я подробнее остановлюсь на этом.

Теперь перехожу к характеристике политических группировок современной России.

Первое, что здесь следует отметить, это *исчезновение старых партийных водоразделов*. Все старые партии, по существу, кончились и потеряли свой вес и значение. Если не считать ничтожного круга лиц — верных старому, — то теперь нет ни старых монархических, ни старых социалистических партий. Действительность столь существенно изменилась, что в старом виде все партии перестали существовать. Партия социал-демократов-меньшевиков — кончилась потому, что не стало пролетариата — оставшаяся часть его деклассировалась, — и потому, что социализм вызывает к себе резко отрицательное отношение. С правом или без права, грехи коммунизма сваливаются и на социализм. По той же причине потеряла почву и партия социалистов-революционеров. Крестьянство — класс, на который эта партия опиралась, — в итоге коммунистической революции стало резко антисоциалистическим,

сделалось поборником собственности и... консервативности. «Социализация земли» теперь для него одиозна, неприемлемы и другие пункты старой программы с.-р. Последней приходится или резко измениться, расставшись с социалистически-революционными пунктами программы, или... стать политически бессильным кружком... Партия кадетов исчезла потому, что в значительной мере исчезли те средние интеллигентные слои, идеологом которых она являлась. Непригодными стали и другие пункты этой партии, рассчитанные на совершенно другие условия. Октябристы и торгово-промышленная партия кончились потому, что не стало ни класса крупных землевладельцев, ни старой буржуазии, интересы которых они представляли. Партии монархистов исчезли потому, что не стало монарха, раз, субсидий и привилегий, два, но исчезла еще и одиозность к старому режиму, три. Но если монархисты и будут существовать, то совершенно преобразившись; раньше они не обязаны были привлекать сочувствие населения заманчивыми пунктами программы и хорошим содержанием ее по существу: правительственные субсидии и поддержка заменяли все это. Теперь нет ни субсидий, ни поддержки. Теперь нужно завоевывать симпатии населения, а завоевать их диким содержанием старых программ нельзя, нужно резко их изменить. Помимо всего, положение их отягчается и тем, что нет монарха и подходящего имени для этой роли.

Словом, *старые партии кончились...*

Место их теперь занято простым делением всей страны на две основные партии: на партию коммунистов с их подголосками и партию антикоммунистов, легально и политически неорганизованную. Это деление сейчас вытеснило все остальное. Оно доминирует над всем и вся.

Первая партия великолепно организована. Она имеет в своем распоряжении все финансы государства, власть, весь аппарат управления, почту, телеграф, телефон, железные дороги, весь транспорт, печать (ибо других газет, кроме коммунистических, нет), 400 000 отрядов «особого назначения», т. е. отрядов ЧК, преторианцев, содержимых за счет государства, хотя и не являющихся целиком коммунистами, отлично организованный сыск и т. д. — словом, она имеет все средства физического и духовного воздействия на массы. Не стесняясь в средствах, опираясь на беспощадный террор, используя все ресурсы государства, она управляет всей обезоруженной — духовно и материально — массой населения.

Число членов этой партии «спартиатов» сейчас исчисляется в 420 тыс. Было 600 с лишком, но за последний год часть была исключена, часть — большая — сама вышла из партии. Процент коммунистов даже

среди рабочих ничтожен. По данным Всероссийского Центрального совета профсоюзов, в октябре 1922 г. из 576 000 членов в союзе металлистов коммунистов было лишь 3612 (0,16%), в союзе текстильщиков — лишь 1–1,5%, в союзе деревообделочников — 2%, в союзе рабочих городских предприятий — 2–2,5%, в остальных союзах 1 коммунист приходится на 500–600 членов.

Про крестьянство и говорить нечего. В нем коммунистов почти нет. Эти 400 000 коммунистов состоят сплошь из самих правительственных агентов, часть коих составляют бывшие рабочие, ставшие губернаторами и теперь ничего общего не имеющие с рабочим классом. Кроме того, к ним примыкают «сочувствующие» разных толков, начиная с их рептилий — «сменовеховцев». По социальному положению последние группы состоят из подкупленных и оплачиваемых лиц и групп вроде заграничных «сменовеховцев» с их газетой «Накануне», вроде множества других хорошо наживающихся агентов Внешторга, дипломатических миссий, просто шпииков и, наконец, — часть высокооплачиваемых спецов из рядов коммунистов, разбогатевшая грабежом и потому боящаяся резкого и быстрого падения данной власти. Число всех таких сочувствующих едва ли превышает — при самом щедром подсчете — 700–800 тыс.

Общее количество всего этого коммунистического стана не больше 1 млн — 1 млн 200 тыс., т. е. меньше 1% населения.

Все остальное население прямо или косвенно находится в противоположном стане. Оно стоит в мягкой или резкой оппозиции к власти, к коммунистам и их подголоскам.

Если наивный западноевропеец спросит себя, как же возможно, чтобы один процент властвовал над 99% населения, — то ответ он получил уже выше. Приняв во внимание сказанное там, — он перестанет удивляться. Изучив историю, — он увидит много других подобных примеров; наблюдая же факты окружающей его жизни, хотя бы разгон пятью вооруженными лицами сотен невооруженных и бегство тысяч от десятка выстрелов, — он должен вполне понять такую «аномалию». Но та же аномалия говорит и о том, что такая власть и такой режим не могут быть длительными и прочными.

Коммунистов ненавидят, их рептилий, особенно «сменовеховцев», просто презирают. «Паразиты паразитов» — таково их краткое определение. На месте власти я бы не тратил столь большие суммы на их содержание. Могу заверить, что расходы совершенно не оправдываются сменовеховскими доходами. Никакой значительной поддержки власти они не в состоянии оказать; объективно же они разлагают ее.

Общая ненависть и оппозиция к власти скрепили и связали все остальное население в одну группу, начиная с монархистов и кончая социалистами. Их частные различия отодвинуты на десятый план этим общим сходством — единством врага. К тому же ведут и другие условия: проснувшееся национальное чувство, опасение за судьбы народа, свободы, просвещения, национальной и общественной культуры. Еще сильнее связывает их беспощадное преследование всех некоммунистов, всех направлений, не приемлющих власти и режима. Современные процессы против с.-р., церковников и т. д.^{54*} окончательно делают и сделали общей ближайшую основную задачу — ликвидацию власти. Находится общий язык. Монархист и демократ начинают сближаться и понимать друг друга. «Пока есть общая цель — нужно идти вместе, а там успеем разойтись», — такова современная психология этого антикоммунистического стана. Люди — в отличие от эмиграции — обращают внимание на то, что их соединяет, а не на то, что их разъединяет.

Потенциально огромная, включающая 99% населения, эта оппозиция, однако, совершенно политически не организована. Отсутствие печати и возможности устроить собрание, беспощадный террор и сыск, обезоруженность и т. д. мешают выполнить эту организацию. Остается — стихийное сплывание ее да устройство небольших нелегальных ячеек отдельными группами. Такие ячейки, разных оттенков, начиная с эсеровски-меньшевистских и кончая монархическими и особенно беспартийными, имеются, хотя и в небольшом количестве и объеме. Основное значение, конечно, принадлежит этому стихийному сплыванию, а не отдельным кружкам.

В итоге всего этого создалась атмосфера, начиненная порохом, способная при малейшем поводе взорваться. Мешает этому, помимо указанных причин, голод и истощенность населения. Нужно сначала немного подкормиться и накопить энергию... Пока этого нет, происходит стихийное давление масс на власть, заставляющее последнюю «эволюционировать», и чем далее, тем быстрее. Так, вероятно, дело пойдет и дальше... В течение 2–3 лет режим должен резко измениться, если не будет войны и новых голодовок. Если же власть будет «упираться», — она будет сброшена. В какой форме — я не знаю, да это и не важно. Если «эволюция» пойдет — конечный итог ее тот же: с водворением нового строя власть отпадет как «короста». Ее преступления население не может ни забыть, ни простить.

Сказанное объясняет, почему я не хочу ни войн, ни голода. Губя страну, они поддерживают, а не ослабляют власть. *Чем прочнее будет мир, чем*

скорее будет расти «сытость» населения, тем быстрее будет «эволюция» и тем скорее будет конец «коммунизму» и данной власти...

Кто же придет на ее место? Какой политический строй водворится? Какая партия будет у власти?

Придет на ее место власть крестьянская, и править будет новая партия – партия, выражающая интересы крестьян-собственников, партия умеренно-демократическая, с сильно выраженным мелкобуржуазным кооперативным началом.

Кто персонально будет лидером таких групп, — я не знаю. Вероятно, новые лица, ибо старые имена сильно забыты в современной России. Какой *in concreto* строй водворится: республика или монархия, и каких видов, — я тоже не знаю. Да это меня и мало заботит. Дело не в ярлыке, а в содержании. А это содержание говорит, что прочной будет только власть, осуществляющая интересы крупного крестьянства. Ее политика не может быть ни политикой старого режима, защищавшего прежде всего дворянские интересы, ни политикой новой власти, защищающей только свои интересы. «Новое никуда не годно, старое тоже нехорошо, нужно что-то среднее», — так население формулирует суть дела.

Это «среднее» и будет умеренно демократической политикой крестьянской власти. А какие она формы примет — это вопрос второстепенный. Думаю, однако, что вероятнее формы республиканские. Почему? 1) Потому, что недостатки старого режима не забыты, 2) потому, что и сейчас не видно в России сколько-нибудь значительной монархической группировки и соответствующих симпатий, 3) нет подходящего кандидата, пригодного по своим качествам занять это место в данный исключительно тяжелый момент, 4) в силу этого едва ли целесообразно и по существу связываться народу с определенной династией, 5) президент с широкими полномочиями дает все плюсы монарха без его минусов, неизбежных в таких условиях.

Эти соображения заставляют меня считать более вероятным ярлык «республики» на нашем политическом фасаде.

Если спросят меня, почему я так определенно высказываюсь за будущую власть как за крестьянскую, я отвечу: потому, что сейчас нет в России других сколько-нибудь социально весомых групп. Пролетариат и раньше составлял у нас ничтожный процент — теперь его почти нет. Крупные землевладельцы — ликвидированы. Старая буржуазия, и раньше слабая, — тоже. Новая еще не успела превратиться в значительную силу. «Средние слои и интеллигенция» — и раньше незначительные — разгромлены. Остается крестьянство, абсолютно тоже несколько

ослабленное, но относительно — по сравнению с другими слоями — усилившееся и на своих боках путем горького опыта кое-что усвоившее, в частности, понимание своих интересов, связь судьбы государства со своей судьбой и необходимость играть игру, называемую «политикой» и «борьбой за власть». Оно поняло и многое другое: свое значение и роль как класса, отличие своих интересов от интересов пролетариата и других групп, необходимость политической организации и т. д.

Почва для последней готова в меньшей мере. Редкие зародыши союзов появляются. За классовой идеологией крестьянства дело не станет. Она уже создается. Остается ждать легальных возможностей для широкой и серьезной политической организации. Она придет. А вместе с ней — и первая.

Я знаю те громадные трудности, которые стоят на пути политической организации крестьянства. Но опыт стран показывает, что они преодолимы.

В итоге в России, как и в Европе и даже в Австралии после мировой войны, можно ждать выступления на сцену политики крестьянства как новой силы и... да будет позволено сказать, «Крестьянского Интернационала» в противовес пролетарским и капиталистическим.

Это нужно, и поскольку он не будет проводить «политику диктатуры» и «пролетарского большевизма», это целесообразно. В этом Интернационале немалую роль суждено играть и русскому крестьянину.

«Сие буди и буди»^{55*}.

6. Морально-правовые изменения

«Каждый поступок и каждое слово, брошенное в этот вечно живущий и вечно творящий мир, это семя, которое не может умереть», — писал Карлейль^{56*}. В применении к данному случаю эти слова означают, что совершаемые нами действия не проходят бесследно для нас самих, но рикошетом влияют на все наше поведение. «Функция создает орган», — гласит биология. Наши поступки рикошетом видоизменяют наш организм, нашу душу и наше поведение. Тем более это относится к актам и поступкам, прививаемым войной и революцией.

И война, и революция представляют могучие факторы изменения поведения. Они «отвивают» от людей одни формы актов и «прививают» новые, передевают человека в новый костюм поступков.

Являясь противоположностью мирной жизни, они прививают населению свойства и формы поведения, обратные первой... Мир-

ная жизнь тормозит акты насилия, убийства, зверства, лжи, грабежа, обмана, подкупа и разрушения. Война и революция, напротив, требуют их, прививают эти рефлексy, благоприятствуют им всячески. Убийство, разрушение, обман, насилие, уничтожение врага они возводят в доблесть и заслугу: исполнителей их квалифицируют как великих воинов и бесстрашных революционеров, вместо наказания одаряют наградой, вместо порицания — славой. Мирная жизнь развивает продуктивную работу, творчество, личное право и свободу; война и революция требуют беспрекословного повиновения («повинуйся, а не рассуждай», «подчиняйся революционной дисциплине»), душат личную инициативу, личную свободу («дисциплина», «диктатура», «военные суды», «революционные трибуналы»), прививают и приучают к чисто разрушительным актам, отрывают и отучают от мирного труда. Мирная жизнь внедряет в население переживания благожелательности, любви к людям, уважения к их жизни, правам, достоянию и свободе. Война и революция выращивают и культивируют вражду, злобу, ненависть, посягательство на жизнь, свободу и достояние других лиц. Мирная жизнь способствует свободе мысли. Война и революция тормозят ее. «Где борьбу решает насилие — все равно: насилие ли пушек или грубое насилие нетерпимости, — там победа мудрых, положительная селекция по силе мозга и самая работа мысли затрудняется и делается невозможной».

Освободиться от этих влияний войны и революции никому не дано. Они неизбежны. Следствием их является «оголение» человека от всего костюма культурного поведения. С него спадает тонкая пленка подлинно человеческих форм поведения, которая представляет нарост над рефлексами и актами чисто животными. Война и революция разбивают ее. Объявляя — это особенно относится к революции — моральные, правовые, религиозные и другие ценности и нормы поведения «предрассудками», они тем самым: 1) уничтожают те тормоза в поведении, которые сдерживают необузданное проявление чисто биологических импульсов, 2) прямо укрепляют последние, 3) прямо прививают «анти-социальные», «злостные акты».

Вот почему всякая длительная и жестокая война и всякая кровавая революция деградируют людей в морально-правовом отношении.

К тому же они ведут и иначе: через *голод и лишения*, которыми они обычно сопровождаются. Создавая и усиливая нищету и голод, они тем самым усиливают в поведении этот стимул, толкающий голодных к разрушению множества норм морали и права в целях утоления первого.

Словом, эти следствия войн и революций «биологизируют» поведение людей в квадрате. Целиком же взятые, война и революция представляют школу преступности, основные факторы криминализации людей. «Функция создает орган», акты зверства оскотинивают их исполнителей рикошетом.

Подробное доказательство этих положений дается мной в подготовляемой к печати работе «Социология революции» и в III томе «Системы социологии». Читая древние описания древних революций, видишь, как «история повторяется» и в этом отношении. Приведу для примера сокращенное описание Керкирской революции Фукидида: «Война делается учительницей насилия... Смерть предстала во всех видах... Отец убивал сына, людей отрывали от святынь и убивали возле них... Керкирцы убивали всех, кто казался врагом [демократии], некоторые (под этим предлогом, это всегда так бывает. — П.С.) были убиты из личной вражды, кредиторы — должниками. И обычное значение названий заменили личным именем. Безрассудная дерзость стала считаться мужеством, предусмотрительная медлительность — трусостью, рассудительность — обличем труса, внимательность ко всему — неспособностью к делу, безумная решительность — за свойство настоящего мужа, осторожное обдумывание — за предлог уклониться, кто вечно недоволен — тот заслуживает веры, кто ему возражает — тот человек подозрительный. Кто затеял коварный замысел и имел удачу, тот умный, а кто разгадал это — еще умнее, кто же сумел обойтись без того и другого — предатель и трус. Восхваляли того, кто умеет сделать дурное раньше другого... Родственное чувство стало менее прочной связью, чем партийное товарищество, требовавшее риска без оговорок. Верность скрепляли не божеским законом, а совместным преступлением. Отомстить за обиду считалось важнее, чем претерпеть ее. «Клятвы не соблюдались»... Большинство соглашается скорее, чтобы их называли ловкими плутами, чем честными простаками; последнего названия стыдятся, первому радуются... Таким образом, вследствие смут явилось извращение нравов» — и т. д. (Thucydides. III. 81–85)^{57*}. А вот отрывок из описания Ипувером современной ему Египетской революции за 2000 лет до Р. Х.: «Правда выброшена, попораны предначертания богов, земля бедствует, повсюду плач, области и города в скорби... Встаем рано, а сердца не облегчаются от тяжести. Широка и тяжела моя скорбь. Приди, приди, мое сердце, и объясни мне происходящее на земле... Земля перевернута. Злобные обладают богатствами. Почтенные в горе, ничтожные в радости. Умались люди, повсюду предатели...» — и т. д. (Тураев. Древний Египет. 60–61).

Эта «биологизация» поведения людей и «переоценка ценностей» — обычное явление при всех кровавых революциях. Элвуд прав, говоря, что в революциях и в войнах «всегда есть тенденция возврата к чисто животной деятельности вследствие разрушения бывших привычек. Итогом может быть полное извращение социальной жизни в сторону варварства и дикости, ибо борьба, как одна из самых примитивных форм деятельности, стимулирует все низшие центры активности. Поэтому революционные периоды создают благоприятные условия для грубости и дикости в человеке, сдерживаемые с такой трудностью цивилизацией. Применение насилия начинает процесс одичания, разрушительный для высших ценностей», — и т. д. (*Ellwood. Introduction to Social Psychology, ch. VIII*).

Правда, и в войне, и в революции есть обратная сторона: жертвенности и «положения души за други своя», подвижничество и героизм, но... эти явления — достояние единиц, а не масс. Они редки, исключительны, тонут в море противоположных явлений и потому их роль ничтожна сравнительно с «биологизирующей» и «криминализирующей» ролью войны и революции. Затем «полагание» здесь сопровождается убийством, и это убийство аннулирует ценности самопожертвования.

Раз таково влияние последних вообще, не является исключением отсюда и последняя война вместе с революцией. Напротив, они ярко подтверждают правило.

В итоге войны и особенно революции Россия превратилась в «клоаку преступности». Население ее в сильной степени деградировало в моральном отношении. Особенно значительная деградация в молодом поколении. Таковы дальнейшие «завоевания» войны и революции. Фактов для подтверждения сказанного имеется, увы, в вполне достаточной мере.

Первой категорией подтверждений служат явления: террора, диких разнuzданных разрушительных действий индивидов и масс, колоссальный подъем зверства, садизма и жестокости взаимных убийств и насилиий. Из подобных явлений создается и состоит так называемая гражданская война. Не убийца — стал убийцей, гуманист — насильником и грабителем, добродушный обыватель — жестоким зверем.

В мирное время все эти явления не имели места и не могли его иметь. Простое убийство вызывало отвращение. Палач — омерзение. Психика и поведение людей органически отталкивались от таких деяний. Три с половиной года войны и три года революции, увы, «сняли» с людей пленку цивилизации, разбили ряд тормозов и «оголили» человека.

Такая «школа» не прошла даром. Дрессировка сделала свое дело. В итоге ее не стало: ни недостатка в специалистах-палачах, ни в преступниках. Жизнь человека потеряла ценность. Моральное сознание оупело. Ничто больше не удерживало от преступлений. Рука поднималась на жизнь не только близких, но и своих. Преступления для значительной части населения стали «предрассудками». Нормы права и нравственности — «идеологией буржуазии». «Все позволено», лишь бы было удобно — вот принцип смердяковщины, который стал управлять поведением многих и многих.

Отсюда все указанные явления. Отсюда зверства гражданской войны, отсюда — террор ЧК, пытки, расстрелы, изнасилования, подлог, обман и т. д., которые залили кровью и ужасом Россию за эти годы.

Что все это, как не прямое подтверждение огромного морально-правового декаданса.

А вот и более конкретные данные, говорящие сухим языком цифр. В Петрограде в 1918 г. было по меньшей мере 327 тыс. (ровно 22% населения) воров, кравших в форме карточки общественное достояние, вырывавших последний кусок хлеба изо рта ближнего.

В Москве таковых было 1 100 000, т. е. 70% населения. Уровень моральных требований так опустился, что на такие факты смотрят «сквозь пальцы». С точки зрения морального сознания они составляют квалифицированную кражу.

Беру далее официальную статистику уголовного розыска г. Москвы, дающую не преувеличенную картину.

Если принять коэффициент каждой группы преступлений в 1914 г. за 100, то движение преступлений в 1918–1919 гг. в Москве выразится в таких цифрах:

Кражи	315
Вооруженный грабеж	28500
Простой грабеж	800
Покушение на убийство	1600
Убийство	1060
Присвоение и растрата	170
Мошенничество	370

Не правда ли, веселенькие цифры?

Идем дальше. По данным Народного комиссариата путей сообщения, за 1920 г. зарегистрировано на железных дорогах 1700 хищений багажа. Похищено 109 800 пудов груза, т. е. в месяц пропадало 100 тысячепудо-

вых вагонов. Короче, по сравнению с довоенным состоянием хищения здесь увеличились в 150 раз! Недурные завоевания революции.

Детская преступность в Петрограде по сравнению с 1913 г. выросла в 7,4 раза.

Прибавьте к этому мошенничества с пайками, подделывание ордеров, незаконные получки, беспринципную спекуляцию, небывалое грандиозное взяточничество, достигшее фантастических размеров, кражи из продовольственных складов («У нас взятки на каждом шагу», — заявил Ленин в 1921 г.^{58*} Куклин, комиссар Петрокоммуны, утешал рабочих, жаловавшихся на утечку продуктов из Петрокоммуны, тем, что крадут не очень уж много, только... 20% всего. Недурное утешение!). Присоедините сюда сотни тысяч произвольных «национализаций», «реквизиций» агентами власти в свою пользу, тысячи и сотни тысяч «легальных» убийств и расстрелов для захвата бриллиантов и других ценностей, миллионы разнообразных злоупотреблений, от обыска до убийства, невероятно возросшее число грабежей, налеты на квартиры, тысячи изнасилований, кражи из домов, с полей, огородов, массовый рост уголовного бандитизма и т. д. и т. д., — и вы поймете, почему не является преувеличением квалификация России за эти годы как «клоаки преступности», почему можно и должно говорить о громадной криминализирующей роли войны и революции.

Катастрофический голод 1921–1922 гг. в голодных областях еще более повысил число преступлений по сравнению с 1920 г.

С началом голода — в Поволжье, на Дону, в восточных губерниях и т. д. — кражи и грабежи резко стали подниматься. Это видно хотя бы из следующих цифр:

Число возбужденных в судах дел

<i>Губернии:</i>	<i>в 1920 г.</i>	<i>в 1921 г.</i>
Астраханская	10800	11520
Уфимская	13000	18000
Саратовская	20000	27000
Симбирская	30500	31200
Самарская	37000	39000

1922 г. в этих же губерниях дает еще большие цифры.

Рост здесь вызван голодом, но сам голод — следствие войны и революции, поэтому этот богатый урожай преступлений приходится считать «заслугой» последних.

Ту же деморализующую роль этих факторов можно легко проследить и в других областях поведения. Возьмем область половых отношений.

Революция, объявляя многое «предрассудком», т. е. разбивая ряд тормозов поведения, сдерживающих проявление примитивно-биологических импульсов, разбивает и те тормоза поведения, которые ограничивают свободу удовлетворения половых инстинктов. Отсюда рост половой вольности при всех революциях. Так, в Париже число внебрачных детей, еще в 1790 г. не превышавшее 23 000, в последующие годы революции достигло 63 000. В течение двадцати месяцев после закона о разводе (1792 г.) суды постановили 5994 развода, а в VI году число их превысило число браков. «13–14-летние дети вели себя так, что их слова и поступки прежде были бы скандальными и для 20-летнего человека...» «Узда половых инстинктов была ослаблена. Летом разыгрывались сцены человеческой животности и озорства». «Девки открыто занимались на бульварах своим ремеслом» и т. д. (*Tain. Les origines de la France contemporaine. 1885. III. 108, 499*)^{59*}.

То же повышение половой вольности и преступлений половых имело место и в революции 1848–1849 гг. (См.: *Oettingen. Moralstatistik. 1882. 240, 311*).

То же и у нас в годы революции 1905 г. (1906–1909 гг.) То же повторилось и теперь.

У нас он проявился с необычайной силой, захватив прежде всего молодое поколение, у которого моральные тормоза, естественно, слабее. Большая «заслуга» в этом принадлежит прежде всего партии коммунистов, энергично принявшей бороться с «мещанско-буржуазным предрассудком». Отдельные ее члены, вплоть до занимавших очень высокие посты в Наркомате просвещения, взялись на эту борьбу «экспериментально», путем публичного разращения институток и гимназисток...

Позицию коммунистов характеризует хотя бы тот факт, что еще в данном году сам Ленин в ответ на мою статью усмотрел в этом великую заслугу коммунистов: «освобождение от буржуазного рабства». Да, освобождение, несомненно, но чего? — Половых органов, а не людей. (См. статью Ленина в «Под знаменем марксизма», № 2–3, 1922.)^{60*}

В итоге этой «политики» и всей обстановки молодое поколение начало жить половой жизнью раньше, чем по физиологическим условиям

это можно делать безнаказанно, вольность его приняла здесь огромные размеры, эксцессы приняли массовый характер, преступления и злоупотребления — также, а в связи с этим — и половые болезни... Особенно огромная была роль в этом деле Коммунистических союзов молодежи, под видом клубов устраивавших комнаты разврата чуть не в каждой школе. Большое значение имели и «детские колонии», «детские приюты», «детские дома», где вольно и невольно дети развращались.

(Мудрено ли поэтому, что дети двух обследованных колоний в Царском селе оказались сплошь зараженными гонореей. Летом этого года один врач рассказал мне такой факт: к нему явился мальчик из колонии, зараженный триппером. По окончании визита он положил на стол миллион рублей. На вопрос врача, откуда он взял деньги, мальчик ответил спокойно: «У каждого из нас есть своя девочка, а у девочки есть любовник — комиссар». Эта бытовая сцена довольно верно рисует положение дела.)

Представление о положении дел дают хотя бы следующие цифры. Девочки, прошедшие через распределительный центр Петрограда, откуда они распределяются по колониям, школам и приютам, почти все оказались дефлорированными, а именно из девочек до 16 лет такими было 96,7%; из девочек до 9 лет — 8%!! Цифры комментария не требуют.

Я специально занимался обследованием состояния молодого поколения в 1919–1920 гг. в Петрограде и его окрестностях. Картина вскрылась весьма тяжелая во всех отношениях. Жившее в годы анархии, в атмосфере войны, убийств, насилия, обмана и спекуляций молодое поколение, естественно, впитало в себя целый ряд привычек нездорового характера, и, наоборот, — не усвоило многих форм поведения, необходимых для здорового общежития.

В деревне дело обстоит лучше, но также малоутешительно. Война и революция не только биологически ослабили молодежь, но развратили ее морально и социально.

Сходное, как мы видели, случилось и со взрослыми. Деградируя морально во многих отношениях, они, подобно молодому поколению, не избегли ослабления тормозов, сдерживавших половую вольность. Подтверждением сказанному служат цифры разводов и продолжительность браков, с одной стороны, сильное распадение семьи — с другой.

Процент разводов сильно повысился. В 1920 г. в Петрограде он достиг цифры 92,2 на 10 000 браков — коэффициент необычный для Петрограда и превосходящий коэффициенты всех столиц Европы. (Соответственно цифры для Берлина равны 41,7, Стокгольма — 35,5, Брюсселя —

34,6, Парижа – 33,3, Бухареста – 28,7, Христиании – 24,9, Вены – 18,1.) Из каждых 100 расторгнутых браков 51,1 были продолжительностью менее одного года, из них 11% – менее месяца, 22% – менее двух месяцев, 26% – менее шести. Отсюда понятно, почему я называю современные браки в России «легальной формой нелегальных половых связей».

Множество семейных организмов распалось. Новые оказались хрупкими, непрочными и быстро исчезающими.

Словом, и в этой области мы видим обычные следствия войны и революции. Одним из результатов такой половой вольности является громадное распространение венерических болезней и сифилиса в населении России (около 5% новорожденных – наследственные сифилитики, около 30% населения заражены этой болезнью).

Рядом с этим количественным ростом преступности мы видим ее *качественный* рост: переход от некровавых и несадических форм преступности к *кровавым и зверским*. Наблюдая гражданскую войну, борьбу сторонников власти с ее противниками, мы видим с той и другой стороны невероятные акты жестокости и садизма, редко имеющие место в обычных войнах. Люди озверели и свои жертвы убивали не просто, а с изощренными пытками (см. коллекцию таких фактов в однобокой книжке М. Горького «О русском крестьянстве»)^{61*}; прежде чем убить пленника, его подвергали десятку пыток: обрезали уши, вырезали у женщин груди, отрубали пальцы, выкалывали глаза, вбивали под ногти гвозди, отрезали половые органы, иногда закапывали жертву в землю, привязывали ее к двум согнутым деревьям и медленно разрывали, защемляли половые органы и т. д. и т. д. На наших глазах воскресло Средневековье! Оно воскресло в факте *коллективной ответственности*. За преступления одного убивали десятки и сотни лиц, не имеющих к нему никакого отношения. За покушения на Ленина, Урицкого и Володарского^{62*} были расстреляны тысячи людей, не имевших к ним никакого касательства. За одного «бандита» делалась ответственной вся его деревня и нередко сжигалась артиллерией целиком. За виновного члена семьи расстреливались последние. За выстрел в агента власти убивались десятки «заложников», сидевших в тюрьмах обширной России. Институт «заложничества» стал нормой, «бытовым явлением» нашей действительности... Поистине воскресли первобытные времена и нравы в XX столетии.

Рост кровавой преступности сказался и на характере уголовных преступлений. Как только перестали круглые сутки граждане дежурить у ворот домов – такая повинность существовала в 1919–1920 гг., – сразу же

начались в Петрограде, Москве и других городах массовые грабежи и убийства. В прошлую зиму ночью было опасно идти по улицам, не рискуя — в лучшем случае — быть раздетым. Кражи в квартирах резко поднялись. Причем — что важно — преступники не только грабили, но зверски убивали людей совершенно бесцельно, без пользы для целей грабежа.

Подобные факты, подтверждая рост кровавой преступности, лишней раз говорят о сильнейшей моральной деградации. Наконец, о том же говорят и многочисленные факты *людоедства* и даже убийства с целью пожирания убитого, имевшие место в этом году...

Голодовки бывали не раз в XIX веке в России, но людоедства не было, или оно носило совершенно единичный характер. Теперь мы дожили и до него. Причина его лежит не только в голоде, но в развенчивании всех моральных тормозов, вызванном войной и революцией.

С 1921 г., когда наметилось возвращение к нормальным условиям жизни, когда отпала гражданская война, появились и первые признаки морального оздоровления страны, стали оживать угасшие моральные рефлексy, а вместе с ними — и борьба за восстановление нравственности. В 1922 г. эта «реставрация» продолжалась и дала себя знать в ряде явлений: в уменьшающейся половой вольности, в попытках самого населения бороться активно с убийствами, кражами, грабежом, в растущей строгости моральной оценки взяточничества, спекуляции, обмана и т. д. Но это только начало... Нужны еще годы и годы, чтобы хоть сколько-нибудь залечить глубокие раны, нанесенные душе народа войной и революцией. А есть ряд явлений, которые могут быть исправлены только исчезновением молодого поколения, рожденного в грехе войны и революции¹³!

¹³ Е.Д. Кускова^{63*} и Петрищев нашли эту характеристику преувеличенной и выступили с возражениями. Увы! В возражениях они не опровергли ни одного факта, ни одной цифры и не противопоставили ничего, кроме «протяженно-сложной словесности». Единственное, что фактически Е.Д. Кускова пыталась оспаривать — это процент сифилитиков. По ее мнению, процент их с 2 довоенного времени возрос до 8–10, а не до 30. К сожалению, требуя от меня «источников», она сама не указала иного источника, кроме неизвестного «компетентного специалиста». Удовлетворяю ее требование «источников». Цифры 30% сифилитиков и 4% рождающихся сифилитиками взяты мной из «Петроградской правды». Таковы же цифры, даваемые проф. Г., специалистом, занимавшимся изучением этого вопроса. Что они не преувеличивают зло, это следует из того, что на съезде венерологов в 1922 г. в Петрограде фигурировали

7. Народное просвещение и наука

Казалось бы, в чем, в чем, а в этой области уж никак нельзя упрекнуть революцию и Советскую власть. Не было ли объявлено *urbi et orbis*^{65*}, что в области просвещения за эти годы сделаны чудеса, что безграмотность ликвидирована, что образование народа поднялось на громадный уровень, что власть во главе с просвещенным Луначарским (у нас его называют Лунапаркским и Лупанарским) обнаруживает исключительно заботливое отношение к ученым, покровительствует науке, искусству и интеллектуальному творчеству! Не посылались ли чуть ли не ежедневно по радио об этом широковещательные рекламы: «всем, всем, всем». Не писали ли об этих чудесах десятки корреспондентов! В каждом доме — «клуб», в каждой избе — «читальня», в каждом городе — университет, в каждом селе — гимназия, в любом поселке — народный уни-

такие цифры в отношении венерической заболеваемости населения Петрограда, как 90% всего населения. Далее, в заседании, состоявшем из профессоров военно-медицинской академии и медицинского института, где я читал доклад летом 1922 г., ни один из присутствовавших не нашел мои цифры преувеличенными. Даже в московской «Правде» в августе–сентябре этого года в статьях по этому вопросу один из писавших давал цифры более высокие, чем г. Кускова и ее неизвестный «специалист». Я уже не говорю, что в Петрограде на эту тему я имел разговоры не с одним, а с рядом специалистов. Наконец, если в Риме после войны половая заболеваемость поднялась в 3–4 раза, то неужели же в России, с гражданской войной и без медицинской помощи, она поднялась во столько же раз, а не более?

Сказанное, полагаю, показывает, что мои источники куда серьезнее, чем «компетентный специалист» моего оппонента.

Укажу заодно и другие источники цифр, приведенных в тексте этой главы. Цифры о преступлениях взяты из «Красной Москвы», кн. Василевского — о голоде (он большевик), из разных номеров «Правды», «Известий», «Красной газеты» и других официальных источников, преуменьшающих, а не преувеличивающих их. Цифры о преступности детей из № 1 журнала «Психиатрия и неврология» (1922 г.). Цифры о движении браков и разводов из V вып. «Материалов по статистике Петрограда» (изд. «Губернского Статистического Бюро» Петрограда). Цифры о проценте дефлорированных — из источника Наркомата просвещения, который я не назову по понятным причинам, но что они верны — это, например, может подтвердить М. Горький, которому эти цифры также известны. Картина состояния молодого поколения, лично мной изучавшегося

верситет и по всей России сотни тысяч «внешкольных», «дошкольных» и «подшкольных» образовательных учреждений, приютов, очагов, детских домов, садов и т. д. и т. д. — такова картина, которая нарисована была иностранцам. Казалось бы, дело так и обстоит. Не значит ли в «Статистическом ежегоднике» за 1918–1920 гг., что в России было 177 высших школ с 161 716 учащимися, 3934 школы II ступени с 450 195 учащимися, школ I ступени с 5 973 988 учениками; сверх того 1391 профессиональная школа с 93 186 учащимися, 72 школы для дефективных с 2391 учащимся, 80 рабочих и народных университетов и факультетов с 20 483 слушателями, плюс 2070 дошкольных учреждений с 104 588 вос-

в 1919–1921 гг., не только не преувеличена, но смягчена скорее. В докладе, прочитанном мною среди педагогов г. Петрограда, помогавших мне в собирании материала, эта картина не вызвала ни одного возражения. А они-то знают положение дел куда лучше, чем гг. Кускова и Петрищев. Последний сам в России в «Новостях» писал о браках 11–13-летних детей как о современном бытовом явлении. Почему он теперь забыл об этом? Может быть, потому, что и эти браки он квалифицировал как «здоровое и не внушающее опасений явление». Но... едва ли кто согласится с ним в этой оценке, кроме российских Кандидов^{64*}.

В виде возражений далее мои оппоненты противопоставляют мне отдельных лиц или отдельные школы, например, «трех дочерей В.М. Чернова», и «Алферовскую гимназию». Не отрицаю, что такие лица и школы есть, но ведь я говорю не об индивидуальной, а об общей картине. Смешно поэтому противопоставлять общим лицам... «трех неиспортившихся дочерей В.М. Чернова».

Настаивая на этом повышении – и очень резко – морального разложения, я вместе с тем категорически протестую против нелепого толкования моих слов, приписанного мне г. Петрищевым, что будто бы, по моему мнению, в России не осталось ни семьи, ни брака и царит универсальный разврат. Предыдущие строки говорят о сильном моральном распаде. Насколько он силен – указывают цифры, но... только наивный или неграмотный читатель может истолковать их так, как истолковал г. Петрищев. За такую нелепость я не отвечаю и к ней не имею отношения. Я был бы рад, если бы мои оппоненты убедили меня в том, что я преувеличиваю деградацию. Но, увы, кроме «словесности» и «трех дочерей В.М. Чернова», они ничего не смогли противопоставить. Это багаж очень и очень... легкий. Не следует быть излишним пессимистом, но нехорошо быть и «блаженным россиянином», теперь еще готовым в кровавой революции и зверстве видеть... прекрасную Дульсинею Тобосскую. Что извинительно для Дон-Кихота и Кандида, то неизвинительно для публицистов, выступающих с опровержениями.

питанниками, 2936 детских домов с 141 890 детьми, 46 319 библиотек, читален и клубов, 28 291 школа для ликвидации безграмотности, 3479 народных домов, 263 студии, 534 музея и выставки!

Какое богатство! Чуть не вся страна превращена в одну школу и университет. По-видимому, она только и делала, что училась, обеспеченная во всем, в том числе и в преподавательских силах!

Нужно ли говорить, что все это фикция, одно бумажное изобретательство, невозможное дедуктивно для голодной страны и не соответствующее сути дела фактически.

В действительности за эти годы произошла не «ликвидация безграмотности», а «ликвидация грамотности», не расцвет школы, а ее разрушение, не прогресс науки, а ее декаданс, не культурно-образовательный подъем, а деградация.

Объяснимся.

В 1918–1919 гг. власть действительно в количественном отношении размахнулась. На бумаге было открыто много школ, клубов, университетов и т. д. Но только на бумаге. Фактически дело свелось к устройству под именем «университетов» ряда митингов с партийными ораторами, говорившими о «текущем моменте», разбавленными 2–3 преподавателями гимназий, обучавшими начаткам арифметики и грамоты. Сходный характер носили и другие просветительные учреждения. В большинстве случаев и этого не было, а просто ограничивалось дело открытием школы на бумаге или устройством «митинга» с «танцалькой» или спектаклем. Подлинная картина рисуется хотя бы из следующих официальных данных, относящихся к московским высшим школам, обеспеченным преподавательскими силами. В 1917 г. здесь в университете, технических, сельскохозяйственных и коммерческих высших учебных заведениях числилось 34 963 учащихся и кончило из них 2379, в 1919 г. там же числилось 66 975 учащихся, вдвое больше, а кончило — 315, т. е. в 8 раз меньше...

Что это значит? Это значит, что 66 975 учащихся — фикция. И в Москве, и в Петрограде в 1918–1920 гг. аудитории высших школ были пусты. Обычная норма слушателей у рядового профессора была 5–10 человек вместо 100–200 дореволюционного времени, большинство курсов не состоялось «за неимением слушателей».

Мудрено ли, что кончило из 66 975 — 315. В статистических же данных в это время мы читали о десятках тысяч студентов в университетах и других высших учебных заведениях. Читатели и удивлялись, почему их нет в аудиториях и не видно в здании школы!

Так же «блестяще» обстояло дело и во всех других школах. Сейчас эти фикции рассеялись. Почитайте официальные газеты (других у нас

нет) — и чуть ли не в каждом номере начинаете встречать отчаянные голоса о полном разрушении школы.

Фактически картина такова.

В начале этого года (1922) был составлен годовой бюджет государства. Он исчислен был в 1 800 000 000 зол. рублей. Из него на военное дело ассигновано было 1 200 000 000 руб. (мы не милитаристы), на все остальное 600 000 000 руб., из коих на все дело просвещения отводилось... 24 000 000 руб. Из 3-миллиардного бюджета в 1913 г. на народное просвещение уходило около 400 000 000 настоящих золотых рублей, а из 1 800 000 000 бюджета теперь 24 000 000 и то мнимых золотых рублей. Эта цифра — и абсолютно, и относительно — рисует подлинное положение дела ясно... Ввиду колебания советских денег из годового бюджета ничего не вышло, но пропорция средств государства, тратимых на образование, осталась близкой к этой сумме.

Не будет удивительным поэтому, что в феврале этого года власть решила закрыть все высшие учебные заведения России, кроме пяти на всю страну. Только энергичное вмешательство профессуры помешало осуществить эту радикальную «ликвидацию высшей школы».

Поистине «догорели огни, облетели цветы». Сейчас нет даже фикции для саморекламирования власти как великого просветителя России. «Возвышающий обман» кончился. Реальная же проза такова. Сам Луначарский в октябре 1922 г. признал, что число лиц, окончивших высшие школы, сократилось на 70%, средние — на 60%, низшие — на 70%.

Низшая школа на 70% не существует. Здания школ, не ремонтировавшиеся за эти годы, развалились. Нет освещения. Нет топлива. Нет ни бумаги, ни карандашей, ни мела, ни учебников, ни книг. Нет и учителей. Эти «мученики революции», не получавшие по 6–7 месяцев тех грошей, на которые прожить абсолютно нельзя, частью вымерли, часть поступила в батраки, часть стала нищими, значительный процент учительниц... проститутками, а часть счастливых перешла на другие, более хлебные места. В ряде мест вдобавок крестьяне неохотно дают детей в школы, так как «там не учат Закону Божию». Вот подлинное положение дел. Если бы вы, как я, прочли ряд конфиденциальных правительственных докладов, из них вы получили бы кошмарную картину. Власть блестяще провела «ликвидацию грамотности». Молодое поколение сельской России должно было бы вырасти совершенно безграмотным. Если это случилось не вполне, то не в силу заслуг власти, а в силу проснувшейся в народе тяге к знанию. Она заставляет крестьян своими силами помогать беде кто как может: в ряде мест они сами приглашают профессора, учителя

в село, дают ему жилье, питание и детей для обучения, в других местах таким учителем делают священника, дьячка и просто грамотного односельчанина. Эти усилия населения мешают полной ликвидации грамотности. Не будь их, власть осуществила бы эту задачу блестяще. Сейчас, как известно, все почти низшие школы лишены субсидий от государства и переведены на «местные средства», т. е. власть не стыдясь лишила всю почти низшую школу всяких средств и предоставила дело населению. На военное дело у нее есть средства, есть средства на богатые оклады спецов, на подкуп лиц, газет, на пышное содержание своих дипломатических агентов и на финансирование «Интернационала номер 3», а на народное образование – нет! Больше того. Ряд школьных помещений сейчас ремонтируют для... открываемых винных лавок!

Поистине недурные ревнители народного просвещения! Через три года история сдула с них все фальшивые румяна и фиговые листки и теперь они стоят оголенные...

Если молодая Россия будет не вполне безграмотной, то только благодаря своему населению. Пока же уровень грамотности на нашей родине значительно понизился. *Sic transit gloria mundi*^{66*}.

Средняя школа? Ее положение, пожалуй, еще печальнее. Над ней так много экспериментировали, что от этих экспериментов, помимо других причин, она не могла не развалиться. В самом деле, с 1918 г. каждое полугодие приносило новую радикальную реформу. Не успели еще очередную реформу реализовать, как из бесчисленных канцелярий Наркомпроса и Главпрофобра вылетела новая реформа, аннулировавшая предыдущую. И так все пять лет.

В итоге остатки педагогического персонала были сбиты с толку и не знали, что делать.

Далее, в силу тех же общих причин: отсутствия денег, ремонта, топлива, учебных пособий, преподавателей, как и учителей низших школ, обреченных на голод, частью вымерших, частью разбежавшихся, — средняя школа на те же 60–70% не существует. Как и в высшей школе, здесь сверх того было ничтожное количество учащихся. В условиях голода и нужды дети 10–15 лет не могли позволить себе роскошь учиться: приходилось добывать кусок хлеба продажей папирос, стоянием в очередях, добыванием топлива, поездками за провизией, спекуляцией, службой и т. д., и т. д., ибо родители не могли содержать детей; последним приходилось помогать семье.

Немало содействовала падению среднего образования и практическая бесполезность его в России за эти годы. «Зачем учиться, — ответил мне

один из учеников, вышедший из школы, — когда вы, профессор, получаете паяк и жалованье меньше, чем получаю я». (Он поступил в «Стройсвирь» и получал там действительно лучший паяк и содержание.)

Мудрено ли, что в таких условиях те немногие, которые кончали школу II ступени, выходили довольно безграмотными. В алгебре дело не шло дальше квадратных уравнений, в истории знания сводились к истории октябрьской революции и партии коммунистов, всеобщая и русская история выключены были из преподаваемых предметов. Когда такие окончившие поступали в высшую школу, то значительная часть из них попадала на «нолевой факультет» (т. е. для лиц, совершенно не подготовленных и скоро выбывавших из школы), для остальных приходилось образовывать подготовительные курсы. Не мог не понизиться в силу этого и общий уровень студентов. В 1921–1922 гг. большинство средних школ было закрыто. Остальные — за небольшим исключением — переведены на «местные средства», т. е. лишены государственной субсидии и возложены на плечи населения.

«Бесплатное обучение» отошло в область предания. За учение введена плата в 40–60 руб. золотом (сейчас около 300–400 млн новых руб.), совершенно недоступная населению.

Дело несколько можно было бы улучшить открытием частных школ. Но это не разрешается. Власть поистине становится «собакой на сене», которая и сама не ест, и другим не дает.

Таковы итоги в этой области. И здесь полное банкротство. Шуму и рекламы было много, результаты те же, что и в других областях. Разрушители народного просвещения и школы — вот объективная характеристика власти и в этом отношении.

Перейдем к высшей школе. Когда-то аудитории университетов и других высших учебных заведений были полны, теперь они сильно пустыют. Вместо 177 высших учебных заведений, фиктивно существовавших в 1919–1920 годах, теперь число их пало до 24–27 на всю Россию, по всем отраслям. Закрылись не только все вновь открытые «университеты», но и часть существовавших раньше, например, Ярославский лицей, Стебутовский институт, Бестужевские курсы, II университет и т. д.

И в оставшихся учебных заведениях ученая и учебная жизнь не кипит, как раньше, а просто «агонизирует».

Это объясняется, во-первых, отсутствием средств. «Меценаты просвещения» не отпускают хотя бы необходимый минимум средств на высшее образование. Благодаря этому, почти все высшие институты не отапливались в эти годы. Мы все читали лекции в нетопленных поме-

щениях. Чтобы было теплее, выбирались небольшие аудитории. Например, все здание Петроградского университета пустовало. Вся учебная и ученая жизнь сжалась и уютилась в общежитии студентов, где был ряд небольших аудиторий. Теплее — и для большинства лекций не тесно.

В силу того же обстоятельства здания не ремонтировались и сильно разрушены. Вдобавок, в 1918–1920 гг. не было света. Лекции читались в темноте; лектор и слушатели не видели друг друга. Было счастьем, если иногда удавалось раздобыть огарок свечи. В 1921–1922 гг. свет был. Отсюда легко понять, что такой же недостаток был и во всем другом: в приборах, в бумаге, в реактивах и лабораторных принадлежностях; о газе забыли и думать. О животных для опытов (кроликах, морских свинках, собаках и т. д.) — тоже. Зато в человеческих трупах недостатка не было. Одному ученому ЧК даже предложила «для пользы науки» доставку трупов только что убитых. Первый, конечно, отказался. Не только у рядового ученого, но даже у таких мировых ученых, как академик И.П. Павлов, собаки умирали от голода, опыты приходилось делать при свете лучины и т. д. Словом, материально высшие школы разрушались и не могли нормально функционировать, не получая минимального минимума средств. Понятно, все это делало занятия весьма трудными и малопродуктивными. В 1921/22 учебном году в некоторых школах стало чуть-чуть лучше; появился, по крайней мере, свет. Для нас, русских ученых, и это слишком много.

Столь же печальным было положение профессуры и студентов. Самыми ужасными в этом отношении годами для профессуры были 1918–1920 гг. Получая ничтожное вознаграждение, и то с опозданием в три-четыре месяца, не имея никакого пайка, профессура буквально вымирала от голода и холода. Смертность ее повысилась в 6 раз по сравнению с довоенным временем. Комнаты не отапливались. Не было ни хлеба, ни тем более других «необходимых для существования» благ. Одни в итоге умирали, другие не в силах были вынести все это — и кончали с собой. Так покончили известные ученые: геолог Иностранцев, проф. Хвостов и еще кое-кто. Третьих унес тиф. Кое-кого расстреляли. Моральная атмосфера была еще тяжелее материальной. Немного профессоров найдется, которые не были бы хоть раз арестованы, и еще меньше, у кого несколько раз не производились бы обыски, реквизиции, выселение из квартиры и т. д., и т. д. Прибавьте к этому многообразные «трудовые повинности»^{67*} в форме пилки дров, таскания тяжелых бревен с барж, колки льда, дежурства у ворот. Для многих ученых, особенно пожилых, все это было медленной смертной казнью. Так погибли академик Шах-

матов, академик Тураев и многие другие. В силу всех этих условий ученые и профессора стали вымирать с такой быстротой, что, например, заседания совета университета превращались в перманентные «почитания памяти». На каждом заседании оглашались 5–6 имен отошедших в вечность. Раскройте VI и VII книги «Русского исторического журнала» — и вы увидите, что они почти сплошь состоят из некрологов.

Такое положение дел заставило, наконец, власть смилостивиться. После долгих хлопот она согласилась дать «академический паек», вначале мало отличавшийся от красноармейского и потом уже несколько улучшенный.

С этого момента материальное положение профессуры улучшилось. В настоящее время этот паек состоит из: 40 фунтов хлеба черного в месяц, 4 фунтов масла, 15 фунтов селедок (или иногда мяса), 12 фунтов крупы, 6 фунтов гороху или фасоли, 2,5 фунтов сахара, четверти фунта чая, 2 фунтов соли, раньше еще давали 1 фунт мыла и табак, теперь отменили. Когда такой паек выдавали регулярно — что, увы, часто не имело места, — ученые чувствовали себя вполне довольными, особенно малосемейные; многосемейным приходилось хуже. (Увы! Сейчас — в декабре, — оказывается, паек снова уменьшили. Сахар и чай выкинули совсем, а масло редуцировано до $\frac{2}{3}$.)

Этим пайком жило и живет до сих пор огромное большинство ученых. Денежный гонорар, получаемый за лекции, так ничтожен, что в счет не идет. Только с апреля 1922 г. власть сочла необходимым дать сверх пайка еще «денежное довольствие», колеблющееся сейчас от 125 до 25 млн рублей в месяц в зависимости от категории ученого.

Громадное облегчение с 1921–1922 гг. составила далее великодушная помощь ученых других стран, особенно Чехословакии (пользуюсь случаем выразить им и от себя, и от имени своих коллег глубокую благодарность), а также помощь АРА^{68*}, Нансеновской миссии и Христианского союза молодежи. Благодаря всему этому, ученые РСФСР, по крайней мере столиц, сейчас имеют минимально физиологический паек, необходимый для покрытия расходуемой энергии. Минимальный — не выше. (Сейчас и это под сомнением!) И сейчас «уровень жизни» русского ученого, кроме «спецов», не выше, а ниже «уровня жизни» западноевропейского пролетариата... Но прожитые годы не прошли бесследно. Они надорвали силы многих, поэтому вымирание продолжается и сейчас, хотя в более медленном темпе...

Что касается «моральной атмосферы», то она, по-прежнему, тяжела. Хотя террор и ослаб, но весьма относительно. Год тому назад еще

по так называемому «Таганцевскому делу»^{69*} расстреляно более 30 ученых, в том числе такие величины, как лучший знаток русского государственного права проф. Н.И. Лазаревский и один из крупнейших поэтов России Н. Гумилев. Не прекращаются обыски и аресты. Теперь к этому присоединилась массовая высылка профессуры, сразу выбросившая за границу около 100 ученых и профессоров^{70*}. Власть «заботливо печется об ученых и науке»...

Еще более ужасным было и остается материальное положение студенчества. В 1918–1920 гг. число студентов было фактически ничтожным. В Петроградском университете за эти годы едва ли было более 300–400 фактически занимавшихся студентов, несмотря на то, что в 1919–1920 гг. в него были влиты Высшие женские курсы (Бестужевские) и Психоневрологический институт. Студенты ничего не получали и принуждены были добывать пропитание работой на стороне...

В 1920–1921 гг. положение немного улучшилось. Значительная часть студентов стала получать паек от 0,5 до 1 фунта хлеба в день плюс 1 фунт сахара, 5 фунтов селедок, 1 фунт соли, 5 фунтов крупы и 0,5 фунта масла на месяц. На это прожить трудно, но жили. Часть занималась заработками на стороне. В 1921–1922 гг. этот паек чуть-чуть был улучшен, но зато к концу 1921 г. был оставлен только для коммунистов плюс сочувствующих им. Остальная часть студентов была лишена его вовсе и зарабатывала пропитание — летом выгрузкой тяжестей в порту в Петрограде, службой и другой физической и умственной работой. Но не все могут ее найти, и поэтому положение большинства стало бы отчаянным, если бы на помощь не пришел Христианский союз молодежи — устройством бесплатных обедов они помогли и помогают значительно.

С этой осени положение студенчества становится еще более серьезным. Все, кроме коммунистов, не только перестают получать что-либо, но должны платить за право учения плату — около 500 млн рублей, — недоступную 97% студентов.

Таков итог «просвещенной» политики власти в этой области. Еще хуже моральные условия студентов-некоммунистов. Власть смотрела и смотрит на них как на врагов. Аресты и обыски студентов идут пачками. Сейчас к ним присоединились высылки внутрь и вне России. Вдобавок и студенчество, и профессура отданы во власть «коммунистическим» ячейкам. Правда, те и другие героически борются с ними, но от этого не становится легче. В 1920–1921 гг. власть ввела «комиссаров» в высшие учебные заведения. Эти безусые мальчишки нагло отбирали печати от ректоров — мировых ученых, — вмешивались в их действия,

отменяли их акты, словом — показывали свою власть. Наблюдая подобные сцены, когда такой безусый хулиган давал выговор старику — крупному ученому, — трудно было сдержаться, не протестовать и не испытывать смертельной боли... Но к протестам власть оставалась глухой, а чаще всего отвечала на них новыми арестами. И, однако, все эти меры насилия не сломили воли и силы духа и профессуры, и студенчества. Те и другие с героизмом отстаивали свое достоинство и права, науку и культуру. Отстаивали, платились за это и продолжают платиться.

Теперь пару слов о составе профессуры и студенчества. До 1920 г. власть была занята другими «фронтами». Отпадение гражданской войны позволило ей открыть борьбу с высшей школой и усиленно «реформировать» ее и по характеру наук, и по составу профессуры и студентов.

Уже с 1919 г. началась эпопея «реформы» и «обновления» высшей школы. Как и в средней, здесь каждое полугодие приносило новую реформу и усиливало развал. Было бы долго рассказывать обо всем этом. Основное задание в изменении преподавания сводилось к «коммунизации». В специальном декрете в 1920 г. было объявлено, что «свобода научной мысли» — предрассудок, что все преподавание должно вестись в духе марксизма и коммунизма как последней и единственной истины. Профессора и студенчество ответили на это протестом. Тогда власть подошла к делу иначе. Введены были шпионы, обязанные следить за лекциями, а вслед за тем решено было выгнать особенно непокорных профессоров и студентов. Прошлой осенью ряд профессоров (в том числе и пишущий эти строки) были отстранены от преподавания и переведены в «исследователи», вместо них были назначены «красные профессора», т. е. безграмотные люди, не имеющие ни трудов, ни стажа, но верные коммунисты; уволены были выборные ректора и деканы, вместо них назначены были в качестве ректоров и членов президиума те же коммунисты, не имеющие никакого отношения — за немногими исключениями — к науке и академической жизни. Устроен был специальный Институт красной профессуры для фабрикации в шесть-восемь месяцев «красных профессоров». Но и этого оказалось мало. Тогда власть перешла к оптовой высылке из России и внутрь России неудобных ей ученых. Этой осенью, как сказано, выслано больше 100 профессоров, в числе коих оказался и пишущий эти строки.

Сходное было проделано и со студенчеством. Уже в прошлом году, а особенно теперь, изданы были правила о приеме студентов. Согласно им, в высшую школу могут поступать только лица, командированные «комячейками», «партией коммунистов», «партшколами», «рабфаками»

и «красными профсоюзами», т. е. только коммунисты и сочувствующие им. Остальная молодежь может попасть только в том случае, если останутся незанятые вакансии и если внесена будет плата за учение в 500 млн руб. в год! Наиболее выдающиеся из студентов-некоммунистов исключены либо высланы — внутрь или вне России.

Как видно отсюда, власть весьма серьезно принялась за «чистку школы». Надо же ей с кем-либо воевать. Раз нет войны настоящей, приходится воевать со школой.

Именно сейчас достигла апогея эта борьба «на идеологическом фронте». Основной и единственной целью высшей школы признана подготовка правоверных коммунистов и последователей религии Маркса—Ленина—Зиновьева—Троцкого. Словом, разгром учинен полный, особенно гуманитарных факультетов. Следует думать, что он принесет «блестящие» плоды русскому просвещению и науке!

Такого разгрома история русской науки и мысли не знала. Эпоха Магницкого, одна из самых темных эпох в нашей истории, — идеал по сравнению с нашим временем. Она идеал и по сравнению с той безграничной опекой мысли, которая — особенно сейчас — проводится нашими «ревнителями свободы». Все, чуть-чуть не согласное с догмой коммунизма, преследуется. Газеты, журналы, книги допускаются только коммунистические или по вопросам, не имеющим отношения к социальным проблемам. (Из газет я узнал, что власть уничтожила и мою книгу «Голод как фактор», печатавшуюся в России^{71*}.)

Введены цензурные комитеты, хоронящие все инакомыслящее. Цензура времен Николая I — ничто по сравнению с современной. Чтобы дать представление о том, что она не разрешает, достаточно привести один-два примера. У одного беллетриста в рассказе, например, вычеркнули фразу: «Сестра милосердия стояла в непринужденной позе и курила папиросу». На вопрос, почему же вычеркнули фразу, цензор ответил: «Красная сестра милосердия не может стоять в непринужденной позе в порядке революционной дисциплины... Переделайте ее в белую сестру милосердия, тогда разрешу». Ныне высланному профессору Кизеветтеру запретили печатание абсолютно академической рецензии о последних работах проф. Платонова и Преснякова по русской истории. Причиной запрета было то, что автор «хвалит эти работы, а коммунист проф. Покровский ругал их, значит, хвалить нельзя».

Спасает положение дел только безграмотность цензоров, порой допускающих действительно вредное для коммунизма... Опека... опека... и опека... школы, печати, лекций, публичных лекций и дебатов... Рядом с этим

подкуп лиц и писателей... «Наиболее непокорных из вас вышлем, остальных купим», — такова формула политики власти сейчас. И покупают, платят сейчас, например, по 400–600 млн за лист беллетристики, лишь бы писал в удобном для власти духе... Писатели «Божьей Милостью» на это не пойдут, псевдописатели идут: есть-то надо. Не будем кидать в них камни. Такова забота власти о науке, просвещении и духовном творчестве. Делается все, чтобы разгромить остатки сил и ценностей!

Но... велика сила жизни... Она ломает все препоны. Несмотря на все эти меры гасителей Духа — он живет, творит и собирается жить.

Тяжелы условия жизни студенчества, и все же оно каким-то чудом умудряется заниматься. Не так, как раньше, в довоенное время, но все же много, очень много для нашего времени. Жажда знания — настоящего — огромна, и она творит чудеса. Даже рабфаки и значительная часть коммунистов, попав в высшую школу, вкусив «от Духа Свята», быстро «линяют» и становятся серьезными работниками. И здесь власть предполагает, а судьба располагает.

Есть жажда знания, воля к знанию и энергия его получить, защищать и охранять, несмотря на все.

Больше того. В итоге бесцеремонного насаждения правительственной идеологии коммунизма результаты получаются обратные. Вместо интернационализма студенчество охвачено сейчас чувством национализма. Вместо коммунизма — идеологией индивидуализма, собственности и антикоммунизма. Вместо атеизма и материализма — идеализмом и религиозностью. Вместо сочувствия к власти — презрением к ней и ненавистью.

То же и среди ученых. Если в 1918–1919 гг. их работа замерла, то с 1921–1922 гг. она снова возобновилась. Для русских условий то, что делают русские ученые сейчас, очень много. Выходит, несмотря на рогатки цензуры, ряд трудов, печатается ряд журналов, начали работать научные общества, устраиваются съезды — словом, научная работа не замерла... И не замрет... Не замерло и книгоиздательство. Вопреки всем препятствиям книги все же выходят, и среди них немало антикоммунистических. Если в них и не все сказано *expressis verbis*^{72*}, то читатель понимает теперь и намеки. И что удивительно! Книги стоят несколько миллионов экземпляров, но раз книга дельная, а не набившие оскомину творения Маркса и гг. коммунистов, она раскупается нищей страной... Многие голодают телесно, чтобы не голодать духовно...

Дух страны жив, несмотря на его удушение властью. И если эта задача ей не удалась до сих пор, то тем более не удастся теперь. Больше того,

чем сильнее она будет вгонять принудительно свою «догму» в голову населению, тем меньше будет иметь успеха. Даже и молодые коммунисты не оправдывают вполне ее надежд. Кто знает механику социальных процессов, — тому это понятно...

Что касается, наконец, множества дошкольных и внешкольных учреждений, то о них много говорить не приходится. Они почти все перестали существовать. Нет больше ни «народных университетов», ни «клубов» (вместо них открыты в большом количестве игорные клубы), ни библиотек, составленных в свое время из конфискованных книг, ни детских колоний, детских очагов, приютов, садов и домов... «За отсутствием кредитов» почти все они закрыты, дети вышвырнуты на улицы, библиотеки либо расхищены, либо не функционируют, народные университеты умерли... История умеет смеяться, и временами очень ехидно... Впрочем, для «втирания очков» и «парада» перед наивными иностранцами кое-что, специально с этой целью, имеется... Кто будет изучать русскую жизнь из окон отеля, купе вагона и со слов любезных с иностранцами официальных «гидов», может написать очередную благоглупость на эту тему — одну из многих, которые нам пришлось читать там с горькой улыбкой...

Я не жалею о закрытии этих учреждений, особенно детских. Не жалею потому, что закрытие означает уничтожение фабрик, калечивших детей физически и духовно, подготовлявших из них больных, сифилитиков и преступников. Этого «добра» и так у нас много. Не беда, если его будет поменьше.

То же *mutatis mutandis*^{73*} могу я сказать и о других учреждениях, носивших громкие имена, совершенно не соответствовавшие их сущности...

Теперь вместо всего этого власть открывает кабаки. Это название более подходит к закрытым учреждениям. Оно правильное характеризует и власть как «просветителя». «Кабатчики» и «физические и духовные отравители народа» — это звучит адекватно. А я всегда предпочитаю адекватность «нас возвышающему обману».

В заключение предлагаю г. Горькому, Барбюсу, Б. Шоу и многим другим *intellectuales* проверить правильность сказанного, а проверив и найдя все верным, подумать и ответить себе, не играли ли они роль наивных дураков или вредных идеалистов, распевая гимны «вождям коммунизма»? Не причинили ли они ряд объективных зол, исходя из высоких субъективных мотивов? Не ввели ли они в заблуждение многих и многих, веривших им, когда они гасителей духа возводили в ранг «освобо-

дителей человечества», антропоидов — в сверхчеловеки, проходимцев истории — в гениев, темных дельцов — в вождей нового мира?

Серьезно подумать об этом — долг каждого честного и уважающего себя писателя.

8. Религиозная жизнь страны

И здесь объективные результаты революции получились как раз обратные тем, которые она ставила в лице коммунистической власти. Вместо падения религиозности и «религиозных суеверий», в общем и целом произошел подъем их... Вместо смерти религии и церкви — их оживление и воскресение... Кто знает историю революций, тот не удивится этому результату. Не то ли же самое произошло хотя бы во время и после Английской революции XVII века, в течение и после Французской революции 1789 г.? Сходное происходило и раньше при революциях, кроме тех, которые кончались гибелью народа... Тогда подъема религиозности могло и не быть и часто не было.

Таков новый «парадокс» истории...

В самом деле, разве не странно, что огромная работа, направленная на уничтожение «религиозного мракобесия», громадные усилия, сделанные революцией в направлении разрушения церкви и насаждения «религии разума», дают как раз обратные результаты? Однако это так... И странным такое явление покажется только для тех псевдопросвещенных дилетантов, которые в религии видят одни суеверия, в церкви — институт, созданный для эксплуатации народа, а социальную роль религии сводят к «одурманиванию народа жрецами в интересах правящих классов»... Если же в религии видеть институт, появившийся органически с первых времен человечества и существующий до сих пор, если понять, что религия и церковь — аппараты, необходимые для всякого здорового общества, если учесть, что они — одни из многих средств «социального контроля», если роль религии рассматривать как роль могучей силы, создающей, укрепляющей и расширяющей человеческую солидарность, представляющей одну из основных связей, скрепляющих массу индивидов в одно целое, делающей возможным сохранение «коллективного единства народа», его лица, его истории и жизни, — а все это так и обстоит в действительности, работы Фюстеля де Куланжа, Кидда, Дюркгейма, Бугле, Элвуда и других нам это показали ясно, — то будет вполне понятно, почему революция, не кончающаяся гибелью народа, влечет подъем религиозной жизни последнего.

Этот подъем (horribli dictum^{74*}, г. мнимые «ура-рационалисты») представляет один из важных символов оздоровления народа от кризиса. Он знаменует, что общество, дезорганизованное революцией, где все связи, скреплявшие его, порваны, единство разрушено, снова оживает, что оно снова объединяется и спланивается из «рассыпаемой хранины» в живую единую целостность, что в нем снова воскресают подлинно гуманитарные формы поведения и взаимоотношений его членов и умирают звериные виды взаимоотношений, развязанные революцией... Словом, это означает, что человек для человека снова становится богом, а не волком, как при революции.

Раз огромна разрушительно-биологическая и озверяющая роль революции — более сильно должно действовать и противоядие в виде религии, если народ не погибает от кризиса.

Отсюда — подъем религиозности при и после революций, не кончающихся гибелью общества.

Если этого «симптома выздоровления» нет, это один из верных признаков декаданса общества.

К счастью, он налицо в современной России. Вкратце положение дела здесь таково.

Всякому, знакомому с религиозной жизнью России до революции, известно, что православная церковь обладала очень многими дефектами. Синод был департаментом правительства, священники — в значительной мере чиновниками-бюрократами, приход — простой административной единицей, паства — массой, отданной в опеку духовных чиновников и бюрократически объединенной в приходы. Живой религиозной связи паствы друг с другом и с духовенством почти не было; живого духа было мало... Перед нами было «ведомство православного исповедания», а не действительная православная церковь.

Грянул гром революции. После октябрьского переворота пришла сильнейшая атеистическая пропаганда, а вместе с ней — и отделение церкви от государства, и гонения на веру, церковь и духовенство... Не будь последних явлений, неизвестно, какое течение принял бы ход дел. Отделение и гонения решили вопрос... Церковь, приходы и духовенство лишены были всякой государственной субсидии. Тихое и сытное житье священников кончилось... Им пришлось бедствовать, пахать, косить, работать физически — словом, попасть в положение рядового крестьянина, если даже не худшее. Отныне перед паствой был уже не чиновник, не «жирный поп», а свой брат труженик, с одной стороны, преследуемый мученик — с другой, духовный пастырь и советник —

с третьей. Это быстро повело к замене прежней формально-бюрократической связи священника и паствы связью живой, действительно религиозной. С другой стороны, лишение церквей и приходов всяких государственных субсидий заставило самих прихожан «раскошелиться» и самим им заботиться о «благолепии храмов», о покрытии расходов и вообще о поддержании религиозной жизни и культа. Раньше все это было чужим делом, выполнялось помимо паствы... Теперь хозяйном оказалась она сама... Такие расходы, заботы и труды волей-неволей связали членов прихода друг с другом, с духовенством и с церковью. Чужое дело стало своим. Приход из административной единицы стал живым религиозным единством. С третьей стороны — ужасы и бедствия были столь громадны, что «душа» нуждалась в сверхчеловеческом утешении, успокоении и облегчении... Где же его найти широкой массе, как не в церкви и религии! Наконец, сделали свое дело и религиозные преследования. Мученичество, как и кровь, как известно, скрепляет не только палачей, но и жертвы... Все это вызвало и не могло не вызвать оживление религиозной жизни в первые же годы революции. Неудачи же последней, ставшие понятными и массам в 1920–1922 гг., еще более усилили этот подъем.

В итоге, кроме части молодежи, главным образом городской, и то уменьшающейся с каждым месяцем, это оживление охватило все классы населения, не исключая и пролетариата; сильнее женщин, чем мужчин, сильнее стариков и пожилых, чем молодежь. На глазах воскресла живая душа православной церкви.

Это проявилось в сотне симптомов. В то время как все и вся разваливалось, церкви ремонтировались. В то время как слушатели коммунистических митингов таяли, число молящихся в церкви, сильно упавшее в 1917–1918 и даже в 1919 гг., все более и более росло. Ряд церквей стали полны народом. Крестные ходы стали собирать по 40–50 тыс. населения, а в Петрограде и Москве — свыше сотни тысяч. Из 700 000 населения Петрограда летом 1921 г. в церковной процессии участвовало по меньшей мере 200–250 тыс. Накануне были коммунистические шествия 1 мая. Как они были жидки, безжизненны и ничтожны по сравнению с этой лавиной!! Контраст был весьма знаменательным.

Подъем религиозности охватил и почти все слои русской интеллигенции — в массе традиционно-атеистические или враждебные церкви. Часть — верхи — стали мистиками. Ряд профессоров — Лосский, Гревс, Карсавин и другие — церковными проповедниками. Другие, не впадши в мистицизм, поняли здоровую социальную роль религии и ее

ценность. Третьи стали дорожить ею как средством сохранения социальной связи и исторического лица. Четвертые стали на ее сторону из жалости, из симпатии к мученичеству. Пятые — из ненависти к большевикам. Не представляет отсюда исключения и студенчество, традиционно атеистическое. Когда 5 февраля этого года мне пришлось говорить речь на акте университета перед 3–4-тысячной аудиторией студентов всех высших учебных заведений Петрограда, когда я в ряду других «контрреволюционных» задач молодого поколения говорил о необходимости религиозного отношения к жизни, о социальной роли религии, о глупости «ура-атеизма» и т. д., то и в этих частях речи, как и в других, овации аудитории прерывали меня через каждые две–три фразы^{75*}. За такую речь шесть лет назад жестоко бы освистали: тогда она была психологически невозможной... Если бы, далее, вы побывали на религиозных диспутах этим летом, устраивавшихся коммунистами вкупе с «Живой церковью», вы видели бы битком набитые аудитории, собиравшие тысячи людей. Наблюдая же отношение аудитории к коммунистам и представителям «Живой церкви», вы недвусмысленно усмотрели бы в этом подъем религиозности и симпатии населения: коммунистам не давали говорить, несколько раз их стаскивали с кафедры, представителей «Живой церкви» прерывали возгласами: «изменники», «иуды», «за сколько сребреников продались коммунистам», «чекисты», «предатели», «ваши ряды и руки в крови», «вон», «долой» и т. д. И что характерно — такие возгласы шли как раз из рядов рабочих и простого народа...

В церковных аудиториях, где происходит обучение Закону Божию (исключенному из школы), нет недостатка в учениках. На исповеди, начиная с 1920 г., ходит все большее и большее число не только некоммунистов, но и коммунистов (часто тайком от партии). Легализация браков путем венчания в церкви также растет... Словом, я мог бы привести сотни симптомов этого подъема... Только небольшая часть молодежи, выросшая в годы революции, в возрасте 13–17 лет ставшая «коммунистами», осталась в стороне от этого подъема. Она пока архиатеистична. Молодое же поколение, более юное, прошедшее детство в ужасах революции, напротив, вырастает весьма религиозным и приводит в отчаяние современную власть коммунистов и руководителей народного просвещения.

Оздоровело и духовенство. «Жирного попа-чиновника» больше нет. Перед вами или скромный труженик, в поте лица добывающий свой хлеб и выполняющий в меру своего разумения религиозные обряды, или, реже, труженик и живой подлинный религиозный руководитель

народа, его веры и жизни, советник в делах совести, утешитель в горе, учитель нравственности и просветитель разума. И вдобавок — мученик.

История поставила трудный экзамен нашему духовенству. Оно его — в общем и целом — сдает удовлетворительно... Этот подъем охватил не только православную церковь, но и католиков, и евангельских христиан, и религиозных сектантов, обитающих в России. Особенно сильно это заметно на евангельских христианах...

События 1922 г. — ограбление церквей^{76*}, процессы против церковников, арест патриарха Тихона, расстрелы священников во главе с митрополитом Вениамином, насильственный захват церковного управления в виде создания «Живой церкви» и Высшего церковного управления — не только не ослабили, но усилили этот подъем. Все шаги власти разбить насилем и хитростью религию, были грубой ошибкой с точки зрения ее интересов. Это теперь, по-видимому, начинает понимать и сама власть. Этим объясняется ее приказ прекратить дальнейшие судебные процессы против духовенства и прихожан.

Измышления власти о том, что духовенство и паства не хотели давать церковные ценности голодным, — сплошная ложь. Этот вопрос не возбуждал никаких споров в церкви. Спор шел лишь о том, можно ли давать эти ценности правительству, не пойдут ли они на совсем иные цели. Верующие хотели реализовать их сами и сами раздать полученную пищу голодным. Соглашались они делать это и через АРА или другие организации, внушающие доверие. Дать же ценности в руки власти — не хотели, и вполне основательно. По ее практике знали, что по адресу голодных большая часть ценностей не дойдет, будет разворована, потрачена на Интернационал, на агитацию, подкуп агентов и т. д. События вполне подтвердили это недоверие. Голодным действительно достались крохи этих ценностей. Большая часть их исчезла неизвестно куда. Власть, конечно, не могла мириться с такой позицией. Церковные ценности прежде всего нужны были ей. Голодные были лишь благодидным предлогом. Золотого фонда осталось немного, деньги до зарезу нужны — и отсюда вся бешеная кампания власти, весь поток ее лжи, наветов, измышлений, которым в России никто не верил и не верит.

Началось насильственное изъятие. Верующие стали на защиту. Произошел ряд кровавых столкновений, прямых схваток, убийств... Пришлось власти мобилизовать своих преторианцев, насилем и оружием сломить сопротивление... Это было сделано. Для устрашения нужно было терроризировать и верующих, и духовенство. Начались массовые аресты, «судебные процессы» и расстрелы... Верующие и тут не оста-

лись пассивными. В первые дни процесса против Вениамина и других церковников в Петрограде огромная толпа собралась около Дворянского собрания, пением «Достойно есть» и «Кирие елейсон»^{77*} встречала подсудимых, расшиблен был лоб священника Введенского, «продавшегося коммунистам»... Но что могла сделать неорганизованная и невооруженная толпа с армией чекистов. Она была окружена последними, и 2000 человек было арестовано... В следующие дни Михайловская площадь была оцеплена, и туда не пускали никого. Сходное происходило и в других городах России. Судебная комедия была проделана. Обвиняемые вели себя поистине геройски: так, как вели себя лучшие религиозные мученики... Кровь была пролита... Но она еще сильнее связала верующих — вот объективный результат этих мер.

Рядом с ними власть предприняла и другие. Ей надо было захватить управление церковью. Этому мешал прежде всего патриарх Тихон. Он был арестован. Но ареста мало, нужно его отстранить. Тогда был пущен в ход отвратительный шантаж человеческой кровью: посланы были к нему несколько ренегатов-священников^{78*} с требованием, чтобы он отказался от своей власти: если он не откажется, 11 приговоренных к расстрелу московских священников будут казнены, если откажется — будут помилованы... Кошмары из «Бесов» Достоевского менее ужасны, чем этот ультиматум. Тихон не отказался... Он, лишенный свободы и возможности управлять, указал, что шантажисты могут овладеть патриаршей канцелярией и... только... Из этого была создана легенда об отказе патриарха Тихона, о передаче власти Высшему церковному управлению, самочинно созданному из этих священников-шантажистов с прибавлением таких же «прохвостов». Из них-то и была попытка создать так называемую «Живую церковь» — орудие разложения православной церкви и превращения ее в «агитотдел» коммунистической пропаганды. Я знаю лично большинство главных деятелей этой «Живой церкви» и Высшего церковного управления. Кроме одного или двух лиц, — все они морально низкие люди, беспринципные карьеристы, с рядом постыдных действий в прошлом, короче, типичные проходимцы. Одно или два лица из них лично чистые люди, пользовавшиеся даже влиянием среди верующих, пошедшие в это дело по глупости и теперь потерявшие всякое уважение со стороны своих бывших почитателей...

Из всего этого, конечно, ничего не вышло. «Живая церковь» превратилась в предмет ненависти и насмешек. Высшее церковное управление во главе с Красницким — большим негодяем — никто не хотел признавать. Тогда власть пошла дальше. Усилив гонения и террор, она объявила: духо-

венство и приходы, которые откажутся признавать власть Высшего церковного управления и будут бороться с «Живой церковью», лишаются зданий храмов и всех предметов культа, находящихся в них. «Они принадлежат государству (хорошее отделение церкви от государства!), и власть вольна их давать кому угодно!» Такая мера была пущена в ход за две недели до моей высылки из России. Что из нее получилось — я пока не знаю. Уверен, однако, что власть будет бессильна провести вполне эту меру, часть приходов может фиктивно признать Высшее церковное управление, часть предпочтет закрытие храмов, если только власть на это решится.

Объективно и здесь, кроме проигрыша, для власти ничего не получится. Чем сильнее будет преследование — тем интенсивнее будет подъем религиозности в православной церкви.

Что же касается «Живой церкви», то она, «не расцветши, отцвела». Главные ее деятели — священник Красницкий и епископ Антонин — успели уже перессориться друг с другом, ссора привела к официальному расколу и образованию рядом с «Живой церковью» — «Церковного возрождения», обе группы начали яростную борьбу друг с другом, в этой борьбе намечаются новые расколы среди ничтожной кучки всех этих «живых» карьеристов — словом, «Живая церковь» уже успела умереть, а «мертвая» православная церковь, несмотря и вопреки преследованиям, живет и оживает...

Сейчас лицо православной церкви сливается в одно целое с национальным лицом России. Власть и силы, действующие через нее, хотели и хотят стереть и уничтожить то и другое, затоптать их в грязь истории, утопить в серой мгле темного Интернационала, хотят Россию сделать проходным двором для единичных и массовых проходимцев, тараном, послушно пробивающим дом других народов, но... по-видимому, это не удалось... Сорвалось...

Мы тяжело изранены, но живем и поправляемся.

9. Изменение народной психики и идеологии

Пережитый трагический опыт не прошел даром. Слишком велики потери, огромны жертвы, ужасны лишения, чтобы они ничему не научили... «Нет худа без добра», хотя это «худо» и не покрывается «добром» в форме положительных результатов опыта... Масса народа кое-что поняла, кое-что усвоила. Ее поведение и психика теперь существенно отличаются от довоенного состояния. Это мы видели уже выше... Очертим кратко основные изменения в этой области...

Во-первых, выше было указано, что народ стал более безграмотным в школьном смысле, но... тяга к знанию и интуитивное понимание явлений, приобретенное на «своей шкуре», в школе жизни, тяжелым опытом, сильно возросли.

Это сказывается и в интенсивном желании — особенно среди крестьянства — усвоить новые, более совершенные технические приемы ведения хозяйства, земледелия и других практических дел... Старая рутина разбита. У выделившегося крестьянина-отрубника вы встречаете теперь книжки по ведению сельского хозяйства, «Справочник агронома» и т. д. На беседы дельного агронома стекается большая аудитория. В ряде мест крестьяне организуют (если власть не мешает, что, увы, обычно) краткосрочные курсы по той или иной отрасли сельского хозяйства. Нет недостатка в слушателях таких же курсов, устраиваемых такими же организациями и школами. Есть желание использовать машины в работе.

Усилилась тяга к грамоте. Я указал уже, что крестьяне сами, своими силами, всячески стремятся сделать детей грамотными, грамотных посылают учиться дальше. Этот же факт подтверждается раскупкой книг. Книга в России сейчас стоит дорого, от 2–3 млн до 10–15 млн рублей том. Россия голодна: нет хлеба. И, однако, книги расходятся, если они действительно дельные книги. Обнищание компенсируется возросшей жаждой знания. Человек голодает физически, чтобы хоть сколько-нибудь утолить духовный голод, дать ответ себе на «проклятые вопросы», поставленные жизнью. Расходятся не только брошюры, но и толстые тома, не только по техническим, но и по социальным вопросам. Достаточно указать для примера, что толстый журнал «Экономист» (закрытый властью), книжка которого стоила ряд миллионов рублей, выпускавшийся в количестве 4000 экземпляров, расходился начисто в течение одной-двух недель^{79*}. Другие издания расходились не так быстро, но все же расходились. Издательства хоть и с трудом, но ведут свое дело и существуют. Не расходятся только «коммунистические» издания, набившие всем оскомину и надоевшие до смерти. Их приходится рассылать за казенный счет или в принудительном порядке. Если и среди них исключения, но единичные.

На публичных лекциях и диспутах, исключая коммунистические, надоевшие до смерти и потому наполняемые курсантами и другими частями в «военном порядке», аудитории не пустуют. Они посещаются. Их, конечно, мало, они идут только в больших городах, но и это симптом. Устрой их в деревнях, народу было бы полным-полно. Беда лишь в том, что нельзя и некому их там устраивать...

В учебных заведениях аудитория внимательна. Несмотря на ряд тяжелых условий, делающих занятия невозможными, молодежь все же каким-то чудом ухищряется учиться.

Словом, десятки и сотни симптомов говорят об этом росте импульса к знанию. Потенциально он столь значителен, что, не будь обнищания, не будь тысячи рогаток, ставимых властью на пути к знанию, не будь самой власти, служащей огромным препятствием к просвещению, в пять—шесть лет можно было бы сделать очень много — при умном руководительстве и средствах можно было бы значительно наверстать потерянное и догнать народы, ушедшие далеко вперед... Но увы!.. Этих условий нет, и потому приходится двигаться шагом.

В результате пережитых событий значительно расширился и умственный кругозор народных масс. Они стали интересоваться многим, что раньше их не интересовало. Они поняли, что «от жизни не уйдешь», что «в свою конуру не спрячешься», что многие явления «задевают» самым резким образом... «Революция», «социализм», «коммунизм», «государственное целое», «права человека», «судебные гарантии», «церковь и вера», «концессии и займы», «собственность», «устройство государства», «Генуя», «Гаага», «капитал» и т. д., и т. д., т. е. тысячи кардинальных вопросов политического и социального бытия касались и касаются массы самым прямым образом, решение их испытано и испытывается на своих «боках», польза или вред — также. Мудрено ли поэтому, что массы познакомились со всем, вольно или невольно не могли не интересоваться ими, не обсуждать и не думать над ними, не научиться многому. Естественно, что социально-политический их уровень поднялся... Теперь с крестьянином вы можете говорить о многом, иногда о довольно специальных вопросах (валюта, концессии и т. д.). Он вас понимает. Больше того, на опыте, своей шкурой испытал пользу или вред ряда решений, он во многих случаях даст вам в простых словах совершенно правильное решение и прогноз, часто более правильный, чем «книжные» мудрствования оторванного от реальности интеллигента.

(Горький в своей постыдной, нечестной книге вопреки себе подтверждает это. «Пользы нам от фокусов этих нет, а расход большой людьми и деньгами. Мне подковы надо, топор, гвоздей, а вы тут на улицах памятники ставите, — баловство это. Ребятишек одеть не во что, а у вас везде флаги болтаются», — говорит у него мужик... Разве он не прав перед интеллигентом Горьким? Разве он не прав и в следующем: «Если бы революцию мы сами делали — давно бы на земле тихо стало и порядок был бы»... Да если бы было поменьше «вождей», т. е. антропоидов,

оторванных от жизни, перед которыми так лебезит Горький, ужасы революции были бы действительно более скромными.

Кстати, Горький, оплевавший теперь русское крестьянство, делал это и раньше. Тем необъяснимее для меня и для других, бывших на обеде в честь Уэллса, была его реплика, прервавшая мою речь, пытавшуюся хоть немного открыть Уэллсу глаза на роль наших «вождей» революции и на их мерзости^{80*}. «Во имя уважения к русскому народу такие речи здесь неуместны», — прервал меня Горький. До сих пор не понимаю, что это значило. Очередное лицемерие просто или лицемерие для спасения репутации «вождей» и втирания очков Уэллсу? Был бы рад получить ответ от г. Горького.)

Словом, в этом отношении мужик вырос. Теперь его не проведешь, как раньше, «хорошими словами». Во многом он теперь отлично разбирается и многое понимает.

В связи с этим он вырос и в других отношениях, в частности, в понимании зависимости своей судьбы от судьбы целого. Психология «моя хата с краю», «мы пензенские, и до нас не доберутся» теперь едва ли возможна. Невозможной поэтому становится и та безучастность к судьбе государства, общества и народа, которая резко выявлялась в недавнем прошлом... Раньше это вызывалось наличием «хозяина-начальства». Последнее само отстраняло население от активного участия в политико-социальных делах и обрекало его на пассивную роль. И население, привыкшее жить под опекой «попечительного начальства», предоставляло дело его усмотрению.

Теперь «хозяина» нет... Существующие «хозяева» за таких не считают. Это просто налетчики, временно орудующие до прихода настоящей власти. Ждать от них порядка — пустое дело. Приходится самим заботиться об этом и думать крепко-накрепко «государеву думу»... Как избыть беду? Как снова наладить жизнь? Какой порядок навести? Какой строй учредить? Кого выбрать в государственные люди?

Словом, *сама историческая обстановка повелительно возбуждает самостоятельность населения, его инициативу, активность, сознание...*

С другой стороны, те же события научили сдерживать групповой и классовый эгоизм, беспардонную и бесшабашную активность. Горький опыт научил крестьянство (о других слоях не говорю, ибо они разрушены), что безграничное преследование узкоклассовых интересов в конце концов не только вредит целому, но и интересам этих классов, что на одной диктатуре пролетариата или крестьянства не выедешь, что не они только «соль земли», не одни они «трудящийся народ», но столь

же полезную работу выполняют и другие классы, вплоть до «эксплуаторов-буржуев». Изменился и самый взгляд на последних. В значительной мере понято теперь, что «капиталист» не только и не столько «эксплуатор», сколько организатор хозяйства. Название «буржуй» в сильной мере потеряло свою одиозность. «Без буржуя не проживешь», — так формулируется народом эта мысль... Пропала или сильно ослабла и мистическая вера в полезность бесшабашного творчества, производимого без знания руками рабочих и крестьян. «Семь раз отмеряй и однажды отрежь», «мало ли что он рабочий, да коли он ни черта не смыслит, какой толк из его работы», «надо делать с сознанием, надо иметь сноровку», «дело мастера боится», — так выражается эта мысль.

Резкие изменения произошли и в психике «интеллигенции». Я думаю, что история старой — типичной — русской интеллигенции кончилась. На место ее приходит новая, с новым психическим укладом. Она будет, и отчасти уже есть, более деловой и более знающей, чем старая интеллигенция. Она будет менее романтической и менее идеалистической, но более полезной объективно; при всем богатстве идеализма старой интеллигенции, при ее невежестве и романтизме, толку было не очень много. «Много было хороших слов, много героических поступков, но мало было объективно полезных дел. Большая часть энергии гибла зря, а нередко из героизма получался объективный вред». Новая интеллигенция рождается более прозаической. Не будет задаваться «несбыточными мечтами», реже в ней будут подвижничество и самопожертвование, но она будет лучшим «спецом», раз, и свои специальные обязанности будет выполнять серьезнее, два. Изменилось ее положение и в третьем отношении. «Кающийся дворянин» давно исчез; в революции исчез и «буржуа», или обеспеченный представитель либеральной профессии, чувствовавший все же какую-то вину перед народом, какую-то неловкость за свою обеспеченность. Не стало больше обычного деления на «интеллигента», «обязанного перед народом», и опекаемого «меньшого брата», которого надо «просвещать», «учить», ставить на путь истины, который идеален сам по себе, но погибает в невежестве эксплуатации. Этот взгляд на «меньшого брата» сверху вниз, эта романтически-сентиментальная концепция сожжена революцией безвозвратно. Она теперь чужда и народу, и интеллигенции. Складывающиеся отношения менее сентиментальны, но более здоровы. «Никакой вины у меня перед тобой нет, ни в чем я не грешен и не в чем мне каяться. Я такой же, как ты. Ты делаешь одно дело, я другое. Мы можем друг другу быть полезными. Я обязан делать одно дело, ты — другое. Если каждый из нас будет делать

свое дело по-настоящему, — все отлично. Если нет, — плохо и неизвинительно ни для тебя, ни для меня», — такова приблизительно эта новая платформа отношений в схематическом виде. Старый романтически-сентиментальный и в то же время аристократический по природе подход интеллигенции к народу и раньше был довольно нелеп. Теперь он психологически невозможен. Романтизм, сентиментализм и жертвенность сдуты революцией с психологии интеллигента. Не нужны они и народу. «Ты мне лясы-то не точи, а говори дело», — вот что скажет он любому врачу, инженеру, технику, если они свое дело не будут делать, а будут заниматься «высокой политикой». Такая картина выясняется уже и теперь. Молодежь идет, главным образом, в специальные учебные заведения и меньше — в общие, в гуманитарные. Она стремится быть прежде всего «практиком». Далее, о каком «покаянии» и «ответственности перед народом» может идти речь у этой молодежи, выходящей, главным образом, из этого народа, знающей его быт, жизнь и нравы. Психология «виновных» и «кающихся» ей органически чужда.

Короче, *интеллигенция будет более «мещанской», более «прозаической», но более деловой и социально-полезной.*

Я лично (*horribili dictu*^{81*}, опять) всецело приветствую такой уклон. Приветствую потому, что западноевропейское «мещанство» считаю более культурным явлением, чем нашу «интеллигентность» Марков Волоховых, «трех сестер» Чехова, «героических натур» Тургенева, «лишних людей» нашей литературы, «вождей» и «сверхчеловеков» революции и «интеллигентность» многих и многих маниловых, ноздревых и чичиковых от культуры. Былой культ нашего «антимещанства» был в значительной мере проявлением нашей некультурности, безграмотности и псевдосознательности. Хорошо им было баловаться, нашим пресыщенным нищезанцам, чайльдгарольдам, студенческой богеме и всевозможным «эстетам» и *intellectueles*...

Нам не до того... Нам жить надо, и «с жиру беситься не приходится». Так же смотрю я и на «утилитарно-практический уклон» новой интеллигенции. Буду рад, если она «американизируется», приобретет практичность американцев, и их «мещанство», с другой стороны, напротив, меньше будет заниматься стихокропательством, «выработкой мирозерцания» (масса интеллигентов всю жизнь этим занималась и умирала, так и не выработав «мирозерцания», а текущие дела делала скверно), пустым «философствованием», балетом, театром («ах, Художественный театр!»), музыкой («ах, Скрябин, божественно!»), выставками картин, футуризмом и тысячами «измов». Спецы по призванию будут это дело

делать. Дилетанты же не станут зря тратить энергии. У нас нет хлеба, мы вымираем, а потому нам сейчас не до «пирожных». Конечно, «не о хлебе едином жив будет человек», но... не без хлеба. Будет хлеб, будет и остальное. Сытая «мещанская» Европа создала духовных ценностей не меньше, а больше нас. Не впадайте в самообман и смешную гордость... евразийцев!^{82*} Все это «парадоксы», но... русло жизни поворачивает именно к этим «парадоксам». И отлично...

Рядом с этими формальными изменениями произошли изменения идеологии и по существу. Главнейшие из них таковы.

Появилось сильнейшее чувство (и сознание) *национализма*. Таков реальный плод усиленной прививки «интернационализма». Ответом на тысячи попыток вытравить национальную культуру, национальное сознание, национальный лик, традиции и быт; ответом на усиленную пропаганду интернациональных идей; реакцией на бесчисленные оскорбления национального достоинства и ценностей, чинившиеся гг. «интернационалистами»; защитательной мерой против опасности гибели народа и государства и перехода из главных актеров истории на роль безликих статистов; ответом на засилие иностранцев и инородцев в революционной русской жизни; ответом на эксплуатацию русского народа этими «интернациональными подонками всех стран», — вот чем является современный рост национального сознания.

Раз Россия и русский народ превращены были в проходной двор, где лицо наше топталось каблуками интернационалистов всех стран, раз Россию стали растаскивать по кускам, раздирать на части, взрывать изнутри, грабить отовсюду, раз среди «распинающих» оказались и враги, и вчерашние друзья, раз бывшие окраины стали смотреть на русский народ сверху вниз, раз все его покинули, все изменили, все обманули, раз теперь ей грозит участь колонии — все разгромлено, разорено, и за все «битые горшки» должен платить тот же русский «Иванушка-дурачок», — раз Россия при благосклонном участии бывших союзников начинает продаваться «оптом и в розницу», превращается «из субъекта в объект», то должно было наступить одно из двух: или гибель, или резкая реакция защиты. Симптомом последней и служит рост глубоко подсознательного *национального чувства, охватившего все слои*.

Не удивляйтесь, если он в некоторой степени имеет зоологические формы. И это неизбежно. И даже целесообразно с точки зрения интересов выживания. Неизбежно потому, что слишком по-зверски обращались с русским народом «интернационалисты», слишком мало было высказано иностранцами и инородцами гуманизма и жалости и слиш-

ком много бессовестного хищничества, шакализма и дипломатической хитрости, которая «мягко стелет, да жестко спаять». Народ понял, что ему не на кого надеяться, кроме как на самого себя. Целесообразно потому, что с ним также обращаются «зоологически». Когда тигр и шакал вас рвут, глупо усовещивать их, надо бить... или погибнешь. То же и с целым народом. Разве он, вплоть до серого мужика, не понимает, что его рвут, одни бесцеремонно, другие «вежливенько», под аккомпанемент «хороших слов» и улыбок? Разве он не оценивает все эти соглашения с большевиками и всевозможные концессии и т. д. словами: «своих помещиков прогнали, теперь приходят другие», «за наш счет хотят греть руки и большевики, и иностранцы», «ну подождите же»?..

Не удивляйтесь же, если национализм сильно пронизан зоологизмом. Он понятен и... целесообразен, хотя, быть может, и очень некрасив.

Частичным проявлением этого зоологического национализма *служит острый антисемитизм, охвативший все слои русского народа, еще недавно бывшие евреефилами*. Им заражены почти все — от верхов интеллигенции до глухой деревни, от русских коммунистов (не удивляйтесь) до монархистов. «Протоколы сионских мудрецов»^{83*} читаются и в верхах, и в забытой деревне. Они одобряются, им верят, их хвалят. Здесь завязался один из самых тяжелых и трагических узлов русской истории, сулящий много хлопот и бедствий той и другой стороне. Причиной такого явления служит чрезвычайно выдающаяся роль, сыгранная значительными массами евреев в углублении нашей революции и в расцвете нашего коммунизма. Не говоря уже о «вождях», огромное большинство которых (Зиновьев, Троцкий, Каменев, Стеклов, Свердлов, Радек, Красин, Урицкий, Володарский, Литвинов, Иоффе и т. д.) были евреями, большинство «командующих позиций» во всех комиссариатах было занято и занимается ими же. При большей изворотливости они, далее, менее пострадали экономически, чем русские. Значительная часть богатств перешла в их руки. Благодаря той же практической сноровке и помощи сородичей они менее голодали. Ряд самых одиозных функций в значительной мере выполнялся ими же. С наступлением нэпа они же — почти исключительно — оказались «капиталистами», «богачами», захватившими в свои руки фактически почти всю и государственную, и кооперативную, и частную промышленность и торговлю. Прибавьте к этому то, что население Петрограда, Москвы и других городов сейчас (благодаря отливу еврейства из местечек в центры) сильно семитизировано, что еврейство лучше питается, лучше одето, лучше живет, что русский на всех командующих позициях, во всех комиссариатах, кроме ГПУ (где сейчас мало евреев),

видит евреев, что даже состав студентов высших школ преимущественно еврейский (в медицинских школах 60–70%, в других ниже: «процентная норма наоборот», так говорят об этом в России), учтите все это — и рост антисемитизма будет понятен. Я не антисемит, но такое положение считаю ненормальным. Я никогда не защищал ограничения прав еврейства, но не могу признать правильным и ту фактическую привилегированность его, и ту фактическую эксплуатацию русского народа, которая выполняется сейчас значительными массами еврейства.

Я не стоял за «процентную норму», но нахожу ненормальным, чтобы при наличии специальных еврейских высших школ, содержимых за счет государства, в общих высших школах 60–70% учащихся были евреи.

Должен прибавить к этому, что поведение многих и многих евреев, даже не коммунистов, а просто дельцов, в смысле хищничества и шакализма было безобразным.

Я знаю, что глупо эту вину части еврейства переносить на весь еврейский народ. Я знаю жертвы евреев, погибших на посту защиты интересов России. Но народная массовая психика иначе рассуждает. Она видит тени и забывает светлые блики. Если же эти тени обширны и более часты, чем светлые полосы, тогда тем неизбежнее ее односторонность. Народу не легче от того, что есть антибольшевики-евреи — подлинные друзья России. «Раз они сами не могут справиться с ними, остается нам самим бороться, как сумеем и как можем. Мы боремся и будем бороться — не на жизнь, а на смерть — с русскими большевиками и их подчиненными. Так же беспощадно будем бороться с евреями, коммунистами и их подручными! Пусть другие евреи за это не пеняют на нас!» Такова приблизительно массовая психология, ее настроение, ее решение и ее «оправдание»...

Повторяю, здесь русская революция завязала один из самых трудных и трагических узлов, грозящий большими бедствиями. Нужно скорее с чистым сердцем и совестью той и другой стороне принять все меры, могущие его разрешить социологически, а не «зоологически». Вопреки мнению тех, кто думает, что ликвидация большевизма с этой точки зрения опасна, я отвечаю: *чем дольше будет держаться данный режим, тем антисемитизм будет глубже и шире, тем сильнее будет расти «зоология».*

Рядом с чертой национализма столь же резко выступает вторая черта современной массовой идеологии. Это — *глубокое отвращение ко всем идеологиям коммунизма и даже социализма.*

Благодаря крови, огню и полному разгрому России, к которым привели коммунизм и коммунисты, все подобные идеологии дискредитированы в корне и надолго.

Если раньше они легко прививались ко всему населению, кроме аристократии и буржуазии, если русская интеллигенция была — в массе — социалистически настроенной, то теперь дело обстоит наоборот. Теперь Россия «иммунитетна» к таким учениям. Слово «коммуния» стало одиозно ругательным. Сильно дискредитированы и все те рецепты, идеологии и течения, которые имели и имеют какую-либо связь с коммунизмом.

Идеология и настроение в современной России — в массе — резко *«индивидуально-собственнические»*. Институт частной собственности у нас не имел раньше «большого кредита», на него смотрели как на зло; в нем видели источник бедствий, апологетов его не было, фигура частного собственника не вызывала симпатий. Теперь наоборот. Этот институт оценен и даже переоценен; иначе расценивается собственник, иначе смотрят на капиталиста.

«В борьбе обрел народ право собственности»^{84*}, а не коммунизм... Появился и крепкий органически-почвенный жилистый собственник. Им является крестьянство, стихийно потянувшееся на хутора и отруб, им является и «новая буржуазия», вышедшая из рядов коммунистов, им является по поведению и психике половина современных коммунистов — крепких собственников *in spe, in futurum*^{85*}, им являются все категории «спецов» и «новой бюрократии», им является и большинство интеллигенции.

«Мелкобуржуазная стихия» (на языке власти) широким морем разлилась по «коммунистической» России, бушует и рвет последние остатки коммунистических построек. И не только их: она заодно поглотила и все бывшие предубеждения русского общества против собственности, и все его симпатии к социализму-коммунизму...

От коммунизма последних лет теперь уже нет ничего, кроме золы, копоти и тиранического правительства. Русский народ переварил стадию анархии, переварил коммунизм, остается переварить теперь только неограниченный деспотизм.

С коммунизмом и социализмом покончено... и надолго. Не только имя Ленина и наших коммунистов, но имена Маркса и других теоретиков социализма большинством русского народа долгие годы будет вспоминаться недобрым словом. (Недаром за последний год начинают выкидывать шутки с небольшим числом оставшихся памятников революции: в Одессе весь рот и бороду Маркса намазали пшенной кашей, которой питали почти год население, и написали: «Ешь сам».) Таковы шутки истории.

Вместе с указанными выше чертами все это говорит о резкой деформации психики русского народа.

Она изменилась. Но не в том направлении, в каком хотели гг. коммунисты.

Заключение

Таково вкратце современное состояние России и ее народов. Мы видим, что война и революция «славно поработали». Подводя итог доходам и расходам, приходится сказать, что первые совершенно не покрывают вторые. Опустошения громадны и частью непоправимы. Приобретения есть, но они невелики.

Не будь войны и революции, Россия теперь была бы неузнаваема. Начиная с 90-х годов XIX в. мы развивались во всех отношениях — и в материальном, и в духовном — с такой быстротой, что наш темп развития опережал даже темп эволюции Германии. Росло экономическое благосостояние населения, сельское хозяйство, промышленность и торговля, финансы государства находились в блестящем состоянии, росла автономия, права и самостоятельность населения, могучим темпом развивалась кооперация, уходили в прошлое абсолютизм, деспотизм и остатки феодализма. Исчезала безграмотность, народное просвещение поднималось быстро, процветала наука, полной жизнью развивалось искусство, творчество духовных ценностей было громадным *in extenso*^{86*} и глубоким по интенсивности.

Не будь войны и революции, — Россия в 1922 г. была бы процветающим духовно и материально государством.

Но пришли эти явления — и блестящее развитие было прервано. Не только остановлено, но отброшено назад на одно-два столетия.

Россия сегодняшнего дня и Россия 1922 г. без войны и революции... какой контраст! Целая пропасть между ними! Целые века!

Понадобятся десятилетия, чтобы залечить раны, стать Россией 1922 г. без войны и революции. Вот почему я не могу больше быть ни трубадуром, ни романтиком войны и кровавой революции. Вот почему я тихо и печально улыбаюсь, когда слышу славословия последним. Вот почему я скептически воспринимаю всякую — пассивную и рафинированную — радость и восторги перед революцией... Когда же я вижу многих и многих, искренно мечтающих о приходе революции, я говорю: «Жаль, что человечество плохо усвоило уроки истории. Эти дети играют огнем, который сожжет их же самих, и больше всего именно трудо-

вые классы: они вызывают вихрь, который разнесет смерть, убийства, зверства, голод, болезни, опустошения по всей стране, вихрь, в результате которого больше всего пострадают именно народные массы». «Следствием его, — по верным словам Лебона^{87*}, — будет... заключение общества в смирительную куртку... Разнузданная чернь, вооруженная, жаждущая мщения и разъяренная; пики, ножи и молотки; угрюмый притихший город; полиция у семейного очага; подозрительность ко всякому мнению; подслушанные речи... подмеченные слезы... неумолимые реквизиции... вынужденные займы... обесцененные бумаги... война на границе... Безжалостные проконсульства... Жестокосердые комитеты безопасности... — вот плоды социальной революции». И сверх того... смерть, смерть и смерть... Смерть во всех видах... смерть лучших... смерть и ужасы...

Не приемлю теперь я кровавой революции и войны и из-за их методов, ибо знаю, что метод голого и кровавого насилия по своей природе ничего, кроме разрушения и регресса, дать не может.

«Дух разрушительный вовсе не есть дух созидающий», — это теперь мы поняли.

Не приемлю я их и по этическим мотивам. Если бы даже война и революция давали положительные плоды, чего, увы, почти не бывает, эти плоды «не стоят чистой слезы одного ребенка»!^{88*} Жизнь людей здесь служит кирпичами, их кровь — цементом, их страдания — штукатуркой, ужасы и зверства — краской, — таков революционный (и военный) метод постройки социальных зданий. Не одна жизнь и слезы взрослых, но десятки тысяч детей живыми кладутся в фундамент такого здания, безжалостно давятся, душатся, расстреливаются, мрут голодом, убиваются тифом, сифилисом, холерой, цингой и другими болезнями, дробятся их нежные кости, искажаются не только их тела, но и души... Это дорого... Слишком дорого...

Вот почему я отныне «почтительнейше возвращаю билет на вход в царство кровавой революции» (и контрреволюции).

Пусть не подумают, что эти строки говорят о том, что революция меня лично обидела, что я много, по-видимому, лично потерял в ней... Нет. Кроме жизни и иллюзий, мне терять было нечего. Я был беден — таковым остаюсь и теперь. Я сын рабочего и крестьянина^{89*} — стало быть, не мог потерять привилегий. Я не был ни «аристократом», ни «буржуем», ни чиновником — стало быть, и здесь я ничего не мог потерять... Жизнь моя — при мне еще. Честь моя и совесть — также. Единственная потеря — иллюзии. Были они и у меня... Одной из них было

романтическое представление о революции и желание ее прихода... Теперь я видел ее. Пять лет был я в ее вихре, пять лет внимательно смотрел в ее лицо... Увидев его, я стал изучать лица бывших «глубоких» революций. И понял: это лицо зверя, а не сверхчеловека, Антихриста, а не Бога, вампира, а не освободителя...

Я знаю, что многие «взрослые дети», «чистые сердцем», из трудовых классов, не испытавшие революции, не поверят этому. Но в ответ расскажу один эпизод. В 1917 г., в октябре, мне пришлось выступить с речью в одном полку. Я убеждал солдат не идти за большевиками. Я рисовал им те губительные результаты, которые принесет большевизм. Я делал это ради исполнения долга, но я знал, что сейчас они мне не верят и не поверят. Зная это, я кончил свою речь словами: «Я знаю, что вы мне не верите сейчас. Но прошу вас запомнить следующее: был человек, который вас предупреждал. Он исполнил свой долг. Запомните эти слова. Через год-два вы их вспомните. Вспомните и... тогда поверите. Но будет уже поздно...»

В 1919 г. я ехал на пароходе... Вдруг ко мне подходит один мужик, истощенный, грязный, оборванный... «А ведь я вас узнал, — тихо сказал он мне. — Помните, вы выступали в нашем полку... Много раз я вспоминал ваши слова. Дураки были мы, большие дураки... Оправдалось все, что вы говорили... Теперь взялись за ум... да поздно... Поверили, весь русский народ поверил, да поздно...

Когда увидят подлинный лик кровавой революции эти «неверующие», — поверят и они. Но я не хотел бы, чтобы они за эту веру заплатили ценой революции... «Да минет их чаша сия»^{90*}... Впрочем, увы, история не всегда идет так, как нужно... Она слепа... А Провидение, если оно есть, плохо бодрствует... Но «да минет их чаша сия».

Глубокую болезнь испытал и испытывает еще русский народ. Горькую чашу страданий выпил он до дна. Распял себя за свои и чужие преступления... Стал «Сыном Человеческим», принявшим на себя грехи мира... Теперь он искупил эти грехи. Теперь он чист... чище многих народов, согрешивших, но не пострадавших так. Чист... Готов к смерти и к новой жизни.

Много раз за эти годы я думал: не пробил ли смертный час нашей истории? Не бьет ли полночь исторического заката русского народа? Не перед смертью ли он омылся в страданиях?

Теперь вижу, что нет. Большой выздоравливает, кризис проходит, и впереди дорога жизни, а не смерти... Знаю, не розами покрыт грядущий путь. Он тернист, ждут на нем бездны новых страданий, унижений,

оскорблений и трудностей... Крутые кряжи, опасные перевалы и разбойничьи засады ожидают путника...

Но не будем падать духом. Возьмем с собой ценности Знания, готовность к Труд и лишениям, напряженную волю к Добру и светлую Надежду... С ними не пропадем... С ними снова выберемся из мрачных пропастей крови и смерти на широкую и столбовую дорогу истории.

«Сие буди и буди»^{91*}.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

МАТЕРИАЛЫ П. А. СОРОКИНА В ЦЕНТРАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ ВЫСШИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ УКРАИНЫ (г. КИЕВ)

В июне 1945 г. в Чехословакию для розыска и возвращения в Украину документальных материалов, вывезенных немецко-фашистскими оккупантами во время Великой Отечественной войны на территорию Чехословакии, была послана группа сотрудников Архивного управления при НКВД УССР.

Группой было установлено, что при архиве Министерства внутренних дел Чехословакии имеется так называемый «Украинский архив».

В то время послом СССР в Чехословакии был В. Зорин. К нему и обратились украинские представители, чтобы поставить вопрос о возвращении на Украину этих документов. После продолжительных переговоров с премьер-министром Фирлингером, министром просвещения Нееды и министром внутренних дел Носеком правительство Чехословакии на своем заседании 14 августа 1945 г. приняло решение: «В знак искренней дружбы чешского и украинского народов и дружественных взаимоотношений между обеими соседними землями — передать в дар УССР так называемый “Украинский архив”».

Основными источниками создания этого архива были документы украинских учреждений и организаций, которые действовали за границей, а также отдельных граждан, которые передавали имеющиеся материалы Украинскому историческому кабинету в Праге. Часть исторических документов кабинет покупал, часть документов принимал в депозит на определенных условиях, например, до смерти депозитора, на период 15–20 лет, до момента передачи их Украине и др.

Официальная передача документов началась 18 августа 1945 г. А 22 августа того же года Министерство внутренних дел ЧСР предупредило посла В. Зорина, что передаваемое Украине собрание документов должно иметь название «Пражский украинский архив».

В ответ 25 августа 1945 г. В. Зорин заверил министра внутренних дел ЧСР господина В. Носека, что советскими органами будут соблюдены все правовые нормы относительно этих документов.

Первая передача была завершена 30 августа 1945 г. При этом был составлен акт приема передачи, который от ЧСР подписали: заведующий архивом Министерства внутренних дел доктор И. Боровичка, специальный советник архива этого министерства доктор В. Пешак и заведующий Украинским историческим кабинетом М. Балаш, а от Украины — капитаны П. Павлюк и Г. Пшеничный, а также старший лейтенант Г. Неклеса (члены украинской группы по возвращению документов в Украину). В тот же день вместе с документами, которые были вывезены немецко-фашистскими захватчиками во время войны с Украины, в Киев был направлен один вагон документальных материалов, в том числе пражского архива, запакованных в специальные ящики. Кроме того, вместе с документами были переданы инвентарные описи, но практически сверить наличие указанного в них было просто невозможно.

В сентябре 1945 г. документы прибыли из Праги в Киев, на Владимирскую, 22-а, где размещались тогда архивные учреждения. Учитывая, что часть документов вообще не была систематизирована и описана, возникла необходимость провести научно-техническое упорядочение их и составить на эти документы описи, отвечающие правилам государственных архивов.

Среди документов, которые прибыли из Праги в 1945 г., были и документы Никиты Ефимовича Шаповала, которые образовались в результате его политической, научной и общественной деятельности. Эти документы в 1946 г. были систематизированы по таким направлениям:

- Рукописи;
- Автобиографические материалы;
- Документы о служебной и общественной деятельности;
- Переписка;
- Фотоснимки (групповые и индивидуальные);
- Материалы родственников.

В разделе «Рукописи» были найдены: машинопись книги П. Сорокина «Социология революции»; рукопись книги профессора Сорокина под названием «Изменения поведения людей в состоянии голода» на французском языке, написанная черными чернилами очень раз-

борчиво; рукопись «Социология революции» (перевод на украинский язык), а также уникальная переписка Н. Шаповала с П. Сорокиным.

В результате научно-технической обработки документов личного фонда Никиты Ефимовича Шаповала, которому был присвоен № 3563, было сформировано и внесено в опись 259 единиц хранения.

Документы личного фонда Н. Шаповала, в том числе и документы П. Сорокина, как и другие документы пражских фондов, долгое время находились на секретном хранении. В начале 90-х годов эти документы были переведены на режим открытого хранения и используются без всяких ограничений. С ними могут знакомиться, изучать, анализировать, публиковать как украинские, так и зарубежные исследователи. Для этого архивисты Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины создают все условия сохранности и использования этих документов.

Рукопись выдающегося русского ученого П. А. Сорокина «Социология революции» хранится в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины (г. Киев) в личном фонде Шаповала Никиты Ефимовича за 1907–1932 гг. Н. Шаповал – видный политический и общественный деятель Украинского государства, министр почт и телеграфов периода Украинской Центральной рады (декабрь 1917 г. – январь 1918 г.), министр земледелия периода Директории Украинской Народной Республики (до конца 1918 г.). Был членом Демократического совещания в Петрограде и членом Совета Всероссийской Республики. Он критически относился к работе правительства Украинской Центральной рады, которую 29 апреля 1918 г. сменил режим гетмана Скоропадского, с которым Н. Шаповал наотрез отказался сотрудничать. Он прекрасно ориентировался в сложившейся политической обстановке в период Директории (ноябрь 1918 г. – начало 1919 г.). В своих воспоминаниях Н. Шаповал так характеризует то время: «...эвакуируясь в Винницу, по дороге я видел, как гибнет украинская революция... Жутко за Украину и полное разочарование в политических способностях украинской интеллигенции. Не верю в революцию украинской интеллигенции. Я за социальную революцию» (Ф. 3563. Оп. 1. Д. 118. Л. 107–135).

22 февраля 1919 г. Н. Шаповал выезжает за границу, через Галичину в г. Станислав. Но уже в апреле 1919 г. Шаповала выслают с Галичины; он направляется в Венгрию, откуда эмигрирует в Чехословакию (в Прагу) в ноябре 1920 г. Здесь он в 1929 г. организует Украинскую партию социалистов-революционеров (УПСР) – пражскую группу, с 1930 г. является председателем Главного политического комитета УПСР.

Главная задача, которая стояла перед Н. Шаповалом и всей УПСР, сводилась к подготовке сил украинской эмиграции для борьбы за «самостийну і незалежну Україну».

В эмиграции Н. Шаповал был инициатором создания ряда организаций: в 1921 г. — Украинского общественного комитета, в 1922 г. — Украинской хозяйственной академии, в 1923 г. — Украинского педагогического института. В течение 1924 г. появляются такие учреждения, как Украинский социологический институт, Украинские натуральные курсы (для получения аттестата зрелости), учреждается Украинский издательский общественный фонд. Учреждаются периодические издания: в 1922 г. журнал «Нова Украина», с 1931 г. — «Трудова Украина».

Официальной датой основания Издательского фонда считается принятие решения Учредительным общим собранием 4 декабря 1925 г. Учредителями его выступили Украинский институт обществоведения, кооператив «Украинская Хата», издательства «Дом», «Нова Украина», «Черномор», «Украинский студент», а также Педагогический институт и др. Позже работе Фонда способствовали и всячески помогали Украинский университет в Праге, «Громада кубанцев», а также президент ЧСР, Украинская эмиграция в Америке и др.

Целью основания Издательского фонда было удовлетворение потребностей широких масс населения в научной литературе. Фонд занимался распространением научных трудов украинских ученых за рубежом, таких как М. Драгоманов, М. Грушевский, В. Винниченко, Ю. Сирый, О. Олесь, В. Чайковский и др. Большое внимание Издательский фонд уделял переводу на украинский язык иностранных научных трудов, которые были крайне необходимы украинской научной общественности.

Украинский общественный издательский фонд занимался выпуском на украинском языке литературы и учебников для украинской эмиграции, высших и средних школ.

Руководящим органом Фонда был Издательский совет, его исполнительным органом — Бюро украинского общественного Издательского фонда.

В состав Издательского совета входили такие известные ученые-социологи, как академик А. Старков, профессор Д. Антонович, Л. Билецкий, С. Бородаевский, Е. Иваненко, В. Симович, Ф. Швец, О. Шульгин, Антонина и Никита Шаповал и др.

Для консолидации украинской эмиграции Н. Шаповал создает в 1926 г. Союз украинских организаций и возглавляет этот Союз, деятельность которого была направлена на усиление Издательского фонда.

Издательский фонд был широко известен как Фонд Никиты Шаповала. Средства его составляли вклады членов, а также выручка от продажи изданий, которые издавались и распространялись. Центром была Вена. Фонд Н. Шаповала прикладывал значительные усилия для возвращения украинского национального наследия на Украину. По сути, это была единственная организация, которая занималась этой благородной работой.

Н. Шаповал выступает инициатором создания Социалистической лиги нового Востока и осуществляет руководство этой лигой (конец 1926 г.).

Как свидетельствуют документы, за время эмиграции Н. Шаповал разрабатывал ряд научно-теоретических проблем:

- национальное освобождение;
- социология украинского возрождения;
- освобождение Украины;
- украинская социология;
- проблемы города и села.

Особое внимание Н. Шаповал уделяет украинской эмиграции в Европе, Америке, Канаде. Появляются его рукописи о политических задачах и организации сил украинской эмиграции в борьбе против СССР: «Наши завдання», «Ми і вони», «Консолщаця українських революційних сил», «Проблеми революції і національна справа» и др.

В архиве хранятся многочисленные материалы, в том числе доклады, рефераты, лекции, с которыми Н. Шаповал выступал на международных конференциях, на заседаниях Агрокультурной академии в Праге, на совещаниях Украинской партии социалистов-революционеров; многочисленные лекции читал Н. Шаповал в учебных заведениях на темы: развитие земледелия в Украине, международные движущие силы и украинская проблема, по вопросам социологии, логики, истории Украины, Галиции и др.

Учитывая, что Н. Шаповал был сильным теоретиком, человеком, который прекрасно владел аудиторией, умел убеждать и практически подтверждать свои убеждения, к нему тянулся весь политический бомонд не только украинской эмиграции, но и других национальностей. Это подтверждает переписка с видными учеными, политическими и общественными деятелями, среди которых был и русский социолог

Питирим Сорокин, который просто обожал Н. Шаповала, относился к нему с уважением. Несмотря на то, что разница в возрасте у них была всего 7 лет, П. Сорокин считал Н. Шаповала своим учителем, наставником, другом.

Дружеская и профессиональная переписка двух выдающихся ученых, которая продолжалась много лет, с 1922 по 1932 гг., внесла значительный вклад в русско-украинские культурные и научные отношения, способствуя интеграции двух культур.

Первое письмо, которое находится в личном фонде Н. Шаповала, датируется 9 марта 1922 г. В нем П. Сорокин просит Н. Шаповала простить его за то, что он не знает его имени и отчества, но с радостью обещает помочь Н. Шаповалу в доставке необходимых ему книг, журналов. Сохранились конверты, на которых стоит штамп «Детское село, Петроград» — адрес П. Сорокина в России. Уже в письме от 24 апреля 1922 г. П. Сорокин благодарит Н. Шаповала за человеческое отношение к нему и понимание, за книги, которые тот ему прислал.

Особенно сближаются П. Сорокин и Н. Шаповал, когда П. Сорокин переезжает в Америку. Из переписки видно, что между ними установились доверительные отношения. П. Сорокин доволен своей работой: «В один-два года надеюсь здесь заработать репутацию одного из самых крупных лидеров русской отечественной социологии» (Ф. 3563. Оп. 1. Д. 200. Л. 3 об.; письмо от 15 января 1926 г.). И тут же добавляет, что в Америке он не собирается оставаться навсегда, что «родина есть родина» и он обязательно вернется в Россию.

По всей вероятности, письма Н. Шаповала давали П. Сорокину такую широкую информацию о том, что происходило нового в науке, что П. Сорокин с нетерпением ждал от него писем: «Жалко, что редко получаю Ваши письма, так как люблю их получать, они всегда живые и полны интереса для меня, посему, естественно, я хотел бы получать их чаще» (Ф. 3563. Оп. 1. Д. 200. Л. 7; письмо от 27 марта 1926 г.).

Именно через переписку прослеживается высокая культура общения двух выдающихся ученых — П. Сорокина и Н. Шаповала. Они умели дискутировать, но никогда не навязывали друг другу своих идей, они как бы боялись обидеть друг друга и в то же время высказывали свою точку зрения. Так, П. Сорокин в своем письме Н. Шаповалу писал: «Я абсолютно ничего не имею против украинского возрождения и желаю ему всяческого успеха. Единственно, что я считал бы вредным и для дела возрождения и для всего общероссийского дела — это разжигание антагонизма против России или “Московии”». Такая точка зрения несколько

не раздражала Н. Шаповала, он был уверен, что это есть честный ответ его друга и собеседника.

Переписка дает возможность узнать, что у П. Сорокина установились широкие связи с учеными Испании, Японии, Чехословакии, Германии. В этих странах печатались научные статьи, книги П. Сорокина, печатались они и на английском языке. Ученые этих стран высоко ценили П. Сорокина как выдающегося теоретика социологии, его труды были программными для них. П. Сорокин особенно радовался выходу его книг, статей на украинском языке. При этом он постоянно направлял в Издательский фонд Н. Шаповала статьи американских социологов. В одном из писем к Н. Шаповалу П. Сорокин пишет: «Сейчас написал Россу и не сомневаюсь, что Росс Вам статью вышлет. Если нужны будут еще статьи других американских социологов — пишите. Я устрою это». Таким образом, создавалось научное сотрудничество украинских и американских ученых, зарождалось взаимопроникновение наук и культур.

Положительно повлияло на это сотрудничество постановление в августе 1926 г. Союза украинских организаций в ЧСР, в их числе и Украинского издательского фонда, о командировании в Америку его председателя Н. Шаповала. Цель этой поездки состояла в том, чтобы поставить перед украинской эмиграцией в Америке вопрос о поддержке украинской культуры, в том числе Издательского фонда, который в те времена находился в тяжелом, почти безвыходном финансовом положении. Из переписки Н. Шаповала и П. Сорокина известно, что эта поездка состоялась в марте 1927 г. Состоялась и встреча в Америке двух выдающихся личностей, которые олицетворяли связь двух народов, — Н. Шаповала и П. Сорокина.

Таким образом, при содействии Издательского фонда Н. Шаповала осуществлялась не только переписка двух выдающихся ученых и общественных деятелей Никиты Шаповала и Питирима Сорокина, а также происходило становление деловых и научных взаимоотношений трех народов — украинского, российского, американского, интеграция их наук и культур.

П. Сорокин очень откровенен с Н. Шаповалом. Свою радость по поводу предложения ему со стороны американцев сотрудничать с ними он излагает в письме от 20 октября 1929 г. Ему предлагают место профессора на выбор в нескольких учебных заведениях. П. Сорокин предпочтение отдает Гарвардскому университету, где ему поручают сначала открыть кафедру, а со временем факультет социологии. В связи с этим он пишет: «По-человечески я рад и горжусь этим признанием

моей работы и достижений. Таким образом, за шесть лет русский беженец достиг вершины в смысле академической карьеры, перспективы для моей работы теперь открываются огромные (с сентября 1930 г. я буду в Гарварде)... Не удивлюсь, если через год-два Вы увидите меня выбранным в президенты Американского социологического общества... И я лично очень рад, что кое-что делаю для поддержания престижа русской науки». Анализируя эти документы, можно сказать, что в этом случае проявилось тщеславие П. Сорокина в самых лучших традициях — и за себя, и за Российскую державу.

Удивительная работоспособность объединяла этих людей. Они постоянно писали друг другу, что нового у них появилось в научном плане, какие вышли в свет книги, статьи, с удовольствием обсуждали планы на будущее — и не только в научном направлении, но и в житейских делах. Так, П. Сорокин сообщает Н. Шаповалу о том, как он любит путешествовать: «Будущее лето, половину, планируем таким путем исколесить тысячи четыре-три миль через Колорадо, Калифорнию, пустыни, горы, леса...» (Ф. 3563. Оп. 1. Д. 200. Л. 10; письмо от 30 ноября 1926 г.). Во многих письмах к Н. Шаповалу в конце П. Сорокин дописывал: «Если я могу для Вас что-то сделать — черкните».

В 23 письмах и 2 открытках, которые находятся на государственном хранении в ЦГАВО Украины, отражена многолетняя дружба и творчество двух замечательных людей, искренне заинтересованных в том, чтобы делать общее дело на пользу как украинского, так и русского народов. Это остается достижением всего человечества и как никогда является сегодня актуальным.

*Л. В. Яковлева, к. и. н.,
директор ЦГАВО Украины
В. И. Гордань, к. э. н.*

ПИСЬМА П. А. СОРОКИНА
К Н. Е. ШАПОВАЛУ (1922–1931)

I

9 марта 1922 г.

Глубокоуважаемый г. Шаповал!
(Простите, имени и отчества Вашего не знаю)

Получил сегодня Ваше письмо и немедленно отвечаю. Прежде всего оно меня искренно и глубоко обрадовало: зарубежные письма не часто приходится получать нам, а тем более письма, свидетельствующие о том, что кто-то там интересуется нами и нашими работами. Спасибо Вам за письмо и за доброе мнение. Нет надобности говорить, что я немедленно переговорил с издательством «Колос»^{1*}, и мы совместно сделаем все, чтобы удовлетворить Ваше желание и выслать Вам интересующие Вас книги. Если наши усилия не приведут к цели — нас не вините. Денежную сторону вопроса оставим в стороне: я свои книги с удовольствием вышлю бесплатно, а изд[ательств]во вполне уверено в том, что по получению книг Вы вышлете в той или иной форме соответственную сумму. Кроме перечисленных Вами работ за это время я напечатал ряд статей: О влиянии *войны* на состав, свойства населения и общест[венную] организацию, О влиянии *голода* на обществ[енную] жизнь (в «Экономисте» № 1 и 2 за 1922 г.), О социологии *Лаврова* в сб. памяти П. Л. Лаврова, О профессиональной деформации (в Вестн[ике] воспитания личности)^{2*} и ряд других статей. Часть из них вместе с более ранними работами: «Основн[ые] пробл[емы] прогресса», «Категория «должного» в изуч[ении] общ[ественных] явлений»^{3*} и т. д. — я постараюсь выслать. Готов к печати большой том: «О влиянии голода на поведение людей и общест[венную] жизнь»^{4*}, — монография, выросшая из отдельн[ой] главы «Соц[иальной] механики», и III-й том «Системы социологии»^{5*}. Если не будет препятствий цензурных — они через 2–3 недели начнут печататься и по выходе я их вышлю Вам. Если будут препятствия — не взывайте. Словом, я радостно и охотно сделаю все, чтобы удовлетворить Ваше желание. Со своей стороны, очень просил бы Вас великодушно оказать и мне услугу. Мы по-прежнему отрезаны от западной научной литературы по социологии. А тоска по ней — громадная.

Я даже не знаю, что там интересного вышло за эти годы. Я до сих пор не имею книги О. Шпенглера^{6*} и, конечно, не слышал ничего

о социологии Халупного и Фоустки. В таком же положении находятся и другие социологи. Вы бы оказали громадную услугу и мне и моим коллегам, если бы выслали труды *д-ра Халупного и проф. Фоустки*. Если они живут в Праге же, *то, может быть, Вы передадите им мою просьбу о высылке их работ голодающим духовно русским социологам*. Исключительные обстоятельства, надеюсь, извиняют меня за такую просьбу, и Вы, а равно и они, великодушно простите меня. Хотелось бы также иметь хотя бы некоторые социолог[ические] журналы за эти годы, вроде Rivista ital[iana] di sociologia, или American Journ[al] of Sociol[ogy] или The Sociol[ogical] Review и др[угие], а равно и кое-что из наиболее важных трудов по социологии, вышедших за эти годы. Что именно — увы! — я не знаю, ибо с 1918 г. отрезан от литер[атуры] и науки Запада. Если бы хоть кое-что Вы смогли сделать в этом отношении — Вы, поистине, и обрадовали бы бесконечно меня и коллег, и оказали бы большую услугу. *С аналогичной просьбой, через Вас, я обращаюсь ко всем социологам Чехословакии. Может быть, Вы взяли бы на себя труд передать мою просьбу им*. Когда-то я был знаком с Ф. О. Масариком и даже имел его подарок — его труд по истории общест[венной] мысли в России^{7*}, но конечно, теперь моя просьба до него дойти не может. Издали только, урывками, слышу о его великой работе и желаю ей полного успеха. О телесном голоде — не пишу: шлю только глубокое и сердечное спасибо ученым Чехословакии за их великодушную помощь; она не забудется нами...

Обращаясь к Вам с указанной просьбой, считаю долгом еще раз подчеркнуть: я сделаю все, что от меня зависит, но имейте в виду, что, может быть, мои усилия будут безуспешны. В этом случае — не вините меня. Еще раз спасибо за письмо: оно повлияло на меня, как глоток чистого воздуха в душной комнате. Трудно нам сейчас живется и дышится. Трудно работать... Но раз жизнь требует напряжения, оно должно быть сделано... Будьте здоровы. Примите уверение в глубоком к Вам уважении. Проф. П. Сорокин.

Адрес: Петроград, Детское село, Агрономич[еский] Инст[иту]т
или Петроград, Университет.

II

24 апреля 1922 г.

Глубокоуважаемый Никита Ефимович!

Благодарю Вас за ваши письма. Я получил: одно закрытое, другое — открытку. А главное — спасибо Вам большое за ваше внимание ко мне.

Я чрезвычайно тронут тем, что Вы, незнакомый мне человек, высылаете посылку и книги. Такое искреннее и подлинно человеческое отношение редко теперь и не может не волновать. Еще раз спасибо Вам за то и другое. Посылок и книг пока еще не получил. Но надеюсь, что получу. Смущает меня только одно обстоятельство: если Вы мне высылаете ряд книг, то сумею ли я с Вами расплатиться? Имейте это в виду: <зач.: если останем> в будущем, может быть, и расплачусь, а теперь, возможно, останусь должником. Со своей стороны, я выслал Вам через «Колос»: I и II т. «Системы», Учебник социологии, оттиски трех статей, Учебник права, а затем «Колос», со своей стороны, высылает Вам ряд своих, интересующих Вас изданий: Бехтерева, Лаврова и др. «Преступление и кара»^{8*}, к сожалению, у меня один экземпляр и выслать его Вам я не могу. Книги отправлены только на днях. Надеюсь, что они дойдут до Вас. Большинство оттисков своих статей я не нашел: не сохранились. При расчете — мои работы отнесите на мой счет, остальные — на счет «Колоса». «Колос» просил бы расплатиться с ним посылкой (по адресу: Петроград, Литейный 21, кв. 14, «Колос»). Вы пишете, что русские книги стоят дорого; не удивляйтесь: с нов[ой] экон[омической] политикой книга, раньше стоившая пустяк, теперь выравнивается по цене с другими предметами и начинает стоить миллионы. В связи с этим начался книжный кризис: ибо покупать ее в силах только немногие. Кризис будет расти. Ряд издательств закрылись, остальные — трещат. Грозит сильнейший крах всего книжного дела.

Вы в письме пишете: не могу ли я дать проспект «Механики» и «Генетики»? Сделать это трудно. Маленькое и очень слабое представление о 1-й части «Механики» даст Вам «Учебник социологии». Но очень слабое, ибо он был написан давно, до выпуска «Системы»; более точное представление о задачах и построении «Механики» даст Вам монография о «Голоде». Она на днях идет в цензуру и если пройдет ее, то будет набираться и в июне — июле выйдет. По выходе, конечно, пришло ее Вам. Ваши соображения относительно теорет[ической] и практической социологии в общем совпадают с моими. Конечно, ряд идеологий о должном общ[ественном] строе — должен быть радикально пересмотрен и многое должно быть отброшено как метафизика. Эти годы во мне в этом отношении произвели полный переворот. В этом смысле наш грандиозный опыт прошел бесполезно. Он дал мне больше, чем могло бы дать пребывание в Европе или Америке. И я поистине жалею, что европ[ейские] социологи не были наблюдателями его: они многое бы вынесли из такого прямого наблюдения. Теперь я хотел бы на досуге все это окончательно осознать и систематизировать.

Сказать есть что, и это «что» будет не банальным. Но, к сожалению, условия жизни постоянно мешают этому. Житейские дела, осложненные сейчас еще болезнью жены за последние месяцы, оторвали меня от работы, приходится самому варить, стирать, бегать по очередям, убирать комнату, читать лекции, одним словом, делать все — и это отнимает почти все время. Да, к тому же, по-видимому, сказывается и усталость за все прошлые годы. Устал... Нужно бы переменить обстановку, в этом смысле мечтаю о заграничной командировке на год — на два, но выполнить ее едва ли скоро удастся. Все же надежд не теряю. Очень хотелось бы в будущем году принять участие в социолог[ическом] конгрессе, но... не знаю: получу ли разрешение на выезд и удастся достать хотя бы минимум грошей на поездку и на то, чтобы кое-как просуществовать. Постараюсь, а там видно будет — удастся ли...

На днях получил несколько книг по социологии из Америки, америк[анских] профессоров^{9*}. Если Вы бы знали, какая это была для меня радость! И сейчас она еще живет во мне! С такой же радостью буду ждать и Ваши книги. Кстати, здесь в последнее время начали выходить «Экономист» (вышло три книги), «Утренники» (вместо «Вест[ника] Литер[атуры]») и «Мысль» — филос[офский] журнал. В «Экон[омисте]» и «Утрен[никах]» я принимаю ближайшее участие и поместил там статьи о «Влиянии войны» и о «Влиянии голода», а в «Утрен[никах]» — свою речь на Универс[итетском] акте — очень шумевшую^{10*}. Если угодно — я могу также выслать их Вам. Черкните. В последнее время вообще кое-что из социол[огических] работ Запада крохами стало попадаться. Усиленно все это поглощаю, тем более что от работы над «Системой» в связи с указанными условиями пришлось отказаться.

Текущую работу (лекции, ведение семинаров и руковод[ст]во работой моих учеников), конечно, веду.

Ну, я наболтал много. Простите за несистематичность мысли (все время во время письма приходится отрываться по хозяйственным делам). Но главное, кажется, сказал.

Еще раз большое и искреннее спасибо Вам. Что касается просьб, то они те же: серьезные заграничные социол[огические] книги и журналы, главное, а хлеб телесный — второе. Но, повторяю, что сейчас я расплатиться с Вами не могу. А потому моя просьба имеет значение лишь постольку, поскольку это легко Вам сделать и поскольку Вы в порыве великодушного желания помочь не приносите в жертву своих интересов моим, не обрезываете и не стесняете себя. Последнего я не хочу. Огромное спасибо и за то многое, что Вы сделали.

Крепко, крепко жму Вашу руку и хотел бы лично встретиться с Вами и лично поблагодарить Вас. Будьте здоровы и пишите.

Уваж[ающий] Вас П. Сорокин.

Петроград, Детское село, Агрон[омический] Ин[ститу]т, Семейный флигель.

Ш

Петроград, Агрон[омический] Инс[титу]т.
Детское село.

16 июня 1922 г.

Глубокоуважаемый и дорогой г. Шаповал!
(Простите, по дырявой памяти на имена Ваше имя-отчество запамятовал!)

Во-первых, позвольте Вас от души поблагодарить за посылку, полученную мной сегодня, и за два номера «Parlament'a»^{11*}, вероятно, высланных Вами, и вообще за Ваше трогательное — и ничем мной не заслуженное — стремление помочь мне. Сердечно и глубоко благодарю Вас за все. Книги: Халупный^{12*} etc., которые вы послали мне, я не получил. Не знаю, получу ли. Теперь о себе. Я много хлопотал с высылкой Вам книг. Одно время дело, как будто, уладилось. Но потом оказалось: 1) мои книги не разрешили отправить, 2) остальные разрешили, но для этого надо было уплатить здесь таможенные пошлины в 18 милл[ионов] руб[лей]. Эта сумма меня и издательство устарила. А потому... книги оказались невысланными. Быть может, все же их следовало бы выслать и я, как Ваш должник, но Вы видите — есть налицо весьма извинительные обстоят[ельст]ва. <Sic!>

В итоге — считайте меня Вашим должником. Если буду жив — уплачу долг, если нет — не взыщите. Надеюсь, однако, что в недалеком будущем — через 2–3 месяца — выслать их будет легче, что я непременно и сделаю. О нашем житье-бытье много не приходится говорить. Теперь лето — стало быть, не мерзнем. Паек дают пока — стало быть, кое-как сыты. Дали 40 саж[ен] земли — занимаюсь огородом. В итоге — все обстоят благополучно. Моральное состояние — прежнее, особенно теперь. Каждый день — боль, каждый день — тревога. Но... уже привыкли.

На днях пошла в типографию моя книга о Голоде как факторе. Сильно пришлось окорнать ее, но радуется, что хотя в таком-то виде она родится. По выходе, как обещал, постараюсь выслать: как будто, работа эта будет довольно интересной. Кроме того, баловался статьями в «Экономисте» (вышли уже 4 книги), в «Утренниках» (вышло 2 книги); если

можно там достать их — рекомендую заглянуть: довольно много интересных статей найдете там. Теперь почти перестал это делать (писать), ибо статьи застревают в цензуре. Не стоит зря работать.

Так как все же мне хочется войти в курс западной социологии наших дней, то сейчас все сильнее и сильнее подумываю о заграничной командировке. Уже подал заявление: не знаю, отпустят ли. Денег я не прошу — готов ехать, надеясь лишь на свои мускулы и голову. Если дадут — поеду, вероятно, в Америку. Туда тянет, да кстати получил приглашение (из Иллинойск[ого] универ[сите]та). А в Европе у меня так же мало связей, как и в Америке. Поэтому — все равно. Хочется года два-три побыть за рубежом и научно подковаться: других посмотреть да и себя показать. Тем более что наш опыт идет к концу и для социолога больше не интересен. Между тем, через год-два предстоит громадная работа над возрождением России. С этой целью — после 6 лет тяжелой жизни и работы — надо освежиться, прежде чем впрягаться вплотную в дышло работы воссоздания. Конечно, если бы и в Европе можно было найти работу — я поехал бы и туда. Но... надежд на это, по-видимому, мало. Вернее — их нет у меня. Если удастся уехать — то не раньше сентября — октября.

Занятия в В[ысших] учеб[ных] зав[едения]х пока кончаются. Шли они не блестяще. Предстоящие перспективы тоже не розовые. Но, слава Богу, что все же скрипим кое-как. Вот пока главное.

Позвольте еще раз сердечно поблагодарить Вас и надеяться на Ваше извинение за то, что я не смог выполнить своих обещаний (хотя о такой возможности я предупредил Вас). Буду жив — расквитаюсь.

Пишите почаще и сообщайте, что там делается у Вас в науке и жизни. Крепко жму Вашу руку.

Искренне уважающий Вас П. Сорокин.

P.S. Очень жаль, что дошли не все номера «Parlament'a» и остальные высланные книги.

IV

Петроград
 Детское село
 Агроном[ический] инст[иту]т

1922 г. 1 июля

Дорогой Никита Ефимович!

Шлю Вам еще раз глубокую благодарность за Ваше исключительное внимание и великодушную помощь мне. Недавно я писал Вам — надеюсь, письмо получили — что ваша посылка и 2 ном[ера] «Parlament'a» мною

получены. Вчера я получил и высланные Вами книги: 4 тома Халупного, Бочковского, Старосольского^{13*}. Я не знаю, как Вас и благодарить.

Мне неловко, что взамен, как я писал Вам в предыдущем письме, я не в состоянии сделать минимум: выслать Вам обещанные мной книги. Я писал Вам, что в этом деле меня и изд[ательств]во постигла неудача: мои книги не получили разрешения, а остальные, хотя и были после хлопот разрешены, но одни пошлины оказались равными почти 20 милл[ионам] руб[лей]. При таких условиях изд[ательств]во не рискнуло их выслать Вам. В итоге — я Ваш должник. Но если буду жив — надеюсь расквитаться. Не теряю надежды и на то, что, быть может, в недалеком будущем книги все же удастся Вам выслать вместе с печатающимся, наконец, томом о «Голоде как факторе».

В ближайшее время постараюсь ознакомиться с книгами, хотя чешский язык для меня и новинка, которую надо будет преодолеть и напишу рецензии в «Экономисте» (большой журнал, вышло уже 4 книги, если достанете — рекомендую заглянуть), а затем либо я, либо Н. И. Кареев сделаем о них отчеты в «Русск[ом] социол[огическом] общ[естве]».

Ну, живу я по-прежнему. Много работаю — благо лето, значит, и тепло и светло. Кроме того, по обычаю последних лет занимаюсь огородничеством и т[ому] под[обными] делами, отнимающими, к несчастью, много времени.

За последние 2–3 месяца завязались небольшие сношения с америк[анскими] социологами, с Бельгийск[им] Социолог[ическим] инст[итутом] и на днях получил от проф. Cosentini приглашение на социол[огический] конгресс в Вене (1–20 окт[ября] этого года) и предложение дать доклад на нем о революции и ее причинах, и затем — писать статьи в Vox Popolazioni. Доклад я не в состоянии выслать, хотя он и готов. И рад бы в рай, да грехи не пускают. В связи с этим и приглашением читать лекции в Иллинойский Универ[сите]т в Америке начинаю ходатайство о выезде за рубеж, но в успехе его не уверен, хотя денег я не прошу (и своих не имею, но надеюсь все же не умереть с голоду за рубежом: какую-нибудь работу — хотя бы физическую — вероятно, как-нибудь найду, чтобы иметь фунт хлеба и к[акой]-н[ибудь] угол).

Сейчас занят печатанием книги о «Голоде», кой-какими статья-ми и подготовкой, помимо III-го т[ома] «Системы», двух монографий: 1) О влиянии войны на состав населения, общ[ественную] орган[изацию] и общ[ественную] жизнь (Абрис ее я напечатал в виде 32-стр[аничной] статьи в «Экономисте» и другой — в «Артельн[ом] деле»); 2) О коммун[истическом] общ[естве], его основных чертах,

его истории в прошлом, его причинах и следствиях (идет речь о фактах, а не идеологиях).

Это займет все лето. А осенью, если получу разрешение, уеду. Если нет — буду корпеть над III-м т[омом] «Системы», коли будет свободное время.

Ну, еще раз огромное и сердечное Вам спасибо. Пишите.

Глубоко уважающий Вас и признательный Вам

П. Сорокин.

V

[1922]

17 июля. Дорогой Никита Ефимович! Спасибо Вам за письмо, книги и посылку. Все это мной получено, как я Вам писал в двух письмах, которые, надеюсь, получили. Теперь — раз уж Вы были исключительно добры ко мне — у меня к Вам две просьбы. По предложению Универ[сита]та я получаю командировку за границу. Нар[одный] Ком[иссар]иат] Просв[ещения] ее подтвердил. Сегодня прошение об ней переходит в Гос[ударственное] Пол[итическое] Управление и недели через три выяснится, будет она разрешена или нет. Командировку получает и моя жена (препод[аватель] ботаники в Агрон[омическом] ин[сти]ту[те]). Я думаю побывать в Праге. Отсюда просьба № 1: нельзя ли *Вам* получить от чеш[ского] правительства визу, разрешающую въезд мне и жене (Е. П. Баратынской-Сор[окиной]), и нельзя ли эту визу переслать прямо сюда (по почте)? № 2: так как я не испрашиваю никаких субсидий от власти, то могу ли я рассчитывать в Праге найти к[акой]-л[ибо] заработок, чтобы существ[ова]ть и хоть 3–4 часа иметь своб[одного] времени для научн[ых] работ? За исполнение этих просьб буду Вам чрезвычайно благодарен. Я и так должник перед Вами. Но, надеюсь, все же как-нибудь рассчитаться в будущем.

О своей работе уже писал Вам. «Голод» мой печатается и месяца через два, авось, выйдет (к моменту отъезда). Другие работы потихоньку тоже подвигаются. Если выехать мне не удастся — то все же постараюсь доставить Вам нужные книги (мои, Бехтерева, Кареева etc.).

Ограничиваюсь пока этой открыткой и буду ждать от Вас ответа на мои вопросы.

Крепко жму руку.

Ваш *П. Сорокин.*

Петроград, Детское село, Агрон[омический] Инст[итут].

VI

[Июнь 1924 г.] ^{14*}

Дорогой Никита Ефимович!

Дня два тому назад я подписал Вас на 1924 на The American Journal of Sociology, который Вам и будет высылаться. Из общих социологич[еских] курсов самым интересным будет здесь теперь «The Introduction to the Science of Sociology» by Burgess and Park^{15*}. Стоит она около 10 долл[аров]. Если нужно — напишите, и я Вам ее вышлю. Есть также ряд интересных монографий.

Я не писал Вам так долго, п[отому] ч[то] до 1 июня был отчаянно занят: кончал свою вторую книгу. 31 мая ее кончил. Как-никак, а сам написал ее в два месяца по-английски. Это не баран начихал. «Социология революции» мной просмотрена и уже в печати. К сентябрю надеюсь увидеть обе книги уже опубликованными^{16*}. Это немало за семь месяцев жизни. Кроме того, за это время успел здесь опубликовать три статьи и прочесть курсы лекций в Принстонском, Чикагском, Висконсийск[ом], Illinois'ком, Корнельском, Мичиганском унив[ерсите]тах и в ряде лучших колледжей^{17*}. Сейчас до августа свободен от лекций, а [в] август[е] и сентябр[е] приглашен на летний семестр в Миннесот[ский] унив[ерсите]т, а возвращаясь, прочту еще небольшой курс в Миссурийс[ком] унив[ерсите]те. Где буду проводить зиму — еще не решил. Это будет зависеть от того, где я устроюсь. Хотя чтение временных курсов, пожалуй, всего лучше. Платят за них хорошо. И прочтя месяц-два, я могу жить 4–5 мес[яцев], ничем не занимаясь, кроме своих дел. Посему, быть может, я предпочту быть на таком положении. За эти месяцы был выбран членом Герман[ского] Социол[огического] Об[щест]ва и associé Вормсовс[кого] Инс[титу]та Социологии. Здесь у меня отношения с социологами хорошие. Самая серьезная социол[огическая] школа в Америке — Чикагская — стоит близко к моим взглядам. На Рождество, вероятно, буду читать доклад и в Амер[иканском] Соц[иологическом] Конгрессе.

Живем мы с матер[иальной] стороны недурно. Снимаем на лето целый коттедж в 30 мин[утах] езды от N[ew] Y[ork'a]. Насчет пищи и комфорта никаких недостатков не чувствуем. Надеюсь, и в будущем будет all right. Я рад, что не сижу ни у кого на шее и не завишу ни от кого. Отношения с американцами хорошие, кроме «американцев» из «наших» — кишиневских, — которые пытались и пытаются напортить мне, чем могут. Но пока ничего не могут сделать существенного.

Эти два месяца буду, гл[авным] обр[азом], читать амер[иканскую] литературу. Напишу три-четыре статьи для научн[ных] журналов и «Times'a». Лена занимается в лабор[атории] Колумб[ийского] универ[сите]та.

Как Вы живете? Как дела с русским изд[анием] моей «Социологии революции»? Если что-либо там тормозится — тогда, возьмите, пожалуйста, рукопись от Гирсы и перешлите ее сюда. Я предпочитаю не издавать ее вовсе по-русски, если для этого нужно кого-то просить и зависеть от Ляцких и К°. Если же книга будет издана немедленно — тогда оставьте ее, и я очень просил бы Вас держать корректуру. Еще лучше, если бы последнюю корректуру я мог держать сам.

Пожалуйста исполните эту просьбу. Привет от нас Ольге Филаретовне и Вам. Жму руку. Пишите.

Ваш П. Сорокин.

204–06. Sheffield Ave.
Springfield Gardens
Long Island, New York
U. S. of America

P.S. Пишу письмо в вагоне, поэтому набродил, как ворона.

VII

Department of Sociology
University of Minnesota
Minneapolis

2 авг[уста] 1924[г.]

Дорогой Никита Ефимович,

Месяца два назад я послал Вам письмо и подписался на год (с января 1924 по дек[абрь] 1924г.) для Вас на American Journal of Sociology. Журнал — первые три книги — уже давно высланы Вам.

Получили ли Вы мое письмо? Получили ли журнал? То и другое я послал Вам на Ваш старый адрес, на который пишу и теперь.

Я ждал ответа, но увы, не дождался. Посему пишу снова: авось письмо дойдет и Вы ответите.

Как Вы и Ольга Филаретовна поживаете? Что у Вас нового? Что вообще интересного в Праге и в Европе? Черкните, черт возьми, панэ голова!

Теперь у меня к Вам просьба. Лена оставила русский текст моей «Социологии революции» у г. министра Гирсы. Он обещал устроить его издание. Я не имею никаких вестей, в каком положении дело; думаю, что, вероятно, оно ни в каком, то есть рукопись лежит где-ни-

будь без движения и, что еще хуже, быть может, в руках Ляцкого и С°. Не будете ли Вы добры: 1. Узнать от г. министра положение рукописи. 2. Если она лежит без движения и нет *определенно категорического* обещания издать ее в ближайшем будущем — не позднее начала 1925 г., — то возьмите рукопись и вышлите ее мне немедленно. Вы поймите, что я не хочу, чтобы она бесплодно валялась по чужим рукам. Плохо ли, хорошо ли, но я ее ценю; да ценят, по-видимому, и мои амер[иканские] коллеги-социологи. Сделайте, пожалуйста, эту дружескую услугу.

Я теперь более или менее ознакомился с амер[иканской] литературой. Издается здесь много социолог[ических] книг. Много хлама, но есть кое-что и интересное. Я уже писал Вам, назовите проблемы, Вас интересующие, и я постараюсь Вам выслать что-либо ценное в этих областях.

Мы живем пока что неплохо. Я уже писал Вам, что февраль — апрель я провел в чтении лекций в 9-ти амер[иканских] лучших унив[ерсите]тах. Май — июнь сидел под N[ew] Y[ork]’ом вблизи океана, пересматривал англ[ийскую] рукопись «Социологии револ[юции]» и написал по-английски том моих воспоминаний. «Социология рев[олюции]» уже началась набором; в октябре — ноябре выйдет. Другая книга, вероятно, появится около того же времени. Напечатал, кроме того, несколько статей в журналах (америк[ански]х) и написал две научн[ые] статьи для научных — психолог[ического] и правового — журналов.

Главное время, однако, убивал на английский. Сейчас, особенно после того как написал том в 350 стр[аниц], пишу по-английски сносно; читаю лекции — тоже; уже не готовлюсь к ним в смысле языка. Конечно, акцент еще есть, но проф. Виноградов уже 25 лет в Оксфорде и акцент его, пожалуй, хуже моего.

Пишу Вам сейчас из Minneapolis’a. Унив[ерсите]т Миннесоты — один из самых больших гос[ударственных] унив[ерсите]тов — приглашает меня на летний семестр прочесть два курса по социологии (Социальн[ая] аналитика и Социол[огия] революции) для graduate («оставленных при унив[ерсите]те») и инструкторов и ассист[ен]тов социологии. Вот я читаю им каждый день, два часа, помимо семинаров. Профессора — народ хороший. А в этом семестре я оказался chairman’ом, т.е. главой всего Department of Sociology. Вообще, должен сказать, что за все время лекторства я здесь ни разу не встретил плохого отношения от америк[анских] профессоров. Если встретил раз «интригу», правда, безрезультатную, в Висконсин[ском] унив[ерсите]те, то... от русских «испанцев» и, извините, таких не очень умных «украинцев», как Ваш

Грановский (он, кстати, не только еще не профессор, но только... инструктор и от профессорства — даже Assistant Professor — на расстоянии, по крайней мере, 7–10 лет, если вообще когда-либо будет Professor'ом. С амер[иканскими] же профессорами, в том числе с радикалами, я в самых приятельских отношениях, ибо «америк[анский] радикал» и «русский радикальный дурак» — вещи разные, как небо и земля.

Где буду на зиму, еще не знаю. Возможно, в N[ew] Y[ork'e], а возможно, и осяду, т[ак] к[ак] один из больших унив[ерсите]тов начал со мной переговоры ввиду открытия в нем вакансии проф[ессора] социологии. Если вакансия откроется, унив[ерсите]т предлагает мне занять ее. Я не прочь. Посмотрим. В течение месяца дело выяснится. Лена занимается в ботан[ической] лаборатории Колумб[ийского] унив[ерсите]та. В общем, пока я не имею оснований жаловаться, что приехал сюда. Если и вернусь в Европу — то с некоторым результатом. Ну, пока крепко жму руку. Пишите же и исполните мою просьбу. Горячий привет от нас обоих О[льге] Фил[аретовне] и Вам. Ваш П. Сорокин.

Пишите на мой постоянный адрес:

с/о Mr. Wigen, У. М. С. А.

347 Madison Avenue, New York City, U. S. of America

По этому же адресу шлите рукопись.

VIII

18 окт[ября] 1924[г.]

Дорогой Никита Ефимович,

Я уже потерял было надежду получить что-либо от Вас, и вдруг сегодня письмо, да еще такое милое: отвечаю сразу же. Во-первых, спасибо за хлопоты о рукописи. Я думаю, дело там безнадежно, да я и не очень заинтересован. Посему, возьмите ее из Мин[истерст]ва и перешлите ее мне. Если, паче чаяния, они немедленно могут издать ее — тогда пускай издадут, но я просил бы, чтобы Вы взяли корректуру и в корректуре сделали изменения сообразно английскому изданию книги. Об этом же я напишу на днях Гирсе.

Английское издание обеих моих книг («Leaves from a Russian Diary» и «Sociology of Revolution») закончено набором и в течение ближайших двух-трех недель выйдет. Постараюсь послать Вам обе книги — хотя здесь автору дают лишь 6 экзempl[яров] (предисловие ред[актора] «Социологии революции», проф. E. Hayes'а весьма лестно для меня).

Радует, что Вы двигаете социологию и думаете реализовывать социол[огический] ин[ститу]т. Конечно, я буду рад быть полезным ему всем, чем могу, равно и для «Суспильства»^{18*}.

Денег мне за Amer[ican] Journal[of] Soc[iology] — не высылайте. Это лишь мой платеж моего долга Вам. Что касается других книг по социологии и демографии, то очень рекомендую книгу Allport'a «Social Psychology» (одна из лучших) и по демографии капит[альную] работу Saunders'a (англ[ийского] проф[ессора]) — очень хорошую. Из учебников хороши: Park and Burgess «Introduction to the Science of Sociology» и Bushee «Principles of Sociology». Напишите немедленно выслать ли их Вам. Если да — то я вышлю. Стоят они в совокупности около 14 долл[аров]. Далее очень рекомендую книгу Gillette «Rural Sociology». Дельная очень — как учебник, особенно для землед[ельческой] страны. Вот пока главное. Из журналов (соц[иологически]х) здесь выходят еще два: Journal of Social Forces и Journal of Applied Sociology. Оба, пожалуй, лучше Amer[ican] Journ[al] of Soc[iology].

Теперь о себе. Я здесь пока что на год основался как full-professor^{19*}. Осенью я очень мало занят, а потому сильно работаю. Сейчас работаю над «Social Mobility»^{20*} — проблема новая, слегка задетая мной во II-м т[оме] «Системы». Работу веду — эксперимен[таль]но и фактически. Посему она потребует много времени, но зато надеюсь дать нечто действительно научное.

Лена поступила здесь в Graduate School и хочет за этот год заработать Doctor'a ботаники.

Работаем оба очень много. Но по-американски это не мешает мне каждый день упражняться час-полтора в теннис, hand-ball и т.д. Миннесотский унив[ерсите]т — третий по обширности в Америке. Библиотека отличная. Народ славный, город Minneapolis — очень хороший. Так что в этом отношении я очень доволен. Конечно, жизнь здесь вообще и универ[ситет]ская, в частности, течет иначе, чем у нас и в Европе.

Мне, кроме того, особенно в связи с выборами сейчас презид[ен]та, приходится говорить и по радио, и без радио в десятках общ[ест]в и клубов о России — но это так, между прочим^{21*}. На святках буду на съезде социологов, где читаю доклад. Вообще, шаг за шагом я укореняю свою почву здесь и в года два-три — если суждено жить здесь это время — надеюсь выплыть в качестве одного из самых видных американо-русских социологов. Сильно еще тормозит меня английский, но с ходом времени этот тормоз ослабляется.

Я рад, что стал на свои ноги и не завишу ни от каких субсидий. Скоро

исполняется (через полмесяца) год моего пребывания здесь, и я им доволен. Сделал даже больше, чем ожидал.

Сердечный привет от нас обоих Вам обоим. Будущим летом, если не удастся поехать на лето в Европу, думаю завестись фордом (он здесь дешев) и месяц-полтора поколесить вдоль и поперек по Америке.

Пишите чаще и сообщайте Ваши новости.

Крепко жму руку

Ваш П. Сорокин.

IX

22 дек[абря] 1924[г.]

Дорогой Никита Ефимович,

Простите, что до сих пор не отвечал Вам: был занят по горло буквально — и текущими делами, и докладом для Социол[огического] съезда, и исследованием американских богачей, которое только что кончил^{22*}. Имея статистический характер (и будучи частью моего исследования «Social Mobility»), оно отняло у меня массу времени. И я искренне рад, что три часа назад я кончил свою статью о них (около 35 стр.), которую надеюсь здесь напечатать. А тут случилось беда с зубами: 7 штук выдернули, и массу времени пришлось убить, чтобы получить новые. Все это объясняет, что я действительно был занят.

Теперь о делах: 1) The Journal of Social Forces я вышлю — т.е. подпишусь на Вас с января 1925 г. Постараюсь выслать и книгу проф. East'a «Mankind on the Crossroad» (Человеч[ест]во на распутьи) и остальные из заказанных Вами книг. Писать Вам для журнала до лета не обещаю, т[ак] к[ак], ей Богу, очень занят — особенно с января, когда на мои плечи ложится до 12 ч[асов] занятий (лекций и семинаров) в неделю, к каждому из них надо готовиться — и серьезно, т[ак] к[ак] все мои курсы для одних «оставленных» — готовящихся к магист[ерским] и докт[орским] степеням. Летом — если нужно будет — могу что-нибудь написать или еще проще — если я напечатаю здесь что-либо интересное для Вас и серьезное, напр[имер], ту же статью об амер[иканских] миллионерах — Вы можете перевести ее, если желаете.

Теперь о моей рукописи «Социология революции». Я получил из М[инистерства] и [ностранных] дел письмо, где мне пишут, что, если я желаю, они готовы издать ее. Я написал д-ру Гирсе довольно резкое письмо, где известил его, что я предпочитаю не издавать книгу, если для издания ее необходима «апробация» г[оспод] социологов из «Пла-

мени»^{23*}, понимающих в социологии столько же, сколько я в санскрите (буквально так). Письмо МИД является ответом на мое. На днях я напишу в МИД, что я предлагаю им издать ее. Этот вопрос, стало быть, можно считать решенным. Но вот в чем беда: за это время накопились новые данные о Рус[ской] революции. Их нужно внести в книгу. Во-вторых, в книге есть некоторые длинноты, которые желательно было бы сократить. Все эти изменения мной сделаны в англ[ийском] тексте. Очевидно, что из Праги мне сюда корректуру присылать не будут. Кроме того, нужно вести корректуру книги. Не согласились ли бы Вы взять дружески эту работу на себя и, имея под рукой англ[ийский] текст, согласно ему произвести эти поправки? (Кроме одной главы: о голоде и революции, которые я выбросил из англ[ийского] текста^{24*} — п[отому] ч[то] книга выходила за все необходимые рамки размера, — но которую я хочу иметь в русск[ом] тексте). Ответьте, пожалуйста, на этот вопрос. Конечно, если издатели согласятся присылать сюда — хотя бы одну корректуру, — это бы было наилучшее.

Вот я и прошу Вас: 1) Известить МИД (писал мне рап Polaček), что я согласен, чтобы книга была издана. 2) Узнать, когда она может быть издана. 3) Могут ли мне сюда присылать корректуру? 4) Если нет — то можете ли Вы взять на себя эту работу?

Мои «Leaves from a Russian Diary» встречены здесь очень хорошо. Кроме одной кислой рецензии в пробольшев[истской] «Nation», все другие (я имею около 12 статей и рецензий — но это далеко не все) больше чем похвальные^{25*}. «Социология революции» выходит в начале января (издатель, не желая делать книгу на один год старше сразу по выходе, предпочитает выпустить ее не в декабре, а в январе — отсюда задержка). Но по выходе она будет сразу выслана Вам. Как она будет встречена — увидим.

Живем мы по-прежнему. Лена месяц назад недурно сдала свои экзамены на доктора ботаники. Теперь ей остается весной защитить свою диссертацию — что, по-видимому, будет ею сделано легко. За это время я напечатал большую статью о новых кодексах и суде СССР в Michigan Law Review^{26*}. 28 дек[абря] еду в Чикаго на социол[огический] съезд. В связи с ним я чувствую себя немного не в духе. Дело в том, что социологи захотели, чтобы я непременно читал доклад «О международной политике» совет[ских] головотяпов. Я так много читаю и пишу о России и без того, что читать еще на съезде, где я мог бы предложить что-либо более интересное и ценное — у меня решительно нет охоты. Между тем, я уже стою в программе съезда. Скрепя сердце я написал

доклад и послал его своему содокладчику проф. J. Davis из Yale University. Но имею намерение — если только будет можно, отвертеться от него и или не читать ничего, или прочесть две другие работы, стоящие далеко и от политики, и совмерзавцев.

Сегодня начались здесь Святки. Посему оба мы желаем обоим Вам прекрасных Святков и счастливаго Нового года. Вы, небось, там будете выпивать, а здесь по этой части очень плохо: поневоле будешь трезв. Жму руку.

Ваш П. Сорокин.

Х

4 февр[аля] 1925[г.]

Дорогой Никита Ефимович,

Сегодня послал Вам свою «Sociology of Revolution». Надеюсь, она благополучно дойдет до Вас. Вторую книгу «Leaves» сейчас не посылаю, так как не имею ее. Пошлю при случае в будущем. На American Journal of Sociology за этот год я для Вас подписался. Обе первые книги его Вам будут высланы сразу перед Рождеством. Я послал Вам большое письмо, где просил Вас заявить в Мин[истерстве] Ин[остранных] Дел г. Полачеку (секр[етарю] Гирсы), что я на русское издание «Социологии революции» согласен (они прислали мне извещение, что готовы издать ее). Там же я просил Вас взять на себя корректуру и просмотр рукописи (согласно англ[ийскому] тексту книги) — если рукопись и корректуру они не могут выслать мне сюда. Сегодня я послал письмо и книгу г. Гирсе и сообщил ему о своем желании, чтобы книга была издана, и о том, что корректуру я просил бы поручить Вам.

Я не получил от Вас ответа. Напишите, пожалуйста, как обстоит дело и согласны ли взять редактирование (автор[скую] корректуру) книги или могу ли я сюда получить корректуру или рукопись для просмотра. Можно было бы сделать так: пока они набирают первые главы — я успел бы просмотреть, исправить, сокр[ати]ть и дополнить рукопись и выслать ее обратно. Это было бы самое лучшее. Если Мин[истерство] решит издать ее, постарайтесь сделать так, чтобы рукопись — начиная с главы «Об изменении половых реакций» и до конца — была выслана сюда. Я ее не задержу, быстро поправлю и вышлю обратно.

Сделайте эту услугу.

Живем по-прежнему. Сейчас я очень занят в унив[ерсите]те преподаванием. Много читаю. Статья моя «Americ[an] Millionaires» — стат[исти-

ко]-соц[иологичес]кое исследование — будет напечатана в Journal of Social Forces.

Сердечный привет от нас обоих Ольге Филар[етовне] и Вам.

Пишите.

Жму руку.

Ваш П. Сорокин.

XI

20 февр[аля] 1925[г.]

Дорогой Никита Ефимович,

Посылаю Вам статью Росса для журнала^{27*}. Она довольно интересна. По получении ее черкните Россу пару слов признательности (на любом из европ[ейских] языков). По ее напечатании пошлите ему экземпляр журнала с его статьей. Я надеюсь, Вы получили мои два письма и оттиски моих двух статей. Я в обиде на Вас за Ваше молчание. Черкните. Привет Ольге Филаретовне. Моя новая книга подходит к концу^{28*}. В марте надеюсь видеть ее переписанной, осенью — напечатанной. Надеюсь, она будет не очень плоха. Ее тема — вертикальное строение общ[еств]а и вертикальные перегруппировки — то, что я очень бегло задел в моем втором томе. В этом смысле она — продолжение моей «Системы соц[иологии]». Для нее я использовал такую гору сырого материала и сырых цифровых данных, что даже сам поражен своей энергией. Жму руку.

Ваш П. Сорокин.

XII

[Конец февраля — начало марта 1925 г.]

Дорогой Никита Ефимович!

Около месяца назад я послал Вам мою «Sociology of Revolution» и письмо.

Получили ли Вы книгу и письмо? Черкните. За избрание — спасибо^{29*}. Если письмо дошло — я просил Вас там узнать о русск[ом] издании книги в Мин[истерстве] Иност[ранных] Дел.

Черкните — как обстоит дело. Моя вторая книга («Соц[иология] рев[олюции]») пока что принесла мне ряд писем от виднейших амер[иканских] социологов (Ellwood, Giddings, Cooley, Park, Ross, Paton, Bogardus и др.), в которых они весьма высоко расценивают книгу.

Сейчас — исподволь — работаю над книгой о «Social Mobility», но когда она будет готова — единому Богу ведомо. Не раньше, чем через год — полтора, т[ак] к[ак] преподавание первый год отнимает львиную долю времени и энергии, да и проблема-то дьявольски сложна.

Мы живы и здоровы. Лена пишет свою диссертацию на доктора ботаники. Привет от нас обоих Ольге Филар[етовне] и Вам. Жму руку

Ваш *П. Сорокин.*

ХIII

17 июня 1925[г.]

Дорогой Никита Ефимович,

Простите, что долго не писал Вам: был занят. Спасибо за присылку устава Института^{30*}. Вместе с письмом высылаю Вам свою статью о миллионерах и статью одного из видных социологов Америки, проф. Chapin'a — главы Социолог[ического] Отделения в нашем универ[ситете]. Она небольшая, но довольно интересная. Если ее напечатаете в Вашем журнале — я думаю она подходящая — будет all right. Если мою статью напечатаете — будет тоже all right. Высылаю Вам номер Journal of Sociol Forces и 1-й № Amer[ican] Journ[al] of Sociology.

Пишу Вам в самой чудесной обстановке. Два дня назад семестр кончился, я живо кончил экзамены студентов и в промежутке между прошлым и летним семестром, на котором я согласился читать, решил отдохнуть. И вот — через 4 часа бешеной езды на автомобиле — я в 160 верстах от Minneapolis'a в районе, отведенном индейцам на берегу огромного озера-моря, в лесу, в лесной хижине, один (Лена осталась дома). Словом, на лоне настоящей природы и веду жизнь дикаря: хожу почти голый — в купальном костюме — купаюсь, рыбачу, а сейчас вечер, тишина, птицы, лягушки — бумага, перо и письмо. И то же делают большинство американцев, от рабочего до капиталиста. Субботу и воскр[есе]нье все едут (конечно, на своих авто) на лоно природы. И отдыхают. Черт подери! Умеют жить! Был уже у индейцев, в их стоянках. Завтра пойду посмотреть их пляску и слушать их своеобразную музыку. Занятно.

Теперь пару слов о науке. Моя «Социология революции» нашла прекрасный прием и в общей печати, и у специалистов. Из ряда статей и рецензий о ней я знаю лишь одну «холодную». Все остальные — очень положительные. Ряд подписанных особенно крупными учеными, напр[имер], проф. Abbot'ом из Гарвард[ского] унив[ерсите]та — он

считается самым крупным историком по истории Америки, — восторженны: Abbot поставил работу выше работ таких [ученых], как Тэн или Лебон. Даже пробольшеви[стская] «Nation» только что напечатала вполне полож[ительную] рецензию проф. Barnes'a. Ross, Ellwood, Cooley, Bogardus, Paten и др [угие] социологи и психологи прислали мне и издателю весьма похвальные отзывы. N[ew] Y[ork] Times, Bost[on] Transcript, Saturday Review of Literature, Review of Review, Journal of Applied Sociology и т.д. дали статьи и отзывы очень положительные^{31*}. Словом — я вполне удовлетворен, хотя я сам знаю многие недочеты книги, вызванные, главн[ым] образом, тем, что в Праге не было массы нужных книг. Зато первый русский отзыв в «Воле России» написанный Репейниковым, сиречь моим приятелем Д. Лутохиным, коего я устроил в Чехословакии, что называется, облил не только книгу, но и меня самого грязными помоями^{32*}. Как это типично для российско-беспардонно-интеллигентско[го] перекаати-поле. Я не в обиде за резкий отзыв о книге — в этом всякий волен иметь какое угодно мнение, особенно такой безграмотный рецензент как Лутохин. Но... не только приятель, который после писания продолжает мне слать самые приятельские письма и просьбы, но и честный недруг прежде, чем обвинять «в продаже капиталистам», обязан выяснить, так ли это. Сей рецензент-приятель не сделал этого. А если бы сделал, то увидел бы, что быть «розовым» социалистом для карьеры в здешних унив[ерсите]тах выгоднее, чем быть тем, что я есть. Я очень порчу себе «карьеру» своим «черносотенным» упрямством. Во-вторых, он узнал бы, что универ[сите]т Миннесоты — государст[вен]ный, что штат Миннесота здесь один из самых радикальных и что он в зависимости от капиталистов не состоит. И если, тем не менее, меня пригасили сюда и теперь предложили остаться на будущее, то, очевидно, не «из-за политики» (ибо я сравнительно консервативен — и очень — на общем фоне профессоров соц[иальных] наук), а из-за дела. И вот тут-то и разница между американцем и нашими растяпами; первый говорит: «Я с вами не согласен в взглядах политики, но я вижу, [что] вы крупный научный работник, посему — мы хотим вас!» Русский «приятель» вместо всего этого — взял и окрестил меня мошенником!

Я не обижен, п[отому] ч[то] взглядами Лутохина и «Воли России» абсолютно не дорожу. Но мне жаль, что это продолжает делаться среди нашей интеллигенции вообще. Прочтя ст[атью] Лутохина и получив от него потом очень милое письмо, я ответил лишь, что его поведение кажется мне странным: назвав меня публично почти мошенни-

ком, он продолжает писать мне. Со своей стороны, я — т[ак] н[азываемый] «продажный блудный сын» — отныне не нахожу возможным иметь какие бы то ни было сношения с ним, так как всякому снисхождению есть мера. Но это между прочим. За зиму исподволь продолжал работать над «Mobility». Обработал две главы из нее: одна будет напечатана в сент[ябрьском] номере Journal of Applied Sociology, о влиянии войны на разводы^{33*}.

Другая — большая статья — Соц[иально]-стат[истическое] исследование о королях, президентах, Рим[ских] Кат[олических] Папах и попутно о других группах выдающихся людей (ученых, писателей, стратегов и т.д.) — только что кончена мной и переписывается^{34*}. Думаю послать ее или в Scientific Monthly, или Journal of Statist[ical] Society. Увижу. Лена блестяще сдала свои доктор[ские] экзамены, получила степень доктора, удостоилась избрания в члены почетного научного общ[ества] и получила пока при этом же унив[ерситете] место преподавателя на Plant-pathology Station, руководимой знаменитым проф. Stackman'ом — самым крупным специалистом в Америке по патологии растений.

Вот пока все главное о нас.

Будущий год будем здесь же. Осенью я буду свободен от преподавания и потому надеюсь подвинуть мою книгу о Social Mobility.

Вот еще что: пожалуйста, возьмите рукопись моей «Соц[иологии] революции» из Министерства. Мне надоела канитель. И я лично не заинтересован в ее издании Министерством. Пусть эти строки будут для Вас доверенностью. Рукопись пусть пока хранится у Вас. Потом я напишу, что с ней делать.

Сердечный привет от нас обоих Вам и Ольге Филарет[овне]. Пора кончать. Жму руку.

Ваш П. Сорокин.

P.S. Хорошо тут. Three cheers to the wood cabin of Prof. Finney^{35*} (Летняя избушка принадлежит проф. Финни, моему коллеге и им самим выстроена. Он мне ее предложил — и вот я в ней блаженствую).

P.S. Если в обмен за высланные Вам экземпляры Journ[al] of Soc[ial] Forces и Amer[ican] Journ[al] of Sociology Вы пришлете мне: 1) Записки Института Изуч[ения] России (так, кажется, название сборника, издаваемого Прокоповичем) и [2]] книгу Зеринга «Аграрн[ая] револ[юция] в Европе» — и еще что-нибудь интересное из вновь вышедших работ, — буду Вам очень признателен. За последние месяцы я плохо

следил за нем[ецкой], фр[анцузской] и европ[ейской] социологией. Если там вышло что интересное и заслуж[ивает] внимания — черкните. Жду ответа.

Ваш П. Сорокин.

XIV

15 января 1926[г.]

Дорогой Никита Ефимович,

Во-первых, спасибо за присылку «Суспильства». Поздравляю Вас с его выходом. Во-вторых, что Вы замолкли? На последнее письмо — почти год назад — я не получил никакого ответа. Черкните. Что касается нас — мы в общем живем по-прежнему. Жена весной блестяще получила степень доктора ботаники, работает над рядом исследований, выбрана профессором в небольшом здесь Hamlin University, написала несколько работ, кои будут скоро напечатаны в «Genetics» и Journal of Americ[an] Botany. Я продолжаю учить. Теперь уже много легче и больше свобод[ного] времени для своих научн[ых] работ. «Социология революции», помимо чешского, переводится на японский и, если финанс[овые] требования моего издателя не помешают, будет переведена на немецкий, т[ак] к[ак] я получил от трех лиц просьбы разрешить перевод. Я-то согласен, но издатель (Lippincott) требует от герман[ских] издателей такую сумму, что она едва ли им под силу^{36*}. Увидим. Здесь книга имела большой успех и мою репутацию установила. За это время я написал ряд научных статей: две из них будут напечатаны в ближ[айшей] книге «Social Forces» — лучшем социол[огическом] журнале здесь, т[ак] к[ак] Americ[an] Journal of Soc[iology] стал совсем неинтересным. В нем[ецком] «Jahrbuch für Soziologie» или в «Archiv für Philosophie und Soziologie» скоро появится моя большая статья о Рус[ской] социологии, так же в ближ[айших] книжках Social Forces и Quarterly Journal of Economics будут напечатаны две большие статьи о циклич[еской] теории истор[ического] и социального процесса и о Vertical Social Mobility^{37*}.

Это все маленькие отрывки из большой книги, которую я кончаю сейчас и которая, вероятно, будет озаглавлена Social Stratification или Social Mobility. На Святках ездил на социологический съезд в N[ew] Y[ork], где читал доклад.

В общем — я доволен результатами своей работы, хотя работать приходится и много. В один-два года надеюсь здесь заработать репута-

цию одного из самых крупных лидеров русско-амер[иканской] социологии.

Оседать в Америке я, конечно, не думаю навсегда. С изменением обстоятельств в России – вернусь туда: родина есть родина.

Привет от нас обоих Над[ежде] Фил[аретовне].

Пишите.

Жму руку

Ваш П. Сорокин.

P.S. Секретарю Масарика д-ру Шкраху я послал по его просьбе обзор наиболее интересных новых работ в амер[иканской] социологии за последние два-три года. Если рукопись дошла, она будет напечатана в «Чешск[ой] мысли». Если обзор интересует Вас – попросите рукопись у д-ра Шкраха^{38*}.

P.S. Высылаю отписки моей статьи «Monarchs and Rulers» и J[ournal] of Appl[ied] Sociology с моей статьей^{39*}.

XV

31 января[1926г.]

Дорогой Никита Ефимович,

Письмо Ваше от 14 янв[аря] – получил. Сейчас написал Россу и не сомневайтесь, что Росс вам статью вышлет. Если нужны будут еще статьи других амер[иканских] социологов (Hages'a, Ellwood'a и др[угих]) – пишите. Я устрою это. Буду рад, если «Социол[огию] революции» переведете на украинский^{40*}. Предисловие напишу с удовольствием. Благодарность Шарп'у передал. Он благодарит Вас за напечатание и просит, если можно, выслать ему 1-й вып[уск] «Суспильства» в одном экземпляре^{41*}.

Что касается Small'a «Пятьдесят лет развития амер[иканской] соц[иологии]» – она была напечатана в *American Journal of Sociology*, 1916, январь. В библиотеке унив[ерсите]та в Праге, вероятно, есть этот номер. Там его Вы и найдете.

Недели две назад я послал Вам большое письмо и отписки своих двух новых статей. Надеюсь, Вы все это получили. Так как в письме том я написал обо всем подробно, то в этом письме много писать не буду.

Никаких извинений за беспокойство Вы не шлите. Я с большим удовольствием буду делать все, в чем я могу быть полезен делу украин[ской] социологии.

Привет от нас обоих Вам обоим.

Сегодня буду говорить по спец. радио, на русск[ом] языке с Россией: слушатели, вероятно, будут одни коммунисты, но ничего, пусть немного послушают.

Жму руку.

Ваш П. Сорокин.

XVI

27 марта 1926[г.]

Дорогой Никита Ефимович!

Спасибо за письмо. Я не пеняю на Вас за Ваше молчание; я просто жалею лишь, что редко получаю Ваши письма, так как я люблю их получать. Они всегда живые и полны интереса для меня. Посему, естественно, я хотел бы получать их чаще.

Из письма вижу, что Вы работаете с огромной энергией и творчески. Приветствую это. Вы знаете, что я абсолютно ничего не имею против украинского возрождения и желаю ему всяческого успеха. Единственно, что я считал бы вредным и для дела возрождения, и для всего общероссийского дела, это разжигание антагонизма против России или «Московии». Здесь я тверд и всякое подобное дело считаю вредным для возрождения самого и для всей российской культуры. Хотим ли мы этого или нет, но Киев, и Москва, и Иркутск связаны неразрывно. И пади эта связь — кончено все на долгое время и для Москвы, и Киева, и Иркутска. С другой стороны, существование связи не мешает и Киеву, и Москве, и Верхнеудинску развиваться по-своему и иметь свою физиономию. Здесь, я так сказать «линкольнианец»; и как он — даже путем войны — помешал распадению Америки на Северную и Южную — так же нужно сделать все, чтобы помешать разрыву России на части. Это было бы великим несчастьем. Но довольно об этом.

Спасибо Вам за информацию — она богата и интересна. Грешен, я не видал ни книги Милокова, не Влаха, ни даже свою заметку в «Чешск[ой] мысли»^{42*}. Я послал, по просьбе Skrach'a, ему статью. А он ничего мне не ответил. В связи с этим у меня к Вам просьба: *не потрудитесь ли Вы позвонить Skrach'у и от моего имени попросить его выслать мне несколько экземпляров №1, 1926 журнала с моей заметкой. Сделайте, пожалуйста, это. Буду очень благодарен!*

Я, со своей стороны, сегодня же пишу Elwood'у с тем, чтобы он выслал Вам статью для «Сусп[ильства]»^{43*}. Я уверен, он это сделает.

Перевод «Соц[иологии] рев[олюции]» я всецело доверяю Вам. Знаю, что Вы это сделаете хорошо. Несуществ[енные] сокращения делайте. Лучше, если перевод будет с моего английского текста, а не с русской рукописи. Я получил известие, что чешск[ий] перевод близится к концу и скоро, по-видимому, выйдет^{44*}. Рядом с этим Краль прислал мне просьбу разрешить ему выпустить попул[ярную] брошюру о книге. В Японии д-р О'Нара сейчас переводит книгу, а д-р Musagawa выпускает спец[иальную] брошюру по ее поводу. Здесь в новой книге Ellwood'a глава о революции написана по моей книге^{45*}. В Испании проф. A. Posada в «Nación» напечатал и прислал мне большую статью по ее поводу и о ней. Новую книгу я кончил. Сейчас она послана Hayes'у для прочтения. Имею пока шесть предложений от различ[ных] издателей. Не решил еще, кому ее дам. Книга, надеюсь, будет не совсем плохая, пожалуй лучшее из всего, что я писал до сих пор. Она вся, так сказать, индуктивна. К концу года надеюсь иметь удовольствие выслать ее Вам. За это время я написал еще ряд статей для разных журналов и в течение ближайших месяцев они появятся. На днях получил уведомление, что Ассоциация социологов Южн[ой] Америки избрала меня почет[ным] членом. All right.

За последнее время, в связи с книгой и учебой, я немного переработал и стал температурить. Но сейчас мы имели 10 дней каникул: я сплю, гуляю, читаю детект[ивные] романы, и, по-видимому, отдохнул. Так что all right опять.

За ближайшие месяцы решил работать слегка, не очень интенсивно. И для такой легкой работы, исподволь, решил писать (между делом) новую книгу «Современные социологи»^{46*}. В течение этого квартала — апрель — июнь — я читаю специальный курс о современ[ных] социолог[ических] теориях. На английском (да и на других языках, кроме разве послед[него] издания Bartha^{47*}) нет ничего сносного в качестве руководства. Недавно проф. Lichtenberger и Vogardus выпустили такие учебники, но они примитивны и никуда вообще не годятся^{48*}. Вот я и думаю восполнить пробел, написавши такую книгу. После сего планирую, если жив буду, засесть за «Механику». Но это дело можно начать лишь с будущего года.

Вы спрашиваете о нашем быте? Трудно его описать кратко. Он — регулярен и даже немного монотонен. Живем мы в квар[тире] из 4-х комнат (со всеми амер[иканскими] удобствами: газ, тел[ефон], всегда теплая вода, ванна, и пр., даже радио, но его я убрал, шумно и надоеливо). Лена профессорствует и 3 раза в неделю читает ботанику

в Hamlin University; остальное время или занята своей научной работой, или отдыхает и рукодельничает для отдыха. Я этот квартал буду занят унив[ерсит]етом 5 или 6 час[ов] в неделю. Дом наш стоит на Миссисипи. Очень красивое место. Универ[сите]тские здания (их больше 20 огромн[ых] корпусов) — рядом, библиотека унив[ерсите]та — рядом (3 мин[уты] ходьбы). Вот так и живем — между унив[ерсите]том и домом. Ну, конечно, раз-два в неделю или клуб, или обед званый, или что-либо в этом роде. Компания, гл[авным] обр[азом], профессорская или различн[ые] влият[ельные] лидеры города. Раз-два в неделю выезжаем за город — за 20–30–40 миль, проветриться. Конечно, на автомобилях, которых тут имеется в каждой семье. Мы пока не приобрели — хотя он очень дешев — просто потому, что нет в нем надобности. Лишние хлопоты. Один или два часа в день я обычно трачу на физич[еские] упражнения: зимой в огромн[ом] здании унив[ерситетского] Stadium'a (специальное здание на 50 000 чел[овек] для футбола и всевозможных гимн[астик] и спорта) играю[в] hand-ball, летом — купанье, volley-ball и т.п. Так как это интересно, полезно, и когда после игры там же примешь, в огромн[ых] и прекрасн[ых] залах, сильнейший душ — человек чувствует себя хорошо и свежо, это объясняет, почему я стал спортсменом. Имея великолеп[ные] приспособления для[спор]та, здесь прямо невозможно не быть им. В промежутках, когда есть перерыв на дня три, мы частенько уезжаем за 100–150 миль в сравнительно дикие места на севере Миннесоты (лес, звери и пр[очее] еще есть). Вот так и живем. Несмотря на все, все же жизнь здесь очень уж «стандартизована», так что иногда становится немного монотонной. Вдобавок, если в N[ew] Y[ork'e] по части выпивки очень хорошо, здесь не пьют. Так что, если мы будем иметь удовольствие видеть Вас в Minneapolis'e, на «рюмку-то водки» не очень рассчитывайте. Всего другого — все приготовим. А этого — пожалуй, и не удастся (впрочем, может быть, по случаю экстраорд[нарного] гостя и удастся). Отношения с проф[ессора]ми у нас очень хорошие. Но опять «слав[янская] натура» есть все же нечто отличное от американской. Нашей «интимности» и «души нараспашку» здесь как-то нет совсем. Люди, даже в самых панибратских отношениях, как-то всегда почти «застегнуты». Иногда и хочется по-русски «побеседовать». Впрочем, мы оба от этого не очень страдаем. Ну, вот Вам главное. В общем, Америку я очень люблю. Но... Россию я люблю еще больше. Индустриализация, в конце концов, не очень пленяет меня. Живя в стране автом[обилей], радио, совершенной техники, всеобщей обеспеченности и ком-

форта, я теперь больше, чем раньше, понимаю бесконечную прелесть «природы», «дикость» контрастов, всего того, чем наша родина была богата. Этим объясняется, почему я так часто стремлюсь уехать в леса Сев[ерной] Миннесоты и жить там примитивной жизнью: механизация и стандартизация неизбежны, но они убивают прелесть и поэзию жизни. Довольно пока. Привет от нас обоих Вам обоим.

Жму руку

Ваш П. Сорокин.

P.S. Да, могу похвастаться. Месяц назад совершенно неожиданно я получил чрезвычайно лестное благодарственное письмо от Herbert'a Hoover'a, знаменитого министра торговли С[оединенных] Штат[ов]. В нем он чрезвычайно благодарит меня за публик[ацию] моих «Soc[iology] of Rev[olution]» и «Leaves from a Russ[ian] Diary» и хвалит их без меры. Так как письмо написано исключительно по его собств[енной] инициативе (я лично до сих пор не встретил его, книг ему не посылал и вообще никогда ничего не слал ему), то естественно, я тронут таким отзывом этого, пожалуй, самого крупного государст[венного] деятеля и писателя Америки.

XVII

1 апреля[1926?]]

Дорогой Никита Ефимович,

Присылаю статью Ellwood'a. По содержанию она не Бог весть что, но имеет зато достоинство краткости. Места займет немного, а имя даст. Посему — all right. Кстати, черкните, что Вы предпочитаете: длинные ли статьи, но зато содержательные, или менее содержательные, но краткие?

Я просил и Ellwood'a и Ross'a не присылать длинные статьи; этим объясняется их сравнит[ельная] краткость.

Пока жму руку.

Ellwood'у черкните признательность (на любом из европ[ейских] языков).

Его адрес: Prof: Charles A. Elwood, University of Missouri
Columbia, Missouri, USA.

Кстати, в Вашем письме Вы писали о статье Краля, где упомянута им моя книга. Не могли бы Вы выслать мне эту его заметку, просто выдрав ее из журнала или газеты, где она была напечатана?

Неделю назад отправил Вам письмо большое. Посему здесь не распространяюсь.

Жму руку.

Ваш *П. Сорокин*.

P.S. Если статьи др[угих] америк[анских] социологов желательны — черкните. Устрою.

P.P. S. Пришлите, если можно, также *Česka Mysli* с моей заметкой об американской социологии или позвоните в редакцию журнала, чтобы они выслали мне 5–6 экз[емпляров] журнала или оттиски моей статьи.

XVIII

30 ноября 1926[г.]

Дорогой Никита Ефимович,

Спасибо за письмо и за «Суспільство». Номер — интересный. Я рад, что Вы продвигаете социологию. Интересуюсь также Вашей будущей книгой, объявленной в журнале^{49*}. Вышлите — когда будет готова. В скором времени я вышлю Вам (или он прямо вышлет Вам) статью проф. Bogardus'a (он же и ред[актор] *Journal of Applied Sociology*) о «Социальных расстояниях»^{50*}. Она довольно интересна, хотя ее заглавие и не совсем соответствует действительности. Заодно высылаю Вам две своих статейки. Третью, напеч[атанную] в *Journal of Applied Sociology* и представл[яющую] очень краткое резюме второй части моей книги «Social Mobility», — не высылаю, т[ак] к[ак] Вы скоро, вероятно, прочтете ее в *Wiese's Kölner Vierteljahrshefte* по-немецки (он предложил перевести и напечатать ее — я, конечно, не возражаю)^{51*}.

Лето[м], частью, я учил, частью колесил на своем Форде по дебрям Севера Америки и Канады — кочуя, как следует быть, с палаткой и пр. и избегая человеков^{52*}. Будущее лето — половину, планируем таким путем исколесить тысячи четыре-три миль, через Colorado, Californ'ию, пустыни, горы, леса, с тем чтобы к октябрю вернуться сюда. С этой целью продал Форд и купил более основательный автомобиль — *Crysler* (видите, в буржуи записался уже, хотя по-здешнему иметь автомобиль — не более, чем иметь штаны).

Что касается научн[ых] работ — они продвигаются. Книга «Social Mobility» набирается и в феврале — марте выйдет. Другая — «Соврем[енные] социол[огические] теории» — разрослась и обещает

быть более интересной, чем я ожидал. Так как P. Barth очень «философичен» и порядочно устарел, и т[ак] к[ак] в мировой литературе остальные подобные книги (Squillace, Kovalevsky, Bogardus, Barnes, Lichtenberger) или очень элементарны, или устарели, или плохи — то я надеюсь дать скорее единственную (пока!) приличную (хотя и трудноватую) книгу в этой области^{53*}. Она подходит к концу, и я надеюсь кончить ее написание в феврале. В конце 1927 г. она выйдет сразу и по-немецки (переводиться будет с рукописи), и по-английски^{54*}.

Кстати, переводится ли на украинский «Социология революции»? Если Вы изменили свое первоначальное намерение перевести ее — известите меня об этом. Финанс[овые] трудности для ее немец[кого] перевода (америк[анский] издатель, которому я дал право разрешать перевод на все языки, кроме русского, чешск[ого] и укр[аинского], требовал 500 долл[аров] от нем[ецкого] изд[ателя]), теперь несколько уменьшились (сведены до 100 долл[аров]), и в ближайшее время, вероятно, вопрос будет улажен. (Японский перевод — вышел.)

Сердечный привет от нас обоих — Вам обоим.

Жму руку

Ваш П. Сорокин.

XIX

19 марта[1927 г.]

Дорогой Никита Ефимович,

Превосходно, что Вы здесь^{55*}. Еще лучше, что Вы собираетесь быть в Minnneapolis'e. Милости просим! Мы в апреле и мае будем тут — и посету рады будем видеть Вас, когда бы Вы ни приехали. О дне Вашего приезда дайте знать заранее — дня[за] два-три. Если сообщите поезд и час приезда — встречу Вас. Расположиться можно будет в том же доме, где мы живем: удобств не меньше чем в любом отеле. Не пишу сейчас много, т[ак] к[ак] спешу Вам ответить немедленно. Росс будет рад, конечно, видеть Вас. Прилагаю к письму — письмо к Россу. Когда Вы будете писать ему, вложите его в Ваше письмо. Мы оба all right. Пока, жму руку. Если чтонибудь я могу сделать для Вас — черкните.

До скорого свидания

Ваш П. Сорокин.

XX

15 апреля 1927[г.]

Дорогой Никита Ефимович!

Надеюсь, Вы получили мое письмо, которое я послал немедленно по получении Вашего письма из New York'a? Как себя чувствуете и когда предполагаете быть в наших краях? Неделю назад я был в Madison'e, видел Росса и предупредил его о вашем возможном визите. Росс будет рад видеть Вас. Черкните.

Пока, жму руку.

Ваш *П. Сорокин.*

XXI

[1927г.]

Дорогой Никита Ефимович!

Увы! Оптимистического ответа я дать не могу. Недели 2 тому назад здесь были 2 квартиры (2 ком[наты] и кухня каждая) по 900 кр[он] в месяц, но теперь заняты. Больше я ничего не знаю о имеющихся здесь квартирах. Не знают и все, у кого я выспрашивал. Посему не гневайтесь на меня за неудачу. Когда Вы и О[льга] Фил[аретовна] пожелаете к нам? Мы соскучились по Вас. Погода — отличная. Надумайте-ка как-нибудь в наши края. Может быть, завтра, в воскресенье? Если Вы крепки на ноги, то можно было бы побродить по окрестностям, отмахать так верст 10 для ради удовольствия. Жму руку. Привет от Лены и мой Ольге Филаретовне и Вам.

Ваш *П. Сорокин.*

XXII

20 октября 1929[г.]

Многоуважаемый Никита Ефимович!

Спасибо, что вспомнили и написали большое письмо. Жалею, что Вы чувствуете себя усталым, но рад, что отдаляетесь от «общ[ественных] раб[от]» и концентрируетесь на науке. Вы знаете мое откровенное мнение, что я не считал Вашу «полит[ическую]» работу и нужной и полезной, но всегда ценил Вашу культурную работу без ее политического заострения.

Теперь о Ваших вопросах. Chapin переехал в N[ew] Y[ork] в связи с редакторством Abstracts. В известном смысле это полезный журнал —

состоящий исключительно из кратких отчетов о статьях, без критики — для тех, кто сам не следит за литературой. Но это и все. Работа редактора чисто механическая, и я думаю надоест Chapin'у скоро. Положение вроде «редактора» такого-то отдела там фактически нет. Посему при всем желании устроить Вас — невозможно. Хотел бы помочь Вам как-нибудь в финансировании Инст[иту]та, но я дурак в финансовых делах и потому даже не возьмусь за такую попытку. Вообще, если думаете об Америке — овладейте хорошо английским языком.

Что касается моих работ и положения, то все это в корне изменилось с того времени, как Вы были здесь. Помимо «Social Mobility», «Contemp[orary] Soc[iological] Theories» и «Principles Rural-Urban Sociology», я в течение этого акад[емического] года надеюсь кончить трехтомную работу: «Source Book in Rural Sociology», порученную мне Мин[истерством] Земл[еделия] САСШ^{56*}. Она будет представлять капитальный труд, где с моими большими введениями будет дано в переводах лучшее, что было написано во все времена и у всех народов о соц[иальной] стороне дерев[енской] жизни. Выбор меня, как автора этой работы, Мин[истерством] Земл[еделия] говорит сам за себя о моем авторитете. «Principles of R[ural]-Urban Soc[iology]» — единогласно признана лучшей книгой в этой области в мир[овой] литературе. «Соц[иологические] теории» вышли уже по-японски; в апреле 1930 выйдут по-немецки (ред[актор] Thurnwald, Verlag Beck); переводится на испанский. Она, по-видимому, тоже признана лучшей книгой в этой области в мировой литературе. Даже мой друг von Wiese, как Вы видели из его рецензии и 2-го т[ома] его «Allg[emeinen] Soziologie», несмотря[на то], что я разнес его форм[альную] школу, признает это. Я реценз[ировал] его II-й т[ом] в Турнвал[ьдовском] Zeitschrift für Volkers в только что вышедшей книге^{57*}. Здесь «Principles» и «Theories» введены фактически как обяз[ательный] курс во всех больших унив[ерсите]тах.

О научных статьях в япон[ских], исп[анских], фр[анцузских], амер[иканских] и даже бенгальско-инд[ийских] журналах не упоминаю: они печатаются, переводятся и комментируются.

Итог всего этого следующий: сейчас, по-видимому, я имею авторитет не ниже любого социолога в любой стране. Одно из подтверждений этого — весьма веское подтверждение, — что за последнюю неделю я получил четыре предложения: быть главой деп[артамен]та социологии в Univ[ersity] of Michigan, в Univ[ersity] of Illinois, в Harvard Univ[ersity] и почетное проф[ессорст]во в Wisconsin. Здесь мои усло-

вия довели до «вершины», т.е. мне предлагают самое выс[окое] жалование и наилучшие привилегии. После ряда колебаний вчера я решил свой выбор в пользу славнейшего из амер[иканских] унив[ерсите]тов — Harvard'a^{58*}. Harvard до сих пор не имел социологии. Теперь решил открыть кафедру — и позже развернуть ее в целый департ[амент]. Выбор Harvard'a пал на Вашего покорного слугу, хотя любой из самых крупных амер[иканских] социологов с радостью пошел бы в Harvard, т[ак] к[ак] ихняя пословица даже говорит: «Всякий магометанин мечтает о Мекке, и всякий амер[иканский] профессор мечтает о Harvard'е». По-человечески я рад и горжусь этим признанием моей работы и достижений. Таким образом, за 6 лет русский беженец достиг вершины в смысле акад[емической] карьеры. Перспективы для моей работы теперь открываются огромные. С сентября 1930 года, т[аким] о[бразом], я буду в Harvard'е (адрес на всякий случай: Dept of Economics, Harvard University, Camridge Massachussets). Не удивляйтесь, если через год или два Вы увидите меня выбранным в президенты Америк[анского] Соц[иологического] Общ[еств]а. Уже предлагали, но по милосердию к старичкам отклонил.

Ленина (жены) работа тоже идет успешно. Словом, в этом смысле мы all right. И я лично очень рад, что кое-что даю для поддержания престижа русской науки.

Что касается Von Wiese, то из его книги и рецензии Вы видите что на 75 % он должен был признать правильность моих возражений. Эта различность взглядов не мешает нам быть друзьями, и сегодня я получил от него дружеское письмо с благодарностью за не очень суровую рецензию на его книгу. С Турнвальдом мы единомышленники. G. Richard называет меня не иначе как maître'ом. Японские социологи — Nunokawa и др[угие] — 5 книжек япон[ского] журнала этики и соц[иологии] за прошлый год заполнили — 1/4 каждой книги — статьями о моих работах. Проф. of Calcutta University и директор Индусск[ого] Экон[омического] ин[ститу]та В. К. Sarkar печатает в Calcutta University Review серию статей под заглавием: «Social and Political Philosophie from Herder to Sorokin»^{59*} и т.д. Словом, как видите, я стал Великим Князем от социологии. Всего меньше признания я имел среди русск[их]. Это меня не беспокоит: через 15 лет с опозданием они признают. А пока я работаю много и будущий год придется, вероятно, много поработать, организуя социологию в Harvard'е. Между другими условиями Harvard готов финансировать «Журнал экс-

пер[иментальной] социол[огии]», если я захочу иметь его. Но я думаю с этим погодить, т[ак] к[ак] журнал и его редактирование требуют много энергии для рутинной работы. Между тем, полезнее, если я истрачу ее на творч[ескую] работу. Планирую начать там свой шедевр «Социальную динамику», которую хочу сделать классической работой^{60*}. Буду работать не торопясь.

В Harvard'e, по-видимому, я уже осяду надолго: из Harvard'a, как из вершины, некуда идти выше; а назад в другие университеты... не принято. Возможно, что лето 1931–32 я буду в Европе.

Если хотите иметь экземпляр «Principles» — черкните: вышлю. Если хотите иметь ее наскоро — экземпляр имеется у проф. V. Smetánca (Praha-Karlin, Strossmayerova 3), сошлитесь на это письмо и попросите у него на время.

Привет Вашей супруге. Недавно был здесь проф. Тимашев — не младший, а старший, знаменитый специалист по технологии. Умный и дельный человек.

Жму руку

Ваш П. Сорокин.

XXIII

28 ноября 1929[г.]

Дорогой Никита Ефимович!

Отвечаю на Ваше письмо по старому адресу «Суспильства»: в своем письме Вы не приписали адрес, а Ваше предыдущее письмо с адресом я затерял. Авось, дойдет письмо и по другому адресу. По тому же адресу высылаю Вам через издателя «Principles». Если не дойдет — жаль, но не пеняйте на меня.

Что касается моей готовности помочь письмами, отзывами и пр[очим], это само собой разумеется. Но другое дело — насколько они могут *действительно быть полезны*. Дело в том, что на основании отзывов etc. только амер[иканские] университеты или другие учреждения теперь не пригласят иностранца, кроме всемирно известных научных авторитетов. Стало быть, надо «показать им товар лицом», т.е. они захотят очень основательно посмотреть и пощупать кандидата. Здесь, помимо др[угих] черт, играет роль английский яз[ык] и возраст. При теперешнем обильном предложении ученых из Европы, растущей конкуренции амер[иканских] ученых здешние учредители стали очень требовательны и с плохим английским

человека не примут. Огромную роль играет и возраст. Как правило, для человека старше 50 лет (кроме знаменитостей) шансы на принятие или на приглашение от худшего к лучшему посту — будь то это иностранец или американец — эти шансы ничтожны. Недаром теперь такие унив[ерсите]ты, как Чикаго, на пост президента выбрали 30-[летн]его человека. Эти препятствия трудно преодолеть и отзывы здесь мало помогут.

Я вчера говорил с деканами о приглашении Вас. Как я и ожидал, они отказались: «нет денег», «не можем делать фиктивные приглашения» и т.д.

Что касается визы, я уверен, что с хлопотами Вы устроите ее там через ч[е]х[ословацкое] правит[ельств]во и консула. Если Вы рассчитываете иметь заработок — верный — (не рассчитывайте на переводы: они дадут ничтожную сумму) в течение года-двух, чтобы прожить, подучить язык и приспособиться — после этого времени с Вашей энергией и талантом Вы, вероятно, сумеете устроиться здесь так или иначе. Но и то не наверное. Если «счастье подвезет».

Пишу Вам все это прозаически — без прикрас, — п[отому] ч[то] Вы заинтересованы не в «молочных реках», а в реальности. Имея в виду работу, которую Вы там делаете, я не вполне уверен, стоит ли Вам ее покидать ради... довольно неопределенных перспектив и, во всяком случае, на первые годы — менее интересных и привлекательных. Посему, прежде чем «переходить Рубикон», взвесьте все это и многое другое. Лично я думаю, что оставаясь там, и работая в чисто научно-культ[урной] области (не в политической), Вы сделаете и больше, и будете чувствовать себя лучше, чем здесь на весьма неопред[еленном] положении. Но это, конечно, мое мнение, которое, может быть, и ошибочно. Мое «отрицательное» отношение к Вашей политике состояло и состоит, как мы не раз «спорили» с Вами, в моем убеждении, что линия «суверенной Украины», стимулирования нелюбви и ненависти к «Великой России» — и утопична, и вредна и для Украины, и для России. Теперь, больше чем когда-либо, я верую, что истор[ические] судьбы Харькова, Киева, Москвы, Петербурга и Вятки — едины и неотделимы, что не мешает лишь признать и желательность широких полит[ических] и культ[урных] автономий этих и других «провинций или штатов» России. Эта позиция, однако, ничуть не мешает мне питать наиболее теплые и дружеские чувства к Вам и уважать Вас.

Здесь у меня нового особенного нет. Работа над «Source Book» идет: второй том приближается к концу. К июлю надеюсь кончить 3-й том.

Время с 18 по 24 дек[абря] проведу в Harvard'e, делая предварит[ельные] организ[ационные] шаги на будущий год. 24–26 — буду у друзей в Yale Univer[sity] и в N[ew] Y[ork'e], 27–30 — на социол[огическом] съезде в Вашингтоне. С января по июль буду учить здесь и кончать «Source Book» (его 1-й том выйдет в мае — июне 1930). Август буду отдыхать в Канад[ских] Скалист[ых] горах. С сентября — буду в Harvard'e. Кончив надоевшую «Source Book», планирую — без торопливости — засесть за мою chef-d'oeuvre — «Social Dynamics». Хочу сделать эту работу классической. Если нужно, буду сидеть на ней 3–6 лет (в спокойных условиях Harvard'a). Между делом, возможно, напишу или «Осн[овные] проблемы истории соц[иальной] мысли» или «Историю соц[иальной] мысли» — компаньона к моей «Contemporary Sociol[ogical] Theories»^{61*}.

Пока будьте здоровы и благополучны. Сердечный привет Вашей жене и Вам от нас обоих.

Ввиду ненадежности адреса — пожалуйста, черкните немедленно, получили ли письмо и Ваш точный адрес.

С дружескими новогодними пожеланиями.

Ваш П. Сорокин.

XXIV

5 мая 1930[г.]

Многоуважаемый Никита Ефимович!

Спасибо за письмо. Приятно приветствовать Вас опять на этом материки. Поздравляю Вас с выпуском Ваших трудов. Как-нибудь в будущем надеюсь иметь их в руках и познакомиться с ними.

Мы пробудем в Minneapolis'e до 28 июля. С 28 июля по 28 августа поедem «цыганить», т.е. путешествовать, вероятно, по направлению Glacial Nat[ional] Park и дальше, возможно. В конце августа, возвращаясь, остановимся в Minnear[olis'e] на день — на два, а затем поедem на автомобиле в Harvard, где планируем быть в начале сентября. Если до конца июля будете в Minneapolis'e — будем рады Вас видеть. Если не удастся Вам быть здесь и будете в Boston'e, надеюсь, дадите знать о себе, и повидаемся в Harvard'e.

Я кончил почти 3-томную работу по Rural Sociology. Сейчас с ее окончанием и друг[ими] ликвидациями — занят. Мы оба — прилично здоровы. Я чувствую себя уставшим и посему вероятно становлюсь «равнодушным» ко многому. Как-то многое поднадоело.

В Winnipeg'e проф. социологии и экономики, Mr. Murchison — мой знакомый и, до некоторой степени, ученик. Если Вам понадобится повидать его, сошлитесь на мое имя.

Пока, будьте здоровы и благополучны

Ваш П. Сорокин.

Лена шлет Вам привет.

XXV

23 ноября [1930 г.]

Дорогой Никита Ефимович!

Чрезвычайно жаль, что Вы не будете в Boston'e, и мы на этот раз не увидимся. Я вообще не знал точно, где Вы. Несколько месяцев назад я написал Вам письмо на Ваш канадский адрес, но ответа никакого от Вас не получил. Посему не знал, где Вы. Может быть, все же Вам удалось бы — полупроездом — на денек остановиться в Cambridge'e? И жена, и я были бы очень рады, и Вы могли бы остановиться прямо у нас (88 Washington avenue Cambridge, tel «University 2313-M»). Chapin вернулся в Minneapolis и его Вы не увидите в N[ew] Y[ork'e].

Ваши меланхолические настроения понятны. Понимаю и Вашу усталость. Но... не забудьте, настроение дело изменчивое. Полоса меланхолии обычно сменяется противоположной. Так, по крайней мере, бывает у меня.

О какой моей книге Вы пишете? Если о «Principles of Rural-Urban Sociology», то я мог бы Вам ее выслать, вместо покупки. Напишите по какому адресу. Сейчас (три дня назад) вышел 1-й том моей «Systematic Source Book in Rural Sociology» (U[niversity] of Minnesota Press) и сокращенный немец[кий] перевод моей «Contemp[orary] Sociol[ogical] Theories». 2 и 3 тома «Source Book» выйдут в течение ближайших месяцев. Для «сельского социолога» это издание довольно важно. Стоят они — три тома — дорого: \$ 15. Как автор я получил только 2 экземпляра. Посему — не вышлю их. Но Чехослов[ацкая] Земл[едельческая] академия, вероятно, выпишет их и там Вы можете ознакомиться с ними.

Здесь пока что дела идут all right. Сейчас занят строительством деп[артамент]а Sociology. Вероятно, в будущем году он откроется (хотя и не в полном виде. Есть, конечно, и здесь маленькие тернии. Но где их нет? Посему, не стоит на них обращать внимания.

Сердечный привет от нас обоих Вам и Ольге Филаретовне. Если

будет возможность — проезжайте через Бостон. Доставили бы нам большое удовольствие.

Крепко жму руку.

Сердечно

Ваш П. Сорокин.

XXVI

16 мая 1931[г.]

Дорогой Никита Ефимович!

Спасибо за Ваше милое и большое письмо. Рад, если «Principles» могут пригодиться. Я должен извиниться: обещав Вам прислать ее, я забыл о своем обещании в суматохе и работе и хорошо, что хотя и поздно, а вспомнил все-[таки]. Я жалею, что не могу прислать Вам «Sours Book» и «Rural Sociology» (2-й том выходит из печати в конце мая); он содержит много и нового, и богатого материала. Может быть, Чешская Землед[ельческая] Академия имеет экземпляр. Советую проглядеть 1 и 2 том (3-й в печати и выйдет осенью).

Не писал Вам, п[отому] ч[то] занят был по горло организацией нового департ[амента]. Это была трудная работа, и я, кажется, удивил весь унив[ерсите]т скоростью и удачностью ее выполнения. Ваше замечание, что пришлось мне набрать этнологов etc и что мало в деп[артамент]е социологов, не совсем верно. Оно объясняется, вероятно, тем, что Вы не знаете, что кроется под этими именами. Напр[имер], проф. Wheeler (энтмолог), вероятно, теперь самый крупный в мире исследователь живот[ны]х обществ. Его книги об общ[ественной] жизни ос, пчел, муравьев — классические и самые лучшие. Работы Эспинаса, Alverdes'a — это и старо, и поверхностно. Wheeler, далее, подобрал специалистов по общ[ественной] жизни обезьян, рыб etc и, т[аким] о[бразом], курс «Животной социологии» дается самими видными специалистами в этой области. Нужно ли добавлять, что любой социолог ex-officio^{62*} не мог бы дать ничего, кроме поверхностной стряпни в этой области, нахватанной в разных местах. Короче, мой принцип выбора был — брать крупнейших специалистов по вопросу и избегать поверхностных говорунов.

2-й пример: курсы по вопросам населения. Они[препо]даются Е. В. Wilson'ом. Достаточно сказать, [что] это самый крупный демограф[ический] статистик Америки и, пожалуй, мира (все Pealls'ы, Gini и др[угие] и подметки его не стоят). Поскольку вопросы наслед[ственнос]ти и генетики и т.д. задеваются, опять-таки я взял крупнейших

мировых специалистов (Castle, East и др.), а не «социологов», которые никогда этими проблемами экспериментально или даже вплотную не занимались.

То же в отношении других специальностей. Вы сами пишете о ненаучности и философ[ствова]нии многих социологов. Прибавьте к этим грехам — поверхностность и верхоглядство как основной грех социологов ex-officio. Если социология хочет быть научной, с этим грехом она должна покончить. Теперь поймете, почему я не хотел и не хочу заполнять мой деп[артамент] «социологами», т.е. второ- и третьестепенными статистиками, психологами, демографами, «биосоциологами», но предпочел для этих дисциплин взять первоклассных специалистов, которые дадут и дают не «третьесортный материал», а первоклассный.

Ввиду этого Dep[artament] of Sociology представляется и уже признается как, вероятно, самый сильнейший и лучший социол[огический] департ[амент] в мире по качеству профессоров, дающих курсы.

Создав Depart[ment], теперь я подвожу финансовую базу для его исследований. Сейчас я занят реализацией или проведением проекта исследования жизни, поведения, психологии и среды соврем[енной] город[ской] молодежи в исключительно широких и новых постановках. Работа эта рассчитывается на 3–5 лет с большим штатом сотрудников. Нужно будет для нее от 150 000 до 250 000 долларов. В течение года я надеюсь эту сумму достать, т[ак] к[ак] инициатива желат[ельно]сти такого исследования исходит из местных общественных кругов и они, несмотря на depression^{63*}, вероятно, соберут такую сумму.

Ввиду всего этого мое время в этом году ушло, гл[авным] обр[азом], на эти дела и только часть его я мог урвать для своей «Соц[иальной] динамики». Немножко продвинул ее, но понадобится 3–5 лет прежде чем я кончу ее. Если кончу — создам, вероятно, нечто действительно ценное и кардинальное. Может случиться также, что и ничего из затеи не выйдет. Пока же работа — грандиозная по заданию, интересует меня очень. Надеюсь за месяц подвинуть ее, по крайней мере, настолько, чтобы быть в состоянии прочесть мало-мальски связный курс в будущем году.

Говоря откровенно, огромное больш[инств]о и европейских, и американских работ в нашей области — макулатура, и я перестаю тратить время на их прочтение. Все эти обычные «учебники», бюллетени и т.д. — так ни к чему, пережевывание из пустого в порожнее.

О внешних «успехах» мне жаловаться не приходится (хотя я перестаю ценить их). Вчера выбрали меня членом Амер[иканской] Акад[емии]

Наук и Иск[усств]; здешние социологи теперь следят за каждым шагом моим. Вы, вероятно, знали, что чикагские социологи с самого начала моего приезда ополчились против меня и ставили всякие палки в мои колеса. Теперь они чрезвычайно «почтительны» и стараются «сделать меня одним из своих». Но это не пройдет. И, вместо этого, я взял на себя инициативу вырвать Амер[иканское] Соц[иологическое] общество и American Journal of Sociology из-под их неограниченного контроля и махинационных влияний и, надеюсь, эта трудная задача довольно скоро будет завершена. Во всяком случае, уже на будущем годичном съезде социологов будет «бой». Этих чикагских ребят, довольно пустых по научным заслугам, но чрезвычайно искусных в полит[ических] махинациях, мы приведем в чувство.

«Principles» переводятся на немецкий (Dr. Seedorf, Director S[ельско]-х[озяйственного] института при Готтинг[енском] Универ[ситете]).

Теперь амер[иканские] издатели и социологи пристаю к мне с изданием моей русской «Системы социологии». Может быть, я и соглашусь дать разрешение на это. Но пока колеблюсь.

Да, новость. *В июле мы ждем прибавления в семействе^{64*}*. В силу этого лето мы должны проводить здесь. В конце августа, возможно, я приеду на 3 дня в Рим, где я должен председа[тельствова]ть в социол[огической] секции Междун[ародного] конгресса по населению. Если приеду в Рим, на пару дней загляну в Прагу, Париж и Berlin. Но не знаю еще, приеду ли.

Поправляйтесь и берегите здоровье.

Сердечный привет О[льге] Филаретовне и Вам от нас обоих.

Жму руку

Ваш П. Сорокин.

КОММЕНТАРИИ

Социология революции

Печатается по машинописи, хранящейся в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины (г. Киев) в фонде Н. Е. Шаповала (№ 3563). Первое упоминание в печати об этой машинописи (хранившейся в фонде Н. Е. Шаповала как «рукопись книги неведомого автора») содержится в статье Ю. В. Дойкова «Питирим Сорокин и Никита Шаповал» (Социологический журнал. 1999. № 3/4. С. 216). Подробно история этой машинописи (и несостоявшегося издания книги на русском языке) прослежена в письмах П. А. Сорокина к Н. Е. Шаповалу, публикуемых в «Приложении II» к настоящему изданию.

При подготовке текста к изданию проведена следующая работа:

произведена минимальная стилистическая правка;

восстановлены или уточнены выходные данные книг и статей, на которые ссылается автор;

написание имен собственных в большинстве случаев приведено в соответствие с современными нормами;

отрывки текста, зачеркнутые в машинописи, заключены в квадратные скобки.

«Социология революции» стала второй книгой П. А. Сорокина, изданной на английском языке. Тексты перевода и «оригинала» практически совпадают (за исключением третьего параграфа шестого очерка, отсутствующего в английском варианте), однако американское издание имеет ряд структурных отличий, зафиксированных в нижеследующей таблице (составленной Б. Л. Рубановым):

*Содержание английского и русского вариантов
«Социологии революции» П. А. Сорокина*

<i>Английский вариант</i>	<i>Page</i>	<i>Русский вариант</i>	<i>Стр. машинописи/наст. издания</i>
Предисловие (Preface)		Предисловие	
Part I	1	Очерк первый. Изменение поведения людей в эпохи революций	1/37

<i>Английский вариант</i>	<i>Page</i>	<i>Русский вариант</i>	<i>Стр. машинописи/наст. издания</i>
I. Деформация человеческого поведения в эпохи революций (The Perversion of Human Behavior in Revolution)	1		
II. Природа и механизм человеческого поведения (The Nature and Mechanism of Human Behavior)	17	§ 1. Общие положения, касающиеся механизма поведения людей	1/37
III. Общая характеристика изменения поведения во время революций (General Characteristics of the Change of Behavior During Revolution)	32	§ 2. Общая характеристика деформаций поведения во время революций	25/48
IV. Деформация «речевых» рефлексов (The Transformation of «Speech-Reactions»)	41	§ 3. Деформация «речевых» рефлексов	50/61
V. Деформация реакций собственности (Perversion of the Reactions of Ownership)	58	§ 4. Деформация реакций повиновения и властвования	73/74
VI. Деформация половых реакций (The Perversion of Sexual Reactions)	81	§ 5. Деформация трудовых рефлексов	94/89
VII. Деформация трудовых реакций (The Perversion of Labor Reactions)	102	§ 6. Деформация рефлексов собственности	112/101
VIII. Деформация реакций властвования и повиновения (Perversion of Reactions of Authority and Subordination)	117	§ 7. Деформация половых рефлексов	142/118
IX. Деформация религиозных, этических, эстетических и других приобретенных форм поведения (Perversion of Religious, Moral, Aesthetics and Other Acquired Forms of Conduct)	137	§ 8. Деформация так называемых религиозных, морально-правовых, эстетических и других форм социального поведения	172/135

<i>Английский вариант</i>	<i>Page</i>	<i>Русский вариант</i>	<i>Стр. машинописи / наст. издания</i>
X. Психология революционного общества (The Psychology of Revolutionary Society)	170	§ 9. Деформация психики членов революционного общества	218 / 164
Part II	193	Очерк второй. Влияние революции на состав населения, его смертность, рождаемость и брачность	251 / 183
XI. Влияние революции на состав населения и его смертность, рождаемость и брачность (The Influence of Revolution on the Composition of the Population and Its Death, Birth and Marriage Rate)	193		
1. Революция численно сокращает население (Revolution Diminishes the Population Numerically)	196	§ 1. Революция уменьшает население количественно	251 / 184
2. Уровень смертности, рождаемости и брачности (The Death, Birth and Marriage Rate During Revolution)	200	§ 2. Движение смертности, рождаемости и брачности во время революций	257 / 187
3. Революции как орудие отрицательной селекции и ухудшение наследственных свойств народа (Revolutions as an Instrument of Negative Selection and an Aggravation of Hereditary Race Qualities)	212	§ 3. Революция как орудие «отрицательной селекции» и ухудшения биологически-расовых свойств народа	271 / 197
Part III.	229	Очерк третий. Изменение структуры социального агрегата в периоды революций	295 / 211

<i>Английский вариант</i>	<i>Page</i>	<i>Русский вариант</i>	<i>Стр. машинописи/наст. издания</i>
XII. Изменения в структуре социального агрегата в периоды революций (Changes in the Structure of the Social Aggregate in Periods of Revolution)	229		
1. Общие замечания о структуре социального агрегата (General Remarks Concerning the Structure of the Social Aggregate)	231	§ 1. Общие положения, касающиеся структуры социального агрегата	295/211
2. Деформация структуры агрегата в периоды революции (Deformation of the Structure of the Aggregate in the Periods of Revolution)	233	§ 2. Деформация структуры агрегатов в периоды революции	298/213
3. Изменения состава групп, скорость и «всеохватность» циркуляции (Changes in the Composition of Groups, Velocity and Generality in Circulation)	235	§ 3. Изменение состава групп. Скорость, массовость и характер циркуляции	300/214
4. Изменения объемов социальных групп (Changes in the Volume of Social Groups)	252	§ 4. Изменение объемов социальных групп	322/227
5. «Диссоциация» «ненормальных» кумулятивных групп и образование новых («Dissociation» of «Abnormal» Cumulative Groups and Formation of the New Ones)	261	§ 5. «Диссоциация» ненормальных кумулятивных групп и образование новых	333/234
6. Изменения механизма отбора и размещения индивидов в агрегате (Changes in the Mechanism of Selection and Distribution)	268	§ 6. Изменение механизма отбора и размещения индивидов в агрегате	342/240

<i>Английский вариант</i>	<i>Page</i>	<i>Русский вариант</i>	<i>Стр. машинописи / наст. издания</i>
7. Какие психологические типы возникают во время революций? (What Psychological Types are Climbing Up In Revolution?)	280	§ 7. Изменение поведения и психологии перемещенных лиц	? / 253
8. Изменения поведения и психологии перемещенных лиц (Changes in the Behavior and Psychology of the Transposed Individuals)	284		
Part IV	297	Очерк четвертый. Изменения социальных процессов в периоды революции	375 / 263
XIII. Деформация функций общества в периоды революций. I. Правительственные функции (The Modification of Social Functions During Revolutionary Periods. I. Governmental Functions)	299	§ 1. Изменения в области процессов управления	375 / 263
XIV. Деформация функций общества в периоды революций. II. Экономические функции (The Modification of Social Functions During Revolutionary Periods. II Economic Functions)	317	§ 2. Изменения экономических процессов	394 / 275
XV. Деформация функций общества в периоды революций. III. Духовная жизнь общества (The Modification of Social Functions During Revolutionary Periods. III The Spiritual Life of Society)	334	§ 3. Изменения в духовной жизни общества	417 / 290

<i>Английский вариант</i>	<i>Page</i>	<i>Русский вариант</i>	<i>Стр. машинописи/наст. издания</i>
XVI. Иллюзии революции (The Illusions of Revolution)	360	Очерк пятый. Иллюзии революции.	446/308
Part V	365	Очерк шестой. Причины революций	466/320
XVII The Causes of Revolution	365		
1. Основные причины революции (The Main Causes of Revolution)	367	§ 1. Основные причины революций	466/320
2. Почему ущемление инстинктов приводит к революции (Why Does the Repression of Impulses Lead to Revolutions?)	371	§ 2. Почему ущемление рефлексов ведет к революциям	470/323
3. Какие социальные группы должны стать революционными, в какой степени и почему? (What Social Groups Have to Be a Revolutionary, in Which Degree and Why?)	385	§ 3. Ущемление рефлексов питания и революция	471/324
		§ 4. Ущемление других инстинктов и революция	529/375
		§ 5. Иное доказательство того же	543/384
4. Дезорганизация сил социального контроля (Disorganization of the Powers of Social Control)	397	§ 6. Дезорганизация торможения, дегенерация власти и революция	558/394
5. Общие причины наступления второй стадии революции или контрреволюции (The General Causes Contributing to Call Forth the Second Stage of the Revolution or the Counterrevolution)	408	§ 7. Общие причины наступления второй стадии революции или контрреволюции	581/408
Примечания и дополнения (Notes and Addenda)	415		

«Примечания и дополнения», которые автор, готовя книгу к изданию на английском языке, включил в нее, по-видимому, когда книга была уже сверстана, печатаются в настоящем издании после шестого очерка.

Тексты авторского и издательского предисловий (в переводе В.В. Сапова) помещены ниже.

Предисловие [к американскому изданию]

Эта книга написана в Чехословацкой республике, где я нашел самое гостеприимное убежище и дружеское участие после того, как в октябре 1922 г. был выслан из России Советским правительством. Лишь благодаря гостеприимству чехословацкого народа и правительства я смог закончить этот труд. Поэтому для меня не только глубочайшее удовольствие, но и общественный долг выразить самую искреннюю признательность президенту Чехословацкой республики доктору Т.Г. Масарику; д-ру А. Масарик; премьер-министру д-ру А. Швегле, министрам иностранных дел д-ру Э. Бенешу и д-ру Й. Гирсе; д-ру К. Крамаржу, сенатору Клофачу и многим другим представителям чехословацкого народа.

За публикацию этой книги я особенно благодарен профессору Э.К. Хейсу, который не только обеспечил мне эту возможность, но и любезно согласился взять на себя утомительный труд по исправлению и совершенствованию моего английского. Кроме того, я должен поблагодарить его за ценные научные советы и тот доброжелательный интерес к моей судьбе, который меня ободрял и очень сильно поддерживал. Эта благодарность является всего лишь слабым выражением моей глубочайшей признательности ему.

Описывая последствия Русской революции я в подавляющем большинстве случаев пользовался данными, сообщаемыми большевиками. Не потому, что коммунистическая статистика внушает большое доверие, — просто я хочу быть объективным. Будучи неточной, а зачастую и довольно противоречивой, эта статистика обладает одним ценным качеством: она изображает ситуацию не хуже, а скорее лучше, чем она есть в действительности. Таким способом коммунисты, занимающиеся сбором статистических данных, пытаются избежать преувеличения негативных итогов революции, которые приписывают ей некоторые исследователи. Во имя все той же объективности я снабдил книгу некоторыми замечаниями и текущими данными, которые были мне недоступны, когда я собирал материалы для этой книги и работал над ней.

Питишим Сорокин
5 декабря 1924 г.

Предисловие издателя

Что касается настоящего тома, то это как раз тот случай, когда есть более чем веские основания для написания издательского предисловия, цель которо-

го состоит в том, чтобы представить американским и английским читателям автора, у которого уже имеется вполне сложившаяся репутация в Европе. Профессор Сорокин возглавлял в Петербургском университете факультет социологии, список написанных им на русском языке книг, некоторые из которых переведены на другие европейские языки, а также многочисленных статей по социологии и праву, выглядит впечатляюще.

В начальный период революции в России он вместе с Керенским, Брешковской («бабушкой русской революции») и другими был лидером умеренной революционной партии. Он был главным редактором газеты «Воля народа», членом Всероссийского крестьянского совета и членом Учредительного собрания.

Однако, в 1918 г. он уже перестал быть и социалистом, и революционером, но принимал активное участие в организации российского крестьянства для решения культурных, нравственных, а косвенным образом и политических задач, будучи одним из редакторов «Крестьянской России» и издательства «Хутор».

Из-за этой перемены взглядов, а также по причине его деятельности его три раза арестовывали большевистские власти, приговорили к смерти, но не привели приговор в исполнение, а вместо этого выслали его из России, запретив возвращаться в страну под угрозой смерти.

Он нашел приют в Чехословакии, получив приглашение от президента Масарика. Позднее, желая изучить культурную и экономическую организацию жизни американских фермеров, а также и некоторые другие стороны американской общественной жизни, он решил отправиться в Америку, где русские рабочие, серьезно готовившиеся к участию в реорганизации России, когда им предоставится возможность вернуться на родину, избрали Сорокина одним из своих лидеров. Приехав в Соединенные Штаты, он прочитал лекции во многих американских университетах.

Настоящая книга представляет собой мощное обвинение в адрес всех революций и доказывает необходимость тщательного социального контроля. В ней содержится ряд обобщений, основанных не только на опыте Русской революции, но и на истории революций вообще, описываются характерные черты, свойственные всем революциям, где бы и когда бы они ни происходили.

Для процветания общества необходимо определенное соотношение между стабильностью и изменениями. Перевес одного из этих условий влечет за собой изменение другого и соответствующую реакцию с его стороны. В обществе, руководителям которого удалось слишком хорошо оградить его от всяких изменений и поддерживать неизменным порядок, который они установили, назревает революция. В то же время революция привлекает отвращение к производимым ею эксцессам и стремление к миру, порядку и контролю.

Зло одной из этих крайностей не доказывает, что надо стремиться к другой. Разумеется, ни одна из них не может продолжаться бесконечно; хотя строгий порядок, использующий все возможные способы социального контроля, способен продержаться гораздо дольше, чем может продлиться революция. Он спо-

собен держаться так долго и в такой целостности, что революция становится неизбежной. Но революция, в силу самой природы вещей, есть явление преходящее. Просвещенное общество не может терпимо относиться ни к параличу, наступающему в результате сверхконтроля, ни к ярости восстания. Здесь, как и везде, практическое решение состоит в нахождении должной пропорции между двумя этими тенденциями. В здоровом обществе должна быть как консервативная, так и прогрессивная партия, обе должны быть достаточно мощными, так чтобы в результате их противостояния сохранялось нормальное равновесие.

Настоящим томом профессор Сорокин, опираясь на солидную коллекцию фактов, которым он дает блестящую интерпретацию, сделал существенный вклад в сокровищницу социальной мудрости.

Э. К. Х[ейс]

* * *

Книга «The Sociology of Revolution» (Philadelphia: J.B. Lippincott Co; London, 1925) была переведена на японский (1926), немецкий (Die Soziologie der Revolution. München: J.B. Lehmanns Verlag, 1928) и латышский (Revolucijas sociologija. Riga: Vaivāksanas, 1929) языки. На английском переиздавалась дважды – в 1967 и 2000 гг. Кроме того, один из фрагментов книги (The Perversion of Human Behavior in Revolution) был перепечатан в сборнике: *Sorokin P.A. On the practice of sociology* / Ed. and with introduction by Barry V. Johnston. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1998. P. 257–264.

Ранее на русском языке были опубликованы переводы 1-й и 17-й глав английского издания в сборнике: *Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество*. М., 1992. С. 266–294 (перевод А.Ю. Согомонова); небольшой отрывок из книги опубликован Ю.В. Дойковым в журнале «Звезда» (1998. № 11. С. 90–92).

Первое издание «Социологии революции» вызвало многочисленные критические отзывы, из которых укажем следующие:

Abbott W.C. The Working of Revolution // Saturday Review of Literature. 1925. 11 April. P. 664;

Meuter H. // Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie. 1926. Heft. 4. S. 461–464;

Barnes H.E. Revolution in America // The Nation. 1925. 10 June. P. 668–669;

Rubinow I.M. Are Revolutions Worthwhile? // New Leader. 1925. Vol. 6. June. P. 4;

Grierson J. The Review of «The Sociology of Revolution» // The American Journal of Sociology. 1926. Vol. 7. P. 399;

Park R.E. Review of «The Sociology of Revolution» // The Annals of the American Academy of Arts and Sciences, Philadelphia, 1926. Vol. 123. P. 230–231;

Мухин М. Рец. на «The Sociological Revolution» // Суспільство. Прага, 1925. Сб. I–II. С. 149–150 (на украинском языке);

Репейников Ф. [Лутохин Д.А.] Лицо революции // Воля России. Прага, 1925. № IV. С. 134–146.

E. Jenny // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1929. H. 1. März. S. 77–79 (рецензия на немецкое издание «Социологии революции»).

На первой странице суперобложки (т. е. на ее лицевой стороне) американского издания помещены два отзыва – У.К. Абботта (отрывок из указанной выше рецензии) и Ч.Э. Эллвуда (по-видимому, отрывок из рецензии, найти которую, к сожалению, не удалось):

«Со времен выхода в свет труда Лебона в данной обширной области социологии не появлялось столь замечательной и интересной, равно как и поучительной работы, как эта. Во что бы человек ни верил, будь он за или против революции, он должен обратить на этот выдающийся труд самое пристальное внимание» (*Уилбур Кормес Абботт*).

«Это ценная книга, которую должны прочесть самые широкие слои публики. Я не знаю другой такой книги, которая при внимательном чтении была бы столь хороша» (*Чарлз Э. Эллвуд*, президент Американской социологической ассоциации).

Не все отзывы носили столь же положительный характер. Довольно холодно отозвался о «Социологии революции» Роберт Парк, заметив, что «даже, если речь идет о научной работе, то самое лучшее, а может быть, и самое худшее, что можно о ней сказать, это, что она наводит на размышления». М.И. Рубинов, не ссылаясь непосредственно на мнения, высказанные Гриерсоном и Парком, отметил следующее: «Я уверен в том, что профессор Сорокин сделал большое дело... во-первых, он дал научное (scholarly) описание симптомов, процессов и хода развития революционных призывов. Ценность этого научного вклада сохранится даже после того, как субъективные пристрастия, обусловленные личными переживаниями профессора Сорокина, выпавшими на его долю во время Русской революции, утратят все свое значение». Второе положительное качество труда П.А. Сорокина, по мнению Рубинова, представляет собой ценность скорее для политических деятелей, чем для ученых. «Если профессиональный пропагандист и агитатор сумеет заставить себя прочитать эту книгу с полным беспристрастием, то он составит себе ясное представление о цене любой революции. Вряд ли он сможет составить его, имея на глазах непроницаемые шторы, будучи убежденным в том, что революция как таковая есть некое событие, переходный процесс, наилучшее средство для достижения цели. Таким образом, для ума рассудительного книга послужит доказательством полной абсурдности формулы “перманентная революция”». Рубинов был, кажется, единственным рецензентом, обратившим внимание на недостатки английского языка П.А. Сорокина (правда, отнеся их на счет редактора): «Профессор Сорокин пишет на иностранном для него языке, к изучению которого он, надо полагать, приступил уже в зрелом возрасте.

С учетом обстоятельств, он справился со своей задачей прекрасно, но самый факт совершенно очевиден для читателя. Так как книга издана как очередной выпуск серии (Lippincott Sociological Series), выходящей под редакцией профессора социологии одного из американских университетов, этот последний и должен нести ответственность за недостатки данной книги, поскольку он, как редактор, уделил ей недостаточно внимания и не вычитал корректуру должным образом. Книга изобилует фразами, написанными не по-английски и даже синтаксическими ошибками, которые, будь они сделаны в сочинении студента-второкурсника, несомненно были бы отмечены красным карандашом. Небрежность, по причине которой были пропущены такого рода ошибки, является, конечно, нечестным поступком по отношению к глубокомысленному автору» (цит. по: *Johnston B. V. Pitirim A. Sorokin. An Intellectual Biography. Lowrence (Kansas), 1996. P. 35, 284–285*).

Но самыми суровыми критиками книги оказались соотечественники автора из среды эмигрантов (в Советской России книга, кажется, вовсе не была замечена; хотя «железный занавес» еще не был столь непроницаемым, каким он стал в 30-е гг., для Питирима Сорокина он уже оказался закрытым наглухо). Помимо статьи Ф. Репейникова, приведем мнение Ф.А. Степуна, который в своей статье «Религиозный смысл революции» писал (ссылаясь при этом на немецкий перевод «Социологии революции»): «В своей научно очень несолидной, но публицистически очень страстной “Социологии революции” Питирим Сорокин, собрав большой материал, безусловно доказал не требующую доказательств истину, что все революции роковым образом описывают один и тот же порочный круг: разрушают в процессе своего развития те принципы, во имя которых начинают свой путь» (*Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000. С. 388*).

Введение

- 1* П.А. Сорокин использует термины социальной философии Сен-Симона, по мнению которого история человеческого общества представляет собой поочередную смену двух эпох (или состояний) – критических и органических. Подробнее см.: Изложение учения Сен-Симона. М.; Л., 1947. С. 104. – 26
- 2* Не знаем (*лат.*) – выражение из знаменитой лекции Э. Дюбуа-Реймона «О границах естествознания». В заключительной части этой лекции он сказал: «Относительно загадки в вещественном мире естествоиспытатель давно уже привык произносить с мужественным самоотречением свое “ignogamus”... Но по отношению к загадке, что такое материя и сила и как они в состоянии думать, он раз навсегда должен обречь себя на гораздо труднее дающийся приговор: “ignogabimus” [не узнаем]» (*Дюбуа-Реймон Э. О пределах познания природы. Могилев-на-Днепре, 1874. С. 24*). – 26
- 3* *Идиографический* (от *греч.* *idios* – особенный, своеобразный и *grafo* – пишу) метод познания, применяемый в гуманитарных науках (или науках о культу-

ре, по терминологии баденской школы неокантианства), в отличие от метода *номографического* (от *греч.* *номо тетео* — издавать законы), применяемого в естествознании. Понятия эти введены в науку В. Виндельбандом и подробно развиты Г. Риккертом. См.: *Виндельбанд В.* Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб., 1904. С. 320; *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911. С. 80–81. — 26

- ^{4*} *Танненберг* — ныне Стембарг, населенный пункт в Польше в Ольштынском воеводстве, которое до 1945 г. входило в состав бывшей Восточной Пруссии. «Битвой под Танненбергом» считается Грюнвальдская битва 1410 г., а также часть Восточно-прусской операции 1914 г., закончившейся окружением и разгромом двух корпусов 2-й русской армии. — 26
- ^{5*} Имеются в виду слова из Книги Екклесиаста: «Что было то и будет; и что делалось, то и будет делаться, — и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: “смотри, вот это новое”; но это было уже в веках, бывших прежде нас» (1, 9–10). — 27
- ^{6*} *Гуситская революция* (гуситское революционное движение) — борьба чешского народа в 1-й половине XV в. против католической церкви и немецкого засилья, вылившаяся в так называемые «гуситские войны» (1419–1437), которые велись под руководством Яна Жижки и Прокопа Великого. Подробнее см.: *Рубцов Б. Т.* Гуситские войны. М., 1955. — 29
- ^{7*} Верю, ибо это абсурдно (*лат.*) — слова, которые приписывают Тертуллиану. — 29
- ^{8*} Сущность революции заключается во внезапном, импульсивном переходе от одного политического строя к другому, особенно от одного правопорядка общественной жизни к другому... во внезапной перемене соотношения сил (*нем.*). — 30
- ^{9*} *Этатизм* (от *фр.* *état* — государство) — политическая доктрина, согласно которой государство рассматривается как высший результат и цель общественного развития. «Государство — все, личность гражданина — ничто», — такова формула «предельного» этатизма. Сущность этатизма в той его форме, в какой он сложился в России после революции, очень хорошо выразил академик И.П. Павлов: «Мы живем под господством жесткого принципа: государство, власть — все... личность обывателя — ничто. Жизнь, свобода, достоинство, убеждения, верования, привычки, возможность учиться, средства к жизни, пища, жилище, одежда — все это в руках государства. А у обывателя только беспрекословное повиновение» (цит. по: Звезда. 1989. № 10. С. 116). «Приложение», о котором упоминает П.А. Сорокин, и, соответственно, «очерк, посвященный этатизму», в экземпляре машинописи, которым мы располагаем, отсутствуют. — 32
- ^{10*} Слова Иисуса Христа: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11, 28). — 34

- 11* По словам Ф. Бэкона, идолы — это «глубочайшие заблуждения человеческого ума»; «их обман является результатом неправильного и искаженного предрасположения ума, которое заражает и извращает все восприятия интеллекта». Бэкон выделял четыре вида «идолов»: идолы рода (воздействующие на интеллект в силу самих особенностей общей природы человека), идолы пещеры (воздействующие в силу индивидуальной природы каждого человека), идолы площади (которые воздействуют на интеллект в силу особенностей самой природы общения) и идолы театра (результат неверных теорий или философских учений и ложных законов). См.: *Бэкон Ф. Сочинения* в 2-х т. М., 1977. Т. 1. С. 307. — 34
- 12* *Гекатомба* (от *греч.* hekaton — сто) — жертвоприношение сотни быков, а также всякое большое жертвоприношение; в переносном смысле — огромное (и, как правило, бессмысленное) принесение в жертву людей ради идеи, учения и т. п. — 34
- 13* Мр. 2, 27. — 34
- 14* Такой цитаты в Библии нет — скорее есть противоположная: «В вихре и в буре шествие Господа» (Наум. 1, 3). Правда, близкая по смыслу цитата встречается в 3 Книге Царств: «...не в огне Господь. После огня веяние тихого ветра» (19, 12). — 34
- 15* «Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия...» (Мф. 26, 39). — 34
- 16* Тем самым (*лат.*). — 36
- 17* Выражение из статьи М.А. Бакунина «Реакция в Германии»: «Дух разрушающий есть вместе с тем и дух созидающий» (*Бакунин М.А. Сочинения и письма*. М., 1987. С. 226). — 36
- 18* К вящей славе (*лат.*). «К вящей славе Господней» — девиз ордена иезуитов. Закаляются (церк.-слав.) — т. е. приносятся в жертву. — 36

Очерк первый

- 1* *Тропизмы* — определенные движения организмов, происходящие под влиянием различных раздражителей. Тропизмы называются положительными, если движение направлено в сторону раздражителя, и отрицательными, если оно направлено от раздражителя. В зависимости от раздражителя различают несколько видов тропизмов: хемотропизмы, под влиянием химических веществ, гелиотропизмы — под влиянием света, геотропизм — под влиянием силы тяжести, электротропизм и т. д.; *таксисы* — двигательные реакции свободно передвигающихся микроорганизмов и простейших растений. Различают фототаксисы, термотаксисы, гальванотаксисы, хемотаксисы и т. п. — 38
- 2* Согласно В. Парето, любые теоретические построения, любые идеологии являются оправданием действия и имеют целью придать последнему внешне логичный характер, скрыв его истинные мотивы. Парето назвал идеологические системы, обладающие ложным содержанием, «деривациями» (*derivazioni*),

т. е. производными от чувств, названных им «остатками» (*residui*), коренящимися в иррациональных пластах человеческой психики. — 39

- 3* На самом деле человек неутомолен, агрессивен и честолюбив (*англ.*). — 41
- 4* Такой цитаты, дословно, у Паскаля нет, но в целом ее можно считать парафразой его многочисленных высказываний о двойственной природе человека. Например: «Что же это за химера — человек? Какая невидаль, какое чудовище, какой хаос, какое поле противоречий, какое чудо! Судья всех вещей, бессмысленный червь земляной, хранитель истины, сточная яма сомнений и ошибок, слава и сор вселенной». «Человек благодатью делается как бы подобен Богу и сопричастным божественному Его естеству, а без благодати подобен диким животным». «Он ни ангел, ни животное, но человек». «Человек — ни ангел, ни животное; к несчастью, тот, кто хочет стать ангелом, становится животным» (*Паскаль Б. Мысли. М., 1995. С. 110, 111–112, 239, 267*). См. также: *Рих А. Блез Паскаль. Отчаянность веры. М., 2001. С. 24–33.* — 41
- 5* *Филогенетическое* (от *греч.* *fylo* — род, племя, вид и *genesis* — происхождение) развитие — процесс формирования некоторой систематической группы организмов; развитие *онтогенетическое* (от *греч.* *ontos* — сущее) — процесс развития индивидуального организма. Согласно биогенетическому закону, сформулированному в 1866 г. Э. Геккелем, организм в ходе индивидуального развития (онтогенеза) проходит стадии, которые его предки прошли в филогенезе. — 43
- 6* Совпадение противоположностей (*лат.*). — 45
- 7* От *греч.* *allélon* — друг друга, взаимно (заменяющие, усиливающие и т. п.). — 46
- 7а* Слова леди Макбет (*Шекспир У. Макбет. Действие I. Сцена IV*). — 47
- 8* Третий радующийся (*лат.*) — т. е. человек (в данном случае — «дуэлянт»), выигрывающий от распри двух сторон. — 47
- 9* «Голод как фактор» — последняя книга П.А. Сорокина, подготовленная им к печати в Советской России. Книга должна была выйти в свет в 1922 г., но после высылки ученого из страны, отпечатанные листы по решению цензуры были уничтожены, а остальной набор рассыпан. Лишь совсем недавно книга была полностью восстановлена и, наконец-то, издана в России. См.: *Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003.* — 51
- 10* *Илоты* — местные жители Лаконии и Мессении, покоренные спартамцами и превращенные ими в государственных рабов. «Пьяными илотами» П.А. Сорокин назвал большевиков в своей статье «Победителям», опубликованной в газете «Воля народа» на третий день после октябрьского переворота 1917 г.: «Вы — пьяные илоты. В трагические минуты революции что вы делаете? Добравшись до складов Зимнего дворца, вы, как стая жадных псов, набрасываетесь на вина, напиваетесь и безумствуете в пьяном кошмаре» (*Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 311*). — 52

- 11* *Куропаткин* Алексей Николаевич (1848–1925) — генерал от инфантерии, в 1898–1904 гг. военный министр, в 1904–1905 гг. командующий войсками в Маньчжурии; в Мукденском сражении в феврале 1905 г. его армии нанесла поражение армия японского генерала Т. Куроки. — 52
- 12* *Законы Ману*. СПб., 1913. — 53
- 13* *Евразийцы* — сторонники идейно-политического и общественного учения в русском послеоктябрьском зарубежье 20–30-х гг. XX в., заявившего о себе выходом сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев» (София, 1921), авторами которого были П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский, П.П. Сувчинский; в разработке идеологии евразийства активное участие принимали также Н.Н. Алексеев, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин и др. Подробнее см. статью В.П. Кошарного в словаре «Русская философия» (М., 1995. С. 148–149). — 53
- 14* Приведенное высказывание является автоцитатой. В одном из примечаний к книге «Голод как фактор» Сорокин писал: «Не даром я на лекциях определяю человека как “животное, отличающееся от других животных тем, что оно мотивирует хорошими убеждениями и высокими словами всякую мерзость”» (*Сорокин П.А.* Голод как фактор. С. 228). — 53
- 15* От *фр.* agitation — волнение, возбуждение, беспокойство. — 56
- 16* «Выражение из поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» (1, XV):
На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил...
(*Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений в 4-х т. М., 1986. Т. 2. С. 55). — 56
- 17* *Запрет* (*лат.*). — 58
- 18* *Лолларды* (от *средненидерл.* lollaert — бормочущий [молитвы]) — участники крестьянско-плебейского движения XIV в. в Англии, отвергавшие привилегии церкви и требовавшие секуляризации ее имущества; сыграли большую роль в идеологической подготовке восстания Уота Тайлера в 1381 г., а впоследствии и подготовке английской Реформации; индипендентами стали впоследствии называть «броунистов» (потом «барровистов») — членов религиозной секты в Англии и Голландии, основанной в 1581 г. Робертом Броуном (1549–1630), а после его смерти в тюрьме возглавленной Генри Барроу, которые стремились к отмене всех внешних форм религии; учение этой секты в Англии реформировал И. Робинс (ум. 1625). — 61
- 19* *Уравнивание денежного и имущественного достояния* (*лат.*). — 64
- 20* «*Видения Петра Пахаря*» — поэма английского поэта Уильяма Ленгланда (ок. 1330 — ок. 1400), принадлежавшего к низшему духовенству. В поэме обличаются общественные порядки в Англии накануне крестьянского восстания

1381 г.; интерес к ней возрос в период Реформации и в годы Английской буржуазной революции XVII в. В рус. переводе — Видение Уильяма о Петре Пахаре. М.; Л., 1941. — 64

- 21* *Табориты* — леворадикальное крыло гуситов, объединявшее крестьян, городское плебейство и ремесленников; название происходит от имени укрепленного лагеря Табора в южной Чехии на р. Лужице, основанного ок. 1420 г. Табориты отрицали обрядность, многие догматы и всю организацию католической церкви, стремились восстановить порядки раннехристианской («коммунистической») церкви, отвергали почитание святых, требовали отмены постов, заупокойных молитв, индульгенций, уничтожения икон, реликвий, мощей, церковных облачений, вводили богослужение на родном языке. Табориты составили основное ядро армии, созданной под руководством Яна Жижки; последние их отряды были окружены и уничтожены в крепости Сион 6 сентября 1437 г.; *адамиты* (или «пикардисты») — общее название сект, которые под предлогом святости и возвращения к невинности первобытных людей предавались грубому распутству; впервые секта появилась в Италии и Германии в 1418 г., затем в конце XVIII в. возродилась в Австро-Венгрии, в 1848 г. и в конце XIX в. секта объявилась в США в штате Нью-Йорк; члены секты объявили себя сторонниками свободной любви, устроили свою жизнь на коммунистических началах, предполагающих общность имущества и жен, полное отречение от собственности и семьи. — 65
- 22* Стану я еще поклоняться такой дряни, которой поклоняетесь вы (*англ.*). — 66
- 23* *Анабаптисты* (от *греч.* anabaptizo — вновь погружаю, вновь крещу), или, как они сами себя называли, «христианские братья», — представители крестьянско-плебейского крыла Реформации; расцвет их движения приходится на 20–30-е гг. XVI в., особенно широко оно было распространено в Германии, Швейцарии, Моравии и Голландии. — 66
- 24* *Конституанта* (*фр.* Constituante) — Учредительное собрание во Франции в 1789–1791 гг. — 67
- 25* *Термидор* — контрреволюционный переворот 27/28 июля 1794 г. (9 термидора, по республиканскому календарю), в результате которого Робеспьер и его ближайшие сторонники были арестованы и казнены. — 68
- 26* *Директория* (точнее: Исполнительная Директория) — правительство Французской республики, существовавшее с 4 ноября 1795 до 10 ноября (18 брюмера) 1795 г. Директория состояла из пяти членов (директоров), избравшихся Советом пятисот и Советом старейшин. Под «*фрюктидорским восстанием*» подразумевается государственный переворот, совершенный Директорией 18 фрюктидора (4 сентября) 1797 г., в результате которого из состава Совета пятисот и Совета старейшин было исключено значительное число сторонников монархии, приняты меры против возвращения во Францию дворян-эмигрантов и против контрреволюционной агитации неприсягнувших свя-

щенников. Конец Директории положил переворот, совершенный 18 брюмера Наполеоном Бонапартом. Подробнее см.: *Тарле Е.В.* Наполеон. М., 1992. С. 55. — 68

- 27* По подсчетам одного современника, с 24 февраля по 20 августа 1848 г. только в Париже появилось 283 новых газет и журналов; в названиях многих из них чувствовалось сильное влияние традиций Великой французской революции: «Le Rige Duchene» («Папаша Дюшен») — газета, выходившая с 10 апреля по 24 августа 1848 г. под редакцией Ж.-К. Кольфаврю; «La Commune de Paris» («Парижская Коммуна») — ежедневная политическая газета демократического направления, выходившая с 9 марта по 8 июня под редакцией Мари-Жозефа Собрие (1825–1854); «Le Tribun de peuple» («Трибуна народа») — «орган трудящихся», ежедневная общественно-политическая газета, выходившая с 16 по 30 марта 1848 г., ее издателями и сотрудниками были журналист Франсуа Альфонс Эскирос (1814–1876), рабочий-социалист Лагалуа и аббат Констант; «La Voix des clubs» («Голос клубов») — газета, издававшаяся 12–26 марта под редакцией Гюстава Робера; «La Voix de Femmes» («Голос женщин») — социалистическая и политическая газета, выходившая в Париже с 14 марта по 20 июня 1848 г. под редакцией видной деятельницы женского движения Эжени Нибойе, «La Peuple» («Народ») — журнал демократических республиканцев и социалистов, выходивший с 1 октября 1848 по 14 мая 1849 гг. под редакцией П.Ж. Прудона; «L'Ami du Peuple» («Друг народа в 1848 году») — ежедневная газета социалистического направления, издававшаяся с 27 февраля по 14 мая 1848 г. Ф.В. Распайлем (1794–1878). Подробнее см.: *Революции 1848–1849. М., 1952. Т. I. С. 205–206.* — 69
- 28* Имеется в виду Июньское восстание в Париже, поводом для которого послужило распоряжение правительства, предписывающее всем холостым рабочим в возрасте от 18 до 25 лет, внесенным в списки национальных мастерских, немедленно вступить в армию; всем остальным предлагалось приготовиться к немедленной отправке на работу в провинцию Солонь. После трех дней уличных боев восстание было подавлено. На баррикадах погибло свыше 500 инсургентов, не менее 11 тыс. человек было перебито после боя, общее количество арестованных составило 25 тыс. — 70
- 29* «La Lanterne» («Фонарь») — журнал, издаваемый с 1868 г. и приобретший большую популярность острой критикой бонапартизма. В августе 1868 г. Рошфор был приговорен к тюремному заключению, но укрылся в Брюсселе, где продолжал издавать свой журнал, переправляя его во Францию. — 50
- 30* В районе Седана (города на юго-западе Франции, в департаменте Арденны, на реке Маас) 1–2 сентября 1870 г. во время франко-прусской войны была разгромлена французская Шалонская армия генерала М.Э. Мак-Магона; было взято в плен свыше 100 тыс. человек, в том числе и император Наполеон III; 4 сентября в Париже началась революция, и во Франции была провозглашена республика. — 70

31* Имеется в виду Парижская Коммуна, провозглашенная 18 марта 1871 г. и существовавшая 72 дня (до 28 мая). Коммуна успела провести ряд социалистических преобразований: установила максимум жалования государственным служащим, равный зарплате квалифицированного рабочего, отделила церковь от государства, отменила задолженность по квартплате, вернула вещи, заложенные в ломбард на сумму до 20 франков, установила минимальную зарплату рабочих и служащих, ввела рабочий контроль над производством на некоторых крупных предприятиях и т. д. Подробнее см.: История Парижской Коммуны 1871 г. М., 1971. — 70

32* Имеется в виду речь П.Н. Милюкова 1 ноября 1916 г. в день открытия очередной сессии Государственной Думы, в которой он говорил о слухах об измене, об императрице и «окружавшей ее камарилье», т. е. главным образом о Распутине (на немецком языке, что спасло ее, по словам самого Милюкова, «от ферулы председателя, но, конечно, было немедленно расшифровано слушателями»). Говоря об этих слухах и о действиях правительства, возбуждающих общественное негодование, Милюков в каждом случае предоставлял слушателям решать, «глупость» это «или измена». «Аудитория решительно поддержала своим одобрением второе толкование». В ближайшем заседании, пишет далее Милюков, «нападение продолжалось». «Ядовитую и яркую речь» произнес В.В. Шульгин. Речи Милюкова и Шульгина были запрещены для печати, но они были распечатаны на пишущих машинках в миллионах экземпляров и разлетелась по всей стране. Последующие речи Родичева, Чхеидзе и Керенского по распоряжению военного министра также были запрещены и не печатались. (Подробнее см.: *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 444–446, 451).

Но на самом деле «языки развязались» еще раньше. 27 апреля 1915 г. В.А. Маклаков опубликовал в газете «Русские ведомости» статью «Трагическое положение», в которой, не называя Николая II по имени, представил его в образе «безумного шофера». «Вы несетесь в автомобиле по крутой и узкой дороге, — писал Маклаков, — один неверный шаг, — и вы безвозвратно погибли. В автомобиле близкие люди, родная мать ваша. И вдруг вы видите, что ваш шофер править не может... В автомобиле есть люди, которые умеют править машиной, но оттеснить шофера на полном ходу — трудная задача». Отсюда дилемма: или следует подождать времени, «когда минует опасность» (т. е. кончится война), или внять матери, «которая будет просить вас о помощи», и все же немедленно отстранить «безумного шофера».

Пройдет чуть меньше трех лет и С.Н. Булгаков напишет о кадетях, подхвативших прозрачно-аллегорический намек Маклакова: «Да если бы они понимали что-нибудь в России, они знали бы, какую ставку делают, говоря о “перемене шофера”, по подлому тогдашнему выражению» (*Булгаков С.Н.* Труды по социологии и теологии. М., 1997. Т. 2. С. 313). — 71

33* Разбору этого «воззвания» Временного правительства (опубликованного в первом номере «Известий Петроградского Совета», посвящена статья

П.А. Сорокина «Политическая программа Временного правительства» (*Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 282–293*). — 71

34* Известный «тезис» К. Маркса, сформулированный им в работе «К критике гегелевской философии права. Введение» (1843–1844): «Религия — есть опиум народа» (*Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. С. 415*). — 71

35* Из журналов следует отметить «Вестник литературы», «Экономист» и альманах «Утренники», в которых Сорокин опубликовал ряд своих статей. См.: Журналы «Вестник литературы» (1919); «Летопись Дома литераторов» (1921–1922); «Литературные записки» (1922). Аннотированный указатель. М., 1996 (в приложении к этому изданию напечатана статья Д. Лутохина «Советская цензура. По личным воспоминаниям», в которой автор подробно рассказывает историю закрытия «Экономиста» и «Утренников»). Из книг «с признаками оппозиционности» следует отметить, в первую очередь, сборник «Освальд Шпенглер и Закат Европы» (М., 1922), названный В.И. Лениным «литературным прикрытием белогвардейской организации», и книгу самого П.А. Сорокина «Система социологии» (Пг., 1920. Т. 1–2), в которой, по словам Э. Радлова, дана «такая смелая критика существующего порядка», что автор вполне заслужил «от нашей восхитительной власти нескольких казней» (*Сорокин П.А. Система социологии. М., 1993. Т. 2. С. 173–174, 634*). — 72

36* *Маздакисты* — сторонники народного движения в Передней Азии в V–VI вв., возглавляемого манихейским жрецом Маздаком и направленного против аристократии и высшего духовенства

Копты — египтяне, исповедующие христианство с некоторыми чертами ислама.

Бабекисты — сторонники Бабека (ок. 798/800–838), вождя крупного народного восстания в Азербайджане и Западном Иране в 816–837 гг.

Исмаилиты (исмаилиты) — приверженцы наиболее распространенной мусульманской шиитской секты, возникшей во второй половине VIII в. в Арабском халифате. Название секты происходит от имени Исмаила, старшего сына шиитского имама Джафара. Последний лишил Исмаила права наследовать имамское достоинство, будто бы за его пристрастие к вину, а на самом деле за то, что тот примкнул к группировке, требовавшей активных действий против суннитских халифов. Вопреки решению Джафара, члены группировки признали Исмаила имамом и с тех пор стали именоваться исмаилитами. Исмаилиты создали четко действовавшую тайную организацию, руководство в которой захватили крупные феодалы, использовавшие в своих интересах антифеодальные восстания, происходившие под исмаилитскими лозунгами. Так, опираясь на движение исмаилитов, захватили верховную власть в Тунисе фатимиды (909 г.). К исмаилитам примыкали карматы, составлявшие левое крыло их движения. К концу XI в. в среде

исмаилитов произошел раскол в виде образования неоиисмаилизма, ставшего идеологией секты ассасинов, которые обожествили своего имама.

Карматы (этимологическое значение слова не установлено) — приверженцы фанатичной мусульманской секты, возникшей в конце IX в. в Южном Ираке; в начале X в. образовали государство в Восточной Аравии, просуществовавшее до XI в.

Ваххабиты (от имени основателя — Мухаммеда ибн Абдаль Ваххаба) — последователи социально-религиозного течения в арабских странах, зародившегося в конце XVIII в., выступавшие с требованием восстановления «чистоты» начального ислама; к началу XIX в. ваххабиты образовали самостоятельное государство, ликвидированное в 1818 г., но восстановленное в 1901 г.; в 1924 г. ваххабиты завоевали Западную Аравию; позже образовалось ваххабитское государство — Саудовская Аравия. — 73

^{37*} Знаменитый «Приказ № 1» был напечатан в № 3 «Известий Петроградского Совета». Вот его текст полностью:

Приказ № 1

1 марта 1917 года

По гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения

Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2. Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет рабочих депутатов, выбрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной думы к 10 часам утра 2 сего марта.

3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4. Приказы Военной комиссии Государственной думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5. Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее — должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.

6. В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане.

В частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется.

7. Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п., и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и, в частности, обращение к ним на «ты» воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах.

(Цит. по: *Суханов Н.Н. Записки о революции*. М., 1991. Т. 1. С. 145–146).

Позднее, в своих мемуарах П.А. Сорокин писал, вспоминая революцию 1917 г.: «Я только что прочитал “Приказ № 1”, отданный Советом, суть которого сводится к благословению неподчинения солдатом приказам своих командиров. Какой псих сочинил и опубликовал это?» (*Сорокин П.А. Дальняя дорога*. М., 1992. С. 81–82). — 79

38* С соответствующими изменениями (*лат.*). — 80

39* Отец семейства, глава семьи (*лат.*). — 84

40* *Жакерия* (от Jacques Vornhomme — «Жак-Простак» — презрительного прозвища, данного крестьянину дворянами) — антифеодальное восстание крестьян во Франции в 1358 г. Следует отметить, что П.А. Сорокин употребляет это слово как синоним крестьянского восстания вообще, поэтому у него можно встретить упоминания об английской, немецкой и даже японской «жакерии». — 84

41* *Липаны* — населенный пункт в Чехии, близ города Чески-Брод; здесь 30 мая 1434 г. объединенное войско панов-католиков и чашников, численностью ок. 20 тыс. человек нанесло поражение полевому войску таборитов и их союзников (10–12 тыс. человек). С битвой под Липанами связывают конец гуситского движения. — 85

42* *Лорд-протектор* (Англии, Ирландии и Шотландии) — официальное звание О. Кромвеля с декабря 1653 г., означавшее его личную диктатуру; до этого, с мая 1650 г., он был лордом-генералом — главнокомандующим всеми вооруженными силами республики. — 85

43* *Генеральные штаты* — высший орган сословного представительства (духовенства, дворянства, горожан) в феодальной Франции. Впервые Генеральные штаты были созданы в 1302 г.; в конце XIV в. они созывались все реже и часто заменялись собраниями нотаблей, с 1614 по 1789 гг. они не созывались вовсе. Накануне Великой французской революции, в условиях острого политического кризиса Генеральные штаты были созваны 5 мая 1789 г.; 17 июня депутаты третьего сословия провозгласили себя Национальным собранием, которое, в свою очередь, объявило себя Учредительным собранием, став-

шим высшим представительным и законодательным органом революционной Франции. — 86

44* Усиливаясь, по нарастающей (*итал.*). — 86

45* 4 июля 1789 г. в церкви Св. Людовика в Версале состоялся молебен по случаю открытия Генеральных штатов, на котором присутствовало тысяча двести народных представителей; на следующий день король открыл заседание.

В «зале для игры в мяч» депутаты третьего сословия, напуганные проектами роспуска Национального собрания, которым они объявили себя 17 июня, и ободряемые угрожающим поведением парижского и даже версальского населения, все (за исключением одного) присягнули, что не разойдутся до тех пор, пока не выработают конституцию для Франции; за неимением залы депутаты третьего сословия перенесли свои заседания в церковь Св. Людовика, где вскоре к ним присоединились представители духовенства.

25 (а не 24) июня 1789 г. солдаты французской гвардии, покинув свои казармы, пили и братались с народом, который увлекал их за собой в разные кварталы Парижа и ходил по улицам с криками «Долой попов!»

В конце июня 11 солдат французской гвардии были арестованы за отказ зарядить свои ружья боевыми патронами; 30 июня из-за этого случая в Париже начался настоящий бунт. Наконец, 12 июля (в день отставки Неккера) Камилл Демулен призвал народ к оружию; солдаты французской гвардии открыли огонь по королевскому немецкому полку, сохранявшему верность королю; было убито двое солдат и две лошади; через два дня — пала Бастилия. — 86

46* *Жирондисты* — политическая партия периода Великой французской революции, получившая свое название по департаменту Жиронда, откуда происходили многие деятели партии. Будучи представителями республиканской торгово-промышленной и земледельческой буржуазии, жирондисты находились у власти с 1792 г. до 31 мая — 2 июня 1793 г., когда они были свергнуты в результате народного восстания. — 86

47* *Якобинцы* — в период Великой французской революции члены Якобинского клуба, сторонники полного политического равенства, наиболее радикальные деятели революции. — 86

48* Месяцы «республиканского календаря», который был введен декретом Конвента от 5 октября 1793 г.; новая эра начиналась с 22 сентября 1792 г. (дня провозглашения республики). Новый календарь делил год на 12 месяцев, по 30 дней в каждом. Они получили свои названия по временам года; осенние месяцы назывались: вандемьер — месяц сбора винограда (с 22 сентября по 21 октября), брюмер — месяц туманов (с 22 октября по 20 ноября), фример — месяц морозов (с 21 ноября по 20 декабря); зимние: нивоз — снежный месяц (с 21 декабря по 19 января), плювиоз — дождливый месяц (с 20 января по 18 февраля), вантоз — месяц ветров (с 19 февраля по 20 марта); весенние: жерми-

наль — месяц произрастания (с 21 марта по 19 апреля), флореаль — месяц цветов (с 20 апреля по 19 мая), прериаль — месяц лугов (с 20 мая по 18 июня); летние: мессидор — месяц жатвы (с 19 июня по 18 июля), термидор — месяц жары (с 19 июля по 17 августа), фрюктидор — месяц плодов (с 18 августа по 16 сентября). Каждый месяц состоял из трех декад, десятый день назывался «декади» и был праздничным днем. Оставшиеся пять (для високосного года шесть) дополнительных дней назывались санкюлотидами и были днями национальных праздников (праздник ума, праздник труда, общественного мнения и т. д.). Республиканский календарь действовал по 1 января 1806 г. — 87

49* 18 марта 1848 г. началась революция в Пруссии, рабочие и бюргеры вышли на демонстрацию перед королевским дворцом и подверглись нападению со стороны правительственных войск; на улицах Берлина начались бои, закончившиеся победой восставшего народа. Утром 19 марта было обнародовано воззвание короля Фридриха-Вильгельма IV к народу, в котором говорилось о выводе войск из столицы. См.: Революции 1848–1849. М., 1952. Т. I. С. 285–289. — 87

50* В указанные дни 1848 г. во Франции произошли следующие события:

17 марта — народная демонстрация в Париже, подача петиции правительству с требованием вывода войск из Парижа и отсрочки выборов в Учредительное собрание до 31 мая;

16 апреля — массовая демонстрация парижских рабочих на Марсовом поле и Ипподроме;

15 мая — выступление народных масс в Париже; неудачная попытка демонстрантов распустить Учредительное собрание и создать новое правительство. — 87

51* См. выше, прим. 28*. — 88

52* Творческое (созидательное) мастерство (*англ.*). — 89

53* «Человек, по природе своей, — творец, а не ремесленник. Именно в такого рода деятельности обретает человек свою подлинную жизнь. Что представляет собой такая затрата сил, инициативная, исполненная ума, предвидения и отваги, наполненная стремлением к славе и удаче — труд или игру? Во всяком случае, в этом и состоит жизнь человека. В этой, присущей только ему деятельности, находит человек свое счастье, пока он живет (*англ.*). — 89

54* Сладостное ничегонеделание (*итал.*). — 94

55* Быт. 3, 19. — 94

56* Слова ап. Павла: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3, 10). — 95

57* *Лутин* (люпин), волчий боб — растение семейства бобовых, которое культивировали для получения зерна, использовавшегося в пищу и на корм животным после вымачивания в морской и пресной воде; *дурро* (хлебное сорго) —

однолетнее растение семейства злаков, зерно которого перерабатывают на крупу и муку, зеленые растения используют на кори, сухие стебли — на топливо. — 95

58* В битве при Пидне (портовом городе в Македонии) в 168 г. до н. э. римские войска под предводительством Эмилия Павла одержали победу над македонским царем Персеем; победа означала конец македонского царства и греческой независимости. — 96

59* Закон Ле Шапелье — антирабочий закон, принятый Учредительным собранием 14 июня 1791 г. по предложению депутата И.Р. Ле Шапелье; закон под страхом наказания (лишения политических прав и штрафа в 500 франков) запрещал объединение рабочих в профсоюзы и другие ассоциации, а также стачки. Хотя сам Ле Шапелье в период якобинской диктатуры был казнен по обвинению в контрреволюционной деятельности, его закон продолжал оставаться в силе. Он был отменен (в отношении запрета стачек) только в 1864 г., свобода деятельности профсоюзов была восстановлена во Франции лишь в 1884 г. — 98

60* См. выше, прим. 26*. — 98

61* Национальные мастерские — форма организации общественных работ для безработных во Франции; 22 июня 1848 г., когда было принято решение о частичном закрытии Национальных мастерских, в них было занято свыше 100 тыс. человек; 3 июля, после жестокого подавления Июньского восстания Национальные мастерские были распущены. — 99

62* Свобода, братство, равенство (*фр.*) — главный лозунг Великой французской революции. — 103

63* Блаженны (счастливы) имущие (*лат.*) — выражение О. Бисмарка. — 105

64* Точнее было бы говорить о «военном коммунизме», который, по словам В.И. Ленина, был «временной мерой», вынужденной «войной и разрухой» (см.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-изд. Т. 43. С. 220). — 105

65* Кронштадтское восстание (28 февраля — 18 марта 1921) проходило под лозунгом «Вся власть Советам, а не партиям!» (или «Советы — без коммунистов!»). Вместе с «антоновщиной» (крестьянским восстанием в Тамбовской губернии) Кронштадтское восстание послужило наиболее серьезной причиной, вынудившей большевиков ввести НЭП. Подробнее см.: Семанов С.Н. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа. М., 1973; Семанов С.Н. 18 марта 1921 г. М., 1977; Шишкина И. Кронштадтский мятеж 1921 года: «неизвестная революция»? // Звезда. 1988. № 6. — 108

66* Хариджиты (от арабск. «харидж» — повстанец) — приверженцы наиболее ранней секты в исламе. Движение хариджитов возникло в начале второй половины VII в. Согласно их учению, халиф получает власть от общины путем выборов, причем выбран может быть любой мусульманин, в том числе и негр; проявляя фанатическую нетерпимость ко всем инакомыслящим, хариджи-

ты применяли террор, насилия и убийства не только по отношению к господствующим классам, но и к трудящимся.

Алиды — сторонники четвертого халифа Али, двоюродного брата и зятя Мухаммеда, убитого в 661 г. одним из хариджитов и объявленного шиитами первым имамом; некоторые секты крайних шиитов обожествляют Али и почитают его больше, чем Мухаммеда.

О коптах, бабекистах, измаилитах, карматах и ваххабитах см. выше, прим. 36*. — 113

67* *Прагерия* — мятеж феодальной знати во Франции в 1440 г. — 113

68* *Мюнстерская коммуна* (1534–1535) — революционная власть анабаптистов в г. Мюнстере (Германия, земля Северный Рейн — Вестфалия). Была установлена в результате вооруженной борьбы граждан Мюнстера и пришлых анабаптистов против сеньора города князя-епископа Франца Вальдека. 23 февраля 1534 г. анабаптисты получили большинство голосов в магистрате — все, кто отказался принять сторону и веру анабаптистов, были изгнаны из города. Власть фактически сосредоточилась в руках «главного пророка» Яна Матиса, а после его гибели (5 апреля 1534 г.) — Иоанна Лейденского, который в апреле — мае 1534 г. распустил магистрат, заменив его советом «12 старейшин». В дальнейшем в связи с осложнением военной обстановки (город был осажден войсками епископа) и внутренними конфликтами была введена личная диктатура Иоанна Лейденского, провозглашенного царем «Нового Сиона» (Мюнстера) и будущим владыкой мира. Анабаптистские власти провели в Мюнстере ряд преобразований, носивших «уравнительно-коммунистический» характер: отменили деньги, ввели всеобщую трудовую повинность, моногамная семья была заменена полигамной, нарушения общественного порядка карались вплоть до смертной казни и т. п. 25 июня 1535 г. Мюнстер был взят войсками епископа; деятели коммуны, в том числе Иоанн Лейденский, были преданы жестоким пыткам и казнены.

Мюльгаузен (Мюльхаузен) — город в Германии, в округе Эрфурт; во время Крестьянской войны 1524–1526 гг. был центром революционного движения в Тюрингии и главным центром деятельности Томаса Мюнцера. Социально-политическая программа Т. Мюнцера, близкая к анабаптистской, предусматривала «общность имущества», которую он и пытался ввести в Мюльхаузене, поселившись здесь в конце февраля или в начале марта 1525 г. 15 мая 1525 г. отряд Мюнцера потерпел поражение в битве при Франкенхаузене от объединенных войск князей. Т. Мюнцер был взят в плен и после мучительных пыток казнен. Подробнее см.: *Смирин М.М.* Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М., 1955. — 114

69* Все землевладельцы были ворами и убийцами. Теперь настало время, когда англичане могут освободиться от помещиков. Разорвать решительно узы частной собственности... и освободиться от них, чтобы сделать землю общим достоянием (*англ.*). — 79

- 70* *Диггеры* (англ. diggers — копатели) — представители крайне левого крыла революционной демократии в Английской революции XVII в., которые устами своего идеолога Дж. Уинстэнли провозгласили идеал «свободной республики», не знающей эксплуатации человека человеком.
- «Люди пятой монархии» (квинтомонархисты) — сторонники протестантского течения, возникшего в Англии в XVII в., верившие в близкое второе пришествие и тысячелетнее царство Иисуса Христа («пятое царство»). — 115
- 71* Кодекс Наполеона (*фр.*) — французский гражданский кодекс (1804). — 117
- 72* Статья П.А. Сорокина, напечатанная в журнале «Экономист» (1922. № 1) — «Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную формуляцию». Резкая ее критика содержится в статье В.И. Ленина «О значении воинствующего материализма» (Под знаменем марксизма. 1922. № 3); именно в ней Сорокин назван «дипломированным лакеем поповщины». «Если г. Сорокину, — писал Ленин, — 92 развода на 10 000 браков кажутся цифрой фантастической, то остается предположить, что либо автор жил и воспитывался в каком-нибудь настолько загороженном от жизни монастыре, что в существование подобного монастыря едва кто-нибудь поверит, либо что этот автор искажает правду в угоду реакции и буржуазии» (*Ленин В.И. Полное собрание сочинений* 5-е изд. Т. 45. С. 33). — 120
- 73* См. исследование И.Р. Шафаревича «Социализм как явление мировой истории» (Париж, 1977). — 121
- 74* См. выше, прим. 38*. — 124
- 75* Говоря о «зверских изнасилованиях женского батальона в дни Октябрьской революции большевиками», П.А. Сорокин, опирается, по-видимому, на слухи, которые распространялись на страницах антибольшевистской прессы и на заседаниях городской думы. Советские ученые, напротив, в течение всех лет существования Советской власти доказывали, что Октябрьский переворот произошел почти без жертв с обеих сторон или, по крайней мере, при минимальном количестве жертв. По подсчетам советских историков, общее число жертв за период Октябрьского вооруженного восстания составляло: убитых 10–15 человек, раненых около 50–60. Что касается жертв во время взятия Зимнего дворца, то они составляли 6 убитых и несколько раненых (*Ерькалов Е.Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде*. Л., 1966. С. 461–462). Джон Рид, свидетель тоже не вполне объективный, пишет по этому поводу следующее: «Говорилось, что некоторые женщины-солдаты были выброшены на мостовую из окна, почти все остальные были изнасилованы, а многие сами покончили с собою, не будучи в состоянии пережить все эти ужасы». Однако, особая комиссия, назначенная для расследования всех обстоятельств дела, засвидетельствовала, что «из окон Зимнего дворца не было выброшено ни одной женщины, что изнасилованы были трое и что самоубийством покончила одна, причем она оставила

записку, в которой пишет, что “разочаровалась в своих идеалах”» (*Рид Д.* Восставшая Мексика. Десять дней, которые потрясли мир. Америка 1918. М., 1968. С. 550). — 125

76* Запретить гнусную торговлю своим телом (*фр.*). — 127

77* Высокопарная декларация (*фр.*). — 127

78* Отделы нравственности (*фр.*). — 127

79* Свобода женщины (*фр.*). — 127

80* Просьбы о юридической помощи (*фр.*). — 128

81* Государственный переворот (*фр.*). Имеется в виду переворот 2 декабря 1851 г., в результате которого Луи Наполеон Бонапарт, избранный 10 декабря 1848 г. президентом республики, сосредоточил всю государственную власть в своих руках, а ровно через год (2 декабря 1852 г.) был провозглашен императором под именем Наполеона III. — 129

82* *Санкюлоты* (от *фр. sans* — без и *culotte* — короткие штаны) — так аристократы и буржуа, носившие короткие штаны с шелковыми чулками, первоначально именовали представителей городской бедноты; в годы якобинской диктатуры термин «санкюлот» становится самоназванием патриота и революционера. — 130

83* *Сальпетриер* — женская больница в Париже; описываемые П.А. Сорокиным события произошли во время «сентябрьских убийств 1792 г. См.: Революционный невроз. М., 1998. С. 276. — 131

84* *Николаиты* — христианская секта в Богемии, основанная в 1417 г. крестьянином Николаем из местечка Власенник; николаиты считали, что церковь утратила свой нормальный вид и что кроме Библии существует другое божественное откровение, которое получается непосредственно членами секты; в 1676 г. они издали свое «Исповедание веры», которое, однако, не сохранилось; об адамитах см. выше, прим. 21*. — 133

85* Всюду смерть, грабежи, убийства и несправедливость, разграбления церквей, насилия над девственницами и столь неистовая жестокость, что это трудно себе и вообразить (*лат.*). — 133

86* См. прим. 18* к Введению. — 137

87* Имеется в виду брошюра М. Горького «О русском крестьянстве», которая вышла в Берлине в 1922 г. в издательстве И.П. Ладыжникова. Во втором выпуске альманаха «Утренники» (1922) П.А. Сорокин (подписавшись псевдонимом «Н. Чаадаев») поместил специальную статью, посвященную критике «псевдореволюционных» взглядов М. Горького (см. Приложение I). — 139

88* «Самая страшная книга» (по словам А. Амфитиатрова), написанная на русском языке, посвящена расстрелу без суда и следствия тысячи офицеров, представителей интеллигенции, не пожелавших эмигрировать и поверивших боль-

шевикам. В числе убитых был и сын И. С. Шмелева Сергей, могилу которого он с женой тщетно пытался разыскать. Книга произвела колоссальное впечатление на Т. Манна, Р. Роллана, Р. Киплинга, Г. Гауптмана и др. — 139

89* Имеется в виду покушение (Ф. Каплан) на В.И. Ленина 30 августа 1918 г. на заводе Михельсона. В тот же день в Петрограде был убит эсером председатель Петроградской ЧК М.С. Урицкий. О числе расстрелянных заложников см.: Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918–1923. М., 1990. С. 24–45. Сам С.П. Мельгунов ссылается на Лациса, по словам которого, за вторую половину 1918 г. было расстреляно 4,5 тыс. человек. — 141

90* Имеются в виду массовые бессудные расправы над заключенными, которые содержались в тюрьмах Франции, в начале сентября 1789 г. По приблизительным подсчетам, число убитых колебалось от 1100 до 1400 человек. См.: Матъез А. Французская революция. Ростов-на-Дону, 1995. С. 222. — 141

91* *Шуаны* (от фр. chat-huant — сова, крику которой подражали шуаны в своем условном сигнале) — контрреволюционные мятежники, действовавшие в период Великой французской революции, Директории и консульства на северо-западе Франции; окончательно движение шуанов было подавлено в 1803 г. — 141

92* Само общество сознательно или спонтанно организует сопротивление преступным тенденциям, когда оно находится в нормальном состоянии, т. е. в состоянии медленного, гармоничного и правильного развития; оно же обуславливает появление преступности, когда находится в состоянии кризиса. Всякий кризис оказывает глубокое влияние на религиозную и политическую дисциплину народа: на его социальное состояние и соответствующие ему формы преступности (фр.). — 144

93* *Карманьола* (от названия итальянского города в Пьемонте) — французская революционная народная песня-пляска, впервые прозвучавшая в Париже после взятия дворца Тюильри (10 августа 1793 г.); а *ага* (фр.) — Это придет! Это будет! — припев популярной песни времен Французской революции. — 145

94* Не совсем точная цитата из «Новой песни» («Русской марсельезы») П.Л. Лаврова. Последняя строка читается так: «Засветись новой жизни заря!» (Русская поэзия XIX века. М., 1974. Т. 2. С. 530). — 145

95* Имеется в виду меньшевик Н. Трейгер, история которого изложена в переводной статье «Пытки» (Дни. Берлин, 1923, № 117, 18 марта), причем сама газета ссылается как на источник на статью «Драма в ссылке» (Социалистический вестник. Нью-Йорк. 1923. № 5–6/51–52. 16 марта. С. 16–17).

Дело происходило в Семипалатинске. Из центра был прислан большевик Исаев, бывший председатель Петроградской городской думы, который, видимо, попал в опалу и здесь, в Семипалатинске, завел дружбу с секретарем местного горсовета. В городе существовала колония ссыльных социал-демократов (т. е. меньшевиков) — «социалистическая колония». По согласованию со своим

«другом»-начальником, Исаев вознамерился осуществлять «чисто техническое руководство» собранием колонии, коллегиально принимавшим в ней все решения. Последовал протест – сначала частный: либо ты не настоящий социал-демократ, либо лакей. Выбери, за кого ты. Исаев категорически отказался не устанавливать контроль и при этом выходить из состава социал-демократов. В итоге собрание началось под фактическим председательством Исаева. Последовал протест уже официальный в виде доклада с трибуны. Докладчиком был как раз Н. Трейгер – молодой социал-демократ, уже тяжело больной. Трейгер раскритиковал Исаева в пух и прах и был немедленно арестован; рабочие, присутствовавшие на заседании, в знак протеста покинули зал. Исаев и его сторонники были вне себя и требовали для Трейгера сурового наказания. Его жестоко пытали: он был помещен в ящик размером 3 на 2 шага вместе с сумасшедшим китайцем-убийцей, о чем и упоминает Сорокин. Ему вменяли в вину участие в «колчаковском заговоре». Он отвечал, что перед любым судом легко докажет свою невиновность и в знак протеста объявил голодовку. В конце концов, его, правда, освободили, но он слег окончательно (воспаление легких плюс острый невроз сердца). Вскоре, однако (когда номер «Социалистического вестника» уже был подписан; поэтому об этом сказано в примечании редакции), его приговорили к пяти годам тюрьмы.

Газета «Дни» комментирует этот случай так: нам скажут, что это произошло в Семипалатинске, но вот что происходит в Петрограде... И дальше излагается аналогичная история со ссылкой на нелегальную социал-демократическую газету «Рабочий листок», выходившую в Петрограде. Левого эсера Михаила Николаева били по половым органам, выдавливали ему глаза и т. п. Другой факт: политических заключенных (обвиняемых, проходящих по данному процессу) часто помещали в тюрьмах вместе с убийцами. Это, по словам газеты «День», остроумно называлось «послать в камеру доктора Гааза». – 149

96* *Habeas Corpus Act* (Хабеас корпус акт) – закон, принятый английским парламентом в 1679 г., один из основных конституционных актов Великобритании. Согласно этому закону, по заявлению арестованного, в котором он под присягой перечисляет основания неправомерности своего ареста, судья обязан в установленные сроки издать приказ о его доставке в суд для проверки заявления. Заявление рассматривается судьей единолично в присутствии арестованного; судья вправе освободить его (безоговорочно или под залог) или же направить обратно в тюрьму, установив, что он арестован правомерно. Действие *Habeas Corpus Act*'а может быть приостановлено парламентом при чрезвычайных обстоятельствах (во время войны, при внутренних беспорядках и т. п.). Название закона происходит от начальной строки приказа судьи о доставке арестованного: *Habeas Corpus ad subjiciendum...* – 150

97* О, несчастное время, когда нельзя выйти из города (*фр.*). Смерть, грабежи и мор (*лат.*). – 154

- 98* В докладе на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. В.И. Ленин сказал: «У политически просвещенного народа взятков не будет, а у нас они на каждом шагу» (*Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 44. С. 172). — 155
- 99* О попытках установить «Культ Разума» во время Великой французской революции см.: *Кропоткин П.А.* Великая французская революция. М., 1979. С. 407–409. С резким протестом против этого «культа» выступил в Якобинском клубе Робеспьер, который пытался противопоставить ему «религию Верховного Существа». Праздник Верховного Существа состоялся всего один раз — 8 июня 1794 г. (2 прериаля), но симпатий к себе в народных массах не пробудил и, по сути дела, стал прелюдией конца революции. См. также: *Блос В.* История Французской революции. Пг., 1919. С. 293–295. — 160
- 100* Разбросанные члены, разорванные части (*лат.*) — выражение Горация («Сатиры», I, 4, 39–44, 56–62). — 165
- 101* Собственник бумажной и обойной фабрики Ревельона (сам бывший рабочий) прославился фразой: «Для рабочего достаточно черного хлеба и чечевицы, белый хлеб — не для него». 27 апреля 1789 г. народ, раздраженный его словами, стал носить по улице его чучело, чтобы судить его и сжечь. 28 апреля толпа явилась к фабрике Ревельона и заставила его рабочих бросить работу; затем она взяла штурмом и разграбила его дом. Это событие стало непосредственным предвестием начала Французской революции. Подробнее см.: *Кропоткин П.А.* Великая французская революция. 1789–1793. М., 1979. С. 40–41.
- Эбертисты* — политическая группировка левых якобинцев, названная так по имени одного из ее руководителей Ж.Р. Эбера. Эбертисты выступали за усиление террора, строгое соблюдение закона о максимуме цен на хлеб, борьбу со спекуляцией; кроме того, они были сторонниками политики дехристианизации и добивались изгнания из Конвента правых якобинцев, группировавшихся вокруг Ж.Ж. Дантона; 14 мая 1794 г. эбертисты, угрожавшие восстанием в случае, если их требования не будут удовлетворены, были арестованы и 24 марта по приговору Революционного трибунала гильотинированы. — 168
- 102* Неточная цитата из стихотворения Дениса Давыдова «Современная песня»:
- А глядишь: наш Мирабо
Старого Гаврило
За измятое жабо
Хлещет в ус да в рыло.
- (Русская поэзия XIX века. М., 1974. Т. 1. С. 139). — 174
- 103* Мозги у людей были настолько заморочены, что некоторые из них считали, будто любой проект о совершенствовании можно реализовать немедленно (*англ.*). — 177

- 104* Прямое действие (*фр.*) — программное требование французских анархо-синдикалистов, сформулированное одним из видных теоретиков этого движения Г. Лагарделем. «Прямое действие предполагает деятельное вмешательство отважного меньшинства... Образуется избранная группа, которая в силу своего качества увлекает массу и направляет ее на путь битвы» (цит. по: *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 473–474). — 179
- 105* См. прим. 17* к Введению. — 180

Очерк второй

- 1* *Федераты* — бойцы Парижской Коммуны; *версальцы* — силы контрреволюции, обосновавшиеся в Версале (во главе с А. Тьером), и их войска под командованием маршала М. Мак-Магона, которые, опираясь на содействие прусских войск, жестоко подавили революцию; название «версальцы» стало синонимом палачей революции. — 184
- 2* Жакерия привела только к тому, что некоторые области совершенно обезлюдели (*фр.*). — 185
- 3* *Триумвиры* — члены триумvirатов (официальное название — «коллегия трех для упорядочения республиканского строя»), в состав которых входили: Марк Красс, Гней Помпей и Юлий Цезарь (первый триумvirат, заключенный в середине 60 г. до н. э.); Марк Антоний, Марк Эмилий Лепид и Октавиан Август (второй триумvirат, заключенный в ноябре 43 г. до н. э.). — 186
- 4* *Италики* — индоевропейские племена, населявшие Аппенинский полуостров вплоть до Южной Италии, в состав которых входили бруттии, компанцы, луканы, сабиняне, самниты; римляне подчинили их к середине III в. до н. э. после длительных войн; *этруски* — коренное население Италии, под властью которых сначала попали римляне (древнеримские цари Тарквинии были этрусками); к 282 г. до н. э. римляне их покорили, остатки этрусского населения были постепенно романизированы. — 186
- 5* О какой «гражданской войне» идет речь, непонятно. В это время в Китае царствовала Танская династия (618–907 гг.). Однако в упомянутые Сорокиным годы гражданской войны, к тому же настолько разрушительной, не было. Со смертью в 755 г. императора Сюань Цзуна закончилась эпоха расцвета этой династии. На смену ей пришел глубокий политический кризис. Восстание против власти дома Тан произошло уже в том же 755 г., которое было возглавлено губернатором одной из провинций Ань Лушанем. Дошло до того, что новый император был вынужден бежать из столицы Танской державы. Хотя мятеж был в конце концов подавлен, в 762 г. Ань Лушань поднял новое восстание, закончившееся тем же. Вплоть до 780 г. шли постоянные усобицы между самими губернаторами, сопровождавшиеся повсеместными отказами платить произвольно устанавливаемые чиновниками нало-

ги, крестьянскими восстаниями, бунтами военных. Но гражданской войной все это назвать никак нельзя. В 754 г. при попытке дома Тан покорить своего южного соседа — государство Наньчжао — погибло 200 тыс. китайских воинов. Но и эта война была скорее завоевательной, чем гражданской. В одной из своих статей П.А. Сорокин пишет о «гражданской войне» в Китае, которая шла в период с 754 по 760 гг. и «уменьшила население его с 45 до 9 миллионов» (Жертвы войны в прошлом и настоящем // Эхо. Вологда. 1914. № 193, 5 сентября).

Восстание тайпинов (1850–1864) — крестьянская война в Китае, направленная против маньчжурской династии Цин, в ходе которой восставшие провозгласили создание Небесного государства всеобщего благоденствия («Тайпин тяньго»). — 186

6* Закон Юлия, Закон Юлия и Папия Поппея, Закон Юлия о порядке бракосочетания (*лат.*) — особые законы о браке и безбрачии, изданные Августом в связи с падением нравов; закон Папия Поппея, принятый в 9 г. до н. э., подтверждал и развивал закон Августа против безбрачия. — 195

7* Религиозные войны стали периодом упадка... Области обезлюдели (*фр.*). — 196

8* *Столетняя война* — война между Англией и Францией (1337–1453), основной причиной которой было стремление Франции вытеснить англичан из Гиени, а Англии — ликвидировать вассальную зависимость Гиени от Франции и вернуть утраченные при Иоанне Безземельном Нормандию, Анжу и другие области, а также стремление обоих государств к господству над Фландрией; война закончилась капитуляцией Англии в Бордо (19 октября 1453 г.). — 196

9* *Остракизм* (*греч.* ostrakismos — суд черепков) — голосование посредством подачи голосов на черепках (*ostraka*), введенное в Афинах в конце VI в до н. э. Клисфеном; граждане писали на черепке имя тех, чье политическое влияние считали необходимым ограничить, отправив их в изгнание. — 198

10* Покорных щадить и усмирять горделивых (*лат.*) — слова из «Энеиды» Вергилия (VI, 853). Ср. перевод С. Ошерова:

Римлянин! Ты научись народами править державно —
В этом искусство твое! — налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных! — 199

11* См. прим. 18* к Введению. — 202

12* *Пунические войны* — общее название трех войн Рима против Карфагена (пунийцев); в первой Пунической войне (264–241 гг. до н. э.) Карфаген потерял все владения в Сицилии и Сардинии и должен был заплатить крупную контрибуцию; вторая Пуническая война (218–201 гг. до н. э.), в ходе которой Ганнибал в 218–216 гг. чуть не завоевал Италию, закончилась победой римлян при Заме; в ходе третьей Пунической войны (149–146 гг. до н. э.) Карфаген

был разрушен, а его жители сделаны рабами; город и страна стали составной частью Римского государства (провинцией Африка). — 205

- 13* Ремесленники, разорившиеся и изнурившие себя в ходе борьбы, погрузились в молчание (*фр.*). — 207
- 14* *Белая Гора* — гора западнее Праги, на которой 8 ноября 1620 г. во время Тридцатилетней войны произошло сражение между чешскими войсками (Протестантская уния) и имперско-баварской армией (Католическая лига), в ходе которого чешские войска потерпели поражение; Чехия утратила самостоятельность, попав на 300 лет под власть австрийских Габсбургов. — 207
- 15* *Ватерлоо* — населенный пункт в Бельгии к югу от Брюсселя, вблизи которого 18 июня 1815 г. была разгромлена армия Наполеона английскими и прусскими войсками; в результате этого разгрома наполеоновская империя потерпела окончательное крушение. — 208
- 16* См. прим. 38* к первому очерку. — 209
- 17* Здесь: гулящие (*фр.*). — 209
- 18* Изолированные девушки (*фр.*), т. е. воспитывающиеся дома. — 210
- 19* Пусть консулы будут бдительны! (*лат.*). Сокращенный вариант выражения *Caveant (или Videant) consules, ne quid res publica detrimenti capiat* — Пусть консулы смотрят, чтобы республика не понесла какого-либо ущерба. Оно представляло собой древнеримскую формулу чрезвычайного сенатного постановления, означавшего введение чрезвычайного положения с предоставлением консулам диктаторских полномочий. — 210

Очерк третий

- 1* *Badischen juristischen Prufung (нем.)* — Баденский юридический экзамен; *Lehrer-seminaristen (нем.)* — студенты педагогического института. — 216
- 2* Приливы и отливы (*итал.*) — выражение Дж. Вико, часто встречающееся и в произведениях А.И. Герцена. См., например: *Герцен А.И. Сочинения* в 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 339. — 220
- 3* *«Живая церковь»* — одно из направлений так называемого обновленческого движения внутри православной церкви, начавшегося в 1922 г. Во главе «Живой церкви» и созданного ею Высшего церковного управления стояли протоиереи Александр Введенский, Владимир Красницкий, священники Александр Боярский, Евгений Белков, псаломщик Стадник и другие. На поместном соборе 1923 г., организованном «живоцерковниками», были утверждены «реформы» церковной жизни, в том числе закрытие монастырей и ликвидация святых мощей. Хотя многие священнослужители поддержали обновленческий раскол, массы народа сохранили верность «тихоновской» церкви.

Крайний радикализм программных установок «Живой церкви» и револю-

ционная фразеология членов этой группы шокировала умеренных сторонников церковной реорганизации, которые образовали «*Союз церковного возрождения*», возглавляемый председателем Высшего церковного управления архиепископом Антонином (Грановским). Программа данного союза отличалась неопределенностью позиций и нечеткостью формулировок. Главное внимание уделялось в ней освещению социальных аспектов христианского движения и фактически не рассматривался вопрос о преобразованиях в области догматики и уклада церковной жизни.

Вскоре в «Союзе церковного возрождения» обнаружились собственные радикалы, объединившиеся вокруг петроградского священника А. Введенского. Они отошли от группы Антонина, образовав «*Союз общин древлеапостольской церкви*», занявшей промежуточное положение между ранее возникшими группировками. Союз общин древлеапостольской церкви требовал весьма радикальных преобразований как в православной церкви, так и в церковной организации, но его члены избегали «революционных» формулировок.

Состоявшийся в августе 1923 г. пленум Высшего церковного совета распустил «Живую церковь», «Союз церковного возрождения» и «Союз общин древлеапостольской церкви», а созданную на их основе организацию наименовал Российской православной церковью, тогда как раньше она называлась обновленческой церковью. Фактически деятельность обновленческого движения прекратилась к 1927–1928 гг., а со смертью своего главного идеолога А. Введенского в 1946 г. окончательно перестало существовать. Подробнее см.: Русское православие. Вехи истории. М., 1989. С. 623–634. — 220

^{4*} Имеется в виду восстание «молотобойцев» или «майотенов» (подмастерьев, поденщиков и мелких торговцев), вспыхнувшее в Париже 1 марта 1382 г. при первой попытке взимания введенного с января того же года косвенного налога. Восставшие захватили в арсенале боевые молоты, вооружились ими и стали убивать сборщиков налогов, разгонять королевских чиновников, освободили из тюрем заключенных. — 224

^{5*} *Кабошны* (кабошьены) — участники народного восстания в Париже в 1413 г. Одним из вождей восставших был Симон Лекутелье по прозвищу «Башка» (по-французски *Saboch*). Основные требования восставших состояли в снижении налогов и отставке королевских чиновников. Восстание было жестоко подавлено в конце августа 1423 г. объединенными силами Арманьяков и Бургиньонов. — 224

^{6*} *Долгий парламент* был созван английским королем Карлом 13 ноября 1640 г. и фактически стал законодательным органом начавшейся Английской революции. Просуществовал свыше 12 лет (отсюда и название) и был разогнан О. Кромвелем 20 апреля 1653 г. — 225

^{7*} *Уравнители* (левеллеры) — радикальная демократическая партия Английской революции, которая до 1647 г. существовала как левое течение индепендентов; во главе левеллеров стояли Дж. Лильберн, Р. Овертон, У. Уолвин и др.; *милленарии* (от *лат. mille* — тысяча) — последователи религиозно-мистическо-

- го учения о втором пришествии Христа и установлении его тысячелетнего царства, которое представлялось им как царство справедливости, всеобщего равенства и благоденствия; о *диггегах* см. прим. 70* к первому очерку. — 225
- 8* *Бербонский (Малый) парламент* («парламент святых») — законодательное собрание при Кромвелле, созданное после окончания гражданской войны в 1653 г. В состав парламента входили «гранды», которые неожиданно для его создателей стали на путь социальных реформ (отмена десятин, введение гражданского брака и т. п.); после разгона Бербонского парламента Кромвель установил режим личной военной диктатуры — протекторат. — 225
- 9* Не совсем точная цитата из знаменитой брошюры аббата Сийеса «Что такое третье сословие?» (рус. перевод 1905). — 226
- 10* См.: *Сорокин П.А. Системы социологии*. М., 1993. Т. 2. С. 297–387. — 235
- 11* *Всадники* — в Древнем Риме второе после сенаторов сословие с имущественным цензом 400 тыс. сестерциев. — 236
- 12* В 1688 г. в Англии произошла так называемая Славная революция — государственный переворот, в результате которого Яков II Стюарт был смещен с престола, а королевская власть была передана его зятю голландскому штатгальтеру Вильгельму III Оранскому. — 237
- 13* Институты, предназначенные для того, чтобы производить отбор индивидов и ставить их на те места, которым они наиболее соответствуют (*нем.*). — 240
- 14* Ничья вещь становится собственностью первого овладевшего ею (*лат.*) — одно из положений римского гражданского права. — 246
- 15* См. прим. 24* к первому очерку. — 247
- 16* *Конституция 3 года (1795)* фактически установила во Франции режим Директории, хотя и называлась республиканской, как и Конституция 1793 г. Согласно этой конституции, выборы носили косвенный (двухступенчатый) характер; избирателем был каждый гражданин, достигший 21 года, владевший известным имуществом и предоставивший доказательства, что он регулярно платил подати. Новая конституция вводила двухпалатную систему: народное представительство должно было состоять из совета пятисот и совета старейшин. Кроме того, Конвент, чтобы обеспечить себе на ближайшее время большинство в обоих советах, издал два новых декрета, согласно которым две трети советов состояли из членов Конвента, причем эти две трети должны были избираться не избирателями, а самим Конвентом. — 247
- 17* См. прим. 24* к первому очерку. — 247
- 18* *Фельяны (фейяны)* — члены политического клуба в Париже, основанного в июле 1791 г.; название получили по месту своих заседаний — в помещении, ранее принадлежавшем монашескому ордену фельянов. Клуб фельянов образовали представители крупной конституционно-монархической буржуазии,

вышедшие из состава Якобинского клуба. Руководящую роль в нем играли А. Барнав, А. Ламет, А. Дюпор. После свержения монархии 10 августа 1792 г. клуб фельянов прекратил свое существование. — 247

- 19* Совет протектора (*англ.*) — 248
- 20* Орудие управления (*англ.*) — английская конституция, принятая в 1653 г. — 248
- 21* Членами нового Совета были люди такого типа, которые приходят к власти после того, как революция завершает свой цикл, — люди практического действия, настроенные против дальнейших изменений в обществе и, главное, лишённые какого бы то ни было фанатизма. Подобного рода люди, как правило, считают себя обязанными поддерживать правительство независимо от тех теорий, на которое правительство, каким бы оно ни было, опирается. Такими были люди, на которых опирался Наполеон, такими же были и советники Оливера [Кромвеля] (*англ.*) — 249
- 22* *Пражские компактаты* (от *лат.* *compaciscog* — договариваюсь) — соглашение умеренного крыла гуситов (так называемых чашников) с феодально-католическим лагерем, заключенное 30 ноября 1433 г. Признавало в Чехии причащение «под обоими видами» для мирян, свободу церковной проповеди в духе гусизма, фактически предоставляло духовенству право владеть землями и управлять церковными имениями. Пражские компактаты не удовлетворили таборитов и были ими отвергнуты; в 1462 г. были отменены папой Пием II. — 249
- 23* См. прим. 70* к первому очерку. — 252
- 24* См. прим. 21* к первому очерку. — 252
- 25* Королевский указ об изгнании, о заточении без суда и следствия (*фр.*) — 259
- 26* См. прим. 26* к первому очерку. — 260
- 27* Постепенно правительство республики освоилось со своим истинным положением и стало править такими методами, которые каждый из его членов осудил, если бы их применяли Карл или Страффорд (*англ.*) — 261
- 28* Не успели мы свергнуть прежнего короля и бывших лордов, как уже новый король (Кромвель) и новые лорды заседают в Палате Общин, так что мы теперь живем под властью более абсолютной монархии, которая творит больший произвол, чем прежняя (*англ.*) — 174
- 29* *Утраквисты* (от *лат.* *sub utraque specie* — [причащение] под обоими видами) — одно из названий представителей умеренного крыла гуситского движения; другое их название — «чашники», так как они требовали причащения всех верующих не только хлебом, но и вином из чаши, что в католицизме является привилегией духовенства. — 261
- 30* Текст, начиная с абзаца «Если верны предыдущие положения...» (с. 170), написан от руки. — 262

Очерк четвертый

- 1* Преимущественно, по преимуществу (*фр.*). — 267
- 2* Централизованно управляемое хозяйство (*нем.*). — 267
- 3* Вообще в течение всего этого страшного времени никто ничем по-настоящему не владел, ни одного часа никто не мог быть уверен в безопасности своей жизни и своего имущества (*нем.*). — 268
- 4* Государственный Совет (*англ.*). — 270
- 5* Палата общин, Палата лордов (*англ.*). — 270
- 6* Кромвель, Айртон и Харрисон управляли Советом офицеров, а совет офицеров управлял государством (*англ.*). — 271
- 7* *Лорд-майор* (Lord Major) — Лорд-мэр; *альдермен* (aldermen) — член муниципального совета в Англии. — 271
- 8* Люди, полагающиеся на силу оружия, никогда не могли построить храм, под сенью которого укрывалась бы свобода. Военные предводители и политические лидеры, искренне желая установить народное правительство, оказываются в порочном круге, из которого нет выхода (*англ.*). — 272
- 9* В данный период политбюро из пяти человек существовало в двух составах: в марте 1919 г. по итогам VIII съезда были избраны: В.И. Ленин [Ульянов], Л.Б. Каменев [Розенфельд], Л.Д. Троцкий [Бронштейн], И.В. Сталин [Джугашвили], Н.Н. Крестинский; 22 марта 1921 г. — Ленин, Троцкий, Каменев, Сталин, Г.Е. Зиновьев [Е.-Г.А. Апфельбаум]. См.: *Шатифо Л.* Коммунистическая партия Советского Союза. L.: Overseas Publications Interchange Ltd., 1990. С. 882. — 274
- 10* *Квинталь* — старинная французская мера, равная 48,9 кг. — 283
- 11* Абсолютный хаос в финансах, непомерная дороговизна, жалкое положение сельского хозяйства, торговые кризисы, отсутствие продуктов питания, рост цен и земля, еще дымящаяся от крови убитых (*нем.*). — 284
- 12* Мастерские Парижа в мгновение ока утратили все свои основные привилегии, свои старинные права и остались без руководителей, которые о них больше всего заботились (*фр.*). — 285
- 13* Решающий эксперимент, определяющий путь дальнейших исследований; букв.: «опыт креста» (*лат.*). — 290
- 14* См. прим. 81* к первому очерку. — 293
- 15* Вероятнее всего, имеется в виду Русский народный университет в Праге (1923–1939; с 1933 г. — Русский свободный университет). См. о нем.: Русские в Праге. Прага, 1928. — 294
- 16* Непременное условие (*лат.*), букв.: «условие, без которого нет». — 295
- 17* *Первая республика* во Франции была провозглашена в 1792 г. и просущество-

вала до 9 ноября 1799 г. (18 брюмера VIII года). С этого времени начинается период «консулата» (правильнее «консульства»), когда власть номинально принадлежала трем консулам, избранным на 10 лет, фактически же была сосредоточена в руках первого консула — Наполеона Бонапарта. Первоначально вторым и третьим консулами были аббат Сийес и П.Р. Дюко, а по Конституции VIII года — Ж. Камбасерес и Ш. Лебрен. В августе 1802 г. Бонапарт и оба других консула были объявлены пожизненными консулами Французской республики. Период консульства закончился 18 мая 1804 г., когда Наполеон был провозглашен императором. — 299

18* Положение стало критическим. Школы опустели. Молодежь изнывает от четырехлетней праздности (*фр.*). — 299

19* Бакалавр изящной словесности, бакалавр наук, лицензиат и доктор права и медицины (*фр.*). — 299

20* *Filioque* (букв.: «и сына» — *лат.*) — католическое дополнение к символу веры, в котором по формулировке первого и второго Вселенских соборов (325 и 381 гг.) говорится, что Святой сын исходит от Бога-Отца. Poleмика по поводу этого добавления послужила одной из главных догматических причин разделения церквей на католическую и православную в 1054 г. — 300

21* *Лионские братья* (или *вальденсы*) — приверженцы религиозной ереси, возникшей в XII в. среди плебейских масс южнофранцузских городов и затем распространившейся среди сельского населения Южной Швейцарии, а позднее в Германии и Чехии. По преданию, название получено по имени лионского купца Пьера Вальда, который в 1176 г. создал общину «совершенных», давших обет не владеть собственностью, не иметь семьи и не думать о завтрашнем дне. Они отрицали католические таинства, перевели Евангелие на народные языки, отказывались от подчинения духовным и светским властям, более того — требовали их ликвидации. Учение Вальденсов было осуждено в 1215 г. IV Лютеранским собором. В XV в. папа Сикст IV предпринял против них крестовый поход. В 1545 г. французские войска учинили над ними массовую расправу в Дофинэ. Массовые избиения вальденсов имели место в 1655 и 1685 гг.

Катары (от *греч.* *katagos* — чистый) — последователи широко распространенной из Южной Франции с конца XII в. ереси, в начале XIII в. проникшей в Англию и северную Германию, вплоть до Пруссии, и сомкнувшейся с еретическими движениями Северной Италии. По своему мировоззрению катары были дуалистами, во многом смыкавшиеся с манихеями: все зло в мире они объявляли порождением дьявола, а поскольку церковь освящала подобные «порождения дьявола», катары объявили и ее дьявольской силой. Катары создали свою религиозную организацию, поощряли добровольный уход из жизни, самоубийство. Одной из ветвей катаров были альбигойцы, против которых в начале XIII в. были организованы истребительные «альбигойские войны». К концу XIII в. движение катаров было почти

полностью подавлено, чему способствовали и элементы непротивленчества в их учении.

Патерены, патарии (итал. — букв.: «тряпичники») — презрительное прозвище сторонников миланского монаха Ариальда (XI в.), возглавившего движение против «симонии» (продажи и покупки церковных должностей).

О *лоллардах* см. прим. 18* к первому очерку; о *милленариях* — прим. 7* к третьему очерку. — 302

- 22* *«Отец [Папаша] Дюшен»* — газета, которую издавал Э.Р.Эбер во время Великой французской революции; названа по имени главного героя фарса «Масляничное блюдо», который за несколько лет до революции давался в ярмарочном балагане; этот герой — «настоящий» папаша Дюшен — не мог произнести трех слов подряд без отборного ругательства; газета Эбера прославилась теми же качествами. В травле Марии Антуанетты Эбер превзошел все пределы бесстыдства и мерзости, а на другой день после ее казни описывал, как «слетела со своей паскудной журавлиной шеи голова царственной самки». См.: Революционный невроз. М., 1998. С. 471–477. — 302

- 23* Парафраз цитаты из стихотворения Михалевича, персонажа романа И.С.Тургенева «Дворянское гнездо»:

Новым чувствам всем сердцем отдался,
Как ребенок, душою я стал:
И я сжег все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал.

(Тургенев И.С. Собрание сочинений в 6-ти т. М., 1968. Т. 2. С. 75, 85). — 303

- 24* «В том вина Вольтера, в том вина Руссо» (*фр.*) — слова сатирической песни Беранже. — 303

- 25* Слово «кубисты» впервые было употреблено в 1908–1909 гг. французским критиком Л.Воселем как насмешливое прозвище группы художников, изображавших предметный мир в виде комбинации геометрических тел и фигур. Термин «кубизм» вначале обозначал формальный эксперимент, предпринятый во Франции между 1907 и 1914 гг. небольшой группой художников под влиянием П.Сезанна, африканской скульптуры и искусства примитивистов. К числу кубистов относятся П.Пикассо, Ж.Брак, Х.Грис и др. (в литературе — Г.Аполлинер, М.Жакоб, А.Сальмон, Г.Стайн и др.).

Футуризм (от лат. futurum — будущее) — авангардистское художественное движение 10-х — нач. 20-х гг. XX в. в Италии и России. В Италии рождение футуризма отмечено «Манифестом футуризма» Ф.Маринетти, опубликованным в 1909 г. в парижской газете «Фигаро». Установки футуризма разделяли поэты Дж.П.Лучини, П.Буцци, А.Палаццески, К.Говони, композитор Б.Прателла, живописцы У.Боччони, К.Карра, Дж.Балла, Дж.Северини, Л.Руссо-ло, архитекторы А.Сант-Элиа, М.Кьяттоне. В России представителями футуризма были Д.Бурлюк, В.Хлебников, Елена Гуро, В.Маяковский, В.Каменский, А.Крученых, Б.Лившиц и др. — 307

Очерк пятый

- 1* *Тартюф* — герой одноименной пьесы Ж.Б. Мольера, нарицательное имя ханжи и лицемера. Впоследствии П.А. Сорокин охарактеризовал Тартюфа как образец «циничной чувственной ментальности. См.: *Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика*. СПб., 2000. С. 49–50. — 308
- 2* Суета сует (*лат.*) — библейское выражение (книга Екклесиаста. 1, 2). — 309
- 3* «Не всякий, говорящий Мне: “Господи! Господи!” войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7, 21). — 309
- 4* Право распоряжения жизнью и смертью (*лат.*) — отцовское право в Древнем Риме. — 313
- 5* Свобода (*фр.*). — 313
- 6* Свобода труда (*фр.*). — 313
- 7* См. прим. 59* к первому очерку. — 313
- 8* Братство (*фр.*). — 211
- 9* См. прим 13* к Введению. — 319

Очерк шестой

- 1* У нас возникает новый тип лишений — отсутствие автомобиля, отсутствие яхты, неимение виллы в Ньюпорте. Самые утонченные предметы роскоши становятся жизненной необходимостью, а их отсутствие тяжело переживается (*англ.*). — 322
- 2* См. прим. 9* к первому очерку. — 324
- 3* В массе, в массовом порядке (*фр.*). — 328
- 4* О годах жизни в Советской России П.А. Сорокин рассказывает в своей автобиографии «Дальняя дорога» (М., 1992. С. 129–145). — 333
- 5* XIX династия правила в 1345–1200 гг. до н. э.; ее основателем был фараон Хоремхе, его преемниками были Рамзес I и Рамзес II; время правления XXI–XXIV династий — 1085–715 до н. э.; это было время раздробленности и ослабления Египта, ставшего жертвой нубийских завоеваний. — 335
- 6* Имеется в виду восстание в Мегаре, в результате которого к власти пришел тиран Феаген, снискавший популярность тем, что, возглавив бедноту, перебил стада, принадлежащие родовой знати. Социальные процессы, происходившие в то время, нашли яркое отражение в стихах мегарского поэта Феогнида. См. также: *Берве Г. Тираны Греции*. Ростов-на-Дону, 1997. С. 46–48. — 335
- 7* *Обол* — самая мелкая серебряная или медная древнегреческая монета; афинский серебряный обол весил 0,73 г. — 336

- 8* *Драхма* — денежная единица древней (и современной) Греции различного достоинства. Масса афинской серебряной драхмы составляла 4,46 грамм (1 драхма = 6 оболам). Во времена Солона медимн зерна стоил одну драхму, бык — 5 драхм; при Перикле прожиточный минимум семьи составлял одну треть драхмы в день. — 336
- 9* *Пелопоннесская война* — серия войн за господство в Греции между демократическими Афинами и олигархической Спартой в 431–404 гг. до н. э., описанных в «Истории» Фукидида. — 337
- 10* *Тридцать тиранов* — так называются 30 олигархов (Ферамен, Критий и др.), которые после поражения Афин в Пелопоннесской войне при поддержке спартанского наварха (командующего флотом) Лисандра захватили неограниченную власть и с 404 г. до н. э. установили в Афинах режим террора. — 337
- 11* Имеется в виду «пролетариат» в древнеримском, а не современном смысле слова; в Риме пролетариями называли тех, кто не имеет никакого достоинства, кроме потомства (*proles*). — 338
- 12* *Сестерций* — самая мелкая римская серебряная монета достоинством 2,5 асса. В период поздней республики сестерций был бронзовой монетой, Август велел чеканить его из латуни (27,3 г). — 338
- 13* *Энна* (ныне Кастроджиованни) — город в Сицилии, где в 134 г. до н. э. вспыхнуло восстание рабов под предводительством раба Эвна, провозгласившего себя сирийским царем Антиохом; римлянам понадобилось почти три года, чтобы подавить это восстание, под Энной их войска простояли два года, после чего город был взят не столько силой оружия, сколько голодом. См.: *Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1994. Т. II. С. 61–52. — 340
- 14* Согласно аграрному закону Тиберию Гракха, римляне не должны были владеть землей площадью более 500 югеров; для этого необходимо было изъять излишки земли у крупных латифундистов и поделить их между бедными и безземельными гражданами; фрументарный (от *лат.* *frumentarius* — относящийся к хлебу) закон Гая Гракха предусматривал снижение цен на зерно и продажу хлеба беднякам (по их личной заявке) за половину цены. См.: *Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1994. Т. II. С. 81. — 340
- 15* См.: там же. С. 249–292. — 341
- 16* *Скамары* (букв.: «разбойники») — участники народного движения (в основном беглые рабы, колонны и разорившиеся крестьяне), охватившего в V–VI вв. Фракию и Илирию; в начале VI в. все области Северной Фракии находились в руках скамаров, особенно большой размах это движение получило в период начавшегося вторжения славян во Фракию и облегло славянам завоевание Балканского полуострова; *циркумцеллионы* (от *лат.* *circumcelliones* — «бродящие вокруг клетей»), или агонистики — члены демократической христианской секты в римской Африке IV–V вв., считавшие себя сторонниками «истинной веры» и выступавшие с проповедью аскетизма и мученичества;

- возглавили ряд восстаний сельской бедноты и рабов; *багауды* (возможно, от *кельт. бага* — борьба) — участники антиримского движения в Галлии и Северной Испании в III—V вв., основную массу которых составляли разорившиеся крестьяне, мелкие ремесленники, закрепощаемые колонны и беглые рабы. — 342
- 17* *Колонны* — в поздней Римской империи зависимый слой сельского населения, прикрепленные к земле и не имеющие права покидать ее без разрешения хозяина. — 342
- 18* Людей молодых, но трудолюбивых и предусмотрительных (*лат.*). — 343
- 19* *Альбигойские войны* — крестовые походы в 1209–1229 гг. на юге Франции против еретического движения приверженцев учений катаров и вальденсов. — 343
- 20* *Флагелланты* (букв.: «бичующиеся») — представители религиозного движения в Западной Европе XIII—XV вв., по представлениям которых для достижения нравственного совершенства необходимо самобичевание; первым провозвестником флагеллантства был Петр Дамиани (1006–1072), в 1349 г. учение флагеллантов было объявлено еретическим, а 1417 г. окончательно осуждено Констанцским собором. — 344
- 21* «*Война баронов*» — гражданская война в Англии (1263–1267) между сторонниками так называемых Оксфордских провизий, устанавливавших режим баронской олигархии, и рыцарями, которые представили королю Генриху III Вестминстерские провизии (1259), защищавшие рыцарство и свободных крестьян от произвола крупных феодалов и королевской администрации; в годы этой войны возник английский парламент (1265), окончательно утвердившийся при Эдуарде I. — 346
- 22* *Черная смерть* — историческое название эпидемии чумы в Европе в 1347–1353 гг., за время которой погибло ок. 25 млн человек (почти половина населения Европы). — 346
- 23* *Вилланы* (от *лат. villa* — усадьба) — в Англии категория крестьянства, находившаяся в одной из наиболее суровых форм феодальной зависимости. — 347
- 24* Подушный налог (*англ.*). Впервые этот поголовный единовременный налог был введен парламентом в 1377 г.; в 1380 г. он был увеличен втрое. Налог и злоупотребления при его взимании послужили непосредственным поводом к крестьянскому восстанию под предводительством Уота Тайлера. — 347
- 25* *Чартизм* — рабочее движение в Великобритании в 30–50-х гг. XIX в., проходившее под лозунгом борьбы за «Народную Хартию» (*People's Charter*). — 350
- 26* *Паупер* (от *лат. pauper*) — нищий, неимущий. — 351
- 27* См. прим. 104* к первому очерку. — 352
- 28* Парафраз цитаты из «Всемирной истории» Ж.Б. Боссюэ: «Человек волнуется, а Всевышний руководит им». Эту цитату неоднократно приводит в своих сочинениях М.М. Ковалевский. См., например: *Ковалевский М.М. Социология*. СПб., 1910. Т. 1. С. 10. — 353

- 29* *Битва при Пуатье* (в ходе Столетней войны) произошла в 1356 г. Французы потерпели поражение, король Иоанн Безземельный вместе со многими сеньорами попал в плен к англичанам, которые потребовали за него непомерный выкуп. — 354
- 30* Имеется в виду Парижское восстание 1357–1358 гг., вызванное резким ухудшением положения парижан после поражения французских войск при Пуатье. Восстание возглавил купеческий прево (старшина) Парижа Этьенн Марсель. На созванных в феврале Генеральных штатах Э. Марсель выработал так называемый Великий мартовский ордонанс, в котором содержалось требование участия Генеральных штатов в управлении государством, их регулярный созыв два раза в год для решения важнейших дел, контроля над взиманием налогов, расходами государственной казны и т. д. 22 февраля восставшие захватили королевский дворец, власть в столице фактически перешла в руки Э. Марселя. Тем не менее, в июле 1358 г. восстание было подавлено, Э. Марселя убили его бывшие приверженцы. — 354
- 31* См. прим. 4* к третьему очерку. — 354
- 32* *Арманьяки и Бургиньоны* – группировки крупных феодалов во Франции 1-й половины XV в., боровшиеся между собой за власть во время правления слабоумного короля Карла VI (1380–1422). Конец борьбе между ними положил договор в Аррасе (1435); о *кабошинах* см. прим. 5* к третьему очерку. — 354
- 33* См. прим. 8* ко второму очерку. — 354
- 34* *Религиозные войны* – войны между католиками и кальвинистами (гугенотами) во Франции во второй половине XVI в.; *Варфоломеевская ночь* – массовая резня гугенотов в Париже 24 августа 1572 г., организованная королевой-регентшей Екатериной Медичи и вождями католиков Гизами; под *целым рядом восстаний в городах и селах*, вероятно, имеется в виду крестьянское движение «крюканов», охватившее Францию в конце XVI – начале XVII вв.; свое название движение получило от лозунга «На грызунов» (*Aux stoquants*), как называли восставшие дворянство, духовенство, королевских чиновников и откупщиков; «*Лига*» (точнее «Католическая лига») – объединение части французского католического духовенства и дворянства, учрежденное в 1576 г. для борьбы с гугенотами; в конце 1576 г. Лига фактически распалась и была восстановлена в 1585 г.; *парижская революция* – так называемый «день баррикад», народное восстание в Париже 12–13 мая 1588 г. — 355
- 35* Так называемые «наказы» избирателей их депутатам в Генеральные штаты. — 358
- 36* См. прим. 101* к первому очерку. — 360
- 37* См. прим. 44* к первому очерку. — 361
- 38* В состав «первой коалиции» входили Австрия и Пруссия, затем к ним присоединилась Англия, а позднее и Россия. — 361
- 39* См. прим. 46* к первому очерку. — 362

- 40* *Гора* (монтаньяры) — левая демократическая группировка Конвента, представлявшая партию якобинцев и занимавшая в Конвенте верхние ряды; о *термидоре* см. прим. 25* к первому очерку. — 362
- 41* О республиканском календаре см. прим. 48* к первому очерку. — 362
- 42* *Жить, работая, или умереть, сражаясь* (*фр.*). Лионское восстание 1831 г. началось 21 ноября в связи с отказом мануфактуристов принять новые, более высокие расценки ткацких работ, выработанные смешанной комиссией из предпринимателей и ткачей. 23 ноября правительственные войска были разбиты в боях с восставшими и вынуждены были оставить город, однако вступившие в Лион 1–3 декабря крупные воинские части подавили восстание. — 362
- 43* См. прим. 61* к первому очерку. — 363
- 44* См. прим. 30* и 31* к первому очерку. — 363
- 45* «*Башимак*» — название тайных крестьянских союзов в Юго-Западной Германии XV — нач. XVI вв., сыгравших важную роль в подготовке Крестьянской войны. — 365
- 46* *Ятвяги* — древнепрусское племя, близкое к литовцам; обитало между средним течением Немана и верховьем реки Нарев. — 366
- 47* Имеется в виду Лжедмитрий II по прозвищу Вор; поскольку его укрепленный лагерь был расположен в подмосковном селе Тушино, за ним в истории закрепилось прозвание «тушинский вор». Подробнее см.: *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С. 287–297. — 368
- 48* П.А.Сорокин, по-видимому, специально обходит молчанием эпоху Петра I, поскольку всегда давал его личности и преобразованиям негативную оценку. — 369
- 49* «*Чумной бунт*» в Москве вспыхнул в сентябре 1771 г. во время эпидемии чумы; обстановка усугубилась безработицей основной массы городского населения и голодом вследствие закрытия мануфактур из-за карантина, отсутствием медицинской помощи и т. д. Непосредственной причиной бунта послужила попытка московского архиепископа Амвросия в качестве карантинной меры воспрепятствовать жителям толпами собираться около чудотворной иконы у Варварских ворот; после трехдневных уличных боев восстание было жестоко подавлено войсками под командованием Г.Г. Орлова. — 369
- 50* См. прим. 65* к первому очерку. — 373
- 51* См.: *Сорокин П. А.* Голод как фактор. М., 2003. С. 398. — 374
- 52* В *Венгрии* (до 1918 г. входившей в состав Австро-Венгерской империи) в марте 1919 г. была провозглашена Советская республика, просуществовавшая 133 дня; в 1920 г. к власти пришел контр-адмирал Хорти.
В *Германии* революция произошла в ноябре 1918 г.; она покончила с полуабсолютистской монархией, трудящиеся добились ряда демократических

прав. На Учредительном собрании, открывшемся в феврале 1919 г. в Веймаре была принята республиканская конституция, а Германия провозглашена парламентской республикой. «Веймарская республика» просуществовала до прихода к власти Гитлера в 1933 г.

В *Турции* в 1908 г. произошла так называемая Младотурецкая революция, приведшая к свержению султана Абдул-Гамида II.

В *Греции*, после того, как турецкая армия разбила ее войска 9 сентября 1922 г. и заняла Измир, 24 сентября началось восстание, которое привело к свержению монархической партии. Король Константин отрекся от престола в пользу своего сына Георга II и покинул Грецию. На выборах в декабре 1923 г. большинство получили сторонники провозглашения Греции республикой; 19 декабря 1923 г. король Георг II тоже уехал из страны.

В *Болгарии* в сентябре 1918 г. произошло солдатское Владайское восстание, в ходе которого было объявлено о низвержении царя Фердинанда и провозглашена республика; хотя восстание было подавлено, царь Фердинанд 3 октября был вынужден отречься от престола, передав его своему сыну Борису, и бежать из страны. — 377

53* *Ковенантеры* (от *англ.* covenant — соглашение, договор) — сторонники Реформации в Шотландии, подписавшие в 1638 г. договор о союзе и защите кальвинистской церкви в ответ на попытки Карла I унифицировать по английскому образцу церкви Англии и Шотландии, что фактически означало начало борьбы шотландцев против абсолютизма. — 377

54* Точнее, не царь (Тарквиний Гордый — седьмой и последний царь Рима), а его старший сын Секст, опозоривший добродетельную супругу Л. Тарквиния Каллатина Лукрецию, которая покончила с собой. Это послужило причиной взрыва народного негодования и изгнания этрусков и последнего царя из Рима (508 г. до н. э.). — 378

55* Если это и не правда, то хорошо придумано (*итал.*). — 378

56* *Конкубины* (*лат.*) — женщины, сожительствующие с мужчинами без заключения брака или находящиеся в так называемом свободном браке. — 379

57* См. прим. 13* к четвертому очерку. — 379

58* Прежде жить, а уж затем философствовать (*лат.*). — 381

59* Точнее: «The Book of Common Prayer» — Книга общей молитвы, которая, согласно Акту о единообразии (англиканского богослужения), принятому в 1559 г. и окончательно утвержденному в 1662 г., была признана единственным официальным молитвенником. Согласно этому Акту, все государственные чиновники и священники должны были принять причастие по законам англиканской церкви и подписать декларацию, что они никогда не поднимут оружие против монарха; около двух тысяч священников, отказавшихся принять причастие, было изгнано из своих приходов. — 382

60* Человеческие страсти играют определенную роль во всех религиозных пре-

образованиях, но они всегда скрыты и представлены в догматической и теологической форме (*фр.*). — 382

- 61* *Валентность* (от *лат. valentia* — сила) — способность атома к образованию связей; количественной мерой валентности принято считать число других атомов в молекуле, с которыми данный атом образует связи. — 383
- 62* *Производящая причина* (*лат.*). — 383
- 63* См. прим. 38* к первому очерку. — 384
- 64* См. прим. 32* к первому очерку. — 385
- 65* *Разделяй и властвуй* (*лат.*) — принцип империалистической политики, латинская формулировка которой возникла уже в Новое время; ее формулировку приписывают Людовику XI или Н. Макиавелли. — 394
- 66* *Сервиллизация* (от *лат. servilis* — рабский) — превращение в рабов. — 394
- 67* *Отцы сенаторы* (*лат.*) — в древнем Риме почетный титул сенаторов. — 395
- 68* *Охлократия* (*греч.*) — власть толпы, в греческой теории государства обозначение крайней, извращенной формы демократии со всеми ее отрицательными последствиями. — 396
- 69* *Lit de justice* — королевская ложа (в Генеральных штатах), которую рабочие, присланные для ее уборки, отказались убирать из опасения помешать продолжающемуся (вопреки приказу короля) заседанию. Церемониймейстеру, явившемуся для того, чтобы напомнить приказ короля, Мирабо ответил: «Пойдите, скажите тем, кто вас послал, что мы здесь находимся по воле народа и покинем наши места лишь под натиском штыков». Подробнее см.: *Матьез М. Французская революция*. Ростов-на-Дону, 1995. С. 63–67.
- Об остальных упомянутых событиях см. прим. 45* к первому очерку. — 397
- 70* В *битве при Херонее* (городе на северо-западе Беотии) в 338 г. до н. э. Филипп II Македонский разбил войска афинян и фиванцев, что положило конец государственной независимости Северной и Центральной Греции. — 402
- 71* *Эпнатриды* — в буквальном переводе с греческого «сыновья благородных отцов»; *метеки* (*греч.* «переселенцы») — лично свободные люди, переселившиеся в какой-либо греческий полис, но не имевшие здесь гражданских прав. — 402
- 72* *Наследница* (*англ.*). — 404
- 73* *Факир* (*араб.*, букв. — бедняк) — в данном случае не фокусник, дрессировщик, престижиджитатор и т. п. (именно в этом смысле слово «факир» чаще всего употребляется в русском и большинстве европейских языков), а мусульманский странствующий дервиш. — 405
- 74* *Каждому свое* (*лат.*). — 407
- 75* *Война всех против всех* (*лат.*) — по Т. Гоббсу, гипотетическое состояние человечества в дообщественном состоянии (или при отсутствии «гражданского

состояния»). См.: *Гоббс Т.* Сочинения в 2-х т. М., 1991. Т. 2. С. 95. — 409

76* Вечный двигатель (*лат.*). — 410

Примечания и дополнения

1* В издании на английском языке этот текст помещен в конце книги (р. 415–419); здесь печатается в переводе В.В. Сапова. — 413

2* Указаны страницы настоящего издания. — 413

Приложение I.

О псевдореволюционерах, приемлющих революцию

Утренники. 1922. Кн. II. С. 187–189. Подписана: Н. Чаадаев (о принадлежности этого псевдонима П.А. Сорокину см.: *Дойков Ю.В.* Материалы Питирима Сорокина в Пушкинском Доме // Отечественные архивы. 1995. № 6. С. 60–68).

1* Цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Бесы» (1830):

Сколько их! Куда их гонят!
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

(*Пушкин А.С.* Собрание сочинений в 10-ти т. М., 1981. Т. 2. С. 180). — 419

2* В эссе К. Павлова «Россия» (*Утренники.* 1922. Кн. I. С. 3–9) речь идет о различном отношении интеллигенции к революции, о жестокости революции и последовавших за ней событий. — 419

3* Цитата из заключительных строк поэмы А.А. Блока «Двенадцать»:

В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос.

(*Блок А.А.* Сочинения в 2-х т. М., 1955. Т. 1. С. 534). — 420

4* Отчетливыми словами, совершенно четко (*лат.*). — 421

5* На самом деле это выражение не из басни И.А. Крылова, а из басни И.И. Дмитриева «Муха»:

Бык с плугом на покой тащился по трудах;
А Муха у него сидела на рогах,
И Муху же они дорогой повстречали.
«Откуда ты сестра?» — от этой был вопрос.
А та, поднявши нос,
В ответ ей говорит: «Откуда? — мы пахали!»

(*Дмитриев И.И.* Сочинения. М., 1986. С. 126–127). — 422

То, что часто забывается

Крестьянская Россия. Прага, 1922. Сб. II–III. С. 14–31.

- 1* См. прим. 16* к четвертому очерку «Социологии революции». — 428
- 2* См. прим. 74* к «Современному состоянию России». — 430
- 3* При прочих равных условиях (*лат.*). — 433
- 4* Цитата из Горация (Оды. III, 24, 35–36): «Какая польза в напрасных законах [там, где нет нравственности?»] (*лат.*). — 437
- 5* Цитата из басни И.А. Крылова «Щука и кот» (*Крылов И.А. Сочинения в 2-х т. М., 1969. Т. 1. С. 45*). — 439
- 6* Ашантии (правильно: ашанти) — один из основных бантуязычных народов, населяющих республику Гана, расположенную на берегу Гвинейского залива (Западная Африка). — 443

Современное состояние России

Книга издана в Праге книгоиздательством «Хутор» в 1922 г. (на обложке — 1923 г.). В России впервые опубликована журналом «Новый мир», 1992, №№ 4–5; затем в сборнике: *Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет*. М., 1994. С. 418–491.

- 1* Цитата из стихотворения А. Блока «Рожденные в года глухие...» (8 сентября 1914):

Испепеляющие годы!
 Безумья ль в вас, надежды ль весть?
 От дней войны, от дней свободы —
 Кровавый отсвет в лицах есть.

(*Блок А.А. Сочинения в 2-х т. М., 1955. Т. 1. С. 441*). — 446

- 2* О «значении количества населения для судеб государства и общества» Ф. Ратцель, в частности, писал: «В густом населении заключается не только прочность и порука энергичного развития, но и непосредственный стимул культуры. Чем ближе люди соприкасаются между собою, тем ближе они принимают участие друг в друге, тем менее погибает культурных приобретений, тем выше поднимается соревнование в проявлении сил. Умножение и укрепление численности народа находится в самой тесной связи с развитием культуры; редкое население в обширной области связано с низкой культурой; в старых и новых культурных центрах мы видим плотно скученные народные массы» (*Ратцель Ф. Народоведение*. СПб., 1900. Т. 1. С. 11).

С. Бугле — автор книги «*Les idées égalitaires*» (Paris, 1908), в которой он пытался установить соотношение между демографическими и идеологическими феноменами.

А. Кост в своей книге «*L'expérience des peuples*» (Paris, 1900) доказывал, что «поступательное движение народонаселения является основной причиной

изменений в формах производства» (цит. по: *Ковалевский М.* Социология. СПб., 1910. Т. 1. С. 100). См. также сборник «Народонаселение» (М., 1897), составленный из статей виднейших демографов и социологов своего времени. — 446

3* То есть за период с августа 1914 г. (вступление России в мировую войну) до ноября 1920 г. (разгром Красной армией врангелевских войск в Крыму). Советская историография считает датой окончания гражданской войны весну 1922 г. Сорокин, тем не менее, считал, что «в 1920 г. война кончилась» (*Экономист*, 1922. № 1. С. 107). — 447

4* Данные В.М. Михайловского опубликованы в «Трудах Центрального Статистического управления» (М., 1921. Т. 1. Вып. 3. С. 4). Вообще, данные Михайловского не внушали доверия Сорокину, так как он не сообщал источников, на которых основаны его «цифры». С бóльшим доверием Сорокин относился к расчетам другого статистика, С.А. Новосельского, основанным на итогах работы специальной научно-статистической комиссии (см.: *Экономист*. 1922. № 1. С. 79). — 447

5* Расчеты Сорокина основаны на методике, разработанной Н.А. Умовым в статье «Физические науки и служение человечеству» (*Природа*, 1913, февраль. С. 149–160). — 451

6* Явление, которое Сорокин называет «отрицательной селекцией», давно известно и не вызывает сомнений. Поэтически эту же мысль выразил Г. Гейне в стихотворении «Валькирии» из цикла «Романсеро»:

Гей, несчастные, поверьте,
Не спасет броня от смерти;
Пал герой, глаза смежив,
Лучший мертв, а худший жив.
Флаги, арки. Стол накрытый.
Завтра явится со свитой
Тот, кто лучших одолел
И на всех ярмо надел.

(*Гейне Г.* Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 1971. С. 205).

Фактически то же самое — применительно к революции — пишет М. Волошин:

Революция губит лучших,
Самых чистых и самых святых,
Чтоб, зажав в тенетах паучьих,
Надругаться, высосать их.

(*Волошин М.* «Средоточье всех путей...» М., 1989. С. 212). — 453

7* См. прим. 10* ко второму очерку «Социологии» революции. — 453

8* Френсис Гальтон, английский психолог и антрополог, двоюродный брат Ч. Дарвина, под влиянием которого разработал основные положения дифферен-

циальной психологии, объясняющей индивидуальные различия между людьми преимущественно наследственными факторами. На русский язык частично переведена его книга «Наследственность таланта» (СПб., 1875). В другой своей статье Сорокин ссылается на текст оригинала: *Galton F. Hereditary Genius. 1892. P. 30* (см.: *Экономист. 1922. № 1. С. 93*). — 453

9* Трагические судьбы античных героев, перечисленных Сорокиным, рассказаны Плутархом в «Сравнительных жизнеописаниях» (за исключением Сократа, о котором см. «Апологию Сократа» и «Федон» Платона; Ферамен — в современной русской транскрипции Терамен). — 454

10* См. прим. 46* и 47* к первому очерку «Социологии революции». — 454

11* О высылке из страны в 1922 г. большой группы интеллигенции написано обстоятельное исследование М. Геллера: «Первое предостережение» — удар хлыстом (К истории высылки из Советского Союза деятелей культуры в 1922 г.) // *Вестник РХД. 1978. № 127*. См. также: *Хоружий С. Философский пароход: Как это было* // *Литературная газета. 1990. № 19. 9 мая. С. 6; № 23. 6 июня. С. 6; Колодный Л. Изгнание философов* // *Московский комсомолец, 1990, 12 и 13 июня; Сапов В.В. Высылка 1922 года: попытка осмысления* // *Социологические исследования. 1990. № 3*; там же — воспоминания двух «участников» высылки: Б. Харитона и М. Осоргина. Об обстоятельствах собственной высылки Сорокин подробно рассказывает в своей автобиографии «Дальняя дорога». М., 1992. С. 140–145. Материалы из архива КГБ о высылке Сорокина см.: *Социологические исследования. 1991. № 10. С. 122–124*. Ниже приводится документ, который дает некоторое представление о «технологии высылки»:

*«Список антисоветской интеллигенции г. Петрограда
Июль 1922 г.*

1. СОРОКИН ПИТИРИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ — ар[естован], высылается.
2. ИЗГОЕВ (ЛАНДЕ) АЛЕКСАНДР СОЛОМОНОВИЧ — ар[естован], высылается, на свободе для ликвидации дел.
3. ЗУБАШЕВ Е. Л. — ар[естован], высылается, на свободе для ликвидации дел.
4. БРУЦКУС БОРИС ДАВИДОВИЧ — ар[естован], высылается, на свободе для ликвидации дел.
5. КАГАН А. С. — ар[естован], высылается, отпущен на свободу для ликвидации дел.
6. ЛУТОХИН Д. А. — ар[естован], высылается, на свободе для ликвидации дел.
7. ПУМПЯНСКИЙ Л. М. — ар[естован], высылается, на свободе для ликвидации дел.
8. ФРОМЕТ — не разыскан.
9. ЗАМЯТИН Е[ВГЕНИЙ] И[ВАНОВИЧ] — арестован, высылка отсрочена

впредь до особого распоряжения – постановление Комиссии т. Дзержинского от 31/8 с. г.

10. ПЕТРИЩЕВ А. Б. – ар[естован], высылается.

11. БУЛГАКОВ С[ЕРГЕЙ] Н[ИКОЛАЕВИЧ] – не разыскан.

12. ВОЛКОВЫССКИЙ Н. М. – ар[естован], высылается, на свободе для ликвидации дел.

13. ХАРИТОН БОРИС – ар[естован], высылается, на свободе для ликвидации дел.

14. ЧААДАЕВ – не разыскан.

15. КАРСАВИН ЛЕВ ПЛАТОНОВИЧ – арестован, подлежит высылке, на свободе для ликвидации дел.

16. ЛОССКИЙ НИКОЛАЙ ОНУФРИЕВИЧ – ар[естован], высылается.

17. ГУТКИН А. Я. – ар[естован], высылается, на свободе для ликвидации дел.

18. КАНЦЕЛЬ ЕФИМ СЕМЕНОВИЧ – высылка приостановлена впредь до получения от тов. Циперовича ручательства и обоснования такового. Постановление Комиссии 31/8 1922 г.

19. ЗБАРСКИЙ ДАВИД СОЛОМОНОВИЧ – не разыскан.

20. САДЫКОВА Ю. Н. – ар[естована], подлежит высылке, на свободе.

21. БРОНШТЕЙН ИСАЙ ЕВСЕЕВИЧ – ар[естован], высылается, на свободе.

22. ПАВЛОВ ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ – не разыскан.

23. КАРГЕНС НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ – ар[естован], подлежит высылке, на свободе.

24. СОЛОВЕЙЧИК ЭМАНУИЛ БОРИСОВИЧ – не разыскан».

(История России. 1917–1940. Хрестоматия / Сост. В.А. Мазур и др., под ред. М.Е. Гловацкого. Екатеринбург, 1993).

Этот документ, составленный в Петроградской ЧК, интересен, помимо всего прочего, тем, что П.А. Сорокин присутствует в нем в двух своих ипостатях – под своей настоящей фамилией и под псевдонимом «Чаадаев». Не удивительно, что чекистам не удалось его разыскать. – 454

^{12*} См.: Galton F. Hereditary Genius. 1892. P. 329–330. – 455

^{13*} Сорокин имеет в виду книгу: Starch D. Educational Psychology. 1920, на которую он написал рецензию (см. журнал «Экономист». 1922. № 3. С. 150–151). – 455

^{14*} См. прим. 38* к первому очерку «Социологии революции». – 455

^{15*} См. прим. 9* к первому очерку «Социологии революции». – 457

^{16*} См.: Осипов В.П. О душевных заболеваниях в Петрограде // Известия здравоохранения Петроградской трудовой коммуны. 1919. № 7–12; Горовой-Шалтан В.А. К вопросу о душевной заболеваемости населения при современных условиях // Психиатрия, неврология и экспериментальная психо-

логия. 1922. № 2 и его же статью в газете «Врачебное дело» от 1 февраля 1921 г. — 458

17* Перефразированные слова Христа: «Да минует Меня чаша сия» (Мф. 26, 39). — 459

18* Равенство, братство, свобода (*фр.*). — 460

19* Версальский договор, которым закончилась Первая мировая война, был подписан 28 июня 1919 г. в Версале (Франция). Согласно этому договору, Германия лишалась части своих территорий, всех африканских колоний, передавала большую часть своего флота державам-победительницам, сокращала численность вооруженных сил до 100 тыс. человек и обязывалась выплатить огромные репарации. — 460

20* Выражение из стихотворения А.С. Пушкина «Герой» (1830):

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...

(Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10-ти т. М., 1981. Т. 2. С. 192). — 460

21* Что угодно повелителю, имеет силу закона (*лат.*). — 461

22* Прежнее состояние (*лат.*). — 462

23* Протоиерей Владимир Красницкий и обер-прокурор Синода В.Н. Львов — деятели так называемого «обновленческого движения». — 462

24* Букв.: Городу (т.е. Риму) и Миру (*лат.*); в переносном смысле: на весь мир. — 464

25* Втор. 28, 53. Жуткие факты людоедства во время голода 1921–1922 гг. Сорокин приводит в своей книге «Голод как фактор». С. 155. См. также: *Сорокин П.* Дальняя дорога. М., 1992. С. 138–140.

В своих описаниях голода Сорокин нисколько не сгущает краски. В доказательство приведу лишь одну заметку (не самую страшную), опубликованную в «Красной газете» 11 мая 1922 г. (№ 103. С. 3). Заметка озаглавлена «На голоде»:

«Голод начинает чувствоваться от Вятки.

На ст[анции] Екатеринбург куча детей, вернее, тени их, изнеможенные матери и такие же отцы валялись на своем жалком скарбе, с потухшими глазами.

Каждый день с вокзала выносятся трупы.

От Екатеринбурга начинает появляться лебедовый хлеб. Сам город не похож на голодающую местность.

У Челябинска картина становится кошмарнее. Проезжая через некоторое время эти же станции, в I и II классах вы уже не встречаете голодных, так как их не пускают, чтобы не портили аппетита нэповцам.

В Челябинске из беседы с заведующим губздравотделом выяснилось, что у них имеются врачебно-питательные пункты в довольно большом количестве.

Так, например, в Верхнеуральском уезде — 25, а в Троицком — 13.

Я с отрядом выехал в г. Троицк для обследования существующих пунктов и организации новых.

По дороге в город встретились двое ребятшек, везших на саночках труп матери, а также подводы с наваленными трупами. Здесь же, на улице, происходит ловля собак, которых едят. На базарах продается лебеда, мох и др. в пищу. Врачебно-питательный пункт представляет из себя кошмарную картину. Какая-то плохая ночлежка. Лестницы и палаты полны человеческими испражнениями, на нарах лежат человекоподобные существа, с опухшими ногами, со впалыми глазами, некоторые из них с пролежнями, в которых кишат паразиты, с гангреною пальцев, психически больные, а рядом с этими лежат по несколько дней неубранные трупы.

Рядом с палатою находится мертвецкая, где в момент обследования находились десять совершенно разложившихся трупов.

$\frac{1}{4}$ ф[унта] хлеба и какой-то жидкости, называемой супом, кипятком не существует. Больные, которые еще могут ходить, ловят собак и кошек и едят.

Людоедство с каждым днем прогрессирует и прогрессирует, так, например, двое гимназистов съели своего товарища. На вопрос, зачем они это сделали, они ответили:

— Мы не в состоянии были больше ловить собак и кошек, и когда он пришел, то мы его убили и сварили.

В настоящий момент приехали АРА и международный рабочий комитет и развертывают свою деятельность по улучшению питания детей, а взрослое население по-прежнему остается обреченным на гибель, и этому некогда столь богатейшему краю предстоит полное вымирание.

Нужны не врачебно-питательные отряды, так как их работа сводится к нулю за отсутствием хлеба, а только деньги, деньги. На них существующие столовые сумеют накормить, а больницы расширят свой коечный аппарат.

Отряды же слишком дорого стоят и мало дают.

Голодающие молят о спасении. Неужели эти стоны не доходят до вас?

Мой долг, как работающего среди кошмара голода и людоедства, кричать о помощи.

Врач *И. Шлеймович. Гор. Троицк.* Март 1922 г. — 465

26* Тебя, Господь, хвалим! Радуйся, Революция, идущие на смерть приветствуют тебя! (*лат.*). Последняя фраза — слегка измененное приветствие римских гладиаторов перед началом состязания: «Радуйся, Цезарь...» — 465

27* См. прим. 9* к четвертому очерку «Социологии революции». — 465

28* В книге «Старый порядок и революция» (русский перевод 1918), на которую ссылается Сорокин, А. де Токвиль утверждал, что ликвидация феодализма во Франции была возможна и без революции. — 465

29* П.А. Сорокин здесь не совсем точен. В журнале «Экономист» в 1922 г. он опубликовал следующие статьи: «Влияние войны на состав населения, его свойства

и общественную организацию» (№ 1 . С. 77–107), «Влияние голода на социально-экономическую организацию общества» (№ 2. С. 13–53), «Голод и идеология общества» (№ 4–5. С. 3–32). Этой же проблематике посвящены и его статьи в «Артельном деле»: «Голод и убеждения (идеология) человека» (1921. № 9–16. С. 11–16), «Война и милитаризация общества» (1922. № 1–4. С. 3–10). — 466

30* В 1921 г. В.И. Ленин сделал несколько докладов о продналоге: на X съезде РКП(б), на X Всероссийской конференции РКП(б), на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губ. Кроме того, им была опубликована брошюра «О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия)». Все эти доклады и брошюру см. в т. 43 Полн. собр. соч. В.И. Ленина. — 466

31* *Преторианцы* — в Древнем Риме привилегированные войска, предназначенные для личной охраны императора. Сорокин называет преторианцами «чоновцев» (см. прим. 32*). — 470

32* Точнее: Части особого назначения (ЧОН) — военно-партийные отряды, созданные по постановлению ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 г. для оказания помощи органам Советской власти в борьбе с контрреволюцией. В их функцию входили и карательные операции. В 1921 г. в ЧОН числилось кадрового состава 39 673 человек и переменного 327 372 человек, что в сумме дает число, весьма близкое к названному Сорокиным. Подробнее см. статью И. Найды «Части особого назначения» (Военно-исторический журнал. 1969. № 4). — 473

33* Речь идет, разумеется, об издании книги «Социология революции» на русском языке. — 474

34* Не совсем точная цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Дума» (1838). У Лермонтова: «Насмешкой *горькою...*». — 475

35* См. прим. 17* к Введению к «Социологии революции». — 480

36* Эта работа П.А. Сорокина не была опубликована. — 481

37* Отношение Сорокина к личности и реформам Петра I («революционера на престоле», по определению А.С. Пушкина) было резко отрицательным. В статье «Влияние войны на состав населения...» он писал: «Некоторые эпохи... были поистине роковыми для нас. Одной из них является эпоха Петра, “миро-еда, переешего весь мир”. Поистине трудно назвать другого человека, который причинил бы такой ущерб нашему населению. Своими непрерывными войнами и весьма пышными с виду преобразованиями, из которых, однако, пользы для народной массы вышло очень мало, — он погубил весь цвет “лучшего” населения России, не менее 30% всего его мужского, работоспособного населения. Внешнее величие России он купил ценой, стоившей всей ее будущности. В последующем это и сказалось в усилении рабства, в столетнем топтании на месте культурного развития масс и во многом другом, вплоть до нашего времени» (Экономист. 1922. № 1. С. 99–100). И далее: «Всей нашей истори-

ей, особенно при Петре и после Петра, мы дрессировались в направлении военного социализма. Разразившаяся война в лице нас нашла прекрасно подготовленную почву для пышного культивирования своего обычного детища — военного социализма» (с. 107). Ср. с оценкой реформ Петра I в речи Сорокина на торжественном собрании в день 103-й годовщины Петербургского университета 21 февраля 1922 г. (*Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 410–414). — 481

38* См. прим. 9* к Введению к «Социологии революции». — 482

39* Согласно правилам, опубликованным в России 25 октября 1915 г., органам власти предоставлялось право выявлять продовольственные запасы на местах, вести их учет, осматривать торговые книги, документы, рынки и склады, вплоть до права реквизиций и секвестра. Именно эту дату Сорокин считает «днем рождения» принудительного этатизма в России. См.: *Сорокин П.А.* Голод как фактор. М., 2003. С. 478. — 482

40* См. прим. 3*. — 484

41* См. прим. 65* к первому очерку «Социологии религии». — 484

42* См. прим. 23* к четвертому очерку «Социологии» революции». — 484

43* Следовательно, чтобы «сказанное» не случилось, нужно, чтобы «сытость» не росла и шла война (или хотя бы сохранялась угроза войны). Трудно отделаться от мысли, что в утверждении Сорокина, прочитанном наоборот, заключена вся политическая и экономическая программа деятельности Сталина и его эпигонов. — 485

44* См. прим. 24*. — 486

45* Мустафа Кемаль Ататюрк (1881–1938), основатель и первый президент Турецкой республики, в 1920 г. установил дипломатические отношения с Советской Россией, между двумя странами был заключен договор «о дружбе и братстве». С Афганистаном в 1921 г. был подписан договор о дружбе, по которому РСФСР предоставила Афганистану право свободного и беспоплатного транзита грузов через свою территорию. В ноябре 1920 г. в Армении при содействии частей Красной армии, расположенных в Азербайджане, было свергнуто правительство дашнаков и установлена Советская власть. В Болгарии в 1920–1923 гг. сохранялось неустойчивое внутривосточное положение, чем хотели воспользоваться российские коммунисты для установления Советской власти в Болгарии. Эти стремления, однако, не увенчались успехом: летом 1923 г. в Болгарии произошел фашистский переворот. — 487

46* *Сменовеховцы* — сторонники идейно-политического и общественного движения, возникшего в начале 1920-х гг. в среде русской зарубежной либерально настроенной интеллигенции. Движение получило свое название от сборника «Смена вех», вышедшего в Праге в 1921 г., авторами которого были Ю.В. Ключников, Н.В. Устрялов, С.С. Лукьянов, А.В. Бобрищев-Пушкин,

С.С. Чахотин и Ю.Н. Потехин. В Париже с октября 1921 по март 1922 гг. выходил журнал «Смена веx», а в Берлине издавалась газета «Накануне». Сменовеховцы призывали интеллигенцию к пересмотру ее позиций по отношению к Советской власти, отказу от вооруженной борьбы с нею и сотрудничеству во имя благополучия Отечества. Сборник «Смена веx» дважды переиздавался в Советской России, а газета «Накануне» распространялась внутри страны без препятствий. Некоторые лидеры движения вернулись на родину и заняли ответственные государственные посты (в 30-х гг. большинство из них было арестовано и расстреляно). — 487

^{47*} Имеется в виду письмо Сорокина в редакцию газеты «Крестьянские и рабочие Думы», опубликованное в ней 29 октября 1918 г. и перепечатанное «Правдой» 20 ноября 1918 г. под названием «“Отречение” Питирима Сорокина». — 487

^{48*} Вот вкратце события 1918 г. — самого бурного года в жизни Сорокина: после ареста 2 января он провел 57 дней в Петропавловской крепости вместе с бывшими министрами Временного правительства. После освобождения он прибыл в Москву, где, в частности, встретился со скрывавшимся там А.Ф. Керенским. В конце мая Сорокин, как член Учредительного собрания и Союза возрождения России, отправился с антибольшевистской миссией в Великий Устюг, Вологду и Архангельск. Миссия Сорокина, однако, не увенчалась успехом, и он вынужден был два месяца скрываться в северодвинских лесах. Здесь, вдали от цивилизации, он много размышлял о революции, о политике и самом себе и избавился от многих «соблазнительных иллюзий». Именно тогда, вероятно, им и было написано его «отречение». После этого, не желая подвергать риску скрывающихся его людей, Сорокин добровольно сдался властям. В тюрьме великоустюжской ЧК, приговоренный к расстрелу, он пробыл до середины декабря 1918 г. 12 декабря его вызвали на допрос и ознакомили со статьей Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина». По личному распоряжению Ленина Сорокин был доставлен в тюрьму Московской ЧК и здесь освобожден. Своим «чудесным» избавлением от смерти Сорокин обязан отчасти и случайным обстоятельствам. В великоустюжской тюрьме его узнал один большевистский комиссар, бывший его студент. Он отправился в Москву и сообщил Пятакову и Карахану, бывшим университетским друзьям Сорокина, о вынесенном ему приговоре. Те немедленно отправились к В.И. Ленину и, ознакомив его, видимо, с «отречением» Сорокина, добились освобождения своего товарища. В Москве Сорокин пришел на квартиру к своему лучшему другу Н.Д. Кондратьеву, который нашел его постаревшим на двадцать лет. На этом политическая деятельность Сорокина закончилась. Через несколько дней после освобождения он вернулся в Петроград и приступил к чтению лекций в университете. — 487

^{49*} Сорокин имеет в виду статью В.И. Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина», опубликованную в «Правде» 21 ноября 1918 г. (*Ленин В.И. Полн. собр. соч.*

5-е изд. Т. 37. С. 188–197), и выступление Ленина на вечере, устроенном в его честь, в котором он вкратце пересказал содержание указанной выше статьи в той ее части, что непосредственно касалась Сорокина (Правда, 22 ноября 1918. С. 3). 28 ноября 1918 г. в «Правде» была опубликована статья Л. Сосновского «Питирим Сорокин и Евгений Трупп (Из настроений народнической интеллигенции)», в которой автор выдвигал следующую версию «отречения» Сорокина: «На Сорокина, по-видимому, отрезвляюще подействовало поведение “союзников” в Архангельске, где англичане без всяких церемоний сбросили эсеров и меньшевиков, посадив на их место черносотенных генералов-монархистов. Всякий честный, не продавшийся англичанам человек должен был на месте Сорокина прийти к мысли, что союзники нисколько не лучше Вильгельма “освобождают” русский народ и что политика партии, построенная всецело на союзниках, ведет к закабалению народа все теми же империалистами, только под другой маркой». — 487

- 50* См. статью П.А. Сорокина «“Смена веков” как социальный симптом», напечатанную в «Вестнике литературы» (1921. № 12 (36). С. 1–3). — 488
- 51* См. прим. 72* к первому очерку «Социологии революции». Вслед за Лениным с критикой в адрес Сорокина выступили М.В. Серебряков в книге «Зомбарт и социология» (Л., 1928), И. Боричевский (Книга и революция. 1921. № 4), В.И. Невский (Красная новь. 1921. № 2; Под знаменем марксизма. 1922. № 7–8), М. Рейснер (Печать и революция. 1921. Кн. 21). Подробнее о марксистской критике П.А. Сорокина см. в статье С.С. Бормотова «Борьба советских ученых-марксистов против социологических идей П. Сорокина в первые послеоктябрьские годы (1917–1922)» (Философские науки. 1971. № 3). — 488
- 52* Что позволено Юпитеру, не позволено быку (*лат.*). — 488
- 53* На Генуэзской и Гаагской конференциях 1922 г. (10 апреля – 19 мая и 15 июня – 19 июля, соответственно) представители советских делегаций, возглавляемых в Генуе Г.В. Чичериным, в Гааге – М.М. Литвиновым, пытались установить дипломатические отношения Советской России с рядом западных государств. Отношения были установлены только с Германией (что на много лет предопределило «прогерманскую» ориентацию внешней политики Советского Союза). Остальные попытки не увенчались успехом. — 490
- 54* Процесс по делу правых эсеров проходил в июле–августе 1922 г., в том же году прошли два церковных процесса: петроградский (9 июня – 5 июля) и московский (26 апреля – 7 мая). Подробнее о них см. в 9-й главе 1-й части «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына, а также «Дело митрополита Вениамина». М., 1991. — 493
- 55* Слова отца Паисия из романа Ф.М. Достоевского, которые неоднократно приводит П.А. Сорокин в своих сочинениях российского периода творчества (с одним и тем же искажением; у Достоевского – «Сие и буди, буди!»). См.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. СПб., 1895. Т. 12. С. 75, 79. — 495

- 56* *Карлейль Т. Sartor Resartus*. М., 1902. С. 41. — 495
- 57* Ср. современный перевод Г.А. Стратановского: *Фукидид*. История. Л., 1981. С. 146–149. — 497
- 58* См. прим. 98* к первому очерку «Социологии революции». — 500
- 59* В книге И. Тэна «Происхождение современной Франции» (русский перевод: 1907. Т. 1–7) резко осуждается якобинская диктатура и, по существу, вся Великая французская революция. — 501
- 60* См. прим. 72* к первому очерку «Социологии революции». — 501
- 61* См. прим. 87* к первому очерку «Социологии революции». — 503
- 62* О покушении на Ленина и Урицкого см. прим. 89* к первому очерку «Социологии революции». В. Володарский был убит эсером в Петрограде 20 июня 1918 г. — 503
- 63* Имеется в виду статья Е.Д. Кусковой «А что внутри» (Воля России. 1922. № 6), написанная по поводу статьи П.А. Сорокина «Нравственное и умственное состояние России». Сорокин ответил статьей «Еще раз о моральном состоянии России» (помещена ниже в настоящем разделе). Статью Е.Д. Кусковой см. в Приложении III.
- А.Б. Петрищев выступил против П.А. Сорокина со статьей «О народной нравственности» (Дни. Берлин. 1922. № 37. 12 декабря, вторник, с. 1), аналогичной по своему тону и содержанию статье Кусковой. Сорокин в ответ прислал в газету гневную «поправку», где опроверг слова Петрищева и рекомендовал читателям обратиться к его (Сорокина) статье в «Воле России», в которой изложены его настоящие взгляды. Петрищев в свою очередь поместил в «Днях» еще одну статью в ответ на «поправку» Сорокина («Еще о нравственности и революции» // Дни. 1922. № 45. 21 декабря, четверг, с. 1–2).
- Своеобразный итог развернувшейся полемики подвела Е.К. Брешко-Брешковская, выступившая со статьей «Непримиримое (К спору Сорокин — Петрищев)» (Дни. 1923, № 80. 3 февраля, суббота, с. 1). И хотя в самой статье «бабушки русской революции» имена Сорокина и Петрищева даже не упомянуты, из ее контекста видно, что Брешковская находится скорее на стороне Сорокина. Сорокин на сей раз не счел нужным отвечать Петрищеву в газете, ограничившись отповедью в «Современном состоянии России». — 504
- 64* *Кандид* — наивный и простодушный персонаж одноименной «философской повести» Вольтера, который принимает на веру слова философа Панглоса о том, что «все происходит к лучшему в этом лучшем из возможных миров». — 506
- 65* См. прим. 24*. — 505
- 66* Так проходит земная слава (*лат.*). — 509
- 67* Е.Ю. Рапп рассказывает, что когда Н.А. Бердяев был вызван вместе с ней на принудительные работы, он «был болен, у него была высокая температура.

В 5 ч. утра нам нужно было встать и идти на переключку. Было 35 гр. мороза. В холодном, темном помещении с низким потолком, едва освещенном керосиновыми лампами, собралась толпа “буржуев”. Каждого вызывали, выкрикивая номера. Плохо одетые люди, дрожащие от холода, измученные лица, позвякивание ружей, злые окрики командующего... Все напоминало одну из сцен дантовского ада. После переключки нас выстроили в колонны и окруженных солдатами, как каторжан, погнали за несколько верст, за город, колоть лед и очищать от снега железнодорожный путь. Когда мы дотащились до вокзала, мужчин отделили от женщин. Мужчины должны были колоть лед тяжелыми ломанами, женщины – нагружать этими глыбами вагоны. Около каждого вагона поставили двух женщин. Вместе со мной работала молоденькая девушка. Я никогда не забуду ее лица. В коротенькой кофточке и легких ботинках, посиневшими, дрожащими руками она подымала ледяные глыбы, из глаз ее текли слезы. В сумерки мы закончили погрузку. Я подошла к Н.А. Измученный, бледный он едва держался на ногах. Целый день мы ничего не ели. По окончании работы нам выдали по кусочку черного хлеба» (*Бердяев Н.А.* Самопознание. Париж, 1949. С. 252–253). Таким образом, Сорокин совершенно прав, считая такого рода работу «медленной смертной казнью». Нет ничего удивительного поэтому, что «безвременную кончину» проф. И.А. Покровского «врачи приписали усиленной носке дров» (*Вестник литературы.* 1920. № 4–6 (16–17). С. 24). – 511

68* АРА (Американская администрация помощи), Нансеновский комитет и Христианский союз молодых людей – организации, оказавшие Советской России огромную помощь во время голода 1921–1922 гг. Этим организациям Сорокин посвятил свою книгу «Голод как фактор». – 512

69* Имеется в виду дело так называемой «Петроградской боевой организации», которую возглавлял проф. В.Н. Таганцев. В «профессорскую группу» этой организации входили ректор Петроградского университета проф. Н.И. Лазаревский. Кн. Д.И. Шаховской, царский министр юстиции С.С. Манухин, проф. М.М. Тихвинский и другие. Н.С. Гумилев входил в состав «офицерской группы». Дело это, по-видимому, было сфабриковано следователем Петроградской ЧК Я. Аграновым («Агранычем» – впоследствии близким «другом» Маяковского). По этому делу к В.И. Ленину поступали многочисленные заявления и ходатайства в защиту многих участников «заговора». На ходатайство в защиту проф. М.М. Тихвинского Ленин наложил бессмертную резолюцию: «Химия и контрреволюция не исключают друг друга» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 53. С. 169). По делу ПВО было арестовано свыше 200 человек. Многие из них, в том числе Таганцев, Лазаревский и Гумилев, были расстреляны. – 513

70* См. прим. 11*. – 513

71* См. прим. 9* к первому очерку «Социологии революции». – 515

72* Решительно, прямо (*лат.*). — 516

73* См. прим. 38* к первому очерку «Социологии революции». — 517

74* Страшно сказать (*лат.*). — 519

75* Имеется в виду речь Сорокина на торжественном собрании в день 103-й годовщины Петроградского университета 21 февраля 1922 г., напечатанную в первой книге альманаха «Утренники» (1922) под названием «Отправляясь в дорогу». См.: *Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 410–414. — 521

76* Под «ограблением церквей» П.А. Сорокин имеет в виду насильственное изъятие церковных ценностей под предлогом необходимости помощи голодающим. Насильственное изъятие происходило по личному указанию В.И. Ленина и осуществлялось (как и было задумано с самого начала) с величайшей жестокостью. Письмо Ленина по поводу предстоящего изъятия церковных ценностей, адресованное членам Политбюро, опубликовано — после многолетнего заговора молчания — в России почти одновременно в еженедельнике «Собеседник» (1990. № 16), журналах «Наш современник» (1990. № 4) и «Известия ЦК КПСС» (1990. № 4). См. также статью прот. Льва Лебедева «Церковь на Голгофе» (Советская литература, 1990. № 1. С. 80).

Официальная информация об изъятии церковных ценностей появлялась в газетах после начала «кампании» почти каждый день. 19 мая 1922 г. «Красная газета», например, поместила заметку «Изъятие ценностей в Исаакиевском соборе», в которой писалось следующее: «Вчера происходило изъятие ценностей из Исаакиевского собора. Между прочим, взяты гробница из-под плащаницы, много подсвечников и ризы с икон. Изъятые ценности на двух грузовых автомобилях доставлены непосредственно в губфинотдел, где производится точная опись и взвешивание их».

Как часто бывает в истории, трагическое соседствует с фарсом. Здесь же читаем забавную статейку под названием «Очередная провокация»:

«В последние дни усиленно распространяются нелепые слухи о вскрытии гробниц в Петропавловском соборе, причем якобы оказалось, что Петр Первый лежит как живой.

Распространители этих провокационных слухов связывают вскрытие гробниц с изъятием ценностей — их будто бы искали и в гробницах, будто с Екатерины Второй сняли жемчужный браслет, а у Петра Первого хотели снять кольцо с руки, но тут произошло “чудо”: “Петр Первый сжал руку и показал кулак”.

Чтобы положить конец этой злостной клевете, являющейся, очевидно, делом тех, кто организует “протесты” против изъятия церковных ценностей и личность которых достаточно выяснили судебные процессы последнего времени, комендатура Петропавловской крепости заявляет, что ничего подобного в действительности не было».

Вопреки грозному заявлению, хочется верить, что — было. — 522

77* Спаси, Господи (*греч.*) — начало молитвы. — 523

78* Имена этих священников — А.И. Введенский, В. Красницкий, Калиновский, Белков и псаломщик Стадник. Первый их визит в Донской монастырь к находившемуся в то время под следствием патриарху Тихону состоялся 12 мая 1922 г. и не дал никаких результатов. 18 мая они вторично посетили патриарха, который на этот раз согласился передать церковные дела митрополиту Агафангелу, которого он назначил своим преемником. Вместо этой передачи означенные выше священники организовали собрание Живой Церкви, на котором приняли решение о созыве поместного собора. — 523

79* Журнал «Экономист» — орган промышленно-экономического отдела Русского технического общества — выходил с конца 1921 до июня 1922 г. (издание прекратилось на 5-м номере). Журнал по неосторожности главного редактора Д.А. Лутохина привлек внимание В.И. Ленина. В письме к Дзержинскому от 19 мая 1922 г. Ленин писал по поводу журнала «Экономист»: «Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В № 3 (только третьем!!! это nota bene!) напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, почти все — законнейшие кандидаты на высылку за границу» (*Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 54. С. 265–266*). Если не видеть воочию тот «список сотрудников» журнала, на который Ленин советует Дзержинскому обратить внимание, то может сложиться впечатление, что Ильич имеет в виду какую-нибудь незначительную кучку «белогвардейцев», насчитывающую пять-шесть, максимум десять-двадцать человек. Это заблуждение: список лиц, привлеченных к участию в «Экономисте», насчитывает 53 (пятьдесят три!) человека. Вот он полностью: Н.А. Бердяев, А.Д. Брейтерман, Б.Д. Бруцкус, А.И. Буковицкий, С.Н. Булгаков, Я.М. Букшпан, А.Н. Вентцель, Б.Б. Веселовский, П.П. Гензель, В.Э. Ден, В.Я. Железнов, К.Я. Загорский, А.К. Зайцев, С.И. Зверев, Е.Л. Зубашев, А.С. Изгоев, Я.А. Канторович, Л.Б. Кафенгауз, И.А. Кириллов, В.И. Ковалевский, Н.Д. Кондратьев, Н.А. Крюков, И.М. Кулишер, С.М. Левин, В.В. Леонтьев, Я.Б. Лившиц, Л.Н. Лимошенко, Д.А. Лутохин, А.А. Мануйлов, Л.Н. Маррес, Н.В. Монахов, И.Х. Озеров, К.А. Пажитнов, П.А. Пальчинский, С.А. Первушин, М.Я. Пергамент, А.С. Посников, А.Н. Потресов, Д.Д. Протопопов, Л.М. Пумпянский, Н.Г. Петухов, А.Л. Рафалович, М.Н. Соболев, С.И. Солнцев, П.А. Сорокин, Е.В. Тарле, В.Н. Твердохлебов, М.П. Федотов, А.Н. Фролов, Г.Ф. Чиркин, Н.Н. Шапошников, В.М. Штейн и др. — 525

80* Имеется в виду обед, устроенный в честь Г.Уэллса в ноябре 1920 г. Евг. Замятин в своем очерке «Уэллс» дает краткое описание обеда и приводит список лиц, принимавших в нем участие: «Петербургские писатели и журналисты принимали Уэллса в Доме Искусств. Наскоро организованный обед превратился в торжественное чествование английского гостя с целым рядом речей. Говорили по-русски: А.В. Амфитеатров, В.Д. Боцяновский, А.С. Грин, М. Горький, И. Пунин. П. Сорокин, К.И. Чуковский, В.Б. Шкловский; по-английски: Ю.П. Данзас, Евг. Замятин, С.Ф. Ольденбург, В.А. Чудовский; речи

говоривших по-русски — переводились Уэллсу» (Вестник литературы. 1920. № 11(23). С. 16). — 527

81* См. примеч. 74*. — 529

82* *Евразийцы* — Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Флоровский и П.П. Сувчинский, издавшие в Софии в 1921 г. сб. статей «Исход к Востоку», в котором доказывалось, что Россия как Евразия — это особый этнографический мир. Подробнее см.: *Хоружий С.С.* Россия, Евразия и отец Георгий Флоровский // Начала. 1991. № 3. — 530

83* «Протоколы сионских мудрецов» были впервые изданы в России С. Нилусом в 1905 г. и затем неоднократно переиздавались (до революции). В «Протоколах» якобы излагается программа завоевания мира евреями. В настоящее время большинство исследователей признают текст «Протоколов» фальшивкой. Подробнее см.: *Кон И.* Благословение на геноцид. М., 1991. Одним из первых разоблачителей фальшивок был близкий друг Сорокина Ю. Делевский, который в 1923 г. в Берлине издал книгу «Протоколы сионских мудрецов. История одного подлога». Весьма вероятно, что Сорокин был осведомлен об этой работе.

Из последних переизданий «Протоколов» укажем репринт книги: *Нилус С.* Грядущий антихрист и царство дьявола на земле. Сергиев Посад, 1911, а также: *Нилус С.* Великое в малом. Ново-Николаевск, 1993. — 531

84* Перефразированный девиз партии эсеров: «В борьбе обретишь ты право свое». — 533

85* В зародыше, в будущем (*лат.*). — 533

86* Здесь: по охвату (*лат.*). — 534

87* П.А. Сорокин приводит цитаты из заключительной главы книги Г. Лебона «Психология социализма» (СПб., 1908), один из параграфов которой имеет название: «Что обещает успех социализма тем народам, среди которых он восторжествует». Цитаты, подобранные Сорокиным, дают вполне ясное представление о том, что именно обещает успех социализма означенным народам. Исчерпав все логические аргументы против социализма, Лебон тем не менее с сожалением вынужден признать, что одной только логикой победить социализм нельзя. И поэтому, продолжает он, «нужно, чтобы хотя бы одна страна испытала его на себе в назидание всему миру. Это будет одна из тех экспериментальных школ, которые в настоящее время одни только могут отрезвить народы, зараженные болезненным бредом о счастье, по милости лживых внушений жрецов новой веры.

...Если это произойдет в Европе, то все заставляет предполагать, что жертвою его будет бедная (!), наполовину разоренная (!!) страна, как, например... (?!!) Италия» (Указ. соч. С. 371). Ошибка Лебона, указавшего «не ту страну», связана с тем обстоятельством, что ко времени написания им «Психологии социализма» тенденция «затягивания» социализма все дальше на восток еще не совсем обозначилась. И, пожалуй, никто в то время не мог

предвидеть, что социализм, легким зефиром пропорхав над породившей его Европой, безжалостным бореem обрушится на Восток, и чем дальше на восток, тем безжалостнее будет этот бореeй, достигнув на сегодняшний день максимума жестокости в несчастной Кампучии. За этим малым исключением во всем остальном мудрый провидец Лебон оказался прав. И совсем не зря он в течение долгих десятилетий числился в советских словарях и энциклопедиях как «эклектик» и «реакционер». — 535

88* Перефразированные слова Ивана Карамазова из романа Ф.М. Достоевского, восходящие в свою очередь к высказыванию В.Г. Белинского. — 535

89* О родителях и о происхождении П.А. Сорокина см. статью А.В. Липского в 1-м томе «Системы социологии» (М., 1993). Отец Сорокина «Александр Прокопьев Сорокин», согласно записи в метрической книге турьинской Воскресенской церкви, имел «звание» мещанина (Социологические исследования. 1990. № 2. С. 120).

Здесь же Сорокин использует формулу, зафиксированную в его официальной биографии как кандидата в члены Учредительного собрания. В Вологде в 1917 г. была издана брошюра «К выборам в Учредительное собрание по Вологодской губернии», где на последней, 22-й странице напечатана краткая биография Сорокина (написанная, вероятнее всего, им самим):

«Родился в 1889 году. Отец — ремесленник, мать — крестьянка. Детство провел в зырянах, работая с отцом и выполняя крестьянскую работу. С 11 лет остался круглым сиротой и с тех пор жил своим трудом, много голодал.

Сам научился грамоте. Кончил сельскую школу в с. Палевицах. Потом учился в Гамской второклассной школе. По окончании ее поступил в Хреновскую церковно-учит[ельскую] школу. По зимам учился, а летом занимался крестьянской работой, помогая своей тетке, крестьянке А. Римских, в д. Римье, Яренского у[езда]. В партию соц[иалистов]-револ[юционеров] вступил в 1905 г. В 1906 г. был арестован, просидел полгода в тюрьме в г. Кинешме и выслан оттуда после освобождения. Четыре месяца после освобождения работал в качестве пропагандиста в Поволжье. В 1907 г. «зайцем» проехал в Петроград. Благодаря содействию К.Ф. Жакова поступил на Черняевские курсы. В 1909 г. сдал экстерном экзамен на аттестат зрелости и поступил в Психоневрол[огический] институт. В 1909 г. перешел в университет. В 1914 г. его кончил и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1917 г. сдал магистерские экзамены и получил звание приват-доцента Петроградского университета.

За все это время Сорокин не покидал революционной работы и среди студенчества, среди рабочих и среди крестьян. В 1911 г. принужден был во избежание ареста бежать из Петрограда сначала в Подолию, потом за границу. В 1913 г. был арестован снова. За все это время Сорокиным был издан ряд научных работ, из которых многие, в частности книга «Преступление и кара, подвиг и награда», обратили на себя внимание, как русской, так и европейской науки.

При выборах кандидатов в Учредительное собрание от крестьян Сорокин был выдвинут кандидатом на крестьянских съездах Усть-Сысольского и Яренского уезда. Сверх того, кандидатура Сорокина была выдвинута и партией социалистов-революционеров.

В настоящее время П.А. Сорокин состоит прив[ат]-доцент[ом] Петроградского университета, Психоневрологического института и народного университета имени Лутугина, членом бюро Исполнительного комитета все-русского совета крестьянских депутатов, редактором газеты соц[иалистов]-рев[олюционеров] «Воля народа», членом особого совещания по выработке закона об Учред[ительном] собрании и секретарем министра-председателя А.Ф. Керенского». — 535

90* См. прим. 17*. — 536

91* См. прим. 55*. — 537

Приложение II.

Письма П.А. Сорокина к Н.Е. Шаповалу

Печатаются по тексту рукописей, хранящихся в Центральном Государственном архиве высших органов власти и управления Украины. Ф.3563. Оп. 1. Д.200. Некоторые из этих писем с сокращениями и рядом неточностей были опубликованы Ю.В. Дойковым в «Социологическом журнале» (1999. № 3/4).

Никита Ефимович Шаповал (1882–1931) — видный украинский общественный и политический деятель, поэт, публицист и социолог, участник революционного движения на Украине, по профессии лесничий. В годы революции и гражданской войны занимал ряд общественных и государственных постов в правительстве Центральной Рады, был одним из организаторов Украинской партии социалистов-революционеров, входил в состав ее ЦК; во время Директории был министром земледелия. В 1917 г. Е.Н. Шаповал — один из авторов Универсала Украинской Центральной Рады, провозгласившего независимость Украины (П.А. Сорокин в газете «Воля народа» 15 июня 1917 г. назвал «Универсал» «еще одним ножом в спину революции»; см.: *Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика*. СПб., 2000. С. 72). С 1920 г. и до конца жизни Н.Е. Шаповал жил в Праге, где он создал ряд независимых учебных и научных заведений, издавал журнал «Суспільство», поддерживал широкие контакты с западными социологами. Н.Е. Шаповал, «отец украинской социологии» — автор более 50 научных работ, некоторые из них в настоящее время переизданы на Украине (Социология украинского возрождения. Киев, 1994; Общая социология. Киев, 1996).

I

- ^{1*} Кооперативное издательство «Колос» в Петрограде (в 1918–1926 гг.) возглавлял близкий друг П.А. Сорокина Ф.И. Витязев-Седенко (в прошлом тоже член партии эсеров). В этом издательстве вышли два тома «Системы социологии» П.А. Сорокина (в 1920 г.), готовился к изданию его труд «Голод как фактор». Из других изданий, которые могли заинтересовать Н.Е. Шаповала, можно назвать сборник: «П.Л. Лавров: Статьи, воспоминания, материалы» (1922); *Бехтеев В.М.* Коллективная рефлексология (1921). Подробнее о Витязеве-Седенко и возглавляемом им издательстве см.: *Везирова Л.А.* Ф.И. Витязев // Книга. Исследования и материалы. М., 1986. Сб. 53. С. 79–96; *Ратнер А.В.* Под псевдонимом «Петр Витязев» // Советская библиография. 1986. № 3. С. 55–56; «Поздно мы с вами познакомились...» Из переписки И.Ф. Масанова и Ф.И. Витязева // Советская библиография. 1991. № 1. С. 125–132. № 2. С. 115–126 (предисловие, публикация, примечания Е.Н. Никитина); Об одном неосуществленном издательском замысле (Письма П.А. Сорокина к П. Витязеву) // Русская литература. 1993. № 1. С. 182–190 (предисловие С.А. Батюто). — 546
- ^{2*} Имеется в виду статья «Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп» (Вопросы изучения и воспитания личности. 1921. № 3). О статье, посвященной Лаврову, см. предыдущее прим., об остальных статьях — прим. 29* к «Современному состоянию России». — 546
- ^{3*} Имеются в виду статьи: «Обзор теорий и основных проблем прогресса» (Новые идеи в социологии. СПб., 1914. Сб. 3), «Категория “должного” и ее применимость к изучению социальных явлений» (Юридический вестник. 1917. Кн. 17). — 546
- ^{4*} Имеется в виду книга «Голод как фактор» (см. прим. 9* к первому очерку «Социологии революции»). — 546
- ^{5*} «Система социологии» — главный научный труд П.А. Сорокина российского периода его творчества. Весь труд, по замыслу автора, должен был состоять «по меньшей мере» из восьми томов и включать такие разделы, как «социальная аналитика», «социальная механика» и «социальная генетика». Изданные в 1920 г. два тома «Системы социологии» (переиздание: М., 1993) включали в себя только «социальную аналитику». Упрощенное и сокращенное изложение «социальной механики» было дано Сорокиным в его «Общедоступном учебнике социологии» (Ярославль, 1920; переиздание: М., 1994). В списке своих неопубликованных работ, вывезенных из России (см.: Новая русская книга. Берлин. 1922. № 10. С. 7–10), Сорокин называет и третий том «Системы социологии», посвященный учению о социальных силах (ок. 30 п. л.). Однако ни третий, ни последующие тома «Системы социологии» так и не были опубликованы. — 546

- 6* Тем не менее, Сорокин написал и опубликовал статью «Начало великой революции» (Вестник литературы. 1922. № 2–3), посвященную сборнику «Освальд Шпенглер и закат Европы» (М., 1922), состоящему из статей Н.А. Бердяева, Я. Букшпана, Ф.А. Степуна и С.Л. Франка. Но и в этой статье он отметил в скобках: «Я до сих пор не могу получить ее (т. е. книгу О. Шпенглера «Der Untergang des Abendlandes». — В.С.) в оригинале и потому не могу судить о ней адекватно. Общее же мое представление о ней, получившееся на основе знакомства с нею из вторых рук, далеко не благоприятно к книге как к научному произведению: что в ней есть верного — то старо, что новое — то неверно; ценность ее — ценность социального симптома и лежит во вне-научной области» (Сорокин П.А. О русской общественной мысли. СПб., 2000. С. 175–176). — 546
- 7* Т.Г. Масарик находился в России с мая 1917 по март 1918 гг.; знакомство с ним П.А. Сорокина могло состояться до октября 1917 г.; книга, которую имеет в виду Сорокин, — «Россия и Европа», изданная в 1913 г. на немецком языке (рус. перевод — СПб., 2000). Подробнее о пребывании Масарика в России см.: Чапек К. Беседы с Т.Г. Масариком. М., 2000. С. 123–132. — 547

II

- 8* «Учебником социологии» и «учебником права» П.А. Сорокин называет, соответственно, свои книги: «Общедоступный учебник социологии» (Ярославль, 1920) и «Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве» (Ярославль, 1919); о «Системе социологии» см. выше, прим. 5*, о книгах издательства «Колос» — прим. 1*; «оттиски трех статей», — вероятно, некоторые из тех, которые перечислены в прим. 2* и 3*. «Преступление и кара и подвиг и награда» — первая книга П.А. Сорокина, изданная в Петербурге в 1914 г. (переиздание: СПб., 1999). — 548
- 9* Судя по всему, это как раз те книги, на которые П.А. Сорокин написал рецензии, напечатанные в журнале «Экономист» (1922. № 4): Hayes E. C. Introduction to the study of sociology. New York; London, 1921; Hayes E. C. Sociology and ethics. New York, 1921; Starch D. Educational psychology. New York, 1920; Ross E. A. The principles of sociology. New York, 1920. — 549
- 10* О перечисленных журналах см. прим. 35* к первому очерку «Социологии революции», о речи П.А. Сорокина — прим. 75* к «Современному состоянию России». — 549

III

- 11* «Parlament» — чешский общественно-политический журнал, издававшийся в Праге в 1921–1928 гг. — 550
- 12* См. следующее примечание. — 550

IV

- 13* Возможно, речь идет о книгах: *Chalupny E. System sociologie* (в 1922 г. были изданы две части это фундаментального труда в 15 частях); *Бочковский О.И. Национальная идея. 1918*; *Старосольский В. Теория нации, 1922.* — 552

VI

- 14* Письмо написано в Америке, куда П.А. Сорокин прибыл 3 ноября 1923 г.; в марте 1924 г. к нему присоединилась жена Елена Петровна Сорокина (урожд. Баратынская). Следует отметить, что хотя сам Сорокин в своей автобиографии пишет, что он «сошел с парохода на берег американского мегаполиса» «солнечным октябрьским днем» (см.: *Сорокин П.А. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992. С. 151*), эта дата ошибочна; дата 3 ноября 1923 г. указана Сорокиным в письме к Г. МакКракену от 8 ноября 1923 г. (см.: *Johnston B. V. Pitirim A. Sorokin. An intellectual biography. University Press of Kansas, 1995. P. 281*). Поскольку в письме Сорокин упоминает о «семи месяцах» жизни в Америке, письмо следует датировать июнем 1924 г. — 554
- 15* Указанная книга Э. Берджеса и Р. Парка вышла в 1921 г. и долгое время оставалась в США одним из основных трудов по общей социологии. — 554
- 16* Книга Сорокина «*Leaves from a Russian Diary*» вышла в декабре 1924 г., а «Социология революции» — в январе 1925 г. — 554
- 17* О первых месяцах пребывания Сорокина в Америке см.: *Сорокин П.А. Дальняя дорога. Автобиография. С. 151–158*; *Johnston B. V. Pitirim A. Sorokin. An intellectual biography. University Press of Kansas, 1995. P. 23–35*. Из трех статей, о которых Сорокин упоминает как об опубликованных, две указаны в прим. 22* и 34*, третья — статья о В.И. Ленине, написанная по поводу его смерти. Эта статья, которую обнаружил Ю.В. Дойков, была опубликована в «*Current History*» (March 1924; в переводе Ю.В. Дойкова напечатана в журнале «Новое время». 2000. № 2931, 20 января). — 554

VIII

- 18* «Суспильство» [«Общество»] — журнал, издаваемый Украинским институтом социологии в Праге под редакцией Н.Е. Шаповала. В сборнике V–VI (1927) «Суспильства» (с. 129–135) была опубликована (на украинском языке) статья П.А. Сорокина «Огляд найновішої американської соціологічної літератури» («Обзор новейшей американской социологической литературы»). — 558
- 19* Полный профессор (*англ.*). П.А. Сорокин, как всегда, несколько преувеличивает. Университет Миннесоты предложил ему должность «visiting full professor». т. е. профессора на половине ставки (2 тыс. долларов в год при максимальном окладе 4 тыс.); он читал три курса для студентов последнего курса (undergraduate): сельская социология, история социальных учений и современные социальные проблемы, а также вел два семинара. См.: *Johnston B. Op. cit. P. 28*; *Сорокин П.А. Дальняя дорога. С. 158.* — 558

- 20* Книга Сорокина «Social Mobility» вышла в свет в 1927 г. — 558
- 21* В октябре 1924 г. в США происходили выборы президента, на пост которого претендовали К. Кулидж, Дж. Девис и Лафолет; К. Кулидж, вице-президент в 1921–1923 гг., с 1923 г. фактически уже исполнял обязанности президента США после смерти президента У. Гардинга; поэтому на выборах 1924 г. он победил своих противников с большим перевесом (собрал 54% голосов) и стал 30-м американским президентом от Республиканской партии. — 558

IX

- 22* Имеется в виду статья «American Millionaires and Multimillionaires. A Comparative Statistical Study» (Американские миллионеры и мультимиллионеры. Сравнительное статистическое исследование) // The Journal of Social Forces. 1925. Vol. 3. № 4 (May). P. 627–640. — 559
- 23* «Пламя» — русское книгоиздательство в Праге (1923–1926), которым руководил Е.А. Ляцкий. — 560
- 24* Имеется в виду третий параграф шестого очерка: «Ущемление рефлексов питания и революции» (наст. изд. С. 324–375). — 560
- 25* По словам современного исследователя научного творчества П.А. Сорокина Б. Джонстона, книга «Листки из русского дневника» была встречена с «похвалой и критицизмом». Полковник А.Н. Николаев писал: «Эта книга имеет особое значение... ее следует рассматривать как человеческий документ, представляющий собой огромный интерес... Рассказ профессора Сорокина пока что является единственной книгой, написанной на английском языке русским очевидцем, охватившим события всего этого периода... с самого начала революции и вплоть до голода 1922 года... Несомненно, будущий историк революции в России найдет в “Листках из русского дневника” подтверждение фундаментальной идеи Токвиля о том, что революция, разрушая то, что она хотела разрушить и что несомненно развалилось бы даже само по себе, ничего нового не создает; наоборот, методы, которыми пользовались при монархическом режиме, используются и теперь, только они становятся еще более деспотичными» (*Nikolaeff A.N. Russia from Within* // New York Evening Post, 3 January 1925). Другие, пишет Б. Джонстон, были уверены в том, что книга является важным политическим заявлением. Луи Уэтмор доказывал, что книга Сорокина наносит удар по романтическим представлениям американцев о русском характере и русской революции. Она является необходимым противовесом для тех, плохо информированных писателей, которые относятся к России как к продолжению западной цивилизации и проводят неправильные параллели между революцией в России и революцией в Соединенных Штатах. Он согласился с анализом истоков и оснований власти большевиков, проведенным Сорокиным: «Профессор Сорокин, будучи русским, сообщает в своей книге некоторые довольно интересные подробности о революции и русском

характере. Он рисует перед нами противоречия и безнадежный хаос первых дней революции, когда все политические партии, за исключением большевиков, бесцельно тратили драгоценные часы на бесконечные разговоры — обычный порок русских. Большевики же действовали и действовали, руководствуясь лишь одной нехитрой теорией, согласно которой самый простой способ обеспечить себе власть — убивать любого, кто станет на их пути. Они и по сей день сохраняют свою власть, благодаря тому, что неукоснительно следуют этой программе» (*Wetmore L.H. Review of "Leaves from a Russian Diary" // Commonwealth, 4 March 1925. P. 469–470*). Были и такие, кто критически отнесся к Сорокину, считая его наивным сентименталистом. И.И. Смертенко пишет о нем как о гостиничном революционере, не имеющем мужества понастоящему рассмотреть революцию, сторонником которой он некогда был. Сорокин, по его мнению, быстро поменял свою позицию, когда увидел, что все необходимое для свержения монархии уже сделано. Смертенко считает, что книга дает «предвзятое и негативное представление о событиях, вершиной которых стал большевистский переворот» (*Smertenko J.J. Review of "Leaves from a Russian Diary" // New York Herald Tribune, 14 March 1925*). Кроме того, Сорокина подвергли критике и в Миннесоте, где некоторые члены факультета сочли его пристрастным и исторически недалеким (*Johnston B. Op. cit. P. 30–31*). — 560

- 26* The New Soviet Codes and Soviet Justice (Новый советский кодекс и советская юстиция) // *Michigan Law Review*. 1924, November. Речь в статье идет об Уголовном Кодексе РСФСР, принятом в 1922 г. — 560

XI

- 27* Имеется в виду статья Э. Росса «Индустриальный дуализм». — 562

- 28* См. прим. 20*. — 562

XII

- 29* По-видимому, речь идет об избрании П.А. Сорокина членом-корреспондентом Украинского института социологии, о котором см. следующее примечание. — 399

XIII

- 30* Имеется в виду устав Украинского Института Социологии в Праге (*Institut Ukrainien de sociologie a Prague*), директором которого был Н.Е. Шаповал. Институт располагался по адресу: Praha, Stare Mesto, Bartolomejska, 14. К сотрудничеству с Институтом Н.Е. Шаповал привлек (помимо Сорокина) многих видных американских и западноевропейских социологов: Э. Росса, Ч. Элвуда, Л. фон Визе и др. — 563

- 31* См., напр.: У.К. Абботт. Плоды революции / (*Saturday Review of Literature*.

1925. 11 April. P. 664; Джон Грирсон / *American Journal of Sociology*. Chicago, 1925. Vol. XXXI. № 3. November. P. 399–400. — 564

- 32* С Д.А. Лутохиным Сорокин познакомился еще в начале 20-х гг. в Петрограде, участвуя, как автор, в журнале «Экономист» и альманахе «Утренники», главным редактором которых и был Лутохин. В 1922 г. Лутохин, как и Сорокин, был выслан из Советской России и обосновался в Праге. Однако через пять лет он вернулся в СССР; о его негативном отношении к Сорокину свидетельствуют его неопубликованные мемуары «Школа жизни» (рукопись хранится в РГАЛИ) и написанный им в 1928 г. роман (тоже неопубликованный) «Пастыри зарубежные» (рукопись романа хранится в ИРЛИ (Ф. 529. Оп. 1. Д. 26). Письма П.А. Сорокина к Лутохину хранятся в ИРЛИ. Ф. 592. Оп. 1. Д. 239. — 564
- 33* Имеется в виду статья «Influence of the World War upon Divorces» (Влияние мировой войны на разводы) // *Journal of Applied Sociology*. 1925. Vol. 10 (November-December). P. 131–134. — 565
- 34* Имеется в виду статья «Monarchs and Rulers. A Comparative Statistical Study» (Монархи и правители. Сравнительное статистическое исследование) // *The Journal of Social Forces*. 1925. Vol. 4. № 4 (March). P. 523–533. — 565
- 35* Да здравствует бревенчатая хижина профессора Финни (*англ.*). — 565

XIV

- 36* Из содержания письма П.А. Сорокина от 30 ноября 1926 г. (№ XVIII) следует, что в конце концов Липпенкот пошел на значительные уступки и «Социология революции» в переводе на немецкий язык вышла в Мюнхене в издательстве J.F. Lehmann'a в 1928 г. (переводчик — Ганс Касполь). — 566
- 37* В «Archiv für Philosophie und Soziologie» (1926, Bd. 2. S. 462–483) была напечатана статья П.А. Сорокина «Die Russische Soziologie der Gegenwart im 20 Jahrhundert» (на английском языке эта статья появилась на страницах «*American Journal of Sociology*», 1927. Vol. 31. P. 57–69; рус. перевод И. Яковлева: Русская социология в XX веке // *Рубеж*. 1992. № 4. С. 9–20); статья «A Survey of the Ciclical Conception of Social and Historical Processes» напечатана в «*Social Forces*» (1927. № 5. P. 28–40; рус. перевод Н.В. Романовского: Обзор циклических концепций социально-исторического процесса // *Социологические исследования*. 1998. № 12. С. 205–220); о статье «Социальная мобильность» см. ниже, прим. 51*. — 566
- 38* По-видимому, речь идет о статье, упомянутой в прим. 18*. — 567
- 39* См. прим. 33* и 34*. — 567

XV

- 40* Издание «Социологии революции» на украинском языке не осуществилось. — 567
- 41* В этом номере журнала была напечатана статья Ст. Чапина «Застій родинного побуту в родинній культурі». — 567

XVI

- ^{42*} О какой книге П.Н. Милокова идет речь, непонятно: на «Историю второй русской революции» имеются ссылки уже в «Социологии революции», следующая книга Милокова «Россия на переломе» (в 2-х т.) была издана в 1927 г. Что касается книги И. Благи, то это, несомненно, «Социология рабочего и крестьянина» («Sociologie sedláka a delníka»), изданная в 1926 г. С профессором Благой П.А. Сорокин состоял в переписке с февраля 1928 г. и переписка эта продолжалась до самой смерти чешского социолога в 1960 г. Письма И. Благи к Сорокину хранятся в архиве Саскачеванского университета (Канада), два письма Сорокина к Благе (от 20 января и 1 марта 1928 г.) хранятся в Центральном архиве Чешской АН (inv. с. 188). В последнем из этих писем Сорокин просит И. Благу прислать ему указанную выше книгу «о социологии города и деревни». См.: П.А. Сорокин (1889–1968): Библиографический указатель (сост. Л.В. Давыдова). Сыктывкар, 2001. С. 173. О заметке в «Чешской мысли» см. прим. 17*. — 568
- ^{43*} По-видимому, речь идет о статье Ч. Эллвуда «Група та Суспільство» («Группа и общество»). — 568
- ^{44*} Чешский перевод «Социологии революции» издан не был, хотя еще в 1923 г. в журнале «Parlament» на чешском языке в переводе Вацлава Сметанки было напечатано «Введение» в «Социологию революции». См.: *Sorokin P.A. K sociologii revoluce. Úvod z knihy «Sociologie revoluce» // Parlament, Praha, 1923. Ročník III, číslo I. 1 ledna [январь]. С. 7–10. — 569*
- ^{45*} См.: *Ellwood Ch. The Psychology of Human Society. New York, 1925.* Глава VIII этой книги называется «Аномальные изменения внутри группы» (р. 250–274); переходя к рассмотрению «репрессивной теории революции», автор отмечает, что «эта теория разработана профессором Сорокиным в его книге “Социология революции”, которая написана в основном на материале русской революции», но при этом Ч. Эллвуд делает такую оговорку: «Впервые она (т. е. репрессивная теория революции. — В.С.) была описана автором данной книги в 1899 г.» (р. 257); ссылки на Сорокина имеются на с. 256, 258, 259 и 274. — 569
- ^{46*} Речь идет о будущей книге «Contemporary Sociological Theories» (New York; London, 1928). — 569
- ^{47*} Книга П. Барта (см. прим. 53*), была переиздана в Германии в 1922 г. — 569
- ^{48*} Имеются в виду книги Дж. Лихтенбергера «Development on Social Theory» (1923) и Э. Богардуса «Fundamentals of Social Psychology» (New York, 1924). — 569

XVIII

- ^{49*} Вероятнее всего, речь идет о книге Н.Е. Шаповала «Село і Місто» (Город и деревня), изданной в Праге в 1926 г. — 572
- ^{50*} Серия статей Э. Богардуса о «социальной дистанции» печаталась в «Journal of Applied Sociology» в 1925–1927 гг.; одна из этих статей, посланная в Прагу П.А. Сорокиным, напечатана в «Суспільстве» (1927. Сб. V–VI. С. 124–128) под

названием «Зміни соціальної дистанції в людських взаємовідносинах». — 572

- 51* Статья П.А. Сорокина «Social Mobility» была напечатана в «Journal of Applied Sociology» (1926. Vol. 9. Sept.-Oct. P. 146–52), в *Kölner Vierteljahrtshefte für Soziologie* (1927. Heft 2. S. 146–152) она была напечатана под названием «Soziale Bewegungsvorgänge»; две статьи, которые Сорокин высылает Н.Е. Шаповалу, вероятнее всего, — «Changes in Occupation and Economic Status of Several Hundreds of American Families During Four Generations» (Изменения в занятиях и экономическом статусе нескольких сот американских семей на протяжении четырех поколений) (Publications of American Sociological Society. 1926. Vol. 32. P. 236–240) и «Improverishment and the Expansion of Governmental Control» (Ослабление и усиление правительственного контроля) (American Journal of Sociology. 1926. Vol. 32, September. P. 206–216). — 572
- 52* О проведении летних каникул в годы жизни в Миннесоте и о своем подержанном «Форде-Т» П.А. Сорокин рассказывает в «Дальней дороге» (с. 167–168). — 572
- 53* Имеются в виду книги: *Barth P. Die Philosophie der Geschichte als Soziologie* Leipzig, 1897 (в русском переводе: *Философия истории как социология*. СПб., 1902); *Squillace F. Le dottrine sociologiche*. Roma, 1902; *Ковалевский М.М. Современные социологи*. СПб., 1905; *Barnes H.E. The New History and the Social Studies*. New York, 1925, о книгах Э. Богардуса и Дж. Лихтенберга см. выше, прим. 48*. — 573
- 54* На самом деле, на английском языке книга вышла в 1928 г., а ее немецкий перевод — в 1930 г. — 573

XIX

- 55* В 1927 г. Н.Е. Шаповал как директор Украинского Института Социологии в Праге был в командировке в Америке с целью установления связей института с американским научным сообществом и ознакомления с состоянием общественных наук в США; во время поездки он посетил 14 городов, где были украинские диаспоры: Нью-Йорк, Чикаго, Детройт, Бостон, Рочестер, Скрантон и др. Во время своих поездок Н.Е. Шаповал прочел 34 лекции, на которых присутствовало много народа. В Киевском архиве хранится дневник Шаповала (1926–1927) (фонд Д. 119-а), в котором содержится много информации о его встречах и беседах с П.А. Сорокиным (см.: *Миронец Н. Обзор фонда Шаповала // Русская, украинская и белорусская эмиграция между двумя мировыми войнами*. Praha, 1995. С. 569). — 573

XXII

- 56* Книга «Principles Rural-Urban Sociology» вышла в свет в Нью-Йорке в 1929 г.; упомянутая трехтомная работа: «A Systematic Source Book in Rural Sociology» — в 1930–1932 гг. (обе работы написаны в соавторстве с К. Циммерманом, в составлении антологии принимал участие С.Г. Galpin). — 575

- 57* Рецензия Л. фон Визе на книгу П.А. Сорокина «Contemporary Sociological Theories» напечатана в «Kölner Vierterterjahr für Soz» (1929/1930, Hefte 1. S. 109–115)». Формальную школу фон Визе П.А. Сорокин «разнес» в IX-й главе своей книги (New York; London, 1964. P. 493–497). — 575
- 58* Историю своего перехода в Гарвардский университет П.А. Сорокин подробно излагает в своей автобиографии «Дальняя дорога» (с. 172–177). — 576
- 59* С индийским профессором Б.К. Саркар П.А. Сорокин переписывался с июня 1928 г. по май 1944 г. Саркар — автор целого ряда работ о Сорокине См.: Питирим Александрович Сорокин (1889–1968): Биобиблиографический указатель (сост. Л.В. Давыдова). Сыктывкар, 2001. С. 134–135, 234. — 576
- 60* В своей автобиографии П.А. Сорокин пишет, что над «Социальной и культурной динамикой» он начал работать с осени 1929 г. (см.: *Сорокин П.А. Дальняя дорога*. С. 172). Первые три тома этого труда вышли в 1937 г., четвертый — в 1941; на русский язык переведен только сокращенный его вариант в одном томе (СПб., 2000). — 577

XXIII

- 61* Этот замысел П.А. Сорокину удалось реализовать только через двадцать лет: в 1950 г. вышла его книга «Social Philosophies of an Age of Crisis» («Социально-философские учения в эпоху кризиса»); второе издание этой книги в 1963 г. вышло под названием «Modern Historical and Social Philosophies» («Современные исторические и социально-философские учения»). — 579

XXVI

- 62* По обязанности, здесь: по специальности (*лат.*). — 581
- 63* Имеется в виду «великая депрессия», начавшаяся с обвала на нью-йоркской бирже 29 октября 1929 г., когда за несколько часов Уолл-стрит потерял на падении курса акций более 10 млрд долларов. В период с 1929 по 1932 гг. валовой национальный продукт США упал со 103 млрд долларов до 58 млрд, численность безработных в стране достигла в 1932 г. 12 млн человек. — 582
- 64* Речь идет о рождении старшего сына Сорокиных Петра, который впоследствии закончил Гарвардский университет, защитил докторскую диссертацию по прикладной физике и работал как физик-исследователь в «Ай-Би-Эм» (см.: *Сорокин П.А. Дальняя дорога*. С. 183). — 583

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Аббот** (Abbott) Уилбер Кортез (1869–1947), американский историк, деятель культуры и публицист, в 1920–1947 гг. профессор Гарвардского университета — 563, 564
- Абдул-Гамид II** (1842–1918), турецкий султан, правивший в 1876–1909 гг. и свергнутый в результате Младотурецкой революции; в 1890-х гг. по его указу были организованы жестокие армянские погромы (отсюда его прозвище «Кровавый»), умер в заключении в Стамбуле — 377
- Август** (Augustus) Гай Юлий Цезарь (69 г. до н.э. — 14 н.э.), римский император (с 27 г. до н.э.), основатель принципата — формы правления, при которой сохранялись республиканские институты — 84, 97, 111, 134, 151, 157, 163, 195, 223, 224, 249, 251, 252, 265, 267, 341, 408, 409
- Авогадро** (Avogadro) Амедео (1776–1856), итальянский физик и химик — 27
- Авраамий Палицын** (до принятия монашества — Аверкий Палицын; ум. 1626), русский политический деятель и писатель, активно содействовавший победе ополчения под руководством К. Минина и Д. Пожарского — 132, 196
- Агис IV**, спартанский царь, правивший в 244–241 гг. до н.э.; начал проведение земельных реформ, предусматривавших возврат к установлениям Леонидом II — 64, 186, 196, 267, 337
- Адам и Ева** (библ.), первые люди, созданные Богом и изгнанные из Рая — 65
- Айртон** (Aytton) Генри (1611–1651), английский государственный деятель — 271
- Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1843. Т. IV — 369
- Алвердес** (Alverdes) Фридрих (1889–1952), немецкий биолог, профессор ряда немецких университетов, автор работ о социальном поведении животных — 581
- Александр III** («Миротворец») (1845–1894), российский император с 1881 г. — 398, 429
- Александра Федоровна** (урожденная принцесса Алиса Гессен-Дармштатская) (1872–1918), императрица, жена императора Николая II с 1894 г. — 398
- Письма императрицы Александры Федоровны // Переписка Николая и Александры Романовых. Берлин; М.; Л., 1922. Т. 1 — 398
- Алексей Михайлович** (1629–1676), русский царь с 1645 г. — 163, 368
- Алкивиад** (ок. 450–404 до н.э.), афинский стратег в период Пелопоннесской войны — 207, 454
- Алексеев** Михаил Васильевич (1857–1918), русский генерал, в 1915–1917 гг. начальник Штаба Верховного главнокомандующего — 202
- Альба** (Alba) Альварес де Толедо Фернандо (1507–1585), герцог, испанский военачальник и государственный деятель, в 1567 г. по поручению испанского короля Фердинанда II вторгся с сильной армией в Нидерланды и обрел на казнь тысячи людей, в 1573 г. был отозван в Испанию — 472
- Амар** Жан Пьер Андре (1755–1816), участник Великой французской революции, депутат Конвента, член Комитета общественной безопасности — 145
- Аммон** (Ammon) Отто (1842–1916), немецкий социолог, представитель социал-дарвинизма — 216, 240
- Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen. Jena, 1895 [Общественный порядок и его естественные основания] — 216, 240
- Андреев** Леонид Николаевич (1871–1919), русский писатель и драматург — 202, 427, 453
- Анрио**, французский фабрикант, дом которого в Париже был разгромлен рабочими накануне Великой французской революции — 168, 360
- Антоний** Марк (Marcus Antonius) (ок. 83–30 г. до н.э.), римский политический деятель и полководец — 111, 223, 252, 267, 454
- Антонин** (Грановский), архиепископ, один из деятелей «обновленческого» движения — 524
- Антрег** Эммануэль Анри Луи Александр де Лонэ, граф (1753–1812), французский публицист, депутат Учредительного собрания, роялист — 146
- Анучин** Дмитрий Николаевич (1843–1923), рус-

- ский антрополог, географ, этнограф и археолог, один из основоположников антропологии в России – 201
- Апшиан** (ок. 100 – ок. 170 гг. н.э.), греческий историк из Александрии, автор «Истории Рима» в 24 книгах, в которых содержится достаточно полное описание римских гражданских войн – 206
- Аристид** (ум. ок. 468/467 до н.э.), афинский политический деятель и стратег, предводительствовавший афинянами в битве при Платеях – 198
- Аристотель** (384–322 до н.э.), древнегреческий философ – 336, 402
Политика – 336
- Аристофан** (ок. 445 – ок. 386), древнегреческий поэт и комедиограф – 96
- Арманьяки и Бургиньоны** – группировки крупных феодалов во Франции 1-й половины XV в., боровшиеся между собой за власть во время правления слабоумного короля Карла VI (1380–1422) – 354
- Арнольд Брешианский** (Arnaldo da Brescia) (кон. XI / нач. XII вв. – 1155), итальянский политический деятель, борец против католической церкви – 302, 345
- Аронович Г.**, детский врач – 155
Детская преступность // Психиатрия, неврология и экспериментальная психология. 1922. Вып. I – 155
- Арсеньев** Константин Константинович (1837–1919), русский публицист, юрист, один из руководителей партии демократических реформ, почетный академик Петербургской академии наук – 201, 453
- Арцыбашев** Михаил Петрович (1878–1927), русский писатель – 126
Санин. СПб., 1908 – 126
У последней черты // Земля. 1910–1912, сб. 4, 7, 8 – 126
- Афанасьев** Георгий Емельянович (1848–?), русский историк и журналист, с 1879 г. директор Одесского общества взаимного кредита – 116, 349, 358, 360, 361
Условия хлебной торговли во Франции в XVIII веке. Одесса, 1892 – 359
Исторические и экономические статьи. Издание почитателей и друзей. Киев, 1908–1909. Т. I–II – 116, 349, 358, 359, 360, 361
- Бабёф** (Babeuf) Франсуа Ноэль (Гракх) (1760–1797), французский философ-утопист, руководитель движения «во имя равенства» – 208, 252, 390
- Бабкин** Борис Петрович (1877–1950), русский физиолог, автор трудов по физиологии пищеварения, с 1922 г. в эмиграции – 48
- Бакунин** Михаил Александрович (1814–1876), русский философ и революционер, идеолог анархизма – 252
- Бальи**, Байи (Bailly) Жан Сильвен (1736–1793), французский астроном, в годы Великой французской революции мэтр Парижа, автор воспоминаний – 86
- Бальмонт** Константин Дмитриевич (1867–1942), русский поэт-символист – 126
- Барбюс** (Barbusse) Анри (1873–1935), французский писатель и общественный деятель, побывав в Советской России в 1921 г., писал, что возникновение социалистического государства есть «крупнейшее и прекраснейшее явление в мировой истории» – 517
- Барер** де Въезак Бертран (1755–1841), деятель Великой французской революции, якобинец, член Комитета общественного спасения – 117, 147, 314
- Барнав** Жозеф (1761–1793), деятель Великой французской революции, депутат Учредительного собрания – 86
- Барнз** (Barnes) Гарри Элмер (1889–1968), американский социолог, историк культуры и публицист, преподавал социологию, а также педологию и криминологию в ряде университетов и колледжей США – 564, 573
- Баррас** (Barras) Поль Жан Франсуа Никола (1755–1829), деятель Великой французской революции, депутат Конвента, член Комитета общественной безопасности – 117, 141, 252, 268, 314
- Барт** (Barth, Bart) Пауль (1858–1922), немецкий педагог, философ, социолог, профессор Лейпцигского университета – 569
- Бауэр** (Bauer) Бруно (1809–1882), немецкий философ-младогегельянец, приват-доцент Берлинского и Боннского университетов, во время революции 1848 г. вместе с братом Эдгаром входил в состав Франкфуртского национального собрания – 259
- Бах** (Bach) Иоганн Себастьян (1685–1750), немецкий композитор и органист – 440
- Бек** (Beake), английский политический деятель, майор, член Палаты лордов, протестовавший против решения о ее роспуске, принятом Палатой общин в 1658 г. – 316
- Белелобский** Николай Аполлонович (1859–1922), русский инженер и ученый в области строительной механики и мостостроения – 201, 453
- Белецкий** Степан Петрович (1873–1918), в 1907–1909 гг. самарский вице-губернатор, в 1914–1915 гг. директор департамента полиции, в 1915–1916 гг. товарищ (заместитель) минист-

- ра внутренних дел; арестован при Временном правительстве, расстрелян чекистами — 398
Воспоминания // Архив русской революции. Берлин, 1923, кн. XII — 398
- Белох** (Beloch) Карл Юлиус (1854–1929), немецкий историк античности — 83, 96
- Белый** Андрей (псевдоним Бориса Николаевича Бугаева) (1880–1934), русский поэт, писатель и литературный критик, теоретик символизма — 419
- Бенеш** (Beneš) Эдуард (1884–1948), государственный и политический деятель Чехословакии, в 1918 г. министр иностранных дел, в 1935–1938 гг. президент Чехословакии — 25
- Берг**, немецкий статистик, установивший связь между годичными колебаниями цен на хлеб в Германии и динамикой преступности — 327
- Бергсон** (Bergson) Анри (1859–1941), французский философ, лауреат Нобелевской премии по литературе (1928) — 40
- Берджесс** (Burgess) Эрнест Уотсон (1886–1966), американский социолог, один из основателей Чикагской школы, с 1934 г. президент Американского социологического общества — 554, 558
The Introduction to the Science of Sociology (1921; в соавторстве с Р. Парком) — 554, 558
- Бердяев** Николай Александрович (1874–1948), русский философ и публицист — 294
- Берман** (Bergman) Луи (1893–1946), врач, эндокринолог и невролог — 38
The glands regulating personality. 1921 [Железы и их влияние на личность] — 38
- Бернштейн** (Bernstein) Эдуард (1850–1932), немецкий социал-демократ — 28, 116, 285
Коммунистические и демократо-социалистические течения в Английской революции XVII в. // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907. Т. II — 116, 285
- Бернулли**, семья швейцарских ученых, родоначальник которой Якоб Бернулли (ум. 1583) был выходцем из Голландии; наиболее известны: Якоб Бернулли (1654–1705), математик, проф. Базельского университета; его младший брат Иоганн Бернулли (1667–1748), математик, деятельный сотрудник Лейбница в разработке дифференциального и интегрального исчисления, почетный член Петербургской АН; сын Иоганна Даниил Бернулли (1700–1782), математик, механик и физиолог, в 1725–1733 гг. работавший в Петербургской АН — 442
- Бествик**, английский врач, автор антипапистского и антиправительственного памфлета, который по решению Звездной палаты был приговорен (вместе с Прейном и Бортоном) к выставлению у позорного столба, отрезанию ушей, уплате штрафа в 5000 фунтов стерлингов и пожизненному заключению; приговор был приведен в исполнение 30 июня 1637 г. — 302
- Бетховен** (Beethoven) Людвиг ван (1770–1827), немецкий композитор — 440
- Бехтерев** Владимир Михайлович (1857–1927), русский психиатр и психолог — 39, 48, 126, 164, 174, 175, 176, 331, 332, 548
Общие основания рефлексологии. Пг., 1918 — 39, 48
Коллективная рефлексология. Пг., 1921 — 39, 174, 176
- Библия. Книги Священного Писания — 34, 383, 465
- Бине** (Binet) Альфред (1857–1911), французский психолог, в 1894 г. основавший ежегодник «L'annee psychologique» — 441
- Блага** (Bláha) Иноценц Арношт (1879–1960), чешский философ и социолог, близкий к школе Э. Дюркгейма, с 1921 г. профессор социологии в университете Брно — 568
- Блан** (Blanc) Луи (1811–1882), французский утопический социалист, историк и журналист, деятель революции 1848 г. — 144, 198, 270, 274, 362
Revolution française. Histoire de dix ans 1830–1840. Paris, 1877. Vol. III [Французская революция. История десяти лет. 1830–1840] — 362
- Бланки** (Blanqui) Луи Огюст (1805–1881), французский революционер — 252, 270
- Блейк** (Blake) Роберт (1599–1657), английский адмирал, во время гражданских войн 1642–1646 и 1648 гг. командовал отдельными кавалерийскими отрядами, действовавшими против роялистов, с 1649 г. на командных должностях во флоте — 208
- Блок** Александр Александрович (1880–1921), русский поэт — 202, 427, 453
- Блос** (Blos) Вильгельм (1849–1927), немецкий историк, публицист и политический деятель — 87, 99, 247, 259, 283, 366
Германская революция. История движения 1848 года в Германии. СПб., 1907 — 87, 99, 247, 259, 283, 366
- Блюм** Роберт (1807–1848), глава демократической партии Саксонии во время революции 1848 г. Будучи посланным франкфуртским парламентом в Вену, был там расстрелян 9 ноября контрреволюционными войсками Виндишгреца — 252
- Бойль** (Boyle) Роберт (1627–1691), английский химик и физик — 293

- Богардус** (Bogardus) Эмори Стивен (1882–1973), американский социолог и экономист, в 1911–1949 гг. профессор Южно-Калифорнийского университета – 562, 569, 572
- Боголепов** Михаил Иванович (1879–1945), русский экономист – 352
Европа после войны. Пг., 1921 – 352
- Болдуин** (Baldwin) Джеймс Марк (1861–1934), американский психолог, социолог, историк – 175
Духовное развитие детского индивидуума и человеческого рода. Методы и процессы. М., 1911–1912. Т. 1–2 – 40
- Боли** (Ball) Джон (ум. 1381), английский народный проповедник, идеолог левеллеров, в 1381 г. был арестован, но в том же году освобожден восставшими крестьянами и вместе с У. Тайлером встал во главе повстанцев; после поражения восстания был казнен – 64, 160, 224, 302
- Бонапарт** – см. **Наполеон I**
- Борис Годунов** (ок. 1552–1605), русский царь с 1598 г. – 367
- Борисов** Вячеслав Евстафьевич (1861–1941), генерал-майор (1907), военный писатель, до 1900 г. служил в Генеральном штабе, в 1910 г. вышел в отставку, во время Первой мировой войны находился при начальнике Ставки, в 1918 г. перешел на службу в Красную армию, позднее эмигрировал в Югославию, где и умер. Заведовал библиотекой Сербской военной академии – 219
- Боровский** Петр Фокич (1863–1932), русский врач – 203
- Бортон**, пуританский проповедник, автор памфлета, направленного против привилегий, предоставленных в Англии католикам, и против разращения королевского двора. По решению Звездной палаты был приговорен (вместе с Прейном и Бествиком) к выставлению у позорного столба, отрезанию ушей, уплате штрафа в 5000 фунтов стерлингов и пожизненному заключению; приговор был приведен в исполнение 30 июня 1637 г. – 65, 302
- Боссюэ** (Bossuet) Жак Бенинь (1627–1704), французский писатель, церковный деятель, епископ – 353
- Боули** (Bowley) Артур Лайон (1869–1957), английский экономист и статистик – 350
Wages in the United Kingdom in the nineteenth Century. 1900 [Заработная плата в Великобритании в XIX в.] – 350
- Бочковский** Ольгерд Иполит (1884/1885–1939), украинский социолог, общественный деятель, публицист, доцент Украинского свободного института – 552
- Бриссо** Жан Пьер (1754–1793), деятель Великой французской революции, лидер жирондистов – 86, 208
- Брока** (Brosa) Поль (1824–1880), французский анатом и антрополог – 209
- Брусилов** Алексей Алексеевич (1853–1926), русский генерал (с 1916 г.), в Первую мировую войну командующий Юго-Западным фронтом, с 1920 г. председатель Особого совещания при Главкоме Красной армии, затем служил в центральном аппарате Красной армии – 219, 252
- Брэстед** (Bregsted) Джеймс Генри (1865–1935), американский египтолог – 334, 335
История Египта с древнейших времен до персидского завоевания. М., 1915. Т. I – 334, 335
- Брюсов** Валерий Яковлевич (1873–1924), русский поэт-символист – 126
- Бугле** (Bouglé) Селестен (1870–1940), французский социолог, представитель школы Э. Дюркгейма, директор Высшей нормальной школы в Париже – 224, 403, 438, 446, 518
La démocratie devant la science. Paris, 1904 [Демократия с точки зрения науки] – 224, 403
- Буденный** Семен Михайлович (1883–1973), советский военачальник, в годы гражданской войны командующий 1-й Конной армией – 252
- Бузольт** (Busolt) Георг (1850–1920), немецкий историк античности – 83, 96, 111, 113, 337
Griechische Geschichte bis zur Schlacht des Chaeroneia. Gotha, 1897. Bd. III. Teil I. Teil II [Греческая история до битвы при Херонее] – 111, 337
- Бурбоны**, французская королевская династия, занимавшая престол в 1589–1792, 1814–1830 гг. – 157, 315, 355
- Бурсо**, Бурсо-Малерб (Boursault-Malherbe) Жан-Франсуа (1750–1842), деятель Великой французской революции, якобинец, автор нескольких комедий – 314
- Бурьшкин** Павел Афанасьевич (1887–1955), московский промышленник, в 1917 г. представитель торгово-промышленной группы при Временном правительстве, автор воспоминаний «Москва купеческая» (Нью-Йорк, 1954; М., 1991) – 239
- Бухарин** Николай Иванович (1888–1938), советский политический деятель, экономист и социолог – 486
- Буше** (Bushee) Фредерик-Александр (р. 1872), американский экономист и социолог – 558
Principles of Sociology [Принципы социологии] – 558
- Бэкингем**, Бекингем (Buckingham) Джордж Вильерс (1592–1628), герцог, английский полити-

- ческий деятель, фаворит и министр Якова I и Карла; парламент неоднократно обвинял его в многочисленных нарушениях и требовал суда над ним; был убит офицером Фелтоном — 396
- Бюлетень Центрального Статистического Управления Украины. 1922, № 7, № 2, № 9 — 122, 191
- Бюхер** (Bucher) Карл (1847–1930), немецкий экономист и статистик — 90, 403
Возникновение народного хозяйства. СПб., 1907. Т. I–II — 90, 403
- Вагнер** Владимир Александрович (1849–1934), русский биолог и психолог, основоположник сравнительной психологии в России, проф. Петербургского, затем Ленинградского университета (1906–1931), один из организаторов Психоневрологического института в Петербурге — 44
Биологические основания сравнительной психологии. СПб., 1913. Т. II — 44
- Вадлер**, статистик, изучавший связь между годовыми колебаниями цен на хлеб и динамикой преступлений против собственности в Сербии — 327
- Ваккаро** (Vassago) Микеланджело (1854–1937), итальянский социолог и юрист — 197
Les Bases sociologiques du Droit et de l'Etat. Paris, 1898 [Социологические основы права и государства] — 197
- Валицкий**, проф. [статья] // Врачебное дело. 1921, 1 февраля — 202
- Валлес** (Vallés) Жюль (1832–1885), французский писатель, участник Парижской Коммуны, автор романа «Инсургент» (Пг., 1921) — 246
- Валуа**, французская королевская династия, правившая в 1328–1589 гг. — 355
- Вальдман** В. А. К вопросу о клинике голодания // Юбилейный сборник в честь XXV-летия научно-исследовательской деятельности (1894–1919) проф. И. И. Грекова. Пг., 1921 — 329, 332
- Вальсинг** (Waltzing) Жан Пьер (1857–1929), бельгийский историк — 97, 341, 468
Étude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains. Louvain, 1896. Vol. II [Исторические очерки о профессиональных корпорациях у римлян] — 97, 341, 468
- Ван Ань-ши** (1021–1086), китайский государственный деятель-реформатор, ученый и писатель, в 1070–1076 гг. первый министр; пытался провести ряд демократических реформ, которые в результате противодействия крупных землевладельцев и ростовщиков в 1085 г. были отменены — 466
- Вандаль** (Vandal) Луи Жюль Альбер (1853–1910), французский историк — 117
Возвышение Наполеона. СПб., 1905 — 117, 131
- Ван-Кан** Жозеф, нидерландский социолог — 327
Экономические факторы преступности. М., 1915 — 327
- Варга** (Varga) Евгений Самуилович (1879–1964), философ и экономист, профессор политэкономии Будапештского университета (1918), нарком финансов, а затем председатель Высшего Совета народного хозяйства Венгерской советской республики, в 1919 г. эмигрировал в Советскую Россию, академик АН СССР (1939) — 218, 282
Die wirtschaftspolitischen Probleme der proletarischen Diktature. Wien, 1921 [рус. перевод: Проблемы экономической политики при пролетарской диктатуре. М., 1922] — 282
- Варрон** Марк Терренций (116–27 до н.э.), римский писатель и ученый-энциклопедист — 134, 195
- Василевский** Л. М., князь, примкнувший к большевикам, автор книги «Жуткая летопись голода» (1922) — 505
- Василий** — см. **Шуйский В. В.**
- Васильев** Н. А. Вопрос о падении законов Римской империи и античной литературы в историографической литературе и в связи с теорией истощения народов и человечества. Казань, 1921 — 206, 224
- Васильев** Ю. А. Очерки физиологии духа. Опыт объективной трактовки душевных явлений. Пг., 1923 — 38
- Вассерман** (Wassermann) Рудольф (р. 1884), криминалист и статистик, автор книги «Понятие и границы уголовной статистики. Логическое исследование» (Харьков, 1912) — 325
- Вацлав IV** (Václav) (1361–1419), чешский король с 1378 г., император «Священной Римской империи» в 1378–1400 гг. (низложен с немецкого престола курфюрстами); при нем началось Гуситское революционное движение, которому он некоторое время оказывал поддержку — 406
- Введенский** А. И., митрополит, один из основателей и лидеров «Живой церкви», проповедовавший «коммунистическое христианство» — 523
- Введенский** Николай Евгеньевич (1852–1922), русский физиолог, ученик И. М. Сеченова, член-корреспондент Петербургской академии наук — 202
- Вебб**, Уэбб (Webb) Сидней (1859–1947) и Беатриса (1858–1943), супруги с 1892 г., английские эконо-

- номисты и общественные деятели, идеологи тред-юнионизма и так называемого фабианского социализма – 350
История рабочего движения в Англии. СПб., 1899 – 350
- Вебер** Георг (1808–1888), немецкий историк, учитель, а потом директор высшей городской школы в Гейдельберге – 65, 133, 143, 154, 155, 186, 285, 379
- Всеобщая история. СПб., 1894. Т. 8 – 65, 133, 143, 154, 155, 186, 285, 379
- Вейсс** (Weiss) Альберт Пол (1879–1931), американский психолог-бихевиорист, автор работ по теоретической и экспериментальной психологии – 48
Relation between Structural and Behaviour Psychology // Psychological Review. 1917, № 4 [Соотношение между структуральной и бихевиористской психологией] – 48
- Вениамин** (в миру Казанский В. П.) (1874–1922), митрополит Петроградский и Гдовский. За сопротивление, оказанное советским властям при насильственном изъятии церковных ценностей (после того как согласие на добровольное пожертвование было уже дано), привлечен к суду и расстрелян в ночь с 12 на 13 августа 1922 г. – 202, 522
- Вересаев** (наст. фамилия Смидович) Викентий Викентьевич (1867–1945), русский писатель, литературовед и переводчик – 124
- Верньо** Пьер Виктюрьен (1753–1793), деятель Великой французской революции, депутат Законодательного собрания и Конвента – 86
- Верховский** Александр Иванович (1886–1938), русский военный деятель, генерал-майор (1917). Сначала был настроен против большевиков, но после ареста в 1918 г. изменил свои взгляды и в 1919 г. вступил в Красную армию – 219
- Вестермарк** (Westermarck) Эдвард (1862–1939), финский социолог и этнограф – 89, 119
History of the human Marriage. London, 1891 [История человеческого брака] – 119
The origin and development of the moral ideas. London, 1908. Vol. I–II [Происхождение и развитие нравственных идей] – 89, 90, 119
- Вестник Труда. 1920, № 3 – 107
- Веттинги** (правильнее Веттины: Wettin), саксонская династия – 403
Видение Петра Пахаря (правильно: Видение о Петре Пахаре), аллегорическая поэма английского поэта Уильяма Ленгленда (ок. 1330 – ок. 1400), написанная в 1362 г., ставшая особенно популярной в период Реформации и годы Английской буржуазной революции XVII в. – 302
- Вивиани** (Viviani) Рене (1871–1925), французский государственный деятель, премьер-министр Франции – 259
- Визе** (Wiese) Леопольд фон (1876–1969), немецкий социолог, представитель формальной школы в социологии, основатель (вместе с М. Шелером) Института социальных наук Кельнского университета, основатель и издатель (1921–1954) журнала по социологии и социальной психологии, который с 1921 по 1934 гг. выходил под названием «Kölner Vierteljahreshefte für Soziologie» – 576
Allgemeine Soziologie als Lehre von den Beziehungen und Beziehungsbildern der Menschen [Общая социология как учение об отношениях между людьми и их формировании]. München und Leipzig, 1924–1928. Teil I–II – 576
- Викентьев** Владимир Михайлович (1882–1960), русский египтолог, профессор, автор нескольких повестей, написанных на сюжеты из истории Древнего Египта, с 1924 г. сотрудник Каирского университета – 63, 83, 96, 111, 134, 142, 143, 154, 157, 159, 187, 205, 223, 395
Революция в древнем Египте // Новый Восток. 1922. Кн. 1, февраль – 63, 83, 96, 111, 134, 142, 143, 154, 157, 159, 187, 205, 223, 395
- Виллерме** (Villermé) Луи-Ренэ (1782–1863), французский врач и статистик – 140
Memoire sur la taille de l'homme en France // Annales d'hygiene publique et médecine légale. 1-er serie. Paris, 1829. Vol. 1 [Исследование роста мужчин во Франции] – 209
- Вильо** (Willot) Виктор Амедей де (1755–1823), граф, французский политический деятель, генерал, роялист, в 1798–1799 гг. командовал войсками, контролировавшими Марсель, участник «белого террора» – 248
- Вильсон** (Wilson) Эдвин Бидуэлл (1879–1964), американский математик и физик, профессор статистики – 581
- Виноградов** Павел Гаврилович (1854–1925), русский историк, специалист по истории Англии, в 1902 г. уехал в Великобританию, с 1902 г. профессор Оксфордского университета, после революции 1917 г. принял английское подданство – 556
- Виппер** Роберт Юрьевич (1859–1954), русский историк – 97
Очерки истории Римской империи. М., 1908 – 97

- Витте** Сергей Юльевич (1849–1915), государственный деятель – 163
Воспоминания. Берлин, 1922 – 398
- Виттельбахская династия**, **Виттельбахи** (Wittelsbacher), южно-германская династия, правившая в 1180–1918 гг. в Баварии – 403
- Владимир Василькович** (XIII в.), Галицко-Волынский князь – 366
- Володарский** (наст. фамилия Гольдштейн) Моисей Маркович (1891–1918), революционный деятель, в 1905 г. вступил в Бунд, в 1917 г. примкнул к большевикам, после Октябрьской революции член ВЦИК, убит 20 июня 1918 г. эсером – 202, 503, 531
- Вольней**, Вольне (Volney) Константен Франсуа (1757–1820), французский философ и политический деятель, автор сочинения «Руины, или Размышления о революциях империй» (1791, рус. перевод: 1928) – 293
- Вольтер** (Voltaire) (псевдоним Франсуа Мари Аруэ) (1694–1778), французский писатель, мыслитель и публицист – 61, 67, 293, 301, 302, 304, 392, 397
- Вольгман** (Vollmann) Людвиг (1871–1907), немецкий социолог и антрополог, по политическим взглядам бернштейнианец, пытался примирить социализм с неodarвинизмом – 403
Политическая антропология. СПб., 1905 – 403
- Воронов** Николай Григорьевич (1857–1915), русский социолог – 38
- Врангель** Фридрих, немецкий генерал, в сентябре 1848 г. назначенный Фридрихом-Вильгельмом IV командующим Бранденбургским военным округом, в который входил Берлин; 12 ноября ввел свои войска в Берлин и издал инструкцию, отменявшую все демократические свободы – 251, 252, 408
Врачебное дело. 1922 – 202
- Всесвятский** Петр, русский правовед и статистик, автор статьи «Преступность и жилищный вопрос в Москве» (Семинарий по уголовному праву прив.-доц. М. Н. Гернета, 1909. Вып. 20) – 325
- Вырубова** Анна Александровна (урожд. Танеева; 1884–1964), с 1904 г. фрейлина царского двора, любимая фрейлина последней царицы; была проводником влияния г. Распутина, в декабре 1920 г. эмигрировала из России – 398
Танеева А. (Вырубова). Страницы из моей жизни. Берлин; М., 1923 – 398
- Вяземский** Н. В. Изменения организма в период формирования (возрасты от 10 до 20 лет). СПб., 1901. Т. I – 203
- Гальтон** (Galton) Фрэнсис (1822–1911), английский психолог и антрополог – 38, 201, 403, 404, 425, 453
- Hereditary Genius**. 1892 [Наследственная гениальность] – 403, 404
- Гамильтон** (Hamilton) Джеймс (1606–1649), герцог, шотландский роялист – 208
- Гаммедж** (Gammage) Роберт Джордж (1815–1888), деятель английского рабочего движения, автор первой крупной работы о чартизме – 350
История чартизма. СПб., 1907 – 350
- Ганнибал** (247–181 до н.э.), карфагенский полководец – 206
- Гардинер** (Gardiner) Сэмюэл Росон (1829–1902), английский историк – 66, 85, 115, 132, 177, 185, 248, 249, 261, 268, 272, 294
History of the Great Civil War. New York, 1886–1891. Vol. 1–2 [История Великой гражданской войны] – 66, 85
History of the Commonwealth and Protectorate. London, 1903. Vol. I–II, IV [История республики и протектората] – 66, 67, 85, 115, 132, 177, 185, 248, 249, 261, 268, 272
Oliver Cromwell. London, 1899 [Оливер Кромвель] – 66
- Гарнье-Пажес** (Garnier-Pages) Луи Антуан (1803–1878), французский политический деятель, умеренный республиканец, участник революций 1830 и 1848 гг., с 5 марта 1848 г. министр финансов, автор мемуарной книги «История революции 1848 года» (СПб., 1862–1864. Т. 1–2) – 282
- Гарсон** (Garson) Эмиль (1851–1922), французский юрист, профессор университетов в Лилле и Париже, автор работ по уголовному праву – 162
- Гартман** (Hartmann) Эдуард фон (1842–1906), немецкий философ, автор книги «Философия бессознательного» (1869) – 40
- Гастев** Алексей Капитонович (1882–1941), участник революционного движения в России, поэт, один из зачинателей научной организации труда (НОТ) в Советской России – 243
- Геккер** (Hecker) Фридрих Франц Карл (1811–1881), немецкий демократ, один из руководителей республиканского восстания в Бадене в апреле 1848 г.; после поражения восстания эмигрировал в Швейцарию, а затем в США, где принимал участие в Гражданской войне 1861–1865 гг. на стороне Северных штатов – 252
- Гельд** (Geld) Фридрих-Вильгельм (1813–1872), немецкий демократ, оставший прусский офицер, издававший журнал «Локомотив», поль-

- зовавшийся исключительной популярностью среди широких слоев берлинского населения в первые недели революции 1848 г.; до 5 мая 1849 г. был главой прусского кабинета — 259
- Гемпден** (Hamptden) Джон Георг (1594–1643), английский юрист и политик, деятель Английской буржуазной революции — 208
- Генрих III** (1551–1589), король Франции с 1574 г., последний из династии Валуа — 356
- Генрих IV** (1553–1610), французский король с 1594 г., первый из династии Бурбонов — 356, 357
- Генрих Лозанский** (Henri de Lausanne; ум. 1148), французский еретик, воспитанник клюнийского монастыря; проповедовал в южной Франции в одеянии кающегося грешника против злоупотреблений церкви, за что подвергся преследованиям; его приверженцы носили имя генриканцев — 302, 345
- Гернет** Михаил Николаевич (1874–1953), русский юрист, специалист в области уголовного и исправительно-трудового права — 140, 163, 325, 326
Смертная казнь. М., 1913 — 140, 163, 325
Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. М., 1916 — 326, 327
- Герцен** Александр Иванович (1812–1870), русский писатель, мыслитель и общественный деятель — 443
- Гиддингс** (Giddings) Франклин Генри (1855–1931), американский социолог, президент Американского социологического общества (1908) — 40, 175, 562
Основания социологии. Анализ явлений ассоциации и социальной организации. М., 1898 — 40, 175
- Гизо** (Guisot) Франсуа Пьер Гийом (1787–1874), французский государственный деятель, историк — 66, 67, 85, 97, 115, 132, 155, 158, 185, 237, 248, 261, 268, 272, 284, 390, 396
История английской революции. СПб., 1886. Т. I–III — 66, 67, 85, 97, 132, 155, 158, 185, 225, 226, 237, 248, 261, 268, 272, 284, 390, 396
- Гиппарх**, сын древнегреческого тирана Писистрата, младший брат Гиппия, убитый в 514 г. до н.э. Гармодием и Аристокитоном — 207, 454
- Гиппий** (565/560–490 до н.э.), сын афинского тирана Писистрата, который после смерти отца стал правителем Афин и продолжил его дело — 207, 454
- Гиппиус** Зинаида Николаевна (1867–1945), русская поэтесса и писательница, жена Д. С. Мережковского — 126
- Гирса** (Girsa) Вацлав (1875–1954), чешский дипломат, в 1921–1927 г. заместитель министра иностранных дел Э. Бенеша, в 1927–1935 гг. посол Чехословакии в Польше, в 1935–1938 гг. посол в Югославии — 25, 555, 559, 561
- Гоббс** (Hobbes) Томас (1588–1679), английский философ и социальный мыслитель, заложивший основы органической социологии и теории общественного договора — 293, 409
Левиафан (1651) — 293
- Гойхбарг** Александр Григорьевич (1883–1962), юрист, руководил работами по составлению Гражданского кодекса РСФСР — 122
Еще о браках и разводах // Пролетарская революция и право. 1918, № 5–6, 1919, № 12–14 (подп.: А. Г.) — 122
- Гонкур** (Goncourt), братья Эдмон (1822–1896) и Жюль (1830–1870), французские писатели — 128
Дневник братьев Гонкур. СПб., 1898 — 128
- Горемыкин** Иван Логгинович (1839–1917), русский государственный деятель, в 1895–1899 гг. министр иностранных дел, в 1906 и 1914–1916 гг. председатель Совета министров — 398
- Горнфельд** Аркадий Георгиевич (1867–1941), литературный критик, многолетний сотрудник «Русского богатства», автор многих статей «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» об иностранных и русских писателях, издатель собраний сочинений С. Т. Аксакова — 72
Новые слова и словечки. Пг., 1922 — 72
- Городецкий** Сергей Митрофанович (1884–1867), русский советский поэт, в молодости близкий к символистам — 126
Ярь. Стихи лирические и лиро-эпические. СПб., 1907 — 126
- Горовой-Шалтан** В. А., врач из клиники душевных и нервных болезней Военно-Медицинской академии — 204
К вопросу о душевной заболеваемости населения при современных условиях // Психиатрия, неврология и экспериментальная психология. 1922, № 2 — 204
- Горький** Максим (псевдоним Алексея Максимовича Пешкова) (1868–1936), русский советский писатель и общественный деятель — 139, 421, 503, 505, 517, 526, 527
О русском крестьянстве. Берлин, 1922 — 139
Статья «Русская жестокость» (1922) — 421
- Гоц** Абрам Рафаилович (1882–1940), участник революционного движения в России, активный член боевой организации партии эсеров, брат эсера Михаила Рафаиловича Гоца (1866–1906) — 202
- Гракхи**, братья: 1) Тиберий (Tiberius Gracchus) (162–

- 133 до н.э.), римский народный трибун до 133 г., 2) Гай Семпроний (Gaius Gracchus) (153–121 до н.э.), римский народный трибун в 123 и 122 гг. до н.э. – 63, 83, 84, 96, 97, 111, 133, 134, 151, 157, 186, 195, 205, 223, 236, 267, 339, 340, 395
- Грановский** Александр (р. 1887), профессор Висконсинского университета – 557
- Гревс** Иван Михайлович (1868–1941), русский историк, профессор Бестужевских курсов (1892–1918) и Петербургского (Ленинградского) университета (1899–1941) – 520
- Грегуар** (Gregoïre) Анри (1750–1831), французский политический деятель, аббат, конституционный епископ, депутат Конвента – 299
- Грегуар** (Gregoïre) Луи (1819–1897), французский историк – 69, 70, 88, 99, 100, 128, 184, 245, 246, 247, 274, 282, 292, 315, 316, 378
История Франции в XIX веке. М., 1896–1897. Т. 3–4 – 69, 70, 88, 99, 100, 128, 184, 245, 246, 247, 274, 282, 292, 315, 316, 378
- Гредескул** Николай Андреевич (1864–?), юрист и публицист, член ЦК партии кадетов, после революции преподавал в вузах Ленинграда – 252
- Грин** (Green) Джон Ричард (1837–1883), английский историк-позитивист – 65, 346, 347
Краткая история английского народа. СПб., 1897. Вып. 1 – 65, 346, 347
- Гувер** (Hoover) Герберт Кларк (1874–1964), американский государственный деятель, крупный промышленник, в 1919–1923 гг. возглавлявший АРА (Администрацию помощи голодающим в России), в 1929–1933 гг. президент США от Республиканской партии – 571
- Гуго** (наст. фамилия Линдеман) Карл, немецкий социалист – 355
Социализм во Франции в XVII–XVIII вв. // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907. Т. II – 355
- Гумилев** Николай Степанович (1886–1921), русский поэт, расстрелянный по «Таганцевскому делу» – 513
- Гуревич** С. Движение преступности против собственности в Нижегородской губернии в 1891–1904 гг. в связи с экономическим положением губернии // Семинарий по уголовному праву М. Н. Гернета, М., 1908. Вып. 1; Право. 1909. № 1 – 327
- Гус** (Hus) Ян (1371–1415), национальный герой чешского народа, проповедник, мыслитель, идеолог чешской Реформации; на церковном соборе в Констанце был осужден как еретик и сожжен на костре – 207, 224, 302, 383, 392
- Гучков** Александр Иванович (1862–1936), русский промышленник и политический деятель, октябрист, председатель III Государственной думы – 78, 238
- Гюадэ** Маргерит Эли (1755–1794), деятель Великой французской революции, член Конвента – 208
- Гюго** (Hugo) Виктор Мари (1802–1885), французский поэт и писатель – 99
- Даблдей** (Doubleday) Томас (1790–1870), английский экономист и публицист, противник мальтузианства – 403
The True Law of Population. 1853 [Истинный закон народонаселения] – 270
- Дайси** (Dicey) Альберт Венн (1835–1922), английский юрист, теоретик права – 350
Law and Public Opinion in England. 1908 [Право и общественное мнение] – 350
- Далин** (наст. фамилия Левин) Давид Юльевич (1889–1962), общественно-политический деятель, социолог, публицист, историк революционного движения, мемуарист; меньшевик, доктор политической экономии; в 1910–1917 гг. жил за границей, в марте 1917 г. вернулся, в 1921 г. был выслан; после этого жил сначала в Берлине, с 1939 г. в Париже, с 1940 г. в Нью-Йорке – 110
После войны и революций. Берлин, 1922 – 110
- Данилевский** Василий Яковлевич (1852–1939), русский физиолог, ответственный редактор «Врачебного дела», профессор Харьковского университета (1883–1909, 1917–1921), академик АН УССР (1926) – 204
Об изменении функциональных свойств нервного волокна под влиянием стрихнина, лецитина, алкоголя и других веществ (в соавторстве с Я. И. Периханяцем) // Врачебное дело. Киев, 1920. № 7–8, 15 мая; 1921. № 21–26, 1 февраля – 204
- Данте Алигьери** (Dante) (1265–1321), итальянский поэт, философ, политический деятель – 198, 345
- Дантон** (Danton) Жорж Жак (1759–1794), деятель Великой французской революции, один из вождей якобинцев – 86, 156, 168, 208, 252, 454
XI съезд Российской Коммунистической партии. Киев, 1922 – 218
- Делеклюз** (Delescluze) Луи Шарль (1809–1871), французский революционер, журналист, активный участник революции 1848 г. и противник бонапартистского режима; в 1871 г. избран членом Парижской Коммуны, погиб на баррикадах в Париже в дни последних боев с версальцами – 70
- Де Лоне** (de Launay) Бернар Жордан (1740–1789),

- последний комендант Бастилии, согласившийся сдать ее восставшему народу и растерзанный толпой — 139
- Де Местр** (De Maistre) Жозеф Мари (1753–1821), французский политический деятель и философ — 198, 293, 304
- Демидов**, Никита Демидович Антуфьев (1656–1725), тульский кузнец, выдвинувшийся при Петре I и получивший огромные земли на Урале для строительства металлургических заводов — 370
- Демолен** (Demolins) Эдмон (1852–1907), французский историк и социолог, представитель школы Ф. Ле Пле — 435
- Аристократическая раса. СПб., 1906 — 435
- Демулен** (Desmoulins) Камилл (1760–1794), деятель Великой французской революции, адвокат. Накануне восстания 14 июля 1789 г. призывал народ к вооруженной борьбе с монархией; гильотинирован по решению революционного трибунала — 86, 208, 361
- Дени** (Denis) Эрнест (1849–1921), французский историк, автор работ по чешской истории — 65, 85, 97, 113, 142, 144, 145, 154, 160, 173, 177, 185, 196, 208, 224, 249, 262, 267, 273, 286, 317, 364, 379, 381, 390
- Huss et la guerre des Hussites. Paris, 1878 [Ян Гус и гуситская война] — 65, 85, 113, 142, 154, 160, 173, 177, 185, 196, 208, 224, 249, 262, 267, 273, 317, 364, 379, 381, 390, 391
- Деникин** Антон Иванович (1872–1947), с осени 1918 г. до начала апреля 1920 г. главнокомандующий Вооруженными силами Юга России и зам. верховного правителя России адмирала А. В. Колчака — 80, 201, 379
- Очерки русской смуты. Париж, 1921. Т. I. Вып. 1–2 — 80, 201, 379
- Дерби** (Derby) Джеймс Стэнли (1607–1651), граф, английский военный деятель — 208
- Дёринг** (Döring). Великая война и естественное движение населения // Вестник статистики. 1920. № 5–8 — 197
- Дерябин**, физиолог, ученик И. П. Павлова — 48
- Джеркс**, Иеркс (Yerkes) Роберт, американский психолог — 441
- Джефсон** Г. Платформа, ее возникновение и развитие. История публичных митингов в Англии. СПб., 1901. Т. II — 350
- Джиллет** (Gillette) Джон Моррис (1866–1949), американский социолог, профессор университета Северной Дакоты — 558
- Rural Sociology. New York, 1925 — 558
- Джордан** (Jordan) Дэвид Старр (1851–1931), американский биолог, ихтиолог и издатель — 197
- La moisson humaine. Essay sur la décadence des races // Revue internationale de sociologie. 1911 [Человеческая жатва. Эссе об упадке рас] — 197
- Дзержинский** Феликс Эдмундович (1877–1926), советский государственный и партийный деятель, в 1917–1920 гг. председатель ВЧК — 109, 146, 155, 252
- Дионисий Галикарнасский** (I в. до н.э.), греческий ритор и исторический писатель, автор «Римских древностей» в 20 книгах — 339
- Дни** — газета, выходившая в Берлине с 29 октября 1922 г. по 28 июня 1925 г. (№ 1–801), а затем в Париже с 16 сентября 1925 г. по 30 июня 1928 г. (№ 802–1465) под ред. А. Милашевского, с № 85 — М. М. Тер-Погасян; в политике занимала правозеролевские позиции] — 197
- 1922 № 17, 17 ноября, пятница — 28
- № 37 (статья Петрищева) — 504, 506
- 1923 № 89, 14 февраля, среда — 123
- № 103, 2 марта, пятница — 204
- № 117, 18 марта, воскресенье — 139, 149
- № 166, 19 мая, суббота — 191
- № 175, 31 мая, четверг — 157
- № 185, 12 июня, вторник — 146, 204
- № 186, 13 июня, среда — 125
- № 188–189, 15–16 июня, пятница–суббота — 139
- № 192, 20 июня, среда — 245
- № 193, 21 июня, четверг — 125, 204
- № 194, 22 июня, пятница — 125, 150
- № 202, 1 июня, воскресенье — 123, 124
- № 205, 5 июня, четверг — 281
- № 210, 11 июля, среда — 144
- № 243, 21 августа, вторник — 243
- № 245, 23 августа, четверг — 229
- № 248, 26 августа, воскресенье — 229
- № 250, 29 августа, среда — 298
- Догель** Александр Станиславович (1852–1922), выдающийся русский гистолог и цитолог, профессор С.-Петербургского университета — 201
- Долабелла** Публий Корнелий (ок. 69–43 до н.э.), древнеримский политический деятель, зять Цицерона; будучи народным трибуном, неудачно пытался провести закон о кассации долгов — 3399
- Достовалов** Евгений Исаакович (1882–1938), генерал-лейтенант Генштаба, участник русско-японской и Первой мировой войн, с 1918 г. в Добровольческой армии, в мае 1919 г. генерал-майор и начальник штаба 1-го армейского корпуса (Добровольческого) при генерале Кутепове; после эвакуации армии генерала

- Врангеля из Крыма в ноябре 1920 г. оказался в Греции, в 1922 г. вернулся в Советскую Россию, где в 1938 г. был расстрелян — 219
- Достоевский** Федор Михайлович (1821–1881), русский писатель — 423, 640
- Бесы (1871–1872) — 523
- Друз**, Марк Ливий Друз (ок. 124–91 до н.э.), римский политический деятель, народный трибун, автор ряда демократических реформ, убит политическими противниками — 205, 267, 340, 454
- Друмманн** (Drumann) Карл Вильгельм Август (1786–1861), немецкий историк и археолог — 336, 339
- Die Arbeiter und Communisten in Griechenland und Rom. Königsberg, 1860 [Рабочие и коммунисты в Греции и Риме] — 336, 339
- Духонин** Николай Николаевич (1876–1917), русский военный деятель, генерал-лейтенант; с сентября 1917 г. начальник штаба при Верховном главнокомандующем А. Ф. Керенском, после Октябрьской революции Верховный главнокомандующий. В связи с невыполнением приказа СНК о вступлении в мирные переговоры с австро-германским командованием смещен с должности и арестован; убит на вокзале толпой солдат и матросов, узнавших об освобождении им из тюрьмы руководителей корниловщины (генералов Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина и др.) — 202
- Дэвис** (Devis) Джон, американский социолог, профессор Иельского университета, один из создателей концепции социальной революции — 561
- Дюмурье** Шарль Франсуа (1739–1823), французский генерал, воевавший сначала на стороне революционного правительства, но вскоре ему изменивший и сдавший под покровительством австрийцев — 251, 252
- Дюркгейм** (Durkheim) Эмиль (1858–1917), французский социолог и философ, основатель французской социологической школы — 159, 176, 438, 518
- Les formes élémentaires de la vie religieuse. Paris, 1912 [Элементарные формы религиозной жизни] — 159, 176
- Дюруи** (Dugu) Виктор (1811–1894), французский историк и политический деятель, в 1863–1869 гг. министр образования, с 1869 г. сенатор; автор трудов по истории Древней Греции, Древнего Рима и Франции, член Французской академии — 64, 113, 195, 224, 339, 341, 468
- Histoire des Romains. Depuis les temps les plus reculés jusqu'à la fin du regne des Antonius. Paris, 1870–1885. Vol. I–VII [История римлян с древнейших времен до конца правления Антонинов] — 64, 224, 339, 341
- Дюшен** Борис Вячеславович (1886–1949), участник революционного движения в России, по образованию инженер-технолог, с 1903 г. меньшевик; депутат Учредительного собрания. Комиссар Временного правительства в Ярославской губернии; за участие в Ярославском восстании заочно приговорен к смертной казни, с 1919 г. жил в Эстонии, затем в Берлине. Сменовеховец, член редколлегии газеты «Накануне», в 1926 г. вернулся в СССР, работал в Москве заведующим отделом заочного обучения Профобра — 302, 488
- Евангелие — 34, 301
- Екатерина II Великая** (1729–1796), российская императрица с 1762 г. — 369
- Елизавета I** (Elizabeth; 1533–1603), английская королева — 348
- Елистратов** Аркадий Иванович, русский социолог, автор книги «Борьба с проституцией в Европе» (Казань, 1909) — 252
- Ермолов** Алексей Сергеевич (1846–1917), государственный деятель России, ученый-аграрник, в 1892–1905 гг. возглавлял Министерство государственных имуществ — 369, 370
- Наши неурожай и продовольственный вопрос. СПб., 1909. Т. I — 369, 370
- Есенин** Сергей Александрович (1895–1925), русский поэт — 419
- Жаглар** (Juglar) Клемент (1819–1905), французский врач и статистик, в 1860 г. первым выдвинувший идею о существовании экономических циклов — 185
- Жане** (Janet) Пьер (1859–1947), французский психолог и психопатолог — 39
- Жерар** (Gerhardt) Шарль Фредерик (1816–1856), французский химик, способствовавший введению в химию закона Авогадро — 27
- Жижиленко** Александр Александрович (1873–193?), русский правовед, специалист в области уголовного права, профессор Петербургского университета — 326
- Преступность и ее факторы. Пг., 1922 — 326
- Жижка** (Žižka) Ян (ок. 1360–1424), деятель гуситского революционного движения, полководец, один из основателей и гетманов Табора (с 1420 г. — первый гетман таборитов). После размежевания между правыми и левыми таборитами в 1422 г. возглавил силы левого таборитского крыла и основал Малый Табор,

- умер от чумы во время осады города Пршибислава — 30, 65, 84, 142, 185, 207, 224, 251, 252, 262, 270, 272, 291
- Жорес Жан** (1859–1914), французский историк, видный деятель международного социалистического движения, убит накануне Первой мировой войны французским шовинистом Р. Вилленом — 68, 69, 87, 117
История Великой французской революции. М., 1920–1923. Т. 1–3 — 68, 69, 87
- За пять лет. 1917–1922. Сборник ЦК РКП. М., 1922 — 221
- Законы Ману. СПб., 1913 — 53, 119
- Законы Хаммурапи, вавилонского царя. М., 1914 — 119
- Зеек** (Seeck) Отто (1850–1921), немецкий историк античности, профессор, умер в Риге — 113, 195, 206, 224
Geschichte des Unterganges der antiken Welt. Bd. I [История гибели античного мира] — 195, 206, 224
- Зеленый** (Seliony) Георгий Петрович (1878–1951), русский биолог, ученик И. П. Павлова, доктор медицины — 48
- Зеринг** П., немецкий социолог — 565
Аграрная революция в Европе — 565
- Зиновьев** (наст. фамилия Апфельбаум) Григорий Евсеевич (1883–1837), советский государственный и партийный деятель — 109, 157, 218, 252, 257, 470, 486, 515, 531
- Зомбарт** (Sombart) Вернер (1863–1941), немецкий экономист, социолог и историк — 26
Soziologie. Berlin, 1923 [рус. перевод: Социология. Хрестоматия. М., 1926] — 26
- Зоммерлад** (Sommerlad) Теодор (1869–1940), немецкий экономист и историк — 348, 358, 364
Zur Geschichte der Preise im Mittelalter und im 16. Jahrh. // Handwörterbuch der Staatswissenschaft. Hrsg. von dr. J. Conard u. a. Jena, 1910. Bd. VI [К истории цен в Средние века и XVI столетии] — 348, 358, 365
- Иванов-Смоленский** А. Г. Условные рефлексы в психиатрии // Журнал психиатрии и неврологии. 1922. № 1 — 46
- Игнатович** Инна Ивановна (р. 1879), русский советский историк — 370
Крестяньские волнения // Великая реформа [19 февраля 1861–1911]. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. М., 1911. Т. III. С. 41–65 — 370
- Иегова** (Яхве), имя Бога в Ветхом Завете, которое он дал сам себе: «Я есмь Сущий [Иегова]» (Исх. 3, 14) — 299
- Иероним Пражский** (ок. 1380–1416), чешский реформатор, друг и сподвижник Яна Гуса, осужденный как еретик и погибший на костре — 392
Известия — 110, 125, 416, 488, 505
20 октября 1921 — 106
29 января 1922 — 147
12 февраля 1922 — 155, 205
5 ноября 1922 (№ 214) — 192
26 декабря 1922 (№ 293) — 297, 298
21 августа 1923 (№ 186) — 203, 278
22 августа 1923 — 416
- Изида** (Исида), богиня древнеегипетской религии, супруга Осириса и мать Гора — 299
- Иисус Христос** — 178, 383
- Ильин** Иван Александрович (1883–1954), русский философ, литературный критик и публицист — 294
- Илья Муромец**, один из главных героев-богатырей русского былинного эпоса — 222
- Инама-Штернегг** (Inama-Sternegg) Карл Теодор фон (1843–1908), немецко-австрийский историк-экономист и статистик — 364
- Иностранцев** Александр Александрович (1843–1919), русский геолог, член-корреспондент Петербургской академии наук, покончил жизнь самоубийством вместе с женой — 201, 427, 453, 511
- Иоанн Безземельный** (1167–1216), английский король с 1199 г. из династии Плантагенетов; в отличие от старших братьев, не получил владений во Франции, чем и объясняется его прозвище — 396
- Иоанн II Добрый** (1319–1364), французский король с 1350 г. из династии Валуа, правивший в период Столетней войны; в битве при Пуатье (1356) потерпел поражение и попал в плен, в 1360 г. вернулся в Париж, однако ввиду неплаты выкупа полностью и бегства из Англии сына-заложника, возвратился в 1364 г. в Лондон, где вскоре умер — 353, 377, 396
- Иоанн Лейденский** (Jan van Leiden) (1509–1536), голландский анабаптист, вождь Мюнстерской коммуны (1534–1535) — 114, 133, 267, 270
- Иордан** (Jordanes), готский историк VI в. — 342
De Gothorum origine et rebus gestis [О происхождении и деяниях готов] — 342
- Иордан** (Jordan) Вильгельм (1782–1861), немецкий юрист и политический деятель, либерал, участник революции 1848 г., депутат Франкфуртского национального собрания — 259
- Иорданский** Николай Иванович (1876–1928), журналист, публицист и общественный деятель, член РСДРП (меньшевик), в 1921 г. редактировал советскую газету «Путь», издавав-

- шуются в Гельсингфорсе, в 1922 г. вступил в ВКП(б), в 1923–1924 гг. был советским полпре-дом в Италии — 252
- Иосиф II** (1741–1790), соправитель Марии Терезии в 1765–1780 гг., император «Священной Римской империи германской нации» в 1780–1790 гг., король Венгрии — 481
- Иоффе** Адольф Абрамович (1883–1927), советский государственный и партийный деятель, в 1922 г. член советской делегации на Генуэзской конференции, затем посол в Китае, а с 1924 г. в Австрии; в 1925–1927 гг. один из лидеров троцкистской оппозиции; покончил жизнь самоубийством — 531
- Ипувер** (Ipuwer), предполагаемый автор древне-египетского трактата «Речения Ипувера», сохранившегося в копии времени Нового царства (примерно XIV–XIII вв. до н.э.) — 63, 83, 95, 110, 134, 142, 157, 174, 187, 205, 222, 286, 335, 395
- Ист** (East) Эдуард Мюррей (1879–1938), американский биолог и химик, профессор Гарвардского университета — 559, 582
Mankind at the Crossroads. 1923 [Человечество на распутье] — 559, 582
- Итоги партийной работы (Издание Российской Коммунистической партии). М., 1923 — 306
- Йохансен** (Johannsen) Вильгельм-Людвиг (1857–1927), датский ботаник и генетик — 38
- Кабанес** (Cabanés) Огюстен (1862–1928), французский врач и историк — 66, 126, 131, 148, 149, 158, 160, 174, 175, 182
- Кабанес О., Насс Л.** Революционный невроз. СПб., 1906 — 66, 68, 126, 131, 148, 149, 158, 160, 174
- Кабош** (от *фр.* saboch — башка), прозвище Симона Лекутелье, живодера по профессии, который возглавил народное восстание в Париже в 1413 г. — 270
- Кабэ** (Кабэ) Этьен (1788–1856), французский публицист, выдвинувший идею коммунистического переустройства общества — 302
- Кавеньяк** (Cavaignac) Луи Эжен (1802–1857), французский государственный деятель, генерал, руководивший подавлением Июньского восстания 1848 г. в Париже — 59, 69, 88, 99, 252, 408
- Казер** (Kaser) Курт (1870–1931), немецкий историк, профессор в Граце — 97, 364
Politische und soziale Bewegungen im deutschen Burgertum zu Beginn des 16. Jahrhunderts. Stuttgart, 1899 [Политические и социальные движения в немецких городах в начале XVI века] — 97
- Кактынь** (Кактиныш) Артур Мартынович (1893–1937), советский государственный и партийный деятель, по национальности латыш, большевик с 1916 г., с 1919 г. председатель ЦСНХ Туркестанской республики, с 1920 г. зам. председателя Украинского СНХ, в 1922–1925 гг. зам. отв. ред. «Экономической жизни» — 93, 242
Хозяйственное состояние России (Краткий обзор хозяйственной деятельности Советской России за пять лет) // Экономическое строительство. 1923. № 2, февраль. С. 24–42 — 93
- Камбасерес** Жан Жак, герцог де (1753–1824), французский юрист и государственный деятель, комиссар Конвента — 252
- Каменев** (наст. фамилия Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936), советский государственный и партийный деятель, один из видных соратников В. И. Ленина, в 1919–1926 гг. член Политбюро — 109
- Каменев** Сергей Сергеевич (1881–1936), советский военный деятель, командарм 1-го ранга, во время Первой мировой войны занимал штабные должности, в 1918 г. добровольно вступил в Красную армию — 252, 531
- Каменский** Анатолий Павлович (1876–1941), писатель-декадент, автор многочисленных сборников рассказов — 126
- Кант** (Kant) Иммануил (1724–1804), немецкий философ, родоначальник немецкого классического идеализма — 39
Критика практического разума (1788) — 39
- Капетинги** (Capetingi), династия французских королей (в 987–1328), основанная Гуго Капетом — 397
- Каплун** Сергей Ильич (1897–1943), врач-гигиенист, в 1918–1927 гг. руководящий работник нар. комиссариатов труда РСФСР и СССР, работавший первые в СССР правила и нормативы по санитарной охране труда, в 1943 г. добровольно ушел на фронт, где погиб
- Капп** Фридрих (1824–1884), немецкий политический деятель и литератор, участник революции 1848 г. — 259
- Карамзин** Николай Михайлович (1766–1826), русский писатель и историк — 84, 116, 132, 143, 158, 196
История государства Российского. СПб., 1853. Т. XI, XII — 84, 116, 132, 143, 158, 196
- Кареев** Николай Иванович (1850–1931), русский историк и социолог — 116, 349, 358, 362, 552
Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. М., 1879 — 358
История Западной Европы в новое время. СПб., 1913. Т. III — 116

- История Западной Европы в новое время. СПб., 1894. Т. IV – 349, 362
- Карл I** (Charles) (1600–1649), английский король с 1625 г., казненный по приговору Верховного суда трибунала, созданного Долгим парламентом – 65, 261, 271, 284, 348, 390, 396, 406
- Карл II** (Charles) (1630–1685), английский король – 265
- Карл V** (Charles) Мудрый (1338–1380), французский король – 151, 353
- Карл VIII** (Charles) (1470–1498), французский король с 1483 г. – 356
- Карл IX** (Charles) (1550–1574), французский король с 1560 г. – 356
- Карлейль** (Carlyle) Томас (1795–1881), английский историк, философ и публицист – 495
- Карнеги** (Carnegie) Эндью (1835–1919), американский сталепромышленник; в начале своей карьеры был простым телеграфистом, затем стал одним из самых крупных миллионеров США, основал ряд фондов: фонд Карнеги по усовершенствованию преподавания (1906), фонд Карнеги по борьбе за мир (1910), Институт Карнеги в Вашингтоне (1902), потратив при этом на благотворительность в общей сложности 350 млн долларов – 243, 425
- Карно** (Carnot) Лазар Никола (1753–1823), французский государственный и военный деятель, математик, в 1795–1797 член Директории, в 1800 г. военный министр, после второй реставрации Бурбонов в 1815 г. изгнан из Франции – 252
- Карсавин** Лев Платонович (1882–1952), русский религиозный философ и историк-медиевист, с 1921 г. ректор Петроградского университета, в 1922 г. выслан за границу, с 1928 г. профессор университета в Каунасе, в 1940–1946 гг. в Вильнюсе; в 1946 г. Карсавин, оказавшийся на территории, занятой советскими войсками, был арестован и заключен в один из лагерей ГУЛАГа, находящийся в местечке Абезь Коми АССР (т. е. на родине Сорокина), где и умер – 294, 520
- Касл** (Castle) Уильям Эрнест (1867–1962), американский генетик и эмбриолог, в 1901 г. впервые познакомил американскую научную общественность с идеями менделизма – 582
- Кассий** Спурий Висцеллин, из древнего патрицианского рода в Риме; в 501 г. до н.э. был первым *magister equitum*; в 502, 493 и 486 гг. был выбран консулом – 340
- Катилина** (Catilina) Луций Сергий (108–62 до н.э.), римский претор в 68 г. до н.э.; в 66–63 гг. пытался захватить власть, привлекая недовольных обещанием кассации долгов; заговор был раскрыт Цицероном – 205, 339, 454
- Каутский** (Kautsky) Карл (1854–1938), немецкий социал-демократ, один из лидеров и теоретиков II Интернационала – 65, 114, 133, 348, 365
- От Платона до анабаптистов // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907. Ч. I – 65, 114, 348, 365
- Кедров** Михаил Сергеевич (1878–1941), советский государственный и партийный деятель, учился на юридическом факультете Московского университета и в Демидовском юридическом лицее в Ярославле, окончил медицинский факультет Лозаннского университета, в 1919 г. председатель Особого отдела ВЧК в северных областях; отличался патологической жестокостью, уничтожил тысячи людей в ходе карательных операций, ввел практику заполнения барж арестованными и затем расстрела их пулеметами до потопления – 252
- Кемаль**, Мустафа Кемаль Ататюрк (1881–1938), основатель и первый президент (1923–1938) Турецкой республики, в 1919 г. возглавил национально-освободительное движение в Анатолии, которое впоследствии получило название «Кемалистской революции» – 487, 638
- Кемпф** (Kempf) Эдуард Джон (1885–1971), американский психолог и психопатолог – 48
- Automatic Function and the Personality. New York; Washington, 1918 [Автоматическая функция и личность] – 48
- Керенский** Александр Федорович (1881–1970), русский государственный и политический деятель, глава Временного правительства – 71, 173
- Кидд** (Kidd) Бенджамин (1858–1916), английский социолог, социал-дарвинист – 438, 518
- Кизеветтер** Александр Александрович (1866–1933), историк, деятель кадетской партии, профессор Московского университета, депутат II Государственной думы, в 1922 г. выслан за границу – 515
- Килон**, афинский аристократ, победитель на Олимпийских состязаниях 640 г. до н.э.; в 632 г. до н.э. пытался установить в Афинах тиранию, но потерпел поражение, его сторонники были убиты по приказу архонта Мегакла в храме у алтаря, где они искали защиты – 196
- Кирдецов** Григорий Львович (наст. имя и фамилия: Иосиф Эдуардович Фиц-Патрик; 1880–1938), экономист, журналист и общественный деятель, сотрудник «Биржевых ведомостей»,

- с осени 1918 г. в эмиграции в Дании, Чехословакии. Редактор газеты Северо-Западного правительства «Свободная Россия» (1919–1920), с лета 1921 г. в Берлине, соредатор газеты «Накануне»; в 1922–1923 гг. заведующий отделом печати советского полпредства в Берлине, с 1924 г. пресс-атташе советского полпредства в Риме, в середине 1920-х гг. вернулся в СССР. Сотрудник Народного комиссариата иностранных дел, автор политического словаря-справочника «Весь мир», который в 1929–1930 гг. был издан девять раз. Летом 1935 г. арестован, погиб в заключении — 252
- Кистяковский** Богдан Александрович (1868–1920), русский философ, социолог и правовед, один из авторов сборника «Вехи» (1909), умер в Краснодаре после операции — 202, 453
- Кишкин** Николай Михайлович (1864–1930), русский политический деятель, член ЦК партии кадетов, министр государственного призрения в правительстве А. Ф. Керенского, в 1921 г. один из руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим, арестован за антисоветскую деятельность, освобожден по амнистии; с 1923 г. работал в Наркомздраве РСФСР
- Клавдий** (Claudis) (10 до н.э. — 54 н.э.), римский император — 341
- Клейнмихель** (урожд. Фон Келлер) Мария Эдуардовна (1846–1931), графиня, хозяйка великосветского салона в Петербурге, умерла в Париже — 398
Из потонувшего мира. Мемуары / Пер. с французского. Берлин, 1918; Пг.; М., 1923 — 398
- Клемансо** (Clemenceau) Жорж (1841–1929), премьер министр Франции в 1906–1909, 1917–1920 гг. — 259
- Клембовский** Владислав Наполеонович (1860–1923), генерал от инфантерии, с декабря 1915 г. начальник штаба Юго-Западного фронта, в октябре–декабре 1916 г. командующий 11-й армией, в мае–сентябре 1917 г. главнокомандующий Северным фронтом; в 1918 г. добровольно вступил в Красную армию, в 1918 г. член Военсовета Северо-Кавказского фронта, в 1918–1920 гг. постоянный член Военно-закондательного Совета при РВСР, член Особого Совещания при Главнокомандующем всеми вооруженными силами республики, умер в заключении — 219
- Клеомен III** (Cleomenes III) (260–219 до н.э.), царь Спарты в 235–221 гг. до н.э., реформатор конституционно-правовой системы Спарты и ее армии — 64, 186, 196, 267, 337
- Клеон** (ум. 422 до н.э.), афинский демагог, стратег во время Пелопоннесской войны, после смерти Перикла наиболее влиятельный политик Афин — 207, 454
- Клеников** С. А. Питание русского крестьянства. М., 1920 — 372
- Клофач** Вацлав Ярослав (1868–1942), чешский политик, журналист, председатель партии национальных социалистов — 25
- Ключевский** Василий Осипович (1841–1911), русский историк — 249, 368
Курс русской истории. 1918. Т. III — 249, 368
- Книга Мертвых, условное название набора магических формул и рисунков на папирусе, принадлежавшего покойнику в гробницу в Древнем Египте, начиная с XVI в. до н.э. — 63
- Книпович** Борис Николаевич (1880–1924), экономист-статистик, в 1917–1921 гг. работал в Наркомземе — 230
- Направление и итоги аграрной политики 1917–1920 гг. // О земле. Сборник статей о прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. М., 1921. Вып. 1 — 230
- Кобад** (Кабадес, Кавад, Гобад), персидский царь из династии Сасанидов, сын Фируза, преемник Палаша, царствовал в 488–531 гг. — 73, 113, 134, 151, 160
- Кобург**, Фридрих Иосиф Саксонский, герцог Кобургский (1737–1815), австрийский фельдмаршал, командующий войсками, вторгшимися в революционную Францию с целью реставрации монархии — 168
- Ковалевский** Максим Максимович (1851–1916), русский историк, социолог и правовед — 65, 97, 114, 284, 331, 347, 347, 354, 398, 427, 446
От прямого народоуправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений. М., 1906. Т. 1–3 — 97, 284, 347, 348
Экономический рост Европы. М., 1900. Т. II; 1903. Т. III — 65, 114, 332, 347, 354
Чем обязана Россия объединенному дворянству. СПб., 1914 — 398
- Козловский** А. Н. (1861–1940), генерал-майор, командующий артиллерией Кронштадтской крепости во время восстания 1921 г., после подавления восстания со многими мятежниками ушел в Финляндию, где и умер — 373
- Козырев** Михаил Яковлевич (1892–1942), советский поэт и писатель-сатирик, автор книги «Морока. Настоящие рассказы» (М., 1922) — 124
- Кокшкин** Федор Федорович (1871–1918), русский политический деятель, кадет, юрист, депутат I Государственной думы — 168

- Коллонтай** Александра Михайловна (1872–1952), деятель международного и российского рабочего движения, советский дипломат — 120
Новая мораль. Пг., 1919 — 83120
- Коломес** [правильно: Эмбер-Коломес] (Imbert-Colomés) Жак-Пьер (1729–1809), руководитель контрреволюции в Лионе, агент Людовика XVIII — 248
- Колосов** Евгений Евгеньевич (1879–1938), один из основателей партии эсеров, автор книги «Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского» (1912), после Февральской революции 1917 г. депутат Учредительного собрания, после окончания гражданской войны занимался историей революционного движения, в 1938 г. сослан в Тобольск, где работал в музее, чуть позже арестован и расстрелян — 143
- Как это было? (Массовые убийства при Колчаке в декабре 1918 г. в Омске и гибель Н. В. Фомина) // Былое. 1923, № 21, май. С. 250–297 — 143
- Кольбер** (Colbert) Жан Батист (1619–1683), крупный деятель французского абсолютизма, министр Людовика XIV — 357
- Комаров** Николай Павлович (наст. имя и фамилия — Федор Евгеньевич Собинов) (Слава) (1886–1937), видный советский государственный и партийный деятель, окончил три класса церковно-приходской школы, активный участник революции 1905 г., в 1917 г. председатель завкома завода «Новый Лессер», член Петроградского комитета РКП(б), участник штурма Зимнего дворца, с января 1919 г. начальник Особого отдела, с 1920 г. председатель Петроградской ЧК и одновременно начальник Особого отдела охраны финской границы. Пользовался неограниченным доверием г. Е. Зиновьева, один из главных организаторов красного террора против населения города и губернии, широко применял казни заложников и аресты по «классовому» принципу. С 1931 г. нарком коммунального хозяйства РСФСР, в июне 1937 г. исключен из партии и арестован, за участие в троцкистско-зиновьевской антисоветской организации **приговорен к смертной казни и расстрелян** — 139
- Комиссаров** Михаил Степанович (1870 — после 1927), генерал-майор Отдельного корпуса жандармов, с 1906 г. помощник начальника Петербургского отделения, в 1909–1916 гг. начальник Енисейского, Пермского, Саратовского, Вятского, Варшавского жандармских управлений; прославился неразборчивостью средств с целью продвижения по службе, после 1917 г., по некоторым сведениям, агент ВЧК-ОГПУ в среде российской эмиграции — 219, 462
- Кондорсе** (de Condorcet) Жан-Антуан-Никол Коришот (1743–1774), французский писатель и политический деятель — 208, 454
- Кондратьев** Николай Дмитриевич (1892–1938), русский экономист, автор теории «длинных волн» — 277, 386
Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922 — 277, 386
- Коновалов** Александр Иванович (1875–1948), русский государственный деятель, министр торговли и промышленности во Временном правительстве — 238, 239
- Коран — 301
- Кориолан** Гней Марций (V в. до н.э.), по древней римской легенде, патриций, изменивший своему народу — 454
- Корнилов** Лавр Георгиевич (1870–1918), генерал, в 1917 г. Верховный главнокомандующий — 202, 388
- Корнилов** Константин Николаевич (1879–1957), русский психолог, противник рефлексологии В. М. Бехтерева и американского бихевиоризма — 166, 404
Учение о реакциях человека с психологической точки зрения («Реактология»). М., 1922 — 166, 404
- Коссидьер** (Coussidiere) Луи Марк (1808–1861), деятель французского революционного движения, участник Лионского восстания 1834 г. и Февральской революции 1848 г., после победы которой занял пост префекта полиции Парижа — 270
- Кост** (Coste) Адольф (1842–1901), французский социолог-позитивист, президент Парижского статистического общества — 446
- Краль** (Král) Йозеф (1882–1978), чешский философ и социолог, в 1924–1935 г. профессор университета Я. А. Коменского в Братиславе, в 1930–1931 г. декан философского факультета, с 1935 г. профессор философского факультета Карлова университета в Праге — 569, 571
- Крамарж** Карел (1860–1937), чешский политик, юрист и промышленник, перед Первой мировой войной лидер младочехов — 25
- Красин** Леонид Борисович (1870–1926), советский государственный и партийный деятель — 109, 157, 252, 470, 486, 531
- Красная газета — 488, 505
Красная газета. 1921, 22 января — 228, 488
15–16 апреля — 155

- 5 июля – 374
 16 декабря – 374
 31 декабря – 147
 1922, 31 января – 205
 1922 [статья «Куст Троцкого»] – 109
 Красная Москва. 1917–1920 гг. Издание Московского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов. М., 1920 – 106, 143, 192, 221, 228, 505
 Красная Новь – ежемесячный литературно-художественный и научно-публицистический журнал, выходивший в Москве в 1921–1942 гг.; первый советский «толстый» литературный журнал – 124
Красницкий Владимир Д. (ум. 1936), один из деятелей церковно-обновленческого движения, основатель и бессменный руководитель «Живой церкви», тесно связанный с ОГПУ – 462, 523, 524
 Красный Маяк (Севастополь) – 125
Красе Марк Лициний (ок. 115–53 до н.э.), римский политический и военный деятель, погиб вместе с большей частью войска во время сражения с парфянами – 111, 267
 Кремль за решеткой (Подпольная Россия). Берлин, 1922 – 150
Критий (ок. 460–403 до н.э.), вождь крайних олигархов-рабовладельцев в Афинах – 337, 454
Кромвель (Cromwell) Оливер (1599–1658), вождь английской буржуазной революции – 30, 59, 66, 67, 85, 115, 132, 151, 156, 163, 208, 225, 251, 252, 260, 261, 270, 291, 318, 408
Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921), князь, русский революционер, теоретик анархизма, ученый-географ и геолог – 116, 117, 359, 360, 362
 Великая французская революция. М., 1919 – 116, 359, 360, 362
Крылов Иван Андреевич (1768–1844), русский баснописец, писатель и драматург – 180, 422, 439, 630, 631
Кузмин Михаил Александрович (1875–1936), русский писатель, поэт и композитор, близкий к символистам – 126
Куклин Григорий Александрович, комиссар Петрокоммуны – 500
Кули (Cooley) Чарлз Хортон (1864–1929), американский социолог, профессор Мичиганского университета, экс-президент Американского социологического общества (до 1927 г.) – 432, 562
 Social organisation. 1909 [Социальная организация] – 432
Кулишер Иосиф Михайлович (1878–1934), русский экономист и историк народного хозяйства – 365
 Лекции по истории экономического быта. Пг., 1918 – 365
Кун (Kun) Бела (1886–1939), деятель венгерского и международного рабочего движения, в 1916 г. попал в Россию в качестве военнопленного, в 1917 г. вступил в партию большевиков, в 1918–1920 гг. находился в Венгрии, в 1920 г., будучи председателем Крымского ревкома, вместе с Р. Землячкой организовал массовый расстрел белых офицеров (в их числе был расстрелян сын писателя И. С. Шмелева) – 140
Куприн Александр Иванович (1870–1938), русский писатель и публицист – 126
 Яма (1909–1915) – 126
Курский Дмитрий Иванович (1874–1932), советский государственный и партийный деятель, в 1918–1928 гг. нарком юстиции РСФСР, первый советский генеральный прокурор – 243
Курц Б. Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родэса. М., 1915 – 368, 369
Кускова Екатерина Дмитриевна (1869–1958), автор знаменитого «Кредо» (1899), в 1921 г. вместе со своим мужем С. Н. Прокоповичем возглавляла Всероссийский комитет помощи голодающим («Помгол»), в 1922 г. выслана за границу, проживала сначала в Праге, потом в Женеве – 504, 505, 506
Кутлер Николай Николаевич (1859–1924), русский государственный и общественный деятель, в 1905 г. министр земледелия, кадет – 219, 252
Кутон Жорж Огюст (1755–1794), деятель Великой французской революции, депутат Законодательного собрания, Конвента, член Комитета общественного спасения – 170, 252
Кэпль, Кейпл (Capel) Артур (1603–1649), лорд, участник английской революции XVII в., один из предводителей роялистов; казнен 9 марта 1649 г. вместе с Джеймсом Гамильтоном решением суда и по настоянию О. Кромвеля – 208
Лависс (Lavisse) Эрнст (1842–1922), французский историк – 344
 Эпоха крестовых походов. М., 1914. Ч. I (в соавторстве с А. Рамбо) – 344
Лаврентий (Вавржинца) из Бржезова (Brez; Laurent de Brezova; Lavřinec z Březove; 1370 – после 1437), чешский рыцарь, утравкист, выдающийся гуситский писатель и поэт, прославлявший гуситские победы, автор «Гуситской хроники. 1414–1421» (М., 1962) – 133
Лавров Петр Лаврович (1823–1900), русский философ и социолог, теоретик революционного народничества – 392, 546, 548

- Лавуазье** Антуан Лоран (1743–1794), французский химик, во время революции сторонник конституционной монархии; в 1768–1792 гг., будучи членом «Компании откупов» (организации финансистов, бравшей на откуп государственные налоги), приобрел большое состояние, часть которого израсходовал на устройство лабораторий и научные исследования; вместе с другими откупщиками казнен по приговору революционного трибунала – 208, 293, 454
- Лагарп** Жан Франсуа де (1739–1804), французский поэт – 68
- Лагранж** (Lagrange) Жозеф Луи (1736–1813), французский математик и механик – 293
- Лазаревский** Николай Иванович, русский правовед, автор монографии «Русское государственное право» (Пг., 1917), ректор Петроградского университета, расстрелянный в 1921 г. по «Танцевскому делу» – 202, 513
- Ламарк** (Lamarque) Жан-Батист Пьер Антуан де Моне (1744–1829), французский естествоиспытатель – 293
- Ламартин** (Lamartine) Альфонс Мари Луи де (1790–1869), французский поэт-романтик, политический деятель и историк – 246
- Ламбаль** Мария-Тереза Луиза де Савой-Кариньяк де (1749–1792), княгиня (принцесса), близкая подруга Марии-Антуанетты, растерзанная 3 сентября толпой, ворвавшейся в тюрьму Форс – 131, 148
- Ламенне** (Lamennais) Фелисите Робер де (1782–1854), французский публицист и философ, аббат, один из родоначальников христианского социализма – 69
- Лампрехт** (Lamprecht) Карл Готфрид (1856–1915), немецкий историк – 364
- Ланге** Николай Николаевич (1858–1921), русский психолог – 38
Душевные движения. 1896 – 38
- Ланьо** (Lagneau) Жюль (1851–1894), французский философ, автор статьи «Последствия войн» (Les consequences des Guerres // Seances et Travaux de l'Academie des Sciences Morales et Politiques. 1892) – 209
- Ланлас** (Laplace) Пьер Симон (1749–1827), французский астроном, математик и физик – 293
- Ланпо-Данилевский** Александр Сергеевич (1863–1919), русский историк, член Петербургской академии наук (с 1899 г.) – 201, 427
- Ларевельер**, Ларевельер-Лепо (La Révelliere-Léreaux) Луи Мари де (1741–1824), французский государственный деятель – 260
- Ларин Ю.** (псевдоним Михаила Зальмановича Лурье) (1882–1932), деятель революционного движения в России, экономист и литератор; в августе 1917 г. примкнул к большевикам; после победы большевиков работал в комитетах и комиссиях ВСНХ – 228
Веселая арифметика // Красная газета. 1921, № 14 (291), 22 января – 228
- Лассаль** (Lassale) Фердинанд (1825–1864), деятель немецкого рабочего движения, организатор и первый президент Всеобщего германского рабочего союза – 302, 392
- Лафайет** (La Fayette) Мари Жозеф Ив Рок Жильбер Мотье (1757–1834), французский политический деятель, генерал, участник войны американских колоний за независимость, участник Великой французской революции и Июльской революции 1830 г. – 173, 198
- Лацис** Мартин Иванович (наст. фамилия и имя Судрабс Ян Фридрихович) (1888–1938), советский государственный и партийный деятель, в июле–ноябре 1918 г. председатель ЧК, в 1919–1921 гг. председатель Всеукраинской ЧК – 146
Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор двухгодичной деятельности чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. М., 1920 – 252
- Леб** (Loeb) Жак (1859–1924), американский биолог, профессор Чикагского (с 1892 г.) и Калифорнийского (с 1902 г.) университетов, создатель теории тропизмов – 38
La nature chimique de la vie [Химическая природа жизни] // Revue philosophique. 1921, decembre – 38
- Лебедев** Павел Павлович (1872–1933), русский и советский военный деятель, участник Первой мировой войны, генерал-майор, начальник штаба 3-й армии; в 1918 г. добровольно вступил в Красную армию, участвовал в разработке и проведении операций по разгрому войск Колчака, Деникина и Юденича – 219
- Лебон** (Le Bon) Гюстав (1841–1931), французский социолог, социальный психолог и публицист – 40, 54, 56, 151, 152, 288, 535
Психология социализма. СПб., 1908 – 54, 56, 151, 152, 288
- Левассер** (Levasseur) Пьер Эмиль (1828–1911), французский экономист и историк – 98, 99, 114, 127–130, 133, 143, 154, 185, 193, 207, 283, 284, 285, 292, 299, 325, 327, 348, 349, 355, 363
La population française. Paris, 1891. Vol. II, III [Французское население] – 127–130, 143, 185, 193, 194, 299, 325
Histoire des classes ouvrières de 1789 à 1870.

1900. Т. I; 1904. Т. II [История трудящихся классов с 1789 по 1870] — 98, 99, 114, 133, 154, 185, 196, 207, 283, 284, 285, 292, 299
 Le prix du blé dans divers au XIX siècle [Цены на зерновой хлеб в XIX веке] // Bulletin de l'Institut International de Statistique. Vol. XVIII — 348, 349
- Леви-Брюль** (Levy-Brühl) Люсьен (1857–1939), французский философ и психолог-позитивист, близкий к социологической школе Э. Дюркгейма — 169
 Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures. Paris, 1912 [рус. перевод: Первобытное мышление. М., 1930] — 1694
- Лекиньо** Мари Жозеф (1755–1814), деятель Великой французской революции, депутат Законодательного собрания и Конвента — 148
- Лекур** (Lecour) К. Ж. (1748–1877), начальник первого дивизиона полиции парижской префектуры — 127
 La prostitution à Paris et à Londres. 1789–1870. Paris, 1872 [Проституция в Париже и Лондоне в 1789–1870 гг.] — 127
- Ленин** Владимир Ильич (1870–1924), организатор Коммунистической партии Советского Союза, основатель и глава Советского государства — 30, 59, 88, 107, 110, 120, 155, 202, 244, 252, 257, 269, 291, 312, 408, 470, 486, 501, 503, 515, 533
 О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия). М., 1921 (ПСС. Т. 43) — 110
 О значении воинствующего материализма [ответ Ленина на статью П. А. Сорокина, напечатанную в журнале «Экономист» (1922, № 1)] // Под знаменем марксизма. 1922, № 3 — 501
- Ленц** А. К. Об изменении химического состава мозга при голодании (автореферат диссертации) — 48, 175
- Ленц** А. К. Методика и область применения условных рефлексов в исследовании высшей нервной («психической») деятельности // Журнал психиатрии и неврологии. 1922, № 1 — 46
- Леонтьев** Константин Николаевич (1831–1891), русский философ, писатель и публицист — 307
- Ле Пле** (Le Play) Фредерик Пьер Гийом (1806–1882), французский социолог — 433
- Лермонтов** Михаил Юрьевич (1814–1841), русский поэт и писатель — 598, 637
- Леру** (Lerox) Пьер (1797–1871), французский философ, один из основателей христианского социализма (ввел слово «социализм»), последователь Сен-Симона — 302
- Лесгафт** Петр Францевич (1837–1909), русский педагог, анатом и врач — 56, 202
- Ле Шапелье** Исаак Рене Ги (1754–1794), деятель Великой французской революции, депутат Учредительного собрания, казненный во время якобинского террора — 313, 390
- Лешков** Василий Николаевич (1810–1881), русский историк славянофильского направления, профессор Московского университета — 366, 367, 368
 Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. М., 1858 — 366, 367, 368
- Ли** (Lee) Генри Чарлз (1825–1909), американский историк, автор трудов по истории папства и католической церкви — 65, 160, 344, 345, 379
 История инквизиции. СПб, 1911. Т. I–II — 65, 160, 344, 345, 379
- Либкнехт** (Liebknecht) Карл (1871–1918), деятель германского и международного рабочего движения, один из основателей Коммунистической партии Германии — 252, 383
- Лилина-Зиновьева** (Лилина) Злата Ионовна (1882–1929), участница революционного движения в России, после II съезда РСДРП примкнула к большевикам, член Ленинградского Совета десяти созывов, автор и редактор-составитель нескольких книг, жена г. Е. Зиновьева — 120, 121
- Лильберн** (Lilburne) Джон (ок. 1614–1657), деятель Английской буржуазной революции, руководитель и идеолог левеллеров, автор «Манифеста» и «Соглашения свободного народа Англии», содержащих изложение его политических и социально-экономических воззрений — 65, 66, 302, 392
- Лингард** (Lingard) Джон (1771–1851), английский историк, автор сочинения «A history of England from the first invasion by the Romans to the commencement of the reign of William III». 1819–1830. Vol. 1–6 [История Англии со времен первого вторжения римлян до начала правления Вильгельма III] — 346
- Линкольн** (Lincoln) Авраам (1809–1865), американский политический и государственный деятель, в 1860–1864 и 1864–1865 гг. президент США; его избрание послужило сигналом к отделению Южных рабовладельческих штатов от Союза и к началу Гражданской войны 1861–1865 гг.; с 1 января 1863 г. стала законом прокламация Линкольна об освобождении негров-рабов; 14 апреля 1865 г. он был смертельно ранен актером Дж. Бутсом, агентом

- рабовладельцев и их союзников в Северных штатах — 425
- Лиссагаре** (Lissagaray) Проспер Оливье (1838–1901), французский журналист; издавал в дни Парижской Коммуны 1871 г. революционные газеты — 70, 88, 128, 246
История Парижской коммуны. СПб., 1906 — 70, 88, 246
- Листер** (Lister) Джоффри, красильщик из Норвича, вождь английских инсургентов во время восстания 1381 г. Двинулся с дружиной, которая по дороге возросла до 50 тыс. человек, к Лондону на помощь Уоту Тайлеру, причем члены его дружины занимались не только грабежом, но и брали дворян в заложники, пытались выторговать себе таким образом у короля определенные льготы. Листер одержал несколько мелких побед, но, встретившись у Виджингама с войском епископа норвичского Генриха ле-Спенсера, был разбит, взят в плен и подвергнут тройной казни: повешению, обезглавливанию и четвертованию (см.: *Ковалевский М. М.* Английская пугачевщина // *Русская Мысль.* 1895, № IX) — 224
- Литвинов** Максим Максимович (настоящие имя и фамилия — Макс Валлах) (1876–1951), советский государственный и партийный деятель, в 1918 г. дипломатический представитель РСФСР в Великобритании, с 1921 г. зам. наркома иностранных дел — 531
- Лихтенбергер** (Lichtenberger) Джеймс Пендертон (1870–1953), американский социолог, в 1909–1945 гг. профессор социологии в Пенсильванском университете, экс-президент Американского социологического общества (до 1927 г.) — 569, 573
- Личкус** Лазарь Григорьевич (1858–1926), русский врач-акушер, директор Мариинского роддома в Петербурге, с 1923 г. профессор Ленинградского медицинского института — 202
[Статья] // *Врачебное дело.* 1921, 1 февраля — 2026
- Лод** (Laud) Уильям (1573–1645), английский церковный деятель, один из ближайших и наиболее ненавистных народу советников короля Карла I, с 1633 г. архиепископ Кентерберийский (глава англиканской церкви) — 85, 208, 396
- Локкьер** Роберт, сторонник Дж. Лильберна, солдат одного из тех полков, которые в апреле 1649 г. отказались отправиться в Ирландию для проведения карательной операции; по приказу О. Кромвеля пятеро солдат были приговорены к расстрелу; четверых помиловали, а Р. Локкьер был расстрелян 28 апреля в Лондоне на кладбище Св. Павла — 208
- Лопатин** Лев Михайлович (1855–1920), русский философ и общественный деятель — 201
- Лосский** Николай Онуфриевич (1870–1965), русский философ, основатель интуитивизма и представитель персонализма в России; в 1922 г. выслан из Советской России — 294, 520
- Лотси** (Lotsy) Ян Паулус (1867–1931), голландский ботаник, автор метафизической теории «эволюции при постоянстве видов» — 38
- Лукин** Николай Михайлович (псевдоним: Н. Антонов) (1885–1940), русский историк — 363
Парижская коммуна 1871 года. М., 1922 — 363
- Луначарский** Анатолий Васильевич (1875–1933), советский государственный деятель, писатель и критик, в 1917–1929 гг. нарком просвещения — 120, 413, 470, 505
Доклад Наркома по просвещению тов. А. В. Луначарского (Вечернее заседание 24 декабря) // *Известия ВЦИК.* 1922, № 293 (1732), 26 декабря, вторник, с. 2–3 — 297, 298, 416
- Лутохин** Далмат Александрович (1885–1942), русский экономист и журналист, главный редактор журнала «Экономист» и альманахов «Утренники», в 1922 г. выслан из Советской России, в 1928 г. вернулся в СССР — 564
- Львов** В. Н., октябрист, обер-прокурор Св. Синода во Временном правительстве — 462
- Людендорф** (Ludendorff) Эрих (1865–1937), немецкий военный и политический деятель, генерал пехоты, с августа 1914 г. фактически руководивший действиями на Восточном фронте, а с августа 1916 г. действиями всех вооруженных сил Германии — 251
- Людеров**, русский криминалист — 327
- Людовик XII** (Louis XII) (1462–1515), французский король в 1498–1515 гг. — 356
- Людовик XIV** (Louis XIV) (1638–1715), французский король с 1643 г., время правления которого ознаменовано расцветом королевского абсолютизма — 332, 396
- Людовик XVI** (Louis XVI) (1754–1793), французский король в 1774–1792 гг., свергнутый с престола в ходе Великой французской революции и казненный по приговору Конвента — 86, 248, 331, 357, 398, 406
- Людовик XVIII** (Louis XVIII) (1755–1824), французский король в 1814–1815 и 1815–1824 гг. — 248
- Люксембург** (Luxemburg) Роза (1871–1919), деятель немецкого, польского и международного рабочего движения — 252

- Лютер** (Luther) Мартин (1483–1546), вождь Реформации в Германии, основатель немецкого протестантизма — 365, 383
- Люцифер** (*лат.* Lucifer, буквально — носитель света), в христианской мифологии падший ангел, дьявол — 84
- Ляцкий** Евгений Александрович (1868–1942), русский и белорусский литературовед и филолог, издатель, профессор Карлова университета (до его закрытия немцами в 1939 г.) — 556
- Магницкий** Михаил Леонтьевич (1778–1844), русский государственный деятель, с 1819 г. служил в Министерстве духовных дел и просвещения. Проводя ревизию Казанского университета, предложил его закрыть и «торжественно разрушить» здание университета; уволен в отставку в 1826 г. за растрату казенных денег
- Магомед**, устаревшая транскрипция имени основателя ислама Мухаммеда — 160
- Мадзини** (Mazzini) Джузеппе (1805–1872), итальянский революционер, один из вождей итальянского национально-освободительного движения — 198
- Мадлен** (Madelin) Луи (1871–1956), французский историк, который в своих работах проводил мысль, что Наполеон закрепил основные завоевания революции — 49, 68, 69, 86, 87, 117, 130, 131, 144, 145, 147, 156, 168, 169, 237, 238, 247, 250, 259, 284, 389, 397, 407
Французская революция. Берлин, 1922. Т. I—II — 49, 68, 69, 86, 87, 130, 131, 145, 147, 156, 168, 169, 237, 238, 247, 250, 259, 284, 389, 397, 407
- Маздак** (ум. 529), проповедник религиозно-философского учения и руководитель крестьянского движения в Персии — 151
- Майр** (Mayr) Георг фон (1841–1925), немецкий статистик и государственный деятель — 28, 216, 326, 327, 336, 393
Закономерность общественной жизни. М., 1899 — 216
Statistik und Gesellschaftslehre. Berlin, 1917. Bd. 3 [Статистика и обществоведение] — 327
Moralstatistik mit einschluss der Kriminalstatistik (Sozialstatistik. Bd. I). Freiburg i. B. und Leipzig, 1917 [Моральная статистика, включающая криминальную статистику (Социальная статистика. Т. 1)] — 393
- Мак-Даугалл** (McDougall) Уильям (1871–1938), англо-американский психолог и социальный психолог, представитель инстинктивизма в социологии — 39, 44, 101
Introduction to Social Psychology. London, 1908 (рус. перевод: Основные проблемы социальной психологии. М., 1916) — 39, 101
The Original Nature of Man [Изначальная природа человека] — 39
- Макиавелли** (Machiavelli) Никколо (1469–1526), итальянский политический мыслитель и историк — 629
- Мак-Магон** (Mac-Mahon) Мари Эдм Патрис Морис (1808–1893), французский военный и государственный деятель, маршал (1859), в 1873–1879 гг. президент Французской республики — 251, 252
- Малле дю Пан** Жак (1749–1800), французский публицист, уроженец Женевы, монархист и убежденный противник революции — 86
- Малмсбери** (Malmesbury) Джеймс Харрис (1746–1820), лорд, английский государственный деятель, дипломат, автор дневников и мемуаров (Diaries and correspondence James Harris, first earl of Malmesbury. London, 1844; Memoirs of an ex-minister. An autobiography. London, 1885) — 208
- Мамонтов** (наст. фамилия — Мамантов) Константин Константинович (1869–1920), белоказацкий военачальник, генерал-лейтенант. Во время Гражданской войны командовал 4-м Донским конным корпусом в армиях генерала Краснова и генерала Деникина; в ноябре 1919 г. его корпус был разбит конным корпусом С. М. Буденного; за поражение 2 декабря 1919 г. был отстранен Деникиным от командования; умер от тифа
- Манлий**, Марк Манлий Капитолийский (Marcus Manlius Capitolinus), древнеримский полководец, командовавший римскими войсками в войне с эквами (382 г. до н.э.), спас Капитолий от галлов (в 387 г. до н.э.; отсюда прозвище «Капитолийский»); в 384 г. выступил в защиту плебеев против долгового рабства, был обвинен патрициями в стремлении к тирании и казнен (в 384 г. до н.э.) — 454
- Марат** (Marat) Жан Поль (1743–1793), деятель Великой французской революции, ученый и публицист — 68, 145, 146, 151, 208, 252, 302
- Марий** Гай (Gaius Marius) (ок. 157–86 до н.э.), римский полководец и политический деятель — 111, 186, 205, 223, 252, 267
- Мария Антуанетта** (Marie Antoinette) (1755–1793), жена французского короля Людовика XVI, сестра австрийского императора Франца I, казненная после свержения монархии во Франции — 379, 397, 398
- Марк Антоний** (82–30 до н.э.), римский политический деятель и полководец, во время граждан-

- ской войны один из полководцев Юлия Цезаря; в 43 г. до н.э. вместе с Октавианом и Лепидом заключил второй триумvirат, в 36 г. до н.э. женился на египетской царице Клеопатре VII; его ссора с Октавианом привела к войне между ними, в которой Марк Антоний проиграл и покончил с собой — 205
- Марков** Андрей Андреевич (1856–1922), русский математик, специалист по теории чисел, теории вероятностей и математическому анализу, ординарный академик Петербургской академии наук (с 1896 г.) — 201, 427, 453
- Маркс** (Marx) Карл Генрих (1818–1883), немецкий философ и экономист, деятель немецкого и международного рабочего движения — 301, 302, 305, 383, 392, 473, 515, 533
Классовая борьба во Франции в 1848–1850 гг. СПб.: Просвещение, 1906 — 363
Капитал — 301
Коммунистический манифест — 301
- Марсель** (Marcel) Этьенн (?–1358), руководитель Парижского восстания 1357–1358 гг. — 224, 270, 354
- Масарик** (Masaryk) Алиса, дочь президента Т. Г. Масарика, председатель Чехословацкого Красного Креста, одна из основательниц социологической секции Союза чехословацких студентов, в 1918–1920 гг. член революционного Национального собрания — 25
- Масарик** (Masaryk) Томаш Гарриг (1850–1937), чехословацкий государственный и политический деятель, философ и социолог, в 1918–1935 гг. президент Чехословацкой республики — 25, 547
- Маслов** Петр Павлович (1867–1946), русский экономист, социал-демократ (меньшевик), после Октябрьской революции 1917 г. отошел от политической деятельности, вел педагогическую и научную работу; академик АН СССР (1929) — 91, 289, 297
- Мировая социальная проблема. Чита, 1921 — 91, 289
- Маслов** Сергей Семенович (1887 — не ранее мая 1945), русский экономист, политический деятель и публицист, член партии эсеров; с 1921 г. в эмиграции. Убит сотрудниками контрразведки СМЕРШ после занятия советскими войсками Праги — 110
Россия после четырех лет революции. Париж, 1922. Т. 1–2 — 110
- Масперо** (Maspero) Гастон Камиль Шарль (1846–1916), французский египтолог — 334
Древняя история. СПб., 1903 — 334
Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии. Пг., 1921. Вып. III–V — 106, 122, 192, 221, 505
- Маховик. 27 июля 1921 (статья «В местах неурожая») — 155
- Маяковский** Владимир Владимирович (1893–1930), русский советский поэт — 419
- Мейер** (Meuer) Эдуард (1855–1930), немецкий историк древности — 338, 339
Народонаселение в древности // Народонаселение и учение о народонаселении. М., 1897 — 338, 339
- Мейман** (Meumann) Эрнест (1862–1915), немецкий педагог и психолог, основатель экспериментальной педагогики — 166, 405
Интеллигентность и воля. [М.], 1917 — 166, 405
- Мельгунов** Сергей Петрович (1879–1956), русский историк, публицист и политический деятель, в 1922 г. выслан из Советской России — 144, 310
Голова Медузы (Немного статистики) // Дни. 1923. № 210, 11 июля — 144, 310
- Мемний** Гай (ок. 98 — ок. 46 до н.э.), народный трибун, первоначально сторонник Помпея, потом Цезаря, поэт и оратор, знаток философии и покровитель литераторов; был осужден за подкуп и изгнан из Рима (в 52 г. до н.э.) — 205
- Мендель** (Mendel) Грегор Иоганн (1822–1884), австрийский биолог, основоположник учения о наследственности, названного в его честь менделизмом — 26
- Менжинский** Вячеслав Рудольфович (1874–1934), советский государственный и партийный деятель, после Октябрьской революции первый нарком финансов, с 1926 г. председатель ОГПУ — 470
- Мерлен** Антуан Кристоф (1762–1833), деятель Великой французской революции, якобинец, депутат Законодательного собрания и Конвента — 117, 252, 314
- Мерт**, в египетской мифологии богиня музыки и пения — 134
- Метелл** Квинт Цецелий (ум. 115 до н.э.), римский претор, подавивший в 148 г. до н.э. восстание Андрииска, выдававшего себя за законного наследника Македонского престола Филиппа; после этого Македония была объявлена римской провинцией, а Метелл получил прозвище «Македонский» — 133
- Мещеряков** В. Н. О сельскохозяйственных коммунах. М., 1918 — 107
- Миклашевский** Иван Николаевич (1858–1901), русский экономист и статистик — 350
История политической экономии. Философ-

- ское, историческое и теоретическое начала экономики. Юрьев, 1908 — 350
- Микулаш Желивский** (Zeliv) (?–1422), участник гуситского движения, руководитель восстания в Праге 30 июля 1419 г., в 1419–1422 гг. контролировал весь город и установил в нем диктатуру радикального крыла гуситов; 9 марта 1422 г. сторонники умеренного крыла движения замяли его и его сторонников в Староместскую ратушу и в тот же день обезглавили — 207, 224
- Милдмей** Генри, член Долгого парламента, по словам Ф. Гизо, «отъявленный монополист, вполне отдавшийся новой власти», избранный вопреки решению парламента о недопущении в его состав лиц, принимавших участие в какой бы то ни было монополии — 253
- Милоков** Павел Николаевич (1859–1943), русский историк и социолог, публицист и политический деятель — 71, 78, 110, 173, 385, 386, 568
История второй русской революции. София, 1921–1923. Т. 1–3 — 71, 110, 386
- Мирабо** (Mirabeau) Оноре Габриэль Рикети (1749–1791), граф, деятель Великой французской революции, избранный в Генеральные штаты от третьего сословия — 86, 156, 208
- Митра**, древнейшее арийское божество небесного света, солнца и правды, почитавшееся в Иране, Индии и Северной Месопотамии; Геродот отождествлял Митру с греческой Афродитой — 299
- Михаил Феодорович** (1596–1645), первый русский царь из династии Романовых, избранный на престол в феврале 1613 г. Земским собором — 163
- Михайловский** В. М., русский статистик — 321
- Михайловский** Николай Константинович (1842–1904), русский публицист, социолог, литературный критик, один из идеологов народничества — 40, 45, 175, 392
Герои и толпа — 40
Борьба за индивидуальность — 45
- Михельс** (Michels) Роберт (1876–1936), немецкий историк, экономист и социолог, в 1926 г. принявший итальянское гражданство; автор книги «Социология политической партии в условиях современной демократии» (1911) — 436
- Мишле** (Michelet) Жюль (1798–1874), французский публицист и историк романтического направления — 68, 87, 117, 131, 185, 284, 293
История XIX века. СПб., 1882. Т. 1: Директория — 117, 131, 185, 284, 293
Histoire de la révolution française. Paris, 1846–1857. Vol. 1–7 [История французской революции] — 87
- Мольер** (настоящее имя и фамилия Жан Батист Поклен) (1622–1673), французский драматург, актер и театральный деятель — 68, 421
- Моммзен** (Mommsen) Теодор (1817–1903), немецкий историк, специалист по истории Древнего Рима и римскому праву — 64, 83, 84, 97, 112, 133, 134, 143, 151, 154, 156, 158, 160, 186, 195, 206, 223, 224, 236, 251, 265, 286, 300, 396, 400
Римская история. М., 1887. Т. II, III — 64, 83, 84, 97, 112, 133, 134, 151, 154, 156, 158, 160, 186, 195, 206, 223, 224, 236, 251, 265, 286, 300, 396, 400
- Монк** (Monk, Monck) Джордж (1608–1670), английский военный и политический деятель, генерал, покоритель Шотландии — 251, 252
- Монталамбер** (Montalembert) Марк Рене де (1714–1800), маркиз, французский военный деятель и теоретик фортификации, дивизионный генерал — 151
- Монтроз** (Montrose) Джеймс Грэм (1612–1650), граф, шотландский военный деятель — 139, 208
- Морганы**, одна из старейших и крупнейших финансовых групп США, занимающая наряду с Рокфеллерами ведущее положение в финансовой олигархии страны
- Моска** (Mosca) Гаэтано (1858–1941), итальянский юрист, социолог и историк — 436
- Мотлей**, Мотли (Motley) Джон Лотроп (1814–1877), американский историк — 65, 132, 143, 148
История Нидерландской Революции и основания республики соединенных провинций. СПб., 1866. Т. 2 — 65, 132, 143, 148
- Мстиславский** (наст. фамилия Масловский) Сергей Дмитриевич (1876–1943), левый эсер, подполковник Военной академии, активный участник масонской ложи «Великий Восток народов России», автор ее устава; участник революции 1905–1907 гг., Февральской революции и Гражданской войны, в 1917 г. комиссар Петросовета, арестовывал семью Николая II. В дальнейшем занимался литературной работой, написал ряд художественных произведений по истории революционного движения в России — 386
Пять дней. Начало и конец Февральской революции. Берлин; Пб.; М., 1922 — 386
- Муций Сцевола** (Scaevola — левша) Гай, римский герой, который, по преданию, сжег на огне правую руку в доказательство своего бесстрашия — 454
- Мюллер** (Müller) Август (1848–1892), немецкий востоковед — 73, 113, 207
История ислама от основания до позднейших времен. СПб., 1895. Т. I–IV — 73, 113, 207

- Мюнстерберг** (Münsterberg) Гуго (1863–1916), немецкий психолог и философ, в 1892 г. переехал в США, где стал профессором Гарвардского университета; автор первых работ по определению профессиональной пригодности – 441
- Мюнцер** (Münzer, Müntzer) Томас (ок. 1490–1525), немецкий революционер, один из главных вождей Крестьянской войны в Германии (1524–1526) – 267, 270, 302
- Мясоедов**, профессор, сотрудник Института Мозга – 126
На новых путях. Итоги новой экономической политики за 1921–1922 гг. 1922. Вып. III – 276
- Набис**, Набид (Nabis), тиран Спарты с 207 по 192 гг. до н.э., продолживший реформу, начатую Агисом IV и Клеоменом III – 64, 186, 196, 267, 338
- Нагродская** Евдокия Аполлоновна (1866–1930), русская писательница-декадентка, автор романов «Белая колоннада», «Гнев Диониса» и многочисленных рассказов – 126
- Наполеон I Бонапарт** (Napoleon) (1769–1821), французский государственный деятель и полководец, первый консул Французской республики (1799–1804), император Франции (1804–1815) – 69, 99, 117, 129, 151, 162, 163, 227, 248, 251, 252, 265, 315, 397, 408, 410, 421, 451, 456
- Наполеон III** (Napoleon III), Шарль Луи Наполеон Бонапарт (1808–1873), французский император в 1852–1870 гг., сын Гортензии Богарне, падчерицы Наполеона I, и его брата Луи Бонапарта; в декабре 1848 г. был избран президентом Французской республики, 2 декабря 1851 г. совершил государственный переворот и провозгласил себя императором Наполеоном III – 88, 151, 265, 293, 315
- Народное хозяйство. 1921 и 1922 гг. – 110
- Народное хозяйство СССР в цифрах. М., 1924 – 415, 416
- На чужой стороне. Берлин, 1923. Сб. 1 – 298
- Некрасов** Николай Виссарионович (1879–1940), русский государственный и политический деятель, кадет, один из руководителей «Земгора», министр Временного правительства – 219, 52
- Нерон** Клавдий Цезарь (37–68), римский император с 54 г. из династии Юлиев-Клавдиев – 151, 420
- Низе** (Niese) Бенедикт[ус] (1849–1910), немецкий филолог, профессор в Марбурге и Бреславле – 83, 96, 111, 113, 207, 337–339, 341
- Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten. Gotha. 1899. 2 Teil. 1903. 3 Teil [История греческих и македонских государств] – 111, 207, 337
- Grundriss der römischen Geschichte nebst Quellenkunde. München, 1906 [Очерк римской истории и римского источниковедения] – 339, 341
- Никитин** Николай Николаевич (1895–1963), русский советский писатель, с 1921 г. участник литературной группы «Серрапионовы братья» – 124
- Николай** (Nicolai) Георг Фридрих (р. 1874), немецкий врач и социолог, доктор медицины, пацифист – 197
- Die Biologie des Krieges. Betrachtungen eines deutschen Naturforschers. Zürich, 1919 [Биология войны. Размышления немецкого натуралиста] – 197
- Николай I** (1796–1855), российский император с 1825 г. – 515
- Николай II**; Николай Александрович Романов (1868–1918), последний российский император – 398, 406
- Никон** (в миру Никита Минов) (1605–1681), церковно-политический деятель России, в 1652–1667 гг. патриарх русской православной церкви – 368
- Ницше** (Nietzsche) Фридрих (1844–1900), немецкий философ и поэт – 40
- Новгородцев** Павел Иванович (1866–1924), русский философ и правовед – 294
- Новиков** (Nowikow) Яков Александрович (Jacques) (1849–1932), русско-французский социолог – 197
- Les luttes entre sociétés humaines et leur phases successives. Paris, 1896 [Борьба между человеческими сообществами и их последовательные фазы] – 197
- Consicence et volenté sociales. Paris, 1897 [Общественное сознание и социальная воля] – 197
- Новое Время. 1905, 11 декабря – 126
- Новосельский** Сергей Александрович (1872–1953), русский демограф и статистик – 374
- Забастовочное движение в промышленности Петрограда // Бюллетени отдела статистики труда. 1919. № 8, 15 ноября – 374
- Ньютон** (Newton) Исаак (1643–1727), английский физик и математик, заложивший основы классической механики и астрономии – 27, 430
- Овсянко-Куликовский** Дмитрий Николаевич (1853–1920), русский языковед и литературовед, почетный академик Петербургской академии наук, умер в одесской клинике от нарушения циркуляции крови – 201, 427, 453

- О голоде / Под ред. К. Н. Георгиевского. Харьков, 1922 — 147
- Одесские Известия [правильно: Известия Одесского совета рабочих и красноармейских депутатов] — 125
- О земле: Сборник статей о прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. М., 1921. Вып. 1 — 230
XI съезд Российской Коммунистической партии: Резолюции и Постановления XI Съезда Российской коммунистической партии (большевиков). 27 марта — 2 апреля 1922. М., 1922 — 218, 244
- Олар** (Aulard) Франсуа Виктор Альфонс (1849–1928), французский историк — 68, 69, 151
Ораторы революции. М., 1907–1908. Т. 1–2 — 68
Политическая история Французской революции. М., 1920
- Олпорт** (Allport) Флойд Генри (1890–1971), американский психолог — 558
Social Psychology. 1924 [Социальная психология] — 558
- Оман** (Oman) Чарлз Уильям Чейдуик (1860–1946), английский историк — 65, 114, 347
Великое крестьянское восстание в Англии. М.: Мир, 1907 — 65, 347
- Онху**, древнеегипетский «старец», автор записок — 205, 286, 335
- Орбели** Леон Абгарович (1882–1958), русский физиолог, ближайший ученик и сотрудник И. П. Павлова — 48
- Ормузд III** (V в.), персидский царь из династии Сасанидов, убитый в 459 г. своим братом Перозом — 113
- Осинский Н.** (псевдоним Валериана Валериановича Оболенского) (1887–1938), советский партийный и государственный деятель, экономист — 107
Строительство социализма. Общие задачи. Организация производства. М., 1918 — 107
- Осинов** Виктор Петрович (1871–1947), русский психиатр — 204
О душевных заболеваниях и душевной заболеваемости в Петрограде // Известия Комиссии Здравоохранения Петроградской Трудовой Коммуны. 1919. № 7–12 — 204
- Осприс**, в древнеегипетской религии сын бога земли Геба и богини неба Нут, унаследовавший царство отца, но убитый братом, злым богом Сетом, который разрезал его тело на 40 частей и разбросал по всей стране; жена Осписа Исиды собрала их и, сложив вместе, оживила с помощью магических заклинаний — 63
- Острогорский** Михаил Яковлевич (1854–1919), русский юрист, историк и политолог, автор фундаментального труда «Демократия и политические партии», изданного в Париже в 1898 г. на французском языке (рус. перевод 1927–1930; переиздание: М., 1997) — 436
- Оттокар** Николай Петрович (1884–1957), русский историк-медиевист, идейный единомышленник и близкий друг Л. П. Карсавина, с 1922 г. в эмиграции — 344
Опыты по истории французских городов в Средние века. Пермь, 1919 — 344
- Отчет Народного Комиссариата Земледелия X Всероссийскому съезду Советов. 1922. М., 1923 — 278
- Ошар** (Hochard), участник Великой французской революции, якобинец — 145
- Оуэн** (Owen) Роберт (1771–1858), английский социалист-утопист — 302
- Очерки по истории Византии. СПб., 1912. Вып. II — 342
- Павлов** Иван Петрович (1849–1936), русский физиолог, академик (с 1907 г.), создатель учения о высшей нервной деятельности — 39, 45, 164, 175, 380, 511
Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. Условные рефлексы: Сборник статей, докладов, лекций и речей. М.; Пг., 1923 — 39, 45, 48, 132, 380
- Павлов К.**, публицист, сотрудник альманаха «Утренники», автор эссе «Россия» — 419
- Палацкий** (Palacky) Франтишек (1798–1876), чешский историк и философ — 65, 97, 160, 185
Geschichte von Böhmen. Prag, 1851. Bd. II [История Богемии] — 65
- Палладин** Владимир Иванович (1859–1922), русский ботаник и биохимик, академик Петербургской академии наук — 201, 453
- Парето** (Pareto) Вильфредо (1848–1923), итальянский социолог и экономист — 39, 47, 224, 343, 380, 382, 407
Trattato di sociologia generale. Firenze, 1916. Vol. I–II [Трактат по общей социологии] — 39, 40, 47, 54, 224, 343, 380, 382
- Парижская Коммуна. Акты и документы. Пг., 1920 — 258
- Парк** (Park) Роберт Эзра (1864–1944), американский социолог, один из основателей Чикагской школы, автор «классической» социально-экологической теории, президент Американского социологического общества (1925) — 562

- The Introduction to the Science of Sociology (1921; в соавторстве с Э. Берджесом) [Введение в науку социологии] – 562
- Паркер** (Parker) Эдуард Харпер (1849–1926), английский синолог – 187
China Past and Present. London, 1903 [Китай в прошлом и настоящем] – 187
- Пармели** (Parmelee) Морис (1882–1969), американский социолог, экономист и криминолог – 45
The science of human behavior. New York, 1913 [Наука о человеческом поведении] – 45
- Патрик** (Patrick) Джордж Томас Уайт (1857–1949), американский философ и психолог – 39, 44, 75, 89, 101, 322
The Psychology of Social Reconstruction. Boston, 1920 [Психология социальной реконструкции] – 39, 44, 75, 89, 101, 322
- Паттен** (Patten) Симон Нильсон (1852–1922), американский экономист и социальный философ – 39
The theory of social forces [Теория социальных сил] // Supplement to the Annals of the American Academia of Political and Social Science. 1896, January – 39
- Пельман** (Pohlmann) Роберт (1852–1914), немецкий историк античности – 64, 83, 84, 96, 112, 207, 335, 336, 338–342
Очерк греческой истории и источниковедения». СПб., 1908. Т. 1
История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910 – 64, 84, 96, 112, 207, 335, 336, 338–341
Ранний христианский коммунизм. Казань, 1920 – 64, 342
- Петр Брюнсенский**, Петр де Брюи (Pierre Bruys, Bvsius, Bvuzius) предводитель средневекового антицерковного движения, живший в XII в. в Лангедоке, был основателем религиозной секты бруссианов. Его учение дошло до нас в изложении Петра Достопочтенного. Глава Ключийского ордена, боровшегося с Бернаром Клервосским. Дал убежище Абеяру. Брюи учил, что напрасно крестьян детей, что для почитания Бога не нужно церквей – Его можно призывать всюду. Отрицательно относился и к остальным церковным обрядам (молитвам, милостыни, погребению). К проповеди он приступил около 1105 г., его учение быстро распространилось по Лангедоку, а также Гиени. В 1125 г. (по другим данным в 1126) он был сожжен на костре в Сен-Жиле. Начатое им движение нашло нового вождя в лице Генриха Лозаннского – 302, 345
- Петр I Великий** (1672–1725), русский царь с 1682 г., первый российский император с 1721 г. – 481
- Петражицкий** Лев Иосифович (1867–1931), польско-русский социолог и правовед – 38
Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1907 – 39
- Петриченко** Степан Максимович, глава Временного революционного комитета, созданного во время Кронштадтского восстания в марте 1921 г., после подавления мятежа бежал в Финляндию, работал на советскую разведку, в 1941 г. был арестован финскими властями, а в апреле 1945 г. передан в органы контрразведки Красной армии, умер 2 июня 1945 г. во время этапирования его из Соликамского лагеря во Владимирскую тюрьму – 373
- Петрищев** Афанасий Борисович (1872–1938), русский писатель и публицист, член редакции журнала «Русское богатство» – 506
- Петроградская правда. 1921, 1 февраля – 352
1922, 5 января – 488
17 февраля – 374
10 марта – 205
- Петрушевский** Дмитрий Моисеевич (1863–1942), русский историк – 65, 347
Восстание Уота Тайлера. М., 1915 – 65, 114, 347
- Пильняк** (наст. фамилия Вогау) Борис Андреевич (1894–1937), русский писатель – 124
Былье. Пг.; М., 1920 – 124
Голый год. Пб.; Берлин, 1922 – 124
- Пирсон** (Pearson) Карл (1857–1936), английский математик, биолог и философ – 38
- Питт** (Pitt) Уильям Младший (1759–1806), государственный деятель Великобритании, в 1783–1801 и 1804–1806 гг. премьер-министр – 168
- Платон** (Platon) (427–347 до н.э.), древнегреческий философ – 198
- Платонов** Сергей Федорович (1860–1933), русский историк, академик АН СССР (1920–1931), после революции 1917 г. подвергся критике со стороны историков-марксистов, умер в Самаре – 116, 249, 367, 369, 515
Лекции по русской истории. Пг., 1917 – 116, 249, 369
Московский голод 1601–1603 гг. // Артельное дело. 1921, № 9–16 – 367
- Плеханов** Георгий Валентинович (1856–1918), русский философ и пропагандист марксизма – 392
- Покровский** Иосиф Алексеевич (1868–1920), русский юрист, профессор римского и гражданского права – 201, 453, 515
- Покровский** Николай Николаевич (1865–1930), русский государственный деятель, в 1914–

- 1916 г. член Государственного Совета, в 1916–1917 г. министр иностранных дел – 219
- Полачек**, сотрудник Министерства иностранных дел Чехословакии, секретарь В. Гирсы – 561
- Полетаев** Николай Гурьевич (1872–1930), деятель российского рабочего движения, в 1918–1921 г. на издательской и хозяйственной работе в Москве – 120
- Полибий** (Polybius; ок. 200–120 до н.э.), древнегреческий историк, автор «Всемирной истории» в 40 книгах (полностью сохранились первые пять) – 186, 195
- Поликрат**, тиран острова Самос (537–522 до н.э.), которого персидский сатрап Оретес заманил в Сарды и распял на кресте – 207, 454
- Помпей** (Gnaeus Pompeius Magnus) Гней (10–48 до н.э.), римский полководец и политический деятель – 111, 205, 223, 252, 267, 341, 454
- Посада** (Posada) Адольфо Гонсалес (1860–1944), испанский юрист, социолог и публицист, с 1883 г. профессор политического права в Университете Овьедо, участвовал в формировании трудового законодательства Испании, в 1909–1924 г. работая в Институте социальных реформ – 569
- Последние новости. 1923. № 972, 23 июня – 219, 243
- Правда – 110, 123, 313
- Правда. 1921, 22 октября – 155, 505
- 1922, 5 января – 147
- 10 февраля – 147
- 26 марта – 147
- 22 мая – 147
- 1923, 21 июня – 108, 123
- 24 июля – 146
- Прейн**, английский юрист, автор памфлета, направленного против привилегий, предоставленных в Англии католикам, и против разращения королевского двора; по решению Звездной палаты был приговорен (вместе с Прейном и Бествиком) к выставлению у позорного столба, отрезанию ушей (что в отношении к нему не могло быть исполнено, поскольку они уже были у него отрезаны за написание другого памфлета), уплате штрафа в 5000 фунтов стерлингов и пожизненному заключению; приговор был приведен в исполнение 30 июня 1637 г. – 65, 302
- Преображенский** Евгений Алексеевич (1886–1937), большевик с 1903 г., в 1918 г. левый коммунист, с 1923 г. – активный деятель троцкистской оппозиции, в 1927 г. исключенный из партии, в 1929 г. восстановлен, но затем снова исключен и репрессирован – 108, 171, 297
- Причины падения курса нашего рубля. М., 1922 – 297
- Пресняков** Александр Евгеньевич (1870–1929), историк, член-корреспондент АН СССР – 515
- Прокоп Большой** (ок. 1380–1434), деятель гуситского революционного движения, священник, с 1426 г. главный политический и военный руководитель таборитов, погиб в битве под Липанами – 65, 185, 207, 224, 251, 252, 270
- Прокоп Малый** (ум. 1434), деятель гуситского революционного движения, с 1428 г. начальник так называемых сирот (одного из революционных направлений гуситов), погиб в битве под Липанами – 207
- Прокопович** Сергей Николаевич (1871–1955), русский экономист, статистик, общественный и политический деятель, один из организаторов и руководителей «Помгола», в 1922 г. выслан из Советской России – 93, 94, 110, 228, 229, 230, 242, 243, 276, 279, 565
- Очерки хозяйства Советской России. Берлин, 1923 – 93, 94, 228–230, 242, 243, 276, 279
- Протоколы Сионских мудрецов – 531
- Протопопов** Виктор Павлович (1880–1957), русский советский психиатр и физиолог высшей нервной деятельности, профессор, сотрудник Института Мозга, действительный член Академии наук УССР – 48, 126
- Протопопов** Александр Дмитриевич (1866–1917), русский государственный деятель, член партии октябристов, с сентября 1916 г. министр внутренних дел, одно из наиболее доверенных лиц императора Николая II, расстрелян по приговору ВЧК – 398
- Профессиональный вестник. 1918. № 7–8 – 94
- Прудон** (Proudhon) Пьер Жозеф (1809–1865), французский философ и экономист, теоретик анархизма – 302
- Психиатрия и неврология. 1922. № 1 – 505
- Пугачев** Емельян Иванович (1742–1775), руководитель восстания крестьян и казаков в России в XVIII в. – 116
- Пушкин** Александр Сергеевич (1799–1837), русский поэт – 630, 635, 637, 638
- Радек** (наст. фамилия Собельсон) Карл Бернгардович (1885–1939), деятель российского и международного рабочего движения, публицист – 109, 157, 218, 252, 486, 531
- Разин** Степан Тимофеевич (?–1671), донской казак, руководитель восстания крестьян и казаков в 1667–1671 гг. – 116, 368, 369
- Раковский** Христиан Георгиевич (1873–1941), со-

- ветский государственный и партийный деятель, в 1918–1923 гг. председатель СНК Украины, с 1923 г. на дипломатической работе, по делу об «антисоветском правотроцкистском блоке» осужден на 20 лет; 11 сентября вместе с М. А. Спиридоновой, Д. Д. Плетневым и другими расстрелян в орловской тюрьме – 218
- Рамбо** (Rimbaud) Альфред (1842–1905), французский историк – 344
- Рамзес III** (Ramses) (ум. в 1156 до н.э.), египетский фараон – 335
- Распутин** (Новых) Григорий Ефимович (1872–1916), фаворит Николая II и его жены Александры Федоровны, считался «провидцем» и «целителем», убит монархистами – 379
- Ратцель** (Ratzel) Фридрих (1844–1904), немецкий географ, этнограф и социолог – 446
- Рафалович** Алексей Львович, русский советский экономист – 200
Россия и международный рынок // Экономист. 1922, № 4–5 – 200
- Ревельон**, французский фабрикант, дом которого в Париже был разрушен восставшими рабочими накануне Великой французской революции – 168, 360
- Рембрандт** (Rembrandt) Харменс ван Рейн (1606–1669), голландский живописец – 439
- Рен** (Wren) Кристофер (1632–1723), английский архитектор и ученый, крупнейший представитель английского классицизма – 293
- Ренан** (Renan) Жозеф Эрнест (1823–1892), французский писатель, историк и филолог-востоковед – 411
- Рибо** (Ribot) Теодюль Арман (1839–1916), французский психолог – 38
Психология чувств. СПб., 1898 – 39
- Ришар** (Richard) Гастон, видный французский социолог, редактор «Revue internationale de sociologie», постоянный автор и рецензент этого журнала, с 1928 г. редактор «Annales de l'Institut internationale de Sociologie» – 144, 576
Les crises sociales et les conditions de la criminalité [Социальные кризисы и причины преступности] // L'année sociologique, 1900. Vol. III – 144
- Ришелье** (Richelieu) Арман Жан дю Плесси (1585–1642), французский государственный деятель, кардинал – 396
- Робеспьер** (Robespierre) Максимилиан (1758–1794), деятель Великой французской революции, один из лидеров якобинцев – 30, 59, 68, 88, 117, 173, 208, 252, 259, 291, 314, 408
- Роден** (Rodin) Рене Франсуа Огюст (1840–1917), французский скульптор – 167, 405
- Роджерс** (Rogers) Джемс Эдвин Торолд (1823–1890), английский экономист-историк – 97, 346, 347, 348, 364
The Economic Interpretation of History. London, 1891 [Экономическая интерпретация истории] – 346, 348
History of agriculture and prices in England. Oxford, 1866–1902. Vol. 1–7 [История земледелия и цен в Англии] – 97, 347
- Родзянко** Михаил Владимирович (1859–1924), русский политический деятель, один из лидеров партии октябристов, с 1911 г. председатель Государственной думы, в 1918–1920 гг. находился при армии генерала Деникина, эмигрировал в Югославию – 78
- Родо** (Raudot) Клод Мари (1801–1879), французский политик и публицист, автор ряда исторических работ о Великой французской революции и Наполеоне – 185
- Родэс**, шведский посол в России в 1650–1655 гг. – 368
- Рожков** Николай Александрович (1868–1927), русский историк – 367
Народное хозяйство Московской Руси во второй половине XVI века // Дела и дни. Исторический журнал. Пг., 1920. Кн. 1 – 367
- Розенберг** Владимир Александрович (1860–1932), историк, редактор «Русских ведомостей», выслан из Советской России в 1922 г. на «философском пароходе» – 298
Сказка о рыбаке и рыбке // На чужой стороне. Берлин, 1923. Сб. 1
- Розенблатт** (Rosenblatt) Франк Фердинанд (1882–1927), американский историк, автор работ по истории чартизма – 350
The chartist movement in its social and economic aspects. New York: Columbia University, 1916 (Studies in history, economics and public law. Vol. LXXIII. № 1) [Чартистское движение в его социальных и экономических аспектах] – 350
- Розин** Николай Николаевич (1871–?), приват-доцент Томского университета – 202
- Романович-Славатинский** А. В. Голода в России и Западной Европе и меры правительства против них. Киев, 1892 – 331, 332
- Росс** (Ross) Эдвард Олсворт (1866–1951), американский социолог и социальный психолог – 40, 56, 175, 179, 321, 562, 571, 573
Foundations of Sociology. New York, 1920 [Основания социологии] – 40, 56, 159, 175, 179
Social control. A survey of the foundations of order. New York, 1904 [Социальный контроль. Обзорение оснований порядка] – 159

- Росси** (Rossi) Пеллегрини (1878–1948), итальянский социолог и психолог, автор работ по «общественной психологии» — 40, 175
- Ростовцев** (Rostowzew) Михаил Иванович (1870–1952), русский историк античности и археолог, в 1918 г. эмигрировал из Советской России — 64, 84, 97, 113, 160, 186, 195, 206, 224, 300, 340, 341, 468
Рождение Римской империи. Пг., 1918 — 64, 160, 186, 195, 206, 224, 300, 340, 341
Закат античной цивилизации // Русская мысль. 1922. Кн. VI—VII, VIII—IX — 300
- Ротшильды** (Rothschild), династия финансовых магнатов, начало которой положил банкир Майер Амшель Ротшильд из Франкфурта-на-Майне, обогатившийся в XVIII в. на военных поставках и финансовых спекуляциях; в первой половине XIX в. пятеро его сыновей возглавили банки, находящиеся в Париже, Лондоне, Вене, Франкфурте-на-Майне и Неаполе; впоследствии венский, франкфуртский и неаполитанский банки Ротшильдов прекратили свое существование, а парижский и лондонский стали вести финансовые дела самостоятельно; современная международная финансовая империя Ротшильдов подразделяется на английскую и французскую ветви — 442
- Ротштейн** Федор Аронович (1871–1953), советский дипломат, историк, академик АН СССР (1939), один из основателей Британской коммунистической партии (1920), в 1921–1922 гг. полномочный представитель РСФСР в Иране, затем член Коллегии Народного комиссариата иностранных дел (1923–1930) — 151, 218
- Рошер** (Roscher) Вильгельм Георг (1817–1894), немецкий экономист, основоположник исторической школы политэкономии — 345, 346, 348
О хлебной торговле и мерах против дороговизны. Казань, 1857 — 345, 346
- Рошфор** (Rochefort) Виктор Анри (1831–1913), французский публицист и политический деятель, участник Парижской Коммуны, после падения которой уехал из Франции; вернулся в 1880 г. по амнистии — 70
- Рубинов** (Rubinow) Исаак Макс (1875–1936), американский общественный деятель и публицист, по происхождению русский еврей, уехавший в Америку в 1893 г.; в 1919–1922 гг. директор Jewish Welfare Society, в 1922–1929 гг. возглавлял другие еврейские организации, автор многочисленных работ по проблемам социального страхования и о России — 593
Руль — ежедневная газета, основанная И. В. Гессе-ном, А. И. Каминкой и В. Д. Набоковым; выходила в Берлине с 17 ноября 1920 г. (№ 1) по 14 октября 1933 г. (№ 3309); слыла одной из самых непримиримых по отношению к большевикам.
1921 № 129, 21 апреля, пятница — 352
1922 № 764, 7 июня, четверг — 125
№ 768, 12 июня, вторник — 204
№ 777, 22 июня, пятница — 125, 204
- Русское уголовное уложение (правильно: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных), свод уголовного права в России, составленный в 1845 г., переработанный в 60-х гг. XIX в.; в редакции 1885 г. Уложение действовало до Октябрьской революции 1917 г. — 140
- Руссо** (Rousseau) Жан-Жак (1712–1778), французский писатель, философ и публицист — 61, 67, 293, 301, 302, 304, 383, 392, 397
- Рыков** Алексей Иванович (1881–1938), советский государственный и партийный деятель — 281
- Рябушинский** Павел Павлович (1871–1924), русский промышленник, октябрист, накануне Октябрьской революции 1917 г. ставший признанным лидером российской контрреволюционной буржуазии — 168, 238
- Савич** Владимир Васильевич (1874–1936), русский физиолог и фармаколог, профессор, в 1898 г. закончил Военно-медицинскую академию и остался работать в лаборатории И. П. Павлова, в 1904–1905 гг. участник русско-японской войны; после революции возглавлял кафедры различных ленинградских медицинских институтов — 56
[Доклад в Институте Лесгафта] — 56
- Садуль** (Sadoul) Жак (1881–1956), деятель французского рабочего движения, в 1918–1920 гг. участник гражданской войны в России; будучи атташе при французской военной миссии в Петрограде, он, под влиянием бесед с В. И. Лениным, отказался служить своему правительству, в конце 1919 г. вступил в Красную армию, за что во Франции заочно был приговорен к смертной казни; во Францию вернулся в 1924 г. — 218
- Салль де Ла**, маркиз (1731–1814), французский политический деятель, назначенный командующим национальной гвардией — 259
- Сальвиан** (Salvianus) Марсельский (390–484), христианский писатель и проповедник в Галлии, автор труда «О власти Господа» («De gubernatione Dei») и других сочинений
- Сальвиоли** (Salvioli) И. Капитализм в античном мире. 1922 — 97, 339, 341, 468

- Сансон** (Sanson) Анри (1767–1840), известный французский палач, казнивший Марию Антуанетту; ему приписывается сочинение «Записки палача» (1862) – 144
- Саркар** (Sarkar) Беной Кумар (1887–1949), индийский экономист, в 1926–1949 гг. профессор Калькуттского университета и преподаватель, вместе с Ауробиндо работал в National Council of Education, его взгляды и либеральные убеждения сложились под влиянием Рамкришны и Вивекананды – 576
- Social and Political Philosophy from Herder to Sorokin [Социальная и политическая философия от Гердера до Сорокина] – 576
- Сатурнин** (С.-Л. A. Puleius Saturninus), римский политический деятель I в. до н.э., стремившийся провести новые аграрные законы – 339, 340
- Сборник журнала «Народное хозяйство». М., 1918. Кн. 1. Март – 242
- Сборник статистических сведений о современном экономическом положении иностранных государств. М., 1922 – 352, 364
- Сваницкий** Н. Питание московских рабочих во время войны // Вестник статистики. 1920. № 9–12; 1921. № 1–4 – 372
- Свердлов** Яков Михайлович (1885–1919), советский партийный и государственный деятель, с ноября 1918 г. председатель ВЦИК – 531
- Святловский** Владимир Владимирович (1869–1927), русский историк и экономист, с ноября 1905 г. член Центрального бюро Петербургских профсоюзов, редактор его журнала «Профессиональный союз» – 252
- Семашко** Николай Александрович (1874–1949), советский партийный и государственный деятель, один из организаторов советского здравоохранения, в 1918–1930 гг. первый нарком здравоохранения РСФСР – 125
- Сен-Жюст** (Saint-Just) Луи Антуан (1767–1794), деятель Великой французской революции, сподвижник Робеспьера, член Конвента и Комитета общественного спасения, после термидорианского переворота гильотинирован – 145, 252, 259
- Сен-Симон** (Saint-Simon) Клод Анри де Рувруа (1760–1825), французский мыслитель, социолог, социалист-утопист – 302
- Сенсини** (Sensini) Гвидо (1879–1958), итальянский экономист – 224
- Teoria dell'equilibrio di composizione delle classi sociali [Теория состояния равновесия социальных классов] // Revista Italiana di Sociologia. 1913, sept.–oct. – 224
- Серторий** (123–72 до н.э.), римский полководец и государственный деятель. Будучи противником Суллы, установил в Мавритании режим, независимый от Рима; погиб в результате заговора – 205, 252
- Сиверс** Яков Ефимович (1731–1804), русский государственный деятель, дипломат, в 1764 г. Новгородский губернатор – 370
- Сигеле** (Sighele) Сципио (1868–1913), итальянский социолог, ученик и последователь Э. Ферри – 40, 131, 174, 175
- Преступная толпа. СПб., 1898 – 131, 174
- Сигизмунд I** (1368–1437), император «Священной Римской империи» в 1410–1437 гг.; унаследовав после смерти брата Вацлава IV чешский престол, вел борьбу против гуситского революционного движения, организовывал вместе с папой крестовые походы против гуситов – 142, 406
- Сийес**, Сьейс (Sieyes) Эммануэль Жозеф (1748–1836), аббат, деятель Великой французской революции, накануне революции опубликовал брошюру «Что такое третье сословие?», был избран в Генеральные штаты депутатом от третьего сословия; член Конвента, один из авторов «Декларации прав человека и гражданина» – 226, 252
- Симон** Т., французский психолог – 441
- Скабаланович** Николай Афанасьевич (1848–1918), русский историк-византист – 343
- Византийское государство и церковь. СПб., 1884 – 343
- Скиталец** (наст. фамилия Петров) Степан Гаврилович (1869–1941), русский писатель, примыкавший к издательству «Знание» – 126
- Огарки (1906) – 126
- Скрябин** Александр Николаевич (1871/1872–1915), русский композитор и пианист – 529
- Слащев** Яков Александрович (1885–1929), генерал, во время Первой мировой войны командир лейб-гвардии Московского полка, во время Гражданской войны в Добровольческой армии командовал бригадой и дивизией, в 1920 г. эвакуировался в Турцию, в 1921 г. с разрешения советского правительства вернулся в Россию, был амнистирован, преподавал тактику на курсах комсостава «Выстрел», оставил воспоминания – 219, 252
- Словцов** Б. И. Государственное питание рабочих ударной группы за 1917–1920 гг. // Бюллетень отдела статистики труда. № 32 – 372
- Сметанка** (Smetánka) Вацлав, чешский социолог, переводчик Введения к «Социологии революции» П. А. Сорокина на чешский язык – 577
- Смолл** (Small) Албион Вудбери (1854–1926), амери-

- канский социолог, основатель (1895) и редактор «American Journal of Sociology» — 567
 Fifty years of sociology in the United States (1865–1915) [Пятьдесят лет социологии в Соединенных Штатах] // American Journal of Sociology. 1916, May — 567
- Сократ** (ок. 470 — 399 до н.э.), древнегреческий философ — 207, 454
- Соловьев** Сергей Михайлович (1820–1879), русский историк — 367, 369
 История России. СПб. Б/г. 3-е изд. Кн. I–III — 367, 369
- Сологуб** (наст. фамилия Тетерников) Федор Кузьмич (1863–1927), русский писатель-символист — 126
 Навьи чары (при переиздании в 1914 г. — Творимая легенда) — 126
- Соломон** (*библ.*), третий израильский царь, сын Давида, автор Притч — 115
- Сондерс** (Saunders) Александр Моррис Карр (1866–1966), английский биолог, социолог и демограф, вице-президент Лондонского университета — 558
- Сорокин** Питирим Александрович (1889–1968):
 Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1914 — 119, 144, 163, 395, 548
 Социологическая теория религии // Заветы. 1914, № 3 — 159
 Обзор теорий и основных проблем прогресса // Новые идеи в социологии. СПб., 1914. Сб. 3 — 546
 Категория «должного» и ее применимость к изучению социальных явлений // Юридический вестник. 1917. Кн. 17 — 546
 П. Л. Лавров как социолог // Сб. «Вперед». Пг., 1920 — 546
 Система социологии. Пг., 1920. Т. I–II — 45, 211, 216, 228, 231, 235, 240, 255, 380, 435, 440
 Система социологии. Т. III (не издан) — 27, 546, 552, 553
 Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию // Экономист. 1922. № 1 — 188, 266, 466, 481
 Влияние голода на социально-экономическую организацию общества // Экономист. 1922. № 2 — 466, 481, 539, 546
 Война и милитаризация общества // Артельное дело. 1922. № 1–4 — 266, 481
 Отправляясь в дорогу (Речь на торжественном собрании в день 103-й годовщины Петербургского университета, 21 февраля 1922 г.) // Утренники. 1922, кн. 1 — 549
 Голод как фактор [М., 2003] — 51, 90, 147, 266, 324, 328, 457, 466, 481, 552
- Современное состояние России. Прага, 1923 — 110, 292, 298, 307, 446
 Город и деревня // Крестьянская Россия. Прага, 1923. Сб. IV — 393
 Социология революции — 539, 573
 Leaves from a Russian Diary. New York, 1924 — 557, 571
 Monarchs and Rulers. A Comparative Statistical Study [Монархи и правители. Сравнительное статистическое исследование] // The Journal of Social Forces. 1925. Vol. 4. № 4 (March) — 567
 Sociology of Revolution [Социология революции]. Philadelphia; London, 1925 — 557, 571
 Social Mobility [Социальная мобильность]. New York; London, 1927 — 558, 566, 572, 575
 Contemporary Sociological Theories [Современные социологические теории]. New York; London, 1928 — 572, 575, 579, 580
 Principles Rural-Urban Sociology [Принципы сельской и городской социологии]. New York, 1929 (в соавторстве К. Циммерманом) — 575, 579, 580
 A Systematic Source Book in Rural Sociology [Антология по сельской социологии]. Minneapolis, 1930–1932. Vol. I–III (в соавторстве К. Циммерманом) — 575, 578, 579, 580
 Социальная динамика — 577, 579
- Сорокина** (урожд. Баратынская) Елена Петровна (1894–1975), жена П. А. Сорокина с 1917 г., дочь помещного дворянина Таврической губернии, по профессии ботаник-цитолог, в 1925 г. в университете Миннесоты защитила докторскую диссертацию, профессор, преподавала в ряде вузов Америки — 553, 555, 563, 569, 574, 576
 Социалистический вестник. Берлин, 1922. № 5–6 — 139, 149
- Спартак** (?–71 до н.э.), вождь крупнейшего восстания рабов 73 (или 74)–71 гг. до н.э. в Италии, уроженец Фракии — 205, 339, 454
- Спенсер** (Spenser) Герберт (1820–1903), английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма — 266, 438, 468,
 Основания социологии. СПб., 1898. Т. I–II — 266, 438, 468
- Сталин** (наст. фамилия Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953), советский партийный и государственный деятель, глава самого жестокого тоталитарного государства XX в. — 252
- Старосольский** Владимир (1878–1942), профессор Украинского Свободного Университета в Праге — 552
- Старч** (Starch) Дэниел (1883–1979), американский психолог и педагог — 38

- Educational Psychology. New York, 1920 [Педагогическая психология] – 38
- Статистический ежегодник России. 1913. Пг., 1914 – 190, 200, 298
- Статистический ежегодник России. 1914. Пг., 1915 – 297
- Статистический ежегодник России. 1918–1920. Вып. 1. М., 1921; Вып. 2. М., 1922 – 189, 200, 232
- Стеглов** (наст. фамилия Нахамкис) Юрий Михайлович (1873–1942), участник революционного движения в России, советский государственный деятель, историк и публицист, в 1917–1925 гг. редактор газеты «Известия ВЦИК» – 252, 531
- Столыпин** Петр Аркадьевич (1862–1911), русский государственный деятель, с апреля 1906 г. министр внутренних дел, инициатор и руководитель реформы крестьянского наделного землевладения, начатой в ноябре 1906 г. и прекращенной постановлением Временного правительства от 28 июня (11 июля) 1917 г.; убит эсером Д. Г. Богровым – 163, 307, 469
- Страффорд** (Strafford) Томас Уэнтурт (1593–1641), английский государственный деятель, один из ближайших советников Карла I, который наделил его огромной властью, в ноябре 1640 г. в обстановке начавшейся революции был обвинен Долгим парламентом в государственной измене, арестован и позднее казнен – 85, 208, 396
- Струве** (Struve) Густав (1805–1870), немецкий демократ, республиканец, организатор восстаний в Бадене (в апреле и сентябре 1848 г.), член временного революционного правительства, в 1851 г. эмигрировал в США, в Европу вернулся в 1863 г., умер в Вене – 252
- Струве** Петр Бернгардович (1870–1944), русский политический деятель, экономист, философ – 488
- Струмилин** Станислав Густавович (1877–1974), советский экономист и статистик, академик АН СССР (1931), в 1921–1937 и 1943–1951 гг. работал в Госплане СССР – 93
- Стюарты** (Stuart, Stewart), королевская династия, правившая в Шотландии (с 1371 г.), а затем также и в Англии (1603–1649, 1660–1714), после смерти королевы Анны престол перешел к Ганноверской династии, находившейся со Стюартами в отдаленном родстве – 85, 151, 163
- Сулла** (Sulla) Луций Корнелий (138–78 до н.э.), римский государственный деятель, с 53 г. диктатор Рима – 64, 111, 186, 205, 206, 223, 267
- Суханов** (наст. фамилия Гиммер) Николай Николаевич (1882–1940), экономист-аграрник и публицист, учился в Высшей школе общественных наук в Париже (1902), после Октябрьской революции работал экономистом в различных научных учреждениях, в 1931 г. осужден по процессу «контрреволюционной меньшевистской организации» – 71, 110, 386, 406
- Записки о русской революции. Берлин; Пб., 1922–1923. Кн. 1–7 – 71, 110, 386
- Сципион**, Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший (ок. 185–129 до н.э.), римский полководец и политический деятель, в 146 г., будучи консулом, захватил и разрушил Карфаген, завершив III Пуническую войну; несмотря на родственные связи с Гракхами, враждебно относился к их аграрной программе – 157
- Таганцев** Николай Степанович (1843–1923), русский юрист и государственный деятель, специалист в области криминологии – 201, 513
- Тайлер** (Tyler) Уот, руководитель крестьянского восстания в Англии в 1381 г. – 185, 224, 252
- Талейран**, Талейран-Перигор (Talleyrand-Périgord) Шарль Морис (1754–1838), французский государственный и политический деятель, в 1788–1791 гг. епископ Отенский, отлученный от церкви римским папой, в 1797–1799 и 1799–1808 гг. министр иностранных дел Франции, в 1814 г. активно способствовал реставрации Бурбонов, в 1830–1834 гг. посол в Лондоне – 252
- Тальен** Жан Ламбер (1767–1820), участник Великой французской революции, журналист, якобинец, член Конвента – 117, 156, 252, 314
- Танхельм**, предводитель средневекового антицерковного движения, еретик, проповедовавший в первой половине XII в. в северной Галлии и Бретани – 302, 345
- Тапельсон** Самуил Львович, врач-венеролог, участник происходившего в мае 1923 г. съезда венерологов – 204
- Тарасевич** Лев Александрович (1868–1927), русский микробиолог, один из организаторов борьбы с эпидемиями в годы Гражданской войны – 204, 331, 332
- Эпидемии последних лет в России // Общественный врач. 1919. № 1 – 204
- Тард** (Tarde) Габриэль (1843–1904), французский социолог, один из основоположников социальной психологии и главных представителей психологического направления в социологии – 27, 40, 174, 175

- Законы подражания. СПб., 1892 — 40
 Социальные законы. СПб., 1906 — 27
 Преступления толпы. Казань, 1893 — 174
- Тарле Евгений Викторович** (1875–1955), русский историк — 69, 98, 284, 332, 358, 361
 Рабочий класс во Франции в эпоху революции. СПб., 1909. Ч. I–II — 284, 358, 361
 Печать во Франции при Наполеоне. Пг., 1922 — 69
 Крестьяне и рабочие в эпоху французской революции. СПб., 1922 — 98
- Тарновский Евгений Никитич** (1859–1936), русский юрист и уголовный статистик, заведовал статистическим отделом Министерства юстиции в дореволюционной России и в первые годы Советской власти, автор статьи «Влияние хлебных цен и неурожая на движение преступности против собственности в России» (Журнал Министерства Юстиции. 1898. № 8) — 325–327
- Терещенко Михаил Иванович** (1886–1956), русский крупный землевладелец и капиталист-сахарозаводчик, в 1915–1917 гг. председатель Киевского областного военно-промышленного комитета, министр финансов Временного правительства, с мая 1917 г. министр иностранных дел, в ночь на 26 октября (8 ноября) был арестован в Зимнем дворце вместе с другими министрами, бежал из-под ареста в Западную Европу; умер в Монако — 239
- Терно** (Tegneaux) Луи Мортимер (1808–1871), французский историк — 141
 Histoire de la Terreur. 1792–1794. Paris, 1862–1881. Vol. 1–8 [История террора] — 141
- Тиберий Клавдий Нерон** (42 до н.э. — 37 н.э.), римский император в 14–37 гг., пасынок Августа, усыновленный им в 4 г. н.э. и объявленный наследником в завещании — 151, 339
- Тимашев** («Тимашев старший»), возможно, речь идет об Андрее Сергеевиче Тимашеве, профессоре электроники в Канаде, но он был младшим братом социолога и правоведа Н. С. Тимашева — 577
- Тимофеев Евгений Михайлович** (1885–1941), видный эсер, в партии с 1903 г., в 1904 г. избран в состав ЦК партии, в 1906–1917 гг. находился в ссылке в Иркутске, член Учредительного собрания по Иркутскому округу. После октября 1917 г. продолжал активную политическую деятельность, в 1920 г. арестован, был обвиняемым на процессе над партией эсеров в 1922 г., приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Уральск, где он работал в местном Губплане, занимался экономикой и археологией, в 1939 г. приговорен к 25 годам лишения свободы, срок отбывал в Орловской тюрьме, где и был расстрелян в 1941 г. — 202
- Тихон** (в миру Василий Иванович Белагин) (1865–1925), патриарх Московский и всея Руси (с 1917 г.), активный борец против Советской власти, предавший ее анафеме, в мае 1922 г. привлечен к суду и заключен под домашний арест в Донском монастыре — 522, 523
- Токвиль** (Tocqueville) Алексис де (1805–1859), французский социолог, историк и политический деятель — 116, 273, 284, 358, 389, 397
 L'ancien régime et révolution. Paris, 1877 [русский пер.: Старый порядок и революция. М., 1997] — 116, 273, 284, 358, 389, 397
- Токугава Ияэсу** (1542–1616), японский феодал, основатель династии сёгунов (фактических правителей страны от имени императора) Токугава
- Толстой Лев Николаевич** (1828–1910), русский писатель и мыслитель — 301, 383
- Торндайк** (Thorndike) Эдуард Ли (1874–1949), американский психолог, работавший, главным образом, в области сравнительной психологии и проблем обучения — 39, 44, 101
 The Original Nature of Man. New York, 1910 [Истинная природа человека] — 39, 101
- Трайнин Арон Наумович** (1883–1957), русский криминолог и статистик, автор трудов по уголовному праву — 327
- Трейгер Н.**, социал-демократ, сосланный в Семипалатинск и пытавшийся сопротивляться произволу большевиков, по ложному обвинению в «колчакском заговоре» был приговорен к пяти годам тюрьмы — 149
 Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов 6–13 апреля 1920 г.: Стенографический отчет. М., 1921 — 94
- Троцкий** (наст. фамилия Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940), советский государственный и партийный деятель, один из вождей Октябрьской революции 1917 г., в 1929 г. выслан из СССР, убит агентом НКВД — 94, 109, 146, 157, 172, 252, 257, 310, 470, 486, 515, 531
 Терроризм и коммунизм. Пг., 1920 — 146
 Основные вопросы промышленности. Доклад и заключительное слово на XII съезде РКП (б). М., 1923 — 172
 Этапы революции. 1922 — 310
- Трубецкой Евгений Николаевич** (1863–1920), князь, русский философ, правовед и общественный деятель, умер в Новороссийске, находясь в рядах Добровольческой армии — 202, 427, 453

- Труд. 1922, 6 октября, 10 ноября, 12 декабря; 1923, 5 января, 8 февраля, 3 марта, 6 мая – 280
- Труды Первого Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. 26 мая – 4 июня 1918 г.: Стенографический отчет. М., 1918 – 243
- Труды Центрального Статистического Управления. М., 1921. Т. I. Вып. 3 – 184, 189, 190, 200
- Туган-Барановский** Михаил Иванович (1865–1919), русский экономист и социолог, в 1917–1918 гг. министр финансов Центральной Рады – 201, 327, 328, 351, 427, 453
Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь. СПб., 1894 – 327, 328, 351
- Тук** (Тооке) Томас (1774–1858), английский экономист, примыкавший к классической школе политэкономии, критик теории денег Рикардо – 348, 349
Die Geschichte und Bestimmung der Preise. 1858. Bd. II [История цен и состояние обращения; в соавторстве с У. Ньюмарчем] – 348, 349
- Тураев** Борис Александрович (1868–1920), русский историк, основоположник отечественной школы истории и филологии Древнего Востока – 63, 83, 96, 159, 201, 205, 334, 427, 453, 497
Древний Египет. Пг., 1922 – 63, 83, 96, 159, 205, 334, 497
- Тургенев** Иван Сергеевич (1818–1883), русский писатель – 529
- Турнвальд** (Turnwald) Рихард (1869–1954), немецкий социолог, профессор Берлинского университета – 575, 576
- Тухачевский** Михаил Николаевич (1893–1937), советский военный деятель, маршал Советского Союза (1935), отличился при ликвидации Кронштадтского мятежа и крестьянского восстания в 1921 г. на Тамбовщине («антоновщины»); репрессирован Сталиным – 252
- Тьер** (Thiers) Адольф (1797–1877), французский государственный деятель и историк – 69, 163, 316
- Тьерри** (Thierry) Амедей Симон Доменик (1797–1873), французский историк, брат О. Тьерри – 342
Récits de l'histoire Romaine au V siècle. 1860 [Рассказы из истории Рима V века] – 342
- Тэн** (Taine) Ипполит (1828–1893), французский философ и историк, один из основоположников социологии искусства – 69, 87, 103, 144, 182, 185, 208, 237, 284, 358, 359, 360, 362, 389, 501
Происхождение современной Франции. СПб., 1907. Т. I – 237, 397
- Les origines de la France contemporaine. Paris, 1885–1889. Vol. I–IV – 130, 185, 358, 359, 360, 389, 501
- La Revolution. Paris, 1885. Vol. I, III [вторая часть «Les origines de la France contemporaine», которая состоит из трех томов: 1) «L'Anarchie»; 2) «La Conquête Jacobine» и 3) «Le Gouvernement révolutionnaire»] – 103, 273
- Тюдор** (Tudor), королевская династия в Англии (1485–1603) – 347
- Уайтлок** (Whitelocke) Балстроуд (1605–1675), английский парламентский деятель, член Долгого парламента, сыграл большую роль в отставке графа Страффорда; в эпоху правления Кромвеля был весьма влиятелен, входил в его правительство, в 1657 г. возглавил тех, кто убедил Кромвеля принять королевский титул (хотя официально он назывался титулом лорда-протектора); в 1653–1654 гг. посол в Швеции – 156
- Уайткер**, Уитейкер (Whitaker) М., деятель Английской революции XVII в. – 253
- Уиклиф** (Wyclife) Джон (1320–1384), представитель бюргерской ереси в Англии, профессор Оксфордского университета, учение которого пользовалось большой популярностью у лоллардов – 64, 64, 160, 302
- Уилер** (Wheeler) Уильям Мортон (1865–1937), американский биолог, зоолог и энтомолог, в 1908–1934 гг. профессор Гарвардского университета – 581
- Уоллес** (Wallas) Грехем, английский образовательный и политический деятель, политолог, внесший заметный вклад в развитие эмпирического подхода к изучению человеческого поведения – 54
Human nature in politics. New York, 1909 [Природа человека в политике] – 54
- Уоллис** Джон (1616–1703), английский математик, друживший с И. Ньютоном и оставивший интересные мемуары – 293
- Уорд** (Ward) Лестер Фрэнк (1841–1913), американский социолог, основоположник психологического эволюционизма в США, первый президент Американского социологического общества – 39, 179
Pure Sociology. Paris, 1906 [Чистая социология] – 39
Dynamic Sociology or Applied social science as based upon statistical sociology and the less complex sciences. New York, 1883 [Динамическая социология, или Социальная наука, основанная на статистической социологии и менее сложных дисциплинах] – 39

- Психические факторы цивилизации. М., 1897 – 179
- Уорд** (Ward) Сет (1617–1689), английский астроном – 293
- Уотсон** (Watson) Джон Бродес (1878–1958), американский психолог, основоположник бихевиоризма – 164
Psychology from the Standpoint of a Behaviorist. 1921 [Психология с точки зрения бихевиориста] – 48
- У Пей Фу** (1873–1939), китайский генерал, политик, ученый-конфуцианец и поэт; в качестве разведчика участвовал в русско-японской войне на стороне Японии, в 1906 г. был пленен, но бежал, активный участник Первой мировой войны, в 1921 г. генерал-инспектор провинций Хубэй и Хунань – 251
- Урицкий** Моисей Соломонович (1873–1918), советский партийный и государственный деятель, с марта 1918 г. председатель Петроградской ЧК, 30 августа убит эсером – 503, 531
- Уэллс** (Wells) Герберт Джордж (1866–1946), английский писатель, в 1920 г. посетил Советскую Россию – 527
- Фаминцын** Андрей Сергеевич (1835–1918), русский ботаник, физиолог растений – 201
- Федоровский** А. Н., врач-венеролог, участник происходившего в мае 1923 г. съезда венерологов, приват-доцент, работал в отделе социальной гигиены Украинского государственного венерологического института в Харькове – 204
- Фемистокл** (534–459 до н.э.), государственный и военный деятель Афин, 470 г. был обвинен в государственной измене и приговорен к смертной казни, после чего бежал сначала в Аргос, а затем в Сузы к Артаксерксу I, который доверил ему управление несколькими городами – 198
- Ферамен**, Терамен (ок. 451–403 до н.э.), афинский политический деятель, глава умеренной олигархии, совершившей в 411 г. до н.э. антидемократический переворот и захватившей в 404 г. власть; один из Тридцати тиранов – 337, 454
- Ферреро** (Ferrero) Гульельмо (1871–1942), итальянский историк – 64, 97, 113, 195, 206
Величие и падение Рима. М., 1915–1916. Т. I–III – 64, 97, 195, 206
- Ферфакс** (Fairfax) Томас, барон Камерон (1612–1671), деятель Английской буржуазной революции, в январе 1645 г. по предложению О. Кромвеля назначен генералом и главнокомандующим парламентской армией, в 1648 г. перешел в оппозицию к индепендентам, в 1650 г. подал в отставку – 252
- Фик** (Feake) Кристофер, английский политический и религиозный деятель, проповедник, принадлежавший к секте Людей пятой монархии, после падения в Англии монархии секта сначала поддержала Кромвеля, но после введения протектората члены секты изменили свое отношение к нему, а их проповеди приобрели мятежный характер; вскоре лидеры секты (Т. Харрисон, Р. Овертон, Фик, Д. Роджерс и другие) были арестованы и в 1661 г. казнены – 225
- Филипп Л.**, римский трибун в 104 г. до н.э. – 339
- Филипп Эгалитэ**, Луи-Филипп Жозеф-Филипп Эгалитэ (1747–1793), герцог Орлеанский, брат короля Людовика XVI – 157
- Финни** (Finney) Росс Ли (1875–1934), американский социолог – 565
- Фиркандт** (Vierkandt) Альфред (1867–1953), немецкий социолог и этнолог, основатель Немецкого социологического общества (1910), в 1934 г. отправлен на пенсию с запрещением читать лекции, с 1945 г. председатель Кантовского общества – 174
Zur Theorie der Revolution [К теории революции] // Schmoller's Jahrbuch für Gesetzgebung, 46 Jahrgang. Heft 2. 1922 – 174
- Фирсов** Николай Николаевич (1864–1934), русский историк, профессор – 116, 367, 369, 370
Исторические характеристики. Казань, 1922 – 367
Крестьянские волнения до XIX в. // Великая реформа [19 февраля 1861–1911]. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. М., 1911. Т. II – 116, 369, 370
- Флери** (Fleury), французский государственный деятель, министр при Людовике XVI – 248, 357
- Флессель** Жак де (1721–1789), купеческий старшина в Париже, избранный главой буржуазной Парижской коммуны. Накануне штурма Бастилии выдал народу, пришедшему к нему за оружием, вместо ружей ящики со старым бельем – 168
- Флобер** (Flaubert) Гюстав (1821–1880), французский писатель – 275
Воспитание чувств – 275
- Фойницкий** Иван Яковлевич (1847–1913), русский юрист – 326
- Форд** (Ford) Генри (1863–1947), американский капиталист, один из основателей автомобильной промышленности в США, в 1936 г. учредил знаменитый Фонд Форда, предоставляющий гранты ученым – 243

- Форназари ди Верче** (Fornasari di Verce), итальянский криминалист и статистик, автор книги «La criminalita e le ricende economiche in Italia» (Torino, 1893) — 327
- Фоустка** (Foustka) Бржетислав (1862–1947), чешский социолог, ученик Т. Г. Масарика, профессор в Карловом университете — 547
- Франклин** (Franklin) Бенджамин (Вениамин) (1706–1790), американский просветитель, государственный деятель и ученый — 199, 454
- Фребель** Юлиус (1805–1893), участник революции 1848 г. в Германии, представитель левого крыла Франкфуртского парламента — 259
- Фрейд** (Freud) Зигмунд (1856–1939), австрийский врач-психиатр и психолог, основатель психоанализа — 39, 50, 254
О психоанализе. М., 1911 — 39, 254
- Фридендер** (Friedlender) Людвиг (1824–1909), немецкий историк и филолог — 97, 112, 341
Картины из бытовой истории Рима. СПб., 1914 — 112, 341
- Фридрих II Великий** (Friedrich II) (1712–1786), прусский король с 1740 г. — 481
- Фролов** Н. О влиянии резкого изменения в составе пищи // Архив биологических наук. 1922. № 3–5 — 48
- Фруассар** (Froissart) Жан (1338–1410), французский поэт и один из крупнейших хроникеров позднего Средневековья — 347
- Фрунзе** Михаил Васильевич (1885–1925), советский партийный, государственный и военный деятель — 252
- Фуассак** (Foissac) Пьер, французский врач и статистик — 209
- Фукидид** (Thucydides) (460–396 до н.э.), древнегреческий историк — 64, 83, 111, 141, 154, 157, 158, 159, 337, 497
История — 64, 83, 111, 141, 154, 157, 158, 159, 337, 497
- Фукье**, Фукье-Тенвиль Антуан Кентин (1746–1795), деятель Великой французской революции, общественный обвинитель революционного трибунала — 144
- Фулон** Тулан Франсуа Андриен, участник Великой французской революции, член совета Коммуны, охранник королевы — 139
- Фуше** Жозеф (1759–1820), участник Великой французской революции, член Конвента — 252, 268
- Фюстель де Куланж** (Fustel de Coulanges) Нума Дени (1830–1889), французский историк — 159, 206, 339, 438, 518
La cité antique. Paris, 1905 [Гражданская община античного мира.] — 159, 206, 339, 438
- Халупный**, Халупни (Chalupný) Эмануэль (1879–1958), чешский социолог, ученик Т. Г. Масарика, доцент социологии Брюннерского университета — 547
- Хаммурапи** (1792–1750 до н.э.), вавилонский царь — 119
- Харрисон** (Harrison) Томас (1606–1660), английский политический деятель, участник революции, генерал-майор, голосовавший за осуждение Карла I, командовал конвоем, привезшим короля для казни в Лондон, в 1651 г. был избран в Государственный совет, принимал участие в подавлении роялистского мятежа в мае 1649 г., после реставрации в мае 1660 г. арестован и 13 октября казнен — 271
- Хвостов** Вениамин Михайлович (1868–1920), русский правовед и социолог, покончил жизнь самоубийством — 201, 427, 453, 511
- Хейс** (Hayes) Эдвард Кэри (1868–1928), американский социолог, профессор университета Иллинойса — 40, 159, 175, 392, 393, 557
Introduction to the study of sociology. New York; London, 1921 [Введение в изучение социологии] — 175, 392
- Хлопок**, главарь разбойничьей шайки, действовавшей при Борисе Годунове в окрестностях Москвы — 367
- Холмс** (Holmes) Уильям Генри (1846–1933), американский историк и археолог — 342, 343
The age of Justinian and Theodorae. London, 1907 [Эпоха Юстиниана и Теодора] — 342
- Хорти** (Horthy) Миклош (1868–1957), фашистский диктатор в Венгрии в 1920–1944 гг.; после падения Венгерской советской республики осуществлял белый террор, 1 марта 1929 г. провозглашен регентом, в октябре 1944 г. передал власть Ф. Салашу и выехал в Германию, был интернирован в Баварии, с 1949 г. жил в Португалии — 151, 265
- Христос** — см. Иисус Христос
- Хрящева** Анна Ивановна (1868–1934), статистик, в 1916–1917 гг. руководила переписью в Петроградском отделе переписи — 230
- Цезарь** Гай Юлий (100–44 до н.э.), римский политический деятель и полководец — 97, 111, 151, 163, 205, 206, 223, 224, 249, 251, 252, 265, 267, 286, 402, 409, 454
- Целлий**, Марк Целлий Руф (до 84–48 до н.э.), римский оратор и народный трибун, погибший при неудачной попытке переворота — 339
- Цинна**, Луций Корнелий Цинна (?–84 до н.э.), римский военачальник и политический деятель, четырежды консул (87–84 гг.) — 252, 339

- Цитович** (Tsitivich), ученик И. П. Павлова — 48
- Цицерон** (Cicero) Марк Туллий (106–43 до н.э.), римский оратор и политический деятель — 157, 205, 219, 381
- Чаадаев** Петр Яковлевич (1794–1856), русский философ — 421
- Чарыхов** X. М. Учение о факторах преступности. Социологическая школа в науке уголовного права. М., 1910 — 327
- Чейпин** (Charin) Франсис Стюарт (1888–1974), американский социолог, профессор Миннесотского университета, 25-й президент Американского социологического общества (1935) — 574, 575, 580
- Чека:** Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий (Пред. В. М. Чернов). Берлин: Центральное бюро партии социалистов-революционеров, 1922 — 146
- Чернов** Виктор Михайлович (1873–1953), русский философ и общественно-политический деятель, теоретик и лидер партии эсеров, в мае-августе 1917 г. министр земледелия Временного правительства, с 1920 г. в эмиграции — 173, 506
- Чернышев** Петр Матвеевич, полковник, симбирский губернатор, в 1777 г. был разбит Пугачевым и повешен — 370
- Чехов** Антон Павлович (1860–1904), русский писатель — 529
- Чжан Цзолин** (1876–1928), китайский политический деятель, генерал, участвовавший в подавлении Синьхайской революции, перед Первой мировой войной стал генерал-губернатором, в 1922 г. потерпел поражение в борьбе с У Пей Фу, Цао Кунем и др., в том же году объявил об автономии Маньчжурии, где провел ряд военных и экономических реформ, погиб в 1928 г. во время взрыва поезда, устроенного японцами — 251
- Чичерин** Георгий Васильевич (1872–1936), советский государственный деятель, дипломат, племянник философа Б. Н. Чичерина, с 1918 по 1930 гг. нарком иностранных дел РСФСР (с 1923 г. — СССР) — 470
- Чхейдзе** Николай Семенович (1864–1926), социал-демократ, лидер меньшевиков — 71
- Шагинян** Мариэтта Сергеевна (1888–1982), русская советская писательница — 420
Как я была инструктором ткацкого дела — 420
- Шальмайер** (Schallmayer) Вильгельм (1857–1919), немецкий врач, автор трудов по гигиене и евгенике — 38
- Шаповал** Никита Ефимович (1882–1931), видный украинский общественный и политический деятель, поэт, публицист и социолог, участник революционного движения на Украине, с 1920 г. жил в Праге, где и умер — 538–584
- Шаповал** Ольга Филаретовна, жена Н. Е. Шаповала — 555, 562, 563, 565, 574, 580, 583
- Шатобриан** (Chateaubriand) Франсуа Рене (1768–1848), французский писатель и политический деятель, в 1793–1800 гг. жил в эмиграции в Англии — 198, 293, 304
- Шахматов** Александр Александрович (1864–1920), русский филолог, академик, исследователь русского, индоевропейских и ряда других языков, умер после операции, осложненной диэнтерией — 201, 427, 439, 453, 511
- Шварц** С. (псевдоним Соломона Мееровича Моносона) (1883–1973), меньшевик, с 1921 г. в эмиграции в Берлине, сотрудник «Социалистического вестника» — 280
Государственный минимум заработной платы // Социалистический вестник. Нью-Йорк, 1923. № 12 (58), 1 июля — 280
- Швегла** (Švehla) Антонин (1873–1933), чешский государственный деятель, один из лидеров аграрной партии, в 1922–1929 гг. председатель чехословацкого правительства — 25
- Шекспир** (Shakespeare) Уильям (1564–1616), английский драматург — 597
- Шенланк** (Schoenlank) Бруно (1859–1901), немецкий журналист, социал-демократ — 365
Soziale Kämpfe vor dreihundert Jahren, altnürnbergische Studie. Leipzig, 1894 [Социальная борьба в течение трехсот лет, исследование по истории древнего Нюрнберга] — 365
- Шенье** (Chénier) Андре Мари (1762–1794), французский поэт, казненный во время Великой французской революции — 208, 454
- Шенье** (Chénier) Мариус [Мари] Жозеф (1764–1811), французский писатель, участник Великой французской революции, якобинец, автор трагедий «Фенелон», «Карл IX», «Тиберий» и др., популярных в годы революции, брат поэта Андре Шенье — 68
- Шеррингтон** (Sherrington) Чарлз Скотт (1859? — 1952), английский физиолог — 46, 164
Ассоциация спинно-мозговых рефлексов и принцип общего поля // Успехи биологии. Одесса, 1912. Вып. 1 — 46
The Integrative Action of the Nervous System. New York, 1906 [рус. перевод: Интегративная деятельность нервной системы. Л., 1969] — 164
- Шимкевич** Владимир Михайлович (1858–1923),

- русский зоолог, академик, в 1918–1923 гг. ректор Петербургского университета – 201
- Шингарев** Алексей Иванович (1869–1918), земский деятель, врач, публицист, член партии кадетов, министр Временного правительства, убитый в больнице революционными матросами – 168
- Шкрах** (Škrach) Васил Капралек (1891–1943), чешский социолог, философ и публицист, в 1919–1937 гг. работал в архиве Т. Г. Масарика и издавал его труды, перевел на чешский язык Дж. Беркли – 567, 568
- Шмелев** Иван Сергеевич (1873–1950), русский писатель – 139
Солнце мертвых // Альманах «Окно». Париж, 1923. № 2 – 139
- Шоу** (Shaw) Джордж Бернард (1856–1950), английский драматург, откликнувшийся на Октябрьскую революцию гротесковым фарсом «Аннаинска, большевистская императрица» (1918), в которой высказался за применение методов насилия в целях преобразования общества – 517
- Шпенглер** (Spengler) Освальд (1880–1936), немецкий философ, представитель философии жизни – 546
Закат Европы (1918–1922) – 546
- Штейнах** (Steinach) Эйген (1861–1944), австрийский физиолог и биолог, автор трудов по изменению пола у млекопитающих путем удаления и пересадки половых желез – 38
- Штейнмец** (Steinmetz) Рудольф (р. 1862), голландский историк права, этнолог и социолог, профессор антропологии и социологии в Утрехте – 125
Die Philosophie der Krieger. Leipzig, 1907 [рус. перевод: Философия войны. СПб., 1915] – 187
- Штресеман** (Stresemann) Густав (1878–1929), германский политический деятель, в августе–ноябре 1923 г. возглавлял правительство большой коалиции, министр иностранных дел Германии – 269
- Штюрмер** Борис Владимирович (1848–1917), русский государственный деятель, председатель Совета министров, в 1916 г. министр внутренних и иностранных дел – 398
- Шубин В.** Старое по-новому // Военный вестник. М., 1923. № 20. 9 июля – 258
- Шуйский** Василий Васильевич (?–1538), князь, боярин, воевода в русско-литовских войнах, фактический правитель России после смерти Елены Глинской – 368
- Шульгин** Василий Витальевич (1878–1976), русский политический деятель, один из лидеров националистов, публицист, 2 марта 1917 г. вместе с А. И. Гучковым предъявил в Пскове Николаю II требование Думы об отречении от престола, после Октябрьской революции участвовал в создании Добровольческой армии, в 1925–1926 гг. нелегально приезжал в СССР; в 1944 г. арестован в Югославии и приговорен в Советском Союзе к тюремному заключению, освобожден в 1956 г., умер во Владимире – 71, 210, 379
Дни // Русская мысль. Прага, 1922. Кн. I–II, III, VI–VII, VIII–XII; Берлин, 1923. Кн. I–II, III–V, VI–VIII – 71, 379
- Эбер** (Hébert) Жак Рене (1755–1794), деятель французской революции – 208, 252
- Эберт** (Ebert) Фридрих (1871–1925), немецкий государственный деятель, президент Веймарской республики – 259
- Эверард** (Everard) Уильям, деятель Английской революции XVII в., бывший солдат, уволенный со службы и считавший себя пророком, автор манифеста «Знамя истинных левеллеров поднято», опубликованного в Лондоне в 1649 г. – 115
- Эдуард I** (Edward) (1239–1307), английский король с 1272 г. из династии Плантагенетов – 346
- Эдуард II** (Edward) (1284–1327), английский король с 1307 г. из династии Плантагенетов – 346
- Эдуард VI** (Edward) (1537–1553), английский король с 1547 г. из династии Тюдоров – 348
- Экклезиаст** (Екклесиаст), автор книги Ветхого Завета, о жизни которого ничего не известно; книга изображает человека, наслаждающегося жизнью, который в конце концов задумывается о смысле своего бытия – 27
- Экономист. 1922. № 1–5 – 110, 184, 188, 197, 200, 427, 466
- Экономическая жизнь – 110
- Экономическая жизнь. 1922. № 163 – 277
1922. № 208 – 242
1922. № 264 – 279
1923. № 172, 2 августа – 278
- Экономический вестник. Берлин. 1923. Кн. 1, 2 – 110, 222
- Экономический вестник. № 235 – 279
- Экономическое строительство. М., 1923. № 2 – 277
- Эллвуд** (Ellwood) Чарлз (1873–1946), американский социолог, профессор университета в Миссури, 14-й президент Американского социологического общества (1924) – 44, 56, 159, 175, 179, 438, 498, 518, 562, 568, 571

- Introduction to Social Psychology. 1917 [Введение в социальную психологию] — 39, 56, 179, 498
 Reconstruction of Religion. New York, 1922 [Реконструкция религии] — 159, 438
- Эней Сильвий** (Aeneas Sylvius) де Пикколомини (1405–1464), писатель-гуманист, автор многочисленных церковно-политических и географических трудов, с 1458 г. папа римский, взшедший на престол под именем Пия II; в своей книге «Historia Bohemiae» («История Богемии») с величайшей похвалой писал о героизме Яна Гуса — 133
- Энний Квинт** (239–169 до н.э.), выдающийся римский поэт архаического времени, автор «Анналов», «Сатир», басен и эпиграмм — 195
- Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. СПб., 1897. Т. 40. С. 628–629: *Покровский В. [И.]* Население — 190
- Эпаминонд** (IV в. до н.э.), беотийский государственный деятель и полководец — 454
- Эро де Сешель** Мари Жан (1759–1794), деятель Великой французской революции, депутат Законодательного собрания, член Конвента — 273
- Эрос** (Эрот), в греческой мифологии бог любви — 130
- Эспинас** (Espinas) Виктор Альфред (1844–1922), французский философ и социолог, сторонник эволюционной теории, автор книги «Социальная жизнь животных» (СПб., 1898) — 581
- Эттинген** (Oettingen) Александр (1827–1900), немецкий евангелистский теолог и статистик — 127, 129, 209, 210, 326, 501
 Die Moralstatistik. 1882 [Моральная статистика] — 127, 209, 210, 326, 501
- Эфиальт** (ок. 500–461 до н.э.), политический деятель Древних Афин — 207, 454
- Эхнатон**, древнеегипетский фараон, правивший ок. 1400 г. до н.э. — 335
- Эшли** (Ashly) Уильям Джеймс (1860–1927), английский историк и экономист — 347
- Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М., 1897 — 347
- Юстиниан** (Justinianus) (483–565), византийский император с 527 г. — 342
- Яблоновский** Александр Александрович (1870–1934), русский писатель, журналист и критик, с 1919 г. в эмиграции в Берлине, с декабря 1920 г. в Париже, председатель совета объединенного Зарубежного союза русских писателей и журналистов
- Яков II** (James) (1633–1701), английский король в 1685–1688 гг. из династии Стюартов, второй сын Карла I, брат Карла II; политика Якова II вызвала консолидацию оппозиционных сил, которые пригласили занять английский престол его зятя, штатгальтера Нидерландов, Вильгельма Оранского. После высадки в Англии Вильгельма Карл бежал за границу — 265
- Яковлев** (наст. фамилия Трифонов-Яковлев) Александр Степанович (1886–1953), советский писатель, автор повести «Повольники» (1922) о революции в Поволжье и других произведений — 124
- Ян из Садло** (Šádlo z Kostelce Jan) (ум. 1421), участник гуситского движения, примыкавший к его умеренному крылу — 207
- Aschaffenburg G.** Crime and its Repression. Boston, 1913 [Преступление и его подавление] — 327
- Bauer A.** Essai sur les Révolutions. Paris, 1908 [Эссе о революциях] — 28, 30
- Berman L.** — см. **Берман Л.**
- Boudin.** De l'accroissement de la taille et des conditions d'aptitude militaire [О факторе роста и условиях годности к военной службе] // Memoire de la Societe d'antropologie. 1 serie. Vol. II. 7 mai, 1863 — 209
- Calamy E.** — 261
- Chessa Fed.** La trasmissione ereditaria della professione. Torino, 1912 [Наследственная передача профессии] — 216
- Corne A.** Essai sur la criminalité // Journal des économistes. 1868, Janvier [Очерк о преступности] — 142
- Coville.** Les cabochiens et l'ordonnance de 1413. 1890 [Кабошьены и ордонанс 1413 года] — 354
- Curschmann F.** Hungersnöte in Mittelalter. Leipzig, 1900. Bd. II [Массовый голод в Средние века] — 343, 345
- Darwin L.** On the Statistical Inquiries Needed after the War in Connection with Eugenics [О необходимости проведения статистических исследований после войны в связи с евгеникой] // Journal of the Royal Statistical Society. 1916, March — 197
- D'Avenel G.** La fortune privée. 1895 [Личная судьба] — 353, 354, 356, 357, 358
- D'Avenel G.** Paysans et ouvriers. Paris, 1899 [Крестьяне и рабочие] — 354, 356, 357
- De Flax F.** — 185
- De la Mazelière A. R.** Japon. Histoire et civilization.

- Paris, 1907–1913. Vol. 1–6 [Япония. История и цивилизация] – 113
- De Leener.** La primauté de l'individu [Главенство индивида] // *Revue de l'Institut de Sociologie*. 1922 – 288, 405, 407
- Denis E.** – см. Дени Э.
- Denis H.** La mouvement de la population et ses conditions économique [Движение населения и его экономические условия] // *Memoire Courants, Belgium Royal Academy*. 1900. Vol. LIX – 364
- Diel** – 468
- Donger W. A.** Criminality and Economic Conditions [Преступность и экономические условия] – 327
- Doubleday** – см. Даблдей Т.
- Drumann** – см. Друманн К. В. А.
- Duryu V.** – см. Дюруи В.
- Fahlbeck P.** La noblesse de suéde [Шведское дворянство] // *Bulletin de l'Institut International de statistique*. 1912. T. XII, livre 1 – 403
La décadence et la chute des peuples [Упадок и вырождение народов] // *Bulletin de l'Institut International de statistique*. Vol. XV, livre 2 – 186, 206, 224
- Ferguson.** The Family Budgets and Dieteries of Forty Lab Class Families in War Time [Семейный бюджет и диета сорока рабочих семей] // *Proceedings of the Royal Society of Edinburgh*. Vol. XXXVII – 351
- Furlan.** La circulation des élites [Циркуляция элит] // *Revue internationale de sociologie*. 1911 – 403
- Galeot A.-L.** La psychologie révolutionnaire. Paris, 1923 [Психология революционера] – 174, 182
- Gini C.** – 581
- Gowin B.** Correlation between Reformativ Epochs and the Leadership of Young Men. 1909 [Соотношение между эпохами реформаций и лидерством молодежи] – 199
- Hake F. von.** Zusammenbruch und Aufstieg des Französischen Wirtschaftsleben 1789–1799. München. 1923 [Развал и восстановление народного хозяйства Франции в 1789–1799] – 268, 284
- Harrison** – см. Харрисон Т.
- Hartmann O.** Die Volkserhebung der Jahre 1848 und 1849 in Deutschland. Berlin, 1900 [Народное восстание в Германии в 1848–1849 гг.] – 366
- Hayes E. C.** – см. Хейс Э. К.
The Hunting of the Foxes [Охота на лисиц пятью гончими], памфлет времен Английской революции. Этот шуточный и в то же время трагический рассказ о поданной пятью солдатами просьбе и о понесенном ими наказании представляет собой манифест левеллеров, авторство которого приписывается Лильберну, Овертону или тем солдатам английской армии, от имени которых он написан – 261
- Hirschfeld O.** Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten, von Augustus bis auf Diocletian. Berlin, 1905 [Императорские государственные чиновники со времен Августа до Диоклетиана] – 468
- Johannsen** – см. Йохансен В. Л.
- Jordan D. S.** – см. Джордан Д. С.
- Juglar C.** – см. Жаглар К.
- Kahn O. H.** Reflexions of a financier. 1922 [Размышления финансиста] – 288
- Kaser K.** – см. Казер К.
- Kempf E.** – см. Кемпф Э. Д.
- Kolabinska M.** La circulation des élites en France depuis la fin XI siecle jusqu'a la Grande Revolution. Lausanne, 1912 [Циркуляция элит во Франции с конца XI века до Великой революции] – 225, 400
- Lasseur.** La perversion sadique. 1898 [Садистское извращение] – 131
- Lecour C. J.** – см. Лекур К. Ж.
- Malkolm J.** The History of Persia from the most early period to the present time. London, 1829. Vol. I, II [История Персии с самого раннего периода до настоящего времени] – 73, 113, 134
- Meyer M.** Psychology of the other one. 1921 [Психология одного из двух] – 39, 48
- Mombert P.** Zur Frage der Klassenbildung [К вопросу о формировании классов] // *Kölner Vierteljahrshefte für Sozialwissenschaften*. Heft 3 – 216
- Mülhall** – 427
- Murchison** – 580
- Musagawa** – 569
- Nicolai G. F.** – см. Николай Г. Ф.
- Niese B.** – см. Низе Б.
- Nunokawa** – 576
- O'Hara** – 569
- Parent-Duchatelet A.** De la prostitution dans la ville de Paris. 1857. Vol. I [Проституция в Париже] – 130
- Parker E. H.** – см. Паркер Э. Х.
- Parmelee M.** – см. Пармели М.
- Paton** – 562
- Patrick G. T. W.** – см. Патрик Дж. Т. У.
- Peall** – 581
- Petrucci R.** Les origines naturelles de la propriete. Es-

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- sai du sociologie comparée. Bruxelles; Leipzig, 1905 [Естественное происхождение собственности. Очерк сравнительной социологии] — 101
- Raudot C. M.** — см. **Родо К. М.**
- Richard G.** — см. **Ришар Г.**
- Richet Ch.** — 38
- Robotnik** (Рабочий). 1920, 29 октября — ежедневная газета, издававшаяся в Варшаве в 1906–1939 гг., орган Польской социалистической партии — 374
- Rosenblatt F.** — см. **Розенблатт Ф. Ф.**
- Saunders** — см. **Сондерс А. М. К.**
- Schallmayer W.** — см. **Шальмайер В.**
- Schmitz O.** Die Bewegung der Warenpreise in Deutschland von. 1851 bis 1902. Berlin, 1913 [Колесание цен на товары в Германии с 1851 по 1902 гг.] — 347, 353, 355, 358
- Schoenlanck B.** — см. **Шенланк Б.**
- Seeck O.** — см. **Зеек О.**
- Seedorf** — 583
- Sensini G.** — см. **Сенсини Г.**
- Slosson P. W.** The Decline of the Chartist Movement [Закат чартистского движения] // Columbia University Studies. New York, 1916. Vol. LXXIII. № 9 — 350
- Smith S., Guthrie E.** General Psychology in Terms of Behavior. Washington, 1921 [Общая психология в терминах поведения] — 48
- Sommerlad T.** — см. **Зоммерлад Т.**
- Squillace F.** — 573
- Starch D.** — см. **Старч Д.**
- Terneaux M.** — см. **Терно М.**
- Tilsday.** Die Entstehung und die okon. Grundsätzen Chartistenbewegung. 1889 [Истоки и экономические принципы чартистского движения] — 350
- Vacher.** La longévité dans les familles [Продолжительность жизни семей] // Bulletin de l'Institut International de statistique. Vol. IX, livre 2 — 403
- Wallas G.** — см. **Уоллес Г.**
- Waltzing J. P.** — см. **Вальсинг Ж. П.**
- Weiss A.** — см. **Вейсс А.**
- Weyl W.** The New Democracy [Новая демократия] — 322
- Wood F.** The increase in the Cost of food or different classes of society since the outbreak of War [Рост цен на продовольствие, или разные классы общества после начала войны] // Journal of the Royal Statistic Society. 1916, July — 350, 351
- Wood G. H.** Real Wages and the Standard of Comfort since 1850 [Реальная заработная плата и уровень жизни с 1850] // Journal of the Royal Statistic Society. 1909, March — 351

Составители — *В. В. Сапов* и *Б. Л. Рубанов*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ю.В. Яковец.</i> Анатомия и физиология революции: истоки интегрализма	5
<i>И. Ф. Курас, И. И. Лукинов, Т. И. Деревянкин.</i> Предисловие	8
СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ	
Предисловие к русскому изданию	25
Введение	26
Очерк первый. Изменение поведения людей в эпохи революций	37
§ 1. Общие положения, касающиеся механизма поведения людей.	37
§ 2. Общая характеристика деформации поведения во время революции	48
§ 3. Деформация «речевых» рефлексов	61
Египетская революция (1600–2000 гг. до Р.Х.)	63
Рим	63
Греция	64
Великая французская революция	67
Революция 1848 г. во Франции.	69
Германская революция 1848 г.	70
Французская революция 1871 г.	70
Русская революция 1905–1906 и 1917–1923 гг.	70
§ 4. Деформация реакций повиновения и властвования	74
Русская революция	77
Египетская революция.	82
Греческо-римские революции	83
Русская революция XVII в.	84
Средневековые революции	84
Английская революция XVII в.	85
Французская революция 1789 г.	85
Германская революция 1848 г.	87
Французская революция 1848 г.	87
Французская революция 1871 г.	88
§ 5. Деформация трудовых рефлексов	89
Русская революция 1917–1923 гг.	91

Египетская революция	95
Греческие революции VII–II вв. до Р. Х.	96
Рим	96
Английская революция XVII в.	97
Великая французская революция	98
Революция 1830 г. и восстания 1831–1834 гг.	98
Французская революция 1848 г.	98
Германская и Австрийская революции 1848 г.	99
Парижская революция 1871 г.	99
§ 6. Деформация рефлексов собственности.	101
Русская революция 1917–1923 гг.	105
Египетская революция	110
Греческие революции VII–II вв. до Р. Х.	111
Римские революции	111
Персидская революция	113
Гуситская революция в Чехии	113
Великая французская революция	116
Революции 1830 и 1848 гг. во Франции и 1848 г. – в Германии	117
§ 7. Деформация половых рефлексов.	118
Русская революция 1917–1923 гг.	120
Русская революция 1905–1906 гг.	126
Французская революция 1870–1871 гг.	127
Революция 1848 года	128
Великая французская революция	129
Русская революция XVII века	132
Римские революции	133
Греческие революции	134
§ 8. Деформация так называемых религиозных, морально-правовых, конвенциональных, эстетических и других форм социального поведения	135
Первая стадия революции	137
Второй период революции	161
§ 9. Деформация психики членов революционного общества	164
Очерк второй. Влияние революции на состав населения, его смертность, рождаемость и брачность	183
§ 1. Революция уменьшает население количественно	184
§ 2. Движение смертности, рождаемости и брачности во время революций	187
Русская революция	188
Революция 1870–1871 гг.	193

СОДЕРЖАНИЕ

Революция 1848–1849 гг.	193
Революция 1789 и следующих годов	194
Германская революция 1848–1849 гг.	194
Русская революция 1905–1906 гг.	194
Египетская революция.	195
§ 3. Революция как орудие «отрицательной селекции» и ухудшения биологически-расовых свойств народа	197
Русская революция	200
Английская революция XVII в.	208
Французская революция 1789 г.	208
Очерк третий. Изменение структуры социального агрегата в периоды революций	211
§ 1. Общие положения, касающиеся структуры социального агрегата.	211
§ 2. Деформация структуры агрегатов в периоды революции	213
§ 3. Изменение состава групп, скорость, массовость и характер циркуляции	214
Русская революция	216
Египетская революция.	222
Рим	223
Английская революция	225
Великая французская революция	226
§ 4. Изменение объемов социальных групп	227
Русская революция	228
Великая французская революция	233
Английская революция XVII в.	234
§ 5. «Диссоциация» ненормальных кумулятивных групп и образование новых	234
Английская революция XVII в.	237
Французская революция.	237
Русская революция 1905 г. и революция 1917 г.	238
§ 6. Изменение механизма отбора и размещения индивидов в агрегате	240
Парижская революция 1870–1871 гг.	245
Революция 1848 г. во Франции.	246
Германская революция 1848 г.	247
Великая французская революция	247
Английская революция	248
§ 7. Изменение поведения и психологии перемещенных лиц	253

Очерк четвертый. Изменения социальных процессов в периоды революций	263
§ 1. Изменения в области процессов управления	263
Английская революция	270
Чешская революция	272
Французская революция	273
Русская революция	273
§ 2. Изменения экономических процессов	275
Русская революция 1917–1922 гг.	276
Парижская революция 1870–1871 гг.	282
Революция 1848 г.	282
Германская революция 1848 г.	282
Французская революция 1789 г.	283
Англия в период революции	284
Французская революция конца XIV – начала XV вв.	285
Гуситская революция	285
§ 3. Изменения в духовной жизни общества	290
Очерк пятый. Иллюзии революции.	308
Великая французская революция	313
Революция 1848 года во Франции	315
Революция 1871 года	316
Гуситская революция	317
Очерк шестой. Причины революций	320
§ 1. Основные причины революций	320
§ 2. Почему ущемление рефлексов ведет к революциям	323
§ 3. Ущемление рефлексов питания и революция	324
Древний Восток	334
Греция	335
Рим	338
Византия	342
Средние века	343
Англия	346
Франция	353
Германия	364
Россия	366
§ 4. Ущемление других инстинктов и революция	375
§ 5. Иное доказательство того же	384
§ 6. Дезорганизация торможения, дегенерация власти и революция	394
§ 7. Общие причины наступления второй стадии революции, или контрреволюции.	408

СОДЕРЖАНИЕ

Примечания и дополнения (перевод с англ. В.В. Сапова)	413
К стр. 122: Разводы	413
К стр. 184: Уменьшение населения России за годы революции.	413
К стр. 193: Рождаемость, смертность и брачность.	415
К стр. 298: Просвещение и образование в России.	416

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I	419
П. Сорокин. О псевдореволюционерах, приемлющих революцию	419
П. Сорокин. То, что часто забывается...	423
Современное состояние России	446
1. Изменения в численности и составе населения	447
2. Изменения в структуре социального агрегата	459
3. Изменения в экономической области	475
4. Положение власти	481
5. Политическая жизнь и партийные группировки	489
6. Морально-правовые изменения.	495
7. Народное просвещение и наука.	505
8. Религиозная жизнь страны	518
9. Изменение народной психики и идеологии	524
Заключение.	534
Приложение II.	538
Материалы П. А. Сорокина в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины (г. Киев)	538
Письма П. А. Сорокина к Н. Е. Шаповалу (1922–1931)	546
I) 9 марта 1922 г.	546
II) 24 апреля 1922 г.	547
III) 16 июня 1922 г.	550
IV) 1922 г. 1 июля	551
V) [1922] 17 июля	553
VI) [Июнь 1924 г.]	554
VII) 2 авг[уста] 1924 г.	555
VIII) 18 окт[ября] 1924 г.	557
IX) 22 дек[абря] 1924 г.	559
X) 4 февр[аля] 1925 [г.]	561
XI) 20 февр[аля] 1925 [г.]	562
XII) [Конец февраля – начало марта 1925 г.]	562
XIII) 17 июня, 1925 [г.]	563

СОДЕРЖАНИЕ

XIV) 15 января 1926 [г.]	566
XV) 31 января [1926 г.]	567
XVI) 27 марта 1926 [г.]	568
XVII) 1 апреля [1926?]	571
XVIII) 30 ноября 1926 [г.]	572
XIX) 19 марта [1927] [г.]	573
XX) 15 апреля 1927 [г.]	574
XXI) [1927 г.]	574
XXII) 20 октября 1929 [г.]	574
XXIII) 28 ноября 1929 [г.]	577
XXIV) 5 мая 1930 [г.]	579
XXV) 23 ноября [1930 г.]	580
XXVI) 16 мая 1931 [г.]	581
Комментарии.	584
Указатель имен и цитируемой литературы	657

Сорокин П. А.
Социология революции

Оформление серии *В. Коршунов*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 19.11.2004.
Формат 70 × 100 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 56,8. Уч.-изд. л. 41,6. Тираж 1000 экз.
Заказ №

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации).